ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ АВГУСТЪ

День первый

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕСТНАГО и ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

Праздникъ изнесенія Честнаго Креста установленъ въ Греціи въ день перваго августа Константинопольскимъ Патріархомъ Лукою[1]) при царѣ Мануилѣ[2]), а въ Россіи—митрополитомъ Кіевскимъ Константиномъ[3]) и Несторомъ, епископомъ Ростовскимъ[4]), при Великомъ Князѣ Андреѣ Юрьевичѣ[5]). Причина его

---

1) *Лука Хрисовергъ* —Патріархъ Константинопольскій въ 1156—1169 гг.

2) *Мануилъ Комненъ* — Греческій императоръ въ 1143—1180 гг.

3) *Константинъ II-ой, митрополитъ Кіевскій,* прибылъ въ Кіевъ изъ Греціи въ 1167 г.; упоминается въ лѣтописи еще подъ 1169 г.

4) *Несторъ* —шестой епископъ Ростовской епархіи, упоминается лѣтописью подъ 1149 г.; въ 1156 г. Несторъ, оклеветанный предъ митрополитомъ своими домашними, подпалъ запрещенію; въ 1157 г. онъ оправдался предъ митрополитомъ, но въ томъ же году изъ-за споровъ о постѣ въ среду и пятокъ изгнанъ былъ съ каѳедры Андреемъ Боголюбскимъ

5) *Андрей Боголюбскій* — сынъ Великаго Князя Юрія Владиміровича и внукъ славнаго Владиміра Мономаха—родился вѣроятно въ 1111 г. По достиженіи совершеннолѣтія Андрей Боголюбскій получилъ «для кормленія» городъ Владиміръ на Клязьмѣ, и съ этого времени начинается его дѣятельность по устроенію обширнаго и почти незаселеннаго края Сѣверо-Восточной Руси, въ который начался притокъ поселенцевъ съ юга. Онъ принималъ участіе и въ ратныхъ предпріятіяхъ своего отца на Югѣ Россіи, оказывая мужество и храбрость, хотя, по выраженію лѣтописца, и «не величавъ былъ на ратный чинъ», но вообще онъ не любилъ Южной Руси и поэтому въ 1155 г. тайно ушелъ отъ отца, взявъ съ собою изъ Вышгорода (близъ Кіева), гдѣ жилъ, чудотворную икону Божіей Матери, ставшую впослѣдствіи славною святынею Сѣверной Руси. Лѣтописецъ такъ объясняетъ этотъ уходъ Андрея Боголюбскаго: «Князь... смущашеся о нестроеніи братіи своея, и бра-

установленія была слѣдующая. Царю Мануилу и князю Андрею, находившимся между собою въ мирѣ и братской любви, случилось въ одинъ и тотъ же день выйти на войну: первому—изъ Константинополя на Сарацинъ[1]), и второму—изъ Ростова на Болгаръ. (Великій Князь жилъ въ то время въ Ростовѣ: Болгарами же назывались язычники, обитавшіе на низовьяхъ Волги, отсюда они получили и свое наименованіе.) Господь Богъ даровалъ имъ полную побѣду надъ врагами: царь Греческій одолѣлъ Сарацинъ[2]),

танниковъ, и сродниковъ, и всего племени своего, яко всегда въ мятеніи и волненіи вси бяху и мнози кровн ліяше,—скорбяше о семъ... и восхотѣ ити на великокняженіе въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, спокойне есть». Когда Андрей Боголюбскій, покинувшій Югъ, «былъ уже на берегахъ Клязьмы,—говоритъ списатель его житія,—кони, везшіе чудотворную икону Богоматери, вдругъ остановились и не могли сдвинуть съ мѣста колесницы. Благовѣрный князь Андрей счелъ это за тайное извѣщеніе Божіе, совершилъ здѣсь молебствіе предъ чудотворной иконой и далъ обѣтъ соорудить тутъ церковь. Настала ночь, и князь рѣшилъ переночевать. Онъ долго молился—и вотъ во время сна явилась ему Пресвятая Дѣва съ хартіею въ рукѣ и сказала: «Не хочу, чтобы ты несъ образъ Мой въ Ростовъ. Поставь его во Владимірѣ, а на семъ мѣстѣ воздвигни церковь каменную во имя рождества Моего и устрой обитель инокамъ». Возставъ отъ сна, князь повелѣлъ написать икону Божіей Матери въ томъ видѣ, какъ Она явилась ему съ хартіею въ рукѣ. Впослѣдствіи онъ построилъ церковь и основалъ монастырь на мѣстѣ явленія, который доселѣ существуетъ и называется Боголюбскимъ... Андрей вскорѣ же построилъ тутъ и городъ и прозвалъ его какъ мѣсто избранное Самимъ Богомъ—Боголюбовымъ». Отсюда и наименованіе князя Андрея Боголюбскимъ. Въ 1157 г. умеръ отецъ Андрея Боголюбскаго, и онъ какъ «старѣйшій» сынъ былъ избранъ ростовцами и суздальцами и посаженъ на отеческомъ великокняжескомъ «столѣ» въ Ростовѣ; но Андрей не остался здѣсь и избралъ себѣ столицею любимый Владиміръ. Наступилъ расцвѣтъ его дѣятельности. Онъ принималъ и устроялъ переселенцевъ, оберегая ихъ отъ Моголовъ, Болгаръ и отъ раняѣйшихъ поселенцевъ, заботился объ объединеніи разноплеменнаго населенія Сѣверо-Восточной Руси и о просвѣщеніи ея свѣтомъ христіанства; строилъ города и храмы; съ особеннымъ великолѣпіемъ отстраивалъ онъ свою новую столицу—Владиміръ на Клязьмѣ. Во Владимірѣ онъ воздвигъ такой храмъ, «какихъ, по словамъ лѣтописца, никогда не бывало на Руси и никогда не будетъ». Эта созидательная дѣятельность дала Андрею Боголюбскому право заявить на собраніи князей и бояръ во Владимірѣ (въ 1162 г.): «Я Бѣлую Русь городами и селами застроилъ и многолюдную учинилъ». И современники дивились его дѣятельности: «Мужество и умъ въ немъ жили,—говоритъ современникъ-лѣтописецъ,—правда и истина въ немъ ходили; вторымъ мудрымъ Соломономъ былъ онъ». Св. Андрей Боголюбскій былъ убитъ 30 іюня 1175 г.—*Мѣстное* почитаніе его во Владимірѣ началось тотчасъ по его кончинѣ, но потомъ прекратилось и снова возобновилось въ 1702 г., когда были открыты его мощи.

[1]) *Сарацины*—мусульмане.

[2]) Ясныхъ указаній на праздникъ Всемилостивому Спасу и Преч. Богоматери, по случаю побѣды надъ Сарацинами царя Мануила, нѣтъ ни у греческихъ историковъ, ни въ богослужебныхъ греческихъ книгахъ. Но въ исторіи императора Мануила, ведшаго немало войнъ съ разными народами, находятся случаи, которые должны были возбуждать царя къ особенному благодаренію Бога за успѣшное окончаніе войны и избавленіе отъ опасностей. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе жестокая война у царя Мануила съ Турецкимъ султаномъ, яля Сарацинами. Самъ царь начальствовалъ надъ войскомъ, неодиократно подвергаясь чрезвычайнымъ опасностямъ. Правда, побѣда досталась врагу, но самое спасеніе царя поистинѣ было чудомъ милости Божіей. Это было въ

Происхожде́нїе ч҃тна́гѡ и҆ животворѧ́щагѡ
кр҃та̀ гд҃нѧ

а князь Андрей Боголюбскій побѣдилъ Болгаръ и покорилъ ихъ себѣ, обративъ въ своихъ данниковъ.—Когда Андрей шелъ на войну, то имѣлъ обычай брать съ собою икону Пресвятой Богородицы, держащей на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, Господа нашего Іисуса Христа, и изображеніе Честна́го Креста Христова, которые носили среди войска два іерея. Передъ самымъ выступленіемъ онъ возносилъ ко Христу и Богоматери усердныя слезныя молитвы и пріобщался Божественныхъ Таинъ Христовыхъ. Этимъ непобѣдимымъ оружіемъ онъ вооружался болѣе, нежели мечами и копьями, и на помощь Вышняго надѣялся болѣе, нежели на храбрость и численность своего войска, хорошо зная изреченіе Давида: **не въ си́лѣ ко́нстѣй восхо́щетъ, нижѐ въ лы́стѣхъ мꙋ́жескихъ бл҃говоли́тъ: бл҃говоли́тъ гдⷭ҇ь въ боѧ́щихсѧ є҆гѡ̀ и҆ во ᲂу҆пова́ющихъ на млⷭ҇ть є҆гѡ̀**[1]). Своихъ воиновъ князь также побуждалъ къ молитвамъ и примѣромъ собственныхъ благоговѣйныхъ молитвъ, и прямымъ повелѣніемъ; и всѣ, павши на колѣни, со слезами молились предъ иконою Пречистой Богородицы и Честны́мъ Крестомъ Христовымъ. Великій же Князь, взирая на икону, такъ говорилъ въ своей молитвѣ:

«О Владычице, родившая Христа Бога нашего! Всякій, надѣющійся на Тебя, не погибнетъ, и я, рабъ Твой, по милости Божіей, имѣю въ Тебѣ стѣну и покровъ и—Крестъ Сына Твоего—какъ оружіе обоюдоострое на враговъ. Умоли Спасителя міра, Котораго держишь на рукахъ Своихъ, чтобы сила крестная была, какъ огонь, попаляющій враговъ, хотящихъ вступить въ брань съ нами, и Твое всесильное предстательство да поможетъ намъ одолѣть ихъ».

Послѣ усердной молитвы всѣ лобызали святую икону и Честны́й Крестъ и безбоязненно шли на враговъ: Господь содѣйствовалъ имъ силою крестною, и Пречистая Богородица оказывала имъ помощь, ходатайствуя за нихъ предъ Богомъ. Постоянно

сентябрѣ, походъ же, конечно, начался ранѣе, въ августѣ. Послѣ этой войны у Грековъ были два удачныхъ сраженія съ Сарацинами, и одно изъ нихъ — подъ предводительствомъ самого царя. Эти событія въ соединеніи съ извѣстіемъ изъ Россіи о помощи Божіей въ войнѣ противъ Болгаръ и могли расположить царя Мануила къ установленію Спасу общаго христіанскаго праздника, начало которому уже было положено въ Царьградѣ освященіемъ воды 1 августа. Но службы Спасу въ греческихъ памятникахъ агіологіи не найдено доселѣ.

[1]) Пс. 146, 10—11. Не на силу коня Онъ смотритъ, не къ быстротѣ ногъ человѣческихъ благоволитъ. Благоволитъ Господь къ боящимся Его, къ уповающимъ на милость Его.

держась такого обычая предъ каждымъ сраженіемъ, Великій Князь не измѣнилъ ему и предъ битвою противъ Болгаръ: онъ вышелъ, имѣя, подобно царю Константину[1]) въ древнія времена, впереди войска Крестъ Господень. Выступивъ на поле, послѣ сраженія съ Болгарами русская рать обратила послѣднихъ въ бѣгство и, преслѣдуя ихъ, захватила пять городовъ; въ числѣ ихъ былъ и городъ Бряхимовъ на рѣкѣ Камѣ. Когда же возвратились послѣ битвы съ невѣрными въ свой станъ, то увидѣли, что отъ иконы Богоматери съ Младенцемъ Христомъ исходятъ свѣтлые, подобные огненнымъ, лучи, осіявающіе все войско; это было въ первый день августа мѣсяца. Дивное зрѣлище еще болѣе возбудило въ Великомъ Князѣ духъ мужества и надежды, и онъ снова обратилъ свои полки въ погоню за Болгарами; онъ сжегъ большинство городовъ ихъ, положивъ на уцѣлѣвшіе дань, и опустошилъ всю землю; послѣ этой побѣды Великій Князь возвратился съ торжествомъ домой.—Греческій царь Мануилъ, вышедшій со своимъ войскомъ противъ Сарацинъ, въ тотъ же именно день видѣлъ также подобное же чудо,—исхожденіе отъ находившейся вмѣстѣ съ Честнымъ Крестомъ среди войска иконы Пречистой Богородицы со Спасителемъ лучей, осѣняющихъ весь полкъ, и въ этотъ день онъ побѣдилъ Сарацинъ.

Царь и князь сообщили, воздавая славу Богу, особыми посланіями другъ другу объ одержанныхъ съ помощію Божіею побѣдахъ и о чудесномъ сіяніи, исходившемъ отъ иконы Спасителя. По совѣщаніи со старѣйшими епископами, въ знакъ благодаренія Христу Спасителю и Его Пречистой Матери они установили праздникъ въ первый день августа. Въ воспоминаніе же силы крестной, вооружившись которой они побѣдили враговъ, повелѣли износить священнику изъ алтаря Честный Крестъ и полагать его среди церкви для поклоненія и лобызанія его христіанами и для прославленія распятаго на крестѣ Господа Іисуса Христа. Кромѣ того, епископы повелѣли совершать въ этотъ день освященіе воды, отчего и праздникъ получилъ свое названіе — изнесенія Честнаго Креста, потому что Честный Крестъ торжественно вмѣстѣ съ другими святыми иконами выносится на рѣки, колодези и источники.—Празднуемъ, братіе, воздавая хвалу и благодареніе Всесильному Богу и Спасу нашему Іисусу Христу и Пречистой

---

[1]) *Св. Константинъ равноапостольный* — память его 21 мая.

Его Матери, Владычицѣ Богородицѣ, благоговѣйно почитая и Честный Крестъ Христовъ; но празднуемъ съ благоговѣніемъ, благоугождая Богу, пребывая между собою въ мирѣ и любви, оказывая дѣла благотворенія и удаляясь, памятуя страхъ Божій, отъ грѣховъ, чтобы, угодивши Создателю нашему и Владыкѣ, удостоились вѣчнаго празднованія со всѣми святыми послѣ того дня, когда явится знаменіе Сына Человѣческаго на Небеси[1])—Честный Крестъ Христовъ, предъидущій Пришествію Судіи живыхъ и мертвыхъ, грядущему съ силою и славою многою, и осіяетъ всѣхъ праведныхъ свѣтлыми и радостными лучами. По совершеніи же суда, предъидетъ всѣмъ святымъ, предводя ихъ въ Царство Небесное, и будутъ блаженствовать всѣ святые, радуясь безконечные вѣки; къ нимъ, по молитвамъ Пречистыя Владычицы нашей Богородицы, да причтетъ и насъ грѣшныхъ Всемилостивый Спасъ нашъ Христосъ[2]). Аминь.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. **21**, ст. 30.

[2]) Становясь на строго опредѣленную историческую почву, должно замѣтить, что перваго августа Православною Церковію совершаются два торжества, различныхъ по своему происхожденію: 1) *происхожденіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня* и 2) *празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ*. Въ греческомъ часословѣ, изд. 1897 г., такъ объясняется происхожденіе *перваго* праздника: «по причинѣ болѣзней, весьма часто бывавшихъ въ августѣ, издревле утвердился въ Константинополѣ обычай износить Честное древо Креста на дороги и улицы для освященія мѣстъ и въ отвращеніе болѣзней. Наканунѣ (31 іюля), износя его изъ царской сокровищницы, полагали на святой трапезѣ Великой церкви (т. е. Св. Софіи). Съ настоящаго дня и далѣе—до Успенія Богородицы, творя литіи по всему городу, предлагали его потомъ народу для поклоненія. Это и есть предъисхожденіе (πρόοδος) Честнаго Креста». 14 августа Крестъ снова возвращался въ царскія палаты. «Этотъ обычай въ соединеніи съ другимъ обычаемъ Константинополя—освящать въ придворной Константинопольской церкви воду перваго числа каждаго мѣсяца (исключая январь, когда освященіе совершается 6 числа, и сентябрь, когда оно совершалось 14) и послужилъ основаніемъ праздника въ честь Св. и Животворящаго Креста и торжественнаго освященія воды на источникахъ, которое совершается 1 августа». Уже въ IX вѣкѣ существовалъ этотъ обычай изношенія Честнаго древа изъ царскихъ палатъ въ церковь Св. Софіи предъ 1 августа; канонъ же на предпразднество Креста 31 іюля, написанный для настоящаго случая (канонъ начинается словами: Крестъ *предгрядый* божественный) приписывается Георгію, еп. Амастридскому, жившему въ VIII вѣкѣ и дважды бывшему въ Царьградѣ. Въ Обрядникѣ императора Константина Порфиророднаго (912—959 гг.) находятся подробныя правила, когда выносить Крестъ изъ палаты предъ 1 августа, смотря по тому, на какой день недѣли падаетъ это число. Въ Россіи до конца XIV и начала XV вв., когда господствовалъ Студійскій уставъ, ни 31 іюля, ни 1 августа не было никакой службы Кресту, которая появляется въ XIV—XV вв. съ введеніемъ Іерусалимскаго устава. *Празднество Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородицѣ* установлено въ Греціи и Россіи около 1168 г. въ память знаменій отъ честныхъ иконъ Спасителя и Богоматери во время сраженій Греческаго царя Мануила (1143—1180 гг. съ Сарацинами) и князя Русскаго Андрея Боголюбскаго съ Болгарами въ 1164 г.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Спасѝ, гдⷭ҇и, лю́ди твоѧ̀, и҆ бл҃гословѝ достоѧ́нїе твоѐ, побѣ́ды правосла́вным христиа́номъ на сопроти́вныѧ да́рꙋѧ и҆ твоѐ сохраняѧ крⷭ҇то́мъ твои́мъ жи́тельство.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Вознесы́йсѧ на крⷭ҇тъ во́лею, тезоимени́томꙋ твоемꙋ́ но́вомꙋ жи́тельствꙋ щедрѡ́ты твоѧ̀ да́рꙋй, хрⷭ҇тѐ бж҃е, возвесели́ си́лою твоѐю православныѧ христианы даѧ̀ имъ на сопоста́ты, посо́бїе и҆мꙋ́щꙋ твоѐ ѡ҆рꙋ́жїе ми́ра, непобѣди́мꙋю побѣ́дꙋ.

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Съ вы́шнихъ призира́ѧй, ᲂу҆бѡ́гїѧ прїе́млѧй, посѣтѝ на́съ ѡ҆зло́бленныѧ грѣ́хѝ, вл҃ко всемл҃тиве. мл҃твами бцⷭ҇ы да́рꙋй дꙋша́мъ на́шымъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Всѧ́кїѧ скве́рны, всемл҃тивый сп҃се, а҆́зъ бы́хъ дѣ́латель, и҆ во ѡ҆чаѧ́нїѧ ро́въ впа́дсѧ, но стенѝю ѿ се́рдца, и҆ вопїю̀ къ тебѣ̀, сло́ве: ᲂу҆скорѝ ще́дрый, и҆ потщи́сѧ на по́мощь на́шꙋ, ꙗ҆́кѡ мл҃тивъ.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЕЛЕАЗАРА священника,

семи братьевъ МАККАВЕЕВЪ, матери ихъ СОЛОМОНІИ

и иныхъ съ ними

Прежде чѣмъ начать повѣствованіе о страданіяхъ святыхъ мучениковъ, имена которыхъ здѣсь, на землѣ, записаны въ «Книгахъ Маккавейскихъ», а на Небѣ—въ книгахъ жизни вѣчной, умѣстно, въ видѣ краткаго предисловія, предварительно со-

общить о бывшихъ въ тѣ года смутахъ въ Іерусалимѣ[1]) и о гоненіяхъ на благочестивыхъ іудеевъ, соблюдавшихъ Законъ Божій; тѣ и другія сначала возбудили сами лживые законоучители и властолюбивые первосвященники іерусалимскіе. Когда же, по попущенію разгнѣваннаго Господа, іудеи подпали подъ власть языческихъ народовъ, то эти смуты и гоненія усилились до такой степени, что Святый Градъ исполнился крови и святыня Божія—мерзости.

Первое великое и страшное разрушеніе Іерусалима, произведенное Вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ, было во дни царя Іудейскаго Седекіи, о чемъ сообщается въ житіи святаго Пророка Іереміи[2]) и въ житіи святаго Пророка Іезекіиля[3]). Спустя семьдесятъ лѣтъ послѣ этого разоренія, іудеи, по милосердію Божію, избавились отъ плѣна и возвратились въ Іерусалимъ; во Святомъ Градѣ снова возникли прекрасныя зданія, и вновь построенный храмъ Божій, подобно первому, былъ благолѣпно украшенъ; эта исторія возвращенія изъ плѣна, обновленія Іерусалима и храма подробно излагается въ книгахъ Ездры и Нееміи. Число людей Божіихъ быстро увеличивалось; они скоро разселились по Палестинѣ въ томъ же порядкѣ и почти въ томъ же количествѣ, какъ и прежде; Святый Градъ, вѣрный Закону Божію, долгое время процвѣталъ въ благочестіи, наслаждаясь спокойствіемъ подъ управленіемъ своихъ первосвященниковъ-князей. Онъ пользовался славою и уваженіемъ ото всѣхъ, хотя и находился подъ властію языческихъ царей. Многіе языческіе цари и князья, будучи идолопоклонниками, чтили, однако, Бога Израилева и посылали въ Іерусалимъ храму Господню дары[4]); они съ особеннымъ уваженіемъ относились и къ первосвященникамъ; напримѣръ, Александръ, царь Македонскій, увидѣвъ вышедшаго ему навстрѣчу первосвященника Адду, поклонился ему до земли; войдя же въ Іерусалимъ и храмъ Божій, онъ принесъ дары и жертвы Господу Саваоѳу. Подобнымъ образомъ поступали и другіе языческіе цари.

---

[1]) *Іерусалимъ* —главный городъ древней Палестины, нынѣ областной гор. Дамасскаго вилайета (генералъ-губернаторства) въ Сиріи (въ Турецкой имперіи) у ручья Кедрона на склонахъ трехъ отроговъ іудейскихъ горъ—Акра, Сіонъ и Моріа. Іерусалимъ дорогъ каждому христіанину какъ центръ историческихъ событій Ветхозавѣтной и Новозавѣтной исторіи, какъ матерь церквей христіанскихъ, откуда Слово Благовѣстія происеслось по всей Вселенной.

[2]) 1 мая.

[3]) 21 іюля.

[4]) 2 Кн. Маккав., гл. 3, ст. 2.

Царь египетскій Птоломей Филадельфъ послалъ множество даровъ въ Іерусалимъ храму Господню и написалъ первосвященнику Елеазару, прося его прислать книги Святаго Писанія и свѣдущихъ мужей, которые бы могли ихъ перевести съ еврейскаго языка на греческій; преемникъ Птоломея Филадельфа Птоломей Филопаторъ, побѣдивъ Сирійскаго царя Антіоха Великаго, пришелъ въ Іудею и въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Господнемъ, принесъ благодарственную жертву Единому Истинному Богу. Также и Антіохъ Великій, побѣдивъ въ свою очередь Египтянъ, пришелъ въ Іерусалимъ, чтобы поклониться Истинному Богу: во святомъ храмѣ онъ принесъ множество жертвъ съ благодарственными молитвами и щедро одарилъ первосвященника и другихъ начальниковъ іудейскихъ. Въ такомъ уваженіи находился Іерусалимъ и храмъ Божій у язычниковъ; объ этомъ упоминаетъ и Святое Писаніе, когда говоритъ, что сами цари почитали мѣсто и прославляли церковь великими дарами[1]). Подобное отношеніе со стороны язычниковъ къ Іерусалиму продолжалось до тѣхъ поръ, пока начальники его, пребывая въ страхѣ Божіемъ, соблюдали Законъ Господень, ведя богоугодную жизнь; когда же они забыли Законъ Божій, то на нихъ, какъ и прежде, обрушились многочисленныя бѣдствія. Началомъ ихъ послужило слѣдующее обстоятельство.

Во дни праведнаго первосвященника Симона, восхваляемаго въ книгѣ Іисуса, сына Сирахова[2]), когда въ Азіи и Сиріи царствовалъ Селевкъ, сынъ Антіоха Великаго, былъ въ Іерусалимѣ нѣкоторый мужъ по имени Симонъ, происходившій изъ колѣна Веніаминова; ему поручено было завѣдываніе сокровищами храма, управленіе слугами церковными и начальство надъ воинами, составлявшими церковную стражу. Изъ гордости и ненависти онъ всегда оказывалъ сопротивленіе первосвященнику и производилъ смуты въ народѣ; не вынося угрозъ и увѣщаній, которыя первосвященникъ часто бывалъ вынужденъ ему дѣлать, Симонъ задумалъ учинить зло не только послѣднему, но и всей церкви. Съ этою цѣлію онъ пошелъ къ военачальнику Сиріи и Финикіи Аполлонію и сообщилъ ему о сокровищахъ церковныхъ: Симонъ сказалъ, что въ хранилищахъ при храмѣ находятся безчисленныя богатства, гдѣ вмѣстѣ съ сокровищами церковными хранятся безмѣрныя сокровища, принадлежащія всему народу, при этомъ онъ добавилъ,

---

[1]) Сравн.: 2 Кн. Маккав., гл. 3, ст. 2.

[2]) Гл. 50, ст. 1.

СТ҃І́И МЧ҃ИЦЫ МАККАВЕ́И

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

что всѣ эти богатства могутъ перейти въ руки царя[1]). Аполлоній передалъ сообщеніе Симона царю, отличавшемуся своимъ корыстолюбіемъ. Послѣдній тотчасъ же послалъ въ Іерусалимъ съ войскомъ хранителя царскихъ сокровищъ Иліодора, чтобы вывезти упомянутыя сокровища въ царское хранилище. Когда Иліодоръ, по прибытіи въ Іерусалимъ, началъ отбирать церковныя богатства и грабить деньги, собранныя и хранимыя для пропитанія нищихъ и странниковъ, вдовъ и сиротъ, то его, какъ подробно сообщаетъ это 3 глава 2 книги Маккавейской, постигло наказаніе Божіе: онъ подвергся такому жестокому бичеванію со стороны Ангеловъ, что чуть не умеръ, и, поэтому, принужденъ былъ возвратиться къ царю, не исполнивъ его приказанія. Вскорѣ послѣ этого царь Селевкъ былъ убитъ своими приближенными. Ему наслѣдовалъ его родной братъ Антіохъ, прозванный Епифаномъ, то есть свѣтлымъ; онъ отличался еще бо́льшею испорченностію, чѣмъ его предшественникъ. Нѣкоторые чаще называли Антіоха Епиминомъ, то есть безумнымъ: онъ безумно возсталъ на Истиннаго Бога и на храмъ Его, являя собою образъ будущаго антихриста[2]). Въ

---

[1]) 2 Кн. Маккав., гл. 3, ст. 5—6.

[2]) *Антіохъ IV Епифанъ* царь Сирійскій въ 176—164 гг. до Р. Хр., захватившій престолъ послѣ смерти своего брата, отличался непомѣрной гордостью (2 Кн. Макк., 5, 21; 9, 8); онъ называлъ себя Богомъ и принялъ прозваніе Олимпійскаго Зевса; онъ повелѣлъ, чтобы всѣ его подданные поклонялись одному только богу—Олимпійскому Зевсу, съ которымъ онъ отождествлялъ себя; т. е. Антіохъ въ дѣйствительности приказалъ поклоняться себѣ какъ Богу (2 Кн. Макк., 6, 7). Среди Іудеевъ находились люди, склонные къ язычеству въ греческой формѣ; они представляли изъ себя особую партію въ Іерусалимѣ, которая находила поддержку у Антіоха (1 Кн. Макк., 1, 11—15). Въ 175 г. благочестиваго первосвященника Онію низвергнулъ братъ его Іисусъ, перемѣнившій свое имя на греческое Іасонъ, купившій у Антіоха санъ первосвященника и получившій позволеніе ввести греческія игры, что еще болѣе увеличило число измѣнниковъ истинной вѣры. Спустя три года, Іасона низвергнулъ Менелай, предложившій большую цѣну за должность первосвященника, которую онъ удерживалъ самыми низкими способами: такъ, Менелай убилъ Онію (2 Кн. Макк., 4, 23—50). Антіохъ предпринялъ походъ на Египетъ и уже разсчитывалъ всецѣло покорить его, но былъ остановленъ слухами о нападеніи Римлянъ (въ 168 г.). Между первымъ и вторымъ походами на Египетъ Антіохъ ограбилъ храмъ Іерусалимскій (1 Кн. Макк., 1, 21), а при окончательномъ возвращеніи изъ Египта онъ приказалъ отмѣнить поклоненіе Іеговѣ, обрѣзаніе, почитаніе субботы и различіе между чистымъ и нечистымъ; священныя книги онъ велѣлъ сжечь; велѣлъ воздвигнуть алтари, на которыхъ, подъ угрозой смерти, всякій долженъ былъ приносить жертвы Олимпійскому Зевсу (1 Кн. Макк., 1, 41; 2 Кн. Макк., 5, 24); 15 Киселева въ 168 г. въ храмѣ былъ поставленъ жертвенникъ Олимпійскому Зевсу (2 Кн. Макк., 6, 2; 1 Кн. Макк., 1, 54) и 25 Киселева совершено было первое жертвоприношеніе, на горѣ Гаризимъ установлено было поклоненіе Зевсу Ксенію (2 Кн. Макк., 6, 2). Но многіе оставались преданными своей вѣрѣ, не взирая на ужасныя пытки (1 Кн. Макк., 1, 52, 64; 2 Кн. Макк., 6, 7). Во главѣ вѣрныхъ сталъ священникъ Маттаѳія. Въ Модинѣ, близъ Іоппіи, онъ убилъ сирійскаго начальника предъ языческимъ жертвенникомъ, и началось вооруженное возстаніе Іудеевъ. Антіохъ рѣшилъ подавить его военною силою; нужда въ деньгахъ заставила его раздѣлить

Іерусалимѣ возникли большія смуты. Братъ первосвященника Оніи, Іасонъ, желая получить священноначаліе, пошелъ къ царю и купилъ у него санъ первосвященника за большое количество денегъ. Желая угодить царю, этотъ недостойный властолюбецъ выразилъ предъ нимъ свою любовь къ эллинскимъ[1]) гражданскимъ законамъ, нравамъ и обычаямъ и обѣщался вводить ихъ среди Евреевъ: получивъ за свои деньги и обѣщанія власть первосвященника, Іасонъ лишилъ ея своего брата, святаго Онію, и началъ на мѣсто существовавшихъ у Евреевъ добрыхъ гражданскихъ законовъ вводить языческія беззаконія. При подошвѣ горы Сіона онъ устроилъ мѣста для зрѣлищъ, училища, въ которыхъ проходились греческія философскія ученія, устроилъ и палестры для игръ юношей; Іасонъ завелъ даже, вопреки прямому запрещенію Закона, во Святомъ Градѣ блудилищные дома, гдѣ безнаказанно совершалось прелюбодѣяніе; эти непотребные дома посѣщались главнымъ образомъ юношами, обучавшимися эллинскимъ искусствамъ. Введя нечестіе эллинское въ Іерусалимѣ, Іасонъ многихъ отвратилъ отъ истиннаго Богопочтенія, такъ что даже священники оставляли храмъ Божій для зрѣлищъ, бѣговъ, борьбы и другихъ игрищъ и безчиній языческихъ[2]); еще болѣе ими увлекались люди юные и не твердые въ Законѣ: они восхваляли еллинскіе законы и обычаи и, забывая Законъ Божій, легко склонялись къ нечестію. Люди же твердые въ законѣ и истинно-благочестивые, видя совершающіяся въ Іерусалимѣ беззаконія, не могли не воздыхать о разореніи завѣта Господня и объ оскверненіи Святаго Града; они оплакивали и своихъ единоплеменниковъ, идущихъ по слѣдамъ слѣпаго вождя—Іасона, который изъ любоначалія оставилъ Бога и Его Законъ, продалъ отеческое благовѣріе и ввелъ въ среду народа Божія столько поводовъ къ соблазну и паденію.

свое войско на двѣ части; съ одною половиною онъ отправился самъ въ восточныя провинціи для сбора подати (2 Кн. Макк., 8, 10; 1 Кн. Макк., 3, 34), а другую часть отдалъ подъ начальство Лисанія, который былъ наголову разбитъ Іудой Маккавеемъ, а Іудеи овладѣли храмомъ. 25 Киселева 165 г., черезъ три года послѣ совершенія перваго языческаго жертвоприношенія, храмъ съ большою торжественностью былъ очищенъ и освященъ, при чемъ было постановлено ежегодно совершать празднество въ воспоминаніе славнаго дня (1 Кн. Макк., 4, 59), получившаго названіе «Праздникъ Обновленія» (Іоан., 10, 22). Между тѣмъ Антіохъ имѣлъ мало успѣха на Востокѣ; онъ пытался, было, ограбить богатый храмъ Нанеи въ Елимаидѣ, но былъ прогнанъ жителями и умеръ въ 164 г. въ Табѣ вслѣдъ за полученіемъ непріятныхъ извѣстій изъ Іудеи (1 Кн. Макк., 6, 4). Въ В. З. Антіохъ изображается противникомъ Господа, Его народа и Завѣта (1 Кн. Макк., 1, 10), въ Новомъ—какъ прообразъ антихриста (Апок., 13, 5).

1) *Эллинскій*—греческій.

2) 2 Кн. Маккав., гл. 4, ст. 7—14.

Іасонъ пользовался своею, незаконно пріобрѣтенною, властью три года, послѣ чего былъ изгнанъ другимъ, подобнымъ ему всластолюбцемъ и приверженцемъ эллинскаго нечестія — Менелаемъ. Такимъ образомъ, Іасонъ самъ долженъ былъ претерпѣть то, что ранѣе причинилъ брату своему праведному Оніи. Менелай далъ царю бо́льшее количество денегъ и за это получилъ власть первосвященника; изгнавъ Іасона, онъ добился у нечестиваго вельможи царскаго насильственной смерти и прежде бывшему первосвященнику, праведному Оніи. Однако и Менелай недолго пробылъ первосвященникомъ: власть первосвященника у него отнялъ братъ его Лисимахъ, давшій царю еще болѣе денегъ; Менелай, подобно Іасону, также подвергся изгнанію. Лисимахъ былъ убитъ народомъ за воровство церковныхъ сосудовъ и денегъ. Менелай, желая отомстить за смерть своего брата, купилъ у царя право наказать іерусалимлянъ смертью и многихъ изъ нихъ, совершенно невинныхъ, лишилъ жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова получилъ у царя власть первосвященника[1]). Подобныя нестроенія и смуты въ Іерусалимѣ, возрастаніе съ каждымъ днемъ языческаго нечестія и открытое совершеніе беззаконій прогнѣвали Господа, и приблизился Его праведный, воздающій по дѣламъ судъ. Явилось дивное знаменіе, предвозвѣщавшее грядущій на городъ гнѣвъ Божій: въ воздухѣ видѣли полки воиновъ: облеченные въ золотыя одежды и со шлемами на головахъ, воины, сидя на коняхъ, вступали между собою въ битву, держа въ рукахъ обнаженные мечи и копья; одни изъ нихъ посѣкали другъ друга мечами, другіе поднимали вверхъ копья и щиты, третьи пускали другъ въ друга стрѣлы,— словомъ, дѣлали все, обычно совершающееся во время сраженій; отъ броней и оружія воиновъ исходилъ огненный блескъ[2]). Это страшное, наводящее ужасъ видѣніе продолжалось до сорока дней. Жители Іерусалима пребывали въ великомъ страхѣ и недоумѣніи; каждый изъ нихъ невольно спрашивалъ самъ себя: что же это хочетъ быть? Въ это время въ Іерусалимъ пришло ложное извѣстіе, что будто бы царь умеръ въ битвѣ съ Египтянами: онъ дѣйствительно ушелъ тогда на войну въ Египетъ. Наиболѣе благочестивые изъ іерусалимлянъ радовались, торжествовали и веселились, полагая, что злой и нечестивый царь на самомъ дѣлѣ погибъ. Когда же стало извѣстно, что послѣдній не умеръ, но

[1]) 2 Кн. Маккав., гл. 4, ст. 23—50.

[2]) 2 Кн. Маккав., гл. 5, ст. 2—3.

живъ и возвращается изъ Египта въ Сирію, то они рѣшили болѣе не подчиняться ему и не платить дани; поэтому они приготовились для борьбы съ нимъ. Узнавъ объ этомъ, царь пришелъ въ сильнѣйшую ярость и пошелъ съ войскомъ къ Іерусалиму; іерусалимляне закрыли передъ нимъ ворота, но не могли оказать ему достаточно сильнаго сопротивленія, потому что среди самихъ осажденныхъ возникли разногласія: уклонившіеся въ эллинское нечестіе, среди нихъ особено лжепервосвященникъ Менелай, питали къ царю расположеніе. Взявъ съ помощію своего войска городъ, царь велѣлъ безъ пощады избивать не только всѣхъ встрѣчающихся на улицахъ, но и входить въ домы для убійства мужей, женъ, старцевъ, юношей и младенцевъ. Въ три дня число убитыхъ достигло восьмидесяти тысячъ; связанныхъ и брошенныхъ въ темницы было сорокъ тысячъ; почти столько же роздано воинамъ въ качествѣ плѣнныхъ. Въ гордости своей царь, подъ предводительствомъ предателя отечества и закона Менелая, осмѣлился войти въ храмъ Божій; здѣсь онъ взялъ золотой олтарь, золотой свѣтильникъ, золотыя кадильницы и всѣ драгоцѣнные сосуды, пожертвованные царями для украшенія храма. Онъ захватилъ также завѣсу, вѣнцы и другія золотыя украшенія и, найденное имъ, скрытое золото и серебро. Опустошивъ и осквернивъ храмъ Божій, разоривъ городъ и наполнивъ его кровью и рыданіями, царь возвратился въ Антіохію, а въ Іерусалимѣ и по всей Іудеѣ Антіохъ оставилъ для пытокъ надъ Израильтянами еще болѣе, чѣмъ самъ онъ, жестокихъ мучителей[1]).

По истеченіи нѣкотораго времени, Антіохъ разослалъ по всему царству указъ, чтобы всѣ его подданные безъ различія племени исповѣдывали вмѣстѣ съ нимъ однихъ и тѣхъ же греческихъ боговъ и держались однихъ и тѣхъ же греческихъ законовъ. Не только всѣ язычники согласились исполнить этотъ указъ, но даже и изъ Іудеевъ многіе ему повиновались: они принесли жертвы идоламъ и осквернили субботу. Спустя немного дней послѣ изданія указа царь послалъ изъ Антіохіи въ Іерусалимъ одного изъ своихъ совѣтниковъ—старца, родомъ аѳинянина, съ порученіемъ принудить всѣхъ Евреевъ отречься отъ отеческихъ законовъ, поклониться идоламъ и вкусить отъ идоложертвеннаго мяса; онъ далъ особое повелѣніе заставлять Евреевъ ѣсть свиное мясо, за-

[1]) 2 Кн. Маккав., гл. 5, ст. 5—22.

прещенное Закономъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Антіохъ приказалъ храмъ Господень превратить въ идольское капище: поставить въ немъ идолъ Юпитера и назвать его храмомъ Юпитера Олимпійскаго. Посланный царемъ старецъ въ сопровожденіи войска пришелъ въ Іерусалимъ и приступилъ къ исполненію повелѣнія царева: онъ осквернилъ храмъ Господень, поставивъ въ немъ идоловъ, которымъ приносилъ мерзкія жертвы, понуждая къ тому же и людей Божіихъ. Многіе изъ Евреевъ, не имѣвшіе твердости душевной, поспѣшили принести жертвы идоламъ; тѣ же изъ нихъ, которые отличались твердостію въ вѣрѣ, бѣжали въ горы и пустыни и здѣсь, спасаясь отъ мукъ и охраняя себя отъ сквернъ языческаго служенія, скрывались въ пещерахъ и пропастяхъ. Оставшіеся же въ городѣ были схвачены и съ горестію въ душѣ принуждены были, повинуясь насилію, идти въ день рожденія царя и другіе языческіе праздники для принесенія жертвъ идоламъ; не хотѣвшіе дѣлать этого подвергались мученіямъ[1]). Всѣ жители Іерусалима были объяты великимъ страхомъ, такъ что никто не осмѣливался открыто назваться іудеемъ, праздновать день субботній, обрѣзать своихъ дѣтей, вообще исполнять предписанія Закона Моисеева: у всѣхъ предъ глазами стояли будущія муки и смерть. Въ это время присланному царемъ мучителю было донесено, что двѣ женщины іудеянки обрѣзали по своему Закону рожденныхъ ими младенцевъ. Тогда мучитель велѣлъ схватить этихъ женщинъ и водить ихъ для поруганія по городу, привѣсивъ за шею младенцевъ къ сосцамъ; потомъ ихъ сбросили съ городской стѣны внизъ головою: такимъ образомъ матери съ младенцами пріяли мученическую кончину. Узнавъ также о нѣкоторыхъ іудеяхъ, что они собираются въ ближайшія къ городу пещеры для празднованія субботы, мучитель приказалъ всѣхъ ихъ сжечь огнемъ[2]).

Послѣ этого былъ схваченъ одинъ изъ первыхъ книжниковъ — священникъ по имени Елеазаръ, человѣкъ уже престарѣлый, украшенный сѣдинами, весьма благообразный видомъ, славный своею мудростію и благочестіемъ. Его всѣ знали какъ одного изъ самыхъ первыхъ законоучителей въ Іерусалимѣ; онъ былъ однимъ изъ семидесяти двухъ толковниковъ, переведшихъ Святое Писаніе съ еврейскаго языка на греческій царю Египетскому Птоломею Филадельфу. О страданіяхъ этого честнáго отца въ Святомъ Пи-

---

1) 2 Кн. Маккав., гл. 6, ст. 1—9.

2) 2 Кн. Маккав., гл. 6, ст. 10—11.

саніи повѣствуется слѣдующее. Когда Елеазара привели къ мучителю и, заставляя ѣсть, начали насильно влагать ему въ уста свиное мясо, то онъ согласился лучше умереть славною мученическою смертію за Законъ Божій, нежели сохранить чрезъ его нарушеніе безчестную и прогнѣвляющую Бога жизнь. Такимъ образомъ Елеазаръ по собственной волѣ пошелъ на муки; дорогой онъ отплевывался, потому что принужденъ былъ устами коснуться нечистаго мяса: онъ подавалъ примѣръ другимъ богобоязненнымъ іудеямъ, которымъ также угрожала смерть за соблюденіе Закона Божія, самымъ дѣломъ научая ихъ, что не дòлжно совершать грѣха ради сохраненія земной жизни, не дòлжно изъ привязанности къ ней нарушеніемъ Закона прогнѣвлять Бога. Нѣкоторые изъ язычниковъ, давно знавшіе Елеазара, жалѣя его, принесли ему тайно вмѣсто свиного другое, не запрещенное Закономъ мясо, и говорили на ухо:

— Возьми это и ѣшь предъ всѣми вмѣсто свиного; всѣ, видя, что ты ѣшь мясо, сочтутъ его за свиное, которое приказываетъ ѣсть царь, и ты, такимъ образомъ, избѣгнешь мукъ и смерти.

Но благоразумный и благочестивый старецъ, не задумываясь, отвѣчалъ имъ:

— Я скорѣе соглашусь пойти въ адъ, нежели прогнѣвать Господа моего нарушеніемъ Его Святаго Закона, и не дòлжно мнѣ, достигшему столь преклонныхъ лѣтъ, лицемѣрить на соблазнъ многихъ юныхъ: когда они увидятъ, что я дѣлаю то, что вы мнѣ совѣтуете, то скажутъ: «Вотъ, Елеазаръ уже въ глубокой старости оставилъ древній Законъ нашихъ отцевъ для закона язычниковъ», и изъ-за моего лицемѣрнаго поступка они отступятъ отъ Истиннаго Бога и погибнутъ, глядя на мой примѣръ. Изъ любви къ временной жизни они начнутъ презирать Законъ Божій и уклонятся въ эллинское нечестіе, а я посрамлю свою старость, явившись виновникомъ погибели столькихъ душъ. Если я избѣгну мукъ отъ людей, то карающей десницы Божіей я не избѣгну ни во время жизни на землѣ, ни послѣ смерти за гробомъ. Лучше мнѣ умереть теперь; и, умирая твердо, не падая духомъ при мученіяхъ за Святый Законъ, я украшу мужествомъ свои сѣдины и оставлю юнымъ добрый примѣръ для подражанія.

При этихъ словахъ святаго Елеазара повлекли на мученія, и тѣ люди, которые сначала выражали ему свое сожалѣніе, теперь, послѣ его рѣчи, воспылали на него гнѣвомъ и яростію. Во время

великихъ мученій, когда отъ лютыхъ ранъ священникъ Божій уже приближался къ смерти, онъ сквозь стоны обратился къ Господу:

— Всевѣдающій и о всѣхъ милосердствующій Господи, Ты вѣдаешь и то, что я, хотя и могъ бы избѣжать смерти, однако съ радостію и любовію охотно принимаю жестокія раны, подвергая тяжкимъ мученіямъ свое тѣло: ибо страдаю для прославленія Твоего Святаго Имени.

Сказавъ это, онъ скончался, оставивъ въ своей смерти примѣръ мужества не только юношамъ, но и всѣмъ іудеямъ[1]). Повѣствованіе Священныхъ книгъ о страданіяхъ святаго Елеазара дополняется еще слѣдующимъ преданіемъ: послѣ жестокаго біенія ему влили въ ноздри крѣпкій уксусъ, издававшій отвратительный запахъ, и затѣмъ бросили въ огонь. Онъ же, помолившись Богу, чтобы Господь принялъ его мученія и смерть какъ жертву за весь народъ еврейскій, предалъ духъ свой.

Послѣ мученической кончины святаго Елеазара были схвачены вмѣстѣ съ матерію семь братьевъ; такъ какъ они принадлежали къ знатному роду, то ихъ для испытанія отправили къ самому царю въ Антіохію. Здѣсь, вопреки прямому запрещенію Закона, царь заставлялъ ихъ ѣсть свиное мясо, что почиталось явнымъ знакомъ отступленія отъ Господа Саваоѳа, въ Котораго вѣрили евреи, и приращеніемъ къ нечестію эллиновъ, въ которое уклонялись боящіеся мукъ іудеи. Упомянутые семь братьевъ, ученики пострадавшаго священника и учителя іерусалимскаго Елеазара, хорошо помнили его наставленія и пребывали непоколебимы въ своемъ благочестіи: они не повиновались царю, ни за что не соглашаясь преступить Законъ. За это ихъ подвергли долгимъ мученіямъ, біенію бичами и воловьими жилами. Объ ихъ страданіяхъ и безбоязненномъ дерзновеніи предъ мучителемъ Святое Писаніе во 2 книгѣ Маккавейской повѣствуетъ такъ. Одинъ изъ братьевъ, старшій возрастомъ, принявъ на себя обязанность отвѣта, сказалъ царю:

— О чемъ ты хочешь спрашивать или что̀ узнать отъ насъ? Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческіе законы.

Тогда царь, озлобившись, приказалъ разжечь сковороды и котлы. Когда это было исполнено, царь тотчасъ велѣлъ у юноши, при-

---

[1]) 2 Кн. Маккав., гл. 6, ст. 18—31.

нявшаго на себя отвѣтъ, отрѣзать языкъ, содрать кожу, отсѣчь члены тѣла въ виду прочихъ братьевъ и матери. Лишеннаго всѣхъ членовъ, но еще дышащаго мученика царь велѣлъ отнести къ костру и жечь на сковородѣ; когда же отъ сковороды распространилось сильное испареніе, братья вмѣстѣ съ матерію увѣщевали другъ друга мужественно претерпѣть смерть, говоря:

— Господь Богъ видитъ и поистинѣ умилосердится надъ нами, какъ Моисей возвѣстилъ въ своей пѣсни предъ лицемъ народа: «и надъ рабами Своими умилосердится».

Когда умеръ первый, вывели на поруганіе второго и, содравши съ головы кожу съ волосами, спрашивали, будетъ ли онъ ѣсть (свиное мясо), прежде нежели начнутъ мучить, отсѣкая по частямъ его тѣло? Онъ же, отвѣчая на родномъ языкѣ, сказалъ: нѣтъ. Поэтому и онъ принялъ мученія такимъ же образомъ, какъ первый, и при послѣднемъ издыханіи сказалъ:

— Ты, мучитель, лишаешь насъ настоящей жизни, но Царь міра воскреситъ насъ, умершихъ за Его Законы, для жизни вѣчной.

Послѣ того третій братъ подвергнутъ былъ поруганію, и на требованіе дать языкъ, тотчасъ выставилъ его, неустрашимо протянувъ и руки, и мужественно сказалъ:

— Отъ Неба я получилъ ихъ, и за Законы его не жалѣю ихъ, и отъ него надѣюсь опять получить ихъ.

Самъ царь и бывшіе съ нимъ изумлены были такимъ мужествомъ отрока — какъ онъ ни во что̀ вмѣнялъ страданія. Когда скончался и этотъ, такимъ же образомъ терзали и мучили четвертаго. Будучи близокъ къ смерти, онъ такъ говорилъ:

— Умирающему отъ людей вожделѣнно возлагать надежду на Бога, что Онъ опять оживитъ; для тебя же не будетъ воскресенія въ жизнь.

Затѣмъ привели и начали мучить пятаго. Онъ, смотря на царя, сказалъ:

— Имѣя власть надъ людьми, ты, самъ подверженный тлѣнію, дѣлаешь, что хочешь; но не думай, чтобы родъ нашъ оставленъ былъ Богомъ. Подожди, и ты увидишь великую силу Его, какъ Онъ накажетъ тебя и сѣмя твое.

Послѣ этого привели шестаго, который, готовясь на смерть, сказалъ:

— Не заблуждайся напрасно, ибо мы терпимъ это за себя,

согрѣшивши предъ Богомъ нашимъ: отъ того и произошло достойное удивленія[1]). Но не думай остаться безнаказаннымъ ты, дерзнувшій противоборствовать Богу.

Наиболѣе же достойна удивленія и славной памяти мать, которая, видя, какъ семь ея сыновей умерщвлены въ теченіи одного дня, благодушно переносила это въ надеждѣ на Господа. Исполненная доблестныхъ чувствъ и укрѣпляя женское разсужденіе мужескимъ духомъ, она поощряла каждаго изъ сыновей на родномъ языкѣ и говорила имъ:

— Я не знаю, какъ вы явились во чревѣ моемъ: не я дала вамъ дыханіе и жизнь, не мною образовался составъ каждаго изъ васъ. И Творецъ міра, Который образовалъ природу человѣка и устроилъ происхожденіе всѣхъ, опять дастъ вамъ дыханіе и жизнь съ милостію, такъ какъ вы не щадите самихъ себя за Его Законы.

Антіохъ же, думая, что его презираютъ, и принимая эту рѣчь за поруганіе себѣ, убѣждалъ самаго младшаго, который еще оставался, не только словами, но и клятвенными увѣреніями, что и обогатитъ, и осчастливитъ его, если онъ отступитъ отъ отеческихъ Законовъ; что будетъ имѣть его другомъ и ввѣритъ ему почетныя должности. Но какъ юноша нисколько не внималъ, то царь, призвавъ мать, убѣждалъ ее посовѣтовать сыну сберечь себя. Послѣ многихъ его убѣжденій она согласилась уговаривать сына. Наклонившись же къ нему и посмѣеваясь жестокому мучителю, она такъ говорила на родномъ языкѣ:

— Сынъ! сжалься надо мною, которая девять мѣсяцевъ носила тебя во чревѣ, три года питала тебя молокомъ, вскормила и выростила, и воспитала тебя. Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и, видя все, что на нихъ, познай, что все сотворилъ Богъ изъ ничего, и что такъ произошелъ и родъ человѣческій. Не страшись этого убійцы, но будь достойнымъ братьевъ твоихъ и прими смерть, чтобы я, по милости Божіей, опять пріобрѣла тебя съ братьями твоими.

Когда она еще продолжала говорить, юноша сказалъ:

— Чего вы ожидаете? Я не слушаю повелѣнія царя, а повинуюсь повелѣнію Закона, даннаго отцамъ нашимъ чрезъ Моисея. Ты же, изобрѣтатель всѣхъ золъ для евреевъ, не избѣгнешь рукъ

---

[1]) Т. е. гоненіе и мученіе іудеевъ.

Божіихъ: мы страдаемъ за свои грѣхи. Если для вразумленія и наказанія нашего живый Господь и прогнѣвался на насъ на малое время, то Онъ опять умилостивится надъ рабами Своими. Ты же, нечестивый и преступнѣйшій изъ всѣхъ людей, не возносись напрасно, надмеваясь ложными надеждами, что ты воздвигнешь руку на рабовъ Его; ибо ты не ушелъ еще отъ суда Всемогущаго и Всевидящаго Бога. Братья наши, претерпѣвши нынѣ краткое мученіе, получили жизнь вѣчную, а ты, по суду Божію, понесешь праведное наказаніе за превозношеніе. Я же, какъ и братья мои, предаю и душу и тѣло за отеческіе Законы, призывая Бога, чтобы Онъ скоро умилосердился надъ народомъ и чтобы ты съ муками и карами исповѣдалъ, что Онъ единъ есть Богъ, и чтобы на мнѣ и на братьяхъ моихъ окончился гнѣвъ Всемогущаго, праведно постигшій весь родъ нашъ.

Тогда разгнѣванный царь поступилъ съ нимъ еще жесточе, нежели съ прочими, негодуя на посмѣяніе. Такъ и этотъ кончилъ жизнь чистымъ, всецѣло положившись на Господа[1]). Видя это, блаженная матерь,—имя ей Соломонія,—исполнилась неизреченной радости, что предпослала Господу дѣтей своихъ непорочными; ставши надъ тѣлами ихъ, она простерла вверхъ руки свои и, помолившись съ теплыми радостными слезами, предала духъ свой въ руки Божіи. Такъ скончалась матерь съ дѣтьми своими, положивъ души за Законъ Господа Вседержителя[2]).

Взирая на пролитіе крови рабовъ Своихъ, Господь умилосердился надъ народомъ еврейскимъ: Онъ воздвигъ среди нихъ Іуду, происходившаго изъ священническаго рода и прозваннаго Маккавеемъ. Съ воинскою силою Іуда оказалъ мужественное сопротивленіе нечестивому Антіоху и послѣ побѣды заставилъ удалиться его военачальниковъ. Затѣмъ онъ предалъ смерти всѣхъ, уклонившихся въ эллинское нечестіе, и очистилъ храмъ отъ идоловъ, о чемъ пространно повѣствуютъ книги Маккавейскія.

Царя же Антіоха еще въ здѣшней жизни постигъ праведный судъ Божій. Онъ подвергся ужасной болѣзни: внутренности его начали гнить и переполняться червями, при чемъ отъ него исходилъ нестерпимый смрадъ. Тогда, по пророчеству юнѣйшаго изъ мучениковъ[3]), нечестивый Антіохъ невольно долженъ былъ при-

---

1) 2 Кн. Маккав., гл. 7, ст. 2—40 (эти стихи буквально изъ русск. Библіи).

2) Кончина святыхъ мучениковъ относится къ 166 г. до Р. Х.

3) 2 Кн. Маккав., гл. 7, ст. 34—35.

знать всемогущество хулимаго имъ ранѣе Истиннаго Бога и послѣ своихъ гоненій обратился къ Нему съ молитвой. Но Господь не даровалъ милости тому, кто самъ не оказывалъ ея другимъ: Антіохъ, не принеся искренняго раскаянія, умеръ злою смертью, возбуждая у всѣхъ мысль о справедливомъ судѣ Божіемъ. Всѣ прославляли всесильнаго Бога, какъ и нынѣ прославляется Онъ ото всѣхъ родовъ и всегда будетъ прославляться въ безконечные вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Болѣ́зньми ст҃ы́хъ, и҆́миже ѡ҆ тебѣ̀ пострада́ша, оу҆моле́нъ бꙋ́ди гдⷭ҇и, и҆ всѧ̑ на́ша болѣ́зни и҆сцѣли̑, чл҃вѣколю́бче, мо́лимсѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃.

Премꙋ́дрости бж҃їѧ столпи̑ седмочи́сленнїи, и҆ бж҃е́ственнагѡ свѣ́та свѣтѝльницы седмосвѣ́щнїи, маккаве́и всемꙋ́дрїи, пре́жде мч҃нкѡвъ преве́лїи мч҃ницы, съ ни́ми же всѣ́хъ бг҃ꙋ моли́тесѧ, сп҃сти́сѧ почита́ющымъ ва́съ.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ЛЕОНТИНА, АТТА, АЛЕКСАНДРА, КИНДЕЯ, МИНСИѲЕЯ, КИРІАКА, МИНЕЯ (МИНЕОНА), КАТУНА и ЕВКЛЕЯ

Сіи святые мученики жили въ царствованіе императора Діоклетіана[1]) въ памфилійскомъ городѣ Пергіи въ то время, когда Памфиліею[2]) управлялъ игемонъ Флавіанъ, и всѣ они происходили отъ христіанскихъ предковъ. Минеонъ по ремеслу былъ плотникъ, а прочіе занимались земледѣліемъ. Всѣ, имѣя одно и то же настроеніе, приняли одно благое рѣшеніе и предназначили себя

---

[1]) *Римскій императоръ Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 до 305 года.

[2]) *Памфиліей* называлась римская провинція, расположенная на югѣ малоазійскаго полуострова по берегу Средиземнаго моря.

къ мученическому подвигу. Посему, оставивъ свои житейскія занятія, они ночью пришли въ храмъ Артемиды[1]) и разрушили въ немъ всѣ предметы почитанія. За это они были схвачены и подвергнуты допросу, послѣ чего ихъ безпощадно стали бить и при этомъ огнемъ опаляли имъ раны, а потомъ желѣзными когтями содрали почти до костей тѣла ихъ, обожгли имъ зажженными свѣчами плечи и выкололи гвоздями глаза. Послѣ всѣхъ сихъ мученій они были брошены въ темницу, гдѣ, по повелѣнію мучителя, имъ не давали ни пищи, ни воды. Затѣмъ ихъ отдали на растерзаніе звѣрямъ, но святые мученики укротили звѣрей, такъ что всѣ, бывшіе при этомъ, пришли въ ужасъ и громко воскликнули:

— Великъ Богъ христіанскій!

Тотчасъ же разразилась гроза съ громомъ и молніей, при чемъ на землю падалъ дождь вмѣстѣ съ огнемъ и градомъ. Въ то же время послышался нѣкій Голосъ, призывавшій святыхъ, и они, услышавъ этотъ сладостный Голосъ, пришли въ великую радость. Тогда по повелѣнію игемона имъ отсѣкли мечомъ головы[2]). Такъ и окончилось мученіе ихъ.

[1]) *Артемида,* или *Діана,* — дочь Зевса и Латоны, почиталась Греками какъ дѣвственная богиня, покровительница дѣвъ и женъ, а также какъ богиня Луны. Особеннымъ почитаніемъ эта богиня пользовалась въ г. Ефесѣ, гдѣ ей устроенъ былъ великолѣпный храмъ и куда стекалось на поклоненіе ей множество народа со всѣхъ мѣстъ Римской имперіи. Въ почитаніи богини сосредоточивались разныя языческія суевѣрія и совершалось въ честь ея много безнравственныхъ церемоній и обрядовъ.

[2]) Годъ кончины сихъ святыхъ мучениковъ неизвѣстенъ.

День второй

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ

СВЯТАГО ПЕРВОМУЧЕНИКА и АРХИДІАКОНА

СТЕФАНА[1])

После побіенія отъ іудеевъ святаго архидіакона Стефана камнями[2]) честнóе тѣло его лежало безъ погребенія сутки и день: оно было повержено на съѣденіе псамъ, звѣрямъ и птицамъ; но ничто не коснулось тѣла, ибо Господь охранялъ его. На вторую ночь славный законоучитель Іерусалимскій Гамаліилъ[3]), упоминаемый въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ»[4]), начавшій склоняться къ вѣрѣ Христовой и сдѣлавшійся тайнымъ другомъ святыхъ Апостоловъ, послалъ благоговѣйныхъ мужей взять незамѣтно тѣло первомученика. Онъ отнесъ его въ свою весь, отъ имени владѣльца называвшуюся «Кафаргамала», то есть весь Гамаліила; она отстояла за двадцать поприщъ[5]) отъ Іерусалима. Здѣсь Гамаліилъ совершилъ честнóе погребеніе тѣла святаго Стефана, положивъ его въ пещерѣ въ новомъ своемъ гробѣ. Потомъ Никодимъ, началь-

---

[1]) Память его совершается Церковію еще 27 декабря; подъ этимъ числомъ см. житіе его въ Минеи-Четьи за декабрь.

[2]) Дѣян., гл. 7, ст. 55—60.

[3]) *Гамаліилъ*—знаменитый законоучитель еврейскій, занимавшій высокое мѣсто въ Іерусалимскомъ Синедріонѣ, уважаемый всѣмъ народомъ, такъ что его называли «славою Закона». Преданіе говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ сыномъ Авивомъ крещенъ Ап. Петромъ и Ап. Іоанномъ.

[4]) Гл. 5, ст. 34; гл. 22, ст. 3.

[5]) Мѣра разстоянія, равна приблизительно 690 нашимъ саженямъ.

никъ Іудейскій, приходившій ночью къ Іисусу Христу[1]), преставился, плачась надъ гробомъ святаго Стефана; и его похоронилъ тотъ же Гамаліилъ, близъ гроба первомученика. Затѣмъ и Гамаліилъ, принявши Святое Крещеніе вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Авивомъ и поживъ богоугодно нѣкоторое время въ благочестіи христіанскомъ, скончался; оба они погребены были въ той же пещерѣ, при Стефановомъ и Никодимовомъ гробѣ.

По прошествіи многихъ лѣтъ, когда погибли мучители, въ продолженіе долгаго времени гнавшіе Церковь Божію, и настали съ обращенія Константина Великаго[2]) дни царей христіанскихъ— дни церковной тишины и повсюду сіяющаго благочестія,—тогда обрѣтены были, по Божію откровенію, честныя мощи святаго первомученика Стефана и погребенныхъ съ нимъ богоугодныхъ мужей: Никодима, Гамаліила и Авива.

Они были обрѣтены пресвитеромъ помянутой веси Лукіаномъ послѣ такого видѣнія. Въ третій часъ одной ночи съ четвертка на пятокъ Лукіану явился въ сонномъ видѣніи нѣкій святолѣпный старецъ, высокаго роста, украшенный сѣдиною, съ продолговатою бородою, облеченный въ бѣлую одежду, украшенную златовидными

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 1—2.

[2]) *Константинъ Великій,* Римскій императоръ, сынъ Констанція Хлора, правителя Западной части Римской имперіи и Елены, родился въ 274 г. По смерти отца, войско провозгласило его императоромъ, и онъ благодаря этому сдѣлался обладателемъ Галліи и Испаніи. Послѣ продолжительной борьбы съ начальниками другихъ областей римскаго государства, Лициніемъ и Максентіемъ, Константинъ объявилъ себя въ 324 г. независимымъ правителемъ и объединилъ подъ своею властію всю имперію. Константинъ Великій замѣчателенъ своею дѣятельностью на пользу Церкви Христовой; за эту именно дѣятельность исторія называетъ его Великимъ, а Церковь—равноапостольнымъ. Поворотъ къ христіанству въ законодательной дѣятельности Константина Великаго начинается съ миниифеста 313 г. о вѣротерпимости, изданномъ въ Медіоланѣ за подписью его и Лицинія: въ этомъ манифестѣ, между прочимъ, разрѣшался свободный переходъ въ христіанство всякому желающему. Вскорѣ появились указы объ освобожденіи клириковъ отъ всѣхъ личныхъ повинностей и Церкви отъ податей; законъ 321 г. разрѣшалъ дѣлать вклады въ христіанскую Церковь; въ слѣдующемъ году запрещено было насильственно привлекать христіанъ на языческія празднества. Сдѣлавшись единодержавнымъ, Константинъ Великій уничтожилъ указы и постановленія прежнихъ императоровъ, изданныя противъ христіанъ; онъ возвратилъ права, имущество и свободу всѣмъ, лишившимся ихъ въ прежнее время за исповѣданіе христіанства. Особымъ указомъ имъ было предписано посвящать Богу воскресный и другіе праздничные дни; во время праздниковъ закрывались зрѣлища и суды. Въ Церкви Константинъ Великій старался поддерживать миръ и согласіе; для прекращенія аріанскихъ смутъ имъ былъ созванъ Первый Вселенскій Соборъ въ Никеѣ (325 г.). Не желая пребывать въ Римѣ, гдѣ язычество было особенно сильно, Константинъ Великій перенесъ столицу въ Византію; здѣсь онъ уничтожилъ идоловъ и украсилъ городъ христіанскими храмами. Въ 337 г. онъ принялъ Крещеніе, послѣ котораго вскорѣ умеръ на 65 г. жизни. Въ V в. Церковь причислила Константина къ лику святыхъ; память его— 21-го мая.

изображеніями крестовъ; въ рукѣ старецъ имѣлъ золотой жезлъ. Толкнувъ имъ въ бокъ пресвитера, онъ три раза позвалъ его по имени:

— Лукіанъ! Лукіанъ, Лукіанъ!

Затѣмъ сталъ говорить:

— Иди въ Іерусалимъ и скажи святому архіепископу Іоанну: «Доколѣ мы будемъ затворены,—почему не открываешь насъ? Ибо во дни твоего святительства намъ подобаетъ быть явленными; открой, не медли, нашъ гробъ, гдѣ въ пренебреженіи лежатъ наши мощи, то мочимыя дождемъ, то попираемыя ногами невѣрныхъ. Я забочусь не столько о себѣ, сколько о лежащихъ со мною святыхъ, достойныхъ великой чести; открой указываемыя тебѣ мощи,—да отверзетъ Богъ двери Своего милосердія міру, объятому многими бѣдами».

Пресвитеръ Лукіанъ, исполнившись ужаса, спросилъ явившагося ему мужа:

— Кто ты, господинъ? И кого ты разумѣешь подъ находящимися съ тобою?

— Я,—отвѣчалъ явившійся,—Гамаліилъ, воспитатель и учитель Апостола Павла, а со мною почиваетъ господинъ Стефанъ архидіаконъ, камнями побитый іудеями и первосвященниками іерусалимскими за вѣру Христову. Тѣло его, поверженное на съѣденіе псамъ, звѣрямъ и птицамъ, я взялъ ночью, принесъ въ сію весь и положилъ въ моей пещерѣ въ приготовленномъ для себя гробѣ, желая раздѣлить съ нимъ одинаковую участь въ воскресеніи и благодати Господней. Въ другомъ же гробѣ, въ той же пещерѣ, положенъ господинъ Никодимъ, наученный святой вѣрѣ отъ Самого Христа Господа и (по вознесеніи Господнемъ) пріявшій отъ Апостоловъ Святое Крещеніе; іудеи, узнавъ объ его вѣрѣ во Христа и Крещеніи, исполнились гнѣва и хотѣли его убить, какъ и Стефана. Однако они не сдѣлали этого изъ уваженія ко мнѣ, такъ какъ Никодимъ былъ мнѣ родственникъ; іудеи отняли у него начальство и имѣнія его присоединили къ церковнымъ; затѣмъ, проклявъ его, они выгнали его изъ города съ безчестіемъ и укоризнами многими. Тогда я взялъ его въ свою весь и кормилъ до кончины; когда же онъ умеръ, я похоронилъ его близъ мощей первомученика Стефана. Тамъ же въ третьемъ гробѣ, выкопанномъ въ пещерной стѣнѣ, я похоронилъ умершаго на двадцатомъ году жизни моего любимаго сына Авива, вмѣстѣ со

мною пріявшаго Святое Крещеніе отъ Апостоловъ Христовыхъ; съ ними я, умирая, завѣщалъ положить и мое тѣло.

— Гдѣ же мы будемъ искать васъ? — спросилъ пресвитеръ.

— Ищите насъ,—отвѣчалъ Гамаліилъ,—предъ весью на полуденной сторонѣ, на нивѣ Делагаври (то есть нивѣ мужей Божіихъ).

Воспрянувъ отъ сна, пресвитеръ воздалъ хвалу Богу и такъ помолился: «Господи Іисусе Христе! Если это явленіе отъ Тебя, а не обольщеніе, то повели повториться ему до трехъ разъ».

И сталъ Лукіанъ поститься, вкушая лишь сухой хлѣбъ, до слѣдующаго пятка, пребывая въ молитвѣ и никому не открывая видѣнія.

Въ третій часъ ночи на другой пятокъ опять явился Гамаліилъ пресвитеру Лукіану, какъ и въ первый разъ.

— Зачѣмъ,—спросилъ онъ,—ты пренебрегъ моимъ повелѣніемъ идти и передать архіепископу Іоанну все, сказанное тебѣ?

— Прости меня, господинъ мой,—отвѣчалъ пресвитеръ,—я боялся тотчасъ же по первомъ видѣніи идти и возвѣстить, опасаясь какъ бы не оказаться лживымъ: посему я молилъ Господа — да пошлетъ Онъ тебя ко мнѣ и второй и третій разъ, чтобы мнѣ увѣриться въ истинѣ.

Гамаліилъ же, простирая руку, сказалъ:

— Миръ тебѣ, пресвитеръ, почивай!

И казался онъ какъ бы удаляющимся съ глазъ священника.

Затѣмъ, снова обратившись къ нему, сказалъ:

— Лукіанъ! ты думаешь о томъ, какъ обрѣсти и узнать мощи каждаго изъ насъ; такъ вотъ, смотри и разумѣй показываемое тебѣ.

Сказавъ это, онъ принесъ пресвитеру четыре корзины; три изъ нихъ по виду были золотыя, четвертая же серебряная. Одна изъ золотыхъ корзинъ наполнена была красными цвѣтами, вторая и третья—бѣлыми, и четвертая—серебряная—была полна желтаго шафрана благовоннаго. Первую золотую корзину, съ красными цвѣтами, Гамаліилъ поставилъ по правую сторону пресвитера на востокѣ, другую золотую, съ бѣлыми цвѣтами, поставилъ на сѣверной сторонѣ, а третью и четвертую корзину поставилъ вмѣстѣ на западной сторонѣ, противъ первой, находящейся на восточной.

— Что это значитъ, господинъ? — спросилъ пресвитеръ показывавшаго ему корзины Гамаліила.

Онъ отвѣчалъ:

— Это гробницы наши, въ которыхъ мы почиваемъ: такъ, первая золотая корзина съ красными цвѣтами, поставленная къ востоку,—гробъ святаго Стефана, обагрившагося за Христа мученическою кровію; другая золотая корзина съ бѣлыми цвѣтами, стоящая на сѣверъ, есть гробъ господина Никодима; третья также съ бѣлымъ цвѣтомъ, золотая корзина, стоящая къ западу,—мой гробъ; четвертая же корзина серебряная, полная благовоннаго шафрана и стоящая рядомъ съ моею,—гробъ моего сына Авива, который былъ чистъ отъ грѣха тѣломъ и душою отъ чрева матери и скончался въ непорочномъ дѣвствѣ.

Послѣ этихъ словъ Гамаліилъ сталъ невидимъ, стали невидимы и корзины.

Послѣ этого видѣнія пресвитеръ принесъ благодареніе Богу и усилилъ постъ и молитву до третьяго пятка, ожидая сподобиться явленія въ третій разъ. И снова въ ночь третьяго пятка тотъ же честный и святолѣпный Гамаліилъ, представъ пресвитеру, сказалъ съ угрозою:

— Почему до сихъ поръ ты не озаботился сходить къ архіепископу и открыть ему явленное и сказанное тебѣ? Неужели ты не видишь, какая засуха и скорбь въ поднебесной? Ты же не радишь. Развѣ нѣтъ въ пустыняхъ святыхъ мужей, лучшихъ тебя по жизни, достойныхъ сего откровенія? Но мы, минуя ихъ, хотимъ быть явленными чрезъ тебя. Итакъ, встань иди и скажи архіепископу, да откроетъ мѣсто, гдѣ мы почиваемъ, и устроитъ здѣсь храмъ, дабы нашими молитвами Господь сталъ милостивъ къ Своимъ людямъ.

Пресвитеръ, вставъ и возблагодаривъ Бога, отправился съ поспѣшностію въ Іерусалимъ, гдѣ и сообщилъ архіепископу Іоанну о бывшемъ ему трикратномъ видѣніи и повелѣніи. Архіепископъ прослезился отъ радости и сказалъ:

— Благословенъ Господь Богъ Человѣколюбецъ, хотящій явить намъ Свою милость откровеніемъ святыхъ Своихъ: и когда мы сподобимся обрѣсти мощи ихъ, то должно мнѣ мощи первомученика Стефана перенести сюда въ городъ, гдѣ онъ подвизался противъ іудеевъ, гдѣ видѣлъ отверстыя Небеса и Христа Бога, стоящаго во Славѣ Своей[1]). Ты же, сынъ мой,—обратился онъ

[1]) Дѣян., гл. 7.

къ пресвитеру,—иди на ту ниву и отыщи мѣсто, гдѣ лежатъ святые; прокопавъ до гроба ихъ, возвѣсти мнѣ.

Пресвитеръ, возвратившись изъ города въ свою весь, созвалъ благоговѣйныхъ мужей и пошелъ съ ними на ниву Делагаври. Среди этой нивы былъ холмъ; думая, что здѣсь почиваютъ мощи святыхъ, онъ хотѣлъ копать, но сначала посвятилъ всю ночь молитвѣ на томъ холмѣ. Въ эту же ночь святый Гамаліилъ явился одному обитавшему поблизости тѣхъ мѣстъ иноку Нугетію, говоря:

— Иди и скажи Лукіану пресвитеру, чтобы онъ не трудился раскапывать тотъ холмъ, ибо не тамъ лежимъ мы; но пусть ищетъ насъ при дебри, на полуденной сторонѣ, тамъ мы погребены. На холмѣ же томъ насъ полагали, когда несли на погребеніе, и здѣсь надъ нами, по древнему обычаю, творили плачъ, во свидѣтельство этого плача, бывшаго надъ нами, и насыпанъ холмъ.

Возставши, инокъ отправился по указанію и нашелъ на помянутомъ холмѣ пресвитера Лукіана со многими мужами; они уже начали раскопку. Тогда инокъ повѣдалъ Лукіану о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Пресвитеръ прославилъ Бога, явившаго и другого свидѣтеля откровенію. И направились къ дебри, при которой нашли камень съ еврейской надписью «Хеліилъ», то есть рабы Божіи; окопавъ камень и сдвинувъ съ мѣста, они нашли тѣсный входъ въ пещеру. Влѣзши въ пещеру со свѣчою, увидѣли выкопанныя въ стѣнахъ гробы и въ нихъ мощи святыхъ. Входъ въ пещеру былъ съ полуденной стороны; такъ что по правую сторону къ востоку находился гробъ святаго Стефана; противъ входа, на сѣверъ, гробъ святаго Никодима; на западной же сторонѣ противъ святаго Стефана почивалъ святый Гамаліилъ съ сыномъ, какъ было это прежде указано пресвитеру видѣніемъ корзинъ. Тотчасъ пресвитеръ сообщилъ объ обрѣтеніи святыхъ мощей[1]) Іерусалимскому архіепископу Іоанну.

Архіепископъ, взявъ двухъ прилучившихся епископовъ, Елевѳерія Севастійскаго и Елевѳерія Іерихонскаго, поспѣшилъ къ мѣсту обрѣтенія мощей. Расширивъ входъ пещерный, они вошли внутрь. Когда открыли гробъ святаго первомученика, тотчасъ потряслась земля, и люди, достойные по жизни, услышали вверху голосъ Ангеловъ, поющихъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ

---

[1]) Это обрѣтеніе мощей совершилось 415 году.

миръ!»[1]) Благоуханіе же отъ мощей святаго исходило такое, какого никто изъ людей никогда прежде не ощущалъ; это неизреченное благоуханіе разносилось по воздуху за десять поприщъ, и всѣ присутствовавшіе думали, что они находятся какъ бы въ раю. Много народа пришло съ архіепископомъ изъ Іерусалима и окрестныхъ селеній. Среди пришедшихъ находилось много больныхъ, страдавшихъ различными недугами,—слѣпые, хромые, мучимые внутренними недугами и бѣсами, покрытые вередами и язвами: всѣ они получили исцѣленіе. Число исцѣлѣвшихъ простиралось до семидесяти трехъ человѣкъ. Итакъ, взявши мощи четырехъ угодниковъ Божіихъ, вынесли ихъ на холмъ съ пѣніемъ Псалмовъ и другихъ священныхъ гимновъ; люди же прикасались къ нимъ, лобызая ихъ съ благоговѣніемъ. Вскорѣ архіепископъ на томъ холмѣ создалъ церковь во имя обрѣтенныхъ святыхъ и положилъ въ ней мощи Никодима, Гамаліила и Авива; мощи же святаго архидіакона Стефана онъ торжественно перенесъ въ Іерусалимъ и положилъ въ церкви, находившейся на святомъ Сіонѣ.

Въ эти же времена одинъ благородный мужъ, сенаторъ Александръ, съ женою Іуліаніею прибылъ на поклоненіе Святымъ мѣстамъ изъ Царьграда въ Іерусалимъ; видѣвъ чудеса, совершавшіяся при гробѣ святаго первомученика Стефана, Александръ устроилъ въ городѣ каменную церковь во имя его и усердно просилъ архіерея перенести въ нее мощи святаго Стефана; архіерей, убѣжденный усердною мольбою, исполнилъ просьбу. Спустя нѣкоторое время Александръ заболѣлъ въ Іерусалимѣ смертнымъ недугомъ и завѣщалъ съ клятвою женѣ своей: пусть она устроитъ ковчегъ, подобный ковчегу первомученика, и въ томъ положитъ его при мощахъ святаго Стефана. Завѣщавъ это, онъ умеръ. Жена исполнила предсмертную волю мужа: она устроила ковчегъ, подобный ковчегу святаго Стефана, и предала мужа торжественному погребенію рядомъ съ ковчегомъ первомученика. И жила она въ Іерусалимѣ при помянутой церкви, не желая разлучаться съ умершимъ мужемъ: она вѣрила, что онъ живъ для Бога.

Такъ какъ жена Александра была еще молода, красива и къ тому же богата, то многіе изъ знатныхъ лицъ склоняли ее на второй бракъ. Но она, какъ цѣломудренная женщина, никакъ не хотѣла вступать во второй бракъ; она твердо рѣшила сохранять

---

[1]) Сравн.: Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 14.

вѣрность первому мужу, надѣясь раздѣлить съ нимъ въ воскресеніи одинаковую участь, уготованную праведникамъ[1]). Когда же одинъ изъ знатныхъ начальниковъ сильно докучалъ ей, желая вступить въ бракъ съ нею, то Іуліанія, желая избавиться отъ него, умыслила слѣдующее: взявши тѣло мужа, возвратиться на родину въ Царьградъ, несмотря на то, что уже прошло восемь лѣтъ со дня преставленія мужа. Она просила архіепископа, чтобы онъ не запрещалъ ей взять тѣло мужа. Архіепископъ не соглашался; тогда Іуліанія сейчасъ же написала къ отцу своему, жившему въ Царьградѣ, прося его исходатайствовать у царя такое повелѣніе, по которому бы она могла безпрепятственно взять тѣло мужа и придти въ Царьградъ. Въ скоромъ времени отъ царя пришло желаемое разрѣшеніе, которое она и показала архіепископу. Увидѣвъ письмо царя, архіепископъ уже не могъ болѣе противиться и благословилъ быть по прошенію Іуліаніи. Она же, открывши съ благословеніемъ въ землѣ то мѣсто, гдѣ стояли оба ковчега — святаго первомученика Стефана и ея мужа Александра, взяла ковчегъ съ мощами святаго вмѣсто ковчега мужа: такъ поступила Іуліанія, какъ бы обманувшись. На самомъ же дѣлѣ — по изволенію Божію и по желанію первомученика. Возложивши ковчегъ на колесницу, запряженную мулами, Іуліанія отправилась въ путь. Былъ же вечеръ, когда она оставила Іерусалимъ; и въ ту же ночь надъ перевозимыми мощами въ воздухѣ послышался голосъ Ангеловъ, поющихъ славословіе Богу, а отъ ковчега исходило великое благоуханіе, какъ отъ мѵра, излитаго въ большомъ количествѣ. Слышались и крики бѣсовъ, издали взывавшихъ:

— Горе намъ! Такъ какъ идетъ Стефанъ и бьетъ насъ.

Слуги Іуліаніи, слыша все это, испугались и сказали госпожѣ своей:

— Что это значитъ, госпожа, что слышатся различные голоса, называющіе имя Стефана? Не веземъ ли мы ковчегъ первомученика Стефана вмѣсто ковчега нашего господина Александра?

Она же отвѣчала со слезами радости:

— Молчите, дѣти, все дѣлается такъ, какъ угодно Богу и Его святому рабу.

Достигши приморскаго города Аскалона, они нашли корабль, направлявшійся въ Царьградъ; уплативъ корабельщику слѣдуемую

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 34.

плату, они сѣли въ корабль съ мощами святаго и начали плаваніе. Когда корабль находился среди моря, поднялась страшная буря, такъ что корабль покривился; всѣ испугались, видя вздымавшіяся громады волнъ. Но вотъ явился мореплавателямъ видимо святый первомученикъ Стефанъ и сказалъ:

— Я съ вами—не бойтесь!

Сказавъ это, онъ сталъ невидимъ, и тотчасъ успокоилось море, и все дальнѣйшее плаваніе было благополучно. Надъ мощами же святаго ночью явился свѣтъ, отъ ковчега исходило сильное благоуханіе, въ воздухѣ же слышалось пѣніе Ангеловъ. Когда пристали къ Халкидону, то рѣшили пробыть здѣсь пять дней. Жителямъ города стало извѣстно о мощахъ святаго Стефана, они устремились къ кораблю, принося съ собою и недужныхъ; и всѣ больные, находившіеся въ городѣ, получили исцѣленіе благодаря пришествію первомученика; отгонялись отъ людей и бѣсы, которые кричали при этомъ:

— Стефанъ, побіенный камнями отъ жидовъ, придя мучитъ насъ жестоко и гонитъ насъ повсюду—на землѣ и на морѣ.

Отплывъ отъ Халкидона, корабль благополучно достигъ Царьграда. Благочестивая Іуліанія пошла къ отцу и подробно сообщила ему все о мощахъ святаго архидіакона Стефана. Затѣмъ они отправились вмѣстѣ съ отцемъ къ царю и Патріарху и имъ сообщили то же; и всѣ исполнились великой радости. Патріархъ съ клиромъ и всѣмъ народомъ пошелъ на пристань въ срѣтеніе мощей первомученика. Вынесши ковчегъ изъ корабля, поставили его на царскую колесницу и повезли съ псалмопѣніями, хотя внести въ дворецъ царя; такъ приказалъ царь. Сколь много совершалось въ это время чудесъ при святыхъ мощахъ и сказать невозможно; словомъ, всѣ, какими бы ни были одержимы недугами и болѣзнями, получили исцѣленіе. Когда торжественное шествіе достигло до Константиновыхъ бань[1]), то мулы, везшіе царскую колесницу съ мощами, остановились; и какъ ни били ихъ слуги, заставляя идти дальше, они никакъ не могли сойти съ мѣста. Тогда одинъ мулъ, пріобрѣтя, по Божію велѣнію, даръ слова, сказалъ:

— Зачѣмъ понапрасну бьете насъ? На этомъ именно мѣстѣ святый первомученикъ Стефанъ изволяетъ быть положеннымъ.

---

[1]) Бани эти основаны Константиномъ Великимъ, продолжены его сыномъ Констанціемъ и окончены въ 427 году Ѳеодосіемъ Младшимъ. Нынѣ онѣ называются Тсукуръ-Хамамъ и находятся на 4 холмѣ.

Услышавъ это, всѣ присутствующіе исполнились сильнаго удивленія и ужаса и прославили Бога. Царь же тотчасъ повелѣлъ на этомъ мѣстѣ приступить къ постройкѣ церкви каменной; и въ скоромъ времени создана была прекрасная церковь во имя святаго первомученика и архидіакона Стефана; въ ней и положили его честныя мощи во славу и хвалу Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго вмѣстѣ[1]), да будетъ Ему и отъ насъ грѣшныхъ честь и слава, поклоненіе и благодареніе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ца́рскимъ вѣнцемъ вѣнча́ся твой ве́рхъ ѿ страда́ній, ꙗ҆́же претерпѣ́лъ е҆сѝ по хрⷭ҇тѣ̀ бг҃ѣ, мч҃нкѡвъ первострада́льче стефа́не: ты́ бо і҆ꙋде́йское ѡ҆бличи́вый неи́стовство, ви́дѣлъ е҆сѝ твоего̀ сп҃са ѡ҆деснꙋ́ю ѻ҆ц҃а̀. того̀ ᲂу҆́бѡ молѝ ѡ҆ ду́шахъ на́шыхъ.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Пе́рвый сѣ́лся е҆сѝ на земли̇̀ нб҃нымъ дѣ́лателемъ, всехва́льне стефа́не. пе́рвый на земли̇̀ за хрⷭ҇та̀ кро́вь и҆зліѧ́лъ е҆сѝ, бл҃же́нне: пе́рвый ѿ негѡ̀ побѣ́ды вѣнце́мъ ᲂу҆вѧ́злся е҆сѝ на нб҃сѣ́хъ, страда́льцевъ нача́ло, вѣне́чниче мч҃нкѡвъ первострада́льне.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ СВЯТАГО и ПРАВЕДНАГО

ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО,

чудотворца Московскаго

Сей блаженный Василій жилъ въ царствованіе благовѣрнаго царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича[2]) и въ правленіе святѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго и всей Россіи. Отца его звали Іаковомъ, а мать—Анною. Ихъ молитвами онъ

---

[1]) Въ 1200 году въ этомъ храмѣ былъ нашъ русскій паломникъ Антоній; онъ видѣлъ въ немъ лобъ первомученика, избитый камнями и сшитый.

[2]) *Блаженный Василій* родился въ первые годы княженія Московскаго Великаго Князя Іоанна Васильевича III (1462—1505 гг.) въ подмосковномъ тогда селѣ Елаховѣ, гдѣ

Бл҃же́нный Васі́лїй

былъ испрошенъ у Бога и по ихъ вѣрѣ данъ былъ имъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ воспылалъ любовію къ Богу и сталъ жить по Заповѣдямъ Его. Оставивъ затѣмъ отчій домъ и родныхъ своихъ, блаженный Василій въ надеждѣ на будущія блага перемѣнилъ тлѣнное достояніе на духовное, такъ какъ вмѣсто отца у него было отсѣченіе бремени грѣховъ, вмѣсто матери—чистота, вмѣсто братьевъ—желаніе стремиться къ го̀рнему Іерусалиму, а вмѣсто дѣтей—сердечныя воздыханія. И чтобы имѣть все это, онъ изнурилъ себя многоразличными суровыми подвигами. Блаженный настолько былъ бѣденъ, что не имѣлъ для себя даже малой пещеры и не носилъ на тѣлѣ своемъ одежды, а пребывалъ всегда безъ жилища и ходилъ нагимъ и лѣтомъ и зимою, зимою замерзая отъ холода, а лѣтомъ страдая отъ зноя. Находясь постоянно среди шума и криковъ, но имѣя душу свою свободною отъ страстей, онъ всегда проводилъ Христа ради жизнь юродиваго. Онъ ничего не говорилъ и представлялся какъ бы лишеннымъ дара слова, желая этимъ скрыть отъ людей свои добродѣтели и быть вѣдомымъ только Богу. Но **не мо́жетъ гра́дъ оу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы̀ стоѧ̀**[1]). Вслѣдствіе чистоты жизни блаженнаго и его несокрушимаго терпѣнія слава о немъ дошла до слуха благовѣрнаго царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, которому о жизни его разсказалъ преосвященный митрополитъ Макарій. Оба они весьма дивились его терпѣнію и прославили Бога за то, что Онъ даровалъ въ ихъ время такого святаго мужа.

нынѣ находятся Елаховская и Басманная улицы. 16-ти лѣтъ отъ роду онъ принялъ на себя подвигъ юродства и подвизался въ немъ 72 года. Извѣстность онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Іоанна IV Васильевича Грознаго, которому сталъ извѣстенъ чрезъ митрополита Макарія (1543—1564 гг.), весьма чтившаго блаженнаго.

[1]) Еванг. отъ Матѳея, гл. 5, ст. 14.

Такимъ образомъ, неизмѣнно подвизаясь въ трудахъ и терпѣніи, перенося голодъ и жажду и ежедневно подвергая себя смертнымъ опасностямъ, блаженный Василій прожилъ жизнь свою. Заболѣвъ, наконецъ, онъ слегъ въ постель. Благовѣрный царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ, всей Россіи самодержецъ, услышавъ о близкомъ отшествіи святаго къ Богу, пришелъ къ нему вмѣстѣ со своею благочестивою царицею и Великою Княгинею Анастасіею и со своими благородными царевичами, Іоанномъ и Ѳеодоромъ, чтобы посѣтить его и принять отъ него благословеніе. Блаженный, будучи близокъ къ смерти и находясь уже при послѣднемъ издыханіи, пророчески сказалъ царевичу Ѳеодору:

— Все, что принадлежитъ твоимъ предкамъ, будетъ твоимъ, и ты будешь ихъ наслѣдникомъ.

Послѣ этихъ словъ блаженный предалъ душу свою въ руки Божіи. Отъ тѣла его весь городъ наполнился благоуханіемъ и множество жителей города стеклось на его погребеніе. Открылось умилительное зрѣлище. Царь и князья до святаго храма сами несли на плечахъ своихъ тѣло блаженнаго, епископы и священники со всѣмъ причтомъ, прославляя его, пѣли Псалмы и церковныя пѣснопѣнія, а народъ со слезами восклицалъ, говоря:

— Преблаженный Василіе! Молись усердно Христу Богу нашему за городъ нашъ Москву и за всѣ русскіе города и селенія, за христолюбиваго царя нашего, его благочестивую царицу и за благородныхъ дѣтей ихъ, а воинству его будь пособникомъ въ побѣдѣ и одолѣніи супостатовъ.

Участвуя въ погребеніи блаженнаго, царь съ царицею проливали изъ очей своихъ радостныя и скорбныя слезы,—радостныя потому, что въ такой кончинѣ святаго они видѣли доказательство его совершенства и причтенія его къ лику святыхъ, а скорбныя—потому, что лишились такого доблестнаго подвижника. И уже тогда многіе отъ прикосновенія къ святымъ мощамъ блаженнаго получали исцѣленіе. Преосвященный митрополитъ Макарій съ Священнымъ Соборомъ, воспѣвши надъ тѣломъ святаго Псалмы и погребальныя пѣснопѣнія, съ почестями похоронили его во 2 день мѣсяца августа 1552 года[1]). Всего житія его было 88 лѣтъ, изъ которыхъ

---

[1]) Тѣло блаженнаго Василія было похоронено близъ церкви св. Троицы на Рву, гдѣ въ 1554 году Іоаннъ Грозный приказалъ строить въ память покоренія Казани Покровскій соборъ, извѣстный болѣе подъ именемъ храма св. Василія Блаженнаго. Въ 1588 году мощи блаженнаго Василія стали источать много исцѣленій и въ томъ же году по повелѣнію

72 года онъ провелъ въ юродствѣ. Господь прославилъ блаженнаго чудесами и послѣ смерти его, въ 1588 году. Богу нашему слава нынѣ, всегда и вѣчно.

Тропа́рь, гла́съ и҃:

Житіѐ твоѐ, васі́ліе, нело́жное, и҆ чистота̀ нескве́рна, хр҃та̀ ра́ди тѣ́ло твоѐ и҆знꙋри́лъ є҆сѝ посто́мъ и҆ бдѣ́ніемъ, и҆ мра́зомъ, и҆ теплото́ю со́лнечною, и҆ слото́ю, и҆ дожде́вным ѻ҆́блакомъ, и҆ просвѣти́сѧ лицѐ твоѐ ꙗ҆́кѡ со́лнце: и҆ ны́нѣ прихо́дѧтъ къ тебѣ̀ рѡссі́йстїи наро́ди, цари́ же и҆ кн҃зи, и҆ всѝ лю́дїе, прославлѧ́юще ст҃о́е твоѐ ᲂу҆спе́ніе. тѣ́мъ хр҃та̀ бг҃а молѝ, да и҆зба́витъ ны̀ ѿ ва́рварскагѡ плѣне́нїѧ, и҆ междоꙋсо́бныѧ бра́ни, и҆ ми́ръ мі́рови пода́стъ, и҆ дꙋша́мъ на́шымъ ве́лїю мл҃ть.

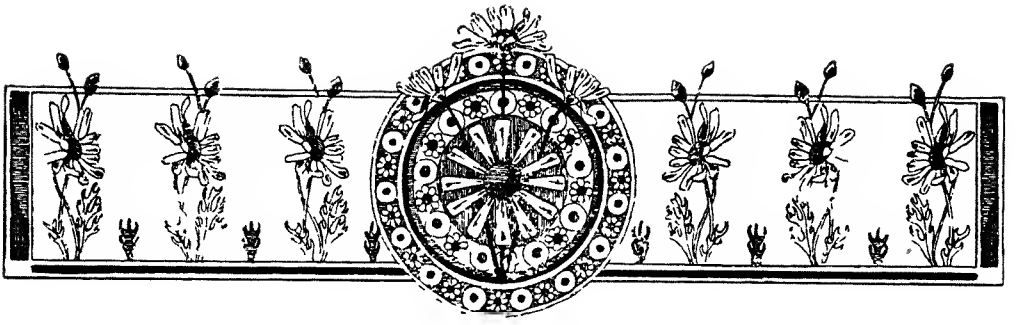
Конда́къ, гла́съ д҃:

Ѐхомъ бж҃їимъ води́мь, преблаже́нне васі́ліе, ѿтрѧ́съ є҆сѝ мі́рскїй мѧте́жъ, и҆ житїѧ̀ треволиѐнїѧ возгиꙋша́лсѧ є҆сѝ, и҆ совле́ксѧ ѡ҆дѣѧ́нїй тлѣ́нныхъ, и҆ ѡ҆блѐксѧ въ ри́зꙋ безстра́стїѧ, ᲂу҆бѣжа́лъ є҆сѝ ловле́нїѧ льстивагѡ мі́родержца, и҆ бы́лъ є҆сѝ стра́ненъ во тво́емъ ꙗ҆зы́цѣ, и҆ па́че земна́гѡ бога́тства и҆збра́въ бога́тство нб҃ное, ᲂу҆вѧ́злсѧ є҆сѝ вѣнцѐмъ терпѣ́нїѧ. и҆ ны́нѣ, преблѧ́же́нне васі́ліе, молѝ хр҃та̀ бг҃а ѡ҆ творѧ́щихъ ст҃ꙋю па́мѧть твою̀, да зове́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, преблѧ́же́ние васі́ліе.

Въ тотъ же день **память святаго священномученика Стефана,** папы Римскаго, мученически скончавшагося въ 257 году 2-го августа въ царствованіе Валеріана.

Въ тотъ же день **память блаженнаго Василія,** подвизавшагося въ Спасокаменномъ монастырѣ на Кубенскомъ островѣ Вологодскаго уѣзда.

царя Ѳеодора Іоанновича надъ мѣстомъ погребенія блаженнаго былъ построенъ храмъ во имя его (нынѣшній Васильевскій придѣлъ Покровскаго собора), сооружена серебряная, вызолоченная, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями рака и установлено праздновать память его 2 августа. Мощи блаженнаго до настоящаго времени почиваютъ въ этомъ храмѣ подъ спудомъ.



День третій

ПАМЯТЬ

ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЕЦЪ НАШИХЪ

ИСААКІЯ, ДАЛМАТА и ФАВСТА

Преподобный Далматъ жилъ въ царствованіе Θеодосія Великаго [1]), служилъ въ войскѣ [2]) и пользовался уваженіемъ царя. Затѣмъ, презрѣвъ для Бога все мірское, онъ оставилъ жену и дѣтей [3]); взявъ съ собою одного только сына Фавста, онъ пошелъ къ преподобному Исаакію, имѣвшему обитель близъ Константинополя. Здѣсь они были пострижены преподобнымъ Исаакіемъ въ иноческій чинъ, и оба вели богоугодную жизнь, постоянно соблюдая строгій постъ. Когда преподобный Исаакій [4]), уже достигшій глубокой старости, почувствовалъ приближеніе смерти, то созвалъ братію; преподавъ ей послѣднее наставленіе, онъ поставилъ игуменомъ вмѣсто себя преподобнаго Далмата, отъ имени котораго и самая обитель получила впослѣдствіи названіе Далматской [5]). Патріархомъ Цареградскимъ Аттикомъ преподобный Далматъ былъ рукоположенъ

---

1) *Θеодосій Великій* — императоръ въ 379—395 гг.

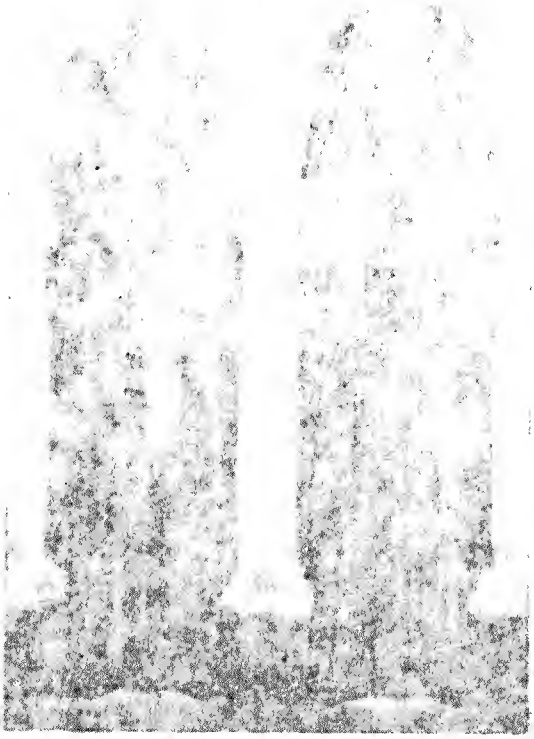
2) Во второмъ гвардейскомъ полку, которые тогда назывались схоларіями.

3) дочерей.

4) О богоугодной жизни и великой ревности по вѣрѣ преп. Исаакія, подвигшей его на безбоязненное обличеніе нечестиваго царя Валента, которому онъ предсказалъ погибель, и о блаженной его кончинѣ достаточно сообщается подъ тридцатымъ числомъ мая мѣсяца; желающій можетъ прочесть тамъ.

5) *Преп. Исаакій* умеръ въ 383 г.

Прѡ̀бніи
даниа́тъ и фа́устъ



[illegible]

[illegible]

Кінець

Стуфа и Стушнік

1) [illegible]

2) [illegible]

3) [illegible]

4) [illegible]

во священника[1]). Онъ проводилъ жизнь полную воздержанія и однажды въ Великій Постъ въ теченіе сорока дней не вкушалъ пищи[2]); постомъ и молитвою преподобный Далматъ побѣждалъ бѣсовскую силу. Онъ подвизался и противъ видимыхъ служителей бѣса—еретиковъ несторіанъ, хулившихъ Пречистую Матерь Божію[3]): преподобный Далматъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ святыхъ Отцевъ Третьяго Вселенскаго Собора, засѣдавшаго при царѣ Ѳеодосіи Младшемъ въ Ефесѣ[4]); этимъ преподобный Далматъ пріобрѣлъ себѣ любовь царя и святыхъ Отцевъ, которые сдѣлали его архимандритомъ Далматской обители. Отдавъ, такимъ образомъ, почти всю свою жизнь на служеніе Богу, преподобный Далматъ отошелъ въ глубокой старости въ вѣчность[5]).—Преподобный Фавстъ, подобно своему отцу, былъ великимъ подвижникомъ, онъ строго соблюдалъ завѣты иноческіе и изъ нихъ особенно постъ[6]). Скончавъ теченіе здѣшней земной жизни, онъ переселился въ вѣчныя обители и въ безсмертной жизни причтенъ къ лику преподобныхъ Отцевъ.

---

1) По другимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ былъ поставленъ въ настоятели обители патріархомъ Нектаріемъ (381—397 гг.), а не Аттикомъ (408—425 гг.).

2) А затѣмъ, по принятіи пищи, 43 дня до праздника Вознесенія Христова онъ пробылъ въ экстазѣ (восхищеніи) и въ это время удостоился божественныхъ видѣній и разсказалъ, въ какихъ мѣстахъ стояли трое изъ братій ихъ обители, находившіеся на праздникѣ въ церкви Маккавеевъ, чѣмъ пріобрѣлъ всеобщую славу.—Св. патріархъ Проклъ (434—446 гг.) еще при жизни преп. Далмата чрезвычайно хвалитъ его въ письмѣ Іоанну Антіохійскому.

3) Еретики несторіане утверждали, что пресв. Дѣву Марію не слѣдуетъ называть Богородицею, потому что Она родила не Бога, а только человѣка, съ которымъ, помимо Нея, соединилось Слово Божіе, предвѣчно рожденное отъ Отца; человѣкъ Іисусъ, рожденный отъ Маріи, былъ лишь обителью Божества и орудіемъ нашего спасенія; этотъ человѣкъ, чрезъ наитіе Св. Духа, сталъ Христомъ, т. е. помазанникомъ, и Слово Божіе пребывало съ нимъ въ особомъ *нравственномъ*, или относительномъ, соединеніи. Ересь несторіанская осуждена на III Вселенскомъ Соборѣ въ 431 г.

4) Узнавъ, что Православію на Ефесскомъ Соборѣ угрожаетъ насиліе, св. Далматъ, ставъ во главѣ игуменовъ, монаховъ и вѣрныхъ Православію христіанъ, пошелъ къ дворцу царя и съ мужествомъ говорилъ предъ императоромъ за истину; между тѣмъ до сего онъ 48 лѣтъ не выходилъ изъ монастыря, хотя царь и просилъ его объ этомъ, желая, чтобы великій подвижникъ участвовалъ въ общихъ молитвахъ объ избавленіи отъ землетрясенія.

5) Время кончины его съ точностію неизвѣстно; можно только сказать, что онъ жилъ еще при св. Проклѣ, Патріархѣ Константинопольскомъ (см. примѣч. 2-ое). Св. Димитрій Ростовскій говоритъ, что по неизданному житію Исаакія, Далмата и Фавста св. Далматъ скончался не менѣе 90 лѣтъ отъ рожденія 2 авг., погребенъ 3 авг. при патріархѣ Проклѣ, слѣдов. послѣ 434 г. и вѣроятно около 440 г.

6) О жизни его не сохранилось подробностей.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Поще́нїемъ возсїѧ́вшыѧ ꙗ҆́кѡ свѣти́ла, и҆ є҆́реси развраті́вшыѧ вѣ́рою, пѣ́сньми і҆саа́кїа восхва́лимъ, и҆ съ далма́томъ фа́ѵста, ꙗ҆́кѡ хрⷭ҇тѡ́вы ᲂу҆го́дники, того̀ молѧ́щыѧ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

КОСМЫ,

скопца отшельника

Въ книгѣ Лимонарь[1]) передается слѣдующій разсказъ пресвитера Викантійскаго монастыря аввы Василія о преподобномъ Космѣ.

«Во время моего пребыванія въ Антіохіи,—говорилъ пресвитеръ,—изъ Іерусалима пришелъ къ Святѣйшему Патріарху Григорію авва Косма, скопецъ изъ лавры[2]) Фаранской, это былъ строгій постникъ, ревнитель вѣры, твердый хранитель догматовъ церковныхъ, отлично знающій Святое Писаніе. Спустя немного дней послѣ своего прибытія въ Антіохію старецъ преставился; патріархъ приказалъ положить его честнòе тѣло въ своемъ монастырѣ, гдѣ былъ погребенъ нѣкоторый епископъ. Однажды я пошелъ ко гробу свя-

[1]) *Лимонарь* (греч. λειμωνάρειον, отъ λειμών—лугъ, пажить) — очень распространенное агіографическое сочиненіе Іоанна Мосха, греческаго инока (ум. въ 622 г.). Путешествуя по монастырямъ Палестины, Сиріи, Египта, Кипра, Константинополя и Рима, Мосхъ собралъ массу повѣствованій о жизни христіанскихъ подвижниковъ, собралъ также много ихъ изреченій и нравоученій; всѣ эти свѣдѣнія онъ и изложилъ въ своемъ «Лимонарѣ».—Извѣстны русскіе переводы «Лимонаря»: 1) Филарета, архіепископа Черниговскаго «Лугъ Духовный» (Москва, изд. 1848, 1850, 1853 гг.) и 2) безъименнаго издателя: «Лугъ, сирѣчь цвѣтникъ» (Москва, 1859 г.).

[2]) *Лавра*—съ греч. яз. часть города, персулокъ—собственно рядъ келлій, расположенныхъ вокругъ жилища настоятеля въ видѣ переулковъ и обнесенныхъ оградой или стѣной. Иноки въ лаврахъ вели отшельническій образъ жизни и подвизались каждый въ своей кельи, собираясь для Богослуженія въ первый и послѣдній день недѣли, а въ остальные дни, — сохраняя строгое безмолвіе; жизнь въ лаврахъ была много труднѣе, чѣмъ въ другихъ обителяхъ. Съ глубокой древности названіе лавры примѣняется къ многолюднымъ и важнымъ по своему значенію монастырямъ. Впервые появилось оно въ Египтѣ и затѣмъ въ Палестинѣ. Въ настоящее время у насъ имя лавры употребляется исключительно въ смыслѣ почетнаго названія.

таго старца, чтобы поклониться его праху, и здѣсь увидѣлъ нищаго, просившаго милостыню у входившихъ въ церковь. Замѣтивъ меня, онъ трижды поклонился при гробѣ и, сотворивъ іерейскую молитву объ упокоеніи преставившагося, сказалъ мнѣ:

— Великъ, господинъ авва[1]), старецъ, котораго вы погребли здѣсь два мѣсяца назадъ.

— Почему ты знаешь? — спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ:

— Я былъ двѣнадцать лѣтъ разслабленнымъ, — истину говорю, не лгу,—и черезъ этого старца Господь даровалъ мнѣ исцѣленіе. Когда я нахожусь въ скорби, онъ приходитъ и утѣшаетъ меня, доставляя мнѣ облегченіе. Я не скрою отъ тебя и другого чуда о немъ же: съ того самаго времени, какъ вы похоронили его, я слышу каждую ночь, какъ онъ говоритъ епископу: «Не прикасайся ко мнѣ и не приближайся, еретикъ, ты—врагъ святой Каѳолической Церкви.

Прп҃бный
Космѧ̀

Выслушавъ это, я пошелъ къ Патріарху и передалъ ему свой разговоръ съ нищимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ Патріарха взять тѣло старца и положить въ другомъ мѣстѣ. Но Святѣйшій Патріархъ сказалъ на это:

— Вѣрь мнѣ, сынъ мой, что ничего вреднаго не можетъ причинить еретикъ святому Космѣ: все, разсказанное тобою, произошло затѣмъ, чтобы отъ насъ не была скрыта ревность по вѣрѣ и добродѣтель старца и—чтобы обнаружилось нечестіе епископа, и онъ не почитался бы какъ православный.

Этотъ же пресвитеръ Василій передаетъ о преподобномъ Космѣ и другой разсказъ:

[1] Т. е. отецъ.

«Я пришелъ къ нему въ лавру, и старецъ разсказалъ мнѣ о себѣ, что однажды ему пришла на умъ мысль, что означаютъ слова Господа, обращенныя къ ученикамъ: **нынѣ иже имать влагалище, да возметъ такожде и мѣхъ: а иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ ножъ**[1]), и отвѣтъ Его: **довольно есть**, когда они сказали: **се ножа здѣ два**[2]). Долго размышлялъ старецъ надъ этими изреченіями Господа и, не придя ни къ какому рѣшенію, отправился въ полдень въ лавру Пирга къ аввѣ Ѳеофилу, чтобы попросить у него объясненія. Во время дороги, пролегавшей по пустынѣ, приближаясь къ Каламону, онъ увидѣлъ громаднаго змѣя, спускавшагося съ Каламонской горы. Змѣй былъ такъ великъ, что своею тяжестію оставлялъ на землѣ глубокій слѣдъ, а изгибы тѣла его образовывали большія дуги, онъ какъ разъ пересѣкалъ путь старца. Уразумѣвъ козни діавола, хотѣвшаго заставить преподобнаго отказаться отъ своего намѣренія, старецъ вооружился молитвою и безбоязненно продолжалъ свой путь: хранимый силою Божіей, онъ безъ всякаго вреда, точно сквозь ворота, прошелъ чрезъ изгибы тѣла змѣя. Придя къ аввѣ Ѳеодору, онъ предложилъ ему свой вопросъ и услышалъ отъ него такой отвѣтъ:

— Два ножа означаютъ два вида богоугодной жизни: дѣятельность, или трудъ, и созерцаніе, или погруженіе ума въ богомысліе и молитву. Кто обладаетъ двумя этими добродѣтелями, тотъ совершенный человѣкъ».

Къ своимъ сообщеніямъ о преподобномъ Космѣ пресвитеръ Василій добавилъ еще слѣдующее:

«Во время моего десятилѣтняго пребыванія въ лаврѣ Фаранской у преподобнаго Космы, къ которому я пришелъ въ самомъ началѣ своей иноческой жизни, онъ постоянно наставлялъ меня своими боговдохновенными бесѣдами; однажды, разсуждая со мною о спасеніи души, онъ привелъ одно выраженіе изъ словъ святаго Аѳанасія Великаго[3]) и при этомъ замѣтилъ:

— Когда или услышишь, или найдешь въ книгѣ какое-либо выраженіе святаго Аѳанасія, то, если не имѣешь хартіи, запиши его на твоей одеждѣ.

---

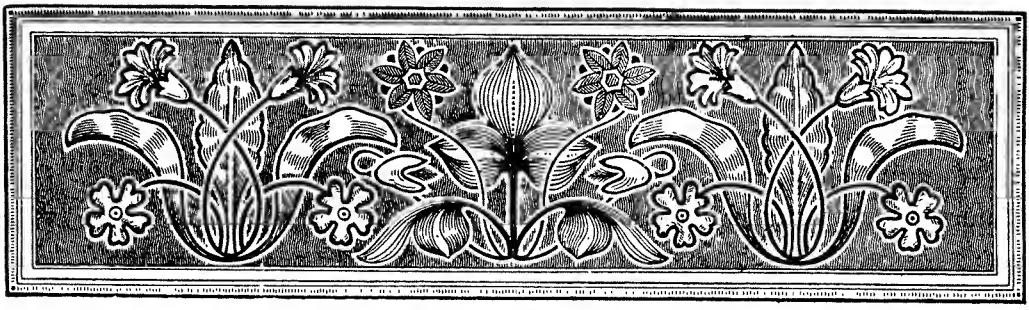
1) Еванг. отъ Луки, гл. **22**, ст. 36.

2) Еванг. отъ Луки, гл. **22**, ст. 38.

3) *Св. Аѳанасій*, архіепископъ Александрійскій,—ревностный дѣятель на защиту Православія противъ еретиковъ аріанъ, много потерпѣвшій отъ нихъ и скончавшійся въ 373 г. Отъ св. Аѳанасія остались сочиненія догматическія, по истолкованію Св. Писанія и нравоучительныя. Память его—18 января.

Такое уваженіе имѣлъ преподобный Косма къ великимъ Отцамъ и учителямъ Церкви: съ ними и онъ, по окончаніи своей богоугодной жизни здѣсь на землѣ, получилъ часть въ вѣчной жизни по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава и нынѣ, и присно.

Въ тотъ же день **преставленіе преподобнаго Антонія** Римлянина въ Новгородѣ въ 1147 году.



День четвертый

ПАМЯТЬ

СВЯТЫХЪ СЕМИ ОТРОКОВЪ ЕФЕССКИХЪ

Во дни нечестиваго Римскаго царя Декія[1]) Церковь Христова была гонима, и много рабовъ Христовыхъ — священнослужителей, церковнослужителей и другихъ вѣрныхъ, боясь безжалостнаго мучителя, принуждено было скрываться, гдѣ кто могъ. Когда, пылая ненавистію къ христіанамъ, Декій пришелъ изъ Карѳагена[2]) во Ефесъ[3]), то прежде всего приказалъ собраться жителямъ окрест-

---

[1]) *Декій*—императоръ въ 249—251 гг.

[2]) *Карѳагенъ* — городъ на Сѣверномъ берегу Африки, давшій свое имя основанному имъ великому западно-финикійскому государству, долго бывшему соперникомъ Рима, пока оно въ 146 г. (до Р. Хр.) не сдѣлалось провинціей Рима. Начало евангельской проповѣди соединяется здѣсь съ именемъ Епенета (Посл. къ Рим., **16**, 5), но какъ первый епископъ упоминается Оптатъ (202 г.); преемники его были митрополитами Сѣверо-Западной Африки; выдающимися епископами Карѳагенской Церкви, оказавшими сильное вліяніе на христіанскую литературу, являются Тертулліанъ, Кипріанъ и Августинъ. Карѳагенъ насчитываетъ много Помѣстныхъ Соборовъ, бывшихъ въ немъ по церковнымъ нуждамъ. Теперь на мѣстѣ Карѳагена, этого «Лондона древности»,—три бѣдныхъ арабскихъ деревеньки.

[3]) *Ефесъ*—главный городъ Иконіи въ Малой Азіи близъ устья Каистра, средоточіе для всей торговли передней Азіи въ древности. Славился храмомъ Артемиды—Діаны. Св. Ап. Павелъ въ концѣ своего второго миссіонерскаго путешествія пробылъ здѣсь немного времени (Дѣян., **18**, 19—26), а въ третье путешествіе пробылъ здѣсь болѣе двухъ лѣтъ (Дѣян., **19**), насаждая христіанство. Къ Ефесской Церкви Ап. Павелъ писалъ изъ Рима Посланіе, переданное Тихикомъ. Въ Ефесѣ долго жилъ св. Ап. Іоаннъ до и послѣ изгнанія на островъ Патмосъ; преданіе говоритъ, что любимый ученикъ Господа здѣсь окончилъ и жизнь свою. Первымъ епископомъ Ефеса былъ св. Тимоѳей, поставленный Ап. Павломъ. Впослѣдствіи епископы Ефеса получили патріаршія права. Теперь на мѣстѣ знаменитаго города жалкая турецкая деревушка Айя Селукъ (святой богословъ). Ефесъ въ исторіи Церкви замѣчателенъ какъ мѣсто III-го Вселенскаго Собора (431 г.), не считая нѣсколькихъ Помѣстныхъ.

ностей для принесенія жертвъ идоламъ. Ослѣпленный своею гордостію, царь поставилъ среди города идоловъ, устроивъ передъ ними жертвенники; вмѣстѣ съ царемъ, по его повелѣнію, на нихъ должны были принести жертвы сначала городскія власти. При этомъ всенародномъ праздничномъ жертвоприношеніи земля напоилась кровью и воздухъ наполнился смрада и дыма: такъ много заколалось и сжигалось животныхъ. Спустя два дня отъ царя вышло повелѣніе собрать всѣхъ христіанъ и заставить принести жертвы идоламъ. Христіанъ начали искать повсюду: ихъ вытаскивали изъ домовъ и пещеръ, соединяли въ одну толпу и съ безчестьемъ приводили на площадь, гдѣ собирался народъ, приносившій жертвы. Нѣкоторые изъ послѣдователей Христовыхъ, не обладавшіе крѣпостію душевною, боясь предстоящихъ мукъ, отпадали отъ вѣры и на глазахъ у всѣхъ поклонялись идоламъ. Другіе христіане, бывшіе или очевидцами, или слышавшіе о такихъ поступкахъ со стороны своихъ собратій по вѣрѣ, скорбѣли душею своею, оплакивая ихъ отпаденіе отъ Христа и ниспаденіе въ идолопоклонство; твердые же въ вѣрѣ и крѣпкіе духомъ безбоязненно шли на муки и, умирая отъ разнообразныхъ истязаній, мужественно полагали души свои за Господа своего. Мучимыхъ было такое великое множество, что кровь ихъ, истекавшая при нанесеніи ранъ и раздробленіи костей, лилась на землю, какъ вода, тѣла мучениковъ или бросались, какъ соръ при дорогѣ, или вѣшались кругомъ на городскихъ стѣнахъ, а головы на особыхъ колахъ ставились предъ городскими воротами; вороны, ястреба и другія плотоядныя птицы слетались къ стѣнамъ и пожирали тѣла умершихъ за вѣру. Для потаенныхъ и скрывающихся христіанъ доставляла великую печаль невозможность взять и погребсти тѣла братій, поѣдаемыя птицами; воздѣвая руки къ Небу, они съ рыданіями молились Господу, чтобы Онъ избавилъ Церковь Свою отъ такого мучительства.

Въ это время въ Ефесѣ находилось семь отроковъ, они были сыновьями уважаемыхъ городскихъ начальниковъ и служили въ войскѣ, имена ихъ слѣдующія: Максимиліанъ, Іамвлихъ, Мартиніанъ, Іоаннъ, Діонисій, Ексакустодіанъ и Антонинъ. Не будучи связаны узами тѣлеснаго родства, они были связаны узами родства духовнаго— вѣрою и любовію Христовою: они вмѣстѣ молились и постились, сораспинаясь Христу умерщвленіемъ плоти и строгимъ соблюденіемъ цѣломудрія. Видя постоянныя притѣсненія и жестокія казни

христіанъ, они сокрушались въ душѣ своей и не могли удержаться отъ слезъ и воздыханій.—Когда язычники вмѣстѣ съ царемъ отправились приносить жертву, святые отроки уклонились отъ нихъ; придя въ церковь христіанскую, они повергглись на землю предъ Господомъ и, посыпавъ прахомъ свои головы, возсылали къ Нему слезныя молитвы. Подобные поступки съ ихъ стороны не укрылись отъ взора нѣкоторыхъ людей (въ то время каждый наблюдалъ за другомъ своимъ, какому богу онъ молится, и предавалъ на смерть братъ брата, отецъ сына, сынъ отца; никто не скрывалъ ближняго своего, если замѣчалъ, что онъ молится Христу). Они тотчасъ же пошли къ царю и сказали:

— Царь, живи во вѣкъ! Ты призываешь издалека христіанъ, убѣждая приносить жертвы, а между тѣмъ находящіеся около тебя пренебрегаютъ твоей царской властью и, не слушая твоихъ повелѣній, нарушаютъ ихъ, держась христіанской вѣры.

Разгнѣванный царь спросилъ, кто именно противится его повелѣніямъ. Доносчики сказали:

— Максимиліанъ—сынъ городского правителя и шесть другихъ отроковъ, сыновей знатныхъ ефесскихъ гражданъ; всѣ они уже имѣютъ значительные военные чины.

Царь тотчасъ же велѣлъ схватить ихъ, заковать въ цѣпи и привести къ себѣ. Святые отроки скоро были приведены къ царю съ глазами еще не обсохшими отъ слезъ и со слѣдами праха на головѣ. Взглянувъ на нихъ, мучитель сказалъ:

— Почему вы не явились вмѣстѣ съ нами на праздникъ въ честь боговъ, которымъ покланяется вся вселенная? Подите теперь и, подобно другимъ, принесите богамъ должную жертву.

Святый Максимиліанъ отвѣчалъ:

— Мы исповѣдуемъ Единаго Бога и Царя Небеснаго, Своею славою наполнившаго Небо и землю, и Ему каждый часъ приносимъ духовную жертву вѣры и молитвы. Идоламъ же вашимъ, чтобы не осквернить душъ нашихъ, мы не принесемъ жертвъ, состоящихъ изъ сожженія животныхъ, сопровождаемаго смрадомъ и дымомъ.

Послѣ такого отвѣта царь велѣлъ отнять у юношей ихъ воинскіе пояса,—знакъ занимаемаго ими высокаго положенія:

— Вы не достойны,—сказалъ онъ,—служить въ войскѣ царя, ибо не повинуетесь ни ему, ни богамъ.

Однако видя красоту и молодость ихъ, царь сжалился надъ ними и сказалъ:

ст҃і́и мч҃нцы, и҆́же во є҆фе́сѣ

— Было бы безжалостно сейчасъ же предать мукамъ столь молодыхъ. Поэтому, прекрасные юноши, я даю вамъ время для размышленія, чтобы вы, образумившись, принесли жертву богамъ и, такимъ образомъ, сохранили себѣ жизнь.

Затѣмъ онъ приказалъ снять съ нихъ цѣпи и освободить ихъ до назначеннаго времени, а самъ удалился въ другой городъ, намѣреваясь опять возвратиться въ Ефесъ.

Святые же отроки, слѣдуя ученію Христову, дарованное имъ царемъ свободное время употребляли на добрыя дѣла: взявъ въ домѣ родителей своихъ золото и серебро, они раздавали его тайно и открыто нищимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они совѣщались между собою, говоря:

— Удалимся на время изъ города, пока въ него не возвратится царь, уйдемъ въ ту большую пещеру, которая находится въ горѣ на востокъ отъ города, и тамъ, пребывая въ безмолвіи, усердно помолимся Господу о дарованіи намъ крѣпости при предстоящемъ исповѣданіи Его святаго Имени, чтобы мы могли, безбоязненно явившись къ мучителю, мужественно перенести страданія и получить отъ Владыки нашего Христа уготованный вѣрнымъ рабамъ неувядаемый вѣнецъ славы.

Такъ сговорившись между собою, они отправились къ восточной горѣ, извѣстной подъ именемъ Охлонъ, захвативъ съ собою столько серебра, сколько нужно было для покупки пищи на нѣсколько дней. Придя въ находившуюся въ горѣ пещеру, они пробыли въ ней довольно продолжительное время, непрестанно славя Бога и молясь о спасеніи своихъ душъ. Хожденіе въ городъ для покупки нужнаго было поручено святому Іамвлиху — какъ самому младшему. Святый Іамвлихъ, весьма разумный отрокъ, отправляясь въ городъ, перемѣнялъ свои одежды на рубище, чтобы его не узнали; изъ захваченныхъ съ собою денегъ онъ отдѣлялъ часть для раздачи нищимъ, а на остальныя покупалъ пищу. Въ одно изъ такихъ посѣщеній города святый Іамвлихъ, скрывая свое имя, разузнавалъ, когда именно, скоро ли возвратится царь. Спустя достаточное время святый Іамвлихъ, подъ видомъ нищаго, снова пришелъ въ городъ и самъ увидѣлъ вшествіе возвратившагося съ пути царя и слышалъ оповѣщенное въ городѣ его повелѣніе, чтобы всѣ градоначальники и военачальники на слѣдующее утро приготовились для принесенія жертвъ богамъ,—столь ревностный язычникъ былъ царь. Кромѣ того, Іамвлихъ услышалъ,

что царь велѣлъ отыскать и ихъ, отпущенныхъ на время, чтобы они вмѣстѣ съ другими гражданами въ его присутствіи принесли жертвы идоламъ. Испуганный Іамвлихъ, захвативъ немного хлѣба, поспѣшилъ къ братьямъ въ пещеру; здѣсь онъ разсказалъ имъ все, что видѣлъ и слышалъ, сообщилъ также и о томъ, что ихъ уже ищутъ для принесенія жертвъ. Эти извѣстія привели ихъ въ страхъ: павъ на землю съ плачемъ и стенаніями, они молились Богу, поручая себя Его покровительству и милосердію. Возставъ отъ молитвы, святый Іамвлихъ приготовилъ трапезу, состоявшую изъ небольшого количества принесеннаго хлѣба. Былъ уже вечеръ, и солнце заходило; сѣвши, святые отроки подкрѣпили себя пищею, ожидая предстоящихъ мученій. Окончивъ скудную трапезу, они бесѣдовали между собою, ободряя и поощряя другъ друга къ мужественному перенесенію страданій за Христа. Во время этой душеспасительной бесѣды ихъ стало клонить ко сну: отъ сердечной печали отяжелѣли очи ихъ. Милостивый же и человѣколюбивый Господь, всегда пекущійся о Церкви Своей и вѣрныхъ рабахъ Своихъ, повелѣлъ семи святымъ отрокамъ уснуть дивнымъ и необычайнымъ сномъ, желая въ будущемъ явить дивное чудо и увѣрить сомнѣвающихся относительно воскресенія мертвыхъ. Святые уснули сномъ смертнымъ, души же ихъ хранились въ руцѣ Божіей, а тѣла лежали нетлѣнными и неизмѣненными, какъ у спящихъ.

Утромъ царь приказалъ отыскать семь благородныхъ отроковъ и послѣ тщетныхъ поисковъ сказалъ вельможамъ:

— Я жалѣю юношей, потому что они были изъ знатнаго рода и отличались красотою. Думаю, что они, боясь гнѣва нашего, убѣжали куда-нибудь и скрываются, хотя, по милосердію своему, мы готовы щадить тѣхъ, которые, покаявшись, опять обращаются къ богамъ.

Вельможи отвѣчали на это:

— Не печалься, царь, объ этихъ юношахъ, противящихся тебѣ и богамъ: мы слышали, что они не только не покаялись, но сдѣлались еще злѣйшими хулителями боговъ: раздавъ городскимъ нищимъ множество золота и серебра, они безслѣдно исчезли. Если позволишь, то можно призвать родителей ихъ и пытками заставить открыть мѣсто, гдѣ находятся сыновья.

Царь, не медля, приказалъ призвать родителей святыхъ отроковъ и сказалъ имъ:

— Скажите, не утаивая, гдѣ ваши, опозорившіе мое царство,

сыновья? Вмѣсто нихъ я велю погубить васъ: вѣдь вы дали имъ золото и серебро и отослали куда-то, чтобы они не явились предъ лицемъ нашимъ.

Родители отвѣчали:

— Прибѣгаемъ къ твоему милосердію, царь! Выслушай насъ безъ гнѣва: мы не замышляемъ козней противъ твоего царства, никогда не нарушаемъ твоихъ повелѣній и постоянно приносимъ жертвы богамъ,—за что же намъ грозишь смертью? Если же сыновья наши развратились, то не мы учили ихъ этому, мы не давали имъ золота и серебра; они сами тайно взяли его и, раздавъ неимущимъ, убѣжали и скрылись, по дошедшимъ до насъ слухамъ, въ великой пещерѣ горы Охлонъ. Прошло уже много дней, а они все не возвращаются: не знаемъ, живы ли они тамъ, или нѣтъ.

Царь, выслушавъ, отпустилъ родителей, а потомъ велѣлъ завалить каменьями входъ въ пещеру, говоря:

— Такъ какъ они не покаялись, не обратились къ богамъ и не явились ко мнѣ, то пусть отнынѣ не видятъ болѣе лица человѣческаго и погибнутъ отъ голода и жажды въ заваленной камнями пещерѣ.

Царь и жители Ефеса думали, что отроки еще живы, не зная, что они отошли уже ко Господу. Въ то время, когда задѣлывали входъ въ пещеру, два царскихъ постельничихъ Ѳеодоръ и Руфинъ, тайные христіане, описали на двухъ оловянныхъ дощечкахъ страданія семи святыхъ отроковъ, сообщивъ и ихъ имена, потомъ они вложили эти дощечки въ мѣдный ящичекъ и поставили послѣдній среди камней, положенныхъ въ пещерномъ ходѣ: если, думали они, Господь посѣтитъ рабовъ Своихъ до Своего славнаго Пришествія, и пещера когда-нибудь будетъ открыта, и найдены будутъ тѣла святыхъ, тогда по нашему описанію узнаютъ объ именахъ и дѣлахъ ихъ и поймутъ, что эти тѣла — тѣла мучениковъ, умершихъ въ загражденной пещерѣ за исповѣданіе Христа. Такъ былъ заваленъ входъ въ пещеру, при чемъ на него была навѣшена печать.

Вскорѣ послѣ этого умеръ нечестивый Декій. Послѣ него было много и другихъ нечестивыхъ царей, также гнавшихъ Церковь Божію, пока съ Константина Великаго[1]) не наступило время хри-

[1]) *Константинъ Великій* — Римскій императоръ, сынъ Констанція Хлора, правителя западной части Римской имперіи, и Елены, родился въ 274 году. По смерти отца войско провозгласило его императоромъ, и онъ благодаря этому сдѣлался обладателемъ Галліи и Испаніи. Послѣ продолжительной борьбы съ начальниками другихъ областей римскаго государства, Лициніемъ и Максентіемъ, Константинъ объявилъ себя въ 324 году независи-

стіанскихъ царей. Во дни благочестиваго царя Ѳеодосія Младшаго[1]), когда прошло уже довольно продолжительное время со смерти Константина Великаго, появились еретики, отрицавшіе воскресеніе мертвыхъ, хотя Господь Іисусъ Христосъ и передалъ объ этомъ Церкви Своей ясное, уничтожающее всякое сомнѣніе, ученіе. И, однако, многіе усомнились, и не только міряне, но даже нѣкоторые епископы сдѣлались послѣдователями ереси. Со стороны уклонившихся въ ересь вельможъ и епископовъ — изъ послѣднихъ особенно выдѣлялся епископъ Егинскій Ѳеодоръ — возникло сильное гоненіе на православныхъ. Одни изъ еретиковъ говорили, что за гробомъ люди не могутъ разсчитывать на воздаяніе, ибо по смерти уничтожается не только тѣло, но и душа; другіе же утверждали, что души будутъ имѣть свое воздаяніе,— одни тѣла истлѣютъ, погибнутъ.

Какъ могутъ, говорили они, возстать эти тѣла, спустя цѣлыя тысячелѣтія, когда нѣтъ уже и самаго праха ихъ?

Такъ умствовали еретики, въ своемъ нечестіи забывая слова Христовы въ Евангеліи: **мертвіи оуслышатъ гласъ сна божіа, и оуслышавше оживутъ**[2]), забыли и написанное у Пророка Даніила: **мнози ѿ спящихъ въ земнѣй персти возстанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а оніи во оукоризну и въ стыдѣніе вѣчное**[3]); и Пророка Іезекіиля, го-

мымъ правителемъ и объединилъ подъ своею властію всю имперію. Константинъ Великій замѣчателенъ своею дѣятельностію на пользу Церкви Христовой; за эту именно дѣятельность исторія называетъ его Великимъ, а Церковь—равноапостольнымъ. Поворотъ къ христіанству въ законодательной дѣятельности Константина Великаго начинается съ манифеста 313 года о вѣротерпимости, изданнаго въ Медіоланѣ за подписью его и Лициніи: въ этомъ манифестѣ, между прочимъ, разрѣшался свободный переходъ въ христіанство всякому желающему. Вскорѣ появились указы объ освобожденіи клириковъ отъ всѣхъ личныхъ повинностей и Церкви отъ податей; законъ 321 года разрѣшалъ дѣлать вклады въ христіанскую Церковь; въ слѣдующемъ году запрещено было христіанъ насильственно привлекать на языческія празднества. Сдѣлавшись единодержавнымъ, Константинъ Великій уничтожилъ указы и постановленія прежнихъ императоровъ, изданныя противъ христіанъ; онъ возвратилъ права, имущество и свободу всѣмъ, лишившимся ихъ въ прежнее время за исповѣданіе христіанства. Особымъ указомъ имъ было предписано посвящать Богу воскресный день и другіе праздничные дни; во время праздниковъ закрывались зрѣлища и суды. Въ Церкви Константинъ Великій старался поддерживать миръ и согласіе; для прекращенія аріанскихъ смутъ имъ былъ созванъ первый вселенскій соборъ въ Никеѣ (325 г.). Не желая пребывать въ Римѣ, гдѣ язычество было особенно сильно, Константинъ Великій перенесъ столицу въ Византію; здѣсь онъ уничтожилъ идоловъ и украсилъ городъ христіанскими храмами. Въ 337 году онъ принялъ Крещеніе, послѣ котораго вскорѣ умеръ на 65 г. жизни. Въ V вѣкѣ Церковь причислила Константина Великаго къ лику святыхъ; память его — 21 мая.

[1]) *Ѳеодосій II* —императоръ въ 408—450 гг.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 25.

[3]) Кн. Прор. Дан., гл. 12, ст. 2.

ворящаго отъ лица Божія: **сѐ а҆́зъ ѿве́рзꙋ гро́бы ва́ша, и҆ и҆зведꙋ вы̀ ѿ гробѡ́въ ва́шихъ, лю́дїе мои̇̀** [1]). Не помня этого ученія Священнаго Писанія, еретики производили большія смуты въ Церкви Божіей. Они доставляли царю Ѳеодосію сильную печаль: онъ усердно въ постѣ и слезахъ молился Богу, чтобы Онъ, Творецъ всего, избавилъ отъ пагубной ереси Церковь Свою. Милостивый Господь, не хотя, чтобы кто-нибудь, заблуждаясь въ истинахъ вѣры, погибъ, услышалъ молитву царя и слезныя стенанія многихъ вѣрныхъ и явно открылъ тайну ожидаемаго воскресенія мертвыхъ и вѣчной жизни. По дѣйствію Божественнаго Промысла произошло слѣдующее. Нѣкоторый мужъ, по имени Адолій, владѣтель горы Охлонъ, гдѣ въ загражденной пещерѣ пребывали спящіе отроки, имѣя на горѣ свободное мѣсто, захотѣлъ тамъ сдѣлать ограду для овецъ. При ея постройкѣ рабы брали каменья, которыми былъ заваленъ входъ въ пещеру; совершенно не предполагая, что въ горѣ находится пещера, они думали, что камни составляютъ естественную часть горы. Отсѣкая камни и унося ихъ на мѣсто работы, они образовали въ устьи пещеры отверстіе, въ которое могъ свободно пролѣзть человѣкъ. Въ это время Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Владыка жизни и смерти, воздвигшій нѣкогда четверодневнаго Лазаря [2]), воздвигъ уже много лѣтъ спавшихъ [3]) и семь святыхъ отроковъ: по Его Божественному велѣнію, святые мученики воскресли, какъ бы пробудившись отъ сна. Возставъ, они прежде всего вознесли утреннее славословіе Господу, послѣ чего, по обычаю, привѣтствовали другъ друга. Имъ казалось, что они пробудились отъ обыкновеннаго ночного сна, потому что ничто не указывало имъ на пробужденіе отъ смерти: одежды на нихъ были совершенно неповреждены, внѣшній видъ нисколько не измѣнился,—по-прежнему они цвѣли здоровьемъ и красотою. Все невольно приводило святыхъ отроковъ къ мысли, что они вчера уснули, а теперь, утромъ, пробудились. Вступивъ въ бесѣду между собою, они съ печалью вспоминали о гоненіи на христіанъ и о томъ, что имъ надлежитъ отправляться въ городъ по приказанію царя, повелѣвшему приносить жертвы идоламъ; они были увѣрены, что Декій ищетъ ихъ для мученій. Обратившись ко святому Іам-

---

1) Кн. Прор. Іезек., гл. 37, ст. 12.
2) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 39, 43—44.
3) Около двухсотъ лѣтъ.

влиху, они просили его снова разсказать, что онъ слышалъ въ городѣ. Святый Іамвлихъ отвѣчалъ:

— Что сказалъ вамъ вчера, то скажу и сегодня: царь велѣлъ въ нынѣшній день всѣмъ гражданамъ быть готовыми для жертвоприношенія, велѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, искать и насъ, чтобы мы вмѣстѣ со всѣми на его глазахъ поклонились идоламъ, а если не сдѣлаемъ этого, то онъ предастъ насъ мукамъ.

Тогда святый Максимиліанъ сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Братья, выйдемъ и явимся безбоязненно предъ Декіемъ: долго ли будемъ сидѣть здѣсь подобно малодушнымъ? Изыдемъ и безъ страха предъ царемъ земнымъ исповѣдуемъ Царя Небеснаго, Истиннаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, а за славу Его святаго Имени прольемъ свою кровь, положимъ души наши, не будемъ бояться мучителя и мукъ смертныхъ: они не могутъ лишить насъ жизни вѣчной, которой мы ожидаемъ по вѣрѣ во Христа Іисуса. Ты же, братъ Іамвлихъ, озаботься приготовленіемъ для насъ въ обычное время пищи, возьми сребреникъ и иди въ городъ, тамъ купи хлѣба въ бо́льшемъ, чѣмъ вчера, количествѣ,— ты вчера принесъ мало, и мы голодны теперь; узнай, что приказалъ относительно насъ Декій, и возвращайся поскорѣе, чтобы, подкрѣпившись пищею, мы могли по собственной волѣ выйти отсюда и предать самихъ себя на мученія.

Святый Іамвлихъ взялъ сребреникъ и отправился въ городъ; было очень рано, только что начало разсвѣтать.

Выходя изъ пещеры, святый Іамвлихъ къ удивленію своему увидѣлъ камни; что это значитъ, подумалъ онъ, когда они положены? Вчерашній день ихъ здѣсь не было. Спустившись съ горы, онъ шелъ со страхомъ, опасаясь войти въ городъ, гдѣ его могли узнать и свести къ царю. Приблизившись къ городскимъ воротамъ, святый Іамвлихъ съ великимъ изумленіемъ замѣтилъ на нихъ Честный Крестъ, прекрасной художественной работы. И всюду, куда онъ не обращалъ взоры свои, вездѣ съ тѣмъ же изумленіемъ замѣчалъ другія зданія, жилища и стѣны. Святый Іамвлихъ пошелъ къ другимъ воротамъ города и тамъ съ недоумѣніемъ увидѣлъ изображеніе Честнаго Креста, поставленное на стѣнѣ; онъ обошелъ всѣ ворота города и вездѣ видѣлъ Святые Кресты. Отъ недоумѣнія святый Іамвлихъ близокъ былъ къ безумію. Возвратившись опять къ первымъ воротамъ, онъ думалъ: что же это значитъ? Вчера нигдѣ не было изображеній Честнаго Креста, кромѣ

тѣхъ, которые тайно хранились у вѣрныхъ, а теперь они открыто поставлены на воротахъ и стѣнахъ города, вижу ли я ихъ на самомъ дѣлѣ или мнѣ только кажется? Не во снѣ ли я? Ободрившись, онъ вошелъ въ городъ. Пройдя немного, святый Іамвлихъ услышалъ, что многіе клянутся Именемъ Христовымъ. Онъ пришелъ въ ужасъ, размышляя: вчера никто не смѣлъ открыто произнести Имя Христово, теперь же я слышу его изъ многихъ устъ; по-видимому, это не Ефесъ, а какой-то другой городъ, при этомъ и зданія другія, и на людяхъ совершенно иныя одежды. Продолжая путь свой, онъ спросилъ одного человѣка:

— Какъ называется этотъ городъ?

— Ефесъ, — отвѣчалъ тотъ.

Святый Іамвлихъ не повѣрилъ и по-прежнему думалъ: безъ сомнѣнія, я попалъ въ какой-то другой городъ, нужно скорѣе купить хлѣба и поторопиться выйти изъ города, чтобы окончательно не заблудиться. Приблизившись къ продавцу хлѣбовъ, онъ вынулъ сребреникъ и отдалъ ему для уплаты за хлѣбъ, и остановился, ожидая покупку и сдачу. Сребреникъ былъ очень великъ и имѣлъ на себѣ надпись и изображеніе древнѣйшихъ царей. Продавецъ взялъ сребреникъ и показалъ его другому, тотъ подалъ третьему, а этотъ четвертому, подошли и другіе присутствовавшіе при этомъ. Глядя на сребреникъ, всѣ удивлялись его древности и, осматривая святаго Іамвлиха, говорили на ухо другъ другу:

— Навѣрное, этотъ отрокъ нашелъ какое-нибудь, спрятанное во дни глубокой древности, сокровище.

Святый Іамвлихъ, замѣтивъ ихъ шепотъ, испугался, думая, что его узнали и сговариваются о томъ, чтобы его схватить и представить царю Декію.

— Прошу васъ,—сказалъ онъ,—возьмите себѣ сребреникъ: я не хочу съ него сдачи.

Но окружавшіе схватили святаго Іамвлиха и, удерживая, говорили:

— Открой намъ, откуда ты и какимъ образомъ нашелъ сокровище временъ древнихъ царей. Удѣли намъ часть, и мы не скажемъ о тебѣ, а если ты не согласишься раздѣлить его вмѣстѣ съ нами, мы предадимъ тебя судьѣ.

Слыша это, святый Іамвлихъ удивлялся и, недоумѣвая, молчалъ. Они же продолжали:

— Нельзя уже утаить это сокровище,—гдѣ оно, скажи лучше по собственной волѣ, пока не заставятъ этого сдѣлать пытки.

Святый Іамвлихъ не зналъ, что имъ сказать, и молчалъ подобно нѣмому. Тогда мужи сняли съ него поясъ и, одѣвъ ему на шею, держали его среди торговой площади; среди народа разнесся слухъ, что схваченъ какой-то отрокъ, нашедшій сокровище. Святаго Іамвлиха окружила большая толпа; всѣ смотрѣли на лице его, говоря: онъ не здѣшній, мы раньше никогда не видали его. Святый же Іамвлихъ, хотя и желалъ сказать, что онъ не нашелъ никакого сокровища, но отъ сильнаго изумленія не могъ сказать ни одного слова; онъ глядѣлъ на толпу, стараясь найти кого-нибудь изъ знакомыхъ или кого-нибудь изъ домашнихъ — отца, матерь или раба. Никого не находя и не узнавая, онъ пришелъ еще въ бо́льшее удивленіе: вчера его всѣ знали какъ сына знатнаго человѣка, а сегодня не только никто его не узнаетъ, но и самъ онъ не находитъ никого изъ знакомыхъ. Распространившійся по городу слухъ о взятіи святаго Іамвлиха дошелъ до начальника города и епископа Стефана[1]): по Божію смотрѣнію, оба они въ это время находились вмѣстѣ и вели между собою бесѣду; оба они велѣли привести къ себѣ юношу, захваченнаго со сребреникомъ.

Во время пути святый Іамвлихъ думалъ, что его ведутъ къ царю Декію, и еще прилежнѣе глядѣлъ въ народъ, надѣясь увидѣть кого-нибудь изъ знакомыхъ, но всѣ ожиданія его были напрасны. Когда его привели къ начальнику города и епископу, то они взяли сребреникъ и, разсматривая его, дивились, такъ какъ онъ относился ко времени очень древнихъ царей. Потомъ начальникъ города спросилъ святаго Іамвлиха:

— Гдѣ найденное тобою сокровище? Конечно, ты оттуда взялъ этотъ сребреникъ.

— Я не знаю никакого сокровища,—отвѣчалъ святый Іамвлихъ.— Мнѣ одно лишь извѣстно, что онъ взятъ мною у моихъ родителей и ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ, употребляемыхъ въ этомъ городѣ, сребрениковъ. Я удивляюсь и недоумѣваю, что такое со мною дѣлается.

— Откуда ты? — спросилъ градоначальникъ.

Святый отвѣчалъ:

— Думаю, что изъ этого города.

Градоначальникъ сказалъ на это:

---

[1]) По другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, описываемое событіе было при предшественникѣ Стефана св. Мемнонѣ, память котораго — 16 декабря.

— Чей ты сынъ? Находится ли здѣсь кто-нибудь изъ знающихъ тебя? Тогда пусть онъ придетъ и засвидѣтельствуетъ справедливость твоихъ словъ, и мы отпустимъ тебя.

Святый Іамвлихъ назвалъ по имени отца, мать, дѣда, братьевъ и другихъ родственниковъ; никто не зналъ ихъ.

— Ты говоришь неправду,—возразилъ градоначальникъ, — называешь какія-то странныя и необычайныя имена, какихъ мы никогда и не слыхали.

Святый отрокъ въ недоумѣніи молчалъ, опустивъ голову, одни изъ присутствовавшихъ говорили:

— Онъ юродивый.

— Нѣтъ, онъ лишь притворяется такимъ, чтобы избѣгнуть бѣды,—отвѣчали другіе.

Градоначальникъ съ гнѣвомъ началъ угрожать святому Іамвлиху:

— Какъ мы можемъ вѣрить тебѣ, когда ты говоришь, что этотъ сребреникъ ты взялъ изъ числа другихъ, употребляемыхъ твоими родителями? Вѣдь на немъ изображеніе и надпись древняго царя Декія, по смерти котораго прошло уже много лѣтъ, и сребреникъ совсѣмъ не похожъ на тѣ, какіе ходятъ нынѣ. Неужели родители твои такъ стары, что помнятъ царя Декія и имѣютъ его сребреники? Ты еще молодъ, не имѣешь тридцати лѣтъ, и хочешь своимъ коварствомъ обмануть старцевъ и мудрецовъ ефесскихъ. Я тебя брошу въ темницу, подвергну наказанію и не отпущу до тѣхъ поръ, пока не скажешь правды, не откроешь, гдѣ найденное тобою сокровище.

Во время этой рѣчи градоначальника святый Іамвлихъ, съ одной стороны, убоялся его угрозъ, съ другой,—удивился при словахъ, что Декій былъ въ древнее время; упавъ на колѣна, онъ сказалъ:

— Молю васъ, господіе мои, отвѣтьте мнѣ на то, о чемъ я васъ спрошу, а я самъ разскажу вамъ все безъ принужденія: царь Декій находится ли въ городѣ, онъ живъ или нѣтъ?

Епископъ отвѣчалъ ему:

— Въ настоящее время, сынъ мой, въ этой странѣ нѣтъ царя по имени Декій. Въ прежніе годы, во времена древнія, дѣйствительно, былъ такой царь; теперь царствуетъ благочестивый Ѳеодосій.

Тогда святый Іамвлихъ сказалъ:

— Молю васъ, пойдемте со мною, и я покажу вамъ въ пещерѣ горы Охлонъ своихъ друзей, отъ которыхъ убѣдитесь въ справед-

ливости сказаннаго мною. Мы дѣйствительно, убѣгая отъ Декія, нѣсколько дней тому назадъ удалились отсюда и скрылись въ той пещерѣ; Декія я вчера видѣлъ, когда онъ входилъ въ Ефесъ, теперь же я не знаю, Ефесъ это или какой другой городъ.

Епископъ, размышляя, говорилъ въ себѣ: «Богъ хочетъ открыть черезъ этого юношу какую-то тайну».

— Идемъ съ нимъ, — обратился онъ къ градоначальнику, — и посмотримъ: что-то чудесное имѣетъ совершиться.

Поднявшись, епископъ и градоначальникъ пошли съ юношею, за ними послѣдовали всѣ городскія власти и множество народа. Когда шествіе достигло до горы, святый Іамвлихъ первый вошелъ въ пещеру, а епископъ, слѣдуя за нимъ съ остальными, нашелъ при входѣ въ пещеру, между двумя камнями, мѣдный ящичекъ съ двумя серебряными печатями; открывши передъ всѣми ящичекъ, епископъ и градоначальникъ нашли въ немъ двѣ оловянныя дощечки, въ которыхъ было написано, что семь святыхъ отроковъ — Максимиліанъ, сынъ городского начальника, Іамвлихъ, Мартиніанъ, Іоаннъ, Діонисій, Ексакустодіанъ и Антонинъ — бѣжали отъ царя Декія и скрылись въ этой пещерѣ; повелѣніемъ же Декія входъ въ пещеру былъ заваленъ каменьями, и святые отроки умерли въ ней мученическою смертью за Христа. Послѣ этого чтенія всѣ пришли въ изумленіе и громко прославляли Бога.

Войдя въ пещеру, они нашли святыхъ отроковъ, цвѣтущихъ красотою; лица ихъ выражали радость и сіяли свѣтомъ благодати Божіей; епископъ, градоначальникъ и народъ припали къ ногамъ святыхъ отроковъ, воздавая хвалу Богу, сподобившему ихъ увидѣть столь славное чудо. Святые отроки разсказали имъ все о себѣ, о Декіи, — каково было при немъ гоненіе на христіанъ. Тотчасъ епископъ и градоначальникъ послали письмо благовѣрному царю Ѳеодосію, прося его прислать честныхъ мужей, чтобы видѣть чудо, явленное Господомъ въ его царствованіе: «Ибо, писали они, въ наши дни показалъ Господь въ воскресеніи тѣлъ святыхъ отроковъ образъ будущаго всеобщаго воскресенія не только души, но и тѣла».

Царь Ѳеодосій, получивъ извѣстіе, пришелъ въ сильную радость и тотчасъ, въ сопровожденіи вельможъ и множества народа, поспѣшилъ изъ Константинополя въ Ефесъ, гдѣ былъ встрѣченъ торжественно, какъ подобало его высокому положенію. Епископъ, градоначальникъ и другіе городскія власти повели царя къ пещерѣ.

Когда Ѳеодосій, проникнувъ внутрь пещеры, увидѣлъ подобныхъ Ангеламъ святыхъ отроковъ, то палъ къ ногамъ ихъ, они же, простерши руки, подняли его съ земли. Возставъ, царь съ любовію обнялъ святыхъ отроковъ и, лобызая ихъ, не могъ воздержаться отъ слезъ, потомъ, сѣвши противъ нихъ на землѣ, онъ съ умиленіемъ глядѣлъ на нихъ и славилъ Бога:

— Господа мои,—говорилъ онъ,—въ лицѣ вашемъ я вижу Самого Царя и Владыку моего Христа, нѣкогда воздвигшаго Лазаря изъ гроба: нынѣ Онъ и васъ воздвигъ Своимъ всесильнымъ Словомъ, чтобы явно возвѣстить намъ о грядущемъ воскресеніи мертвыхъ, когда находящіеся въ гробахъ, услышавъ гласъ Сына Божія, оживутъ и изыдутъ изъ нихъ нетлѣнны.

Святый Максимиліанъ сказалъ царю:

— Отнынѣ царство твое за твердость вѣры твоей будетъ несокрушимо, и Іисусъ Христосъ, Сынъ Бога Живаго[1]), сохранитъ его во Имя Святое Свое отъ всякаго зла; вѣрь, что ради тебя Господь воскресилъ насъ прежде дня всеобщаго воскресенія.

Во время довольно продолжительной бесѣды святые отроки говорили царю и много другихъ душеспасительныхъ истинъ, а царь съ епископомъ, вельможами и народомъ внималъ имъ съ радостію духовною. (Греческій описатель церковныхъ событій Никифоръ Каллистъ прибавляетъ, что царь въ теченіе недѣли каждый день раздѣлялъ съ ними трапезу и служилъ имъ.) Послѣ этихъ собесѣдованій святые отроки на глазахъ у всѣхъ, наслаждавшихся ихъ лицезрѣніемъ, опять склонили головы на землю и уснули по Божію повелѣнію смертнымъ сномъ. Сильно плакалъ царь надъ ними, и всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ слезъ[2]).

Царь велѣлъ приготовить изъ серебра и золота семь гробницъ, чтобы положить въ нихъ тѣла святыхъ отроковъ. Въ ту же ночь

---

[1]) Сравн.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 16.

[2]) Эта чудесная исторія имѣетъ весьма сильныя, неопровержимыя доказательства своей достовѣрности: современникъ—описатель этого событія, св. Іоаннъ Коловъ († ок. 422 г. или въ I-ой полов. V в.) говоритъ объ семъ событіи въ житіи Паисія Великаго (19 іюня); Сирскій писатель, православный епископъ Саругенскій (въ Месопотаміи) Іаковъ оставилъ описаніе этого событія; оно въ переводѣ было извѣстно Григорію Турскому († 594). Сирійцы—Марониты, въ VII в. отдѣлившіеся отъ Православной Церкви, въ своей службѣ чтутъ святыхъ отроковъ; они находятся въ еѳіопскомъ календарѣ и древнихъ римскихъ мартирологахъ; исторія ихъ была извѣстна Магомету и многимъ арабскимъ писателямъ. Пещера отроковъ до сихъ поръ показывается близъ Ефеса въ ребрахъ горы Пріона. Послѣднее извѣстіе о мощахъ ихъ относится къ XII вѣку, когда ихъ видѣлъ нашъ паломникъ по святымъ мѣстамъ игуменъ Даніилъ. Дальнѣйшая судьба честныхъ мощей неизвѣстна.

они явились во снѣ царю, повелѣвая ему не трогать ихъ, но оставить почивать на землѣ, какъ они почивали прежде. На мѣстѣ успенія святыхъ отроковъ собрался сонмъ святителей, которые, сотворивъ свѣтлый праздникъ, достойно почтили святыхъ мучениковъ. Царь же роздалъ щедрую милостыню нищимъ и убогимъ той страны, отпустилъ на свободу находившихся въ темницахъ, послѣ чего съ радостію возвратился въ Царьградъ, славя Христа Бога нашего, Ему же и отъ насъ грѣшныхъ да будетъ честь и слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

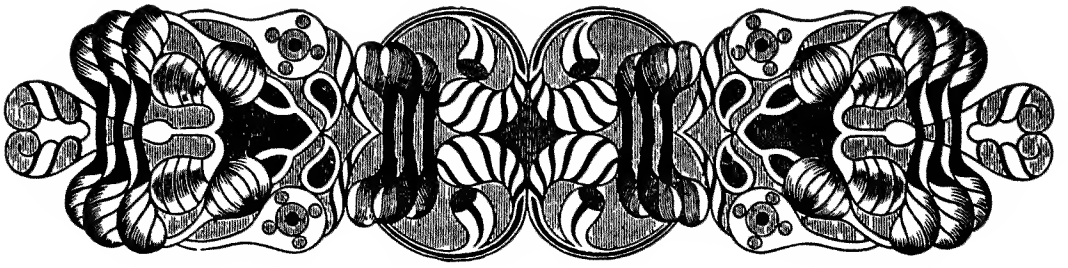
Ве́лїѧ вѣ́ры чꙋ́десѐ, въ пеще́рѣ ꙗ҆́кѡ въ черто́зѣ ца́рскомъ, ст҃їи се́дмь ѻ҆́троцы пребы́ша, и҆ ᲂу҆мро́ша безъ̀ тлѝ: и҆ по мно́зѣхъ временѣ́хъ воста́ша ꙗ҆́кѡ ѿ сна̀, во ᲂу҆вѣре́нїе воскр҃нїѧ всѣ́хъ человѣ́кѡвъ. тѣ́хъ мл҃твами, хр҃тѐ бж҃е, поми́лꙋй на́съ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ми́ра сꙋ́щаѧ тлѣ́ннаѧ презрѣ́вше, и҆ нетлѣ́нныѧ да́ры прїе́мше, ᲂу҆ме́рше кромѣ̀ тлѣ́нїѧ пребы́ша: тѣ́мже востаю́тъ по мно́гихъ лѣ́тѣхъ, всѐ погре́бше лю́тыхъ невѣ́рїе: ꙗ҆́же во хвале́нїи дне́сь вѣ́рнїи восхвалѧ́юще, хр҃та̀ воспои́мъ.

Въ тотъ же день **память преподобномученицы Евдокіи**, пострадавшей въ Персіи при Сапорѣ, около 362—364 года.

Въ тотъ же день **память святаго мученика Елевѳерія**, служившаго постельничимъ (кувикуларіемъ) при дворѣ Максиміана и, по его повелѣнію, за Христа мечомъ усѣченнаго.



День пятый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПОНТІЯ, римлянина

«Кто можетъ увѣровать, если Господь не привлечетъ къ Себѣ? Кто можетъ совершать подвиги, если Господь не поможетъ? Кто можетъ удостоиться мученическаго вѣнца, если Христосъ не даруетъ его? И я, недостойный,—говоритъ описатель настоящаго житія Валерій, воспитывавшійся и учившійся вмѣстѣ со святымъ мученикомъ Понтіемъ,—не получилъ такой благодати, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и умереть за Христа, но ради его подвиговъ и мученичества надѣюсь на милость отъ Господа. Все, что я говорю о немъ,—призываю во свидѣтели Христа и Его Ангеловъ,—видѣлъ я своими глазами, слышалъ своими ушами и даже отчасти раздѣлялъ съ нимъ. Ради этого и вы вѣрьте настоящему правдивому повѣствованію, и за вѣру вашу вы получите вмѣстѣ со святымъ мученикомъ награду отъ Господа въ день воскресенія мертвыхъ».

Въ Римѣ[1]) жилъ почтенный сенаторъ Маркъ; онъ былъ бездѣтенъ, что доставляло большую печаль какъ ему, такъ и женѣ его Юліи. На двадцать второмъ году супружества Юлія къ великой радости почувствовала, что она забеременѣла; на пятомъ мѣсяцѣ беременности она, обходя вмѣстѣ со своимъ мужемъ идоль-

---

[1]) См. житіе *св. Фавія* (стр.84), примѣч. 2-е.

скія капища,—оба они были язычники,—пришла въ храмъ Дія, называвшагося великимъ. Здѣсь Юлія взглянула на жреца, который съ вѣнцомъ на головѣ совершалъ жертвоприношеніе предъ идоломъ; вдругъ жрецъ пришелъ въ сильнѣйшее возбужденіе и, снявши съ себя вѣнецъ, началъ раздроблять его на части, крича со слезами:

— Эта жена носитъ во чревѣ того, который разрушитъ до основанія сей великій храмъ и уничтожитъ его боговъ!

Эти слова взволнованный жрецъ проговорилъ громкимъ голосомъ нѣсколько разъ, чѣмъ привелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ ужасъ и изъ нихъ особенно Марка и Юлію; они въ трепетѣ убѣжали изъ храма въ свой домъ, находившійся близъ храма. Взявъ камень, Юлія наносила себѣ удары по чреву и бокамъ со словами:

— О, если бы мнѣ не зачинать того, отъ кого разорится храмъ и боги сокрушатся; лучше мнѣ самой умереть съ нимъ, чѣмъ родить его!

Когда приблизилось время, она родила совершенно здороваго младенца, хотя всѣ ожидали, что онъ будетъ мертвъ, вспоминая тѣ сильныя удары камнемъ, какіе наносила себѣ мать. Юлія хотѣла убить новорожденнаго, но отецъ воспротивился этому, говоря:

— Если Дій захочетъ, онъ самъ отомститъ своему врагу; мы же не будемъ убійцами своего дитяти.

Такъ мальчикъ остался жить и былъ названъ Понтіемъ. Когда сынъ подросъ, родители отдали его въ училище и никогда не брали его съ собою въ храмъ. Отрокъ же возрасталъ не только годами, но и умомъ: уже во время ранней юности онъ могъ по справедливости быть названъ философомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень свѣдущъ и въ другихъ наукахъ, такъ какъ обладалъ отличной памятью и большою начитанностію; стремленіемъ къ истинному знанію Понтій превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Разъ раннимъ утромъ онъ отправился къ своему учителю, и ему случилось проходить мимо одного христіанскаго дома и въ то именно время, когда собравшіеся тамъ вмѣстѣ съ папою Понтіаномъ[1]) вѣрные пѣли утренніе Псалмы. Вслушавшись въ пѣніе, Понтій разобралъ слова:

— **Бг҃ъ на́шъ на небеси̑ и҆ на земли̑, всѧ̑ є҆ли̑ка восхотѣ̀, сотвори̑. І҆дѡли ꙗ҆зы̑къ сребро̀ и҆ зла́то, дѣ́ла рꙋ́къ человѣ́ческихъ: ᲂу҆ста̀ и҆́мꙋтъ**

---

[1]) *Св. Понтіанъ* —папа Римскій въ 230—235 гг.

Ст҃ы́й мч҃нкъ
ПО́НТІЙ

и҆ не возглаго́лютъ: о҆́чи и҆́мꙋтъ, и҆ не оу҆́зрѧтъ: оу҆́шы и҆́мꙋтъ, и҆ не оу҆слы́шатъ: нѡ́здри и҆́мꙋтъ, и҆ не ѻ҆бонѧ́ютъ: рꙋ́цѣ и҆́мꙋтъ, и҆ не ѻ҆сѧ́жꙋтъ: но́зѣ и҆́мꙋтъ, и҆ не по́йдꙋтъ: не возгласѧ́тъ горта́немъ свои́мъ. Подо́бни и҆̀мъ да бꙋ́дꙋтъ творѧ́щїи ѧ҆̀, и҆ всѝ надѣ́ющїисѧ на нѧ̀[1]).

Остановившись, онъ вздохнулъ и невольно задумался надъ смысломъ этого изреченія, затѣмъ, умилившись подъ дѣйствіемъ благодати Святаго Духа, Понтій заплакалъ и, поднявъ руки кверху, воскликнулъ:

— Боже, Которому я слышу сейчасъ возносимую хвалу, дай мнѣ познать Тебя!

Затѣмъ онъ подошелъ къ дверямъ дома и сталъ прилежно стучать въ нихъ. Выглянувшіе сверху изъ окна сказали папѣ:

— Какой-то отрокъ стучится въ дверь.

Папа, уже знавшій все по откровенію Святаго Духа, сказалъ:

— Идите отоприте ему, чтобы онъ пришелъ къ намъ: таковы́хъ бо є҆́сть цр҃твїе бж҃їе[2]).

Честны̀й отрокъ вошелъ въ домъ только съ однимъ своимъ сверстникомъ и товарищемъ по ученію Валеріемъ, который и написалъ житіе святаго Понтія; рабовъ своихъ онъ оставилъ на улицѣ. Войдя въ комнату и увидя, что совершается Богослуженіе, отрокъ удалился въ уголъ, гдѣ и пробылъ до конца Богослуженія, внимательно слушая и умиляясь сердцемъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ святому папѣ и, припавъ со слезами къ ногамъ его, говорилъ:

— Молю тебя, отецъ мой, открой мнѣ смыслъ словъ, которыя сейчасъ вы пѣли: идолы язычниковъ слѣпы и глухи, не обоняютъ

---

1) Пс. 113, ст 11—16.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 18, ст. 16.

и не могутъ осязать руками. Особенно меня поразило изреченіе: **подо́бни и҆̀мъ да бꙋ́дꙋтъ творѧ́щїи ѧ҆̀ и҆ всѝ надѣ́ющїисѧ на нѧ̀.**

Папа съ любовію привлекъ къ себѣ Понтія и сказалъ ему:

— Вижу, сынъ мой, что Богъ просвѣтилъ твое сердце, заставивъ его стремиться къ Нему. Подумай и посмотри,—не всѣ ли идолы сдѣланы или изъ золота, или серебра, или мѣди, или вообще изъ какого-нибудь вещества? Кто не знаетъ, что каменные идолы высѣчены изъ горъ и оттуда положенные на колья привезены для продажи на торговую площадь? Могутъ ли эти, созданные изъ земли, идолы, которыхъ въ будущемъ ждетъ разрушеніе и обращеніе въ землю, быть богами? Нашъ же Богъ, въ Котораго мы вѣруемъ,— на Небесахъ, и Его можно видѣть только сердечными, а не плотскими очами и познавать—только вѣрою.

На это блаженный Понтій отвѣчалъ:

— Мой отецъ и господинъ, ты говоришь совершенно справедливо: кто дѣйствительно не видитъ, что идолы бездушны и недвижимы и что ими полна не только торговая площадь, капитолій и храмы, но и всѣ улицы. Ихъ такое множество, что и счесть нельзя; они имѣютъ самый разнообразный видъ и сдѣланы путемъ весьма высокаго искусства, до какого только могъ дойти умъ человѣка. Кто не видитъ также, что они прикрѣплены желѣзомъ или оловомъ къ своимъ мѣстамъ, чтобы ихъ не свалилъ вѣтеръ и они не разбились; извѣстно и то, что воры и разбойники часто похищаютъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ, и какъ они могутъ охранять людей отъ зла, когда сами нуждаются въ охраненіи со стороны однихъ людей, чтобы ихъ не украли другіе?

Святый папа Понтіанъ удивлялся уму отрока и, взявъ его за руку, хотѣлъ посадить съ собою, но блаженный Понтій сказалъ:

— Если при нашихъ учителяхъ, обучающихъ маловажнымъ вещамъ, мы не смѣемъ сидѣть, то какъ я сяду съ отцемъ, который вмѣсто пути заблужденія указываетъ мнѣ путь правды и вмѣсто тьмы — свѣтъ?

Папа отвѣчалъ:

— Господь и Учитель нашъ Іисусъ Христосъ далъ намъ такой завѣтъ, чтобы всѣ были едино въ Немъ [1]) и наставляли другъ друга на полезное.

---

[1]) Сравн.: Еванг. отъ Іоан., гл. 15, ст. 4—5.

Потомъ папа спросилъ блаженнаго отрока:

— Имѣешь ли ты родителей?

— Вотъ уже второй годъ,—отвѣчалъ Понтій,—какъ мать моя умерла; живъ только мой отецъ, уже глубокій старецъ, для котораго я служу единственнымъ утѣшеніемъ.

— Онъ христіанинъ или язычникъ? — освѣдомился папа.

— Мой отецъ, какъ и большинство, ревностный язычникъ,— сказалъ на это Понтій.

— Богъ, просвѣтившій тебя безъ всякаго ученія со стороны людей,—говорилъ папа,—можетъ просвѣтить и твоего отца, чтобы родившій тебя въ эту смертную жизнь позналъ черезъ тебя жизнь безсмертную. И ты, сынъ мой, послушайся меня: вѣруй во Христа и прими Святое Крещеніе, избавляющее отъ вѣчныхъ мученій.

Въ подобныхъ выраженіяхъ папа около трехъ часовъ наставлялъ Понтія, объясняя ему ученіе о Царствіи Божіемъ; огласивъ его и пришедшаго съ нимъ отрока Валерія и подготовивъ ихъ, такимъ образомъ, къ принятію Святаго Крещенія, онъ отпустилъ обоихъ съ миромъ. Они же вышли и, какъ агнцы, покинувшіе обильное пастбище, радовались, что обрѣли спасеніе своихъ душъ. Съ этого времени они каждый день приходили къ святителю Божію, поучаясь у него.

Однажды сенаторъ Маркъ спросилъ Понтія:

— Что новаго узналъ ты, сынъ мой, за эти дни у твоихъ учителей?

— За все время ученія,—отвѣчалъ Понтій,—я не слышалъ отъ нихъ ничего лучше того, чему научился теперь.

Отецъ радовался, полагая, что отрокъ узналъ новыя свѣдѣнія изъ наукъ, проходившихся въ языческихъ школахъ. Блаженный же Понтій, выискивая удобный случай, чтобы склонить къ вѣрѣ во Христа и отца вмѣстѣ съ собою, въ одинъ день сказалъ:

— Я отъ многихъ, отецъ мой, слышу, что боги, которымъ мы поклоняемся, суетны и ничего не имѣютъ въ себѣ божественнаго, въ чемъ отчасти убѣжденъ и самъ: они обладаютъ только подобіемъ органовъ человѣческихъ и совершенно бездѣятельны; каждый, желающій имѣть въ домѣ боговъ, нанимаетъ мастера и черезъ него дѣлаетъ себѣ боговъ изъ такихъ матеріаловъ, какіе позволяютъ средства: изъ золота, серебра или чего-нибудь другого. Умоляю тебя, отецъ мой, скажи мнѣ, слышалъ ли ты или видѣлъ ли когда-нибудь, чтобы стоящіе въ нашемъ домѣ боги за

все время, пока находятся здѣсь, проявили силу въ какомъ-либо дѣйствіи?

— Никогда не было ничего подобнаго,—отвѣчалъ Маркъ.

— Тогда для чего же чтить ихъ—приносить жертвы, воскурять ѳиміамъ и кланяться имъ?—спросилъ Понтій.

Отъ этихъ словъ Маркъ пришелъ въ сильную ярость и хотѣлъ ударить сына мечомъ, говоря:

— Ты хулишь моихъ боговъ!

Потомъ, успокоившись, онъ сказалъ:

— Неужели, сынъ мой, мы одни только будемъ не признавать боговъ и не приносить имъ жертвъ?

Блаженный Понтій возразилъ на это:

— Здѣсь же въ городѣ очень много людей, которые приносятъ истинную жертву Истинному Богу.

— Гдѣ ихъ найти?—спросилъ Маркъ.

— Если хочешь, я пойду и приведу къ тебѣ мужа, который все тебѣ ясно разскажетъ,—предложилъ Понтій.

Отецъ согласился. Понтій обратился къ Валерію и сказалъ:

— Вотъ перемѣна, произведенная десницею Вышняго,—и тотчасъ отправился къ святому папѣ Понтіану и привелъ его къ отцу.

Папа долго бесѣдовалъ съ Маркомъ, научая его познанію Истиннаго Бога и открывая ему тайны святой вѣры. Маркъ отъ всего сердца увѣровалъ въ Господа нашего Іисуса Христа и вмѣстѣ съ папою и сыномъ началъ сокрушать стоявшихъ въ домѣ идоловъ; послѣ этого онъ вмѣстѣ съ сыномъ и всѣмъ домомъ принялъ Святое Крещеніе. Послѣ Крещенія Маркъ прожилъ недолго и преставился ко Господу, будучи уже весьма почтеннымъ старцемъ. Блаженному Понтію въ это время было двадцать лѣтъ. Спустя шесть мѣсяцевъ по смерти отца онъ былъ взятъ ко двору царя Александра и сдѣланъ сенаторомъ на мѣсто отца своего. Это произошло по нарочитому дѣйствію Промысла Божія, чтобы впослѣдствіи, въ установленное время, черезъ Понтія познали Христа не только народъ, но и цари. Исполненный истиннаго благочестія святый Понтій пользовался невольною любовію и уваженіемъ со стороны всѣхъ царедворцевъ. Въ это время доблестно скончалъ свою жизнь святый папа Понтіанъ, убитый за исповѣданіе Христово по приказанію Максимина, преемника Александра; его мѣсто занялъ святый Анѳиръ, но и онъ, едва про-

бывъ мѣсяцъ на престолѣ Римскаго Патріарха, мученически умеръ за Христа при томъ же Максиминѣ. Послѣ святаго Анѳира папою былъ избранъ святый Фавій[1]); онъ любилъ святаго Понтія—какъ родной отецъ родного сына. Святый Понтій отдалъ ему все свое имѣніе для раздачи нищимъ, особенно единовѣрцамъ.

Но уже время перейти къ разсказу о томъ, какимъ образомъ истинный рабъ Христовъ святый Понтій обратилъ ко Христу царей и какъ въ борьбѣ съ діаволомъ одержалъ побѣду, стяжавъ мученическій вѣнецъ.

Послѣ погибели мучителя Максимина царемъ былъ Гордіанъ, преемникомъ котораго явился Филиппъ, сдѣлавшій своимъ соправителемъ сына своего, тоже Филиппа; оба они очень любили святаго Понтія — какъ человѣка мудраго, благочестиваго и полезнаго въ дѣлахъ правленія своими совѣтами. Въ третій годъ своего царствованія, бывшій въ то же время тысячнымъ отъ основанія Рима, они, отправляясь въ храмъ для принесенія богамъ благодарственной жертвы, пригласили съ собою и любимаго своего сенатора Понтія:

— Пойдемъ и воздадимъ благодарность великимъ богамъ за то, что они дали намъ возможность праздновать тысячелѣтіе Рима въ самомъ городѣ.

Святый Понтій всячески старался уклониться отъ ихъ приглашенія, чтобы не идти въ языческій храмъ, но цари настойчиво звали его, какъ друга, съ собою. Тогда святый Понтій, понявъ, что настало удобное время для открытія царямъ Единаго Истиннаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, сказалъ:

— О добрые цари, Богомъ поставленные надъ людьми, зачѣмъ вы не поклоняетесь Тому, Кто даровалъ вамъ царскую честь и власть, почему Ему, Единому, не приносите жертвы хвалы?

Царь Филиппъ старшій сказалъ на это:

— Я и хочу принести жертву великому Дію потому именно, что онъ даровалъ мнѣ власть царскую.

Святый Понтій возразилъ ему съ улыбкой:

— Не обманывайся, царь, поклоняясь Дію: одинъ Богъ на Небѣ, все создавшій Единымъ Словомъ Своимъ и все оживотворившій благодатію Святаго Духа.

— Зачѣмъ ты все это говоришь, не знаемъ,—отвѣтили оба царя.

---

[1]) См. житіе его подъ настоящимъ числомъ.

— Отъ вѣка ли существуетъ Дій?—спросилъ святый Понтій.

— Нѣтъ,—сказали цари,—прежде Дія былъ Кроносъ, отецъ его; онъ царствовалъ въ Италіи и подъ его управленіемъ народы Италіи наслаждались благоденствіемъ.

— А въ то время, пока царствовалъ Кроносъ въ Критѣ и пока онъ, будучи изгнанъ сыномъ своимъ Діемъ, не пришелъ въ Италію, развѣ послѣдняя не имѣла народовъ и правителей?—снова спросилъ святый Понтій.—Нѣтъ,—продолжалъ онъ,—не прельщайтесь ложными баснями вашихъ стихотворцевъ. Одинъ Богъ надъ всѣми на Небѣ—Богъ Отецъ, Который вмѣстѣ съ Сыномъ Своимъ и Святымъ Духомъ управляетъ всѣмъ, что Онъ создалъ, и поддерживаетъ силою Своею все существующее; создалъ же Онъ и небо, и землю, и море со всѣмъ, что находится въ нихъ; послѣ всего Онъ сотворилъ по образу и подобію Своему безсмертнаго человѣка и подчинилъ его власти все, что на землѣ, въ морѣ и воздухѣ. Видя ту великую честь, какою Богъ облекъ человѣка, сверженный съ Неба діаволъ исполнился зависти и внушилъ человѣку льстивую мысль о нарушеніи Заповѣди Божіей, чтобы черезъ это онъ оказался неблагодарнымъ и непослушнымъ предъ своимъ Творцомъ и Благодѣтелемъ. Человѣкъ послѣдовалъ коварному совѣту обольстителя и тѣмъ лишилъ себя безсмертія, своимъ преслушаніемъ наведя смерть не только на себя, но и на весь родъ человѣческій. Но діаволъ не удовлетворился этимъ обольщеніемъ человѣка и изобрѣлъ идоловъ, которыхъ вы называете богами, чтобы еще болѣе отторгнуть родъ человѣческій отъ Создателя. Милосердый же Господь, не желая окончательной гибели созданнаго по Его образу человѣка, благоизволилъ послать на землю съ Небеснаго Престола Единородное Слово Свое [1]): Слово Божіе дѣйствіемъ Святаго Духа вселилось въ утробу Пречистой Дѣвы, непостижимо пріяло отъ Нея плоть и родилось отъ Нея

---

[1]) Такъ называется Второе Лице Пресвятой Троицы, Сынъ Божій, Христосъ Спаситель. Наименованіе это взято изъ Евангелія Іоанна (гл. 1, ст. 1—14).—Почему же Сынъ Божій именуется Словомъ? *а)* По сравненію Его рожденія съ происхожденіемъ нашего человѣческаго слова: какъ наше слово безстрастно, невидимо, духовно рождается отъ нашего ума или мысли, такъ и Сынъ Божій безстрастно и духовно рождается отъ Отца. *б)* Какъ въ нашемъ словѣ открывается или выражается наша мысль, такъ и Сынъ Божій по существу и совершенствомъ Своимъ есть точнѣйшее отображеніе Бога Отца и потому называется «сіяніемъ славы Его и образомъ (отпечатлѣніемъ) ѵпостаси Его» (Посл. къ Евр., 1, 3). *в)* Какъ мы чрезъ слово сообщаемъ другимъ свои мысли, такъ Богъ, многократно глаголавшій людямъ чрезъ пророковъ, наконецъ глаголалъ чрезъ Сына (Посл. къ Евр., 1. 2), Который для сего воплотился и такъ полно открылъ волю Отца Своего, что видѣвшій Сына видѣлъ Отца (Еванг. отъ Іоан., 14, 9).

неизреченно, и Слово стало человѣкомъ, чтобы обновить падшаго человѣка и уничтожить власть діавола. Богочеловѣкъ явилъ надъ людьми множество чудесъ: Онъ исцѣлялъ словомъ слѣпорожденныхъ, разслабленныхъ и привязанныхъ къ одру болѣзни много лѣтъ, очищалъ прокаженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ,—воззвавъ изъ гроба четверодневнаго Лазаря, даровалъ ему жизнь; какъ Богъ всемогущій онъ содѣялъ неисчислимое множество и другихъ чудесъ. Но Іудеи, не вѣруя въ Него и завидуя Ему, предали Его Понтійскому Пилату игемону и пригвоздили ко кресту Пришедшаго спасти ихъ. Онъ же, какъ Богъ, возсталъ въ третій день изъ мертвыхъ и по воскресеніи Своемъ въ теченіе многихъ дней являлся ученикамъ Своимъ; Онъ уничтожилъ смерть, причиненную діаволомъ человѣку, Своею смертію и Своимъ воскресеніемъ даровалъ намъ жизнь вѣчную. И какъ Онъ, возставъ отъ мертвыхъ, уже не умираетъ, такъ и мы, по окончаніи этой кратковременной, но обильной скорбями жизни, возставши изъ гробовъ нашихъ, будемъ вѣчно жить съ Нимъ. Указавъ путь спасенія, Онъ вознесся на Небо, и если кто пренебрежетъ этимъ спасеніемъ, тотъ вмѣстѣ съ діаволомъ подвергнется вѣчному осужденію; вѣрующій же и идущій путемъ спасенія вѣчно будетъ со Христомъ въ Царствіи Небесномъ.

Святый Понтій долго просвѣщалъ царей: онъ разсказалъ имъ все подробно о Христѣ, о тайнахъ вѣры и о будущей жизни, и его рѣчь, проникнутая благодатію Святаго Духа, отверзла царямъ умъ: уразумѣвъ всю истинность его словъ, они умилились сердцемъ и увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа. Цари умоляли святаго Понтія на слѣдующій день еще болѣе подробно изъяснить имъ тайну спасенія, чтобы они могли избѣжать неугасимаго огня и въ будущей безсмертной жизни получить часть со святыми. Въ этотъ день, равно какъ и послѣ, цари не ходили въ капитолій для принесенія жертвъ идоламъ; они приказали только день тысячелѣтія Рима отпраздновать народными зрѣлищами. Святый же Понтій не замедлилъ отправиться къ святѣйшему папѣ Фавію, которому и разсказалъ все; папа, исполненный живѣйшей радости, преклонилъ колѣна, говоря:

— Господи Іисусе Христе, благодарю Тебя, что Ты благоизволилъ чрезъ раба Своего Понтія привести царей римскихъ къ познанію Твоего Пресвятаго Имени!

На другой день папа и Понтій вмѣстѣ отправились къ царямъ

и долго бесѣдовали съ ними о Единомъ Истинномъ Богѣ и о всемъ пути спасенія; видя вѣру царей, папа огласилъ ихъ ко Святому Крещенію, а потомъ, спустя непродолжительное время, и крестилъ; вмѣстѣ съ ними крестились и другіе, ибо по примѣру царей весьма многіе увѣровали во Христа. И кто можетъ передать радость христіанъ въ это время? Тогда сбылось и произнесенное по велѣнію Божію діаволомъ чрезъ бѣсновавшагося жреца о святомъ Понтіи, когда онъ находился еще въ утробѣ матери: заручившись разрѣшеніемъ царей, святый Понтій вмѣстѣ со святымъ папою Фавіемъ пошелъ въ храмъ Дія, гдѣ было произнесено вышеупомянутое предсказаніе. Здѣсь они сначала сокрушили идоловъ, а потомъ разорили до основанія и самый храмъ; было уничтожено и нѣсколько другихъ языческихъ храмовъ, ихъ мѣсто заняли святыя Божія церкви; въ эти дни очень многіе обращались ко Христу и крестились. Но они не составляли собой всѣхъ жителей Рима: это была только часть его. И не всѣ капища, наполненныя идолами, были разрушены за описываемые благопріятные для Церкви Христовой, но немногіе, по волѣ Божіей, годы. Такою свободою она наслаждалась только четыре года: Господь Іисусъ Христосъ, желая искусить Церковь Свою какъ золото въ горнилѣ, попустилъ начаться новому гоненію, — нечестивый Декій[1]), находясь во главѣ язычниковъ, поднялъ возстаніе и убилъ благочестивыхъ царей за ихъ вѣру во Христа. И многіе изъ новокрещенныхъ, не обладавшіе твердостію душевною, боясь гоненій, снова возвратились къ язычеству; другіе же бѣжали, скрываясь, гдѣ кто могъ, а мужественные смѣло шли на муки, полагая за Христа души свои. Въ это лютое, неожиданно, какъ буря, поднявшееся гоненіе святый Понтій укрылся въ одномъ мѣстѣ въ самомъ Римѣ, но его особенно старательно отыскивали языческіе жрецы: своимъ разрушеніемъ идоловъ и капищъ онъ возбудилъ въ нихъ къ себѣ сильнѣйшую ненависть,—они жаждали предать его мученіямъ. Это обстоятельство побудило святаго Понтія бѣжать въ одну ночь изъ Рима, слѣдуя словамъ самого Господа, говорящаго въ Евангеліи: **є҆гда̀ го́нѧтъ вы̀ во гра́дѣ се́мъ, бѣ́гайте въ дрꙋгі́й**[2]); онъ пришелъ въ городъ Кимелу[3]), находившійся на границѣ Галліи, близъ Альпійскихъ горъ. Здѣсь онъ жилъ какъ странникъ и при-

---

1) *Декій* —императоръ въ 249—251 гг.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23.

3) Близъ нынѣшней Ниццы.

шелецъ. Царь Декій вскорѣ погибъ, и послѣ кратковременнаго царствованія Галла съ Волузіаномъ на престолъ Римскаго государства вступилъ Валеріанъ[1]) съ сыномъ Галліеномъ. Эти цари желали уничтожить самое имя христіанъ не только въ Римѣ, но и во всѣхъ областяхъ его; съ этою цѣлію они повсюду разсылали особыхъ начальниковъ для мученія христіанъ; два такихъ мучителя, Клавдій и Анавій, были, между прочимъ, посланы и въ Галльскую область. Они прежде всего пришли въ городъ Кимелу; принеся жертвы богамъ и устроивъ посреди города судилище, они издали повелѣніе, которымъ предписывалось христіанъ брать и представлять къ нимъ для пытокъ. Святый Понтій какъ мужъ знаменитый и знатный былъ схваченъ и представленъ прежде всѣхъ на беззаконное судилище. Увидѣвъ его, игемонъ Клавдій сказалъ съ гнѣвомъ:

— Ты тотъ Понтій, который, не знаю какимъ волшебствомъ, произвелъ смятеніе въ Римѣ и отвратилъ отъ боговъ царей?

— Я никого не совращалъ и не производилъ никакихъ смутъ,—отвѣчалъ святый Понтій,—но обратилъ, кого могъ, отъ язычества къ Истинному Богу.

Игемонъ сказалъ:

— Цари наши, зная, что ты человѣкъ знатнаго рода, приказали тебѣ принести жертву богамъ: въ противномъ случаѣ ты будешь осужденъ на различныя мученія вмѣстѣ съ людьми худородными и нищими.

Святый Понтій возразилъ на это:

— Мой царь и утѣшитель Христосъ,—и если за Него я лишусь земного отечества, то буду наслѣдникомъ вѣчнаго, и если лишусь скоропреходящихъ благъ, то буду участникомъ вмѣстѣ со святыми Ангелами въ Небесной Славѣ.

— Зачѣмъ ты хочешь достичь избавленія, произнося совершенно непонятныя рѣчи?—спросилъ Клавдій.—Тебѣ предстоитъ одно—принести жертву богамъ: если не сдѣлаешь этого, то тѣло твое будетъ растерзано на пыткѣ.

— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что я — христіанинъ и никогда не принесу жертвы богамъ,—отвѣчалъ святый Понтій.

Игемонъ приказалъ святаго Понтія бросить, заковавъ предварительно въ цѣпи, въ темницу, пока онъ сообщитъ о немъ царямъ; затѣмъ Клавдій отправилъ къ нимъ такое письмо:

---

[1]) *Валеріанъ*—императоръ въ 253—259 гг.

«Владыкамъ вселенной, могучимъ побѣдителямъ, царямъ римскимъ Валеріану и Галліену рабы ваши Клавдій и Анавій: войдя въ предѣлы Галліи, мы нашли Понтія, нѣкогда смутившаго Римъ, сокрушившаго боговъ и разорившаго ихъ храмы, а теперь укрывающагося отъ вашей власти и неповинующагося вашимъ велѣніямъ, и такъ какъ онъ одинъ изъ знатнѣйшихъ сенаторовъ, то мы не посмѣли подвергнуть его мученіямъ, но только, заключивъ въ узы, посадили въ темницу, доколѣ вы не разсмотрите это дѣло и не повелите, какъ мы должны съ нимъ поступить».

Цари прислали такой отвѣтъ:

«Владычество наше повелѣваетъ вамъ слѣдующее: если Понтій не захочетъ принести жертвы богамъ, то вы получаете надъ нимъ полную власть и можете умертвить его какимъ только образомъ хотите».

Получивъ повелѣніе царей, игемоны Клавдій и Анавій отправились въ судилище и приказали привести Христова узника. Клавдій сказалъ святому Понтію:

— Выслушай справедливое приказаніе владыкъ твоихъ, которымъ они повелѣваютъ тебѣ принести богамъ жертву; если не сдѣлаешь этого, то предашься на мученія вмѣстѣ съ осужденными.

Святый Понтій отвѣтилъ:

— Я не имѣю никакого другого владыки, кромѣ Единаго Господа моего Іисуса Христа, Который всегда можетъ избавить меня отъ тѣхъ мукъ, какими вы угрожаете мнѣ.

— Я удивляюсь,—говорилъ Клавдій,—какъ ты—человѣкъ знатный—по собственной волѣ дошелъ до такой нищеты и безчестія,—ты служишь такому Господу, о Которомъ вы сами разсказываете, что Онъ былъ человѣкомъ бѣднымъ и простымъ и что Его убилъ, не знаю за какое преступленіе, Пилатъ, тоже подобно намъ игемонъ. Не лучше ли тебѣ повиноваться господамъ, которые кротко управляютъ всѣмъ римскимъ царствомъ?

— Удивляюсь и я, — возразилъ святый Понтій, — какъ ты, будучи человѣкомъ разумнымъ, дошелъ до такого безумія, что не хочешь познать Творца неба и земли, обнищавшаго ради твоего спасенія и—дерзаешь называть безславнымъ Того, Кого на Небѣ почитаютъ Ангелы и Кто не по принужденію, а по своей волѣ благоволилъ ради нашего избавленія претерпѣть распятіе отъ Іудеевъ и Пилата. О, если бы ты захотѣлъ преклониться предъ столь великимъ въ своемъ смиреніи Богомъ, тотчасъ просвѣтился

бы умъ твой и ты уразумѣлъ бы, что въ своемъ заблужденіи лежишь какъ въ темной пропасти вмѣстѣ со своими богами или, лучше сказать,—бѣсами; владыки же твои, которыхъ ты называешь правителями римскими, поклоняясь дереву и камню, не только сами идутъ къ погибели, но и увлекаютъ за собою подчиненный имъ народъ. Знайте, что если вы останетесь въ своемъ невѣріи, то погибнете лютою смертью и въ день Страшнаго Суда вмѣстѣ съ вашими богами осудитесь на вѣчныя муки.

Эти слова привели игемона въ ярость; въ гнѣвѣ онъ закричалъ слугамъ:

— Приготовьте грабли, желѣзные рожны, огонь и все, что имѣется для мученій; пусть предъ всѣми обнаружится его безуміе!

— Все уже готово,—отвѣчали слуги.

— Протяните его на дыбу,—приказалъ игемонъ,—чтобы онъ всѣмъ тѣломъ своимъ почувствовалъ мученія, и посмотримъ, избавитъ ли его Богъ отъ нашихъ рукъ.

Святый Понтій, въ то время какъ его протягивали, говорилъ игемону:

— Хотя по невѣрію своему ты и называешь Бога моего безсильнымъ, но я твердо вѣрю, что муки, которыя ты намѣренъ причинить мнѣ, по силѣ Владыки моего Іисуса Христа не коснутся тѣла моего, и оно избѣжитъ страданій.

Тотчасъ же орудіе пытки съ великимъ громомъ упало и превратилось въ прахъ; слуги отъ страха, какъ мертвые, тоже попадали на землю, а святый Понтій, исполнившись радости, сказалъ игемону:

— Хоть теперь убѣдись, маловѣръ, что Господь мой имѣетъ власть **благочести́выѧ ѿ напа́сти и҆збавлѧ́ти, непра́ведники же на де́нь сꙋ́дный мꙋ́чими блюсти̑**[1]).

Клавдій игемонъ отъ гнѣва не зналъ, что дѣлать; товарищъ его Анавій сказалъ ему:

— Мудрый мужъ, когда мы пришли сюда, то въ одно время съ нами было приведено два громадныхъ медвѣдя, пойманныхъ въ Далматскихъ горахъ; прикажи устроить зрѣлище и отдай Понтія на съѣденіе этимъ звѣрямъ.

Быстро, по приказанію игемона, было устроено зрѣлище, и святый мученикъ поставленъ посреди; два сторожа вывели медвѣ-

---

[1]) 2 Посл. Петра, гл. 2, ст. 9.

дей, чтобы они растерзали святаго. Но медвѣди неожиданно бросились на сторожей и пожрали ихъ, къ святому же Понтію они боялись даже приблизиться. У присутствовавшаго при этомъ народа исторгся невольный крикъ:

— Единъ есть Богъ—Богъ христіанскій, въ Котораго вѣруетъ Понтій!

Уязвленный въ своей гордости и еще болѣе разгнѣванный игемонъ закричалъ слугамъ, чтобы они, какъ можно скорѣе, принесли дровъ и хвороста: онъ хотѣлъ сжечь святаго мученика. Святый Понтій сказалъ ему:

— Въ чемъ обвиняешь ты меня, что считаешь возможнымъ предать меня огню? Ты самъ погибнешь въ неугасимомъ огнѣ; меня же Господь мой всегда, если захочетъ, сохранитъ невредимымъ среди огня, какъ соблюлъ Онъ въ древности трехъ отроковъ въ вавилонской печи[1]).

Когда были собраны дрова и другія быстро воспламеняющіяся вещества, святаго Понтія поставили связаннаго среди того мѣста, гдѣ совершались зрѣлища; затѣмъ его обложили кругомъ дровами и хворостомъ и зажгли ихъ; всѣ думали, что отъ мученика останется одинъ только пепелъ. Но когда все сгорѣло, то увидѣли, что святый Понтій живъ и совершенно невредимъ: огонь не коснулся даже его одежды. И снова народъ воскликнулъ:

— Великъ Богъ христіанскій!

Видя свое пораженіе, игемонъ почувствовалъ сильный стыдъ и сказалъ святому мученику:

— Чего ты гордишься, какъ будто бы уже побѣдилъ всѣ мученія, не думаешь ли избѣжать болѣе сильныхъ? Но вотъ близъ честный храмъ Аполлона: ступай и принеси въ немъ жертву.

Святый Понтій отвѣчалъ:

— Я приношу Господу моему Іисусу Христу въ жертву мое тѣло, которое до сихъ поръ соблюлъ чистымъ отъ языческихъ мерзостей, а васъ и царей вашихъ скоро постигнетъ справедливый судъ Божій за то, что вы несправедливо гоните невинныхъ рабовъ Христовыхъ.

Игемонъ же началъ лицемѣрно уговаривать его:

— На самомъ дѣлѣ слѣдовало бы, чтобы ты былъ нашимъ судьей, а не мы твоимъ: вѣдь ты — одинъ изъ первѣйшихъ сена-

---

[1]) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

торовъ, и мы недоумѣваемъ: изъ-за какихъ напрасныхъ надеждъ ты лишаешь самъ себя чести и богатства.

— Честь этого міра и богатства его,—отвѣчалъ святый Понтій,—похожи на утренній туманъ, скрывающій отъ глазъ человѣка и землю, и горы, и море; когда же повѣетъ вѣтеръ, онъ быстро исчезаетъ,—точно его и не было; но честь, богатство и слава, къ которымъ я стремлюсь, пребываютъ вѣчно.

Во время этой рѣчи святаго іудеи, въ большомъ числѣ находившіеся среди народной толпы, начали кричать, обращаясь къ игемону:

— Убей, убей скорѣе волхва этого!

А святый Понтій, поднявъ руки къ Небу, говорилъ:

— Благодарю Тебя, Боже мой, что и іудеи вопіютъ противъ меня, подражая отцамъ своимъ, кричавшимъ Пилату на Христа: распни, распни Его![1])

Послѣ этого игемонъ произнесъ смертный приговоръ святому Понтію:

— Ведите его за городъ и тамъ на камнѣ, близъ ручья, отсѣките ему голову, а тѣло бросьте въ болото.

Все было исполнено, какъ приказалъ мучитель. И святый мученикъ Понтій, будучи обезглавленъ, этимъ послѣднимъ мученіемъ завершилъ свои страданія за Христа. Честнóе же тѣло святаго описатель страданій его и сверстникъ его Валерій предалъ погребенію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно было повержено по усѣченіи главы[2]).

Спустя немного времени по смерти святаго Понтія, сбылись его пророчества. Нечестивый царь Римскій Валеріанъ во время войны съ Персидскимъ царемъ Сапоромъ былъ захваченъ въ плѣнъ, гдѣ постоянно подвергался всевозможнымъ издѣвательствамъ: всякій разъ когда Сапоръ садился на коня, онъ наступалъ ногою на шею Валеріану, какъ будто на подножку; другой же царь Римскій—Галліенъ былъ убитъ своими воинами на дорогѣ въ Медіоланъ. Игемонъ же Клавдій и другъ его Анавій сдѣлались бѣсноватыми въ тотъ именно часъ, когда святый мученикъ былъ усѣченъ: Клавдій

---

[1]) Сравн.: Еванг. отъ Іоан., гл. 19, ст. 6. 15.

[2]) Въ V вѣкѣ Валеріанъ, епископъ Кимельскій (около 460 г.), въ рѣчахъ своихъ возбуждаетъ слушателей къ подражанію мученику Понтію и говоритъ о мощахъ его, украшенныхъ усердіемъ христіанъ. Впослѣдствіи, безъ сомнѣнія, когда Кимела была опустошена Лонгобардами и жители ея переселились въ Ниццу, сюда были перенесены и мощи св. мученика Понтія.

собственными зубами изгрызъ свой языкъ и выплюнулъ его изо рта, а у Анавія глаза вышли изъ орбитъ и повисли вдоль щекъ. И послѣ недолгихъ, но лютыхъ мученій отъ бѣсовъ они оба окончили жизнь свою. Язычники и іудеи, видя исполненіе словъ святаго Понтія, почувствовали страхъ, и многіе начали почитать гробницу святаго мученика. Валерій же, описавъ жизнь и страданія святаго, и видя, что гоненіе не прекращается, сѣлъ на корабль и отплылъ, боясь мучителей, въ Ливію. А честная душа святаго мученика Понтія вошла въ радость Господа своего и Владыки нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

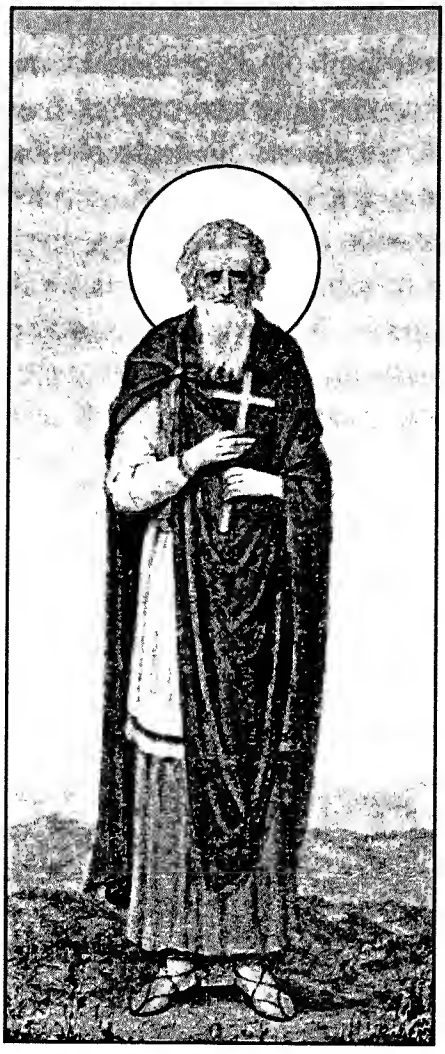
ЕВСИГНІЯ

Святый Евсигній происходилъ изъ Антіохіи; за все время царствованія Діоклетіана, Максиміана, Констанція Хлора, Константина Великаго и его сыновей онъ служилъ въ войскѣ; онъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ собесѣдникъ святаго мученика Василиска и описатель его страданій, понесенныхъ имъ при Максиміанѣ. По усѣченіи главы святаго Василиска святый Евсигній вмѣстѣ съ другими, присутствовавшими при этомъ вѣрными удостоился дивнаго видѣнія: онъ увидѣлъ множество Ангеловъ, возносившихъ на Небо душу мученика, гдѣ принялъ ее отъ нихъ стоящій на Небѣ Господь Іисусъ Христосъ. Въ царствованіе Константина Великаго, находясь въ его полкахъ, святый Евсигній видѣлъ вмѣстѣ съ нимъ изображенный звѣздами на небѣ Крестъ, и, вооруженный силою крестною, онъ мужественно боролся съ противниками. Прослуживъ въ войскѣ шестьдесятъ лѣтъ, онъ оставилъ его при сынѣ Константина Великаго Констанціи, такъ какъ былъ уже очень старъ. По возвращеніи на родину въ Антіохію онъ посвятилъ жизнь свою Богу, проводя все время въ молитвѣ и постѣ, постоянно посѣщая храмы Божіи; такъ онъ дожилъ до времени Юліана Отступника, гонителя христіанъ [1]). Когда этотъ не-

[1]) *Юліанъ Отступникъ*, племянникъ Константина Великаго, сынъ его брата Юлія Констанція, родился въ 331 г. Въ 345 г. съ братомъ Галломъ онъ былъ сосланъ въ Кап-

честивый царь прибылъ въ Антіохію, то святый Евсигній былъ взятъ на мученія благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ одинъ день онъ шелъ въ церковь и на пути встрѣтилъ двухъ язычниковъ, поднявшихъ между собою какой-то споръ, перешедшій въ ссору. Когда святый Евсигній поровнялся съ ними, они остановили его со словами:

— Намъ извѣстно, доблестный мужъ, что ты долгое время былъ воиномъ и поэтому знаешь законы. Просимъ тебя—разбери нашъ споръ и произнеси свой справедливый судъ.



Ст҃ы́й мч҃нкъ
ЄѴСѴГНІ́Й

Святый Евсигній исполнилъ ихъ просьбу и разобралъ ихъ дѣло, какъ требовала того справедливость; одинъ оказался правымъ, а другой нѣтъ. Послѣдній обидѣлся, пошелъ къ царю и донесъ ему, что Евсигній христіанинъ. Царь приказалъ взять святаго и привести къ себѣ на судъ. Представъ предъ мучителемъ, святый Евсигній безбоязненно обличилъ его за то, что онъ не слѣдовалъ примѣру Константина Великаго, а отрекся отъ Христа и, перейдя въ язычество, замѣнилъ поклоненіе Истинному Богу почитаніемъ идоловъ. Святый Евсигній восхвалялъ при этомъ вѣру и благочестіе Константина Великаго,

---

падокію Констанціемъ, гдѣ подъ строгимъ надзоромъ провелъ шесть лѣтъ. Въ 351 г. онъ покинулъ мѣсто ссылки и пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Никомидіи, гдѣ увлекался изученіемъ философіи; въ 355 г. былъ назначенъ Констанціемъ начальникомъ войскъ въ Галліи; здѣсь онъ умѣлъ привлечь любовь войска, которое въ 361 г. и провозгласило его императоромъ. Изученіе философіи подъ руководствомъ учителя-язычника, раздоры среди христіанъ вслѣдствіе аріанскихъ волненій, ненависть къ Констанцію возбудили въ Юліанѣ ненависть и къ религіи своего притѣснителя—христіанству. Онъ задался цѣлію возстановить язычество и уничтожить христіанство. Но всѣ его попытки въ этомъ направленіи потерпѣли полнѣйшую неудачу: Юліанъ умеръ въ 363 г. въ походѣ противъ Персовъ; послѣдними его словами было обращеніе ко Христу, въ которомъ онъ созналъ свое безсиліе въ борьбѣ съ христіанствомъ: «Ты,—сказалъ умирающій Юліанъ,—побѣдилъ меня, Галилеянинъ!»

разсказывая по порядку, какъ онъ видѣлъ Крестъ на небѣ и побѣдилъ силою Его враговъ, какъ, оставивъ язычество, всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ Господу Іисусу Христу, просвѣтивъ вѣрою и Святымъ Крещеніемъ не только себя самого, но и всю вселенную. Ублажая такимъ образомъ Константина Великаго, святый Евсигній въ то же время обличалъ богоотступника и укорялъ его за нечестіе. Не желая выслушивать этихъ укоризнъ, Юліанъ приказалъ отсѣчь голову воину Христову. Такимъ образомъ святый Евсигній мученически скончался за Христа на сто десятомъ году жизни и преселился въ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ времени[1]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ФАВІЯ,

папы Римскаго

Святый Фавій происходилъ изъ Рима[2]) и былъ пресвитеромъ во дни нечестивыхъ римскихъ царей, особенно приверженныхъ къ язычеству и гнавшихъ поэтому церковь Божію. Сначала свя-

---

1) *Св. Евсигній* усѣченъ мечомъ въ 362 г.

2) *Римъ*, главный городъ Римскаго государства, находится въ средней Италіи, расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Тибръ, при впаденіи послѣдней въ море. По древнему сказанію, онъ былъ основанъ Ромуломъ (ум. въ 707 г. до Р. Х.) на холмѣ Палатинскомъ въ 753 г., потомъ распространился на шести сосѣднихъ холмахъ, отчего и называется «семихолмнымъ»; указаніе на эти семь холмовъ Рима находится и въ Апокалипсисѣ (гл. 17, ст. 9). Въ началѣ своей исторіи Римъ представлялъ собою только группы хижинъ, сдѣланныхъ изъ глины и покрытыхъ камышомъ, но затѣмъ сталъ обогащаться вслѣдствіе удачныхъ войнъ съ сосѣдними народами: Сабинянами, Вольсками, Латинянами, Галлами, Этрусками, которые въ 273 г. (до Р. Х.) всѣ были объединены подъ властію Рима. Тогда Римляне начали подчинять себѣ народы, жившіе внѣ Италіи, и скоро Карѳагенъ, Македонія, Греція, Иллирія и Азія, перешедшая къ Римлянамъ мирнымъ путемъ по завѣщанію Пергамскаго царя Аттила III въ 132 г., сдѣлались провинціями Рима. Въ 63 г. римскій полководецъ Помпей вступилъ послѣ трехмѣсячной борьбы въ Іудею и занялъ Іерусалимъ; съ этихъ поръ Іудеи сдѣлались данниками Рима и навсегда лишились своей свободы и независимости. При Августѣ, первомъ Римскомъ императорѣ, въ 30-ый годъ царствованія котораго родился Господь Іисусъ Христосъ, подчинился Риму и Египетъ. Такимъ образомъ, предъ пришествіемъ Христа Спасителя Римъ достигъ могущества и славы, включая въ свою имперію почти всѣ извѣстные тогда народы; богатства со всѣхъ странъ свѣта стекались въ него; дѣла всѣхъ народовъ рѣшались въ Римскомъ Сенатѣ. Но время могущества Рима было началомъ его паденія. Безпрестанныя войны разоряли и уменьшали зажиточные классы римскихъ гражданъ, а богатыя и знатныя фамиліи, скупая за безцѣнокъ земли разорившихся семействъ, еще болѣе богатѣли; вслѣдствіе этого населеніе Рима раз-

тый Фавій жилъ въ одномъ селеніи близъ Рима, а потомъ переселился въ самый городъ и здѣсь съ усердіемъ занялся погребеніемъ тѣлъ мучениковъ: въ это время много христіанъ было мучимо и убиваемо за вѣру, причемъ тѣла ихъ бросались за городскія ворота на съѣденіе собакамъ, звѣрямъ и птицамъ; святый Фавій тайно ночью бралъ тѣла мучениковъ и съ честію предавалъ землѣ. По убіеніи въ царствованіе Максимина[1]) за исповѣданіе Христово святѣйшаго папы Анѳира[2]) вѣрующіе, скрывавшіеся отъ преслѣдованій и содержавшіе въ тайнѣ свою вѣру, собрались для избранія

дѣлилось на два класса—богачей и бѣдныхъ. Въ то время какъ роскошь первыхъ доходила почти до невѣроятныхъ размѣровъ, послѣдніе находились въ нищетѣ и угнетеніи; цѣлыя состоянія тратились на одинъ обѣдъ, а бѣдняки не имѣли куска хлѣба.—Со времени покоренія Греціи въ Римѣ стали распространяться философскія ученія, подрывавшія народную религію, и невѣріе широкой волной разлилось сначала среди высшихъ, а потомъ и низшихъ классовъ: предметы религіозныхъ вѣрованій открыто высмѣивались на сценическихъ представленіяхъ. Вмѣстѣ съ невѣріемъ стала распространяться и безнравственность, дошедшая до совершенія противоестественныхъ пороковъ (Римл. 1, 26—27); она замѣнила собою прежнюю чистоту и строгость нравовъ, и только возрождающая сила христіанства спасла Римъ отъ окончательной погибели. Христіанство проникло въ Римъ очень рано. Уже императоръ Тиверій (14—37 гг.) слышалъ, какъ говоритъ преданіе, проповѣдь о Христѣ; при преемникѣ его Клавдіи (41—54 гг.) въ Римѣ были сильные раздоры между христіанами изъ евреевъ и іудеями. При Неронѣ (54—68 гг.), благодаря проповѣди Апостола Павла, продолжавшейся цѣлыхъ два года (Дѣян., гл. 28, ст. 30), христіане умножились; въ царствованіе этого императора было первое гоненіе на христіанъ, несправедливо обвиненныхъ въ поджогѣ Рима; во время этого гоненія пріяли мученическую кончину святые Апостолы Петръ и Павелъ. Но гоненіе не уничтожило христіанства; при Домиціанѣ (81—91 гг.) оно проникло даже въ родъ императора—братъ Домиціана, Флавій Климентъ, былъ казненъ за то, что исповѣдывалъ христіанство. Въ царствованіе этого императора св. Іоаннъ Богословъ былъ сосланъ на островъ Патмосъ, гдѣ удостоился откровенія о будущихъ судьбахъ міра и Церкви (Апок., гл. 1, ст. 9). Со времени Нерона и Домиціана гоненіе на христіанъ воздвигались вплоть до 313 г. Особенно сильны они были при императорѣ Діоклетіанѣ (285—305 гг.), положившемъ начало раздѣленію Римской имперіи: онъ избралъ себѣ въ соправители Максимина и раздѣлилъ государство между нимъ и собою; потомъ каждый соправитель избралъ себѣ по помощнику, такъ что имперія раздѣлилась на четыре части. По отреченіи отъ дѣлъ правленія Діоклетіана и Максимина управленіе перешло къ Констанцію Хлору и Галерію; первому наслѣдовавъ сынъ его Константинъ (306 г.), который и издалъ указъ 313 г., дозволяющій каждому желающему переходъ въ христіанство. Сдѣлавшись единодержавнымъ (въ 324 г.), онъ перенесъ свое мѣстопребываніе на Востокъ въ Византію, названную потомъ Константинополемъ. Здѣсь онъ окружилъ себя христіанами, которыхъ назначалъ на высшія государственныя должности; онъ установилъ закономъ празднованіе воскреснаго дня, строилъ много храмовъ; при его содѣйствіи былъ созванъ Первый Вселенскій Соборъ (325 г.). При императорѣ Ѳеодосіи Великомъ, воспретившемъ указомъ 392 г. языческое богослуженіе, Римская имперія окончательно раздѣлилась на Восточную и Западную (395 г.). Первая пала подъ ударами Турокъ въ 1453 г. при Магометѣ II, а вторая, въ составъ которой входили Италія, Африка, Британія и Испанія въ 475 г.; въ 476 г., послѣ отреченія отъ престола послѣдняго Римскаго императора Ромула Августа, надъ Италіею воцарился предводитель Геруловъ Одоакръ.

[1]) *Максиминъ I* — императоръ въ 235—238 гг.

[2]) Въ 236 г.

новаго папы вмѣстѣ съ епископами и пресвитерами въ одинъ храмъ, неизвѣстный гонителямъ: одинъ малозамѣтный домъ служилъ для нихъ храмомъ въ это тревожное для христіанъ время. Здѣсь въ собраніи присутствовалъ и святый Фавій. Когда начались изысканія, кого бы по достоинству избрать для занятія столь высокаго положенія, какимъ было положеніе Римскаго епископа, многіе припоминали честныхъ и выдающихся мужей, которые бы могли по Закону Христову пасти стадо Его, но о святомъ Фавіи никто даже и не думалъ: онъ какъ недавно пришедшій изъ села былъ однимъ изъ незначительныхъ по положенію пресвитеровъ. При выборѣ начались несогласія, и вдругъ вверху надъ головами явился бѣлый, какъ снѣгъ, голубь; спустившись, онъ сѣлъ на головѣ пресвитера Фавія, затѣмъ снова поднялся вверхъ и сдѣлался невидимъ. Тогда всѣ поняли, что Самъ Господь чрезъ Святаго Духа Своего избралъ Фавія въ предстоятеля и пастыря Церкви Своей, и съ великою радостію посадили его на патріаршій престолъ. Такимъ образомъ святый Фавій сдѣлался папою Римскимъ; въ Церкви же Христовой настало спокойствіе. Мучитель Максиминъ былъ убитъ своими воинами, послѣ него на престолъ вступилъ Гордіанъ [1]), при которомъ и прекратилось гоненіе: этотъ царь, хотя и былъ язычникомъ, но отличался кроткимъ, добрымъ характеромъ, онъ запретилъ гнать христіанъ. Наслаждаясь въ его царствованіе миромъ, они повсюду устраивали церкви. Святый Фавій въ погребальныхъ пещерахъ устроилъ надъ гробами мучениковъ много помѣстительныхъ храмовъ, гдѣ вѣрные собирались для молитвы, а надъ самыми пещерами, служившими убѣжищемъ во время гоненій, онъ соорудилъ часовни. Церковь возростала благодаря ежедневному обращенію язычниковъ отъ нечестія къ христіанству. Особеннаго процвѣтанія она достигла по смерти Гордіана, когда его мѣсто занялъ Филиппъ [2]), раздѣлявшій управленіе вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, тоже Филиппомъ. Оба они приняли христіанство, будучи просвѣщены однимъ благочестивымъ и знатнымъ мужемъ Понтіемъ [3]); святый папа Фавій крестилъ ихъ. Въ это время особенно увеличилось число вѣрныхъ: слѣдуя примѣру царя съ сыномъ, многіе крестились, и вѣру Христову можно было свободно и безбоязненно исповѣдывать. Святый папа Фавій при содѣйствіи истин-

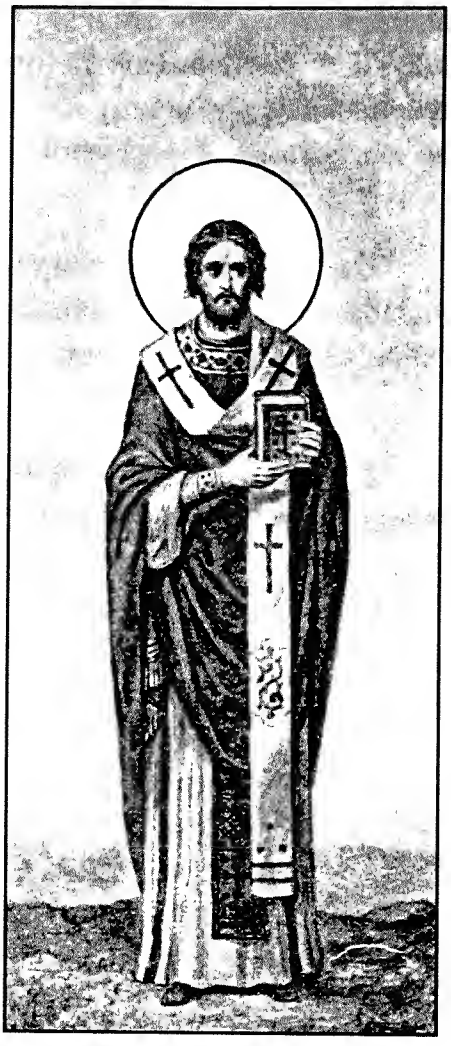
---

1) *Гордіанъ* —императоръ съ 238 г.

2) *Филиппъ Аравитянинъ* —императоръ въ 244—249 гг.

3) Житіе его помѣщается подъ настоящимъ числомъ.

наго раба Христова сенатора Понтія созидалъ храмы, разрушая въ то же время капища вмѣстѣ съ идолами. Но церковь недолго — около четырехъ лѣтъ только — наслаждалась такимъ покоемъ и свободой: Глава ея Христосъ, желая, чтобы невѣста Его, за которую Онъ пролилъ Кровь Свою, здѣсь, на землѣ, была какъ золото, испытанное въ горнилѣ, и какъ цвѣтокъ среди терній, опять попустилъ ей подвергнуться бѣдамъ и страданіямъ. И началось гоненіе, поднятое адскимъ дракономъ, который, какъ открылъ Господь Іоанну Богослову въ видѣніи, преслѣдовалъ блиставшую небеснымъ величіемъ Жену, испуская изъ пасти цѣлую рѣку воды, чтобы потопить Ее[1]). Этотъ древній ненавистникъ добра, не вынося возростанія славы Христовой, поднялся противъ принявшихъ христіанство благочестивыхъ царей. Ненавидѣвшіе Христа и христіанъ язычники, собравшись подъ предводительствомъ нечестиваго Декія[2]), убили царя Филиппа и его сына именно за то, что они увѣровали во Христа и дозволили свободное исповѣданіе религіи христіанской. Послѣ убійства царей они обратились на христіанъ; въ это время кровь христіанъ лилась рѣкою. Святый папа Фавій былъ схваченъ прежде всѣхъ: его, какъ представителя и учителя христіанъ, язычники особенно сильно ненавидѣли. Искали и благочестиваго сенатора Понтія, но не нашли: онъ, подобно многимъ вѣрнымъ, скрылся, а потомъ бѣжалъ изъ Рима. Святый же папа Фавій былъ обезглавленъ[3]) и перешелъ вмѣстѣ со многими, въ одно время съ нимъ убіенными, овцами



Сщенномчнкъ
Фавій

[1]) Апок., гл. 12-ая.

[2]) *Декій* — императоръ въ 249—251 гг.

[3]) Въ 250 г.

своей паствы изъ Церкви Воинствующей въ Церковь Торжествующую. А святый Понтій былъ взятъ впослѣдствіи и тоже пріялъ мученическую кончину за Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава во вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ: Кантидія и Кантидіана**, побитыхъ камнями въ Египтѣ, и **Сивела**, въ Египтѣ же умерщвленнаго стрѣлами.

Въ тотъ же день **память святыя праведныя Нонны**, матери святаго **Григорія Богослова**.

День шестой

СИНАКСАРЬ[1])

НА

ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДНЕ

Приближаясь къ вольнымъ ради нашего спасенія страданіямъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ началъ говорить ученикамъ, что **подоба́етъ є҆мꙋ̀ и҆тѝ во і҆ерⷭ҇ли́мъ и҆ мно́гѡ пострада́ти ѿ ста́рецъ и҆ а҆рхїере́й, и҆ кни̑жникъ, и҆ ᲂу҆бїе́нꙋ бы́ти**[2]); Онъ сказалъ это въ Кесаріи Филипповой[3]) послѣ исповѣданія Его Апостоломъ Петромъ Христомъ, Сыномъ Бога Живаго,—**ты́ є҆си хрⷭ҇то́съ, сн҃ъ бг҃а жива́гѡ**[4]). Шелъ уже послѣдній годъ трилѣтней проповѣди Іисуса Христа и тридцать третій отъ рожденія Его Пречистою Дѣвою. Слова Христовы сильно опечалили учениковъ и особенно—Апостола Петра, который и началъ прекословить Господу, говоря: **милосе́рдъ ты̀, гдⷭ҇и: не и҆́мать бы́ти тебѣ̀ сїѐ**[5]). Замѣтивъ скорбь

---

[1]) *Синаксарь* слово греческое (Συναξάριον), происходитъ отъ σύναξις—собраніе (вѣрующихъ въ церковь для празднованія) и значитъ: книга праздниковъ, въ дальнѣйшемъ—собраніе историческихъ свѣдѣній о праздникѣ или святомъ.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 21.

[3]) Городъ сѣверной Палестины, лежавшій у подошвы горы Ермона. Обстроенъ сыномъ Ирода Великаго тетрархомъ Филиппомъ; онъ украсилъ городъ и назвалъ его Кесаріею въ честь Римскаго кесаря Тиверія; въ отличіе отъ Кесаріи Палестинской, или Стратоновой,—городъ именуется Кесаріею Филипповою.

[4]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 16.

[5]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 22.

учениковъ и желая облегчить ее, Іисусъ Христосъ обѣщаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ показать Свою Славу, въ какую облечется по Своемъ отшествіи: **сꙋ́ть нѣ́ціи ѿ здѣ́ стоѧ́щихъ,**—сказалъ Онъ,—**и҆́же не и҆́мꙋтъ вкꙋси́ти смє́рти, до́ндеже ᲂу҆ви́дѧтъ сн҃а чл҃вѣ́ческаго грѧдꙋ́ща во цр҃твіи своє́мъ**[1]). Спустя шесть дней послѣ изложенныхъ событій Господь въ сопровожденіи учениковъ и множества народа отправился изъ области Кесаріи Филипповой въ предѣлы Галилеи[2]); день уже склонился къ вечеру, когда Онъ достигъ Галилейской горы Ѳаворъ[3]). Имѣя обыкновеніе удаляться ночью отъ учениковъ для уединенной молитвы Богу Отцу, Іисусъ Христосъ и на этотъ разъ, оставивъ подъ горою народъ и взявъ изъ учениковъ съ собою только Петра, Іакова и Іоанна, взошелъ съ ними на вершину горы, чтобы помолиться, и здѣсь, отойдя отъ нихъ на небольшое разстояніе на возвышенный холмъ, предался молитвѣ. Три же Апостола, утомившись частью отъ восхожденія

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 28.

2) *Галилейская область* на сѣверѣ Палестины, или Галилея (отъ еврейскаго слова «галилъ»—область, округъ), составляла во дни Христа Спасителя третью область Палестины и дѣлилась на сѣверную, верхнюю—языческую и на южную—нижнюю. Галилея занимаетъ видное мѣсто въ міровой исторіи — какъ родина и мѣсто проповѣди Господа Іисуса. Галилея имѣла около 120 верстъ отъ востока къ западу и 40 верстъ отъ сѣвера къ югу. На сѣверѣ она соприкасалась съ Сиріею и горами Ливанскими, на западѣ—съ Финикіею, на югѣ — съ Самаріею, а на востокѣ границею ея была рѣка Іорданъ. Городовъ и большихъ селеній въ Галилеѣ насчитывалось болѣе 200 и населенія до четырехъ милліоновъ, состоявшаго не только изъ Іудеевъ, но и изъ смѣшенія Израильтянъ съ Сирійцами, Финикійцами, Арабами и прочими инородцами, изъ коихъ многіе приняли іудейскую вѣру. По чудному климату, плодородію и богатству Галилея была самою лучшею областію Палестины. Мягкій, живительный климатъ, самая разнообразная дивная красота природы, неистощимое обиліе плодородія почвы,—все было въ Галилеѣ. И географическое положеніе, и масса путей сообщенія также благопріятствовали Галилеѣ: ее пересѣкали нѣсколько торговыхъ римскихъ дорогъ съ востока на западъ—въ Дамаскъ, къ финикійскимъ берегамъ, Средиземному морю, въ Египетъ и Ассирію; другіе пути перерѣзывали ее съ юга на сѣверъ. Промышленность и жизнь кипѣли въ Галилеѣ... Весьма много страницъ Евангелія отражаютъ природу и жизнь Галилеи. По родинѣ Христа Спасителя городу Назарету, дѣтству, юности и преимущественно тамъ проповѣди Его, Галилея была колыбелью христіанской вѣры. А притчи Іисуса Христа,—все это образы, воспроизводящіе богатство и красоты природы и нравы жизни Галилейской. Небо, земля, море, хлѣбныя поля, сады, цвѣты, виноградники, травы луговъ, рыбы и птицы—все служило тамъ Спасителю основой и образомъ дивныхъ поученій Его Божественной Проповѣди... А въ наше время Галилея представляетъ только развалины городовъ и селъ и совершенное запустѣніе.

3) *Ѳаворъ*—уединенная гора въ семи верстахъ отъ Назарета, имѣющая около 500 саженъ высоты. Здѣсь Варакъ собралъ свое войско противъ Сисары (Кн. Суд., 4, 6) и у подошвы ея разбилъ враговъ (Кн. Суд., 6, 33). Здѣсь преобразился Господь нашъ Іисусъ Христосъ (Еванг. отъ: Матѳ., 17, 1; Марка, 9, 2; Луки, 9, 28). Это славное предназначеніе Ѳавора провидѣлъ Давидъ (Пс. 88, 13): «Ѳаворъ и Ермонъ о Имени Твоемъ возрадуются». Этимъ Псалмопѣвецъ означилъ всю землю обѣтованія, потому что это горы Земли Обѣтованной.

ПРЕѠБРАЖЕ́НІЕ ГД҃НЕ

[illegible] Христосъ обѣщаетъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Галилея [illegible] и селъ и сопровождающіе [illegible]

[illegible] горы въ семи верстахъ отъ Назарета, имѣющія около 500 саженъ [illegible] собралъ свой войско противъ Сисары (Кн. Суд., 4, 6) и у подошвы [illegible] (Кн. Суд., 5, 21). [illegible] Іисусъ нашъ Іисусъ Христосъ [illegible] (Матѳ., 17, 1; Марк., 9, 2; Луки, 9, 28). Это славное предназначеніе Сисора [illegible] Іоиль (Іоиль, 2, 19) «Сисоръ и Еремонъ о Имени Твоемъ возрадуются». Этимъ [illegible] обѣтованія, потому что это горы Земли Обѣтованной.

на гору, частью отъ продолжительной молитвы, уснули, какъ передаетъ объ этомъ святый Евангелистъ Лука: **пе́тръ же и҆ сꙋ́щїи съ ни́мъ бѧ́хꙋ ѻ҆тѧгче́ни сно́мъ**[1]). Во время ихъ сна, когда близился разсвѣтъ, Господь Іисусъ Христосъ преобразился, блистая Славою Своего Божества; по Его велѣнію, Ему предстали два Пророка,— Моисей отъ мертвыхъ и Илія изъ рая; они бесѣдовали о предстоящихъ Ему въ Іерусалимѣ страданіяхъ и смерти. Эта бесѣда и особенное проявленіе Божественной Силы пробудили Апостоловъ; увидѣвъ неизреченную Славу Господа Іисуса — Лице Его, сіявшее какъ солнце, ризы, блиставшія бѣлизною какъ снѣгъ, и двухъ мужей, стоявшихъ въ этой Славѣ и говорившихъ съ Нимъ, Апостолы пришли въ ужасъ. По откровенію Святаго Духа, они тотчасъ въ мужахъ узнали Моисея и Илію и поняли, что бесѣда идетъ о вольныхъ Христовыхъ страданіяхъ; внимая ей, Апостолы стояли съ трепетомъ, наслаждаясь въ то же время зрѣніемъ Божественной Славы, насколько возможно было это для ихъ тѣлесныхъ очей. И Самъ Господь явилъ имъ Славу Свою въ той степени, въ какой можетъ видѣть земной человѣкъ и не лишиться зрѣнія: для смертнаго человѣка недоступно лицезрѣніе невидимаго, безсмертнаго Божества. Моисей нѣкогда молилъ Господа, чтобы Онъ явилъ ему Свою Божественную Славу лицемъ къ лицу; Господь на это отвѣтилъ: **не бо̀ ᲂу҆зри́тъ человѣ́къ лицѐ моѐ, и҆ жи́въ бꙋ́детъ**[2]). Когда бесѣда Христа съ Моисеемъ и Иліей приходила къ концу и Апостолы, по внушенію Святаго Духа, узнали о скоромъ отшествіи ихъ, Апостолъ Петръ проникся скорбію, что Пророки хотятъ скрыться изъ глазъ ихъ: онъ желалъ бы непрестанно наслаждаться дивнымъ зрѣлищемъ Христовой Славы и честныхъ Пророковъ; проникшись дерзновеніемъ, онъ сказалъ: **наста́вниче, добро̀ є҆́сть на́мъ здѣ̀ бы́ти: и҆ сотвори́мъ сѣ́ни три̑, є҆ди́нꙋ тебѣ̀, и҆ є҆ди́нꙋ мѡѷсе́ови, и҆ є҆ди́нꙋ и҆лїѝ**[3]). Во время этихъ словъ Апостола Петра свѣтлый облакъ, представившій Христу обоихъ Пророковъ, осѣнилъ Апостоловъ, окруживъ верхъ горы, чтобы опять, по Божественному велѣнію, взять Пророковъ и отнести каждаго въ его мѣсто; еще болѣе убоялись Апостолы, когда, приближаясь ко Христу, вошли въ самый облакъ и услышали говорящій изъ него голосъ: **се́й є҆́сть сн҃ъ мо́й возлю́бленный, тогѡ̀ послꙋ́шайте**[4]). При этихъ сло-

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 32.
[2]) Кн. Исх., гл. 33, ст. 20.
[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 33.
[4]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 35.

вахъ свыше Апостолы отъ великаго ужаса окончательно утратили присутствіе духа и въ сильномъ страхѣ пали ницъ на землю. Въ то время когда они пали, распростершись, Слава Господня, а вмѣстѣ съ нею и Пророки, скрылась отъ нихъ. Господь подошелъ къ лежавшимъ на землѣ ученикамъ, говоря: встаньте, не бойтесь! Поднявши глаза, Апостолы никого не увидѣли, кромѣ Господа Іисуса. Начался разсвѣтъ, и они стали спускаться съ горы; дорогою Господь заповѣдалъ имъ никому не говорить о видѣніи до тѣхъ поръ, пока Онъ, по страданіи и смерти, не воскреснетъ въ третій день изъ гроба. И они умолчали и никому не сказали за это время ни о чемъ изъ того, что удостоились видѣть.

СЛОВО
НА
ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДНЕ

Не у однихъ только святыхъ Евангелистовъ находимъ повѣствованіе о Преображеніи Господнемъ: его даютъ намъ и учители Церкви въ многочисленныхъ Словахъ, посвященныхъ этому празднику; здѣсь они выясняютъ и значеніе его, предлагая, такимъ образомъ, обильную духовную трапезу для христіанъ, любящихъ предаваться благочестивымъ размышленіямъ. И намъ, имѣющимъ подъ руками эти поученія и слова отцевъ Церкви, вполнѣ уяснившія смыслъ Преображенія Христова, ничего не остается иного, какъ только внимать готовому ученію, наслаждаться полною возвышенныхъ мыслей духовною трапезою; и не будетъ безполезно, если, пользуясь словами учителей Церкви, мы соединимъ вмѣстѣ находящіяся въ нихъ толкованія, собирая ихъ, какъ куски по трапезѣ, и приложимъ ихъ къ изъясненію того же празднества для желающихъ.

Поѧ́тъ І҃исъ петра̀ и҆ і҆а́кѡва, и҆ і҆ѡа́нна, бра́та є҆гѡ̀, и҆ возведѐ и҆́хъ на горꙋ̀ высокꙋ̀ є҆ди́ны, и҆ преѡбрази́сѧ пред̾ ни́ми[1]).

Почему Христосъ Спаситель, желая предъ вольными страданіями и смертью Своей явить ученикамъ Своимъ, насколько было возможно для нихъ, Свою Славу, взялъ на гору Ѳаворъ не всѣхъ учениковъ? Потому, что среди нихъ находился Іуда, недостойный этого божественнаго видѣнія. Святый Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій, такъ думаетъ объ этомъ: «Владыка Христосъ не взялъ двѣнадцати учениковъ на гору, ибо Іуда былъ недостоинъ своими предательскими очами видѣть Славу преображенія Христова». Прекрасно воспѣлъ и святый Дамаскинъ: «Нечестивыя не узрятъ Славы Твоея, Христе Боже».

Но нельзя ли было Іуду, какъ недостойнаго, оставить подъ горою одного, а прочихъ Апостоловъ взять на гору? Конечно, для Господа это было вполнѣ возможно: но долготерпѣливый Владыка нашъ, покрывая грѣхи всѣхъ людей, не захотѣлъ обличить недостоинство Іуды, ни подать ему повода къ бо́льшему паденію, какъ говоритъ Писаніе: **не ѻ҆блича́й ѕлы́хъ, да не возненави́дѧтъ тебѐ**[2]). Вѣдь если бы Господь, взявши всѣхъ Апостоловъ, оставилъ бы только одного Іуду, то послѣдній исполнился бы гнѣва и ненависти не только по отношенію къ Іисусу Христу, но и ко всѣмъ Апостоламъ; онъ имѣлъ бы нѣчто вродѣ извиненія для своей предательской злобы ко Христу, могъ бы говорить: я потому предалъ Іисуса, что былъ Имъ презираемъ. Такъ полагаетъ блаженный Ѳеофилактъ: «Если бы Христосъ оставилъ подъ горою одного Іуду, а прочихъ взялъ бы съ собою, то нѣкоторые люди могли бы говорить, что это именно обстоятельство ранило сердце Іуды и заставило его обратиться къ мысли о преданіи своего Владыки».

Но не позавидовалъ ли Іуда тремъ Апостоламъ, взятымъ на гору? Не позавидовалъ: онъ зналъ, что они шли на молитву, которая должна была продолжаться всю ночь, какъ пишетъ святый Евангелистъ Лука: **поѐмь петра̀, и҆ і҆ѡа́нна, и҆ і҆а́кѡва, взы́де на горꙋ̀ помолѝтисѧ**[3]); Іуда же былъ лѣнивъ и желалъ всю ночь проспать подъ горою; лѣнивый и сонливый не радитъ о подвигахъ благочестія.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 17, ст. 1—2.
[2]) Притчи, гл. 9, ст. 8.
[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 28.

Почему же Господь взялъ на гору не болѣе, какъ трехъ Апостоловъ? Онъ сдѣлалъ это съ тою цѣлію, чтобы исполнить Писаніе, которое говоритъ во Второзаконіи: **при оу҆стѣ́хъ двою̀ свидѣ́телей и҆ при оу҆стѣ́хъ трїе́хъ свидѣ́телей, да ста́нетъ всѧ́къ глаго́лъ** [1]). Взявъ съ собою трехъ Апостоловъ, Господь Іисусъ Христосъ восхотѣлъ взять еще и двухъ Пророковъ, чтобы для живыхъ и мертвыхъ были свидѣтели того, что Онъ есть Сынъ Божій, посланный для спасенія міра Богомъ Отцемъ и засвидѣтельствованный гласомъ свыше. Но для чего же присутствуютъ три Апостола, если для свидѣтельства достаточно двухъ человѣкъ? Моисей призванъ отъ мертвыхъ, чтобы свидѣтельствовать о пришествіи Христа въ міръ мертвымъ, заключеннымъ во адѣ, Илія — чтобы сказать Еноху въ раю; три же Апостола призваны затѣмъ, чтобы впослѣдствіи проповѣдовали о Славѣ Христа, видѣнной въ Преображеніи, говоря: **ви́дѣхомъ сла́вꙋ є҆гѡ̀, сла́вꙋ ꙗ҆́кѡ є҆диноро́днагѡ ѿ ѻ҆тца̀, и҆спо́лнь бл҃года́ти и҆ и҆́стины** [2]). И паки: **не оу҆хищре́ннымъ бо ба́снемъ послѣ́довавше сказа́хомъ ва́мъ си́лꙋ и҆ прише́ствїе гд҃а на́шегѡ і҆и҃са хр҃та̀, но самови́дцы бы́вше вели́чествїѧ ѻ҆́нагѡ. Прїе́мъ бо ѿ бг҃а ѻ҆тца̀ че́сть и҆ сла́вꙋ, гла́сꙋ прише́дшꙋ къ немꙋ̀ таковꙋ̀ ѿ велелѣ́пныѧ сла́вы: се́й є҆́сть сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ не́мже а҆́зъ благоизво́лихъ! И҆ се́й гла́съ мы слы́шахомъ съ нб҃сѐ сше́дшъ, съ ни́мъ сꙋ́ще на горѣ̀ ст҃ѣ́й** [3]).

Для Господа, явившагося въ Своемъ Преображеніи предметомъ благоговѣйнаго восторга для Ангеловъ и человѣковъ, было довольно, чтобы изъ живущихъ на землѣ только трое видѣли Славу Его и были ея свидѣтелями: три Апостола предъ Его очами были достойнѣе всѣхъ народовъ и племенъ. Что одинъ праведникъ имѣетъ предъ Богомъ несравненно бо́льшее достоинство, чѣмъ множество грѣшниковъ,—это Самъ Господь ясно показалъ въ Ветхомъ Завѣтѣ: желая устрашить силою Своего могущества египетскаго фараона, Онъ повелѣлъ Моисею явиться къ послѣднему и объявить, что пославшій его Богъ есть Богъ трехъ человѣкъ: Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова. Но могъ ли фараонъ, царь столь многихъ городовъ и столь великаго народа, какъ народъ египетскій, убояться Бога, называвшаго Себя Владыкою только трехъ человѣкъ? Не стыдно ли было предъ

1) Кн. Второзак., гл. 19, ст. 15.
2) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, 14.
3) 2 Посл. Петр., гл. 1, ст. 16—18.

царемъ такой великой земли заявлять, что пославшій Моисея владѣетъ только тремя человѣками? Не болѣе ли бы соотвѣтствовало дѣлу, если бы для смягченія ожесточеннаго сердца фараона Моисей сказалъ, что Пославшій его есть Богъ, царствующій надъ всѣми странами поднебесной, владѣющій всѣми царствами вселенной? Однако Господь не благоволилъ сдѣлать такъ, но пожелалъ прославиться предъ фараономъ только какъ Владыка трехъ рабовъ Своихъ. Почему? Несомнѣнно потому, что эти трое, угождая Богу и заботясь только о благахъ небесныхъ, въ очахъ Божіихъ были достойнѣе всѣхъ царствъ и племенъ. **Тѣмже**, говоритъ Апостолъ, **не стыди́тсѧ си́ми бг҃ъ, бг҃ъ нарица́тисѧ и҆́хъ**[1]), какъ бы говоря: чего ты, фараонъ, гордишься величиною твоего царства и множествомъ подчиненныхъ тебѣ городовъ и народовъ? Я имѣю такихъ трехъ рабовъ, изъ которыхъ ни съ однимъ не можетъ сравниться твое царство, Я—Богъ Авраама, Исаака и Іакова и не стыжусь этого. То же говоритъ и святый Златоустъ, разсуждая: «Богъ вселенной не стыдится называться Богомъ трехъ (человѣкъ), и справедливо: ибо святые превосходятъ всѣхъ своимъ достоинствомъ,—одинъ творящій волю Божію лучше десятковъ тысячъ беззаконниковъ». Три Апостола были взяты на Ѳаворъ для лицезрѣнія Славы Божіей, и болѣе не было нужно: ибо ихъ не былъ достоинъ міръ[2]).

Почему Господь взялъ съ собою не другихъ какихъ-либо Апостоловъ, но именно Петра, Іакова и Іоанна? Святый Златоустъ и другіе отцы Церкви даютъ на этотъ вопросъ достаточный отвѣтъ. Мы же, приведя себѣ на память три необходимыя для спасенія и съ особенною опредѣленностію отмѣчаемыя Святымъ Писаніемъ добродѣтели—вѣру, надежду и любовь, скажемъ: Господь потому взялъ съ собою этихъ трехъ Апостоловъ, что въ нихъ уже съ самаго начала обнаружились, проявившись съ особенною ясностію впослѣдствіи, упомянутыя три добродѣтели. Въ Петрѣ—вѣра: онъ прежде всѣхъ исповѣдалъ Христа Сыномъ Бога Живаго[3]), а потомъ Самъ Господь сказалъ ему: **а҆́зъ моли́хсѧ ѡ҆ тебѣ̀, да не ѡ҆скꙋдѣ́етъ вѣ́ра твоѧ̀**[4]); въ Іаковѣ—надежда: онъ первый изъ двѣнадцати Апостоловъ долженъ былъ ради надежды Израиле-

---

1) Посл. къ Евр., гл. 11, ст. 16.
2) Сравн.: Посл. къ Евр., гл. 11, ст. 38.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 16.
4) Еванг. отъ Луки, гл. 22, ст. 32.

вой преклонить подъ мечъ свою голову; въ Іоаннѣ — любовь: онъ былъ любимѣйшій ученикъ Господа, нареченный сынъ Пречистой Дѣвы Маріи [1]). За это впослѣдствіи святые Апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ названы были Апостоломъ Павломъ столпами [2]). Святый Златоустъ такъ изъясняетъ это наименованіе въ похвалу Апостоловъ: «великіе и дивные (столпы), которыхъ всѣ прославляютъ: они первые вѣрою, надеждою и любовію, какъ столпами, утвердили первенствующую Церковь».

Въ этихъ трехъ Апостолахъ, кромѣ того, находимъ предуказаніе на три чина избранныхъ угодниковъ Божіихъ, наиболѣе другихъ достойныхъ того, чтобы видѣть Христа въ Его Небесной Славѣ: чинъ боголюбцевъ, чинъ мучениковъ и чинъ дѣвственниковъ. Во святомъ Апостолѣ Петрѣ — образъ боголюбцевъ: онъ, по свидѣтельству святаго Златоуста, особенно сильно любилъ Господа Іисуса Христа, а по силѣ любви своей ко Христу здѣсь, въ жизни временной, каждый будетъ возлюбленъ Имъ тамъ, въ жизни вѣчной, и будетъ наслаждаться лицезрѣніемъ Его, какъ и Самъ Онъ сказалъ: **а҆́зъ любѧщыѧ мѧ̀ люблю̀** [3]). И паки: **любѧ́й мѧ̀, возлю́бленъ бꙋ́детъ ѻ҆ц҃е́мъ моимъ: и҆ а҆́зъ возлюблю̀ є҆го̀, и҆ ꙗ҆влю́сѧ є҆мꙋ̀ са́мъ** [4]). Во святомъ Апостолѣ Іаковѣ видимъ образъ мучениковъ не только тѣхъ, которые должны были проливать за Христа свою кровь, но и тѣхъ, которые, безъ пролитія собственной крови, ежедневно ради Христа умираютъ грѣху, распиная плоть со страстьми и похотьми [5]). Іаковъ — значитъ запинатель, борецъ, побѣдитель: этихъ качествъ нельзя пріобрѣсти безъ страданія. Всякій борющійся съ искушеніями, исходящими отъ невидимаго врага, одолѣвающій и побѣждающій свои страсти ежедневнымъ умерщвленіемъ, есть, подобно Іакову, мученикъ и сильный борецъ, хотя онъ и не проливаетъ своей крови; по степени перенесенныхъ во время борьбы страданій и усилій, съ какими отражаются и побѣждаются искушенія, онъ прославится съ побѣдителемъ Христомъ. Во святомъ Іоаннѣ-дѣвственникѣ предуказывается на чинъ хранящихъ чистоту плоти и духа; для нихъ дается особое обѣтованіе видѣть Бога во славѣ: **блаже́ни**, сказалъ Господь, **чи-**

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 19, ст. 26—27.
2) Посл. къ Галат, гл. 2, ст. 9.
3) Притчи, гл. 8, ст. 17.
4) Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 21.
5) Посл. къ Галат., гл. 5, ст. 24.

стїи сердцемъ, ꙗ҆́кѡ тїи бг҃а ᲂу҆зрѧтъ[1]). Господь, беря съ Собою на Ѳаворъ Петра, Іакова и Іоанна для явленія имъ Славы Преображенія, тѣмъ самымъ поучаетъ, что хотящій обитать съ Нимъ въ Небесномъ Царствѣ и наслаждаться Его лицезрѣніемъ долженъ въ любви подражать Петру, въ мученичествѣ Іакову, въ чистотѣ Іоанну; вообще по мѣрѣ силъ своихъ такой христіанинъ долженъ подражать угодникамъ Божіимъ, которые горѣли теплою любовію къ Богу, явили себя, не проливая своей крови, ежедневными мучениками чрезъ непрестанное умерщвленіе своей плоти, и—соблюсти себя отъ всякой скверны плоти и духа, очистивъ себя истиннымъ покаяніемъ.

Съ какою цѣлію Господь возводитъ учениковъ Своихъ для молитвы на высокую гору и не удаляется съ ними въ какое-либо ровное мѣсто? Съ тою, чтобы, приблизивъ ихъ отъ земныхъ низинъ къ Небесной высотѣ, преподать всѣмъ таинственнымъ образомъ урокъ: желающій сподобиться откровеній отъ Бога и видѣть Славу Его долженъ оставлять дольнія, земныя пристрастія, долженъ желать и искать благъ горнихъ, небесныхъ. «Онъ возводитъ ихъ,—говоритъ блаженный Ѳеофилактъ,—на высокую гору, показывая, что если кто не возвысится надъ земными пристрастіями, тотъ не достоинъ видѣть подобныя откровенія. Прекрасно поучаетъ святый Апостолъ Павелъ, когда говоритъ: **вы́шнихъ и҆щи́те, и҆дѣ́же є҆́сть хр҃то́съ, го́рнѧѧ мꙋ́дрствꙋйте, а҆ не земна́ѧ, гдѣ̀ живо́тъ ва́шъ сокрове́нъ є҆́сть со хр҃то́мъ въ бг҃ѣ**[2]). Ходящій въ низинѣ не можетъ видѣть далеко, взошедшій же на высокую гору безъ затрудненія окидываетъ взоромъ далекія пространства. И заботящійся лишь о настоящей жизни какъ можетъ понять сладость будущихъ небесныхъ благъ? Входя же на гору богомыслія, онъ познаетъ и видитъ умомъ, какъ глазами, даже то, что превыше небесъ. Пресмыкающіеся по землѣ гады и живущія на ней животныя не могутъ глядѣть на солнечный лучъ; такъ и умъ человѣка, погруженнаго въ земную суету, никакъ не можетъ видѣть Славу Христову и озаряться свѣтомъ Его благодати. Итакъ, вознеси умъ твой, христіанинъ, отъ земли къ Небу, отъ настоящаго къ грядущему, отъ пристрастія къ земному къ желанію Небеснаго,—тогда познаешь, какъ благъ Богъ Израилевъ, какъ сладостенъ сладчайшій Іисусъ,

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 8.

2) Сравн.: Посл. къ Колос., гл. 3, ст. 1—3.

какъ радостна любовь Его, и насладишься Его Божественными откровеніями.

Господь возводитъ учениковъ Своихъ не на низкую, а высокую гору. Зачѣмъ? Чтобы научить ихъ богомыслію и вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбію: безъ труда нѣтъ возможности взойти на высоту. Высота горы—образъ богомыслія, восшествіе на гору—указаніе на трудъ. Хорошо умъ возносить къ Богу, но не слѣдуетъ и труда оставлять: добрыя дѣла достигаются трудомъ. Умъ видитъ Бога, а трудъ приводитъ къ зрѣнію Его; умъ покоряется Христу, слушая Заповѣди Его, а трудъ носитъ иго Христово, ходя во слѣдъ Его. Богомысліе наслаждается внутреннимъ зрѣніемъ Христа, трудолюбіе же привлекаетъ на себя взоры Его: **ви́ждь**,—сказалъ Псалмопѣвецъ,— **смире́ніе моѐ и҆ тру́дъ мо́й** [1]). Быть же видимымъ Христомъ не меньшее благо, чѣмъ видѣть Его. Обѣ эти добродѣтели—богомысліе и трудолюбіе — для желающаго достигнуть небесныхъ благъ и радостей такъ же необходимы, какъ птицѣ крылья: птица съ однимъ крыломъ не можетъ летать по воздуху, и человѣкъ, обладая только одной изъ этихъ добродѣтелей, не можетъ вознестись на высоту совершеннаго спасенія; богомысліе безъ трудолюбивой жизни не дѣйствительно, и не приноситъ пользы трудолюбіе безъ богомыслія. Съ двумя крылами всякая птица летаетъ свободно; двумя добродѣтелями — богомысліемъ и трудолюбіемъ — каждый восходитъ на мысленный Ѳаворъ, чтобы вѣчно зрѣть славу Божію; восходитъ вначалѣ трудолюбіемъ, ибо оно — предтеча богомыслію и боговѣдѣнію. Святые Апостолы подъяли трудъ, восходя на высокую гору, чтобы видѣть Славу Преображенія Господня, и кто же можетъ надѣяться безъ труда достигнуть радости лицезрѣнія Божія?

Зачѣмъ Господь возвелъ на гору только Петра, Іакова и Іоанна, не взявъ идущаго за ними народа или остальныхъ Апостоловъ? Чтобы черезъ это научить искать уединенія и безмолвія тѣхъ, которые желаютъ упражняться въ богомысліи и наслаждаться умнымъ боговидѣніемъ. Одна только троица Апостоловъ была возведена на безмолвное мѣсто—возвышенность горы была какъ пустыня, тамъ не жили люди,—чтобы въ уединеніи и безмолвіи для нея яснѣе открылась Слава Господня. При разсѣяніи и сутолокѣ жизни Господь не открывается такъ, какъ въ уединенномъ

---

[1]) Пс. 24, ст. 18.

безмолвіи: Пророкъ Илія видитъ Бога умомъ своимъ, когда, стоя предъ царемъ Израильскимъ Ахавомъ, говоритъ, разсуждая съ нимъ: **жи́въ гдь, є҆мꙋ̀ же предстою̀**[1]), т. е. тѣломъ предстою тебѣ, а умомъ—моему Богу, тѣлесными очами вижу тебя, а умными—Бога, но несравненно яснѣе зритъ Пророкъ Илія Господа своего въ уединеніи и безмолвіи на пустынной горѣ Кармилъ[2]): здѣсь онъ удостаивается сладкой бесѣды съ Богомъ и откровеній Его не только внутренне, но и въ видимыхъ образахъ. Правда, можно и среди молвы житейской возводить иногда умъ свой къ Богу, однако не съ такимъ удобствомъ, какъ въ безмолвномъ уединеніи: тамъ такъ много препятствій, а здѣсь—тишина и покой! Развѣ напрасно говоритъ Самъ Господь: **оу҆праздни́тесѧ** (т. е. освободитесь отъ молвы житейской) **и҆ разꙋмѣ́йте, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь бг҃ъ:**[3]); познайте Меня, говоритъ, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ, какъ Я благоутробенъ и милосердъ, какъ люблю любящихъ Меня и близокъ всѣмъ ищущимъ Меня; познайте Меня и скоро Меня найдете, если только бросите суету и удалитесь отъ излишнихъ мірскихъ заботъ. Познавъ это, многіе бѣжали изъ многомятежнаго міра въ безмолвныя пустыни, скитались въ горахъ и пропастяхъ земныхъ[4]), чтобы наединѣ всецѣло посвятить себя Богу, наслаждаясь благами общенія съ Нимъ: пустыннымъ, воспѣваетъ святый Дамаскинъ, непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ.

Поищемъ таинство и здѣсь,—почему Господь возвелъ Апостоловъ на гору не днемъ, а при наступленіи ночи? Потому, что ночь болѣе способствуетъ сосредоточенной молитвѣ, чѣмъ день: ночью молчитъ вся вселенная и ничего не видать, кромѣ неба, украшеннаго звѣздами и своимъ великолѣпіемъ невольно влекущаго къ себѣ глаза и умъ. Господь возводитъ учениковъ ночью на Ѳаворъ и съ тою цѣлію, чтобы научить и насъ всѣхъ во время молитвы ни о чемъ земномъ не думать, но устремлять свое сердце къ Небу. Нѣкогда царь Давидъ пророчески воспѣлъ, указывая, какимъ образомъ человѣку откроется уразумѣніе божественныхъ таинъ. Внимаемъ ему, отыскивая этого учителя: **но́щь**,—говоритъ онъ,—**но́щи возвѣща́етъ ра́зꙋмъ**[5]): ночь дѣйствительно и есть такой учитель,

---

1) 3 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 1.
2) 3 Кн. Царствъ, гл. 19.
3) Пс. 45, ст. 11.
4) Посл. къ Евр., гл. 11, ст. 38.
5) Пс. 18, ст. 3.

который научаетъ разуму Божію людей, сидящихъ въ продолженіе этой кратковременной жизни какъ во тьмѣ ночной и сѣни смертной: «Если посмотришь на небо (ночью),—говоритъ святый Кириллъ,—какъ свѣчами, сіяющее множествомъ безчисленныхъ звѣздъ, и подумаешь, что весь день суетившіеся люди теперь, въ ночное время (предаваясь сну), ничѣмъ не отличаются отъ мертвыхъ, тогда возгнушаешься грѣхами человѣческими». Итакъ, вотъ наставленіе, преподаваемое ночью: она научаетъ познавать суетность житейскихъ заботъ и дѣлъ, прогнѣвляющихъ Бога, и убѣждаетъ избѣгать тѣхъ и другихъ. Всѣ, живущіе на землѣ, ночью подобны мертвымъ; все, видимое днемъ, ночью бываетъ покрыто тьмою, какъ бы погребено ею. Удивительные чертоги и прекрасныя зданія становятся похожими на гробы; чудные деревья, сады и лѣса напоминаютъ пугала; золото, серебро и драгоцѣнные камни ничѣмъ не отличаются въ ночной тьмѣ отъ мѣди, желѣза и простыхъ камней; красота и цѣнность ихъ незамѣтна; ничто, находящееся на землѣ, не можетъ доставить человѣку ночью наслажденія своею красотою: все покрыто тьмою, и видимо одно только небо, украшенное, какъ жемчугомъ, звѣздами и доставляющее наслажденіе смотрящимъ на него. Здѣсь видно божественное намѣреніе: ночь таинственно поучаетъ насъ богоугожденію. Уединился ли ты въ безмолвіи на молитву, соединенную съ трудолюбивымъ подвигомъ, и начинаешь подниматься умомъ твоимъ на гору богомыслія,— пусть для твоихъ очей всѣ земные предметы будутъ таковыми, какими они являются для нихъ ночью; всѣ житейскія блага, приносящія лишь временное удовольствіе, пусть презираются тобой, отвращайся отъ нихъ какъ отъ недостойныхъ христіанина, какъ не заключающихъ въ себѣ ничего истиннаго и покрытыхъ смертною сѣнью. Пусть умъ твой созерцаетъ одни только небесныя блага, тогда тебѣ откроется Свѣтъ благодати Божіей, и ты исполнишься духовной радости отъ сладости созерцанія откровеній Божіихъ.

Почему Господь для явленія Апостоламъ славы своего Преображенія возводитъ ихъ на Ѳаворъ, а не какую-либо другую гору? *Ѳаворъ* въ переводѣ съ еврейскаго значитъ *чертогъ чистоты и свѣта*; поэтому Господь и возводитъ ихъ на Ѳаворъ, а не на другое мѣсто, чтобы Апостолы отъ самаго названія горы получили наставленіе о томъ, что желающій присутствовать при явленіи Божественной Славы долженъ прежде всего имѣть совѣсть свою подобной чертогу чистоты, достойному пріятія въ себя Свѣта благо-

дати Божіей. Вспомнимъ здѣсь и древнее событіе, совершившееся на Ѳаворѣ. Когда начальникъ войскъ ханаанскихъ Сисара пришелъ для истребленія Израильтянъ, тогда Варакъ, предводитель послѣднихъ, взошелъ на Ѳаворъ и собралъ здѣсь израильское войско. Отсюда онъ устремился на врага и окончательно поразилъ все ханаанское войско, такъ что погибъ и самъ Сисара[1]). Это древнее событіе Господь таинственно повторилъ въ своемъ Преображеніи: намѣреваясь одержать окончательную побѣду надъ адскимъ Сисарою, онъ прежде всего взошелъ на Ѳаворъ, чтобы здѣсь, какъ бронею, вооружившись явленіемъ Божественной силы, устремиться на діавола и побѣдить его. Объ этомъ именно и велась бесѣда на Ѳаворѣ: **глаго́ласта и҆схо́дъ є҆гѡ̀**[2]). Здѣсь указаніе и христіанину, хотящему преодолѣть невидимаго врага и наводимую имъ грѣховную силу,—пусть онъ прежде всего взойдетъ на Ѳаворъ сердечной чистоты, пусть очиститъ истиннымъ покаяніемъ свою совѣсть и преобразится отъ злой жизни въ добродѣтельную,—облечется въ броню правды и приметъ **всѧ̑ ѻ҆рꙋ́жїѧ бж҃їѧ**[3]). Тогда безъ особеннаго труда онъ одержитъ побѣду надъ вражіей силой.

Господь, взойдя на гору съ учениками своими, **преѡбрази́сѧ пред̾ ни́ми**[4]). Это слово—**пред̾ ни́ми** написано Евангелистами съ цѣлію: для уясненія того, что не для Себя преобразился Христосъ, просвѣтивъ Лице свое, какъ солнце: свѣтъ, **сы́й сїѧ́нїе сла́вы ѻ҆́тчей**[5]), не имѣющій въ себѣ никакой тьмы, не нуждается въ просвѣщеніи. Онъ преобразился ради насъ, чтобы просвѣтить нашу тьму и преобразить насъ изъ рабовъ грѣха въ истинныхъ рабовъ Своихъ и изъ сыновъ гнѣва—въ возлюбленныхъ сыновъ Бога; цѣлію пришествія Христа, которую Онъ и осуществилъ, было обращеніе насъ въ дѣтей Божіихъ. Ради этого Онъ воплотился отъ Пресвятой Дѣвы и Духа Святаго, ради этого **ѡ҆́бразомъ ѡ҆брѣ́тесѧ ꙗ҆́коже человѣ́къ**[6]), ради этого Онъ пріялъ образъ раба, и какой только трудъ не понесъ Онъ ради того, чтобы обновить въ насъ, какъ сынахъ, погибшій образъ Отчій! Нѣкогда Моисей говорилъ Господу: **свѧты́нѧ твоѧ̀, гдⷭ҇и, ю҆́же ᲂу҆гото́вастѣ рꙋ́цѣ твои̇̀**[7]). Замѣтимъ это—**ᲂу҆гото́вастѣ**

---

1) Кн. Суд., гл. 4.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 31.
3) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 13.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 17, ст. 1—2.
5) Сравн.: Посл. къ Евр., гл. 1, ст. 3.
6) Посл. къ Филип., гл. 2, ст. 7.
7) Сравн.: Кн. Исх., гл. 15, ст. 17.

рꙋцѣ твои: не говоритъ — руки человѣческія по Твоему повелѣнію сдѣлали, но Ты Самъ трудился руками Своими. Моисей сказалъ это, указывая на безмѣрное попеченіе Господа о человѣкѣ: чего ради человѣка Господь не сдѣлалъ и не дѣлаетъ? Ради него Онъ создалъ небо и землю, моря, рѣки, все, что въ нихъ и на нихъ; ради него Онъ днемъ и ночью освѣщаетъ свѣтилами небо; ради него посылаетъ дождь, росу и снѣгъ; ради него Онъ, какъ земледѣлецъ и вертоградарь, насаждаетъ и возвращаетъ, чтобы человѣкъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка. Разсуждая объ этомъ, святый Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: «Для каждаго Спаситель нашъ является соотвѣтственно его душевной настроенности: для требующаго веселія — Онъ виноградъ, для желающаго войти — дверь, желающимъ принести свои молитвы (Богу) — ходатай и архіерей. Или: для имѣющихъ грѣхи онъ содѣлывается Агнцемъ, чтобы быть закланнымъ за насъ, и всѣмъ все бываетъ, неизмѣненъ пребывая въ тождествѣ естества своего». Такъ самымъ разнообразнымъ образомъ служитъ намъ Владыка нашъ, говорящій: сн҃ъ чл҃вѣческій не пріиде, да послꙋжатъ ѥмꙋ, но послꙋжити[1]). И все Онъ дѣлаетъ, ища не Своего, а нашего блага, чтобы мы, познавъ Его непрестанныя благодѣянія, прониклись благодарностію и преобразились изъ грѣшныхъ въ праведныхъ, изъ міролюбцевъ въ боголюбцевъ. И на Ѳаворѣ Онъ преобразился ради насъ же, чтобы мы знали объ уготованной намъ Небесной Славѣ; Онъ преѡбразитъ тѣло смиренія нашегѡ[2]), чтобы оно въ общее воскресеніе соотвѣтствовало тѣлу Славы Его въ безконечномъ Его царствіи, уготованномъ ѿ сложенія міра[3]) для любящихъ Его. Съ ними да сподобитъ и насъ милосердіемъ Своимъ благодати лицезрѣнія Своего Богъ и Владыка нашъ, Христосъ человѣколюбецъ, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 28.
[2]) Посл. къ Филип., гл. 3, ст. 21.
[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 34.

Тропа́рь, гла́съ з҃:

Преѡбрази́лсѧ є҆сѝ на горѣ̀ хр҃тѐ бж҃е, показа́вый оу҆чн҃кѡ́мъ твои́мъ сла́вꙋ твою̀, ꙗ҆́коже можа́хꙋ: да возсїѧ́етъ и҆ на́мъ грѣ́шнымъ свѣ́тъ тво́й присносꙋ́щный, мл҃твами бц҃ы, свѣтода́вче, сла́ва тебѣ̀.

Конда́къ, гла́съ з҃:

На горѣ̀ преѡбрази́лсѧ є҆сѝ, и҆ ꙗ҆́коже вмѣща́хꙋ оу҆чн҃цы̀ твоѝ, сла́вꙋ твою̀, хр҃тѐ бж҃е, ви́дѣша: да є҆гда́ тѧ оу҆́зрѧтъ распина́ема, страда́нїе оу҆́бѡ оу҆разꙋмѣ́ютъ во́льное, мі́рови же проповѣ́дѧтъ, ꙗ҆́кѡ ты́ є҆си воистиннꙋ о҆́ч҃ее сїѧ́нїе.

Въ тотъ же день **память** преп. **Іова Ущельскаго,** основавшаго обитель въ селѣ Ущельѣ Архангельской губ. и убитаго разбойниками въ 1628 году 5 августа и погребеннаго 6-го.

День седьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПИМЕНА многоболѣзненнаго

Приступая къ повѣствованію о блаженномъ Пименѣ, остановимъ наше вниманіе на его великомъ мужествѣ въ страданіяхъ и отсюда научимся, что болѣзни дòлжно переносить терпѣливо и—что сила Божія въ немощахъ совершается. Блаженный Пименъ уже и родился больнымъ; болѣзнь не оставляла его всю жизнь, но эта болѣзнь тѣла не дала въ немъ развиться болѣзни душевной: онъ былъ чистъ отъ пороковъ и соблюлъ дѣвство отъ утробы матери. Неоднократно просилъ онъ своихъ родителей, чтобы они позволили ему удалиться въ монастырь для постриженія въ иноческій образъ, но изъ сильной любви къ нему они не соглашались на эти просьбы, желая имѣть его наслѣдникомъ по своей смерти. Однажды, по дѣйствію Божественнаго Промысла, устрояющаго все къ лучшему, блаженный Пименъ особенно сильно заболѣлъ, такъ что даже не надѣялся и на выздоровленіе; повинуясь необходимости, родители принесли его тогда въ Печерскій монастырь[1]) и просили жившихъ въ немъ пре-

---

1) *Кіево-Печерскій монастырь* основанъ преподобнымъ Антоніемъ при Великомъ Князѣ Изяславѣ (1054—1068 гг.), сынѣ Ярослава Мудраго и внукѣ Владиміра святаго. Преп. Антоній, уроженецъ г. Любеча, недалеко отъ Чернигова, былъ постриженъ въ иночество на Аѳонѣ; по совѣту постригавшаго его игумена и съ его благословенія онъ,

подобныхъ отцевъ помолиться объ избавленіи ихъ сына отъ болѣзни. Но усердныя молитвы иноковъ не приносили исцѣленія болящему; молитва блаженнаго была сильнѣе молитвы ихъ всѣхъ, — онъ просилъ себѣ у Господа еще бо́льшей болѣзни, такъ какъ опасался, что, по выздоровленіи, родители опять возьмутъ его изъ монастыря и такимъ образомъ лишатъ его возможности получить постриженіе. Поэтому, когда отецъ и мать сидѣли около него, не допуская постриженія,[1]) блаженный Пименъ сильно печалился и молился Богу, чтобы онъ исполнилъ его желаніе, какими вѣдаетъ путями. И вотъ въ одну ночь, когда родители его и рабы были погружены въ глубокій сонъ, вошли къ нему свѣтлые Ангелы, одни—въ образѣ прекрасныхъ юношей, другіе—игумена и братіи; они несли въ рукахъ святое Евангеліе, свѣчи, власяницу, мантію, куколь и все остальное, нужное при постриженіи:

— Хочешь ли, чтобы мы постригли тебя? — спросили они преподобнаго.

Онъ съ радостію отвѣчалъ:

— Ей хочу; Господь послалъ васъ, господіе мои; исполните желаніе моего сердца.

Они тотчасъ же начали творить вопросы, совершая сполна все, что положено въ уставѣ иноческаго постриженія; такъ они постригли его въ великій ангельскій образъ, облекли его въ

чрезъ нѣсколько времени, снова отправился на Русь, гдѣ, по пророческимъ словамъ игумена, должно было отъ него произойти много черноризцевъ. Сперва онъ поселился въ пещерѣ, ископанной священникомъ села Берестова Иларіономъ, а затѣмъ выкопалъ и свою пещеру. Къ нему начали приходить искавшіе подвижнической жизни и стали селиться возлѣ него, искапывая и себѣ пещеры. Самые замѣчательные изъ этихъ пришельцевъ были: преподобный Никонъ и преподобный Ѳеодосій. Когда число братіи увеличилось, то они ископали близь келлій и церковь, въ которой отправляли Богослуженіе, а еще позднѣе была выстроена небольшая церковь надъ пещерой, во имя Успенія Пресв. Богородицы. Когда же число иноковъ еще увеличилось, то преп. Антоній попросилъ Великаго Князя Изяслава отдать имъ гору, находящуюся надъ пещерой, на что Великій Князь съ радостью согласился. Тогда была заложена Великая церковь, огражденъ монастырь оградой, поставлено много келлій, наконецъ окончена церковь и украшена святыми иконами. Съ того времени начался въ собственномъ смыслѣ монастырь, названный *Печерскимъ*—отъ пещеръ, въ которыхъ жили его иноки.

[1]) Постриженіе въ иночество съ древнихъ временъ совершается св. Православной Церковью по особому чину надъ избирающими путь подвижнической жизни и всецѣлаго преданія себя Богу въ молитвѣ и покаяніи. Рѣшившемуся вступить на этотъ путь предлагается вопросъ о томъ, по свободному ли произволенію онъ избираетъ его, затѣмъ онъ обязанъ произнести три обѣта: дѣвства, цѣломудрія и нищеты, послѣ чего происходитъ, во имя Святой Троицы, крестообразное постриженіе его власовъ и возложеніе на него одеждъ монашескихъ. Новопостриженному дается въ руки Распятіе и возженная свѣча.

мантію и куколь, нарекли Пименомъ. Давъ ему, по обычаю, горящую свѣчу, они сказали:

— Въ теченіе сорока дней и ночей свѣча не угаснетъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ предсказали ему постоянную болѣзнь, избавленіе отъ которой будетъ знакомъ для него скораго наступленія смерти. Цѣловавъ блаженнаго Пимена, они удалились въ церковь, гдѣ положили на гробъ преподобнаго Ѳеодосія[1]) волосы его, завернувши ихъ въ полотно.

Иноки, находившіеся въ ближайшихъ келліяхъ, слыша пѣніе, разбудили прочихъ, думая, что или игуменъ съ нѣкоторыми изъ братіи постригаетъ болящаго, или онъ преставился. Они всѣ вмѣстѣ отправились въ келлію, гдѣ лежалъ преподобный. Здѣсь они нашли всѣхъ спящими — отца, матерь, рабовъ; иноки разбудили ихъ и замѣтили, что келлія полна благоуханія, а болящій полонъ радости и веселія и облеченъ въ иноческую одежду.

Прп҃бный Пімєнъ

— Кѣмъ ты постриженъ и что за пѣніе мы слышали здѣсь, котораго, однако, не слыхали твои родители? — спросили они, обращаясь къ преподобному.

— Я думаю,—отвѣчалъ онъ,—что меня постригъ, нарекши Пименомъ, игуменъ, пришедшій сюда съ братіей; они-то и пѣли, какъ вы слышали; они же мнѣ дали и эту свѣчу, которую вы

---

[1]) *Преподобный Ѳеодосій,* ближайшій сподвижникъ препод. Антонія, былъ впослѣдствіи игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря. При немъ особенно возросъ и увеличился послѣдній, и духовная подвижническая жизнь иноковъ просіяла, какъ свѣтильникъ, поставленный на возвышенномъ мѣстѣ. При мудромъ руководствѣ братіею преподобный Ѳеодосій, одушевленный пламенной любовію къ ближнимъ, и на людей, живущихъ въ міру, изливалъ благодѣянія: утѣшалъ печальныхъ, поддерживалъ изнемогающихъ, кормилъ голодныхъ, одѣвалъ нищихъ, успокаивалъ больныхъ и престарѣлыхъ. Скончался онъ 3-го мая 1074 года, 65 лѣтъ отъ роду. Мощи его были сначала погребены въ пещерѣ, гдѣ онъ подвизался, когда же была окончена Великая каменная церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, заложенная при немъ, его мощи были перенесены туда и поставлены въ притворѣ на правой сторонѣ.

видите, сказавъ, что она будетъ непрерывно горѣть въ теченіе сорока дней и ночей; затѣмъ, положивъ мои волосы въ убрусъ, они удалились съ ними въ церковь.

Услышавъ это, иноки тотчасъ поспѣшили въ церковь, но нашли ее запертой; разбудивъ пономарей, они спросили ихъ,— входилъ ли кто въ церковь послѣ вечерней молитвы. Тѣ отвѣчали, что никто не входилъ, такъ какъ и самые ключи находятся у екклисіарха[1]). Былъ разбуженъ екклисіархъ (онъ никому не давалъ ключей и самъ ни съ кѣмъ не входилъ въ церковь); взявъ ключи, иноки вошли въ храмъ и здѣсь на гробѣ преподобнаго Ѳеодосія дѣйствительно нашли лежащіе въ убрусѣ волосы. Послѣ этого о всемъ извѣстили игумена. Послѣдній чрезвычайно удивился и старательно доискивался, кто бы могъ постричь преподобнаго Пимена, но всѣ розыски были напрасны. Тогда для всѣхъ стало очевидно, что постриженіе, по повелѣнію Божію, совершили святые Ангелы. Долго разсуждали игуменъ и братія, вмѣнять ли чудесное постриженіе какъ обычное, совершенное по уставу, и пришли къ мысли не повторять надъ блаженнымъ Пименомъ постриженія, такъ какъ имѣлись ясныя доказательства дѣйствительности совершеннаго надъ нимъ: иноки дѣйствительно нашли, какъ и говорилъ блаженный Пименъ, волосы его на гробѣ преподобнаго Ѳеодосія, и свѣча, для которой было довольно сутокъ, чтобы сгорѣть, въ теченіе сорока дней и ночей горѣла, не угасая[2]), на что тоже указывалъ преподобный тотчасъ по своемъ постриженіи. Ввиду этого они только сказали:

— Для тебя, братъ Пименъ, достаточно дарованнаго тебѣ Богомъ образа и имени.

— Но все-таки открой намъ,—говорилъ игуменъ, придя съ книгою постриженія,—кто именно были постригавшіе тебя и не опустили ли они чего, написаннаго въ этой книгѣ?

---

[1]) *Екклисіархъ* — ключарь церковный, которому поручено храненіе церковнаго имущества и на которомъ лежитъ обязанность наблюденія за исполненіемъ устава церковнаго Богослуженія.

[2]) Число *сорокъ* имѣетъ важное символическое значеніе. Оно означаетъ переходъ отъ одного состоянія къ другому, обновленіе, перемѣну. По истеченіи сорока дней послѣ рожденія младенецъ вносится въ церковь для посвященія его Богу. Въ сороковой день послѣ кончины, по вѣрованію св. Православной Церкви, душа почившаго христіанина возносится на поклоненіе Богу. Такъ и при постриженіи въ монашество *сорокъ* дней новопостриженный долженъ особенно пребывать въ подвигѣ молитвы, такъ какъ онъ какъ бы рожденъ для новой жизни, а для земнаго и преходящаго какъ бы умеръ. Это же означала и зажженная свѣча, данная Ангелами преподобному Пимену и горѣвшая сорокъ дней и ночей.

Блаженный Пименъ сказалъ игумену:

— Что меня испытываешь, отче? Ты самъ, придя сюда со всею братіею, совершилъ надо мною все, что положено въ этой книгѣ, при этомъ ты сказалъ, что мнѣ всю жизнь должно испытывать страданія отъ болѣзни и лишь предъ смертью я буду избавленъ отъ нея, такъ что буду въ состояніи нести свой смертный одръ; молись о мнѣ, святый отче, чтобы Господь даровалъ мнѣ терпѣніе.

Выслушавъ это, всѣ оставили его.

Блаженный же Пименъ, по предсказанію постригшихъ его, много лѣтъ лежалъ въ тяжкой и возбуждавшей отвращеніе болѣзни: ею гнушались всѣ прислуживавшіе ему и часто дня по три не давали ему ни ѣсть, ни пить, но онъ все переносилъ съ радостію, благодаря Бога.

Случилось какъ-то, что одинъ больной, страдавшій такимъ же недугомъ, какъ и преподобный Пименъ, принесенъ былъ въ Печерскій монастырь и постриженъ. Иноки, на которыхъ лежала обязанность служить больнымъ, внесли его къ блаженному Пимену, чтобы служить обоимъ вмѣстѣ. И равномѣрно, но небрежно относясь къ своимъ обязанностямъ, они часто забывали объ нихъ, такъ что больные по временамъ изнемогали отъ жажды. Тогда блаженный Пименъ сказалъ лежавшему съ нимъ больному:

— Такъ какъ прислуживающіе намъ гнушаются нами по причинѣ смрада, исходящаго отъ насъ, то захотѣлъ ли бы ты, братъ мой, нести ихъ обязанности, если бы тебя возставилъ Господь?

Больной обѣщался преподобному съ усердіемъ служить до самой смерти. Блаженный Пименъ сказалъ на это:

— Вотъ, Господь отнимаетъ болѣзнь твою отъ тебя, и ты, сдѣлавшись здоровъ, исполни обѣщаніе твое,—служи мнѣ и подобнымъ мнѣ, а на нерадиво исполнявшихъ обязанности свои Господь наведетъ лютую болѣзнь, чтобы они, испытавъ наказаніе, получили спасеніе.

Больной тотчасъ всталъ и началъ служить преподобному; нерадивыхъ же служителей, по слову его, объялъ недугъ.

Избавившійся отъ болѣзни братъ недолго послужилъ преподобному Пимену: не выдержавъ смрада, онъ удалился и оставилъ его томиться голодомъ и жаждой; уйдя, онъ поселился въ другой келліи. И вотъ внезапно его, какъ огнемъ, охватилъ сильный жаръ; не имѣя силъ подняться, онъ три дня мучился отъ жажды и наконецъ сталъ кричать:

— Ради Бога, сжальтесь надо мною, вѣдь я умираю отъ жажды!

Услыхавъ его, иноки, находившіеся въ ближайшей келліи, пришли къ нему; видя его болѣзнь, они сообщили о ней преподобному Пимену:

— Братъ, служившій тебѣ, умираетъ.

— Что сѣетъ человѣкъ,—отвѣчалъ преподобный,—то и пожнетъ [1]): онъ бросилъ меня голоднаго и жаждущаго, и самъ потерпѣлъ то же, солгавъ Богу и презрѣвъ мое недостоинство. Но мы научены не воздавать за зло зломъ, поэтому идите и скажите ему: тебя зоветъ Пименъ,—встань и иди къ нему.

Когда заболѣвшему передали это, то онъ тотчасъ сдѣлался здоровъ и, вставши, безъ всякой помощи пришелъ къ преподобному. Блаженный Пименъ долго увѣщевалъ его, говоря:

— Маловѣръ, вотъ, ты здоровъ; смотри, опять не согрѣшай! Развѣ ты не знаешь, что равную награду будутъ имѣть какъ болящій, такъ и служащій ему. Терпѣніе униженныхъ не останется безплодно: испытывающіе здѣсь кратковременную скорбь и тяготу, будутъ испытывать радость и веселіе тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханій, но жизнь безконечная. Ради этого я и терплю все; Богъ, чрезъ меня избавившій тебя отъ твоего недуга, можетъ и меня возставить отъ этого одра и исцѣлить мою немощь, но я не хочу: **претерпѣвый до конца̀ спсе́нъ бꙋ́детъ** [2]), сказалъ Господь. Лучше мнѣ въ этой жизни превратиться въ трупъ, чтобы въ той тѣло мое было нетлѣнно; лучше здѣсь переносить смрадъ, чтобы тамъ наслаждаться неизреченнымъ благоуханіемъ. Величественно, братъ мой, церковное служеніе въ свѣтломъ, чистомъ и святомъ мѣстѣ, гдѣ богоугодно и сладостно съ невидимыми ангельскими силами возносить молитвы къ Богу, почему церковь и называется земнымъ Небомъ, а стоящіе въ ней почитаются за стоящихъ на Небѣ. Эта же темная и смрадная келлія не прежде ли суда судъ? Не прежде ли безконечной муки мука? Но терпящій все это съ благодареніемъ можетъ съ правомъ сказать: **терпѧ̀ потерпѣ́хъ гдⷭ҇а, и҆ внѧ́тъ мнѣ̀** [3]); утѣшая подобныхъ страдальцевъ, Апостолъ говоритъ: **а҆́ще наказа́ніе терпитѐ, ꙗ҆́коже сыновѡ́мъ ѡ҆брѣта́етсѧ ва́мъ бг҃ъ. а҆́ще бе́з наказа́нїѧ є҆стѐ, оу҆́бо**

---

[1]) Сравн.: Посл. къ Галат., гл. 6, ст. 7

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 22.

[3]) Пс. 39, ст. 2.

прелюбодѣ́йчищи є҆стѐ, а҆ не сы́нове[1]), и Самъ Господь увѣщеваетъ насъ, братъ мой, говоря: **въ терпѣ́нїи ва́шемъ стѧжи́те дꙋ́шы ва́шѧ**[2]).

Проникнувшись этимъ наставленіемъ преподобнаго, братъ не покидалъ его, служа ему; доблестный же страдалецъ и истинный подражатель праведнаго Іова, святый Пименъ лежалъ двадцать лѣтъ на одрѣ болѣзни, непрестанно благодаря Бога. Когда же настало время отшествія его, въ Печерскомъ монастырѣ явилось знаменіе: надъ трапезною показались ночью три огненныхъ столпа, которые потомъ перешли на верхъ церкви. Одинъ Господь зналъ истинное значеніе этого знаменія, но не будетъ несправедливымъ предположить, что черезъ него показывалось, что Богъ-Троица, **творѧ́й а҆́гг҃лы своѧ̑ дꙋ́хи и҆ слꙋги̑ своѧ̑ пла́мень ѻ҆́гненный**[3]), уже ниспослалъ Своихъ Ангеловъ за душею многоболѣзненнаго Пимена, какъ за душею Лазаря: въ этотъ день онъ внезапно выздоровѣлъ и узналъ о наступленіи своей смерти, вспомнивъ предсказаніе постригшихъ его. Вставъ, онъ обошелъ всѣ келліи, всѣмъ кланяясь и прося прощенія. Болящимъ же инокамъ говорилъ:

— Братья и друзья мои, встаньте и проводите меня!

Тотчасъ по слову его оставила ихъ болѣзнь, и они, сдѣлавшись здоровы, послѣдовали за нимъ. Преподобный же Пименъ, войдя въ церковь, пріобщился Божественныхъ Таинъ и послѣ этого, взявъ смертный одръ свой, понесъ его безъ всякихъ указаній къ пещерѣ, въ которой никогда не былъ, которую никогда не видалъ со дня своего рожденія. Войдя въ пещеру, онъ поклонился гробу преподобнаго Антонія[1]) и указалъ мѣсто, гдѣ желалъ быть погребенъ. Передъ смертью онъ повѣдалъ чудную тайну, указывая на гробы нѣкоторыхъ изъ братій, лежавшихъ вблизи:

— Здѣсь, — сказалъ, — вы положили въ этомъ году двухъ братьевъ, одного безъ схимы, а другого въ схимѣ;[5]) перваго, по-

---

1) Посл. къ Евр., гл. 12, ст. 7—8.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 21, ст. 19.

3) Пс. 103, ст. 4.

4) Мощи преподобнаго Антонія († 1073 г.) почиваютъ подъ спудомъ въ той пещерѣ, гдѣ онъ подвизался (въ такъ называемыхъ *Ближнихъ пещерахъ*).

5) *Схима* есть одѣяніе высшей степени монашеской, которая называется Великимъ Ангельскимъ образомъ. При постриженіи въ схиму возлагаются на монаха и нѣкоторыя особенныя одежды, а именно: *куколь* и *аналавъ*. Куколь есть одѣяніе обнимающее голову и плечи со всѣхъ сторонъ: онъ имѣетъ верхъ нѣсколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми изъ шнуровъ краснаго цвѣта; кресты эти расположены: на челѣ, на груди, на обоихъ плечахъ и на спинѣ.

Аналавъ есть четвероугольный платъ со шнурками, пришитыми по угламъ. Онъ, опускаясь сверху отъ шеи на шнуркахъ и раздѣляясь на стороны, обнимаетъ мышцы подъ

ложеннаго безъ схимы, вы найдете въ схимѣ; онъ неоднократно хотѣлъ принять ее, но все откладывалъ, но такъ какъ онъ явилъ дѣла, достойныя этого образа, то Господь даровалъ ему схиму по смерти. Другого же брата, положеннаго въ схимѣ, найдете безъ нея; онъ не хотѣлъ схимы во время жизни, не показалъ и дѣлъ, достойныхъ ея, а говорилъ: когда увидите, что я покидаю этотъ міръ, тогда постригите меня въ схиму; не помнилъ онъ словъ, сказавшаго: **не ме́ртвїи восхва́лѧтъ тѧ̀, гдⷭ҇и, инжѐ всѝ нисходѧ́щїи во а҆́дъ, но мы̀ живі́и благослови́мъ гдⷭ҇а**[1]). Поэтому и отнято у него достоинство схимы и дано показавшему дѣла, достойныя ея: **и҆мꙋ́щемꙋ бо** (добрыя дѣла) **вездѣ̀ дано̀ бꙋ́детъ и҆ преизбꙋ́детъ, ѿ неимꙋ́щагѡ же** (добрыхъ дѣлъ) **и҆ є҆́же мни́тсѧ и҆мѣ́ѧ, взѧ́то бꙋ́детъ**[2]). Третій братъ,—продолжалъ онъ,—много лѣтъ тому назадъ положенъ здѣсь и весь истлѣлъ, но схима его осталась нетлѣнной: она блюдется для его осужденія и обличенія, ибо онъ совершалъ дѣла недостойныя этого образа,—всю жизнь провелъ въ лѣности и грѣхахъ, не помня словъ Господа: **є҆мꙋ̀ же дано̀ бꙋ́детъ мно́гѡ, мно́гѡ взы́щетсѧ ѿ негѡ̀**[3]); постриженіе въ схиму не приноситъ никакой пользы тѣмъ, которые не совершаютъ добрыхъ дѣлъ, избавляющихъ отъ вѣчныхъ мукъ.

Открывъ тайну, преподобный Пименъ сказалъ братіи:

— Вотъ, пришли постригавшіе меня для пріятія моей души.

Тотчасъ послѣ этихъ словъ онъ возлегъ и преставился о Господѣ[4]). Иноки съ великою честью положили его на указанномъ мѣстѣ.—Откопавши гробы, о которыхъ разсказалъ преподобный, они нашли, соотвѣтственно его словамъ, трехъ черноризцевъ: изъ двоихъ, недавно умершихъ, одинъ, погребенный въ схимѣ, былъ лишенъ ея,—она была возложена на другого, не имѣвшаго ея; третьяго же брата, уже давно умершаго, нашли всего истлѣвшаго; одна только схима его была цѣла. И долго дивились всѣ неизреченному суду Божію, воздающему каждому по дѣламъ его. Богу слава, честь и держава подобаетъ и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

руками и, располагаясь крестообразно на груди и раменахъ, тѣми же шнурками обвиваетъ и стягиваетъ одежду. И куколь, и аналавъ имѣютъ духовное значеніе.

1) Пс. 113, ст. 25—26.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 29.

3) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 48.

4) 11 февраля 1110 года.

ПРЕСТАВЛЕНІЕ ПРЕПОДОБНАГО

ОРА ЧЕРНОРИЗЦА

Въ Ѳиваидѣ Египетской[1]), странѣ смежной съ Еѳіопіей[2]), среди монашествующихъ находился чудный мужъ, по имени Оръ, основавшій множество монастырей, иноки которыхъ, числомъ до тысячи, были подъ его властію; это былъ девяностолѣтній, украшенный сѣдиною старецъ-схимонахъ, обладавшій чрезвычайно благолѣпною наружностію: лице его выражало такую одухотворенность, что онъ производилъ впечатлѣніе безплотнаго существа. Свою подвижническую жизнь преподобный Оръ началъ въ дальней пустынѣ, гдѣ прожилъ много лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ, соблюдая строжайшій постъ. Затѣмъ, по повелѣнію Божію, онъ переселился отсюда и устроилъ близъ одного города монастырь. Чтобы братія не имѣли нужды ходить далеко за дровами, онъ своими руками насадилъ около него рощу; до его прихода здѣсь не было ни одного дерева. Такъ заботился преподобный не только о душевномъ спасеніи братіи, но и о необходимомъ для тѣлесной жизни, стараясь, чтобы иноки ни въ чемъ не имѣли недостатка. Когда же самъ онъ жилъ въ дальней пустынѣ, то питался тамъ лишь зеленью и кореньями, казавшимися ему очень вкусной пищей; воду онъ пилъ лишь въ томъ случаѣ, когда находилъ ее; большую часть дня и ночи преподобный Оръ посвящалъ усердной молитвѣ. Такой образъ жизни онъ велъ до глубокой старости, и вотъ однажды ему явился во снѣ Ангелъ Господень, говоря:

— Ты будешъ отцомъ многихъ, ибо тебѣ ввѣрится много людей, и многія тысячи ты наставишь на путь спасенія; въ будущей жизни ты получишь награду соотвѣтственно числу пріобрѣтенныхъ тобою для спасенія; не приходи въ сомнѣніе, помышляя, сколько нужно будетъ имѣть необходимаго для удовлетворенія тѣлесныхъ

---

[1]) *Ѳиваида* — область знаменитаго въ древности города Ѳивы; этимъ же именемъ назывался, по имени главнаго города, и вообще весь Верхній (Южный) Египетъ. Область изобиловала иноческими пустынями.

[2]) *Еѳіопія* — страна къ югу отъ Египта,—Нубія и Абиссинія.

нуждъ такого множества людей: у тебя не будетъ недостатка ни въ чемъ,—будешь имѣть все, что попросишь у Бога.

Послѣ этого видѣнія старецъ приблизился къ селеніямъ; сначала онъ выстроилъ себѣ маленькую келлійку и насадилъ овощей; и здѣсь, какъ ранѣе въ дальней пустынѣ, преподобный Оръ питался только овощами, да и ихъ вкушая въ небольшомъ лишь количествѣ: часто въ теченіе недѣли онъ только одинъ разъ принималъ пищу. Ранѣе онъ не умѣлъ читать, но, по переселеніи изъ дальней пустыни, Господь сообщилъ ему даръ уразумѣнія писаній: когда однимъ изъ братіи была принесена ему книга, онъ открылъ ее и началъ читать какъ давно научившійся книжному искусству. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподобный Оръ получилъ отъ Бога власть надъ бѣсами: къ нему силою приводили бѣсноватыхъ, которые во всеуслышаніе говорили о совершаемыхъ имъ тайно богоугодныхъ дѣлахъ. Много и другихъ исцѣленій творилъ преподобный дарованною ему свыше благодатію Христовою. Къ преподобному Ору стало стекаться множество желающихъ подвизаться подъ его руководствомъ, и скоро образовалось значительное собраніе монашествующихъ, наставникомъ и руководителемъ котораго былъ преподобный. Онъ имѣлъ обыкновеніе сначала вкушать пищи духовной, а потомъ уже приступать къ пищѣ тѣлесной: только пріобщившись Божественныхъ Таинъ, онъ шелъ за трапезу, уча братію боговдохновенными наставленіями или сообщая душеполезные разсказы. Однажды въ назиданіе братіи онъ разсказалъ слѣдующее:

— Я видѣлъ въ пустынѣ одного мужа, который въ теченіе трехъ лѣтъ не вкушалъ земной пищи: Ангелъ Господень черезъ каждые два дня приносилъ небесную пищу, замѣнявшую ему въ то же время и воду.

— Знаю,—повѣдалъ преподобный Оръ въ другой разъ,—такого инока, къ которому явились бѣсы, принявши видъ Небесныхъ Воинствъ и Ангельскихъ Чиновъ; они указывали ему на огненную колесницу, гдѣ находился какъ бы царь, окруженный славою. Этотъ царь сказалъ иноку:

— Ты обладаешь всѣми добродѣтелями, теперь тебѣ остается только поклониться мнѣ, и я возьму тебя, какъ Илію[1]), на огненную колесницу и вознесу отсюда.

При этихъ словахъ инокъ впалъ въ раздумье:

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 2-ая.

«Что это значитъ? — размышлялъ онъ.—Я постоянно поклоняюсь моему Спасителю, Который и есть мой Царь, и если бы этотъ видимый мною былъ Имъ, то не требовалъ бы отъ меня поклоненія, зная, что я всегда поклоняюсь Ему.»

Прп҃бный Ѡ҃ръ

Послѣ такого размышленія инокъ сказалъ:

— Я имѣю своего Царя, Которому непрестанно поклоняюсь; ты же не мой царь.

Тотчасъ бѣсы исчезли и съ своимъ царемъ, и съ колесницею.

Все это преподобный Оръ разсказывалъ братіи какъ о комъ-то другомъ, но многіе изъ нея хорошо знали, что все разсказанное происходило съ нимъ. Преподобный Оръ былъ очень привѣтливъ и милостивъ ко всѣмъ: когда къ нему приходилъ какой-либо братъ и выражалъ желаніе жить съ нимъ, онъ въ одинъ день выстраивалъ ему келлію: принимаясь за дѣло, преподобный Оръ созывалъ всю братію, и всѣ помогали ему съ усердіемъ: одни носили камни, другіе песокъ, третьи воду, четвертые деревья, и къ вечеру, такимъ образомъ, была готова келлія; отдавая ее пришедшему брату, преподобный Оръ въ достаточной степени снабжалъ его и всѣмъ необходимымъ для жизни. Богъ въ обиліи посылалъ Своему угоднику все, что онъ просилъ у Него. О преподобномъ отцѣ существуетъ и слѣдующій разсказъ, относящійся къ тому времени его жизни, когда онъ имѣлъ еще только одного ученика: однажды при наступленіи свѣтлаго праздника Воскресенія Христова этотъ ученикъ сказалъ своему учителю:

— Знаешь ли, отче, что теперь Пасха, и намъ должно праздновать ее, какъ и всѣ празднуютъ.

— Ей, сынъ мой,—отвѣчалъ старецъ,—я забылъ, что теперь Пасха,—и, выйдя изъ келліи, преподобный Оръ сталъ подъ откры-

тымъ небомъ, простерши вверхъ руки: такъ, не мѣняя положенія, онъ простоялъ три дня, предаваясь размышленіямъ о Богѣ. Спустя три дня онъ возвратился въ келлію, говоря:

— Вотъ, чадо, по мѣрѣ силъ моихъ, я и отпраздновалъ Пасху.

— Что это ты дѣлалъ, отче?—спросилъ ученикъ.

— Для монаха,—отвѣчалъ старецъ,—праздникъ и Пасха заключаются въ томъ, чтобы умъ его проходилъ мимо, какъ Израиль сухими ногами по морю[1]), молвы житейской и приближался къ Богу. Инокъ,—продолжалъ онъ,—удаляясь отъ видимаго міра, становится ближе къ невидимому Богу: привязываясь же къ земнымъ предметамъ, онъ черезъ это удаляетъ себя отъ невещественнаго Бога.

Будучи отцомъ многихъ братій, преподобный зналъ жизнь и дѣла каждаго, даже творимыя имъ тайно.

Такъ однажды нѣкоторый странствующій инокъ, страдавшій порокомъ лжи, идя къ преподобному, спряталъ свои одежды. Явившись къ нему полунагимъ, онъ просилъ у него одежды: преподобный Оръ тотчасъ же предъ всѣми обличилъ его во лжи, вынеся спрятанную одежду. Вся братія прониклась страхомъ, видя, что прозорливый отецъ знаетъ тайны и скрытое отъ другихъ, и никто не осмѣливался утаивать что-нибудь отъ него или гдѣ-нибудь вдали отъ его глазъ совершать что-либо противозаконное, ибо Богъ открывалъ ему все. Наставивъ множество на путь спасенія не только изъ среды иноковъ, но и мірскихъ людей, преподобный Оръ преставился ко Господу[2]) въ небесныя обители и причтенъ къ лику великихъ преподобныхъ отцевъ, предстоящихъ предъ Престоломъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

[1]) Кн. Исх., гл. 14-ая.

[2]) 90 лѣтъ отъ рожденія, около 390 года.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

ДОМЕТІЯ

Святый Дометій жилъ въ царствованіе Константина Великаго[1]). Родиной его была Персія, гдѣ онъ и былъ обращенъ изъ язычества въ христіанство нѣкіимъ Уаромъ. Оставивъ родственниковъ и отечество, полное языческого нечестія, святый Дометій удалился къ предѣламъ греческого государства, къ городу Низибіи[2]). Войдя здѣсь въ одинъ монастырь, онъ принялъ Святое Крещеніе, а затѣмъ облекся во иноческій образъ, безпорочно проходя подвигъ постнической жизни. Но по навѣтамъ завистливаго и лукаваго бѣса его возненавидѣли обитавшіе въ томъ монастырѣ иноки, такъ что святый Дометій принужденъ былъ бѣжать оттуда въ монастырь святыхъ мучениковъ Сергія и Вакха въ городѣ Ѳеодосіополѣ[3]). Тутъ онъ подражалъ житію архимандрита Нурвела, о которомъ повѣствуется, что въ теченіе шестидесяти лѣтъ онъ не вкушалъ ничего варенаго, спалъ чрезвычайно мало, да и то не лежа или сидя, а стоя—наклонясь на жезлъ. Архимандритъ Нурвелъ поставилъ преподобнаго Дометія въ діаконы, но когда святый узналъ, что архимандритъ хочетъ принудить его сдѣлаться священникомъ, онъ

Прп҃бномч҃нкъ Дометій

---

1) См. стр. 30 примѣч. 2-ое.

2) Въ Месопотамін.

3) На восточномъ берегу Евфрата.

удалился и оттуда[1]). Уединившись на одной пустынной горѣ[2]), святый Дометій проводилъ здѣсь жизнь по Богѣ, терпя зной, морозъ и всѣ измѣненія погоды. Потомъ, войдя въ одинъ вертепъ, онъ жилъ уже тамъ, совершая множество чудесъ Именемъ Христовымъ: многихъ, приходящихъ къ нему, онъ исцѣлялъ отъ болѣзней, приводя отъ идолопоклонства къ вѣрѣ Христовой. Когда же въ эту мѣстность пришелъ Юліанъ Отступникъ[3]), то, узнавъ все о святомъ Дометіи, онъ велѣлъ его побить камнями. Посланные для совершенія злодѣйства отправились и нашли въ третій часъ дня святаго отца съ двумя учениками совершающаго подобающее пѣніе. Бросившись на нихъ, они побили ихъ камнями, и такъ закончилъ теченіе своей богоугодной жизни преподобный Дометій съ двумя своими учениками[4]).

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Пóстнически предподвиза́вся на горѣ̀, оу҆́мная врагѡ́въ ѡ҆полче́нїя всеоружїемъ кр҃та̀ погꙋби́лъ є҆сѝ всеблж҃е́нне. па́ки же ко страда́льчествꙋ мꙋ́жески ѡ҆бле́клся є҆сѝ: и҆ ѻ҆бои́хъ ра́ди вѣнча́лся є҆сѝ ѿ бг҃а, прп҃бномч҃нче, дометі́е приснопа́мятне.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Ꙗ҆́кѡ преѡби́дѣвъ тлѣ́нная, и҆ до́лꙋ влекꙋ́щая мꙋдрова́нїя, прп҃бномч҃нче дометі́е, вели́къ наста́вникъ мона́хѡмъ показа́лся є҆сѝ, не оу҆страши́вся ꙗ҆́рости царя̀, не хотя́ща чти́ти хр҃та̀ и҆́стиннаго бг҃а. сегѡ̀ ра́ди и҆ сконча́лся є҆сѝ, воспѣва́я пѣ́снь: бг҃ъ є҆сть со мно́ю, и҆ никто́же на ны̀.

---

1) Съ двумя учениками.

2) Въ предѣлахъ Кирра въ Сиріи.

3) *Юліанъ Отступникъ,* племянникъ Константина Великаго, сынъ его брата Юлія Констанція, родился въ 331 г. Въ 345 г. вмѣстѣ съ братомъ Галломъ былъ сосланъ въ Каппадокію Констанціемъ, гдѣ подъ строгимъ надзоромъ провелъ шесть лѣтъ. Въ 351 г. онъ покинулъ мѣсто ссылки и провелъ нѣсколько лѣтъ въ Никомидіи, гдѣ увлекался изученіемъ философіи; въ 355 г. былъ назначенъ Констанціемъ начальникомъ войскъ въ Галліи, гдѣ онъ сумѣлъ привлечь любовь войска, которое въ 361 г. и провозгласило его императоромъ. Изученіе философіи подъ руководствомъ учителя-язычника, раздоры среди христіанъ вслѣдствіе аріанскихъ волненій, ненависть къ Констанцію возбудили въ Юліанѣ и ненависть къ религіи своего притѣснителя—христіанству. Онъ задался цѣлію возстановить язычество и уничтожить христіанство. Но всѣ его попытки потерпѣли полнѣйшую неудачу. Юліанъ умеръ въ 363 г. въ походѣ противъ Персовъ; послѣдніе его слова были обращены ко Христу: «Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!»

4) Въ 363 году, 23 марта.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

МАРИНА И АСТЕРІЯ

Во дни языческихъ царей Валеріана и сына его Галліена[1]) въ Римѣ[2]) жилъ честный и добродѣтельный вельможа, по имени Астерій, исповѣдовавшій вѣру Христову; онъ былъ знатный и богатый человѣкъ, пользовавшійся расположеніемъ царей. При гоненіяхъ, постигавшихъ въ то время Церковь Христову, Астерій строго соблюдалъ благочестіе, нисколько не скрывая при этомъ своей вѣры въ Господа Іисуса.

Однажды, находясь въ предѣлахъ Палестины, святый Астерій пришелъ въ городъ Кесарію Филиппову[3]), извѣстный у финикіянъ подъ именемъ Панеады. Въ этомъ городѣ, населенномъ множествомъ идолопоклонниковъ, былъ обычай совершать одно языческое празднество близъ источника, вытекающаго изъ горы Панеасъ; отсюда, полагаютъ, беретъ начало и рѣка Іорданъ. Въ этотъ праздникъ приносимая бѣсу жертва дѣлалась невидима: обитавшій тамъ бѣсъ похищалъ жертву, скрывая ее отъ глазъ, и ослѣпленные заблужденіемъ язычники прославляли это бѣсовское обольщеніе какъ великое чудо. Рабъ Христовъ Астерій, присутствуя при самомъ бѣсовскомъ праздникѣ, не могъ не поболѣть сердцемъ о заблужденіи и душевной слѣпотѣ обольщеннаго народа; поднявъ очи къ Небу и воздвигнувъ руки, съ вѣрою помолился Христу-Богу, чтобы Онъ изгналъ оттуда бѣса, прельщающаго народъ. И тотчасъ бѣсъ былъ прогнанъ силою Божіею, и чудо бѣсовское прекратилось,—всѣ своими глазами видѣли жертву; она уже не скрывалась какъ ранѣе и не дѣлалась невидимой. Когда же прекратилось чудо, прекратилось и празднество, такъ какъ язычники перестали собираться къ источнику. Такъ молитва святаго Астерія, соединенная съ вѣрою, очистила мѣсто отъ бѣсовской скверны.

Страданіе же его за Христа произошло, по смотрѣнію Божію,

---

[1]) *Валеріанъ* — императоръ въ 253—259 г.г.; *Галліенъ* — въ 260—268 г.г.

[2]) См. стр. 84 примѣч 2-ое.

[3]) Городъ обстроенъ Филиппомъ, сыномъ Ирода, который и назвалъ его Кесаріею въ честь кесаря Тиверія. Стоялъ у истоковъ Іордана.

такимъ образомъ. Въ другой Кесаріи, Палестинской[1]), жилъ знатный и богатый воинъ по имени Маринъ, но онъ былъ еще болѣе честенъ вѣрою во Христа и—богатъ добрыми дѣлами. Товарищи по полку призывали его на мѣсто сотника, открывшееся по смерти занимавшаго его воина. Когда Маринъ готовился занять помянутое мѣсто, другой воинъ, завидуя и самъ желая сдѣлаться сотникомъ, пошелъ къ судьѣ Ахеосъ: онъ открылъ ему, что Маринъ какъ христіанинъ не хочетъ приносить жертвы богамъ и изображеніямъ царей, а потому,—добавилъ доносчикъ,—такого человѣка въ силу римскихъ законовъ нельзя ставить сотникомъ. Судья тотчасъ призвалъ Марина и спросилъ его о исповѣдуемой имъ вѣрѣ; услыхавъ отъ самого Марина, что онъ христіанинъ, судья далъ ему три часа для размышленія,—избрать ли жизнь или смерть. Святому Марину предстояло только два исхода: или принести языческую жертву и остаться въ живыхъ, или умереть за исповѣданіе вѣры Христовой.

Въ это время епископъ Кесаріи Палестинской Ѳетеикъ пришелъ къ исповѣднику Христову, взялъ его за руку и ввелъ въ церковь, преподавая душеполезныя наставленія. Затѣмъ придя съ нимъ во святый алтарь, епископъ, указывая рукою на Святое Евангеліе и на воинскій мечъ, которымъ Маринъ былъ препоясанъ, сказалъ:

— Изъ двухъ этихъ вещей избери, достойный мужъ, какую-либо одну: или носить этотъ мечъ, чтобы временно служить земному царю, а по смерти получить вѣчную погибель, или—сдѣлаться воиномъ Небеснаго Царя, положить душу за Его Пресвятое Имя, написанное въ сей книгѣ, и царствовать съ нимъ безконечные вѣки.

Святый Маринъ, простерши правую руку ко Святому Евангелію, съ горячею любовію облобызалъ его, показывая, что онъ готовъ за Христа идти на смерть. Тогда епископъ сказалъ ему:

— Всей душей твоей прилѣпись къ Богу и, укрѣпляемый Его силою, пріими то, что самъ избралъ.

Послѣ этого епископъ отпустилъ святаго Марина со словами:

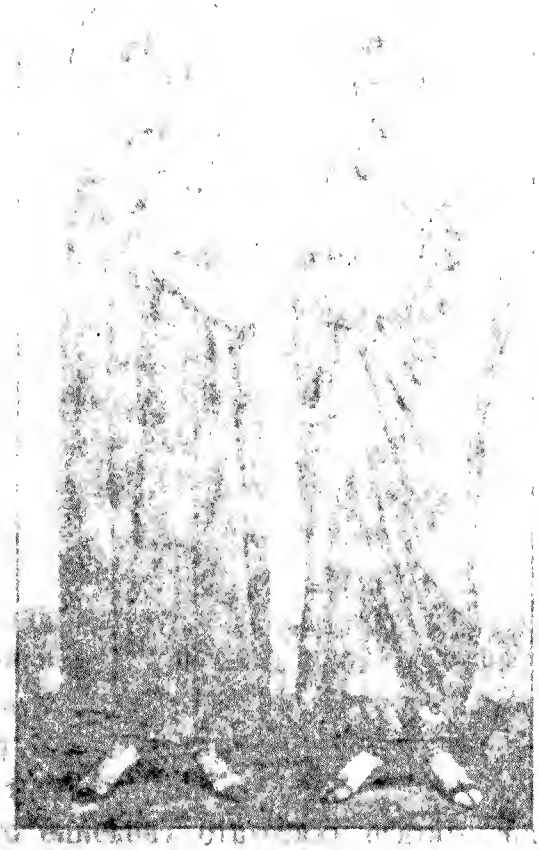
— Иди съ миромъ.

---

[1]) *Кесарія Палестинская*—называлась въ глубокой древности городомъ или башнею Стратона. Этотъ городъ былъ возстановленъ Иродомъ Великимъ, который назвалъ его Кесаріею въ честь императора Августа. Онъ находился на берегу Средиземнаго моря. Св. Ап. Павелъ во время своихъ миссіонерскихъ путешествій не разъ бывалъ въ немъ (Дѣян., 9, 29—30; 18, 28; 21, 8) и два года пробылъ въ немъ узникомъ (Дѣян. 23, 23; 24, 27; 25, 4—6). Въ этомъ городѣ жилъ сотникъ Корнилій, котораго св. Ап. Петръ обратилъ ко Христу и крестилъ (Дѣян., гл. 10); здѣсь жилъ св. Ап. Филиппъ (Дѣян., 21, 8); здѣсь же умеръ Агриппа, пораженный Ангеломъ и изъѣденный червями (Дѣян., 12, 20—23). Въ Евангеліи Кесаріи Палестинской не упоминается.

Ст҃іи мч҃нцы
МАРІ́НЪ и А҆СТЕ́РІЙ

такимъ образомъ. Въ [illegible] Кесарія Палестинской [1]. жилъ знатный и богатый [illegible] но онъ былъ еще болѣе [illegible] дѣлами. Товарищи [illegible] смерти [illegible]



[illegible]

[illegible] на Христа [illegible]

— [illegible] Его силою, пріимъ [illegible]

Послѣ этого [illegible] словами:

— Иди съ миромъ, [illegible]

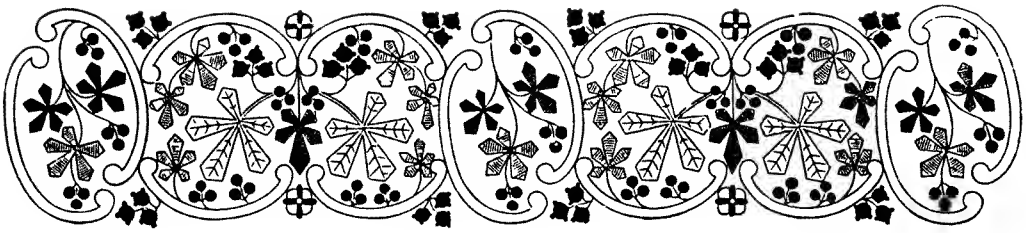
[1] Кесарія Палестинская — [illegible] городомъ или башнею Стратона. Этотъ городъ былъ [illegible] Иродомъ Великимъ, который назвалъ его Кесарею въ честь императора Августа. Онъ находился на берегу Средиземнаго моря. Св. Ап. Павелъ во [illegible] путешествіи не разъ бывалъ въ немъ (Дѣян. 9, 29—30; 10, 22; 21, 8) и два года пробылъ въ немъ узникомъ (Дѣян. 23, 23; 24, 27; 25, 4—6). Въ этомъ городѣ жилъ сотникъ Корнилій, котораго св. Ап. Петръ обратилъ ко Христу и крестилъ (Дѣян. гл. 10); здѣсь жилъ св. Ап. Филиппъ (Дѣян. 21, 8); здѣсь же умеръ Иродъ, пораженный Ангеломъ и изъѣденный червями (Дѣян. 12, 20—23). Въ Евангеліи Кесарія Палестинской не упоминается.

Когда святый Маринъ шелъ изъ церкви, то глашатай стоялъ уже у дверей суда, громко призывая Марина по имени, такъ какъ три часа уже прошли. Войдя въ судилище, святый Маринъ безбоязненнѣе прежняго исповѣдалъ себя христіаниномъ, во всеуслышаніе прославляя Имя Христово и порицая языческое нечестіе. Судья произнесъ ему смертный приговоръ, и святый мученикъ Маринъ былъ изведенъ за городъ и тамъ обезглавленъ. При его мученической кончинѣ присутствовалъ святый Астерій, по устроенію Божію на это время пришедшій въ городъ. По страдальческой смерти святаго Марина онъ снялъ съ себя верхнюю драгоцѣнную одежду, простеръ ее по землѣ, потомъ обвилъ ею честно́е тѣло мученика вмѣстѣ съ главою и, донеся до могилы на собственныхъ плечахъ, предалъ погребенію съ честью. За это онъ и самъ удостоился мученическаго вѣнца: нечестивые язычники схватили его и отсѣкли ему главу[1]). И такимъ образомъ, святый Астерій вмѣстѣ со святымъ Мариномъ въ ликѣ святыхъ мучениковъ предсталъ Небесному Царю—Христу.

Это было въ царствованіе Галліена, наслѣдовавшаго престолъ послѣ погибели своего отца Валеріана. За пролитіе крови множества христіанъ онъ былъ наказанъ гнѣвомъ Божіимъ: во время сраженія Персы одержали побѣду надъ Римлянами, и Валеріанъ живымъ попалъ въ плѣнъ къ Саворію — Персидскому царю; его отвели въ Персію, и тамъ онъ замѣнялъ Саворію подножку, когда послѣдній садился на коня. При этомъ Валеріана нельзя было выкупить изъ позорнаго плѣна: Саворій не желалъ брать за него никакихъ сокровищъ, дорожа той славой, что онъ имѣетъ возможность наступать на выю Римскаго царя. Послѣ продолжительнаго издѣвательства надъ Валеріаномъ царь Персидскій велѣлъ, наконецъ, содрать съ него кожу предъ всѣмъ народомъ и посыпать солью; такъ зло погибъ злой, еще въ этой жизни начавъ вѣчныя муки. Такая погибель отца устрашила Галліена: онъ позналъ въ ней Божіе наказаніе за безжалостное пролитіе христіанской крови. Поэтому Галліенъ издалъ указъ для всѣхъ областей Римскаго государства, гдѣ предписывалось прекратить гоненіе на христіанъ и разрѣшить епископамъ свободно управлять своими церквами. Но прежде, чѣмъ указъ пришелъ въ Кесарію Палестинскую, святые Маринъ и Астерій пріяли мученическую кончину за Христа и вошли въ радость Господа своего и нашего Владыки Іисуса Христа, царствующаго съ Отцемъ и Святымъ Духомъ.

---

[1]) Въ 260 г.



День восьмой

ПРАЗДНОВАНІЕ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦѢ

ВЪ ЧЕСТЬ ЯВЛЕНІЯ

ЕЯ ПРЕЧЕСТНЫЯ и ЧУДОТВОРНЫЯ ИКОНЫ,

нарицаемыя ТОЛГСКІЯ

Въ 6822 году отъ сотворенія міра[1]) во время Кіевскаго и Всероссійскаго митрополита Петра[2]) при благовѣрномъ князѣ Ярославскомъ Давидѣ Ѳеодоровичѣ епископъ Ростовскій и Ярославскій Прохоръ,—по другимъ извѣстіямъ Трифонъ,—объѣзжая свою епархію, прибылъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; отсюда онъ продолжалъ путь водою на лодкахъ,—сначала по притоку Волги Шекснѣ, а затѣмъ по самой Волгѣ до Ярославля. Когда путники были на разстояніи шести поприщъ[3]) отъ Ярославля, день началъ склоняться къ вечеру. Тогда они пристали на ночлегъ къ горѣ, стоявшей на той сторонѣ Волги, гдѣ находился городъ; поднявшись на гору, они разбили шатеръ. Стоянка была какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ въ Волгу впадаетъ притокъ ея Толга; вся эта сторона была покрыта большимъ лѣсомъ. Во время ночлега епископъ проснулся въ полночь и замѣтилъ какой-

1) Отъ Рождества Христова 1314-ый.

2) *Святый Петръ* жилъ съ 1308 г. по 1325 г. во Владимірѣ, съ 1325 по 1326 г. — въ Москвѣ. Память его — 21-го декабря.

3) Приблизительно на разстояніи шести верстъ.

то свѣтъ; быстро поднявшись и выглянувъ изъ шатра, онъ нашелъ всѣхъ своихъ спутниковъ—священниковъ, клириковъ, слугъ и даже сторожей—спящими; между тѣмъ великій свѣтъ озарялъ всю мѣстность. Оборотившись къ рѣкѣ, епископъ замѣтилъ на противоположномъ берегу чрезвычайно свѣтлый, необыкновенно сіяющій столбъ, при этомъ онъ увидѣлъ и мостъ, ведущій къ нему черезъ Волгу. Это таинственное явленіе возбудило въ епископѣ удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ. Однако, помолившись Богу, онъ, захвативъ свой епископскій посохъ, вышелъ изъ шатра и, не будя никого, направился къ рѣкѣ и взошелъ на видимый имъ мостъ: въ дѣйствительности же епископъ шелъ по водѣ какъ по дереву,—на этомъ мѣстѣ никогда не было моста, но, по повелѣнію Божію, вода, отвердѣвъ, образовала какъ бы мостъ подъ его ногами. Достигнувъ противоположнаго берега, епископъ увидѣлъ образъ Пресвятой Богородицы, держащей на рукахъ Младенца, Господа нашего Іисуса Христа; образъ не стоялъ на деревѣ, а чудесно держался на воздухѣ на высотѣ пяти локтей, такъ что съ земли его нельзя было достать руками. Епископъ, поклоняясь иконѣ Богородицы, возсылалъ Владычицѣ міра теплыя молитвы, соединенныя со слезами; послѣ довольно продолжительной молитвы онъ возвратился обратно, забывъ на этомъ мѣстѣ свой посохъ. Перейдя по тому же самому мосту рѣку, епископъ возвратился въ свой шатеръ, и такъ какъ всѣ спали, то его путешествіе никому не могло быть извѣстно; до утра епископъ спокойно проспалъ. Когда разсвѣло, всѣ встали, и по обыкновенію была пѣта Утреня. Настало время идти къ лодкамъ, и слуги начали искать посохъ святителя, но всѣ поиски были тщетны. Тогда они сказали епископу, что неизвѣстно куда дѣвался посохъ, хотя вечеромъ онъ былъ поставленъ въ шатрѣ. Епископъ вспомнилъ, что забылъ свой посохъ на той сторонѣ рѣки, и понялъ, что Господь желаетъ сдѣлать извѣстнымъ помянутое чудесное явленіе; не будучи въ состояніи отъ слезъ вымолвить слова, онъ началъ показывать перстомъ за Волгу; потомъ, едва говоря отъ волненія, святитель разсказалъ по порядку, какъ онъ достигъ противоположнаго берега Волги и что̀ тамъ видѣлъ; затѣмъ онъ приказалъ ѣхать въ указываемомъ имъ направленіи за Волгу и взять тамъ посохъ. Слуги поѣхали и во время поисковъ посоха обрѣли въ лѣсу икону Пречистой Богородицы, но уже не на воздухѣ, а стоящей между деревьевъ на землѣ; близъ нея лежалъ

и посохъ. Поклонившись святой иконѣ и взявши посохъ, они возвратились къ святителю и сообщили ему, что видѣли икону Пресвятой Богородицы. Тогда епископъ, отложивъ на время путь къ Ярославлю, переѣхалъ со всѣми своими людьми Волгу; увидѣвъ икону Пресвятой Богородицы, онъ тотчасъ узналъ тотъ самый образъ, который ночью держался на воздухѣ, окруженный свѣтлымъ сіяніемъ въ видѣ столпа. Въ радости и веселіи духовномъ святитель преклонилъ колѣна, возсылая теплыя молитвы Пресвятой Богородицѣ и благоговѣйно лобызая Ея святую икону. И всѣ присутствовавшіе также не могли удержаться отъ радостныхъ слезъ и, поклоняясь честному образу, также усердно молились Матери Божіей.

Это чудесное явленіе иконы Пресвятой Богородицы совершилось восьмого августа, когда почитается память святаго Емиліана, епископа Кизическаго.

Святитель Прохоръ, ни мало не медля, тотчасъ началъ собственными руками очищать мѣсто, гдѣ явилась святая икона, рубить лѣсъ и приготовлять деревья для постройки церкви. Его примѣру ревностно слѣдовали и находившіеся съ нимъ; въ тотъ же день заложили маленькую церковь и къ полудню окончили ея постройку. Слухъ о чудесномъ явленіи и связанныхъ съ нимъ событіяхъ дошелъ до Ярославля, и множество народа поспѣшило къ мѣсту, гдѣ находился епископъ; среди пришедшихъ были и духовные и міряне, старые и молодые, богатые и бѣдные, здоровые и больные. При видѣ иконы Пресвятой Богородицы они исполнились неизреченной радости и усердно молились; каждый старался помочь сооружавшимъ церковь — кто рубилъ деревья, а кто трудился вмѣстѣ съ начавшими постройку храма. Когда онъ былъ оконченъ, епископъ въ тотъ же день къ вечеру освятилъ его и внесъ чудотворный образъ; затѣмъ, совершивъ во вновь сооруженномъ храмѣ Богослуженіе, святитель нарекъ его во имя честнаго Введенія Пресвятой Богородицы и установилъ празднованіе явленія Ея образа въ восьмой день августа мѣсяца. Всѣ присутствовавшіе при этомъ недужные получили, по благодати Пресвятой Богородицы, исцѣленіе. Тогда же епископъ повелѣлъ быть при церкви монастырю и въ тотъ же день поставилъ ему игумена. Съ этого времени на мѣстѣ явленія чудотворнаго образа была устроена обитель, сначала довольно незначительная, но потомъ, съ расширеніемъ своей славы, она увеличилась и въ

Тóнгскаѧ і҆кѡ́на бж҃і҆еѧ мт҃ри

своихъ размѣрахъ. Эта обитель, хранимая Богомъ, существуетъ и донынѣ и извѣстна подъ именемъ Толгской, отъ впадающаго на этомъ мѣстѣ въ Волгу притока—Толги.

Со дня явленія чудотворнаго образа Пресвятой Богородицы начало совершаться множество чудесъ, изъ которыхъ упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся. Въ 6900 году 16 сентября[1]), при игуменѣ Германѣ, когда священникъ возгласилъ на Утрени послѣ девятой пѣсни: «Богородицу и Матерь свѣта пѣсньми возвеличимъ!», внезапно отъ правой руки Пресвятой Богородицы истекло мѵро, и церковь наполнилась дивнымъ благоуханіемъ; всѣ присутствовавшіе въ храмѣ при видѣ этого чуда не могли удержаться отъ удивленія и ужаса, прославляя въ то же время Бога и Его Пречистую Матерь. Послѣ Утрени стали совершать молебенъ Пресвятой Богородицѣ, и при окончаніи его во время пѣнія: «Владычице, пріими молитву рабовъ Своихъ» отъ лѣвой ноги Пречистаго Младенца, держимаго Богородицею на рукахъ, истекло мѵро; такимъ образомъ глазамъ вѣрующихъ, находившихся въ то время въ храмѣ, представились два источника,—отъ правой руки Пресвятой Богородицы и лѣвой стопы Христа,—чудесно источающія мѵро отъ одной иконы. Дивное чудо это не могло не возбудить духовной радости въ игуменѣ и братіи: они со слезами преклоняли колѣна предъ Пречистой Богородицей и помазывали чело свое мѵромъ, которое обладало великой цѣлебной силой: кто изъ недужныхъ,—какою бы болѣзнію онъ не страдалъ,—ни помазывался чудеснымъ мѵромъ, тотчасъ дѣлался здоровъ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого чудеснаго событія одинъ бояринъ, по имени Никита, былъ посланъ Великимъ Княземъ изъ Москвы въ Бѣлозерскій край: когда онъ вмѣстѣ съ женою и слугами прибылъ въ Ярославль, то сѣлъ въ лодки, чтобы дальнѣйшій путь продолжать водою вверхъ по рѣкѣ. У этого боярина былъ единственный сынъ, еще маленькій мальчикъ,—ему было не болѣе четырехъ лѣтъ,—и вотъ, дорогою онъ разболѣлся и умеръ, и его мертваго довезли до Толгскаго монастыря Пресвятой Богородицы, чтобы здѣсь похоронить. Отецъ и мать умершаго мальчика горько плакали предъ иконою Пресвятой Богородицы, такъ какъ не имѣли болѣе дѣтей. Опрятавъ тѣло, занялись приготовленіемъ гроба и остального, нужнаго для погребенія; въ этихъ печальныхъ хлопотахъ прошло время съ часу дня до десяти вечера. И вотъ, когда, послѣ обычнаго мо-

[1]) Отъ Р. Хр. 1392 г.

лебствія, началось надгробное пѣніе, мальчикъ неожиданно ожилъ и воскликнулъ; всѣ ужаснулись и вмѣстѣ съ тѣмъ радовались. Особенно же радовались родители. Они не знали, какъ благодарить Господа и Его Пречистую Матерь, снова увидѣвъ своего сына живымъ и здоровымъ.—Однажды по попущенію Божію въ монастырѣ случился большой пожаръ; при этомъ и церковь загорѣлась такъ быстро, что братія не успѣли отворить церковныхъ дверей и хотя что-нибудь вынести изъ храма; вся церковь со всѣмъ находившимся въ ней сгорѣла. Всѣ со скорбію думали, что этой же участи подверглась и чудотворная икона. Но послѣ пожара неожиданно нашли въ рощѣ близъ монастыря святую икону, совершенно неповрежденную и окруженную сіяніемъ: конечно, не человѣческими, а только ангельскими руками могла быть взята святая икона изъ великаго пламени. Братія съ радостію пріяли святую икону и, не медля, принялись за постройку новаго храма, болѣе обширнаго по размѣрамъ и великолѣпнаго по своимъ украшеніямъ. И доселѣ можно видѣть прекрасныя церковныя зданія и монастырскія постройки. Благодать же Пречистой Богородицы и Приснодѣвы Маріи и донынѣ не перестаетъ совершать чудотворенія, какъ отъ источника, отъ Своей святой иконы, источая исцѣленія болѣзней и отгоняя отъ людей злыхъ духовъ.

Чудеса эти подробно описаны въ самой обители; мы же, изложивъ только немногое, да и то кратко,—для болѣе подробнаго повѣствованія не достало бы и времени,—прославимъ Бога и Его Пречистую Матерь Дѣву Марію; воздадимъ подобающее поклоненіе и Ея честной иконѣ, которую всѣ роды христіанскіе должны почитать всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ Елевѳерія и Леонида,** брошенныхъ въ огонь за исповѣданіе Іисуса Христа.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Григорія Синаита,** жившаго въ царствованіе Михаила IX Палеолога и Андроника, царей Греческихъ, написавшаго много душеполезныхъ книгъ и скончавшагося въ первой половинѣ XIV вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

МИРОНА ЧУДОТВОРЦА,

епископа Критскаго

Святый Миронъ родился на островѣ Критѣ[1]), здѣсь же былъ и воспитанъ; онъ женился въ довольно ранней молодости; главнымъ занятіемъ его было земледѣліе, причемъ «отъ пота лица своего» святый Миронъ ѣлъ хлѣбъ не только самъ, но и кормилъ другихъ, подавая отъ своихъ урожаевъ убогимъ. Господь благословлялъ за это труды святаго Мирона: размѣрамъ подаяній соотвѣтствовала величина урожаевъ. Святый Миронъ былъ милостивъ болѣе всѣхъ людей, обитавшихъ въ той землѣ: однажды онъ засталъ на своемъ гумнѣ воровъ, когда они уже до того наполнили мѣшки житомъ, что не могли поднять ихъ; святый Миронъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть ихъ тѣлесному или какому-нибудь иному наказанію, подошелъ къ нимъ и своими руками пособилъ поднять мѣшки на плечи; при этомъ онъ строго запретилъ ворамъ разсказывать о его поступкѣ. За свою добродѣтельную жизнь святый Миронъ былъ сдѣланъ пресвитеромъ; въ этомъ санѣ онъ ревностно поучалъ своихъ пасомыхъ святой жизни христіанской, а во время гоненія со стороны нечестиваго

Ст҃ый
МѴРѠНЪ

[1]) *Критъ* — наибольшій изъ греческихъ острововъ, въ восточной части Средиземнаго моря.

царя Декія[1]) горячо убѣждалъ ихъ твердо переносить страданія. Когда съ погибелью Декія[2]) окончилось гоненіе, святый Миронъ былъ возведенъ на престолъ епископа: будучи епископомъ, онъ установилъ памятованіе святыхъ мучениковъ, пострадавшихъ во время гоненія за Христа, а также силою Божіею сотворилъ много чудесъ и другихъ дивныхъ дѣлъ. Такъ, между прочимъ, святый Миронъ остановилъ теченіе рѣки: во время наводненія одному знатному мужу, по имени Тритонъ, нужно было перейти рѣку[3]); святый епископъ остановилъ ея теченіе, пока помянутый мужъ, перейдя рѣку, снова не возвратился обратно; тогда святый Миронъ послалъ свой посохъ съ приказаніемъ опять продолжать рѣкѣ свое обычное теченіе. Когда посланцы святаго Мирона достигли рѣки и, возмутивъ жезломъ святителя въ ней воду, повторили его повелѣніе, рѣка съ чрезвычайной быстротою и стремительностію потекла по руслу въ прежнемъ направленіи. Много чудесъ, по своему величію подобныхъ сейчасъ описанному, сотворилъ святый угодникъ Божій. Святый Миронъ отошелъ ко Господу уже столѣтнимъ старцемъ, всю жизнь посвятивъ Богу путемъ исполненія Его святыхъ Заповѣдей[4]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕМИЛІАНА ИСПОВѢДНИКА,

епископа Кизическаго

Емиліанъ, епископъ Кизическій[5]), претерпѣлъ страданія за исповѣданіе Христово въ царствованіе Льва Армянина Иконоборца[6]). Святаго Емиліана неоднократно принуждали оставить

1) *Декій*—императоръ въ 249—251 гг.

2) Въ 251 году.

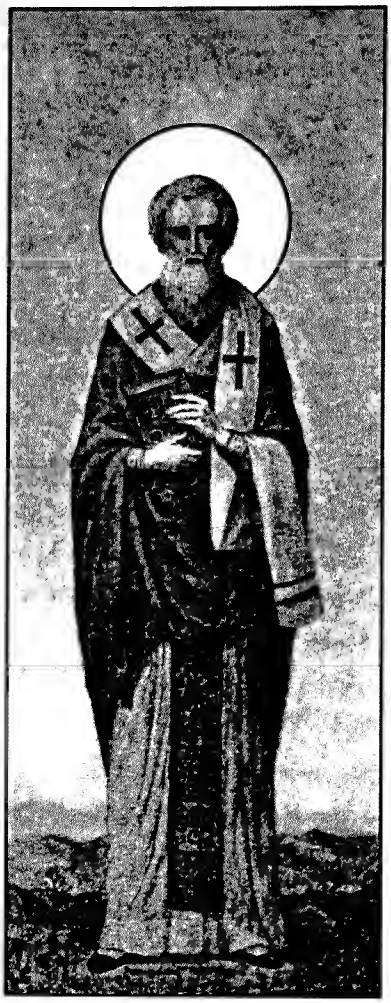
3) Иное передается въ житіи и Синаксаріи Никодима: тамъ сообщается, что рѣка по имени Тритонъ остановлена святымъ Мирономъ во время наводненія, и онъ, перешедши посуху по ней, послѣ послалъ жезлъ съ повелѣніемъ, чтобы она опять текла. Въ Критѣ еще Діодору Сицилійскому была извѣстна рѣка Тритонъ.

4) Скончался св. Миронъ около 350 года.

5) *Кизикъ* —находился на полуостровѣ Пропонтиды (Мраморнаго моря) Арктонессѣ; городъ этотъ основанъ милетцами за 5 вѣковъ до Р. Хр.

6) *Левъ V Армянинъ* —императоръ въ 813—820 гг.

поклоненіе честнымъ и святымъ иконамъ, но онъ, неуклонно слѣдуя ученію святыхъ Отцевъ, не повиновался. За эту вѣрность вѣрѣ православной ему пришлось перенести отъ еретиковъ много непріятностей, даже тюремныя заключенія[1]), но святый Емиліанъ все переносилъ съ радостію въ надеждѣ за временныя страданія получить вѣчное блаженство. Съ такимъ чисто христіанскимъ настроеніемъ проходя среди скорбей и страданій свой жизненный путь, святый Емиліанъ умеръ въ заточеніи, уповая на Господа и украшенный вѣнцемъ исповѣдника.



Ст҃ый
Є҆мїлїа́нъ

Конда́къ, гла́съ г҃:

Добля́го тѧ̀ побо́рника по тр҃цѣ ꙗ҆́вльшасѧ, цр҃ковь сла́витъ пою́щи є҆мїлїа́не, за ню́ же пострада́лъ є҆сѝ: сегѡ̀ ра́ди почита́емъ па́мѧть твою̀, ꙗ҆зы́ческагѡ наше́ствїѧ и҆зба́ви рабы̀ твоѧ̑.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Григорія**, иконописца Печерскаго въ XII в., почивающаго въ Антоніевой пещерѣ.

---

[1]) Такъ, въ 815 г. онъ былъ заточенъ вмѣстѣ съ другими епископами. На собраніи епископовъ во главѣ съ Патріархомъ у царя иконоборца св. Емиліанъ первый изъ епископовъ началъ говорить смѣло съ Львомъ Армяниномъ, твердо отстаивая права Церкви. На убѣжденія императора, склонявшаго къ иконоборчеству, онъ сказалъ: «Если этотъ вопросъ, императоръ, есть церковный, какъ ты самъ сказалъ, то пусть изслѣдуется въ Церкви по обычаю. Издревности, изъ самаго начала, церковные вопросы изслѣдуются въ церквахъ, а не въ царскихъ палатахъ». См. житіе преп. Никиты подъ 3 числомъ апрѣля мѣсяца.

День девятый

СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

МАТѲІЯ

Святый Апостолъ Матѳій, происходившій изъ колѣна Іудина, родился въ Виѳлеемѣ; съ ранняго дѣтства онъ началъ изучать священныя книги и Законъ Божій въ Іерусалимѣ подъ руководствомъ святаго Симеона Богопріимца. Отъ него святый Матѳій былъ наставленъ въ добродѣтельной жизни: онъ проводилъ богоугодную жизнь, строго слѣдуя по пути, начертанному въ Заповѣдяхъ Божіихъ. Настало время, когда Господь, по прошествіи тридцати лѣтъ со дня Своего рожденія отъ Пречистой Дѣвы Маріи и по принятіи Крещенія отъ Іоанна, явилъ Себя міру: собравъ учениковъ, Онъ проповѣдывалъ наступленіе Царствія Божія, совершая въ то же время неисчислимыя чудеса и знаменія. Святый Матѳій, внимая ученію Христа и видя Его чудотворенія, исполнился къ Нему любовію: оставивъ мірскія заботы, онъ вмѣстѣ съ другими учениками и народомъ послѣдовалъ за Господомъ, наслаждаясь лицезрѣніемъ воплотившагося Бога и неизреченною радостію Его ученія. Господь, Которому открыты самыя сокровенныя движенія человѣческаго сердца, видя рвеніе и чистоту душевную святаго Матѳія, избралъ его не только въ число Своихъ учениковъ,—но и для апостольскаго служенія. Сначала святый

Матѳій принадлежалъ къ числу семидесяти меньшихъ апостоловъ, о которыхъ въ Евангеліи говорится: «избралъ Господь и другихъ семьдесятъ (учениковъ), и послалъ ихъ по два предъ лицемъ Своимъ»[1]); послѣ же вольныхъ страданій, воскресенія и вознесенія Господа нашего Іисуса Христа на Небо святый Матѳій былъ причтенъ къ сонму двѣнадцати Апостоловъ. По отпаденіи Іуды отъ лика двѣнадцати Апостоловъ, послѣдній,—такъ какъ вмѣсто Іуды никто не былъ избранъ,—утратилъ свою полноту, а съ нимъ и право на именованіе двѣнадцати; поэтому верховный изъ Апостоловъ, святый Петръ, ставъ посреди собранія первыхъ христіанъ, обратился къ вѣрующимъ со словомъ о томъ, что на мѣсто отпавшаго и погибшаго Іуды должны избрать кого-либо изъ тѣхъ, которые находились съ апостолами во все время, когда пребывалъ съ ними Господь Іисусъ, чтобы избранный Имъ сонмъ двѣнадцати ближайшихъ Апостоловъ былъ цѣлъ и неизмѣненъ. «И поставили двоихъ—Іосифа, нарицаемаго Варсавою... и Матѳія, и помолились, и сказали: Ты, Господи, Сердцевѣдецъ всѣхъ, покажи изъ сихъ двоихъ одного, котораго Ты избралъ принять жребій сего служенія и апостольства, отъ котораго отпалъ Іуда... И бросили о нихъ жребій, и выпалъ жребій Матѳію, и онъ сопричисленъ къ одиннадцати Апостоламъ»[2]) какъ двѣнадцатый. Это избраніе вскорѣ было утверждено Господомъ при ниспосланіи Духа Святаго въ видѣ огненныхъ языковъ: ибо Духъ Святый опочилъ какъ на прочихъ святыхъ Апостолахъ, такъ и на святомъ Матѳіѣ, даруя ему равную благодать съ учениками Господа. По сошествіи Святаго Духа Апостолы метали жребій, кому изъ нихъ и въ какую страну идти для проповѣди евангельской; святому Матѳію досталась по жребію Іудея, гдѣ онъ и трудился, обходя города и веси и благовѣствуя о явленіи во Христѣ Іисусѣ спасенія міру. Впрочемъ, не только среди Іудеевъ, но и среди язычниковъ проповѣдовалъ онъ Имя Христово. Преданіе говоритъ, что святый Матѳій обращался съ благовѣстіемъ Христовымъ и къ жителямъ Эѳіопіи[3]) и претерпѣлъ здѣсь множество различныхъ мученій: его влачили по землѣ, подвергали побоямъ, привѣшивали къ столбу, строгая бока желѣзомъ и поджигая огнемъ. Но укрѣп-

---

[1]) Еванг. отъ Луки., гл. 10, ст. 1.

[2]) Дѣян., гл. 1, ст. 23—26.

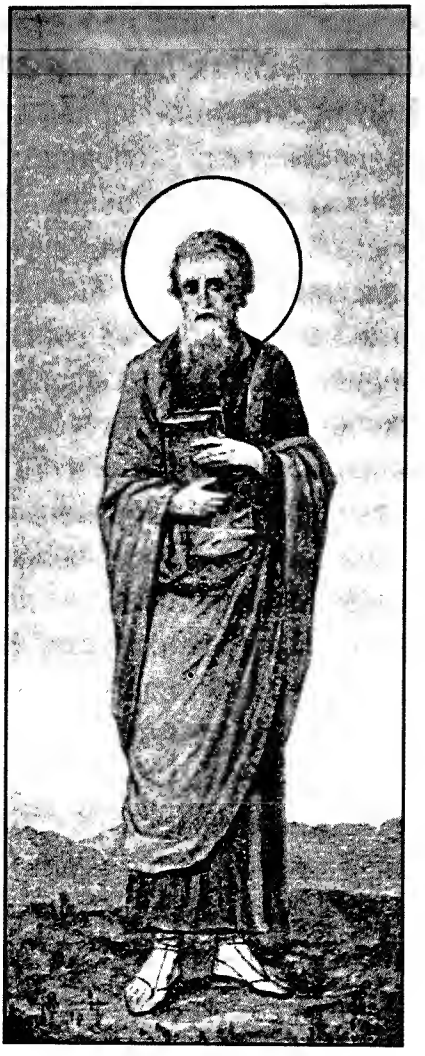
[3]) Подъ *Эѳіопіей* разумѣютъ Эѳіопію Понтійскую, или Колхиду, нынѣшнюю Мингрелію и Имеретію.

ляемый Христомъ, святый Матѳій мужественно и съ радостію переносилъ эти мученія. По нѣкоторымъ же извѣстіямъ святый Матѳій проповѣдовалъ Евангеліе и въ Македоніи[1]), гдѣ нечестивые греки, желая испытать силу возвѣщаемаго святымъ Апостоломъ ученія, схватили его и заставили выпить отраву, лишавшую человѣка зрѣнія: кто выпивалъ ее, тотъ дѣлался слѣпымъ. Но святый Матѳій, выпивъ во Имя Христово отраву, не потерпѣлъ отъ нея никакого вреда и даже ослѣпленныхъ этою отравой,—ихъ было болѣе двухсотъ пятидесяти человѣкъ,—исцѣлилъ, возлагая руки и призывая Имя Христово. Діаволъ, не терпя такого поруганія, явился язычникамъ въ видѣ отрока, повелѣвая убить Матѳія, такъ какъ онъ уничтожаетъ почитаніе бѣсовъ. Когда же они хотѣли схватить святаго Апостола, то принуждены были въ теченіе трехъ дней безуспѣшно искать его: святый Матѳій, хотя и ходилъ среди нихъ, былъ имъ невидимъ. Потомъ святый Апостолъ явился къ искавшимъ его язычникамъ и добровольно предалъ себя въ руки ихъ; они, связавъ его, заключили въ темницу, гдѣ явились ему бѣсы, съ яростію скрежетавшіе на него зубами. Но въ слѣдующую ночь ему въ великомъ свѣтѣ явился Господь; ободривъ святаго Матѳія и освободивъ отъ оковъ, Онъ открылъ двери темницы и выпустилъ его на волю. Насталъ день, и Апостолъ снова всталъ среди народа, еще съ бо́льшею безбоязненностію проповѣдуя Имя Христово; когда же нѣкоторые, ожесточившіеся сердцемъ, не вѣруя его проповѣди и придя въ ярость, хотѣли убить его своими руками, внезапно разверзлась земля и поглотила ихъ; оставшіеся же пришли въ ужасъ, обратились ко Христу и крестились.

Затѣмъ Апостолъ Христовъ снова возвратился въ жребій свой — въ Іудею, и многихъ отъ сыновъ Израилевыхъ онъ обратилъ къ Господу Іисусу Христу, возвѣщая имъ Слово Божіе и подтверждая его знаменіями и чудесами: Именемъ Христовымъ святый Матѳій возвращалъ слѣпымъ зрѣніе, глухимъ слухъ, умирающимъ жизнь, возстановлялъ хромыхъ, очищалъ прокаженныхъ и изгонялъ бѣсовъ. Называя Моисея святымъ и побуждая соблюдать Законъ, данный ему Богомъ на скрижаляхъ, святый Матѳій въ то же время училъ вѣровать во Христа, въ знаменіяхъ и прообразахъ предвозвѣщеннаго самимъ Моисеемъ, предсказаннаго

[1]) *Македонія* — страна на Балканскомъ полуостровѣ, примыкающая къ сѣверо-западному углу Эгейскаго моря (Салоникскій заливъ).

пророками, посланнаго Богомъ Отцомъ на спасеніе міру и воплотившагося отъ Пречистой и Пренепорочной Дѣвы. При этомъ всѣ пророчества о Христѣ святый Матѳій истолковывалъ какъ уже сбывшіяся на пришедшемъ Мессіи.



Ст҃ый а҆п҃лъ
Матѳі́й

Въ это время первосвященникомъ іудейскимъ былъ Ананъ, ненавидѣвшій Христа и хулившій Его имя,—гонитель христіанъ, повелѣвшій сбросить съ кровли церковной святаго Апостола и брата Божія Іакова и тѣмъ убившій его. И вотъ, когда святый Матѳій, обходя Галилею, проповѣдовалъ Христа, Сына Божія въ здѣшнихъ синагогахъ, ослѣпленные невѣріемъ и злобою іудеи, исполнившись сильной ярости, схватили Святаго Апостола и привели въ Іерусалимъ къ помянутому первосвященнику Анану. Первосвященникъ, собравъ Синедріонъ и призвавъ на судъ святаго Апостола, обратился къ утратившему совѣсть сборищу съ такими словами:

— Вся вселенная и настоящее собраніе знаютъ, какую укоризну навлекъ на себя нашъ народъ, и это—не по нашей винѣ, но по развращенію нѣкоторыхъ, отъ насъ же вышедшихъ, и по ненасытному корыстолюбію,—скорѣе мучительству,—римскихъ правителей; не слѣдовало бы и упоминать объ этихъ вводителяхъ новыхъ ересей, прельстившихъ столько тысячъ народа. Вы сами знаете, сколько изъ нихъ побито римскими воинами; такъ погибли обольстители и обольщенные, покрывая позоромъ наше племя; таковы родоначальники ересей: Іуда Галилеянинъ и Ѳевда Волхвъ. Съ ихъ погибелью уничтожилась и самая память о нихъ. Но среди всѣхъ подобныхъ еретиковъ возсталъ ересіархъ Іисусъ Назорянинъ: Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ и Богомъ и многихъ удивлялъ Своими волшебными знаменіями и чудесами, привлекая къ Себѣ сердца и проповѣдуя отмѣненіе Закона,

за что и принялъ судъ по Закону, который хулилъ. И что сказать? Развѣ мы не знаемъ, что Законъ данъ былъ Моисею Самимъ Богомъ, что его соблюдали патріархи и Пророки, которымъ Богъ даровалъ силу совершать такія чудотворенія, какихъ не могъ Іисусъ: кто не знаетъ Моисея съ Богомъ, какъ съ человѣкомъ, бесѣдовавшаго? кто не знаетъ Илію, взятаго на Небо на огненной колесницѣ? кто не слышалъ, что умершій, выброшенный на мертвыя кости Елиссея, ожилъ? И иные угодники Божіи сколько совершили чудесъ, однако ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ на такое дѣло, какъ Іисусъ,—присваивать себѣ честь Божію и устанавливать новый законъ; Пророки, вдохновляемые Святымъ Духомъ, говорили исполненные смиренія, а Онъ съ гордостію говорилъ Свои собственныя измышленія и дошелъ до такого безумія, что первосвященниковъ и князей подвергалъ укоризненнымъ порицаніямъ, а книжниковъ и фарисеевъ называлъ лицемѣрами. Сдѣлалъ ли что подобное кто-либо изъ Пророковъ? И по гордости Своей Онъ обрѣлъ соотвѣтственный конецъ, принявъ мзду по дѣламъ Своимъ. О, если бы память Его съ Нимъ погибла, и ученія Его, съ Нимъ умершаго, никто не воскрешалъ! Особенно же печально, что храмъ Божій, Святой Градъ и законы отцевъ находятся въ рабствѣ у Римлянъ, и нѣтъ ни сострадающаго, ни соболѣзнующаго, ни избавляющаго: насъ безъ вины влачатъ по судилищамъ, а мы терпимъ; насъ обольщаютъ, а мы даемъ молчаливое согласіе; насъ грабятъ, а мы не издаемъ и звука. И—что всего печальнѣе,—галилеяне предаютъ насъ въ руки Римлянъ, безъ стыда обвиняя насъ и народъ нашъ въ убіеніи Іисуса какъ неповиннаго. Лучше пусть погибнутъ эти немногочисленные галилеяне, чѣмъ это святое мѣсто и весь народъ нашъ подвергнется истребленію отъ Римлянъ; изъ двухъ золъ,—если нѣтъ возможности избѣжать обоихъ,—слѣдуетъ избирать меньшее, болѣе терпимое. И этотъ, сейчасъ стоящій предъ нами ученикъ Іисусовъ, достоинъ смерти; но пусть сначала самъ въ себѣ размыслитъ,—мы не отнимаемъ времени для размышленія, потому что не погибели, а исправленія его желаемъ,—и изъ двухъ пусть изберетъ одно,—или слѣдовать Закону, данному Богомъ черезъ Моисея, и тѣмъ сохранить жизнь, или именоваться христіаниномъ и умереть.

Въ отвѣтъ на это святый Матѳій, поднявъ руки, сказалъ:

— Мужи и братья! Я не хочу говорить много о томъ обвиненіи, которое вы возлагаете на меня,—для меня имя христіанина

не преступленіе, а слава. Ибо Самъ Господь говоритъ чрезъ Пророка, что въ послѣдніе дни «назоветъ рабовъ Своихъ новымъ именемъ»[1]).

Первосвященникъ Ананъ возразилъ:

— Развѣ не преступленіе считать за ничто святой Законъ, не почитать Бога и слушать пустыя разсказы о волшебствахъ?

— Если послушаете меня,—отвѣтилъ святый Матѳій,—я объясню вамъ, что проповѣдуемое нами ученіе—не басни и волшебство, но сама Истина, уже давно засвидѣтельствованная Закономъ.

Когда первосвященникъ далъ свое согласіе, святый Матѳій открылъ свои уста и началъ истолковывать ветхозавѣтныя прообразы и пророчества объ Іисусѣ Христѣ: какъ Богъ далъ обѣтованіе праотцамъ—Аврааму, Исааку и Іакову—изъ сѣмени ихъ воздвигнуть такого Мужа, чрезъ Котораго благословятся всѣ земныя племена, о чемъ и Давидъ говоритъ въ словахъ Псалма: «благословятся въ Немъ (всѣ племена земныя), всѣ народы ублажатъ Его»[2]),—какъ несгораемая купина прообразовала воплощеніе Христа отъ Пречистой Дѣвы[3]), о Которой предсказалъ Исаія: «се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему: Еммануилъ»[4]), то есть—съ нами Богъ. Моисей тоже ясно предвозвѣстилъ о Христѣ, говоря: «Пророка изъ среды тебя, изъ братьевъ твоихъ, какъ меня воздвигнетъ тебѣ Господь Богъ твой,—Его слушайте»[5]). Онъ же предуказалъ вольныя страданія Спасителя, вознеся на древо змѣя, объ чемъ говорилъ и Исаія: «какъ овца, веденъ былъ Онъ на закланіе»[6]) и: «и къ злодѣямъ причтенъ былъ»[7]); Пророкъ Іона, вышедшій невредимымъ изъ чрева китова, былъ прообразомъ тридневнаго воскресенія Господня.

Эти пространныя изъясненія ветхозавѣтныхъ книгъ, говорящихъ о Христѣ Іисусѣ, привели Анана въ гнѣвъ, такъ что онъ не выдержалъ и сказалъ святому Матѳію:

— Такъ ты осмѣливаешься посягать на Законъ? Развѣ тебѣ не извѣстны слова Писанія: «если возстанетъ среди тебя

---

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 65, ст. 15.
2) Пс. 71, ст. 17.
3) Кн. Исх., гл. 3, ст. 2.
4) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14.
5) Кн. Второзак., гл. 18, ст. 15.
6) Кн. Прор. Исаіи, гл. 53, ст. 7.
7) Кн. Прор. Исаіи, гл. 53, ст. 12.

пророкъ или сновидецъ, и представитъ тебѣ знаменіе или чудо, и сбудется то знаменіе или чудо, о которомъ онъ говорилъ тебѣ, и скажетъ при томъ: «пойдемъ въ слѣдъ боговъ иныхъ, которыхъ ты не знаешь, и будемъ служить имъ».... И пророка того или сновидца того должно предать смерти?»[1])

Святый Матѳій отвѣчалъ:

— Тотъ, о Которомъ я говорю, не только Пророкъ, но и Господь пророковъ, Онъ—Богъ, Сынъ Божій, о чемъ свидѣтельствуютъ истинныя чудеса Его; поэтому-то я и вѣрую въ Него и надѣюсь быть непоколебимымъ въ исповѣданіи Его Пресвятаго Имени.

— Если тебѣ дадутъ время для размышленія, покаешься ли ты?—спросилъ первосвященникъ.

— Да не будетъ, чтобы я отступилъ отъ Истины, которую уже обрѣлъ,—отвѣчалъ святый Апостолъ.—Я всѣмъ сердцемъ моимъ вѣрую и открыто исповѣдую, что отверженный вами и преданный на смерть Іисусъ Назорянинъ есть Сынъ Божій, Единосущный и совѣчный Отцу, а я—рабъ Его.

Тогда первосвященникъ, затыкая уши и скрежеща зубами, закричалъ:

— Хулитъ! хулитъ! Пусть выслушаетъ Законъ!

Тотчасъ была открыта книга Закона и было прочтено то мѣсто, гдѣ написано: «кто будетъ злословить Бога своего, тотъ понесетъ грѣхъ свой, и хулитель имени Господня долженъ умереть, камнями побьетъ его все общество, пусть не щадитъ его око ваше и тѣмъ изъимете зло изъ дѣлъ Израиля»[2]).

По прочтеніи этого мѣста первосвященникъ сказалъ Апостолу Христову:

— Твои слова свидѣтельствуютъ противъ тебя; кровь твоя падетъ на голову твою.

Послѣ этого первосвященникъ осудилъ святаго Матѳія на побіеніе камнями, и Апостола повели на казнь. Когда пришли на мѣсто, называемое Веѳласкила, то есть домъ побитыхъ камнями, святый Матѳій сказалъ къ ведшимъ его іудеямъ:

— Лицемѣры, справедливо говорилъ о подобныхъ вамъ пророкъ Давидъ: «толпою устремляются на душу праведника и осуждаютъ кровь неповинную»[3]); то же говоритъ и Пророкъ Іезекіиль

---

1) Кн. Второзак., гл. 13, ст. 1, 2, 5.

2) Сравн.: Кн. Левитъ, гл. 24, ст. 15—16.

3) Пс. 93, ст. 21.

о такого рода людяхъ, что они умерщвляютъ души, которыя не должны умирать[1]).

Послѣ этихъ словъ Апостола Христова два свидѣтеля, — какъ требовалъ того Законъ,—положили свои руки на его голову и засвидѣтельствовали, что онъ хулилъ Бога, Законъ и Моисея; они же первые бросили камни въ святаго Матѳія, причемъ послѣдній просилъ, чтобы эти первые два камня были погребены съ нимъ — какъ свидѣтели его страданій за Христа. Потомъ и остальные начали бросать каменья, побивая святаго Апостола, и онъ, поднявъ руки свои, предалъ духъ свой Господу. Беззаконные же іудеи къ мученію присоединили еще издѣвательство: уже по смерти мученика они, изъ угоды Римлянамъ, отсѣкли ему мечомъ, по обычаю римскому, голову,—точно Апостолъ Христовъ былъ противникъ кесаря.

Такъ, подвизаясь добрымъ подвигомъ, святый Апостолъ Матѳій окончилъ свое теченіе. Вѣрующіе же, взявъ тѣло Апостола, съ честію предали его погребенію, возсылая славословія Господу нашему Іисусу Христу. Ему же съ Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь[2]).

Кондакъ, гласъ д:

Свѣтозарное ꙗ҆́кѡ со́лнце, во вѣ́сь мі́ръ и҆зше́дшее, вѣща́ніе твоѐ просвѣща́етъ ꙗ҆зы́ческꙋю цр҃ковь бл҃года́тїю, чꙋдоно́сче матѳі́е а҆пⷭ҇ле.

СТРАДАНІЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА

АНТОНІЯ

Святый мученикъ Антоній былъ родомъ изъ города Александріи[3]), вѣровалъ во Христа и проводилъ богобоязненную жизнь. Его схватили и привели къ начальнику города. На допросѣ онъ объ-

---

[1]) Кн. Прор. Іезек., гл. 13, ст. 19.

[2]) По греческимъ мнѣніямъ, въ стихословіи святому Матѳію приписывается смерть на крестѣ. Глава св. Матѳія была въ Царьградѣ въ храмѣ св. Апостоловъ въ 1200 г., какъ свидѣтельствуетъ нашъ русскій паломникъ Антоній. Теперь глава и часть мощей показываются въ Римѣ, другая часть—въ Триѣрѣ и Павіи.

[3]) *Городъ Александрія* находился въ Египтѣ на берегу Средиземнаго моря.

явилъ себя христіаниномъ и смѣло сталъ проповѣдовать о Христѣ какъ объ Истинномъ Богѣ. За это онъ былъ повѣшенъ на деревѣ, и его стали строгать по тѣлу желѣзными орудіями, но онъ не отрекся отъ Христа и сопротивлялся мучителямъ, терпѣливо перенося мученія, вслѣдствіе чего и осужденъ былъ на сожженіе огнемъ. Стоя на кострѣ, онъ такъ поучалъ предстоящихъ:

— Возлюбленные братія мои! Не служите только тѣлу, но больше душѣ. Помните, что она дана вамъ Богомъ и сродна разумнымъ Божественнымъ Силамъ [1]), и заботьтесь о томъ, чтобы принести ее Владыкѣ чистою.

Послѣ кончины святаго мученика [2]) тѣло его было найдено нисколько не поврежденнымъ.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ІУЛІАНА, МАРКІАНА

и прочихъ, пострадавшихъ съ ними за иконы

Когда на престолъ Греческаго царства вступилъ соименный звѣрю Левъ Исаврянинъ [3]), по прозванію Кононъ, то онъ воздвигъ гоненіе на Церковь Божію, поднявъ среди нея новую иконоборческую ересь, по которой святыя иконы почитались за идоловъ, а благочестно поклоняющіеся имъ—за идолопоклонниковъ. Левъ Исаврянинъ приказалъ выбрасывать изъ храмовъ, домовъ и вообще жилищъ святыя иконы и уничтожать ихъ, ввергая или въ огонь, или въ воду; не раздѣлявшихъ же его еретическихъ заблужденій онъ или ссылалъ въ крайніе предѣлы государства, или подвергалъ различнымъ мученіямъ и даже убивалъ. Въ началѣ своего гоненія онъ свергъ съ безчестіемъ и побоями Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго Германа [4]) за то, что послѣдній противился его распоряженіямъ; на мѣсто свергнутаго Патріарха былъ возведенъ

---

[1]) Подъ *Божественными Силами* здѣсь надо разумѣть Ангеловъ.

[2]) Время кончины святаго мученика Антонія неизвѣстно.

[3]) *Левъ III Исаврянинъ* — императоръ въ 716—741 гг.

[4]) *Св. Германъ* — Патріархъ Константинопольскій въ 715—730 гг.

Ст҃іи мч҃нцы
Іꙋліа́нъ и Маркіа́нъ

единомысленный съ царемъ еретикъ Анастасій[1]). Въ это время многіе благочестивые христіане возстали противъ ереси, за что и пріяли мученическій вѣнецъ, какъ и тѣ, о которыхъ намъ сейчасъ предстоитъ слово. Ихъ страданіе началось по слѣдующему поводу. Въ Константинополѣ со временъ Константина Великаго существовали ворота, извѣстныя подъ названіемъ Мѣдныхъ: издавна надъ этими вратами находился образъ Спасителя, тоже мѣдный. Этотъ образъ нечестивый царь и патріархъ приказали снять; приставили лѣстницу, по которой и началъ подниматься одинъ изъ воиновъ, саномъ спаѳарій; это возмутило благочестивое чувство собравшейся у воротъ громадной толпы народа; нѣкоторые изъ нея схватили лѣстницу и бросили ее вмѣстѣ съ находившимся на ней воиномъ на землю, предавъ послѣдняго смерти. Узнавъ о такомъ поступкѣ народа, царь послалъ противъ православныхъ вооруженныхъ обнаженными мечами воиновъ, которые умертвили множество мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ; число ихъ извѣстно одному только Господу. Наиболѣе же знатные почитатели иконъ, находившіеся среди народной толпы, были взяты живыми; имена ихъ слѣдующія: Іуліанъ, Маркіанъ, Іоаннъ, Іаковъ, Алексій, Димитрій, Фока, Петръ, Леонтій. Послѣ жестокаго наказанія палками они были ввергнуты въ темницу, гдѣ находились въ узахъ до восьмидесяти дней, терпя нещадные побои: каждому изъ нихъ ежедневно полагалось по пятисотъ ударовъ. Но укрѣпляемые силою Христо-

[1]) —патріархъ съ 730 г. и 754 г.

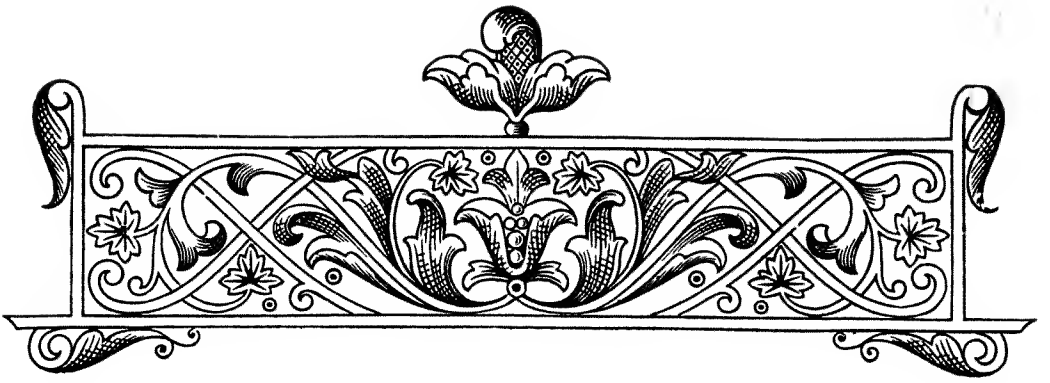
вою, святые мученики мужественно переносили все, не утрачивая силъ тѣлесныхъ; видя это, мучитель велѣлъ сначала обжечь раскаленнымъ желѣзомъ лица ихъ, а потомъ вывести на площадь и убить мечомъ. Такъ окончили свои страданія святые. Вмѣстѣ съ ними за благоговѣйное почитаніе иконъ была усѣчена одна знатная женщина, по имени Марія Патрикія. Тѣла святыхъ мучениковъ были брошены въ морскую пучину. Когда были схвачены святые мученики, вмѣстѣ съ ними взята была и преподобная Ѳеодосія черноризица какъ обвиненная въ томъ же преступленіи,—она вмѣстѣ съ другими участвовала въ опрокидываніи лѣстницы. Преподобная Ѳеодосія пріяла мученическій вѣнецъ ранѣе помянутыхъ святыхъ; память ея почитается въ двадцать девятый день мая мѣсяца; подъ этимъ числомъ помѣщено и житіе ея.

Всѣ святые мученики, пострадавшіе за честную икону Спасителя, вмѣстѣ предстали Владыкѣ Христу, Богу нашему, Ему же слава во вѣки. Аминь[1]).

Въ тотъ же день **преподобнаго Псоя**, ученика **Пахомія Великаго**, въ IV вѣкѣ подвизавшагося въ Египтѣ.

---

[1]) Изъ актовъ сихъ мученниковъ, помѣщенныхъ въ Дѣяніяхъ святыхъ, видно: 1) что главное участіе въ убіеніи воина, пытавшагося, по волѣ царя, низвергнуть икону Спасителя съ Мѣдныхъ вратъ, принимала Марія Патрикія изъ знатнаго рода; 2) первымъ помощникомъ Маріи въ низверженіи воина былъ протоспаѳарій св. Григорій, и онъ пострадалъ мученически за свой подвигъ; 3) это событіе случилось 19 января; 4) мученика Фоку большая часть памятниковъ называетъ Фотіемъ.— По кончинѣ своей, 9 августа 730 г., мученики были зарыты въ мѣстности Константинополя «Пелагіевы», близъ храма св. муч. Ѳеодора. Святыя мощи ихъ найдены нетлѣнными, пролежавъ въ землѣ 139 лѣтъ. Обрѣтеніе ихъ мощей было при Патріархѣ Игнатіи, вслѣдствіе троекратнаго откровенія ему во время сна.



День десятый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ЛАВРЕНТІЯ архидіакона, СИКСТА папы
и прочихъ съ ними

Святый папа Римскій Сикстъ[1]) былъ схваченъ вмѣстѣ со своимъ клиромъ и заключенъ въ народную тюрьму правителемъ римскимъ Валеріаномъ въ то время, когда царь Декій[2]) съ торжествомъ возвращался въ Римъ[3]) послѣ побѣды надъ Персами. Святый Сикстъ родился въ греческомъ городѣ Аѳинахъ; сначала онъ былъ философомъ, а потомъ сталъ ученикомъ Христовымъ. Когда онъ пришелъ въ Римъ, то оказался, какъ человѣкъ мудрый и благочестивый, весьма полезнымъ членомъ Церкви Христовой; здѣсь въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени онъ проходилъ различныя іерархическія степени. По убіеніи за исповѣданіе Христово святаго папы Стефана[4]), на его мѣсто, какъ на вѣрную смерть, былъ возведенъ святый Сикстъ: въ то время не было папы, котораго бы миновала чаша страданій. Когда святый папа

---

[1]) Имя Сикста, по другимъ Ксигта, производятъ отъ ξυστός—выглаженный, выполированный, или ξυστον—копье; другіе производятъ отъ латинскаго sisto—твердо стоящій, твердо поставленный.

[2]) *Декій*—императоръ въ 249—251 гг.

[3]) См. стр. 84, примѣч. 2.

[4]) Память его—2 августа.

Сикстъ вмѣстѣ съ клириками и другими христіанами находился въ темницѣ, въ Римѣ за Христа мучили двухъ персидскихъ князей—Авдона и Сенисса: ихъ какъ плѣнниковъ Декій привелъ съ собою въ оковахъ. Послѣ ихъ мученической кончины[1]) царь Декій и Валеріанъ приказали привести къ нимъ ночью святаго папу Сикста въ храмъ, извѣстный подъ именемъ Теллюды. Когда посланные пришли за папой въ темницу, онъ сказалъ христіанамъ, раздѣлявшимъ съ нимъ узы:

— Братья и присные мои, не бойтесь временныхъ мукъ, помня тѣ великія мученія, какія для полученія вѣнца вѣчной жизни претерпѣли до насъ святые; Самъ Христосъ пострадалъ ради нашего спасенія, оставляя намъ примѣръ для подражанія[2]),—не бойтесь пострадать за Христа, чтобы вмѣстѣ съ Нимъ воцариться.

Вмѣстѣ съ папою были взяты два діакона, Фелициссимъ и Агапитъ; они были поставлены предъ Декіемъ и Валеріаномъ.

— Знаешь ли ты,—обратился Декій къ папѣ,—по какой причинѣ ты взятъ и представленъ предъ нами?

— Мнѣ это очень хорошо извѣстно,—отвѣчалъ папа.

— Если знаешь,—сказалъ царь,—то поступай такъ, какъ поступаютъ другіе на твоемъ мѣстѣ: этимъ ты сохранишь жизнь себѣ и увеличишь число твоихъ клириковъ.

— Дѣйствительно,—подтвердилъ папа,—я постоянно забочусь объ увеличеніи клира.

— Тогда принеси жертву богамъ и получишь начальство надъ всѣми жрецами,—предложилъ царь.

Святый Сикстъ возразилъ на это:

— Я всегда приношу чистую и непорочную жертву всесильному Богу Отцу, Сыну Его, Господу нашему Іисусу Христу, и Духу Святому.

— Мы щадимъ твою старость,—продолжалъ увѣщевать папу царь,—пожалѣй и ты себя самого и клиръ твой, чтобы избавить его отъ смерти.

— До сихъ поръ,—отвѣчалъ святый Сикстъ,—я заботился и сейчасъ забочусь какъ о себѣ, такъ и о клирѣ моемъ, чтобы вмѣстѣ съ собою всѣхъ исхитить и избавить отъ вѣчной смерти.

— Ведите его,—приказалъ Декій воинамъ,—въ храмъ Марса,

---

1) Память ихъ — 30 іюля.

2) Сравн.: 1 Посл. Петра, гл. 2, ст. 21.

пусть принесетъ тамъ жертву; если онъ не сдѣлаетъ этого, то заключите его въ особую темницу, Мамертинову.

Святаго папу вмѣстѣ съ діаконами привели въ храмъ Марса и стали убѣждать принести жертву. Онъ же сказалъ на это воинамъ:

— О ослѣпленные діаволомъ и всякаго сожалѣнія достойные люди: зачѣмъ поклоняетесь нѣмымъ и глухимъ идоламъ, которые не могутъ оказать помощи ни себѣ, ни другимъ? Послушайте меня, дѣти мои, покайтесь, чѣмъ избавите души свои отъ вѣчныхъ мукъ.

Но они, исполняя приказаніе царя, отвели папу и діаконовъ въ Мамертинову темницу.

Святый архидіаконъ[1]) Лаврентій, увидѣвъ, что папу ведутъ въ тюрьму, воскликнулъ, обращаясь къ нему:

Стіи мчнцы
ЛАВРЕНТІЙ И СІЗТЪ

— Куда идешь, отецъ мой, безъ сына своего? Куда, святый архіерей, спѣшишь безъ своего архидіакона? Ты никогда не совершалъ безъ моего сослуженія безкровной жертвы. Чѣмъ же я теперь прогнѣвалъ твое милосердіе? Развѣ я уже недостоинъ того, чтобы находиться съ тобою вмѣстѣ? Развѣ ты не знаешь меня, какъ всегда покорнаго тебѣ служителя? И если я участвовалъ съ тобою въ принесеніи Божественныхъ Таинъ, то почему не участвую вмѣстѣ съ тобою и въ пролитіи своей крови за Христа? Возьми же, отецъ мой, сына своего съ собою, не оставляй, учитель, ученика твоего, принеси меня въ жертву Богу, какъ Авраамъ

[1]) Обязанности архидіакона въ описываемое время состояли не только въ служеніи церковномъ, но и въ завѣдываніи имуществомъ церковнымъ, въ пособіи бѣднымъ, въ устроеніи безпріютныхъ.

сына своего Исаака[1]) и какъ верховный Апостолъ Петръ перваго архидіакона Стефана[2]), и послѣ того уже, какъ увидишь меня пріявшимъ мученическій вѣнецъ, самъ приступай къ нему.

Святый Сикстъ отвѣчалъ ему:

— Я не покидаю тебя, сынъ мой, но сохраняю для большихъ мученій: тебѣ предстоятъ за вѣру Христову большіе подвиги. Я уже старъ и поэтому выхожу на болѣе легкую борьбу; тебѣ же должно обнаружить надъ мучителемъ болѣе славную побѣду и торжество. Не плачь: знай, что, спустя три дня послѣ моей смерти, ты, левитъ, пойдешь за своимъ священникомъ; тебѣ не нужно моего присутствія для твоей поддержки. Илія оставилъ Елиссея, но не лишилъ его чудодѣйственной силы[3]). Иди воспользуйся этимъ временемъ: раздай по собственному усмотрѣнію церковныя сокровища нищимъ и нуждающимся.

Святый Лаврентій повиновался: взявъ всѣ церковныя сокровища, не исключая и утвари, онъ ходилъ по городу, разыскивая скрывающихся клириковъ и убогихъ христіанъ, и помогалъ имъ по мѣрѣ ихъ нужды. Такъ онъ пришелъ на гору Хеліонъ, гдѣ нашелъ жилище одной вдовы, со дня смерти мужа которой прошло уже тридцать два года; эта вдова, по имени Киріакія, укрывала у себя многихъ христіанъ вмѣстѣ съ ихъ пресвитерами и клириками. Святый Лаврентій принесъ сюда ночью серебро, одежды и другіе необходимые предметы и сталъ умывать ноги какъ священнослужителямъ, такъ и остальнымъ христіанамъ. Вдова же Киріакія, поклонившись ему въ ноги, сказала:

— Умоляю тебя, рабъ Христовъ, возложи руки твои на мою голову, которая у меня страшно болитъ.

Святый Лаврентій отдалъ ей полотенце, которымъ вытиралъ ноги, и возложилъ на голову ея руки, сотворивъ крестное знаменіе, и сказалъ:

— Во имя Господа нашего Іисуса Христа будь здрава!

И тотчасъ вдова избавилась отъ своей болѣзни. Въ ту же ночь святый Лаврентій пошелъ въ мѣстность города, извѣстную подъ именемъ Канарійской, и тутъ въ домѣ одного христіанина, называемаго Наркисомъ, встрѣтилъ много христіанъ; онъ умылъ ноги и имъ, удѣливъ отъ церковныхъ сокровищъ на ихъ нужды. Здѣсь

---

1) Кн. Быт., гл. 22.
2) Дѣян., гл. 6—7.
3) 4 Кн. Царствъ, гл. 2.

находился слѣпой христіанинъ: онъ съ плачемъ обратился къ святому:

— Положи твою руку на мои глаза, чтобы мнѣ видѣть твое лицо.

Святый Лаврентій сказалъ:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ, отверзшій очи слѣпому, да просвѣтитъ тебя!

Съ этими словами онъ сотворилъ крестное знаменіе на очахъ слѣпаго; послѣдній тотчасъ прозрѣлъ и возрадовался, видя лице святаго Лаврентія. По выходѣ отсюда святый узналъ, что въ Непотіановыхъ пещерахъ скрывается множество христіанъ; онъ направился туда, захвативъ съ собою серебра на ихъ нужды. Здѣсь онъ нашелъ до семидесяти трехъ христіанъ, считая женщинъ и мужчинъ; тутъ присутствовалъ и святый пресвитеръ Іустинъ. Умывъ ноги христіанамъ и раздавъ послѣднія деньги, святый Лаврентій удалился. Услышавъ, что святаго папу Сикста вмѣстѣ съ двумя діаконами повели на судъ въ храмъ Тюллюды, святый Лаврентій поспѣшилъ туда, желая увидѣть, что тамъ будетъ.

Когда папа появился на судилищѣ передъ Декіемъ и Валеріаномъ, то царь сказалъ ему:

— Жалѣя старость твою, мы желаемъ тебѣ добра,—послушай насъ и принеси богамъ жертву.

— Пожалѣйте лучше себя,—отвѣчалъ святый Сикстъ,—и не хулите Бога Небеснаго, раскайтесь въ пролитіи крови святыхъ, чтобы окончательно не погибнуть.

Отъ этихъ словъ Декій пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ и сказалъ Валеріану:

— Если его не уничтожить изъ числа живущихъ, то никто не будетъ повиноваться властямъ и слушаться ихъ.

— Предать его смерти!—отвѣчалъ Валеріанъ.

Тогда діаконы воскликнули, обращаясь къ мучителямъ:

— О, если бы вы, недостойные, послушались увѣщаній нашего отца,—этимъ вы избѣгли бы ожидающихъ васъ вѣчныхъ мукъ!

— Долго ли будутъ,—сказалъ Валеріанъ,—они жить и угрожать намъ муками?! Ведите ихъ въ храмъ Марса,—пусть принесутъ жертву; если же они не исполнятъ этого, то отсѣките имъ головы.

Храмъ Марса находился за городской стѣной, предъ Аппіевыми воротами. Когда святыхъ привели сюда, святый Сикстъ произнесъ, глядя на храмъ:

— Да сокрушитъ тебя Христосъ, Сынъ Бога Живаго!

Не успѣли присутствовавшіе при этомъ христіане сказать «аминь!», какъ началось землетрясеніе, часть храма обрушилась, и находившійся въ немъ идолъ разбился. Святый же Лаврентій воскликнулъ святому папѣ:

— Не оставляй меня, отецъ мой, я уже роздалъ порученное мнѣ тобою сокровище!

Воины, услышавъ о сокровищѣ, схватили святаго Лаврентія и не отпускали его, а святаго папу вмѣстѣ съ діаконами предали смерти на пригоркѣ передъ храмомъ, оставивъ тѣла ихъ непогребенными. Когда наступила ночь, пришли пресвитеры съ діаконами и остальными христіанами и взяли честныя тѣла: папу положили въ гробницѣ, находившейся въ усыпальницѣ Калликста, а діаконовъ— въ усыпальницѣ Претекстата. Мученическую кончину за Христа святый папа Сикстъ и діаконы его Фелициссимъ и Агапитъ потерпѣли въ шестой день мѣсяца августа [1]).

По убіеніи святаго Сикста воины повели святаго Лаврентія къ царю и сказали ему:

— Мы схватили архидіакона Сикста: онъ получилъ отъ епископа сокровище и гдѣ-то спряталъ его.

Услышавъ о сокровищѣ, царь очень обрадовался и, призвавъ къ себѣ святаго Лаврентія, сказалъ ему:

— Гдѣ сокровища церковныя, которыя ты спряталъ?

Святый Лаврентій ничего не отвѣтилъ на это.

Тогда Декій передалъ его епарху Валеріану со словами:

— Развѣдай у него о церковныхъ сокровищахъ и заставь его поклониться богамъ: если же онъ не откроетъ сокровищъ и не поклонится богамъ, то пусть погибнетъ въ мученіяхъ!

Валеріанъ, взявъ святаго Лаврентія, отдалъ его для заключенія въ темницу военачальнику Ипполиту, бывшему въ то же время и смотрителемъ тюрьмы. Ипполитъ затворилъ святаго Лаврентія въ темницѣ, гдѣ уже находились и другіе узники; среди нихъ былъ одинъ грекъ, по имени Луциллій: онъ содержался въ тюрьмѣ очень долгое время и отъ постояннаго плача сдѣлался слѣпымъ.

---

1) Въ 258 году. Самое древнѣйшее свидѣтельство о мученической кончинѣ св. Сикста и о почитаніи его какъ мученика находится у св. Кипріана въ письмѣ къ Сукцессу (80-ое или 82-ое); св. Кипріанъ пострадалъ черезъ пять съ половиной недѣль послѣ Сикста (14 сентября). Св. Сикстъ былъ епископомъ Римскимъ 11 мѣсяцевъ съ лишкомъ или неполный годъ. Мощи св. папы Сикста II находятся въ церкви его имени въ Римѣ; мощи мучениковъ Филициссима и Агапита—въ Римѣ же, въ церкви Богоматери Милостивой.

— Вѣруй,—сказалъ ему святый Лаврентій,—въ Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа и крестись: Онъ возвратитъ тебѣ зрѣніе.

— Я уже давно имѣю желаніе креститься во Имя Христово,— отвѣчалъ слѣпой.

— Вѣруешь ли отъ всего сердца?—спросилъ святый Лаврентій.

Слѣпой съ плачемъ отвѣчалъ:

— Я вѣрую въ Господа Іисуса Христа, отрицаюсь отъ суетныхъ идоловъ и презираю ихъ.

Ипполитъ терпѣливо выслушивалъ разговоръ святаго Лаврентія со слѣпцомъ, желая убѣдиться,—отверзутся ли дѣйствительно очи слѣпому и какъ совершится это чудесное событіе. Святый же Лаврентій, огласивъ Луциллія и благословивъ воду, крестилъ его; и тотчасъ отверзлись очи слѣпого, и онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, вѣчный Богъ, даровавшій мнѣ зрѣніе!

Услышали объ этомъ чудѣ и другіе слѣпцы и стали приходить къ темницѣ ко святому Лаврентію. А онъ, возлагая на ихъ глаза руку съ крестнымъ знаменіемъ и призывая Имя Христово, возвращалъ имъ зрѣніе. Все это возбудило въ Ипполитѣ невольное удивленіе. Спустя нѣкоторое время онъ сказалъ святому:

— Покажи мнѣ церковныя сокровища.

— Если ты увѣруешь,—отвѣчалъ святый Лаврентій,—во всесильнаго Бога Отца и въ Сына Его Господа Іисуса Христа, то тебѣ откроется сокровище и дастся жизнь вѣчная.

— Если на самомъ дѣлѣ исполнится то, что ты говоришь, то я исполню все, что ты велишь,— сказалъ Ипполитъ.

— Послушай меня,—продолжалъ святый Лаврентій,—и поскорѣе исполни то, что тебѣ посовѣтую: отрекись отъ глухихъ и нѣмыхъ идоловъ и крестись.

Ипполитъ согласился и увелъ святаго Лаврентія изъ тюрьмы къ себѣ домой. Давъ Ипполиту наставленія относительно святой вѣры и огласивъ его, святый Лаврентій совершилъ надъ нимъ Святое Крещеніе.

— Я видѣлъ,—сказалъ Ипполитъ по Крещеніи,—безгрѣшныя души въ великой радости. (Это и были тѣ именно сокровища, о которыхъ предсказывалъ ему святый Лаврентій,— что онѣ будутъ открыты для него: во время Крещенія Господь въ дивномъ видѣніи показалъ ему небесныя блаженства).

— Заклинаю тебя,—обратился потомъ Ипполитъ съ просьбой ко святому Лаврентію,—Господомъ Іисусомъ Христомъ,—крести весь мой домъ.

И святый Лаврентій крестилъ въ домѣ Ипполита девятнадцать человѣкъ, мужскаго и женскаго пола. Въ это время Ипполиту передали приказаніе, чтобы онъ велъ святаго Лаврентія къ Валеріану. Ипполитъ передалъ объ этомъ святому Лаврентію, и тотъ сказалъ:

— Пойдемъ,—какъ мнѣ, такъ и тебѣ готовится мученическій вѣнецъ.

Когда они оба появились предъ Валеріаномъ, послѣдній сказалъ святому Лаврентію:

— Оставь свое упорство и покажи намъ сокровища, которыми, какъ говорятъ, ты владѣешь.

— Дай мнѣ время на два или на три дня, и я открою тебѣ сокровища,—предложилъ ему святый Лаврентій.

— Я ввѣряю тебѣ его на три дня,—обратился Валеріанъ къ Ипполиту и отпустилъ святаго Лаврентія. Святый же Лаврентій въ эти три дня собралъ въ домъ Ипполита множество нищихъ, вдовицъ и сиротъ, слѣпыхъ, хромыхъ и больныхъ. Когда же прошли три дня, онъ привелъ всѣхъ ихъ къ Декію и Валеріану, которые находились въ Салюстіевой палатѣ:

— Вотъ въ нихъ,—обратился святый Лаврентій къ Декію и Валеріану,—которыхъ вы сейчасъ видите, какъ въ сосудахъ, заключены вѣчныя сокровища, и кто влагаетъ свое имѣніе въ эти сосуды, тотъ съ избыткомъ снова получаетъ его въ Царствіи Небесномъ.

Пристыженные этимъ поступкомъ святаго Лаврентія, Декій и Валеріанъ весьма разгнѣвались; но уже болѣе не разспрашивали его о сокровищахъ, а стали принуждать къ идолопоклонству.

— Чего ты строишь козни?—сказалъ Валеріанъ.—Принеси богамъ жертву и брось свои волхвованія, на которыя надѣешься.

— Зачѣмъ вы позволяете діаволу научать васъ принуждать христіанъ къ поклоненію бѣсамъ?—спросилъ святый Лаврентій.—Посудите сами, справедливо ли поклоняться сдѣланному человѣкомъ идолу съ живущимъ въ немъ бѣсомъ, забывая Бога Небеснаго, Создателя всего видимаго и невидимаго.

Придя въ ярость, царь приказалъ: обнаживши святаго, простереть его на землѣ и бить скорпіонами (скорпіономъ называ-

лось орудіе для пытокъ — тонкая желѣзная палка съ острыми зубцами). Святаго мученика били такъ жестоко, что его кровью обагрилась земля; самъ же Декій въ это время говорилъ:

— Не хули боговъ, не хули!

Святый же Лаврентій, перенося удары, отвѣчалъ:

— Я благодарю Бога моего, что Онъ удостоилъ меня сдѣлаться участникомъ въ тѣхъ страданіяхъ, какія претерпѣли рабы Его—святые мученики; ты же, несчастный, ослѣпленъ безуміемъ и яростью своей.

Тогда Декій приказалъ прекратить мученія и поднять съ земли святаго Лаврентія; затѣмъ онъ велѣлъ принести и поставить передъ нимъ желѣзный одръ, доски, оловянныя прутья и другія орудія для мученій; указывая на все это, онъ говорилъ:

— Все послужитъ для твоихъ мученій, если ты не принесешь богамъ жертвы.

— Я давно желалъ, какъ пиршества, подобныхъ мученій,— отвѣчалъ святый Лаврентій,—они для васъ мученія, а для насъ— слава.

— Если эти мученія,—издѣвался Декій,—для тебя составляютъ пиршество и славу, то скажи намъ, гдѣ скрываются и другіе, подобные тебѣ, христіане: ихъ бы привести сюда,—пусть пиршествуютъ вмѣстѣ съ тобою.

— Вы, нечестивцы,—отвѣчалъ святый Лаврентій,—недостойны того, чтобы видѣть тѣхъ, имена которыхъ написаны на Небесахъ.

Послѣ этого царь приказалъ вести связаннаго мученика въ Тиверіевъ дворецъ, куда направился и самъ. Придя сюда, онъ сѣлъ въ храмѣ Дія и приказалъ привести къ себѣ святаго Лаврентія:

— Скажи намъ,—сказалъ онъ,—гдѣ скрываются нечестивые христіане, чтобы мы имѣли возможность очистить отъ нихъ городъ; самъ же ты поклонись богамъ и не надѣйся на сокровища, которыя утаиваешь.

— Я не открою тебѣ рабовъ Христовыхъ,—отвѣчалъ святый,— на сокровища же я не напрасно уповаю: они мнѣ хорошо извѣстны.

— Не думаешь ли избавиться отъ мукъ золотомъ или серебромъ? — спросилъ царь.

— Я—рабъ Христовъ,—отвѣчалъ мученикъ,—и на Него возлагаю всю мою надежду; мнѣ извѣстны и тѣ небесныя сокровища, которыя уготовалъ мнѣ и всѣмъ рабамъ Своимъ Христосъ, Богъ мой.

Разгнѣванный царь велѣлъ бить святаго палицами, обжигая ему бока раскаленными желѣзными досками; во время этихъ мукъ святый Лаврентій молился Богу:

«Господи Іисусе Христе, Боже отъ Бога, помилуй меня, раба Твоего: на меня клеветали, но я не отрекся отъ Тебя; меня спрашивали, и я исповѣдалъ Твое Пресвятое Имя».

Потомъ Декій приказалъ бить мученика оловянными прутьями, и святый Лаврентій воскликнулъ при этомъ:

— Господи Іисусе Христе, пріими духъ мой!

Тогда съ Неба ему раздался Голосъ:

— Еще многія страданія тебѣ предстоитъ претерпѣть!

Этотъ голосъ слышали всѣ. Декій же, придя въ неистовство, громко закричалъ:

— Мужи римскіе и народное собраніе! Вы слышите голосъ бѣсовъ, утѣшающихъ этого волхва и святотатца, который не почитаетъ боговъ нашихъ, не слушаетъ меня, царя, и не боится мукъ!

И затѣмъ онъ приказалъ опять протянуть святаго Лаврентія и снова бить его скорпіонами. Но святый мученикъ смѣялся надъ муками, посрамляя Декія, и молился, говоря:

«Благословенъ Ты, Господи Боже, Отецъ Господа нашего Іисуса Христа! Благодарю Тебя за то, что Ты оказываешь намъ, недостойнымъ, Свою милость, но даруй мнѣ и благодать Твою, чтобы присутствующіе здѣсь и смотрящіе на меня познали, что Ты утѣшитель рабовъ Своихъ».

Во время этой молитвы одинъ изъ воиновъ, присутствовавшихъ при мученіяхъ, по имени Романъ, увѣровалъ во Христа и воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Святый Лаврентій, я вижу пресвѣтлаго юношу, который стоитъ около тебя и отираетъ язвы и все тѣло твое: заклинаю тебя Господомъ Христомъ, пославшимъ тебѣ своего Ангела, не покидай меня!

Декій сказалъ Валеріану:

— Мы побѣждены этимъ волхвомъ!

И, приказавъ отвязать мученика отъ дыбы, онъ отдалъ его Ипполиту въ тюрьму. А воинъ Романъ принесъ полный водоносъ съ водою ко святому Лаврентію, упалъ къ его ногамъ, со слезами умоляя, чтобы онъ крестилъ его. Когда онъ былъ крещенъ, неожиданно пришли другіе воины, взяли его и отвели къ царю; онъ же, прежде чѣмъ даже начали спрашивать, восклицалъ:

— Я—христіанинъ!

Царь тотчасъ же приказалъ обезглавить его; тогда Романа отвели за городъ черезъ Саларійскія ворота и отсѣкли ему голову. Это было въ девятый день августа мѣсяца. Тѣло его вышеупомянутый пресвитеръ Іустинъ взялъ ночью и съ честію предалъ погребенію.

Въ ту же ночь Декій и Валеріанъ, находясь въ Олимпіадскихъ баняхъ, недалеко отъ дворца Салюстія, приказали приготовить судилище для представленія святаго Лаврентія на послѣднее испытаніе; вмѣстѣ съ этимъ они велѣли приготовить и всѣ орудія для мученій. Узнавъ объ этомъ, Ипполитъ началъ плакать. Святый же Лаврентій, утѣшая, говорилъ ему:

— Не плачь обо мнѣ, лучше радуйся, такъ какъ я иду получить славный мученическій вѣнецъ.

— Почему я не могу закричать при тебѣ «я христіанинъ!», чтобы умереть вмѣстѣ съ тобою?—спросилъ Ипполитъ.

— Затаи нынѣ,—сказалъ святый Лаврентій,—свое исповѣданіе въ сердцѣ: спустя немного времени, я позову тебя,—ты услышишь и придешь ко мнѣ.

Когда царь вмѣстѣ съ Валеріаномъ сѣлъ на судилищѣ, къ нему привели святаго мученика Лаврентія.

— Оставь свое волшебство,—сказалъ ему Декій,—и открой намъ, какого ты рода.

— Я родился,—отвѣчалъ святый,—въ Испаніи, воспитаніе получилъ въ Римѣ и съ самыхъ пеленокъ христіанинъ; съ дѣтскихъ лѣтъ я уже былъ наученъ Закону Божію.

— Это ли ты,—спросилъ царь,—называешь Закономъ Божіимъ, чтобы не почитать боговъ и не бояться мукъ?

— Законъ, которому я наученъ,—отвѣчалъ святый,—открылъ мнѣ и заставляетъ почитать Бога моего, Господа Іисуса Христа; укрѣпляемый Его Именемъ, я дѣйствительно не боюсь мукъ, которыми ты мнѣ угрожаешь.

— Принеси жертву богамъ,—сказалъ царь,—если же не сдѣлаешь этого, то тебя будутъ мучить всю ночь.

Святый Лаврентій сказалъ на это:

— Моя ночь не темна, но вся сіяетъ свѣтомъ.

Мучитель приказалъ бить камнемъ святаго Лаврентія въ уста; святый же мученикъ еще болѣе укрѣплялся духомъ, посрамляя царя, и благодарилъ Бога.

— Принесите желѣзный одръ,—сказалъ Декій,—пусть возляжетъ на немъ въ эту ночь гордый Лаврентій.

И принесли одръ, представлявшій собою желѣзную рѣшетку; его поставили предъ Декіемъ и Валеріаномъ, а потомъ положили на него обнаженнаго святаго мученика, подложивъ подъ одръ горячіе уголья; при этомъ слуги прижимали сверху святаго Лаврентія желѣзными рогатинами, поджигая его, точно это было съѣдобное мясо.

— Принеси жертву богамъ,—сказалъ царь.

— Я себя самого,—отвѣчалъ мученикъ,—принесъ съ сокрушеннымъ духомъ въ жертву моему Богу какъ благовонное куреніе.

Въ это время слуги еще болѣе разводили огонь, все сильнѣе накаливая одръ.

— Знай, несчастный,—обратился мученикъ къ царю,—что эти горячіе уголья готовятъ мнѣ прохладу, а тебѣ—вѣчныя муки: знаетъ Господь мой, что я, оклеветанный за исповѣданіе Его святаго Имени, не отвергся отъ Него, но спрошенный сказалъ, что я—христіанинъ, и теперь, находясь на огнѣ, возсылаю Ему свою благодарность.

— Гдѣ тотъ огонь, которымъ ты намъ угрожалъ?—спросилъ Валеріанъ.

— О безумные и ослѣпленные!—отвѣчалъ святый.— Знайте, что эти уголья, на которыхъ вы меня жжете, душѣ моей служатъ прохладою, а вашимъ душамъ уготовляютъ неугасимый огонь.

Всѣ присутствовавшіе удивлялись жестокости царя, который приказалъ испечь живого человѣка. Святый же Лаврентій говорилъ съ просвѣтленнымъ лицемъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, что Ты укрѣпилъ меня!—и, поднявъ глаза на Декія и Валеріана, сказалъ: — Вотъ, окаянные, вы уже испекли одну сторону тѣла моего, поворотите его на другую и ѣшьте испеченное.

Потомъ сказалъ славя Бога:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, что Ты сподобилъ меня войти во врата Твои!

Съ этими словами онъ испустилъ духъ. Декій и Валеріанъ, увидавъ, что мученикъ скончался, со стыдомъ ушли, оставя тѣло на одрѣ. Ипполитъ же похитилъ до восхожденія солнечнаго честное и многострадальное тѣло святаго мученика; обвивъ его плащаницею съ ароматами, онъ далъ знать святому пресвитеру Іустину.

Послѣдній тотчасъ пришелъ къ Ипполиту, и оба отнесли тѣло къ вышеупомянутой вдовѣ Киріакіи; здѣсь оно оставалось до вечера, и весь этотъ день они постились, проливая слезы. Позднимъ вечеромъ, при многочисленномъ стеченіи христіанъ, со слезами отнесли тѣло въ пещеру, находившуюся на землѣ, принадлежавшей вдовѣ; совершивъ здѣсь всенощное моленіе, съ честію похоронили мученика. Святый пресвитеръ Іустинъ совершилъ Божественную Литургію, и всѣ пріобщились Пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Святый мученикъ Лаврентій окончилъ свою страдальческую жизнь въ десятый день августа мѣсяца. Святый же Ипполитъ потерпѣлъ страданія вмѣстѣ съ другими на третій день послѣ святаго Лаврентія, о чемъ на своемъ мѣстѣ будетъ сказано пространнѣе. Да будетъ за все это слава Богу нашему, во святой Троицѣ славимому нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь[1]).

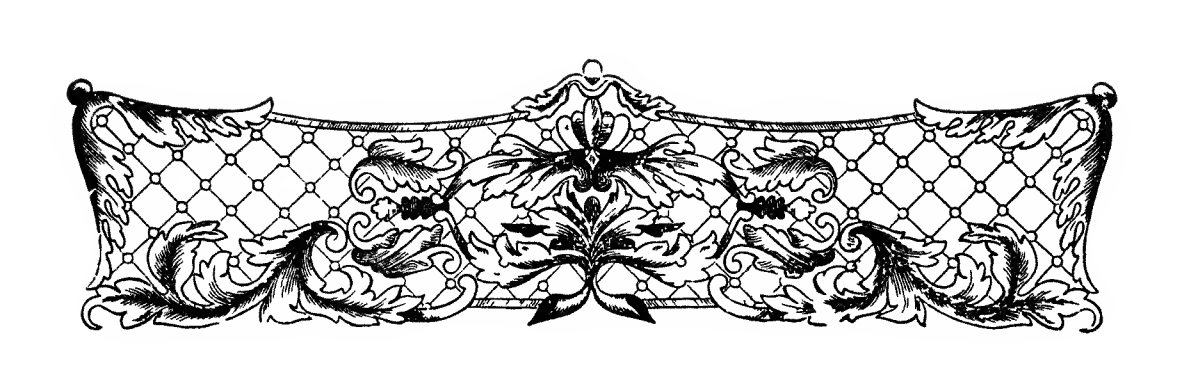
Конда́къ, гла́съ в҃:

Ѡгне́мъ бж҃е́ственнымъ распали́въ се́рдце твоѐ, ѻ҆́гнь страсте́й до конца̀ и҆спепели́лъ є҆сѝ, страда́льцевъ ᲂу҆твержде́нїе, бг҃оно́се мч҃нче лаѵре́нтїе, и҆ въ страда́нїихъ вопїѧ́лъ є҆сѝ вѣ́рнѡ: ничто́же мѧ̀ разлꙋчи́тъ любвѐ хр҃то́вы.

Въ тотъ же день **преставленіе блаженнаго Лаврентія** Христа ради юродиваго **Калужскаго** въ 1515 году.

---

[1]) *Св. Лаврентій* скончался мученически въ 258 г. Мѣсто его погребенія было на восточной сторонѣ Рима, въ верстѣ отъ города, на Тибуртинской дорогѣ. На этомъ мѣстѣ, по свидѣтельству Анастасія Библіотекаря, святому былъ построенъ императоромъ Константиномъ Великимъ великолѣпный храмъ. Мощи, или вѣрнѣе часть мощей, св. Лаврентія были положены въ церкви его имени въ Царьградѣ при Ѳеодосіи Младшемъ 27 сентября. Въ настоящее время мощи св. Лаврентія находятся въ Римѣ, въ загородной церкви во имя его по Тибуртинской дорогѣ, а глава—въ домовой церкви его имени ризничаго Квиринальскаго дворца.



День одиннадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЕЦЪ НАШИХЪ

ѲЕОДОРА и ВАСИЛІЯ,

иноковъ Кіево-Печерскихъ

Коре́нь всѣ́мъ ѕлы̑мъ сребролю́бїе є҆́сть[1]),—говоритъ святый Апостолъ Павелъ. Исполненіе этого изреченія мы видимъ въ настоящемъ житіи преподобныхъ Ѳеодора и Василія: врагъ и виновникъ зла возбудилъ въ душѣ святаго Ѳеодора грѣховныя мысли и намѣренія ничѣмъ инымъ, какъ сребролюбіемъ; чрезъ сребролюбіе діаволъ причинилъ тѣлесныя страданія и смерть не только преподобному, но и совѣтнику его, блаженному Василію. Объ этихъ святыхъ отцахъ повѣствуется слѣдующее.

Преподобный Ѳеодоръ во время жизни въ міру обладалъ очень большимъ состояніемъ. Услышавъ однажды слова Господа въ Евангеліи,—всѧ́къ ѿ ва́съ, и҆́же не ѿрече́тсѧ всегѡ̀ своегѡ̀ и҆мѣ́нїѧ, не мо́жетъ бы́ти мо́й ᲂу҆чени́къ[2]), онъ послѣдовалъ имъ: оставивъ міръ и раздавъ свое богатство нищимъ, преподобный Ѳеодоръ сдѣлался черноризцемъ Кіево-Печерскаго монастыря, ведя жизнь, полную подвиговъ. По приказанію игумена, онъ поселился въ пещерѣ, извѣстной подъ именемъ Варяжской, гдѣ и прожилъ много лѣтъ, соблюдая

---

[1]) 1 Посл. къ Тим., гл. 6, ст. 10.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 14. ст. 33.

строгое воздержаніе. Во время пребыванія преподобнаго Θеодора въ этой пещерѣ діаволъ поселилъ въ немъ скорбь и сожалѣніе о розданномъ нищимъ имѣніи, приводя ему на умъ преклонность лѣтъ, слабость здоровья и скудость монастырской пищи. Блаженный Θеодоръ не понялъ, что подобныя мысли есть діавольское искушеніе. Забывая слова Господа: **не пецы́тесѧ дꙋше́ю ва́шею, что̀ ꙗ҆́сте и҆лѝ что̀ пі́ете: воззри́те на пти́цы небе́сныѧ, ꙗ҆́кѡ не сѣ́ютъ, ни жнꙋ́тъ, ни собира́ютъ въ жи́тницы, и҆ ѻ҆́цъ ва́шъ нбе́сный пита́етъ и҆́хъ**[1]), и видя нищету свою, онъ началъ приходить отъ скорби къ отчаянію, съ каждымъ днемъ все болѣе плѣняясь искушеніемъ. Однажды онъ открылъ, ничего не утаивая, свою печаль своимъ друзьямъ.

Среди черноризцевъ Кіево-Печерскаго монастыря былъ нѣкто Василій, одинъ изъ наиболѣе добродѣтельныхъ по жизни. Желая извлечь преподобнаго Θеодора изъ рва отчаянія и утѣшить его, онъ сказалъ ему:

— Молю тебя, братъ Θеодоръ, не губи награды своей, но если ты сожалѣешь объ имѣніи, розданномъ нищимъ, то я постараюсь возвратить его тебѣ въ томъ же количествѣ: ты только скажи предъ Господомъ, чтобы твоя милостыня вмѣнилась мнѣ, и тотчасъ избавишься отъ скорби и снова пріобрѣтешь черезъ меня свое имѣніе. Впрочемъ, смотри, попуститъ ли это Господь: въ Константинополѣ также нѣкто сожалѣлъ о золотѣ, розданномъ нищимъ, и вмѣнилъ предъ Богомъ милостыню другому, взявъ съ него деньги, равныя розданнымъ; когда онъ сказалъ: «Не я, Господи, сотворилъ милостыню, но она есть дѣло сего», — то тотчасъ упалъ среди церкви и умеръ, потерявъ такимъ образомъ и золото и жизнь.

Выслушавъ это, блаженный Θеодоръ образумился и началъ оплакивать свое паденіе, ублажая брата, исцѣлившаго его отъ столь опасной душевной болѣзни. О такихъ людяхъ сказалъ Господь: **а҆́ще и҆зведе́ши честно́е ѿ недосто́йнагѡ, ꙗ҆́кѡ ᲂу҆ста̀ моѧ̀ бꙋ́деши**[2]). Съ этого времени между Θеодоромъ и Василіемъ еще болѣе усилилась любовь другъ къ другу. Съ тѣхъ поръ преподобный Θеодоръ неустанно преуспѣвалъ въ Заповѣдяхъ Божіихъ, стараясь совершать все необходимое для праведной, богоугодной, святой и непорочной жизни. Діаволъ же подвергся великому по-

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 25—26.
[2]) Кн. Прор. Іерем., гл. 15, ст. 19.

срамленію, не будучи въ состояніи окончательно прельстить преподобнаго Θеодора сребролюбіемъ. Онъ опять вооружился на преподобнаго, строя новыя козни, чтобы возбудить въ немъ страсть любостяжанія. Однажды игуменъ послалъ преподобнаго Василія изъ монастыря на нѣкоторое послушаніе, исполненіе котораго заняло у него три мѣсяца: считая это время удобнымъ для своихъ козней, діаволъ, принявъ образъ Василія, пришелъ въ пещеру къ преподобному Θеодору какъ будто для душеспасительной бесѣды.

— Какъ ты,—говорилъ онъ,—преуспѣваешь въ добродѣтельной жизни? Прекратилась ли у тебя борьба съ искушеніями бѣсовскими или все еще продолжается, возбуждая въ тебѣ любостяжаніе чрезъ воспоминаніе о имѣніи, розданномъ нищимъ?

Преподобный Θеодоръ, не узнавъ бѣса и полагая, что съ нимъ говоритъ братъ Василій, отвѣчалъ:

— По твоимъ, отче, молитвамъ я съ успѣхомъ выдерживаю борьбу съ діаволомъ и не слушаю возбуждаемыхъ имъ мыслей, и теперь, что ты мнѣ прикажешь, я охотно исполню, повинуясь тебѣ: въ твоихъ наставленіяхъ я нашелъ великую пользу для моей души.

Мнимый же братъ, не слыша изъ устъ преподобнаго Θеодора Имени Божія, пріобрѣлъ еще бо́льшую смѣлость:

— Я даю тебѣ,—сказалъ онъ,—новый совѣтъ: исполнивъ его, ты найдешь покой и скоро получишь отъ Бога вознагражденіе въ размѣрѣ розданнаго тобою имѣнія: проси у Господа Бога, чтобы Онъ послалъ тебѣ множество золота и серебра, и не позволяй никому входить къ тебѣ въ пещеру, и самъ не выходи изъ нея.

Преподобный Θеодоръ обѣщалъ все это исполнить. Тогда оставилъ его полный злыхъ ухищреній діаволъ; незамѣтно внушая преподобному мысль о пріобрѣтеніи сокровищъ, онъ побуждалъ его молиться объ этомъ. Блаженный Θеодоръ молилъ Господа послать ему сокровище, которое онъ обѣщался все раздать нищимъ. Послѣ молитвы онъ уснулъ и увидѣлъ во снѣ бѣса, который, принявъ видъ свѣтлаго Ангела, указывалъ ему на сокровище въ пещерѣ. Это видѣніе было не одинъ, а много разъ. Спустя нѣкоторое время преподобный Θеодоръ пришелъ на указанное ему въ сновидѣніи мѣсто; начавъ копать, онъ дѣйствительно нашелъ здѣсь сокровище, состоящее изъ золота, серебра и цѣнныхъ сосудовъ. Послѣ этого бѣсъ подъ видомъ Василія опять пришелъ къ нему и сказалъ:

— Гдѣ данное тебѣ сокровище? Явившійся тебѣ Ангелъ открылъ и мнѣ, что по своимъ молитвамъ ты получилъ множество золота и серебра.

Блаженный Θеодоръ не захотѣлъ показать ему сокровища. И тотчасъ коварный бѣсъ началъ явно совѣтовать ему, влагая и тайныя помыслы, взять сокровище и удалиться съ нимъ въ другую страну. Сначала онъ сказалъ преподобному:

— Не говорилъ ли я, братъ Θеодоръ, что ты вскорѣ получишь отъ Бога вознагражденіе за розданное тобою имѣніе, ибо Онъ самъ сказалъ: **всѧ́къ, и҆́же ѡ҆ста́витъ до́мъ, и҆лѝ се́ла и҆́мене моегѡ̀ ра́ди, стори́цею прїи́метъ, и҆ живо́тъ вѣ́чный наслѣ́дитъ**[1]), и вотъ теперь въ рукахъ твоихъ богатство; дѣлай съ нимъ, что хочешь!

Прп҃бнїи
ѲЕО́ДѠРЪ и҆ ВА҃СІ́ЛІЙ

— Я затѣмъ просилъ его у Бога,—отвѣчалъ преподобный,—чтобы все дарованное мнѣ раздать нищимъ, и думаю, что для этого именно оно и ниспослано мнѣ.

— Смотри, братъ Θеодоръ,—возразилъ врагъ,—не причинилъ бы діаволъ опять тебѣ скорби черезъ это раздаяніе, какъ прежде; сокровище дано тебѣ какъ замѣна розданнаго тобою, и я даю тебѣ совѣтъ: возьми его и иди въ другое мѣсто, а тамъ пріобрѣти себѣ землю; и въ томъ мѣстѣ можешь спастись и избѣжать бѣсовскихъ козней. Когда же придетъ время смерти, то никто не запретитъ тебѣ раздать имущество, кому захочешь, и по тебѣ черезъ это сохранится благодарная память.

Преподобный Θеодоръ отвѣчалъ:

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 29.

— Мнѣ стыдно, что я, оставя міръ съ его благами и обѣщавшись окончить жизнь въ этой пещерѣ, сдѣлаюсь бѣглецомъ и мірскимъ человѣкомъ.

— Ты не можешь,—убѣждалъ его діаволъ,—скрыть здѣсь сокровища: объ немъ узнаютъ, и тогда возьмутъ его отъ тебя. Лучше послушайся меня и исполни скорѣе, что я посовѣтую тебѣ: если бы Богу не было угодно, чтобы ты обладалъ имуществомъ, то Онъ не послалъ бы тебѣ сокровища и не извѣстилъ бы меня, чтобы я тебя наставилъ.

Тогда блаженный Ѳеодоръ, повѣривъ бѣсу, какъ брату, началъ тайно приготовлять повозки и сосуды, въ которыя бы могъ помѣстить сокровища, чтобы съ ними выйти изъ пещеры и отправиться, куда бы повелъ его діаволъ, хотѣвшій хитростію своею удалить святаго отъ мѣста преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, отъ Пресвятыя Богородицы и, главнымъ образомъ, отъ Бога. Но человѣколюбивый Господь, **ѝже всѣмъ человѣкѡмъ хо́щетъ спасти́ся**[1]), спасъ по молитвамъ своихъ преподобныхъ и раба своего Ѳеодора.

Въ это время возвратился изъ путешествія преподобный Василій, ранѣе избавившій блаженнаго Ѳеодора отъ злыхъ помышленій. Желая повидаться съ нимъ, онъ пришелъ къ нему въ пещеру, говоря:

— Какъ ты проводишь теперь, братъ Ѳеодоръ, жизнь свою по Богѣ? Давно я тебя не видалъ.

Преподобный Ѳеодоръ удивился такому привѣтствію и сказалъ:

— Что это ты говоришь, что долгое время не видѣлъ меня? Вчера, третьяго дня и раньше ты постоянно приходилъ ко мнѣ, поучая меня, и вотъ я теперь отправляюсь, какъ ты мнѣ велѣлъ.

Въ свою очередь преподобный Василій еще болѣе удивился такому отвѣту:

— Скажи мнѣ,—спросилъ онъ,—что значатъ твои слова, будто я вчера, третьяго дня и раньше постоянно приходилъ къ тебѣ, наставляя тебя? И куда ты идешь? Я только сегодня возвратился съ дороги и ничего не знаю: быть можетъ, тебя искушалъ діаволъ? Молю тебя, ради Бога не скрывайся отъ меня.

Преподобный Ѳеодоръ съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— Что ты искушаешь меня? Зачѣмъ смущаешь душу мою, говоря въ одно время такъ, а въ другое иначе? Чему я долженъ вѣрить?—Выразивъ такъ ему свою досаду, онъ прогналъ его отъ себя.

[1]) 1 Посл. къ Тим., гл. 2, ст. 4.

Выслушавъ это, преподобный Василій удалился въ монастырь. А бѣсъ снова пришелъ въ образѣ Василія къ преподобному Өеодору:

— Потерялъ я, окаянный, умъ,—сказалъ онъ,—говоря тебѣ то, что не слѣдуетъ; поэтому я не помню поношенія, нанесеннаго мнѣ тобою, и повторяю тебѣ опять: въ эту же ночь иди скорѣе отсюда, захвативъ свое сокровище.— Съ этими словами онъ удалился.

Преподобный же Василій, взявъ съ собою нѣкоторыхъ старцевъ, опять пришелъ къ Өеодору:

— Богъ свидѣтель,—обратился онъ къ нему,—что прошло три мѣсяца, какъ я не видѣлъ тебя: я былъ отосланъ игуменомъ по монастырскимъ дѣламъ; сегодня третій день, какъ я возвратился, а ты, едва только я вошелъ къ тебѣ, сказалъ мнѣ, что за все время моего отсутствія я постоянно приходилъ къ тебѣ. Думаю, что къ тебѣ приходилъ въ моемъ образѣ бѣсъ; если хочешь убѣдиться, сдѣлай такъ: не позволяй никому изъ пришедшихъ къ тебѣ начинать бесѣды съ тобою, прежде чѣмъ онъ не сотворитъ молитвы Іисусовой: если вошедшій не захочетъ, тогда узнаешь, что онъ есть бѣсъ.

Послѣ этого преподобный Василій сотворилъ молитву запрещенія, призывая на помощь святыхъ, и, наставивъ Өеодора, ушелъ въ монастырь въ свою келлію. Бѣсъ не дерзнулъ снова явиться преподобному Өеодору, и для него стало явно коварство обольстителя. Съ той поры онъ заставлялъ каждаго приходящаго къ нему прежде всего сотворить молитву Іисусову и потомъ уже бесѣдовалъ съ нимъ. Такъ преподобный Өеодоръ побѣдилъ врага и избавился при помощи Божіей отъ устъ льва, ищущаго добычи[1]).

Подобное избавленіе Господь оказывалъ и оказываетъ многимъ избранникамъ Своимъ, скитающимся въ пустыняхъ и пропастяхъ, безмолвствующимъ наединѣ въ затворахъ: имъ нужна великая нравственная сила и Божія помощь, чтобы ихъ во время борьбы не побѣдилъ и не поглотилъ звѣрь-душегубитель.

Будучи избавленъ отъ рва погибели, преподобный Өеодоръ сталъ заботиться о томъ, чтобы впалъ въ яму самъ врагъ рода человѣческаго: прежде всего онъ закопалъ глубоко въ землю найденное имъ сокровище, едва не приведшее его къ отпаденію отъ Бога; въ то же время преподобный Өеодоръ непрестанно молилъ

---

[1]) Т. е. діавола. Сравн.: 1 Посл. Петра, гл. 5, ст. 8.

Господа, чтобы Онъ даровалъ ему забвеніе мѣста, гдѣ зарыто сокровище, и отнялъ отъ него страсть любостяжанія. Господь услышалъ молитву раба Своего: преподобный Θеодоръ совершенно забылъ, гдѣ было скрыто имъ сокровище, и никогда не думалъ о пріобрѣтеніи богатствъ; золото и серебро для него стали не дороже грязи.

Затѣмъ, чтобы не пребывать въ праздности, которая порождаетъ лѣность, а съ нею и безпечность, чѣмъ діаволъ снова могъ воспользоваться для своихъ искушеній, преподобный Θеодоръ возложилъ на себя великій трудъ: онъ поставилъ въ своей пещерѣ жернова и началъ работать на братію, причемъ не только самъ мололъ жито, но самъ и приносилъ его изъ монастыря. Ночь онъ проводилъ почти безъ сна, посвящая бо́льшую часть ея молитвѣ и работѣ на ручныхъ жерновахъ, а днемъ относилъ муку и снова приносилъ жито. Своими трудами преподобный въ теченіе многихъ лѣтъ немало облегчалъ монастырскихъ рабовъ, не стыдясь раздѣлять ихъ трудъ.

Однажды монастырскій келарь, увидѣвъ, какой тяжелый и мучительный подвигъ возложилъ на себя преподобный Θеодоръ, пришелъ въ умиленіе: когда было привезено изъ монастырскихъ селъ жито, онъ отправилъ пять возовъ его къ преподобному, чтобы онъ избавилъ себя отъ лишняго труда,—не ходилъ за нимъ въ монастырь. Преподобный Θеодоръ, высыпавъ жито, принялся за работу, поя Псалмы. Утомившись, онъ хотѣлъ немного отдохнуть, вдругъ раздался какъ бы ударъ грома, и жернова начали сами молоть. Уразумѣвъ козни діавола, преподобный Θеодоръ поднялся и началъ усердно молиться, послѣ чего сказалъ громкимъ голосомъ:

— Господь запрещаетъ тебѣ, лукавый бѣсъ!

Но бѣсъ не переставалъ молоть на жерновахъ. Тогда преподобный снова сказалъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, свергшаго тебя съ Небесъ и давшаго во власть угодниковъ Своихъ, я, грѣшный, повелѣваю тебѣ не оставлять работы, пока не перемелешь все жито: потрудись и ты на святую братію.

Сказавъ это, онъ продолжалъ молитву; бѣсъ же не посмѣлъ ослушаться и въ одну ночь измололъ все жито. Утромъ преподобный Θеодоръ далъ знать келарю, чтобы тотъ прислалъ за мукою. Келарь удивился столь необычайному дѣлу — какъ можно было смолоть въ одну ночь пять возовъ, и самъ отправился въ пещеру, чтобы вывезти изъ нея муку, при чемъ совершилось другое чудо:

отъ этого же жита получилось еще пять возовъ муки. Такъ сбылось здѣсь, въ сейчасъ разсказанномъ событіи изъ жизни преподобнаго Θеодора, слово Апостоловъ, нѣкогда говорившихъ Іисусу Христу: **гдⷭ҇и, и҆ бѣ́си повинꙋ́ются на́мъ ѿ и҆́мени твое́мъ**[1]), а также и обѣтованіе Самого Слова Божія: **се даю̀ ва́мъ вла́сть настꙋпа́ти на змі́ю̀ и҆ на скорпі́ю, и҆ на всю̀ си́лꙋ вра́жїю**[2]). Лукавые бѣсы хотѣли устрашить преподобнаго Θеодора и заставить его повиноваться себѣ какъ прежде, во время его прельщенія, но вмѣсто этого сами наложили на себя узы рабства, такъ что принуждены были возопить:

— Мы не будемъ болѣе появляться здѣсь.

Преподобные Θеодоръ и Василій установили между собою благочестивый обычай никогда не утаивать своихъ мыслей, но обоимъ обсуждать ихъ вмѣстѣ, чтобы видѣть, насколько они богоугодны. По обоюдномъ совѣщаніи, Василій удалился безмолвствовать въ пещеру, а преподобный Θеодоръ, какъ достигшій уже старости, вышелъ изъ нея съ тѣмъ, чтобы поселиться въ древнемъ монастырѣ.

Въ это время монастырь былъ сожженъ. Деревья на устройство церкви и келлій, пригнанныя плотами по Днѣпру, лежали на берегу, и наняты были работники, чтобы внести ихъ на гору, но преподобный Θеодоръ, желая самъ поставить себѣ келлію, началъ на себѣ носить бревна съ берега на гору, не дозволяя никому работать за него. Лживые бѣсы, забывъ свое, вынужденное подневольной работой, обѣщаніе никогда не приближаться къ преподобному, снова начали свои козни: всѣ бревна, какія съ великимъ трудомъ блаженный Θеодоръ вносилъ за день на гору, бѣсы ночью сбрасывали внизъ, желая черезъ это добиться его удаленія. Понявъ козни бѣсовъ, преподобный сказалъ имъ:

— Именемъ Господа нашего Іисуса Христа, повелѣвшаго вамъ войти въ свиней[3]), я, грѣшный рабъ Его, повелѣваю вамъ всѣ бревна съ берега перенести на гору, чтобы братія, работающая Богу, не отрывалась отъ своего труда и могла безъ вашихъ козней выстроить храмъ Пресвятой Богородицѣ и келліи себѣ; тогда узнаете, что Господь присутствуетъ на этомъ мѣстѣ.

Въ ту же ночь бѣсы перенесли съ берега на гору всѣ бревна, предназначенныя для постройки монастыря. Когда утромъ на бе-

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 17.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 19.
3) Еваг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 32.

регъ пріѣхали нанятые для перевозки, то не нашли ни одного бревна; поглядѣвъ по сторонамъ, они увидѣли, что бревна уже находятся на горѣ и не свалены въ кучу, а разложены въ порядкѣ: особо—предназначенныя для крыши, особо—для пола и особо—длинныя, чрезвычайно тяжелыя балки. Все это, какъ дѣло превышающее человѣческія силы, возбуждало удивленіе. Такъ прославился Господь чрезъ угодниковъ своихъ Ѳеодора и совѣтника его Василія; ради ихъ подвиговъ Господь явилъ это чудо. Но эти сродные по духу рабы Божіи не гордились, видя повиновеніе себѣ бѣсовъ, слѣдуя наставленію Христа: **не ра́дꙋйтеся, ꙗ҆́кѡ дꙋ́хи ва́мъ повинꙋ́ются: ра́дꙋйтеся же, ꙗ҆́кѡ и҆́мена̀ ва́ша напи́сана сꙋ́ть на небесѣ́хъ**[1]). Бѣсы же, столь явно обличенные въ своихъ козняхъ святыми Ѳеодоромъ и Василіемъ, не могли стерпѣть своего поношенія,—они, когда-то пользовавшіеся, какъ боги, почитаніемъ и поклоненіемъ отъ язычниковъ, теперь должны были переносить отъ вѣрныхъ угодниковъ Божіихъ презрѣніе, униженіе и безчестіе, должны были, какъ рабы купленные, трудиться для нихъ то меля жито, то таская бревна, и къ тому же, повинуясь запрещенію тѣхъ же святыхъ, они должны были удаляться отъ людей. Поэтому-то во время переноски бревенъ они и вопили, какъ слышали нѣкоторые:

— О злые и лютые враги наши Ѳеодоръ и Василій! Мы не перестанемъ бороться съ вами, пока не предадимъ васъ смерти!

Съ этого времени лукавые бѣсы,—не зная, что послужатъ къ еще бо́льшему прославленію преподобныхъ,—начали всѣми способами возбуждать злыхъ людей на святыхъ Ѳеодора и Василія. Тотчасъ же, по чудесномъ перенесеніи бревенъ, нанятые для перевозки рабочіе подняли возмущеніе:

— Давай намъ,—говорили они блаженному Ѳеодору,—нашу плату: мы не хотимъ знать, какими хитростями ты вмѣстѣ съ Василіемъ перенесъ бревна, когда мы готовы были ихъ перенести.

Къ тому же присудилъ и недобросовѣстный судья, будучи подкупленъ золотомъ: не помня угрозы Господа, что судящій неправедно самъ будетъ осужденъ, онъ не побоялся сказать преподобному Ѳеодору:

— Пусть помогутъ тебѣ платить тѣ бѣсы, которые помогли перевозить.

Великую скорбь доставило это новое искушеніе діавола нестяжателю Ѳеодору и совѣтнику его Василію. Не достигши смерти

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 20.

преподобныхъ, діаволъ, вспоминая свою первую побѣду надъ блаженнымъ Θеодоромъ, воздвигъ опять смертоносную бурю. Принявъ образъ преподобнаго Василія, безмолвствовавшаго въ то время въ Варяжской пещерѣ, онъ пришелъ къ одному изъ ближайшихъ къ князю бояръ; это былъ человѣкъ жестокій и нечестивый, лично знавшій преподобнаго Василія.

— Θеодоръ, жившій до меня въ пещерѣ,—сказалъ ему искуситель, —нашелъ большое сокровище, состоящее изъ золота, серебра и цѣнныхъ сосудовъ, и хотѣлъ, было, бѣжать съ нимъ, да я удержалъ его; теперь онъ притворяется юродивымъ и имѣетъ сношенія съ бѣсами, которымъ приказываетъ то молоть жито, то носить бревна на гору съ берега; при всемъ этомъ онъ тщательно скрываетъ найденныя имъ богатства, чтобы удалиться съ ними куда-нибудь тайно отъ меня, когда настанетъ для этого болѣе благопріятное время. Въ послѣднемъ случаѣ князю, конечно, ничего не достанется.

Услышавъ это, бояринъ повелъ мнимаго Василія къ князю Мстиславу Святополковичу. Бѣсъ разсказалъ и ему то же самое, присоединивъ еще слѣдующій совѣтъ:

— Схватите его какъ можно скорѣе, пока не сбѣжалъ, и тогда получите сокровище; если онъ не захочетъ разстаться съ нимъ добровольно, прибѣгните къ побоямъ; но если и послѣ нихъ не согласится отдать, то подвергните его, не жалѣя, пыткѣ и позовите меня: я предъ всѣми уличу его и укажу самое мѣсто, гдѣ спрятано сокровище.

Обольстивъ, такимъ образомъ, князя, бѣсъ скрылся.

На другое утро князь, точно собравшись на охоту или противъ непріятеля, въ сопровожденіи множества воиновъ поѣхалъ въ монастырь. Взявъ преподобнаго Θеодора, онъ привелъ его къ себѣ въ домъ и сталъ сначала съ ласкою спрашивать его:

— Скажи мнѣ, отче, правда ли ты, какъ я слышалъ, нашелъ сокровище?

— Да,—отвѣчалъ преподобный,—я дѣйствительно нашелъ его, и оно спрятано теперь въ пещерѣ.

— Не извѣстно ли,—снова спросилъ князь,—кто именно спряталъ его и какъ много въ немъ золота, серебра и сосудовъ?

— Еще при жизни преподобнаго отца нашего Антонія,—сказалъ блаженный Θеодоръ, говорили о сокровищѣ, спрятанномъ варягомъ въ этой пещерѣ, отчего она и до сихъ поръ называется

Варяжской. Я видѣлъ его; оно состоитъ изъ множества золота, серебра и сосудовъ, только латинскихъ.

— Почему же ты, отче, не отдашь его мнѣ?—спросилъ князь.— Я раздѣлю его съ тобою, ты возьми сколько тебѣ будетъ нужно, и за это ты станешь вмѣсто отца какъ мнѣ, такъ и моему отцу (послѣдній въ это время находился въ Туровѣ).

Преподобный Ѳеодоръ сказалъ на это:

— Я бы ничего не потребовалъ бы себѣ изъ того, что мнѣ не принесетъ никакой пользы, все бы отдалъ вамъ: на васъ лежатъ такія заботы, отъ которыхъ я совершенно свободенъ. Но Господь отнялъ у меня всякую память о томъ мѣстѣ, гдѣ мною зарыто сокровище.

Тогда князь въ гнѣвѣ приказалъ слугамъ:

— Скуйте этого монаха по рукамъ и ногамъ и не давайте ему даже черезъ три дня хлѣба и воды: онъ не дорожитъ моими милостями.

Послѣ того, какъ преподобный Ѳеодоръ былъ закованъ, его снова спросили, куда онъ спряталъ сокровище?

Преподобный Ѳеодоръ отвѣчалъ на это то же, что и ранѣе:

— Я сказалъ уже, что не знаю, гдѣ оно находится.

Послѣ этого отвѣта князь велѣлъ его бить, такъ что власяница, бывшая на преподобномъ, омочилась кровью; потомъ, по приказанію того же князя, его повѣсили въ сильномъ дыму и, привязавъ сзади, развели подъ нимъ огонь. Многіе дивились терпѣнію преподобнаго Ѳеодора: онъ пребывалъ среди пламени точно среди росы; огонь не коснулся даже власяницы. Одинъ изъ видѣвшихъ это разсказалъ князю; послѣдній, придя въ ужасъ, опять сталъ увѣщевать старца:

— Зачѣмъ ты губишь себя, не открывая сокровища, которое должно быть наше?

— Я тебѣ истину говорю, что, по молитвамъ брата моего Василія, былъ избавленъ отъ сребролюбія, когда нашелъ сокровище, и теперь снова повторяю: Господь отнялъ у меня память, гдѣ оно зарыто,—отвѣчалъ преподобный Ѳеодоръ.

Выслушавъ этотъ отвѣтъ, князь тотчасъ послалъ за блаженнымъ Василіемъ, котораго привели силою, такъ какъ онъ не хотѣлъ выходить изъ пещеры.

— Все, что ты совѣтовалъ мнѣ сдѣлать съ этимъ злымъ старцемъ,—обратился князь къ преподобному Василію,—я сдѣлалъ, но

ничего не достигъ и призываю во свидѣтели тебя, котораго желаю имѣть вмѣсто отца.

— Что же я тебѣ совѣтовалъ?—спросилъ въ недоумѣніи преподобный Василій.

— Онъ, несмотря на мученія, не хочетъ открыть, гдѣ спрятано имъ сокровище, которое, какъ ты сообщилъ мнѣ, было имъ найдено,—отвѣчалъ ему князь.

— Узнаю козни лукаваго бѣса,—сказалъ преподобный Василій,—прельстившаго тебя, оболгавшаго меня и сего честнáго мужа: вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я не выхожу изъ пещеры.

— Ты при всѣхъ насъ говорилъ князю,—возразили присутствовавшіе при разговорѣ бѣса съ княземъ.

— Васъ всѣхъ прельстилъ бѣсъ,—отвѣчалъ преподобный,—я не видѣлъ ни васъ, ни князя.

Разгнѣванный князь приказалъ и его, какъ преподобнаго Ѳеодора, подвергнуть жестокой пыткѣ. Не вынося обличенія и придя въ сильнѣйшую ярость, отъ опьяненія перешедшую въ буйство, онъ взялъ стрѣлу и ранилъ блаженнаго Василія. Извлекши стрѣлу изъ своего тѣла, преподобный бросилъ ее князю со словами:

— Этою стрѣлой скоро самъ будешь раненъ,—что и сбылось по пророчеству святаго.

Послѣ этого князь велѣлъ заключить преподобныхъ, еле живых уже отъ мученій, въ отдѣльную темницу, чтобы утромъ подвергнуть ихъ новымъ, болѣе жестокимъ пыткамъ. Въ ту же ночь оба преподобныхъ отошли ко Господу[1]). Господь вывелъ ихъ души изъ темницы для прославленія Его Всесвятаго Имени въ присносущемъ свѣтѣ. Узнавъ объ ихъ смерти, пришли братія и, взявъ тѣла святыхъ страдальцевъ, съ честію погребли ихъ въ Варяжской пещерѣ, гдѣ они проводили свою, полную богоугодныхъ подвиговъ, жизнь. Впослѣдствіи они были перенесены въ пещеру преподобнаго Антонія, гдѣ и донынѣ лежатъ нетлѣнны въ окровавленныхъ одеждахъ и власяницахъ, тоже не подвергшихся тлѣнію.

Спустя немного времени послѣ ихъ блаженной кончины сбылось пророчество преподобнаго Василія: князь Мстиславъ Святополковичъ былъ раненъ стрѣлою во время битвы съ княземъ Давидомъ Игоревичемъ въ городѣ Владимірѣ; узнавъ стрѣлу свою, которою ранилъ преподобнаго Василія, онъ сказалъ:

---

[1]) Въ 1098 г.

— Вотъ, я умираю, наказываемый за преподобныхъ Θеодора и Василія.

Такъ злой убійца былъ наказанъ за свое преступленіе; преподобные же страдальцы, какъ побѣдители діавола, побѣждающаго сребролюбіемъ, увѣнчаны не тлѣннымъ серебромъ и золотомъ, но вѣчною славою и честію: они получили вѣнецъ отъ драгоцѣннаго Камня-Христа, Ему же честь и слава съ Богомъ Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

СОСАННЫ ДѢВЫ

И ИНЫХЪ СЪ НЕЮ МУЧЕНИКОВЪ

Въ царствованіе Діоклетіана[1]) и Максиміана[2]), по прозванію Геркула, въ Римѣ[3]) жилъ пресвитеръ Гавиній, родной братъ папы Римскаго Гаія[4]). Обладая хорошимъ знаніемъ языческихъ философовъ и отлично изучивъ Святое Писаніе, Гавиній, по совѣту и настоянію своего брата, написалъ много книгъ въ опроверженіе языческихъ заблужденій. Оба они происходили изъ знатнаго рода, такъ что доводились роднею царю Діоклетіану; послѣдній, впрочемъ, не желалъ признавать своего родства съ ними: онъ презиралъ ихъ за то, что они исповѣдывали христіанскую вѣру; Діоклетіанъ ненавидѣлъ ее и поэтому отрицался отъ своихъ родственниковъ-христіанъ.

Пресвитеръ Гавиній имѣлъ дочь по имени Сосанну; онъ воспиталъ ее въ истинно христіанскомъ духѣ, съ малыхъ лѣтъ внушивъ ей страхъ Божій, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ ей и хорошее свѣтское образованіе. Сосанна отличалась умомъ и тѣлесною красотою, которую превосходила красота душевная: она всѣмъ сердцемъ любила Господа Іисуса Христа и была Его вѣрной, цѣло-

---

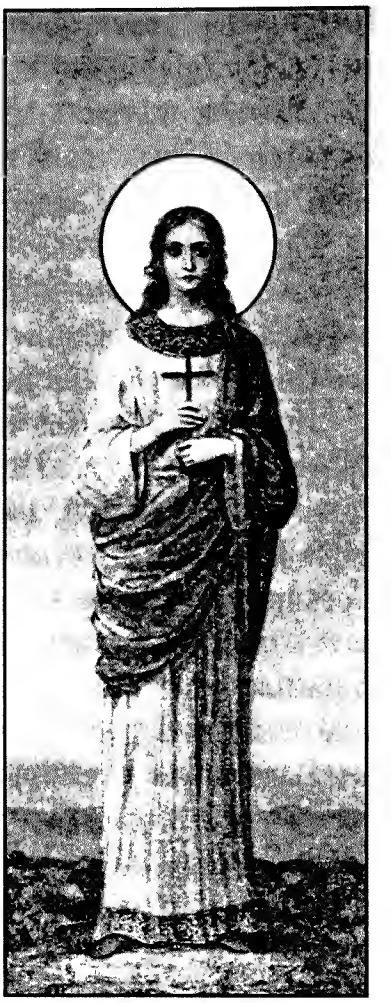
1) *Діоклетіанъ* —императоръ въ 284—305 гг.

2) *Максиміанъ* —императоръ, соправитель Діоклетіана въ 285—305 гг.

3) См. стр. 84, примѣч. 2-ое.

4) *Гаій* былъ папою отъ 283 г. по 22 апрѣля 296 г.

мудренной рабой. Услыхавъ объ умѣ и красотѣ Сосанны, Діоклетіанъ захотѣлъ сдѣлать ее женою сыну своему Максиміану. (Другіе называютъ его Максиминомъ; въ дѣйствительности онъ не былъ сыномъ Діоклетіана, а былъ усыновленъ имъ какъ происходившій отъ его ближайшихъ родственниковъ. Сначала Діоклетіанъ выдалъ за него свою дочь Валерію; послѣ же ея смерти онъ захотѣлъ сочетать Максиміана бракомъ съ родственницей своей Сосанной. Этотъ Максиміанъ имѣлъ другое имя — Галерій, и его нужно отличать отъ вышеупомянутаго Максиміана, прозваннаго Геркуломъ). Діоклетіанъ послалъ къ Гавинію знатнаго мужа, своего двоюроднаго брата Клавдія, переговорить съ нимъ о томъ, чтобы онъ отдалъ дочь свою Сосанну за его сына Максиміана. Придя съ этимъ порученіемъ къ Гавинію, Клавдій сказалъ:



Ст҃а́ѧ мч҃нца
Сѡса́нна

— Пресвѣтлый царь нашъ Діоклетіанъ послалъ меня къ тебѣ съ великой милостью и радостью: онъ хочетъ возобновить родство съ тобою черезъ устройство брака твоей дочери, и какое благодѣяніе можетъ быть для тебя бо́льшимъ, чѣмъ это новое прославленіе твоего рода чрезъ кровный союзъ съ царскимъ домомъ!

— Мы убоги и смиренны,—сказалъ Гавиній,—и при своемъ недостоинствѣ какъ можемъ называться родственниками царю?

Клавдій отвѣчалъ:

— Развѣ ты и твой братъ, епископъ Гаій, не сыновья сенатора Максимина, бывшаго родственникомъ дяде нашему, брату господина нашего царя Діоклетіана?

— Это вѣрно,—согласился Гавиній,—однако обстоятельства послѣдняго времени вынуждаютъ сказать, что мы недостойны названія родственниковъ царя.

— Не отрицайся твоего родства,—возразилъ Клавдій,—вотъ, нашъ господинъ и царь повелѣваетъ тебѣ отдать за сына его

Максиміана свою дочь, объ умѣ которой идетъ слухъ, что она обладаетъ обширными знаніями въ наукахъ. И справедливо не раздѣляться вѣтвямъ, происходящимъ отъ одного корня; этого желаемъ и мы, твои родственники; думаю, что это доставитъ и тебѣ радость.

Гавиній сказалъ:

— Прошу дать мнѣ время, чтобы узнать мнѣніе самой дочери о твоемъ предложеніи.

На этомъ они разстались.

По уходѣ Клавдія Гавиній попросилъ придти къ нему въ домъ брата своего папу Гаія, который жилъ недалеко. Когда пришелъ Гаій, Гавиній разсказалъ ему, съ какимъ порученіемъ отъ царя приходилъ къ нему Клавдій. Затѣмъ они позвали къ себѣ Сосанну и сказали ей со слезами на глазахъ:

— Царь Діоклетіанъ прислалъ къ намъ родственника нашего Клавдія, передавая черезъ него свое желаніе видѣть тебя супругою сына своего Максиміана.

Блаженная Сосанна такъ отвѣчала на это отцу и дядѣ:

— Куда исчезла теперь ваша мудрость? Поистинѣ я не замѣчаю ея въ васъ; если бы я не была такой христіанкой, какой стала благодаря вашимъ наставленіямъ, тогда со мной дѣйствительно можно бы было говорить о томъ, о чемъ вы сейчасъ ведете рѣчь. Теперь зачѣмъ вы оскверняете ваши уши и уста, слушая нечестивыя слова и передавая ихъ мнѣ съ тою цѣлію, чтобы я вышла замужъ за нечестиваго мучителя? Вѣдь вы сами безбоязненно отреклись отъ всякаго родства съ нимъ за его нечестіе, съ которымъ не можетъ мириться исповѣдуемая вами святая, христіанская вѣра. Но слава всесильному Богу, даровавшему мнѣ духъ, сродный святымъ Его: отвергая черезъ вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа это скверное супружество съ нечестивцемъ, я сподоблюсь мученическаго вѣнца!

— Смотри, дочь моя,—сказалъ на это Гавиній,—будь тверда въ вѣрѣ, которою сейчасъ обладаешь, чтобы соблюсти себя непостыдной предъ Господомъ, и мы возрадуемся, видя плодъ твоей вѣры, приносимый Владыкѣ Христу.

— Господіе мои,—отвѣчала Сосанна отцу своему и дядѣ,—вы часто поучали меня соблюдать дѣвство ради Господа Іисуса Христа, и теперь въ любви къ Нему и страхѣ Его я такъ утвердилась, что не могу даже и помыслить о плотскомъ супружествѣ;

отецъ мой, я только Того буду любить, для Того жить и на Того надѣяться, Кому ты самъ навсегда поручилъ меня: Онъ, Владыка, знаетъ искренность моего сердца!

—Такъ какъ ты вручена Небесному Жениху Христу-Богу, то пребывай всегда въ любви Его, соблюдая Его Заповѣди,— сказалъ святый папа Гаій.

Такъ оба святые служители Господни, узнавъ о добромъ намѣреніи Сосанны, долго утверждали ее въ ея благочестивомъ желаніи, исполняясь въ то же время великой радости, исторгшей изъ глазъ ихъ невольныя слезы умиленія.

Спустя три дня Клавдій въ сопровожденіи множества слугъ опять пришелъ къ Гавинію; оставивъ послѣднихъ около дома, онъ самъ вошелъ внутрь, гдѣ нашелъ и папу Гаія. Послѣ обычныхъ привѣтствій Клавдій сказалъ:

— Для васъ, честные отцы, не безъизвѣстна та радостная причина, которая привела меня къ вамъ.

— Хотя бы,—отвѣчалъ епископъ Гаій,—и не было такой причины, мы и такъ рады тебѣ, будучи родственниками другъ другу; мы рады утѣшиться этимъ родственнымъ свиданіемъ и бесѣдой другъ съ другомъ.

— Вы знаете, любезнѣйшіе братья,—продолжалъ Клавдій,— что господинъ нашъ, царь Діоклетіанъ, выражаетъ сильное желаніе вступить съ вами въ болѣе тѣсное родство, и я совѣтую и прошу васъ: исполните волю владѣющаго вселенной и тѣмъ утѣшите его.

— Передай объ этомъ желаніи царя моему господину и брату, епископу Гаію,—отвѣчалъ Гавиній.

— Нашъ доброжелательный царь, — обратился Клавдій къ Гаію,—хочетъ взять въ супруги своему сыну вашу дочь, а мою внучку; ему извѣстно объ ея красотѣ, разумѣ и талантахъ; мы, родственники, полагаемъ, что ничего не можетъ быть почетнѣе того, чтобы родъ нашъ не только не отлучался отъ царской крови, но еще тѣснѣе соединился съ нею: черезъ это онъ еще болѣе возвысится и прославится.

Такъ какъ епископъ молчалъ, то на рѣчь Клавдія отвѣчалъ Гавиній:

— Позовемъ дѣвицу и спросимъ саму ее.

Тогда была позвана къ нимъ святая Сосанна. Въ комнатѣ не было никого изъ постороннихъ; сидѣли только они трое. Увидавъ

Сосанну, Клавдій прослезился отъ любви и радости и хотѣлъ, обнявши, привѣтствовать ее поцѣлуемъ. Она же воспротивилась этому и сказала, отвернувшись отъ него:

— Моему Господу Іисусу Христу извѣстно, что устъ рабыни Его никогда не касались мужскія уста: не оскверняй ихъ.

— Я хотѣлъ поцѣловать тебя какъ родственникъ: вѣдь ты мнѣ внучка,—отвѣчалъ Клавдій.

Святая Сосанна сказала на это:

— Меня побуждаетъ гнушаться твоего поцѣлуя не какая-либо другая причина, а то обстоятельство, что твои уста осквернены идольскими жертвами.

Отъ этихъ словъ святой Сосанны Клавдій, точно почуствовавъ прикосновеніе къ своему сердцу перста Божія, умилился и сказалъ:

— Что я долженъ сдѣлать, чтобы очистить отъ скверны мои уста?

— Покайся и крестись во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,— отвѣчала святая Сосанна.

Тогда Клавдій обратился къ епископу со словами:

— Очистите меня, ибо человѣкъ чистый черезъ вѣру во Христа лучше служащаго богамъ: я принесъ имъ множество жертвъ, но не получилъ отъ нихъ ничего, хотя и цари преклоняются предъ ними.

Увидавъ чудесное, быстрое измѣненіе, произведенное въ Клавдіи дѣйствіемъ благодати Божіей чрезъ слова непорочной дѣвы, епископъ Гаій сказалъ съ радостію:

— Послушай меня, братъ мой! Я намѣренъ дать тебѣ добрый совѣтъ: ты пришелъ къ намъ, чтобы найти невѣсту сыну твоего господина, а Богъ ищетъ тебя и хочетъ по молитвамъ этой дѣвы спасти тебя, чтобы и изъ нашего рода нашлись достойные Царствія Божія. Итакъ, вѣруй въ Бога, кайся въ пролитіи крови святыхъ мучениковъ и не медли принятіемъ Святаго Крещенія.

— Если я,—спросилъ Клавдій,—приму Святое Крещеніе, то очистятся ли всѣ грѣховныя скверны моего сердца?

— Безъ сомнѣнія; только вѣруй отъ всего сердца,— отвѣчалъ святый папа.

Слыша это, святая Сосанна припала къ ногамъ своего дяди— святаго Гаія со словами:

— Умоляю тебя, господинъ мой, не отлагай, ради Христа, Крещенія Клавдія, спаси его душу.

— Сначала убѣдимся, истинно ли онъ вѣруетъ во Христа Бога,—сказалъ святый епископъ.

— Я искренно вѣрую,—воскликнулъ Клавдій,—только бы были прощены грѣхи мои, какъ обѣщаете вы мнѣ.

— Во имя всемогущаго Господа Іисуса Христа прощаются тебѣ всѣ грѣхи твои,—отвѣчалъ Гаій.

Клавдій палъ на землю предъ ногами святителя и взывалъ, посыпая прахомъ свою голову:

— Господи Боже, свѣтъ Превѣчный, прости грѣхи мои, содѣянные въ невѣдѣніи и невѣріи, исполни меня Твоей благодати, чтобы жена и дѣти мои познали, что ты одинъ спасаешь уповающихъ на Тебя!

Тогда святый Гаій, огласивъ и наставивъ Клавдія, отпустилъ его домой. Потомъ Клавдій пришелъ ночью ко святому Гаію вмѣстѣ съ женой и двумя сыновьями, прося у него Святаго Крещенія. Не отлагая болѣе, епископъ крестилъ ихъ; пресвитеръ Гавиній былъ ихъ воспріемникомъ. Когда Клавдій вышелъ изъ святой купели, то сказалъ:

— Я видѣлъ свѣтъ, превосходившій солнечный и осіявшій меня во время Крещенія.

По Святомъ Крещеніи и мѵропомазаніи епископъ совершилъ святую Литургію и пріобщилъ крещенныхъ Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой, и всѣ радовались о Богѣ Спасѣ своемъ. Супругѣ Клавдія имя было Препедигна, а сыновей звали одного Александромъ, а другого Куфіемъ. Послѣ Крещенія Клавдій началъ продавать имѣніе свое и раздавать его нищимъ; для этого онъ разыскивалъ скрывавшихся по различнымъ потаеннымъ мѣстамъ христіанъ, ходилъ также тайно по ночамъ въ темницы; всѣмъ, кого находилъ, Клавдій умывалъ ноги, цѣловалъ ихъ и восполнялъ нужду ихъ щедрыми дарами, снабжая ихъ на каждый день одеждою и пищей, при этомъ онъ непрестанно каялся во грѣхахъ, содѣянныхъ въ предыдущую жизнь.

Спустя нѣкоторое время Діоклетіанъ началъ спрашивать о Клавдіи, почему онъ не принесъ никакого извѣстія, хотя былъ нарочно посланъ къ Гавинію, чтобы узнать о согласіи Сосанны на бракъ съ его сыномъ. Царю доложили, что Клавдій болѣнъ. Тогда онъ послалъ къ нему, чтобы посѣтить больного и разспросить о Сосаннѣ его младшаго брата Максима, занимавшаго почетную должность при дворѣ. Максимъ нашелъ брата своего одѣтымъ во

власяницу и возносящимъ молитвы къ Богу. Онъ пришелъ въ ужасъ и сказалъ:

— Братъ мой возлюбленный, воспитавшій меня съ самаго дѣтства, что заставило тебя такъ измѣниться,—ты сталъ такъ блѣденъ и худъ?!

— Если хочешь выслушать меня, я разскажу тебѣ о причинахъ моей перемѣны,—отвѣчалъ Клавдій.

— Скажи мнѣ, господинъ мой, о твоей болѣзни!—воскликнулъ Максимъ.

— Я каюсь,—началъ разсказывать Клавдій,—что, повинуясь царямъ и исполняя ихъ приказанія, убивалъ христіанъ, проливая, такимъ образомъ, неповинную кровь; хотя я и дѣлалъ это по невѣдѣнію, слѣдуя приказаніямъ царя, однако теперь сильно скорблю и раскаиваюсь въ этомъ.

— Что это ты говоришь, братъ мой?—возразилъ Максимъ.—Владыка нашъ, царь Діоклетіанъ, посылалъ тебя къ брату нашему Гавинію, чтобы ты сосваталъ дочь его сыну; чтобы узнать объ этомъ, я и посланъ къ тебѣ, а ты говоришь что-то совершенно другое.

— Я за этимъ и ходилъ,—сказалъ Клавдій,—къ возлюбленной внучкѣ нашей и видѣлъ ее: она прекрасна какъ тѣломъ, такъ и душею; она свята и премудра и уже невѣста Небеснаго Царя Христа; благодаря ей и я избавился отъ грѣховъ моихъ. Но чтобы и тебѣ было извѣстно о милосердіи Божіемъ, которое хочетъ всѣхъ спасти, ночью пойдемъ къ брату нашему пресвитеру Гавинію, и ты увидишь свѣтъ вѣчный.

— Все, что ты велишь, я сдѣлаю,—отвѣчалъ Максимъ.

Въ ту же ночь они пошли къ воротамъ города, извѣстнымъ подъ именемъ Саларійскихъ и находившихся у Салюстіевыхъ палатъ. Когда Гавинію сказали, что его братья, Клавдій и Максимъ, стоятъ около дома и желаютъ войти къ нему, то онъ тотчасъ поспѣшилъ имъ навстрѣчу и съ радостію ввелъ ихъ къ себѣ. Прежде чѣмъ начать съ ними бесѣду, Гавиній всталъ на молитву: онъ преклонилъ колѣна и склонилъ голову; Клавдій и Максимъ послѣдовали его примѣру.

— Господи Боже,—говорилъ, молясь, Гавиній,—собирающій разсѣянныхъ и призирающій на собранныхъ, призри на дѣла рукъ Твоихъ, просвѣти всѣхъ вѣрующихъ въ Тебя: Ты—Свѣтъ Истинный во вѣки вѣковъ.

Всѣ отвѣчали:

— Аминь!

Возставши, они обнимали и цѣловали другъ друга, а Клавдій припалъ къ ногамъ пресвитера, лобызая ихъ. Видя это, Максимъ удивлялся и просилъ разрѣшенія повидаться съ Сосанной. Гавиній велѣлъ ее позвать. Войдя къ нимъ, она сначала поклонилась Богу, а потомъ, подойдя къ отцу, сказала:

— Благослови меня, отче.

Пресвитеръ же снова помолился ради пришествія Сосанны:

— Да подастся намъ миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа, Который живетъ и царствуетъ со всесильнымъ Богомъ Отцомъ во вѣки вѣковъ,—сказалъ онъ.

— Аминь!—воскликнули всѣ.

Увидавъ святую Сосанну, исполненную смиренія и цѣломудрія, Максимъ хотѣлъ поцѣловать ей руку; она же не дозволила этого. И въ то время, какъ всѣ они долго не могли удержать слезъ, вызванныхъ родственною любовью, святому Гаію, жившему недалеко отъ устроенной имъ церкви, сказали, что братья его собрались вмѣстѣ. Онъ подумалъ, что ихъ берутъ на мученія и, желая первымъ изъ нихъ испытать участь мученика, поспѣшилъ въ домъ Гавинія. Всѣ, увидавъ его, отъ неожиданности пришли въ страхъ и поклонились ему до земли.

— Миръ вамъ!—сказалъ имъ святый Гаій.—Мужайтесь во Имя Господа, помолимся!

И началъ молиться, говоря:

— Господи Боже, Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, пославшій Его на спасеніе всѣхъ, желая изъять насъ изъ тьмы міра сего и ввести въ жизнь вѣчную, утверди насъ, рабовъ Твоихъ, въ вѣрѣ Твоей, ибо Ты царствуешь во вѣки вѣковъ.

— Аминь,—сказали присутствовавшіе.

Сѣвши, епископъ началъ боговдохновенную бесѣду; всѣ со вниманіемъ слушали говоримыя имъ слова Божіи; святая же Сосанна слушала стоя, не желая сидѣть при нихъ; въ то же время она тайно молилась. По окончаніи бесѣды епископъ сказалъ Максиму:

— Благодаримъ тебя, братъ, что ты посѣтилъ насъ.

— Я, недостойный, пришелъ къ вамъ, чтобы цѣловать ваши святыя ноги, а что первоначально побудило меня идти къ вамъ, о томъ сами хорошо знаете,—отвѣчалъ Максимъ.

— Лучше скажи ты самъ,—предложилъ ему святый Гаій.

— Царь Діоклетіанъ,—сказалъ Максимъ,—проситъ отдать Сосанну за сына его Максиміана.

— Дѣва имѣетъ уже Христа, Небеснаго Жениха, даннаго ей Богомъ Отцемъ, и пусть будетъ тебѣ хорошо извѣстно, что она уже не можетъ выходить замужъ,—отвѣтилъ на это предложеніе епископъ.

— Все, что даетъ Богъ, вѣчно,—сказалъ Максимъ.

— Пріими и ты жизнь вѣчную,—предложилъ ему папа.

— Что есть жизнь вѣчная?—спросилъ онъ.

— Та есть жизнь вѣчная, которую позналъ я,—вступилъ въ бесѣду Клавдій.

— Кого ты позналъ, Того и я познать желаю,—обратился къ нему Максимъ,—но все-таки намъ не слѣдуетъ удаляться отъ родства съ царемъ.

— Мы убѣждаемъ тебя,—возразилъ святый Гаій,—вѣровать въ Господа нашего Іисуса Христа, вѣчнаго Сына Божія, а видимая слава и честь земнаго царя временны, и родство съ нимъ не приноситъ ничего; все это вмѣстѣ съ кратковременною жизнію минуетъ и погибнетъ. Что̀ же обѣщаетъ намъ Небесный Царь, Христосъ Богъ нашъ, то вѣчно и необходимо, и достойно того, чтобы къ тому стремиться.

Выслушавъ это, Максимъ умилился и съ радостію далъ согласіе пріять святую вѣру.

— Тебѣ извѣстно, братъ,—сказалъ епископъ,—что мы оставили все свое имѣніе и теперь ничего не ищемъ, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа, Которымъ мы живемъ и Которымъ хвалимся.

— Не медлите, господіе мои,—воскликнулъ Максимъ,—но поторопитесь сдѣлать все, что считаете необходимымъ для моего спасенія.

Заповѣдавъ ему постъ, епископъ отпустилъ его домой. Удалившись, Максимъ сначала скрывалъ свою вѣру во Христа, хотя и горѣлъ любовію къ Гавинію, Гаію и особенно къ Самому Господу Іисусу; потомъ, при усиленіи въ немъ любви къ Богу, онъ началъ явно исповѣдывать Имя Христово, презирая смерть. Но епископъ и пресвитеръ совѣтовали ему скрывать свою вѣру въ продолженіе пяти дней, пока не распродастъ своего имѣнія и не раздастъ нищимъ. Максимъ повиновался имъ. Спустя пять дней онъ пришелъ къ святому Гаію и, припавъ къ его ногамъ, сказалъ:

— Заклинаю тебя, господинъ мой, Именемъ Христовымъ, просвѣти меня Святымъ Крещеніемъ, какъ просвѣтилъ ты брата моего Клавдія; съ того самаго времени, какъ ты наставилъ меня въ ученіи Господа нашего Іисуса Христа, сердце мое до того умилилось, что я не могу успокоиться, пока не приму Святаго Крещенія.

Епископъ крестилъ его и, совершивъ святую Литургію, пріобщилъ Божественныхъ Таинъ. Максимъ пребывалъ у родственниковъ своихъ христіанъ, воспѣвая съ ними Богу и славя Его; въ это время онъ окончательно распродалъ имѣніе, которое онъ не могъ продать и раздать въ пять дней, и роздалъ нищимъ черезъ вѣрнаго друга своего Ѳарсона, который былъ тайный христіанинъ и впослѣдствіи описалъ страданія сихъ святыхъ мучениковъ, такъ какъ все совершалось на его глазахъ.

По прошествіи пятнадцати дней со времени посѣщенія Максимомъ Клавдія, Діоклетіанъ узналъ, что оба они,—а послѣдній и со всѣмъ своимъ семействомъ,—сдѣлались христіанами; это очень его огорчило. Однако онъ скрывалъ свою печаль и своей супругѣ, царицѣ Иринѣ, сказалъ только, что посылалъ къ Гавинію, желая сосватать дочь его Сосанну сыну своему Максиміану. Услышавъ объ этомъ, Ирина прославила Бога: она была тайная христіанка, а царю сказала:

— Дѣлай, что внушаетъ тебѣ Богъ.

Не довѣривъ царицѣ своей скорби, Діоклетіанъ призвалъ къ себѣ военачальника Юлія, язычника и человѣка жестокаго, и разсказалъ ему съ печалію, что возлюбленные родственники его, посланные для обрученія невѣсты сыну Максиміану, приняли христіанство несмотря на его запрещеніе.

— Всѣ, пренебрегающіе царскія повелѣнія,—сказалъ Юлій,—хотя бы послѣднія были несправедливы, должны подвергнуться смертной казни; твое же приказаніе было справедливо, и если они его нарушили, то тѣмъ болѣе достойны смерти.

Царь тотчасъ приказалъ Юлію послать воиновъ, чтобы взять всѣхъ, кромѣ епископа Гаія, что и было исполнено. Пресвитера Гавинія съ дочерью онъ велѣлъ стеречь въ кустодіи; Максима же и Клавдія съ женой и дѣтьми послалъ въ изгнаніе; потомъ онъ велѣлъ сжечь ихъ въ городѣ Остіа[1]), бросивъ пепелъ въ море: такъ скончались святые, удостоившись славнаго мученическаго вѣнца.

[1]) Такъ называлась пристань близъ Рима.

Спустя пятьдесятъ пять дней Діоклетіанъ велѣлъ супругѣ своей взять къ себѣ Сосанну, чтобы склонить ее къ браку съ его сыномъ. Когда же святая Сосанна, находившаяся подъ стражей, увидала идущихъ за нею, то съ глубокимъ сердечнымъ вздохомъ и слезами сказала, обращаясь къ Богу:

— Господи, не оставь рабы Твоей!

Когда Сосанну ввели къ царицѣ, то послѣдняя поклонилась ей прежде, чѣмъ она: царица чтила въ ней благодать Христову и цѣломудріе. Святая Сосанна упала предъ царицею на землю, но она ласково подняла ее со словами:

— Радуется о тебѣ Спаситель нашъ Христосъ.

Услышавъ изъ устъ царицы Имя Христово, святая Сосанна возрадовалась и сказала:

— Благодарю Христа Бога моего, царствующаго на всякомъ мѣстѣ!

И обѣ онѣ, царица Ирина и святая Сосанна, радовались о Господѣ Богѣ, съ любовію бесѣдуя о Немъ. Онѣ возносили къ Нему горячія молитвы, особенно же святая Сосанна: слѣдуя наставленіямъ отца, она непрестанно днемъ и ночью воспѣвала, благословляя Бога. Діоклетіанъ же въ это время ждалъ, надѣясь, что Сосанна дастъ согласіе на бракъ. Послѣ долгихъ ожиданій онъ послалъ за царицей и спросилъ ее, склонила ли она Сосанну на бракъ съ его сыномъ? Склоняется ли она на любовь Максиміана?

— Напрасенъ трудъ тамъ,—отвѣчала царица,—гдѣ преслѣдуется невозможная цѣль, и не слѣдуетъ надѣяться тамъ, гдѣ не будетъ согласія: я не замѣчаю въ Сосаннѣ и слѣда такихъ мыслей и намѣреній, которыя бы позволяли думать, чтобы кто-либо могъ ее какимъ-нибудь образомъ принудить къ этому.

Услышавъ это, Діоклетіанъ пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ и далъ позволеніе сыну своему Максиміану опозорить Сосанну, совершивъ надъ нею гнусное насиліе, но не во дворцѣ,—пусть отведетъ ее въ домъ отца ея и тамъ обезчеститъ ее, повинуясь своей постыдной похоти. Святая Сосанна принуждена была оставить дворецъ, чтобы отправиться въ домъ свой. Отпуская святую Сосанну, царица съ плачемъ говорила ей:

— Избавившій въ древности рабу Свою Сосанну[1]) избавитъ и тебя, поможетъ тебѣ и даруетъ славное упокоеніе.

---

[1]) Кн. Прор. Дан. гл. 13.

Простившись, онѣ разстались рыдая. Когда святая Сосанна была приведена въ свой домъ двумя женщинами, она упала на землю въ своей комнатѣ и здѣсь съ рыданіемъ и плачемъ молилась Избавителю своему Христу, чтобы Онъ поспѣшилъ къ ней на помощь. Въ ту же ночь пришелъ распаляемый скверною похотью сынъ царя Максиміанъ; войдя тихонько въ комнату, гдѣ молилась святая Сосанна, онъ увидѣлъ надъ нею Ангела Божія, отъ котораго исходило великое сіяніе. На Максиміана напалъ сильный страхъ: не осмѣлившись подойти къ святой Сосаннѣ, онъ поспѣшилъ какъ можно скорѣе домой, во дворецъ, гдѣ и разсказалъ о всемъ своему отцу.

— Это не больше, какъ волшебство христіанъ, — сказалъ Діоклетіанъ.

И послалъ одного изъ приближенныхъ своихъ, Куртія, разузнать, что дѣлается въ домѣ Сосанны. Но и Куртій, какъ только вошелъ въ домъ, тотчасъ почувствовалъ сильный страхъ и въ ужасѣ побѣжалъ къ царю. Въ это время Діоклетіанъ велъ споры съ царицею относительно пришествія Христа и почитанія боговъ. Будучи побѣжденъ царицею, онъ вспомнилъ о Сосаннѣ и сказалъ:

— Почему ты не увѣщевала ее, видя ея красоту и умъ, согласиться на бракъ съ моимъ сыномъ?

— Она избрала себѣ лучшее,—отвѣчала царица,—вѣдь и сынъ твой самъ говорилъ, что видѣлъ надъ нею неприступный свѣтъ.

Царь чрезвычайно разгнѣвался и приказалъ нѣкоему Македонію, ревностному язычнику, отличавшемуся жестокостію, идти къ Сосаннѣ и принудить ее не только посредствомъ угрозъ, но и мученій къ идолопоклонству; вмѣстѣ съ тѣмъ Діоклетіанъ приказалъ дѣлать это тайно, чтобы не осуждали царя за мучительство, говоря, что онъ не щадитъ даже родственниковъ своихъ. Македоній пришелъ къ святой Сосаннѣ, захвативъ съ собою маленькаго золотого идола, изображавшаго бога Дія; показывая его святой, онъ приказывалъ ей поклониться ему. Святая Сосанна дунула на идола со словами:

— Господи мой, Христе Іисусе, пусть не видятъ очи мои діавольскаго орудія.

И тотчасъ идолъ, находившійся въ рукахъ Македонія, сдѣлался невидимъ, точно кто вырвалъ его. Македоній удивился и думалъ, что какъ-нибудь сама святая Сосанна похитила идола и спрятала его:

— Вижу,—сказалъ онъ,—что ты любишь золото, такъ какъ украла идола изъ моихъ рукъ, и не могу не похвалить тебя за это: думаю, что ты не взяла бы идола, если бы не любила его.

— Господь Богъ мой,—отвѣчала святая Сосанна,—послалъ Ангела Своего, который и удалилъ идола изъ глазъ моихъ, выбросивъ его вонъ изъ дома.

Во время этихъ словъ ея вошелъ слуга Македонія, докладывая, что идолъ выброшенъ изъ дома на дорогу. Придя въ сильную ярость, Македоній своими руками разорвалъ одежды на святой Сосаннѣ и началъ безъ жалости бить ее палками. Святая же Сосанна взывала въ это время:

— Слава Тебѣ, Господи!

— Принеси жертву богамъ,—сказалъ Македоній.

— Я сама себя приношу въ жертву Господу моему,—отвѣчала святая.

Македоній доложилъ царю о неизмѣнномъ и твердомъ пребываніи Сосанны въ вѣрѣ и о поруганіи ею идола. Царь приказалъ тамъ же, въ домѣ, убить ее мечомъ. И была усѣчена глава невѣстѣ Христовой, святой мученицѣ Сосаннѣ; она отошла, веселясь и радуясь, въ свѣтлый чертогъ Небеснаго Жениха своего. Узнавъ объ убіеніи святой Сосанны, царица взяла ночью честнòе тѣло святой мученицы и собрала кровь ея, пролитую на землѣ, покровомъ со своей головы: обвивъ полотномъ, умащеннымъ ароматами, царица положила тѣло ея въ усыпальницѣ святаго Александра, гдѣ было погребено много мучениковъ, а кровь ея, собранную на головное покрывало, вложила въ серебряный ковчегъ, который спрятала въ своей комнатѣ, гдѣ она обычно тайно молилась и днемъ, и ночью. Святый же папа Гаій храмину, гдѣ была пролита кровь святой мученицы Сосанны, освятилъ въ церковь и совершалъ въ ней Божественныя службы [1]).—Спустя немного времени пострадалъ и святый пресвитеръ Гавиній, а послѣ него пріялъ мученическую кончину и святый Гаій; всѣ они какъ мученики предстали Престолу Божію, славя Отца, и Сына, и Святаго Духа — единаго Бога въ Троицѣ, Ему же и отъ насъ да будетъ честь и слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ [2]). Аминь.

---

[1]) Въ жизнеописаніи папы Сергія говорится о церкви въ самомъ домѣ Сосанны, бывшей въ 682 году.

[2]) Святые мученики, поминаемые съ Сосанною, скончались въ 295—296 годахъ. Мощи муч. Сосанны съ мощами отца ея Гавинія находятся въ Римѣ, въ церкви ея имени; мощи папы Гаія также въ Римѣ въ церкви его имени.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЕВПЛА ДІАКОНА

Въ царствованіе Діоклетіана и Максиміана гоненіе на христіанъ распространилось по всей вселенной. Въ это время упомянутыми нечестивыми царями въ Сицилію[1]) былъ посланъ для розыска и мученій христіанъ одинъ, извѣстный своею жестокостію, князь, по имени Пентагуръ. Придя въ городъ Катану, мучитель приказалъ городскому начальнику Калвисіану собрать на площадь весь народъ, не только живущій въ городѣ, но и въ окрестностяхъ. На Ахилліевой площади было приготовлено мѣсто для зрѣлища, и на звуки трубъ и бубновъ собралось множество народа обоего пола и разнаго возраста. Сюда пришелъ и князь Пентагуръ съ Калвисіаномъ; увидѣвъ народъ, онъ спросилъ послѣдняго:

— Всѣ ли воздаютъ честь и поклоненіе и приносятъ жертвы нашимъ богамъ?

Калвисіанъ отвѣчалъ:

— Поистинѣ, свѣтлый князь, всѣ, которыхъ ты видишь, усердно служатъ великимъ богамъ, принося множество жертвъ; среди нихъ нѣтъ ни одного нечестивца.

Этотъ отвѣтъ привелъ Пентагура въ сильную радость, и онъ выразилъ свое одобреніе какъ народу, такъ и начальнику города; затѣмъ, обнародовавъ повелѣніе царей, онъ предъ всѣми далъ власть Калвисіану,—если найдется кто-либо, называющій себя христіаниномъ, то онъ можетъ предать его мученіямъ и умертвить. Послѣ этого Пентагуръ удалился въ другіе города; Калвисіанъ же призвалъ къ себѣ преторскихъ слугъ и приказалъ имъ тщательно разыскивать, не найдется ли гдѣ-либо въ городѣ или его окрестностяхъ кто-либо, хотя бы даже тайно исповѣдающій христіанскую вѣру,—такого человѣка они должны взять для мученій. Тогда подошелъ одинъ изъ слугъ и сказалъ:

---

[1]) —одинъ изъ большихъ острововъ Средиземнаго моря, отдѣляющійся отъ материка (Итальянскаго полуострова) Мессинскимъ проливомъ.

— Здѣсь въ городѣ есть человѣкъ по имени Евплъ: онъ носитъ съ собою какую-то книгу и, обходя дома и улицы, учитъ народъ, называя великимъ христіанскаго Бога. (Святый Евплъ былъ діаконъ и носилъ съ собою Евангеліе: читая изъ него народу о чудесахъ Христовыхъ, онъ училъ его вѣровать во Спасителя.) Услышавъ это, Калвисіанъ тотчасъ послалъ взять его и привести къ себѣ связаннаго. Воины отправились, разыскивая святаго Евпла по всему городу; наконецъ они нашли его въ одной бѣдной хижинѣ, гдѣ онъ читалъ Святое Евангеліе, поучая слушающихъ; воины взяли его, связали ему назади руки и повели на судъ къ городскому начальнику, захвативъ и Евангеліе. Увидѣвъ святаго Евпла, Калвисіанъ сказалъ:

— Ты ли хулитель боговъ и преступникъ приказаній царскихъ?

Святый Евплъ отвѣчалъ:

— Кто такіе ваши боги, чтобы я почиталъ ихъ?

— Наши боги—Юпитеръ, Асклипій и Діана,—сказалъ Калвисіанъ.

— Ты,—возразилъ ему святый,—слѣпъ, не зная Единаго Истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, создавшаго человѣка изъ земли и насъ, христіанъ, облекшаго безцѣнною и пресвѣтлою одеждою безсмертія, которая есть Святое Крещеніе.

— Ты потому говоришь такъ горделиво, что не испыталъ еще мученій,—сказалъ Калвисіанъ.

— Для меня эти муки—вѣнецъ свѣтлый, а для тебя—тьма и погибель,—возразилъ святый Евплъ.

Тогда Калвисіанъ, сильно разгнѣвавшись, приказалъ повѣсить святаго Евпла и строгать его желѣзными гребнями. Во время этихъ мученій святый Евплъ поднялъ къ Небу глаза свои и, молясь, говорилъ:

— Господи Іисусе Христе, облеки меня, съ котораго, какъ одежду, совлекаютъ теперь плоть, безсмертіемъ въ будущей жизни; даруй мнѣ на часъ сей крѣпость, чтобы не побѣдили меня муки.

И съ Неба былъ Голосъ:

— Мужайся и крѣпись, Евплъ! Тебѣ уже уготована истинная одежда.

Долго строгали святаго мученика, причемъ Калвисіанъ говорилъ ему:

— Неужели ты не оставишь своего заблужденія? Почему ты не хочешь войти въ храмъ боговъ и принести имъ жертву, чтобы

отъ нихъ получить прощеніе своихъ грѣховъ, отъ царей—честь и богатство, отъ насъ—предложеніе дружбы; вообще черезъ это ты пріобрѣлъ бы много золота и серебра.

— О сынъ погибели, слуга и сообщникъ діавола!—отвѣчалъ святый Евплъ.— Не знаешь ли, какъ грозно въ день Страшнаго Суда Божія ты будешь наказанъ за всѣхъ тѣхъ, которыхъ теперь склоняешь къ идолопоклонству золотомъ и серебромъ?

Еще болѣе разгнѣвавшись, мучитель приказалъ бить святаго по челюстямъ желѣзными молотками и сокрушать ему бедра и голени. Во время этихъ побоевъ святый Евплъ укорялъ мучителя, говоря:

— Безумный, ослѣпленный злобою человѣкъ! Къ чему ты причиняешь мнѣ эти муки, которыя я, укрѣпляемый моимъ Богомъ, считаю за паутинныя сѣти? Если можешь, изобрѣти еще болѣе лютыя, а эти для меня не болѣе, какъ игра.

Ст҃ый мч҃нкъ Є҆ѵпл҃ъ

Послѣ этого Калвисіанъ приказалъ отвязать святаго Евпла и, повѣсивъ ему на шею Евангеліе, отвести въ темницу, при этомъ онъ велѣлъ особенно тщательно запереть тюремныя двери и запечатать ихъ его перстнемъ, и поставить стражу, чтобы никто не могъ пройти къ святому Евплу и принести съ собою хлѣба и воды: Калвисіанъ хотѣлъ, чтобы онъ, мучимый жаждою и голодомъ, умеръ. Святый Евплъ пробылъ въ темницѣ семь дней и ночей и почувствовалъ сильнѣйшую жажду; тогда онъ помолился Господу:

— Господи Іисусе Христе, Истинный Богъ нашъ, дарующій пищу всему живущему, Ты, напоившій въ древности людей Твоихъ, водимыхъ по пустынѣ Моисеемъ, источивъ имъ изъ камня живую воду [1]), Ты, изведшій для Сампсона воду изъ сухой челюсти осли-

[1]) Кн. Исх., 17, 6.

ной[1]) и омывшій насъ водою Святаго Крещенія, дай и мнѣ, молю Тебя, прохладу, ибо я изнемогаю отъ жажды: повели, да истечетъ въ темницѣ этой источникъ воды и утолитъ жажду мою, и всѣ узнаютъ, что Ты одинъ Богъ и нѣтъ другого, подобнаго Тебѣ.

Когда святый Евплъ окончилъ эту молитву, внезапно въ темницѣ появился источникъ воды; онъ выпилъ этой воды и удовлетворилъ ею не только свою жажду, но и свой голодъ, какъ будто бы пищею; святый Евплъ воспѣлъ, славя и благодаря Бога. По прошествіи семи дней Калвисіанъ приказалъ вывести изъ темницы мученика, если онъ еще живъ: онъ полагалъ, что святый Евплъ — отчасти отъ ранъ, отчасти отъ голода и жажды — уже умеръ. Когда воины пришли и открыли двери темницы, то пришли въ ужасъ, увидѣвъ, что вся темница полна воды. Святый же Евплъ простеръ руки надъ водою, какъ бы повелѣвая, и вода тотчасъ стала невидима. Воины сказали другъ другу:

— Поистинѣ великъ Богъ, Которому служитъ этотъ человѣкъ!

И, взявъ святаго мученика, они повели его въ домъ городского начальника. Послѣдній увидѣвъ, что святый Евплъ нисколько не измѣнился тѣломъ и веселъ, точно идетъ съ пиршества, очень удивился и сказалъ:

— Хоть теперь поклонись богамъ, прежде чѣмъ тебѣ не отсѣкутъ головы.

Святый Евплъ отвѣчалъ:

— Коварный и ослѣпленный другъ діавола! Кому охота оставить свѣтъ для того, чтобы ходить во тьмѣ?

Разгнѣванный градоначальникъ приказалъ оторвать ему уши желѣзными крючками и отвести связаннаго въ преторъ для суда; сюда пришелъ и самъ мучитель и, сѣвши на своемъ мѣстѣ, долго принуждалъ святаго къ принесенію нечестивыхъ жертвъ, но, видя, что святый Евплъ остается непреклоннымъ, Калвисіанъ осудилъ его на усѣкновеніе мечомъ. Выслушавъ свой смертный приговоръ, святый Евплъ просилъ градоначальника, чтобы предъ усѣкновеніемъ ему дано было время для молитвы, Калвисіанъ изъявилъ свое согласіе на просьбу. Когда воины повели святаго мученика на казнь, то имъ сопутствовала большая толпа народа, среди которой немало было и христіанъ, тайно державшихся своей вѣры. Достигнувъ мѣста, святый Евплъ остановился; потомъ, обратив-

---

[1]) Кн. Судей, 15, 19.

шись къ народу, онъ взялъ Евангеліе, которое всегда носилъ съ собою, и, открывъ, началъ читать о чудесахъ Христовыхъ, поучая познанію Истиннаго Бога, и многіе изъ язычниковъ просвѣтились Свѣтомъ Истины Христовой. Затѣмъ святый Евплъ началъ молиться Богу, и къ нему пришелъ Гласъ свыше:

— Блаженъ ты, Евплъ, добрый и вѣрный рабъ Мой, гряди и вступи въ радость Господа твоего, наслаждаясь покоемъ со всѣми отъ вѣка благоугодившими Мнѣ!

Послѣ того какъ раздался этотъ Гласъ, святый Евплъ преклонилъ главу свою и, по усѣченіи ея, отошелъ ко Господу своему: его страданія закончились въ одиннадцатый день августа мѣсяца[1]). Благоговѣйные мужи изъ христіанъ взяли честно́е тѣло и главу и погребли въ особо уготованномъ мѣстѣ, и по молитвамъ святаго мученика при гробницѣ его совершалось много исцѣленій, въ которыхъ дѣйствовала благодать Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ честь и слава во вѣки. Аминь.

Конда́къ, гла́съ а҃:

Зако́ны хр҃то́вы въ рꙋ́кꙋ ѡ҆́бносѧ, предста́лъ є҆сѝ вопі́ѧ врагѡ́мъ въ по́двизѣ: самозва́нъ є҆́смь страда́льчествовати твердѣ́йши. тѣ́мже приклони́въ ра́достнѡ вы́ю твою̀, подѧ́лъ є҆сѝ ᲂу҆сѣче́ніе мече́мъ, скончáвый тече́ніе твоѐ.

---

[1]) По другимъ, болѣе достовѣрнымъ, извѣстіямъ святый Евплъ усѣченъ 12 августа въ 304 году. Мощи его находятся въ предѣлахъ неаполитанскихъ въ Тривико (теперь vico della Baronia); когда перенесены сюда изъ Катаны, — неизвѣстно; въ 1656 году перенесена отсюда часть мощей обратно въ Катану.

День двѣнадцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ФОТІЯ и АНИКИТЫ

Въ Никомидіи, городѣ Виѳинской области[1]), нечестивый царь Діоклетіанъ[2]) поднялъ открытое гоненіе на христіанъ; среди города, по его приказанію, были выставлены орудія для мученій: мечи, сѣчки, рожны, желѣзныя когти, сковороды, колеса, котлы и другія безчеловѣчныя изобрѣтенія подобнаго рода; были приготовлены и звѣри. Всѣмъ этимъ Діоклетіанъ хотѣлъ устрашить призывающихъ Имя Христово. Во всѣ концы Римскаго царства онъ разослалъ грозные указы, которыми повсюду повелѣвалось гнать христіанъ,—мучить и убивать ихъ, при этомъ на Единороднаго Сына Божія изрекались многія хулы.

Въ это время въ Никомидіи жилъ одинъ благородный и знатный комитъ, по имени Аникита. Исполнившись ревностію по Богѣ, онъ явился къ царю и безбоязненно исповѣдалъ Господа Іисуса Христа, истиннаго Сына Божія,—святый Аникита краснорѣчиво повѣдалъ царю о безначальномъ рождествѣ Сына Божія и Его воплощеніи, по исполненіи лѣтъ, для нашего спасенія; въ то же время онъ порицалъ заблужденіе идолопоклонниковъ, называя бо-

---

1) Въ Малой Азіи.

2) —императоръ въ 284—305 гг.

говъ языческихъ глухими и безчувственными; и, наконецъ, обратился къ царю съ такими словами:

— Твои мученія, царь, приготовленныя христіанамъ и объявленныя имъ, нисколько насъ не устрашаютъ: для насъ муки— ничто, и мы никогда не поклонимся бездушнымъ идоламъ.

Ст҃іи мч҃нцы
а҆нїки́та и҆ фѡ́тїй

Царь, полный гнѣва и ярости, не въ силахъ былъ выслушивать боговдохновенную проповѣдь святаго Аникиты и приказалъ тотчасъ же обрѣзать ему языкъ, но онъ и послѣ этого говорилъ ясно, славя Христа Бога. Затѣмъ его били воловьими жилами такъ жестоко и такъ долго, что обнажились кости. Но святый Аникита,—точно не онъ, а кто другой подвергался мученіямъ,—мужественно переносилъ страданія и громко проповѣдовалъ смотрѣвшему на него народу, что Христосъ есть единый Истинный Богъ. Послѣ этого царь велѣлъ отдать святаго Аникиту на съѣденіе звѣрямъ: былъ выпущенъ громадный левъ, который, съ грознымъ ревомъ приблизившись къ мученику, неожиданно сдѣлался смирнѣе ягненка: онъ ласкался ко святому и потъ, выступившій отъ мученій на его челѣ и щекахъ, отеръ, какъ губкою, лапою. А святый Аникита громко взывалъ:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе, что Ты избавилъ меня отъ зубовъ этого звѣря! Молю Тебя, Владыко, и въ предлежащемъ мнѣ подвигѣ простри Свою десницу въ помощь рабу Твоему, чтобы я могъ побѣдить ярость мучителя и удостоиться отъ Тебя мученическаго вѣнца.

Послѣ этой молитвы святаго началось землетрясеніе, причемъ капище Геркулеса вмѣстѣ съ его идоломъ и часть городской стѣны

обвалились, и многіе изъ язычниковъ погибли подъ ихъ развалинами. Тогда Діоклетіанъ приказалъ отсѣчь мечомъ главу святаго мученика, но когда воинъ поднялъ мечъ, чтобы исполнить повелѣніе царя, тотчасъ руки его ослабѣли, а самъ онъ упалъ на землю и былъ недвижимъ, точно безчувственный. Видя это, Діоклетіанъ приказалъ привязать святаго Аникиту къ колесу, находящемуся среди острыхъ желѣзныхъ прутьевъ, подложить огонь и вращать колесо: онъ желалъ, чтобы святый мученикъ умеръ, разрѣзаемый на части желѣзомъ и обжигаемый огнемъ. Но святый Аникита, привязанный къ колесу, такъ молился:

«Господи Іисусе Христе, ради предстоящихъ освободи меня отъ мученій, чтобы смотрящіе на меня, видя твою скорую помощь, могли мужественно стать противъ мучителя и принять отъ Тебя мученическій вѣнецъ».

И тотчасъ узы святаго Аникиты развязались; колесо остановилось, и огонь погасъ. Тогда мучитель велѣлъ наполнить котелъ оловомъ, расплавить послѣдній и бросить туда святаго мученика. Всѣ видѣли Ангела Господня, который вмѣстѣ со святымъ Аникитою входилъ въ котелъ, и едва только мученикъ прикоснулся къ котлу, олово остыло и сдѣлалось, какъ ледъ.

Сродникъ святаго Аникиты, по имени Фотій, видя его подвиги и силу Христа, сохраняющаго раба Своего, отложилъ всякую боязнь; выйдя изъ среды народа на самое мѣсто казни, онъ подошелъ къ святому мученику и съ любовію обнялъ его и поцѣловалъ, называя отцомъ и ходатаемъ своего спасенія; этимъ поступкомъ Фотій ясно показалъ, что онъ готовъ претерпѣть за Христа какія угодно мученія. Обратившись затѣмъ къ царю, Фотій сказалъ:

— Постыдись, идолопоклонникъ! Боги твои — ничто.

Тогда Діоклетіанъ съ гнѣвомъ вскричалъ воинамъ:

— Убейте его мечомъ!

Но когда одинъ изъ воиновъ поднялъ обнаженный мечъ, чтобы имъ ударить мученика, силою Божіею руки его обратились на себя самого, такъ что, ударивъ себя по колѣнамъ, онъ упалъ на землю и умеръ. Послѣ этого святаго Аникиту и Фотія заковали въ желѣзныя цѣпи и обоихъ вмѣстѣ бросили въ тюрьму. Спустя три дня, Діоклетіанъ призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ:

— Если послушаетесь меня и принесете жертву богамъ, то я возвеличу васъ и обогащу.

— Честь твоя и богатство твое,—отвѣчали святые,—пусть останутся съ тобою на твою погибель.

Въ ярости мучитель приказалъ сначала повѣсить ихъ на дыбѣ и строгать тѣло желѣзными когтями, опаляя огнемъ раны, а потомъ—бить камнями. Но всѣ эти муки святые переносили съ радостію и благодарили Бога, такъ какъ не чувствовали никакой боли: Господь ради славы Своего Святаго Имени соблюдалъ ихъ невредимыми. Затѣмъ они были привязаны за ноги къ дикимъ конямъ, которые и влачили ихъ. Но и такимъ мученіемъ Діоклетіанъ ничего не достигъ: Господь опять сохранилъ ихъ безъ вреда,—святые мученики, будучи влачимы, точно находясь въ колесницѣ, славили непобѣдимую силу Господню и укрѣпляли другъ друга; дикіе же кони внезапно остановились; ноги святыхъ освободились отъ привязи, и они встали совершенно здоровыми. Мучитель опять приказалъ подвергнуть ихъ жестокому біенію, поливая раны уксусомъ, смѣшаннымъ съ солью; потомъ они опять были ввергнуты въ темницу, гдѣ провели три года. Затѣмъ святые были выведены для новыхъ мученій. По приказанію Діоклетіана, три дня разжигали народную каменную баню, въ которую потомъ затворили святыхъ мучениковъ. Но святые Аникита и Фотій помолились Богу: баня разсѣлась, забилъ ключъ воды, доставлявшій имъ прохладу. Когда сторожа на третій день открыли баню, то увидѣли, что святые ходятъ въ ней невредимы, воспѣвая хвалу Богу; объ этомъ было доложено царю. Послѣдній, какъ бы не вѣря извѣстію, пошелъ самъ убѣдиться въ его справедливости. Святые, увидѣвъ царя, сказали ему:

— Вотъ, мы, мучитель, во всѣхъ мукахъ явились побѣдителями, а ты побѣжденъ и посрамленъ.

Царь возвратился домой со стыдомъ; онъ приказалъ взять мучениковъ и держать въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока придумаетъ, какъ ихъ погубить. По его приказанію была устроена громадная печь, укрѣпленная на четырехъ желѣзныхъ столбахъ; въ ней могло помѣститься множество людей. Какъ нѣкогда Навуходоносоръ[1]), онъ приказалъ раскалить эту печь, намѣреваясь сжечь въ ней не только двухъ святыхъ мучениковъ, но и всѣхъ христіанъ, какихъ только найдетъ. Христіане же, не ожидая, когда язычники станутъ ввергать ихъ въ печь, сами вмѣстѣ съ женами и дѣтьми направились къ ней, восклицая:

— Мы — христіане и почитаемъ Единаго Бога!

---

[1]) Кн. Прор. Дан., 3.

Сначала въ печь вошли святые мученики Аникита и Фотій, а за ними—и все множество собравшихся христіанъ съ молитвою и воздѣтыми къ Небу руками направилось въ огонь. Изъ пламени христіане взывали:

— Благодаримъ Тебя, Отче и Боже всесильный, что Ты вѣрою въ Единороднаго Твоего Сына и Господа нашего Іисуса Христа собралъ насъ для мученическаго вѣнца; молимся Тебѣ, Милосердый, простри съ высоты руки Твои и пріими души наши въ вѣчный покой, который Ты уготовалъ Твоимъ исповѣдникамъ.

Во время этой молитвы они почили о Господѣ. Святые же Аникита и Фотій пробыли живыми въ печи той въ теченіе трехъ часовъ, а затѣмъ, помолившись, предали души свои въ руки Божіи. Когда слуги извлекли желѣзомъ тѣла святыхъ Аникиты и Фотія, то увидѣли, что они настолько не пострадали отъ огня, что даже волоса были цѣлы[1]). И многіе изъ язычниковъ увѣровали во Христа Бога нашего, Ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

АЛЕКСАНДРА,

епископа Команскаго

Въ городѣ Команѣ[2]), близъ Неокесаріи, епископомъ которой въ описываемое время былъ святый Григорій Чудотворецъ[3]), жилъ въ добровольной бѣдности одинъ мужъ, по имени Александръ; его богоугодная жизнь была сокрыта отъ людскихъ взоровъ и извѣстна одному только Богу. Святый Александръ, будучи прекрасно образованнымъ человѣкомъ, могъ бы пріобрѣсть значительныя богатства и пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, но онъ избралъ ради Бога добровольную нищету. Презирая міръ, онъ ни во что не ставилъ свои знанія и выдавалъ себя за человѣка некнижнаго, невѣжественнаго, исполняя слово Апостола: «Если кто изъ васъ думаетъ

1) Поминаемые здѣсь мученики пострадали въ 305 или 306 году.

2) —находившемся въ Понтѣ Полемоніакскомъ при р. Ирисѣ.

3) Память его — 17 ноября.

быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобъ быть мудрымъ»[1]). Желая кормиться трудами своихъ рукъ, блаженный Александръ въ крайнемъ смиреніи избралъ для этого едва ли не послѣдній родъ службы: онъ началъ дѣлать уголья и продавать ихъ, снискивая этимъ дневное пропитаніе. Черезъ это святый Александръ сталъ предметомъ шутокъ и забавы для дѣтей: отъ работы лице и одежда его пропитывались угольной пылью, и когда онъ въ такомъ видѣ являлся на рынокъ, то походилъ на эѳіопа; во всемъ городѣ святый Александръ былъ извѣстенъ какъ угольщикъ. Но Господь, живущій на высокихъ, призирающій на смиренныхъ и возносящій ихъ, благоволилъ еще во время здѣшней, земной жизни прославить смиреннаго раба Своего Александра и даровать въ немъ Церкви Своей столпъ и украшеніе; для этого Онъ удостоилъ его епископской степени. Умеръ епископъ Команскій, и жители города отправили въ Неокесарію къ святому Григорію Чудотворцу посольство съ просьбой, чтобы онъ пришелъ къ нимъ и поставилъ епископа. Святый Григорій вскорѣ прибылъ. Когда на соборѣ стали избирать мужа, достойнаго занять святительскій престолъ, начались разногласія: одни избирали лицъ благороднаго происхожденія, другіе—богатыхъ, третьи—краснорѣчивыхъ, четвертые—почтенныхъ видомъ и возрастомъ. И всѣхъ этихъ избранниковъ приводили къ святому Григорію Чудотворцу—какъ людей достойныхъ похвалы и епископства. Святый Григорій Чудотворецъ не спѣшилъ, однако, съ избраніемъ и посвященіемъ епископа, ожидая, когда Самъ Господь явитъ достойнаго. Онъ обратился къ Собору и напомнилъ ему, какъ избралъ Богъ Давида,

Сщ҃енномч҃нкъ
а҆лєза́ндръ

[1]) 1 Посл. къ Кор., гл. 3, ст. 18.

чтобы послѣдній царствовалъ надъ Израилемъ: когда Іессей привелъ старшаго сына своего Еліава къ святому Самуилу, то пророкъ спросилъ Господа, что не сей ли предназначается въ помазанника Его? Но Господь сказалъ Самуилу: «Не смотри на видъ его и на высоту роста его»[1]). И намъ должно,—говорилъ святый Григорій,—избирать пастыря для этого города, не судя по внѣшности, но слѣдуетъ искать уготованнаго Богомъ: ибо человѣкъ смотритъ на лице, а Богъ — на сердце, и мѣрою достоинства служитъ не внѣшній видъ, а внутренняя настроенность сердечная, извѣстная только Господу. Эти слова святаго Григорія нѣкоторымъ были непріятны, и они съ усмѣшкой говорили между собою: если смотрѣть не на внѣшній видъ и благородство происхожденія, то и Александръ-угольщикъ можетъ быть избранъ и поставленъ епископомъ. Напоминаніе объ угольщикѣ возбудило смѣхъ и въ другихъ, присутствовавшихъ на Соборѣ; святый же Григорій по нѣкоторомъ размышленіи сказалъ: «Не безъ дѣйствія Божія Промысла упоминается этотъ человѣкъ, сдѣлавшійся сейчасъ предметомъ посмѣянія». И началъ спрашивать: «Кто этотъ Александръ, о которомъ вы вспоминаете? Я хочу видѣть его». Святый Александръ стоялъ въ это время у зданія, гдѣ былъ Соборъ, и держалъ муловъ, принадлежавшихъ прибывшимъ на избраніе; нѣкоторые вышли и привели святаго Александра на Соборъ. Когда онъ всталъ среди собранія, всѣ начали смотрѣть на него и смѣяться, потому что отъ угля какъ онъ самъ, такъ и бѣдное рубище его были черны. Во время всеобщаго смѣха онъ стоялъ съ почтеніемъ предъ святителемъ, углубившись въ себя и не обращая вниманія на смѣявшихся. Святый же Григорій Чудотворецъ, обладавшій даромъ прозрѣнія, позналъ обитавшую въ блаженномъ Александрѣ благодать Божію, дѣлавшую его достойнымъ избранія на святительскій престолъ. Вставъ со своего мѣста, онъ уединился съ святымъ Александромъ и сталъ спрашивать его, заклиная Именемъ Божіимъ говорить правду: «кто онъ?» Святый Александръ, хотя и желалъ скрыть себя, но, не будучи въ состояніи сказать неправду предъ столь уважаемымъ святителемъ и къ тому же боясь клятвы, разсказалъ все о своей жизни: какъ онъ, человѣкъ многосвѣдущій, для Бога такъ смирилъ себя и облекъ себя добровольною нищетою. Изъ бесѣды съ нимъ святый Григорій убѣдился,

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 16, ст. 6—7.

что онъ отлично знаетъ не только науки, но и Священное Писаніе. Послѣ этого святитель приказалъ своимъ приближеннымъ отвести къ нему святаго Александра и тамъ его вымыть, одѣть прилично и привести снова на Соборъ. А самъ, снова сѣвъ на свое мѣсто, велъ въ это время боговдохновенную бесѣду. Спустя немного времени на Соборъ былъ введенъ святый Александръ, омытый, въ свѣтлой одеждѣ и чрезвычайно благолѣпный лицемъ; всѣ, видѣвшіе раньше святаго мужа, узнавъ его, не могли удержаться отъ изумленія. А святый Григорій началъ съ нимъ бесѣдовать, предлагая ему вопросы изъ Священнаго Писанія. Святый Александръ отвѣчалъ такъ благоразумно, что присутствовавшіе не могли не признать его за человѣка ученаго и разумнаго, при чемъ еще болѣе удивлялись: зачѣмъ мужъ такихъ познаній скрывалъ свою мудрость, живя среди нихъ какъ послѣдній невѣжда? Въ то же время они укоряли себя, что столь мудраго человѣка, смирившаго себя ради Бога, осмѣивали, почитая за безумнаго. Тогда всѣ, бывшіе на Соборѣ, съ радостію и единогласно избрали святаго Александра въ епископа, въ исполненіе словъ Господнихъ, говорящихъ въ Писаніи: «Человѣкъ смотритъ на лице, а Господь смотритъ на сердце»[1]). Святый Григорій, возводя святаго Александра по степенямъ іерархическимъ, сначала посвятилъ его въ іереи, а потомъ въ епископа. Послѣ посвященія въ епископа онъ велѣлъ святому Александру сказать народу назидательное слово. Когда святый говорилъ поученіе, то изъ устъ его благодать Духа Святаго истекала точно рѣка, приводя сердца въ умиленіе; и весь городъ радовался и славилъ Бога, имѣя такого учительнаго пастыря. Святый Григорій удалился въ Неокесарію, а святый Александръ пасъ въ Команахъ стадо Христово, для вѣрующихъ являя примѣръ словомъ и жизнію. При этомъ святителѣ случилось одному молодому философу изъ Аттики быть въ Команахъ; слушая поученія святителя народу, онъ смѣялся надъ простотою его рѣчи, лишенной ораторскихъ украшеній; но святый Александръ въ своихъ поученіяхъ заботился не о красотѣ слова, а объ его назидательности, и ради простоты слушающихъ слово его отличалось простотою, будучи въ то же время очень душеспасительно. Но вотъ однажды помянутому аттическому философу было такое видѣніе: предъ нимъ появилась стая очень кра-

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 16, ст. 7.

сивыхъ бѣлыхъ голубей, испускавшихъ сіяющій блескъ, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: «Крылья покрыты серебромъ, а перья—чистымъ золотомъ»[1]), и при этомъ былъ Голосъ:

— Это—слова Александра епископа, надъ которыми ты смѣялся.

Очнувшись отъ видѣнія, философъ устыдился своего поступка и, отправившись къ епископу, просилъ у него прощенія.

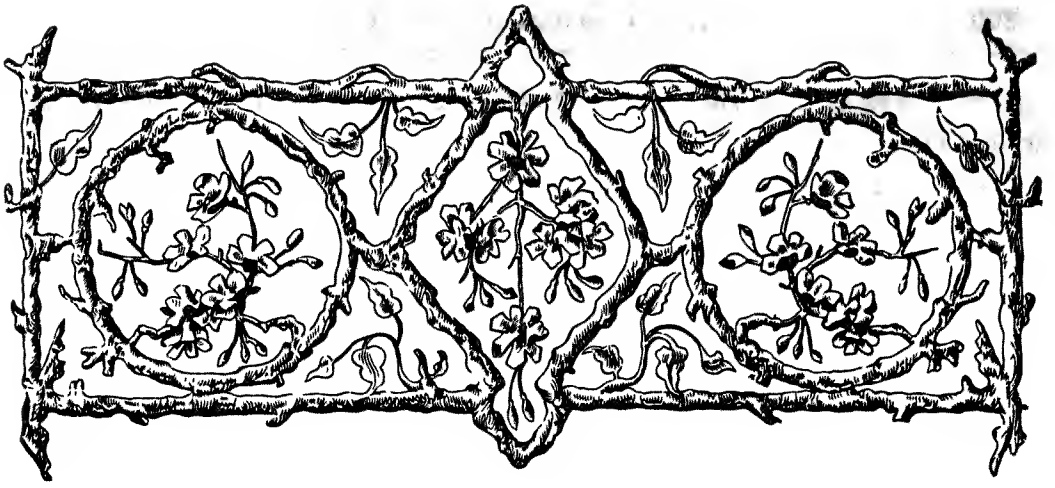
Вскорѣ въ царствованіе Діоклетіана[2]) поднялось на христіанъ гоненіе, и святый Александръ, епископъ Команскій, былъ схваченъ нечестивыми язычниками; принуждаемый къ идолопоклонству, онъ не отвергся Христа, за что́, послѣ мученій, и былъ ввергнутъ въ огонь, гдѣ святый епископъ и пріялъ кончину за Христа Бога нашего.

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ Памфила и Капитона.**

---

1) Пс. 67, ст. 14.

2) —императоръ въ 284 и 305 г.



День тринадцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ИППОЛИТА

По мученической кончинѣ святаго архидіакона Лаврентія[1]), блаженный Ипполитъ, военачальникъ и блюститель тюремный, съ честію предалъ погребенію многострадальные останки мученика, который былъ сначала для него узникомъ, а потомъ сдѣлался учителемъ; домой блаженный Ипполитъ возвратился лишь на третій день послѣ погребенія. Всѣ домашніе его,—числомъ девятнадцать человѣкъ обоего пола,—были христіане: они были наставлены въ истинахъ христіанской вѣры и затѣмъ крещены святымъ Лаврентіемъ. Вмѣстѣ со всѣми домочадцами блаженный Ипполитъ послѣ общей домашней молитвы пріобщился Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, а потомъ, по принятіи духовной пищи, была предложена трапеза для подкрѣпленія тѣла. Но прежде, чѣмъ приступили къ ней, пришли воины и, взявъ блаженнаго Ипполита, повели его къ царю Декію[2]). Увидѣвъ его, царь засмѣялся и сказалъ:

---

[1]) См. житіе его подъ десятымъ числомъ настоящаго мѣсяца.

[2]) —императоръ въ 249—251 гг.

— Неужели и ты сталъ волхвомъ, потому что ты укралъ тѣло Лаврентія?

— Я не волхвъ, но христіанинъ,— отвѣчалъ блаженный Ипполитъ.

Тогда разгнѣванный царь приказалъ бить его по устамъ камнями, а затѣмъ—снять съ него одежду, составлявшую обычное одѣяніе христіанъ.

— Ты не обнажилъ меня, но облекаешь въ болѣе цѣнную одежду,—сказалъ на это блаженный Ипполитъ.

— Развѣ ты болѣе уже не чтишь боговъ, если такъ безумствуешь и не стыдишься своей наготы?—спросилъ царь.

— Я мудръ и не нагъ,—возразилъ блаженный Ипполитъ,—ибо облекся во Христа; я тогда былъ безуменъ, когда подобно тебѣ служилъ бѣсамъ, и тогда былъ нагъ, когда не имѣлъ благодати Христовой, а теперь я—христіанинъ.

— Принеси жертву богамъ,—предложилъ царь,—чтобы тебѣ, подобно Лаврентію, не погибнуть отъ мукъ.

— О, если бы я удостоился участи святаго Лаврентія, имя котораго ты, окаянный, своими скверными устами и произноситьто не долженъ!—воскликнулъ блаженный Ипполитъ.

Царь велѣлъ протянуть его на землѣ и бить безъ жалости палками; святый же мученикъ въ это время громко взывалъ:

— Я—христіанинъ!

Тогда мучитель приказалъ прекратить побои, поднять блаженнаго Ипполита съ земли и одѣть въ обычную воинскую одежду; при этомъ онъ сказалъ, обращаясь къ святому мученику:

— Вспомни о своемъ воинскомъ санѣ и будь по-прежнему намъ другомъ, по-прежнему вмѣстѣ съ нами принося жертвы.

— Я—воинъ Христа, моего Спасителя и за Него желаю умереть,—отвѣчалъ блаженный.

Декій послѣ этого сказалъ епарху Валеріану:

— Возьми все имѣніе его, а его самого замучь до смерти.

Въ тотъ же день посланные Валеріана разграбили имѣніе блаженнаго Ипполита; узнавъ, что въ домѣ Ипполита найдены вѣрующіе во Христа, Валеріанъ велѣлъ ихъ привести къ себѣ; среди приведенныхъ находилась и кормилица Ипполита, по имени Конкордія. Взглянувъ на нихъ, Валеріанъ сказалъ:

— Пожалѣйте свою жизнь, чтобы не погибнуть вмѣстѣ со своимъ господиномъ Ипполитомъ.

— Мы желаемъ лучше, — отвѣчала Конкордія,—съ честью умереть за вѣру Христову вмѣстѣ съ нашимъ господиномъ, чѣмъ, утративъ ее, жить среди васъ, нечестивцевъ.

— Порода рабовъ не иначе, какъ только ранами можетъ быть исправлена,— сказалъ Валеріанъ и приказалъ бить Конкордію оловянными прутьями; во время побоевъ святая мученица предала духъ свой Господу. Здѣсь находился подъ карауломъ воиновъ и блаженный Ипполитъ: увидавъ мученическую кончину своей кормилицы, онъ съ радостію воскликнулъ:

— Благодарю Тебя, Господи, что питавшую меня предпослалъ въ Твое Царствіе къ святымъ Твоимъ!

Епархъ сказалъ:

— Ты все еще надѣешься на волшебную хитрость,—не почитаешь боговъ и не повинуешься повелѣнію царя?

И, разгнѣвавшись, Валеріанъ приказалъ всѣхъ вмѣстѣ съ Ипполитомъ вывести черезъ Тивуртинскія ворота за городъ и тамъ предать смерти. Святый Ипполитъ ободрялъ ихъ во время пути:

Ст҃ый мч҃никъ
Іппол҃итъ

— Не бойтесь, — и я, и вы имѣемъ надъ собою одного Владыку.

Когда пришли на мѣсто казни, то всѣ были усѣчены воинами на глазахъ блаженнаго Ипполита. Всѣхъ пріявшихъ эту мученическую кончину,—разнаго пола и возраста, — было восемнадцать человѣкъ, не считая святую Конкордію, убитую въ городѣ. Самого же святаго Ипполита, по приказанію епарха, привязали къ дикимъ конямъ и влачили по каменистымъ мѣстамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не отошелъ ко Господу. Святый мученикъ Ипполитъ вмѣстѣ съ домочадцами своими пострадалъ за Христа въ тринадцатый день августа мѣсяца и въ третій день по мученической кончинѣ святаго Лаврентія.

При наступленіи ночи къ мѣсту казни пришелъ съ вѣрующими святый Іустинъ пресвитеръ и, собравъ тѣла святыхъ мучениковъ, предалъ ихъ тамъ же погребенію. Тѣла же святой Конкордіи, несмотря на самыя тщательные поиски въ городѣ, никакъ не могли найти; это такъ сильно опечалило святаго Іустина, что онъ заплакалъ. Честное же тѣло святой Конкордіи было, по приказанію мучителя, брошено въ нечистое мѣсто. Одинъ христіанинъ, по имени Ириней, узналъ объ этомъ отъ одного воина, уже спустя три недѣли со дня смерти блаженнаго Ипполита. Взявъ съ собою другого христіанина—Авундія, онъ извлекъ ночью тѣло святой мученицы, нисколько не пострадавшее отъ нечистотъ, и принесъ его къ пресвитеру Іустину. Пресвитеръ былъ очень радъ и похоронилъ честные останки рядомъ съ тѣломъ святаго Ипполита и прочими мучениками. Наутро это стало извѣстно Валеріану; онъ приказалъ схватить Иринея и Авундія и, бросивъ туда, откуда они извлекли тѣло святой Конкордіи, потопить ихъ живыми въ нечистотахъ. И оба святые умерли тамъ въ двадцать шестой день августа мѣсяца. Святый Іуліанъ извлекъ тѣла ихъ ночью и предалъ погребенію при мощахъ святаго Лаврентія, славя Христа Бога, славимаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки[1]). Аминь.

Въ тотъ же день **перенесеніе** честныхъ мощей **преподобнаго отца нашего Максима** исповѣдника, воспоминаемаго въ 21 день января.

Въ тотъ же день **обрѣтеніе** мощей **блаженнаго Максима Московскаго,** Христа ради юродиваго.

Въ тотъ же день **преставленіе** (въ 1783 г.) и **открытіе** (въ 1861 г.) мощей **святаго отца нашего Тихона, епископа Воронежскаго, Задонскаго** чудотворца.

---

[1]) Св. мученикъ Ипполитъ и святая мученица Конкордія пострадали въ 258 г. 13 августа.

День четырнадцатый

О СОЗДАНІИ ЦЕРКВИ ЧЕСТНАГО УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ въ Кіево-Печерской обители

Никто не долженъ сомнѣваться, что въ великой и первой на Руси Лаврѣ [1]) преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ прекрасная, по великолѣпію подобная Небу, каменная церковь Пресвятой Богородицы создана, украшена и освящена по Волѣ и Промышленію Господа и молитвенному ходатайству Его Пречистой Матери. Вмѣстѣ съ блаженнымъ епископомъ Симономъ [2]) скажемъ прежде всего о самомъ началѣ ея созиданія, сопровождавшемся чудесами.

---

[1]) *Лавра* —съ греч. часть города, переулокъ—собственно рядъ келлій, расположенныхъ вокругъ жилища настоятеля въ видѣ переулковъ въ городѣ и обнесенныхъ оградой или стѣной. Иноки въ лаврахъ вели отшельническій образъ жизни и подвизались каждый въ своей кельѣ, собираясь вмѣстѣ для Богослуженія въ первый и послѣдній день недѣли, а въ остальные дни сохраняя безмолвіе; жизнь въ лаврахъ была много труднѣе, чѣмъ въ другихъ обителяхъ. Съ глубокой древности названіе Лавры примѣняется къ многолюднымъ и важнымъ по своему значенію монастырямъ. Впервые появилось оно въ Египтѣ и затѣмъ въ Палестинѣ. Въ настоящее время имя Лавры употребляется у насъ исключительно въ смыслѣ почетнаго названія.

[2]) *Симонъ* —постриженникъ Кіево-Печерскаго монастыря. Отсюда онъ взятъ былъ Великимъ Княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены основаннаго имъ во Владимірѣ Рождественскаго монастыря; затѣмъ Симонъ былъ поставленъ первымъ епископомъ Вла-

Въ землѣ варяжской былъ князь Африканъ, братъ Якуна слѣпаго,—того самаго, который, сражаясь со своимъ полкомъ за Ярослава съ лютымъ братомъ его Мстиславомъ, отказался надѣть тканую золотомъ одежду. У Африкана было два сына, Фріандъ и Шимонъ. По смерти Африкана Якунъ обоихъ сыновей его выгналъ изъ ихъ собственныхъ областей. Шимонъ пришелъ въ Россію къ благовѣрному князю Ярославу, который принялъ его и окружилъ почетомъ; онъ сдѣлалъ его старѣйшимъ бояриномъ у сына своего Всеволода, и дѣйствительно у Всеволода Шимонъ пользовался очень большою властью.

Благодаря слѣдующему обстоятельству Шимонъ имѣлъ очень сильную любовь къ святой Кіево-Печерской обители. Въ княженіе въ Кіевѣ Изяслава Ярославича на русскую землю произвели нападеніе кочевники Половцы[1]); противъ нихъ выступили три князя—Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, при которомъ находился и Шимонъ. Всѣ они пришли къ преподобному Антонію, прося его молитвъ и благословенія на брань. Старецъ, открывъ свои правдивыя уста, ясно предсказалъ имъ погибель. Шимонъ упалъ въ ноги старцу и просилъ, чтобы Господь сохранилъ его отъ такой бѣды. Преподобный отвѣчалъ ему:

— Сынъ мой, многіе изъ васъ падутъ отъ меча, другіе во время бѣгства отъ враговъ будутъ потоптаны, ранены и въ водѣ утонутъ; ты же, спасшись, будешь положенъ здѣсь, въ церкви, которая имѣетъ создаться.

Когда полки обоихъ становъ встрѣтились на рѣкѣ Альтѣ[2]), то христіане, лишенные помощи Божіей, были побѣждены,—князья убѣжали, многіе же воеводы со своими воинами были убиты; посреди нихъ лежалъ и раненый Шимонъ. Взглянувъ вверхъ на небо, онъ увидѣлъ великую церковь, какъ и прежде видѣлъ на морѣ, и вспомнилъ слова Спасителя, нѣкогда сказанныя ему[3]); тогда Шимонъ воскликнулъ:

димірской епархіи, отдѣленной отъ Ростовской въ 1214 г. Симонъ скончался въ 1226 г. послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія. Изъ посланій епископа Владимірскаго Симона къ Поликарпу, тоже постриженнику и впослѣдствіи игумену Кіево-Печерскаго монастыря, и изъ посланія Поликарпа къ Акиндину, печерскому архимандриту, содержаніемъ которыхъ служитъ рядъ сказаній о Кіево-Печерскихъ чудотворцахъ и о чудесахъ, бывшихъ въ самомъ монастырѣ при построеніи его Великой церкви, и составился знаменитый Печерскій Патерикъ (πατερικόν подразумѣвается βιβλιον—отечникъ, отеческая книга, т.е. книга Отцовъ или объ Отцахъ).

[1]) *Половцы,* или *Куманы,*—тюркское кочевое племя, жившее въ X—XIII вв. на Югѣ Кіевской Руси и отсюда дѣлавшее набѣги на пограничные города и селенія Русской земли.

[2]) Это было въ 1066 г. *Альта*—притокъ Трубежа, впадающаго ниже Кіева въ Днѣпръ съ лѣвой, Московской стороны.

[2]) Объясненіе этихъ словъ повѣствованія см. на стр. 205-ой.

— По молитвамъ Пречистой Твоей Матери и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія избавь меня, Господи, отъ этой горькой смерти.

И вдругъ какая-то сила исхитила его изъ среды мертвецовъ, и онъ мгновенно исцѣлился отъ ранъ, снова сдѣлавшись совершенно здоровъ. Возвратившись послѣ этого опять къ преподобному Антонію, Шимонъ все разсказалъ ему, повѣдавъ, кромѣ того, еще слѣдующее:

— Отецъ мой Африканъ сдѣлалъ большой, около десяти локтей, крестъ съ изображеніемъ на немъ подобія Христова; почитая изображеніе Господа, онъ возложилъ на чресла его золотой поясъ вѣсомъ около 50-ти гривенъ [1]), а на главу—вѣнецъ. Когда же дядя мой Якунъ выгналъ меня изъ моей области, я взялъ поясъ и вѣнецъ и услышалъ Голосъ отъ обратившагося ко мнѣ образа Спасова:

— Никогда, человѣче, не возлагай вѣнца сего на свою голову, но неси его на приготовленное для него мѣсто, гдѣ преподобный создастъ церковь Моей Матери; ему и отдай въ руки, чтобы повѣсилъ надъ Моимъ жертвенникомъ.

—Я,—разсказывалъ Шимонъ,—упалъ отъ страха и, оцѣпенѣвъ, лежалъ какъ мертвый, потомъ поднялся, вошелъ на корабль; во время плаванія приключилась сильная буря,—такъ что мы отчаялись остаться въ живыхъ. Тогда я вспомнилъ о поясѣ, о которомъ совершенно забылъ, и началъ громко молиться:

— Господи, прости меня, ибо я умираю сейчасъ за этотъ поясъ, который взялъ у Твоего честнаго образа.

И вдругъ я увидѣлъ церковь вверху и думалъ: какая это церковь? И свыше былъ голосъ:

— (Это та самая церковь), которая будетъ создана преподобнымъ во имя Божіей Матери; она будетъ такъ же величественна и высока, какъ ты сейчасъ видишь; размѣръ ея преподобный произведетъ тѣмъ золотымъ поясомъ—двадцать поясовъ въ ширину, тридцать въ длину и пятьдесятъ въ вышину; въ этой церкви ты будешь положенъ.

Послѣ этого на морѣ настала тишина. Мы же всѣ прославили Бога и очень обрадовались, сознавая, что избавились отъ горькой смерти.

Разсказавъ все это, Шимонъ обратился къ преподобному Антонію:

---

[1]) *Гривна* —старинная монета опредѣленнаго вѣса (72—96 золотниковъ), часто въ видѣ слитка золота или серебра.

— Вотъ, отче, я не зналъ, гдѣ создастся показанная мнѣ церковь, пока не услышалъ отъ тебя, что я буду положенъ здѣсь въ имѣющейся создаться церкви.

И, взявъ золотой поясъ, онъ отдалъ его преподобному Антонію со словами:

— Вотъ мѣра основанія для той церкви,—а отдавая вѣнецъ, сказалъ: — Этотъ вѣнецъ долженъ быть повѣшенъ надъ святымъ жертвенникомъ.

Старецъ, воздавъ хвалу Богу, отвѣчалъ:

— Сынъ мой, отселѣ имя твое будетъ не Шимонъ, а Симонъ.

Святый Антоній, призвавъ блаженнаго Θеодосія, сказалъ:

— Вотъ кто, Симонъ, воздвигнетъ церковь,— и послѣ этого вручилъ преподобному поясъ и вѣнецъ.

Съ этого времени Симонъ проникся сильною любовію ко святому строителю Θеодосію: онъ много давалъ ему изъ своего имѣнія на устроеніе показанной Богомъ церкви и часто приходилъ къ нему. Однажды Симонъ, придя къ блаженному Θеодосію, сказалъ ему послѣ обычной бесѣды:

— Отче, я попрошу у тебя одного только.

— Что можешь,—отвѣчалъ преподобный Θеодосій,—просить ты, сынъ мой, человѣкъ знатный, у нашего смиренія?

— Очень великаго и превышающаго мои силы дара я прошу у тебя,—возразилъ Симонъ.

— Ты знаешь, сынъ мой,—снова отвѣчалъ преподобный Θеодосій,—нашу нищету,—у насъ очень часто не находится и хлѣба для дневного пропитанія; что же такое я имѣю,—не знаю.

Симонъ сказалъ:

— Если хочешь,—можешь даровать мнѣ по данной тебѣ благодати отъ Господа, Который назвалъ тебя преподобнымъ: ибо когда я снималъ вѣнецъ съ главы Христовой, то Господь мнѣ сказалъ: «Неси вѣнецъ на уготованное ему мѣсто и отдай въ руки преподобному, который созиждетъ церковь Моей Матери». Вотъ я и прошу у тебя: дай мнѣ слово, что ты благословишь меня какъ при жизни, такъ и по смерти моей и твоей.

Святый Θеодосій отвѣчалъ:

— О Симонъ, просьба твоя превышаетъ мои силы! Но если ты увидишь мое отшествіе и, по моемъ преставленіи, устроенную здѣсь церковь, въ которой нерушимо блюдутся преданныя ей

уставы, то знай, что я имѣю дерзновеніе къ Богу; теперь же не знаю,—угодна ли молитва моя.

—Твоя праведность,—отвѣчалъ Симонъ,—засвидѣтельствована Самимъ Господомъ: я слышалъ о тебѣ отъ Пречистыхъ Устъ святаго Его образа, поэтому и прошу тебя: какъ о своихъ черноризцахъ, такъ помолись о мнѣ грѣшномъ, о моемъ сынѣ Георгіи и всѣхъ моихъ родственникахъ.

Святый Ѳеодосій, какъ бы давая обѣщаніе, сказалъ:

—Я молюсь не о нихъ только, но и о всѣхъ, любящихъ святое мѣсто сіе.

Тогда Симонъ, павъ на землю, просилъ:

—Отче, я не уйду отсюда, пока не подтвердишь своихъ словъ письмомъ.

Понуждаемый любовью Симона, преподобный Ѳеодосій написалъ слѣдующее:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи и святыхъ Силъ Безплотныхъ» и—прочія слова разрѣшательной молитвы, кончая:

«Да будеши прощенъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, егда пріидетъ Праведный Судія судити живымъ и мертвымъ».

Съ того времени эту молитву стали влагать въ руки умершимъ, какъ это завѣщалъ первый Симонъ относительно себя. При той же молитвѣ преподобный Ѳеодосій написалъ Симону и слѣдующее:

«Помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи си, хотяй воздать каждому по дѣламъ его; тогда, Владыко, сподоби рабовъ Твоихъ, Симона и Георгія, стать одесную Тебя во славѣ Твоей и услышать Твой радостный гласъ: пріиди́те бл҃гослове́нніи ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀, наслѣ́дꙋйте ᲂу҆гото́ванное ва́мъ цр҃твіе ѿ сложе́ніѧ мі́ра»[1]).

Затѣмъ Симонъ снова попросилъ:

— Помолись, отче, чтобы отпустились грѣхи родителей моихъ и сродниковъ.

Преподобный Ѳеодосій, поднявъ руки, сказалъ:

— Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона и узрите благая Іерусалима во всѣ дни жизни вашей, до послѣднихъ вашего рода[2]).

Симонъ принялъ молитву и благословеніе святаго какъ драгоцѣннѣйшій жемчугъ, съ которымъ не желалъ разстаться и во гробъ

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 34.

[2]) Сравн.: Пс. 127, ст. 6.

отходя, что впослѣдствіи и случилось. До сего времени онъ былъ варягъ—латинянинъ, а съ этого, наученный преподобнымъ Θеодосіемъ, оставилъ, по благодати Божіей, латинскія заблужденія и чистосердечно обратился къ Православной вѣрѣ; съ нимъ обратился и весь домъ его, въ которомъ насчитывалось до трехъ тысячъ человѣкъ,—въ числѣ ихъ были и іереи. Все это произошло благодаря чудесамъ преподобныхъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ.— По прошествіи довольно продолжительнаго времени, когда была уже сооружена Кіево-Печерская церковь, въ ней былъ, по откровенію свыше и согласно пророчеству преподобнаго Антонія, положенъ первымъ Симонъ.

Повѣствованіе о достохвальномъ Симонѣ и бывшихъ ему откровеніяхъ Божіихъ ясно показываетъ, что образъ святой Кіево-Печерской церкви прежде построенія ея на землѣ былъ предъизображенъ на Небѣ, такъ что здѣсь исполнились слова Псалмопѣвца: Самъ Вышній основалъ ее[1]). Впослѣдствіи, по ходатайству Царицы Небесной, это обнаружилось еще яснѣе, какъ можно видѣть изъ послѣдующаго.

Прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ Симонъ вручилъ преподобному Антонію поясъ и вѣнецъ, и вотъ однажды къ преподобному Антонію и Θеодосію приходятъ изъ Царьграда четыре церковныхъ мастера—строители каменныхъ церквей, люди весьма богатые:

— Гдѣ вы желаете начать постройку церкви? — спросили они ихъ.

— Гдѣ Господь укажетъ,—отвѣчали преподобные.

— Удивительная вещь,—говорили строители,—вы знаете время своей смерти и въ то же время не можете указать мѣста для церкви, хотя при наймѣ и вручили намъ столь большое количество золота.

Призвавъ всю братію, преподобные начали разспрашивать грековъ:

— Разскажите намъ безъ утайки, о чемъ вы стали говорить.

Строители сказали:

— Однажды, когда мы спали въ нашихъ домахъ, рано утромъ,— только что взошло солнце,—къ каждому изъ насъ приходятъ благообразные юноши и говорятъ:

— Васъ зоветъ во Влахерну[2]) Царица.

---

1) Сравн.: Пс. 86, ст. 5.

2) *Влахерны* — мѣстность въ Царьградѣ.

Мы, взявъ съ собою друзей и родственниковъ, всѣ пришли во Влахерну въ одно и то же время и, разговорившись, узнали, что призваны къ Царицѣ одними и тѣми же посланцами и словами. Тамъ мы увидѣли Царицу, окруженную множествомъ воиновъ; мы поклонились Ей, а Она сказала намъ:

— Я хочу на Руси, въ Кіевѣ, соорудить Себѣ церковь; поэтому повелѣваю вамъ: возьмите на три года золота и отправляйтесь на сооруженіе церкви.

Поклонившись, мы отвѣчали:

— О Владычица—Царица, Ты отсылаешь насъ въ чужую сторону,—къ кому мы тамъ пойдемъ?

— Вотъ сихъ,—сказала Она,—предстоящихъ здѣсь Антонія и Ѳеодосія Я посылаю тоже.

— Къ чему же, Владычица,—вопрошали мы,—даешь намъ на три года золота? Скажи имъ только, чтобы мы могли получать пищу и все необходимое, а Ты Сама знаешь, чѣмъ насъ наградить.

— Антоній,—отвѣчала Царица,—лишь благословитъ васъ на дѣло,—онъ отходитъ на вѣчный покой[1]), туда за нимъ во второе лѣто пойдетъ и Ѳеодосій[2]); берите же какъ можно бо́льше золота и идите, а наградить васъ никто такъ не можетъ, какъ Я: дамъ вамъ, **ꙗ҆́же о҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша**[3]). И Сама Я приду видѣть церковь, въ которой хочу жить.

Послѣ этого Она дала намъ мощи святыхъ мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареѳы, Іакова, Ѳеодора, сказавъ: положите ихъ въ основаніи церковномъ. Мы, взявъ святыя мощи и золота, даже бо́льше необходимаго, спросили Царицу о размѣрахъ церкви:

— Для измѣренія,—отвѣчала Она,—Я послала поясъ Сына Моего, по Его повелѣнію; все-таки выйдите на просторъ и посмотрите размѣры ея.

Мы вышли и на воздухѣ увидѣли церковь. Возвратившись, мы снова поклонились Царицѣ, спрашивая: какое будетъ, Владычица, имя церкви?

— Я хочу ей дать Мое имя,—отвѣчала Она.

Мы не посмѣли спросить Ее о имени Ея, но Царица Сама сказала:

— Церковь будетъ во имя Богородицы,—и дала намъ изъ Своихъ рукъ сію святую икону.

---

[1]) *Преп. Антоній* скончался въ 1073 г.

[2]) *Преп. Ѳеодосій* скончался 3 мая 1074 г. Въ 1073 г. преп. Ѳеодосій заложилъ Великую каменную церковь, но за своею смертью не успѣлъ докончить ея постройку.

[3]) 1 Посл. къ Кор., гл. 2, ст. 9.

Слыша это, всѣ прославили Бога и Его Пречистую Матерь; святый же Антоній сказалъ мастерамъ:

— Мы никогда, чада, не выходили къ вамъ изъ этого мѣста.

Но греки съ клятвою утверждали:

— При многихъ свидѣтеляхъ мы взяли золото Царицыно изъ вашихъ именно рукъ, съ ними вмѣстѣ проводили васъ до корабля и черезъ мѣсяцъ, по вашемъ отплытіи, сами отправились въ путь; теперь уже десятый день, какъ мы покинули Царьградъ.

Святый Антоній отвѣчалъ имъ на это:

— Великой благодати удостоилъ васъ Христосъ, ибо вы являетесь исполнителями Его воли; призывавшіи васъ тѣ благообразные юноши—пресвѣтлые Ангелы, а влахернская Царица есть Сама Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодѣва Марія; стоявшіе же вокругъ Нея воины были безплотныя Ангельскія Силы; принятіе же вами изъ нашихъ именно рукъ золота есть чудо Божіе, которое Господь благоволилъ совершить надъ рабами Своими, Ему одному довѣдомыми путями. Благословенъ вашъ приходъ, и вы себѣ имѣете добрую Сопутницу—сію святую икону Владычицы Богородицы, Которая да да́руетъ вамъ, какъ обѣщала, **ꙗ҆́же о҆́ко не ви́дѣ и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша**; сего никто не можетъ даровать, кромѣ Богородицы и Сына Ея, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Поясъ Его и вѣнецъ принесены сюда изъ земли варяжской; широта, длина и высота пречестно̀й той церкви указаны идущимъ отъ велелѣпной славы съ Небесъ Гласомъ, обращеннымъ къ Симону варягу, который и принесъ намъ поясъ и вѣнецъ.

Греки со страхомъ поклонились святымъ, спрашивая, какъ и прежде:

— Гдѣ мѣсто для построенія церкви?—покажите.

Преподобный Антоній отвѣчалъ:

— Будемъ три дня молиться, и Господь покажетъ его намъ.

И вотъ, по внушенію Божію для изысканія мѣста, гдѣ построить церковь, собралось множество народа, хотя его никто и не звалъ: одни указывали одно мѣсто, другіе другое, но мѣста не находили. Поблизости лежало поле князя, и по строенію Божію, какъ разъ въ это время прилучилось проѣзжать мимо самому князю Святославу; увидѣвъ народъ, онъ спросилъ, что это дѣлается? И когда узналъ, то повернулъ коня и приблизился къ народу; и, точно движимый Богомъ, князь указалъ мѣсто на своемъ полѣ, гдѣ и велѣлъ строить церковь.

Преподобные молились до трехъ дней. И въ первую ночь молитвы преподобному Антонію явился Господь, говоря:

— Антоній! ты обрѣлъ благодать предо Мною.

Преподобный Антоній отвѣчалъ:

— Если я, Господи, обрѣлъ благодать предъ Тобою, то пусть будетъ по всей землѣ роса, а на мѣстѣ, которое Ты благоволишь освятить,—суша.

И утромъ, когда по всей землѣ была роса, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь, нашли сушу. Помолившись въ другую ночь, преподобный Антоній сказалъ:

— Господи, пусть по всей землѣ будетъ суша, а на святомъ мѣстѣ—роса.

И утромъ на святомъ мѣстѣ увидѣли росу въ то время, какъ вся земля была суха[1]). Въ третій день помолились на этомъ мѣстѣ; преподобный Антоній благословилъ его; ширину и длину мѣста размѣрили золотымъ Христовымъ поясомъ, принесеннымъ Симономъ изъ варяжской земли, причемъ руководились той мѣрой, какая была указана Шимону Голосомъ съ Неба, когда онъ находился на морѣ. Затѣмъ преподобный Антоній, поднявъ вверхъ руки, молился громкимъ голосомъ, подобно пророку Иліи въ древности:

— **Послꙋ́шай мене̑, гдⷭ҇и, послꙋ́шай мене̑ (дне́сь) ѻ҆гне́мъ, и҆ да разꙋмѣ́ютъ всѝ лю́дїе сїѝ, ꙗ҆́кѡ ты є҆сѝ хотѧ́й сегѡ̀**[2]).

И тотчасъ съ Неба спалъ огонь: онъ пожегъ хворостъ и тернъ, уничтожилъ росу и по размѣренному мѣсту образовалъ ложбину, подобную рву. Окружавшіе въ это время преподобныхъ отъ страха упали, какъ мертвые.—Такъ, по благодати Божіей и усерднымъ молитвамъ вѣрующихъ во главѣ съ преподобнымъ Антоніемъ, стало извѣстнымъ то мѣсто, которое избралъ Богъ: и еще ранѣе благодать Божія, по молитвамъ преподобнаго Ѳеодосія, какъ повѣствуетъ житіе его, предуказывала на это мѣсто,—то видѣніемъ пламени, склоняющимся сюда дугою отъ прежней церкви, то видѣніемъ Ангеловъ, носящихъ святую икону.

Послѣ чудеснаго указанія мѣста преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ заложена была каменная церковь во имя Пресвятой Богородицы; это было въ 6581 году отъ сотворенія міра и 1073 году отъ Р. Хр. при боголюбивомъ епископѣ Михаилѣ,—митрополитъ Георгій тогда находился въ Греціи,—во дни благовѣрнаго князя

---

1) Сравн.: Кн. Судей, гл. 6, ст. 37—40.

2) Сравн.: Кн. 3 Царствъ, гл. 18, ст. 37.

Святослава Ярославича[1]). Послѣдній своими руками началъ копать ровъ для церковнаго фундамента и далъ 100 гривенъ золота преподобному Θеодосію для болѣе успѣшнаго веденія постройки.

Въ основаніе стѣнъ положили и мощи святыхъ мучениковъ, данные мастерамъ Пресвятой Богородицей во Влахернѣ. По Ея предсказанію преподобный Антоній недолго прожилъ по закладкѣ церкви,—въ тотъ же годъ онъ отошелъ на вѣчный покой. Преподобнаго Θеодосія сильно заботило построеніе церкви, но и онъ вскорѣ, во второй годъ по смерти преподобнаго Антонія, когда фундаментъ былъ уже оконченъ, преставился въ вѣчныя обители. Стройка церкви была приведена къ концу въ третій годъ при блаженномъ Стефанѣ, преемникѣ преподобнаго Θеодосія. Блаженный Стефанъ былъ свидѣтелемъ только что описанныхъ преславныхъ чудесъ: онъ видѣлъ, какъ пришли изъ Царьграда съ иконою Богородицы мастера, слышалъ и ихъ разсказъ о наймѣ ихъ Царицей во Влахернѣ. Въ память этихъ чудесъ онъ устроилъ, уже по выходѣ изъ Кіево-Печерскаго монастыря, церковь на Кловѣ[2]) въ честь Влахернской Божіей Матери. А благовѣрный князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ,—тогда еще отрокъ,—видѣлъ, какъ съ Неба спалъ огонь и выжегъ яму, гдѣ было золотымъ поясомъ размѣрено основаніе для церкви.

Молва о дивныхъ чудесахъ разнеслась по всей землѣ русской: она побудила и князя Всеволода съ сыномъ Владиміромъ пріѣхать изъ Переяславля въ Кіевъ. Владиміръ тогда былъ боленъ; его опоясали помянутымъ золотымъ поясомъ, и онъ, по молитвамъ святыхъ Отцевъ нашихъ Антонія и Θеодосія, тотчасъ выздоровѣлъ. Поэтому Христолюбивый князь Владиміръ взялъ размѣръ, показанный Самимъ Богомъ Кіево-Печерской церкви и въ своемъ княженіи, въ городѣ Ростовѣ, выстроилъ точно такую же церковь по вышинѣ, длинѣ и ширинѣ; при этомъ на особой хартіи онъ описалъ всѣ праздники, установленные въ церкви Кіево-Печерской, для руководства своей церкви. Сынъ же Владиміра, князь Георгій, услышавъ отъ своего отца о чудесныхъ событіяхъ при построеніи Кіево-Печерской церкви, тоже создалъ въ своемъ княженіи, въ городѣ Суздалѣ, церковь такого же размѣра. Но время перейти къ разсказу объ украшеніи Кіево-Печерской церкви святыми иконами.

Спустя десять лѣтъ по пришествіи изъ Царьграда мастеровъ-

---

1) *Святославъ Ярославичъ* —Великій Князь Кіевскій въ 1073—1075 гг.

2) *Кловъ* —урочище близъ Кіева.

строителей оттуда же пришли къ тогдашнему Кіево-Печерскому игумену блаженному Никону и мастера-иконописцы:

— Покажи намъ,—говорили они ему,—нанимавшихъ насъ для иконнаго писанія,—мы хотимъ переговорить съ ними: въ присутствіи многихъ свидѣтелей мы сговорились съ ними украсить иконнымъ письмомъ небольшую церковь; этотъ же храмъ очень великъ; въ противномъ случаѣ возьмите ваше золото, а мы возвратимся въ Константинополь.

Эти слова привели игумена въ недоумѣніе, и онъ сказалъ иконописцамъ:

— Каковы были уговаривавшіеся съ вами?

Иконописцы описали ему ихъ внѣшній видъ и сообщили имена,—одного звали Антоніемъ, другого Ѳеодосіемъ. Тогда игуменъ воскликнулъ:

— О дѣти мои! Намъ невозможно представить вамъ ихъ; уже десять лѣтъ, какъ они отошли ко Господу, гдѣ непрестанно молятся за насъ, охраняя эту церковь, промышляя о своемъ монастырѣ и живущихъ въ немъ.

Слыша отвѣтъ, иконописцы пришли въ ужасъ. Они привели къ игумену многихъ купцовъ, тоже изъ Царьграда, говоря:

— Вотъ, передъ ними мы уговаривались съ тѣми и взяли изъ рукъ ихъ золото; ты же не хочешь намъ показать ихъ. Если они преставились, то покажи намъ ихъ изображеніе, чтобы и эти видѣли,—они ли это.

Тогда игуменъ предъ всѣми вынесъ икону преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія. Увидѣвъ образъ, греки поклонились со словами:

— Поистинѣ это тѣ самые, и вѣруемъ, что они живы и по смерти, и могутъ оказывать милости, и спасать прибѣгающихъ къ нимъ.

А купцы подарили мозаику, которую привезли, было, для продажи: впослѣдствіи ею былъ украшенъ святый олтарь. Затѣмъ иконописцы начали каяться въ своемъ согрѣшеніи и разсказали слѣдующее:

— Когда мы на лодкѣ приплыли въ Кіевъ, то на горѣ увидѣли сію великую церковь и спросили: какая это церковь? Печерская, которую вы призваны украсить, отвѣчали намъ.

Видя величину церкви, мы разгнѣвались и хотѣли плыть обратно. Но ночью случилась ужасная буря, и, вставши утромъ, мы замѣтили, что находимся близъ Триполья, а лодка сама идетъ вверхъ

противъ теченія,—точно ее влечетъ какая-то сила. Мы силою удержали ее и цѣлый день стояли, размышляя, что же будетъ далѣе? Какъ мы въ одну ночь безъ помощи веселъ прошли такой путь, который другіе съ трудомъ совершаютъ и въ три дня? Въ слѣдующую ночь намъ было видѣніе: мы видѣли эту церковь и намѣстную чудотворную икону Божіей Матери, Которая говорила намъ:

— Что вы напрасно мятетесь, не покоряясь волѣ Сына Моего и Моей? Если не будете повиноваться Мнѣ и побѣжите обратно, Я всѣхъ васъ и вашу лодку поставлю близъ Моей церкви: и знайте, что вы не выйдете оттуда, но, постригшись въ Моемъ монастырѣ, тамъ окончите и жизнь вашу. Я же исходатайствую вамъ въ будущемъ вѣкѣ милость ради молитвъ строителей—Антонія и Ѳеодосія.

Вставши утромъ, мы снова хотѣли бѣжать обратно: но хотя и изъ всѣхъ силъ помогали теченію веслами, лодка все-таки шла вверхъ; поэтому мы отказались отъ своего намѣренія, отдавшись волѣ Божіей, и лодка скоро сама пристала близъ монастыря.

Послѣ этого разсказа всѣ—черноризцы и греки, строители и иконописцы—прославили Бога, Его Пречистую Матерь, Ея чудотворную икону и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія.

Затѣмъ иконописцы приступили къ украшенію церкви, въ чемъ Господь содѣйствовалъ имъ своими знаменіями. Когда иконописцы украшали алтарь мозаикой, тогда въ алтарѣ самъ собою изобразился образъ Пресвятой Богородицы; въ это время здѣсь присутствовали всѣ иконописцы, среди нихъ—и преподобный Алипій[1]), учившійся у нихъ и помогавшій имъ. Богу угодно было сдѣлать ихъ свидѣтелями столь дивнаго и ужаснаго чуда: когда они глядѣли на образъ, онъ внезапно засіялъ сильнѣе солнца, такъ что иконописцы не въ состояніи были взирать на него и въ ужасѣ упали ницъ. Немного поднявшись, они хотѣли снова взглянуть на чудесный образъ: и вдругъ изъ устъ Богоматери излетѣлъ бѣлый голубь, который поднялся вверхъ къ образу Спасителя и тамъ скрылся. Находившіеся въ церкви смотрѣли,—не вылетѣлъ ли онъ изъ церкви. И вотъ на глазахъ у всѣхъ голубь снова вылетѣлъ изъ устъ Спасителя и носился по всей церкви: онъ подлеталъ къ образамъ святыхъ, садясь одному на руки, а другому на главу; потомъ, слетѣвъ внизъ, онъ сѣлъ за намѣстною чудотворною иконою пре-

---

[1]) Память его совершается Православною Русскою Церковію 17-го августа.

святой Богородицы; присутствовавшіе въ церкви хотѣли взять голубя: приставили лѣстницу, но голубя не находили ни за иконою, ни за завѣсою; осмотрѣли всюду и не видѣли, куда скрылся голубь. И стояли всѣ, взирая на явившуюся въ алтарѣ икону: и вотъ, опять на глазахъ у нихъ изъ устъ Богоматери вылетѣлъ голубь и поднялся ввысь къ Спасителеву образу. Стоявшіе внизу закричали работавшимъ вверху:

— Возьмите его!

Они протянули за нимъ руки, но голубь опять влетѣлъ въ уста Спасителя. Опять свѣтъ, превышающій солнечный, осіялъ всѣхъ, заставляя закрыть глаза: они же, падши ницъ, поклонились Господу, благодаря Его за то, что Онъ сподобилъ ихъ видѣть дѣйствіе Пресвятаго Духа, пребывающаго въ Кіево-Печерской церкви. Укрѣпляемые чудотвореніями, иконописцы, украшая подобную Небу Кіево-Печерскую церковь, украшали и себя различными добродѣтелями. Поживъ богоугодно въ иноческомъ образѣ, они въ томъ же Кіево-Печерскомъ монастырѣ окончили и дни свои; точно такъ же и мастера-строители; всѣ они положены въ притворѣ въ пещерѣ преподобнаго Антонія, гдѣ и донынѣ лежатъ тѣла ихъ нетлѣнно. Такъ исполнилось предсказаніе, которое слышали блаженные иконописцы отъ пречестной иконы Богородицы, когда явилась имъ Кіево-Печерская церковь въ то время, какъ они пытались возвратиться въ Царьградъ; Она сказала имъ: вы не выйдете оттуда, но, постригшись, тамъ и умрете.

Прилично вспомнить здѣсь и о другомъ удивительномъ чудѣ, явленномъ Богомъ въ то же время отъ пречестной чудотворной иконы Богородицы, находящейся въ Кіево-Печерской каменной церкви Успенія Божіей Матери.

Въ Кіевѣ жили два знатныхъ мужа,—друзья между собою,—Іоаннъ и Сергій: однажды они, придя въ Кіево-Печерскую церковь, увидѣли, что отъ чудотворной иконы Богородицы исходитъ свѣтъ, превышающій солнечный, и предъ нею они подтвердили свое духовное братство клятвою. По прошествіи многихъ лѣтъ Іоаннъ смертельно захворалъ, оставляя послѣ себя пятилѣтняго сына Захарію. Призвавъ Кіево-Печерскаго игумена, блаженнаго Никона, онъ, въ его присутствіи, раздавалъ свое имѣніе нищимъ, а сыновнюю часть—тысячу гривенъ серебра и сто гривенъ золота вручилъ Сергію; ему же онъ поручилъ и сына своего—какъ своему другу и вѣрному брату, завѣщая, чтобы Сергій отдалъ его сыну серебро

и золото, когда тотъ подрастетъ. Сдѣлавъ это распоряженіе, онъ вскорѣ преставился.

Когда Захаріи исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ захотѣлъ взять у Сергія свое серебро и золото. Но Сергій, искушаемый діаволомъ, захотѣлъ для пріобрѣтенія богатства погубить свою жизнь. Онъ отвѣчалъ юношѣ:

— Отецъ твой все имѣніе отдалъ Богу,—у Него и проси золота и серебра; Онъ—твой должникъ и, быть можетъ, сжалится надъ тобою; я же ни отцу твоему, ни тебѣ не долженъ ничего; отецъ твой, по безумію своему, роздалъ все имѣніе свое нищимъ и оставилъ тебя безъ всякихъ средствъ.

Услышавъ это, юноша сталъ оплакивать свою бѣдность. Затѣмъ онъ отправилъ къ Сергію просьбу, говоря:

— Отдай хоть половину изъ моего наслѣдства, оставя себѣ другую, равную, часть.

Но Сергій жестокими словами поносилъ какъ отца Захаріи, такъ и его самого. Захарія потомъ просилъ третью часть или хоть даже десятую; видя же, что ничего нельзя получить, сказалъ Сергію:

— Если ты не бралъ ничего, то приди и поклянись мнѣ предъ чудотворною иконою Пресвятой Богородицы церкви Кіево-Печерской, предъ которою ты заключилъ съ моимъ отцемъ братскій союзъ.

Сергій, не смущаясь, пошелъ въ церковь и, ставъ предъ иконою Пресвятой Богородицы, клялся, что не бралъ ни тысячи гривенъ серебра, ни ста гривенъ золота. Когда же онъ захотѣлъ облобызать икону, то не могъ приблизиться къ ней. И вотъ, выходя изъ церкви, онъ началъ кричать:

— Преподобные Антоній и Ѳеодосій, окажите мнѣ защиту предъ симъ немилостивымъ Ангеломъ, который хочетъ меня погубить; молитесь Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она отогнала отъ меня многихъ бѣсовъ, которымъ я преданъ,—пусть возьмутъ серебро и золото, запечатанное и скрытое у меня въ клѣти.

На всѣхъ напалъ великій ужасъ, и съ этого времени никому не позволяли клясться предъ святой иконой Богоматери. Послали и нашли дѣйствительно запечатанный сосудъ, и въ немъ двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти гривенъ золота. Такъ умножилъ наслѣдіе Господь—отдатель милостивымъ. Захарія всѣ деньги отдалъ игумену Іоанну, чтобы онъ употребилъ ихъ, куда хочетъ; самъ же постригся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и здѣсь окончилъ

свои дни. На это серебро и золото была устроена близъ Кіево-Печерской церкви церковь въ честь святаго Іоанна Предтечи для поминовенія болярина Іоанна и сына его Захаріи, которымъ принадлежало серебро и золото.

Сказавъ о чудесахъ, сопровождавшихъ украшеніе Кіево-Печерской церкви иконнымъ письмомъ, скажемъ, какъ Вышній освятилъ селеніе Своей Матери.

Въ первый годъ игуменства тезоименнаго благодати блаженнаго Іоанна, при митрополитѣ того же имени, чудотворно выстроенная и украшенная Кіево-Печерская церковь была освящена; освященіе ея, по благодати Божіей, сопровождалось такими чудесами.— Когда стали готовиться къ освященію церкви, то увидѣли, что нѣтъ каменной доски для Святаго Престола. Несмотря на всѣ усилія, не могли найти мастера, который бы могъ ее сдѣлать; поэтому принуждены были замѣнить каменную доску деревянной. Но митрополитъ Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы въ столь Великой церкви на Святомъ Престолѣ лежала не каменная, а деревянная доска; это привело игумена и братію въ сильную печаль, такъ какъ освященіе церкви нужно было отложить на нѣкоторое время. 13 августа иноки, по обычаю, пошли въ церковь для совершенія Вечерни и вдругъ увидѣли, что у алтарной преграды находится каменная доска и столпцы для устроенія Святаго Престола; объ этомъ сейчасъ дали знать митрополиту; послѣдній воздалъ хвалу Богу и приказалъ совершать Вечерню на освященіе. Долго и старательно искали, откуда и кѣмъ, по водѣ или посуху привезена была доска,—и какъ она внесена въ церковь, которая не отпиралась; но всѣ усилія были напрасны. Тогда послали туда, гдѣ дѣлаются этого рода вещи, три гривны серебра для уплаты мастеру за сдѣланную имъ каменную доску; но такой мастеръ, хотя его искали всюду, не находился; ибо каменную доску на трапезу въ Домъ Матери Своей даровалъ Самъ Творецъ и Промыслитель всякаго блага; на ней именно Онъ желалъ во всѣ дни за весь міръ бысть закалаемъ. Но это не конецъ чудесамъ. На другой день утромъ, по чудотворномъ обрѣтеніи помянутой доски, митрополитъ Іоаннъ былъ сильно опечаленъ, что настало время освященію Кіево-Печерской церкви и при немъ нѣтъ ни одного епископа, ибо каѳедры ихъ были на далекомъ разстояніи отъ Кіева. И вдругъ неожиданно явились боголюбивые епископы: Черниговскій Іоаннъ, Ростовскій Исаія, Юрьевскій Антоній, Бѣлогородскій Лука, хотя ихъ никто

и не звалъ; такимъ образомъ желаніе митрополита совершить освященіе церкви вмѣстѣ съ епископами исполнилось. Митрополитъ чрезвычайно удивился, такъ какъ никого не посылалъ за епископами, и спросилъ ихъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда, когда васъ не звали?

Епископы отвѣчали:

— Тобой, Владыко, были присланы къ намъ юноши, которые передали намъ, что 14-го августа будетъ освящаться Кіево-Печерская церковь и чтобы мы были готовы къ совершенію вмѣстѣ съ тобою Литургіи. И вотъ, мы, по слову твоему, здѣсь.

Антоній же Юрьевскій добавилъ:

— Я былъ боленъ, и въ эту ночь ко мнѣ вошелъ черноризецъ, говоря: завтра освящается Кіево-Печерская церковь,—ты долженъ быть тамъ; какъ только я услышалъ, сдѣлался здоровъ и, вотъ, по твоему повелѣнію — здѣсь.

Митрополитъ намѣревался разыскать людей, звавшихъ ихъ, но вдругъ раздался Голосъ:

— **Ѝсчезо́ша и҆спыта́ющїи и҆спыта̑нїѧ**[1]).

Тогда онъ простеръ къ Небу руки, говоря:

— О Пресвятая Госпоже Богородице! какъ при Своемъ преставленіи собрала Ты отъ концевъ вселенной Апостоловъ для бо́льшей славы Твоего погребенія, такъ и теперь на освященіе Своей церкви собрала нашихъ сослужителей и намѣстниковъ, благослови насъ на сіе дѣло и ради славы Сына Твоего и Своей помоги намъ.

Всѣ были въ ужасѣ отъ такихъ чудесъ, которымъ, впрочемъ, еще не конецъ.

Когда при освященіи, обошедши три раза церковь, приблизились къ дверямъ ея и начали пѣть: «возьмите врата князи ваша», то никто изъ церкви въ отвѣтъ на это не запѣлъ: «кто есть сей Царь славы?»—такъ какъ въ церкви никого не оставили. Но послѣ продолжительнаго молчанія вдругъ извнутри церкви раздалось пѣніе, подобное ангельскому: «кто есть сей Царь славы?» Стали доискиваться, что это за пѣвцы, откуда они и какъ могли войти въ церковь, когда двери ея были закрыты; но въ церкви не нашли ни одного человѣка. И для всѣхъ стало очевидно, что все это творится Промысломъ Божіимъ; и всѣ, вспоминая чудеса при созданіи Кіево-Печерской церкви, восклицали съ Апостоломъ:

---

1) Пс. 63, ст. 7.

— ѿ глꙋбина̀ бога̀тства и҆ премꙋдрости и҆ ра̀зꙋма бж҃їѧ! ꙗ҆́кѡ неиспы́тани сꙋдове є҆гѡ̀, и҆ неизслѣ́довани пꙋтїѐ є҆гѡ̀. Кто́ бо разꙋмѣ̀ ᲂу҆́мъ гдⷭ҇нь? и҆лѝ кто̀ совѣ́тникъ є҆мꙋ̀ бы́сть? [1]).

Такъ совершилось освященіе Кіево-Печерской церкви въ 6597 году отъ сотворенія міра, а отъ Р. Хр. въ 1089 году, во дни благовѣрнаго князя Кіевскаго Всеволода Ярославича, при чудотворномъ содѣйствіи, по молитвамъ Пречистой Своей Матери и преподобныхъ отцевъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія, Самого Господа.

Дѣйствительно полно чудесъ, братіе, повѣствованіе о Кіево-Печерской церкви, которую Господь показалъ въ явленіи прежде ея созданія и которой изъ земли варяжской прислалъ отъ Своего честнàго образа вѣнецъ и поясъ, а въ землѣ Греческой подобіе церкви показала Сама Пресвятая Богородица, приславшая свою икону и мощи святыхъ мучениковъ. Въ исторіи ея созданія, которая распадается на три части—исторію построенія зданія церковнаго, его украшенія и освященія,—проявилось дѣйствіе Святой Троицы. Самъ Богъ-Отецъ, Ветхій деньми, назнаменалъ мѣсто, гдѣ должна быть выстроена церковь, сушею, которая есть знакъ ветхости или старости; Сынъ, и҆́же сни́де ꙗ҆́кѡ росà на рꙋно̀, ниспослалъ росу, а Духъ Святый, сошедшій въ огненныхъ языкахъ, сниспослалъ съ Неба огонь. Также и при украшеніи церкви Отецъ, создавшій по своему образу человѣка, изобразилъ безъ рукъ человѣка-иконописца во олтарѣ мозаикою образъ Пресвятой Богородицы, Сынъ—солнце правды наполнилъ тогда церковь сіяніемъ, Духъ Святый, явившійся въ видѣ голубя, явилъ видѣніе голубя, излетѣвшаго изъ устъ образа. Наконецъ, во время освященія Отецъ, нѣкогда даровавшій Законъ на каменныхъ скрижаляхъ, даровалъ камень для Святаго Престола; Сынъ, архіерей сѣдшій превыше Небесъ, собралъ чудеснымъ образомъ архіереевъ; Духъ Святый—языкъ, вѣщавшій во всю землю изъ середины церкви, когда тамъ никого изъ людей не было, издалъ отвѣтъ. Если же Богъ, поклоняемый въ Троицѣ, съ такими чудесными знаменіями благоволилъ соорудить Себѣ пречестную Кіево-Печерскую церковь во имя любимой Имъ Небесной Царицы, то, конечно, Онъ и пребываетъ съ любовью здѣсь; съ Нимъ пребываетъ и стоящая одесную Его Царица, Заступница и прибѣжище всѣхъ христіанъ, Пресвятая Богородица, какъ и Сама Она обѣщалась во Влахернѣ, говоря мастерамъ:

— Я и Сама приду видѣть церковь и хочу жить въ ней.

---

1) Посл. къ Римл., гл. 11, ст. 33—34.

Такъ же и святые Божіи, мощи которыхъ лежатъ подъ церковными стѣнами какъ недвижимое основаніе, неотступно пребываютъ въ Кіево-Печерской церкви. Что скажемъ о ней? Поистинѣ она свята, и дивна, и подобна Небу. Посему намъ дòлжно воздать благодареніе и похвалу отшедшимъ благовѣрнымъ князьямъ, христолюбивымъ боярамъ, честнымъ инокамъ и всѣмъ православнымъ, имѣвшимъ усердіе къ святой Кіево-Печерской церкви. По молитвамъ преподобныхъ отцевъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія, да подастъ благость и милость свою Глава Церкви—Христосъ какъ имъ, такъ и намъ,—чадамъ Церкви Православной; Христу-Богу честь и слава со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ, и благимъ, и Животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕОДОСІЯ,

игумена Кіево-Печерскаго

Въ восемнадцатый годъ съ того времени, какъ преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій перенесенъ былъ душею отъ земли на Небо[1]), Господь благоволилъ, чтобы и тѣло его перенесено было изъ пещеры во святую и подобную Небу Кіево-Печерскую церковь. Послѣднее совершилось такимъ образомъ.

Вся братія святой, великой и чудотворной Кіево-Печерской Лавры, собравшись вмѣстѣ съ руководителемъ своимъ игуменомъ Іоанномъ, единодушно пришли, послѣ совѣщанія, къ рѣшенію перенести изъ пещеры въ Великую каменную церковь честныя мощи блаженнаго и богоноснаго Ѳеодосія, мужа преподобнаго и высокаго по жизни, чуднаго добродѣтелями и славнаго чудесами. Братія говорили между собою:

— Чтò мы напрасно лишаемъ себя отца и учителя своего? Не прилично намъ быть лишеннымъ пастыря, не подобаетъ и пастырю оставлять порученныя ему Богомъ овцы, чтобы дикій звѣрь не расхитилъ словесное стадо Христово. Намъ, братіе,

[1]) *Преп. Ѳедосій Печерскій* преставился въ 1074 году.

слѣдуетъ постоянно имѣть предъ очами честну̀ю раку отца нашего, принося ему всегда достойное поклоненіе. Неудобно ему пребывать внѣ монастыря и церкви своей, ибо онъ положилъ ей основаніе и соединилъ монашествующихъ.

Затѣмъ всѣ, какъ одними устами, сказали:

— Возьмемъ честны̀я мощи любимаго отца нашего и перенесемъ ихъ изъ пещеры сюда: «**нижѐ**,—говоритъ Господь,—**вжига́ютъ свѣти́льника и̂ поставля́ютъ є̂го̀ подъ спꙋ́домъ, но на свѣ́щницѣ, и̂ свѣ́титъ всѣ́мъ**»[1]).

Послѣ этого рѣшенія братія тотчасъ устроили мѣсто для положенія честны̀хъ мощей и поставили каменную раку. Приблизился праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы. За три дня до праздника игуменъ приказалъ идти въ пещеру и раскопать мѣсто, гдѣ были положены честны̀я мощи преподобнаго отца нашего Θеодосія. Первый исполнитель этого дѣла и первый самовидецъ честны̀хъ мощей былъ блаженный Несторъ, написавшій настоящее повѣствованіе. Онъ самъ о себѣ такъ свидѣтельствуетъ:

«Я повѣдаю вамъ по истинѣ и правдѣ,—ибо я слышалъ не отъ другихъ[2]), но самъ былъ первымъ участникомъ. Игуменъ, придя ко мнѣ, сказалъ: «Пойдемъ, сынъ мой, къ преподобному отцу нашему Θеодосію». И пришли мы въ пещеру совершенно ни для кого незамѣтно. Осмотрѣвшись, мы назначили мѣсто, которое нужно раскопать, и удалились. Потомъ игуменъ сказалъ мнѣ: «Возьми на помощь себѣ кого хочешь изъ братіи и, кромѣ этихъ избранныхъ, не говори никому,—пусть не знаетъ никто изъ братіи, пока честны̀я мощи не вынесемъ на мѣсто предъ пещерою». Я въ тотъ же день приготовилъ орудія для копанія. Былъ вторникъ; глубокимъ вечеромъ я взялъ съ собою двухъ братьевъ, мужей чудной жизни,—болѣе же никто не зналъ. Когда пришли въ пещеру, то, сотворивъ молитву съ поклоненіемъ, приступили, не медля, съ пѣніемъ псаломскихъ пѣсенъ, къ дѣлу. Копать началъ я; послѣ продолжительнаго труда, я вручилъ заступъ другому брату. Такъ копали до полуночи и не могли обрѣсти мощей святаго. Тогда мы начали скорбѣть и плакать: сначала думали, что святый не благоволитъ намъ явить себя; эту мысль смѣнила другая,—не копаемъ ли мы въ другой сторонѣ? И вотъ я снова, взявъ орудіе, началъ копать еще прилежнѣе. Одинъ изъ братьевъ, бывшихъ со

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5. ст. 15.

2) Объ открытіи мощей преп. Θеодосія.

мною и находившійся предъ пещерою, услышавъ ударъ въ било[1]) церковное, призывающій на Утреню, сказалъ мнѣ, что уже ударили въ церковное било. Я же въ это время раскопалъ землю надъ честными мощами и отвѣчалъ брату: я уже, братъ, прокопалъ землю. Когда же я сдѣлалъ это, то меня объялъ великій страхъ, и началъ я восклицать:

— Ради преподобнаго Ѳеодосія помилуй меня, Господи!

Затѣмъ я послалъ сказать игумену:

— Пріиди отче,—изнесемъ честныя мощи преподобнаго.

Игуменъ пришелъ съ двумя братьями; я же прокопалъ еще болѣе. И, наклонившись, мы увидѣли мощи, лежащіе святолѣпно: всѣ составы были цѣлы, и ихъ не коснулось тлѣніе; лице свѣтло, очи сомкнуты, уста соединены, власы же присохли къ главѣ. Возложивъ на одръ честныя мощи, мы вынесли ихъ предъ пещеру».

Такъ говоритъ святый Несторъ объ участіи своемъ (въ обрѣтеніи честныхъ мощей); онъ же свидѣтельствуетъ и о дивныхъ дѣлахъ Божіихъ, происшедшихъ при этомъ.

Въ эту ночь въ монастырѣ Кіево-Печерскомъ бодрствовали два брата, сторожа, когда игуменъ тайно съ неизвѣстнымъ имъ братомъ перенесетъ честныя мощи преподобнаго; и смотрѣли они прилежно по направленію къ пещерѣ; когда ударили къ Утренѣ въ церковное било, они замѣтили, что три столпа, въ видѣ какъ бы свѣтозарныхъ дугъ, постоявъ надъ пещерою преподобнаго Ѳеодосія, перемѣстились на верхъ Великой церкви, куда преподобный имѣлъ быть перенесенъ. Это видѣли и другіе изъ иноковъ, идущихъ къ Утренѣ въ церковь; видѣли и въ самомъ городѣ многіе изъ благочестивыхъ гражданъ.

Досточудный Стефанъ, бывшій, послѣ преподобнаго Ѳеодосія, печерскимъ игуменомъ и затѣмъ устроившій монастырь на Кловѣ[2]) и послѣ этого, по изволенію Божію, ставшій епископомъ города Владиміра, былъ тогда на Кловѣ въ своемъ монастырѣ; и въ ту ночь онъ увидѣлъ черезъ поле великую зарю надъ пещерою. Подумавъ, что это переносятъ честныя мощи преподобнаго Ѳеодосія (ему возвѣщено было за день о событіи), онъ очень сожалѣлъ, что безъ него совершается перенесеніе. Онъ тотчасъ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи Климента, поставленнаго имъ вмѣсто себя игуменомъ на Кловѣ, быстро направился къ пещерѣ. На пути издалека

---

[1]) *Било*-деревянная или металлическая доска, посредствомъ удара въ которую палкою или молоткомъ призывались, до введенія колоколовъ, вѣрующіе къ Богослуженію въ церковь.

[2]) См. стр. 212, примѣч. 2-ое.

они видѣли великую зарю, а когда начали приближаться, то замѣтили надъ пещерою многія свѣщи. Но придя къ пещерѣ, они не увидали ничего. Тогда поняли, что видѣнная ими божественная свѣтлость исходила отъ честныхъ мощей преподобнаго Θеодосія. Подойдя къ дверямъ пещеры, Стефанъ и Климентъ увидѣли святаго Нестора съ братіею, окружавшихъ честныя мощи.

На другой день по обрѣтеніи честныхъ мощей преподобнаго по изволенію Божію собрались боголюбивые епископы: Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Владимірскій, Іоаннъ Черниговскій, Маринъ Юрьевскій, Антоній Порозскій; собрались и игумены всѣхъ монастырей (кіевскихъ) со множествомъ черноризцевъ. Стеклось изъ города и множество благовѣрныхъ людей, пришедшихъ изъ города со свѣчами и θиміамомъ. И, взявши честныя мощи святаго Θеодосія, перенесли ихъ въ Богомзданную пречестную церковь. И возрадовалась пречестная церковь, пріявъ своего свѣтильника, такъ что свѣтъ дневный покрывался свѣтомъ свѣщнымъ. Затѣмъ святители прикасаясь, іереи припадая, иноки съ народомъ притекая съ любовію лобызали мощи святаго, возсылая Богу пѣснопѣнія духовныя, а преподобному принося благодарственное хваленіе. И такъ положили честныя мощи въ основанной преподобнымъ Θеодосіемъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ,—положили въ четырнадцатый день августа мѣсяца, въ четвертокъ, въ первый часъ дня: и праздновали торжественно этотъ день. Не дòлжно здѣсь обойти молчаніемъ того обстоятельства, что въ третій день по пренесеніи мощей преподобнаго отца нашего Θеодосія сбылось слѣдующее его пророчество.

Во дни игуменства единственною заботою преподобнаго Θеодосія было какъ бы возможно наилучшимъ образомъ управить врученное ему стадо; при этомъ онъ заботился не только о черноризцахъ, но и о спасеніи мірскихъ людей, особенно о дѣтяхъ своихъ духовныхъ; онъ утѣшалъ и наставлялъ приходящихъ къ нему; иногда посѣщалъ домы ихъ и подавалъ благословеніе. Среди вельможъ находился духовный сынъ святаго Θеодосія, по имени Іоаннъ; жена его Марія и самъ онъ были люди благочестивые, проводившіе цѣломудренную жизнь. Блаженный отецъ, придя однажды въ домъ къ нимъ (онъ любилъ ихъ, такъ какъ они жили по Заповѣдямъ Господнимъ и въ любви между собою), началъ поучать супруговъ о милостынѣ убогимъ, о Царствіи Небесномъ, уготованномъ праведнымъ, и о мукахъ грѣшнымъ, и многое другое гово-

рилъ имъ отъ Божественнаго Писанія, пока слово не дошло до положенія во гробъ тѣла. Воспользовавшись этимъ словомъ преподобнаго, благочестивая жена Іоанна сказала ему:

— Отче честный! кто знаетъ, гдѣ будетъ положено мое тѣло?

Богодохновенный же Θеодосій, исполнившись пророческаго дара, отвѣчалъ ей:

— Истину говорю тебѣ: гдѣ мое тѣло будетъ положено, тамъ и ты, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, почіешь.

Что̀ и сбылось въ восемнадцатый годъ по преставленіи святаго, когда перенесли честныя мощи его; въ это время преставилась жена Іоанна Марія. Мощи преподобнаго Θеодосія были перенесены въ 14-ый день августа мѣсяца, а она въ шестнадцатый день того же мѣсяца и года была положена въ той же Кіево-Печерской церкви противъ гроба преподобнаго Θеодосія, на лѣвой сторонѣ. Затѣмъ, въ пятнадцатый годъ по пренесеніи мощей преподобнаго Θеодосія преставился и мужъ Маріи, великій бояринъ Іоаннъ, уже маститый девяностолѣтній старецъ, сынъ храбраго воеводы Вышаты, внукъ воеводы Остроміра и самъ довольно продолжительное время бывшій воеводою; Іоаннъ былъ праведникъ и не худшій своихъ предковъ—какъ человѣкъ благій, кроткій, смиренный, удалявшійся отъ зла. Онъ былъ положенъ у головы своей жены противъ гроба того же преподобнаго Θеодосія, такъ что и на немъ исполнилось пророчество блаженнаго отца о положеніи тамъ же, гдѣ лежитъ и его тѣло.

Умѣстно здѣсь вспомнить и о слѣдующемъ. Господь, прославляющій прославляющихъ Его и благоволившій къ перенесенію мощей преподобнаго Θеодосія изъ темной пещеры въ святую Кіево-Печерскую церковь въ восемнадцатый годъ отъ преставленія Его, желая еще болѣе прославить угодника Своего, благоволилъ къ перенесенію его именемъ и почитаніемъ изъ темнаго невѣдѣнія во всѣ православные церкви, также въ восемнадцатый годъ отъ перенесенія изъ пещеры,—да свѣтитъ сей свѣтильникъ всему міру.

Сердцевѣдецъ возложилъ на сердце блаженному Θеоктисту, печерскому игумену, озаботиться о томъ, чтобы имя преподобнаго Θеодосія было вписано въ сунодикъ, или соборникъ церковный, и чтобы онъ причтенъ былъ къ лику древнихъ преподобныхъ отцевъ и всѣхъ святыхъ, которымъ Православная Церковь совершаетъ празднество повсюду. Блаженный Θеоктистъ началъ напоминать объ этомъ благовѣрному Великому князю Михаилу-Свя-

тополку Изяславичу[1]): онъ просилъ его повелѣть преосвященному митрополиту Никифору[2]) собрать Освященный Соборъ епископовъ, игуменовъ и весь церковный клиръ и сообщить имъ причину собранія, и тогда пусть совершится все, какъ будетъ угодно Богу. Митрополитъ съ удовольствіемъ внялъ рѣчи князя, собралъ епископовъ, игуменовъ и весь клиръ церковный и сообщилъ имъ о предполагаемомъ чествованіи преподобнаго Θеодосія. Князь же Великій повѣдалъ всѣмъ Отцамъ Собора о житіи преподобнаго. Тогда всѣ единодушно и единогласно рѣшили издать опредѣленіе, чтобы преподобный Θеодосій почитался въ Православной (Русской) Церкви какъ равный всѣмъ, уже почитаемымъ повсемѣстно святымъ. Преосвященный митрополитъ повелѣлъ епископамъ, чтобы каждый изъ нихъ во всѣхъ церквахъ своей епархіи вписалъ имя преподобнаго Θеодосія въ соборникъ святыхъ. Епископы съ радостію исполнили это: вписали имя преподобнаго Θеодосія и начали воспоминать его во всѣхъ храмахъ, молясь ему и ежегодно совершая съ похвалами день торжества его во славу все дарующему Богу и угоднику Его, дароименитому Θеодосію.

Блаженному же Θеоктисту, съ усердіемъ потщавшемуся послужить отцу своему, преподобному Θеодосію,—вписать въ соборникъ имя его, Господь воздалъ по трудамъ: спустя немного времени, онъ былъ избранъ во епископа богоспасаемаго града Чернигова и хиротонисанъ тѣмъ же преосвященнымъ митрополитомъ Никифоромъ. Когда онъ вступилъ на свой престолъ, тогда христолюбивый князь Давидъ, княгиня, бояре и всѣ люди приняли его съ неисповѣдимою радостью — какъ сотворившаго неисповѣдимую радость Церкви вписаніемъ въ соборникъ имени преподобнаго Θеодосія. Ради его молитвъ и мы, съ блаженнымъ Θеоктистомъ, ожидаемъ услышать радостный призывъ: **ра́дꙋйтесѧ, ꙗ҆́кѡ и҆мена̀ ва̑ша напи̑сана сꙋ́ть на нб҃сѣ́хъ**[3]).

Помѣстимъ здѣсь же и сказаніе блаженнаго епископа Симона[4]) о чудотворномъ украшеніи золотомъ и серебромъ честно́й раки преподобнаго отца нашего Θеодосія, который своими честны̀ми перенесенными мощами какъ бы золотомъ и серебромъ нетлѣннымъ украсилъ святую Кіево-Печерскую церковь, а прочія церкви право-

---

1) Великій князь Кіевскій въ 1093—1114 гг.

2) *Никифоръ* — 1-ый митрополитъ этого имени, 1103—1121 гг.

3) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 20.

4) См. стр. 203, примѣч. 2-ое.

славныя украсилъ почитаніемъ своего честнàго имени. Было это такъ. Спустя довольно продолжительное время по пренесеніи мощей преподобнаго Θеодосія сынъ Симона и внукъ Африкана, Варяжскихъ князей, тысяченачальникъ Георгій, управлявшій областью въ землѣ Суздальской отъ князя Георгія Владиміровича Мономаховича, захотѣлъ украсить честнỳю раку преподобнаго Θеодосія въ знакъ своей великой любви къ нему. Онъ послалъ изъ Суздаля въ Кіевъ, въ Кіево-Печерскій монастырь, одного изъ своихъ бояръ, именемъ Василія, и вручилъ ему, для окованія раки преподобнаго, пятьсотъ гривенъ[1]) серебра и пятьдесятъ гривенъ золота. Взявъ серебро и золото, Василій съ неохотой отправился въ путь, проклиная свою жизнь и день своего рожденія:

— Что это,—говорилъ онъ,—задумалъ господинъ нашъ погубить такое богатство? И какая награда будетъ ему за то, что онъ обложитъ гробъ мертваго? Какъ видно, собралъ онъ безъ труда—понапрасну и расточаетъ. Но горе именно мнѣ, не осмѣлившемуся ослушаться своего господина,—зачѣмъ я оставилъ домъ свой и ради кого шествую этимъ горькимъ путемъ? Получу ли отъ кого честь?—Вѣдь я посланъ не къ князю, ни къ какому-либо вельможѣ. Что скажу той горсти каменной? И кто мнѣ отвѣтитъ? Кто не посмѣется надъ моимъ безумнымъ приходомъ?

Такъ и многое другое говорилъ Василій къ сопровождавшимъ его. Святый же Θеодосій явился ему во снѣ, говоря съ кротостью:

— О чадо! Я хотѣлъ вознаградить тебя за трудъ твой; но если ты не покаешься, много потерпишь непріятностей.

Однако Василій не оставлялъ ропота, и Господь навелъ на него великую бѣду за его грѣхи: всѣ кони подохли, а имущество, кромѣ посланнаго сокровища, украли воры. Тогда Василій взялъ пятую часть отъ сокровища, состоящаго изъ золота и серебра, посланнаго для окованія раки святаго; онъ издержалъ это на надобности себѣ и конямъ, не догадываясь, при этомъ, о наказаніи, постигшемъ его за хулу. Когда же онъ былъ въ Черниговѣ, то упалъ съ коня и такъ сильно разбился, что не могъ даже и рукою двинуть. Сопровождавшіе Василія положили его на колесницу и привезли подъ Кіевъ уже вечеромъ. И въ ту ночь явился Василію святый Θеодосій, говоря:

---

[1]) *Гривна* —старинная монета опредѣленнаго вѣса (72—96 золотниковъ), часто въ видѣ слитка золота или серебра.

— Василій! Развѣ ты не слышалъ словъ Господа: «**сотвори́те себѣ̀ дрꙋ́ги ѿ мамѡ́ны непра́вды, да, є҆гда̀ ѡ҆скꙋдѣ́ете, прїи́мꙋтъ вы̀ въ вѣ́чныѧ кро́вы**»[1]) и: «**прїе́млѧй пра́ведника во и҆́мѧ пра́ведниче, мздꙋ̀ пра́ведничꙋ прїи́метъ**»[2]). Доброе дѣло замыслилъ сынъ мой Георгій; съ нимъ и тебѣ, за твой трудъ, предстояло увѣнчаться, и такую славу не всякій получитъ, какой ты имѣлъ быть сообщникъ съ Георгіемъ. Теперь же ты всего лишился; но все-таки не отчаивайся въ своей жизни, хотя ты не можешь исцѣлиться другимъ образомъ, кромѣ какъ покаявшись въ своихъ согрѣшеніяхъ. Прикажи внести себя въ Кіево-Печерскій монастырь, въ церковь Пресвятой Богородицы, и пусть положатъ тебя на мою раку, и будешь здоровъ; золото же и серебро, издержанное тобою, найдешь въ цѣлости.

Это сказалъ преподобный Θеодосій Василію, явившись явно, а не во снѣ. Наутро же пришелъ къ Василію со всѣми боярами князь Георгій Владиміровичъ; увидѣвъ его въ сильномъ недугѣ, онъ съ печалью удалился. Василій же, увѣровавъ въ видѣніе святаго, приказалъ везти себя въ Кіево-Печерскій монастырь. Когда они были у берега, вошелъ кто-то, незнакомый, къ игумену печерскому и сказалъ:

— Иди скорѣе на берегъ, приведи Василія и положи его на гробѣ преподобнаго Θеодосія; когда онъ вручитъ тебѣ сокровище, обличи его предъ всѣми, что онъ взялъ пятую часть изъ него; и если покается, прости его.

Съ этими словами сказавшій сталъ невидимъ. Игуменъ Тимоѳей сталъ доискиваться относительно человѣка, пришедшаго къ нему; но никто не видѣлъ его входящимъ и выходящимъ. Игуменъ пошелъ къ Днѣпру, привелъ Василія и положилъ его на ракѣ святаго Θеодосія; и Василій возсталъ цѣлъ и здравъ. Онъ сталъ давать игумену порученное ему сокровище, говоря:

— Вотъ, ты найдешь здѣсь четыреста гривенъ серебра и сорокъ золота.

Игуменъ же сказалъ ему:

— Чадо! а гдѣ еще сто гривенъ серебра и десять золота?

Василій началъ каяться и сознался:

— Это я взялъ и издержалъ; потерпи, отче, и все возвращу тебѣ; думалъ я утаить это отъ всевидящаго Бога.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 9.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 41.

Тогда высыпали золото и серебро изъ сосуда, гдѣ оно находилось подъ печатью, сочли предъ всѣми и нашли въ цѣлости,—пятьсотъ гривенъ серебра и пятьдесятъ золота; и всѣ прославили Бога и святаго Θеодосія. Тогда Василій началъ по порядку разсказывать о явленіяхъ ему святаго и о его дѣяніяхъ о немъ. Утромъ князь, взявъ съ собою врачей, пришелъ къ мѣсту, гдѣ видѣлъ больного Василія, желая лечить его, и не нашелъ. Узнавъ, что Василій отвезенъ въ Кіево-Печерскій монастырь, и подумавъ, что онъ уже умеръ, князь съ поспѣшностью отправился въ обитель и здѣсь нашелъ Василія,—точно онъ и не болѣлъ. Услышавъ отъ него о дивныхъ чудесахъ, князь и ужаснулся, и исполнился духовной радости; онъ пошелъ поклонился чудотворному гробу преподобнаго отца нашего Θеодосія и удалился. Услышавъ объ этомъ, Георгій Симоновичъ, тысяченачальникъ, еще болѣе возгорѣлся любовію къ пресвятой Богородицѣ и къ святому Θеодосію; къ своему великому дару онъ присоединилъ еще гривну[1]), которую самъ носилъ и въ которой было сто гривенъ золота; при этомъ онъ написалъ слѣдующее:

«Вотъ, я, Георгій, сынъ Симона, рабъ Пресвятыя Богородицы и святаго Θеодосія, благословенный его святою рукой, болѣлъ нѣкогда три года глазами и не видѣлъ луча солнечнаго, но по слову преподобнаго исцѣлѣлъ,—ибо я слышалъ изъ устъ его: «прозри!» и прозрѣлъ. Ради этого я пишу сію эпистолію[2]) послѣднему роду своему, да никто не отлучаетъ себя отъ обители Пресвятой Владычицы Богородицы и преподобныхъ отцевъ, Антонія и Θеодосія Печерскихъ; ихъ молитва приноситъ заступленіе и въ селахъ обители: когда мы съ Половцами[3]) пришли на Изяслава Мстиславича, то издали увидали высокій городъ и тотчасъ отошли отъ него. Но никто не зналъ, что это за городъ; изъ Половцевъ же, бывшихъ около него, было много раненыхъ, и бѣжали мы отъ того города. Послѣ же мы узнали, что то было село Кіево-Печерской обители; города же тамъ никогда и не бывало; да и сами, жившіе въ селѣ томъ, не знали о происшедшемъ; выйдя утромъ, они увидѣли, что было кровопролитіе, и сильно удивлялись. Потому я и пишу вамъ, что всѣ вы вписаны въ молитву святаго

---

1) Т. е. цѣпь, которую, въ видѣ украшенія, носили на шеѣ.

2) Т. е. письмо, посланіе.

3) *Половцы*, или *Куманы*,—тюркское кочевое племя, жившее въ X—XIII вв. на Югѣ Руси и отсюда дѣлавшее набѣги на пограничные города и селенія Русской земли.

Ѳеодосія: онъ обѣщалъ отцу моему Симону молиться о насъ, какъ молится о своихъ черноризцахъ; и написалъ онъ молитву, которую отецъ мой повелѣлъ, когда его будутъ класть во гробъ, вложить въ свою руку, въ ожиданіи исполненія того обѣтованія[1]), о чемъ, явившись одному изъ богоносныхъ отцевъ, сказалъ такъ:

— Скажи сыну моему Георгію, что я воспріялъ благая по молитвамъ святаго,—и ты, сынъ мой, слѣдуй за мною добрыми дѣлами.

— Кто не пожелаетъ благословенія и молитвы святаго Ѳеодосія и уклонится отъ него, тотъ возлюбитъ клятву,—и да пріидетъ она на него.»

Здѣсь конецъ эпистоліи вышепомянутаго Георгія христолюбца; и намъ, оканчивающимъ настоящее сказаніе, должно научиться отъ него,—да не уклонимся благословенія и многопоспѣшествующей молитвы преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, но приблизимся къ нему добрыми дѣлами, и онъ приблизится къ намъ. И, такимъ образомъ, не убоясь клятвы, получимъ благословеніе—какъ наслѣдники Царства, уготованнаго отъ сложенія міра Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ПРОРОКА

МИХЕЯ

Святый Михей, первый Пророкъ этого имени, происходилъ изъ колѣна Ефремова и былъ сынъ Іемвлая. Онъ жилъ во дни святаго Пророка Иліи, когда надъ Израильтянами въ Самаріи царствовали Ахавъ съ Іезавелью, а надъ Іудеями въ Іерусалимѣ—Іосафатъ. Въ это время потомки двѣнадцати сыновъ Іакова раздѣлились на два царства: одно называлось царствомъ Іудейскимъ,—въ составъ его входили колѣна Іудово и Веніаминово, а столицей былъ Іерусалимъ; другое же называлось Израилевымъ и включало въ себя остальныя десять колѣнъ еврейскаго народа; столицей

[1]) См. стр. 206—207.

этого царства служила Самарія. Въ Израильскомъ царствѣ находилось и колѣно Ефремово, къ которому принадлежалъ по происхожденію и святый Пророкъ Михей. Онъ часто обличалъ израильскаго царя Ахава въ тѣхъ же грѣхахъ, въ какихъ и святый Пророкъ Илія, т. е. или за отпаденіе его отъ Бога въ идолопоклонство, или за содѣваемыя имъ неправды. Царь ненавидѣлъ Пророка—обличителя, но не смѣлъ его убить: царя удерживали боязнь наказанія Божія, стыдъ предъ невинностью праведнаго мужа и страхъ, что сбудутся его пророческія предсказанія. Впрочемъ Пророкъ, уступая несправедливому гнѣву царя, удалялся изъ столицы и почасту жилъ въ горахъ: онъ опасался, какъ бы, многократно являясь къ царю и обличая его, не возбудить въ послѣднемъ ни предъ чѣмъ не останавливающагося гнѣва.

Въ эти дни между домомъ царя Израильскаго Ахава и домомъ царя Іудейскаго Іосафата завязались родственныя отношенія: Іосафатъ взялъ у Ахава дочь его Аѳалію за своего первого сына Іорама. Побуждаемый родственною любовію Іосафатъ изъ Іерусалима прибылъ въ Самарію къ Ахаву. Во время торжества въ честь гостя Ахавъ просилъ Іосафата помочь ему на войнѣ противъ Ассирійскаго царя, чтобы отнять у него Рамоѳъ Галаадскій; этотъ городъ издавна былъ израильскимъ, но царь Ассирійскій отнялъ его силою. Іосафатъ, обѣщая самъ идти на войну вмѣстѣ съ Ахавомъ, сказалъ:

— Какъ ты, такъ и я, какъ твой народъ, такъ и мой народъ: иду съ тобою на войну. Но сначала вопросимъ Господа—Бога: будетъ ли для насъ благополучна эта война?

И тотчасъ Ахавъ собралъ своихъ нечестивыхъ и ложныхъ пророковъ, числомъ 400; главою этихъ лже-пророковъ былъ Седекія, сынъ Ханаана. Всѣ они ободряли Ахава надеждой на успѣхъ, говоря:

— Иди,—Богъ предастъ въ твои руки не только городъ Рамоѳъ, но и самого Ассирійскаго царя.

Но царь Іудейскій Іосафатъ, какъ человѣкъ благочестивый и вѣрный Богу, понялъ, что среди этихъ пророковъ нѣтъ ни одного истиннаго, но что всѣ они льстецы и потаковники, поэтому Іосафатъ сказалъ Ахаву:

— Нѣтъ ли здѣсь хотя одного такого пророка Господня, котораго бы мы вопросили и онъ отвѣтилъ бы намъ правду?

Ахавъ отвѣчалъ:

— Есть одинъ мужъ, который можетъ вопросить Господа и открыть намъ истину,—это Михей, сынъ Іемвлая, но я ненавижу его, такъ какъ онъ всегда предсказываетъ мнѣ одно только зло.

— Не говори такъ,—возразилъ Іосафатъ Ахаву,—но призови, послушай его и не гнѣвайся на его обличенія.

И тотчасъ Ахавъ послалъ за Пророкомъ Михеемъ, который въ то время пришелъ изъ пустынныхъ горъ въ Израиль. Оба же царя сидѣли во всемъ своемъ величіи на престолахъ у воротъ Самаріи, а лживые пророки прорицали предъ ними. Причемъ глава ихъ Седекія сдѣлалъ желѣзные рога и, протрубивъ, сказалъ Ахаву:

— Такъ говоритъ Господь: этими рогами ты уничтожишь и истребишь Сирію.

Точно такъ же и остальные лже-пророки говорили:

— Иди въ Рамоѳъ Галаадскій и побѣдишь Ассирійскаго царя: Господь предастъ его тебѣ въ твои руки.

Стый пророкъ Міхей

Между тѣмъ посолъ, отправленный къ Пророку Михею, сказалъ ему:

— Вотъ, всѣ пророки предсказываютъ царю доброе; прошу тебя, говори и ты то же съ ними, чтобы твои слова не расходились съ ихъ словами.

— Живъ Господь!—отвѣчалъ Пророкъ Михей,—и что скажетъ мнѣ Самъ Господь—Богъ мой, то именно я и скажу царю.

И вотъ, придя, святый Михей сталъ предъ Израильскимъ царемъ Ахавомъ, который спросилъ его:

— Послушай, Михей,—идти ли мнѣ въ Рамоѳъ Галаадскій на войну, или дóлжно удержаться?

Пророкъ, не тотчасъ отвѣчая на вопросъ царя и желая его привлечь къ болѣе усерднымъ вопросамъ, сказалъ:

— Идите,—будетъ вамъ успѣхъ, и они преданы будутъ въ руки ваши.

Ахавъ, видя, что Пророкъ говоритъ не съ дерзновеніемъ, обратился къ нему:

— Усиленно заклинаю тебя: скажи мнѣ истину—какъ предъ Господомъ.

Тогда святый Михей сказалъ съ дерзновеніемъ:

— Я видѣлъ всѣхъ сыновъ Израиля, разсѣянныхъ по горамъ какъ овецъ, у которыхъ нѣтъ пастыря.

Этими словами Пророкъ предсказывалъ, что войско израильское на войнѣ лишится своего пастыря, т. е. царя: онъ будетъ убитъ, и всѣ, какъ овцы волками, будутъ разогнаны ассирійскими войсками по горамъ и пустынямъ. И сказалъ Ахавъ царю Іосафату:

— Не говорилъ ли я тебѣ, что онъ не пророчествуетъ о мнѣ добраго, а только худое?

Святый Михей продолжалъ:

— Такъ выслушайте слово Господне: я видѣлъ Господа, сѣдящаго на Престолѣ Своемъ, и все Воинство Небесное стояло по правую и по лѣвую руку Его. И сказалъ Господь: кто увлекъ бы Ахава, царя израильскаго, чтобы онъ пошелъ и палъ въ Рамоѳѣ Галаадскомъ? И одинъ (изъ предстоящихъ) говорилъ такъ, другой говорилъ иначе. И выступилъ одинъ духъ, и сталъ предъ Лицемъ Господа, и сказалъ: я увлеку его. И сказалъ ему Господь: чѣмъ? Тотъ сказалъ: я выйду и буду духомъ лжи въ устахъ всѣхъ пророковъ его. И сказалъ Онъ (Господь): ты увлечешь его и успѣешь; пойди и сдѣлай такъ. Знай, царь,—говорилъ Пророкъ,—что духъ лжи въ устахъ пророковъ твоихъ, и Господь изрекъ о тебѣ недоброе.

Во время этихъ словъ Пророка подошелъ лже-пророкъ Седекія и ударилъ по щекѣ святаго Михея, проговоривши:

— Какой Духъ Господень сказалъ тебѣ все это?

— Вотъ, ты увидишь это,—отвѣчалъ святый Михей,—въ тотъ день, когда изъ страха предъ Ассиріянами будешь бѣгать изъ комнаты въ комнату, чтобы скрыться хотя въ домѣ своемъ.

Переполненный гнѣвомъ Ахавъ велѣлъ взять Пророка Михея и посадить въ темницу и тамъ кормить «хлѣбомъ печальнымъ» и поить «водою печальною», т. е. давать ему хлѣба и воды въ такомъ маломъ количествѣ, чтобы Пророкъ только не умеръ отъ голода и жажды, а остался живъ до возвращенія царя, который хотѣлъ предать его мученіямъ. Царь такъ и сказалъ:

— Держите его, пока я не возвращусь въ мирѣ.

Святый Михей отвѣчалъ царю:

— Если ты возвратишься въ мирѣ, то не Господь говорилъ черезъ меня.

Затѣмъ святый Михей обратился къ народу и громко сказалъ:

— Слушайте это всѣ люди!

Святый Пророкъ былъ посаженъ въ темницу, находившуюся въ столицѣ царства Израильскаго — Самаріи. Царь же Ахавъ отправился на войну, гдѣ и былъ убитъ согласно пророчеству святаго Михея; объ этомъ подробно сообщается въ 22-ой гл. 3-ей Кн. Царствъ и въ 18-ой гл. 2-ой Кн. Паралипоменонъ. По смерти Ахава воцарился сынъ его Охозія.

О кончинѣ святаго Пророка Михея ничего не говорится въ Святомъ Писаніи; лишь въ прологѣ сообщается, что онъ будто бы былъ убитъ Іорамомъ, *сыномъ* Ахавовымъ; но уже раньше замѣчено, что Іорамъ былъ *зять*, а *не сынъ* Ахава. Однако весьма вѣроятно, что святый Пророкъ Михей умеръ мученическою смертью отъ кого-либо изъ мучителей: ибо жена Ахава Іезавель, оставшаяся послѣ мужа вдовою, и сынъ его Охозія, принявшій послѣ отца царство, и зять, царь Іерусалимскій Іорамъ,—всѣ они не могли чувствовать расположенія къ предсказавшему погибель Ахава. Память Пророка Михея въ Великой Минеи-Четіи и въ Кіевскихъ мѣсяцесловныхъ святцахъ полагается въ пятый день мѣсяца Января. И въ Минеи-Четіи о немъ говорится, что за обличеніе беззаконія онъ былъ убитъ и брошенъ въ пропасть: ближніе святаго Михея извлекли его честнóе тѣло оттуда и предали погребенію въ своей землѣ, близъ гроба одного странствовавшаго пророка.

По прошествіи 150-ти лѣтъ, быть можетъ, и болѣе, по первомъ Пророкѣ Михеѣ явился[1]) другой святый пророкъ того же имени, память котораго и совершается нынѣ.

Онъ происходилъ изъ колѣна Іудова; родиной его было мѣстечко Морасѳи близъ города Елевѳерполя; отсюда святый пророкъ получилъ и свое прозваніе Морасѳитянинъ. Онъ пророчествовалъ въ Іерусалимѣ во дни царей Іудейскихъ Іоаѳама, Ахаза и Езекіи; въ это же время жилъ и святый Пророкъ Исаія. Святый Михей обличалъ своихъ единоплеменниковъ, что они, уклонившись въ идолопоклонство, забыли Истиннаго Бога и усвоили нечестивые обычаи язычниковъ. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ говорилъ имъ Пророкъ, обращаясь отъ лица Божія:

---

[1]) Въ VIII в. до Р. Хр.

— Люди Мои, что Я сдѣлалъ вамъ? Чѣмъ оскорбилъ васъ? Чѣмъ досадилъ вамъ?—Отвѣчайте мнѣ. Или за то, что Я вывелъ васъ изъ земли Египетской и избавилъ отъ рабства, вы оставили Меня и признали своими богами языческихъ идоловъ?

Обличая также притѣсненія, неправды, грабительства и обиды, причиняемыя князьями, судьями и старѣйшинами убогимъ и нищимъ, святый Михей говорилъ:

— Слушайте главы дома Іаковлева, ненавидящіе добро и ищущіе зло, не вамъ ли дòлжно прилагать всѣ усилія, чтобы творить праведный судъ? Вы же до того несправедливо притѣсняете совершенно неповинныхъ нищихъ и убогихъ, что содрали съ нихъ кожу, истолкли ихъ кости и раздробили тѣло,—точно хотите вложить ихъ въ котелъ для приготовленія снѣди. Слушайте же это, главы дома Іаковлева, гнушающіеся правосудіемъ и искривляющіе все прямое, созидающіе Сіонъ кровью и Іерусалимъ—неправдою!

Такъ пророкъ обличалъ грѣшныхъ и, видя ихъ неисправленіе, оплакивалъ погибель ихъ, взывая со стенаніями:

— Горе мнѣ! Ибо со мною теперь—какъ по собраніи лѣтнихъ плодовъ, какъ по уборкѣ винограда: ни одной ягоды для ѣды (такъ нѣтъ угождающихъ Богу!). Увы, душа моя! Не стало милосердыхъ на землѣ, нѣтъ праведныхъ между людьми; всѣ строятъ ковы, чтобы проливать кровь; каждый ставитъ брату своему сѣть. Руки ихъ обращены къ тому, чтобы умѣть дѣлать зло; начальникъ требуетъ подарковъ, и судья судитъ за взятки.

Оплакивая при обличеніи нечестивыхъ ихъ нераскаянность, Пророкъ предсказывалъ грядущій на нихъ гнѣвъ Божій: онъ постигнетъ сначала столицу Израильскаго царства Самарію, такъ какъ здѣсь началось идолопоклонство, и нарушеніе Закона Божія, и языческое нечестіе; затѣмъ подобному же наказанію подвергнется Іерусалимъ,—правосудіе Божіе судило придти въ разореніе Самаріи отъ Ассиріянъ, а Іерусалиму—отъ Халдѣевъ. И снова рыдалъ Пророкъ говоря:

— Увы, увы мнѣ! посѣщеніе Божіе наступаетъ!

Но между подобными печальными предсказаніями Пророкъ Божій возвѣстилъ и радостное: что Пастырь и Спаситель душъ нашихъ, Господь Іисусъ Христосъ родится въ Виѳлеемѣ:

— И ты, Виѳлеемъ Ефраѳа, малъ ли ты между тысячами Іудиными? Изъ тебя произойдетъ Мнѣ Тотъ, Который долженъ быть Владыкою въ Израилѣ (гл. 5, ст. 2).

Остальныя предсказанія сего святаго Пророка Божія изложены въ пророческой книгѣ его имени.

Какъ, по совершеніи своего пророческаго служенія, окончилъ свою жизнь святый Михей,—мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній, но не думается, что онъ умеръ мученическою смертью. Въ книгѣ святаго Пророка Іереміи сообщается, что когда священники вмѣстѣ съ ложными пророками и множествомъ народа хотѣлъ убить святаго Іеремію, то нѣкоторые изъ старѣйшинъ защищали его, говоря собранію:

— Михей Морасѳитянинъ пророчествовалъ во дни Езекіи, царя Іудейскаго, и сказалъ всему народу Іудейскому: такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: Сіонъ будетъ вспаханъ, какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудою развалинъ, и гора дома сего—лѣсистымъ холмомъ. Умертвили ли его за это Езекія, царь Іудейскій, и весь Іуда? Не убоялся ли онъ Господа и не умолялъ ли Господа? И Господь отмѣнилъ бѣдствіе, которое изрекъ на нихъ, а мы хотимъ сдѣлать большое зло душамъ нашимъ.

Изъ этихъ словъ можемъ видѣть, что святый Пророкъ Михей не былъ убитъ, но, по окончаніи своей богоугодной жизни, въ мирѣ почилъ. Онъ умеръ и былъ погребенъ на своей родинѣ,—Морасѳѣ. По прошествіи очень многихъ лѣтъ его честныя мощи вмѣстѣ съ мощами Пророка Аввакума были обрѣтены въ царствованіе Ѳеодосія Великаго по откровенію Божію Зевину, епископу Елевѳеропольскому. За все сіе да будетъ Богу нашему слава всегда—нынѣ и присно, и во вѣки. Аминь.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Аркадія,** ученика **Ефрема** Новоторжскаго.

Въ тотъ же день **память святаго мученика Маркелла,** епископа Апамійскаго, сожженнаго около 389 года идолопоклонниками за разрушеніе языческаго храма.

День пятнадцатый

УСПЕНІЕ

ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ

БОГОРОДИЦЫ и ПРИСНОДѢВЫ МАРІИ

По совершеніи Господомъ спасенія рода человѣческаго и вознесеніи Его на Небо Пречистая и Преблагословенная Дѣва Марія, Матерь Божія и Ходатаица нашего спасенія, среди первыхъ христіанъ жила довольно продолжительное время; Она исполнялась великой духовной радости, взирая на расширеніе по всей Вселенной церкви Христовой и на распространеніе до предѣловъ земли славы Сына и Бога Своего. Въ эти начальные дни жизни Церкви Христіанской Пресвятая Богородица воочію увидѣла исполненіе Своихъ словъ: что Ее будутъ ублажать всѣ роды[1]),—христіане, повсюду славившіе Христа Бога, ублажали и Его Пречистую Матерь, тогда еще обитавшую на землѣ.

Пресвятая Богородица приблизилась къ пречестному и слав-

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 18

ному успенію Своему уже исполненная дней[1]); Она Сама желала скорѣе отойти отъ тѣла и войти къ Богу. Душа Ея всегда была объята однимъ непрестаннымъ желаніемъ: увидѣть сладостное Лице Сына Своего, сидящаго одесную Отца на Небесахъ[2]). Горя къ Нему несравненно бо́льшею любовію, нежели Серафимы[3]), Матерь Божія, изливая изъ святыхъ своихъ очей потоки слезъ, тепло

---

[1]) Апологетъ II-го вѣка, *Мелитонъ,* епископъ Сардійскій, относитъ успеніе Пресвятой Богородицы къ 69-му году Ея жизни, 55-му отъ Рождества Христова и 22-му отъ вознесенія Господня; *Ипполитъ,* епископъ Римскій (III вѣкъ), годомъ успенія Божіей Матери называетъ 43-ій отъ Рождества Христова и 57-ой отъ Ея рожденія; «отецъ церковной исторіи» *Евсевій Памфилъ,* епископъ Кесаріи Палестинской († 340 г.), пишетъ, что годомъ успенія Приснодѣвы былъ 63-ій Ея жизни, 48-ой отъ Рождества Христова и 15-ый отъ вознесенія Спасителя; *Епифаній,* епископъ *Кипрскій* († 403 г.), всѣхъ лѣтъ святаго житія Богородицы насчитываетъ 72, причемъ, по его мнѣнію, этотъ годъ былъ 57-мъ отъ Рождества Христова. То же самое говоритъ и *Георгій Кедринъ,* византійскій писатель конца XI-го или начала XII-го вѣка. Церковный историкъ (XIV-го вѣка) *Никифоръ Каллистъ* приводитъ слова святаго *Евода,* одного изъ семидесяти апостоловъ, который годомъ успенія Богородицы считаетъ 59-ый Ея жизни и 44-ый отъ Рождества Христова. Св. *Андрей Критскій* († 712 г.) и св. *Симеонъ Метафрастъ* (X вѣкъ) не опредѣляютъ точно числа лѣтъ жизни Матери Божіей и говорятъ лишь, что Она преставилась «въ довольной старости».—Св. *Димитрій Ростовскій,* объясняя эту разницу показаній и дѣлая общій приблизительный выводъ о времени успенія Пресвятой Богородицы, говоритъ слѣдующее: «Сицевому многихъ писателей о лѣтѣхъ житія Пречистыя Богородицы несогласію да не удивляемся; въ та бо времена непрестанному лютѣйшему гоненію на Церковь належавшу, не бѣ времене къ писанію книгъ и изслѣдованію лѣтъ и дѣяній церковныхъ подробну: не тако бо писаніями тогда, якоже устною проповѣдію и страдальческими подвигами вѣра Христова разширяшеся. Аще же и бываху когда писатели книгъ, то не въ долзѣ и сами мученически скончевахуся, и книги ихъ сожженію предавахуся отъ нечестивыхъ гонителей. Да держится убо, его же кто изволяетъ, писателя и числителя лѣтъ Пресвятыя Богородицы. Мощно же разсудити, яко достовѣрнѣйшее есть повѣствованіе писателей тѣхъ, иже позднѣйшая лѣта Пресвятыя Богородицы житію написаша и въ старости довольной въ нестарѣемую жизнь прейти Ю рѣкоша. Разсуждается же тое отвсюду: во успеніи Пресвятыя Богородицы, при погребеніи пречистаго тѣла Ея, со святыми Апостолы бяше св. Діонисій Ареопагитъ, а Діонисій отъ св. Ап. Павла во Аѳинѣхъ ко Христу обращенъ, въ лѣто (по извѣстному достовѣрныхъ историографовъ и лѣтописцевъ изслѣдованію) отъ воплощенія Слова пятьдесятъ второе. Аще же преставися Пречистая Дѣва, по Ипполиту, въ лѣто отъ воплощенія Христова 43, или, по Еводу, въ лѣто 44, или, по Евсевію, и мѣсяцесловамъ въ лѣто 48, то како можаше быти святый Діонисій на успеніи Ея, послѣжде въ лѣто 52 ко Христу обращенный? Убо преставися Пречистая Дѣва поздѣ, по обращеніи уже Діонисіевомъ, и бяше той святый на успеніи Ея съ прочими святыми Апостолы и апостольскими мужи».

[2]) Посл. къ Евр., гл. 1, ст. 3.

[3]) *Серафимы*—съ еврейскаго *пламенныя, огненныя существа.* Святый Пророкъ Исаія въ видѣніи Господа Саваоѳа такъ описываетъ Серафимовъ: «Видѣлъ я Господа, сидящаго на Престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ Его наполняли весь храмъ. Вокругъ Него стояли Серафимы; у каждаго изъ нихъ по шести крылъ; двумя закрывалъ каждый лице свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя леталъ. И взывали они другъ ко другу и говорили: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! вся земля полна славы Его» (гл. 6, ст. 1—3). Это видѣніе Пророка показываетъ, что Серафимы—ближайшія къ Богу, высшія духовныя существа. Въ «Небесной Іерархіи» св. Діонисія Ареопагита они занимаютъ первое мѣсто среди Чиновъ ангельскихъ.

молилась Господу, чтобы Онъ взялъ Ее изъ этой юдоли плача въ горнія[1]) блаженныя обители. Живя въ домѣ святаго Іоанна Богослова[2]) на Сіонѣ[3]), Она часто удалялась отсюда на гору Елеонскую[4]),—мѣсто вознесенія на Небо Сына Своего и Господа; здѣсь въ одиночествѣ Она возносила Ему Свои усердныя молитвы. И вотъ, однажды во время такой уединенной молитвы Богоматери на горѣ Елеонской о томъ, чтобы Господь скорѣе послалъ Ей кончину и взялъ къ Себѣ на Небо, предъ Нею предсталъ Архан-

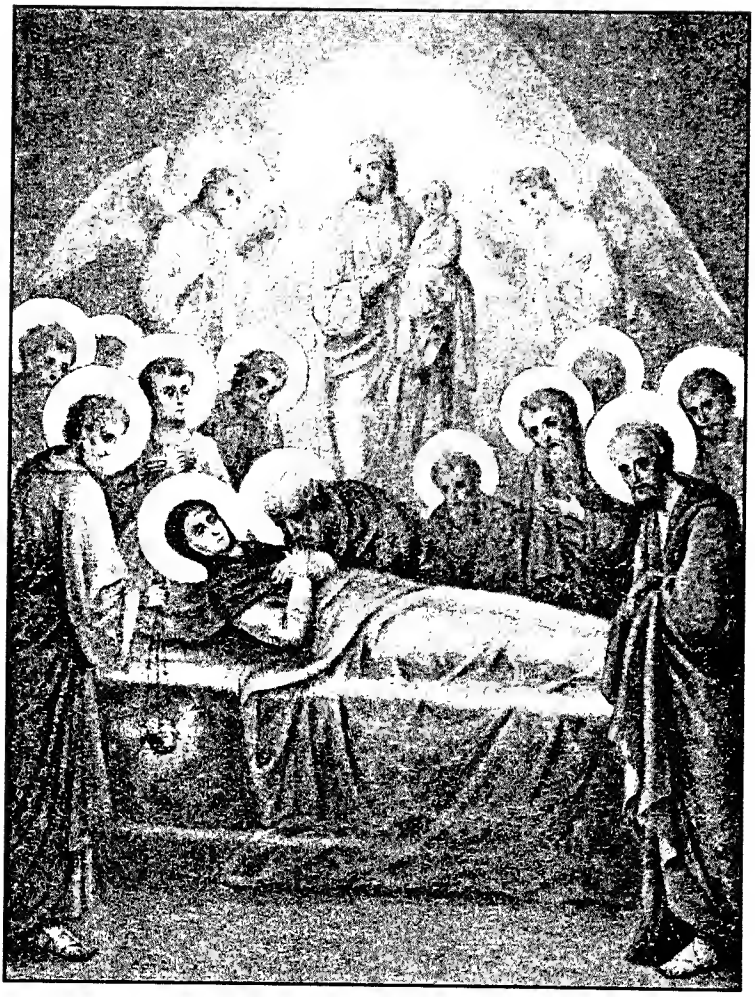
---

1) *Горній*—вышній, небесный (Кн. Прор. Іезек., гл. **41**, ст. 7; Посл. къ Колос., гл. **3**, ст. 3).

2) Матерь Божія поселилась въ домѣ св. Іоанна Богослова со дня крестныхъ страданій Господа Іисуса, какъ передаетъ объ этомъ самъ возлюбленный ученикъ Христа (Еванг. отъ Іоан., гл. **19**, ст. 25—27).

3) *Сіонъ* въ переводѣ съ еврейскаго по однимъ значитъ *открытое, палимое солнцемъ мѣсто,* а по другимъ: *высокое знаменитое мѣсто* или *крѣпость*. Сіонъ—юго-западная гора въ Іерусалимѣ, на которой возвышается іерусалимская крѣпость. Она со всѣхъ сторонъ окружена долинами: на западѣ—долиною Гіонъ, на югѣ—Гинноиъ, на сѣверѣ и востокѣ—Тиропеонъ. До временъ Давида Сіонъ находился во власти іевусеевъ, и они имѣли здѣсь свою крѣпость. Давидъ взялъ ее, распространилъ, обстроилъ и украсилъ, и съ этого времени Сіонъ сдѣлался городомъ Давидовымъ и столицею Іудеи (2 Кн. Цар., **5**, 7—9; **6**, 12, 16; 3 Кн. Цар., **8**, 1; 1 Паралипом., **14**, 4—8). Давидъ воздвигъ здѣсь иовое укрѣпленіе (2 Кн. Цар., **5**, 9; 1 Паралипом., **11**, 8), которое довершали и поддерживали слѣдующіе цари (3 Кн. Цар., **9**, 19, 24; **11**, 27). Въ скалахъ Сіона были гробницы Давида и другихъ царей. Въ Священномъ Писаніи Сіонъ называется просто Сіономъ, городомъ Давидовымъ, горою святою, жилищемъ и домомъ Божіимъ, царственнымъ городомъ Божіимъ, принимается за самый Іерусалимъ, за колѣно Іудино и царство Іудейское, за всю Іудею и за весь народъ іудейскій. У пророковъ Сіонъ часто означаетъ Царство Божіе во всей его полнотѣ, на землѣ и на Небѣ, до окончательнаго завершенія его въ вѣчности. Наконецъ, въ прообразовательномъ смыслѣ Сіонъ представляется какъ мѣсто жительства Божія иа Небесахъ, какъ мѣсто высочайшаго откровенія славы Его (Посл. къ Евр., **12**, 22); тамъ Богъ поставилъ Сына Своего царемъ (Пс. **2**, 6); оттуда приходитъ спасеніе Израилю (Пс. **8**, 7; 52, 7) оттуда является Богъ во славѣ Своей (Пс. **49**, 2—4); туда придутъ искупленные Господомъ и радость Божія иа главѣ ихъ (Кн. Прор. Исаіи, **35**, 10).

4) *Елеонская*, или *Масличная, гора* получила свое названіе отъ растущихъ на ней въ большомъ количествѣ маслинъ; она лежитъ къ востоку отъ Іерусалима и часто упоминается въ Священномъ Писаніи, особенно Новаго Завѣта. Отдѣляясь отъ Іерусалима потокомъ Кедронъ, оиа высится надъ городомъ, поднимаясь въ конечномъ пунктѣ, на такъ называемой «горѣ Вознесенія», до 2665 футовъ надъ уровнемъ моря. Она представляетъ собою хребетъ, имѣющій четыре главныхъ возвышенія и переходящій далѣе къ востоку въ долины и равнины. Съ горою Елеонскою связаны многія библейскія событія. Черезъ эту гору Давидъ бѣжалъ отъ возмутившагося сына Авессалома (2 Кн. Цар., **15**, 20); Пророкъ Іезикіилъ видѣлъ здѣсь славу Господню (**11**, 23). Но особенно эта гора тѣсно связана съ событіями изъ земной жизни Христа Спасителя, Который любилъ удаляться сюда для ночной молитвы. Въ Виѳаніи, лежавшей на этой горѣ, находился домъ Лазаря, который часто посѣщалъ Господь; съ Елеонской горы Спаситель оплакивалъ Іерусалимъ; съ нея же Онъ совершилъ торжественный входъ въ него (Еванг. отъ Луки, **19**, 37); на ней Онъ провелъ ночь предъ предательствомъ Его Іудою Искаріотскимъ и съ нея же вознесся на Небо (Дѣян., 1, 2). Въ настоящее время гора Елеонская изобилуетъ памятниками о событіяхъ изъ жизни Христа Спасителя и лучшимъ изъ нихъ является храмъ Вознесенія Господня, высящійся на самой вершинѣ горы, откуда открывается чудный видъ на всю окрестность Святаго Града.



ѹ҆спе́нїе бж҃їей мт҃ри

гелъ Гавріилъ[1]), служившій Пресвятой Богородицѣ съ первыхъ дней Ея дѣтства: онъ питалъ Ее во Святая Святыхъ, принесъ Ей благую вѣсть о рожденіи отъ Нея Сына Божія[2]), неотступно охранялъ Ее во все время жизни Ея на землѣ. Со свѣтлымъ лицемъ передалъ небесный посланникъ Пресвятой Богородицѣ радостныя для Нея слова Господа, что вскорѣ, — по прошествіи трехъ дней,—Она отойдетъ ко Христу Богу. Возвѣщая Пречистой Дѣвѣ часъ смертный, Архангелъ говорилъ Ей, чтобы Она не смущалась, а съ радостію приняла его слова, ибо они призываютъ Ее въ безсмертную жизнь къ вѣчному Царю Славы:

— Сынъ Твой и Богъ нашъ,—говорилъ Архангелъ,—съ Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами, со всѣми Небесными духами и душами праведныхъ пріиметъ Тебя, Матерь Свою, въ Небесное Царство, чтобы Ты жила и царствовала съ Нимъ безконечное время.

Въ знаменіе торжества Богородицы надъ смертію, то есть, что надъ Нею не будетъ имѣть власти смерть тѣлесная, какъ не обладала Ею смерть душевная, и что Она, точно сномъ уснувши смертью на малое время, скоро, какъ пробудившись, возстанетъ и, отгнавъ отъ Себя смерть, какъ отъ глазъ дремоту, узритъ при свѣтѣ Лица Господня безсмертную славу и жизнь, куда и отойдетъ при радостныхъ кликахъ съ веселіемъ духовнымъ,—въ знаменіе всего этого Архангелъ вручилъ Пресвятой Дѣвѣ райскую вѣтвь: это была сіяющая свѣтомъ небесной благодати вѣтвь отъ финиковой пальмы; ее должны были, какъ сказалъ Архангелъ, нести предъ одромъ Богоматери, когда пречестнбе и пречистое тѣло Ея будетъ несено для погребенія. Преблагословенная Матерь Божія исполнилась несказанной радости и духовнаго восторга, ибо что̀ могло быть для Нея радостнѣе и пріятнѣе жительства на Небѣ съ Сыномъ Своимъ и Богомъ и—блаженства при со-

---

[1]) *Архангелъ*—ἀρχάγγελος, начальникъ Ангеловъ (1 Посл. къ Сол., 4, 16; Посл. Іуды, ст. 9). Священное Писаніе различаетъ въ Ангелахъ разные чины, или степени, которыхъ указываетъ девять: Серафимы, Херувимы, Престолы, Господства, Силы, Власти, Начала, Архангелы и Ангелы (Кн. Быт., 3, 24; Кн. Прор. Ис., 6, 2; Посл. къ Колос. 1, 16; Посл. къ Ефес. 1, 20—21; Посл. къ Рим. 8, 38; 1 Посл. къ Солун. 4, 16; Посл. Іуд. ст. 14), Изъ Священнаго Писанія извѣстны имена нѣкоторыхъ Архангеловъ: *Михаилъ*—означающій «кто какъ Богъ» (Кн. Прор. Дан. 10, 13; Посл. Іуд. ст. 9; Апок. 12, 7); *Гавріилъ*—мужъ Божій, сила Божія (Кн. Прор. Дан. 8, 16; Еванг. отъ Луки, 1, 26); *Рафаилъ*—помощь, исцѣленіе Божіе (Кн. Тов. 3, 16; 11, 1); *Уріилъ*—огонь и свѣтъ Божій (3 Кн. Ездры, 4, 1; 5, 20) и *Салаѳіилъ*—молитва къ Богу (3 Кн. Ездры, 5, 16); *Іереміилъ*—высокій или высота Божія (3 Кн. Ездры, 4, 36). Къ Архангеламъ причисляются еще: *Іегудіилъ*—хвала Божія и *Варахіилъ*—благословеніе Божіе, имена коихъ не встрѣчаются въ Священномъ Писаніи.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 27—38.

зерцаніи Его сладостнаго Лика? Павъ на колѣна, Она начала усердно благодарить Творца Своего:

«Я не была достойна, — молилась Пресвятая Богородица, — пріять Тебя, Владыко, въ утробу Мою, если бы Ты Самъ не помиловалъ Меня, рабу Твою; Я соблюла ввѣренное Мнѣ сокровище и посему имѣю дерзновеніе просить Тебя, Царь Славы, чтобы Ты охранилъ Меня отъ области гееннской[1]): если Небо и Ангелы трепещутъ предъ Тобою, то тѣмъ болѣе созданный изъ персти человѣкъ, не имѣющій за собою никакихъ заслугъ, кромѣ дарованныхъ Твоею же благостію; Ты, Господь и Богъ, благословенный во вѣки».

Пречистая Владычица при исходѣ Своемъ изъ этой жизни желала видѣть святыхъ Апостоловъ, уже разошедшихся съ евангельскою проповѣдію по вселенной; Она молила Господа и о томъ, чтобы въ часъ кончины Своей Ей не видѣть князя тьмы и ужасныхъ слугъ его, но чтобы Самъ Сынъ Ея и Богъ, исполняя Свое обѣщаніе, пришелъ и принялъ Ея душу въ Свои святыя руки. Когда Владычица наша, преклоняя колѣна, возносила на горѣ Елеонской Творцу Своему молитвенныя просьбы и благодаренія, то молитва Ея сопровождалась такимъ чудеснымъ явленіемъ: масличныя деревья, стоявшія на горѣ Елеонской, точно одушевленныя, кланялись вмѣстѣ съ Богородицей: когда Матерь Божія преклоняла колѣна, тогда и деревья пригибались книзу; когда Она возставала, тогда и онѣ снова выпрямлялись; деревья, какъ рабы, служили Богородицѣ, почитая Богоматерь.

По окончаніи молитвы Пресвятая Богородица возвратилась домой, и тотчасъ все сотряслось отъ присутствія невидимой силы Божіей, окружавшей Богоматерь, и—отъ славы Господней, которою Она была осіяваема. Лице Ея, и всегда сіяющее благодатію Божіею болѣе, чѣмъ лице Моисея, говорившаго нѣкогда съ Богомъ на Синаѣ[2]), просвѣтилось еще болѣе несказанною славою.—Преблагословенная Владычица начала готовиться къ Своей

---

[1]) *Геенна* — γέεννα есть воспроизведеніе еврейскаго слова, означающаго *долина Еннома* или «сыновъ Еннома»; подъ этой долиной разумѣется глубокая, узкая горловина, гдѣ Іудеи нѣкогда, въ періодъ царей, приносили своихъ дѣтей въ жертву Молоху (4 Кн. Царствъ, **23**, 10; Кн. Прор. Іерем., 7, 31). Въ позднѣйшія времена она служила мѣстомъ для свалки всякаго рода нечистотъ, причемъ для уничтоженія послѣднихъ здѣсь постоянно поддерживался огонь; поэтому долина Еннома сдѣлалась символомъ мѣста вѣчныхъ мученій. Въ этомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ *ада*, и употребляется слово *геенна* въ Новомъ Завѣтѣ (Еванг. отъ: Матѳ., **5**, 29—30; **10**, 28; **18**, 9; **23**, 15; Марка, **9**, 43, 45; Луки, **12**, 5; Посл. Іакова, 3. 6).

[2]) Кн. Исходъ гл. **34**, ст. 30.

кончинѣ. Прежде всего Она сообщила о ней усыновленному Ей возлюбленному ученику Христову Іоанну[1]) и показала ему свѣтя-

---

[1]) *Св. Ап. и Ев. Іоаннъ,* сынъ Зеведея, зажиточнаго рыбака изъ Виѳсаиды, сначала ученикъ св. Іоанна Крестителя, впослѣдствіи былъ призванъ Господомъ на проповѣдь евангельскую отъ сѣтей рыболова и сдѣлался ученикомъ, котораго любилъ Іисусъ Христосъ (Еванг. отъ Іоан., 19, 26). Онъ былъ однимъ изъ трехъ ближайшихъ къ Іисусу Христу учениковъ, которые одни могли присутствовать при величайшихъ событіяхъ Его жизни: при воскрешеніи дочери Іаира (Еванг. отъ Луки, 8, 41—46), Преображеніи (Еванг. отъ Марка, 9, 2) и душевномъ томленіи въ Геѳсиманіи (Еванг. отъ Мѳ. 26, 37). Онъ стоялъ предъ крестомъ Спасителя съ Матеріею Господа и сподобился отъ Него наименованія Ея сыномъ (Еванг. отъ Іоан., 19, 26—27). Поэтому св. Ап. Іоаннъ не оставлялъ Іерусалима, гдѣ пребывала Пресвятая Дѣва Марія, до успенія Богоматери; въ это время онъ вмѣстѣ съ Ап. Петромъ проповѣдовалъ о Христѣ, терпя гоненіе отъ Синедріона, доходившее до бичеваній (Дѣян., 5, 40). По выходѣ изъ Іерусалима возлюбленный ученикъ Христовъ проповѣдовалъ Евангеліе въ Малой Азіи, особенно въ Ефесѣ. Въ гоненіе Домиціана (императоръ въ 81—96 гг.) онъ былъ сосланъ на островъ Патмосъ *за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа* (Апок. 1, 9) и здѣсь удостоился неизреченныхъ откровеній, описанныхъ въ Апокалипсисѣ. При императорѣ (96—98 гг.). Нервѣ св. Ап. Іоаннъ былъ возвращенъ изъ заточенія и поселился въ Ефесѣ, слѣдя за жизнію окружающихъ церквей и предпринимая путешествія для личнаго ихъ обзора. Послѣдніе годы своей жизни Ап. Іоаннъ проводилъ суровую жизнь: питался лишь хлѣбомъ и водой, не стригъ своихъ волосъ и одѣвался въ простыя полотняныя одежды. Отъ старости онъ не имѣлъ уже силъ проповѣдовать Слово Божіе даже и въ окрестностяхъ Ефеса. Теперь онъ только поучалъ епископовъ Церкви и воодушевлялъ ихъ неустанно учить народъ слову Евангельскому, а особенно помнить и проповѣдовать первую и главную Евангельскую Заповѣдь — Заповѣдь любви. Когда, разсказываетъ блаженный Іеронимъ, св. Ап. дошелъ до такой немощи, что ученики его съ трудомъ лишь приносили его въ церковь, и онъ не могъ ужъ произносить продолжительныхъ поученій, то онъ ограничивалъ свои бесѣды непрестаннымъ повтореніемъ такого наставленія: «Дѣтки, любите другъ друга!» А когда однажды ученики спросили его, зачѣмъ онъ непрестанно повторяетъ имъ это? Іоаннъ отвѣтилъ: «сія есть Заповѣдь Господня, и если ее соблюдете, то и довольно». На закатѣ дней своихъ св. Ап. пользовался особенною любовію всего христіанскаго міра. Онъ былъ въ это время единственнымъ Апостоломъ — самовидцемъ Господа, такъ какъ всѣ другіе Апостолы уже скончались. Весь міръ христіанскій зналъ о томъ, что св. Іоаннъ былъ любимѣйшимъ ученикомъ Господа; посему многіе искали случая видѣть Апостола и считали за честь и счастье коснуться его ризъ. Въ началѣ II-го вѣка при Траянѣ (императоръ въ 98—117 гг.) св. Ап. Іоаннъ скончался въ Ефесѣ черезъ 72 года по вознесеніи Господнемъ. Св. Ап. Іоаннъ написалъ св. Евангеліе, три Посланія и Апокалипсисъ, или книгу Откровеній. *Евангеліе* написано Іоанномъ уже въ глубокой старости, въ самомъ концѣ I-го вѣка по Р. Хр. Епископы Ефеса и всей вообще Малой Азіи, опасаясь умножившихся въ то время лжеученій о Лицѣ Господа Іисуса и предвидя скорую кончину св. Апостола, просили его дать имъ свое Евангеліе (новое, сравнительно съ тремя уже имѣвшимися). Дѣйствительно, въ своемъ Евангеліи, написанномъ по внушенію Святаго Духа, св. Іоаннъ говоритъ главнымъ образомъ о томъ, о чемъ нѣтъ рѣчи у Евангелистовъ Матѳея, Марка и Луки. Въ своемъ Евангеліи св. Іоаннъ излагаетъ главнымъ образомъ не событія земной жизни Господа, а возвышенныя рѣчи о Богѣ, Богѣ-Словѣ т. е. Сынѣ Божіемъ, и—бесѣды Спасителя о духовномъ возрожденіи въ Духѣ Святомъ (гл. 3), о живительной влагѣ (*вода живая*), удовлетворяющей духовную жажду людей (гл. 4), о жизненномъ хлѣбѣ (*хлѣбъ животный*), питающемъ душу человѣка (гл. 6), о таинственной дорогѣ, ведущей къ Истинѣ, о двери на пажить спасенія, о свѣтѣ и теплотѣ. Подъ всѣми этими именами ев. Іоаннъ разумѣетъ Самого Господа Іисуса Христа, Который есть вода живая, хлѣбъ духовный, свѣтъ, дверь нашего спасенія, истина, правда, Богъ,—Онъ нашъ Спаситель, отъ вѣка Сущій съ Богомъ, въ Богѣ и Самъ будучи

щуюся райскую вѣтвь, завѣщая ему именно нести ее предъ Своимъ одромъ; затѣмъ Пресвятая Дѣва сообщила о томъ же и прочимъ, служившимъ Ей домочадцамъ. Потомъ Она повелѣла наполнить Свою горницу благоуханіемъ, приготовить и зажечь въ ней возможно болѣе свѣтильниковъ, украсить какъ самую горницу, такъ и стоящій въ ней одръ, — словомъ, устроить все нужное для погребенія. Святый Іоаннъ Богословъ тотчасъ послалъ къ святому Іакову, брату Господню и первому епископу Іерусалимскому[1]), а также—ко всѣмъ родственникамъ и ближнимъ, сообщая о скоромъ,—съ точнымъ обозначеніемъ дня,—отшествіи Матери Божіей. Святый Іаковъ не замедлилъ извѣстить всѣхъ христіанъ, жившихъ не только въ Іерусалимѣ, но и въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, такъ что съ епископомъ Іерусалимскимъ собрались ко Пресвятой Богородицѣ всѣ родственники и великое множество вѣрующихъ обоего пола. Пречистая Владычица во всеуслышаніе повѣдала собравшимся слова, сказанныя Ей Архангеломъ о переселеніи Ея на Небо и въ подтвержденіе показала полученную отъ Своего благовѣстника райскую вѣтвь, которая, какъ солнечный лучъ, сіяла свѣтомъ небесной славы. Слыша изъ устъ Самой Богородицы вѣсть о скорой Ея кончинѣ, окружавшіе Ее

Богъ. А Богъ—это есть высочайшая Любовь, такъ возлюбившая міръ, что Она и Сына Своего не пощадила, но послала въ міръ на страданія для искупленія людей и спасенія ихъ отъ грѣха, проклятія и смерти. Такія же истины раскрываетъ св. Іоаннъ и въ своихъ *Посланіяхъ*, написанныхъ въ городѣ Ефесѣ. Въ нихъ онъ опровергаетъ лжеученія еретиковъ, не признававшихъ пришествія Христа во плоти; указывая на дѣйствительность воплощенія и истинность ученія Спасителя міра, призываетъ христіанъ быть христіанами не по имени только, но и по жизни, которая должна быть осуществленіемъ главной заповѣди о любви къ Богу и къ ближнимъ. *Апокалипсисъ* изображаетъ будущую судьбу Церкви Христовой. По высотѣ ученія св. Апостола и Евангелиста Іоанна о Богѣ-Словѣ, изложенномъ въ его писаніяхъ, ему усвоено наименованіе Богослова; св. Іоаннъ Богословъ изображается на иконахъ съ орломъ, потому что подобно тому, какъ орелъ высоко паритъ въ небесахъ, такъ Іоаннъ въ своихъ Писаніяхъ поднимается до самыхъ высокихъ религіозныхъ истинъ.

[1]) Св. *Іаковъ* Алфеевъ—одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ, такъ называемый еще Іаковъ Меньшій (Еванг. отъ Мрк., 15, 40) или братъ Господень (Посл. къ Галат., 1, 19)—былъ сынъ Алфея, или Клеопы; онъ называется братомъ Господнимъ потому, что принадлежалъ къ числу двоюродныхъ братьевъ Іисуса Христа по матери, Маріи Клеоповой. Апостолъ занималъ почетное мѣсто въ первоначальной общинѣ христіанской и былъ первымъ епископомъ Іерусалимской Церкви; св. Іаковъ отличался необычайной строгостью жизни, которая доставила ему титулъ «Праведнаго». По свидѣтельству іудейскаго историка Іосифа Флавія, Іудеи побили св. Іакова камнями.—Послѣ св. Іакова осталось «Соборное посланіе», состоящее изъ пяти главъ и написанное прекраснымъ греческимъ языкомъ; въ этомъ посланіи св. Іаковъ съ особенною силою указываетъ на необходимость для христіанина добрыхъ дѣлъ, безъ которыхъ вѣра мертва. Св. Іакову приписывается составленіе Литургіи, носящей его имя.

вѣрующіе не могли удержаться отъ слезъ: весь домъ наполнился плачемъ и рыданіями; всѣ умоляли милосердую Владычицу какъ общую всѣхъ Матерь не оставлять ихъ сиротами. Но Матерь Божія просила не плакать, а радоваться Ея кончинѣ, такъ какъ, ставши ближе къ Божію Престолу, лицемъ къ лицу взирая на Сына Своего и Бога и бесѣдуя съ Нимъ уста къ устамъ, Она можетъ по смерти съ бо́льшимъ дерзновеніемъ умолять Его о милосердіи и благости; при этомъ Преблагословенная Богородица обѣщала не оставлять сиротами по Своемъ отшествіи не только ихъ, но и весь міръ: Она весь міръ будетъ посѣщать, внимая его нуждамъ и помогая бѣдствующимъ. Утѣшительныя слова Богородицы отерли слезы плакавшихъ и утишили ихъ печаль. Пречистая Владычица сдѣлала затѣмъ завѣщаніе относительно двухъ Своихъ одеждъ, чтобы онѣ отданы были двумъ бѣднымъ вдовицамъ, которыя съ усердіемъ, получая отъ Нея пропитаніе, служили Ей. О Своемъ пречистомъ тѣлѣ Матерь Божія завѣщала, чтобы оно было погребено въ лежащемъ при горѣ Елеонской, недалеко отъ Іерусалима, Геѳсиманскомъ саду[1]), гдѣ находилась гробница праведныхъ родителей Ея, Іоакима и Анны, и обручника Ея святаго Іосифа; эти гробницы примыкали къ простиравшейся между Іерусалимомъ и горой Елеонской долинѣ Іосафатовой, бывшей мѣстомъ общаго погребенія для бѣдныхъ жителей Іерусалима.

Во время этихъ предсмертныхъ распоряженій Пресвятой Богородицы внезапно послышался шумъ, по силѣ напоминавшій раскаты грома, и облака окружили домъ святаго Іоанна Богослова,—то, по повелѣнію Божію, Ангелы восхитили разошедшихся съ проповѣдію Евангелія по концамъ вселенной Апостоловъ и на облакахъ принесли ихъ въ Іерусалимъ, поставивъ на Сіонѣ предъ дверями дома, гдѣ обитала Матерь Божія. Святые Апостолы, видя другъ друга, радовались и вмѣстѣ съ тѣмъ удивлялись, говоря:

— Что̀ за причина, ради которой Господь собралъ насъ вмѣстѣ?

Къ нимъ вышелъ святый Іоаннъ Богословъ и съ радостными слезами привѣтствовалъ ихъ, сообщая при этомъ о скоромъ пре-

---

[1]) *Геѳсиманія* съ еврейскаго «масличное точило»—мѣсто подножія Елеонской горы, знаменитое тѣмъ, что тутъ совершилось искупительное томленіе Спасителя и была принесена Имъ Его первосвященническая молитва (Еванг. отъ: Марка, 14, 26 32; Луки, 22, 39; Іоан., 18, 1); по преданію, восходящему къ IV вѣку, Геѳсиманія лежала въ 50-ти саженяхъ къ востоку отъ моста черезъ Кедронъ. Теперь Геѳсиманія — квадратное пространство, саженъ 70-ти, обнесенное стѣной, внутри находится садикъ съ восьмью древними маслинами.

ставленіи Пресвятой Богородицы. Тогда святые Апостолы поняли, что Господь собралъ ихъ съ различныхъ концевъ вселенной для присутствія при блаженной кончинѣ Пречистой Его Матери, чтобы они съ честію предали погребенію Ея пречистое тѣло. Вѣсть о скорой кончинѣ Матери Божіей переполнила сердца святыхъ Апостоловъ сильною скорбію. Войдя внутрь дома, они увидѣли Богородицу съ радостнымъ лицемъ сидящую на одрѣ; святыя Апостолы привѣтствовали Ее словами:

— Благословенна Ты отъ Господа, сотворившаго небо и землю!

— Миръ вамъ, братья, избранные Самимъ Господомъ! —отвѣчала Пречистая Владычица.

И потомъ спросила:

— Какъ вы прибыли сюда?

Святые Апостолы открыли Ей, что каждый изъ нихъ былъ восхищенъ силою Духа Божія съ мѣста своей проповѣди и принесенъ на Сіонъ на облакѣ. Матерь Божія прославила Бога, услышавшаго Ея молитву и исполнившаго Ея сердечное желаніе — видѣть при Своей кончинѣ святыхъ Апостоловъ.

— Господь, — говорила Она, обращаясь къ нимъ, — привелъ васъ сюда для утѣшенія Моей души, которой предстоитъ, какъ требуетъ того смертная природа, скорое разлученіе съ тѣломъ: уже приблизилось предопредѣленное Мнѣ Моимъ Создателемъ время.

Они же въ отвѣтъ на это съ печалію говорили Ей:

— Во время Твоего пребыванія на землѣ мы, Владычица, утѣшались, взирая на Тебя какъ на Самого Владыку и Учителя нашего, а теперь, лишаясь Твоего присутствія, какъ вынесемъ тяжелую скорбь, объявшую наши души? Но Ты отходишь въ премірныя обители по изволенію рожденнаго Тобою Христа-Бога, и мы не можемъ не радоваться рѣшенію Божію о Тебѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не оплакивать и своего сиротства, ибо болѣе не увидимъ Тебя, Матерь и Утѣшительницу нашу.

При этихъ словахъ святые Апостолы обливались слезами.

— Не плачьте,—утѣшала ихъ Пресвятая Богородица,— и Моей радости, друзья и ученики Христовы, не омрачайте своею скорбію,—лучше радуйтесь вмѣстѣ со Мною, такъ какъ Я отхожу къ Сыну Моему и Богу. Тѣло Мое, которое Я Сама уготовала для погребенія, предайте землѣ въ Геѳсиманіи, а затѣмъ опять воз-

вращайтесь къ возложенной на васъ проповѣди Евангелія; Меня же, если изволитъ Господь, и по Моемъ отшествіи увидите.

Во время этой бесѣды Богоматери со святыми Апостолами прибылъ и избранный Богомъ сосудъ — святый Апостолъ Павелъ[1]): припавъ къ ногамъ Пресвятой Богородицы, онъ отверзъ свои уста, восхваляя и ублажая Ее:

— Радуйся,—говорилъ святый Апостолъ,—Матерь Жизни и мое проповѣданіе; если я до вознесенія Господа Іисуса Христа не могъ насладиться лицезрѣніемъ Его здѣсь, на землѣ, то, взирая теперь на Тебя, думаю, что вижу какъ бы Его.

Съ Апостоломъ Павломъ были и близкіе его ученики—Діонисій Ареопагитъ[2]), Іероѳей[3]) и Тимоѳей[4]); присутствовали и осталь-

---

1) *Св. Ап. Павелъ*—величайшій проповѣдникъ христіанства среди язычества, получившій за это названіе «Апостола языковъ»—родился въ Тарсѣ, главномъ городѣ малоазійской области Киликіи, который славился греческой академіей и образованностью своихъ жителей; родители св. Павла были фарисеи—строгіе ревнители Моисеева Закона (Дѣян. 23, 6) и происходили изъ колѣна Веніаминова; до обращенія въ христіанство св. Ап. носилъ имя Савла — въ честь царя Саула. Главное образованіе онъ получилъ въ Іерусалимѣ подъ руководствомъ знаменитаго іудейскаго учителя Гамаліила, отличавшагося, по сравненію съ другими законниками, большею широтою воззрѣній. По приверженности къ Закону Моисееву Савлъ сдѣлался гонителемъ христіанъ и былъ однимъ изъ ближайшихъ участниковъ побіенія камнями первомученика Стефана (Дѣян. гл. 7; гл. 8, 1), но на пути въ Дамаскъ, куда былъ посланъ Синедріономъ для преслѣдованія христіанъ, будучи пораженъ внезапнымъ явленіемъ небеснаго свѣта и воззваніемъ гонимаго имъ Христа, обратился въ христіанство и въ Дамаскѣ принялъ Святое Крещеніе; изъ яростнаго гонителя христіанъ Савла онъ превратился въ великаго проповѣдника христіанства св. Ап. Павла (Дѣян. 9, 20, 26). По возвращеніи въ Іерусалимъ онъ былъ принятъ въ святое общество Апостоловъ. Во время многочисленныхъ путешествій для распространенія христіанства св. Ап. Павелъ пронесъ Евангеліе отъ глубины Азіи до Рима и даже, по преданію, до Испаніи и Британіи. Въ царствованіе Нерона онъ вмѣстѣ со св. Ап. Петромъ принялъ въ Римѣ (въ 64 г.) мученическую кончину чрезъ усѣченіе мечомъ. За свои великіе проповѣдническіе труды св. Ап. Павелъ названъ Церковію «первоверховнымъ».—Ни одинъ изъ Апостоловъ не оставилъ столько писаній, какъ Ап. Павелъ: ему принадлежатъ 14 Посланій, которыя были написаны въ разное время и по различнымъ обстоятельствамъ, но которыя всѣ составляютъ яркое выраженіе его религіозно-нравственнаго міросозерцанія, какъ и отраженіе религіозно-нравственнаго состоянія міра въ то переходное время. Въ этихъ Посланіяхъ боговдохновеннаго Апостола видимъ первую чисто богословскую систематизацію христіанскаго ученія.

2) Св. *Діонисій Ареопагитъ*, членъ аѳинскаго ареопага, былъ, по свидѣтельству Дѣяній Ап. (17, 34), обращенъ въ христіанство проповѣдію св. Ап. Павла. По словамъ церковнаго историка Евсевія, онъ былъ первымъ аѳинскимъ епископомъ и запечатлѣлъ свое служеніе, какъ говоритъ апологія Аристида, мученическою смертью при Домиціанѣ въ 96 г.

3) Св. *Іероѳей* тоже былъ членомъ аѳинскаго ареопага и также обращенъ въ христіанство св. Апостоломъ Павломъ; имъ же онъ былъ поставленъ во епископа Аѳинскаго; св. Іероѳей скончался въ I вѣкѣ.

4) Св. *Тимоѳей*, уроженецъ Малой Азіи, Дервіи или Листры, (Дѣян., 16, 1; 20, 4; 2 Посл. къ Тим., 3, 4); своимъ обращеніемъ ко Христу обязанъ проповѣди св. Ап. Павла, который,

ные, изъ числа семидесяти, апостолы — всѣ были собраны Святымъ Духомъ, чтобы сподобиться благословенія Пречистой Дѣвы Маріи и своимъ присутствіемъ содѣйствовать бо́льшей торжественности Ея погребенія. Пречистая Владычица каждаго изъ святыхъ апостоловъ призывала къ Себѣ по имени, восхваляя вѣру и подвиги его при благовѣстіи о Христѣ Іисусѣ; каждому Она желала вѣчнаго блаженства и молилась о мирѣ всего міра.

Насталъ пятнадцатый день августа мѣсяца, и приблизился ожидаемый всѣми благословенный часъ,—это былъ третій часъ дня,—отшествія Пресвятой Богородицы. Въ горницѣ возжжено было множество свѣтильниковъ; святые Апостолы возносили славословіе Богу; пренепорочная же Дѣва возлежала на украшенномъ одрѣ, приготовляясь къ блаженной кончинѣ и ожидая пришествія къ Себѣ возлюбленнаго Сына Своего и Господа. Внезапно въ горницѣ заблисталъ несказанный свѣтъ Божественной Славы, помрачившій свѣтильники. Тѣ, которымъ открыто было это видѣніе, пришли въ ужасъ. Они видѣли, что кровля горницы открыта и Слава Господня нисходитъ съ Небесъ—Самъ Царь Славы Христосъ со тьмами Ангеловъ и Архангеловъ, со всѣми Небесными Силами, со святыми праотцами и Пророками, нѣкогда предвозвѣщавшими о Пресвятой Дѣвѣ, и со всѣми праведными душами приближался къ Пречистой Своей Матери. Увидѣвъ приближеніе Сына, Матерь Божія въ великой радости воскликнула слова Своей пѣсни:

— **Велѝчитъ дꙋша̀ моѧ̀ гдⷭ҇а, и҆ возра́довасѧ дꙋхъ мо́й ѡ҆ бг҃ѣ спⷭ҇ѣ моѐмъ, ꙗ҆́кѡ призрѣ̀ на смире́ніе рабы̀ своеѧ̀** [1]).

И, приподнявшись съ одра, какъ бы пытаясь идти въ срѣтеніе Сыну Своему, Она поклонилась Господу. Онъ же, приблизившись и съ любовію взирая на Нее, говорилъ:

— Пріиди, Ближняя Моя, пріиди, Голубица Моя, пріиди, драгоцѣнное Мое сокровище и войди въ обители вѣчной жизни.

Матерь Божія, поклонившись, отвѣчала:

поэтому, называетъ его своимъ сыномъ (1 Посл. къ Кор., 4, 17; 1 Посл. къ Тим., 1, 2); онъ былъ постояннымъ спутникомъ св. Ап. Павла въ его путешествіяхъ съ проповѣдію Евангелія (Посл. къ Рим., 16, 21; 1 Посл. къ Кор. 16. 10; 1 Посл. къ Солун. 3, 2). Рукоположенный впослѣдствіи, по преданію — самимъ Апостоломъ, во епископа Ефесской Церкви, Тимоѳей свое 15-лѣтнее епископское служеніе окончилъ мученическою смертію, по однимъ, въ царствованіе Домиціана (81—96 гг.), по другимъ — Нервы (96—98 гг.): св. Тимоѳея побила камнями въ одинъ языческій праздникъ толпа язычниковъ, раздраженная его обличительной проповѣдью.

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 46—47.

— Благословенно Имя Твое, Господи Славы и Боже Мой, благоволившій избрать смиренную рабу Свою для служенія таинству Твоему; помяни Меня, Царь Славы, въ вѣчномъ Твоемъ Царствіи; Тебѣ извѣстно, что Я всѣмъ сердцемъ Моимъ возлюбила Тебя и соблюла ввѣренное Мнѣ сокровище, и теперь пріими въ мирѣ духъ Мой и защити Меня отъ всякихъ козней темной, сатанинской силы.

Господь утѣшилъ Ее исполненными любви словами, убѣждая не бояться сатанинской силы, которая уже побѣждена Ею; Онъ съ любовію призывалъ Ее безбоязненно прейти отъ земли къ Небу.

— **Гото́во се́рдце моѐ, бже, гото́во се́рдце моѐ**[1]),— отвѣчала на это Пресвятая Дѣва.

И, затѣмъ, произнесши сказанныя Ею нѣкогда слова,—**бꙋ́ди мнѣ́ ны́нѣ по глаго́лꙋ твоемꙋ̀**[2]), снова возлегла на одрѣ. Чувствуя неизреченную радость при видѣ Пресвѣтлаго Лица Сына Своего и Господа, Матерь Божія, отъ любви къ Нему преисполненная духовнаго восторга, предала пречистую душу Свою въ руки Господа; при этомъ Она не ощутила никакой боли, но какъ бы уснула сладкимъ сномъ: Тотъ, Кого Она зачала безъ нарушенія дѣвства и родила безъ болѣзни, пріялъ и душу Ея отъ пречистаго тѣла. И тотчасъ началось исполненное радости дивное ангельское пѣніе, въ которомъ слышались, часто повторяемыя Ангелами, слова привѣтствія Гавріилова Пресвятой Дѣвѣ:

— **Ра́дꙋйся, благода́тная! гдⷭ҇ь съ тобо́ю, благослове́на ты̀ въ жена́хъ**[3]).

Съ такими торжественными пѣснопѣніями провожали Небесные Чины пресвятую душу Богоматери, на рукахъ Господа грядущую въ Горнія обители. Святые Апостолы, удостоившіеся видѣнія, умиленными очами провожали Матерь Божію какъ нѣкогда Господа, возносившагося съ Елеонской горы[4]); они долго стояли, испытывая ужасъ и какъ бы находясь въ забытьи. Придя въ себя, ученики Христовы поклонились Господу, со славою вознесшему на Небо душу Своей Матери, и съ плачемъ окружили одръ Богородицы. Лице преблагословенной Дѣвы Маріи сіяло какъ солнце,

---

1) Пс. 107, ст. 2.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 38.
3) Еванг. отъ Луки, гл. 1. ст. 28.
4) Дѣян., гл. 1, ст. 9—12.

и отъ пречистаго тѣла Ея исходило дивное благоуханіе, подобнаго которому здѣсь, на землѣ, невозможно и найти. Всѣ вѣрующіе, благоговѣйно почитая пречистое тѣло, лобызали его со страхомъ; отъ честныхъ мощей Богородицы исходила освящающая сила, наполнявшая радостью сердца всѣхъ, прикасавшихся къ нему. Болящіе же получали исцѣленія: слѣпые прозрѣвали, у глухихъ отверзался слухъ, хромые выпрямлялись, бѣсы изгонялись — всякая болѣзнь совершенно исчезала отъ одного только прикосновенія къ одру Божіей Матери.

Среди этихъ событій, сопровождавшихъ смерть Божіей Матери, началось торжественное шествіе съ Ея пречестнымъ тѣломъ для его погребенія: святый Апостолъ Петръ[1]) вмѣстѣ со святыми Апостолами Павломъ и Іаковомъ, братомъ Божіимъ, ставъ во главѣ, подняли вмѣстѣ съ другими святыми Апостолами изъ числа двѣнадцати одръ Пресвятой Богоматери; святый же Іоаннъ Богословъ несъ впереди райскую вѣтвь, испускавшую сіяніе. Остальные же вѣрующіе со свѣчами и кадилами шли вблизи, окружая одръ. Всѣ воспѣвали исходныя молитвословія: святый Апостолъ Петръ начиналъ, а прочіе стройно пѣли за нимъ Псаломъ Давида: **во ѝсхо́дѣ ї҆зра́илевѣ ѿ є҆ги́пта**[2]), присоединяя къ каждому стиху аллилуіа; по внушенію Святаго Духа воспѣвали и другіе торжественные и благодарственные молитвы и Псалмы. Торжественное шествіе съ пречистымъ тѣломъ Богоматери направлялось отъ Сіона чрезъ Іерусалимъ въ Геѳсиманію. Надъ одромъ и провождающими появился облачный кругъ, напоминавшій вѣнецъ и озаренный необыкновенно свѣтлымъ сіяніемъ. А въ облакахъ, во всеуслы-

---

1) *Св. Ап. Петръ,* сынъ Іонинъ, братъ Андрея, одинъ изъ 3-хъ ближайшихъ учениковъ Христа Спасителя, родомъ изъ Галилейскаго города Виѳсаиды, изъ рыбарей призванъ къ апостольству Самимъ Іисусомъ Христомъ (Еванг. отъ Мѳ., 4, 18—20); онъ первый назвалъ Спасителя *Христомъ, Сыномъ Бога Живаго,* за что былъ удостоенъ отъ Господа названія *камня,* на которомъ созиждется Церковь (Еванг. отъ Мѳ., 16, 17—19). Три раза онъ отрекся отъ Христа, но горькимъ раскаяніемъ возвратилъ любовь Господа. По воскресеніи Господа Ап. Петръ первый, въ день сошествія Св. Духа, выступилъ съ проповѣдію о Христѣ Воскресшемъ (Дѣяи., 2, 14); онъ съ Ап. Іоанномъ изъвелъ Св. Духа на самарянъ, крещенныхъ Филиппомъ, обратилъ Корнилія Сотника, открывъ доступъ въ Церковь и язычникамъ; утвердилъ Антіохійскую Церковь; затѣмъ онъ проповѣдовалъ о Спасителѣ въ Сиріи, Понтѣ, Галатіи, Каппадокіи, Пергамѣ, Виѳиніи, Иллирикѣ и Италіи, словомъ,— отъ Вавилона до Рима; въ Римѣ, по приказанію Нерона, Апостолъ распятъ (въ 64 г.) внизъ головою, о чемъ св. Петръ просилъ самъ, не считая себя достойнымъ умереть на крестѣ, какъ Господь.—Ап. Петръ оставилъ два Посланія, писанныя къ христіанамъ изъ іудеевъ, разсѣянныхъ между язычниками.

2) Пс. 113.

шаніе, наполняя воздухъ, раздавалось дивное ангельское пѣніе. Этотъ облачный вѣнецъ плылъ по воздуху надъ одромъ Божіей Матери до самаго мѣста погребенія; за все это время не прекращалось и ангельское пѣніе. Но радостное шествіе,—вполнѣ описать его не можетъ слабый человѣческій языкъ,—было неожиданно прервано. Многіе изъ невѣровавшихъ во Христа іудеевъ, услышавъ необычное пѣніе и увидѣвъ торжественное шествіе, покинули свои жилища и присоединились къ нему: они также пошли за городъ, удивляясь той славѣ и чести, какія воздавались пречестному тѣлу Матери Іисуса Христа. Узнавъ объ этомъ, архіереи и книжники пришли въ сильную ярость и послали слугъ и воиновъ,—подговоривъ также многихъ и изъ народа,—чтобы они догнали шествіе и разогнали его участниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они приказывали учениковъ Христовыхъ убить, а тѣло Богоматери сжечь. Но когда послушная подстрекателямъ толпа, вооружившись точно на сраженіе, въ ярости побѣжала вслѣдъ за сопровождавшими тѣло Пресвятой Богородицы и уже стала настигать ихъ, внезапно облачный кругъ, плывшій по воздуху, спустился на землю и точно стѣною окружилъ какъ святыхъ Апостоловъ, такъ и остальныхъ христіанъ; преслѣдовавшіе слышали лишь пѣніе, никого не видя за облакомъ. Святые Ангелы, невидимо парившіе надъ тѣломъ Богоматери и христіанами, поразили злобныхъ преслѣдователей слѣпотою: одни изъ нихъ разбили головы о городскія стѣны; другіе ощупывали ихъ и, не зная, куда идти, искали проводниковъ. Въ это время одному іудейскому священнику, по имени Аѳонію, случилось выйти въ путь: видя святыхъ Апостоловъ,—облако по Божію повелѣнію для бо́льшей славы Богоматери снова поднялось,—и множество христіанъ, со свѣчами и пѣніемъ окружавшихъ тѣло Приснодѣвы Маріи, Аѳоній переполнился завистью; въ немъ вспыхнула прежняя злоба къ Господу нашему, и онъ сказалъ:

— Смотри, какой почетъ окружаетъ тѣло Той, Которая родила Льстеца, разорившаго Законъ нашихъ отцовъ!

Будучи очень силенъ, онъ съ неистовою яростію подбѣжалъ чрезъ толпу христіанъ къ одру, чтобы сбросить на землю тѣло Пречистой Владычицы нашей: когда дерзкія руки священника коснулись одра, тотчасъ невидимый Ангелъ разсѣкъ ихъ посрединѣ невещественнымъ мечомъ Божія отмщенія, и онѣ повисли, не отрываясь отъ одра, самъ же Аѳоній упалъ на землю, восклицая:

— Горе мнѣ!

Уразумѣвъ свой грѣхъ, онъ сталъ каяться и говорить святымъ Апостоламъ:

— Помилуйте меня, рабы Христовы!

Святый Апостолъ Петръ приказалъ остановиться несшимъ тѣло Богоматери и сказалъ Аѳонію:

— Вотъ, ты получилъ, чего желалъ; знай, что Богъ отмщеній—Господь явилъ Себя[1]), и мы не можемъ исцѣлить тебя отъ твоихъ ранъ; это можетъ сдѣлать только Самъ Господь нашъ, на Котораго вы неправедно возстали и, схвативъ, убили; но и Онъ не захочетъ даровать тебѣ исцѣленія, пока ты не увѣруешь въ Него всѣмъ сердцемъ и не исповѣдаешь устами, что Іисусъ есть Истинный Мессія, Сынъ Божій.

Аѳоній воскликнулъ:

— Вѣрую, что Онъ есть предвозвѣщенный Пророками Спаситель міра—Христосъ; мы съ самаго начала увидѣли, что Онъ есть Сынъ Божій, но, омраченные злобною завистію, не хотѣли открыто признать величія Божія и предали Его безвинно смерти; но Онъ силою Своего Божества въ третій день воскресъ, посрамивъ всѣхъ насъ—его ненавистниковъ. Мы пытались путемъ подкупа стражи утаить Его воскресеніе, но ничего не могли сдѣлать, такъ какъ слава объ этомъ повсюду распространилась.

Когда Аѳоній говорилъ это, раскаиваясь въ своемъ грѣхѣ, святые Апостолы и всѣ вѣрующіе радовались радостію Ангеловъ о кающемся грѣшникѣ: святый Апостолъ Петръ повелѣлъ Аѳонію съ вѣрою приложить раны усѣченныхъ рукъ къ висящимъ на одрѣ, призывая имя Пресвятой Богородицы. Аѳоній исполнилъ это, и тотчасъ отсѣченныя руки присоединились къ своему мѣсту; онѣ сдѣлались совершенно здоровы; остался только знакъ отсѣченія—точно красная ниточка, окружавшій локоть. Аѳоній палъ предъ одромъ ницъ, кланяясь рожденному отъ Пресвятой Богородицы Христу—Богу и ублажая многими похвалами Пречистую Матерь Его: онъ приводилъ изъ Святаго Писанія пророчества, свидѣтельствующія какъ о Ней, такъ и о Христѣ, и всѣ удивлялись вдвойнѣ, видя чудесное исцѣленіе усѣченныхъ рукъ Аѳонія и слыша отъ него мудрыя слова, которыми онъ прославлялъ Господа Іисуса и восхвалялъ Богородицу. Затѣмъ Аѳоній присоединился къ святымъ Апостоламъ, слѣдуя съ прочими христіанами въ

---

[1]) Пс. 93, ст. 1.

Геѳсиманію за одромъ. Точно такъ же получили исцѣленіе и тѣ изъ пораженныхъ слѣпотою, которые, сознавая свой грѣхъ, съ раскаяніемъ подходили съ проводниками къ честному одру и касались его съ вѣрою,—они получали прозрѣніе не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ очей. Милосердая Матерь всѣхъ, Пресвятая Владычица наша, какъ рожденіемъ Своимъ доставила радость всей вселенной, такъ и въ успеніи Своемъ не восхотѣла никого опечалить: какъ благая Матерь благаго Царя, Она и бывшихъ враговъ Своихъ милостиво утѣшила благодатными дарами Своими.

Но вотъ святые Апостолы со всѣмъ множествомъ христіанъ достигли Геѳсиманскаго сада; когда поставили одръ съ пречестнымъ тѣломъ, то снова поднялся плачъ среди христіанъ: всѣ, лишаясь такого сокровища, рыдали о своемъ сиротствѣ; отдавая послѣднее цѣлованіе, христіане припадали къ тѣлу Пресвятой Богородицы и цѣловали его, обливаясь слезами, такъ что только къ вечеру могли положить пречестное тѣло во гробъ; но даже и тогда, когда ко гробу былъ уже приваленъ громадный камень, христіане не отходили отъ него, удерживаемые любовію къ Богоматери.—Святые Апостолы пробыли при гробѣ Пресвятой Богородицы, не покидая Геѳсиманскаго сада, трое сутокъ, днемъ и ночью воспѣвая Псалмы. И во все это время въ воздухѣ слышалось дивное пѣніе Небесныхъ Воинствъ, восхваляющихъ Бога и ублажающихъ Его Пречистую Матерь.

По особенному устроенію Божію одинъ изъ Апостоловъ, святый Ѳома,[1]) не присутствовалъ на преславномъ погребеніи тѣла Пречистой Богородицы; онъ только на третій день явился въ Геѳсиманію. Святый Апостолъ Ѳома сильно скорбѣлъ и сокрушался, что не удостоился, какъ прочіе святые Апостолы, послѣдняго привѣтствія и благословенія Пречистой Богородицы; онъ сильно плакалъ также и о томъ, что одинъ только не видѣлъ Божественной славы, дивныхъ таинъ и дѣлъ Божіихъ, явленныхъ во время успенія и торжественнаго погребенія Богоматери. Святые Апостолы, сжалившись надъ нимъ, рѣшили открыть гробъ, чтобы святый Ѳома могъ увидѣть хотя бы мертвое тѣло Преблагословенной Богородицы, поклониться ему и облобызать его и чрезъ это получить нѣко-

---

1) *Св. Ап. Ѳома* былъ родомъ галилеянинъ. По вознесеніи Господнемъ проповѣдывалъ Евангеліе въ Палестинѣ, Месопотаміи, Парѳіи и другихъ странахъ восточныхъ. Въ Индіи проповѣдь свою запечатлѣлъ мученическою смертью въ городѣ Мелипурѣ, или Малипурѣ.

торую ослабу своей печали и утѣшеніе въ огорченіи. Но когда святые Апостолы, отваливъ камень, открыли гробъ, то пришли въ ужасъ: во гробѣ тѣла Богоматери не было,—остались однѣ только погребальныя пелены, распространявшія дивное благоуханіе; святые Апостолы стояли въ изумленіи, недоумѣвая, что это значитъ!? Лобызая со слезами и благоговѣніемъ оставшуюся во гробѣ погребальную пелену, они молились Господу, чтобы Онъ открылъ имъ, куда исчезло тѣло Пресвятой Богородицы? Къ вечеру они сѣли, чтобы немного подкрѣпиться пищею. У святыхъ Апостоловъ во время трапезы былъ такой обычай: они оставляли среди себя незанятымъ одно мѣсто, полагая на немъ въ честь Христа—какъ Его часть—кусокъ хлѣба. По окончаніи трапезы, вознося благодареніе, они брали помянутую частицу хлѣба, называемую частью Господа, и поднимали вверхъ, славя великое Имя Пресвятой Троицы, затѣмъ, послѣ словъ «Господи Іисусе Христе, помогай намъ!», съѣдали этотъ кусокъ—какъ Божіе благословеніе. Такъ поступали святые Апостолы не только тогда, когда всѣ были вмѣстѣ, но и когда каждый находился вдали другъ отъ друга. Теперь же въ Геѳсиманіи во время трапезы они ни о чемъ другомъ не думали и не говорили, какъ о томъ, почему не нашлось во гробѣ пречистаго тѣла Богоматери. И вотъ, когда, окончивъ трапезу, святые Апостолы начали воздвизать отложенную въ честь Господа частицу хлѣба, славя Пресвятую Троицу, вдругъ услышали ангельское пѣніе: поднявши глаза, они увидѣли на воздухѣ стоящую Пречистую Матерь Божію, окруженную множествомъ Ангеловъ. Она была осіяваема неизреченнымъ свѣтомъ и сказала имъ:

— Радуйтесь!—ибо Я съ вами во всѣ дни.

Святые Апостолы, исполнившись радости, вмѣсто обычнаго «Господи Іисусе Христе, помогай намъ» воскликнули:

— Пресвятая Богородице, помогай намъ!

Съ этого времени они какъ сами увѣровали, такъ и Святую Церковь научили вѣрить, что Пречистая Матерь Божія въ третій день послѣ погребенія была воскрешена Своимъ Сыномъ и взята съ тѣломъ на Небо. Снова войдя во гробъ, святые Апостолы взяли оставленную плащаницу для утѣшенія скорбящихъ и какъ неложное свидѣтельство возстанія Богоматери изъ гроба.

Не подобало скиніи жизни быть во власти смерти и Породившей Создателя твари раздѣлить участь тлѣнія съ земною тваріею. Законодатель явился исполнителемъ даннаго отъ Него Закона—

сыновья да чтутъ родителей: Онъ почтилъ Пренепорочную Матерь Свою, какъ Себя,—какъ Самъ Онъ со славою воскресъ въ третій день и потомъ вознесся съ пречистою плотію на Небо, такъ и Матерь Свою воскресилъ со славою въ третій день и взялъ къ Себѣ въ небесныя селенія. Объ этомъ предсказывалъ и святый Давидъ, говоря: **воскр҃нѝ, гд҃и, въ поко́й тво́й, ты̀ и҆ кивѡ́тъ свѧты́ни твоеѧ̀**[1]); Его пророческія слова сбылись при воскресеніи Господа и воскрешеніи Имъ Своей Матери.—Высѣченный въ камнѣ пустой гробъ Богоматери, какъ и Сына Ея, доселѣ сохранился и служитъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія вѣрныхъ.

Господь по особому смотрѣнію Своему замедлилъ прибытіе святаго Ѳомы ко дню преставленія Пречистой Богородицы, чтобы для него былъ открытъ гробъ, и Церковь, такимъ образомъ, увѣрилась въ воскрешеніи Богоматери, подобно тому какъ ранѣе, чрезъ невѣріе того же Апостола, увѣрилась въ воскресеніи Христовомъ[2]).—Такъ совершилось успеніе Пречистой и Преблагословенной нашей Богородицы и—погребеніе Ея непорочнаго тѣла, Ея преславное воскрешеніе и торжественное увѣреніе о взятіи Ея на Небо съ плотію.

По окончаніи всѣхъ этихъ дивныхъ чудесъ и таинъ Божіихъ святые Апостолы, снова носимые облакомъ, возвратились каждый въ ту страну, откуда взятъ былъ во время своей проповѣди Евангелія.

Святый Амвросій, говоря о жизни Владычицы нашей на землѣ, такъ описываетъ дивныя душевныя качества Пресвятой Богородицы:

— Она—Дѣва не только по плоти, но и по духу: смиренна сердцемъ и нетороплива въ рѣчи; слова Ея полны Божественной мудрости; Она почти постоянно въ чтеніи Святаго Писанія и неутомима въ трудахъ; цѣломудренна въ бесѣдахъ, говоря съ людьми, какъ предъ Богомъ; никого никогда Она не обидѣла, желая всѣмъ добра; никѣмъ, хотя бы и убогимъ, не гнушаясь, ни надъ кѣмъ не смѣясь, но все, что ни видѣла, покрывала Своею любовію; изъ устъ Ея никогда не исходило слова, не приносившаго благодати; во всѣхъ дѣлахъ Своихъ Она являла образъ высочайшаго дѣвства. Внѣшній видъ Ея былъ отображеніемъ внутренняго совершенства—благости и незлобія.

---

1) Пс. 131, ст. 8.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 20, ст. 24—31.

Такъ говоритъ святый Амвросій. Описаніе святости душевной и внѣшняго вида Богоматери встрѣчаемъ также у Епифанія и Никифора:

«Во всякомъ случаѣ Она сохраняла досточтимую сановитость и постоянство; говорила очень мало, только о необходимомъ и добромъ,—слова Ея были сладостны для уха; къ каждому Она относилась съ дòлжнымъ уваженіемъ; съ каждымъ человѣкомъ вела соотвѣтствующую бесѣду, не смѣясь, не возмущаясь, тѣмъ болѣе не гнѣваясь. Ростъ Ея былъ средній; цвѣтъ лица — какъ цвѣтъ зерна пшеничнаго; волосы свѣтлорусые и нѣсколько златовидные; взглядъ быстрый, проницательный; глаза — цвѣтомъ напоминавшіе масличный плодъ; брови немного наклоненныя, темныя; носъ средній; уста, подобныя цвѣту розы и сладкословесныя; лице не совсѣмъ круглое; руки и пальцы продолговатые; въ Ней не было никакой гордости, во всемъ простота, безъ малѣйшаго притворства; Она была чужда всякаго потворства, являя, въ то же время, примѣръ высочайшаго смиренія. Одежды Ея были просты, безъ всякихъ искусственныхъ украшеній, какъ о томъ говоритъ сохранившійся доселѣ покровъ Ея главы,—словомъ, во всемъ у Ней проявлялась проникавшая Ее Божественная благодать».

Так повѣствуютъ Никифоръ и Епифаній о душевномъ и тѣлесномъ образѣ Пресвятой Богородицы во время жизни Ея на землѣ.

Теперь же о Матери Божіей, водворившейся въ Небесныхъ обителяхъ и стоящей одесную Престола Божія, могутъ повѣдать только небесные духи да души праведныхъ, предстоящіе Богородицѣ и наслаждающіеся лицезрѣніемъ какъ Бога, такъ и Пречистой Дѣвы; они лишь могутъ сказать намъ объ Ней, какъ того требуетъ Ея святость. Мы же, славя Отца, Сына и Святаго Духа, Бога Единаго въ Троицѣ, славимъ по Бозѣ и Его Пречистую Матерь и Ей, отъ всѣхъ родовъ славимой и блажимой во вѣки, поклоняемся усердно.

Объ отдѣльныхъ событіяхъ изъ жизни Пресвятой Богородицы со дня Ея рожденія писано въ нарочитые праздники Ея: на Зачатіе, Рожденіе, Введеніе во храмъ, Благовѣщеніе, также и на Рождество Христово и Срѣтеніе. А здѣсь, послѣ повѣствованія о Ея безсмертномъ успеніи, въ пополненіе исторіи Ея жизни разскажемъ, гдѣ и какъ жила Владычица наша по Вознесеніи Христовомъ.

Святый Евангелистъ Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ пишетъ, что, по отшествіи на Небо Господа, ученики Его возвратились съ горы Елеонской въ Іерусалимъ; войдя въ горницу (гдѣ была Тайная Вечеря Христа), **всѝ бѧ́хꙋ терпѧ́ще ѥ҆динодꙋ́шнѡ въ мл҃твѣ̀ и҆ моле́нїи съ жена́ми и҆ мр҃і́ею мт҃рі́ею і҆и҃са**[1]). По вознесеніи Іисуса Христа Богородица была для учениковъ Его единственнымъ утѣшеніемъ, радостью въ печали и твердой учительницей вѣры. Ибо всѣ слова и чудесныя событія, которыя Матерь Божія слагала въ Своемъ сердцѣ[2]), начиная отъ радостнаго благовѣщенія Гавріила о безсѣменномъ зачатіи и нетлѣннаго рожденія Христова изъ дѣвической утробы и кончая годами младенчества Господня и временемъ жизни до крещенія отъ Іоанна,—все это Она открыла ученикамъ Своего Сына. Какъ имѣвшая обильныя откровенія отъ Святаго Духа и Сама бывшая свидѣтельницею всѣхъ чудесныхъ дѣйствій, совершившихся въ жизни Христовой до дня явленія Господа міру, Матерь Божія укрѣпляла вѣру святыхъ Апостоловъ подробнымъ повѣствованіемъ о жизни Спасителя до Его Крещенія. Всѣ вѣрующіе, пребывая въ помянутой горницѣ, неустанно молились, приготовляясь къ принятію даровъ обѣщаннаго Господомъ отъ Отца Святаго Духа. И во время сошествія—въ 11-ый день по вознесеніи Господнемъ—Святаго Духа на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ,[3]) ниспосланный отъ Отца Утѣшитель[4]) прежде почилъ на Пречистой Дѣвѣ, и до сего бывшей достойнымъ Его храмомъ, въ которомъ Онъ пребывалъ неотступно. Дары Святаго Духа излились на преблагословенную Дѣву въ бо́льшемъ изобиліи, нежели на святыхъ Апостоловъ, подобно тому какъ бо́льшій сосудъ можетъ больше вмѣстить въ себѣ воды, и Пречистая Дѣва, сосудъ самый богатый дарами Святаго Духа, потому что Она выше Апостоловъ, Пророковъ и всѣхъ святыхъ, какъ и взываетъ къ Ней Церковь: «воистину Ты, Дѣва чистая, выше всѣхъ»; поэтому Она и даровъ Святаго Духа вмѣстила въ себѣ болѣе всѣхъ.

Матерь Божія жила въ домѣ святаго Іоанна Богослова, находившемся на самомъ высокомъ мѣстѣ Іерусалима—на горѣ Сіонъ: съ того самаго времени, когда Господь сказалъ со креста Своей Матери, указывая на возлюбленнаго ученика: **же́но, сѐ сы́нъ тво́й,**

---

1) Дѣян., гл. 1, ст. 13—14.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 19.
3) Дѣян., гл. 2, ст. 1—4.
4) Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 16.

и ученику: сѐ мт҃рь твоѧ̀[1]), Іоаннъ взялъ Пресвятую Дѣву къ себѣ и дѣйствительно служилъ Ей какъ своей матери.—По сошествіи Святаго Духа святые Апостолы не тотчасъ разошлись по вселенной съ проповѣдію Евангелія, но еще долгое время пробыли въ Іерусалимѣ, какъ это видно изъ Дѣяній Апостольскихъ. Здѣсь повѣствуется, что, по убіеніи святаго первомученика Стефана[2]), настало гонéнїе вéлїе на цр҃ковь ї҆ерⷭ҇лимскꙋю: вси́ же разсѣ́ѧшасѧ по странáмъ ї҆ꙋдéйскимъ и҆ самарі́йскимъ, кромѣ̀ а҆пⷭ҇лъ[3]); ученики Христовы, защищаемые силою Божіею, пробыли въ Іерусалимѣ около десяти лѣтъ, считая со времени вознесенія Господня до дня, когда возложѝ и҆́рѡдъ цáрь рꙋцѣ̀ ѡ҆ѕлóбити нѣ́кїѧ, и҆̀же ѿ цр҃кве[4]). Правда, за описываемый промежутокъ времени святые Апостолы уходили на время въ другія страны, какъ Петръ и Іоаннъ вмѣстѣ въ Самарію[5]), или одинъ Петръ—въ Лидду, гдѣ исцѣлилъ страдавшаго восемь лѣтъ разслабленнаго Энея[6]), и—Іоппію, гдѣ воскресилъ умершую Тавиѳу[7]), Кесарію, гдѣ крестилъ Корнилія Сотника[8]), и Антіохію, гдѣ основалъ первый престолъ своего епископства; или, какъ Іаковъ, братъ Іоанна, ходилъ въ Испанію, но затѣмъ они опять возвращались въ Іерусалимъ. Въ началѣ своей проповѣди святые Апостолы желали служить, главнымъ образомъ, спасенію израильскаго народа, утверждая въ то же время первую церковь въ Іерусалимѣ, которая всѣхъ церквей мать, какъ воспѣваетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ: «радуйся, Сіоне святый, мати церквей, Божіе жилище: ты бо пріялъ еси первый оставленіе грѣховъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ они желали какъ можно чаще видѣть Матерь Божію и поучаться у Нея. Почитая Ее, какъ бы намѣстницу Христову, святые Апостолы взирали на пречестнóе и славное Лице Богоматери какъ Лице Самого Христа, и, слушая исполненныя благости слова Приснодѣвы, они проникались несказанной духовной радостью, за сладостью Ея словъ забывая горечь бѣдъ и несчастій. Поэтому многіе изъ увѣровавшихъ во Христа изъ далекихъ странъ приходили въ Іерусалимъ, чтобы видѣть Матерь Божію и слышать

---

1) Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 26—27.
2) Гл. 7, ст. 59—60.
3) Гл. 8, ст. 1.
4) Гл. 12, ст. 1.
5) Гл. 8, ст. 14—15.
6) Гл. 9, ст. 32—34.
7) Гл. 9, ст. 36—43.
8) Гл. 10.

Ея, исполненную святой мудрости, бесѣду; что̀ слава о Христѣ и Его Пречистой Матери, распространившись по всѣмъ концамъ вселенной, многихъ привлекала въ Іерусалимъ къ Пресвятой Дѣвѣ, это ясно видно изъ Посланія святаго Игнатія Богоносца[1]) святому Іоанну Богослову изъ Антіохіи:

«У насъ, — пишетъ онъ, — находятся многія жены, желающія видѣть Матерь Іисуса; онѣ постоянно стремятся найти возможность придти къ вамъ и посѣтить Ее, припасть къ груди, питавшей Господа Іисуса, и узнать отъ Нея нѣкоторыя тайны. У насъ Она прославляется какъ Матерь Божія и Дѣва, исполненная благодати и добродѣтели; о Ней сообщаютъ, что Она радостна въ бѣдахъ и гоненіяхъ, не скорбитъ въ нищетѣ и недостаткахъ, не только не гнѣвается на причиняющихъ Ей обиды, но еще благодѣтельствуетъ имъ; при радостныхъ событіяхъ Она кротка, милосерда къ бѣднымъ, оказывая имъ помощь, насколько можетъ; враждующимъ же на нашу вѣру Она противостоитъ съ твердостію: Она—Учительница нашего новаго благочестія и всѣмъ вѣрнымъ—Наставница на всякое доброе дѣло; особенно любитъ смиренныхъ, и Сама ко всѣмъ смиренна; всѣ видѣвшіе Ее превозносятъ. И сколь Она смиренна, когда законники іудейскіе и фарисеи смѣются надъ Ней! Намъ говорили люди, достойные полнаго довѣрія, что въ Маріи, Матери Іисусовой, естество человѣческое кажется, по причинѣ Ея святости, соединеннымъ съ естествомъ ангельскимъ. Все это возбуждаетъ въ насъ, слышащихъ, безмѣрное желаніе видѣть небесное,—скажу такъ,—дивное и пресвятое чудо».

Въ другомъ Посланіи тотъ же святый Игнатій Богоносецъ пишетъ снова святому Іоанну Богослову:

«Если откроется возможность, я думаю придти къ тебѣ, чтобы видѣть собранныхъ въ Іерусалимѣ вѣрныхъ и, особенно, Матерь Іисуса: о Ней говорятъ, что Она честна́, привѣтлива и во всѣхъ возбуждаетъ удивленіе, и всѣ желаютъ Ее видѣть; да и кто не желаетъ видѣть Дѣву и бесѣдовать съ Родившею Истиннаго Бога?»

---

[1]) *Св. Игнатій* былъ ученикъ Апостоловъ Петра и Іоанна Богослова; отъ ношенія Христа въ своемъ сердцѣ именуется Богоносцемъ. Послѣ св. Евода онъ былъ 40 лѣтъ епископомъ Антіохійской Церкви (68—107 гг.), видѣлъ лики Ангеловъ, попеременно поющихъ славу Божію и, по указанію сего видѣнія, установилъ въ церкви пѣніе на два лика. Въ царствованіе Траяна былъ въ оковахъ сосланъ въ Римъ и поверженъ на растерзаніе львамъ на амфитеатрѣ Римскомъ 20 декабря 107 г. Кости его были собраны вѣрующими и, какъ священное сокровище, принесены въ Антіохію. Отъ него осталось 7 Посланій, проникнутыхъ духомъ апостольскимъ. Память его—20 декабря (день преставленія) и 29 января (перенесеніе мощей).

Изъ этихъ посланій святаго Игнатія къ Іоанну Богослову можно легко понять, съ какимъ сильнымъ желаніемъ стремились святые увидѣть одушевленную святыню Божію, Марію Пречистую Дѣву, и сподобившіеся видѣть почитали себя счастливѣйшими. Воистинну блаженны очи видѣвшихъ Ее по Христѣ Спасителѣ, и блаженны уши сподобившихся услышать изъ пречестныхъ устъ Ея слова, возрождающія къ жизни духовной! Какую радость и благодать они получили!

Для того Господь и оставилъ на землѣ Свою Пречистую Матерь, чтобы Ея присутствіемъ, руководствомъ, поученіями и теплыми молитвами къ Сыну и Богу Воюющая Церковь умножалась и утверждалась, и возрастала до дерзновенія полагать жизнь свою за Господа. Матерь Божія всѣхъ укрѣпляла, всѣхъ утѣшала радостью о Святомъ Духѣ и за всѣхъ молилась. Когда святые Апостолы заключены были въ темницу, Матерь Божія съ умиленнымъ сердцемъ молилась за нихъ,—и къ нимъ былъ посланъ Господомъ Ангелъ, который ночью отворилъ двери темницы и вывелъ ихъ вонъ[1]). Когда святый первомученикъ Стефанъ былъ веденъ на смерть, Матерь Божія издали шла за нимъ, и когда святаго Стефана стали побивать камнями[2]) въ долинѣ Іосафатовой, при потокѣ Кедронъ, Она вмѣстѣ съ Іоанномъ Богословомъ стояла вдали на одномъ холмѣ, оттуда смотрѣла на его кончину и усердно молилась Богу, чтобы Господь укрѣпилъ страдальца и принялъ душу въ Свои руки. Когда сáулъ ѡ҆зловлѧ́ше цр҃ковь[3]), гоня вѣрующихъ, Матерь Божія молилась о немъ Господу съ такими теплыми слезами, что превратила его изъ хищнаго волка въ кроткаго агнца, изъ врага—въ Апостола, изъ гонителя—въ ученика и учителя вселенной. И какихъ благодѣяній не получила первенствующая Церковь отъ Пречистой Богородицы, какъ грудное дитя отъ своей матери? Какой благодати не почерпали изъ этого неоскудѣваемаго источника? Не безъ Ея заботъ и благодатнаго воздѣйствія Церковь была воспитана и доведена до мужественнаго возраста,—окрѣпла настолько, что и врата адовы ея не могутъ одолѣть[4]); чему и Сама Богоматерь радовалась, по слову Давида, какъ матерь, веселящаяся о дѣтяхъ[5]). Она видѣла, что церковныя чада постоянно

1) Дѣян., гл. 5, ст. 18—19.
2) Дѣян., гл. 7, ст. 57—60.
3) Дѣян., гл. 8, ст. 3.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 18.
5) Псал. 112, ст. 9.

умножаются: такъ, уже въ началѣ чрезъ проповѣдь святаго Апостола Петра обратилось 3000[1]), потомъ 5000[2]), а потомъ все болѣе и болѣе. Святые Апостолы, возвращаясь съ проповѣди Евангелія въ Іерусалимъ, также разсказывали Пресвятой Богородицѣ о распространеніи Церкви Христовой по всей вселенной. Успѣхъ проповѣди христіанской исполнялъ Ее духовной радости и побуждалъ возсылать хвалу Сыну Своему и Богу.

Но вотъ Церковь постигло гоненіе Ирода: онъ убилъ мечомъ возвратившагося изъ Испаніи Іакова, брата Іоаннова, а затѣмъ задержалъ Петра и посадилъ его въ темницу съ намѣреніемъ предать подобной же смерти[3]). Тогда, по чудесномъ освобожденіи святаго Петра изъ узъ темницы чрезъ Ангела, настала нужда и самимъ Апостоламъ покинуть Іерусалимъ, чтобы избѣжать лютаго гоненія іудеевъ; они разошлись по вселенной, бросивъ жребій, кому и какая изъ нихъ выпадаетъ для проповѣди страна. Но прежде чѣмъ разойтись, святые Апостолы составили Символъ вѣры, чтобы повсюду согласно проповѣдовать и насаждать святую вѣру во Христа. Каждый удалился въ свой жребій; въ Іерусалимѣ остался одинъ только братъ Божій, святый Іаковъ, самимъ Господомъ поставленный епископомъ Іерусалимскимъ. Избѣгая гоненія, удалился и святый Іоаннъ Богословъ вмѣстѣ съ Матерію Божіею, Которой онъ былъ усыновленъ: они покинули Іерусалимъ, уступая лютому гоненію и мучительству, пока не ослабѣетъ гнѣвъ іудеевъ. Но, чтобы не терять времени напрасно, Матерь Божія и святый Евангелистъ Іоаннъ пошли во Ефесъ, куда Богослову выпалъ жребій. Это пребываніе Пречистой Богоматери со святымъ Іоанномъ въ Ефесѣ ясно подтверждается слѣдующимъ: существуетъ Посланіе къ константинопольскому клиру отъ Отцевъ Третьяго Вселенскаго Собора, засѣдавшаго въ Ефесѣ противъ Несторія; въ этомъ Посланіи находится такое мѣсто: «Родоначальникъ злочестивой ереси Несторій, званный (на судъ) святыми Отцами и епископами Собора въ Ефесѣ, гдѣ нѣкогда пребывали святый Іоаннъ Богословъ и святая Дѣва, Богородица Марія, не дерзнулъ придти къ нимъ, будучи обличаемъ своею злою совѣстію и самъ себя отлучая; поэтому, послѣ трикратнаго призыва, онъ осужденъ праведнымъ судомъ святаго Собора и низложенъ отъ священнаго

---

[1]) Дѣян., гл. 2, ст. 41.
[2]) Дѣян., гл 4, ст. 4.
[3]) Дѣян., гл. 12, ст. 1—4.

сана».[1]) Изъ этихъ словъ о пребыванiи Богоматери съ Евангелистомъ Iоанномъ въ Ефесѣ видно, что Пресвятая Дѣва вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ дѣйствительно, покинувъ Iерусалимъ, нѣкоторое время провела въ Ефесѣ. И не только Ефесъ, но и другiе города и страны, просвѣщенныя свѣтомъ Христова ученiя, посѣщала Матерь Божiя: преданiе говоритъ, что Она была въ Антiохiи у святаго Игнатiя Богоносца, которому послала предъ Своимъ посѣщенiемъ извѣщенiе о Своемъ путешествiи: «Приду съ Iоанномъ, чтобы видѣть тебя и твою паству». Говорятъ также, что Пресвятая Богородица была на островѣ Кипрѣ[2]) у четверодневнаго Лазаря, проходившаго тамъ епископское служенiе, и—на горѣ Аѳонской. Объ этомъ пишетъ Стефанъ, инокъ святогорскiй:

«По вознесенiи на Небо Господа нашего Iисуса Христа святые Апостолы вмѣстѣ съ Матерiею Божiею неразлучно пребывали на Сiонѣ; здѣсь они ожидали Утѣшителя, какъ повелѣлъ имъ Господь, заповѣдавшiй не отлучаться отъ Iерусалима до полученiя обѣтованнаго Святаго Духа[3]). Ученики Христовы бросили жребiй, кому именно изъ нихъ и какая именно страна дана будетъ для проповѣди Евангелiя Божiя; Пресвятая Богородица сказала:

— И я хочу принять участiе въ проповѣди Евангельской и желаю вмѣстѣ съ вами бросить свой жребiй, чтобы получить страну, какую укажетъ Богъ.

По слову Божiей Матери святые Апостолы съ благоговѣнiемъ и страхомъ метнули жребiй, и Ей выпала жребiемъ Иверская земля[4]). Пречистая Богородица съ радостiю приняла Свой жребiй и тотчасъ,—по сошествiи Святаго Духа въ видѣ огненныхъ языковъ,—хотѣла идти въ Иверскую страну, но Ангелъ Божiй сказалъ Ей:

— Теперь не отлучайся отъ Iерусалима, но до времени пребывай здѣсь,—страна, выпавшая Тебѣ, просвѣтится въ послѣднiе дни и Твое владычество утвердится тамъ; по прошествiи нѣкотораго времени Тебѣ предстоитъ трудъ благовѣстiя въ землѣ, въ какую направитъ Тебя Богъ.

И пребывала Пречистая Богородица въ Iерусалимѣ довольно продолжительное время.

---

1) См. *Приложенiя* — «Воспоминанiе Третьяго Вселенскаго Собора».

2) Островъ на сѣверо-восточномъ концѣ Средиземнаго моря.

3) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 49.

4) Нынѣшняя Грузiя.

Четверодневный Лазарь жилъ на островѣ Кипрѣ; здѣсь онъ былъ рукоположенъ во епископа святымъ Апостоломъ Варнавою. Онъ сильно желалъ видѣть Пречистую Матерь Господа нашего, Которую давно уже не видѣлъ, но не смѣлъ придти въ Іерусалимъ изъ боязни іудеевъ. Узнавъ это, Матерь Божія написала Лазарю посланіе: здѣсь Она утѣшала его и приказывала прислать за Нею корабль, чтобы Ей посѣтить его въ Кипрѣ; самому же Пресвятая Дѣва не велѣла ради Нея приходить въ Іерусалимъ. Прочтя посланіе, Лазарь чрезвычайно обрадовался, удивляясь въ то же время смиренію Божіей Матери; нимало не медля, онъ отправилъ за Нею корабль вмѣстѣ съ отвѣтнымъ посланіемъ. Преблагословенная Богородица вошла въ корабль вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ Іоанномъ и съ прочими, съ благоговѣніемъ сопровождавшими ихъ, и всѣ поплыли къ Кипру. Но внезапно поднявшійся противный вѣтеръ загналъ корабль въ гавань, находившуюся близъ Аѳонской горы; это и былъ тотъ кратковременный трудъ благовѣстія, о которомъ говорилъ Матери Божіей Ангелъ. Вся Аѳонская гора[1]) была переполнена идолами: здѣсь было большое капище и святилище Аполлона, причемъ на этомъ мѣстѣ совершались гаданія, волхвованія и другія бѣсовскія дѣйства. Всѣ язычники очень почитали это мѣсто — какъ избранное богами; сюда стекались на поклоненіе со всей вселенной, и здѣсь получали отвѣтъ отъ гадалокъ на свои вопросы. И вотъ когда въ пристань вошелъ корабль, на которомъ находилась Пресвятая Богородица, всѣ идолы тотчасъ возопили:

— Всѣ, прельщенные Аполлономъ, сойдите съ горы къ Климентовой пристани для встрѣчи Маріи, Матери Великаго Бога Іисуса (такъ бѣсы, находившіеся въ идолахъ, противъ своей воли, понуждаемые силою Божіею, возвѣстили истину, подобно возопившимъ нѣкогда ко Господу въ странѣ Гергесинской: **что̀ на́мъ и҆ тебѣ̀, і҆и҃се сн҃е бж҃і́й; пришелъ є҆сѝ сѐмѡ пре́жде вре́мене мꙋ́чити на́съ**[2]).

Слыша все это, народъ дивился и поспѣшилъ на морской берегъ

---

[1]) *Аѳонская гора* (*Аѳонъ*), по греч. Ἅγιος ὄρος — Святая Гора, — узкій гористый полуостровъ, вдающійся въ Архипелагъ (Эгейское море), извѣстенъ какъ центръ иноческой жизни для греческаго Востока. Иноческая жизнь здѣсь появилась въ древнее время, хотя нѣсколько позже, чѣмъ въ Сиріи и Палестинѣ. Для Русской Церкви Аѳонъ имѣлъ по XVII вѣкъ большое значеніе: здѣсь постригся отецъ русскаго монашества преп. Антоній; здѣсь въ богатыхъ монастырскихъ библіотекахъ получали наиболѣе широкое по тому времени религіозное образованіе наши иноки, ходившіе на Аѳонъ (напр. преп. Нилъ Сорскій).

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 29.

къ помянутой пристани; увидѣвъ корабль и Матерь Божію, они съ честью встрѣтили Ее и спрашивали въ своемъ собраніи:

— Какого (Ты) родила Бога? И какъ Ему имя?

Пресвятая Богородица, открывъ Свои божественныя уста, возвѣстила народу все подробно о Христѣ Іисусѣ. Всѣ, павши на землю, поклонились родившемуся отъ Нея Богу и оказали великое почтеніе Родившей Его; увѣровавъ, они крестились, ибо много чудесъ совершила здѣсь Матерь Божія. По Крещеніи Она поставила новопросвѣщеннымъ начальникомъ и учителемъ одного изъ сопровождавшихъ Ее на кораблѣ и, возрадовавшись духомъ, сказала:

— Это мѣсто да будетъ Моимъ удѣломъ, даннымъ Мнѣ отъ Сына и Бога Моего.

Послѣ этихъ словъ Пресвятая Богородица благословила людей, сказавъ опять:

— Благодать Божія да пребудетъ на этомъ мѣстѣ и на живущихъ здѣсь, съ вѣрою и благоговѣніемъ сохраняющихъ Заповѣди Сына и Бога Моего,—все необходимое для жизни они будутъ имѣть въ изобиліи безъ тяжелаго труда; имъ будетъ дарована жизнь небесная, и до скончанія вѣка не отступитъ отъ мѣста сего милость Сына Моего; Я буду Заступницей мѣсту сему и теплой Ходатаицей за него предъ Богомъ.

Сказавъ это, Матерь Божія опять благословила народъ и, войдя вмѣстѣ съ Іоанномъ и сопровождавшими Ее въ корабль, отплыла въ Кипръ. Она застала Лазаря въ сильной скорби, такъ какъ путешествіе Пресвятой Богородицы было слишкомъ продолжительно, и онъ боялся, не произошло ли замедленіе отъ бури: ему не были извѣстны событія, по смотрѣнію Божію совершившіяся на Аѳонской горѣ. Своимъ прибытіемъ Матерь Божія преложила его скорбь въ радость; въ даръ ему Она привезла омофоръ и поручи, которые Сама сдѣлала для него; Она разсказала ему все, что произошло въ Іерусалимѣ и на Аѳонской горѣ. И возсылали благодарность Богу за все. Пробывъ въ Кипрѣ немного времени, утѣшивъ тѣмъ христіанъ Кипрской Церкви и благословивъ ихъ, Матерь Божія сѣла на корабль и отплыла въ Іерусалимъ. (До здѣ Стефанъ, инокъ святогорскій.)»

Посѣтивъ помянутыя страны, Пречистая Дѣва Марія снова поселилась въ Іерусалимѣ въ домѣ святаго Евангелиста Іоанна; всесильная десница Божія сохраняла Ее отъ завистливыхъ козней

богоубійственной синагоги, не перестававшей враждовать противъ Сына Божія и вѣрующихъ въ Него. Конечно, озлобленные іудеи не оставили бы въ живыхъ Матери Іисусовой и какимъ бы то ни было образомъ погубили Ее: но особенное смотрѣніе Божіе осѣняло одушевленный Кивотъ Божій, чтобы его не коснулась рука невѣрныхъ. Нѣкогда Сынъ Ея, Христосъ Богъ нашъ, послѣ проповѣди въ назаретской синагогѣ, когда исполненные ярости іудеи повели Его на верхъ горы, чтобы оттуда сбросить внизъ, невредимо прошелъ среди нихъ: іудеи хотя и видѣли Его, но не могли возложить своихъ рукъ и даже коснуться Его, потому что сила Божія отбросила ихъ назадъ и удерживала въ такомъ положеніи, такъ какъ не пришло еще время страданій Сына Божія [1]). То же самое явилъ Господь и надъ Пречистою Своею Матерію, удерживая замышляемые іудеями козни и разоряя ихъ совѣтъ противъ Нея: очень часто пытались іудеи схватить Божію Матерь и, предавъ мученіямъ, убить, но не могли ничего сдѣлать. Среди столь сильной ненависти и вражды Пречистая Дѣва жила въ Іерусалимѣ какъ овца среди волковъ и какъ кринъ среди терновъ, часто повторяя дѣйствительно сбывшіяся надъ Нею слова праотца Своего Давида: **гдⷭ҇ь просвѣще́нїе моѐ и҆ сп҃си́тель мо́й, когѡ̀ оу҆бою́сѧ; гдⷭ҇ь защи́титель живота̀ моегѡ̀, ѿ когѡ̀ оу҆страшꙋ́сѧ; а҆́ще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не оу҆бои́тсѧ се́рдце моѐ. а҆́ще возста́нетъ на мѧ̀ бра́нь, на него̀ а҆́зъ оу҆пова́ю. а҆́ще пойдꙋ̀ посредѣ̀ сѣ́ни сме́ртныѧ, не оу҆бою́сѧ ѕла̀** [2]), ибо Ты, Сыне и Боже Мой, со Мною.—Пресвятую Богородицу посѣтилъ, чтобы поклониться Ей, святый Діонисій Ареопагитъ, обращенный ко Христу святымъ Апостоломъ Павломъ въ Аѳинахъ и неотступно сопутствовавшій ему въ теченіе трехъ лѣтъ. Онъ сильно желалъ видѣть Божію Матерь и, поэтому, спустя три года послѣ своего обращенія, съ благословенія учителя своего, святаго Апостола Павла, пришелъ въ Іерусалимъ: увидѣвъ Пречистую Богородицу, онъ исполнился великой духовной радости. Въ посланіи своемъ къ святому Апостолу Павлу, святый Діонисій Ареопагитъ такъ описываетъ свое посѣщеніе Божіей Матери:

«Для меня, нашъ великій руководитель, было несомнѣнно,—говорю какъ предъ Богомъ,—что, кромѣ всевышняго Бога, не можетъ существовать ничего, столь исполненнаго Божественной силы

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 4, ст. 29—30.

2) Сравн.: Пс. 26, ст. 1 и 3.

и дивной благодати, и, однако, человѣческому уму невозможно постичь, что я видѣлъ своими очами—не душевными только, но и тѣлесными: я своими глазами видѣлъ благообразную и превосходящую святостію всѣхъ Небесныхъ Ангеловъ Всесвятѣйшую Матерь Господа нашего Іисуса Христа; это даровали мнѣ благодать Божія и почесть лика апостольскаго, а также—неисповѣдимая благость и милосердіе Самой Милостивой Дѣвы. Я снова исповѣдую предъ всемогуществомъ Божіимъ, предъ благодатію Спасителя и предъ великою славою Дѣвы, Матери Его, что когда я съ Іоанномъ, первымъ среди Евангелистовъ и Пророковъ, который, живя во плоти, сіяетъ какъ солнце на небѣ, введенъ былъ къ благообразной и Пречистой Дѣвѣ, то меня снаружи облистало великое божественное сіяніе, просвѣтившее мою душу; при этомъ я ощутилъ столь дивное благоуханіе, что духъ мой и тѣло едва были въ состояніи вынести это проявленіе славы и предначатіе вѣчнаго блаженства; отъ славы и Ея божественной благодати изнемогло сердце мое и духъ мой. Свидѣтельствуюсь Богомъ, пожившимъ въ пречестнѣйшей дѣвической утробѣ, что я призналъ бы Ее за Истиннаго Бога и почтилъ бы Ее поклоненіемъ, подобающимъ только одному Богу, если бы новопросвѣщенная душа моя не сохраняла въ себѣ твои божественныя наставленія и законы: никакая честь и слава людей, прославленныхъ Богомъ, не можетъ сравниться съ тѣмъ блаженствомъ, какое испыталъ я, недостойный, въ то время удостоившійся; это время было для меня временемъ величайшаго блаженства. Благодарю Превышняго и Преблагаго Бога моего, Божественную Дѣву, великаго среди Апостоловъ Іоанна, также и тебя, украшеніе Церкви и начальника непобѣдимаго, милостиво явившихъ мнѣ столь великое благодѣяніе».

Изъ этого посланія святаго Діонисія Ареопагита ясно видимъ, какой божественной благодатію было осіяваемо лице Пречистой Владычицы нашей во время жизни Ея на землѣ и—какъ просвѣщались души и какой духовной радости наполнялись сердца видѣвшихъ Ее во плоти. Къ ней во множествѣ и отовсюду стекались новопросвѣщенные обоего пола; какъ истинная Матерь, Она всѣхъ принимала одинаково безъ лицепріятія, всѣмъ разливая щедроты Своей благодати,—болящимъ подавая исцѣленіе, слабымъ здоровье, печальнымъ утѣшеніе, и всѣмъ безъ исключенія: утвержденіе въ вѣрѣ, непоколебимость въ надеждѣ и божественную радость въ любви, грѣшникамъ же—исправленіе.

Во время жизни въ домѣ святаго Іоанна Пресвятая Дѣва часто посѣщала тѣ мѣста, которыя возлюбленный Сынъ Ея и Богъ освятилъ стопами Своихъ ногъ и пролитіемъ Своей крови. Такъ, Она посѣщала Виѳлеемъ, гдѣ несказанно соблюдши Ея дѣвство, отъ Нея родился Христосъ Богъ. Но особенно часто Матерь Божія приходила на мѣста, гдѣ пострадалъ волею нашъ Господь. Матерняя любовь побуждала Ее проливать здѣсь обильныя слезы, причемъ Она говорила:

— Здѣсь возлюбленный Сынъ Мой былъ бичуемъ, здѣсь увѣнчанъ терновымъ вѣнцемъ, здѣсь шелъ, неся крестъ, здѣсь былъ распятъ.

При Гробѣ же Богородица исполнялась неизреченнаго веселія и восклицала съ радостными слезами:

— А здѣсь Онъ былъ погребенъ и въ третій день воскресъ со славою.

Въ дополненіе къ этому сообщаютъ слѣдующее. Нѣкоторые ненавистники изъ іудеевъ донесли архіереямъ и книжникамъ, что Марія, Матерь Іисуса, каждый день ходитъ къ Голгоѳѣ и при Гробѣ, гдѣ былъ положенъ Сынъ Ея Іисусъ, преклоняетъ колѣна, плачетъ и воскуряетъ ѳиміамъ; тогда они поставили стражу, которая бы не допускала проходить этимъ мѣстомъ никому изъ христіанъ. Отсюда видимъ, что уже въ то время начался благочестный обычай посѣщать вѣрными христіанами святыя мѣста и здѣсь поклоняться Христу Богу, за насъ пострадавшему волею: первый примѣръ въ этомъ отношеніи дала Сама Богородительница, Которой послѣдовали и прочіе святые жены и мужи. Итакъ, отъ архіереевъ и книжниковъ, исполненныхъ злобы и убійства, была поставлена стража, которой было приказано никого не допускать ко Гробу Іисуса, а Матерь Его убить. Но Богъ ослѣпилъ стражей, такъ что они не могли видѣть пришествія на Гробъ Христа Іисуса Его Матери. И когда Преблагословенная Дѣва, вѣрная обычаю Своему, приходила ко Гробу, стражи не могли увидѣть какъ Ея, такъ и находившихся съ Нею. Спустя долгое время они покинули Гробъ и съ клятвою увѣряли архіереевъ и книжниковъ, что они не видѣли никого, кто бы приходилъ ко Гробу Іисуса. Пресвятая Богородица часто ходила также на гору Елеонскую, откуда вознесся на Небо нашъ Господь: преклоняя колѣна, Она лобызала отпечатлѣвшіяся на камнѣ стопы отъ ногъ Христовыхъ. Съ сильными слезами молилась Матерь Божія при этомъ, чтобы Господь

и Ее взялъ къ Себѣ: конечно, Она несравненно болѣе, чѣмъ святый Апостолъ Павелъ, **имѣла желаніе разрѣшитися и быть со Христомъ**[1]), и часто повторяла слова Давида: «**когда пріиду и явлюся лицу Божію? Были слезы мои мнѣ хлѣбъ день и нощь**[2]): когда увижу возлюбленнаго Сына Моего? Когда приду къ Нему, сидящему одесную Бога Отца?[3]) Когда предстану предъ Престоломъ Его Славы? Когда насыщусь Его лицезрѣнія? О преслабкій Сынъ и Богъ Мой! Время **оущедрити сіонъ**[4]),—время помиловать Меня, Твою Матерь, до сихъ поръ скорбящую, не видя Твоего лица, въ печальной юдоли этого міра; изведи изъ тѣла, какъ изъ темницы, Мою душу; какъ олень стремится къ водному источнику, такъ душа Моя стремится къ Тебѣ, Боже, чтобы насладиться, когда Мнѣ явится Твоя слава.[5])» Пречистая Дѣва иногда оставалась на Елеонской горѣ довольно долгое время: при подошвѣ горы находился Геѳсиманскій садъ и небольшое владѣніе Зеведея, доставшееся по наслѣдству святому Іоанну Богослову. Въ Геѳсиманскомъ саду Господь нашъ предъ вольною Своею страстію до кроваваго пота молился, падая на колѣна и лице Свое предъ Отцемъ Небеснымъ[6]). Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, возносила Свои теплыя молитвы и Его Пречистая Матерь, также падая на колѣна и лице и обливая землю слезами; здѣсь Она и была утѣшена Господомъ чрезъ Своего Ангела, извѣстившаго Ее о скоромъ Ея преставленіи на Небо. По свидѣтельству Георгія Кедрина, историка греческаго, Пресвятой Богородицѣ предъ кончиною Ея Ангелъ являлся два раза: первый разъ — за пятнадцать дней до успенія, а второй — за три дня; отъ Ангела Матерь Божія получила райскую финиковую вѣтвь, которую предъ одромъ Ея несъ святый Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, епископъ Сардійскій Мелитонъ, сообщаютъ, что возлюбленный ученикъ Христовъ до успенія Богородицы удалился въ Ефесъ и оттуда, подобно прочимъ Апостоламъ, но только раньше ихъ былъ восхищенъ облакомъ и принесенъ къ погребенію Божіей Матери. Однако другіе, напримѣръ Метафрастъ и Софроній, безъ всякаго колебанія утверждаютъ, что святый Іоаннъ Богословъ никогда не отлучался отъ Богоблагодатной Матери, Которой былъ усыновленъ, но, какъ истинный сынъ, служилъ Ей, давая пріютъ въ своемъ домѣ до самой Ея кончины.

---

[1]) Сравн.: Посл. къ Филип., гл. 1, ст. 23. [2]) Псал. 41, ст. 3—4. [3]) Еванг. отъ Марка, гл. 16, ст. 19. [4]) Сравн.: Пс. 50, ст. 20. [5]) Пс. 41, ст. 1. [6]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 36—44.

Только изрѣдка, на очень короткое время, онъ посѣщалъ окрестныя мѣстности (какъ видѣли выше изъ Дѣяній Апостольскихъ: такъ, святый Іоаннъ Богословъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Петромъ былъ въ Самаріи), но онъ дѣлалъ это съ согласія и по благословенію Самой Божіей Матери и немедленно снова возвращался къ Ней въ Іерусалимъ. А до его возвращенія Пречистой Богородицѣ служилъ святый Іаковъ, братъ Божій, никогда не покидавшій свою епископію—Іерусалимъ. Если же и согласиться съ говорящими, что Іоаннъ Богословъ, какъ и прочіе святые Апостолы, былъ восхищенъ облакомъ, то, безъ сомнѣнія, изъ ближайшей къ Іерусалиму мѣстности.

Торжественное празднованіе успенія Пресвятой Богородицы 15 августа установлено въ царствованіе благочестиваго царя Греческаго Маврикія[1].—Радостно празднуя всеславное преставленіе Божіей Матери съ земли на Небо, воздадимъ славу Родившемуся

---

[1]) Существуетъ, достойное вѣры, сказаніе о томъ, что Ювеналій, Патріархъ Іерусалимскій, утверждалъ, на основаніи преданія, предъ императоромъ Маркіаномъ (450—457 гг.) достовѣрность распространившихся въ то время сказаній о чудесномъ восшествіи Богоматери съ плотію на Небо. Онъ даже прислалъ въ Царьградъ погребальныя пелены Богородицы, которыя царица Пульхерія положила въ построенномъ ею храмѣ Богоматери во Влахернахъ въ началѣ царствованія Маркіана. Это преданіе объ Ювеналіи записано 2-го іюля въ Мѣсяцесловѣ императора Василія X вѣка, авторъ коего, если не самъ императоръ, то житель Царьграда, безъ сомнѣнія зналъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ о погребальныхъ пеленахъ во Влахерискомъ храмѣ. Подробно же объ этомъ говоритъ историкъ Никифоръ Каллистъ (XIV вѣка). Понятно отсюда, что въ Царьградѣ при Маркіанѣ и Пульхеріи совершалось празднество Успенія Божіей Матери, о которомъ наглядно говорили погребальныя пелены Ея. По стишнымъ прологамъ видно, что праздникъ Успенія совершался во Влахернскомъ храмѣ. Трудно представить, чтобы въ Царьградѣ, который Константиномъ Великимъ порученъ покрову Богоматери, въ которомъ Ей построенъ былъ не одинъ храмъ самимъ Константиномъ и три храма Пульхеріею, не было празднованія Успенія Пресвятой Дѣвы въ IV или, по крайней мѣрѣ, въ V вѣкѣ, когда праздновались дни многихъ святыхъ. Поэтому несправедливо мнѣніе, утверждающееся на свидѣтельствѣ историка Никифора, что праздникъ Успенія введенъ впервые императоромъ Маврикіемъ (592—602 гг.). Никифоръ говоритъ: «Императоръ (Юстиніанъ) установилъ, чтобы во всемъ мірѣ чтился какъ праздничный день Срѣтеніе; Юстиніанъ сдѣлалъ то же въ отношеніи къ св. Рождеству Христову, а недолго спустя Маврикій повелѣлъ, чтобы Успеніе Пресвятой Богородицы праздновалось 15 августа». Слова Никифора надо понимать такъ, что Маврикій сдѣлалъ сей праздникъ болѣе торжественнымъ и, главное, установилъ опредѣленный день празднованія—15 августа. До этого времени нѣкоторые праздновали Успеніе въ январѣ: въ древнемъ римскомъ Іероимовомъ мартирологѣ Успеніе Богородицы показано 18 января, а 15 августа—взятіе на Небо. Григорій Турскій († 594 г.) говоритъ, что преславное восшествіе Богоматери на Небо во Франціи праздновалось въ 11 мѣсяцѣ, т. е. въ январѣ (считая отъ марта). Въ коптскихъ и абиссинскихъ памятникахъ 16 января показано Успеніе, и 16 августа—Вознесеніе Богоматери на Небо. Затѣмъ праздникъ Успенія находится въ сакраментаріи папы Геласія I (492—496 гг.), цѣлымъ вѣкомъ ранѣе—императора Маврикія. Онъ находится въ IV и не позднѣе V вѣка въ одномъ римскомъ календарѣ 15 августа, а извѣстно, что другіе

отъ Нея и на Небеса со славою пріемшему Ее—Христу Богу нашему, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимому во вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Въ ржⷭ҇твѣ̀ дв҃ство сохрани́ла є҆сѝ, во ᲂу҆спе́нїи мі́ра не ѡ҆ста́вила є҆сѝ бцⷣе: преста́виласѧ є҆сѝ къ животꙋ̀, мт҃и сꙋ́щи живота̀, и҆ мл҃твами твои́ми и҆збавлѧ́еши ѿ сме́рти дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Въ мл҃твахъ неꙋсыпа́ющꙋю бцⷣꙋ, и҆ въ предста́тельствахъ непрело́жное ᲂу҆пова́нїе, гро́бъ и҆ ᲂу҆мерщвле́нїе не ᲂу҆держа́ста: ꙗ҆́коже бо живота̀ мт҃рь къ животꙋ̀ преста́ви, во ᲂу҆тро́бꙋ всели́выйсѧ приснодѣ́вственнꙋю.

великіе праздники, за исключеніемъ Рождества Христова, явились на Западѣ съ Востока, какъ видно изъ названій ихъ въ древнихъ календаряхъ; то же должно думать и о праздникѣ Успенія. На Востокѣ въ началѣ VII вѣка говорилъ на этотъ праздникъ слово Модестъ, Патріархъ Іерусалимскій († 634 г.); въ этомъ же вѣкѣ или въ началѣ VIII-го св. Андрей Критскій († 712 г.) говоритъ въ 3 Словахъ на Успеніе о торжественномъ празднованіи этого дня. Праздникъ Успенія находится въ самомъ древнемъ, дошедшемъ до насъ праздничномъ Евангеліи 715 г. и во всѣхъ другихъ календарныхъ памятникахъ VIII и послѣдующихъ вѣковъ. «Безъ сомнѣнія,—разсуждаетъ вслѣдъ за вышеприведенными соображеніями извѣстный агіологъ, Сергій еп. Владимірскій,—вѣра христіанъ въ восшествіе Богоматери на Небо въ прославленной плоти—истинна. Если Енохъ изъ міра допотопнаго и Пророкъ Илія изъ міра подзаконнаго восхищены на Небо съ плотію, ужели пречистая плоть Честнѣйшей Херувимовъ и Славнѣйшей Серафимовъ предана тлѣнію? Сонмы мучениковъ и подвижниковъ прославлены нетлѣніемъ благоухающихъ мощей, изливающихъ токи исцѣленій; тѣлеса многихъ изъ нихъ, бывшихъ безъизвѣстными, послѣ немаловременнаго пребыванія въ землѣ открыты вѣрнымъ видѣніями и чудесами, а пречистое тѣло Богоматери, хотя бы и нетлѣнное, гдѣ-либо сокрывается въ землѣ въ безъизвѣстности? Нѣтъ ни въ одномъ углу христіанскаго міра части мощей Богоматери; это потому, что вѣра въ восшествіе (Ея) на Небеса съ пречистою плотію весьма древня, современна Апостоламъ и мученикамъ. Поясъ Богоматери, св. одежды Ея открыты для чествованія міру христіанскому; хранимыя съ благоговѣніемъ, раздѣляемыя по лицу земли на части, они творили и творятъ чудеса. Многочисленныя иконы Ея всюду изливаютъ столько исцѣленій и знаменій. А святое тѣло Ея неизвѣстно гдѣ въ землѣ? Нѣтъ, это невозможно! Св. мощи прославленныхъ мучениковъ съ теченіемъ времени иногда подвергаются, по грѣхамъ живущихъ на землѣ, общей участи земного: дѣйствію огня, наводненій, землетрясеній, поруганію отъ варваровъ. Этого не допущено въ отношеніи къ пречистому тѣлу Богоматери; оно не оставлено случайнымъ перемѣнамъ преходящаго міра, но и не унижено предъ тѣлами святыхъ безвѣстнымъ сокрытіемъ въ землѣ; оно несравненно болѣе возвышено надъ ними преславнымъ вознесеніемъ на Небеса. (Полный Мѣсяцесловъ Востока, т. II. Святой Востокъ, Д. Б. Архіепископа Сергія. Владиміръ, 1901 г. Августъ. 15 число, стр. 323—326).

День шестнадцатый

ПЕРЕНЕСЕНІЕ
изъ Едессы въ Константинополь
НЕРУКОТВОРЕННАГО ОБРАЗА
ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА

Во дни явленія Господа нашего Іисуса Христа на землѣ, когда, живя съ человѣками, Онъ съ проповѣдію о Царствіи Божіемъ проходилъ грады и веси Іудеи и окрестныхъ странъ, **ѝсцѣлѧѧ всѧ́къ недꙋ́гъ и҆ всѧ́кꙋ ꙗ҆́зю въ лю́дехъ**, въ Едессѣ, городѣ сирійскомъ по ту сторону рѣки Евфрата, жилъ князь Авгарь. Онъ страдалъ неисцѣльной болѣзнью — проказою: снаружи его покрывали синеватыя язвы; внутри онъ чувствовалъ ломоту костей и разслабленіе всего тѣла. До Авгаря достигъ слухъ [1]) о Господѣ Іисусѣ

[1]) Первое сказаніе о сношеніяхъ Христа съ Авгаремъ встрѣчаемъ у отца церковной исторіи Евсевія Памфила († 340 г.); по его собственнымъ словамъ, онъ занесъ это сказаніе въ свою исторію, основываясь не на преданіи только, но и на письменныхъ документахъ, найденныхъ имъ въ Едесскихъ архивахъ. За Евсевіемъ слѣдуютъ изъ IV вѣка Ефремъ Сиринъ, изъ V в.—армянскій историкъ Моисей Хоренскій и изъ VI в.—Прокопій. Армянскій историкъ V вѣка Моисей Хоренскій описываетъ случай, благодаря которому Авгарь услышалъ объ Іисусѣ Христѣ, именно: Авгарь узналъ о Христѣ отъ своихъ пословъ, которыхъ онъ

Христѣ и о великихъ чудесахъ, совершаемыхъ Имъ,—какъ словомъ Своимъ Онъ врачуетъ проказу, разслабленіе и всякую болѣзнь. И сильно желалъ Авгарь увидѣть своими глазами Творца такихъ чудесъ, надѣясь и самъ получить отъ Него исцѣленіе. А такъ какъ князь не имѣлъ возможности самъ идти въ Іудею, то послалъ просьбу Господу Іисусу, умоляя Его придти къ Нему въ Едессу. Не имѣя же увѣренности, что просьба будетъ исполнена, Авгарь отправилъ въ Палестину искуснаго живописца Ананію, поручивъ ему изобразить на иконѣ лице Господа; князь желалъ имѣть хотя ту отраду въ своей болѣзни, что будетъ видѣть изображеніе лица Христа Іисуса; столь велика была у него любовь ко Христу, внушенная вѣрою по слуху. Посланіе Авгаря Господу Іисусу состояло въ слѣдующемъ:

«Князь Едесскій Авгарь Іисусу, благому Спасителю въ странахъ іерусалимскихъ явившемуся, во плоти радоваться.

До меня достигъ слухъ о Тебѣ и Твоихъ преславныхъ чудотвореніяхъ, какъ безъ врачевства и лѣкарствъ Ты исцѣляешь болѣзни,—слѣпымъ даешь прозрѣніе, хромымъ хожденіе, отгоняешь отъ людей нечистыхъ духовъ, очищаешь прокаженныхъ, разслабленныхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ лежащихъ на одрѣ, врачуешь словомъ и воскрешаешь мертвыхъ: слыша о Тебѣ, что Ты совершаешь столь дивныя чудеса, я относительно Тебя пришелъ къ такого рода двумъ заключеніямъ: Ты или Богъ, сошедшій съ Неба, или Сынъ Божій. Посему я и обращаюсь къ Тебѣ съ такимъ смиреннымъ моленіемъ, да потрудишься придти ко мнѣ и исцѣлить неизлѣчимую болѣзнь мою, отъ которой я страдаю уже много лѣтъ. Дошло до меня также, что Іудеи ненавидятъ Тебя и хотятъ причинить Тебѣ зло. Я же имѣю городъ, хотя и небольшой, но красивый и изобилующій всѣмъ; итакъ, приходи ко мнѣ и живи со мною въ моемъ городѣ, въ которомъ для насъ обоихъ найдется все потребное».

Съ этимъ посланіемъ Авгаря живописецъ Ананія достигъ Іерусалима. Онъ увидѣлъ Господа Іисуса учащаго на равнинѣ среди множества людей, но не могъ приблизиться къ Нему по причинѣ

отправлялъ къ римскому трибуну, управляющему Финикіей, Палестиной, Сиріей и Месопотаміей,—послы на обратномъ пути были въ Іерусалимѣ и здѣсь видѣли чудеса Спасителя. Писатель X вѣка Константинъ Порфирородный († 959 г.), у котораго встрѣчаемъ наиболѣе обстоятельный разсказъ о происхожденіи Нерукотвореннаго образа, передаетъ, что Авгарю сообщаетъ о Христѣ *слуга его* Ананія, возвратившійся изъ путешествія въ Египетъ.

тѣсноты, производимой скученностью народа. Ожидая времени, когда разойдется народъ, Ананія вступилъ на одинъ камень, немного возвышавшійся надъ землею; отсюда онъ внимательно всматривался въ лице Спасителя, намѣреваясь изобразить его; и не могъ Ананія сдѣлать этого, ибо Всевидецъ, не благоволившій къ намѣренію живописца, измѣнялъ лице Свое божественною, непостижимою, недоступною для изображенія руки человѣческой славою и благодатію. Долго трудился Ананія, но ничего не достигъ. Господь же повелѣлъ Апостолу Ѳомѣ идти и привести мужа, который, стоя на камнѣ, изображаетъ Его лице. Когда его подвели и онъ еще ничего не началъ говорить, Господь подозвалъ его къ Себѣ по имени и, указывая на его занятіе, назвалъ его по имени живописцемъ Ананіею и открылъ причину его пришествія, говоря:

— Гдѣ письмо князя твоего Авгаря, которое ты принесъ ко мнѣ изъ Едессы?

Ананія, въ удивленіи и ужасѣ отъ Господней прозорливости, тотчасъ вынулъ посланіе князя и съ трепетомъ отдалъ его въ руки Спасителя. Господь, прочтя посланіе, написалъ Авгарю слѣдующее:

«Блаженъ ты, Авгарь, не видѣвшій Меня и увѣровавшій въ Меня, ибо о Мнѣ написано, что видящіе Меня не имутъ вѣры, не видящіе же Меня увѣруютъ въ Меня и наслѣдуютъ жизнь вѣчную. Ты пишешь ко Мнѣ, чтобы Я пришелъ къ тебѣ, но Мнѣ подобаетъ совершить то, ради чего Я посланъ, и, по совершеніи, возвратиться къ Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесенъ къ Нему, тогда пошлю къ тебѣ одного изъ учениковъ Моихъ, который, совершенно исцѣливъ тебя отъ твоей болѣзни, подастъ тебѣ и находящимся съ тобою жизнь вѣчную (черезъ Крещеніе)».

Написавъ такое посланіе Авгарю, Господь Іисусъ Христосъ запечаталъ его печатью, на которой находилось еврейскимъ письмомъ такое начертаніе: Божіе видѣніе, Божественное чудо. Затѣмъ Господь, исполняя желаніе Авгаря и художника, приказалъ принести воду и, умывъ пресвятое лице Свое, отеръ его поданнымъ Ему четвероконечнымъ убрусомъ. И, о чудо! Простая вода обратилась въ краску, и на убрусѣ отпечаталось пресвятое подобіе Божественнаго лица. Отдавая это изображеніе Ананіи вмѣстѣ съ письмомъ, Господь сказалъ:

— Неси, отдай пославшему тебя. (Это было въ послѣдніе дни житія Господа на землѣ предъ Его страданіями[1]).

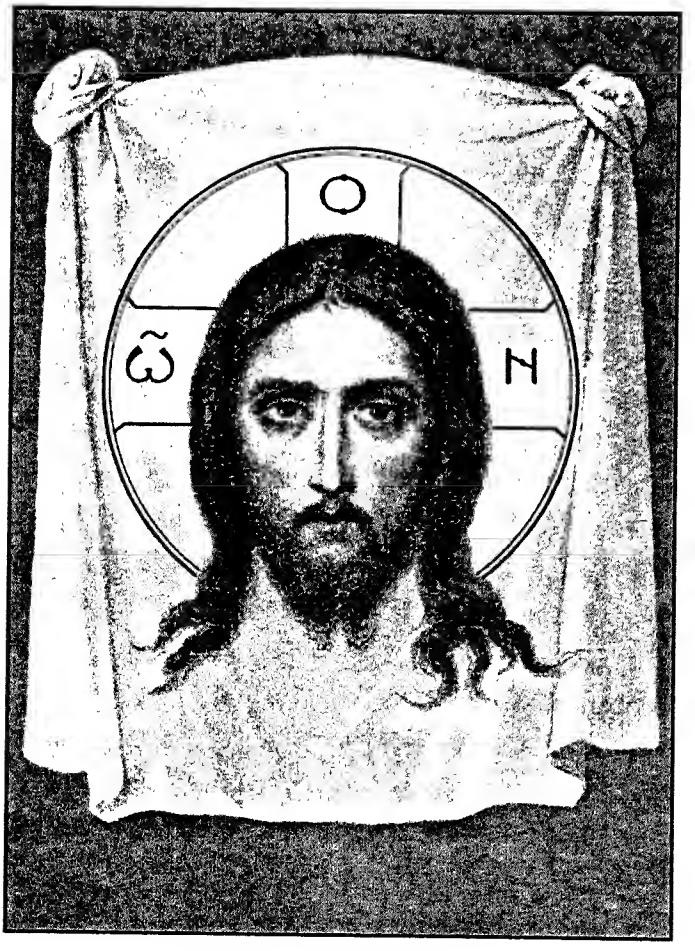
И возвратился[2]) Ананія въ Едессу къ князю своему, и отдалъ ему нерукотворенное изображеніе на убрусѣ лица Христова и письмо. Взявъ ихъ, Авгарь исполнился радости и облобызалъ съ любовію; поклонившись образу Христову, онъ тотчасъ получилъ облегченіе въ болѣзни, такъ что только малая часть проказы оставалась на лицѣ его до того времени, когда долженъ былъ придти къ нему посланный Господомъ ученикъ.

По вольномъ же страданіи, воскресеніи и вознесеніи на Небо Господа въ Едессу пришелъ, по Божественной благодати, святый Ѳаддей, одинъ изъ семидесяти апостоловъ: достаточно наставивъ

---

[1]) Возражаютъ противъ подлинности посланій Авгаря къ Іисусу Христу и Іисуса Христа къ Авгарю. Говорятъ: 1) Евангеліе молчитъ о семъ событіи. Но въ Евангеліи сказано: *многа же и ина знаменія сотвори Іисусъ предъ ученики Своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ* (Еванг. отъ Іоан., 20,30). По Евангелію, слухъ объ Іисусѣ Христѣ прошелъ до Сиріи и оттуда приносили больныхъ (Еванг. отъ Матѳ., 4, 24). 2) Писатели первыхъ трехъ вѣковъ до Евсевія молчатъ. Но и это доказательство отрицательное, какъ и первое. Цицероново сочиненіе о Республикѣ открыто только въ 1822 году; что удивительнаго, что не знали о семъ посланіи восточные греческіе писатели, коихъ самихъ сочиненія многія не дошли. Впрочемъ у Георгія Синкелла подъ 215 г. отъ Р. Хр. говорится, что Юлій Африканскій говорилъ объ Авгарѣ — св. мужѣ, царѣ въ Едессѣ, то же у Моисея Хоренскаго (5 в. кн. 2, гл. 9). 3) Блаженный Іеронимъ молчитъ. Но Евсевій стóитъ Іеронима. Онъ самъ видѣлъ сіи акты и обнародовалъ ихъ на греческомъ языкѣ въ своей церковной исторіи. 4) Блаженный Августинъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ ничего не писалъ. Это онъ говоритъ въ спорѣ съ манихеями, которые опирались на сочиненія, якобы Самимъ Христомъ о Себѣ написанныя, и вообще разумѣетъ, что Іисусъ Христосъ не излагалъ и не имѣлъ намѣренія излагать письменно ученія о Себѣ, а это не можетъ относиться къ краткому письму Іисуса Христа къ Авгарю. Іисусъ Христосъ преклонься писалъ на землѣ предъ фарисеями, приведшими къ Нему жену-блудницу. 5) Въ письмѣ Іисуса Христа есть указаніе на Іоанна (XX, 29). Не на Іоанна, а на пророчество Исаіи (6, 9. 50. 15, 65, 2). 6) У Евсевія годъ кончины Іисуса Христа, по эрѣ Селевкидовъ 340, падаетъ на 30 годъ жизни Его (на 15 Тиверія). Евсевій приводитъ не свое лѣтосчисленіе, а едессянъ; было мнѣніе въ древности у многихъ, что І. Христосъ пострадалъ въ первый годъ Своего служенія, т. е. 30 Своей жизни. Впрочемъ извѣстно, что ошибки въ числахъ въ древнихъ рукописяхъ—дѣло обыкновенное. 7) Папа Геласій декретомъ своимъ призналъ это сочиненіе апокрифическимъ; но это значило, что оно не было внесено въ число каноническихъ писаній; однако не всѣ признанныя апокрифическими писанія не заслуживаютъ вѣры.—Въ славянской минеѣ сказано, что ап. Ѳаддей почилъ въ Виритѣ, градѣ финикійскомъ. Въ Ипполитовомъ, или Ипполиту приписываемомъ, сочиненіи объ Апостолахъ мученическая кончина въ Виритѣ приписывается Ѳаддею изъ 12 Апостоловъ, или Іудѣ (іюня 19).

[2]) Преданіе, записанное Константиномъ Порфиророднымъ, сообщаетъ, что когда Ананія, возвращаясь на родину, достигъ г. Іераполя, то онъ, остановившись внѣ города, скрылъ изображеніе Лика Христова въ кучѣ только что сдѣланныхъ кирпичей. Около полночи жители города увидѣли огонь, окружавшій это мѣсто, и нашли здѣсь скрытую святыню; вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что на одномъ изъ кирпичей отобразилось изображеніе Спасителя. Жители Іераполя удержали у себя этотъ кирпичъ, а Ананію отпустили. Константинъ замѣчаетъ, что этотъ кирпичъ еще въ его время сохранялся въ Іераполѣ.



и҆ з҆ѡбраже́нїе
нерꙋкотворе́ннагѡ ѡ҆́браза гдⷭ҇а на́шегѡ і҆и҃са хрⷭ҇та̀

Авгаря святой вѣрѣ въ Христа, святый Ѳаддей крестилъ князя; и когда Авгарь, войдя во святую купель, крестился, тотчасъ уничтожилась оставшаяся часть проказы, и онъ вышелъ изъ купели совершенно чистымъ, здравымъ тѣломъ и душею. Вмѣстѣ съ Авгаремъ крестился весь домъ его и весь городъ, и славилось въ Едессѣ Имя Господа нашего Іисуса Христа, Единаго Истиннаго Бога. Былъ же на воротахъ Едессы стоявшій здѣсь изстари идолъ какого-то языческаго божества, которому всякій, входившій въ городъ, обязанъ былъ воздать поклоненіе. Этого идола Авгарь свергнулъ съ его мѣста и уничтожилъ; потомъ онъ устроилъ надъ воротами въ каменной стѣнѣ круглое углубленіе, въ которое не могъ попадать дождь; наложивъ убрусъ нерукотвореннаго образа Христова на доску негніющаго дерева, Авгарь обложилъ и украсилъ его золотомъ съ драгоцѣнными камнями и поставилъ въ стѣнѣ надъ вратами; кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще такую надпись золотыми буквами: «Христе Боже! Всякій уповающій на Тебя не постыдится».

И повелѣлъ Авгарь всѣмъ входящимъ въ городъ и исходящимъ изъ него поклоняться божественному образу Христову; онъ издалъ законъ, повелѣвавшій непремѣнно воздавать таковую честь Господню изображенію. Это благочестное повелѣніе Авгаря, огражденное закономъ, соблюдалось въ теченіе многихъ лѣтъ: какъ во дни жизни его и его сына, по немъ княжествовавшаго въ Едессѣ, такъ и при его внукѣ. Затѣмъ, при одномъ изъ правнуковъ Авгаря, пріявшихъ княженіе въ Едессѣ, возобновилось въ городѣ древнее языческое нечестіе: этотъ князь, развратившись, отступилъ отъ Христа и уклонился въ идолопоклонство. Увидѣвъ на городскихъ вратахъ образъ Спасителя, почитаемый всѣми входящими и исходящими, князь, какъ врагъ Христа, вознегодовалъ; онъ захотѣлъ сбросить со стѣны божественное изображеніе, поставивъ на его мѣсто идола. Узнавъ объ этомъ, по особому извѣщенію отъ Господа, епископъ Едессы пришелъ ночью съ клириками къ вратамъ города и, поднявшись по лѣстницѣ, поставилъ предъ святымъ образомъ Христовымъ зажженную лампаду съ деревяннымъ масломъ; потомъ епископъ заложилъ святый образъ глиняною доскою, а затѣмъ кирпичами и покрылъ задѣланное такимъ образомъ мѣсто мѣломъ и сравнялъ со стѣною,—такъ ему было повелѣно божественнымъ явленіемъ. Когда нерукотворенный образъ Христовъ сталъ невидимъ, нечестивый князь оставилъ свое

намѣреніе. И, по многомъ времени, въ памяти людей уничтожилось воспоминаніе о святомъ образѣ, забыто было и мѣсто его загражденія; никто не зналъ о немъ до дня его чудеснаго явленія послѣ очень многихъ лѣтъ, совершившагося слѣдующимъ образомъ.

Во дни благочестиваго царя Іустиніана царь Персидскій Хозрой съ большимъ войскомъ подошелъ къ Едессе, окружилъ ее и началъ упорную и продолжительную осаду. Когда же граждане, находясь въ изнеможеніи отъ недоумѣнія и великаго страха, со слезами молились Богу, въ одну ночь епископу Едессы Евлавію явилась нѣкая пресвѣтлая, блистающая великою славою невѣста; показывая перстомъ на городскія ворота и мѣсто въ стѣнѣ, она сказала:

— Вверху этихъ вратъ сокрытъ божественный нерукотворенный образъ Спаса Христа; хорошо сдѣлаешь, когда вынешь его изъ загражденія.

Епископъ съ поспѣшностью пошелъ ко вратамъ и, поднявшись къ мѣсту, указанному въ стѣнѣ, нашелъ все такъ, какъ было сказано ему въ откровеніи. Узнавъ загражденіе, онъ раскопалъ его и отнялъ доску; и нашелъ пречистый и пресвятый образъ Христовъ цѣлъ и невредимъ, лампаду, несмотря на то, что прошло уже столько лѣтъ,—неугасшей и полной елея; а на самой доскѣ, которою заложенъ былъ образъ, отобразилось нерукотворенно другое такое же подобіе Лица Христова. Епископъ взялъ убрусъ съ изображеніемъ Спаса и показалъ гражданамъ; и была для всѣхъ великая радость, и всѣ исполнились мужества, уповая на Господа. Епископъ, совершая усердное моленіе, понесъ образъ по стѣнамъ города, являя Лице Спасителя персидскимъ воинамъ, осаждавшимъ городъ, и тотчасъ все персидское войско, гонимое божественною силою, обратилось въ бѣгство. Такъ Едесса милосердіемъ Христа Бога нашего и явленіемъ Его нерукотвореннаго пресвятаго образа была избавлена отъ своихъ враговъ.

Затѣмъ, также по прошествіи многихъ лѣтъ, когда въ Греціи былъ царемъ Романъ Багрянородный, прозывавшійся еще Ликапенисъ, раздѣлявшій власть съ Константиномъ, сыномъ Льва Премудраго и своимъ зятемъ, святой убрусъ съ нерукотвореннымъ изображеніемъ божественнаго Лица Христова перенесенъ былъ изъ Едессы, захваченной Сарацинами, въ Константинополь: въ тѣ времена уже вся Сирія, въ которой и находится Едесса, была подъ

властію Сарацинъ. Перенесеніе это совершилось такимъ образомъ: царь Греческій Романъ, желая имѣть въ Царьградѣ безцѣнное сокровище (нерукотворенный образъ Спаса), много разъ посылалъ къ эмиру Сарацинскому просьбу отдать ему нерукотворенный образъ Христовъ. Эмиръ же, упрашиваемый едесскими христіанами, не хотѣлъ отдать образа, и возникла война: царь Романъ послалъ въ Едессу свое войско и стѣснилъ городъ, опустошая окрестности. Тогда едессяне послали къ царю Греческому просьбу о прекращеніи войны; царь же просилъ у нихъ образъ Христовъ. Эмиръ же Сарацинскій, подъ властью коего была Едесса, не хотѣлъ отдать даромъ; царь же христіанскій, движимый великимъ желаніемъ имѣть у себя нерукотворенный образъ Христовъ, далъ эмиру двѣнадцать тысячъ сребрениковъ и возвратилъ изъ плѣна греческаго двѣсти знатныхъ Сарацинъ, къ этому онъ присоединилъ еще свое царское за золотой печатью писаніе, обѣщая никогда не поднимать войны ни на Едессу, ни на ее окрестные города. Получивъ черезъ это желаемое, царь принялъ нерукотворенный образъ Христовъ и съ нимъ вмѣстѣ и то посланіе, которое, какъ замѣчено выше, Господь нашъ Іисусъ Христосъ написалъ Авгарю, князю Едесскому; руками архіереевъ и прочихъ честныхъ мужей духовнаго чина святый образъ былъ перенесенъ въ Царьградъ. По пути и въ самомъ Царьградѣ отъ честнаго образа совершались многія чудеса: исцѣлялись всякія недуги: слѣпые—прозрѣвали, глухіе—слышали, хромые—ходили и бѣсы изгонялись. Одинъ же бѣсноватый восклицалъ:

— Воспріими, Константинополь, твою славу и веселіе, а ты, Порфирородный, честь твоего царства.

Такъ взывая, человѣкъ этотъ исцѣлился отъ бѣснованія.

Празднованіе перенесенія нерукотвореннаго образа Христова установлено въ 16 день августа мѣсяца, когда именно Его пріялъ съ великою честью и торжествомъ царствующій городъ и поставилъ въ церкви Пресвятой Богородицы Фарросской[1]) на защищеніе граду и во славу Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь[2]).

---

[1]) Храмъ этотъ созданъ императоромъ Михаиломъ (856—867 гг.).

[2]) *Константинъ Порфирородный* описываетъ перенесеніе Нерукотвореннаго образа изъ Едессы и письма Христова къ Авгарю въ Константинополь въ 944 г. Нерукотворенный образъ хранился въ Константинополѣ до 1204 г. Что касается кирпича съ Нерукотвореннымъ образомъ, то, по свидѣтельству Зонары († 1118 г.), онъ перенесенъ импера-

Тропа́рь, гла́съ в҃:

Пречⷭ҇томꙋ твоемꙋ̀ ѡ҆́бразꙋ покланѧ́емсѧ бл҃гі́й, просѧ́ще проще́нїѧ прегрѣше́нїй на́шихъ хрⷭ҇тѐ бж҃е: во́лею бо бл҃говоли́лъ є҆сѝ пло́тїю взы́ти на крⷭ҇тъ, да и҆зба́виши, ꙗ҆̀же созда́лъ є҆сѝ, ѿ рабо́ты вра́жїѧ. тѣ́мъ бл҃года́рственнѡ вопїе́мъ тѝ: ра́дости и҆спо́лнилъ є҆сѝ всѧ̑ сп҃се на́шъ, прише́дый сп҃стѝ мі́ръ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Неизрече́ннагѡ и҆ бж҃е́ственнагѡ твоегѡ̀ къ человѣ́кѡмъ смотре́нїѧ, неѡпи́санное сло́во ѻ҆́тчее, и҆ ѡ҆́бразъ непи́санный и҆ бг҃опи́санный побѣди́теленъ вѣ́дꙋще нело́жнагѡ твоегѡ̀ воплоще́нїѧ, почита́емъ того̀ лобыза́юще.

СЛОВО ПРЕПОДОБНАГО

ІОАННА ДАМАСКИНА[1])

О поклоненіи святымъ иконамъ

Такъ какъ нѣкоторые порицаютъ насъ за то, что мы поклоняемся и почитаемъ образъ Спасителя нашего и образъ Матери Божіей, а также и образа̀ (иконы) прочихъ святыхъ ра-

торомъ Никифоромъ Фокою (963—969 гг.) въ 968 г. Зонара называетъ его ἱερόν και θεῖον εκτύπωμα (священное и божественное изображеніе).—По одному сказанію Нерукотворенный образъ около 1362 года былъ отданъ Іоанномъ Палеологомъ генуэзскому генералу Леонардо-де-Монтальто за избавленіе Греческой имперіи отъ нападенія Сарацинъ, а Монтальто отдалъ его въ монастырь св. Варѳоломея въ Генуѣ, гдѣ онъ и донынѣ. По другому, болѣе вѣроятному сказанію, онъ во время владычества крестоносцевъ въ Царьградѣ въ 1204—1261 гг. похищенъ венеціанскимъ дожемъ Дандоло, но корабль, на которомъ онъ находился съ другими священными предметами, потонулъ въ Пропонтидѣ.

1) *Святый Іоаннъ Дамаскинъ*—знаменитый богословъ и пѣснописецъ, инокъ обители св. Саввы, ревнитель Православія въ борьбѣ съ иконоборцами, жившій въ VIII в. За свои высокохудожественныя умилительныя пѣснопѣнія онъ получилъ наименованіе: «златоструйный». Св. Іоаннъ Дамаскинъ прославился составленіемъ каноновъ (всего имъ составлено до 60-ти каноновъ), изъ которыхъ особенно замѣчателенъ пасхальный канонъ. Но главная заслуга св. Іоанна Дамаскина—разработка теоріи церковнаго пѣнія. Церковное пѣніе имъ было разграничено на восемь гласовъ, или музыкальныхъ тональностей (ладовъ). Какъ практическое примѣненіе теоріи церковнаго осмогласія извѣстенъ трудъ Дамаскина «Октоихъ». Св. Іоаннъ Дамаскинъ скончался въ 776 году.—Память его празднуется св. Церковію 4-го декабря.

бовъ Христовыхъ[1]), то пусть знаютъ таковые, что первоначально Богъ сотворилъ человѣка по образу Своему. Ради чего мы покланяемся другъ другу (привѣтствуемъ другъ друга), какъ не по той причинѣ, что всѣ мы созданы по образу Божію? Богоносный и святый великій отецъ Церкви Василій Великій[2]) говоритъ, что честь, воздаваемая образу, восходитъ къ первообразному. Первообразное же есть то, коего подобіе начертывается и отъ коего дается изображеніе на иконѣ. И по какой причинѣ люди Моисеевы[3]) поклонялись скиніи вещей небесныхъ, стоя вокругъ нея, между тѣмъ какъ скинія являла собою подобія многихъ изображеній, ибо Богъ сказалъ Моисею: **ви́ждь, сотвори́ши всѐ по ѿбразꙋ показа́нномꙋ тебѣ́ на горѣ́**[4]). Также и Херувимы, осѣнявшіе алтарь, не были ли дѣломъ рукъ человѣческихъ; точно такъ же и преславная іерусалимская церковь была построена развѣ не искусствомъ руки человѣческой? Святое Писаніе осуждаетъ лишь тѣхъ, кто поклоняется идоламъ и кто приноситъ жертвы демонамъ. И еллины, и іудеи приносили жертвы: но первые приносили жертвы бѣсамъ, вторые же — Богу. Жертвы еллиновъ были отвержены и прокляты, жертвы же іудеевъ были благопріятны Господу. Вотъ, принесъ жертву Ной[5]), и **ѿбонѧ̀ бг҃ъ воню̀ благоꙋхані́ѧ**[6]), ибо эта жертва

---

[1]) Говоря о людяхъ, порицающихъ христіанъ, святый Іоаннъ Дамаскинъ имѣетъ въ виду иконоборцевъ. Иконоборческая ересь появилась въ VIII в., слѣдовательно, святый Іоаннъ Дамаскинъ былъ ея современникомъ (см. пред. прим.). Иконоборцы неразумно смѣшивали иконопочитаніе съ идолопоклонствомъ. Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ настоящемъ Словѣ о поклоненіи святымъ иконамъ обличаетъ безбожное заблужденіе иконоборцевъ. Основателемъ иконоборческой ереси считается Константинъ, епископъ Наколійскій (во Фригіи—малоазійской области). Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры Левъ III-ій Исаврянинъ (717—741 гг.) и Константинъ V-й Копроимъ (741—775 гг.). Эта ересь была осуждена на VII-мъ Вселенскомъ Соборѣ, происходившемъ въ 787 г. въ городѣ Никеѣ.

[2]) Святый *Василій Великій*—знаменитѣйшій Отецъ Церкви IV-го в.—Память его празднуется св. Церковію 1-го и 30-го января.

[3]) *Моисей*—знаменитый вождь и законодатель народа еврейскаго, первый священный писатель, жившій за XV вѣковъ до Р. Хр. Онъ родился въ Египтѣ и происходилъ изъ колѣна Левіина. Онъ чудесно вывелъ Евреевъ изъ Египта, избавивъ ихъ отъ тяжкаго египетскаго рабства. На горѣ Синай онъ получилъ отъ Бога 10 Заповѣдей и сподобился видѣть Славу Божію. Всѣ, полученныя имъ отъ Бога Заповѣди и установленія, равно какъ и первоначальную исторію народа еврейскаго, онъ изложилъ въ первыхъ пяти книгахъ Библіи (Пятокнижіе Моисеево). Скончался Моисей на границѣ Земли Обѣтованной, будучи 120-ти лѣтъ отъ роду.—Память его празднуется св. Церковію 4-го сентября.

[4]) Кн. Исходъ, гл. **25**, ст. 40.

[5]) *Ной*—сынъ Ламеха,—послѣдній патріархъ до потопа. Жертва Богу принесена Ноемъ по выходѣ изъ ковчега (Кн. Быт., гл. **8**, ст. 15—20) и была прообразомъ жертвы Христовой.

[6]) Кн. Быт., гл. **8**, ст. 21.

была принесена отъ чистаго и благожелательнаго сердца; но еллинскіе идолы, какъ мерзкіе и богоненавистные, были запрещены и прокляты, такъ какъ были кумирами демоновъ.

Кромѣ сего, кто можетъ изобразить Лице Бога невидимаго, безплотнаго, неописуемаго, не поддающееся изображенію? Безумнымъ безбожіемъ было бы желаніе изобразить Божество такъ, какъ оно существуетъ Само въ Себѣ. По этой причинѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ иконы не были въ употребленіи. Но потомъ, когда благосердый Богъ, по Своей милости, устрояя наше спасеніе, явился въ образѣ истиннаго человѣка, а не въ подобіи только лица человѣческаго, какъ нѣкогда являлся Аврааму и Пророкамъ, но явилъ Себя истиннымъ человѣкомъ, ходя по земли, живя съ людьми, творя чудеса, пострадавъ, распявшись на крестѣ, бывъ погребенъ, потомъ воскресъ и вознесся на Небеса,—тогда все то, что было въ дѣйствительности, все то, что видѣли люди, но то, чего не видѣли мы, не жившіе въ то время,—все сіе тогда и записано было въ наше назиданіе и напоминаніе, дабы мы, не видя то, какъ бы слышали то, и, увѣровавъ, получили блаженство (вѣчное). А такъ какъ не всѣмъ дано знать писанія, не всѣмъ данъ даръ чтенія книгъ, то святые Отцы единогласно разсудили изобразить все сіе на иконахъ для быстрѣйшаго воспоминанія — какъ славныя побѣдоносныя знаменія. Ибо часто по нерадѣнію нашему мы забываемъ о страданіи Господнемъ; посмотрѣвъ же на изображеніе Христова распятія, мы тотчасъ воспоминаемъ Его спасительныя страданія и, припавъ, поклоняемся — не вещи, но Тому, Коего изображеніе мы видимъ передъ собою; ибо мы поклоняемся не тому матеріалу, изъ котораго составлено Евангеліе, но написанному въ немъ слову Божію; точно такъ же мы поклоняемся не тому матеріалу, изъ котораго сдѣланъ крестъ, но изображаемому крестомъ Распятію Христову. Крестъ ничѣмъ не отличался бы отъ матеріала, изъ коего онъ составленъ, если бы не изображалъ собою Распятія Христова. То же самое слѣдуетъ сказать и о иконѣ Пресвятой Богородицы, ибо та честь, которую мы воздаемъ Богоматери, восходитъ къ Воплотившемуся отъ Нея. Точно такъ же и мужественные подвиги святыхъ угодниковъ Божіихъ, изображаемые на иконахъ, возбуждаютъ насъ къ мужеству, ревности и подражанію ихъ добродѣтелямъ и къ прославленію Бога, и, какъ мы сказали, та честь, которую мы воздаемъ благохвальнымъ подвижникамъ, изображеннымъ на иконахъ, есть свидѣтельство нашего усердія предъ общимъ

всѣхъ насъ Господомъ и, кромѣ того, та честь восходитъ къ Истинному Первообразу.

То, что мы сказали, не записано въ Священномъ Писаніи, какъ не записано тамъ и о поклоненіи на востокъ, почитаніи креста и многомъ другомъ, тому подобномъ. Въ Исторіи же записано, какъ Авгарь, царь эдесскій, послалъ живописца своего, дабы онъ написалъ образъ Господа, но тотъ (живописецъ), не могъ исполнить приказанное ему, по причинѣ дивнаго свѣта, исходившаго отъ лица Христова. Тогда Самъ Господь приложилъ полотенце къ божественному и животворному лицу Своему и изобразилъ на полотенцѣ Свое подобіе, которое и послалъ къ Авгарю, дабы исполнить его желаніе [1]). А что святые Апостолы многое передали намъ безъ писаній, объ этомъ свидѣтельствуетъ Апостолъ язычниковъ святый Павелъ [2]), говоря такъ: **тѣ́мже оу҆́бо бра́тїе, сто́йте и҆ держи́те преда̑нїѧ, и҆̀мже наꙋ́чи́стесѧ и҆лѝ сло́вомъ и҆лѝ посла́нїемъ на́шимъ** [3]). И въ другомъ мѣстѣ: **хвалю̀ вы̀, бра́тїе, ꙗ҆́кѡ всѧ̑ моѧ̑ по́мните, и҆ ꙗ҆́коже преда́хъ ва́мъ, преда̑нїѧ держитѐ** [4]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ДІОМИДА

Святый Діомидъ былъ родомъ изъ города Тарса киликійскаго [5]), по занятію онъ былъ врачомъ, вѣрою же былъ христіанинъ и врачевалъ не только тѣла, но и души людскія; ибо онъ увѣщевалъ еллиновъ увѣровать въ Бога и просвѣщалъ ихъ, подготовляя ко Святому Крещенію.

Въ царствованіе императора Діоклетіана [6]) святый Діомидъ оставилъ Тарсъ и пришелъ въ городъ Никею, находившійся въ Виѳиніи [7]). И здѣсь, по обыкновенію своему, святый Діомидъ творилъ врачеванія, причемъ врачевалъ не только лѣкарственными

1) Болѣе подробное повѣствованіе о семъ можно читать выше, подъ симъ же числомъ.

2) Память святаго Апостола Павла празднуется св. Церковію 29-го іюня.

3) 2 Посл. къ Солун., гл. 2, ст. 15.

4) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 2.

5) *Киликія*—малоазійская область.

6) Императоръ Діоклетіанъ царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

7) *Виѳинія*—малоазійская область.

средствами, но, главнымъ образомъ, призываніемъ всесильнаго и цѣльбоноснаго Имени Господа нашего Іисуса Христа и знаменіемъ Честнаго Креста; многихъ идолопоклонниковъ онъ обратилъ къ вѣрѣ во Христа благодаря своему искусству врачеванія, а также и ученіемъ своимъ.

Когда императоръ Діоклетіанъ, бывшій въ то время въ странахъ восточныхъ, узналъ объ этомъ, то послалъ воиновъ взять святаго. Когда воины прибыли къ тому мѣсту, то нашли святаго Діомида уже умершимъ о Господѣ; однако отсѣкли мертвому главу, дабы отнести ее къ императору. Но тотчасъ по отсѣченіи главы воины тѣ лишились зрѣнія и стали слѣпыми, такъ что ихъ повели другіе къ царю, причемъ они несли отсѣченную главу святаго мученика Діомида.

Когда императоръ увидѣлъ главу, а также увидѣлъ и слѣпыхъ воиновъ, то приказалъ имъ тотчасъ же отнести главу и приложить ее къ тѣлу на свое мѣсто; лишь только воины сдѣлали такъ, какъ тотчасъ же прозрѣли и увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа, Бога Истиннаго, Коему возсылается слава вѣчно. Аминь[1]).

Въ тотъ же день **память преподобнаго Херимона**, упоминаемаго въ книгѣ Палладія «Лавсаикъ» и въ Патерикѣ алфавитномъ. Пещера его отстояла отъ воды на двѣнадцать поприщъ; по преставленіи онъ былъ обрѣтенъ сидящимъ на своемъ мѣстѣ и держащимъ въ рукахъ свое рукодѣліе, ибо онъ скончался за работой. Сей святый Херимонъ упоминается также святымъ Ѳеодоромъ Студитомъ[2]) въ Тріоди постной, въ субботу Сырную въ канонѣ на Утрени, въ Пѣсни шестой[3]).

---

[1]) Кончина святаго Діомида послѣдовала въ кон. III-го в. или въ нач. IV-го в.

[2]) Память его празднуется св. Церковію 11-го ноября и 26-го января.

[3]) Кончина святаго Херимона послѣдовала въ концѣ IV-го в. или въ первыхъ годахъ V-го в.

День семнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ПАТРОКЛА

Въ царствованіе Авреліана[1]) на христіанъ было поднято жестокое гоненіе въ Галліи, а также и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ это время въ городѣ Трикассинѣ проживалъ честный мужъ, по имени Патроклъ. Обиталъ онъ на окраинѣ города въ доставшемся ему послѣ смерти родителей домѣ; онъ былъ богатъ и имѣлъ много имущества. Этотъ мужъ служилъ Богу днемъ и нощію, ибо возлюбилъ святый Законъ Его и проводилъ строго христіанскую благочестивую жизнь; будучи хорошо обученъ наукамъ, онъ со усердіемъ читалъ всегда Священное Писаніе и ежечасно преклонялъ колѣна свои на молитву. Пищу принималъ онъ только одинъ разъ въ день, въ двѣнадцатый часъ, совершивъ предварительно вкушенія пищи славословія и молитвы ко Господу; а богатства, которыя имѣлъ онъ, раздавалъ нуждающимся, вдовамъ и сиротамъ, и въ особенности — нуждающимся христіанамъ, служившимъ Господу отъ всего сердца своего. Милосердіе его было столь велико, что нищіе принимали его за раздаятеля сокровищъ небесныхъ, ибо онъ не собиралъ себѣ сокровищъ на

[1]) *Императоръ Авреліанъ* царствовалъ съ 270 г. по 275 г.

землѣ, но на Небесахъ и удалялся отъ всѣхъ удовольствій мірскихъ, помышляя лишь о снисканіи Царства Небеснаго. Сей святый мужъ, проводившій жизнь свою въ страхѣ Божіемъ, въ постѣ и молитвѣ и во всякомъ Богоугожденіи, получилъ отъ Господа власть повелѣвать бѣсами; ему дарована была также благодать исцѣленія, такъ что онъ изгонялъ нечистыхъ духовъ силою Христовою и исцѣлялъ различныя болѣзни, случавшіяся съ людьми. Въ это время нечестивый царь Авреліанъ, жестокій гонитель христіанъ, прибылъ изъ города Сенонійска въ городъ Трикассинъ; услышавъ о святомъ Патроклѣ, Авреліанъ приказалъ взять его и привести къ себѣ. Увидавъ Патрокла, онъ сказалъ ему:

— Я слышалъ о твоемъ безуміи; ты принялъ суетную вѣру и поклоняешься Тому, Кто былъ поруганъ людьми.

Но святый ничего не отвѣчалъ на эти безумныя слова.

Тогда Авреліанъ спросилъ его:

— Какое имя ты носишь?

Святый отвѣчалъ:

— Мое имя—Патроклъ.

Авреліанъ снова спросилъ:

— Какую вѣру содержишь ты и какому богу поклоняешься?

Святый Патроклъ отвѣчалъ:

— Я поклоняюсь Богу Живому и Истинному, обитающему на Небесахъ и призирающему на смиренныхъ; я поклоняюсь Тому Богу, Который знаетъ все, прежде нежели что-либо совершилось.

Авреліанъ сказалъ:

— Оставь безуміе свое и поклонись нашимъ богамъ; ты будешь награжденъ за это нами честью и богатствомъ и имя твое будетъ прославлено.

Святый отвѣчалъ:

— Я не знаю инаго Бога, кромѣ Того Истиннаго, Который сотворилъ небо, землю, море и все, видимое и невидимое.

Авреліанъ сказалъ на это:

— Докажи намъ, истинно ли то, что ты говоришь?

Патроклъ отвѣчалъ:

— Поистинѣ справедливо все то, что я говорю; но такъ какъ вы всѣ погибаете во лжи, то не хотите увѣровать истинѣ, ибо ложь всегда ненавидитъ истину.

Авреліанъ сказалъ:

— Я тебя предамъ огню, если ты не принесешь жертвы богамъ.

Святый же отвѣчалъ:

— Вотъ, я приношу жертву хвалы, да и самого себя приношу въ жертву Богу моему, Который благоволилъ призвать меня къ мученическому подвигу за Святое Имя Свое.

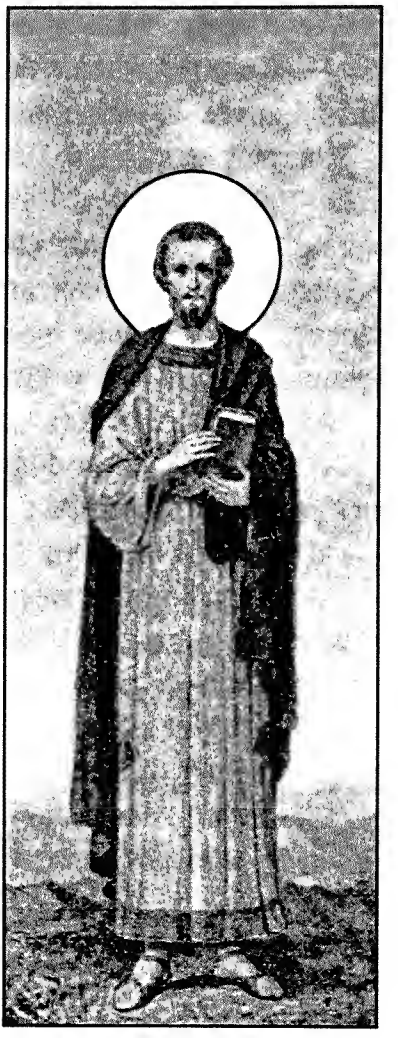
Тогда царь Авреліанъ преисполнился гнѣва и приказалъ возложить на ноги мученика желѣзныя оковы, разожженныя на огнѣ; приказалъ также связать святому руки назади желѣзными веригами, разожженными на огнѣ; потомъ велѣлъ бросить святаго въ темницу и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не измыслитъ способа погубить святаго.

Находясь въ оковахъ, святый молился Богу, говоря такъ:

— **Бꙋ́ди мл҃ть твоѧ̀**, Господи, **да оу҆тѣ́шитъ мѧ̀ по словесѝ твоемꙋ̀** раба Твоего[1]).

И еще:

— **Возра́дꙋюсѧ и҆ возвеселю́сѧ ѡ҆ мл҃ти твое́й, ꙗ҆́кѡ призрѣ́лъ є҆сѝ на смире́ніе моѐ**[2]).



Ст҃ы́й мч҃нкъ Патро́клъ

Спустя три дня царь Авреліанъ возсѣлъ на публичномъ судилищѣ своемъ и приказалъ вывести мученика изъ темницы и представить ему на судъ. Когда святый былъ приведенъ, царь сказалъ ему:

— Хулитель, иди спаси скорѣе себя самого отъ смерти и принеси жертву богамъ.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Господь нашъ спасъ отъ смерти вѣчной души рабовъ Своихъ; Онъ не оставитъ всѣхъ, уповающихъ на Него; если же ты желаешь получить что-либо изъ моихъ богатствъ, то я охотно ихъ дамъ тебѣ, ибо вижу, что ты нищъ.

---

1) Псал. 118, ст. 76.
2) Псал. 30, ст. 8.

Авреліанъ сказалъ на это:

— Какъ осмѣливаешься ты называть меня, императора, нищимъ, когда я имѣю безчисленныя сокровища?

Святый отвѣчалъ:

— Ты имѣешь богатства земныя, скоропреходящія; но ты нищъ, ибо ты не имѣешь самого себя, такъ какъ ты не стяжалъ въ сердцѣ своемъ святой вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа; посему ты будешь осужденъ Судіею праведнымъ — Богомъ на мученія вмѣстѣ съ отцемъ твоимъ—діаволомъ.

Авреліанъ сказалъ:

— Ты жестоко оскорбляешь меня, и потому я не могу быть милостивымъ къ тебѣ.

Мученикъ сказалъ:

— Для меня милостивъ Богъ мой, Которому я служу съ юныхъ лѣтъ. Но горе тебѣ, когда ты будешь отведенъ на то мѣсто, гдѣ пребываетъ въ мученіяхъ діаволъ, коему ты нынѣ служишь; тамъ увидишь ты вѣчныя муки, уготованныя тебѣ.

Императоръ сказалъ на это:

— Я не понимаю того, что ты говоришь; понимаю только то, что ты въ моихъ рукахъ и нѣтъ никого, кто бы могъ спасти тебя отъ рукъ моихъ.

Святый сказалъ:

— Въ твоей власти находится лишь тѣло мое; души же моей ты коснуться не можешь, ибо никто не имѣетъ власти надъ нею, кромѣ Единаго Бога, создавшаго ее, Который и сказалъ намъ, рабамъ Своимъ: «не оубойтеся ѿ оубивающихъ тѣло, души же не могущихъ оубити: оубойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенне огненной»[1]).

Царь Авреліанъ сказалъ на это:

— А развѣ наши боги не имѣютъ такой же точно власти? Вѣдь они для насъ истинны, ибо они всегда даютъ отвѣты о всемъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ; это они доселѣ попускаютъ жить тебѣ—своему врагу и хулителю.

Святый сказалъ:

— Какіе боги у васъ?

Авреліанъ отвѣчалъ:

— Къ числу боговъ нашихъ принадлежатъ и великій Апол-

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 28.

лонъ[1]), и могущественный Зевсъ[2]), и мать боговъ Діана[3]), ибо они безъ обмана предсказываютъ людямъ будущее»[4]).

Святый же Патроклъ сказалъ:

— Что касается до Аполлона, коего ты называешь богомъ, то мы слышали отъ отцевъ нашихъ, что онъ былъ пастухомъ царя Ѳессалійскаго Адмета[5]); относительно Зевса, коему ты поклоняешься какъ богу, намъ извѣстно, что онъ былъ человѣкомъ мерзкимъ и нечестивымъ, блудодѣемъ, прелюбодѣемъ, грабителемъ и сѣятелемъ всякаго зла;—извѣстно, что онъ посѣвалъ вражду и безчинства среди людей, совершалъ убійства и грабежи, да и умеръ позорнѣйшею смертію, такъ что земля не приняла трупа его. Діану же, именуемую матерью боговъ вашихъ, кто не зналъ, что она бѣснованіе полуденное[6]). О окаянное безуміе людей, ослѣпленныхъ невѣріемъ, поклоняющихся суетному и пустому!

Царь сказалъ:

— Мое терпѣніе велико, ибо я до сихъ поръ слушаю твои хулы. Но теперь я говорю тебѣ въ послѣдній разъ: если ты не поклонишься и не принесешь жертвъ Аполлону, Зевсу и Діанѣ, то я сейчасъ же предамъ тебя смерти.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Нечестивый мучитель! Ты похожъ на разбойника, который убиваетъ неповиннаго человѣка, тѣла же его пожрать не можетъ.

---

1) *Аполлонъ* у древнихъ грековъ считался богомъ свѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ ему усвоялся даръ предсказанія будущаго.

2) *Зевсъ*—верховный богъ древнегреческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ.

3) *Діана*—считалась у древнихъ грековъ богинею свѣта и жизни; почиталась также какъ раздаятельница свѣжей, цвѣтущей жизни природы.

4) Императоръ Аврелiанъ какъ язычникъ былъ увѣренъ, что боги, въ коихъ онъ вѣровалъ, могли предсказывать будущее; онъ не безъ намѣренія упомянулъ имя Аполлона, который считался у древнихъ грековъ предсказателемъ будущаго (см. прим. 1). Многіе храмы, построенные древними греками въ честь Аполлона, считались въ то же время знаменитыми оракулами; болѣе всего былъ извѣстенъ оракулъ Дельфійскій, оракулъ въ Оробіи, на островѣ Эвбеѣ и въ другихъ мѣстахъ; древніе греки обращались къ помощи оракула во всѣхъ серьезныхъ и важныхъ случаяхъ какъ личной, такъ и общественной жизни: само собою понятно, что прорицатели, къ коимъ обращались греки за совѣтомъ, не могли предсказывать будущаго, такъ какъ всегда давали сбивчивые и неясные отвѣты.

5) Въ данномъ случаѣ святый Патроклъ имѣлъ въ виду нелѣпыя сказанія древнегреческой миѳологіи.

6) *Бѣсъ полуденный*—буквально —зараза, опустошающая въ полдень; быть можетъ, особая болѣзнь, вродѣ бѣшенства, вызываемая палящими лучами южнаго солнца (ср.: Пс. 90, ст. 6).

Такъ и ты, хотя и хвалишься, что предашь смерти мое тѣло, но не съѣшь его; а если бы ты даже и пожралъ тѣло мое, то не посмѣлъ бы повредить моей душѣ.

Послѣ того какъ святый сказалъ эти слова, Авреліанъ весьма разгнѣвался и приказалъ усѣчь святаго мечомъ. При этомъ Авреліанъ приказалъ своимъ воинамъ усѣчь святаго не на сухой землѣ, но гдѣ-либо въ болотистомъ мѣстѣ, дабы онъ не могъ быть преданъ обычному для людей погребенію, но былъ бы съѣденъ гадами, птицами и звѣрями.

Воины взяли святаго мученика и повели его къ берегу рѣки, по имени Секвана, дабы усѣчь святаго здѣсь, въ болотѣ, на берегу рѣки.

Святый шелъ на смерть съ веселіемъ, молитвенно взывая:

«Господи Іисусе Христе, не попусти тѣлу моему погибнуть въ томъ мѣстѣ болотистомъ, но возвеличь Пресвятое Имя Твое, дабы оно было славно предъ очами враговъ Твоихъ и дабы язычники не сказали:—гдѣ же Богъ ихъ? Услышь, Владыко святый, молитву мою, какъ Ты услышалъ Моисея[1]) и Аарона[2]), молившихся о людяхъ Твоихъ, и, раздѣливъ имъ море, Ты провелъ (израильтянъ) посуху[3]); такъ и мнѣ повели перейти рѣку сію на ту сторону, на мѣсто неболотистое, дабы на сухой землѣ была пролита кровь моя и дабы тѣло мое нашло бы себѣ покой не въ болотѣ: спасѝ мѧ̀ ѿ бре́нїѧ, да не оу҆глѣ́бнꙋ[4]): избавь меня отъ мучителей моихъ!

Едва только святый помолился въ такихъ словахъ, какъ помрачились глаза воиновъ, приведшихъ его, такъ что они (воины) не видѣли мученика.

Святый же Патроклъ, войдя въ рѣку, пошелъ по водѣ, ступая ниже колѣнъ; а между тѣмъ та рѣка была весьма большой и глубокой и, кромѣ того, имѣла много воды отъ дождя. Но святый мученикъ шелъ по ней, не опускаясь даже до колѣнъ;

---

1) *Моисей*—знаменитый вождь и законодатель народа еврейскаго, первый священный писатель, жившій за XV в. до Р. Хр. Моисей родился въ Египтѣ и происходилъ изъ колѣна Левіина; онъ чудесно вывелъ Евреевъ изъ Египта, избавивъ ихъ отъ тяжкаго рабства. На горѣ Синай онъ получилъ отъ Бога 10 Заповѣдей и сподобился видѣть Славу Божію.—Память его празднуется св. Церковію 4-го сентября.

2) *Ааронъ* — братъ Моисея (см. пред. прим.), первый первосвященникъ народа еврейскаго.

3) Кн. Исходъ, гл. 14, ст. 21—32.

4) Псал. 68, ст. 15.

потомъ, перейдя на другой берегъ, мученикъ взошелъ на гору, находившуюся тамъ, и сказалъ:

— Господь хранитъ души преподобныхъ святыхъ Своихъ и спасаетъ ихъ отъ рукъ грѣшниковъ.

Воины же, не видя мученика, коего они вели, пришли въ великій страхъ и ужасъ, ибо боялись, что царь подумаетъ, что они отпустили осужденнаго по своей волѣ, и предастъ ихъ казни.— Воины говорили сами въ себѣ: «Какъ великъ Богъ человѣка того, ибо Онъ спасъ его отъ рукъ нашихъ невидимо!»

Другіе изъ воиновъ говорили:

— То былъ не человѣкъ, но нѣкое привидѣніе, ибо онъ безслѣдно исчезъ изъ нашихъ глазъ.

Въ то время, когда воины долгое время спорили объ этомъ между собою, не рѣшаясь возвратиться къ царю, нѣкая женщина-язычница, переплывавшая въ лодкѣ рѣку, услыхавъ споръ воиновъ и увидя ихъ печаль, сказала имъ:

— Я видѣла на той сторонѣ рѣки, на горѣ, человѣка-христіанина, коего вы ищете; онъ лежалъ ницъ и молился Богу своему.

Они же, имѣя ноги, скорыя къ пролитію крови неповинной, тотчасъ переплыли рѣку на лодкѣ и, взойдя на гору, нашли святаго въ томъ положеніи, какъ сказала имъ та женщина. Тогда старшій воинъ сказалъ съ досадою святому:

— Поистинѣ ты достоинъ смерти, ибо ты убѣжалъ отъ насъ; но вотъ ты опять въ нашихъ рукахъ; и теперь уже не убѣжишь отъ насъ: ты будешь преданъ смерти; а если желаешь остаться въ живыхъ, принеси жертву богамъ нашимъ.

Святый отвѣчалъ имъ:

— Я не поклонюсь нечестивымъ бѣсамъ; я поклоняюсь только Богу Единому.

Воины сказали ему:

— Какой богъ у тебя—рожденный или сотворенный?

Святый сказалъ:

— О заблужденіе суетное! О невѣріе безумное! О рѣчи неразумныя! Кто изъ людей можетъ что-либо сказать о Богѣ безначальномъ? Кто можетъ повѣдать о Его происхожденіи? Онъ сказалъ, и все произошло; Онъ повелѣлъ, и создано было все— видимое и невидимое. Онъ послалъ Избавителя роду человѣческому,

Сына Своего Единороднаго, Господа нашего Іисуса Христа, пролившаго за насъ Святую Кровь Свою, дабы избавить насъ отъ погибели и вѣчной смерти; но Господь воскресъ въ третій день изъ мертвыхъ, вознесся на Небо въ присутствіи учениковъ и послалъ имъ, какъ обѣщалъ, Святаго Духа. И вѣровать дòлжно такъ, какъ училъ Духъ Святый устами Апостоловъ; ибо ученіе сіе есть правое и истинное; тотъ же, кто не вѣруетъ ученію сему, не увидитъ жизни вѣчной, но гнѣвъ Божій будетъ пребывать на томъ (человѣкѣ) вѣчно. Мы, христіане, твердо вѣруемъ и надѣемся получить жизнь вѣчную отъ Христа, Бога нашего; посему мы и страдаемъ за Него съ любовію и умираемъ съ готовностію, зная, что живемъ ли мы, умираемъ ли, — мы принадлежимъ Господу. Всѣ же, поклоняющіеся бѣсамъ, подобно вамъ, вмѣстѣ съ бѣсами будутъ ввержены въ огонь геенскій.

Въ то время какъ святый произносилъ эти слова, воины пришли въ гнѣвъ и, назвавъ святаго хулителемъ своихъ боговъ, обнажили мечи, дабы усѣчь святаго. Мученикъ же сказалъ, обратившись къ Богу:

— Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой; ибо Ты знаешь, что я умираю за Имя Твое Пресвятое.

Послѣ сего святый мученикъ Патроклъ былъ усѣченъ во главу[1]).

Воины взяли главу мученика и бросили ее на далекое разстояніе отъ тѣла; потомъ ушли.

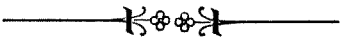
Въ это время на горѣ, поблизости отъ того мѣста, находились двое нищихъ въ преклонныхъ лѣтахъ, пользовавшіеся ранѣе милостынею отъ рукъ святаго и исповѣдовавшіе вѣру христіанскую. Сіи видѣли кончину мученика и слышали послѣднія слова его. Когда воины ушли, сіи взяли тѣло мученика и главу его съ великимъ страхомъ, боясь быть замѣченными нечестивыми; честнòе тѣло и главу мученика они скрыли до вечера, а потомъ тайно повѣдали обо всемъ протопресвитеру того города, по имени Евсевію.

Когда наступила ночь, протопресвитеръ пришелъ къ тому мѣсту (гдѣ было скрыто тѣло мученика) вмѣстѣ съ діакономъ Ливеріемъ; обвивъ чистою плащаницею то святое тѣло, они предали его погребенію въ ту же ночь, тихо и съ немногими свѣщами пропѣвъ подобающее Псалмопѣніе, боясь язычниковъ.

---

[1]) Кончина *св. мученика Патрокла* послѣдовала ок. 275 г.

Скончался святый мученикъ Патроклъ въ царствованіе въ Римѣ Авреліана, среди христіанъ же при владычествѣ Господа нашего Іисуса Христа, Коему возсылается честь и слава вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.



ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АЛИПІЯ Печерскаго

Преподобный отецъ нашъ Алипій Печерскій явилъ себя подражателемъ святому Евангелисту Лукѣ[1]), ибо служилъ Господу, сотворившему насъ по образу и подобію Своему[2]), подобно оному Лукѣ, а именно: онъ не только изображалъ чудодѣйственно лики святыхъ на иконахъ, но и воплощалъ въ душѣ своей ихъ добродѣтели; кромѣ того, былъ дивнымъ врачомъ. Благочестное житіе его представляется намъ въ такомъ видѣ:

Въ княженіе благовѣрнаго князя Кіевскаго Всеволода Ярославича[3]) при игуменѣ преподобномъ Никонѣ, по устроенію Божію и по совѣту преподобныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія[4]), чудесно явившихся въ Константинополѣ въ десятый годъ по своемъ преставленіи,—прибыли для украшенія святой Кіево-Печерской церкви греческіе иконописцы; этимъ-то иконописцамъ и былъ отданъ блаженный Алипій своими родителями въ обученіе живописному искусству. Святый Алипій былъ очевидцемъ того дивнаго чуда, о которомъ повѣствуется въ сказаніи о церкви Кіево-Печерской, именно: когда иконописцы украшали живописью алтарь, то въ немъ сама собою изобразилась икона Пресвятой Богородицы. При этомъ икона

---

[1]) *Св. Лука*—апостолъ изъ 70-ти, написатель третьяго Евангелія и книги Дѣяній Апостольскихъ, спутникъ и сотрудникъ св. Апостола Павла. Св. Лука былъ родомъ изъ Антіохіи Сирійской; онъ былъ врачомъ, какъ говоритъ объ этомъ Ап. Павелъ въ Посланіи къ Колоссянамъ (гл. 4, ст. 14), и живописцемъ, по свидѣтельству Филосторгія и Никифора Каллиста. По преданію, онъ написалъ икону Божіей Матери. Онъ скончался 80-ти лѣтъ въ Ѳивахъ Беотійскихъ. Мощи его въ 360 г. были перенесены въ Константинополь.— Память его совершается св. Церковію 18-го октября.

[2]) Кн. Бытіе, гл. 1, ст. 26.

[3]) *Всеволодъ Ярославичъ* княжилъ въ первый разъ съ 1075 г. по 1076 г. (шесть мѣсяцевъ) и во второй—съ 1078 г. по 1093 г.

[4]) *Преподобные Антоній и Ѳеодосій* — основатели Кіево-Печерской Лавры. Память св. Антонія празднуется св. Церковію 10-го іюля, а преп. Ѳеодосія—3-го мая.

сія просвѣтилась и блистала ярче солнца; потомъ изъ устъ Пресвятой Богородицы вылетѣлъ голубь, который, полетавъ долгое время (по церкви), влетѣлъ въ уста Спасителя, изображеннаго на иконѣ, находившейся въ верхней части церкви.—Тогда-то обучался сей блаженный Алипій, помогая своимъ учителямъ; и онъ, кромѣ того, прекрасно живописалъ въ душѣ своей, ибо благодать Пресвятаго Духа пребывала въ той церкви Кіево-Печерской.

Когда упомянутые иконописцы окончили свое дѣло и украсили иконами святую церковь, украшенъ былъ и Алипій преподобнымъ игуменомъ Никономъ чуднымъ образомъ святаго ангельскаго иноческаго чина. И началъ святый Алипій обучаться искусству изображать въ душѣ своей добродѣтели святыхъ, будучи уже обученъ искусству изображать вещественно (на иконахъ) ихъ лики.

Святый Алипій былъ настолько искусенъ въ своемъ дѣлѣ, что, по благодати Божіей, видимымъ изображеніемъ на иконѣ воспроизводилъ какъ бы самый духовный образъ добродѣтели; ибо обучался искусству иконописному не ради стяжанія богатства, но ради стяжанія добродѣтелей; онъ постоянно трудился, живописуя иконы для игумена, для братіи и для всѣхъ нуждавшихся, ничего не взимая за трудъ свой.

Блаженный Алипій просилъ всѣхъ, видѣвшихъ обветшавшія иконы въ какой-либо церкви, сообщать ему объ этомъ; тогда онъ, не требуя никакого вознагражденія, своимъ искусствомъ украшалъ тѣ церкви. Если же святый былъ свободенъ отъ такой работы, тогда упражнялся въ иконописномъ искусствѣ для себя и живописалъ иконы, которыя отдавалъ тѣмъ, у кого онъ бралъ взаймы золото и серебро, нужное для украшенія иконъ. Такъ поступалъ святый для того, чтобы не проводить времени въ праздности; онъ уподоблялся древнимъ святымъ отцамъ, постоянно занимавшимся рукодѣліемъ, и самому верховному Апостолу Павлу[1]), который говоритъ о себѣ: **ꙗ҆́кѡ тре́бованїю моемꙋ̀ и҆ сꙋ́щымъ со мно́ю, послꙋжи́стѣ рꙋ́цѣ мои̇̀ сїѝ**[2]).

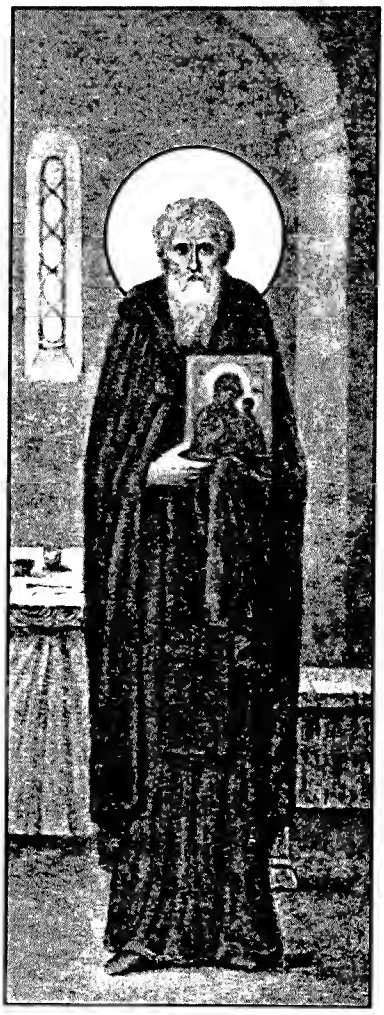
Если же когда случалось святому Алипію зарабатывать какую-либо сумму денегъ своимъ рукодѣліемъ, то онъ дѣлилъ ее на три части: первую часть тратилъ на поновленіе иконъ, вторую—на милостыню нищимъ и третью—отдавалъ на монастырскія нужды. Такъ поступалъ святый ежегодно, не давая себѣ покоя ни днемъ,

[1]) Житіе его см. подъ 29-мъ іюня.

[2]) Дѣян., гл. 20, ст. 34.

ни ночью; ибо ночью онъ упражнялся въ молитвенномъ бодрствованіи и поклонахъ, днемъ же съ великимъ смиреніемъ, нестяжательностью, чистотою, терпѣніемъ, постомъ, любовію, богомысліемъ занимался рукодѣліемъ; никто никогда не видалъ его празднымъ; но при всемъ томъ онъ никогда не пропускалъ молитвенныхъ собраній хотя бы для своихъ занятій.

Когда игуменъ замѣтилъ столь великія добродѣтели и иконописное искусство у преподобнаго, такъ что онъ былъ достоинъ, нося ангельскій образъ иноческаго чина, являть собою подражателя Сына Божія Іисуса Христа,—Іерея, по чину Мельхиседекову[1]), возвелъ его на степень іерейства. Тогда преподобный былъ поставленъ какъ свѣтильникъ на свѣщникѣ[2]), или, лучше сказать, какъ образецъ для подражанія на высокомъ мѣстѣ, сіяя сугубою красотою добродѣтелей иноческихъ и іерейскихъ.



Прп҃бный
а҆лѵ́пїй

---

1) *Мельхиседекъ*, царь Салимскій, священникъ Бога Вышняго, упоминается въ книгѣ Бытія (гл. 14, ст. 18). Когда Авраамъ возвращался съ побѣды надъ царемъ Еламскимъ и его союзниками, разграбившими Лота, Мельхиседекъ встрѣтилъ Авраама съ хлѣбомъ и виномъ и благословилъ Именемъ Бога Всевышняго. Авраамъ такъ высоко и такъ благоговѣйно принялъ это благословеніе, что далъ Мельхиседеку десятую часть всей своей добычи.—Кто былъ этотъ Мельхиседекъ, остается загадкою. Вѣроятнѣе всего, онъ принадлежалъ къ племени Аморреевъ, жившихъ тогда въ Палестинѣ, ибо у нихъ былъ царемъ. Салимъ, полагаютъ, то же, что потомъ Іевусъ, а затѣмъ Іерусалимъ (Пс. 75, 3). Можно догадываться, что Мельхиседекъ былъ особенный, славный во всей Палестинѣ служитель Бога Истиннаго. Священное Писаніе скрыло подробности о немъ, давая видѣть въ немъ прообразъ Христа. Книга Бытія, повѣствующая о Мельхиседекѣ (гл. 14, ст. 18—24), ничего не говоритъ ни о происхожденіи Мельхиседека, ни о концѣ его жизни, что, наравнѣ съ благословеніемъ Авраама, сдѣлало Мельхиседека, по изъясненію св. Апостола Павла (Евр. гл. 6, ст. 20), прообразомъ Іисуса Христа—вѣчнаго Первосвященника и Царя. На прообразовательное значеніе священства Мельхиседекова указывалъ еще царь и Пророкъ Давидъ, когда говорилъ о Сынѣ Божіемъ: «ты іерей во вѣкъ по чину Мельхиседекову» (Псал. 109, ст. 4). Но особенно ясно и подробно раскрыто прообразовательное значеніе Мельхиседека у св. Апостола Павла въ Посланіи къ Евреямъ (гл. 7).

2) Еванг. отъ Мате., гл. 5, ст. 15.

И былъ святый образцомъ не простымъ, ибо творилъ чудеса; изъ многихъ чудотвореній его мы напомнимъ здѣсь о нѣкоторыхъ.

Нѣкто изъ числа богатыхъ гражданъ города Кіева страдалъ проказою; сей искалъ помощи у многихъ врачей, волшебниковъ и язычниковъ, но не только не получилъ облегченія отъ своей болѣзни, а впалъ еще въ худшее состояніе. Тогда одинъ изъ друзей больного посовѣтовалъ ему идти въ Кіево-Печерскій монастырь, дабы просить молитвы у святыхъ отцевъ; онъ согласился, но съ неудовольствіемъ.

Когда сей больной былъ приведенъ въ монастырь Кіево-Печерскій, игуменъ приказалъ напоить его водою изъ колодца преподобнаго, а также велѣлъ умыть ему тою же водою и лице. И тотчасъ на тѣлѣ больного появилось такъ много гноя, въ наказаніе за невѣріе его, что всѣ сторонились отъ него, не будучи въ состояніи выносить смраднаго запаха, исходившаго отъ тѣла больного. Тогда съ плачемъ и негодованіемъ сей прокаженный возвратился къ себѣ въ домъ и не выходилъ изъ дома многіе дни, по причинѣ исходившаго отъ него смрада, говоря друзьямъ своимъ: **покры̀ срамота̀ лицѐ моѐ: чꙋ́ждъ бы́хъ бра́тїи моѐй, и̂ стра́ненъ сыновѡ́мъ ма́тери моеѧ̀**[1]), потому что я не явилъ вѣры преподобнымъ отцамъ Антонію и Ѳеодосію. И каждый день ожидалъ своей смерти.

Однако, придя въ себя, сей мужъ рѣшилъ исповѣдать всѣ грѣхи свои; посему пошелъ опять въ монастырь Кіево-Печерскій къ преподобному Алипію и исповѣдалъ ему свои согрѣшенія. Преподобный же сказалъ ему:

— Ты хорошо сдѣлалъ, чадо, что пришелъ исповѣдать Богу грѣхи свои предъ моимъ недостоинствомъ; такъ свидѣтельствуетъ о себѣ и Пророкъ, взывая ко Господу: «**рѣ́хъ: и̂сповѣ́мъ на мѧ̀ беззако́нїе моѐ гдⷭ҇ви, и̂ ты̀ ѡ̂ста́вилъ є̂сѝ нечѐстїе се́рдца моегѡ̀**»[2]).

Потомъ преподобный Алипій долгое время поучалъ его душеспасительными рѣчами, затѣмъ, взявъ иконописныя краски, украсилъ лице его, помазавъ гнойныя мѣста; послѣ этого святый Алипій повелъ больного въ церковь, причастилъ его Божественнымъ Таинамъ и повелѣлъ ему умыться тою водою, которою обычно умывались священники послѣ принятія Святыхъ Таинъ; вскорѣ же послѣ сего гнойныя струпья сошли съ больного, и онъ сталъ здравъ, какъ и раньше.

---

[1]) Пс. 68, ст. 8 и 9.

[2]) Пс. 31, ст. 5.

Въ этомъ чудотвореніи преподобный отецъ нашъ Алипій явилъ себя подражателемъ Самому Господу нашему Іисусу Христу; ибо подобно тому, какъ Христосъ, исцѣляя прокаженнаго, повелѣлъ ему показаться іерею и принести даръ за очищеніе свое[1]), такъ и сей преподобный приказалъ больному проказою показаться ему какъ іерею, во время священнослуженія, и принести въ даръ то, о чемъ говоритъ Пророкъ: **что̀ возда́мъ гдⷭ҇ви ѡ҆ всѣ́хъ, ꙗ҆̀же воздаде́ ми: ча́шꙋ спⷭ҇се́нїѧ прїимꙋ̀**[2]). Упомянемъ здѣсь и о дарѣ, ибо правнукъ сего прокаженнаго, въ благодарность за очищеніе его, оковалъ золотомъ кивотъ, находившійся надъ святымъ Престоломъ въ церкви Кіево-Печерской.

Кромѣ сего, преподобный Алипій явилъ себя подражателемъ Христа, исцѣлившаго слѣпорожденнаго; ибо подобно тому, какъ Христосъ, исцѣляя слѣпорожденнаго, сначала помазалъ ему очи бреніемъ, потомъ повелѣлъ ему умыться въ купели Силоамской (что значитъ «*посланный*»)[3]), такъ и сей преподобный—сначала помазалъ струпы прокаженнаго иконописными красками, потомъ приказалъ ему умыться тою водою, которою умываются обычно іереи — посланники Божіи; такимъ образомъ, святый исцѣлилъ больного какъ отъ проказы тѣлесной, такъ и отъ слѣпоты грѣховной, такъ что всѣ, пришедшіе вмѣстѣ съ больнымъ изъ города, весьма изумились такому скорому исцѣленію. Но преподобный Алипій сказалъ имъ:

— Братія! Обратите вниманіе на то, что сказано: **никто́же можетъ двѣма̀ господи́нома рабо́тати**[4]); ибо сей человѣкъ первоначально былъ порабощенъ демону по причинѣ грѣховъ своихъ; поэтому, когда онъ пришелъ къ Богу, но, по совѣту вражію, отчаялся въ спасеніи своемъ и не вѣровалъ въ Господа, Который только Одинъ и могъ спасти его,—то проказа еще съ большею силою охватила тѣло его въ наказаніе за его невѣріе; ибо Господь сказалъ: **проси́те**, и не просто: **проси́те**, но съ вѣрою, **и҆ да́стсѧ ва́мъ**[5]). Когда же нынѣ онъ вторично обратился съ раскаяніемъ къ Богу, въ моемъ присутствіи, то **бг҃ъ, бога́тъ сы́й въ млⷭ҇ти**[6]), исцѣлилъ его.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 8, ст. 4.
2) Пс. 115, ст. 3 и 4.
3) Еванг. отъ Іоан., гл. 9, ст. 6 и 7.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 24.
5) Еванг. отъ Матѳ., гл. 7, ст. 7.
6) Посл. къ Ефес., гл. 2, ст. 4.

Выслушавъ это, люди поклонились святому и отправились въ обратный путь вмѣстѣ съ исцѣленнымъ, прославляя Бога и преподобныхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія, а также и ихъ ученика—преподобнаго отца нашего Алипія; и говорили о семъ святомъ Алипіи, что онъ явленъ былъ имъ какъ новый Елиссей[1]), ибо онъ исцѣлилъ отъ проказы того больного подобно тому, какъ Елиссей исцѣлилъ отъ проказы Неемана сиріянина[2]).

Былъ еще нѣкто изъ того же города Кіева, мужъ благочестивый. Сей построилъ церковь и пожелалъ имѣть семь большихъ иконъ для украшенія церкви; сей мужъ отдалъ серебро вмѣстѣ съ досками, предназначенными для начертанія иконъ, двумъ монахамъ монастыря Кіево-Печерскаго, знакомымъ ему, попросивъ ихъ посовѣтоваться со святымъ Алипіемъ относительно написанія иконъ. Но монахи ничего не сказали Алипію, а серебро присвоили себѣ. Спустя нѣкоторое время тотъ мужъ послалъ спросить монаховъ, написаны его иконы или нѣтъ? Они отвѣчали, что Алипій требуетъ еще серебра. Потомъ снова, взявъ серебро, присланное отъ мужа того, присвоили его себѣ. Затѣмъ, дойдя до крайняго безстыдства, сіи два монаха снова послали сказать тому мужу (клевеща на святаго), что Алипій требуетъ еще столько же серебра, сколько получилъ. Христолюбивый мужъ тотъ далъ серебро и въ третій разъ, сказавъ:

— Я весьма желаю получить молитву и благословеніе отъ дѣла рукъ его.

Святый же Алипій ничего не зналъ о томъ, что дѣлали монахи.

Наконецъ, мужъ тотъ послалъ еще разъ узнать точно, не написаны ли уже иконы? Монахи же тѣ, не зная, что отвѣтить, сказали, что Алипій взялъ все серебро, трижды посланное, но иконъ писать не хочетъ.

Тогда христолюбивый мужъ тотъ прибылъ въ монастырь Кіево-Печерскій вмѣстѣ со своею дружиною, отправился къ игумену Никону и разсказалъ ему о причинѣ печали, нанесенной ему (якобы) Алипіемъ. Игуменъ, позвавъ Алипія, сказалъ ему:

---

1) *Елиссей*—Пророкъ израильскій, ученикъ и преемникъ въ дарѣ пророческомъ святаго славнаго Пророка Иліи. Въ продолженіе 65-ти лѣтъ онъ мужественно возвѣщалъ истину и пророчествовалъ при царяхъ: Ахавѣ, Охозіи, Іорамѣ, Іиуѣ, Іоахазѣ и Іоасѣ. Его пророческая дѣятельность относится къ IX-му вѣку до Р. Хр.—Память его празднуется св. Церковію 14-го іюня.

2) См. 4 Кн. Царствъ., гл. 5, ст. 14.

— Для чего ты, братъ, наносишь такую обиду сему сыну нашему, который весьма упрашивалъ тебя написать иконы и далъ тебѣ серебра сколько ты просилъ? Но ты, взявъ такъ много серебра и давъ обѣщаніе написать иконы, не написалъ ихъ, хотя въ иныхъ случаяхъ писалъ иконы и безъ всякой платы.

Блаженный же Алипій отвѣчалъ на это:

— Честный отецъ! Ты хорошо знаешь, что я никогда не выказывалъ лѣности въ дѣлѣ семъ; но сейчасъ я совершенно не понимаю, о чемъ ты говоришь.

Тогда игуменъ снова сказалъ ему:

— Ты взялъ тройную цѣну за написаніе семи иконъ; но до сихъ поръ ты не написалъ ихъ.

И тотчасъ, желая обличить святаго, приказалъ принести доски, предназначенныя для написанія иконъ (доски тѣ за день предъ этимъ видѣли стоявшими въ одномъ изъ монастырскихъ строеній, и на нихъ не было ничего изображено): игуменъ приказалъ также позвать и тѣхъ монаховъ, чрезъ посредство которыхъ оный мужъ передавалъ серебро святому, дабы сіи монахи обличили Алипія.

Посланные за досками, нашли ихъ весьма искусно расписанными и принесли ихъ къ игумену; увидавъ сіе, всѣ, бывшіе тамъ, весьма удивились и впали въ великій страхъ; потомъ съ трепетомъ пали ницъ на землю и поклонились тѣмъ образамъ, созданнымъ не рукою человѣка,—именно: образу Господню, образу Пресвятой Богородицы и прочимъ образамъ святыхъ Божіихъ.

Потомъ пришли тѣ два монаха, которые оклеветали Алипія; не вѣдая ничего о семъ чудѣ, они вступили въ пререканіе со святымъ, говоря:

— Вотъ, ты взялъ тройную цѣну, а иконъ писать не хочешь!

Услыхавъ эти слова, всѣ, бывшіе тамъ, показали тѣмъ монахамъ иконы, сказавъ:

— Вотъ эти иконы, написанныя Самимъ Богомъ, удостовѣряютъ невинность Алипія!

Монахи же тѣ, увидя иконы, пришли въ ужасъ отъ столь великаго чуда. Они тотчасъ же были обличены игуменомъ въ воровствѣ и лжи, были изгнаны изъ монастыря и лишены всего имущества своего.

Но сіи монахи не прекратили злобы своей: они стали распространять въ городѣ хулу на преподобнаго Алипія, утверждая, будто бы они сами написали тѣ иконы; начальникъ же нашъ,—

говорили они,—не желая вознаградить насъ за трудъ,—дабы отстранить насъ отъ работы, солгалъ относительно иконъ, что будто бы они написаны Самимъ Богомъ, восхотѣвшимъ оправдать Алипія.

Услыхавъ такія рѣчи, многіе граждане пошли изъ города въ монастырь, дабы видѣть тѣ иконы и поклониться имъ. Однако, несмотря на то, что многіе изъ гражданъ и повѣрили тѣмъ монахамъ, оклеветавшимъ преподобнаго Алипія,—Богъ, прославляющій святыхъ Своихъ, какъ Онъ Самъ говоритъ во святомъ Евангеліи: не мо́жетъ гра́дъ ᲂу҆кры́тисѧ верхꙋ горы̀ стоѧ̀[1]); и еще: нижѐ вжига́ютъ свѣти́льника и҆ поставлѧ́ютъ є҆гѡ̀ под̾ спꙋ́домъ, но на свѣ́щницѣ, и҆ свѣ́титъ всѣ́мъ[2]),—Богъ не утаилъ добродѣтельныхъ подвиговъ сего праведнаго мужа; ибо до самого князя Владиміра Мономаха[3]) дошла вѣсть о семъ чудѣ, сотворенномъ Господомъ ради святаго Алипія; сіе чудо было удостовѣрено еще слѣдующимъ образомъ:

По попущенію Божію, случился въ Кіевѣ пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ почти весь Подолъ[4]) въ Кіевѣ; въ этой части города находилась и церковь съ упомянутыми иконами, также сгорѣвшая; однако послѣ пожара нашли всѣ тѣ семь иконъ совершенно неповрежденными.

Когда князь услышалъ объ этомъ, то пришелъ лично самъ на мѣсто пожара, желая видѣть бывшее тамъ чудо. Увидавъ иконы, оставшіяся невредимыми отъ огня, князь прежде всего узналъ, что они были написаны въ теченіе одной ночи по устроенію Бога, восхотѣвшаго оправдать Алипія отъ возводимой на него клеветы. Тогда князь Владиміръ Мономахъ со усердіемъ прославилъ Творца всего Бога, явившаго столь великія чудеса ради добродѣтелей преподобнаго Алипія. Потомъ, взявъ одну изъ тѣхъ иконъ,—именно икону Пресвятой Богородицы, приказалъ отправить ее въ городъ Ростовъ, въ каменную церковь, находившуюся тамъ, построенную имъ самимъ. Нѣкогда разрушилась и сія церковь въ Ростовѣ, однако икона та осталась совершенно неповрежденной. Потомъ икона была поставлена въ деревянную церковь; но и эта церковь спустя нѣкоторое время сгорѣла отъ пожара; икона же опять

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 15.
3) *Владиміръ Мономахъ* княжилъ съ 1114 г. по 1125 г.
4) Часть города.

осталась неповрежденной, такъ что на ней не оказалось и небольшой царапины послѣ пожара.

Все сіе съ несомнѣнностью подтверждало добродѣтельную жизнь преподобнаго отца нашего Алипія, ради котораго написалась сама собою та икона.

Перейдемъ теперь къ чуду, совершившемуся при кончинѣ святаго, дабы видѣть, какъ дивно сей человѣкъ, искусный творецъ иконъ, перешелъ изъ жизни сей временной въ жизнь вѣчную.

Нѣкій благочестивый человѣкъ попросилъ преподобнаго отца нашего Алипія написать икону Пресвятой Богородицы; при этомъ онъ просилъ святаго написать сію икону ко дню праздника Успенія. Но преподобный заболѣлъ въ скоромъ времени и уже приближался къ смерти своей; а икона, между тѣмъ, не была написана; человѣкъ тотъ весьма скорбѣлъ по сему случаю и очень безпокоилъ святаго. Блаженный же Алипій сказалъ ему:

— Чадо! Не безпокой меня, но возложи всю печаль свою на Господа, и Онъ сдѣлаетъ, какъ пожелаетъ: икона будетъ на своемъ мѣстѣ въ праздникъ свой.

Мужъ тотъ, повѣривъ словамъ святаго, пошелъ въ домъ свой съ веселіемъ.

Потомъ онъ снова пришелъ къ Алипію наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы. Увидавъ, что икона не была написана, увидя также и то, что преподобный Алипій разболѣлся еще больше, мужъ тотъ сталъ укорять блаженнаго, говоря такъ:

— Почему ты не сказалъ мнѣ ничего о своей тяжкой болѣзни? Тогда я отдалъ бы икону другому иконописцу, который бы и написалъ ее мнѣ, дабы праздникъ былъ честенъ и торжественъ; но вотъ теперь ты ввергаешь меня въ великій стыдъ.

Преподобный съ кротостью отвѣчалъ ему:

— О чадо! Развѣ это сдѣлалъ я по своей лѣности? Однако Богъ можетъ единымъ словомъ Своимъ написать икону Матери Своей; вотъ, я самъ ухожу изъ міра сего, какъ открылъ мнѣ сіе Господь, но не хочу оставить тебя въ печали.

Мужъ тотъ отошелъ съ глубокою скорбью. Тотчасъ послѣ его ухода къ преподобному Алипію вошелъ нѣкій свѣтлый юноша, который и началъ писать икону мужу тому. Алипій подумалъ, что человѣкъ тотъ, обидѣвшись на него, прислалъ новаго иконописца, и принялъ сначала юношу того за человѣка. Однако быстрота и

изящество его работы показывали, что то былъ Ангелъ; ибо онъ въ продолженіе трехъ часовъ написалъ весьма красивую икону, то полагая на икону золото, то растирая различныя краски на камнѣ и живописуя ими. Потомъ сказалъ преподобному:

— Отче! Быть можетъ, здѣсь еще чего недостаетъ или въ чемъ-либо я погрѣшилъ?

Преподобный же отвѣчалъ:

— Ты сдѣлалъ все прекрасно; Самъ Богъ помогъ тебѣ написать икону съ такимъ благолѣпіемъ; это Онъ Самъ сдѣлалъ черезъ тебя.

Когда же наступилъ вечеръ, тотъ иконописецъ вмѣстѣ съ иконою сдѣлался невидимымъ.

Между тѣмъ хозяинъ иконы не могъ уснуть всю ночь отъ печали, такъ какъ думалъ, что икона не будетъ готова къ празднику; посему онъ считалъ себя недостойнымъ такой милости Божіей и называлъ себя великимъ грѣшникомъ. По сей причинѣ, вставъ утромъ на другой день, онъ пошелъ въ церковь, дабы исповѣдать тамъ Господу свои согрѣшенія. Но едва лишь онъ открылъ двери храма, какъ увидѣлъ икону, стоявшую на своемъ мѣстѣ. Тотчасъ же онъ палъ на землю отъ страха, думая, что это было привидѣніе: затѣмъ, немного поднявшись отъ земли и со вниманіемъ посмотрѣвъ на икону, онъ понялъ, что это была его икона. Вслѣдствіе сего онъ пришелъ въ великій страхъ и ужасъ и вспомнилъ слова преподобнаго Алипія, который сказалъ ему, что икона будетъ готова къ своему празднику; потомъ пошелъ и разбудилъ всѣхъ домашнихъ своихъ. Домашніе его съ веселіемъ поспѣшили въ храмъ со свѣщами и кадильниками; увидавъ здѣсь икону, сіявшую какъ солнце, всѣ пали на землю, поклонились иконѣ и облобызали ее съ радостною душею.

Послѣ сего тотъ благочестивый мужъ отправился къ игумену и разсказалъ ему о чудѣ, случившемся съ иконою; потомъ они вмѣстѣ отправились къ преподобному Алипію и нашли его уже отходящимъ изъ міра сего. Несмотря на это, игуменъ спросилъ его:

— Отче! Кѣмъ и какъ была написана икона мужу сему?

Алипій передалъ имъ все, что видѣлъ, и сказалъ:

— Икону ту написалъ Ангелъ и онъ же предстоитъ здѣсь, намѣреваясь взять душу мою.

Сказавъ сіе, блаженный предалъ духъ свой въ руки Господа,

въ семнадцатый день мѣсяца августа[1]). Братія, покрывъ пеленами тѣло его, отнесли его въ церковь; потомъ, сотворивъ обычное погребальное пѣніе, положили тѣло святаго въ пещерѣ преподобнаго Антонія.

Такъ украсилъ сей святый чудодѣйственный иконописецъ небо и землю; поживъ на землѣ тѣломъ, онъ восшелъ на Небо съ добродѣтельною душею, въ прославленіе Начальника иконописцевъ, Бога-Отца, Который сказалъ: сотвори́мъ человѣ́ка по ѡ҆́бразꙋ и҆ подо́бїю на́шемꙋ[2]), а также и по ѡ҆́бразꙋ ѵ҆поста́си є҆гѡ̀[3]), Бога-Сына, Который ѡ҆́бразомъ ѡ҆брѣ́тесѧ ꙗ҆́коже человѣ́къ[4]); вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, сходившимъ съ Неба во образѣ голубя[5]) и въ видѣ языковъ огненныхъ[6]). Всѣхъ сіихъ — Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святаго, пребывающихъ въ Единомъ существѣ, восхвалимъ вмѣстѣ съ преподобнымъ отцемъ нашимъ Алипіемъ и будемъ прославлять въ безконечные вѣки. Аминь.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ:

СТРАТОНА, ФИЛИППА, ЕВТИХІАНА и КИПРІАНА

Сіи святые мученики, будучи людьми знатными, обходили Никомидію[7]) и, посѣщая народныя зрѣлища, учили собиравшійся тамъ народъ, убѣждая его оставить служеніе идоламъ и обратиться къ вѣрѣ во Христа. Однажды начальникъ города увидѣлъ, что мѣсто зрѣлищъ пусто, почти безъ зрителей и, узнавъ причину этого, а именно, что народъ оставилъ собраніе людей, сходившихся на зрѣлища, будучи наученъ святыми мучениками и потому

---

1) Кончина *преподобнаго Алипия* послѣдовала въ 1114 г.

2) Кн. Бытіе, гл. 1, ст. 26.

3) Посл. къ Евр., гл. 1, ст. 3.

4) Посл. къ Филип., гл. 2, ст. 7.

5) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 16.

6) Дѣян., гл. 2, ст. 3.

7) *Никомидія* — столица Восточной части древней Римской имперіи, мѣстопребываніе императора Діоклетіана, знаменитый городъ въ малоазійской римской провинціи Виѳиніи, расположенной въ сѣверо-западной части Малой Азіи.

пренебрегаетъ отеческими обычаями, проводя новую какую-то жизнь, немедленно повелѣлъ привести святыхъ къ себѣ. Когда они предстали предъ начальникомъ города, то объявили ему, что содержатъ вѣру во Христа и учили ей другихъ. Тогда ихъ привели на мѣсто зрѣлищъ и отдали на растерзаніе звѣрямъ, но звѣри не причинили имъ никакого вреда. Послѣ сего они были подвергнуты многимъ разнообразнымъ мученіямъ и, наконецъ, брошены въ огонь. Такимъ образомъ святые мученики прошли поприще[1]) страданій за Христа и, одержавъ побѣду, восприняли вѣнцы[2]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МИРОНА

Святый Миронъ былъ пресвитеромъ въ Ахаіи[3]) въ царствованіе нечестиваго царя Декія[4]); игемономъ же той страны былъ Антипатръ. Святый происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода; онъ былъ весьма кротокъ нравомъ; въ своемъ сердцѣ онъ всегда питалъ теплую любовь къ Богу и людямъ и проводилъ жизнь богоугодную.

Однажды, въ день праздника Рождества Христова, игемонъ Антипатръ вошелъ въ христіанскій храмъ, чтобы взять христіанъ, собравшихся на молитву, и предать ихъ мученіямъ. Увидя это, святый Миронъ преисполнился ревности и съ силою обличилъ игемона и укорилъ его. За это онъ былъ взятъ, по приказанію игемона, и преданъ жестокимъ мученіямъ: онъ былъ повѣшенъ на древѣ и подвергнутъ строганію желѣзнымъ гребнемъ; затѣмъ былъ опаляемъ огнемъ; наконецъ былъ брошенъ въ сильно разожженную и испускавшую страшное пламя пещь; но въ это время изъ пещи исшелъ огонь и попалилъ сто пятьдесятъ нечестивыхъ слугъ игемоновыхъ, стоявшихъ вблизи; святый же остался живымъ, по благодати Христовой, не потерпѣлъ никакого вреда и, стоя посреди

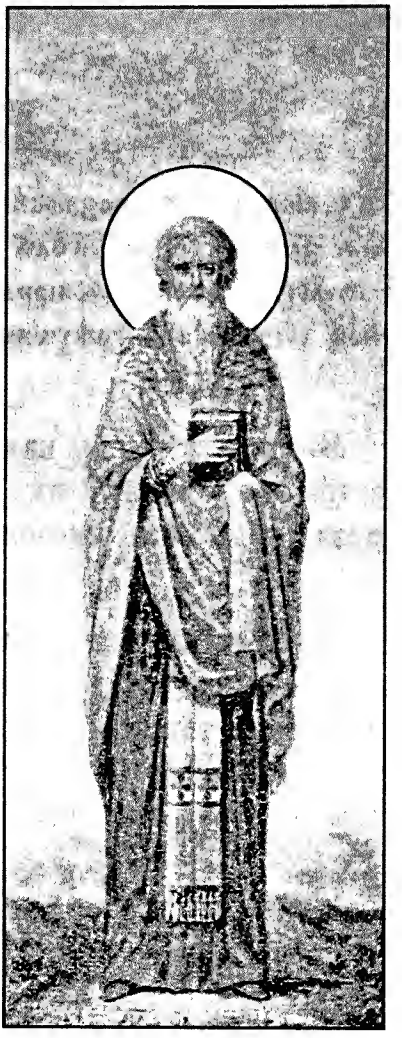
1) *Поприщемъ* у грековъ называлось мѣсто опредѣленной длины и ширины съ оградой для бѣганія. Пробѣжавшій поприще и добѣжавшій до конца раньше другихъ считался побѣдителемъ и въ награду получалъ вѣнокъ.

2) Время кончины сихъ святыхъ мучениковъ неизвѣстно.

3) *Ахаія*—древнегреческая область, находившаяся на полуостровѣ Пелопоннесѣ.

4) *Императоръ Декій* царствовалъ съ 249 г. по 251 г.

пещи, благословлялъ Бога. Въ то же время въ пещи видны были святые Ангелы, стоявшіе посреди огня кругомъ святаго и охлаждавшіе пещь.



Ст҃ы́й мч҃нкъ
МѴ́РѠНЪ

Когда пещь угасла и святый вышелъ изъ нея, не потерпѣвъ никакого вреда, игемонъ началъ принуждать его поклониться идоламъ; когда же святый не исполнилъ сего нечестиваго приказанія, то игемонъ повелѣлъ снять кожу со святаго и рѣзать ее на ремни, отъ плечъ до ногъ. Святый же мученикъ, взявъ съ себя одинъ ремень, бросилъ его въ лице игемону; тогда онъ снова былъ подвергнутъ строганію желѣзными когтями по обнаженному тѣлу и потомъ отданъ былъ на съѣденіе звѣрямъ: однако не потерпѣлъ отъ нихъ никакого вреда.

Тогда игемонъ Антипатръ, увидя себя постыженнымъ во всемъ страстотерпцемъ Христовымъ Мирономъ, преисполнился гнѣва и бѣшенства и своими же собственными руками умертвилъ себя; такъ погибъ нечестивый съ шумомъ, отдавъ мерзкую душу свою бѣсамъ въ адъ на вѣчныя мученія. Святый же мученикъ былъ отведенъ въ городъ Кизикъ[1]) и здѣсь скончался, будучи усѣченъ во главу, предавъ душу свою святую въ руки Божіи[2]). Такимъ образомъ принявъ вѣнецъ мученическій, онъ вошелъ въ радость Господа своего.

---

[1]) Городъ *Кизикъ* находился на полуостровѣ Арктониссѣ.

[2]) Кончина *св. мученика Мирона* послѣдовала ок. 250 г.

Конда́къ, гла́съ д҃:

И҆з̾ мла́да хрⷭ҇та̀ возлюби́въ пресла́вне, и҆ тогѡ̀ соблюда́ѧ бж҃е́ственныѧ за́пѡвѣди, къ томꙋ̀ прите́клъ є҆сѝ ве́сь цѣ́лъ, мѵ́рѡне всечⷭ҇тне, и҆ со а҆́гг҃лы мо́лишисѧ прилѣ́жнѡ. просѝ всѣ́мъ почита́ющымъ па́мѧть твою̀ ѡ҆ставле́нїѧ грѣхѡ́въ.

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ: Павла и Іуліаніи,** сестры его; память ихъ празднуется въ четвертый день мѣсяца марта (подъ симъ числомъ подробно описано и страданіе ихъ).

Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ: Ѳирса, Левкія** и дружины ихъ, пострадавшихъ при императорѣ Декіи[1]) въ Кесаріи Виѳинской; память ихъ празднуется еще въ четырнадцатый день мѣсяца декабря (подъ этимъ числомъ можно читать и повѣствованіе о страданіи ихъ).

---

[1]) *Императоръ Декій* царствовалъ съ 249 г. по 251 г.

День восемнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЕМИЛІАНА
И ПРОЧИХЪ СЪ НИМЪ

Святый Емиліанъ родился въ азіатской области Арменіи. Родители его—христіане—были люди знатные и богатые. Они отдали его для книжнаго обученія одному добродѣтельному мужу, нѣкоему священноиноку Иларіону. Основательно научившись разумѣнію книгъ и пришедши въ совершенный возрастъ, Емиліанъ проводилъ цѣломудренную, богоугодную и благочестивую жизнь, съ усердіемъ предаваясь посту, молитвѣ и чтенію книгъ и соблюдая въ непорочности свою дѣвственную чистоту. Когда до Арменіи дошелъ слухъ, что нечестивые римскіе императоры Діоклетіанъ и Максиміанъ воздвигли въ Европѣ жестокое гоненіе на христіанъ, то Емиліанъ воспламенился святою ревностію о правой вѣрѣ и, горя любовію ко Христу до готовности принять смерть за Него, вознамѣрился идти въ тѣ страны, чтобы тамъ проповѣдовать язычникамъ Имя Христово и отдать за Господа своего жизнь свою. У Емиліана было два брата—Діонисій и Ермиппъ. Боговдохновенными увѣщаніями онъ и имъ внушилъ тѣ же на-

мѣренія. И вотъ братья послѣ кончины своихъ родителей по взаимному согласію оставили изъ любви ко Христу домъ, родину, наслѣдство и всѣ блага міра сего и отправились изъ Азіи въ Европу. Они взяли съ собою и учителя своего, священноинока Иларіона, и пришли въ Италію въ городъ Сполитонъ[1]). Въ этомъ городѣ между язычниками они нашли много христіанъ, проводившихъ чистую и праведную жизнь, и по ихъ просьбѣ стали у нихъ проживать. Блаженный Емиліанъ былъ для всѣхъ примѣромъ святости, ибо и днемъ, и ночью онъ упражнялся въ молитвѣ и проповѣдованіи Слова Божія.

По прошествіи нѣкотораго времени въ сосѣднемъ городѣ, называемомъ Требіей[2]), скончался епископъ. Тогда жители этого города, бывшіе христіанами и жившіе среди идолопоклонниковъ, какъ пшеница среди сорной травы и какъ лилія среди терновника, узнавъ о жизни и мудрости святаго Емиліана, избрали его себѣ епископомъ — какъ человѣка, хотя и молодого по лѣтамъ, но превосходящаго разумомъ и добродѣтелями стариковъ. Для посвященія они отправили его въ Римъ къ Святѣйшему папѣ Маркеллину. Принявъ отъ папы архіерейское посвященіе, святый Емиліанъ вмѣстѣ съ учителемъ и братьями своими переселился изъ Сполитона въ Требію — каѳедральный городъ своей епархіи. Вступивъ въ управленіе своею паствою, онъ правилъ ею доблестно, наставляя стадо Христово и дѣломъ, и словомъ, причемъ, чудесно исцѣляя болѣзни и врачуя благодатію Христовою тѣла и души человѣческія, онъ и многихъ изъ невѣрныхъ обратилъ къ христіанской вѣрѣ.

Въ то время правителемъ тѣхъ странъ былъ человѣкъ жестокаго характера, по имени Максиміанъ, которому нечестивые императоры вручили власть надъ Этруріею и Умбріею. Прослышавъ о христіанскомъ епископѣ Емиліанѣ, что онъ многихъ обращаетъ отъ служенія идоламъ ко Христу и упраздняетъ языческіе храмы, Максиміанъ поспѣшно прибылъ въ Требію и, приказавъ схватить святителя Божія и привести къ себѣ на судъ, сказалъ ему:

— Емиліанъ, что я слышу о тебѣ? Къ чему безуміемъ своимъ

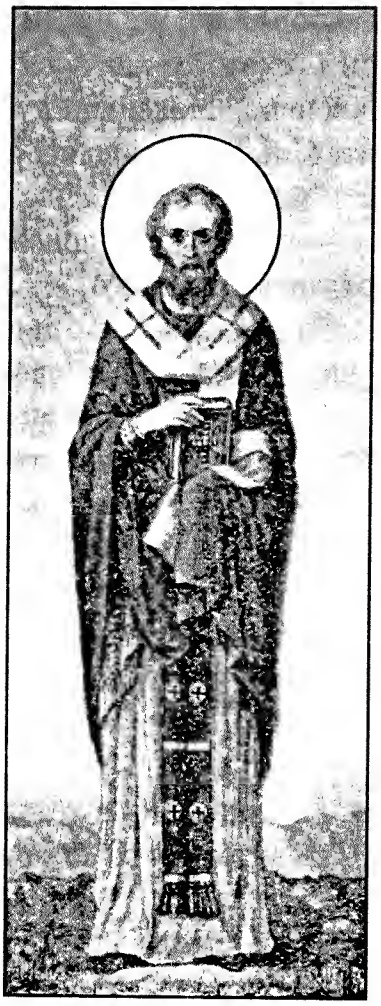
---

[1]) Нынѣ *Сполетто* — расположенъ на одномъ изъ притоковъ рѣки Тибра въ Умбріи. Притокъ этотъ назывался въ древности Клитумной.

[2]) *Требія* — довольно значительный въ древности городъ, находившійся, какъ и Сполитонъ, на большой дорогѣ, соединявшей столицу вселенной Римъ съ однимъ изъ портовъ Адріатическаго моря; нынѣ не существуетъ. Онъ былъ въ Умбріи, нѣсколько сѣвернѣе Сполитона и въ близкомъ отъ него разстояніи.

ты добровольно хочешь предать себя смерти? Если не поклонишься нашимъ богамъ, то я подвергну тебя жестокимъ мученіямъ и велю предать тебя ужасной смерти.

— Я не поклонюсь бѣсамъ,—съ полною твердостію отвѣтилъ святый епископъ,—потому что всѣ языческіе боги—бѣсы, какъ говорится и въ святыхъ книгахъ, и кто имъ кланяется, тотъ унаслѣдуетъ въ адѣ вѣчныя муки.



Сщенномчнкъ Емиліанъ

Отъ этихъ словъ правитель пришелъ въ ярость и велѣлъ безъ пощады бить святаго, а потомъ послѣ избіенія сталъ на словахъ издѣваться надъ нимъ. Онъ поносилъ Христа Бога и говорилъ, что христіанскій Богъ не имѣетъ никакой силы, а тѣ боги, которыхъ онъ чтитъ, всемогущи. Тогда святитель Божій сказалъ ему:

— Испытай, если желаешь, и узнай, чья сила больше—Христова или твоихъ боговъ? Прикажи принести сюда какого-нибудь разслабленнаго или человѣка, одержимаго какою-либо иною болѣзнію, и повели жрецамъ вашимъ, пусть помолятся богамъ объ исцѣленіи больного. Помолюсь и я моему Богу. И чей Богъ Своею силою исцѣлитъ больного, Тотъ Богъ пусть и будетъ признанъ всѣми Богомъ Истиннымъ, и пусть всѣ поклонятся Ему.

Это предложеніе святаго Емиліана понравилось Максиміану, и онъ немедленно же послалъ разыскать больного. Вскорѣ принесенъ былъ одинъ человѣкъ разслабленный, съ очень давняго времени лежавшій въ постели и совершенно не владѣвшій своими членами. На это зрѣлище собралось множество народа, желавшаго видѣть имѣвшее совершиться чудо. И вотъ, по повелѣнію правителя, жрецы стали молиться богамъ своимъ, призывая Аполлона, Зевса, Меркурія и другихъ суетныхъ и ложныхъ боговъ своихъ, чтобы они исцѣлили разслабленнаго. Очень долго моли-

лись они, но не имѣли никакого успѣха, а святой, стоя въ сторонѣ, смотрѣлъ и посмѣявался надъ ними и надъ ихъ богами. Наконецъ, Максиміанъ повелѣлъ жрецамъ своимъ прекратить молитву и, обратившись къ епископу христіанъ Емиліану, сказалъ ему:

— Теперь ты помолись Богу своему, если ожидаешь что-либо получить отъ Него.

Тогда епископъ преклонилъ для молитвы колѣна и, поднявъ руки, возвелъ глаза свои къ Небу и сталъ молиться, говоря:

— **Гдⷭ҇и, ᲂу҆слы́ши моли́твꙋ мою̀, и҆ во́пль мо́й къ тебѣ̀ да прїи́детъ. Не ѿврати̑ лица̀ твоегѡ̀ ѿ менѐ..., въ ѻ҆́нь же а҆́ще де́нь призовꙋ̀ тѧ̀, ско́рѡ ᲂу҆слы́ши мѧ̀**[1]). Яви, Господи, всѣмъ присутствующимъ здѣсь, что Ты—Одинъ Истинный Богъ, и спаси вѣрующихъ въ Тебя.

Такъ помолившись, святитель подошелъ къ разслабленному и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа встань и будь здоровъ.

Разслабленный тотчасъ же всталъ, здоровый во всемъ тѣлѣ, и на глазахъ всѣхъ сталъ ходить, радуясь и прославляя Бога. Онъ всѣмъ показывалъ себя въ удостовѣреніе, что совершенно исцѣлился, и съ радостію ушелъ домой.

Это чудо привело въ изумленіе всѣхъ, наблюдавшихъ его, и многіе увѣровали во Христа. Самъ Максиміанъ началъ было въ душѣ склоняться къ вѣрѣ, но нечестивые жрецы стали убѣждать его не вѣровать, говоря, что не силою Божіею совершилось это чудо, а волшебнымъ искусствомъ Емиліана, и взывали къ правителю:

— Предай смерти этого чародѣя, дабы не погибло совсѣмъ почитаніе боговъ.

Слушая нечестивыхъ жрецовъ и давая лживымъ словамъ ихъ больше вѣры, чѣмъ видимой силѣ Божіей, Максиміанъ снова сталъ убѣждать святаго Емиліана поклониться идоламъ и говорилъ:

— Принеси жертву богамъ, зная то, что многіе, не послушавшіе моего совѣта, погибали до сихъ поръ въ страшныхъ мученіяхъ.

— Тѣ, которые не принесли жертвы твоимъ нечестивымъ богамъ,—отвѣчалъ святый,—но рѣшились умереть за Христа, теперь наслаждаются вмѣстѣ съ Нимъ вѣчнымъ блаженствомъ.

---

[1]) Псаломъ 101, ст. 2, 3.

— Не говори мнѣ больше объ Имени Христа,—сказалъ на это Максиміанъ,—но пощади свою молодость, ибо ужасныя мученія ожидаютъ тебя.

— Я—рабъ Христа,—отвѣчалъ святый Емиліанъ,—и не перестану открыто произносить и прославлять Имя Іисуса Христа; за Него я готовъ потерпѣть всевозможныя муки и самую смерть.

Тогда Максиміанъ приказалъ раздѣть святаго, повѣсить на мѣстѣ пытокъ и опалять тѣло его зажженными свѣчами.

Безропотно перенося эту пытку, святый мученикъ молился Господу, чтобы Онъ укрѣпилъ его въ страданіяхъ. И вотъ явился ему Христосъ и сказалъ:

— Не страшись, Емиліанъ, Я Самъ—съ тобою!

И въ ту же минуту свѣчи погасли и руки палачей скорчились. Видя это, правитель велѣлъ снять мученика съ мѣста пытокъ и сказалъ ему:

— Какимъ искусствомъ ты дѣйствуешь, что и свѣчи погасилъ, и искалѣчилъ руки слугъ моихъ? Но въ моемъ распоряженіи есть для тебя еще болѣе сильныя мученія, преодолѣть которыя ты уже будешь не въ состояніи.

— Искусство мое,—отвѣтилъ на это мученикъ,—Христосъ мой, и если ты подвергнешь меня бо́льшимъ мученіямъ, то Онъ дастъ мнѣ и больше терпѣнія и покажетъ на мнѣ еще бо́льшую силу Свою.

Тогда Максиміанъ приказалъ расплавить котелъ олова и бросить въ него мученика. Но Христосъ опять явился Своему рабу и, взявъ его за руку, вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ котелъ, и огонь немедленно же погасъ, котелъ распался и олово вылилось, а святый остался невредимымъ. Это чудо привело въ изумленіе правителя и всѣхъ, бывшихъ при немъ, однако они не признали въ немъ силы Божіей.

Послѣ сего Максиміанъ далъ повелѣніе привязать къ шеѣ святаго мученика большой камень и бросить его въ протекавшую близъ города рѣку, носившую названіе Клитумна. Но и здѣсь явился святому Емиліану Христосъ и, какъ нѣкогда Апостола Петра, взялъ его за руку и изъ водной глубины вывелъ на берегъ. Воины привели святаго обратно къ правителю и разсказали ему о совершившемся чудѣ.

Максиміанъ приказалъ тогда бросить Емиліана на съѣденіе звѣрямъ, но и звѣри не причинили святителю Божію никакого

вреда, потому что Самъ Господь, снова явившійся угоднику Своему, былъ тутъ. Христосъ сказалъ ему:

— Мужайся, Емиліанъ, добрый и вѣрный рабъ Мой!

И звѣри успокоились: львы и леопарды сдѣлались кроткими, какъ ягнята, и одни лизали ноги святаго, а другіе—руки его.

При видѣ такихъ чудесъ народъ закричалъ:

— Великъ Богъ христіанскій! Пусть рабъ Его будетъ отпущенъ на свободу.

И въ этотъ день увѣровало во Христа тысяча человѣкъ. Въ страшномъ гнѣвѣ на народъ Максиміанъ выслалъ на него вооруженныхъ воиновъ и приказалъ имъ убивать тѣхъ, кто прославлялъ Христа. Такимъ образомъ, было убито обоего пола и всякаго возраста тысяча человѣкъ увѣровавшихъ. Кромѣ того, по приказанію разгнѣвавшагося правителя, были перебиты и звѣри, не причинившіе вреда мученику. Видя избіеніе звѣрей, Емиліанъ воскликнулъ, сказавъ:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, ибо за Тебя умираютъ не только люди, но и звѣри.

Находясь въ затрудненіи относительно того, какому бы еще мученію подвергнуть святаго Емиліана, Максиміанъ велѣлъ посадить его въ темницу. Въ это время по совѣту своихъ палачей онъ приказалъ соорудить особое колесо для пытки и придѣлать къ нему множество острыхъ желѣзныхъ зубьевъ. Но когда, по его приказанію, приведеннаго изъ темницы святаго мученика привязали къ этому колесу и покатили съ горы, то въ то же мгновеніе явившійся святому Господь отвязалъ и снялъ его съ колеса, а покаченное колесо изранило и убило многихъ, находившихся подъ горою, язычниковъ. Послѣ сего святый мученикъ снова былъ посаженъ въ темницу. Между тѣмъ Максиміанъ, узнавъ о двухъ братьяхъ святаго Емиліана, Діонисіи и Ермиппѣ, и объ учителѣ ихъ Иларіонѣ, послалъ воиновъ разыскать ихъ, такъ какъ изъ страха они скрывались. Когда они были найдены и приведены къ правителю, онъ велѣлъ посадить ихъ въ ту же темницу, гдѣ находился и святый Емиліанъ. Увидавъ учителя своего и братьевъ, святитель Божій очень обрадовался; и всѣ вмѣстѣ они радовались, что удостоились страдать за Имя Христово. Въ ту же ночь блаженному Иларіону было отъ Бога откровеніе, что всѣ они скоро примутъ мученическіе вѣнцы. Вскорѣ послѣ этого Діонисій и Ермиппъ вмѣстѣ со старцемъ Иларіономъ были приведены на судъ

къ правителю. Но когда послѣдній, принуждая ихъ поклониться идоламъ, сталъ угрожать имъ мученіями, то для укрѣпленія ихъ явился имъ Христосъ Господь, и въ то же время произошло землетрясеніе, идолы попадали съ своихъ мѣстъ и разбились въ прахъ. Посему святые, по повелѣнію правителя, были жестоко избиты и, наконецъ, обезглавлены. Такимъ образомъ они и приняли обѣщанные имъ Господомъ мученическіе вѣнцы.

На другой день утромъ Максиміанъ повелѣлъ привести на судилище святителя Божія Емиліана и сказалъ ему:

— Братья твои и твой учитель отреклись отъ Христа, и я послалъ ихъ въ другой городъ для принятія почестей.

Но святый Емиліанъ, зная по откровенію Божію, о мученической кончинѣ святыхъ, отвѣтилъ правителю:

— Мучитель, ты говоришь неправду: не отреклись они отъ Христа, но положили жизнь свою за Него. Впрочемъ, ты выразился правильно, сказавъ, что послалъ ихъ въ другой городъ, потому что, убивъ ихъ, ты дѣйствительно послалъ ихъ въ городъ небесный для принятія почестей отъ Царя Славы, Христа, за Котораго они пострадали.

Отъ этихъ словъ Максиміанъ пришелъ въ ярость и приговорилъ святаго Емиліана къ усѣченію мечомъ. Послѣ такого приговора святый, сопровождаемый большою толпою народа, для совершенія казни выведенъ былъ изъ города на разстояніе одного поприща[1]) на мѣсто, называемое Карпіаново. Шествуя къ мѣсту казни, мученикъ пѣлъ, прославляя Бога и молясь за народъ. Когда палачъ нанесъ святому ударъ мечомъ въ шею, то мечъ согнулся, какъ воскъ, и не причинилъ никакой раны. Тогда воины, бывшіе при казни, упавъ къ ногамъ святаго, просили у него прощенія, признали, что Христосъ есть Единый Истинный Богъ, и умоляли святаго мученика помолиться о нихъ Христу Богу. И когда мученикъ, преклонивъ колѣна, началъ молиться не только о нихъ, но и о всѣхъ людяхъ, то ему послышался съ Неба Голосъ, извѣщавшій его, что молитва его принята, а его самаго призывавшій въ горнія обители. Услышавъ этотъ Голосъ, святый мученикъ исполнился невыразимой радости. Онъ хотѣлъ поскорѣе отрѣшиться отъ тѣла и жить со Христомъ; однако у него было желаніе достигнуть этого не обычною, а мученичe-

---

[1]) *Поприще* — мѣра разстоянія около версты (равняется 690 саженямъ).

скою смертію, а потому онъ помолился Господу, чтобы Онъ далъ ему умереть отъ меча. И вотъ пришелъ другой палачъ и отсѣкъ ему честную главу. Такимъ образомъ и увѣнчанъ былъ святый епископъ Емиліанъ вѣнцомъ мученика. Изъ раны его вмѣсто крови потекло молоко, и многіе изъ язычниковъ, будучи очевидцами такихъ чудесъ, увѣровали во Христа. Они же завернули честное тѣло святаго мученика въ чистыя, умащенныя душистымъ масломъ пелены и тутъ же похоронили.

Впослѣдствіи, когда гоненіе на христіанъ прекратилось, вѣрующіе торжественно перенесли мощи святаго въ городъ и положили ихъ въ священномъ мѣстѣ, прославляя Христа Бога, Которому и отъ насъ да будетъ слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ФЛОРА и ЛАВРА

Святые мученики Флоръ и Лавръ были братьями не только по плоти, но и по духу, такъ какъ оба единодушно вѣровали во Христа и угождали Ему добрыми дѣлами. По занятію они были каменщиками. Учителями ихъ были благочестивые мужи Проклъ и Максимъ, отъ которыхъ вмѣстѣ съ ремесломъ они научились и богоугодной жизни по правиламъ христіанской вѣры. За вѣру во Христа сперва преданы были смерти ихъ учителя, а потомъ, спустя нѣкоторое время, вслѣдъ за учителями своими и они унаслѣдовали мученическіе вѣнцы, принявъ страдальческую смерть отъ правителя Иллиріи[1]) Ликіона. Поводомъ къ страданію ихъ былъ слѣдующій случай.

Нѣкій правитель сосѣдней страны обратился къ правителю Иллиріи съ просьбою прислать ему искусныхъ каменщиковъ для построенія великолѣпнаго каменнаго храма языческимъ богамъ. Такъ какъ самыми искусными въ странѣ знатоками этого дѣла

---

1) *Иллирія* —обширная область въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова; расположена была по берегу Адріатическаго моря. Въ настоящее время на мѣстѣ древней Иллиріи находятся: Боснія и Герцеговина, Сербія и др.

были святые Флоръ и Лавръ, то Ликіонъ и отправилъ ихъ къ этому правителю. Сооружая согласно волѣ послѣдняго храмъ, святые братья раздавали бѣднымъ плату, получаемую ими за свой трудъ, и при этомъ учили бѣдныхъ святой вѣрѣ во Христа. Сами они всегда проводили время въ постѣ, молитвѣ и трудахъ: ночью молились, а днемъ производили свои работы; пищу принимали въ маломъ количествѣ, зато обильно кормили голодныхъ и бѣдныхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, они обратили къ христіанской вѣрѣ не только призрѣваемыхъ ими бѣдняковъ, но и одного языческаго жреца съ его сыномъ. Случилось это такъ.

Ст҃іи мч҃нцы
ФЛѠРЪ и ЛА́ВРЪ

Въ одинъ день, когда святые братья тесали камень, къ нимъ подошелъ сынъ жреца, молодой юноша, и, ставши близко, смотрѣлъ на ихъ работу. Вдругъ отъ камня отскочилъ осколокъ, ударилъ юношу въ глазъ и выбилъ его. Отъ боли юноша закричалъ; на его крикъ прибѣжалъ отецъ его, языческій жрецъ. Видя, что лице сына окровавлено и глазъ выпалъ, онъ разорвалъ отъ горя на себѣ одежды, сталъ бранить святыхъ работниковъ и бросился было на нихъ, чтобы ихъ побить, но его удержали бывшіе тутъ же другіе рабочіе. Удостовѣряя невинность святыхъ братьевъ, они говорили, что виноватъ въ своемъ несчастіи самъ юноша, потому что онъ близко подошелъ къ нимъ въ то время, когда они тесали камень, и смотрѣлъ на ихъ работу, не принимая мѣръ предосторожности. Святые угодники Божіи Флоръ и Лавръ, стараясь успокоить жреца, обѣщали скоро исцѣлить глазъ его сыну и сдѣлать его настолько же зрячимъ, какъ и прежде.

Послѣ сего они взяли юношу на ночь къ себѣ въ домъ и стали учить его познанію Единаго Истиннаго Бога, Іисуса Христа, при чемъ говорили ему:

— Если будешь всѣмъ сердцемъ вѣровать въ Того Бога, о Которомъ мы возвѣщаемъ тебѣ, то глазъ твой скоро будетъ здоровъ.

— Если глазъ мой станетъ такимъ же, какъ былъ прежде,— отвѣтилъ юноша,—то я увѣрую въ вашего Бога и буду чтить Его. Безъ сомнѣнія больше надлежитъ вѣровать въ Того Бога, Который исцѣляетъ больныхъ и возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ, нежели въ тѣхъ боговъ, которые не только больныхъ не исцѣляютъ, но и здоровыхъ дѣлаютъ больными.

При этомъ юноша разсказалъ святымъ о такомъ происшествіи.

— Есть,—сказалъ онъ,—среди нашихъ жрецовъ одинъ жрецъ, по имени Ермъ. Когда за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ хотѣли поставить его въ жреческое званіе, то привели къ идолу Зевса, чтобы возложить руку идола на его голову. Такой существуетъ у насъ обрядъ при поставленіи въ жречество. Онъ состоитъ въ томъ, что руку идола, придѣланную къ плечамъ и движущуюся въ суставѣ, жрецы при помощи серебряной цѣпи поднимаютъ кверху, а потомъ спускаютъ на голову поставляемаго. Когда эту руку спускали на голову Ерма, то серебряная цѣпь случайно выскользнула изъ рукъ державшихъ ее, и рука идола, упавъ на лице Ерма, ободрала его ногтями вплоть до костей, такъ что до сего дня издалека видны зубы его. И ни одинъ богъ не оказалъ ему помощи, напротивъ, — ему дѣлается все хуже.

Когда юноша разсказалъ объ этомъ происшествіи, святые Флоръ и Лавръ со слезами начали молиться Богу о томъ, чтобы Онъ исцѣлилъ юношу и просвѣтилъ не только его тѣлесный глазъ, но и душевныя его очи. Послѣ усердной молитвы они осѣнили больной глазъ юноши крестнымъ знаменіемъ, и глазъ немедленно зажилъ, сдѣлался совершенно здоровымъ и такъ же хорошо видѣлъ, какъ и прежде. Вслѣдствіе такого чуда увѣровалъ во Христа не только исцѣленный юноша, но и отецъ его, языческій жрецъ. Имя этому жрецу было Мемертинъ, и онъ съ этого времени изъ служителя демоновъ сталъ рабомъ Господа нашего Іисуса Христа вмѣстѣ съ сыномъ своимъ.

Послѣ сего святые работники Флоръ и Лавръ, получая въ своей работѣ помощь отъ Ангела Божія, въ короткое время окон-

чили постройкой сооружаемый храмъ, но не оставили его для жилища идоловъ, а освятили его для прославленія Пресвятаго Имени Іисуса Христа. Они поставили въ немъ къ востоку Честнòй Крестъ и, собравъ до трехсотъ человѣкъ бѣдняковъ, братьевъ своихъ по вѣрѣ, совершили всенощную молитву, прославляя Христа Бога. Во время молитвы сошелъ свыше свѣтъ неизреченной Небесной Славы и наполнилъ храмъ дивнымъ сіяніемъ. По окончаніи всенощной молитвы всѣ, бывшіе въ храмѣ, отправились къ стоявшему неподалеку зданію, въ которомъ находились приготовленные для новаго храма идолы, и, обвязавъ шеи этихъ идоловъ своими поясами, стали влачить ихъ по землѣ, бить и ломать и, такимъ образомъ, раздробили ихъ на мелкія части.

Узнавъ обо всемъ этомъ, областеначальникъ велѣлъ схватить Флора и Лавра и всѣхъ тѣхъ, кто были съ ними, и въ числѣ послѣднихъ—Мамертина и сына его. Всѣхъ, бывшихъ со святыми, онъ приговорилъ къ сожженію, а ихъ самихъ, предавъ жестокому избіенію, велѣлъ связать и отослалъ къ правителю Иллиріи Ликіону. Ликіонъ обстоятельно разспросилъ ихъ обо всемъ и, узнавъ, что они—христіане и остаются непоколебимыми въ своей вѣрѣ, велѣлъ бросить ихъ въ глубокій колодецъ и засыпать землею.

Спустя много лѣтъ были обрѣтены ихъ святыя и многоцѣлебныя мощи и съ честію перенесены въ Константинополь во славу Христа, Бога нашего.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Преꙋдо́бреннꙋю[1]) и҆ бг҃омꙋ́дрꙋю дво́ицꙋ пресвѣ́тлꙋю восхва́лимъ вѣ́рніи по достоѧ́нію, флѡ́ра преблж҃е́ннаго, и҆ ла́ѵра всечⷭ҇тна́го, и҆же ᲂу҆се́рднѡ тр҃цꙋ несозда́ннꙋю ꙗ҆́снѡ проповѣ́даста всѣ́мъ. тѣ́мже пострада́вше до кро́ве, и҆ вѣ́нцы̀ пресвѣ́тлыми ᲂу҆вѧзо́стесѧ:[2]) моли́тесѧ хрⷭ҇тꙋ̀ бг҃ꙋ, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ и҆҃:

Ꙗ҆́кѡ бл҃гочести́ѧ мч҃нки, и҆ страда́льцы хрⷭ҇тѡ́вы бг҃омꙋ́дренны, вселе́ннаѧ пресла́внѡ почита́етъ флѡ́ра и҆ ла́ѵра дне́сь: ꙗ҆́кѡ да ᲂу҆лꙋчи́мъ[3]) бл҃года́ть и҆ мл҃ть мл҃твами и҆́хъ, и҆ и҆зба́вимсѧ бѣ́дъ и҆ напа́стей, гнѣ́ва же и҆ ско́рби въ де́нь сꙋ́дный.

---

1) Т. е. одаренную высшимъ совершенствомъ.

2) Т. е. увѣнчались.

3) Т. е. чтобы обрѣсти, найти.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ:

ЕРМА, СЕРАПІОНА и ПОЛІЕНА

На сихъ святыхъ мучениковъ язычники сдѣлали доносъ, что они почитаютъ Христа, а отъ идоловъ отвращаются и презираютъ ихъ. Вслѣдствіе этого они были схвачены и, представъ предъ римскимъ епархомъ[1]), дерзновенно исповѣдали вѣру во Христа. За это ихъ сперва заключили въ смрадную темницу, а потомъ вывели изъ нея, но они не пожелали принести жертву идоламъ. Посему ихъ стали влачить по тѣснымъ и непроходимымъ мѣстамъ, и они, ударяясь о камни, предали Богу честныя души свои, восприняв вѣчное блаженство тамъ, гдѣ находится жилище всѣхъ радующихся[2]).

Въ тотъ же день **память Святыхъ Патріарховъ Константинопольскихъ Іоанна и Георгія.** Іоаннъ патріаршествовалъ съ 669 г. по 674 г., Георгій — съ 678 г. по 683 г., оба при императорѣ Константинѣ Погонатѣ (668—685 гг.).

---

1) *Епархами* въ Греко-Римской имперіи назывались областные начальники.

2) Годъ кончины сихъ святыхъ мучениковъ неизвѣстенъ.

День девятнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
АНДРЕЯ СТРАТИЛАТА

Нечестивый Максиміанъ [1]), управляя Восточною частію Римской имперіи, воздвигъ повсемѣстное гоненіе на христіанъ. Въ это время въ Сиріи находился одинъ военачальникъ, по имени Антіохъ, человѣкъ жестокаго характера и ревностнѣйшій служитель идоловъ, дышавшій угрозами и казнями на вѣрующихъ во Христа. Ему поручена была императоромъ власть надъ всею Сиріею и дано было повелѣніе подвергать пыткамъ и казни христіанъ, для чего предоставлено было въ его распоряженіе значительное число тысяченачальниковъ съ подчиненными имъ римскими войсками. Въ числѣ другихъ тысяченачальниковъ, какъ благоухающій цвѣтокъ лиліи среди терновника, подъ властію Антіоха былъ послѣдователь Христа, Андрей, который содержалъ первоначально

[1]) Здѣсь разумѣется не соправитель Діоклетіана Максиміанъ Геркулъ, а Максиміанъ Галерій, зять Діоклетіана и соправитель его на Востокѣ Римской имперіи. Онъ внушилъ Діоклетіану мысль издать общій законъ противъ христіанъ, вслѣдствіе котораго и началось повсемѣстное преслѣдованіе ихъ.

святую вѣру во Христа въ тайнѣ, а потомъ, когда наступило время, явилъ ее и всему міру, открыто предъ всѣми исповѣдавъ Имя Христово. Хотя онъ и не былъ еще крещенъ, но съ твердою вѣрою питалъ въ сердцѣ своемъ и горячую любовь ко Христу, уклоняясь отъ всякаго дѣла, неугоднаго Богу, и ревностно совершая дѣла, согласныя съ волею Божіею. За такое благочестіе Богъ даровалъ ему необыкновенное мужество и храбрость въ битвахъ, такъ что по храбрости и мужеству не было равнаго ему во всемъ римскомъ войскѣ. Не разъ онъ одерживалъ блестящія побѣды надъ врагами и пользовался среди воиновъ бо́льшею славою и почетомъ, чѣмъ прочіе полководцы.

Однажды значительныя силы персидскаго войска, возбуждая противъ Антіоха войну, сдѣлали внезапное нападеніе на Сирію. Вслѣдствіе неожиданности нападенія Персовъ Антіохъ былъ въ большой тревогѣ. Но вспомнивъ о доблестномъ тысяченачальникѣ Андреѣ, онъ поспѣшно призвалъ его къ себѣ, поручилъ ему вмѣсто себя главное начальство надъ войскомъ и, наименовавъ его Стратилатомъ, то есть старшимъ начальникомъ надъ военачальниками, повелѣлъ выступить съ войсками противъ напавшихъ на страну враговъ и остановить ихъ движеніе, при чемъ сказалъ ему:

— Твое мужество и храбрость твоя на войнѣ извѣстны не только мнѣ, но о нихъ хорошо знаетъ и самъ императоръ; вотъ почему и почтилъ я тебя такимъ высокимъ званіемъ. Итакъ, я поручаю тебѣ эту неожиданно возникшую войну. Возьми войско, начальствуй надъ нимъ вмѣсто меня и постарайся еще больше увеличить ту славу, которую имѣешь.

Принявъ такое порученіе, воинъ Христовъ святый Андрей не ради своей личной славы, но ради славы Имени Іисуса Христа желалъ выступить противъ враговъ съ подобающею доблестію, но, уподобляясь древнему Гедеону[1]), изъ многочисленнаго римскаго войска онъ выбралъ себѣ для войны только небольшое число воиновъ, хорошо зная изреченіе святаго царя Давида, что Господь **не въ си́лѣ ко́нстѣй восхо́щетъ, нижѐ въ лы́стѣхъ мꙋ́жескихъ благоволи́тъ**, но **благоволи́тъ въ бою́щихся є҆гѡ̀ и҆ во ᲂу҆пова́ющихъ на ми́лость є҆гѡ̀**[2]). Выборъ святаго Андрея палъ на тѣхъ, коихъ указала ему благодать Божія таинственнымъ дѣйствіемъ вдохно-

[1]) Кн. Судей, гл. 7, ст. 1.
[2]) Псал. 146, ст. 10, 11.

венія на сердце его, и выступилъ съ ними противъ враговъ. Увидѣвъ весьма значительныя силы противниковъ, которые, какъ саранча, напали на сирійскую область, святый Андрей сталъ укрѣплять своихъ воиновъ для мужественной борьбы, чтобы они при малочисленности своей не устрашились многочисленнаго персидскаго войска. И такъ какъ всѣ воины его поклонялись идоламъ и ни одинъ изъ нихъ не былъ еще христіаниномъ, то онъ предложилъ имъ познать Единаго, Всемогущаго и въ войнахъ страшнаго Бога, оказывающаго всесильную помощь вѣрующимъ въ Него. Онъ сказалъ имъ:

Ст҃ы́й мч҃нкъ
А҆ндре́й

— Братья и друзья мои! Теперь вы на дѣлѣ можете убѣдиться, что языческіе боги—бѣсы. Будучи сами безсильными, они никому и помочь не въ состояніи, но есть Единый Истинный Богъ, Которому я служу, Который сотворилъ небо и землю. Онъ—всемогущъ, и всѣмъ, кто призываетъ Его, Онъ посылаетъ скорую помощь: дѣлаетъ такихъ сильными на войнѣ и враговъ обращаетъ предъ ними въ бѣгство. Вотъ, какъ вы и видите, противъ насъ идутъ многочисленные полки враговъ, которые по своей многочисленности гораздо сильнѣе насъ, но если вы отвергнете вашихъ суетныхъ боговъ и вмѣстѣ со мною призовете Единаго Истиннаго Бога, то вы тотчасъ же увидите, что враги исчезнутъ предъ вами подобно тому, какъ исчезаетъ какой-нибудь дымъ или пыль.

Когда святый сказалъ это, всѣ бывшіе съ нимъ воины повѣрили словамъ его и, призвавъ на помощь Христа Бога, смѣло бросились на враговъ. Произошла жаркая битва, и воины святаго Андрея одержали блестящую побѣду, такъ какъ по вѣрѣ и молитвамъ святаго въ помощь имъ явилась свыше невидимая сила, которая навела страхъ на войска Персовъ и привела ихъ въ

разстройство, и они, отступивъ, обратились въ бѣгство, а войско римское, предводительствуемое святымъ Андреемъ, преслѣдуя ихъ, мечами своими посѣкало головы Персовъ, какъ посѣкаютъ серпомъ колосья. Такимъ образомъ, и произошла при помощи силы Христовой славная побѣда Римлянъ надъ Персами. Когда враги были прогнаны, то всѣ воины, бывшіе съ святымъ Андреемъ, при видѣ такой неожиданной побѣды, одержанной при помощи Христа, увѣровали въ Него, а святый Андрей сталъ, насколько могъ, утверждать ихъ въ вѣрѣ, разъясняя имъ правые пути, приводящіе ко спасенію. Торжественно возвратясь съ войны, святый Андрей и его воины, увѣнчанные славою, вступили въ городъ Антіохію.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ завистливыхъ военачальниковъ, завидуя доблести и славѣ святаго Андрея, донесли на него Антіоху, сообщивъ ему, что стратилатъ Андрей чтитъ Распятаго Бога. Услышавъ это, Антіохъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и послалъ къ нему нѣкоторыхъ начальствующихъ мужей изъ военнаго званія узнать отъ него, справедливо ли то, что о немъ говорятъ. Узнавши, что все это дѣйствительно справедливо, Антіохъ отправилъ снова пословъ къ Андрею отчасти съ увѣщаніями, а отчасти съ угрозами и напоминаніемъ ему о своей нетерпимости къ христіанамъ и, наконецъ, велѣлъ посланнымъ сказать ему:

— Ты хорошо знаешь, какой мучительной казни я предалъ сына Поліевктова, Евфимія, и вмѣстѣ съ нимъ многихъ другихъ послѣдователей христіанской вѣры. Никого изъ нихъ я не пощадилъ. На что же послѣ этого разсчитываешь ты и на что надѣешься, воздавая божеское почитаніе Человѣку, Который былъ распятъ на крестѣ?

Когда посланные отъ Антіоха пришли съ такимъ порученіемъ къ святому и передали ему эти слова, то онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ:

— Слова Антіоха болѣе ободряютъ меня, нежели устрашаютъ: ибо если тѣ, о которыхъ онъ напоминаетъ мнѣ, будучи преданы жестокимъ мученіямъ, стали его побѣдителями и въ вѣнцахъ мучениковъ предстали Христу Богу, то почему же и мнѣ не быть вѣрнымъ рабомъ моего Іисуса Христа, чтобы вмѣстѣ съ ними, пострадавшими за Него прежде меня, удостоиться наслѣдія въ Царствѣ Его?

Послѣ того, какъ посланные сообщили Антіоху этотъ отвѣтъ святаго Андрея, онъ исполнился ярости и послалъ къ святому

воиновъ съ приказаніемъ связать и привести его къ себѣ. Сѣвши на судейское мѣсто, онъ велѣлъ святому Андрею открыто предъ всѣми объявить, желаетъ ли онъ подчиниться царскому повелѣнію, или намѣренъ служить своему Богу. Тогда святый, стоя на этомъ нечестивомъ судилищѣ, предъ лицемъ Ангеловъ и людей громкимъ голосомъ смѣло исповѣдалъ Христа Истиннымъ Богомъ, а себя—рабомъ Его. Послѣ этого мучитель немедленно приказалъ принести мѣдное ложе и сильно раскалить его, дабы жечь на немъ Христова воина. Когда ложе было раскалено до того, что отъ него отскакивали искры, то Антіохъ сказалъ мученику:

— Андрей, ты много потрудился на воинской службѣ, посему слѣдуетъ тебѣ послѣ столькихъ трудовъ отдохнуть на этомъ ложѣ.

Святый мученикъ, не ожидая, пока палачи возьмутъ его, немедленно же самъ снялъ съ себя одежды, поспѣшно взошелъ на ложе и, легши, протянулся на немъ, какъ бы на мягкой постели, мужественно перенося жженіе своего тѣла. Ощущая сначала боль, онъ сталъ молиться Христу Богу, чтобы Онъ ниспослалъ ему скорую помощь, и дѣйствительно, огонь, по повелѣнію Божію, немедленно потерялъ свою силу и не могъ вредить тѣлу мученика. Въ то же время Антіохъ повелѣлъ схватить и нѣкоторыхъ другихъ мужей изъ числа воиновъ Андрея и, приказавъ прибить гвоздями руки ихъ крестообразно къ деревамъ, состоящимъ изъ четырехъ частей, съ насмѣшкой спрашивалъ ихъ, пріятно ли имъ это? Считая такое страданіе за Христа весьма пріятнымъ для себя, они сказали:

— О, если бы мы удостоились быть подражателями Христа, нашего Господа, распятаго на древѣ крестномъ!

Послѣ этого мучитель снова обратился къ святому Андрею и спросилъ его, достаточно ли онъ наказанъ огненнымъ жженіемъ и не желаетъ ли отречься отъ Христа и обратиться къ почитанію боговъ. На это мученикъ отвѣтилъ, что желаетъ терпѣть до конца, потому что конецъ вѣнчаетъ всякое начатое дѣло; ибо отъ Христа Бога получаетъ награду не тотъ, кто хорошо началъ свой подвигъ, но тотъ, кто хорошо окончилъ его. Посему мучитель Антіохъ повелѣлъ снять святаго Андрея съ мѣднаго ложа, а его товарищей освободить отъ деревъ и бросить въ темницу,—какъ бы для того, чтобы дать имъ время на размышленіе, пока не согласятся обратиться къ богамъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сообщить о нихъ императору, такъ какъ онъ не рѣшался безъ вѣдома и

согласія послѣдняго предать казни такого доблестнаго и сановнаго мужа, какъ Андрей, и его товарищей. Императоръ Максиміанъ, получивъ и прочитавъ донесеніе Антіоха, нашелъ небезопаснымъ открыто казнить смертію такого знаменитаго воина и вмѣстѣ съ нимъ другихъ воиновъ, оказавшихъ такое необыкновенное мужество: не произошло бы отъ этого волненія и мятежа въ войскѣ, и не возникла бы изъ-за нихъ новая война. Въ отвѣтъ онъ написалъ Антіоху письмо, въ которомъ повелѣлъ отпустить Андрея и его дружину, освободивъ ихъ отъ заключенія и казни, но въ то же время далъ Антіоху тайное повелѣніе, чтобы онъ послѣ освобожденія Андрея и его товарищей, подождавъ немного времени, искусно нашелъ за ними какое-нибудь другое преступленіе и казнилъ ихъ смертію, если они упорно останутся христіанами,— какъ бы не за вѣру,—и при томъ, чтобы бралъ ихъ для казни по одному. Получивъ отъ императора такое повелѣніе, Антіохъ немедленно же освободилъ святаго Андрея и его товарищей отъ оковъ и темницъ и отпустилъ ихъ на свободу, при чемъ повелѣлъ имъ оставаться въ томъ же званіи, въ какомъ они были и прежде.

Между тѣмъ воинъ Христовъ, святый Андрей, узнавъ по откровенію Божію о такомъ коварномъ замыслѣ нечестивцевъ, тайно отъ Антіоха вмѣстѣ со всѣми воинами, увѣровавшими во Христа (а ихъ было 2593 человѣка), ушелъ въ киликійскій городъ Тарсъ[1]) къ епископу этого города Петру для принятія отъ него Святаго Крещенія, такъ какъ никто изъ воиновъ его и самъ онъ не былъ еще крещенъ. Спустя нѣсколько времени, Антіохъ, узнавъ объ уходѣ святаго Андрея и его дружины въ киликійскую область, исполнился страшной ярости и гнѣва и, посовѣтовавшись съ близкими къ себѣ лицами, послалъ правителю Киликіи Селевку письмо, въ которомъ писалъ:

«Я знаю, что ты слышалъ объ Андреѣ, который былъ тысяченачальникомъ въ императорскихъ войскахъ. Нынѣ онъ не только самъ впалъ въ безуміе, не повинуясь повелѣніямъ императора, но и многихъ изъ воиновъ обратилъ къ тому же безумію и, какъ мы слышали, бѣжалъ съ своими единомышленниками въ киликійскую область. Почему, во исполненіе повелѣнія импера-

1) *Киликія*—римская провинція; находилась въ юго-восточной части Малоазійскаго полуострова, на берегу Средиземнаго моря, на сѣверо-востокъ отъ Сиріи, и граничила съ послѣдней съ востока. Городъ *Тарсъ* былъ родиной св. Ап. Павла.

тора, прикажи схватить Андрея и всѣхъ, кто находится съ нимъ, и, связавъ, пришли ихъ къ намъ. Если же они вздумаютъ оказать сопротивленіе или же бѣжать, то прикажи вооруженнымъ воинамъ избить ихъ».

Селевкъ, получивъ отъ Антіоха такое письмо, немедленно разослалъ во всѣ мѣстности Киликіи пословъ развѣдать объ Андреѣ и находящихся съ нимъ воинахъ и, узнавъ, что онъ находится въ Тарсѣ, самъ съ войскомъ отправился туда. Въ это время святый Андрей, провидя духомъ, что волки идутъ уже на стадо Христово, просилъ тарсійскаго епископа, блаженнаго Петра, и другого епископа изъ города Вереи, по имени Нона, случайно находившагося тогда въ Тарсѣ, немедленно же совершить надъ нимъ и его воинами Святое Крещеніе, и епископы тотчасъ же крестили святаго Андрея и всю дружину его.

Принявъ Святое Крещеніе, святый Андрей съ своими сподвижниками ушелъ изъ Тарса въ мѣстность, называемую Таксаниты, не потому, что боялся смерти, которой, напротивъ, очень желалъ ради Христа, но исполняя повелѣніе Господа своего, выраженное въ словахъ: ѥ҆гда̀ го́нѧтъ вы̀ во гра́дѣ се́мъ, бѣ́гайте въ дрꙋгі́й[1]). Вскорѣ послѣ этого Селевкъ съ вооруженными, какъ на войну, воинами прибылъ въ Тарсъ. Не найдя тамъ Андрея съ его дружиною, онъ встревожился и даже измѣнился отъ гнѣва въ лицѣ, а потомъ, исполнившись страшной ярости, отправился въ погоню за стадомъ Христовымъ. Между тѣмъ святые изъ вышесказаннаго мѣста пошли въ предѣлы Арменіи въ горы, называемыя Тавросъ[2]), а Селевкъ повсюду гнался за ними вслѣдъ, стараясь настигнуть ихъ, чтобы предать избіенію. Проходя на этихъ горахъ различныя мѣстности, святые пришли въ одно тѣсное мѣсто, со всѣхъ сторонъ окруженное отвѣсными подобно стѣнамъ скалами, на которое можно было войти чрезъ единственный проходъ — какъ чрезъ ворота въ городъ. Здѣсь святый Андрей остановился съ своею дружиною и сталъ ожидать своихъ убійцъ, такъ какъ именно это мѣсто было предуказано ему Богомъ для мученической кончины его и его сподвижниковъ. Святый Андрей обратился тутъ къ своей дружинѣ съ такими словами:

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23.

2) Нынѣ *Тавръ* — горная цѣпь, тянущаяся по южному берегу Сканадійскаго полуострова и потомъ поднимающаяся къ сѣверу и идущая на востокъ. На восточной части своей она называется Антитавръ. Изъ ледниковъ Антитавра беретъ свое начало извѣстная рѣка Тигръ.

— Друзья, братья и дѣти мои, **ны́нѣ вре́мѧ благопрїѧ́тно, ны́нѣ де́нь сп҃се́нїѧ**[1]); будемъ же единодушно и твердо стоять въ любви Божіей, какъ повелѣлъ нашъ Господь, и не станемъ поднимать рукъ нашихъ на преслѣдующихъ насъ, но поднимемъ ихъ къ Богу съ молитвою благодаренія за то, что Онъ далъ намъ дожить до сего времени, когда мы получимъ наслѣдіе со всѣми святыми, пострадавшими за Него. Итакъ, будемъ молиться Ему, какъ молился святый первомученикъ Стефанъ, когда іудеи побивали его камнями: «**Гд҃и і҆и҃се хр҃тѐ, прїимѝ**[2]) души рабовъ Твоихъ, которыя мы предаемъ въ руки Твои».

Сказавъ такія слова дружинѣ своей, святый Андрей, ставъ посреди ея, и поднявъ руки, и обративъ взоръ свой къ Небу, началъ молиться, говоря:

— Господи, Господи, великій и всесильный! Услышь молитву грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего и всѣхъ, находящихся со мною, непорочно сохранившихъ святую вѣру въ Тебя, пріими съ миромъ наши души, покрой ихъ Твоимъ милосердіемъ и удостой райскихъ обителей. Владыко! Молимся Тебѣ еще и о тѣхъ, которые будутъ почитать нашу память. Исполняй всѣ приводящія ко спасенію прошенія ихъ и ради молитвы нашей будь имъ помощникомъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. А на мѣстѣ семъ, гдѣ будетъ пролита за Тебя наша смиренная кровь, пусть будетъ источникъ, подающій исцѣленія и прогоняющій нечистыхъ духовъ. Всѣхъ же тѣхъ, кто будетъ приходить сюда, сохраняй отъ всякихъ бѣдствій и подавай имъ душевное и тѣлесное здравіе, чтобы на мѣстѣ семъ прославлялось Пресвятое Твое Имя—Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Въ то время, какъ святый Андрей и бывшіе съ нимъ молились такъ Богу, ихъ настигъ Селевкъ со своими воинами. Обнаживъ мечи и заскрежетавъ зубами, они, какъ звѣри, бросились на стадо Христово. Святые же воины Христовы, хотя, какъ храбрые и опытные въ бою и могли бы защитить себя въ этомъ тѣсномъ мѣстѣ съ однимъ только проходомъ отъ рукъ убійцъ, но, подражая Господу своему, какъ незлобивые агнцы, отдались убійцамъ своимъ на закланіе. Преклонивъ колѣна, они протянули выи свои подъ мечи, и воины Селевка, безъ милосердія посѣкая ихъ, въ короткое время всѣхъ перебили. И пролилась кровь святыхъ,

---

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 6, ст. 2; ср.: Кн. Прор. Исаіи, гл. 49, ст. 8.
2) Дѣян., гл. 7, ст. 59.

какъ вода, ручьемъ текущая изъ этого мѣста, души же ихъ съ торжествомъ вошли въ радость Господа своего.

Святые пострадали въ 19-й день мѣсяца августа, въ воскресный день, во второмъ часу дня, и на томъ мѣстѣ, гдѣ пролилась ихъ мученическая кровь, немедленно вытекъ источникъ ключевой и цѣлебной воды.

Избіеніе святыхъ видѣли скрывавшіеся на одной скалѣ вышеупомянутые епископы—Петръ изъ Тарса Киликійскаго и Нонъ изъ города Вереи, ибо они со своими клириками издали слѣдовали за ними, желая видѣть ихъ кончину. Когда Селевкъ послѣ избіенія святыхъ мучениковъ пошелъ со своими воинами обратно домой, эти епископы съ клириками своими подошли къ тѣламъ мучениковъ и плакали надъ ними, а потомъ, приготовивъ ихъ къ погребенію, съ честью похоронили на томъ же мѣстѣ. Видѣли они и источникъ, вытекшій по молитвѣ святыхъ мучениковъ, и, попивши изъ него воды, узнали о цѣлебности ея, ибо одинъ изъ клириковъ, бывшій съ епископами, долгое время страдалъ отъ нечистаго духа, но когда напился изъ этого источника, то нечистый духъ немедленно оставилъ его. Послѣ погребенія святыхъ епископъ Петръ не возвратился въ Тарсъ, такъ какъ Селевкъ сталъ искать его, чтобы предать смерти, но со всѣми бывшими съ нимъ пошелъ въ Исаврію.

Между тѣмъ окрестные жители, узнавъ о цѣлебномъ источникѣ, стали приходить къ нему и приносили своихъ больныхъ. Они пили воду, мылись ею и получали исцѣленіе отъ всякихъ болѣзней по молитвамъ святаго страстотерпца Андрея и пострадавшихъ съ нимъ святыхъ мучениковъ и по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцомъ и Святымъ Духомъ да будетъ честь и слава нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ є҃:

Земна́гѡ са́на сла́вꙋ ѡ҆ста́вивъ, и҆ нб҃ное цр҃тво наслѣ́довалъ є҆сѝ, кро́вными ка́плѧми, ꙗ҆́кѡ пречꙋ́днымъ ка́менїемъ нетлѣ́нныѧ вѣ́нцы̀ ᲂу҆краси́лъ є҆сѝ, и҆ ко хр҃тꙋ̀ приве́лъ є҆сѝ собо́ръ стр҃тотє́рпєцъ, съ ли́ки а҆́гг҃льскими въ невече́рнѣмъ свѣ́тѣ незаходи́маго со́лнца хр҃та̀ ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ, ст҃е андре́е стратила́те: є҆го́же молѝ съ пострада́вшими съ тобо́ю при́снѡ, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Въ мл҃твахъ гдⷭ҇ви предстоѧ̀, ꙗ҆́коже ѕвѣзда̀ со́лнцꙋ предтекі́й, и҆ жела́емое сокро́вище црⷭ҇твїѧ ᲂу҆зрѣ́лъ є҆сѝ, ра́дости неизрече́нныѧ и҆сполнѧ́ѧсѧ, безсме́ртномꙋ цр҃ю̀ въ безконе́чныѧ вѣ́ки, ѿ а҆́гг҃лъ безпреста́ни хвали́момꙋ пое́ши, а҆ндре́е стратила́те: съ ни́миже моли́сѧ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ЧЕСТЬ

ДОНСКОЙ иконы БОЖІЕЙ МАТЕРИ

Въ настоящій день въ обители, называемой Донскою и находящейся близъ царствующаго города Москвы, совершается праздникъ Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ въ честь почитаемой чудотворной иконы Ея.

Объ этой иконѣ повѣствуется слѣдующее.

Когда благовѣрный Великій Князь Димитрій Іоанновичъ между рѣками Дономъ и Непрядвою сражался съ нечестивымъ татарскимъ ханомъ Мамаемъ, то тамъ въ русскихъ войскахъ была и сія пречестна̀я и чудотворная икона. Она была принесена донскимъ войскомъ Великому Князю въ даръ и въ помощь противъ враговъ. По молитвамъ Пречистой Богоматери благодатною Ея силою, исходящею отъ чудотворной иконы, Татары были побѣждены. Торжественно празднуя вмѣстѣ съ войскомъ своимъ побѣду, Великій Князь возвратился въ престольный городъ свой Москву и принесъ съ собою честну̀ю икону, названною Донскою по случаю бывшей за Дономъ побѣды надъ Татарами.

Объ обители, называемой отъ Донской иконы Пресвятой Богородицы Донскою, существуетъ такой разсказъ.

Въ царствованіе благовѣрнаго царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича Крымская орда сдѣлала внезапный набѣгъ на владѣнія Московскаго государства, и Татарскій ханъ Муратъ Гирей подступилъ къ самому престольному городу Москвѣ. Тогда благовѣрный царь вышелъ съ своимъ войскомъ противъ Татаръ и расположился станомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь

ІКѾНА БЖІѦ МТРИ ДОНСКАѦ

[illegible]

[illegible] Татаръ.

Объ обители, [illegible] Богородицы Донской, сохранилось такое сказаніе.

Въ царствованіе благочестиваго царя и Великаго Князя Θеодора Іоанновича Крымская орда сдѣлала внезапный набѣгъ на владѣнія Московскаго государства, и Татарскій ханъ Муратъ Гирей подступилъ къ самому престольному городу Москвѣ. Тогда благочестивый царь вышелъ съ своимъ войскомъ противъ Татаръ, и расположился станомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь

обитель. Сюда же въ свой воинскій станъ онъ взялъ и икону Пресвятой Богородицы, принесенную съ Дона. При помощи Пречистой Богоматери онъ одержалъ побѣду надъ татарскими войсками и прогналъ ихъ. Воздавая Богоматери благодареніе за побѣду, онъ повелѣлъ на этомъ мѣстѣ построить каменный храмъ и поставить въ немъ упомянутую икону. Съ того времени обитель и стала называться Донскою.

Въ этотъ день изъ великаго соборнаго храма города Москвы въ обитель приходитъ все священное сословіе съ честными крестами и иконами и совершаетъ торжественное празднество въ честь Божіей Матери.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ:

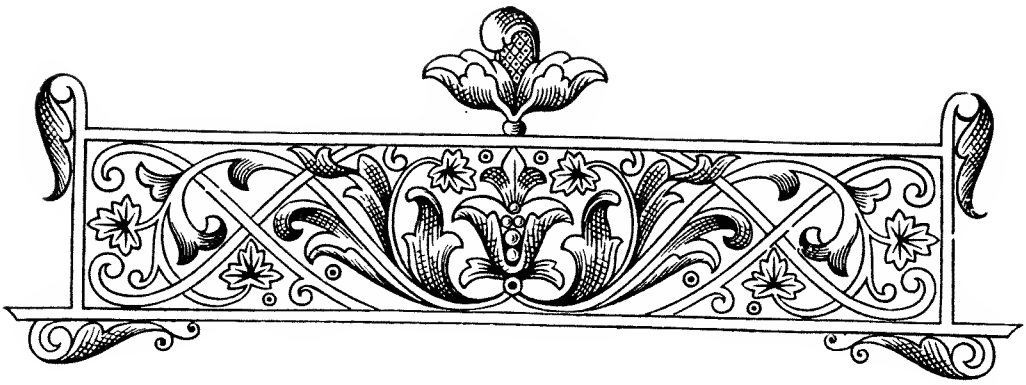
ТИМОѲЕЯ, АГАПІЯ И ѲЕКЛЫ

Славный мученикъ Тимоѳей былъ родомъ изъ палестинскаго города Газы[1]). Такъ какъ онъ вызывалъ удивленіе своею жизнію и даромъ слова, то и поставленъ былъ учителемъ Христовой вѣры. Онъ схваченъ былъ въ Газѣ и, представъ предъ правителемъ города Урбаномъ, на допросѣ объявилъ себя христіаниномъ, при чемъ проповѣдалъ о любви Христовой къ людямъ, о Его пришествіи на землю и воплощеніи. За это его подвергли разнообразнымъ мученіямъ, но онъ остался непреклоннымъ въ вѣрѣ. Брошенный послѣ сего въ огонь, онъ скончался. Въ то же самое время въ томъ же городѣ святые Агапій и Ѳекла были подвергнуты жестокимъ мученіямъ, и такъ какъ и послѣ этого еще держались вѣры во Христа, то были брошены на растерзаніе звѣрямъ, отъ чего и скончались, воспринявши небесные вѣнцы[2]).

---

[1]) *Газа* расположена на берегу Средиземнаго моря. Въ древности она была однимъ изъ пяти извѣстнѣйшихъ Филистимскихъ городовъ и служила предѣломъ Хананеевъ на югѣ Палестины. Въ Новомъ Завѣтѣ о Газѣ упоминается только въ исторіи обращенія Еѳіопской царицы Кандакіи (Дѣян., 8, 26). Съ IV вѣка Газа была уже христіанскимъ городомъ, а въ VII в. покорена Магометанами.

[2]) По мѣсяцеслову Вершинскаго, святые Тимоѳей и Ѳекла скончались въ 304 году въ г. Газѣ, а святый Агапій—въ 306 году въ г. Кесаріи Палестинской. Первый сожженъ, святая Ѳекла растерзана звѣрями, а святый Агапій брошенъ въ море.



День двадцатый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРОРОКА

САМУИЛА

До начала царей у израильтянъ, въ то время, когда народомъ Божіимъ управляли еще судьи, жилъ человѣкъ по имени Елкана. Онъ происходилъ изъ племени Левіина и проживалъ въ удѣлѣ Ефремовомъ, въ городѣ, называемомъ Рамаѳъ (Рама) и расположенномъ на горѣ, именуемой Спера. Впослѣдствіи этотъ городъ названъ былъ Армаѳемомъ и Аримаѳеей, откуда потомъ былъ родомъ Іосифъ, предавшій погребенію пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Елкана имѣлъ двухъ женъ. Имя одной было Анна, а другой—Феннана. У Феннаны рождались дѣти, а Анна была неплодна. Елкана, однако, любилъ Анну больше Феннаны, вслѣдствіе чего Феннана ненавидѣла Анну и часто оскорбляла ее. Смущаемая своею ненавистницею, Анна скорбѣла о своемъ безчадіи и отъ скорби плакала. Елкана ежегодно въ великіе праздники ходилъ съ обѣими своими женами въ Силомъ (такъ называлась гора и городъ) для принесенія жертвы и молитвы Господу Богу Саваоѳу, ибо до построенія храма въ Іерусалимѣ тамъ находился храмъ и Ковчегъ Божій и туда приходили всѣ племена Израилевы на поклоненіе Богу. Въ то время

священникомъ и вмѣстѣ судіей Израильскимъ былъ нѣкто именемъ Илій, у котораго было два сына — Офни и Финеесъ.

Однажды Елкана, пришедши съ женами своими въ Силомъ и принесши жертву Богу, далъ изъ принесеннаго въ жертву часть Феннанѣ и особую часть каждому изъ дѣтей ея, Аннѣ же—только одну часть, такъ какъ у нея дѣтей не было. Тутъ Феннана стала насмѣхаться надъ нею и упрекать ее. Анна была очень огорчена и упреками Феннаны, и неплодствомъ своимъ. Она плакала, не вкушала пищи и отъ сильной скорби, что Господь заключилъ ея утробу, не далъ ей дѣтей и чрезъ то сдѣлалъ ее для Феннаны предметомъ поношенія, пришла въ изнеможеніе. Тогда мужъ ея Елкана сказалъ ей:

— Анна, что съ тобою? Что ты плачешь, почему не вкушаешь пищи и зачѣмъ столь сильною скорбію изсушаешь сердце свое? Не лучше ли десяти дѣтей я для тебя?

Но Анна не имѣла силъ утѣшиться. По окончаніи трапезы она встала и пошла въ Силомъ, въ храмъ Господень. Священникъ Илій сидѣлъ въ это время на своемъ священническомъ мѣстѣ у порога дверей храма Господня. Ставъ передъ храмомъ, Анна поклонилась Господу и стала плакать отъ скорби сердца своего. Она начала молиться, говоря въ тайнѣ:

«Адонаи Господи Саваоѳъ! Если Ты милостиво призришь на смиреніе рабы Твоей и, вспомнивъ обо мнѣ, дашь рабѣ Твоей дитя мужскаго пола, то я принесу его Тебѣ въ даръ, чтобы оно служило Тебѣ во всѣ дни жизни своей. Оно не будетъ пить вина и никакого опьяняющаго напитка, и бритва (какъ это въ обычаѣ у назореевъ) не коснется головы его».

Въ то время, какъ Анна молилась такъ предъ Господомъ и надолго продолжила свою молитву, священникъ Илій смотрѣлъ на уста ея. Такъ какъ она говорила въ сердцѣ своемъ и уста ея только двигались, а голоса ея не было слышно, то Илій счелъ ее пьяною и сказалъ ей:

— До какихъ поръ въ пьяномъ видѣ ты будешь оставаться здѣсь? Удались отъ мѣста Господня и протрезвись.

— Нѣтъ, господинъ,—отвѣчала ему Анна,—я не пьяна, но я—женщина, удрученная тяжкою скорбію. Я не пила вина и никакого другого опьяняющаго напитка; я излила душу мою предъ Господомъ. Не дай же рабы твоей дочерямъ Израилевымъ въ насмѣшку, ибо отъ великой горести и скорби моей я говорила доселѣ.

Тогда Илій сказалъ ей на ея слова:

— Иди съ миромъ. Богъ Израилевъ да исполнитъ всякое прошеніе твое, какое ты просила у Него.

— Я, раба твоя,—сказала Анна,—нашла милость въ очахъ твоихъ.

Послѣ сего Анна возвратилась къ мужу своему, ѣла съ нимъ и пила, и лице ея не было уже печально, какъ прежде. На другой день, вставши рано и поклонившись Господу, они возвратились въ домъ свой. И призрѣлъ Господь на смиреніе Анны, услышалъ молитву ея и разрѣшилъ ея неплодіе. Анна зачала и, когда исполнилось время, родила сына, и дала ему имя Самуилъ, что значитъ: испрошенный у Бога.

Вскорѣ приблизился праздникъ, въ который мужъ Анны по обычаю своему ходилъ со всѣмъ своимъ семействомъ къ Господу въ Силомъ принести жертвы и молитвы свои Богу и отдать десятину отъ плода земли своей. Анна сказала мужу:

— Теперь я не пойду съ тобою въ Силомъ, но останусь дома, пока не вскормлю младенца, а когда онъ будетъ отнятъ отъ груди, тогда пойду явиться Лицу Господню и исполню обѣтъ, который дала Господу: пусть останется сынъ мой навсегда для служенія Ему.

Мужъ отвѣтилъ ей:

— Дѣлай, что угодно тебѣ, и пусть исполнитъ Господь слово твое, вышедшее изъ устъ твоихъ.

Анна оставалась дома и не ходила въ Силомъ къ Господу три года, пока не отняла отъ груди младенца Самуила, потому что у еврейскихъ матерей было въ обычаѣ кормить младенца грудью три года.

Послѣ того, какъ Самуилъ былъ отнятъ отъ груди, Анна вмѣстѣ съ нимъ и съ мужемъ своимъ пошла въ Силомъ. Они повели для жертвы трехъ тельцовъ и понесли три мѣры пшеничной муки и мѣхъ вина и вошли въ домъ Господень въ Силомѣ и дитя съ ними. Анна принесла дитя въ даръ Господу, какъ обѣщала, и, отдавая его священнику Иліи, говорила:

— Я—та самая женщина, которую четыре года тому назадъ ты видѣлъ здѣсь молившеюся Господу о разрѣшеніи неплодства. Господь исполнилъ прошеніе мое и далъ мнѣ это дитя, котораго я просила у Него. Теперь я отдаю его Господу, чтобы оно служило Ему во всѣ дни жизни своей.

Съ такими словами Анна отдала въ руки священника дитя свое и поклонилась Господу, а ея мужъ Елкана вручилъ ему для жертвы принесенные дары[1]). Тутъ Анна исполнилась пророческаго духа и воспѣла говоря:

— Утвердилось сердце мое въ Господѣ и вознеслась сила моя въ Богѣ моемъ,— и прочія слова, которыя теперь часто поются въ церкви[2]).

Стый пророкъ самуилъ

Совершивъ свои благодарственныя жертвы и молитвы, Елкана и Анна возвратились домой, а трехлѣтняго отрока Самуила оставили Господу у священника Иліи, такъ какъ не пожелали уже взять къ себѣ того, кого однажды вручили Богу. И съ того времени отрокъ воспитывался при храмѣ Божіемъ, учился грамотѣ и служенію при святынѣ Божіей подъ наблюденіемъ Иліи. Мать, часто приходя въ Силомъ съ дарами для Бога, приносила одежды своему сыну и радовалась о немъ, видя его возрастающимъ и въ священнической льняной одеждѣ совершающимъ служеніе въ храмѣ Господнемъ. Священникъ Илій любилъ его, замѣчая его усердіе въ служеніи и провидя въ немъ данное Богомъ дарованіе. И благословилъ Илій родителей Самуила, и сказалъ Елканѣ:

— Да дастъ тебѣ Господь дѣтей отъ меня вмѣсто Самуила, котораго вы принесли въ даръ Господу.

Послѣ сего Господь снова ниспослалъ милость Аннѣ, и она стала раждать сыновей и дочерей, а Самуилъ въ это время возрасталъ не только тѣломъ, но и разумомъ и былъ въ благоволеніи у Господа и у людей.

Священникъ Илій былъ старъ, а сыновья его, Офни и Финеесъ, были люди порочные. Какъ и сыновья беззаконниковъ, они не

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 1.

[2]) 1 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 1—10.

знали Бога и не соблюдали священническаго долга. Они причиняли обиды приносящимъ жертвы, отбирая себѣ лучшія части и допуская поруганія надъ женщинами, приходившими для молитвы въ храмъ Господень. И былъ отъ нихъ соблазнъ и обида всему Израилю, потому что они совершали и многія другія несправедливости. Объ этомъ слышалъ отецъ ихъ Илій и не наказывалъ ихъ побоями и отлученіемъ; онъ только словами уговаривалъ ихъ прекратить дурные поступки, но они его не слушали. И разгнѣвался Господь не только на порочныхъ сыновей, но и на отца ихъ за то, что онъ не наказывалъ ихъ надлежащимъ образомъ за ихъ преступленія, хотя самъ и былъ непороченъ. И захотѣлъ Господь погубить Илія и сыновей его со всѣмъ домомъ ихъ, и послалъ сперва къ Илію одного неизвѣстнаго пророка сказать ему:

— Я избралъ домъ отца твоего изъ всѣхъ домовъ израильскихъ для служенія Мнѣ въ храмѣ Моемъ, но ты пренебрегъ честію, которую Я далъ тебѣ, и оказалъ предпочтеніе сыновьямъ твоимъ предо Мною, ибо попускалъ имъ совершать предо Мною беззаконія. Посему Я отниму эту честь отъ дома твоего, ибо только прославляющихъ Меня Я прославлю, а безславящіе Меня будутъ посрамлены. Вотъ, наступаютъ дни, въ которые Я истреблю потомство твое и потомство дома отца твоего. Знаменіемъ же наступающаго на домъ твой наказанія будетъ для тебя то, что оба сына твои въ одинъ день вмѣстѣ умрутъ отъ меча. И вмѣсто нихъ Я поставлю священника, вѣрнаго Мнѣ, который все будетъ совершать по сердцу Моему[1]).

Такое пророчество было Илію въ то время, когда Самуилъ былъ еще малолѣтнимъ отрокомъ, но и послѣ этого пророчества Илій не постарался обуздать сыновей своихъ дѣйствительнымъ наказаніемъ, но продолжалъ вразумлять ихъ только словами, и развращенные сыновья не боялись своего отца. А Богъ, все больше и больше прогнѣвляемый, приближалъ наказаніе и вторично предсказалъ его Илію чрезъ Самуила слѣдующимъ образомъ.

Когда Самуилу было уже двѣнадцать лѣтъ и онъ служилъ Господу при священникѣ Иліи, случилось, что Илій въ одну ночь почивалъ на особомъ своемъ мѣстѣ въ притворѣ, бывшемъ при храмѣ Господнемъ, и глаза его начали смежаться сномъ, а Самуилъ спалъ въ храмѣ Господнемъ, гдѣ находился Ковчегъ Божій,

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 10—36.

и свѣтильникъ еще горѣлъ. И воззвалъ Господь со стороны внутренней завѣсы, говоря:

— Самуилъ, Самуилъ!

Самуилъ, тотчасъ же проснувшись, отвѣчалъ:

— Вотъ я!

И побѣжалъ къ Илію, и сказалъ:

— Вотъ я! Ты звалъ меня?

Но Илій сказалъ:

— Я не звалъ тебя, сынъ мой! Пойди назадъ и ложись.

Самуилъ пошелъ и легъ. Но Господь вторично воззвалъ къ нему:

— Самуилъ, Самуилъ!

Самуилъ всталъ, побѣжалъ къ Илію и во второй разъ сказалъ:

— Вотъ я! Ты звалъ меня?

Но священникъ сказалъ:

— Я не звалъ тебя, сынъ мой! Пойди назадъ, ложись.

Самуилъ не зналъ еще въ то время голоса Господа, потому что не было ему откровенія Божія.

И воззвалъ Господь къ Самуилу еще въ третій разъ. Онъ, быстро вставъ, пошелъ въ третій разъ къ Илію и сказалъ:

— Вотъ я! Ты звалъ меня?

Тогда понялъ Илій, что Господь зоветъ отрока, и сказалъ:

— Пойди назадъ, сынъ мой, и ложись, и когда зовущій еще позоветъ тебя, ты скажи:

— Говори, Господи, ибо слышитъ рабъ Твой.

Самуилъ пошелъ и легъ на мѣстѣ своемъ. И пришелъ Господь, ставъ вблизи и воззвалъ, какъ въ первый, во второй и въ третій разъ, говоря:

— Самуилъ, Самуилъ!

Самуилъ, проснувшись и быстро вставъ, сказалъ:

— Говори, Господи, ибо слышитъ рабъ Твой.

Господь сказалъ Самуилу:

— Вотъ, Я сдѣлаю дѣло во Израилѣ, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ обоихъ ушахъ. Въ тотъ день Я исполню надъ Иліемъ все то, что Я говорилъ о домѣ его. Я начну и окончу. Я объявилъ ему, что накажу домъ его навѣки за то преступленіе, что онъ зналъ, какъ нечестиво поступаютъ сыновья его, и не обуздывалъ ихъ.

Эти слова Господни Самуилъ слушалъ съ трепетомъ и, когда окончилось явленіе Господа, онъ опять уснулъ и спалъ до утра.

Вставши утромъ, онъ отворилъ двери храма Господня и боялся открыть это видѣніе господину своему, священнику Илію. Но Илій позвалъ Самуила и сказалъ:

— Сынъ мой, Самуилъ! Что говорилъ тебѣ Господь? Прошу тебя, не скрой отъ меня.

И съ клятвою потребовалъ Илій отъ отрока Самуила не скрывать отъ него ни одного изъ словъ Божіихъ. Тогда Самуилъ разсказалъ ему все, что слышалъ. Священникъ Илій со смиреніемъ сказалъ:

— Какъ угодно Господу моему, пусть такъ и сотворитъ.

Но Илій не имѣлъ уже силъ обуздать и исправить сыновей своихъ, потому что былъ уже очень старъ и сыновья совершенно не боялись его. А Самуилъ день ото дня все возрасталъ и укрѣплялся духомъ, и благодать Божія умножалась въ немъ. Съ нимъ былъ Господь, и онъ говорилъ слова пророческія, и ни одно изъ его словъ не оставалось неисполнившимся. И понялъ весь народъ израильскій, что Самуилъ—пророкъ Господень[1]).

По прошествіи нѣкотораго времени пришло наказаніе Божіе на домъ Илія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на весь израильскій народъ, потому что прогнѣвили Бога не только сыновья Илія, но и Израильтяне. Хотя и не всѣ они, но многіе изъ нихъ, пріобрѣтши отъ язычниковъ навыкъ къ идолопоклонству, не оставляли его и, служа Истинному Богу, въ то же время приносили и жертвы идоламъ, и тѣмъ разгнѣвали Бога своего. Но долготерпѣливый Богъ терпѣлъ грѣхи народа, пока не оскорбили Его сыновья Илія, которые были священниками и правителями народа израильскаго. А когда они своими беззаконіями возбудили Бога къ гнѣву и наказанію, тогда праведный Судія и Мздовоздаятель, вспомнивъ и грѣхи народа, наказалъ всѣхъ вмѣстѣ, потому что вмѣстѣ съ начальствующими Богъ подвергаетъ наказанію и подчиненныхъ. И не такъ скоро грѣхи народа возбуждаютъ разгнѣваннаго Бога къ наказанію, какъ грѣхи тѣхъ, кого поставилъ Онъ начальниками и правителями народа.

Филистимляне пошли войною на Израильтянъ, и Израильтяне вышли противъ нихъ. Вступивъ въ битву, Израильтяне были побѣждены Филистимлянами, и изъ войска израильскаго пало убитыми четыре тысячи человѣкъ. И сказали другъ другу старѣйшины израильскіе:

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 3.

— За что поразилъ насъ сегодня Господь предъ иноплеменниками? Возьмемъ изъ Силома Ковчегъ Господа Бога нашего и принесемъ въ нашъ станъ. Пусть онъ пребываетъ среди насъ во время войны нашей съ Филистимлянами и спасетъ насъ отъ руки враговъ нашихъ.

Рѣшивъ такъ, они послали въ Силомъ и взяли оттуда Ковчегъ Бога, сидящаго на Херувимахъ, а при Ковчегѣ Божіемъ были оба сына Илія — Офни и Финеесъ. Когда Ковчегъ Господень прибылъ въ станъ, весь Израиль отъ радости поднялъ такой сильный крикъ, что стонала земля. Филистимляне услышали этотъ крикъ и сказали:

— Отъ чего такія громкія восклицанія въ станѣ еврейскомъ?

И узнали Филистимляне, что Ковчегъ Господень прибылъ въ станъ израильскій. Они устрашились и сказали:

— Богъ пришелъ къ нимъ въ станъ воевать съ нами. Горе намъ! Кто избавитъ насъ отъ руки Его? Ибо Онъ поразилъ Египтянъ всякими казнями. Но укрѣпимся, мужи филистимскіе, и будемъ мужественно сражаться съ Евреями, чтобы намъ не быть въ порабощеніи у нихъ, какъ они у насъ.

Ободряя другъ друга такими словами, Филистимляне мужественно стали противъ Евреевъ. Произошла война и великая битва съ обѣихъ сторонъ, и Филистимляне вмѣсто того, чтобы быть побѣжденными, побѣдили Евреевъ. Такъ какъ Богъ былъ разгнѣванъ, то не оказала помощи святыня, ибо куда приходитъ наказаніе Божіе, тамъ оно не щадитъ и самой святыни. Филистимляне одолѣли Израильтянъ, убили тридцать тысячъ воиновъ ихъ, взяли въ плѣнъ Ковчегъ Божій и убили бывшихъ при немъ обоихъ сыновей Илія. Такимъ образомъ, по слову Божію, оба вмѣстѣ пали они отъ меча.

Такъ Богъ наказываетъ подчиненныхъ за грѣхи начальниковъ и за порочные поступки служащихъ алтарю попускаетъ нечестивымъ расхищать святые алтари и приводить въ запустѣніе храмы Свои. Сыновья Илія, бывшіе вмѣсто престарѣлаго отца своего священниками, судіями и правителями всего Израиля, главнымъ образомъ прогнѣвали Бога своими беззаконіями, а между тѣмъ весь Израиль подвергся за нихъ наказанію отъ Бога и Ковчегъ Господень преданъ былъ въ нечестивыя руки иноплеменниковъ.

Когда войско израильское было такимъ образомъ побѣждено, одинъ человѣкъ изъ племени Веніаминова, по имени Іеминей, убѣжавъ съ мѣста сраженія, въ разорванныхъ одеждахъ и съ

прахомъ на головѣ пришелъ въ Силомъ и объявилъ въ городѣ о пораженіи израильскаго войска. И весь городъ возстеналъ громкимъ плачемъ. Илій сидѣлъ въ это время на сѣдалищѣ своемъ у дверей храма Господня, и сердце его трепетало за Ковчегъ Божій. Услышавъ звуки народнаго вопля, онъ спросилъ бывшихъ при немъ:

— Отчего такой шумъ?

Тогда тотъ человѣкъ, который прибѣжалъ изъ стана, пришелъ къ Илію и сказалъ:

— Я прибѣжалъ съ поля сраженія.

Илій спросилъ его:

— Что произошло тамъ, сынъ мой?

— Израильтяне,—отвѣтилъ онъ,—побѣждены Филистимлянами и бѣжали отъ нихъ; произошло великое пораженіе народа, оба сына твои убиты, и Ковчегъ взятъ.

Илій, когда услышалъ о взятіи Ковчега Божія, тотчасъ же упалъ съ своего мѣста навзничь, сломалъ себѣ хребетъ и умеръ, такъ какъ былъ старъ и тяжелъ, будучи девяносто восьми лѣтъ[1]).

Между тѣмъ Филистимляне послѣ пораженія израильскаго войска взяли Ковчегъ Божій и, торжествуя и тщеславясь, что взяли въ плѣнъ святыню Израиля, принесли его въ главный городъ свой Азотъ, внесли въ храмъ нечистаго бога своего Дагона и поставили его вмѣстѣ со своимъ идоломъ. Но, вошедши на другой день утромъ въ храмъ Дагона, они нашли бога своего на землѣ, лежащимъ ницъ предъ Ковчегомъ Божіимъ. Они подняли его съ земли и поставили на свое мѣсто. Но когда, на слѣдующій день, утромъ, они снова вошли въ храмъ, то нашли Дагона не только лежащимъ предъ Ковчегомъ Божіимъ, а и разбитымъ: голова его и обѣ ступни ногъ лежали, отсѣченныя, каждая особо, на порогѣ, а обѣ ладони рукъ его—при дверяхъ; осталось только туловище Дагона. Сила Божія, бывшая съ Ковчегомъ, наказала такъ не одного только филистимскаго бога, но и всѣхъ Филистимлянъ, и землю ихъ. Отъ малаго до большого она поразила ихъ необыкновенною болѣзнію съ гнойными наростами въ тайныхъ мѣстахъ тѣла, и многіе умирали, а кто оставался въ живыхъ, тѣ страдали отъ страшныхъ ранъ и такъ сильно кричали отъ невыносимой боли, что ихъ крикъ доходилъ до неба[2]). Кромѣ того, страна наполнилась мышами, кото-

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 4.

[2]) 1 Кн. Царствъ, гл. 5.

рыя все поѣдали, и земля стала смрадною отъ множества мышей. Филистимляне поняли тогда, что Богъ израильскій наказываетъ ихъ за Свой Ковчегъ, взятый ими въ плѣнъ, и противъ своего желанія отправили его обратно къ Израильтянамъ съ золотыми дарами, какъ о томъ подробно написано въ первой книгѣ Царствъ[1]). Мы же возвратимся къ повѣствованію о святомъ Пророкѣ Самуилѣ.

По окончаніи вышеописанной войны и послѣ смерти священника и судіи израильскаго Илія Израильтяне 20 лѣтъ были подъ игомъ филистимскаго рабства, находясь во власти своихъ враговъ и платя имъ дань. Но спустя 20 лѣтъ Богъ призрѣлъ на бѣдствіе народа Своего, угнетаемаго Филистимлянами, и когда, сжалившись надъ нимъ, пожелалъ избавить Израиль отъ власти его враговъ, то сперва воздвигъ среди него проповѣдника покаянія, вѣрнаго раба и священника Своего, Пророка Самуила. Ибо не хотѣлъ Богъ иначе помиловать народъ Свой, какъ послѣ того, когда онъ раскается. И святый Самуилъ сталъ проповѣдовать всѣмъ племенамъ израильскимъ, говоря:

— Если вы всѣмъ сердцемъ вашимъ обращаетесь къ Господу, то удалите изъ среды вашей иноземныхъ боговъ и дубравы Астарты[2]), и устремите сердца ваши къ Господу, и служите Ему Одному, и Онъ избавитъ васъ отъ руки Филистимлянъ.

Народъ послушалъ словъ Самуила и повѣрилъ ему, такъ какъ зналъ его съ дѣтства его, а также и то, что его слова пророческія всегда исполнялись. И удалили сыны Израилевы иноземныхъ боговъ, Ваала[3]) и дубравы Астарты, и стали служить Одному Господу, а святый Самуилъ — какъ Пророкъ и священникъ Божій — былъ у нихъ судьею и правителемъ. И повелѣлъ святый Самуилъ всему Израилю собраться къ нему въ городъ Массифу на высокую гору, чтобы совершить тамъ всенародную покаянную молитву Богу. Когда же народъ израильскій собрался къ Пророку Божію Самуилу и молился, постясь и исповѣдуя грѣхи свои и говоря: «согрѣшили мы предъ Господомъ», а святый Самуилъ какъ священникъ Божій приносилъ Богу жертву о прощеніи грѣховъ народа, тогда Филистимляне, услышавъ о собраніи народа израильскаго

---

1) 1 Кн. Царств, гл. 6.

2) *Астарта*—почитаемая у финикіянъ и другихъ древнихъ народовъ Востока богиня. Почитатели ея для служенія ей устраивали ие храмы, а дубравы или рощи.

3) *Ваалъ* — главное божество ханаанскихъ народовъ, отъ которыхъ служеніе ему переняли и Евреи; особенно былъ почитаемъ древними Финикіянами.

и подумавъ, что они готовятся идти противъ нихъ войною, вооружившись въ большомъ числѣ, неожиданно напали на Израильтянъ, намѣреваясь совершенно истребить ихъ. Израильтяне, услышавъ, что враги ихъ приближаются съ цѣлью напасть на нихъ, сильно испугались и сказали Пророку Божію Самуилу:

— Не переставай взывать о насъ Господу Богу нашему, чтобы Онъ спасъ насъ отъ руки Филистимлянъ.

Но святый ободрялъ ихъ, чтобы они не страшились, а только молились Богу и надѣялись на Него, и самъ, принося жертву, усердно молился о нихъ. И услышалъ Господь молитву Самуила. Не окончилъ онъ еще жертвоприношенія, какъ подошли Филистимляне, чтобы воевать съ Израильтянами, но Господь возгремѣлъ въ тотъ день сильнымъ громомъ надъ Филистимлянами и навелъ на нихъ страшные громовые удары и молнію: они пришли въ ужасъ и были поражены предъ Израилемъ. Тогда выступили Израильтяне изъ города Массифы и погнались вслѣдъ за врагами своими, и, преслѣдуя, поражали ихъ до мѣста подъ Веѳхоромъ[1]), и, по молитвамъ святаго угодника Божія Самуила и вслѣдствіе раскаянія своего, при помощи Божіей, совершенно разбили своихъ враговъ.

Такъ усмирилъ Господь Филистимлянъ предъ народомъ Своимъ, и не стали они болѣе ходить въ предѣлы Израилевы во всѣ дни Самуила, и, кромѣ того, тѣ города, которые они отняли у израильтянъ, опять отдали имъ назадъ. И былъ миръ среди народа Божія во все то время, когда судьей и правителемъ надъ нимъ былъ святый Самуилъ, который достойно правилъ всѣмъ Израилемъ. Онъ ходилъ по городамъ, исправлялъ все, что требовало исправленія, и совершалъ судъ справедливо и безкорыстно, такъ какъ ни отъ кого не принималъ подарковъ, и судилъ, не обращая вниманія на лица судившихся. Потомъ онъ возвращался въ Армаѳемъ (Раму), такъ какъ тамъ былъ домъ его, тамъ онъ судилъ народъ и тамъ построилъ жертвенникъ Господу[2]).

Пребывъ много лѣтъ судіею Израиля, святый Самуилъ состарѣлся и поставилъ вмѣсто себя судіями народа двухъ сыновей своихъ, Іоиля и Авію. Но сыновья его не захотѣли ходить путями его: они уклонились въ корысть и стали брать подарки отъ

---

[1]) *Веѳхоръ*—горная возвышенность съ городомъ того же имени. Она находилась въ колѣнѣ Веніаминовомъ близъ сѣверо-восточной границы филистимскихъ владѣній.

[2]) 1 Кн. Царствъ, гл. 7.

приходившихъ судиться къ нимъ, судили по дарамъ и совершали судъ несправедливый. Посему старѣйшины израильскіе, собравшись, пришли къ святому Самуилу и сказали ему:

— Вотъ, ты состарѣлся, а сыновья твои не ходятъ путями твоими. Итакъ, поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ и управлялъ нами, какъ у другихъ народовъ.

Эти слова старѣйшинъ не понравились Самуилу, такъ какъ не просили они, чтобы онъ наказалъ сыновей своихъ или отнялъ у нихъ власть судей, что съ готовностію онъ сдѣлалъ бы, но чтобы поставилъ имъ царя, а народъ настаивалъ, говоря:

— Дай намъ царя, чтобы онъ судилъ насъ.

Тогда Самуилъ помолился Господу, и Господь сказалъ ему:

— Послушай голоса людей сихъ и сдѣлай имъ такъ, какъ они просятъ, ибо не тебя они отвергли, но Меня, чтобы я не царствовалъ надъ ними. Однако объяви имъ о правахъ царя, который будетъ царствовать у нихъ.

И сказалъ Самуилъ народу:

— Израильтяне! Знайте, какъ будетъ властвовать надъ вами царь, котораго вы просите. Онъ возметъ сыновей вашихъ и сдѣлаетъ ихъ своими слугами: возложитъ на нихъ оружіе, посадитъ на коней, повелитъ имъ бѣгать предъ колесницами своими и поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и сотниками. Кромѣ того, онъ обратитъ ихъ въ рабовъ своихъ: сдѣлаетъ ихъ пахарями полей своихъ, жнецами нивъ своихъ, собирателями винограда въ виноградникахъ своихъ и исполнителями всякихъ потребныхъ для него работъ. И дочерей вашихъ возьметъ, чтобы онѣ составляли масти, варили кушанья и пекли хлѣбы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады, и все, что есть лучшаго у васъ, онъ возьметъ и отдастъ слугамъ своимъ, а какіе останутся у васъ посѣвы, виноградники и нивы, на тѣ наложитъ онъ десятину, такъ что изъ того, что останется у васъ, вы будете давать ему десятую часть. Равнымъ образомъ рабовъ и рабынь вашихъ и лучшій скотъ вашъ онъ отберетъ у васъ для себя, и вы будете рабами его. И въ тѣ дни возстенаете вы, обремененные царемъ вашимъ, но не будетъ Господь отвѣчать вамъ, потому что вы сами пожелали себѣ царя.

Когда святый Самуилъ говорилъ это, народъ не хотѣлъ слушать словъ его, но кричалъ ему, говоря:

— Хотимъ мы царя, чтобы быть и намъ, какъ прочіе народы.

Пусть судитъ насъ царь нашъ и выходитъ впереди насъ на войну противъ враговъ нашихъ.

Послѣ этого святый Самуилъ повелѣлъ народу разойтись по домамъ, доколѣ Богъ не укажетъ для него человѣка, достойнаго быть царемъ [1]).

Въ племени Веніаминовомъ, въ городѣ, называемомъ Гаваа (Гивѣ) былъ человѣкъ по имени Кисъ. У него былъ сынъ, по имени Саулъ, высокій ростомъ и красивый, и не было среди израильтянъ виднѣе его. Пропали у Киса ослицы, и послалъ Кисъ сына своего Саула со слугою искать ихъ. Разыскивая ослицъ, они прошли по всѣмъ мѣстамъ и не нашли. И вотъ, подошли они къ горѣ, называемой Сифа, гдѣ находился городъ Армаѳемъ (Рама)— родина и мѣсто жительства святаго Самуила. И сказалъ Саулъ слугѣ своему:

— Возвратимся домой къ отцу, ибо отецъ, я думаю, не столько безпокоится объ ослицахъ, сколько о насъ.

Но слуга сказалъ ему:

— Вотъ, въ этомъ городѣ есть человѣкъ Божій, прозорливый. Тѣмъ, кто приходитъ къ нему, онъ предсказываетъ будущее. Пойдемъ и мы къ нему; можетъ быть, и намъ скажетъ онъ, гдѣ найти ослицъ.

И пошли они къ человѣку Божію, а Господь еще до этого открылъ святому Самуилу все о Саулѣ и повелѣлъ, чтобы онъ помазалъ его на царство. Святый Самуилъ, увидѣвъ сына Кисова, Саула, ласково встрѣтилъ его и велѣлъ ему не безпокоиться объ ослицахъ, потому что онѣ уже нашлись, и далъ ему пріютъ у себя на тотъ день и ночь. На другой день утромъ, отпуская отъ себя Саула, Самуилъ, взявъ сосудъ съ елеемъ, возлилъ елей на его голову, поцѣловалъ его и сказалъ:

— Вотъ, Господь помазалъ тебя въ цари надъ народомъ Своимъ. Теперь ты будешь царствовать надъ народомъ Господнимъ и спасешь его отъ руки окружающихъ его враговъ.

Это помазаніе совершено было тайно—какъ пророчество о будущемъ царствованіи Саула. И сказалъ святый Самуилъ помазанному Саулу все, что должно было произойти на пути его, сказавъ:

— Вотъ тебѣ знаменіе, что Господь помазалъ тебя въ цари. Когда ты пойдешь теперь отъ меня, то встрѣтишь двухъ чело-

---

1) 1 Кн. Царствъ, гл. 8.

вѣкъ близъ гроба Рахили въ предѣлахъ Веніаминовыхъ въ Целуахѣ, быстро идущихъ. Они скажутъ тебѣ: «Нашлись ослицы, которыхъ ты ходилъ искать, и вотъ отецъ твой забылъ объ ослицахъ и очень безпокоится объ васъ». Ушедши отъ этихъ двухъ человѣкъ, когда прійдешь къ дубравѣ Ѳаворской, то встрѣтишь тамъ трехъ человѣкъ, идущихъ къ Богу въ Веѳиль съ приношеніями для жертвъ: одного—ведущаго трехъ козлятъ, другого—несущаго три мѣшка хлѣбовъ и третьяго—несущаго мѣхъ вина. Они будутъ привѣтствовать тебя и дадутъ тебѣ два хлѣба. Потомъ ты взойдешь на холмъ Божій и встрѣтишь сонмъ Пророковъ. И найдетъ на тебя Духъ Господень, и будешь съ ними пророчествовать. Когда эти знаменія увидишь сбывшимися согласно съ словами моими, то знай, что съ тобою—Богъ.

Когда Саулъ ушелъ отъ святаго Самуила, то все произошло на пути такъ, какъ сказалъ ему Пророкъ.

Послѣ сего святый Самуилъ повелѣлъ всему народу собраться къ Господу въ городъ Массифу, самъ пришелъ туда и сказалъ Израильтянамъ:

— Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: «Я вывелъ отцовъ вашихъ изъ земли египетской и избавилъ васъ отъ руки фараона и отъ всѣхъ царей, угнетавшихъ васъ, а вы теперь отвергли Бога вашего, Который спасаетъ васъ отъ всякихъ бѣдствій, и потребовали царя, чтобы онъ былъ поставленъ надъ вами. Итакъ, пусть будетъ по желанію вашему».

Сказавши это, Самуилъ поставилъ предъ Господомъ всѣ племена израильскія по колѣнамъ ихъ и сталъ бросать жребій, изъ какого племени избирать царя; жребій палъ на племя Веніаминово. Потомъ опять стали бросать жребій на извѣстныхъ въ этомъ племени мужей, и жребій палъ на Саула, сына Кисова. Начали искать среди себя Саула и не находили, потому что онъ скрылся въ одномъ домѣ, считая себя недостойнымъ такой высокой чести и избѣгая ея, но Господь открылъ его. Тогда нѣкоторые изъ народа вмѣстѣ съ Самуиломъ пошли и взяли его оттуда и поставили среди народнаго собранія. Онъ ростомъ былъ выше всего народа. И сказалъ Самуилъ всему народу:

— Видите ли, кого избралъ Господь? Подобнаго ему нѣтъ ни одного среди васъ.

Весь народъ обрадовался и воскликнулъ:

— Да живетъ царь!

И изложилъ Самуилъ народу законы касательно царя, написалъ эти законы въ книгу и положилъ предъ Господомъ. Однако тогда не вполнѣ утвердилась еще царская власть Саула, такъ какъ были недовольные и несогласные. Самуилъ отпустилъ народъ, и каждый пошелъ къ себѣ домой. Пошелъ также въ свой домъ въ городъ Гаваа (Гиву) и Саулъ, и съ нимъ пошли храбрые, сердца которыхъ Господь расположилъ къ Саулу, а противники его сказали:

— Развѣ можетъ сей избавить насъ отъ руки враговъ нашихъ?

И презрѣли они его, и не поднесли ему даровъ, но Саулъ показалъ видъ, что не слышитъ пренебрежительныхъ словъ ихъ[1]).

Прошло около одного мѣсяца послѣ этого, и Аммонитскій царь Наасъ съ громаднымъ войскомъ пришелъ къ городу въ удѣлѣ Манассіиномъ, называемому Іависъ Галаадскій, и осадилъ его со всѣхъ сторонъ. Осажденные жители города, видя большое войско Нааса, сказали ему:

— Заключи съ нами союзъ, и мы будемъ служить тебѣ.

Но Наасъ имъ отвѣтилъ:

— Я заключу съ вами союзъ, но съ тѣмъ, чтобы выколоть у каждаго изъ васъ правый глазъ и тѣмъ положить безчестіе на всего Израиля.

Тогда жители города послали къ Саулу, прося его помочь имъ и освободить ихъ отъ осады. Саулъ немедленно же отправилъ пословъ во всѣ области израильскія, быстро собралъ значительное войско и, взявъ съ собою святаго Пророка Самуила, внезапно подошелъ къ Наасу. Утромъ, очень рано онъ напалъ на него, разбилъ и разсѣялъ его войско, и убилъ его самого. Тогда Израильтяне сказали Пророку Самуилу:

— Кто говорилъ, чтобы Саулъ не царствовалъ надъ нами? Дайте намъ этихъ людей, и мы умертвимъ ихъ.

Но Саулъ сказалъ:

— Пусть въ сей день ни одинъ человѣкъ не умретъ изъ-за меня, потому что сегодня Господь совершилъ спасеніе во Израилѣ.

А святый Самуилъ сказалъ:

— Пойдемъ въ Галгалъ и обновимъ тамъ царство.

И пошелъ весь народъ, и Самуилъ при всемъ народѣ помазалъ тамъ Саула на царство предъ Господомъ въ Галгалѣ. И при-

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 9 и 10.

несли тамъ мирныя жертвы предъ Господомъ и весьма веселились тамъ Саулъ и всѣ Израильтяне[1]).

Въ это время, когда Израильтяне радовались о новопоставленномъ царѣ своемъ, съ которымъ одержали столь славную побѣду надъ Аммонитянами, святый Самуилъ сказалъ имъ:

— Вотъ, я послушался голоса вашего во всемъ, что вы говорили мнѣ, и поставилъ надъ вами царя, и вотъ, царь ходитъ теперь предъ вами отъ юности моей и до сего дня. Итакъ, скажите теперь предъ Богомъ и предъ помазанникомъ Его, царемъ вашимъ,— взялъ ли я у кого-нибудь изъ васъ вола, или осла, или что-либо другое? Причинилъ ли я кому обиду и притѣсненіе или взялъ изъ чьихъ-нибудь рукъ плату и какой-либо подарокъ? Свидѣтельствуйте на меня, и я возвращу вамъ.

Народъ отвѣчалъ ему:

— Ничѣмъ ты не обидѣлъ насъ и не притѣснялъ насъ, не бралъ силою и не взималъ отъ насъ ни платы, ни какихъ-либо подарковъ.

Послѣ сего Самуилъ сказалъ:

— Въ этотъ день свидѣтель—Господь и помазанникъ Его, царь вашъ, что вы не имѣете за мною никакого проступка, изъ-за котораго могли бы требовать царя, такъ какъ Самъ Господь былъ Царемъ вашимъ и правилъ вами чрезъ различныхъ судей, спасая васъ отъ руки враговъ вашихъ. Знайте же, что великій грѣхъ совершили вы предъ Господомъ, потому что просили себѣ царя. Вотъ сейчасъ вы увидите знаменіе[2]).

Сказавъ эти слова, Самуилъ сталъ молиться Господу. Стояло время жатвы, и былъ ясный и сухой день. Вдругъ загремѣлъ сильный громъ, засверкала страшная молнія, появились тучи и потекъ проливной дождь. Весь народъ пришелъ въ большой страхъ отъ Господа и Самуила и сказалъ Пророку:

— Помолись Господу Богу твоему о рабахъ твоихъ, чтобы не умереть намъ, ибо видимъ мы, что ко всѣмъ нашимъ грѣхамъ мы прибавили еще грѣхъ, прося себѣ царя.

И отвѣтилъ святый Самуилъ народу:

— Не бойтесь, Господь не оставитъ народа Своего. Оставайтесь при вашемъ царѣ, но служите Господу всѣмъ сердцемъ вашимъ и исполняйте волю Его — вы и царь вашъ, а я не пере-

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 11.

[2]) 1 Кн. Царствъ, гл. 12.

стану молиться о васъ Господу; только бойтесь Его и истинно служите Ему, помня всѣ чудеса и благодѣянія, которыя Онъ совершилъ для васъ. Если же станете дѣлать зло, то погибнете вмѣстѣ съ царемъ вашимъ.

Сказавъ все это народу, святый Самуилъ оставилъ власть судіи и занимался однимъ только священническимъ служеніемъ.

Царствуя надъ Израилемъ, Саулъ съ теченіемъ времени сталъ развращаться, прогнѣвляя Бога, и осмѣливался присваивать себѣ права священническаго званія — приносить Богу жертву безъ священника Божія Самуила. Къ тому же онъ оказался и непослушнымъ повелѣнію Божію. Ибо устами Пророка Своего Самуила повелѣлъ ему Господь пойти и истребить Амаликитянъ за давнее ихъ злое дѣло — за то, что, когда народъ израильскій шелъ по пустынѣ изъ Египта въ Землю Обѣтованную, они сдѣлали ему большое препятствіе на пути. Повелѣлъ же Господь, сказавъ такъ:

— Не давай пощады никому изъ нихъ, но предай смерти все — отъ мужа до жены, отъ отрока до груднаго младенца, отъ вола до овецъ и отъ верблюда до осла.

Царь Саулъ, собравъ изъ Израильтянъ большое войско, пошелъ въ страну Амаликитянъ, разбилъ ихъ войска и, овладѣвъ ихъ страною, захватилъ живымъ царя ихъ. Весь народъ амаликитскій: старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ онъ истребилъ мечомъ, а царя ихъ пощадилъ. Кромѣ того, все лучшее изъ стадъ амаликитскихъ онъ и воины его взяли себѣ, истребивъ только худшее и малозначущее. Они разграбили также для себя и все лучшее имущество Амаликитянъ, не исполняя повелѣнія Господня, чтобы ничему не давать пощады и ничего не брать себѣ, но все предавать уничтоженію.

И было такое слово Господа къ Самуилу Пророку:

— Жалѣю, что поставилъ Я Саула царемъ, ибо онъ отвратился отъ Меня и слова Моего не исполнилъ.

И опечалился Самуилъ о Саулѣ, и взывалъ къ Господу всю ночь, молясь о немъ. Вставъ рано утромъ, Самуилъ пошелъ навстрѣчу Израильтянамъ, возвращавшимся съ войны, и встрѣтилъ Саула въ Галгалѣ. Увидѣвъ святаго Самуила, Саулъ сказалъ ему:

— Благословенъ ты у Господа, ибо я исполнилъ все, что сказалъ мнѣ чрезъ тебя Господь.

Но Самуилъ сказалъ:

— А что это за блеяніе овецъ въ ушахъ моихъ и мычаніе воловъ, которое я слышу?

Саулъ отвѣтилъ:

— Я привелъ ихъ отъ Амаликитянъ. Какія оказались лучшими, тѣхъ народъ пощадилъ и собралъ ихъ, а какія были хуже, тѣхъ истребилъ.

И сказалъ ему святый Самуилъ:

— Зачѣмъ ты не послушалъ Голоса Господня во всемъ, что Онъ говорилъ тебѣ, бросился на добычу и сдѣлалъ зло предъ очами Господа?

Тогда Саулъ отвѣтилъ Самуилу:

— Я послушался Голоса Господня и сдѣлалъ такъ, какъ Онъ повелѣлъ мнѣ. Я истребилъ Амаликитянъ, взялъ царя ихъ и привелъ живого, а народъ взялъ добычу изъ стадъ,—лучшихъ овецъ и буйволовъ,—для всесожженія и принесенія жертвы Господу Богу.

Святый Самуилъ отвѣчалъ Саулу:

— Неужели угодны Господу всесожженія и жертвы ваши? Не лучше ли было исполнить повелѣніе Господне? Ибо послушаніе гораздо угоднѣе Богу всѣхъ жертвъ и тука овновъ. Непокорность повелѣнію Божію есть такой же грѣхъ, какъ и волшебство, и нарушеніе Заповѣди Господней есть то же, что и идолопоклонство. И такъ какъ ты отвергъ слово Господа, то отвергнетъ посему и тебя Господь, и не будетъ царствовать домъ твой во Израилѣ.

Саулъ сказалъ:

— Согрѣшилъ я, ибо преступилъ повелѣніе Господа и слова твои, но я убоялся народа и послушалъ голоса его. Но, прошу тебя, снизойди ко грѣху моему и возвратись со мною къ жертвамъ, чтобы мнѣ поклониться Господу Богу на глазахъ твоихъ.

Но святый Самуилъ обратился, чтобы уйти отъ него, а Саулъ схватился за край одежды его и разодралъ ее, увлекая къ себѣ человѣка Божія. Тогда святый сказалъ ему:

— Нынѣ отторгъ Господь царство израильское отъ тебя и отдалъ его ближнему твоему, лучшему тебя.

Саулъ сказалъ Самуилу:

— Я согрѣшилъ предъ Господомъ, но не унижай меня теперь предъ старѣйшинами израильскими и предъ народомъ моимъ и воротись со мною, чтобы я поклонился Господу Богу твоему.

Самуилъ возвратился съ Сауломъ, и они поклонились Господу. И сказалъ святый Самуилъ:

— Приведите ко мнѣ сюда Агага, царя Амаликитскаго.

Агагъ, дрожащій, пришелъ къ нему и сказалъ:

— О, какъ горька смерть!

Святый Самуилъ сказалъ ему:

— Какъ мечъ твой лишалъ женъ дѣтей ихъ, такъ мать твоя между женами пусть лишена будетъ сына.

И разрубилъ Самуилъ Агага предъ Господомъ въ Галгалѣ, не потому, чтобы поступалъ мучительски, но чтобы исполнить повелѣніе Господне. Послѣ сего Самуилъ ушелъ въ Армаѳемъ (Раму), а Саулъ отправился въ домъ свой въ Гаваю (Гиву). И не видался болѣе святый Самуилъ съ царемъ Сауломъ до дня смерти своей, но скорбѣлъ о немъ, сожалѣя о его погибели[1]).

По прошествіи нѣкотораго времени сказалъ Господь Самуилу:

— Доколѣ ты будешь скорбѣть о Саулѣ, котораго Я отвергъ, чтобы онъ не былъ царемъ надъ Израилемъ? Наполни рогъ твой елеемъ и иди въ Виѳлеемъ къ Іессею, ибо между сыновьями его Я нашелъ достойнаго быть царемъ.

Самуилъ отвѣтилъ Господу:

— Какъ я пойду? Саулъ услышитъ и убьетъ меня.

Тогда Господь сказалъ:

— Возьми изъ стада телицу и, приведя ее въ Виѳлеемъ, скажи, что пришелъ принести жертву Господу. И пригласи къ жертвѣ Іессея и сыновей его. Я укажу тебѣ, что дѣлать, и ты помажешь Мнѣ того, о которомъ Я скажу тебѣ.

И сдѣлалъ Самуилъ такъ, какъ сказалъ ему Господь, и пришелъ въ Виѳлеемъ. Его пришествіемъ старѣйшины города приведены были въ страхъ, вышли къ нему навстрѣчу и сказали:

— О прозорливецъ! Миренъ ли приходъ твой?

Самуилъ отвѣтилъ:

— Миренъ. Я пришелъ принести жертву Господу. Освятитесь воздержаніемъ и молитвою и приходите ко мнѣ, и я совершу жертвоприношеніе.

Совершивъ жертвоприношеніе, святый Самуилъ пришелъ въ домъ Іессея и повелѣлъ ему подвести къ нему по одному сыновей своихъ. Іессей подвелъ къ пророку старшаго сына своего, Еліава. И спросилъ пророкъ Господа, молясь Ему про себя, не этотъ ли предназначенъ Имъ въ цари? Господь сказалъ Самуилу:

— Не смотри на видъ его и на высоту роста его, потому что

---

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 15.

Я отринулъ его. Ибо, не на лице смотря, Я сужу. Человѣкъ смотритъ на лице, а Богъ смотритъ на сердце.

Тогда призвалъ Іессей Аминадава и подвелъ его къ Самуилу. Пророкъ сказалъ:

— И этого не избралъ Господь.

Потомъ привелъ Іессей Самму, и сказалъ Самуилъ:

— И сего не избралъ Господь.

Такъ подводилъ Іессей къ Самуилу семерыхъ сыновей своихъ. И сказалъ Самуилъ Іессею:

— Это всѣ уже сыновья твои?

Іессей отвѣтилъ:

— Есть еще одинъ, младшій. Онъ пасетъ овецъ въ полѣ.

Самуилъ сказалъ:

— Пошли и пусть приведутъ его, ибо мы не сядемъ обѣдать, пока онъ не прійдетъ сюда.

Іессей послалъ, и привели Давида. Онъ былъ бѣлокуръ, съ красивыми глазами и пріятнымъ лицемъ. И сказалъ Господь Самуилу:

— Встань и помажь его, ибо это—онъ.

Самуилъ взялъ тогда рогъ съ елеемъ и помазалъ Давида среди братьевъ его. И почилъ Духъ Господень на Давидѣ съ того дня и послѣ. Послѣ сего Самуилъ всталъ и пошелъ въ Армаѳемъ (Раму) въ домъ свой[1]).

Окончивъ дни жизни своей, Самуилъ, уже въ старости, опочилъ сномъ смерти. И собрались всѣ Израильтяне, и плакали по немъ, и похоронили его въ домѣ его въ Армаѳемѣ (Рамѣ)[2]).

Сего святаго Пророка Самуила Іисусъ, сынъ Сираховъ, превозноситъ хвалою, говоря:

— Возлюбленный Господомъ Своимъ Пророкъ Господень Самуилъ учредилъ царство и помазалъ царей (Саула и Давида) надъ народомъ своимъ. Онъ судилъ народъ по Закону Господню и (по молитвамъ его) Господь призиралъ на Іакова. По вѣрѣ своей онъ былъ дознанъ истиннымъ Пророкомъ. Онъ воззвалъ къ Всемогущему Господу, когда отовсюду тѣснили его враги, и Господь возгремѣлъ съ Неба; въ сильномъ шумѣ слышнымъ Онъ сдѣлалъ голосъ Свой и истребилъ вождей тирскихъ и всѣхъ князей филистимскихъ. Еще прежде времени кончины своей (Самуилъ) свидѣтельствовался

[1]) 1 Кн. Царствъ, гл. 16, ст. 1—13.

[2]) 1 Кн. Царствъ, гл. 25, ст. 1.

предъ Господомъ и помазанникомъ Его, что изъ имущества даже до обуви ни отъ кого ничего не взялъ, и ни одинъ человѣкъ не укорилъ его. Онъ пророчествовалъ и послѣ смерти своей и предсказалъ царю (Саулу) кончину его, и въ пророчествѣ возвысилъ изъ земли голосъ свой, что беззаконный народъ истребится[1]).

Вотъ что говоритъ о Самуилѣ Сирахъ. Мы же, грѣшные, надѣясь по молитвамъ сего святаго угодника Божія получить прощеніе грѣховъ и спасеніе, будемъ прославлять Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго въ Троицѣ Бога нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ многочⷭ҇тный да́ръ[2]), пре́жде зача́тїѧ вда́нъ бг҃ꙋ, и҆ и҆змла́да томꙋ̀ ꙗ҆́кѡ а҆́гг҃лъ послꙋжи́лъ є҆сѝ всеблⷭ҇же́нне, и҆ сподо́билсѧ є҆сѝ предбꙋ́дꙋщаѧ вѣща́ти. тѣ́мже вопїе́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, прⷪ҇ро́че бж҃їй самꙋ́иле, а҆рхїере́ю вели́кїй.

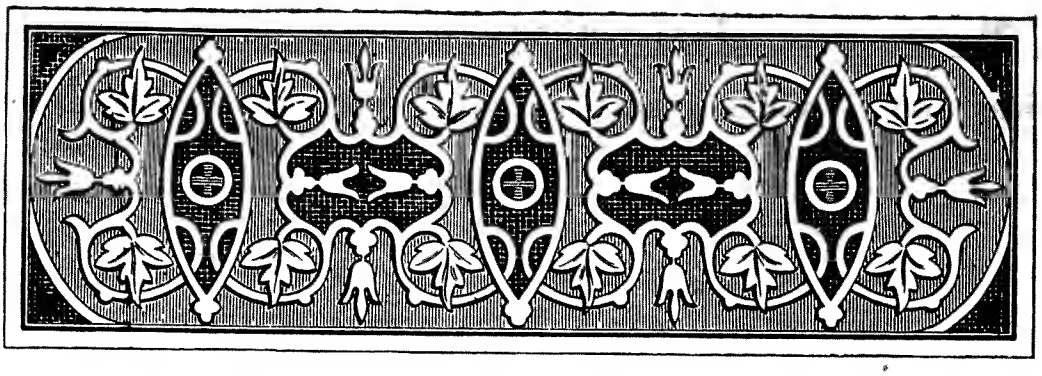
Въ тотъ же день **память святыхъ мучениковъ: Севира**, родомъ изъ Ѳракіи, и **Мемнона** сотника, и съ ними тридцати семи мучениковъ, пострадавшихъ за Христа въ Филиппополѣ, отъ игемона Апеліана. Севиръ былъ подвергнутъ строганію желѣзомъ, затѣмъ на его персты были надѣты раскаленные перстни, потомъ онъ былъ опоясанъ желѣзнымъ поясомъ, раскаленнымъ на огнѣ, и, наконецъ, былъ усѣченъ во главу. Сотникъ Мемнонъ былъ растянутъ на двухъ столбахъ и преданъ мученію, причемъ мучители вырѣзали у него изъ кожи три ремня съ головы до ногъ; затѣмъ мучители отсѣкли руки и ноги у Мемнона и прочихъ тридцати семи мучениковъ, разожгли великую пещь и бросили всѣхъ страдальцевъ Христовыхъ въ огонь. Такъ окончили страданія свои святые страстотерпцы[3]).

---

[1]) Кн. Іисуса, сына Сирахова, гл. 46, ст. 16—23.

[2]) Т. е. даръ, достойный особеннаго почитанія.

[3]) Сіи святые мученики пострадали въ 304 году, при императорахъ Діоклетіанѣ и Максиміанѣ.



День двадцать первый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА (ИЗЪ СЕМИДЕСЯТИ)

ѲАДДЕЯ

Святый апостолъ Ѳаддей происходилъ изъ города Едессы[1]); родомъ онъ былъ еврей и въ совершенствѣ зналъ Священное Писаніе Ветхаго Завѣта. Во дни святаго Іоанна Крестителя[2]) святый Ѳаддей пришелъ въ Іерусалимъ; услышавъ здѣсь проповѣдь Предтечи Господня и увидавъ ангельскую жизнь его, Ѳаддей весьма изумился и принялъ Крещеніе отъ Іоанна Предтечи. Вскорѣ послѣ того святый Ѳаддей увидѣлъ Господа нашего Іисуса Христа, пребывавшаго во плоти и обитавшаго среди людей, услышалъ также

---

1) *Едесса,* нынѣшняя Урфа,—городъ на сѣверѣ Месопотаміи, на рѣкѣ Евфратѣ, съ 137 года до Р. Хр. главный городъ вновь образованнаго Озроенскаго, или Едесскаго, государства; въ 217 г. по Р. Хр. Едесса была превращена Римлянами въ восточную колонію.—Въ Едессѣ въ IV вѣкѣ св. Ефремомъ Сиринымъ была основана богословская школа, въ V вѣкѣ склонившаяся къ несторіанству, въ пользу котораго особенно много дѣйствовалъ учитель Едесской школы пресвитеръ Ива. Въ 614 г. Едесса была покорена арабскими калифами; въ 1098 г. ею овладѣлъ графъ Балдуинъ, сдѣлавшій ее главнымъ городомъ княжества Едесскаго; въ 1144 г. она была покорена Турками и съ этого времени переходила изъ рукъ въ руки, пока въ 1637 г. окончательно не подпала подъ власть Турціи.

2) *Іоаннъ*—Пророкъ, Предтеча и Креститель Господа нашего Іисуса Христа,—величайшій изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, стоявшій на рубежѣ Завѣтовъ Ветхаго и Новаго. Память его празднуется св. Церковію 24-го іюня (рождество), 29-го августа (усѣкновеніе главы), 24-го февраля (1-ое и 2-ое обрѣтеніе главы), 25-го мая (3-е обрѣтеніе главы) и въ др. дни.

ученіе Его и увидѣлъ дивныя чудеса, совершенныя Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и послѣдовалъ за Нимъ. Святый Ѳаддей былъ принятъ Господомъ и причтенъ къ сонму семидесяти апостоловъ (меньшихъ), о которыхъ сказано въ Евангеліи: **ꙗ҆вѝ гдⷭ҇ь и҆ и҆нѣ́хъ се́дмьдесѧтъ, и҆ посла̀ и҆́хъ по двѣма̀ пред̾ лице́мъ свои́мъ, во всѧ́къ гра́дъ и҆ мѣ́сто, а҆́може хотѧ́ше са́мъ и҆тѝ**[1]).

Въ числѣ сихъ-то семидесяти апостоловъ былъ воспоминаемый нынѣ святый апостолъ Ѳаддей. Отправляя сихъ апостоловъ на проповѣдь Евангелія, Господь сказалъ имъ:

— Жатвы много, а дѣлателей мало; итакъ, молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою. Идите; Я посылаю васъ, какъ агнцевъ среди волковъ. Не берите ни мѣшка, ни сумы, ни обуви, и никого на дорогѣ не привѣтствуйте. Въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему. И если будетъ тамъ сынъ мира, то почіетъ на немъ миръ вашъ; а если нѣтъ, то къ вамъ возвратится. Въ домѣ же томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть: ибо трудящійся достоинъ награды за труды свои. Не переходите изъ дома въ домъ. И если прійдете въ какой городъ, и примутъ васъ, — ѣшьте, что вамъ предложатъ. И исцѣляйте находящихся въ немъ больныхъ, и говорите имъ: приблизилось къ вамъ Царствіе Божіе. Если же прійдете въ какой городъ и не примутъ васъ, то, вышедши на улицу, скажите: и прахъ, прилипшій къ намъ отъ вашего города, отрясаемъ вамъ; однако жъ знайте, что приблизилось къ вамъ Царствіе Божіе... Слушающій васъ, — Меня слушаетъ, и отвергающійся васъ, — Меня отвергается; а отвергающійся Меня, отвергается Пославшаго Меня[2]).

Семьдесятъ учениковъ отправились на проповѣдь Евангелія съ великою радостью и проповѣдовали Слово Господне. Потомъ возвратились ко Господу и возвѣстили Ему, что и бѣсы повиновались имъ ради Имени Его.

Послѣ вольнаго страданія, смерти, тридневнаго воскресенія и вознесенія на Небо Господа нашего Іисуса Христа святые апостолы разошлись для проповѣди Евангелія по всей вселенной. Святый апостолъ Ѳаддей былъ посланъ Господомъ для проповѣди Евангелія въ городъ Едессу, ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ еще до вольнаго страданія Своего обѣщалъ прислать сюда одного

1) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 1.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 2—16.

изъ числа Своихъ святыхъ апостоловъ. Правителемъ города сего былъ князь Авгарь, и вотъ сему-то Авгарю Господь и обѣщалъ прислать Своего апостола.

Ст҃ы́й а҆п҃лъ
ѲАДДЕ́Й

Сей Авгарь былъ одержимъ неисцѣльною болѣзнію — проказою. Услыхавъ о дивныхъ чудесахъ, творимыхъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Авгарь весьма пожелалъ видѣть Его, слышать Его ученіе и исцѣлиться силою Его отъ своей тяжкой болѣзни. Но не дерзая надѣяться на то, что Господь Іисусъ Христосъ придетъ къ нему Самъ, Авгарь послалъ къ Господу нѣкоего искуснаго иконописца и поручилъ ему изобразить красками лице Господа. При этомъ Авгарь отправилъ къ Господу посланіе, въ которомъ писалъ о томъ, что онъ слышалъ о Господѣ и Его дивныхъ чудесахъ — какъ Онъ безъ всякихъ врачебныхъ снадобій и растеній исцѣлялъ болѣзни, давалъ зрѣніе слѣпымъ, хожденіе хромымъ, исцѣлялъ прокаженныхъ, изгонялъ изъ людей духовъ нечистыхъ, врачевалъ однимъ словомъ Своимъ разслабленныхъ, лежащихъ долгое время на одрѣ болѣзни, и воскрешалъ мертвыхъ. «Слыша о Тебѣ все это,— писалъ Авгарь,—я думаю о Тебѣ одно изъ двухъ: или Ты Самъ Богъ, сошедшій съ Неба, или Ты Сынъ Божій, такъ какъ Ты творишь весьма удивительныя и преславныя чудеса. Посему я пишу тебѣ сіе посланіе мое смиренное, дабы Ты потрудился придти ко мнѣ и исцѣлилъ бы меня отъ моей неизлѣчимой болѣзни, которой я страдаю уже много лѣтъ»[1]).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, видя вѣру и упованіе князя Авгаря, послалъ къ нему нерукотворенное изображеніе Пречистаго Лица Своего, а также написалъ и посланіе, въ которомъ говорилъ такъ:

---

[1]) Болѣе подробно объ этомъ можно читать подъ 16-мъ числомъ сего же мѣсяца, стр. 272 и д.

«Блаженъ ты, Авгарь, не видѣвшій Меня, но увѣровавшій въ Меня, ибо о Мнѣ написано, что видящіе Меня не явятъ вѣры; не видящіе же увѣруютъ въ Меня и наслѣдуютъ жизнь вѣчную. Ты пишешь ко Мнѣ, чтобы Я пришелъ къ тебѣ, но Мнѣ подобаетъ совершить то, ради чего Я посланъ, и по совершеніи возвратиться къ Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесенъ къ Нему, тогда пошлю къ Тебѣ одного изъ учениковъ Моихъ, который, совершенно исцѣливъ тебя отъ твоей болѣзни, подастъ тебѣ и находящимся съ тобою жизнь вѣчную».

Князь Авгарь, получивъ сіе посланіе и увидя Нерукотворенный образъ Господа нашего Іисуса Христа, преисполнился великой радости. Облобызавъ съ любовію посланіе и поклонившись образу Христову, Авгарь вскорѣ же получилъ значительное облегченіе отъ своей болѣзни, потому что лишь только незначительная часть проказы осталась на лицѣ его.

Для окончательнаго же уврачеванія Авгаря отъ болѣзни и былъ посланъ Господомъ, согласно Его обѣщанію, святый апостолъ Ѳаддей, который исцѣлилъ Авгаря уже вполнѣ—не только тѣломъ, но и душею, какъ объ этомъ и будетъ сказано ниже.

Когда святый апостолъ Ѳаддей пришелъ въ городъ Едессу, то не открылся сразу князю Авгарю, а вошелъ сначала въ домъ одного знакомаго ему еврея, по имени Товія. Пребывая у сего еврея, святый Ѳаддей чудесно творилъ многоразличныя исцѣленія силою Христовою, исцѣляя всевозможныя болѣзни возложеніемъ рукъ и призываніемъ Имени Господа нашего Іисуса Христа.

Вѣсть о святомъ Ѳаддеѣ вскорѣ же распространилась по всему городу, и жители города того начали приносить къ святому апостолу многихъ больныхъ; видя быстрое исцѣленіе ихъ, всѣ весьма дивились.

Спустя нѣкоторое время было донесено князю Авгарю, что неизвѣстный мужъ, пришедшій изъ Іерусалима, творитъ многія чудеса Именемъ Христовымъ.

Тотчасъ же Авгарь вспомнилъ объ обѣщаніи Христовомъ прислать къ нему одного изъ учениковъ Своихъ и подумалъ про себя,—не тотъ ли пришелъ, кого обѣщалъ прислать Господь. Потомъ приказалъ позвать Товію и сказалъ ему:

— Я слышалъ, что въ домѣ твоемъ обитаетъ какой-то мужъ, пришедшій изъ Іерусалима; говорятъ, что мужъ этотъ исцѣляетъ болѣзни Именемъ Іисуса Христа.

Товія отвѣчалъ:

— Да, дѣйствительно такъ; совершенно вѣрно сказалъ ты, господинъ, что тотъ мужъ, который проживаетъ у меня, творитъ много чудесъ Именемъ Господа Іисуса Христа.

Тогда князь сказалъ:

— Приведи его ко мнѣ.

Товія отправился къ святому Ѳаддею и сказалъ ему:

— Меня призывалъ къ себѣ князь города сего и приказалъ мнѣ привести тебя къ нему, чтобы ты исцѣлилъ его отъ болѣзни, которою онъ страдаетъ.

Святый Ѳаддей отвѣчалъ:

— Воистину я посланъ къ нему.

На другой день рано утромъ оба отправились къ князю; между тѣмъ у князя уже собрались всѣ вельможи и совѣтники.

Когда святый апостолъ Ѳаддей входилъ во двери княжескихъ палатъ, князь посмотрѣлъ на него и замѣтилъ, что лице апостола осіявалось какимъ-то необычнымъ свѣтомъ. Авгарь пришелъ въ ужасъ, всталъ съ своего мѣста и поклонился до земли апостолу Христову.

Между тѣмъ всѣ, бывшіе тамъ, весьма изумились сему поступку князя, недоумѣвая, ради чего князь поклонился простому человѣку, такъ какъ не видали того дивнаго сіянія, которое исходило отъ лица апостола Христова.

Потомъ князь спросилъ святаго Ѳаддея:

— Ты ли ученикъ Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Который обѣщалъ послать мнѣ одного изъ Своихъ учениковъ, дабы совершенно исцѣлить меня отъ недуга моего и даровать мнѣ, равно какъ и всѣмъ близкимъ моимъ, жизнь вѣчную?

Апостолъ Христовъ отвѣчалъ:

— Такъ какъ ты явилъ великое упованіе ко Господу моему Іисусу Христу, то я и посланъ Имъ къ тебѣ; и если вѣра твоя увеличится еще болѣе, то будетъ исполнено все, чего ты ни пожелаешь по вѣрѣ твоей.

Авгарь отвѣчалъ:

— Я столь горячо вѣровалъ въ Него (Господа Іисуса), что намѣревался собрать войско и идти войной на Іудеевъ, распявшихъ Господа, дабы отомстить имъ за ихъ жестокость и злобу и дабы окончательно истребить ихъ; но мнѣ воспрепятствовали въ этомъ власти римскія, коимъ подчинена страна наша.

Святый Ѳаддей сказалъ:

— Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ совершенно не нуждался въ помощи человѣческой во время Своего страданія отъ завистливыхъ и жестокосердыхъ Іудеевъ; ибо Онъ Самъ могъ, если бы пожелалъ, явить легіоны Ангеловъ; но, исполняя волю Отца, Господь нашъ пострадалъ ради спасенія міра; исполнивъ же волю Отца Своего, Онъ возшелъ къ Нему на Небеса со славою и возсѣлъ одесную Его; Господь нашъ не нуждается въ томъ, чтобы кто-либо отомстилъ за Него врагамъ Его, ибо Самъ имѣетъ власть надъ всѣми; Онъ Самъ будетъ нѣкогда судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его.

Святый апостолъ Ѳаддей говорилъ князю Авгарю и всѣмъ тѣмъ, кто былъ вмѣстѣ съ нимъ, многое и другое о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; потомъ, доведя его до полнѣйшей вѣры въ Господа, крестилъ его.

Тотчасъ же послѣ Крещенія Авгарь получилъ исцѣленіе отъ проказы. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ перваго исцѣленія[1]) у Авгаря еще оставалось лице въ проказѣ, а сначала онъ былъ пораженъ проказою по всему тѣлу своему. Когда принесено было къ нему письмо (посланіе) Христово и Нерукотворенный образъ Пресвятаго Лица Христова, тогда впервые Авгарь былъ исцѣленъ,—его тѣло очистилось отъ проказы, и только небольшая часть его тѣла, по Божію усмотрѣнію, именно лице, оставалось еще неисцѣленнымъ до прибытія апостола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло и другое исцѣленіе—не тѣла только, но и души, послѣ прибытія апостола—по Святомъ Крещеніи; ибо изъ святой купели князь Авгарь вышелъ совершенно здравымъ.

И не только князь Авгарь крестился послѣ проповѣди апостола; крестились всѣ, проживавшіе въ домѣ его, также крестились и всѣ тѣ, кто видѣлъ чудеса, совершенныя апостоломъ, а также и тѣ, кто былъ исцѣленъ апостоломъ отъ болѣзней.

Послѣ того святый апостолъ Ѳаддей приказалъ князю собрать всѣхъ горожанъ, дабы и они могли слышать Слово Божіе.

Утромъ слѣдующаго дня собрался весь народъ. Апостолъ Христовъ, ставъ на высокомъ мѣстѣ, началъ благовѣствовать всему народу объ единомъ Богѣ, сотворившемъ небо и землю, и все, видимое и невидимое всемогущею силою Своею; святый апостолъ

---

[1]) См. повѣствованіе о перенесеніи Нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа подъ 16-мъ числомъ сего же мѣсяца.

Ѳаддей повѣдалъ народу и о томъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сошелъ съ небесъ на землю, неизреченно воплотившись ради спасенія людей, какъ Онъ пострадалъ волею, воскресъ, вознесся на Небеса и приготовилъ для добродѣтельныхъ вѣчную награду на Небесахъ, для злыхъ же — нескончаемыя муки въ адѣ. Повѣдалъ святый апостолъ и о всѣхъ прочихъ тайнахъ Божія домостроительства въ подробныхъ рѣчахъ.

Весь народъ, слушавшій апостола, явилъ вѣру словамъ его, такъ какъ видѣлъ и чудеса, совершенныя апостоломъ: всѣ видѣли исцѣленнымъ князя своего и многихъ другихъ, одержимыхъ ранѣе различными болѣзнями; всѣ начали прославлять Господа и стали просить Крещенія у апостола.

Такимъ образомъ городъ Едесса былъ просвѣщенъ святою вѣрою во Имя Господа нашего Іисуса Христа и Святымъ Крещеніемъ; послѣ сего здѣсь начали строиться храмы, и были поставлены пресвитеры руковозложеніемъ апостольскимъ.

Князь Авгарь весьма желалъ отблагодарить апостола Христова чѣмъ-либо за свое чудесное исцѣленіе, посему онъ предлагалъ ему много золота, но святый не принялъ ничего, сказавъ:

— Если мы оставили свое собственное, то какъ пожелаемъ получить и пріобрѣсти что-либо отъ другихъ?

Послѣ того какъ святый апостолъ Ѳаддей утвердилъ въ Эдесѣ святую вѣру и благочестіе и направилъ все ко благу, онъ отправился въ Месопотамію[1]); здѣсь онъ просвѣтилъ многихъ, обративъ ко Христу, и создалъ храмы; святый апостолъ прошелъ по многимъ сирійскимъ городамъ, подвизаясь во благовѣстіи Имени Христова. Потомъ пришелъ въ финикійскій городъ Бейрутъ[2]); проповѣдавъ здѣсь Имя Христово и крестивъ многихъ, святый апостолъ Ѳаддей почилъ здѣсь съ миромъ о Господѣ[3]).

---

[1]) *Месопотамія* — каменистая и песчаная страна, находившаяся между рѣками Тигромъ и Евфратомъ и простиравшаяся отъ Арменіи на сѣверѣ до Персидскаго залива на югѣ.

[2]) *Бейрутъ* — главный городъ азіатско-турецкаго вилайета Сиріи и важнѣйшій торговый пунктъ сирійскаго прибережья между Саидой (Сидонъ) и Тарабуломъ (Триполисъ). Въ древности Бейрутъ былъ финикійской гаванью и носилъ названіе Беритосъ. Египетскій фараонъ Тутмозисъ II завоевалъ этотъ городъ, а Антіохъ III отнялъ его у Птоломеевъ. Въ 140 г. до Р. Хр. Бейрутъ былъ разрушенъ сирійцемъ Діотосомъ Трифономъ, но при императорѣ Августѣ былъ снова возстановленъ Агриппой и обращенъ въ колонію для римскихъ ветерановъ. При позднѣйшихъ императорахъ Бейрутъ славился своей высшей школой риторики, поэтики и въ особенности права.

[3]) Кончина св. апостола Ѳаддея послѣдовала ок. 44 года. — Есть извѣстіе о посольствѣ Нарсеса, царя Ассирійскаго, къ Авгарю, князю Едесскому, съ просьбою или прислать къ нему святаго апостола Ѳаддея, или написать ему (Нарсесу) о чудесахъ, сотворенныхъ

Слѣдуетъ замѣтить, что воспоминаемый нынѣ святый апостолъ Ѳаддей есть иное лице отъ святаго Апостола Іуды Ѳаддея, называемаго Леввеемъ, Апостола изъ двѣнадцати, память коего празднуется въ девятнадцатый день мѣсяца іюня (подъ симъ числомъ можно читать и житіе его).[1]) Въ Прологѣ подъ нынѣшнимъ числомъ надъ синаксаремъ воспоминаемому нынѣ святому апостолу Ѳаддею есть такая надпись: «память святаго апостола Ѳаддея, что и Леввей». Однако слѣдуетъ замѣтить, что прозвище «Леввей» дòлжно усвоять не сему святому Ѳаддею, но иному, Апостолу изъ двѣнадцати, какъ объ этомъ упоминается и въ Евангеліи отъ Матѳея (глава **10**, стихъ 3).

Болѣе подробно говоритъ объ этомъ Никифоръ Каллистъ[2]), древній греческій церковный историкъ, въ 40-ой главѣ второй книги своей Исторіи. Именно Никифоръ Каллистъ говоритъ слѣдующее:

«Святый Іуда, не Искаріотъ, но иной, коему усвоялось два наименованія: Ѳаддей и Леввей, сынъ Іосифа, братъ Іакова, сверженнаго съ крыши храма[3]), первоначально благовѣствовалъ Еван-

---

симъ апостоломъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу Нарсеса Авгарь сообщилъ ему о чудесахъ апостола Ѳаддея.

[1]) *Апостолъ* (изъ двѣнадцати) *Іуда* (память коего празднуется 19-го іюня) называется Леввеемъ и Ѳаддеемъ. Наименованія эти усвоены святому Апостолу Іудѣ не безъ причины, а именно: слово *Леввей* значитъ: *сердеченъ*. По отношенію къ Апостолу Іудѣ это названіе будетъ означать, что онъ, Іуда, послѣ содѣланныхъ имъ по невѣдѣнію прегрѣшеній противъ Господа,—послѣ маловѣрія своего (ср. Еванг. отъ Іоан., гл. 7, ст. 5),—вполнѣ увѣрился въ томъ, что Іисусъ—есть истинный Мессія—Христосъ Богъ, и соединился съ Нимъ всѣмъ сердцемъ своимъ. Апостолъ Іуда называется еще Ѳаддеемъ, что значитъ: *хвалящій*, ибо онъ прославлялъ и исповѣдалъ Христа Бога и возвѣстилъ Евангеліе многимъ народамъ.—О жизни и дѣятельности святаго Апостола Іуды намъ извѣстно очень немногое. Апостолъ Іуда понесъ многіе благовѣстническіе труды, распространяя Евангеліе Христово. Вскорѣ же послѣ вознесенія Господня Апостолъ Іуда, какъ и всѣ вообще Апостолы Христовы, отправился на проповѣдь Евангелія и былъ съ благовѣстіемъ въ Іудеѣ, Галилеѣ, Самаріи, Идумеѣ и другихъ странахъ.

[2]) *Никифоръ Каллистъ*—извѣстнѣйшій церковный историкъ XIV-го вѣка, монахъ Софійскаго монастыря въ Константинополѣ. Его «Церковная Исторія» (въ 18 книгахъ) доведена до кончины византійскаго императора Фоки (ок. 611 г.).

[3]) *Св. Апостолъ Іаковъ*, братъ Господень, сынъ праведнаго Іосифа Обручника и братъ Іуды, Симона (или Симеона) и Іосіи (или Іосифа). По церковному преданію, онъ сопутствовалъ своему отцу и Пресвятой Дѣвѣ во Египетъ и отличался строгимъ исполненіемъ Закона, почему и прозванъ былъ «праведнымъ». Увѣровавъ въ Іисуса Христа какъ Сына Божія уже послѣ Его крестной смерти, онъ удостоился узрѣть Его по воскресеніи (Посл. къ Гал., гл. **1**, ст. 18—19). Св. Апостолъ Іаковъ былъ Самимъ Господомъ поставленъ во епископа Іерусалимскаго; онъ былъ, по выраженію Апостола Павла, столпомъ Церкви (Посл. къ Гал., гл. **2**, ст. 9); Ап. Іаковъ предсѣдательствовалъ на Іерусалимскомъ Апостольскомъ Соборѣ (Дѣян., гл. **15**, ст. 13). — Св. Апостолъ Іаковъ пользовался глубокимъ уваженіемъ не только у христіанъ, но и среди іудеевъ; скончался мученически (ок. 63 г.) во дни праздника Пятидесятницы, будучи низвергнутъ за всенародное исповѣданіе Имени Христова съ крыши храма; передъ кончиной онъ молился за своихъ

геліе въ Іудеѣ и Галилеѣ, въ Самаріи и Идумеѣ, а также и въ аравійскихъ городахъ, въ сирійскихъ и месопотамскихъ странахъ, потомъ прибылъ во Едессу, городъ Авгаря, гдѣ ранѣе благовѣствовалъ Имя Христово иной Ѳаддей, апостолъ изъ семидесяти, и здѣсь восполнилъ все то, что не было окончено тѣмъ Ѳаддеемъ» [1]).

Такъ говоритъ Никифоръ Каллистъ о сихъ двухъ Ѳаддеяхъ: одного онъ именуетъ (изъ числа двѣнадцати Апостоловъ) Леввеемъ, а другого же (воспоминаемаго нынѣ) — изъ числа семидесяти апостоловъ — только Ѳаддеемъ, а не Леввеемъ.

Слѣдуетъ замѣтить также, что и святый Апостолъ и Евангелистъ Матѳей называется у нѣкоторыхъ Евангелистовъ Леввеемъ [2]).

Конда́къ, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ ѕвѣздꙋ̀ пресвѣ́тлꙋю цр҃ковь тѧ̀ стѧжа̀, а҆п҃ле ѳаддѐе, чꙋдесы̀ твои́ми всегда̀ просвѣща́ема: сп҃сѝ вѣ́рою чтꙋ́щыѧ па́мѧть твою̀.

убійцъ.—Память св. Апостола Іакова совершается 23-го октября, 4 января (въ соборѣ 70-ти апостоловъ) и въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ. На мѣстѣ кончины св. Апостола Іакова въ Іерусалимѣ построенъ монастырь его имени. — Св. Апостолъ Іаковъ написалъ Соборное посланіе, поставленное первымъ среди другихъ Соборныхъ посланій. Церковное преданіе приписываетъ ему составленіе первой Литургіи, сокращенной впослѣдствіи св. Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ.

[1]) Есть извѣстіе, что святый Апостолъ Іуда проповѣдовалъ христіанство и въ Персіи, откуда и написалъ свое Соборное посланіе. Поводомъ къ написанію сего Посланія послужило то обстоятельство, что въ общество вѣрующихъ вкрались нечестивые люди, которые обращали благодать Божію въ случаи къ беззаконію и подъ видомъ свободы христіанской дозволяли себѣ всякія грѣховныя дѣла. Въ этомъ посланіи содержится частію ученіе догматическое: о Таинствѣ Св. Троицы, о воплощеніи Іисуса Христа, о различіи Ангеловъ добрыхъ и злыхъ и о будущемъ Страшномъ Судѣ; содержится также и нравственное ученіе: увѣщаніе избѣгать нечистоты грѣховной, плотской, хулы, гордости, непослушанія и прочихъ пороковъ; Апостолъ увѣщаетъ всѣхъ быть постоянными въ обязанностяхъ и должностяхъ своихъ,—въ вѣрѣ, молитвѣ, въ любви, увѣщаетъ пещись объ обращеніи заблуждшихъ и сохранять себя отъ еретиковъ.

[2]) Болѣе подробно объ этомъ можно читать въ повѣствованіи о житіи св. Апостола и Евангелиста Матѳея, подъ 16-мъ числомъ ноября мѣсяца.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ВАССЫ

и чадъ ея:

ѲЕОГНІЯ, АГАПІЯ и ПИСТА

Святая мученица Васса жила въ царствованіе императора Максиміана[1]) въ городѣ Едессѣ[2]); соединившись брачными узами съ нѣкоторымъ жрецомъ идольскимъ, по имени Валеріемъ, она родила трехъ сыновей: Ѳеогнія, Агапія и Писта и воспитала ихъ въ благочестіи христіанскомъ, такъ какъ была христіанкой (она получила познаніе о святой вѣрѣ христіанской отъ своихъ родителей). Будучи оклеветана мужемъ своимъ, она должна была предстать судіи языческому, которому и исповѣдала себя христіанкой; посему она была заключена въ темницу вмѣстѣ съ чадами своими. Потомъ святая Васса была выведена на судилищное мѣсто; при этомъ на ея глазахъ сыновья были преданы различнымъ мученіямъ: сначала былъ повѣшенъ и подвергнутъ строганію Ѳеогній; потомъ былъ преданъ біенію другой сынъ ея Агапій,—сему Агапію мучители сняли кожу съ головы до груди, но онъ молчалъ и не проронилъ ни одного слова; затѣмъ былъ преданъ различнымъ мученіямъ и третій сынъ ея. Мать, взирая на страданія дѣтей своихъ, укрѣпляла ихъ и молитвенно увѣщевала мужественно перенести подвигъ свой. И всѣ сіи три отрока, мужественно вытерпѣвъ всѣ возлагавшіяся на нихъ мученія, одновременно были усѣчены мечомъ.

Васса, мать ихъ, возрадовалась, предпославъ ко Христу возлюбленныхъ дѣтей своихъ; потомъ снова была подвергнута темничному заключенію; при семъ она была томима голодомъ, но получала пищу отъ Ангела, чѣмъ укрѣплялась къ еще бо́льшимъ страданіямъ. Потомъ, согласно приказанію мучителя, она была отведена въ Македонію и понуждаема здѣсь къ мерзкому жертвопри-

---

1) Императоръ *Максиміанъ* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 305 г. по 311 г.

2) *Городъ Едесса* находился въ Македоніи.

ношенію; однако не послушалась мучителей, за что была брошена сначала въ воду, потомъ въ огонь; послѣ сего была подвергнута біенію камнями, но осталась невредимой посреди всѣхъ мученій. Когда она была отведена въ идольское капище, то взяла кумиръ бога Зевса[1]), бросила его на землю и разбила. Потомъ святая Васса была отдана на съѣденіе звѣрямъ, но осталась невредимой посреди нихъ. Тогда мучители бросили ее въ море на тридцать поприщъ отъ берега. И видѣли всѣ, смотрѣвшіе издалека на святую, какъ три свѣтлыхъ мужа, сіявшіе ярче солнца, повели святую въ корабль и посадили ее на престолѣ. Спустя восемь дней послѣ сего святая Васса явилась воинамъ на нѣкоемъ островѣ, называющемся Геллеспонтомъ; когда объ этомъ узналъ игемонъ македонскій, по имени Филиппъ, то написалъ къ управителю кизикской страны (геллеспонтской епархіи) о томъ, чтобы взять мученицу; сей, взявъ святую, принуждалъ ее къ идольскому жертвоприношенію. Но, увидавъ, что святая оставалась непреклонной, приказалъ связать ей назади руки и бить ее безъ милосердія по всему тѣлу; наконецъ, приказалъ усѣчь честную главу ея. Такъ предала святая мученица Васса святую душу свою въ руки Христа Бога, Коему возсылается слава нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь[2]).

Ст҃аѧ мч҃нца
Ва́сса

---

[1]) *Зевсъ*—верховный богъ древнегреческой религіи, считавшійся родоначальникомъ прочихъ боговъ.

[2]) Кончина святой мученицы Вассы и чадъ ея послѣдовала въ нач. IV-го вѣка. Въ Халкидонѣ около 450-го года существовалъ храмъ, построенный въ честь святой мученицы Вассы.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Аврамія** трудолюбиваго печерскаго, подвизавшагося въ Антоніевой пещерѣ ок. XII в.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Аврамія,** Смоленскаго чудотворца (скончался въ первой половинѣ XIII в.).

День двадцать второй

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ЕВЛАЛІИ

Въ царствованіе языческихъ императоровъ, когда вся вселенная была омрачена еллинскимъ безбожіемъ, въ испанскомъ городѣ Баркинонѣ[1]) проживала нѣкая дѣвица, по имени Евлалія,— дочь христіанскихъ родителей. Сія отъ младенческихъ лѣтъ своихъ возлюбила Господа нашего Іисуса Христа всѣмъ сердцемъ своимъ; обитала же она вмѣстѣ съ родителями своими въ селеніи, находившемся въ довольно значительномъ разстояніи отъ города. Родители весьма любили Евлалію за ея кротость, смиреніе и умъ, превышавшій года ея; Евлалія была научена книгамъ, и у ней было одно твердое намѣреніе—служить Господу своимъ дѣвствомъ непорочнымъ. И упражнялась святая въ чтеніи книгъ и въ славословіи Бога днемъ и ночью, обитая въ особой келліи вмѣстѣ со своими сверстницами.

Когда Евлаліи исполнилось четырнадцать лѣтъ, императоръ Діоклетіанъ[2]) поднялъ жестокое гоненіе на христіанъ. Въ городъ Баркинонъ прибылъ игемонъ Дакіанъ; сей принесъ здѣсь мерзкія жертвы нечестивымъ богамъ своимъ, потомъ началъ отыскивать христіанъ, дабы принудить ихъ воскурить ѳиміамъ идоламъ. Вслѣд-

---

[1]) Нынѣ *Барселона.*

[2]) *Императоръ Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 г. по 305 г.

ствіе этого въ городѣ было великое смятеніе, такъ какъ христіане были насильственно извлекаемы изъ домовъ своихъ и принуждаемы мученіями къ идолопоклонству; обо всемъ этомъ вскорѣ же стало извѣстно и по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ.

Когда дѣвица Евлалія услыхала обо всемъ этомъ, то преисполнилась великой духовной радости и съ веселымъ лицомъ сказала:

— Благодарю Тебя, Господи Іисусе Христе! Слава Пресвятому Имени Твоему, ибо я получила то, чего добивалась. Я вѣрую въ Тебя, Владыко мой, что при Твоей помощи исполнится желаніе сердца моего.

Когда родители Евлаліи, а также и дѣвицы, бывшіе при ней, услышали эти слова святой, то не понимали, о чемъ говоритъ она, спрашивали ее — что за причина веселія ея, что̀ она получила и чего она желаетъ. Но она ничего не сказала имъ, тая въ душѣ свои намѣренія. И удивлялись всѣ, ибо святая имѣла обычай не утаивать ничего, что она уразумѣвала относительно святой вѣры, но насколько сама постигала въ книгахъ, будучи просвѣщаема благодатіею Божіею, настолько все пересказывала всѣмъ на пользу, почему всѣ и любили ее, какъ свою душу. Не сказала же тогда о мысляхъ своихъ Евлалія для того, чтобы не встрѣтить препятствія своимъ намѣреніямъ со стороны отца и матери, чрезвычайно любившихъ ее.

Когда наступила ночь и всѣ спали (и уже было первое пѣніе пѣтуховъ), святая дѣвица вышла тайно изъ дома своего, причемъ никто не замѣтилъ ея ухода,—и направилась къ городу, вся охваченная любовію къ Небесному Жениху своему Христу Господу, имѣя твердое намѣреніе положить за Него душу свою. И это ночное путешествіе не казалось ей страшнымъ, какъ это обычно бываетъ для всѣхъ юныхъ отроковицъ, боящихся выйти ночью изъ дома своего; все упованіе возложивъ на Бога и твердо намѣреваясь умереть за Него, святая пренебрегала ночною темнотой, не смущалась привидѣніями ночными, ни звѣрями, переходившими ей путь; но подобно оленю, стремящемуся къ источникамъ воднымъ, устремлялась и сія по каменистой дорогѣ ногами босыми, не привыкшими къ такой суровой дорогѣ.

Святая Евлалія пришла въ городъ уже днемъ. Проходя чрезъ ворота городскія, она услышала зовъ глашатаевъ, призывавшихъ народъ къ позорищу. Она устремилась къ мѣсту позорища того, находившемуся въ серединѣ города; здѣсь увидѣла святая иге-

мона Дакіана, сидѣвшаго на высокомъ судилищномъ мѣстѣ. Пробиваясь съ усиліемъ сквозь народъ, святая предстала предъ игемона и громкимъ голосомъ сказала:

— Неправедный судія, возсѣдающій на высокомъ престолѣ и не боящійся Бога, пребывающаго выше всѣхъ. Для того ли возсѣдаешь ты здѣсь, чтобы губить неповинныхъ людей, которыхъ создалъ Богъ по образу Своему и по подобію Своему, дабы они служили Ему; Ты увлекаешь ихъ къ служенію сатанѣ и предаешь смерти тѣхъ, кто не слушается тебя.

Игемонъ, удивившись столь великой дерзости юной дѣвицы, сказалъ:

— Кто ты, осмѣлившаяся явиться предъ судилище наше безъ зова, произносящая въ лицо намъ укоризненныя слова и противящаяся царскому приказанію?

Святая же съ великимъ дерзновеніемъ отвѣчала:

Ст҃а́ѧ мч҃нца
є҆ѵлѧ́лїа

— Я—Евлалія, раба Господа Іисуса Христа, Который есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ; уповая на Него, я не постыдилась самовольно придти и обличить тебя. Для чего ты поступаешь столь неразумно, презирая Бога, Который сотворилъ все: небо, землю, море и все, что на нихъ и въ нихъ; зачѣмъ поклоняешься ты діаволу, да, кромѣ того, принуждаешь и людей, служащихъ Богу Истинному, различными мученіями къ поклоненію идоламъ, которые—не боги, но бѣсы; съ ними и вы всѣ, поклоняющіеся имъ, будете преданы огню вѣчному.

Игемонъ, преисполнившись гнѣва, тотчасъ приказалъ бить по спинѣ обнаженную дѣвицу безъ милосердія палками дубовыми. И когда Евлалія была побиваема, то игемонъ сказалъ:

— Окаянная дѣвица! Гдѣ же Богъ твой? Почему Онъ не спасаетъ тебя отъ этихъ побоевъ; и для чего ты настолько обе-

зумѣла, что дерзаешь говорить о дѣлѣ, не касающемся тебя? Признайся же, что ты сдѣлала это по неопытности, не зная, сколь велика власть судіи; тогда ты получишь прощеніе. Ибо и мнѣ жаль тебя, такую юную, красивую и благородную дѣвицу, предавать столь жестокимъ побоямъ.

Святая же отвѣчала на это:

— Я посмѣеваюсь надъ тобой, ибо ты совѣтуешь мнѣ солгать, что будто бы я по невѣдѣнію дерзнула пойти на мученія за Бога моего и что, будто бы, я не знала, какъ велика власть твоя. Кто не знаетъ, что власть каждаго деспота бываетъ временной; подобно тому, какъ человѣкъ нынѣ живетъ, а на другой день умираетъ,—такъ и власть его измѣнчива. Власть же Господа моего Іисуса Христа безконечна, ибо и Самъ Онъ вѣченъ. Я не желаю лгать, ибо страшусь Владыки моего, Который предастъ геоннѣ огненной, на сожженіе, всѣхъ лжецовъ и безаконниковъ; моя же дѣвическая юность еще болѣе украсится и мое благородство еще болѣе увеличится, если я приму страданія ради Господа моего. Знай же, мучитель, что я не чувствую боли отъ причиняемыхъ мнѣ страданій, благодаря защищенію Христа, Владыки моего, Который осудитъ тебя по дѣламъ твоимъ въ день Страшнаго Суда на вѣчныя муки.

Отъ этихъ словъ мученицы игемонъ разгнѣвался еще болѣе и приказалъ повѣсить святую на мучилищномъ, крестообразно составленномъ, древѣ и желѣзными гребнями строгать ея чистое дѣвическое тѣло, пока не будетъ снята съ нея вся кожа. Святая же посреди тѣхъ страданій взывала къ Богу, говоря такъ:

— Господи, Іисусе Христе! Услыши меня, недостойную рабу Твою, и прости согрѣшенія мои! Укрѣпи меня посреди мученій, которыя я принимаю за Имя Твое святое, дабы былъ постыженъ діаволъ вмѣстѣ со слугами своими.

Игемонъ же сказалъ ей:

— Гдѣ Тотъ, къ Коему ты вопіешь? Лучше послушай меня, безумная и окаянная отроковица, и принеси жертву богамъ; тогда ты будешь оставлена въ живыхъ. Ибо вотъ уже приближается смерть твоя, и нѣтъ никого, кто бы могъ тебя избавить.

Святая же Евлалія отвѣчала ему:

— Да не будетъ тебѣ никакого блага, святотатецъ, бѣсноватый, преисполненный пагубы человѣкъ! А я тѣмъ болѣе не отступлю отъ Бога моего, ибо Тотъ, къ Коему я взываю, обрѣ-

тается здѣсь; но ты не видишь Его по причинѣ своей нечистоты, такъ какъ ты недостоинъ Его видѣть; Онъ укрѣпляетъ меня, такъ что я вмѣняю ни во что муки, которыя ты осмѣливаешься наносить мнѣ.

Тогда игемонъ приказалъ опалять святую зажженными свѣчами, приказавъ жечь ее до тѣхъ поръ, пока она не умретъ.

Будучи опаляема, мученица преисполнилась радости и громогласно изрекла слова Псалма: «**Се́ бо бг҃ъ помога́етъ мѝ, и҆ гдⷭ҇ь заступникъ дꙋшѝ мое́й: ѿврати́тъ зла̑ѧ врагѡ́мъ моимъ, и и҆́стиною твое́ю потребѝ и҆́хъ. во́лею пожрꙋ̀ тебѣ̀**[1]), и **и҆сповѣ́мсѧ и҆́мени твоемꙋ̀, гдⷭ҇и, ꙗ҆́кѡ бла́го, ꙗ҆́кѡ ѿ всѧ́кїѧ печа́ли и҆зба́вилъ мѧ̀ є҆сѝ**»[2]).

Въ то время, какъ святая молилась въ такихъ словахъ, огонь отъ свѣщей обратился на слугъ и сильно обжегъ лица ихъ, такъ что они пали на землю. Когда святая увидѣла сіе, то возвела очи свои на Небо и еще громче сказала:

—Господи Іисусе Христе! Услыши молитву мою, и яви на мнѣ милосердіе Твое; сопричти меня ко избраннымъ Твоимъ для успокоенія въ жизни вѣчной: **сотворѝ со мно́ю зна́менїе во бла́го, и҆ да ви́дѧтъ ненави́дѧщїи мѧ̀ и҆ постыдѧ́тсѧ**[3]); вѣрующіе же въ Тебя пусть прославятъ силу Твою.

Помолившись въ такихъ словахъ, святая предала духъ свой Богу[4]); и видѣли всѣ голубицу бѣлую, какъ снѣгъ, вылетѣвшую изъ устъ ея и устремившуюся на Небеса; всѣ, видѣвшіе сіе, весьма изумились; христіане же (коихъ среди народа было много) радовались, что сподобились имѣть и изъ своего города ходатаицу ко Господу на Небесахъ.

Когда игемонъ увидѣлъ, что мученица уже умерла, то весьма устыдился, будучи побѣжденъ юною дѣвицею, и, съ гнѣвомъ вставъ съ судилищнаго мѣста, отправился къ себѣ въ домъ. Игемонъ приказалъ оставить тѣло мученицы висящимъ на томъ мучилищномъ деревѣ и поставилъ стражей, дабы никто не могъ снять оттуда тѣла мученицы; игемонъ сказалъ: пусть она виситъ на деревѣ до тѣхъ поръ, пока ее не съѣдятъ птицы и не растащутъ костей ея.

Когда же игемонъ отошелъ, а тѣло святой все еще висѣло на древѣ, внезапно нисшелъ съ облака снѣгъ и покрылъ честно̀е

---

1) *Пожру Тебѣ,*—т. е. принесу Тебѣ жертву.

2) Псал. 53, ст. 6—9.

3) Псал. 85, ст. 17.

4) Кончина святой мученицы Евлаліи послѣдовала ок. 303 г.

тѣло святой мученицы, какъ одеждою бѣлою. На стражей же напалъ страхъ; отступивъ отъ того мѣста, они наблюдали издалека, ужасаясь всему бывшему.

Между тѣмъ обо всемъ узнали родители святой: ибо они, вставъ утромъ и не видя у себя дома своей любимой дочери, были въ великомъ смущеніи и начали всюду искать ея. Уже около полудня они узнали, что дочь ихъ умерла за исповѣданіе Имени Христова и еще виситъ на мучилищномъ древѣ; тогда они поспѣшили въ городъ съ горькими слезами. Увидавъ святую мертвой, растянутою крестообразно на древѣ, покрытою снѣгомъ, родители ея весьма плакали, сокрушались и рыдали слезами горькими; но вмѣстѣ съ тѣмъ они и радовались, что любезная дочь ихъ восприняла вѣнецъ мученическій и вошла въ чертогъ Жениха Небеснаго. Они намѣревались взять тѣло мученицы Христовой къ себѣ, но не были допущены къ нему стражей; смотря на святую издалека, они плакали, а вмѣстѣ и веселились духомъ.

На третій день нѣкоторые благочестивые мужи ночью взяли честное тѣло святой мученицы (стражи не замѣтили сего) и обвили его чистою плащаницею съ ароматами въ присутствіи родителей ея, которые слезами омывали тѣло дорогой дочери своей. Святый же Филиксъ (впослѣдствіи пострадавшій за исповѣданіе Имени Христова)[1]), взирая на лице умершей мученицы, со слезами радости сказалъ:

— Госпожа Евлалія! Ты раньше насъ сподобилась получить вѣнецъ мученическій!

Когда Филиксъ говорилъ эти слова, лице дѣвицы, бывшее мертвымъ уже три дня, улыбнулось, какъ живое, посмотрѣвъ на него; послѣ сего всѣ, бывшіе тамъ, начали пѣть слова Псалма:

Воззва́ша пра́ведніи, и҆ гдⷭ҇ь ᲂу҆слы́ша и҆́хъ, и҆ ѿ всѣ́хъ скорбе́й и҆́хъ и҆зба́ви и҆́хъ[2]).

И похоронили тѣло святой мученицы Евлаліи съ честію, прославляя Бога Отца, и Единороднаго Сына Его, Господа Іисуса Христа, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ, Царство Котораго безконечно и пребываетъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Память *святаго Филикса* празднуется св. Церковію 22-го августа.

[2]) Псал. 33, ст. 18.

ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ЧЕСТЬ

ГРУЗИНСКОЙ иконы БОЖІЕЙ МАТЕРИ

На сѣверѣ Россіи протекаетъ рѣка Пинега, впадающая въ рѣку Двину; по берегамъ рѣки Пинеги расположено много селеній; къ этой рѣкѣ примыкаетъ большая и высокая гора, именуемая Черною; гора эта тянется до самаго Океана (Сѣвернаго Ледовитаго) и имѣетъ въ длину около пятисотъ поприщъ; ранѣе она была пуста и незаселена людьми.

По нѣкоему откровенію Божію, на горѣ той былъ построенъ въ 7111 году отъ сотворенія міра (въ 1603 году отъ Р. Хр.) монастырь во Имя Пресвятой Богородицы; монастырь сей былъ построенъ нѣкіимъ іереемъ той страны, по имени Мирономъ,— бывшимъ впослѣдствіи игуменомъ того монастыря.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ царствованіе благовѣрнаго царя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича [1]) персидскій шахъ Аббасъ [2]) покорилъ подъ свою власть Иверію [3]); найдя здѣсь многоцѣлебную ризу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, онъ взялъ ее. Въ это время Персы взяли въ Иверіи много и другихъ святынь и честныхъ иконъ и отнесли все въ Персію—не ради почитанія (ибо были язычниками), но для продажи русскимъ купцамъ; ибо русскихъ купцовъ въ это время было очень много въ Персіи, и Персы знали, что они воздавали почести и поклонялись святымъ иконамъ. Въ числѣ этихъ купцовъ былъ нѣкто, по имени Стефанъ изъ русскаго города Ярославля; сей Стефанъ былъ управителемъ имѣнія гражданина города Ярославля, по имени Георгія. Къ сему-то Стефану нѣкій персъ и принесъ икону Пресвятой Богородицы, украшенную серебромъ и золотомъ, и предлагалъ ему купить ее. Благочестивый мужъ тотъ съ великою радостью купилъ у перса ту честную икону.

Въ то самое время, когда онъ покупалъ сію икону въ Персіи,

---

1) *Михаилъ Ѳеодоровичъ* царствовалъ съ 1613 г. по 1645 г.

2) —въ 1622 г.

3) *Иверія*—нынѣшняя Грузія.

упомянутый выше господинъ его Георгій, жившій въ городѣ Ярославлѣ, имѣлъ сонное видѣніе, причемъ слышалъ такія слова:

— Управитель твоего имѣнія, проживающій въ Персіи, пріобрѣлъ тебѣ бисеръ драгоцѣнный; и когда онъ принесетъ тебѣ его, то ты отправь его въ предѣлы области Двинской, на Черную гору.

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время изъ Персіи прибылъ упомянутый Стефанъ, управитель имѣнія Георгіева, и принесъ Георгію честную икону Пресвятыя Богородицы, которую онъ купилъ въ Персіи. Георгій съ радостью принялъ святыню и, вспомнивъ видѣніе, сказалъ:

— Это и есть поистинѣ безцѣнный бисеръ, о коемъ мнѣ было сказано въ сонномъ видѣніи.

Въ скоромъ же времени послѣ сего, согласно повелѣнію Божію, Георгій отправился въ предѣлы Двинской области и пришелъ къ упомянутому выше монастырю Черногорскому[1]) съ тою честною иконою (икона сія была названа Грузинской потому, что была взята изъ страны Иверской, или Грузинской). Георгій принесъ въ даръ монастырю много золота, серебра, церковной утвари и книгъ (богослужебныхъ)[2]).

Въ то время, когда въ монастырь сей была принесена честная икона Богоматери, игуменъ и братія совершали въ храмѣ всенощное бдѣніе; нѣкій монахъ той обители, по имени Питиримъ, слѣпой и глухой уже много лѣтъ, находившійся во время служенія въ монастырской больницѣ, вышелъ въ сѣни предъ келліею своею, дабы помолиться Богу. Въ то время какъ онъ молился неожиданно великій свѣтъ осіялъ его, такъ что онъ весьма испугался, ибо уже много лѣтъ не видалъ свѣта (по причинѣ слѣпоты). Питиримъ принялъ сіе за бѣсовское обольщеніе; потомъ осѣнилъ себя знаменіемъ Честнаго Креста и поднялъ очи свои на ту великую гору, послѣ чего увидѣлъ на ней свѣтъ, подобный лучамъ солнечнымъ; затѣмъ, сотворивъ молитву, тотчасъ началъ видѣть очами и слышать ушами. Послѣ утренняго славословія Питиримъ пришелъ къ игумену и повѣдалъ ему, а также и братіи, о полученномъ имъ исцѣленіи отъ слѣпоты и глухоты; и всѣ, бывшіе тамъ, прославили Бога.

---

1) —или Красногорскому.

2) Грузинская икона Богоматери принесена была въ Черногорскій (или Красногорскій) монастырь въ 1629 г.

ІКѾНА БЖІЕѦ МТРИ ГРУЗИНСКАѦ

Когда благочестивый мужъ тотъ Георгій (бывшій въ то время тамъ) услышалъ о семъ преславномъ чудѣ, то построилъ красивый храмъ въ монастырѣ томъ во славу Пресвятой Богородицы. И тогда начали совершаться многоразличныя чудеса отъ той святой иконы; подавались исцѣленія многимъ больнымъ. Такъ, напримѣръ, благодать Пресвятой Богородицы исцѣлила нѣкую женщину, по имени Неонилу, бывшую въ разслабленіи; была исцѣлена также и другая женщина, по имени Ѳеодосія, страдавшая очами. Пресвятая Богородица явила помощь Свою нѣкоему человѣку, по имени Кодрату, одержимому бѣснованіемъ и гонимому бѣсами по пустынѣ въ теченіе десяти недѣль,—ничего не ѣвшему и не пившему; Богоматерь, явившись ему, укрѣпила его, указала ему путь къ дому его родителей и повелѣла придти въ Свою обитель къ чудотворной иконѣ, обѣщая даровать ему полное исцѣленіе отъ болѣзни, кое и подала дѣйствительно. По заступленію Матери Божіей былъ спасенъ отъ потопленія нѣкій человѣкъ, по имени Іоаннъ, занимавшійся ловлею рыбы и утопавшій на озерѣ; кромѣ сего, Богоматерь явилась еще иному человѣку, по имени Павлу, жившему въ странѣ приморской и одержимому желудочною болѣзнію въ теченіе цѣлаго года; явившись сему Павлу, Матерь Божія научила его Божественному Писанію и исцѣлила его отъ болѣзни. Точно такъ же Богоматерь исцѣляла и отъ многихъ другихъ неизлѣчимыхъ болѣзней и недуговъ, какъ то: отъ болѣзней желудка, опухолей тѣла, различныхъ глазныхъ и зубныхъ болѣзней; исцѣляла также одержимыхъ нечистыми духами и донынѣ являетъ чудодѣйственную силу Свою исцѣленіемъ отъ различныхъ болѣзней[1]). И не только тамъ, но и въ Москвѣ совершаются многія чудеса отъ списка съ той честной иконы, который находится въ храмѣ Святой Троицы.

Списокъ же съ иконы былъ сдѣланъ по слѣдующему поводу.

Въ 1654 году чудотворная Грузинская икона Богоматери была принесена изъ Черногорскаго, или Красногорскаго, монастыря въ

---

[1]) Въ царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676 гг.) чудотворная Грузинская икона Богоматери была носима въ Сибирь на рѣку Лену и во внутреннiе города Россіи: Устюгъ, Вологду, Переяславль Залѣсскій и Москву.—Чудесныя знаменія милости Царицы Небесной не перестаютъ совершаться отъ Грузинской иконы и до настоящаго времени. Такъ, въ 1897 году (17-го іюня) была исцѣлена при этой иконѣ отъ крайне тяжелой и опасной болѣзни жена священника села Шуйскаго, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи, Лидія Церковницкая (см. кн.: «Слава Богоматери», изд. Моск. Синод. Типогр., М., 1907 г., стр. 590).

Москву для поновленія живописи и была поставлена, какъ полагаютъ, или въ Троицкой, въ Никитникахъ, церкви, или въ домѣ одного изъ прихожанъ сей церкви. На Первой недѣлѣ Великаго Поста того же года іеромонахъ Макарій, по просьбѣ нѣкоего ремесленника Гавріила Евдокимова, имѣвшаго тяжко больного сына, принесъ эту икону къ нему въ домъ для молебствія, и болящій получилъ исцѣленіе. Въ благодарность за исцѣленіе Гавріилъ Евдокимовъ и соорудилъ списокъ съ чудотворной иконы Грузинской, который поставилъ въ Троицкой, близъ Варварскихъ воротъ, церкви.

Чудеса отъ сей иконы совершаются и понынѣ, и она пользуется усерднымъ молитвеннымъ почитаніемъ среди жителей города Москвы[1]).

Сіи чудеса подавались всѣмъ, приходившимъ съ вѣрою, и совершались во славу Господа нашего Іисуса Христа, прославляемаго вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ:

АГАѲОНИКА, ЗОТИКА, ѲЕОПРЕПІЯ, АКИНДИНА, СЕВИРІАНА

и прочихъ съ ними

Мученикъ Христовъ Агаѳоникъ жилъ въ Никомидіи[2]) въ царствованіе императора Максиміана[3]); онъ отвращалъ еллиновъ отъ поклоненія идоламъ и приводилъ ихъ ко Христу; на мученія онъ взятъ былъ комитомъ[4]) Евтолміемъ. Когда этотъ комитъ, посланный императоромъ въ Понтійскую страну для мученія

1) Болѣе подробно о чудесныхъ знаменіяхъ, явленныхъ при сей иконѣ, можно читать въ упомянутой книгѣ: «Слава Богоматери» (стр. 590—591). Императрица Анна Іоанновна (1730—1740 гг.) украсила сію икону богатою жемчужною ризою съ драгоцѣнными камнями. Въ 1904 г. сія риза, пришедшая въ ветхость, была возобновлена. 12-го апрѣля 1900 года сей иконѣ поклонялись Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.

2) *Никомидія*—городъ въ сѣверо-восточномъ углу залива, образуемаго Мраморнымъ моремъ. Онъ былъ построенъ въ 264 г. до Р. Хр. и свое имя получилъ отъ виѳинскаго царя Никомеда I. На мѣстѣ древней Никомидіи находится теперь городъ Исмидъ.

3) *Максиміанъ Геркулъ*, носившій титулъ Августа, былъ соправителемъ Діоклетіана и управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 285 г. по 305 г.

4) *Комитъ*—царскій тѣлохранитель, сборщикъ податей въ царскую казну, градоначальникъ; въ данномъ случаѣ подъ словомъ комитъ разумѣются градоначальники.

христіанъ, плывя на кораблѣ, прибылъ на мѣсто, называемое Карпинъ, то нашелъ тамъ святаго Зотика вмѣстѣ съ учениками, исповѣдывавшихъ Христа; учениковъ его комитъ Евтолмій осудилъ на смерть крестную, святаго же Зотика онъ взялъ съ собою. Возвратившись въ Никомидію, онъ связялъ нѣкоего Принципса, наученнаго вятой вѣрѣ христіанской святымъ Агаѳоникомъ. Связавъ его вмѣстѣ съ Агаѳоникомъ, Зотикомъ и прочими христіанами, среди коихъ были Ѳеопрепій, Акиндинъ и Севиріанъ, повелъ всѣхъ во Ѳракію, куда прибылъ и самъ императоръ, дабы здѣсь предать всѣхъ мученіямъ. Когда святые находились въ странѣ, называемой Потама, комитъ предалъ смерти святаго Зотика, Ѳеопрепія и Акиндина, ибо они уже не могли идти по причинѣ ранѣе полученныхъ ранъ и язвъ. Пришедши же въ окрестности Халкидона[1]), комитъ предалъ смерти святаго Северіана, дерзновенно исповѣдавшаго Христа; прочихъ же мучениковъ, вмѣстѣ со святымъ Агаѳоникомъ, повелъ въ Византію и здѣсь нѣкоторое время мучилъ ихъ; потомъ прибылъ вмѣстѣ съ ними въ Силимврію, на мѣсто, называвшееся Аммусъ,—ибо здѣсь пребывалъ Максиміанъ; здѣсь святый мученикъ Агаѳоникъ, а также и всѣ христіане, приведенные съ нимъ изъ Никомидіи, были въ послѣдній разъ истязаны и мучены, послѣ

Ст҃ый мч҃нкъ
Агаѳоникъ

[1]) *Халкидонъ*, или, правильнѣе, *Калхедонъ*,—первоначально мегарская колонія на берегу Мраморнаго моря. При христіанскихъ императорахъ Халкидонъ былъ столицей малоазійской области Виеиніи. Въ исторіи Христіанской Церкви Халкидонъ замѣчателенъ какъ мѣсто IV-го Вселенскаго Собора, созваннаго въ 451 г. императоромъ Маркіаномъ (съ 450 г. по 457 г.) для осужденія монофизитской ереси (монофизитская ересь была основана Евтихіемъ, архимандритомъ константинопольскимъ, ошибочно утверждавшимъ, что человѣческое естество въ Іисусѣ Христѣ было совершенно поглощено Божественнымъ естествомъ, и потому въ немъ (т. е. въ Іисусѣ Христѣ) слѣдуетъ признавать лишь одну природу—Божественную).

чего были осуждены на смерть и усѣчены, пострадавъ за Имя Христа, Бога нашего[1]).

Конда́къ, гла́съ а҃:

Зва́нїе бл҃го́е стѧжа́въ бг҃омꙋ́дре, мꙋже́й лꙋка́выхъ ѿврати́лсѧ є҆сѝ вѣ́ры, не ᲂу҆боѧ́всѧ мꙋ́къ, а҆гаѳоні́че сла́вне. тѣ́мже бл҃ги́мъ бы́лъ є҆сѝ наслѣ́дникъ, и҆ прїѧ́лъ є҆сѝ со стра́ждꙋщими съ тобо́ю достѡ́йныѧ вѣ́нцы̀.

Въ тотъ же день **память преподобной Анѳусы**, святаго священномученика **Аѳанасія** епископа и двухъ слугъ святой Анѳусы: **Харисима и Неофита.**

Святая Анѳуса, дочь богатыхъ жителей города Селевкіи, принявъ Крещеніе, подвизалась 23 года въ пустынѣ. Аѳанасій, епископъ Тарса киликійскаго, крестившій святую Анѳусу, былъ усѣченъ мечомъ въ царствованіе Авреліана (270—275 гг.); тою же смертію скончались Харисимъ съ Неофитомъ, крестившіеся вмѣстѣ со своею госпожою. Святая Анѳуса преставилась въ мирѣ, спустя долгое время послѣ ихъ мученической кончины (болѣе 20-ти лѣтъ).

---

1) Кончина святыхъ мучениковъ послѣдовала въ концѣ III в. или нач. IV в.

День двадцать третій

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ИРИНЕЯ,
епископа Ліонскаго

Святый Ириней, епископъ Ліонскій, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви. Онъ жилъ и подвизался во II-мъ в., посвятивъ всю жизнь свою борьбѣ съ гностицизмомъ[1]). Значеніе его для христіанской Церкви II-го в. можно сравнивать съ значеніемъ святаго Аѳанасія Великаго[2]) для хри-

---

[1]) *Гностицизмъ*—общее названіе многихъ еретическихъ лжеученій, появлявшихся въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ христіанской эры. Гностицизмъ былъ сильно распространенъ и имѣлъ многихъ приверженцевъ въ разныхъ странахъ. Различается гносисъ египетскій, сиро-халдейскій и малоазійскій. Представителями египетскаго гносиса были: Керинѳъ (современникъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова), Валентинъ и Василидъ; сиро-халдейскій гносисъ поддерживали послѣдователи Симона Волхва и Менандра; малоазійскій гносисъ поддерживали еретики Кедронъ и Маркіонъ. Гностики строго различали божественное (духовное) и мірское (плотское) бытіе; при этомъ всѣ гностическія системы отвергали самую возможность общенія между абсолютнымъ (всесовершеннымъ) бытіемъ и относительнымъ бытіемъ (т. е. бытіемъ міра). Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ безусловнаго раздѣленія между божественнымъ и мірскимъ, духовнымъ и плотскимъ, въ области практической явилось раздѣленіе духа и плоти. Гностики отрицали божественное откровеніе и объясняли всѣ истины христіанскаго вѣроученія одними усиліями разума.

[2]) Память его празднуется св. Церковію 2-го мая и 18-го января (подъ симъ числомъ помѣщено и житіе его).

стіанской Церкви IV-го в. И тотъ и другой одинаково и по преимуществу являются въ своей жизни и дѣятельности защитниками чистаго, неповрежденнаго церковнаго ученія противъ ложныхъ, еретическихъ ученій своего времени: святый Ириней—противъ гностицизма; святый Аѳанасій—противъ аріанства[1]).

Святый Ириней происходилъ изъ Малой Азіи; его родиною былъ городъ Смирна; съ юныхъ лѣтъ Ириней изучилъ основательно всю еллинскую мудрость; онъ былъ хорошо знакомъ съ греческою поэзіею, философіею и прочими еллинскими науками.

Однако святый Ириней не увлекся лжеименнымъ мірскимъ знаніемъ. Услыхавъ о духовной мудрости—премудрости христіанской, Ириней пожелалъ воспріять ее всѣмъ сердцемъ своимъ; теперь онъ уже пожелалъ поучаться только сей истинной душеспасительной мудрости, мірскую же мудрость—еллинскую вмѣнялъ ни во что.

Въ истинахъ вѣры христіанской святый Ириней первоначально былъ наставленъ святымъ Поликарпомъ, епископомъ Смирнскимъ. Сей святый Поликарпъ былъ ученикомъ святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова[2]) и имъ самимъ былъ поставленъ на епископскій престолъ города Смирны. Святый Поликарпъ[3]) весьма много потрудился на пользу Церкви Христовой, ибо онъ заботился не только о своей паствѣ смирнской, но писалъ посланія и сосѣд-

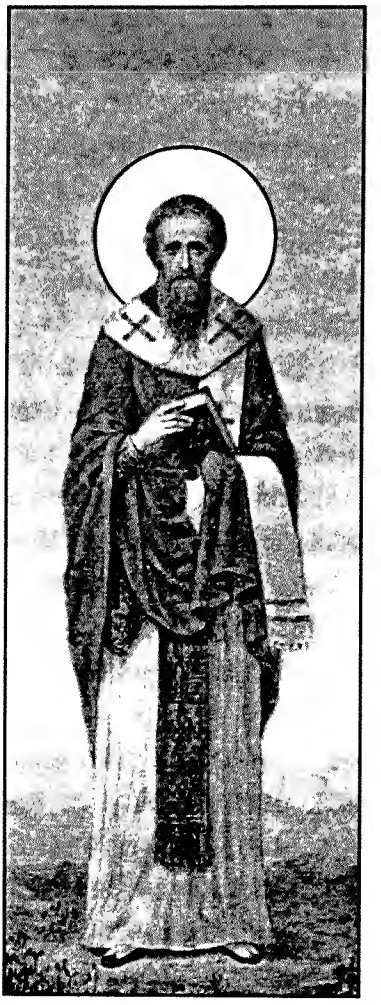
---

[1]) Родоначальникомъ аріанской ереси былъ александрійскій пресвитеръ Арій. Онъ отрицалъ единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, почиталъ Іисуса Христа творсніемъ и не признавалъ за Нимъ божественныхъ совершенствъ — всемогущества, всевѣдѣнія и проч. Ересь Арія подверглась рѣшительному осужденію на Первомъ (325 г.) и Второмъ (381 г.) Вселенскихъ Соборахъ, причемъ былъ составленъ собравшимися Отцами Символъ. Въ V в. аріанство почти не имѣло послѣдователей въ Римской имперіи, но возродилось въ Германіи среди Готовъ, Бургундовъ, Вандаловъ и Лонгобардовъ, гдѣ существовало до VII в.

[2]) Память святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова празднуется св. Церковію 26-го сентября (подъ симъ числомъ можно читать и житіе его).

[3]) *Святый Поликарпъ* скончался мученически въ 169 г. Описаніе его мученичества, помѣщенное въ *«Окружномъ посланіи Смирнской Церкви къ другимъ церквамъ»*, представляетъ трогательную картину древнехристіанскаго благочестія и мужественнаго исповѣданія Имени Христова. Большая часть этого посланія сохранилась въ «Церковной Исторіи» Евсевія.—Изъ многихъ сочиненій святаго Поликарпа сохранилось (въ латинскомъ переводѣ) «Посланіе къ Филиппійцамъ»; въ этомъ сочиненіи Поликарпъ излагаетъ основы христіанскаго вѣро- и нравоученія, предостерегаетъ отъ еретиковъ, излагаетъ обязанности пресвитеровъ и діаконовъ, юношей и дѣвъ и т. п. Кромѣ того, извѣстны (на латинскомъ языкѣ) нѣсколько *«Отвѣтовъ»* Поликарпа, содержащихъ въ себѣ изъясненіе нѣкоторыхъ изреченій Господа нашего Іисуса Христа. По свидѣтельству блаженнаго Іероима, святому Поликарпу принадлежитъ также сочиненіе противъ еретика Евіона; кромѣ того, Поликарпу приписывается также посланіе къ Аѳинской Церкви и сочиненіе *«Ученіе»* (Διδαχή).

нимъ церквамъ. По свидѣтельству блаженнаго Іеронима[1]), Поликарпъ былъ «вождемъ всей Азіи въ христіанствѣ».



Сщ҃енномч҃нкъ
І҆РИНЕ́Й

Ученикомъ-то сего славнаго Поликарпа и былъ святый Ириней; услышавъ изъ устъ святаго Поликарпа душеспасительное ученіе христіанское, Ириней возлюбилъ его болѣе всякой свѣтской науки; сдѣлавшись ученикомъ Поликарпа, святый Ириней сталъ какъ бы ученикомъ Самого Христа, ибо со всѣмъ усердіемъ воспринималъ умомъ своимъ истины вѣры христіанской и отдалъ всего себя на служеніе Богу. Такъ какъ Поликарпъ былъ ученикомъ святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, то онъ передавалъ святому Иринею все то, что слышалъ самъ отъ святыхъ Апостоловъ, бывшихъ самовидцами и слугами Христовыми. Ириней запечатлѣвалъ все сіе въ умѣ своемъ, записывая все на сердцѣ своемъ, какъ на нѣкоей хартіи.

Святый Ириней былъ рукоположенъ святымъ Поликарпомъ въ санъ пресвитера и посланъ имъ въ Галлію для проповѣдованія здѣсь Слова Божія.

Епископомъ въ Ліонѣ въ то время былъ святый Поѳинъ, запечатлѣвшій впослѣдствіи свою проповѣдь мученичествомъ за Имя Христово. Прибывъ въ галльскій городъ Ліонъ, святый Ири-

---

1) *Блаженный Іеронимъ*—одинъ изъ величайшихъ учителей Западной Церкви (330—419 гг.), родомъ славянинъ (изъ г. Стридона въ Далмаціи), Іеронимъ получилъ въ Римѣ блестящее для своего времени образованіе, въ 373 году онъ отправился на Востокъ, предварительно принявъ Крещеніе, за свою благочестивую жизнь Іеронимъ былъ рукоположенъ въ санъ пресвитера.—Блаженный Іеронимъ написалъ очень много сочиненій по разнымъ вопросамъ богословскаго знанія. Сочиненія блаженнаго Іеронима дѣлятся на четыре главныя группы: 1) истолковательныя, 2) догматическія, 3) нравоучительныя и 4) историческія. Важнѣйшій трудъ блаженнаго Іеронима—переводъ Священнаго Писанія, извѣстный подъ именемъ Вульгаты. Кромѣ того, изъ сочиненій Іеронима заслуживаютъ особеннаго вниманія: «Хроника», «Жизнеописаніе отцевъ», «О знаменитыхъ мужахъ», «Мартирологъ» и др. Число всѣхъ сочиненій блаженнаго Іеронима, не считая мелкихъ писемъ, доходитъ до 180-ти.

ней началъ усердно трудиться, помогая святому Поѳину въ его архипастырскихъ трудахъ.

Въ это время въ Ліонѣ было поднято жестокое гоненіе на христіанъ со стороны язычниковъ, и святый Ириней явилъ себя мужественнымъ защитникомъ христіанъ и твердымъ столпомъ Церкви. Отсюда святый Ириней былъ посланъ епископомъ Поѳиномъ въ Римъ, дабы отвезти посланіе исповѣдниковъ къ епископу Елевѳерію[1]).

Возвратясь изъ Рима, святый Ириней послѣ мученической кончины святаго Поѳина[2]) воспринялъ въ свое управленіе престолъ архіерейскій.

Святый Ириней былъ добрымъ пастыремъ для ліонскихъ гражданъ въ самыя тяжелыя для нихъ времена, ибо тогда Церковь Христова обуревалась многими бѣдами: нечестивые идолопоклонники подняли тогда жестокое гоненіе на христіанъ и, кромѣ того, безбожные еретики начали сѣять смуты и несогласія въ Церкви Божіей.

Святый Ириней терпѣливо переносилъ ради Имени Христова всѣ притѣсненія и непріятности, наносившіяся ему идолопоклонниками, на еретиковъ же онъ грозно вооружился своимъ словомъ и писаніями. Архипастырская дѣятельность святаго Иринея не ограничивалась Ліономъ, всѣхъ гражданъ котораго Ириней обратилъ въ христіанство, но простиралась и на всю Галлію. Святый Ириней поддерживалъ самыя живыя сношенія съ церковью римскою, а также и съ церквами малоазійскими, что свидѣтельствуется его посланіями къ римскимъ пресвитерамъ Флорину и Власту, а также посланіями къ римскому и малоазійскимъ епископамъ во время споровъ о празднованіи Пасхи, возникшихъ при папѣ Викторѣ I[3]). Святый Ириней всегда старался примирять враждующихъ и несогласныхъ. Такъ, напримѣръ, когда упомянутый папа Римскій Викторъ I своею неразумною настойчивостью грозилъ произвести раздѣленіе среди восточныхъ и западныхъ христіанъ изъ-за разногласія во взглядахъ на время празднованія Пасхи, святый Ириней своимъ вліяніемъ успѣлъ предотвратить раздѣленіе и примирилъ несогласныхъ.

---

1) Въ этомъ посланіи святый Ириней восхваляется какъ усерднѣйшій ревнитель христіанской вѣры.

2) Мученическая кончина святаго Поѳина послѣдовала ок. 177 г.

3) *Викторъ I* занималъ папскій престолъ съ 187 г. по 200 г.

Великую ревность проявилъ святый Ириней и въ обличеніи современныхъ ему еретическихъ лжеученій. Онъ написалъ много сочиненій, въ которыхъ дерзновенно обличалъ заблужденія еретиковъ и раскрывалъ истины христіанскаго вѣроученія. Изъ всѣхъ его сочиненій наиболѣе замѣчательно сочиненіе, озаглавленное: «Противъ ересей»[1]). Это сочиненіе святый Ириней началъ писать по просьбѣ одного друга своего съ цѣлію опроверженія ереси валентиніанъ[2]), сильно распространявшихъ тогда свое лжеученіе не только въ Римѣ, но и въ Галліи. Затѣмъ, желая показать ложность и сущность валентиновой ереси, лишь повторявшей предшествующія заблужденія еретиковъ, святый Ириней описалъ древнѣйшія ереси, появлявшіяся ранѣе и вступавшія въ борьбу съ христіанствомъ; съ истинно-христіанскою мудростію Ириней опровергалъ всѣ заблужденія еретиковъ и раскрывалъ единственно спасительное ученіе — христіанское.

Главнымъ основаніемъ, на которомъ зиждется все христіанское вѣроученіе, «столпомъ и утвержденіемъ Церкви[3]),—по выраженію святаго Иринея,—служатъ четыре новозавѣтныхъ Евангелія, написанныя учениками и самовидцами Господа. Эти Евангелія,—разсуждаетъ Ириней,—суть слѣдующія: Евангеліе отъ Матѳея, написанное на еврейскомъ языкѣ, Евангеліе отъ Марка—ученика Апостола Петра, Евангеліе отъ Луки — спутника святаго Апостола Павла и Евангеліе отъ возлюбленнаго ученика Господня Іоанна, написанное имъ во время пребыванія его въ Малой Азіи, въ Ефесѣ. Такимъ образомъ подлинно апостольскихъ Евангелій, достовѣрныхъ и непогрѣшимыхъ, существуетъ въ Церкви только четыре; и «невозможно,—разсуждаетъ святый Ириней,—чтобы Евангелій было больше или меньше, чѣмъ сколько ихъ существуетъ въ Церкви».—Послѣдователи же (еретика) Валентина,—продолжаетъ онъ,—безъ всякаго страха предлагаютъ свои сочиненія и хвалятся, что имѣютъ больше евангелій, чѣмъ сколько ихъ есть. Они дошли до такой дерзости, что свое недавнее сочиненіе озаглавливаютъ «Евангеліемъ истины»,

---

[1]) Точное заглавіе этого сочиненія: «Обличеніе и опроверженіе лжеименнаго знанія». Это сочиненіе написано было на греческомъ языкѣ, но отъ первоначальваго текста сохранились лишь отрывки у восточныхъ церковныхъ писателей. Названное сочиненіе дѣлится на 5 книгъ и принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ полемическихъ сочиненій.

[2]) Эти еретики получили такое названіе отъ имени своего главнаго основателя,—Валента.

[3]) «Противъ ересей», кн. III, гл. 11.

[4]) «Противъ ересей», кн. III, гл. 11.

хотя оно ни въ чемъ не согласно съ Евангеліями Апостоловъ. Ибо если предлагаемое ими евангеліе истинно, а между тѣмъ вовсе не сходно съ тѣми, которыя намъ преданы Апостолами, то желающіе могутъ узнать, какъ самыя писанія показываютъ,—что оно не есть преданное Апостолами Евангеліе истины[1]).—А что тѣ Евангелія суть истинныя и достовѣрныя, святый Ириней доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Евангелій должно быть четыре уже по тому одному, что существуетъ лишь четыре страны земли; затѣмъ четверичное число Евангелій должно было соотвѣтствовать, по разсужденію святаго Иринея, четыремъ завѣтамъ, которые даны были Богомъ человѣчеству: завѣту, данному при Адамѣ до потопа; завѣту, данному послѣ потопа при Ноѣ; законодательству при Моисеѣ и, наконецъ, четвертому и послѣднему завѣту—христіанскому, содержащему въ себѣ всѣ остальные завѣты[2]). Наконецъ, самое главное доказательство именно четверичнаго числа Евангелій, а не бо́льшаго или меньшаго, святый Ириней видитъ въ соотвѣтствіи Евангелій четыремъ апокалипсическимъ животнымъ—Херувимамъ, на которыхъ отъ вѣчности возсѣдаетъ «все устрояющее и все содержащее Слово»[3]). Сила этого доказательства состоитъ въ томъ, что Евангеліе должно служить выраженіемъ четырехъ видовъ или образовъ дѣятельности Сына Божія, на которые указывается въ Апокалипсисѣ[4]) подъ символомъ четырехъ животныхъ—Херувимовъ. Первое животное, какъ повѣствуется въ Апокалипсисѣ,—подобно льву и указываетъ на предвѣчное господство и царскую власть Бога-Слова; это же самое выражаетъ собою и Евангеліе отъ Іоанна, описывая вѣчное и славное рожденіе Сына отъ Отца какъ Бога отъ Бога: **въ нача́лѣ бѣ̑ сло́во и҆ сло́во бѣ̑ къ бг҃у, и҆ бг҃ъ бѣ̑ сло́во, се́й бѣ̑ и҆сконѝ къ бг҃у: всѧ̑ тѣ́мъ бы́ша и҆ безъ негѡ̀ ничто́же бы́сть, є҆́же бы́сть**[5]). Второе животное подобно тельцу и означаетъ первосвященническое служеніе Господа нашего Іисуса Христа; на это же самое служеніе, по разсужденію святаго Иринея, указываетъ и Евангеліе отъ Луки, оно начинается разсказомъ о священникѣ Захаріи, приносящемъ Богу жертву. Это значитъ, что Агнецъ, предопредѣленный отъ вѣчности для закланія за грѣхи міра, явился

---

1) «Противъ ересей», кн. III, гл. 11.
2) Тамъ же.
3) Тамъ же.
4) Апокалипсисъ, гл. 4.
5) Евангеліе отъ Іоанна, гл. 1, ст. 1—3.

въ міръ, дабы принести Богу искупительную жертву за грѣхи людскіе. Третье животное, на которомъ возсѣдало Слово, имѣло лицо человѣка и указывало на явленіе Сына Божія въ образѣ и видѣ человѣческомъ; и Евангеліе отъ Матѳея тоже главнымъ образомъ возвѣщаетъ о человѣчествѣ Іисуса Христа, представляя Его Сыномъ Іосифа и Маріи.—Наконецъ, четвертое животное подобно орлу летящему и указываетъ на присутствіе въ Церкви Духа Святаго, ниспосланнаго Богомъ Отцемъ ради искупительныхъ заслугъ Сына Божія; присутствіе же Духа Святаго выражаетъ, по разсужденію святаго Иринея, и Евангеліе отъ Марка, написанное въ формѣ сжатаго и какъ бы сокращеннаго разсказа, потому что таковъ именно пророческій духъ. «Такимъ образомъ,—заключаетъ святый Ириней,—какова дѣятельность Сына Божія, таковъ и видъ животныхъ, и каковъ видъ животныхъ, таковъ характеръ Евангелія. Четвероводны животныя, четвероводно и Евангеліе, четвероводна и дѣятельность Господа»[1]). Полное соотвѣтствіе Евангелій четыремъ образамъ дѣятельности, или служенія, Господа нашего Іисуса Христа составляетъ, такимъ образомъ, несомнѣнное доказательство ихъ подлинно апостольскаго происхожденія, ихъ истинности и достовѣрности; всѣ другія евангелія, выдаваемыя за истинныя,—неподлинны и недостовѣрны, потому что подлинныхъ Евангелій можетъ быть только четыре — ни больше, ни меньше.

Святый Ириней особенно порицалъ еретиковъ, отрицавшихъ единство существа Божія. Еретикъ Маркіонъ ошибочно утверждалъ два противоположныя дѣйствія въ Богѣ, выразившіяся въ двухъ завѣтахъ — Ветхомъ и Новомъ; онъ утверждалъ, что существуютъ два бога: одинъ — наказывающій и карающій, а другой—только милующій.

Обличая это лжеученіе, святый Ириней говорилъ, что такое представленіе несогласно съ самимъ понятіемъ о Богѣ. Истинный Богъ,—разсуждаетъ святый Ириней,—не можетъ быть ни исключительно наказывающимъ и карающимъ, безъ любви и благости, ни исключительно благимъ и милосердымъ, безъ правосудія и суда, потому что какъ любовь, такъ и правосудіе принадлежатъ Богу существенно и необходимо. Одно изъ существеннѣйшихъ свойствъ Божіихъ,—разсуждаетъ святый Ириней,—есть премудрость. Если Богъ премудръ, значитъ Онъ обладаетъ способностію

[1]) «Противъ ересей», кн. III, гл. 11.

опредѣлять и рѣшать, слѣдовательно и судить; а если судить, значитъ каждому воздаетъ по дѣламъ его, то есть или наказываетъ, или награждаетъ[1]).

Одно изъ главныхъ доказательствъ, на которомъ Маркіонъ основывалъ свою теорію противоположности между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ домостроительствомъ — между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, состояло въ томъ, что дѣйствія Божіи въ Ветхомъ Завѣтѣ были будто бы противоположны дѣйствіямъ Бога въ Завѣтѣ Новомъ; Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ является какъ бы только Богомъ суда и правды,—разсуждалъ Маркіонъ,—Богъ въ Новомъ Завѣтѣ является какъ бы исключительно Богомъ любви и благости.

Въ своихъ сочиненіяхъ святый Ириней опровергалъ это нечестивое заблужденіе Маркіона и раскрывалъ ту мысль, что какъ Ветхій, такъ и Новый Завѣтъ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Приписывать Богу въ Ветхомъ Завѣтѣ одно только правосудіе, а въ Новомъ Завѣтѣ только одну всеобъемлющую любовь, значитъ, по разсужденію святаго Иринея, не знать и не понимать духа и смысла ни того, ни другого Завѣта. Богъ строго наказываетъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, но Онъ еще строже будетъ наказывать и наказываетъ въ Завѣтѣ Новомъ. Христіанство—совершеннѣе іудейства, Новый Завѣтъ шире и полнѣе Ветхаго Завѣта; на этомъ основаніи и требованія христіанства должны быть гораздо строже, чѣмъ требованія іудейства. Въ іудействѣ дано было меньше средствъ для исполненія Божественнаго Закона, въ христіанствѣ дано ихъ гораздо больше — въ христіанствѣ сообщены всѣ благодатные дары и силы для исполненія Божественнаго Закона; вслѣдствіе этого и всякое нарушеніе и неисполненіе этого Закона въ христіанствѣ должно наказываться гораздо сильнѣе, чѣмъ въ іудействѣ.— «Въ Новомъ Завѣтѣ,—разсуждаетъ святый Ириней,—насколько увеличилась наша вѣра въ Бога (т. е. раскрылась шире), настолько же увеличились и требованія относительно образа жизни,— намъ заповѣдано воздерживаться не только отъ худыхъ дѣлъ, но даже и отъ худыхъ помышленій, отъ праздныхъ разговоровъ, отъ легкомысленныхъ словъ и пустыхъ рѣчей; въ этой же мѣрѣ увеличилось и наказаніе тѣмъ, которые не вѣруютъ въ Слово и презираютъ Его пришествіе»[2]). Въ іудействѣ по тому самому, что оно несовершеннѣе христіанства, наказанія Божіи, по раз-

1) «Противъ ересей», кн. III, гл. 25.

2) «Противъ ересей», кн. I, гл. 27; ср. кн. III, гл. 25; кн. IV, гл. 28 и 40.

сужденію святаго Иринея, были «умѣренными» и какъ бы временными наказаніями. А въ христіанствѣ, такъ какъ оно выше и совершеннѣе іудейства, эти наказанія гораздо строже и уже не временныя только, а вѣчныя[1]).

Такимъ образомъ, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и въ Новомъ, Богъ одинаково являетъ Себя Существомъ и наказывающимъ, и любвеобильнымъ; и тамъ и здѣсь Онъ и награждаетъ и наказываетъ, милуетъ и караетъ. И это—одинъ и тотъ же Богъ Истинный, Всемогущій и Всесовершенный.

Обличая Маркіона и прочихъ ему подобныхъ еретиковъ, святый Ириней подробно раскрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ смыслъ и значеніе Ветхаго Завѣта.

Ветхозавѣтный Законъ, по разсужденію святаго Иринея, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: внѣшнюю, обрядовую, и внутреннюю, нравственно-духовную. Внѣшняя сторона Закона имѣла только относительное и временное значеніе: тѣ обрядовыя предписанія и установленія, которыми была окружена вся жизнь ветхозавѣтнаго человѣка и которыя держали его подъ игомъ рабства, по взгляду святаго Иринея, имѣли смыслъ только по отношенію къ іудеямъ и были въ рукахъ Промысла Божія только необходимымъ средствомъ для нравственно-религіознаго воспитанія еврейскаго народа; евреевъ нужно было держать подъ игомъ рабства,—«по грубости и непокорности ихъ сердца»,—разсуждаетъ святый Ириней, и «по всегдашней склонности ихъ возвращаться къ идоламъ и лить себѣ золотыхъ тельцовъ»[2]). Съ наступленіемъ же Новаго Завѣта обрядовыя предписанія Моисеева Закона оказались совершенно ненужными и излишними, потому что человѣкъ сталъ теперь въ другія отношенія къ Богу — въ отношенія близкія, сыновнія, и сдѣлался способнымъ исполнять повелѣнія Божіи свободно и непринужденно, безъ особыхъ подробныхъ внѣшнихъ предписаній. Духъ рабства въ отношеніяхъ человѣка къ Богу въ Ветхомъ Завѣтѣ и духъ сыновства въ Новомъ Завѣтѣ, по разсужденію святаго Иринея, нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Измѣненіе духа рабства на духъ свободы и сыновства указываетъ только на строгую постепенность и послѣдовательность и на премудрую цѣлесообразность въ исторіи божественнаго домостроительства и въ нравственно-религіозномъ воспитаніи людей. Одинъ и тотъ же Богъ воспиты-

[1]) «Противъ ересей», кн. IV, гл. 28.

[2]) Тамъ же, кн. IV, гл. 14 и 15.

валъ извѣстнымъ образомъ древнее человѣчество и воспитываетъ совсѣмъ другимъ образомъ новое человѣчество.—«Богъ все дѣлаетъ мѣрою и въ порядкѣ,—разсуждаетъ святый Ириней,—и нѣтъ у Него ничего неизмѣреннаго, потому что нѣтъ ничего безпорядочнаго»[1]).

Какъ необходимое воспитательное средство въ рукахъ Божественнаго Промысла, которое потомъ, съ наступленіемъ Новаго Завѣта, оказалось ненужнымъ и излишнимъ и поэтому отмѣнено,—внѣшняя сторона Моисеева Закона была въ то же время, по разсужденію святаго Иринея, пророчествомъ о будущихъ временахъ Мессіи и имѣла прообразовательное значеніе. И съ этой стороны отмѣненіе обрядоваго Закона Моисеева опять естественно и необходимо и нисколько не доказываетъ противоположности между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ. Но что особенно говоритъ противъ теоріи Маркіона,—такъ это отношеніе Спасителя къ внутренней, нравственной сторонѣ ветхозавѣтнаго Закона; Спаситель,—разсуждаетъ святый Ириней,—не отмѣнилъ этой стороны, а только «восполнилъ и распространилъ ее»[2]). Главнѣйшею нравственною заповѣдію Моисеева Закона была любовь къ Богу и ближнему; Спаситель не отмѣняетъ этой Заповѣди, а напротивъ, утверждаетъ и уясняетъ ее какъ основную Заповѣдь новозавѣтнаго Закона. Нравственное ученіе Евангелія и вообще Новаго Завѣта выше и совершеннѣе нравственнаго ветхозавѣтнаго ученія,—но главная основа того и другого одна и та же; отсюда и Виновникъ того и другого нравственнаго ученія—одинъ и тотъ же.

Итакъ,—по разсужденію святаго Иринея,—между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ нѣтъ ни малѣйшей противоположности, и оба они суть творенія одного и того же Истиннаго и Высочайшаго Бога, устроявшаго дѣло спасенія людей въ строгой постепенности и послѣдовательности по премудрому плану, начертанному отъ вѣчности; отсюда понятно само собою, что и ветхозавѣтныя писанія, въ которыхъ выражается воля и домостроительство Божіе о спасеніи людей, такъ же богодухновенны и спасительны, какъ и новозавѣтныя писанія, въ которыхъ изображается самое совершеніе и усвоеніе спасенія. «Одинъ и тотъ же Духъ Божій,—разсуждаетъ святый Ириней,—Который чрезъ Пророковъ возвѣщалъ,

---

1) «Противъ ересей», кн. IV, гл. 4.

2) Тамъ же, кн. IV, гл. 12 и 13.

каково имѣло быть пришествіе Господа, а посредствомъ старцевъ[1]) хорошо истолковалъ то, что̀ было сказано Пророками,—Онъ же и чрезъ Апостоловъ проповѣдовалъ, что пришла полнота временъ усыновленія и приблизилось Царство Небесное»[2]).

По ученію святаго Иринея, Богъ есть Господь всего въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Только Онъ одинъ есть Владыка и Господь всего, и другого равнаго или подобнаго Ему Владыки и Господа нѣтъ и быть не можетъ, «потому что,—разсуждаетъ святый Ириней,—тотъ, кто имѣетъ кого-либо выше себя или равнаго себѣ, уже не можетъ называться ни Богомъ, ни Царемъ великимъ»[3]). Только одинъ Богъ какъ Господь всего безраздѣльно обладаетъ верховною властію и могуществомъ надъ всѣмъ; все остальное, что существуетъ, сотворено Имъ и содержится Его властію.

Обличая еретиковъ, святый Ириней разсуждалъ и объ источникахъ святой вѣры христіанской. Въ краткихъ словахъ его разсужденія состояли въ слѣдующемъ.

Священное Писаніе какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта несомнѣнно имѣетъ Божественное происхожденіе, ибо оно написано подъ особымъ духовнымъ озареніемъ Духа Божія на писателей священныхъ книгъ. Сей Святый Духъ дѣйствовалъ какъ черезъ Пророковъ, такъ и чрезъ Апостоловъ. Священное Писаніе есть первый и самый главный источникъ вѣры и религіознаго знанія — истинный и непогрѣшимый и для всѣхъ обязательный. Правильное и безошибочное разумѣніе Писанія возможно только при руководствѣ святой вселенской Церкви, и въ ней только одной можно найти Истину. Такое же Божественное происхожденіе, какъ и Писаніе, имѣетъ и Священное Преданіе, которое поэтому составляетъ другой источникъ вѣры и религіознаго знанія, точно такъ же истинный и непогрѣшимый и для всѣхъ обязательный, какъ и Священное Писаніе. Единственною хранительницею подлинно апостольскаго Преданія можетъ быть только вселенская Церковь въ лицѣ ея предстоятелей.—«Всякій, кто желаетъ знать истину,—разсуждаетъ святый Ириней,—долженъ обратиться къ Церкви, потому что Апостолы только ей одной сообщили божественную истину и, какъ богачъ въ сокровищницу,

---

1) Разумѣются семьдесятъ толковниковъ.

2) «Противъ ересей», кн. III, гл. 21.

3) Тамъ же, кн. II, гл. 30.

положили въ нее все, что относится къ истинѣ. Только Церковь есть дверь жизни»[1]). И, въ частности, по ученію святаго Иринея, только пастыри Церкви, законно рукоположенные, суть истинные учители и хранители Истины, заключенной въ Церкви.

Такое значеніе Церкви—какъ единственной непогрѣшимой хранительницы и носительницы подлинно апостольскаго преданія святый Ириней основываетъ на постоянномъ присутствіи въ ней Духа Святаго и на постоянномъ дѣйствіи въ ней божественныхъ даровъ и силъ. Духъ Божій, по ученію святаго Иринея, существуетъ въ Церкви съ самаго ея основанія. Онъ есть какъ бы жизнь и душа Церкви; Онъ движетъ и управляетъ ею точно такъ же, какъ душа движетъ и управляетъ членами нашего тѣла. Въ Церкви положены Богомъ всѣ необходимыя служенія—апостольство, пророчество, учительство,—при помощи которыхъ содѣевается спасеніе наше.

Въ силу постояннаго и непосредственнаго присутствія въ Церкви Духа Божія Церковь никогда не можетъ погрѣшать или заблуждаться. Отсюда Божественная Истина, заключенная въ ней Апостолами,—устно или письменно,—всегда останется въ ней одною и тою же, такою же чистою и Божественною Истиною, какою была она и при Апостолахъ,—потому что одинъ и тотъ же Духъ Святый дѣйствовалъ и въ Апостолахъ, дѣйствуетъ и теперь въ Церкви, въ лицѣ ихъ преемниковъ. Преемство апостольскаго званія, разсуждаетъ святый Ириней, сохраняется въ Церкви повсюду и непрерывно, а вмѣстѣ съ нимъ и апостольское преданіе сохраняется въ его чистомъ и неповрежденномъ видѣ.—«Вообще,—замѣчаетъ святый Ириней,—Церковь, хотя и разсѣяна по всему міру, но, въ силу присутствія въ ней одного и того же Духа Божія и въ силу непрерывности въ ней одного и того же апостольскаго званія, она сохраняетъ повсюду одно и то же ученіе. Она одинаково вѣруетъ, имѣя какъ бы одну душу и одно сердце, одинаково проповѣдуетъ, учитъ и передаетъ, имѣя какъ бы одни уста. Одинаково вѣруютъ и имѣютъ одно и то же преданіе церкви и въ Германіи, и Испаніи, и въ Галліи, и на Востокѣ, въ Египтѣ и Ливіи. Какъ солнце одно и то же во всемъ мірѣ, такъ и проповѣдь Истины сіяетъ и всѣхъ просвѣщаетъ одна и та же во всей Церкви»[2]).

Такъ поучая и наставляя всѣхъ, святый Ириней спасъ многихъ отъ языческаго идолопоклоненія и отъ еретическаго заблужденія;

---

1) «Противъ ересей», кн. III, гл. 4.

2) Тамъ же, кн. I, гл. 10.

многихъ христіанъ наставилъ онъ на путь спасенія, а иныхъ укрѣпилъ къ мученическому подвигу. Наконецъ, и самъ пострадалъ за Имя Христово въ царствованіе императора Севира[1]). За исповѣданіе Евангелія святый Ириней былъ усѣченъ во главу и воспріялъ, такимъ образомъ, славный вѣнецъ мученичества во Царствіи Господа нашего Іисуса Христа[2]).

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

КАЛЛИНИКА,

Патріарха Константинопольскаго

Святый Каллиникъ первоначально былъ священникомъ и сосудохранителемъ Влахернскаго[3]) храма во имя Пресвятой Богородицы. Когда же патріархъ Павелъ отошелъ ко Господу, святый Каллиникъ былъ возведенъ на патріаршескій престолъ. Это было въ царствованіе Юстиніана II-го[4]) — царя злонравнаго и небогобоязненнаго, который притѣснялъ весьма многихъ (христіанъ), не уважалъ духовнаго чина и не чтилъ храмовъ Божіихъ.

Сей царь строилъ для себя большой и прекрасный дворецъ, который хотѣлъ назвать своимъ именемъ. Поблизости отъ того

---

1) *Императоръ Севиръ* царствовалъ съ 193 г. по 211 г.—Кончина святаго священномученика Иринея послѣдовала въ 202 году.

2) Кромѣ сочиненія *«Противъ ересей»* («Обличеніе и опроверженіе лжеименнаго знанія»), святому Иринею принадлежитъ еще много сочиненій, дошедшихъ до насъ, впрочемъ, въ небольшихъ отрывкахъ. Такъ, ему принадлежатъ: «Посланіе къ Римскому епископу Виктору» (по вопросу о времени празднованія Пасхи), «О единоначаліи, или о томъ, что Богъ не есть виновникъ зла», «Объ осмерицѣ» (т. е. эонахъ;—имѣется въ виду опроверженіе гностическаго ученія объ эонахъ какъ источникахъ жизни). Собрано еще около 50 небольшихъ отрывковъ, надписанныхъ именемъ святаго Иринея, но подлинность ихъ еще не доказана.

3) *Влахерна*—мѣстность въ Константинополѣ, находившаяся въ западномъ углу города;—славилась своими святынями. Здѣсь находилась упоминаемая въ житіи церковь, выстроенная во имя Пресвятой Богородицы императоромъ Львомъ Великимъ (457 г.—474 г.), при которомъ была положена въ эту церковь честная риза Пречистой Дѣвы Богородицы, принесенная изъ Палестины; память этого событія празднуется св. Церковію 2 іюля (подъ симъ числомъ можно читать и повѣствованіе о сказанномъ событіи).—Впослѣдствіи эта церковь сгорѣла; нынѣ виднѣются только малые остатки ея.

4) *Императоръ Юстиніанъ II* царствовалъ съ 685 г. по 695 г.; потомъ вторично съ 705 г. по 711 г.

дворца находился храмъ, воздвигнутый во имя Пресвятой Богородицы; храмъ сей назывался митрополичьимъ. Такъ какъ одну изъ стѣнъ дворца, строившагося по приказанію императора Юстиніана, нужно было вести мимо упомянутаго храма, то императоръ задумалъ разрушить его, дабы храмъ не былъ помѣхой воздвигаемому дворцу, тѣмъ болѣе, что именно на томъ самомъ мѣстѣ должны были быть построены ступени и крыльцо передъ входомъ во дворецъ. Императоръ приказалъ Патріарху преподать молитву благословенія для разборки упомянутаго храма. Но Патріархъ воспротивился царю, сказавъ:

— Я не имѣю молитвы на разореніе храма; напротивъ того, у меня есть молитвы на основаніе и созиданіе храма, ибо Богъ сотворилъ міръ для бытія, а не для разрушенія.

Тогда посланники царя начали съ силою упрашивать Патріарха и даже принуждать его исполнить повелѣніе императора. Онъ же, прослезившись, воскликнулъ:

— Слава Тебѣ, Христе, терпящему все!

И тотчасъ храмъ разрушился.

Спустя непродолжительное время, по праведному суду Божію, и самого царя постигло разореніе: ибо онъ былъ съ безчестіемъ изгнанъ изъ своего царства, а выстроенный имъ дворецъ сталъ жилищемъ другихъ. Совершилось все это такимъ образомъ.

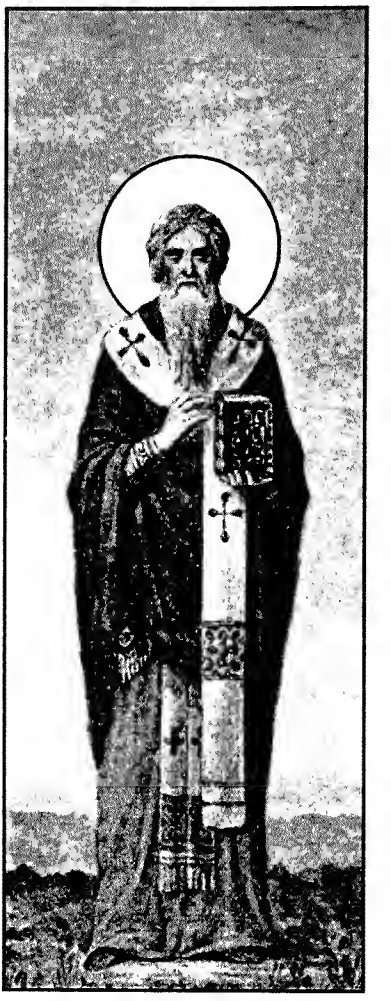
Когда императоръ узналъ, что жители Константинополя ропщутъ на него, такъ какъ не любили его за частыя притѣсненія и за беззаконную жизнь его, и услышалъ, что въ городѣ всѣ дурно отзываются о немъ, то преисполнился гнѣва и ярости на весь городъ; потомъ приказалъ патрицію[1]) и воеводѣ Стефану, мужу жестокому, безъ милосердія проливавшему кровь человѣческую, родомъ персу, скрытно отъ всѣхъ приготовить вооруженныхъ воиновъ и въ ближайшую ночь неожиданно напасть на благороднѣйшихъ гражданъ и умертвить ихъ всѣхъ безъ пощады.

Въ то время въ Костантинополѣ проживалъ воевода Леонтій, подвизавшійся на Востокѣ. Сей воевода не одинъ разъ выказывалъ большую храбрость на войнѣ и побѣдилъ много полковъ непріятельскихъ; но вмѣсто почести и похвалы былъ заключенъ царемъ на

---

1) *Патриціями* въ древности назывались люди благороднаго происхожденія; имъ обычно поручались важнѣйшія государственныя должности.

три года въ темницу. Въ это время онъ только что былъ освобожденъ отъ темничнаго заключенія.



Ст҃ый мч҃нкъ
Каллїнїкъ

Сей Леонтій, узнавъ о жестокомъ и неправедномъ умыслѣ и приказаніи императора, разсказалъ тайно обо всемъ нѣкоторымъ изъ своихъ вѣрныхъ друзей. Они передали то же самое и такимъ же путемъ другимъ своимъ друзьямъ, и такимъ образомъ къ позднему вечеру всѣ они собрались вмѣстѣ въ значительномъ числѣ. Дабы предупредить имѣвшее начаться ночью неправедное избіеніе гражданъ, всѣ они, вооружившись, отправились въ царскій дворецъ. Увидя, что царь спитъ, воины взяли его и связали. Тотчасъ же Леонтій открылъ всѣ темницы, вывелъ оттуда всѣхъ заключенныхъ, вооружилъ ихъ и послалъ ихъ по всему городу. Сіи ходили по городу и восклицали:

— Христіане! Соберитесь всѣ ко храму святой Софіи, такъ какъ царь Юстиніанъ побѣжденъ и связанъ.

Услыхавъ объ этомъ, всѣ отправились въ храмъ съ великою радостью, говоря:

— Се́й де́нь, є҆го́же сотвори̑ гдⷭ҇ь, возра́дꙋемсѧ и҆ возвесели́мсѧ во́нь [1]).

Когда наступилъ день, Леонтій вывелъ царя, связаннаго, на то мѣсто, гдѣ обычно бывало конское ристаніе [2]); въ присутствіи всего народа, собравшагося къ тому мѣсту, онъ отрѣзалъ носъ царю и отправилъ его въ Херсонесъ [3]) въ заточеніе; съ тѣхъ поръ Юстиніанъ и былъ прозванъ Корконосымъ [4]). Жители

---

1) Псал. 117, ст. 24.

2) —конскій бѣгъ.

3) *Херсонесъ*, или *Херсонъ* (древнерус. *Корсунь*),—древнее названіе теперешняго полуострова Крыма.

4) —по переводу съ греческаго: *съ отрѣзаннымъ носомъ*.

же Константинополя тотчасъ провозгласили царемъ Леонтія; на царство вѣнчалъ его Святѣйшій Патріархъ Каллиникъ.

Леонтій пробылъ на царствѣ три года; потомъ онъ былъ изгнанъ съ царства воеводою Апсимаромъ, коего воины избрали въ императоры и назвали Тиверіемъ III-имъ[1]). Апсимаръ, взявъ Леонтія, отправилъ его на заточеніе въ монастырь далматскій; Апсимаръ царствовалъ семь лѣтъ.

Въ это время Юстиніанъ Корконосъ бѣжалъ изъ Херсонеса отъ заточенія и направился сначала къ Хозарамъ, а потомъ къ Болгарамъ; собравъ у Болгаръ большую воинскую силу, Юстиніанъ направился къ Константинополю и остановился у Золотыхъ воротъ[2]). Численность его войска была столь велика, что оно доходило до Влахерны. Юстиніанъ стоялъ здѣсь три дня и предлагалъ жителямъ Константинополя снова принять его къ себѣ на царство; но жители Константинополя выразили ему порицаніе и брань.

Между тѣмъ Апсимаръ, испугавшись Юстиніана, пришедшаго на него съ великимъ войскомъ, убѣжалъ въ Аполлонію[3]). Тогда Юстиніанъ отправилъ пословъ къ Святѣйшему Патріарху Каллинику и ко всему синклиту[4]), умоляя принять его и клятвенно обѣщая никому не причинить никакой обиды.

Патріархъ и синклитъ, послѣ совѣщанія, предложили Юстиніану облобызать Честный Крестъ Господень, святое Евангеліе и Пречистыя Таины Тѣла и Крови Христовыхъ, дабы лобзаніемъ симъ онъ подтвердилъ свою клятву,—именно, чтобы не мстить никому за свое прежнее изгнаніе. Юстиніанъ подтвердилъ такимъ образомъ клятву свою.

Тогда жители Константинополя открыли для него городскія ворота и приняли его съ честію. Царь же, войдя съ воинами въ городъ и получивъ царство, тотчасъ же нарушилъ свою клятву, окаянный, и началъ умерщвлять многихъ изъ лицъ, состоявшихъ въ синклитѣ, а также и прочихъ именитыхъ гражданъ. Потомъ приказалъ привести изъ обители далматской Леонтія, изгнавшаго его; также его воины взяли и Апсимара въ Аполлоніи и привели къ нему; онъ приказалъ обоихъ, связанныхъ, провести съ

---

1) *Императоръ Тиверій III-й Апсимаръ* царствовалъ съ 698 г. по 705 г.

2) —мѣстность въ Константинополѣ.

3) Съ именемъ *Аполлоніи* извѣстно нѣсколько древнегреческихъ городовъ. Въ данномъ случаѣ разумѣется, вѣроятно, Аполлонія, находившаяся въ Иллиріи.

4) *Синклитъ*—совѣтъ, составлявшійся изъ старѣйшихъ, почетнѣйшихъ гражданъ (и представителей высшей духовной власти).

безчестіемъ среди города. Потомъ повелѣлъ привести ихъ къ себѣ на мѣсто конскаго ристалища; когда они были приведены и брошены у его ногъ, онъ наступилъ ногами на шеи ихъ и попиралъ главы ихъ, воины же его громогласно взывали:

— На а҆́спїда и҆ васїлі́ска настꙋ́пиши, и҆ попере́ши льва̀ и҆ змі́ѧ[1]).

Осмѣявъ и поругавшись надъ ними, Юстиніанъ приказалъ обезглавить ихъ.

Но этого мало: Юстиніанъ наполнилъ кровью весь городъ, не пощадивъ и народа. Потомъ, взявъ Святѣйшаго Патріарха Каллиника, выкололъ ему глаза, отрѣзалъ носъ и языкъ и послалъ на заточеніе въ Римъ, приказавъ его здѣсь замуровать въ стѣнѣ каменной.

Повелѣніе царское было исполнено, и святаго Каллиника замуровали въ стѣнѣ. Но черезъ сорокъ дней загражденіе отпало, и святый Каллиникъ оказался еще живъ, хотя едва дышалъ. Черезъ четыре дня святый отошелъ ко Господу[2]).

Ст҃ы́й мч҃нкъ
Аѹ́ппъ

Въ это время папѣ Римскому Іоанну VI-му[3]) въ сонномъ видѣніи явились святые верховные Апостолы Петръ и Павелъ[4]) и повелѣли похоронить съ честію тѣло святаго Патріарха Каллиника въ ихъ апостольской церкви. Папа исполнилъ приказаніе святыхъ Апостоловъ.

Клятвопреступникъ же и мучитель императоръ Юстиніанъ Корконосъ не избѣжалъ праведнаго суда Божія. Не вынося его безчеловѣчныхъ притѣсненій, граждане и военачальники составили

---

1) Псал. **90**, ст. 13.

2) Кончина святаго Каллиника послѣдовала въ 705 г.

3) *Іоаннъ VI* занималъ папскій престолъ съ 701 г. по 705 г.

4) Память св. первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла празднуется св. Церковію 29-го іюня.

противъ него заговоръ и, выбравъ удобное время, напали на него и отсѣкли ему голову.

Такъ погибъ нечестивый злою смертію; святитель же Христовъ Каллиникъ сподобился вѣнца мученическаго во Царствіи Господа нашего Іисуса Христа.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ЛУППА

Святый мученикъ Луппъ жилъ въ царствованіе императора Авреліана[1]) и былъ рабомъ нѣкоего господина, свобо́денъ же ѡ҆ х҃рⷭ҇тѣ гдⷭ҇ѣ[2]), въ Коего онъ увѣровалъ; преисполнившись благочестивой ревности, святый Луппъ разбилъ бездушныхъ еллинскихъ идоловъ, а иныхъ потопилъ въ глубинѣ морской. Увидавъ сіе, нечестивые идолопоклонники, преисполнившись ярости, устремились на святаго съ обнаженными мечами, намѣреваясь разсѣчь его на части, но пришли въ безуміе и посѣкали другъ друга; святый же, пребывая невредимымъ посреди язычниковъ, проповѣдовалъ имъ Слово Божіе, будучи преисполненъ вѣры, премудрости и благодати Божіей. Несмотря на всѣ усилія, нечестивые не могли взять святаго, ибо имъ препятствовала въ семъ сила Христова, не допускавшая ихъ даже приблизиться къ мученику Христову; посему нечестивые, стоя вдали, натянули луки свои и начали пускать въ святаго стрѣлы, но вмѣсто мученика поражали стрѣлами другъ друга; святый же Луппъ, стоя какъ мишень для стрѣльбы (мѣсто прицѣла) посреди всѣхъ, не только не былъ умерщвленъ стрѣлою, но даже не былъ и раненъ. А такъ какъ мученикъ Христовъ еще не былъ крещенъ и весьма желалъ Святаго Крещенія, дабы не умереть отъ рукъ мучителей нехристіаниномъ, то помолился о семъ Господу; и тотчасъ съ неба пролилась на него вода. Такимъ образомъ святый мученикъ Христовъ воспріялъ свыше Божественное Крещеніе въ присутствіи всѣхъ еллиновъ, смотрѣвшихъ на него и весьма удивлявшихся всему происходившему.

---

1) *Императоръ Авреліанъ* царствовалъ съ 270 г. по 275 г.

2) Ср.: 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 22.

Послѣ этого святый Луппъ добровольно предалъ себя, какъ агнецъ непорочный, на закланіе въ руки нечестивыхъ; сіи же, взявъ святаго, повели его къ игемону. Игемонъ пытался сначала ласками убѣдить раба Христова отступить отъ Господа своего и поклониться идоламъ; однако не возмогъ прельстить святаго; тогда игемонъ приказалъ бить святаго палками безъ милосердія. Послѣ сего игемонъ предалъ святаго инымъ мученіямъ, но такъ какъ не могъ преодолѣть непобѣдимаго раба Христова, то осудилъ его на усѣченіе мечомъ.

Такимъ образомъ святый мученикъ Луппъ, преклонивъ подъ мечъ главу свою, положилъ душу свою за Христа, Господа своего [1]), и былъ похороненъ вѣрующими съ приличествующими почестями; отъ гроба же его подавались врачеванія всѣхъ недуговъ и болѣзней, ради святыхъ молитвъ его и по благодати Господа нашего Іисуса Христа.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ

ЕВТИХІЯ и ФЛОРЕНТІЯ

Въ предѣлахъ Нурсійской страны проживали вмѣстѣ во святомъ иноческомъ образѣ два мужа, проводившіе отшельническую пустынную жизнь; одного изъ нихъ звали Евтихіемъ, а другого Флорентіемъ. Евтихій, возгрѣваемый теплотою духовной ревности, заботился не только о своемъ спасеніи, но и о спасеніи другихъ и всячески старался привести ко Господу всѣхъ своими душеспасительными поученіями и наставленіями; Флорентій же, по простотѣ своей, помышлялъ лишь о себѣ одномъ, проводя въ молитвахъ всю жизнь свою.

Невдалекѣ отъ мѣста обитанія сихъ святыхъ Евтихія и Флорентія находился монастырь; случилось, что въ этомъ монастырѣ умеръ авва [2]); монахи, собравшись вмѣстѣ, пришли къ Евтихію и начали просить его быть аввою въ ихъ монастырѣ. Внимая ихъ просьбѣ, Евтихій пошелъ къ нимъ и принялъ начальство надъ монастыремъ, друга же своего Флорентія оставилъ одного подви-

---

[1]) Кончина святаго мученика Луппа послѣдовала ок. 275 г.

[2]) *Авва*—начальникъ, настоятель монастыря.

заться на томъ отшельническомъ мѣстѣ, дабы не опустѣла церковь, которую они тамъ имѣли (церковь та была весьма невеликой).

Оставшись одинъ, Флорентій началъ молиться со усердіемъ къ Богу, прося Его помочь ему одному безпрепятственно подвизаться въ томъ уединенномъ мѣстѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, какъ-то разъ совершивъ обычныя молитвы и выйдя изъ храма, Флорентій увидалъ медвѣдя, стоявшаго у дверей храма, преклонившаго голову свою къ землѣ и не обнаруживавшаго ни въ чемъ своего звѣрскаго нрава, напротивъ—показывавшаго кротостію своею, что онъ былъ посланъ къ святому Флорентію отъ Бога для услугъ и для работы. Понявъ это, святый рабъ Божій Флорентій возблагодарилъ Бога, пославшаго ему такого сожителя. Флорентій имѣлъ при своей келліи пять овецъ; не зная, кто бы могъ пасти и охранять ихъ, Флорентій приказалъ медвѣдю, сказавъ:

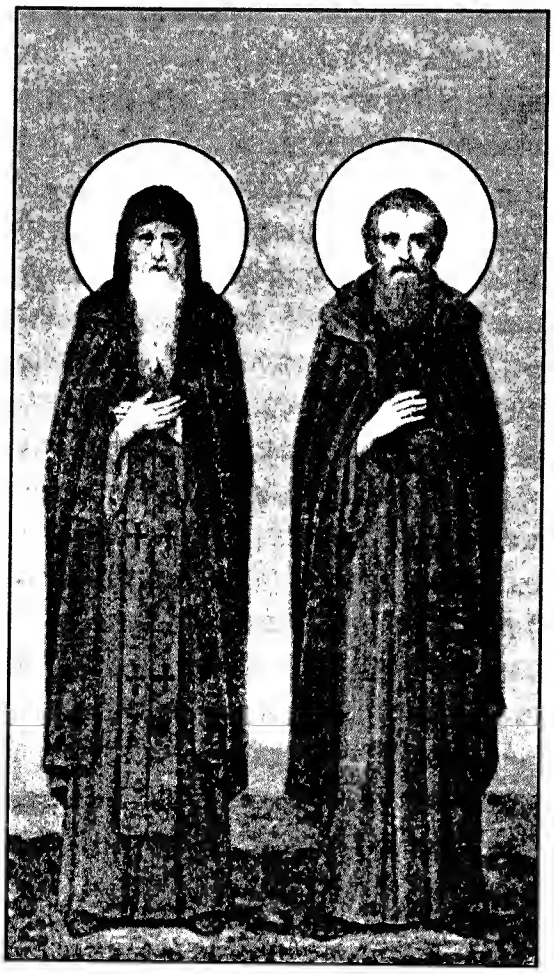
— Иди выгони овецъ сихъ на пастбище и паси ихъ; около же шестого часа возвратись вмѣстѣ съ ними.

И всегда звѣрь поступалъ такъ, принявъ на себя порученное ему попеченіе объ овцахъ; такимъ образомъ тотъ, кто привыкъ всегда вкушать добычу, растерзавъ ее, пасъ овецъ, томясь голодомъ и препобѣждая свой естественный нравъ.

Когда человѣкъ Божій хотѣлъ поститься до часа девятаго, то приказывалъ медвѣдю придти съ овцами къ девятому часу; и поступалъ такъ звѣрь. Когда же не намѣревался поститься до часа девятаго, но изъявлялъ желаніе вкушать пищу въ шестомъ часу, въ тотъ часъ возвращался и медвѣдь; однимъ словомъ, звѣрь повиновался всякому приказанію человѣка Божія и никогда не ошибался—не приходилъ никогда къ девятому часу, когда ему было повелѣно придти къ шестому, и наоборотъ, ни разу не приходилъ къ шестому часу, когда было приказано придти къ девятому. Ибо Самъ Богъ вразумилъ того звѣря, коего отдалъ въ подчиненіе угоднику Своему, и научилъ его понимать приказаніе старца и исполнять его волю.

Послѣ того, какъ звѣрь служилъ старцу долгое время, по всей странѣ той начала распространяться молва о человѣкѣ Божіемъ Флорентіи, ибо всѣ удивлялись тому дивному дѣлу, видя, что звѣрь пасъ овецъ и служилъ старцу.

Между тѣмъ древній врагъ діаволъ возбудилъ нѣкоторыхъ къ зависти; ибо діаволъ, видя добродѣтельныхъ людей, сіяющихъ своею



Прп҃бнїи
ЄѴТѴ́ХІЙ и҆ ФЛОРЕ́НТІЙ

славою, уловляетъ завистію тѣхъ, кои развращены нравомъ и житіемъ, и увлекаетъ ихъ въ погибель. И вотъ, по наущенію діавола, четыре монаха — ученики святаго Евтихія — весьма позавидовали Флорентію, такъ какъ ихъ учитель не творилъ знаменій, а между тѣмъ одинъ лишь Флорентій (разсуждали завистники), оставленный ихъ учителемъ въ пустынной келліи, такъ прославился. Питая такія мысли, тѣ четыре ученика пришли къ Флорентію и, притаившись въ томъ мѣстѣ, на которое медвѣдь выгонялъ овецъ для пастьбы, убили медвѣдя. Такъ какъ медвѣдь не возвратился къ старцу въ тотъ часъ, въ который ему повелѣно было возвратиться, то старецъ былъ въ смущеніи; подождавъ до вечера, но не дождавшись ни звѣря, ни овецъ, старецъ началъ печалиться о томъ, что медвѣдь, котораго онъ по простотѣ своей привыкъ называть братомъ, не возвратился къ нему.

На другой день утромъ Флорентій отправился на поле, дабы искать звѣря, а также и овецъ; увидя медвѣдя убитымъ, старецъ весьма опечалился. Разсмотрѣвъ внимательно и понявъ, кѣмъ былъ убитъ звѣрь, старецъ началъ плакать; плакалъ онъ впрочемъ не столько о смерти медвѣдя, сколько о погибельной злобѣ тѣхъ четырехъ братій, и горько рыдалъ.

Когда авва Евтихій узналъ о печали и скорби Флорентіевой, позвалъ его къ себѣ и началъ его утѣшать. Человѣкъ же Божій въ присутствіи аввы сказалъ съ глубоко опечаленнымъ лицомъ:

— Я надѣюсь на Всемогущаго Бога, что тѣ, кои убили медвѣдя, не причинившаго никому никакого зла, получатъ еще въ настоящей жизни предъ глазами всѣхъ наказаніе отъ Господа.

Лишь только угодникъ Божій успѣлъ сказать эти слова, какъ за ними послѣдовало и самое дѣло; ибо внезапно тѣ четыре монаха были поражены отъ Господа страшною проказою, такъ что сгнили всѣ члены ихъ, и они умерли въ той болѣзни.

Послѣ того, какъ случилось все это, человѣкъ Божій Флорентій пришелъ въ великій страхъ, что проклялъ братій тѣхъ, и никогда въ продолженіе всей жизни своей не переставалъ рыдать о братіяхъ тѣхъ, себя же называлъ ихъ жестокимъ убійцею.

Все сіе сотворилъ Всемогущій Богъ для того, чтобы тотъ простой и добродѣтельный мужъ, будучи обиженъ, никогда болѣе не проклиналъ никого устами своими.

Сей богоугодный мужъ сотворилъ и еще другое дивное дѣло. Когда объ немъ всюду пронеслась молва, къ нему пришелъ издалека нѣкоторый діаконъ, дабы сподобиться его молитвъ и благословенія. Увидавъ кругомъ келліи его весьма много змѣй и разнаго рода гадовъ, діаконъ весьма испугался и воскликнулъ, сказавъ:

— Рабъ Божій! Помолись обо мнѣ!

Въ то время воздухъ былъ очень чистъ и ясенъ, такъ какъ освѣщался сіяніемъ солнца. Флорентій, выйдя изъ келліи и ставъ на землѣ, устремилъ очи свои на небо и поднялъ руки свои вверхъ, молясь, дабы Господь изгналъ оттуда тѣхъ гадовъ средствами, какими Ему Самому было вѣдомо. И тотчасъ послышался громъ, явилась молнія и побилъ тотъ громъ вмѣстѣ съ молніею всѣхъ змѣй, обитавшихъ на мѣстѣ томъ. Увидавъ все сіе, человѣкъ Божій Флорентій, снова поднявъ очи на небо, сказалъ:

— Вотъ, Ты, Господи, побилъ змѣй сихъ: но кто же возьметъ ихъ отсюда?

И тотчасъ послѣ словъ его прилетѣло великое множество птицъ, числомъ столько, сколько было избіенныхъ гадовъ; и каждая птица взяла по одной змѣѣ, отнесла далеко и бросила тамъ; такимъ образомъ было очищено отъ гадовъ то мѣсто, на которомъ жилъ преподобный.

Поживъ въ теченіе всѣхъ дней своихъ въ великомъ богоугожденіи, святый Флорентій отошелъ къ жизни нескончаемой [1]).

Подобно сему преподобный Евтихій пасъ ввѣренную ему паству въ теченіе многихъ лѣтъ; наставивъ многихъ на путь къ Не-

---

[1]) Кончина святаго Флорентія послѣдовала въ 547 г.

бесному Царствію и руководивъ многихъ ко спасенію, святый преставился ко Господу[1]). И тотъ, кто при жизни своей не творилъ чудесъ, явился чудотворцемъ по преставленіи своемъ; ибо отъ одежды, оставшейся послѣ смерти святаго, подавались исцѣленія больнымъ, страдавшимъ различными недугами. Такъ прославилъ Господь раба Своего.

Когда случалось бездождіе и земля страдала отъ засухи, то жители страны той, собравшись вмѣстѣ, брали одежду преподобнаго Евтихія, приносили ее въ церковь и, совершивъ молитву Господу, проходили съ нею черезъ селенія, нивы и сады; и тотчасъ ниспосылался отъ Господа дождь, увлажнявшій и насыщавшій землю[2]). Этимъ ясно всѣмъ показывалось, насколько велика была при жизни внутренняя сила душевной добродѣтели того, кого одно внѣшнее одѣяніе, приносимое предъ Господа, уже отвращало гнѣвъ Господень.

Такъ прославлялся Богъ обоими угодниками Своими тогда, и нынѣ ради нихъ же прославляется отъ насъ, рабовъ Своихъ,—и будетъ прославляемъ въ безконечные вѣки. Аминь.

[1]) Святый Евтихій скончался ок. 540 г.

[2]) Описываемое событіе случилось въ 1492 г.

День двадцать четвертый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
СИРЫ

При царѣ Персидскомъ Хозроѣ Старшемъ [1]), въ двадцать восьмой годъ царствованія его, въ Персіи явилась, какъ нѣкій чистѣйшій жемчугъ въ морѣ, святая дѣвица Сира, просіявшая красотою вѣры христіанской и прославившаяся великими страдальческими подвигами за Имя Христово.

Святая Сира родилась въ городѣ, называвшемся Керхъ-Селевкія, и происходила изъ нечестиваго рода. Отцемъ ея былъ жрецъ идольскій, весьма уважаемый (язычниками) волхвъ; онъ былъ долгое время судіею и начальникомъ сонма волхвовъ и жрецовъ персидскихъ; онъ хорошо зналъ ученіе древнѣйшаго архиволхва Зороастра [2]), перваго знатока астрологіи (звѣздочетной науки) въ Персіи. Сей волхвъ, отецъ святой дѣвицы Сиры, весьма ненавидѣлъ христіанъ и весьма опасался того, какъ бы его дочь не узнала о хри-

---

1) *Хозрой* (или, точнѣе, *Хосровъ*) съ персидскаго значитъ вообще царь. Это наименованіе обычно прибавлялось къ собственному имени того или другого персидскаго царя. *Хозрой Старшій*, т. е. Хозрой I-й Ануширванъ, царствовалъ съ 531 г. по 579 г.

2) *Зороастръ*—персидскій мудрецъ (магъ); жилъ за 1000 лѣтъ до Р. Хр.; основалъ очень сложное религіозное ученіе, построенное на дуалистическомъ принципѣ (т. е. на принципѣ строгаго раздѣленія добра и зла какъ двухъ, непримиримыхъ между собою, но въ то же время самостоятельныхъ началъ).

стіанствѣ и не познакомилась бы съ христіанскими дѣвицами. Ибо тогда въ Персіи было весьма много христіанъ (какъ и вообще ихъ было весьма много по всей Азіи подъ властію агарянъ), несмотря на то, что ихъ весьма притѣсняли и преслѣдовали. По этой причинѣ (желая предохранить Сиру отъ христіанскаго вліянія) отецъ и отдалъ ее по смерти матери въ другой городъ, называвшійся Фарсомъ (въ этомъ городѣ весьма сильно распространено было волшебство) къ нѣкоей родственницѣ своей женщинѣ-волшебницѣ, дабы она воспитала ее въ нечестивыхъ обычаяхъ языческихъ.

Когда отроковица начала приходить въ разумѣніе, то была обучена волшебству и посвящена мерзкому идольскому служенію, именно: ей поручено было совершать бѣсамъ нѣкія тайныя жертвы, называвшіяся язычниками *Іасѳъ* и считавшіяся ими за чистыя жертвоприношенія.

Все это говорится о святой дѣвицѣ Сирѣ для того, чтобы было извѣстно, въ какомъ помраченіи и обольщеніи бѣсовскомъ находилась она и отъ сколь великой тьмы она перешла къ свѣту познанія вѣры истинной, избѣжавъ сѣтей діавольскихъ.

Когда Сира пришла уже въ совершенный возрастъ и основательно изучила все волшебное искусство,—ибо уже служила мерзкимъ богамъ персидскимъ въ санѣ жрицы,— путь спасенія ея устроился такъ.

По промышленію и изволенію Божію, она познакомилась съ нѣкоторыми бѣдными христіанскими женщинами и отъ нихъ услышала впервые о Христѣ Господѣ, Богѣ Истинномъ. Потомъ она начала подробнѣе разспрашивать ихъ о христіанской вѣрѣ, о ея догматахъ и о всемъ ученіи христіанскомъ, а также и о жизни христіанъ. И все то, что слышала отъ нихъ, взвѣшивала въ умѣ своемъ, сравнивая вѣру христіанскую съ персидскою и находя между тою и другою великое различіе. Ибо все то, что относилось до персидской вѣры, она начала считать ложнымъ и мерзкимъ, все же, касавшееся вѣры христіанской,—праведнымъ и чистымъ. Тогда у нея явилось твердое намѣреніе оставить нечестіе персидское и присоединиться къ христіанамъ. Желая еще болѣе основательно ознакомиться съ христіанскимъ благочестіемъ, она начала тайно приходить въ храмы христіанскіе, слушала тамъ чтеніе и пѣніе церковное и поученія отъ Слова Божія и внимательно присматривалась къ благочинному и благоговѣйному совершенію

службъ церковныхъ. Мало-помалу она весьма полюбила вѣру христіанскую, и ей понравился образъ жизни христіанъ. Тогда она начала осторожно подражать христіанамъ пощеніемъ и умерщвленіемъ тѣла своего. Ей было уже восемнадцать лѣтъ отъ роду, и она болѣе всего опасалась того, какъ бы ее не отдали въ замужество и не обременили бы умъ ея житейскими попеченіями. Посему она не показывалась на глаза людей (язычниковъ), не водила знакомства съ славными и богатыми дѣвицами и женщинами персидскими, но избѣгала ихъ, сторонясь бесѣды и дружбы съ ними. Къ христіанскимъ же дѣвицамъ и женамъ часто приходила и бесѣдовала съ ними о рожденіи Христа отъ Пречистой Дѣвы, о всѣхъ чудесахъ Его, о Его вольномъ страданіи и смерти, о Его воскресеніи и вознесеніи съ плотью на Небеса, о будущемъ Страшномъ Судѣ, о воздаяніи праведнымъ и о мукахъ грѣшниковъ. Всему, что слышала отъ христіанскихъ дѣвицъ, она вѣровала безъ сомнѣнія, запечатлѣвая все, сказанное ими, въ сердцѣ своемъ, умиляясь душею и возгараясь все болѣе и болѣе любовію ко Господу. Она запиралась въ своей комнатѣ, читала христіанскія книги, привыкала къ молитвѣ и псалмопѣнію и молилась Единому Истинному христіанскому Богу, посыпая пепломъ главу свою. Такъ долгое время подвизалась она, храня втайнѣ вѣру христіанскую. Ибо она боялась отца своего и прочихъ волхвовъ и, кромѣ того, думала, что для спасенія достаточно и втайнѣ вѣровать во Христа: еще не уразумѣла она апостольскаго слова: се́рдцемъ вѣ́рꙋетсѧ въ пра́вдꙋ, оу҆сты́ же и҆сповѣ́дꙋетсѧ во спасе́нїе[1]).

Спустя довольно продолжительное время Сира впала въ нѣкую болѣзнь, однако не искала врачевства въ волшебствѣ, какъ это было въ обычаѣ у тѣхъ нечестивыхъ, но обратилась сердцемъ своимъ ко Господу. Страдая тѣломъ, она пришла къ храму христіанскому и начала упрашивать пресвитера дать ей хотя немного праха церковнаго, надѣясь получить отъ того праха исцѣленіе. Но пресвитеръ отвергнулъ ее какъ нечестивую, сказавъ:

— Какое общеніе можетъ быть между тобою, невѣрующей, и вѣрующими? Что общаго между тобою, идолослужительницею, и храмомъ христіанскимъ?

Она не прогнѣвалась на это, зная сама о своемъ недостоинствѣ, но умолчала и прикоснулась съ вѣрою къ одеждѣ іерея,

---

[1]) Посл. къ Римл., гл. 10, ст. 10.

какъ нѣкогда кровоточивая женщина прикоснулась къ одеждѣ Христовой[1]),—и тотчасъ получила исцѣленіе отъ недуга своего, потомъ возвратилась здоровой домой, такъ что всѣ удивлялись столь скорому выздоровленію ея.

Ст҃а́ѧ мч҃нца
СІРА

Послѣ сего святая дѣвица Сира подумала про себя такъ: если такова сила служителей Христовыхъ, то во сколько разъ всесильнѣе Самъ Христосъ, — и весьма пожелала познать совершеннѣе вѣру христіанскую, думая, какимъ бы образомъ сподобиться Святаго Крещенія.

Діаволъ, завидующій всему доброму, замѣтивъ въ блаженной дѣвицѣ Сирѣ начатки святой вѣры, вознамѣрился воспрепятствовать ей, посему онъ явился ей ночью въ гнѣвномъ видѣ и началъ обличать ее за то, что она, оставивъ родные обычаи, обратилась въ болѣзни къ помощи христіанъ и прикоснулась къ одеждѣ христіанскаго священника.

Блаженная же дѣвица, понявъ, что то было бѣсовское обольщеніе, осѣнила себя знаменіемъ Креста, какъ была научена христіанами, и, преклонивъ колѣна, начала читать девятидесятый Псаломъ Давидовъ: **Живы́й въ по́мощи вы́шнѧгѡ, въ кро́вѣ бг҃а нб҃е́снагѡ водвори́тсѧ**[2]), весь до конца.

Діаволъ послѣ сего исчезъ на непродолжительное время, но послѣ прочтенія Псалма явился снова и сказалъ дѣвицѣ то же самое съ гнѣвомъ.

И снова дѣвица преклонила колѣна свои къ Богу и начала читать тотъ же Псаломъ.

Снова діаволъ исчезъ на непродолжительное время, но потомъ опять возвратился и дерзнулъ сказать дѣвицѣ:

— Я—богъ, обитающій въ вышнихъ, подъ защитою коего всѣ

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 20—22.
[2]) Пс. 90, ст. 1 и слѣд.

пребываютъ; и тебѣ (продолжалъ онъ) слѣдуетъ прибѣгнуть ко мнѣ, а не къ христіанамъ, обольщающимъ тебя.

Святая дѣвица, трижды поклонившись съ молитвою, начала съ усердіемъ просить Христа Бога открыть ей Истину и отогнать отъ нея всякое обольщеніе.

И тотчасъ силою Божіею искуситель былъ отогнанъ отъ святой; но въ умѣ ея, какъ слѣдъ отъ обольщенія бѣсовскаго, осталось сомнѣніе. Уразумѣвъ, что это сомнѣніе было отъ бѣсовскаго наважденія, Сира съ теплымъ сердцемъ обратилась къ Богу, каясь со слезами и исповѣдуя Ему свою немощь.

Въ слѣдующую ночь святая утѣшена была Богомъ въ видѣніи сонномъ, предзнаменовавшемъ ея мученичество.

Ей казалось, что она стоитъ на нѣкоемъ высокомъ мѣстѣ, выше священниковъ, и держитъ въ рукахъ своихъ святый потиръ, наполненный Кровію Христовою; сей потиръ она показывала народу, причемъ два діакона кадили, стоя по ту и другую сторону отъ нея. Это видѣніе знаменовало собою то, что святой предстояло испить чашу страданія за Имя Христово въ присутствіи народа, который будетъ смотрѣть на позорище; высокое же мѣсто, на коемъ она стояла, знаменовало собою высокую честь мученичества, превосходящую всѣ чины святыхъ; а кажденіе было знакомъ того, что страданіе ея было благопріятно Богу, какъ жертва и ѳиміамъ, и что страданіемъ тѣмъ облагоухается вся Церковь Христова.

Послѣ того видѣнія святая начала проводить строго подвижническое житіе о Богѣ. Вскорѣ же ея братья и родственники узнали, что она сочувствовала вѣрѣ христіанской: ибо видѣли, что она и тѣломъ измѣнилась, и лицемъ была блѣдна отъ воздержанія и поста, почти ни съ кѣмъ не разговаривала, но запиралась въ комнатѣ своей и пребывала въ молчаніи, перестала приносить жертвы богамъ и оставила службы, обычно совершавшіяся у язычниковъ. Видя это, они опечалились и начали просить мачеху уговорить дѣвицу оставить такую жизнь и не отступать отъ служенія отеческимъ богамъ, дабы не опорочить родъ ихъ и не навлечь гнѣва царскаго на весь домъ ихъ. Мачеха же, будучи научаема тѣмъ, кто прельстилъ въ древности, принявъ подобіе змѣи, Еву въ раю [1]),—приступила наединѣ къ той блаженной дѣвицѣ

[1]) т. е. діаволомъ.

съ радостнымъ и веселымъ лицемъ и начала говорить ей о себѣ, что и она исповѣдуетъ ту же вѣру христіанскую, но втайнѣ хранитъ ее и служитъ Христу. Мачеха совѣтовала ей втайнѣ не отступать отъ Христа, но явно для всѣхъ совершать обычное жреческое служеніе идоламъ, дабы всѣ, видя, что она служитъ богамъ, перестали подозрѣвать ее въ принадлежности къ христіанству.

— Поступая такъ,—говорила обольстительница,—ты и Христа не прогнѣваешь (ибо Онъ довольствуется и тѣмъ, если кто служитъ Ему втайнѣ), и отца и братій твоихъ не раздражишь, и избѣжишь лютыхъ мукъ, которыя неминуемо постигнутъ тебя, если ты не послушаешь совѣта моего. Подумай, какъ ты, юная дѣвица, немощная тѣломъ, вытерпишь побои, раны, терзаніе плоти, жженіе на огнѣ и прочія муки? Неужели ты не опасаешься того, что, не вынеся страданій, ты противъ воли своей отречешься отъ Христа? Тогда ты сдѣлаешь большой и непростительный грѣхъ. Гораздо лучше для тебя служить Христу втайнѣ, а явно показывать притворно, что ты будто бы служишь богамъ. Это не будетъ вмѣнено тебѣ въ грѣхъ.

Это и многое другое, подобное сему, говорила ежедневно мачеха дѣвицѣ Сирѣ и склонила сердце ея къ своему совѣту: **и҆́бо тлѧ́тъ ѡ҆бы́чаи бла̑ги бесѣ̑ды злы̀**[1]),—говоритъ Писаніе.

Однако Господь не попустилъ рабѣ Своей погрязнуть въ обольщеніи томъ, какъ въ нѣкоей безднѣ, но снова подкрѣпилъ ее новыми откровеніями.

Прошло послѣ того четыре мѣсяца; наступилъ Великій Постъ—Святая Четыредесятница, и святая дѣвица пожелала подвизаться тайно въ пощеніи и молитвѣ. Когда святая начала поститься, то увидала (въ сонномъ видѣніи) своихъ братьевъ, погруженными въ гной и тину, также увидала и отца, лежавшимъ на нѣкоемъ грязномъ одрѣ; посмотрѣвъ же на другую сторону, увидѣла чертогъ и одръ высокій и красивый, блистающій дивнымъ свѣтомъ; видѣла также и много свѣтлыхъ лицъ, призывавшихъ ее въ тотъ чертогъ.

Послѣ того видѣнія она пробудилась отъ сна и рано утромъ отправилась въ храмъ христіанскій; придя къ епископу Іоанну, она разсказала ему все подробно о себѣ—какъ она исцѣлилась отъ болѣзни своей прикосновеніемъ къ одеждѣ іерея, какія видѣнія были ей отъ Господа, и начала просить епископа сподобить ее Святаго Крещенія.

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 33.

Епископъ, услыхавъ обо всемъ, разсказанномъ ему дѣвицею, возрадовался духомъ о дѣвицѣ, понявъ, что она была призываема Богомъ къ спасенію. Однако, принявъ во вниманіе тогдашнее суровое время, не сподобилъ ее Крещенія, такъ какъ зналъ, что она происходила изъ весьма знатнаго рода и имѣла очень уважаемаго (язычниками) отца; зналъ также и о непримиримой ненависти, которую питали всѣ волхвы къ вѣрнымъ; онъ боялся раздражить язычниковъ, дабы они не пришли въ ярость отъ крещенія той дѣвицы, не уговорили бы царя поднять гоненіе на Церковь Христову и не разогнали бы духовныхъ овецъ Христовыхъ своею яростію, будучи жестоки, какъ волки. Кромѣ того, епископъ опасался и за дѣвицу, боясь, какъ бы она, испугавшись гнѣва родителей и устрашась мученій, не отверглась бы отъ Христа и дабы черезъ то не была поругана благодать Святаго Крещенія. Посему епископъ совѣтовалъ блаженной дѣвицѣ первоначально исповѣдать Христа предъ отцемъ своимъ, братьями и родственниками и всѣми домашними своими. Если бы оказалось, что она въ состояніи вытерпѣть страданія, которыя могли причинить святой ея родственники, то она могла бы быть непоколебимою до конца въ исповѣданіи Имени Христова; и тогда она будетъ сподоблена Святаго Крещенія. Давъ такой совѣтъ дѣвицѣ, епископъ отпустилъ ее съ миромъ.

Дѣвица отошла отъ епископа весьма опечаленною, такъ какъ ея желаніе не было исполнено; она смущалась въ мысляхъ, ибо находилась между любовію и страхомъ: горѣла любовію ко Христу, но въ то же время боялась мученій; посему она умолчала изъ страха.

Спустя нѣкоторое время святая дѣвица снова имѣла сонное видѣніе, именно: она увидѣла Ангела Божія, державшаго въ рукахъ желѣзную палку и ударившаго ее этою палкою; при этомъ Ангелъ вопросилъ ее:

— Гдѣ твое обѣщаніе? Вѣдь ты обѣщалась вѣрно служить Истинному Богу и крѣпко стоять за святое Имя Его противъ нечестивыхъ.

Пробудившись отъ сна и видѣнія сего, дѣвица пришла въ великій ужасъ.

Когда наступило утро, она была позвана къ мачехѣ своей. Мачеха приказала ей совершить утреннее жертвенное служеніе богамъ, по обычаю. Уже горя ревностію по Христѣ Богѣ, Сира

намѣревалась явно исповѣдать Имя Христово и отречься отъ волшебства и идолослуженія предъ всѣми; однако притворно показала въ тотъ часъ послушаніе мачехѣ своей и, взявъ орудія жреческаго служенія по чину діавольскому, согласно преданіямъ Зороастра, подошла къ жертвеннику; но въ это время увидѣла себя осіянною какъ бы нѣкіимъ свѣтомъ божественнымъ. Укрѣпившись въ сердцѣ своемъ и изгнавъ страхъ изъ души своей, святая разбила предъ глазами всѣхъ тѣ жреческія орудія, плюнула на огонь (который Персы почитали божествомъ), затушила его, разрушила алтарь и громогласно воскликнула:

— Я—христіанка! Я отвергаю служеніе идоламъ, порицаю всѣ скверныя волшебныя дѣла бѣсовскія, попираю ложныхъ боговъ и алтари нечестивые, вѣрую же во Единаго Истиннаго Бога христіанскаго и иду къ храму христіанскому.

Братья съ мачехою, а также и всѣ, бывшіе въ домѣ и слышавшіе все, сказанное дѣвицею, взяли ее, удержали и заключили въ комнатѣ, дабы она не вышла оттуда; потомъ поставили стражей охранять дѣвицу (отца тогда дома не случилось). Блаженная же начала просить ихъ призвать отца ея, дабы исповѣдать Имя Христово и предъ нимъ, хотя бы и была предана имъ на мученія: ибо она не желала болѣе таить вѣру свою во Христа, но желала явно показать ее всѣмъ, не страшась никакихъ мученій.

Между тѣмъ въ это время къ дѣвицѣ пришли ея родственники и знакомые и начали со слезами увѣщавать ее оставить такое дѣло и не печалить отца и братій, не безчестить рода своего и не отдавать себя самовольно на лютыя мученія; но святая даже и слышать не хотѣла сихъ лукавыхъ увѣщаній.

Когда пришелъ отецъ и увидѣлъ, что его волшебный огонь, который онъ почиталъ за бога, былъ потушенъ, алтарь опрокинутъ, орудія жреческаго служенія были сокрушены, когда услыхалъ также, что дочь его Сира громогласно прославляла Имя Христово, то исполнился великой ярости и, схвативъ ее, началъ бить ее своими руками безъ милости, и билъ ее до тѣхъ поръ, пока не изнемогъ самъ. Потомъ началъ со слезами увѣщавать ее и ласкать, говоря съ ней милостиво и дружелюбно, однако не имѣлъ никакого успѣха. Несмотря на то, что отецъ предавалъ ее многимъ мученіямъ, заключалъ ее въ узы, запиралъ въ темномъ мѣстѣ и морилъ голодомъ и жаждою, и причинялъ много побоевъ; иногда же или самъ, или черезъ родственниковъ своихъ ласково упра-

шивалъ ее обратиться къ отеческимъ богамъ и жреческому служенію,—истинная раба Христова пребывала твердою, какъ адамантъ, и была непоколебима, какъ столпъ, въ исповѣданіи пресвятаго Имени Господа нашего Іисуса Христа.

Когда отецъ убѣдился въ непоколебимомъ сочувствіи Сиры къ вѣрѣ христіанской, а также и въ томъ, что дѣвицу невозможно отвратить отъ христіанства никоимъ способомъ, онъ пошелъ и разсказалъ обо всемъ Мавиптису, который считался у Персовъ начальникомъ волхвовъ. Мавиптисъ же, собравъ всѣхъ жрецовъ и волхвовъ изъ сосѣднихъ городовъ, возсѣлъ вмѣстѣ съ ними у храма бога ихъ — огня и приказалъ представить предъ судилище свое дѣвицу Христову. Собралось туда много народу; среди народа немало было и христіанъ, пришедшихъ видѣть подвигъ дѣвицы Сиры; ибо всѣмъ уже было извѣстно объ ея обращеніи и о страданіяхъ, причиненныхъ ей отцомъ.

Мавиптисъ началъ допытываться отъ дѣвицы, почему она отвергла отеческихъ боговъ и отеческія преданія и приняла иную вѣру. Дѣвица отвѣчала на это такъ:

— Ни одинъ человѣкъ, имѣющій здравый разумъ, не будетъ уподобляться неразумнымъ животнымъ, идущимъ вослѣдъ рождшихъ ихъ — невѣдомо куда, но пойдетъ тѣмъ путемъ, который онъ найдетъ лучшимъ; ни одинъ разсудительный человѣкъ не пойдетъ за отцами и праотцами своими, увлекающими его въ заблужденіи своемъ въ погибель. Подобно сему и я, увидя, что вѣра христіанская — несравненно лучше отеческаго нечестія, избрала лучшее и отвергла худшее.

Мавиптисъ съ гнѣвомъ сказалъ:

— Многія мученія ожидаютъ тебя, дѣвица, если ты не послушаешь насъ.

Сира, положивъ руку себѣ на шею, съ великимъ дерзновеніемъ сказала:

— Отсѣки сію, это въ твоей власти,— говорю тебѣ разъ навсегда.

Мавиптисъ послѣ сего много разъ спрашивалъ ее, но она ничего не отвѣчала ему, а читала Псалмы Давидовы, которыхъ язычники не разумѣли.

Мавиптисъ наконецъ спросилъ окружающихъ:

— Что она говоритъ?

Но никто не зналъ того, что говорила она. И лишь только одинъ изъ бывшихъ тамъ (язычниковъ) сказалъ:

— Она читаетъ христіанскія молитвы.

Мавиптисъ тотчасъ приказалъ позвать епископа христіанскаго, дабы узнать, христіанскія ли слова говорила дѣвица.

Епископъ пришелъ въ великомъ страхѣ, боясь власти волхвовъ. Мученица посмотрѣла на него. Замѣтивъ, что онъ въ страхѣ, дѣвица громко сказала ему:

— Не бойся, отче, но вспомни слова Писанія: **глаго́лахъ ѿ свидѣ́нїихъ твои́хъ пред̾ цари̑, и̑ не стыдѧ́хсѧ**[1]). И еще: **не оу҆бо́йтесѧ ѿ оу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оу҆би́ти**[2]).

Когда епископъ былъ спрошенъ о словахъ, сказанныхъ дѣвицею, то удостовѣрилъ, что дѣйствительно то были слова христіанъ.

Мавиптисъ, разгнѣвавшись на дѣвицу, приказалъ бить ее по устамъ. Послѣ сего онъ то говорилъ ей съ лестію, то угрожалъ мученіями, но не успѣлъ ни въ чемъ и былъ посрамленъ предъ христіанами, которые присутствовали здѣсь и смотрѣли на все происходившее.

Потомъ Мавиптисъ приказалъ нѣкоторое время содержать дѣвицу въ домѣ отца ея, не желая теперь же возвѣщать о дѣвицѣ царю, дабы не обезчестить знатный родъ ея; при этомъ Мавиптисъ далъ совѣтъ отцу дѣвицы: скорѣе ласками, чѣмъ угрозами, убѣдить дѣвицу отступить отъ христіанства. И возвратилась мученица домой, радуясь и славя Бога за то, что сподобилась пострадать за Имя Христово предъ княземъ, судьями и всѣмъ народомъ.

Въ то время, когда дѣвица была въ домѣ отца ея, Господь утѣшалъ и укрѣплялъ рабу Свою новыми откровеніями; ибо она часто видѣла Ангеловъ, которые учили ее, какъ отвѣчать нечестивымъ судьямъ. Иногда ей являлись Моисей[3]), Илія[4]), Петръ Апостолъ[5]) и другіе святые, какъ объ этомъ повѣствуется въ болѣе пространномъ сказаніи о страданіи святой дѣвицы Сиры[6]).

Между тѣмъ отецъ дѣвицы всячески старался отвратить ее отъ Христа, но не могъ побѣдить ея твердости, и посему опять

---

1) Псал. 118, ст. 46.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

3) *Моисей*—верховный вождь и законодатель народа еврейскаго. Память его празднуется св. Церковію 4-го сентября.

4) Память святаго славнаго Пророка Иліи празднуется 20-го іюля.

5) Память святаго первоверховнаго Апостола Петра празднуется 29-го іюня.

6) Это болѣе пространное сказаніе не дошло до насъ.

возвѣстилъ объ упорствѣ дѣвицы Мавиптису и всему сонмищу волхвовъ.

Въ то время случайно прибылъ въ тотъ городъ нѣкій вельможа, состоявшій въ верховномъ совѣтѣ при царѣ, по имени Даръ. Оба эти вельможи, Даръ и Мавиптисъ, находились вмѣстѣ въ то время, когда имъ пришлось выслушать отца дѣвицы, жаловавшагося на дочь свою, а также и оговорившаго христіанъ въ томъ, что они будто бы возмутились противъ него и хотѣли побить его камнями.

Вельможа Даръ послалъ къ дѣвицѣ нѣсколькихъ именитыхъ мужей, приказавъ имъ спросить святую, почему она оставила волшебную мудрость и жреческое служеніе и уклонилась къ христіанской вѣрѣ? При этомъ Даръ приказалъ посланнымъ увѣщавать дѣвицу ласковыми словами, обѣщая ей царскіе дары; а если бы она не послушала ихъ, приказалъ имъ сказать дѣвицѣ, что ее ожидаютъ лютыя мученія.

Когда посланные пришли къ дѣвицѣ и начали разспрашивать ее обо всемъ, говоря съ ней ласково и любезно, дѣвица отвѣчала:

— Я хотѣла сама идти къ тому, кто васъ послалъ, дабы сказать ему о моей вѣрѣ во Христа. Но такъ какъ ко мнѣ пришли вы, то слушайте: я приняла христіанскую вѣру потому, что я уразумѣла ея истинность и правоту, такъ какъ эта вѣра признаетъ Творцемъ всего Единаго Бога, Всесильнаго и Безсмертнаго; волшебство же ваше и служеніе идоламъ я возненавидѣла потому, что вы признаете многихъ боговъ, но боги эти бездушны и ничтожны. Скажите же тому, кто васъ послалъ: смотри, не измѣни своему обѣщанію, но на самомъ дѣлѣ предай меня на мученія согласно тому, какъ ты обѣщалъ, ибо я готова пострадать и даже умереть за Христа, Бога моего.

Услыхавъ такой отвѣтъ дѣвицы, вельможа Даръ преисполнился гнѣва и приказалъ взять дѣвицу изъ дома отца и перевести въ темницу; затѣмъ, связавъ желѣзными цѣпями по рукамъ и ногамъ, заключили ее въ тѣсномъ и мрачномъ помѣщеніи и не давали ей ни хлѣба, ни воды.

И пребыла святая въ заключеніи темничномъ три дня и три ночи, не будучи въ состояніи двинуться — какъ по причинѣ тяжелыхъ желѣзныхъ цѣпей, коими она была связана, такъ и по причинѣ тѣсноты помѣщенія.

Спустя три дня дѣвица была выведена изъ заключенія. Тогда язычники спросили ее: довольно ли для нея сего наказанія и не желаетъ ли она обратиться къ исповѣданію боговъ отеческихъ и къ признанію отеческихъ законовъ.

Дѣвица оставалась непреклонной въ вѣрѣ Христовой.

Тогда язычники снова произвели судъ надъ нею и постановили бросить ее въ нѣкій глубокій ровъ—темный, смрадный и мерзкій, связавъ при этомъ святую очень тяжелыми желѣзными узами. Когда возлагали на дѣвицу узы, хотѣли сковать вериги гвоздями, но гвозди не входили въ приготовленныя для нихъ мѣста; были призваны многіе кузнецы, но не успѣли ни въ чемъ. Мученица сотворила крестное знаменіе на гвоздяхъ и веригахъ, и тотчасъ гвозди сами собою расположились на своихъ мѣстахъ. Однако враги Христовы, ослѣпленные злобою, не уразумѣли чудесной силы креста святаго и безъ милосердія сковали святую, нагнувъ голову ея къ ногамъ: потомъ бросили въ ровъ.

Христосъ Господь, не оставляющій любящихъ Его, тотчасъ послалъ рабѣ Своей, находившейся въ томъ рву, утѣшеніе; ибо ее озарилъ тамъ Свѣтъ Небесный, оковы желѣзныя разрѣшились сами собою и спали со святой, смрадъ превратился въ благоуханіе; мученица пребывала во рву, какъ въ чертогѣ, радуясь и прославляя Бога.

Между тѣмъ, христіане, бывшіе въ томъ городѣ, собравшись вмѣстѣ съ епископомъ своимъ въ храмѣ, начали со слезами молиться къ Богу о мученицѣ Сирѣ, дабы Онъ помогъ ей доблественно совершить подвигъ свой.

И пребывала мученица въ томъ рву пятнадцать дней, такъ что никто не думалъ, чтобы она могла остаться живой по причинѣ великаго смрада и голода, а также и по причинѣ тяжести оковъ, на нее возложенныхъ.

Между тѣмъ въ то время отъ продолжительнаго бездождія случилась засуха, и народъ говорилъ, что это гнѣвъ Божій покаралъ всѣхъ засухою и голодомъ за невинныя страданія дѣвицы Сиры.

Спустя пятнадцать дней нечестивые судьи узнали, что дѣвица Сира оставалась жива во рву и что она освободилась отъ оковъ. Всѣ пришли въ великое изумленіе. Святую перевели изъ рва опять въ народную темницу.

Лишь только мученица была выведена изъ рва, тотчасъ пролилъ съ неба на землю обильный дождь, который и оросилъ

землю въ избыткѣ. И говорили въ народѣ, что Богъ послалъ этотъ дождь ради дѣвицы Сиры, выведенной изъ рва.

Господь далъ рабѣ Своей и даръ чудотворенія, такъ что она могла исцѣлять болѣзни и изгонять бѣсовъ; ко святой, находившейся въ темницѣ, приходили весьма многіе, желая получить отъ нея исцѣленіе; и всѣ тѣ, кои прикасались къ ея одеждѣ или только къ ея оковамъ, получали исцѣленіе отъ недуговъ своихъ; бѣсы же не терпѣли приближенія къ ней.

Спустя нѣкоторое время наступилъ праздникъ, учрежденный въ честь святыхъ мучениковъ, ранѣе пострадавшихъ въ Персіи; этотъ праздникъ совершался лишь одинъ разъ въ году въ храмѣ, находившемся внѣ города. Мученица пожелала быть на томъ всенародномъ празднованіи и на томъ всенощномъ пѣніи; ибо нѣкій боголюбивый христіанинъ далъ сторожамъ золото и поручился имъ самъ за мученицу, дабы ее отпустили изъ темницы, обѣщаясь обратно возвратить ее въ темницу утромъ слѣдующаго дня.

Святая была отпущена изъ темницы; при этомъ она перемѣнила одежду свою, дабы язычники не узнали ее; придя къ храму, она встала въ углу притвора и слушала пѣніе церковное.

Случайно оказалась въ томъ праздничномъ собраніи нѣкоторая бѣсноватая женщина; лишь только женщина та подошла къ святой дѣвицѣ Сирѣ, тотчасъ бѣсъ, находившійся въ женщинѣ той, громко воззвалъ, говоря, что мученица Сира пришла въ храмъ и можетъ изгнать его. И когда всѣ, бывшіе тамъ, начали искать святую мученицу по храму, она тотчасъ ушла оттуда и пришла въ темницу.

Такъ боялись ея бѣсы, что даже не могли приближаться къ ней.

Въ одну изъ слѣдующихъ ночей святая дѣвица Сира снова была отпущена на поруки изъ темницы, за вознагражденіе стражи; тогда она пошла къ епископу и приняла отъ него Святое Крещеніе въ храмѣ, находившемся въ городѣ.

Послѣ всего этого Мавиптисъ и прочіе, бывшіе съ нимъ судьи и волхвы, рѣшили послать мученицу къ царю, такъ какъ не могли никоимъ способомъ отвратить ее отъ исповѣданія вѣры христіанской. Отправляя дѣвицу къ царю, судьи тѣ положили на шеѣ мученицы печать, согласно обычаю своему, дабы не представлена была какая другая женщина вмѣсто дѣвицы Сиры; печать же та была такого рода, что ее нельзя было никоимъ спосо-

бомъ снять съ шеи святой мученицы, развѣ только вмѣстѣ съ головой.

Взявъ святую, воины повели ее въ городъ, называвшійся Аліакомъ, ибо царь находился въ то время тамъ; воины передали мученицу начальнику города вмѣстѣ съ письменнымъ сообщеніемъ о винѣ мученицы и о томъ, коего она рода и какія мученія она претерпѣла.

Начальникъ города (епархъ) сначала приступилъ къ увѣщанію святой ласковыми словами, затѣмъ началъ угрожать муками, уговаривая дѣвицу обратиться къ прежней вѣрѣ и дѣламъ (т. е. къ вѣрѣ и жизни языческой); но увидавъ, что она его не слушалась, приказалъ снять съ нея одежды, одѣть ее въ нѣкое жалкое рубище и отдалъ ее подъ наблюденіе іудеевъ, зная, что іудеи были врагами христіанъ.

Іудеи, взявъ святую, связанную желѣзными оковами, заключили ее въ тѣсномъ помѣщеніи, въ пищу же ей давали очень небольшой кусокъ ячменнаго хлѣба, дабы она не умерла отъ голода; при этомъ каждый день укоряли ее бранными словами, хулили также и Христа, говоря:

— Гдѣ же разсказанная о тебѣ басня, что сами узы спадаютъ съ тебя, съ твоей шеи, рукъ и ногъ? Посмотримъ нынѣ, какъ спадутъ узы!

Однажды, когда іудеи въ такихъ словахъ посмѣявались надъ святой, она, поднявъ къ небу очи свои, вздохнула и въ глубинѣ сердца своего помолилась ко Господу; и тотчасъ передъ глазами іудеевъ узы ея спали и съ шеи, и съ рукъ, и съ ногъ ея, такъ что іудеи весьма дивились.

Святая пребывала у іудеевъ одиннадцать дней, потомъ епархъ снова приказалъ привести ее къ начальнику волхвовъ, бывшему при царѣ, пересказавъ ему о дѣвицѣ все то, что ему было извѣстно.

Начальникъ волхвовъ, приказавъ представить себѣ дѣвицу, спросилъ ее:

— Ради чего ты отвергла вѣру нашу? Вѣдь нашу вѣру хранятъ съ честію и цари, и князи, наша вѣра распространилась повсюду и владѣетъ всѣми и обогащаетъ тѣхъ, кто хранитъ ее; и ради чего ты присоединилась къ христіанамъ — людямъ безчестнымъ, бѣднымъ и всѣми презираемымъ и ненавидимымъ.

Дѣвица отвѣчала съ дерзновеніемъ:

— Гдѣ нынѣ вѣнцы вашихъ умершихъ царей? Гдѣ слава кня-

зей? Все это погибло: цари и князи, подобно травѣ, расцвѣли на непродолжительное время, но потомъ увяли и унаслѣдовали смерть вѣчную, такъ какъ не познали Бога Истиннаго, Творца всего и не почтили Владыку жизни и смерти, но поклонялись творенію какъ божеству, почитая огонь, воду, солнце, луну и звѣзды. Христіане же за тѣ страданія, которыя они претерпѣваютъ отъ васъ въ настоящей жизни, получатъ жизнь вѣчную; а за временное безчестіе они наслѣдуютъ славу небесную.

Начальникъ волхвовъ пришелъ въ ярость отъ такихъ словъ дѣвицы; потомъ началъ подробно разспрашивать ее, гдѣ она была ранѣе. Узнавъ, сколь великія мученія она вынесла, а также узнавъ и о ея тяжкомъ темничномъ заключеніи, услышавъ также и о томъ, что святая находилась подъ наблюденіемъ іудеевъ, онъ приказалъ отдать ее опять іудеямъ и велѣлъ имъ наблюдать тщательно, чтобы никто изъ христіанъ не приходилъ къ дѣвицѣ.

Взявъ святую, іудеи безъ милосердія начали мучить ее, терзая ее различными муками въ продолженіе трехъ дней.

Когда одинъ сановникъ царскій, коему было поручено наблюдать за всѣми темницами и за всѣми узниками, услышалъ о мученицѣ, то взялъ ее отъ іудеевъ и помѣстилъ въ свою темницу. Поступилъ же такъ сей мужъ ради прибытка, такъ какъ у христіанъ былъ обычай покупать себѣ золотомъ и серебромъ у темничныхъ стражей право входа въ темницу, къ узникамъ, страдавшимъ за Имя Христово.

Въ то время, когда мученица находилась въ темницѣ, нѣкоторые христіане, получивъ за деньги право входа въ темницу, пришли къ святой дѣвицѣ Сирѣ, дабы навѣстить ее. Увидавъ, что она была крѣпко связана оковами желѣзными и лежала на голой землѣ, они принесли ей и устроили постель, дабы хотя сколько-нибудь облегчить ея великія муки. Но одинъ изъ темничныхъ стражей, придя къ мученицѣ, сбросилъ ее съ постели и причинилъ ей сильную боль — по причинѣ тяжеловѣсности возложенныхъ на мученицу оковъ. И тотчасъ тѣ узы желѣзныя разрѣшились сами собою и спали съ мученицы, такъ что всѣ, бывшіе тамъ, весьма изумлялись всему происшедшему.

Въ тѣ дни царь пожелалъ идти изъ того города въ другой городъ, называвшійся Ресанкусадонъ; съ нимъ пошли и всѣ вельможи персидскіе, а также и начальникъ волхвовъ. Слѣдомъ за ними поведена была и святая мученица Сира (будучи связанной),

а также и всѣ прочіе узники; въ продолженіе всего пути святая мученица молилась ко Господу, воспѣвая Псалмы Давидовы. Воины, ведшіе святую, много разъ требовали отъ нея, чтобы она умолкла; по этой причинѣ возлагали на нее еще болѣе тяжелыя оковы; но она не переставала воспѣвать и благодарить Бога.

Когда пришли на мѣсто, называвшееся Карсъ, начальникъ волхвовъ вмѣстѣ съ прочими судьями приказалъ представить святую на допросъ и спросилъ ее:

— Ты имѣла вполнѣ достаточно времени для размышленія; скажи же намъ, что ты избираешь: согласна ли ты возвратиться къ первоначальному служенію богамъ и остаться въ живыхъ, или ты желаешь умереть въ христіанствѣ?

Святая отвѣчала:

— Что я могу еще избирать, кромѣ того, что я уже избрала разъ навсегда? Вѣдь я говорила много разъ, что я — христіанка, раба Господа моего Іисуса Христа: Его я люблю, Ему я служу и за Него я желаю умереть.

Начальникъ волхвовъ сказалъ:

— Скажи намъ слова мудрости волшебной, коимъ ты первоначально была обучена.

Святая же начала громогласно вѣщать слова молитвы къ Богу изъ Псалмовъ Давидовыхъ.

Начальникъ волхвовъ весьма разгнѣвался и приказалъ разорвать одежды ея и представить къ себѣ на допросъ обнаженною; потомъ спросилъ:

— Неужели ты не чувствуешь сейчасъ никакого стыда?

Святая отвѣчала:

— Ради чего мнѣ стыдиться? Я не грабительница, не блудница; я не сдѣлала никому никакого зла; хотя вы и лишили меня одежды внѣшней, но я имѣю одѣяніе пресвѣтлое, нетлѣнное, вѣчное на Небеси, которое уготовалъ для меня Господь мой, ради Коего я и обнажена нынѣ.

Въ то время, когда святая говорила эти слова, князь страны хузаинской, возсѣдавшій вмѣстѣ съ волхвомъ, сказалъ:

— Она бѣснуется.

Но святая отвѣчала:

— Не я бѣсноватая, а ты бѣсноватъ, ибо ты служишь бѣсамъ; если желаешь, я положу знаменіе креста на челѣ твоемъ, тогда

изъ тебя выйдетъ бѣсъ, и просвѣтятся душевныя очи твои, такъ что ты познаешь Истину.

Тогда всѣ, бывшіе тамъ, громогласно воззвали:

— Она повинна смерти, ибо хулитъ боговъ нашихъ, унижаетъ царя и говоритъ дерзости князьямъ.

Тогда судьи присудили ее къ смерти и снова наложили печать на ея выю, дабы по чьему-либо ухищренію не была умерщвлена другая женщина вмѣсто ея. Уже намѣревались въ тотъ же день отвести ее на убіеніе. Но нѣкоторые изъ судей совѣтовали отсрочить смерть ея на непродолжительное время, говоря, что не слѣдовало бы ее умерщвлять на томъ мѣстѣ, такъ какъ тамъ было много христіанъ и посему могъ подняться мятежъ и ропотъ ради ея смерти. По этой причинѣ умерщвленіе мученицы Христовой было отложено, и судьи отдали святую опять старшему блюстителю надъ темницами; принявъ мученицу, сей блюститель надъ темницами повелѣлъ связать ее и заключить въ одномъ помѣщеніи съ прочими темничными узниками.

Послѣ сего царь направился оттуда въ городъ, называвшійся Веѳармаисъ, и здѣсь остановился на нѣкоторое время. Сюда же была приведена и святая мученица и заключена въ темницу. Въ темницѣ мученица заболѣла весьма сильно, такъ что уже ожидала смерти; тогда мученица Христова начала молиться ко Господу со слезами, прося не дать ей умереть здѣсь, но сподобить ее вѣнца мученическаго и кончины посреди страданій. Богъ услышалъ молитву рабы Своей и даровалъ ей здравіе.

Тогда одинъ изъ стражей темничныхъ, возбуждаемый діаволомъ къ плотскому грѣху, сталъ просить своего начальника разрѣшить ему совершить блудодѣйственное поруганіе надъ узницею (святою дѣвицею Сирою).

Получивъ разрѣшеніе отъ начальника стражей, язычникъ приступилъ къ невѣстѣ Христовой, горя нечистою похотію. Но Господь, охраняющій рабу Свою, невидимо поразилъ у того стража очи, уши и языкъ, такъ что онъ сталъ слѣпымъ, глухимъ и нѣмымъ и, павъ ницъ на землю, началъ издавать неистовый вопль.

Начальникъ стражей, увидя все это, вмѣсто того чтобы прійти въ ужасъ, познать силу Божію и наказать стража того за дерзость, самъ замыслилъ совершить беззаконіе, горя страстію къ святой дѣвицѣ.

Святая сказала ему:

— Я обручена Царю Небесному, и Онъ не попуститъ осквернить дѣвственницу и невѣсту Свою.

Но начальникъ стражей не слушалъ ея. Однако, когда онъ хотѣлъ безстыдно приблизиться къ дѣвицѣ, тотчасъ Ангелъ Божій поразилъ его, и онъ упалъ на землю какъ мертвый. Пришли слуги и унесли его оттуда; онъ не скоро пришелъ въ себя, но и послѣ таковаго наказанія Божія рабъ сатаны остался неисправимымъ. Преисполнившись ярости, онъ замыслилъ тотчасъ же погубить мученицу, ибо ему было приказано предать мученицу какому-либо роду смерти. Сей нечестивецъ не пожелалъ умертвить святую мечомъ, но замыслилъ удавить ее вервіемъ. Призвавъ кузнеца, онъ приказалъ ему снять съ мученицы оковы желѣзныя.

Святая же дѣвица сказала начальнику надъ стражами:

— Кузнецъ здѣсь не нуженъ.

Сказавъ эти слова, она сама сняла оковы съ выи, рукъ и ногъ своихъ. И удивлялись всѣ, смотрѣвшіе на сіе, однако не познали Силы Божіей.

Тогда начальникъ стражей темничныхъ приказалъ опять связать руки мученицы Христовой, дабы она не оказала сопротивленія во время казни. Но мученица снова сказала ему:

— Оставь суетные совѣты твои, ибо я сама по своей собственной волѣ отдамъ себя на смерть за Бога моего, такъ что даже не пошевелю рукою.

Тогда нечестивые обвязали выю мученицы вервіемъ и начали затягивать петлю. Когда святая была уже при смерти, они нѣсколько ослабили вервіе и сказали ей:

— Если отречешься отъ христіанской вѣры, оставимъ тебя въ живыхъ.

Но мученица отвѣчала имъ:

— Дѣлайте то, что вамъ приказано.

Они снова начали душить, но опять ослабили вервіе и спросили:

— Не желаешь ли отречься отъ Христа, дабы остаться въ живыхъ?

Но святая мученица, желая умереть за Христа, снова повелѣла имъ дѣлать то, что приказано. Тогда мучители съ силою потянули вервіе съ обѣихъ сторонъ, пока не умертвили святую мученицу.

Такъ скончалась святая мученица дѣвица Сира, пострадавъ за Христа, Господа своего[1]).

Честное тѣло ея мучители рѣшили не предавать погребенію, но отдать на съѣденіе псамъ. Посему они взяли изъ темницы тѣло мученицы, отнесли его въ домъ, собрали сюда множество псовъ и, заперевъ ворота, бросили псамъ на съѣденіе тѣло мученицы. Но псы не прикоснулись къ нему, и ночью язычники выбросили изъ того дома тѣло мученицы. Христіане города того, узнавъ о страдальческой кончинѣ мученицы Христовой, внимательно наблюдали за тѣмъ, что будутъ дѣлать мучители. Когда тѣло мученицы Христовой было выброшено, христіане взяли его и похоронили съ честію, славя Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога въ Троицѣ, Коему возсылается и отъ насъ честь и слава, нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ЕВТИХІЯ

Святый Евтихій происходилъ изъ города Севастополя[2]). Услыхавъ о благовѣстіи Имени Христова, онъ оставилъ своихъ родителей и друзей и пришелъ къ возлюбленному ученику и Апостолу Іоанну Богослову[3]). Всюду слѣдуя за нимъ и подражая его житію, святый Евтихій поучался отъ него премудрости божественной и почерпалъ отъ него, какъ отъ источника, благодать Божію. Преисполнившись ревности апостольской, святый Евтихій мужественно искоренялъ обольщеніе бѣсовское. Встрѣтивъ святаго Апостола Павла[4]), Евтихій сталъ его спутникомъ и

---

1) Кончина святой мученицы Сиры послѣдовала въ 558 г. Вскорѣ же послѣ кончины святой мученицы Сиры начала страдальческій подвигъ за исповѣданіе Имени Христова ея родственница, святая Марія (по-персидски Голиндуха); страданія ея начались при томъ же царѣ Хозроѣ I-мъ, но продолжались и при другомъ царѣ съ именемъ Хозроя—внукѣ I-го,—именно,—при Хозроѣ II-мъ Парвезѣ (царствовалъ съ 590 г. по 628 г.).—Память святой Маріи (Голиндухи) празднуется 12-го іюля (подъ симъ числомъ помѣщено и житіе ея).

2) Съ именемъ *Севастополя* (или Севастіи) извѣстно въ древности нѣсколько городовъ; какой именно Севастополь разумѣется въ данномъ случаѣ,—неизвѣстно.

3) Память его празднуется св. Церковію 26 сентября (подъ симъ числомъ помѣщено и житіе его) и 8 мая.

4) Память святаго первоверховнаго Апостола Павла празднуется св. Церковію 29-го іюня.

много потрудился вмѣстѣ съ нимъ, проповѣдуя Евангеліе и мужественно перенося всѣ злоключенія; посему сей святый Евтихій и считается ученикомъ того и другого — и Евангелиста Іоанна Богослова, и святаго Апостола Павла.

Сщ҃енномч҃никъ
ЄѴТѴ́ХІЙ

Сей Евтихій сопричисленъ также къ числу меньшихъ апостоловъ и именуется апостоломъ, хотя и не обрѣтается въ числѣ семидесяти апостоловъ; почтенъ же онъ наименованіемъ апостола потому, что потрудился со старѣйшими Апостолами, благовѣствуя Имя Господа нашего Іисуса Христа, а также и потому, что сими старѣйшими Апостолами былъ поставленъ въ епископа для служенія слову (проповѣди) и приношенія жертвы и, наконецъ, потому, что съ проповѣдію Имени Христова прошелъ многія страны и притомъ не только вмѣстѣ съ прочими апостолами, но и одинъ. Впрочемъ, онъ проповѣдовалъ Евангеліе не одинъ, такъ какъ всегда имѣлъ своимъ спутникомъ Ангела Божія, который укрѣплялъ его и предсказывалъ ему обо всемъ, имѣвшемъ съ нимъ случиться. Сей апостолъ Христовъ всюду переносилъ съ терпѣніемъ и заключеніе темничное, и побои, страдая мужественно за Господа своего.

Однажды, когда святый Евтихій былъ заключенъ въ темницу и томимъ голодомъ долгое время, ему былъ посланъ съ Неба хлѣбъ отъ Бога. Этотъ хлѣбъ былъ принесенъ невидимою рукою; вкусивъ сего хлѣба, апостолъ Христовъ настолько укрѣпился, что вмѣнялъ ни во что всѣ мученія, коимъ его предавали.

Въ другой разъ, когда онъ былъ повѣшенъ нагимъ на мучилищномъ деревѣ и былъ терзаемъ желѣзными орудіями, отъ чистаго тѣла его истекло съ кровію благовонное мѵро и наполнило воздухъ благоуханіемъ.

Потомъ, когда святый апостолъ былъ брошенъ въ горящій

костеръ, внезапно послышался громъ съ Неба, затѣмъ нисшелъ большой дождь вмѣстѣ съ снѣгомъ (градомъ) и погасилъ огонь, а святый остался живымъ и невредимымъ и прославилъ Господа.

Святый отданъ былъ также на съѣденіе звѣрямъ, но они при видѣ его сдѣлались кроткими, какъ овцы. Но что всего замѣчательнѣе: левъ, выпущенный на него, говоря человѣческимъ голосомъ, прославилъ во всеуслышаніе величіе Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа и весьма изумилъ и даже привелъ въ ужасъ всѣхъ, смотрѣвшихъ на зрѣлище.

Но что удивительнаго? Тотъ, Кто могъ въ древности открыть уста Валаамовой ослицѣ [1]), такъ что она изрекла по-человѣчески, развѣ не могъ открыть уста льва, чтобы онъ проглаголалъ человѣческимъ языкомъ — на обличеніе и постыженіе нечестивыхъ и на прославленіе всемогущей силы Своей? Одинъ и Тотъ же Господь присутствовалъ и чудодѣйствовалъ и здѣсь, и тамъ.

Что касается того, какъ святый апостолъ Евтихій окончилъ свой подвигъ, то извѣстно, что онъ былъ приведенъ связаннымъ изъ Ефеса въ свое отечество Севастополь и здѣсь скончался. Служба же, положенная ему въ Минеѣ, упоминаетъ о родѣ смерти его, именно: онъ былъ усѣченъ мечомъ во святую главу, которую Богъ и увѣнчалъ благолѣпнымъ вѣнцемъ побѣды [2]).

---

1) См. Кн. Числ., гл. 22, ст. 28—31. *Валаамъ,* сынъ Веоровъ, или Восоровъ,—пророкъ изъ города Пеѳора, при рѣкѣ Евфратѣ, близъ Харрана, въ Месопотаміи. О немъ была такая молва, что кого онъ благословитъ, тотъ будетъ благословенъ, и кого проклянетъ, тотъ будетъ проклятъ (Кн. Числ., гл. 22, ст. 6). Когда Израильтяне, послѣ побѣдъ надъ царями Амморейскими, отправившись далѣе, остановились на равнинахъ Моава, при Іорданѣ, противъ Іерихона, тогда Валакъ, царь Моавитскій, и старѣйшины мадіамскіе, устрашенные побѣдами Израильтянъ, согласились призвать къ себѣ Валаама, чтобы онъ проклялъ Израильтянъ. Трижды Валакъ назначалъ мѣсто для сего на разныхъ высотахъ (языческихъ капищахъ), и трижды вразумленный Богомъ Валаамъ вмѣсто проклятія произносилъ благословенія, которыя заключилъ славнымъ пророчествомъ о Мессіи. Ослица Валаамова препятствовала ему идти на дурное дѣло—проклятіе Израильтянъ, а когда онъ началъ ее бить, понукая идти, она провѣщала ему человѣческимъ голосомъ. Это событіе и имѣется въ виду въ житіи (ср. Кн. Числ., гл. 22 и 23).

2) Кончина святаго апостола Евтихія послѣдовала въ концѣ I-го в. или въ началѣ II-го в.

Конда́къ, гла́съ г҃:

А҆пⷭ҇лѡвъ сопресто́льникъ, и҆ ст҃и́телей красота̀ бы́въ є҆ѵтѵ́хіе, мꙋчени-чески просла́вился є҆сѝ, просїѧ́лъ є҆сѝ ꙗ҆́кѡ со́лнце, всѣ́хъ просвѣща́ѧ, и҆ разори́лъ є҆сѝ безбо́жїѧ но́щь глꙋбо́кꙋю. сегѡ̀ ра́ди тѧ̀ почита́емъ, ꙗ҆́кѡ бж҃е́ственнаго воистиннꙋ сщ҃еннотаи́нника хрⷭ҇то́ва.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ТАТІОНА

Сей святый мученикъ былъ родомъ изъ Мантинея, находившагося въ Клавдіопольской митрополіи и Гоноріадской епархіи[1]). Схваченный язычниками за то, что вѣровалъ во Христа, онъ приведенъ былъ въ городъ Клавдіополь[2]) къ правителю города Урбану и на допросѣ объявилъ себя христіаниномъ, за что и заключенъ былъ въ темницу. Послѣ сего онъ былъ подвергнутъ вторичному допросу, и такъ какъ неизмѣнно пребывалъ въ Христовой вѣрѣ, то его сперва избили палками, а потомъ стали строгать по тѣлу желѣзными орудіями, послѣ чего снова избили и стали влачить по городу. Достигши городскихъ воротъ, святый мученикъ оградилъ себя знаменіемъ Креста и въ это время услышалъ свыше Голосъ, который благовѣствовалъ ему радостное будущее, послѣ чего предалъ духъ свой Господу[3]).

---

1) *Монтиней* и *Клавдіополь* находились въ Гоноріадской области сѣверо-западной малоазійской римской провинціи Виѳиніи. Митрополіями у грековъ назывались главные города провинцій, а епархіями—города провинціальныхъ областей. Мантиней въ административномъ отношеніи находился подъ властію Клавдіопольскаго игемона и Гоноріадскаго епарха.

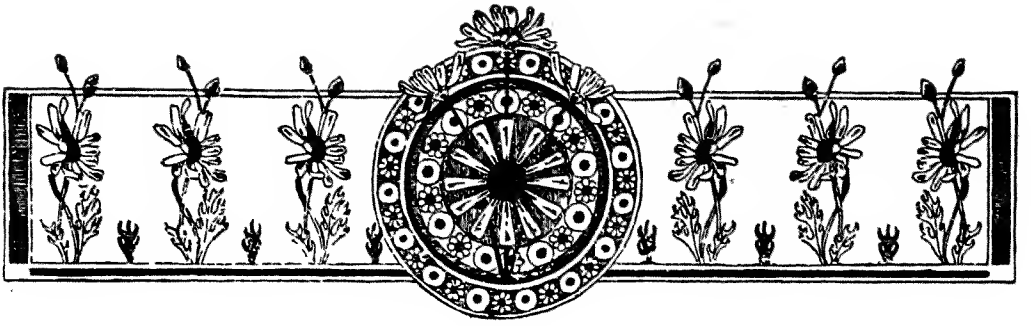
2) *Городъ Клавдіополь,* носившій раньше названіе Виѳинія, находился въ малоазійской провинціи Виѳиніи близъ верховьевъ рѣки Биллея.

3) Такъ какъ мучителемъ святаго Татіона былъ префектъ Урбанъ, то мученическую кончину его относятъ ко времени Діоклетіана, именно къ 305 году. Императоръ Василій въ своемъ мѣсяцесловѣ называетъ его Татіаномъ.

Въ тотъ же день **память святаго Георгія Лимнеота**, исповѣдника, подвизавшагося при императорѣ иконоборцѣ Львѣ (III-мъ) Исаврѣ (717—741 гг.).

Въ тотъ же день **память преподобнаго Арсенія** Комельскаго, вологодскаго чудотворца, скончавшагося въ 1550 году.

Въ тотъ же день перенесеніе мощей **святаго Петра** митрополита, всея Россіи чудотворца (въ 1479 г.).



День двадцать пятый

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

ТИТА

Святый апостолъ Титъ былъ родомъ изъ Крита и происходилъ отъ родителей, хотя и благородныхъ (ибо они вели свое родство отъ Мироя, царя Критскаго), но не правовѣрныхъ—язычниковъ, придерживавшихся идолопоклонническаго нечестія. Титъ и самъ первоначально служилъ тому же нечестію и выказалъ въ юныхъ годахъ большую ревность въ изученіи наукъ еллинскихъ: онъ съ усердіемъ изучалъ сочиненія древнихъ философовъ и стихотворцевъ, какъ, напримѣръ, Гомера и прочихъ. Несмотря на это Титъ проводилъ жизнь незлобивую и цѣломудренную; хотя онъ и не зналъ Бога Истиннаго, однако соблюдалъ въ непорочности дѣвственную чистоту тѣла своего, какъ впослѣдствіи свидѣтельствовалъ о немъ святый Игнатій Богоносецъ[1]) въ своемъ посланіи къ филадельфійцамъ, называя Тита дѣвственникомъ; Того Самаго Бога, Коего Титъ не зналъ вѣрою, онъ чтилъ добрыми дѣлами своими и былъ Ему угоденъ.

Когда Титу исполнилось двадцать лѣтъ отъ рожденія, онъ услышалъ Голосъ, нисходившій къ нему съ Неба и говорившій:

— Титъ! Тебѣ слѣдуетъ уйти отсюда и спасти твою душу, ибо ученіе еллинское не ведетъ ко спасенію.

---

[1]) Память святаго Игнатія Богоносца совершается св. Церковію 29-го января и 20-го декабря.

Послѣ того, какъ Титъ услышалъ этотъ Голосъ, онъ восхотѣлъ слышать его и во второй разъ; ибо онъ зналъ, что иногда бываютъ гласы и внушенія отъ идоловъ. Теперь Титъ уже не хотѣлъ вѣровать въ идоловъ, такъ какъ началъ познавать обольщеніе бѣсовское (коему поддаются всѣ, поклоняющіеся идоламъ), и прожилъ тамъ еще одинъ годъ.

Потомъ было ему во снѣ повелѣніе отъ Бога—прочесть еврейскія книги; и послѣ того соннаго видѣнія Титъ началъ искать книги еврейскія. Найдя книгу святаго Пророка Исаіи[1]), Титъ раскрылъ ее и остановился на главѣ сорокъ первой, которая начинается такъ: ѡ҆бновлѧ́йтесѧ ко мнѣ̀, ѻ҆́строви[2]). Читая главу эту, Титъ встрѣтилъ въ ней нѣкоторыя слова, которыя, какъ ему казалось, Самъ Богъ изрекалъ сердцу его, именно: ра́бъ мо́й є҆сѝ, и҆збра́хъ тѧ̀, и҆ не ѡ҆ста́вихъ тебѐ. не бо́йсѧ, съ тобо́ю бо є҆́смь, не прельщайся (многобожіемъ языческимъ), а҆́зъ бо є҆́смь бг҃ъ тво́й[3]). И еще: а҆́зъ бг҃ъ тво́й, держа́й десни́цꙋ твою̀, глаго́лѧй тебѣ̀[4]). Въ концѣ же главы прочиталъ объ идольскомъ обольщеніи,—именно: ѿ кꙋмі̑ръ и҆́хъ нѣ́сть возвѣща́ѧй, и҆ а҆́ще вопрошꙋ̀ и҆́хъ, ѿкꙋдꙋ є҆стѐ? не ѿвѣща́ютъ мѝ. Сꙋ́ть бо творѧ́щїи ихъ въ ва́съ, и҆ всꙋ́е прельща́ющїи ва́съ[5]).

Эти и другія слова книги пророческой были для Тита какъ бы ключомъ, открывшимъ двери ума его къ познанію Единаго Истиннаго Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ къ уразумѣнію идольскаго обольщенія и заблужденія языческаго; съ того времени Титъ воспламенился сердцемъ къ Богу, Коего почитали евреи.

Въ это время на островѣ Критѣ (гдѣ проживалъ Титъ) распространился слухъ о Христѣ—Богѣ, явившемся во плоти, проживавшемъ среди людей въ Іерусалимѣ и совершавшемъ дивныя и несказанныя чудеса; ибо слава о Немъ проходила по всѣмъ концамъ земли. Анѳипатъ[6]) Крита, приходившійся Титу дядей по матери, посовѣтовавшись съ именитыми мужами, послалъ въ Іеру-

---

1) *Исаія*—величайшій изъ ветхозавѣтныхъ Пророковъ; происходилъ изъ царскаго рода, жилъ и пророчествовалъ въ Іерусалимѣ во времена царей іудейскихъ: Озіи, Іоаѳама, Ахаза и Езекіи. Пророчества Исаіи, относящіяся къ Іисусу Христу, настолько ясны и опредѣленны, что Пророка Исаію называютъ «ветхозавѣтнымъ Евангелистомъ».—Память его совершается св. Церковію 9-го мая (подъ симъ числомъ и житіе его).

2) Гл. 41, ст. 1.

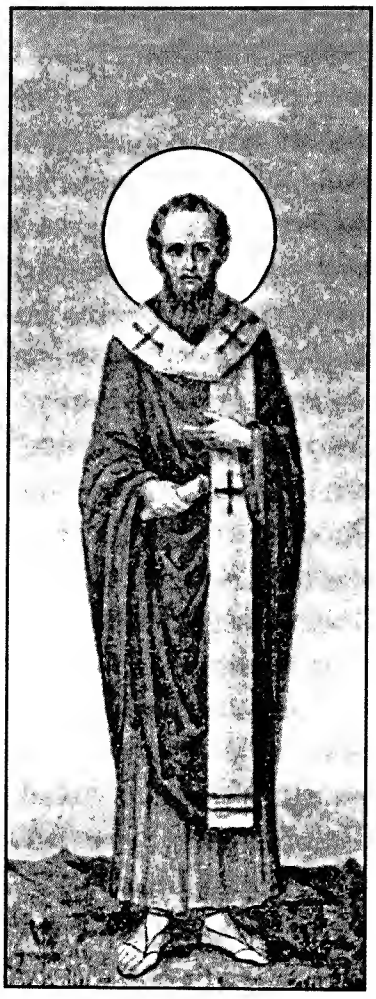
3) Ст. 9 и 10.

4) Ст. 13.

5) Ст. 28—29.

6) т. е. правитель.

салимъ своего племянника, сего благоразумнаго и любознательнаго Тита съ тѣмъ, чтобы онъ хорошенько выслушалъ и уразумѣлъ то, что говорилось изъ устъ Христовыхъ, и побесѣдовалъ съ Нимъ; такимъ образомъ, Титъ могъ возвѣстить самымъ подробнымъ образомъ своимъ соотечественникамъ все то, что самъ узналъ бы о Христѣ.



Ст҃ый а҃пл҃ъ
Т і т ъ

Титъ отправился въ Іерусалимъ; увидавъ Владыку Христа, онъ поклонился Ему и слѣдовалъ за Нимъ и учениками Его, смѣшиваясь съ народомъ, во множествѣ ходившемъ за Господомъ; такимъ образомъ Титъ былъ самовидцемъ многихъ чудесъ, совершенныхъ Христомъ, и видѣлъ спасительное страданіе Господа, увѣрился также и въ воскресеніи Его. Послѣ же вознесенія Господня, когда Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ въ видѣ языковъ огненныхъ такъ, что Апостолы начали говорить на разныхъ языкахъ, Титъ слышалъ бесѣду Апостоловъ, говорившихъ и по-критски, и весьма изумлялся, какъ объ этомъ написано и въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: **пришéльцы крúтѧне** (среди нихъ былъ и Титъ) **и҆ а҆рáвлѧне**, удивляясь, другъ другу говорили: **слы́шимъ глаго́лющихъ и҆́хъ** (Апостоловъ святыхъ) **на́шими ѩ҆зы́ки велѝчїѧ бж҃їѧ**[1]). Впослѣдствіи Титъ пересказалъ обо всемъ этомъ въ отечествѣ своемъ Критѣ.

Блаженный Титъ принялъ участіе и въ служеніи апостольскомъ; когда дверь вѣры была открыта и для язычниковъ[2]) и были крещены сотникъ Корнилій, а потомъ и прочіе еллины, тогда и Титъ, происходя отъ язычниковъ необрѣзанныхъ, принялъ Крещеніе отъ святаго Апостола Павла, ранѣе называвшагося Савломъ. Хотя Титъ и увѣровалъ во Христа, но, пока не крестился, апо-

[1]) Дѣян., гл. 2, ст. 10—11.
[2]) Дѣян., гл. 14, ст. 27.

столы не принимали его въ первенствующую церковь, такъ какъ вообще не принимали необрѣзанныхъ; Титъ же не хотѣлъ исполнять ветхозавѣтнаго обряда обрѣзанія. Однако іудеи, увѣровавшіе во Христа, требовали первоначально отъ всѣхъ язычниковъ исполненія сего обряда, говоря, что безъ обрѣзанія никто не можетъ получить спасенія, какъ объ этомъ написано и въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: нѣцыи (сказано) сшедше ѿ іꙋдеи, оучахꙋ братїю, ꙗкѡ аще не ѡбрѣжетеся по ѡбычаю мѡисеовꙋ, не можете спастися[1]). Таковые роптали и на святаго первоверховнаго Апостола Петра за крещеніе сотника Корнилія и вступили въ споръ съ нимъ (Апостоломъ Петромъ), говоря ему, что онъ вошелъ въ домъ мужей необрѣзанныхъ и ѣлъ съ ними. Когда же святые Апостолы на Соборѣ разсмотрѣли этотъ вопросъ, то постановили не принуждать язычниковъ обрѣзываться; тогда и Титъ блаженный пришелъ ко Крещенію, такъ какъ никто не принуждалъ его къ обрѣзанію, о чемъ упоминаетъ и Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Галатамъ, говоря: ни тїтъ, иже со мною, еллинъ сый, нꙋжденъ бысть ѡбрѣзатися[2]).

Послѣ Крещенія Титъ былъ уполномоченъ прочими главными Апостолами къ служенію апостольскому и сопричтенъ къ числу семидесяти меньшихъ апостоловъ; Титъ посланъ былъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ на проповѣдь Слова Божія къ язычникамъ; и Титъ постоянно слѣдовалъ за Павломъ святымъ, и не только какъ ученикъ за учителемъ, но и какъ сынъ, слѣдующій за возлюбленнымъ отцемъ. Ибо Павелъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ это можно видѣть изъ посланія его къ Титу: тїтꙋ (говоритъ святый Павелъ) присномꙋ чадꙋ благодать и милость[3]). Ходилъ же святый Титъ иногда вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ, иногда же былъ посылаемъ имъ проповѣдовать самостоятельно; такъ, напримѣръ, онъ былъ посланъ Павломъ въ Далмацію, о чемъ упоминаетъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею, говоря: тїтъ въ далматїю[4]), т. е. былъ посланъ мною на проповѣдь Евангелія въ города далматскія. Иногда святый Апостолъ Павелъ посылалъ Тита со своими апостольскими Посланіями, какъ, напримѣръ, къ Коринѳянамъ, коимъ онъ говоритъ: оумолихъ тїта и съ нимъ послахъ брата[5]). Говоритъ еще: оумолити

1) Дѣян., гл. 15, ст. 1.
2) Посл. къ Гал., гл. 2, ст. 3.
3) Посл. къ Титу, гл. 1, ст. 4.
4) 2 Посл. къ Тим., гл. 4, ст. 10.
5) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 18.

на́мъ ті́та (необходимо), **да ꙗ҆́коже пре́жде нача́тъ, та́кожде и҆ скончáетъ**[1]). И еще: **благодаре́ніе бг҃ꙋ, да́вшемꙋ то́жде тща́ніе ѡ҆ ва́съ въ се́рдце ті́тово**[2]). Несомнѣнно, Павелъ питалъ къ Титу великую любовь духовную о Христѣ, такъ какъ онъ называетъ его то сыномъ, то братомъ своимъ, а когда онъ замедлилъ, уйдя отъ Павла, то сей послѣдній скорбѣлъ о немъ, говоря о себѣ: **прише́дъ въ трѡа́дꙋ во благовѣ́стіе хр҃то́во, и҆ две́ри ѿве́рзенѣ ми҆ бы́вшей ѡ҆ гдⷭ҇ѣ, не и҆мѣ́хъ поко́ѧ дꙋ́хꙋ моемꙋ̀, не ѡ҆брѣ́тшꙋ ми҆ ті́та, бра́та моегѡ̀**[3]). И насколько великій Апостолъ скорбѣлъ безъ Тита, настолько утѣшался его присутствіемъ, ибо говоритъ: **ᲂу҆тѣ́ши на́съ бг҃ъ прише́ствіемъ ті́товымъ**[4]). И еще говоритъ: **возра́довахомсѧ ѡ҆ ра́дости ті́товѣ**[5]).

Проходя по многимъ странамъ съ благовѣстіемъ Имени Христова, святые Апостолы пришли въ Критъ, отечество Тита. Анѳипатомъ же тогда въ Критѣ былъ Рустилъ, мужъ сестры Тита; услыхавъ проповѣдь апостольскую о Христѣ Богѣ, онъ первоначально посмѣялся ей; но когда умершій его сынъ воскрешенъ былъ Апостоломъ Павломъ, то Рустилъ увѣровалъ во Христа и принялъ Святое Крещеніе со всѣмъ домомъ своимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приняли святую вѣру и Крещеніе и многіе изъ числа прочихъ невѣрныхъ, обитавшихъ на островѣ томъ. Святый же Павелъ поставилъ блаженнаго Тита епископомъ острова Крита и прочихъ близлежавшихъ острововъ и, поручивъ ему новопросвѣщенныхъ христіанъ, оставилъ его тамъ; самъ же отправился въ другія страны проповѣдовать Имя Христово язычникамъ. Придя въ Никополь, святый Павелъ написалъ Посланіе Титу, въ коемъ поучалъ его благому управленію (паствой): **сегѡ̀ ра́ди ѡ҆ста́вихъ тѧ̀**,—говоритъ онъ,—**въ кри́тѣ, да недокѡнча́ннаѧ и҆спра́виши, и҆ ᲂу҆стро́иши по всѣ́мъ градѡ́мъ пресви́теры, ꙗ҆́коже тебѣ̀ а҆́зъ повелѣ́хъ**[6]). Объясняя эти слова апостольскія, святый Златоустъ говоритъ:

— Титъ былъ болѣе искуснымъ изъ числа всѣхъ, бывшихъ съ Павломъ; ибо, если бы онъ не былъ искуснымъ, Павелъ не поручилъ бы ему всего острова, не повелѣлъ бы окончить недоконченное, не подчинилъ бы суду его епископовъ, если бы не надѣялся на сего мужа (Тита).

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 8, ст. 6.
2) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 8, ст. 16.
3) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 12 и 13.
4) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 6.
5) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 13.
6) Посл. къ Титу, гл 1, ст. 5.

Когда Павелъ задержался въ Никополѣ, то снова призывалъ къ себѣ Тита, говоря въ своемъ Посланіи къ нему: **є҆гда̀ послю̀ а҆рте́мꙋ къ тебѣ̀ и҆лѝ тихі́ка, потщи́сѧ прїитѝ ко мнѣ̀ въ нїкопо́ль: та́мѡ бо сꙋди́хъ ѡ҆зимѣ́ти**[1]). И пришелъ къ нему святый Титъ въ Никополь; побывъ вмѣстѣ съ нимъ непродолжительное время, Титъ снова былъ посланъ имъ въ Критъ.

Послѣ этого святый Павелъ былъ взятъ въ Іерусалимѣ, заключенъ въ оковы и посланъ въ Римъ. Титъ, услыхавъ обо всемъ этомъ, пошелъ въ Римъ, дабы видѣть страдальческій подвигъ своего учителя. Титъ пробылъ въ Римѣ до кончины святаго Апостола Павла; по усѣченіи честно̀й главы Апостола (что было сдѣлано по приказанію Нерона[2]), Титъ предалъ погребенію честно̀е тѣло Апостола и снова возвратился къ своей паствѣ, въ Критъ. Престолъ святительства своего Титъ имѣлъ въ одномъ изъ лучшихъ критскихъ городовъ, называвшемся Гортиной. Титъ трудился непрестанно, обращая ко Христу еллиновъ отъ заблужденія ихъ, поучая ихъ и утверждая вѣру ихъ чудесами.

Слѣдуетъ замѣтить, что на островѣ томъ былъ идолъ почитаемой язычниками богини Діаны[3]); на поклоненіе сему идолу приходило много еллиновъ, которые приносили также и жертвы. Однажды святый Титъ пришелъ на то мѣсто собранія нечестивыхъ и началъ говорить имъ Слово Божіе, увѣщевая ихъ обратиться къ Истинному Богу, познавъ обольщеніе идольское. Но такъ какъ народъ не слушалъ словъ его, то святый Титъ помолился Богу, и тотчасъ идолъ тотъ упалъ и разсыпался въ прахъ. Тогда всѣ, бывшіе тамъ, пришли въ ужасъ, и увѣровало во Христа въ день тотъ пятьсотъ человѣкъ. Точно такъ же, когда, по приказанію императора Римскаго, на островѣ Критѣ строился большой храмъ идольскій въ честь мерзкаго бога Зевса[4]),—и уже заканчивался постройкой,—апостолъ Христовъ Титъ, проходя мимо того мѣста, помолился Богу Истинному, и внезапно храмъ тотъ упалъ и разрушился до основанія. Видя такое чудо, многіе еллины обратились ко Христу и построили прекрасную церковь во Имя Господа Іисуса Христа, Бога Истиннаго.

---

1) Посл. къ Титу, гл. 3, ст. 12.

2) *Императоръ Неронъ* царствовалъ съ 54 г. по 68 г.

3) *Діана* считалась у древнихъ грековъ богинею охоты и вообще покровительницею природы.

4) *Зевсъ* считался у грековъ главнымъ божествомъ — родоначальникомъ всѣхъ прочихъ людей и боговъ.

Просвѣтивъ островъ Критъ и окрестныя страны свѣтомъ вѣры святой, апостолъ Титъ достигъ глубокой старости; онъ преставился ко Господу, имѣя отъ роду девяносто четыре года. При кончинѣ его пришли съ Неба Ангелы, дабы взять душу его; и просвѣтилось лице его, какъ солнце. Ибо чья жизнь была свѣтомъ міру, того и смерть была почтена осіяніемъ свѣта отъ Господа нашего Іисуса Христа[1]).

Кондакъ, гласъ в҃:

Павловъ навѝвсѧ собесѣдникъ, а҆пе҃ле, съ си́мъ на́мъ сло́во предвозвѣстѝлъ є҆сѝ бж҃е́ственныѧ бл҃года́ти, тайноглаго́льниче ті́те приснопа́мѧтне. сегѡ̀ ра́ди вопїе́мъ тѝ: не преста́й молѧ́сѧ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ЧЕСТНЫ̀ХЪ МОЩЕЙ СВЯТАГО АПОСТОЛА

ВАРѲОЛОМЕЯ

После страдальческой кончины святаго Апостола Варѳоломея[2]), которую онъ воспріялъ за Христа отъ нечестивыхъ въ армянскомъ городѣ Албанѣ[3]), вѣрные приняли честно̀е тѣло святаго Апостола и положили его въ томъ же городѣ въ оловянномъ ковчегѣ. И начали совершаться чудеса отъ мощей Апостола, ибо болящимъ подавалось отъ нихъ исцѣленіе; по сей причинѣ многіе изъ невѣрныхъ обращались ко Христу. Слуги же діавола, жрецы нечестивые и жестокіе, услыхавъ о тѣхъ чудесахъ и даже видя ихъ очами своими, не только не познавали силы Божіей, но ожесточались въ сердцахъ своихъ и возненавидѣли честны̀я мощи Апостоловы. Дойдя до крайней степени вражды и ярости, сіи слуги діавола взяли упомянутый оловянный ковчегъ съ мощами и бро-

---

1) Честны̀я мощи святаго апостола Тита почивали въ каѳедральной церкви въ Гортинѣ. Послѣ опустошенія острова Сарацинами въ 823 году отъ мощей его осталась здѣсь одна глава, которая и была принесена въ Венецію въ храмъ св. Марка. Но, по другимъ извѣстіямъ, глава апостола хранится въ самомъ островѣ Критѣ, въ храмѣ его имени.

2) Память святаго апостола Варѳоломея празднуется святою Церковію 11-го іюня (подъ симъ числомъ можно читать и повѣствованіе о житіи святаго апостола).

3)—нынѣ *Баку*.

сили его въ море, намѣреваясь потопить его во глубинѣ морской[1]). Кромѣ того, сіи нечестивцы бросили въ море и еще четыре ковчега съ мощами другихъ святыхъ мучениковъ, и именно, какъ полагаютъ: Папіана, Лукіана, Григорія и Акакія. Но вмѣсто того, чтобы потонуть въ пучинѣ морской, сіи ковчеги плавали наподобіе лодокъ по поверхности моря, нося въ себѣ безцѣнныя сокровища. Ковчегъ Апостола Варѳоломея, хотя и былъ оловяннымъ, но не потонулъ въ водѣ; напротивъ, сверхъ природы оказался чрезвычайно легкимъ и носился по морю посреди прочихъ ковчеговъ мученическихъ, какъ корабль, управляемый Богомъ Всесильнымъ; ибо два ковчега находились по правую сторону его и два по лѣвую, ради чести апостольской.

Плавая чудеснымъ образомъ по морю, упомянутые ковчеги приплыли къ Босѳору Ѳракійскому въ Пропонтидѣ, затѣмъ проплыли черезъ Геллеспонтскій проливъ, переплыли черезъ моря Эгейское и Іонійское и достигли до Сициліи; оставивъ Сиракузы по лѣвую сторону, направились къ западу и приплыли къ острову Липарѣ. Здѣсь ковчегъ Апостоловъ присталъ къ берегу; ковчеги же прочихъ святыхъ мучениковъ, проводивъ Апостола до Липары, оставили его здѣсь и раздѣлились, направившись каждый, по Божественному изволенію, въ свою сторону. Папіановъ ковчегъ поплылъ въ Сицилію, Лукіановъ — въ Мессинію, Григоріевъ — въ Калабрію, Акакіевъ — въ городъ Аскалусъ; обо всемъ этомъ было откровеніе отъ Бога епископу острова Липары Агаѳону.

Сей епископъ пришелъ съ клиромъ и народомъ на берегъ морской и, найдя здѣсь ковчегъ съ мощами Апостола, преисполнился радости вмѣстѣ съ прочими и сказалъ:

— Откуда пришло къ тебѣ, о Липара, такое безцѣнное богатство; поистинѣ ты нынѣ возвеличился и прославился; ликуй и радуйся, принимая руками своими посѣтившаго тебя сего великаго твоего заступника и ходатая къ Богу и воскликни къ нему: «Благо, пришелъ ты къ намъ, Апостолъ Господень!»

Всѣ удивлялись тому, какимъ образомъ оловянный ковчегъ съ мощами святаго Апостола не только не потонулъ въ водѣ, но оказался легче ладьи и переплылъ столь далекій путь морской, руководимый, очевидно, не силою человѣческою, но Силою Божіею. И прославляли всѣ величіе Божіе.

---

[1]) Означенное событіе произошло въ концѣ VI-го вѣка.

По семъ, взявъ святый ковчегъ съ мощами Апостола, понесли его съ пѣніемъ Псалмовъ торжественно въ церковь; и истекло мѵро отъ святыхъ мощей Апостола; симъ мѵромъ подавалось врачеваніе болѣзнямъ неисцѣльнымъ.

Сіи честны́я мощи Апостола Христова находились на томъ островѣ долгое время, даже до временъ царствованія Ѳеофила иконоборца[1]). Въ царствованіе же сего Ѳеофила, по попущенію Божію за грѣхи людскіе, агаряне взяли въ плѣнъ островъ Липару. Правитель города Беневента князь Сикардъ, давно уже слышавшій о чудесахъ Апостола Христова, воспламенился теплою вѣрою къ святому; посему, позвавъ изъ города Амалфіи моряковъ и обѣщавъ вознаградить ихъ въ достаточной степени, онъ уговорилъ ихъ отплыть на кораблѣ на островъ Липару и оттуда привезти къ нему мощи святаго Апостола Варѳоломея — какъ нѣкое драгоцѣнное сокровище. Сіи мужи отплыли на кораблѣ, приплыли къ острову Липарѣ, взяли оттуда столь желанное сокровище духовное и возвратились къ своимъ. И лишь только князь Сикардъ услышалъ о приближающихся къ нему мощахъ святаго, вышелъ съ епископомъ и многими людьми на корабляхъ въ море для встрѣчи; честны̀я мощи Апостола Христова были приняты съ радостью; потомъ ихъ внесли съ честію въ городъ Беневентъ и положили въ Великой церкви, торжественно отпраздновавъ сіе событіе. Съ того времени было установлено празднество въ честь перенесенія честны̀хъ мощей святаго Апостола Варѳоломея — въ двадцать пятый день мѣсяца августа. Отъ сихъ честны̀хъ мощей подавались одержимымъ различными болѣзнями исцѣленія — по молитвамъ Апостола Варѳоломея и по благодати Господа нашего Іисуса Христа[2]).

Конда́къ, гла́съ д҃:

А҆ви́лсѧ є҆сѝ ве́лїе со́лнце цр҃кви, оу҆че́нїй сїѧ́нїемъ и҆ чꙋдесы̀ стра́шными просвѣща́ѧ пою́щыѧ тѧ̀, варѳоломе́е гд҃нь а҆п҃ле.

---

[1]) *Императоръ Ѳеофилъ* царствовалъ съ 829 г. по 842 г.

[2]) Честны̀я мощи святаго Апостола Варѳоломея были перенесены изъ Липары въ городъ Беневентъ около 839 года.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ ИСПОВѢДНИКОВЪ ХРИСТОВЫХЪ,

пострадавшихъ въ Едессѣ отъ аріанъ

После многихъ гоненій на христіанъ, поднятыхъ нечестивыми идолопоклонническими царями и мучителями, Церковь Христова получила свободу во дни великаго царя Константина[1]) и начала процвѣтать въ мирѣ и тишинѣ; однако на нее было воздвигнуто новое гоненіе по дѣйству діавола, но уже не отъ идолопоклонниковъ, а отъ христіанъ зловѣрныхъ, уклонившихся въ еретичество. По кончинѣ императора Константина богохульная ересь Аріева[2]) весьма усилилась, сначала въ царствованіе Констанція[3]), сына Константинова, а потомъ въ царствованіе Валента[4]); ибо тотъ и другой придерживались ереси Аріевой и каждый, въ свое царствованіе, весьма притѣснялъ Церковь Христову.

Въ царствованіе Валента, когда правовѣрные архіереи изгонялись съ престоловъ своихъ, а на ихъ мѣста поставлялись еретики, въ городѣ Едессѣ былъ епископомъ Варсисъ — мужъ правовѣрный и святой, имѣвшій даръ исцѣлять всякія болѣзни въ людяхъ; сей Варсисъ съ усердіемъ противосталъ ереси Аріевой. Злочестивый царь Валентъ, не терпя сего святаго мужа, изгналъ его съ престола и послалъ въ заточеніе, первоначально на островъ Арадъ; но услыхавъ, что тамъ ко святому епископу Варсису приходятъ многіе изъ народа и слушаютъ его правовѣрное ученіе, Валентъ переслалъ его оттуда въ Оксиринѳъ, городъ египетскій. Но когда святый прославился и здѣсь чудесами и учительствомъ своимъ, то Валентъ снова переслалъ его въ еще болѣе отдаленный городъ, по имени Фенонъ, находившійся близъ обитанія варваровъ; здѣсь и скончался святитель и исповѣдникъ Христовъ

---

1) *Императоръ Константинъ* управлялъ Восточною половиною Римской имперіи съ 324 г. по 337 г.; Западною — съ 306 г. по 337 г.

2) Родоначальникомъ аріанской ереси былъ пресвитеръ александрійскій Арій. Онъ отрицалъ единосущіе Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, почиталъ Інсуса Христа твореніемъ и не признавалъ за Нимъ божественныхъ совершенствъ — всемогущества, всевѣдѣнія и проч. Ересь Арія подверглась рѣшительному осужденію на Первомъ (325 г.) и Второмъ (381 г.) Вселенскихъ Соборахъ.

3) *Императоръ Констанцій* царствовалъ съ 337 г. по 361 г.

4) *Императоръ Валентъ* царствовалъ съ 364 г. по 378 г.

блаженною кончиною; оставшійся же послѣ него одръ (постель) на островѣ Арадѣ подавалъ исцѣленіе недугамъ: всѣ, страдавшіе какими бы то ни было болѣзнями, возлегая на тотъ одръ, становились здоровыми и освобождались отъ духовъ нечистыхъ.

Изгнавъ сего святаго архіерея съ престола Церкви Едесской, нечестивый царь возвелъ вмѣсто него волка — именемъ и нравомъ; ибо того суетнаго архіерея звали Лупусомъ, что значитъ *волкъ* [1]). И такимъ образомъ вмѣсто истиннаго пастыря въ стадо Христово вошелъ волкъ хищный въ овчей одеждѣ архіерейства.

Правовѣрный же народъ едесскій не хотѣлъ вступать въ общеніе съ тѣмъ лжепастыремъ, еретикомъ, какъ мѣрзости запꙋстѣнїѧ [2]), настоятельствовавшемъ на мѣстѣ святомъ — въ церкви; посему правовѣрные граждане города того выходили изъ города въ поле, собирались на открытомъ мѣстѣ и совершали здѣсь служеніе Богу какъ въ храмѣ; ибо ни одинъ храмъ не былъ отданъ въ распоряженіе правовѣрныхъ, но всѣ храмы были затворены для нихъ, и всѣми славнѣйшими храмами завладѣли аріане, согласно приказанію царскому.

Случилось однажды, что самъ царь, направляясь изъ Антіохіи, пришелъ въ Едессу; узнавъ, что правовѣрные (христіане) гнушаются нечестія аріанскаго и не хотятъ имѣть общенія съ упомянутымъ епископомъ, но бѣгутъ отъ него и собираются внѣ города для молитвы,—царь разгнѣвался на епарха едесскаго, по имени Модеста, за то, что онъ позволялъ народу поступать такъ, и ударилъ по ланитѣ епарха; потомъ приказалъ ему приготовить вооруженныхъ воиновъ; затѣмъ повелѣлъ епарху, выведши этихъ воиновъ на мѣсто молитвеннаго собранія народнаго, посѣчь и предать смерти христіанъ и разогнать ихъ.

Епархъ, хотя и получилъ внушеніе отъ царя, но, щадя неповинный народъ, извѣстилъ тайно правовѣрныхъ, чтобы они на другой день не выходили изъ города и не собирались на обычную молитву и служеніе, такъ какъ царь, по гнѣву своему, приказалъ вывести на христіанъ вооруженныхъ воиновъ, чтобы ихъ умертвить. Правовѣрные же, услыхавъ объ этомъ, вмѣсто того, чтобы убояться, преисполнились еще бо́льшей ревности и, вставъ рано утромъ, вышли за городъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми своими; христіане направились къ обычному мѣсту собранія своего, намѣреваясь по-

---

1) Лат. *lupus*—*волкъ*

2) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 15.

ложить тамъ за Христа души свои. Епархъ же, исполняя приказаніе царское, утромъ слѣдующаго дня отправился съ вооруженными воинами къ тому мѣсту, выступивъ какъ бы на войну. И когда онъ былъ у воротъ городскихъ, то увидалъ нѣкую женщину, вышедшую изъ дома своего, не затворившую за собою дверей, одѣвшуюся наскоро (не принарядившуюся), несшую съ собою малаго отрока; женщина та плакала и старалась обогнать его воиновъ, направляясь за городъ. Епархъ приказалъ взять ее и привести къ себѣ. Остановившись на дорогѣ, епархъ началъ допросъ, сказавъ:

—Несчастная женщина! Куда ты спѣшишь въ столь ранній часъ и почему ты такъ торопишься?

Женщина отвѣчала:

—Я спѣшу на поле, гдѣ собираются христіане.

Епархъ отвѣчалъ:

—Развѣ ты не слыхала, что епархъ намѣревается придти туда съ воинами и побить всѣхъ, кого онъ найдетъ тамъ?

Женщина отвѣчала:

—Да, я слышала объ этомъ; потому-то я и тороплюсь, дабы вмѣстѣ съ ними (христіанами) умереть ради Имени Христова.

Епархъ снова спросилъ:

—Для чего же ты взяла съ собой сего отрока?

Женщина отвѣчала на это:

—Я хочу, чтобы и отрокъ сей вмѣстѣ со мною сподобился вѣнца мученическаго.

Услыхавъ объ этомъ, епархъ изумился такой ревности христіанъ и готовности ихъ умереть за вѣру и приказалъ воинамъ возвратиться обратно; затѣмъ пошелъ къ царю и сказалъ ему:

—Если прикажешь мнѣ умереть,—я готовъ; но я не могу исполнить приказанія, даннаго тобою мнѣ.

Потомъ епархъ разсказалъ царю о женщинѣ съ ребенкомъ, сказавъ о томъ, съ какимъ усердіемъ она спѣшила за городъ въ поле, дабы сподобиться смерти мученической, чего желала она и для себя, и для ребенка; затѣмъ епархъ возвѣстилъ царю и о готовности всего народа принять смерть, ибо всѣ христіане съ женами и дѣтьми были готовы умереть за исповѣданіе вѣры своей во Христа.

—И невозможно, — прибавилъ епархъ,—принудить народъ едесскій къ общенію въ вѣрѣ съ епископомъ, если бы даже и всѣхъ

гражданъ предать смерти; но какая можетъ быть польза отъ этого? Ибо они за свой мужественный страдальческій подвигъ прославятся среди всѣхъ христіанъ, на нашу же долю останется стыдъ и вѣчное посмѣяніе.

Говоря такъ, епархъ отклонилъ царя отъ избіенія народа; царь приказалъ не притѣснять народъ, повелѣвъ брать на истязаніе лишь іереевъ, діаконовъ и прочихъ клириковъ, не желавшихъ имѣть общенія съ епископомъ аріанскимъ.

Послѣ этого епархъ позвалъ къ себѣ весь духовный чинъ едесскій, содержавшій правовѣріе, началъ съ кротостью увѣщевать всѣхъ повиноваться приказанію царскому и предлагалъ войти въ общеніе съ епископомъ, именуемымъ Лупусомъ. Епархъ сказалъ при этомъ:

—Верхомъ безумія является то, что вы, представляя изъ себя небольшое число людей, не слушаете приказанія царскаго и противитесь ему, въ то время какъ онъ владѣетъ многими странами.

Когда епархъ говорилъ это, всѣ молчали. Потомъ епархъ, обратившись къ старѣйшему пресвитеру, по имени Евлогію, находившемуся уже въ лѣтахъ преклонныхъ, спросилъ его:

—Почему ты не отвѣчаешь мнѣ?

Евлогій отвѣтилъ:

—Я не отвѣчаю тебѣ потому, что ты говоришь всѣмъ сообща; по этой причинѣ я не хочу предварять отвѣтомъ своимъ всѣхъ прочихъ. Но если ты спросишь только меня одного о чемъ-либо, тогда я тебѣ отвѣчу.

Епархъ спросилъ:

—Почему ты не причащаешься съ царемъ?

Блаженный же Евлогій, осмѣивая вопросъ еретика, отвѣтилъ:

—Развѣ царь принялъ санъ пресвитерства, чтобы мнѣ причащаться вмѣстѣ съ нимъ?

Епархъ, преисполнившись гнѣва, укорилъ святаго старца и сказалъ:

—О безумный! Почему ты чуждаешься вѣры царевой и не входишь въ общеніе съ тѣми, кто входитъ въ общеніе съ царемъ?

Тогда всѣ, вмѣстѣ со святымъ старцемъ Евлогіемъ, исповѣдали свою вѣру православную во Христа, Бога Истиннаго, Соестественнаго и Соприсносущнаго Отцу, и выразили готовность положить души свои за сіе исповѣданіе.

Послѣ сего епархъ, по повелѣнію царскому, взялъ восемьдесятъ мужей духовнаго чина, заключилъ ихъ въ оковы и послалъ на заточеніе во Ѳракію.

И когда сіи исповѣдники Христовы были отводимы во изгнаніе, отовсюду изъ городовъ и селеній навстрѣчу имъ выходилъ народъ, оказывалъ имъ почести и снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Узнавъ объ этомъ, еретики послали въ скоромъ времени сообщить царю, сказавъ, что вмѣсто безчестія изгоняемымъ оказывается великая честь.

Тогда царь приказалъ раздѣлить упомянутыхъ христіанъ по двое и велѣлъ послать всѣхъ въ разныя страны: кого—во Ѳракію, кого—въ Аравію, кого—въ Египетъ и въ прочія страны. Блаженный же старецъ Евлогій, а вмѣстѣ съ нимъ и другой честный пресвитеръ, по имени Протогенъ, были отведены въ ѳиваидскій городъ Антиной, гдѣ христіанъ было немного, еллиновъ же, поклонявшихся идоламъ, было безчисленное множество. Здѣсь святые пребыли немалое время, исцѣляли различныя болѣзни въ людяхъ призываніемъ Имени Іисуса Христа и обратили къ вѣрѣ христіанской многихъ язычниковъ, сподобивъ ихъ Святаго Крещенія.

Когда нечестивый царь Валентъ погибъ и скипетръ Восточнаго царства принялъ благочестивый Ѳеодосій, ересь аріанская устыдилась и стихла, и сила и власть еретиковъ, преслѣдовавшихъ Церковь Христову, изнемогла; исповѣдники Христовы, бывшіе въ изгнаніи (именно тѣ изъ нихъ, кто еще не отошелъ ко Господу, но оказался въ живыхъ), получили свободу и возвратились каждый въ отечество свое: архіереи православные снова получили свои престолы. Тогда и упомянутые два святыхъ пресвитера—Евлогій и Протогенъ возвратились изъ заточенія въ Едессу, а христіане правовѣрные отняли у аріанъ свои церкви. Такъ какъ святый Варсисъ уже отошелъ ко Господу во изгнаніи, то Евлогій былъ поставленъ епископомъ городу Едессе; Протогенъ же былъ поставленъ епископомъ въ месопотамскій городъ Каррію. Сіи святые Евлогій и Протогенъ украшали оба Церковь Христову словомъ и житіемъ до дня кончины своей[1]). Мы же о всѣхъ тѣхъ славимъ Христа Бога, Спасителя нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

---

1) Кончина святыхъ исповѣдниковъ Христовыхъ, Евлогія и Протогена, послѣдовала въ 2-й половинѣ IV-го вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

МИНЫ,

Патріарха Константинопольскаго

Въ царствованіе Юстиніана[1]) святый Мина былъ пресвитеромъ и питателемъ странниковъ въ страннопріимницѣ святаго Сампсона[2]). Послѣ того какъ патріархъ Анѳимъ[3]) былъ низложенъ съ престола за еретическое мудрствованіе, святый Мина какъ мужъ правовѣрный, проводившій святую жизнь и достойный посему высокаго сана, былъ возведенъ на патріаршество святымъ Агапитомъ[4]), папою Римскимъ, пришедшимъ въ то время въ Константинополь.

Ст҃ы́й
Ми́на

Во время патріаршества святаго Мины въ городѣ Константинополѣ случилось такое чудо:

Нѣкоторый отрокъ еврейскій вошелъ вмѣстѣ съ дѣтьми христіанскими въ храмъ во время причащенія пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Сей отрокъ, приступивъ къ Таинамъ вмѣстѣ съ прочими дѣтьми, принялъ причащеніе. Когда отрокъ пришелъ домой, отецъ спросилъ его, гдѣ онъ былъ и почему запоздалъ? Онъ же, какъ дитя, разсказалъ ему всю правду: сказалъ, что былъ въ храмѣ христіанскомъ и при-

---

1) Разумѣется *императоръ Юстиніанъ I-ый*, царствовавшій съ 527 г. по 565 г.

2) Память его празднуется св. Церковію 27-го іюня.

3) *Анѳимъ I-ый* патріаршествовалъ съ 535 г. по 536 г.

4) *Агапитъ I-ый* занималъ папскій престолъ съ 535 г. по 536 г.

нялъ причащеніе христіанское. Услышавъ объ этомъ, отецъ-еврей весьма разгнѣвался и, взявъ ребенка, бросилъ его въ разожженную пещь, при помощи которой выдѣлывалъ стекло (такъ какъ былъ дѣлателемъ стекла); но женѣ своей не сказалъ ничего.

Между тѣмъ мать съ плачемъ искала всюду своего сына и звала его по имени; на третій день поисковъ она подошла къ разожженной пещи, и ребенокъ откликнулся на зовъ ея; тогда она съ большимъ трудомъ извлекла его оттуда и спросила:

— Какимъ образомъ и почему ты, находясь въ такомъ огнѣ, не сгорѣлъ и все еще живъ?

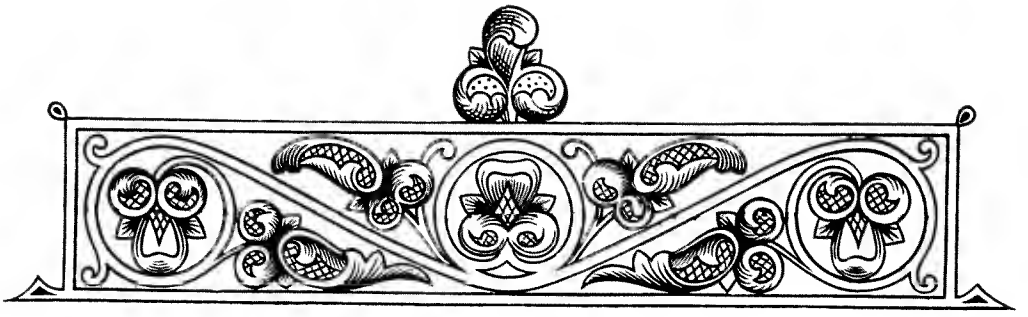
Отрокъ же разсказалъ ей слѣдующее:

— Ко мнѣ часто приходила нѣкая Жена Пресвѣтлая, охлаждала огонь и давала мнѣ воду; Она и пищу приносила мнѣ, когда я былъ голоденъ.

Въ скоромъ времени вѣсть о семъ чудѣ прошла по всему городу; объ этомъ чудѣ увѣдалъ царь Юстиніанъ и святый патріархъ Мина. Послѣ сего упомянутаго отрока крестили вмѣстѣ съ матерію, отца же того отрока, пришедшаго въ ожесточеніе и не пожелавшаго креститься, царь предалъ суду какъ дѣтоубійцу и приказалъ казнить смертію.

Святый Мина пасъ Церковь Христову шестнадцать лѣтъ и потомъ преставился ко Господу[1]).

[1]) *Св. Мина* патріаршествовалъ съ 536 г. по 552 г.



День двадцать шестой

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
АДРІАНА и НАТАЛІИ

Великій гонитель Церкви Христовой нечестивый царь Максиміанъ[1]), преслѣдуя и умерщвляя повсюду множество христіанъ, прибылъ въ городъ Никомидію[2]). Войдя въ идольское капище, царь совершилъ поклоненіе сквернымъ своимъ богамъ, павъ ницъ предъ идолами на землю и, при участіи всѣхъ жителей города, принесъ мерзостныя жертвы. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ отыскивать христіанъ и предавать ихъ на мученія. Особенными наказаніями угрожалъ царь тѣмъ, кто вздумалъ бы скрывать христіанъ. Напротивъ — тѣмъ, кто, узнавъ, гдѣ скрывается христіанинъ, донесетъ о немъ, или же, найдя таковаго, самъ представитъ на судъ, царь обѣщалъ награды и почести. Посему стали выдавать другъ друга на смерть: сосѣдъ—сосѣда, ближній—ближняго своего; кто изъ-за боязни грознаго повелѣнія царя, кто изъ-за наградъ.

Нѣкоторые изъ нечестивыхъ донесли военачальнику своему о томъ, что въ одной пещерѣ скрываются христіане и поютъ въ

---

1) *Максиміанъ Галерій* (305—311 гг.) былъ зятемъ императора Діоклетіана и затѣмъ его преемникомъ.

2) *Никомидія* —восточная столица Римской имперіи, великолѣпный городъ въ области Виѳиніи, на берегу Мраморнаго моря, въ сѣверо-западной части Малой Азіи.

ней всю ночь и молятся Богу своему. Немедленно были отправлены воины, которые пришли въ пещеру и захватили всѣхъ бывшихъ въ ней христіанъ, числомъ двадцать три человѣка. Сковавъ желѣзными цѣпями, отправили ихъ въ городъ для представленія царю.

Въ то время царь проѣзжалъ на колесницѣ въ идольское капище для принесенія жертвъ. Встрѣтивъ его на пути, воины, ведшіе связанныхъ христіанъ, закричали ему:

— Царь! Вотъ — противники твоему повелѣнію и хулители нашихъ великихъ боговъ.

Повелѣвъ остановить колесницу и подозвавъ къ себѣ поближе тѣхъ узниковъ, царь спросилъ ихъ, откуда они.

— Мы родились въ этой странѣ, а по вѣрѣ мы—христіане,— отвѣтили они.

— Развѣ вы не слыхали,—продолжалъ царь,—какія мученія ожидаютъ тѣхъ, кто именуетъ себя христіанами?

— Слышали мы,—отвѣчали святые,—и смѣялись надъ безуміемъ твоимъ и надъ самимъ сатаною, дѣйствующимъ въ сынахъ, невѣрующихъ въ Бога, надъ коими ты—начальникъ!

Разгнѣванный царь воскликнулъ:

— О окаянные! Какъ осмѣливаетесь вы называть меня безумцемъ и смѣяться надо мною? Клянусь великими богами, что я въ лютѣйшихъ мученіяхъ сотру ваши тѣла!

— Растяните ихъ и бейте палками безъ всякой пощады,— приказалъ онъ воинамъ,—и мы посмотримъ тогда, придетъ ли ихъ Богъ къ нимъ на помощь и освободитъ ли ихъ изъ рукъ моихъ?

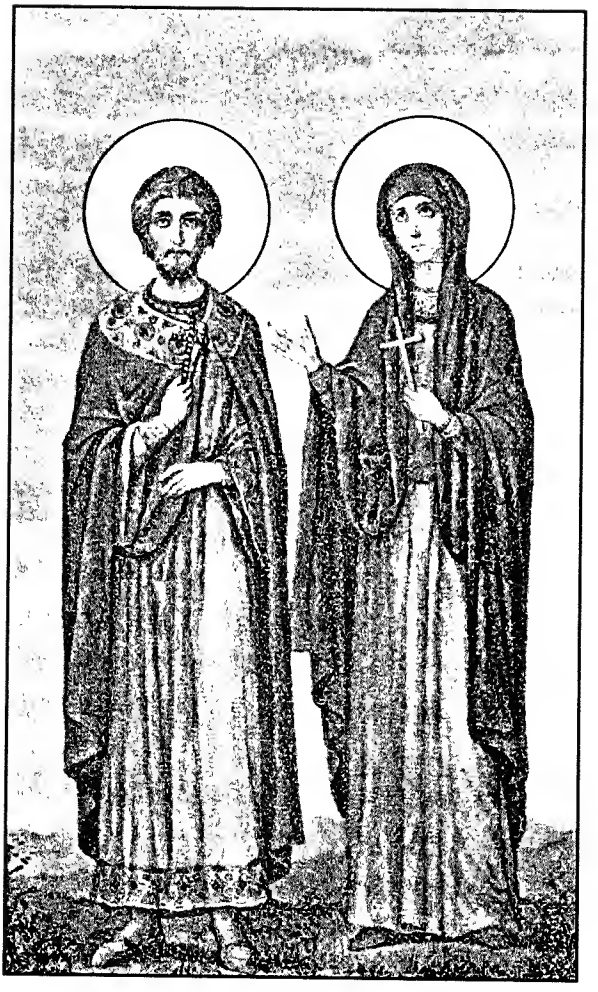
И мученики жестоко были биты воинами. Когда били мучениковъ, они говорили царю:

— Врагъ Божій! Поставь надъ нами еще хоть троихъ мучителей; сколько бы ты ихъ ни звалъ и какихъ бы мукъ ни выдумывалъ, знай, что этимъ ты только пріумножишь намъ вѣнцы.

— О окаяннѣйшіе изъ людей!—воскликнулъ царь.—Я сниму съ васъ ваши головы, и вы ли ожидаете вѣнцовъ на нихъ?.. Отвергните суетную вѣру свою и не губите себя за свое безуміе!

Мученики отвѣчали:

— Тебя погубитъ Богъ за то, что ты неповинно мучаешь Его рабовъ, не сотворившихъ никакого зла!



ст҃іи мч҃нцы а҆дрїа́нъ и҆ ната́лїа

Тогда царь приказалъ воинамъ:

— Бейте ихъ камнями по устамъ!

Схвативши поспѣшно въ руки камни, слуги начали ими бить мучениковъ по устамъ, но не столько наносили вредъ имъ, сколько себѣ, такъ какъ до того обезумѣли, что этими самыми камнями сокрушали другъ другу челюсти.

А святые говорили мучителю Максиміану:

— Беззаконникъ и богоненавистникъ! Ты безъ милости бьешь насъ, ни въ чемъ не повинныхъ предъ тобою, убьетъ же и тебя Ангелъ Божій и погубитъ весь нечестивый твой домъ. Ты не можешь насытиться муками, коими мучаешь насъ въ продолженіе столькихъ часовъ и съ такою жестокостью, а тебя самого ожидаютъ несравненно бо́льшія муки; очевидно, ты не подумалъ о томъ, что мы имѣемъ одинаковое съ тобою тѣло, съ тою лишь разницею, что твое—скверно и нечисто, а наше—очищено и освящено Святымъ Крещеніемъ.

Разгнѣванный еще болѣе такими словами мучитель Максиміанъ воскликнулъ:

— Клянусь великими богами, что я повелю отрѣзать у васъ ваши языки, чтобы и другіе, смотря на васъ, научились не противорѣчить господамъ своимъ!

Мученики Христовы отвѣчали:

— Послушай, нечестивый мучитель! Если ты ненавидишь и мучаешь тѣхъ рабовъ, которые противятся своимъ земнымъ господамъ, то зачѣмъ же ты принуждаешь насъ противиться Господу Богу нашему? Или ты хочешь, чтобы и насъ постигли тѣ же муки, которыя уготованы тебѣ?

— А скажите,—спросилъ мучитель,—какія муки уготованы мнѣ?

— То, что уготовалъ Богъ діаволу и аггеламъ его,—отвѣчали святые,—уготовалъ Онъ и вамъ, сосудамъ діавола; а именно: неугасимый огонь, червь неусыпающій, непрестанное мученіе, вѣчную казнь, адскую погибель, тьму кромѣшную, гдѣ — плачъ и скрежетъ зубовъ и многія другія неисчислимыя муки.

— Клянусь, отрѣжу у васъ языки! — воскликнулъ мучитель.

— Безумецъ!—отвѣчали святые,—если ты отрѣжешь у насъ тѣ органы, коими прославляемъ мы Бога, то наши воздыханія еще легче дойдутъ до Него и наши сердца еще сильнѣе возопіютъ къ Нему, а изливаемая тобою наша кровь, какъ труба,

возвысить свой голосъ къ Владыкѣ о томъ, что мы страдаемъ неповинно.

Услыхавъ такой отвѣтъ святыхъ, нечестивый царь повелѣлъ заковать ихъ въ желѣзныя цѣпи и посадить въ темницу, а имена и рѣчи ихъ записать въ судебныя книги.

Когда святыхъ ввели въ судебную палату, чтобы записать имена ихъ, одинъ изъ начальниковъ оной, мужъ знатный по имени Адріанъ, державшійся еллинскаго нечестія[1]), будучи свидѣтелемъ терпѣливаго и мужественнаго страданія оныхъ мучениковъ, приступивъ къ нимъ, спросилъ ихъ:

— Заклинаю васъ Богомъ вашимъ, Коего ради вы такъ страдаете,—скажите мнѣ по совѣсти, какую награду ожидаете вы отъ Бога вашего за такія мученія? Думаю я, что вы надѣетесь получить отъ Него нѣчто великое и чудное.

Святые мученики отвѣчали ему:

— Мы своими устами не можемъ выразить тебѣ, и ты слухомъ своимъ не можешь вмѣстить, ни умомъ постигнуть тѣхъ радостей и преславныхъ почестей, которыя мы ожидаемъ получить отъ Владыки нашего, Праведнаго Воздаятеля.

— А изъ законодательныхъ, пророческихъ и другихъ книгъ вамъ не извѣстно ли что объ этомъ?— спросилъ Адріанъ.

— И сами пророки,—отвѣчали святые,—не могли въ совершенствѣ постигнуть умомъ тѣхъ вѣчныхъ благъ, такъ какъ они были такіе же люди, какъ и мы; хотя они угождали Богу благою вѣрою и добрыми дѣлами и говорили то, что внушалъ имъ Духъ Святый, но объ оной славѣ и воздаяніяхъ, которыя мы ожидаемъ получить, въ Писаніи говорится: **ѻ҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша, ꙗ҆́же ᲂу҆гото́ва бг҃ъ лю́бѧщымъ є҆го̀**[2]).

Услыхавъ такія слова, Адріанъ вышелъ на средину и сказалъ писцамъ, записывавшимъ имена мучениковъ:

— Запишите и мое имя съ этими святыми, такъ какъ и я— христіанинъ и вмѣстѣ съ ними умру за Христа Бога!

Писцы тотчасъ же отправились къ царю и возвѣстили ему о томъ, что Адріанъ объявилъ себя христіаниномъ и проситъ ихъ записать и его имя въ число осужденныхъ.

---

1) Т. е. греко-римской религіи.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

Услыхавъ объ этомъ, царь удивился, и разгнѣвался и, призвавъ тотчасъ же къ себѣ Адріана, спросилъ его:

— Ты лишился разумѣнія, Адріанъ? Или и ты также хочешь злой погибели?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я не лишился разума, а, напротивъ, отъ великаго безумія пришелъ въ здравый разумъ.

— Не разсуждай,—воскликнулъ царь,—а лучше проси прощенія, сознайся предъ всѣми, что ты согрѣшилъ, и вычеркни свое имя изъ списка осужденныхъ.

— Съ этихъ поръ,—отвѣчалъ Адріанъ,—я начну умолять Истиннаго Бога о томъ, чтобы Онъ простилъ мнѣ мои грѣхи, которые я совершилъ, будучи язычникомъ.

Разгнѣванный такими словами Адріана, царь Максиміанъ повелѣлъ тогда и его заковать въ желѣзныя цѣпи и заключить въ темницу вмѣстѣ съ тѣми мучениками, назначивъ день, когда предастъ всѣхъ ихъ на мученіе.

Одинъ изъ слугъ Адріана, прибѣжавъ поспѣшно въ его домъ, возвѣстилъ госпожѣ своей, Наталіи, женѣ Адріановой, о томъ, что господина его заковали въ цѣпи и отправили въ темницу.

Услыхавъ о семъ, Наталія пришла въ великій ужасъ, горько-горько заплакала и, разорвавъ на себѣ одежды, спросила слугу:

— За какую же вину господина моего посадили въ темницу?

— Будучи свидѣтелемъ того,—отвѣтилъ слуга,—какъ нѣкоторыхъ людей мучили за Имя какого-то Христа и за то, что не послушались царскаго повелѣнія—не отреклись отъ своей вѣры и не принесли жертвы богамъ, господинъ нашъ просилъ писцовъ, чтобы и его имя они записали въ число осужденныхъ на смерть, такъ какъ хочетъ умереть вмѣстѣ съ ними.

— А ты не знаешь ли точнѣе, за что мучили тѣхъ мужей?—опять спросила слугу Наталія.

— Я же сказалъ тебѣ,—отвѣчалъ слуга,—что ихъ мучили за нѣкоего Христа и за то, что они не послушались царскаго повелѣнія поклониться богамъ.

Тогда Наталія весьма возрадовалась духомъ, перестала плакать, сбросила съ себя разорванныя одежды и, надѣвъ самыя лучшія, отправилась въ темницу.

Дочь вѣрующихъ въ Бога и святыхъ родителей Наталія боялась ранѣе открыть кому-либо свою вѣру во Христа, которую

хранила тайно, такъ какъ видѣла, какому лютому гоненію и мученію подвергаются христіане со стороны нечестивыхъ; теперь же, услыхавъ о томъ, что мужъ ея вѣруетъ во Христа и записанъ въ число осужденныхъ на мученіе, и она твердо рѣшила объявить себя христіанкой.

Войдя въ темницу, блаженная Наталія припала къ ногамъ мужа своего и, облобызавъ его оковы, сказала:

— Блаженъ ты, господинъ мой, Адріанъ, такъ какъ нашелъ такое сокровище, котораго не наслѣдовалъ отъ своихъ родителей: **та́кѡ бо бл҃гослови́тсѧ человѣ́къ боѧ́йсѧ бг҃а.** Поистинѣ, господинъ мой, ты теперь въ такихъ юныхъ лѣтахъ своею вѣрою во Христа собралъ такое богатство, какого не пріобрѣлъ бы даже и на старости лѣтъ, оставаясь въ еллинскомъ заблужденіи. Теперь безъ печали пойдешь ты въ будущую жизнь и найдешь такое сокровище, котораго не получатъ тамъ тѣ, которые собираютъ себѣ большое богатство и пріобрѣтаютъ имѣнія. Тамъ уже не будетъ имъ времени на то, чтобы пріобрѣтать что-либо, или давать взаймы, или самимъ отъ кого занять, когда никто не можетъ избавить отъ вѣчной смерти во адѣ и отъ мукъ гееннскихъ; тамъ никто не поможетъ другъ другу—ни отецъ сыну, ни мать дочери, ни великое земное богатство—собравшему его, ни рабы—господину своему, но каждый понесетъ свое наказаніе. Твои же всѣ добродѣтели, господинъ мой, пойдутъ съ тобою ко Христу, чтобы воспринять тебѣ отъ Него блаженство, уготованное любящимъ Его. Иди же къ Нему съ дерзновеніемъ, не боясь будущаго наказанія; вѣдь ты уже теперь побѣдилъ и огонь неугасимый и прочія муки. Молю же тебя, господинъ мой, твердо пребыть въ томъ званіи, въ которое ты призванъ Божіимъ милосердіемъ. Да не возвратитъ тебя съ онаго добраго пути ни сожалѣніе о юной красотѣ, ни любовь къ роднымъ, ни друзья, ни богатство, ни рабы, ни рабыни, ничто земное: все это придетъ въ ветхость и истлѣетъ; но имѣй предъ очами своими только то одно, что—вѣчно, и не взирай на тлѣнныя и временныя блага міра сего. Не увлекайся льстивыми словами сродниковъ и друзей твоихъ, чтобы не отвлекли они тебя отъ вѣры своимъ лукавымъ совѣтомъ. Возненавидь ихъ ласки, отвергни ихъ совѣты и не слушай обманчивыхъ словъ ихъ; взирай только на однихъ, находящихся съ тобою, святыхъ мучениковъ, ихъ словамъ внимай, ихъ терпѣнію подражай безъ всякаго колебанія. Не бойся ярости мучителя и различныхъ его мукъ, все это

скоро окончится, а отъ Христа на Небѣ Его рабамъ, страждущимъ за Него, будетъ вѣчная награда.

Сказавъ это, Наталія умолкла. Былъ уже вечеръ.

Адріанъ сказалъ ей:

— Теперь ступай домой, сестра моя, и спи спокойно, а когда я узнаю о времени, въ какое насъ выведутъ на мученіе, я извѣщу тебя, чтобы тебѣ придти и видѣть нашу кончину.

Вставъ отъ ногъ Адріана, Наталія подходила къ каждому изъ двадцати трехъ узниковъ и, припадая къ нимъ, лобызала оковы ихъ, говоря:

— Рабы Христовы! Молю васъ, утверждайте сію Христову овцу; совѣтуйте ему претерпѣть до конца, указуя ему на будущее воздаяніе, уготованное вѣрнымъ, приносящимъ кровь свою Христу Богу, подобно вамъ, принесшимъ Ему кровь свою, за каковое страданіе ваше вы получите въ награду вѣчное спасеніе. Присоедините и его душу къ душамъ своимъ и будьте ему отцами вмѣсто плотскихъ родителей, которые были нечестивыми; укрѣпите его вашимъ святымъ совѣтомъ въ томъ, чтобы онъ, вѣруя несомнѣнно, совершилъ страдальческій свой подвигъ.

Сказавъ это, Наталія снова обратилась къ Адріану, находившемуся въ самой глубинѣ темницы:

— Смотри, господинъ мой,—сказала она,—не щади своей молодости и красоты тѣлесной: бренное тѣло будетъ пищею червей. Не помышляй ты объ имѣніи своемъ, о золотѣ и серебрѣ, такъ какъ все сіе не принесетъ пользы на Страшномъ Судѣ. Тамъ никто никакими дарами не можетъ искупить души своей отъ вѣчной погибели, такъ какъ никто не приметъ даровъ; только одни добрыя дѣла святыхъ душъ приметъ Богъ вмѣсто даровъ.

Сказавъ это, Наталія ушла домой.

По прошествіи нѣсколькихъ дней Адріанъ, услыхавъ, что царь хочетъ уже вывести его вмѣстѣ съ прочими узниками на судъ и мученіе, обратился къ святымъ мученикамъ съ такою просьбою:

— Господа мои!—сказалъ онъ.—Съ вашего благословенія мнѣ нужно сходить въ свой домъ и позвать рабу вашу, а мою сестру Наталію затѣмъ, чтобы видѣть ей наше страданіе, такъ какъ я обѣщался позвать ее въ часъ, назначенный для онаго.

Святые дали ему свое благословеніе и поручились за него; Адріанъ, заплативъ темничнымъ стражамъ, отправился.

Одинъ изъ горожанъ, увидѣвъ его идущимъ домой, поспѣшно прибѣжалъ къ Наталіи и возвѣстилъ ей, что мужъ ея освобожденъ отъ оковъ и подходитъ къ дому.

Услыхавъ о семъ, Наталія не повѣрила и сказала:

— Кто же могъ освободить его? Не можетъ быть, чтобы мужъ мой разлучился со святыми мучениками.

Во время разговора пришелъ также одинъ изъ слугъ и сказалъ:

— Знаешь ли, госпожа, что господинъ нашъ освобожденъ и подходитъ близко къ дому?

Думая, что онъ отвергся Христа и за то освобожденъ, Наталія пришла въ великую скорбь и горько зарыдала, а увидавъ въ окно, что онъ уже близко подходитъ къ дому, бросивъ изъ рукъ свою работу, поспѣшно встала и, затворивъ двери, громко сказала:

— Отойди отъ меня, отступникъ отъ Бога, обманувшій Господа своего! Не могу я бесѣдовать съ отвергшимся отъ Бога и не стану слушать лживыхъ словъ. О безбожникъ и окаяннѣйшій человѣкъ! Кто побудилъ тебя взяться за дѣло, котораго не могъ довести до конца? Кто разлучилъ тебя со святыми? Кто соблазнилъ тебя удалиться отъ содружества съ оными? Что обратило тебя въ бѣгство еще до выхода на брань? Ты не увидѣлъ еще врага, а бросилъ уже свое оружіе; на тебя не выпущена еще стрѣла, а ты уже уязвленъ! Удивилась я, думая, можетъ ли быть что добраго отъ безбожнаго рода и нечестиваго города? Можетъ ли быть принесена чистая жертва Богу отъ потомка мучителя? Будетъ ли благоуханнымъ для Вышняго кадило со стороны тѣхъ, кои проливаютъ кровь неповинную? И что дѣлать мнѣ, окаянной, вышедшей замужъ за сего нечестивца? Не удостоилась я званія супруги мученика, напротивъ, — сдѣлалась я женою отступника; кратковременна была моя радость и перешла она въ вѣчное поношеніе; была мнѣ на нѣкоторое время похвала среди женъ, а теперь я буду имѣть предъ ними непрестанный стыдъ!

Блаженный Адріанъ, стоя за дверями и слушая слова Наталіи, радовался душею и укрѣплялся на подвигъ, горя еще бо́льшимъ желаніемъ исполнить то, что обѣщалъ Христу Богу. Онъ удивлялся таковымъ словамъ молодой жены, недавно вступившей съ нимъ въ бракъ, такъ какъ прошло всего лишь тринадцать мѣсяцевъ со дня ихъ вѣнчанія.

Видя великую скорбь жены своей, Адріанъ, стуча въ двери, началъ просить ее, говоря:

— Отвори же мнѣ, госпожа моя Наталія! Не убѣжалъ я отъ мученій, какъ ты думаешь; нѣтъ, не могъ я такъ поступить. Я пришелъ взять тебя съ собою, какъ обѣщалъ, чтобы тебѣ видѣть нашу кончину.

Не вѣря его словамъ, Наталія съ упрекомъ продолжала говорить ему:

— Вотъ какъ обманываетъ меня преступникъ, вотъ какъ лжетъ второй Іуда! Отойди отъ меня, чтобы не убить мнѣ тебя!..

И не отпирала дверей.

— Отвори же скорѣе,—просилъ Адріанъ,—а то я уйду не увидѣвъ тебя, и ты будешь скорбѣть о томъ, такъ какъ мнѣ нужно скорѣе возвратиться. За меня поручились святые мученики, и, если я не приду въ назначенный срокъ и о мнѣ спросятъ начальники, а меня не будетъ, то святые мученики, кромѣ своихъ мукъ, должны будутъ понести таковыя и за меня; но могутъ ли они понести мученія и за меня, когда они и такъ уже едва живы?

Услыхавъ это, Наталія тотчасъ съ радостію отворила двери, и оба они припали другъ къ другу въ объятія.

— Блаженна ты, жена!—сказалъ Адріанъ.—Ты одна познала Бога, чтобы спасти мужа своего! Поистинѣ, ты — супруга, любящая мужа! Вѣнцомъ за то будетъ тебѣ блаженство, такъ какъ ты, хотя и не терпишь сама мукъ, но соболѣзнуешь страданію мучениковъ своимъ участіемъ.

Взявъ жену свою, Адріанъ отправился вмѣстѣ съ нею.

Дорогою онъ спросилъ ее:

— А какъ же мы поступимъ съ своимъ имѣньемъ?

Наталія отвѣчала:

— Оставь, господинъ мой, попеченіе о земномъ, чтобы не совратило оно ума твоего; заботься и помышляй единственно о томъ, чтобы совершить тебѣ подвигъ, на который ты призванъ. Забудь о всемъ мірскомъ, тлѣнномъ и душевредномъ, позаботься лучше о томъ, чтобы видѣть и получить вѣчныя блага, уготованныя тебѣ и тѣмъ святымъ, съ коими идешь путемъ Господнимъ.

Войдя въ темницу, раба Божія Наталія припала къ святымъ мученикамъ и, лобызая оковы ихъ, видѣла при этомъ, что раны ихъ уже загноились и изъ нихъ падали черви, а отъ тяжести

желѣзныхъ оковъ, коими они были связаны, тѣлесные составы ихъ отпадали другъ отъ друга. Наклонившись, она отирала гной отъ ранъ ихъ. Потомъ немедленно послала она своихъ служанокъ принести изъ дома хорошаго полотна и перевязокъ. Когда все это было принесено, Наталія своими руками перевязывала раны страдальцевъ и, насколько могла, облегчала ихъ нестерпимыя страданія, прислуживая въ темницѣ семь дней до самаго изведенія ихъ на судъ.

Когда насталъ день суда, царь Максиміанъ возсѣлъ на судилищѣ и повелѣлъ привести къ себѣ узниковъ. Слуги тотчасъ же отправились въ темницу объявить имъ царское повелѣніе. Увидѣвъ, что они такъ изнемогли тѣломъ отъ тяжкихъ ранъ, что и ходить даже не могутъ, слуги повлекли всѣхъ мучениковъ, какъ трупы скотовъ, связанныхъ одною цѣпью; Адріана же вели позади всѣхъ, связавъ ему руки назади.

Когда они подходили къ судилищу, было возвѣщено царю, что узники приведены.

— Ведите,—приказалъ царь,—сюда всѣхъ вмѣстѣ, чтобы они видѣли мученіе другъ друга; ведите же ихъ нагими, приготовленными къ мученію.

Начальникъ темницы доложилъ царю:

— Царь! Тѣ, кои были мучены раньше, не могутъ быть приведены сюда на испытаніе. Повели привести одного Адріана, такъ какъ онъ еще бодръ и здравъ тѣломъ и можетъ понести различныя мученія; тѣла же другихъ загноились, сквозь раны ихъ виднѣются кости и, если начать ихъ мучить снова, они, пожалуй, тотчасъ же умрутъ, не перенеся многихъ мукъ, имъ уготованныхъ. Мы же не хотимъ того, чтобы умерли они отъ кратковременнаго мученія — какъ маловиновные, но дай имъ нѣкоторое время на то, чтобы они выздоровѣли и поокрѣпли, чтобы понести имъ потомъ множайшія мученія за свои беззаконія.

Тогда царь приказалъ ввести одного Адріана.

Раздѣвъ Адріана донага, слуги дали ему при этомъ и орудія казни, чтобы онъ несъ ихъ самъ своими руками.

Святые мученики сказали ему:

— Блаженъ ты, Адріанъ, что сподобился понести крестъ свой и послѣдовать Христу! Смотри же, не страшись, не возвращайся назадъ и не теряй своей награды; остерегайся того, чтобы не укралъ сокровища твоего діаволъ; не бойся видимыхъ мукъ, но

взирай на будущее воздаяніе: смѣло приступи и посрами мучителя! Знай, ꙗ҆́кѡ не достѡ́йны страсти нынѣ́шнѧгѡ вре́мене къ хотѧ́щей сла́вѣ ꙗ҆ви́тисѧ въ на́съ[1]), которую мы надѣемся получить по милости Господней.

Блаженная Наталія также сказала ему:

— Обратись, господинъ мой, умомъ своимъ къ одному только Богу и пусть сердце твое не страшится ничего! Малъ трудъ, но покой—безконеченъ, кратковременно страданіе, но слава мученическая вѣчна; потерпишь немного болѣзней—и вскорѣ будешь радоваться съ Ангелами. Если ты, служа земному царю, заботился о собираніи малыхъ податей, не щадилъ своего здоровья и готовъ былъ умереть на войнѣ, то не съ бо́льшимъ ли мужествомъ теперь надлежитъ тебѣ понести всякія мученія и умереть за Царя Небеснаго, съ Коимъ самъ воцаришься!

Когда привели Адріана къ нечестивому царю Максиміану, онъ, взглянувъ на него, спросилъ:

— Ужели ты пребываешь еще въ своемъ безуміи и хочешь мученіемъ окончить жизнь свою?

— Я уже прежде говорилъ тебѣ,—отвѣчалъ Адріанъ,—что я не обезумѣлъ, но образумился и готовъ умереть въ сей жизни!

Царь спросилъ:

— Не принесешь ли ты жертвы и не поклонишься ли богамъ, подобно тому, какъ я и всѣ, которые со мною, кланяемся имъ и приносимъ жертвы?

— Безумецъ,—отвѣчалъ Адріанъ,—заблуждаясь самъ, зачѣмъ же ты и другихъ вводишь въ то же заблужденіе? Ты вѣдь не только себя самого подвергаешь погибели, но и весь народъ, который слушаетъ тебя, увлекаешь въ ту же погибель, совѣтуя и принуждая поклоняться бездушнымъ истуканамъ, оставивъ Истиннаго Бога, Творца неба и земли!

— Такъ ты считаешь нашихъ великихъ боговъ малыми?—спросилъ царь.

— Я,—отвѣчалъ Адріанъ,—не называю ихъ ни малыми, ни великими, ибо они—ничто.

Разгнѣванный мучитель приказалъ тогда жестоко бить его палками.

Блаженная Наталія, услыхавъ, что ея мужа начали бить, извѣстила о томъ святыхъ мучениковъ, сказавъ:

---

[1]) Посл. къ Римл., гл. 8, ст. 18.

— Господинъ мой началъ страдать!

Святые тотчасъ же начали молиться за него Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ его въ мукахъ.

Царь же повелѣлъ мучителямъ приговаривать: «не хули боговъ!

Когда мученика били, онъ говорилъ царю:

— Если я мучаюсь за то, что хулю боговъ, которые не суть боги, то какое же мученіе ожидаетъ тебя за хулу Бога Живаго и Истиннаго?

— Ты научился говорить такъ дерзко, вѣроятно, у этихъ льстецовъ? — спросилъ царь.

Мученикъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ ты называешь льстецами наставниковъ на спасеніе и вождей къ вѣчной жизни? Вы — большіе обманщики, увлекающіе людей въ погибель!

Разгнѣванный Максиміанъ повелѣлъ четверымъ сильнымъ слугамъ жестоко бить мученика толстыми кольями.

И когда били Адріана, онъ говорилъ:

— Чѣмъ болѣе ты, мучитель, изобрѣтешь мнѣ мученій, тѣмъ больше исходатайствуешь мнѣ за нихъ вѣнцовъ!

А блаженная Наталія о всемъ, что спрашивалъ царь и что отвѣчалъ ему Адріанъ, передавала святымъ мученикамъ.

— Пощади хоть юность свою, — продолжалъ увѣщевать мучитель, — и призови боговъ! Зачѣмъ тебѣ такъ напрасно и добровольно погибать? Мои боги — велики, и я весьма сожалѣю о тебѣ, видя, какъ тяжко ты мучаешься и какъ гибнетъ твоя красота!

— Я щажу себя, — отвѣчалъ мученикъ, — чтобы не погибнуть мнѣ до конца!

— Призови же боговъ, — упрашивалъ мучитель, — они помилуютъ тебя, а я возвращу тебѣ прежній твой чинъ. Не должно сравнивать тебя съ тѣми, которые находились съ тобою въ узахъ, такъ какъ ты — человѣкъ благородный, сынъ знатныхъ родителей и, хотя молодъ, но — достоинъ великихъ почестей; тѣ же узники — бѣдняки, низкаго происхожденія и — глупые невѣжды!

— Я знаю, — отвѣчалъ мученикъ, — что тебѣ извѣстенъ мой родъ и происхожденіе; но если бы ты зналъ родъ тѣхъ святыхъ и богатое наслѣдіе, котораго ожидаютъ они, ты бы одинъ изъ

первыхъ припалъ къ ихъ ногамъ и просилъ ихъ помолиться о себѣ и своими же руками уничтожилъ бы своихъ бездушныхъ боговъ!

Разгнѣвавшись еще сильнѣе, мучитель приказалъ четверымъ сильнымъ слугамъ бить мученика по чреву.

И они били святаго до тѣхъ поръ, пока не прорвалось чрево и изъ него начали выпадать внутренности. Видя это, мучитель повелѣлъ перестать бить.

Блаженный Адріанъ былъ молодъ и нѣженъ тѣломъ: ему было лишь двадцать восемь лѣтъ отъ роду.

— Видишь ли,—обратился къ нему царь,—какъ я щажу тебя! Ты хоть однимъ словомъ призови боговъ, и тотчасъ же они будутъ милостивы къ тебѣ; а я призову врачей, чтобы они залѣчили твои раны, и сегодня же ты будешь находиться въ моемъ царскомъ дворцѣ!

— Если ты обѣщаешь мнѣ уходъ за мною врачей,—отвѣчалъ мученикъ,—и почетъ въ твоемъ дворцѣ и говоришь, что твои боги будутъ милостивы ко мнѣ, то все-таки пусть они своими устами скажутъ мнѣ, что они хотятъ дать мнѣ, пусть скажутъ, какое благодѣяніе обѣщаютъ они мнѣ! И когда я услышу ихъ слова, то принесу имъ жертвы и поклонюсь, какъ ты того желаешь!

— Не могутъ говорить они!—отвѣчалъ царь.

— А если они не могутъ говорить,—сказалъ мученикъ,—то зачѣмъ же и поклоняться имъ, нѣмымъ и бездушнымъ?

Во гнѣвѣ и ярости мучитель повелѣлъ опять связать святаго мученика съ прочими узниками и заключить ихъ въ темницу, назначивъ день, когда выведетъ ихъ на судъ.

Тогда воины, взявъ святыхъ мучениковъ, однихъ повлекли, другихъ, изнемогшихъ отъ тѣлесныхъ страданій и не могущихъ ходить, несли на рукахъ, а святаго Адріана вели и—снова заключили въ темницу.

Блаженная Наталія ободряла его и утѣшала и, обнявъ, говорила:

— Блаженъ ты, господинъ мой, что сподобился участи святыхъ мучениковъ! Блаженъ ты, свѣтъ очей моихъ, такъ какъ страдаешь ради Пострадавшаго за тебя! Вотъ, ты теперь идешь видѣть славу Его и быть общникомъ оной, ибо общникъ Его страданій будетъ причастникомъ и славы Его.

Во время сего разговора Наталія отирала кровь его и помазывала ею свое тѣло.

А святые мученики весьма радовались мужественному терпѣнію Адріана и, приступивъ къ нему, лобызали его, говоря: «Миръ тебѣ, братъ».

А тѣ, которые не могли ходить отъ тяжести ранъ, лежали на полу и ползкомъ приближались къ нему, чтобы лобызать его, и всѣ говорили ему:

— Радуйся о Господѣ, возлюбленный братъ, такъ какъ имя твое написано съ прославленными рабами Божіими!

— Радуйтесь и вы, рабы Христовы,—отвѣчалъ Адріанъ;—вы получите вѣнцы за вашу заботу обо мнѣ! Молитесь же за меня ко Господу, чтобы Онъ укрѣпилъ меня, весьма изнемогшаго тѣломъ, и чтобы возстающій на меня врагъ—діаволъ ничего не могъ сдѣлать со мною!

— Уповай на Бога,—сказали святые.—Сатана не одолѣетъ тебя: ты далеко отогналъ его своимъ страданіемъ. Мы сначала боялись за тебя, думая, что ты, какъ человѣкъ, будешь немощенъ, а теперь, видя твое крѣпкое терпѣніе, мы болѣе уже не сомнѣваемся въ тебѣ и вѣруемъ, что при Божіей помощи врагъ ничего не можетъ сдѣлать съ тобою; поэтому не бойся: съ тобою—Христосъ, Побѣдитель діавола!

Вмѣстѣ со святою Наталіею были и другія благочестивыя жены, которыя прислуживали святымъ, прикладывая къ ихъ ранамъ цѣлебныя лѣкарства и дѣлая имъ перевязки, раздѣливъ при этомъ между собою мучениковъ такъ, чтобы каждая могла послужить своему всякимъ за нимъ уходомъ.

Узнавъ о томъ, что многія благочестивыя женщины приходятъ въ темницу и прислуживаютъ узникамъ, прикладывая къ ихъ ранамъ лѣкарства, нечестивый царь запретилъ ихъ допускать туда къ узникамъ.

Видя, что женщинамъ нельзя было болѣе приходить къ мученикамъ, святая Наталія остригла на головѣ своей волосы, переодѣлась въ мужское платье и, войдя въ темницу въ образѣ мужчины, одна прислуживала не только мужу своему, святому Адріану, но и всѣмъ прочимъ святымъ мученикамъ.

Перевязавъ раны мучениковъ, она сѣла у ногъ Адріана и говорила:

— Молю тебя, господинъ мой, помнить нашъ союзъ и мое

присутствіе при тебѣ во время твоего страданія и желаніе тебѣ вѣнцовъ; помолись ко Господу нашему Іисусу Христу, чтобы Онъ взялъ и меня съ тобою: чтобы, какъ жили мы съ тобою вмѣстѣ въ этой многоскорбной и исполненной грѣховъ жизни, такъ неразлучно пребыли и въ оной блаженной жизни. Молю тебя, господинъ, когда предстанешь ты Христу Господу, принеси Ему первую о мнѣ молитву; вѣрю я, что все, о чемъ ни попросишь ты, дастъ тебѣ Господь, ибо молитва твоя любезна Ему и пріятно прошеніе твое. Но ты знаешь нечестіе гражданъ сихъ и безбожіе царя, и я боюсь того, какъ бы не принудили меня выйти замужъ за другого, нечестивца и язычника; тогда осквернится ложе мое и расторгнется союзъ нашъ. Молю тебя, соблюди супругу свою, какъ учитъ апостолъ; дай мнѣ въ награду за мое цѣломудріе умереть съ тобою!

Сказавъ это, она встала и снова служила святымъ, подавая имъ пищу и питіе, омывая и перевязывая ихъ раны.

Благочестивыя женщины, узнавъ, что Наталія въ мужскомъ одѣяніи служитъ святымъ, по ея примѣру также остригли волосы на головахъ своихъ и, одѣвшись въ мужскія одежды, по-прежнему входили въ темницу и служили святымъ.

Когда нечестивому царю стало извѣстно о томъ, что сдѣлали женщины, а также и о томъ, что узники весьма изнемогли отъ гнойныхъ ранъ и едва живы, онъ повелѣлъ принести къ нимъ въ темницу наковальню и желѣзный молотъ, чтобы перебить мученикамъ голени и руки, сказавъ при этомъ:

— Пусть умрутъ они не обычною для людей насильственною смертію!

И когда мучители и убійцы-слуги принесли въ темницу желѣзную наковальню и молотъ, Наталія, увидавъ это и узнавъ причину ихъ прихода, встрѣтила ихъ съ мольбою о томъ, чтобы они начали съ Адріана, такъ какъ она боялась, чтобы мужъ ея, видя лютое мученіе и кончину другихъ мучениковъ, не устрашился.

Мучители послушали Наталію и приступили сначала къ Адріану.

А Наталія, поднявъ ноги мужа своего, положила ихъ на наковальню; мучители сильнымъ ударомъ молота по ногамъ мученика перебили ему голени и отбили ноги.

— Умоляю тебя, господинъ мой, рабъ Христовъ, — сказала Наталія,—пока ты еще живъ, протяни руку свою, чтобы отбили

ее, и ты тогда сравняешься съ прочими святыми мучениками, которые болѣе пострадали, нежели ты!

Святый Адріанъ протянулъ къ ней свою руку, а она, взявъ ее, положила на наковальню. Мучитель, ударивъ сильно по рукѣ молотомъ, отсѣкъ ее, и тотчасъ святый Адріанъ предалъ душу свою въ руцѣ Божіи отъ великихъ страданій.

Умертвивъ святаго Адріана, мучители пошли съ молотомъ и наковальнею къ прочимъ мученикамъ, но они сами клали свои ноги и руки на наковальню и говорили:

— Господи, пріими души наши!

Послѣ сего нечестивый царь повелѣлъ сжечь тѣла мучениковъ, чтобы христіане не могли взять ихъ.

Услыхавъ о семъ повелѣніи царя, блаженная Наталія тайно взяла руку мужа своего и скрыла ее у себя, чтобы она не была сожжена.

Когда слуги мучителя разожгли печь и выносили тѣла святыхъ мучениковъ изъ темницы на сожженіе, святая Наталія и прочія благочестивыя жены слѣдовали за ними и собирали мученическую кровь въ свои дорогія одежды и повязки и, храня у себя, мазали ею свои тѣла. Кромѣ того, онѣ скупили за деньги у слугъ даже и ихъ одежды, обагренныя кровію мучениковъ.

Когда тѣла святыхъ были брошены въ печь, женщины со слезами воскликнули:

— Помяните насъ, господа наши, въ вѣчномъ покоѣ вашемъ!

А святая Наталія подбѣжала уже къ печи, чтобы броситься въ огонь, желая принести себя вмѣстѣ съ мужемъ въ жертву Богу, но была удержана отъ этого.

Вдругъ загремѣлъ страшный громъ, засверкала молнія и пошелъ сильный дождь, который затопилъ всѣ мѣста водою и погасилъ самую печь. Объятые страхомъ, нечестивые мучители бѣжали, а многіе изъ нихъ на дорогѣ падали мертвыми, поражаемые молніею.

Когда слуги мучителя разбѣжались, находившіеся тамъ вѣрные мужи вмѣстѣ со святою Наталіею и прочими женами вынули изъ печи тѣла святыхъ мучениковъ цѣлыми, нисколько неповрежденными отъ огня, такъ что даже и волоса на нихъ не обгорѣли.

Одинъ благочестивый мужъ съ своею женою, припадая къ Наталіи, началъ просить ее и прочую братію, говоря такъ:

— Мы живемъ на краю города въ уединенномъ мѣстѣ; мы гнушаемся безбожія и не можемъ больше смотрѣть на то жестокое кровопролитіе, которое творитъ нечестивый царь, и поэтому не хотимъ болѣе пребывать здѣсь и переселяемся въ Византію. Дайте намъ тѣла святыхъ мучениковъ, мы перенесемъ ихъ на корабль, увеземъ ихъ отсюда съ собою и тамъ сохранимъ ихъ до смерти нечестиваго царя Максиміана; по смерти же его, если будемъ живы, мы возвратимся и привеземъ тѣла святыхъ опять сюда, чтобы они были почитаемы всѣми. Если же они нынѣ останутся здѣсь, то царь опять велитъ ихъ сжечь, и вы будете предателями тѣлъ, которыя сохранилъ Богъ отъ сожженія посредствомъ дождя.

Всѣ согласились и перенесли тѣла мучениковъ на корабль, чтобы отправить ихъ въ Византію; а вѣтеръ къ отплытію корабля былъ благопріятенъ.

Между тѣмъ святая Наталія жила въ своемъ домѣ, имѣя у себя руку любезнаго своего супруга, святаго Адріана, которую она, помазавъ драгоцѣннымъ мѵромъ и обвивъ порфирою, положила въ изголовьѣ своей постели, чего никто не зналъ изъ ея домашнихъ.

Спустя нѣсколько времени одинъ знатный мужъ, саномъ тысяченачальникъ, пожелалъ жениться на Наталіи, такъ какъ она была молода, красива собой и богата. Онъ просилъ царя, чтобы тотъ позволилъ ему взять за себя замужъ жену Адріанову, и царь согласился на этотъ бракъ. Женихъ немедленно же послалъ къ Наталіи знатныхъ женщинъ съ предложеніемъ своей руки. Но Наталія сказала имъ:

— Я рада вѣсти, что такой мужъ хочетъ взять меня замужъ; но прошу васъ подождать до трехъ дней, чтобы приготовиться мнѣ, такъ какъ я никакъ не ожидала, чтобы кто захотѣлъ такъ скоро сочетаться со мною бракомъ.

Говоря это, блаженная Наталія замыслила бѣжать туда, куда были увезены тѣла мучениковъ.

Отпустивъ къ тысяченачальнику присланныхъ къ ней женщинъ и обнадеживъ ихъ, сама она, войдя въ спальню свою, гдѣ хранилась рука святаго Адріана, и, павши на землю, съ плачемъ воззывала ко Господу:

— Господи Боже нашъ, Боже скорбящихъ и сокрушенныхъ сердцемъ, призри на меня, рабу Твою, и не допусти, чтобы осквер-

нилось ложе мученика твоего Адріана. Не забудь, Владыко, страданій раба Твоего, которыя онъ претерпѣлъ ради Святаго Твоего Имени! Милостивый Господи! Помяни преломленіе голеній и отсѣченіе рукъ его и прочихъ рабовъ Твоихъ, претерпѣвшихъ ради Тебя, и да не напрасны будутъ ихъ страданія. Помилуй ради ихъ и меня и не допусти до сожительства съ Твоими врагами. Ты, избавившій отъ огня святыхъ оныхъ, избавь и меня отъ намѣренія сквернаго человѣка!

Во время сей молитвы Наталія отъ изнуренія и печали задремала и уснула тонкимъ сномъ, и вотъ, въ сонномъ видѣніи ей явился одинъ изъ святыхъ мучениковъ и сказалъ:

— Миръ тебѣ, раба Христова Наталія! Вѣрь, что Богъ не презрѣлъ тебя и мы также не забыли твоихъ трудовъ, которые ты понесла своимъ уходомъ за нами во время заключенія нашего въ темницѣ; представъ предъ лице Христа, мы молимъ Его о томъ, чтобы Онъ повелѣлъ и тебѣ поскорѣе придти къ намъ.

Блаженная же Наталія спросила его:

— А скажи мнѣ, святый мученикъ, предсталъ ли съ вами Христу Господу господинъ мой Адріанъ?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Онъ прежде насъ предсталъ предъ Владыкою! А ты ступай и немедленно сядь на корабль и плыви туда, гдѣ находятся наши тѣла; тамъ явится тебѣ Господь и приведетъ тебя къ намъ!

Пробудившись отъ сна, святая Наталія тотчасъ же покинула все, и, взявъ одну только руку святаго Адріана, вышла изъ дома, и, подойдя къ берегу морскому, увидала корабль, какъ бы нарочито ее ожидающій и готовый отплыть въ Византію. Войдя въ оный, она увидала на немъ людей обоего пола—и всѣхъ христіанъ, бѣжавшихъ отъ мученія нечестиваго царя Максиміана, и воздала славу Богу.

Тысяченачальникъ же, узнавъ объ отъѣздѣ Наталіи, выпросилъ у царя на помощь воиновъ и, сѣвъ на другой корабль, погнался за нею. Когда корабль его отплылъ отъ берега на тысячу стадій, подулъ на морѣ противный вѣтеръ, который погналъ корабль назадъ къ берегу на то мѣсто, откуда онъ отплылъ, и причинилъ ему большой вредъ, такъ что многіе изъ бывшихъ на кораблѣ потонули. А христіанскій корабль, на которомъ была святая Наталія, плылъ безъ всякой опасности. Въ полночь явился имъ діаволъ, какъ бы плывущій на кораблѣ съ востока, имѣя при себѣ людей наподобіе моряковъ; діаволъ спросилъ христіанскихъ корабельщиковъ, какъ бы голосомъ кормчаго:

— Вы откуда и куда держите путь?

Тѣ отвѣчали:

— Мы изъ Никомидіи, плывемъ въ Византію[1]).

Врагъ сказалъ имъ:

— Вы сбились съ прямого пути, поверните корабль на лѣвую сторону.

Говоря такъ, діаволъ хотѣлъ ихъ обмануть и утопить.

Христіане, повѣривъ лживому совѣту и думая, что встрѣтившіеся имъ дѣйствительно плывутъ съ Востока, начали направлять паруса и корабль налѣво; но вдругъ явился имъ святый мученикъ Адріанъ, сіявшій свѣтомъ, и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Плывите по предпринятому пути и не слушайте словъ врага, навѣрно приготовляющаго вамъ погибель.

Сказавъ такъ, мученикъ, казалось, пошелъ впередъ по водамъ, а діаволъ исчезъ вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ.

Блаженная Наталія, вставъ, увидѣла святаго Адріана, идущаго впереди корабля, и воскликнула:

— Вотъ мой господинъ!

И тотчасъ святый сталъ невидимъ.

Подулъ благопріятный вѣтеръ. Путешественники прибыли въ Византію до разсвѣта и пристали къ берегу, на которомъ вблизи находился храмъ, гдѣ были положены тѣла святыхъ мучениковъ, и съ радостію высадились.

Придя въ храмъ къ тѣламъ святыхъ мучениковъ, святая Наталія съ несказанною радостію припала къ нимъ, лобызая ихъ и проливая отъ радости слезы; и приложивъ руку святаго Адріана къ его тѣлу, она преклонила колѣна и долго молилась. Потомъ послѣ продолжительной молитвы она встала и облобызала находящихся на ономъ мѣстѣ братьевъ и сестеръ, такъ какъ тамъ собралось много вѣрныхъ христіанъ, которые приняли ее съ радостію, ввели ее внутрь дома и стали просить ее немного отдохнуть, такъ какъ видѣли, что она очень изнемогла отъ морскаго плаванія. Когда она крѣпко заснула, ей явился во снѣ святый Адріанъ и сказалъ ей:

— Хорошо, что ты пришла сюда, раба Христова и дочь му-

---

[1]) *Византія*, впослѣдствіи знаменитый *Константинополь*, или *Царьградъ*, была сначала небольшой колоніею Мегарской, основанной около 658 г. до Р. Хр. и названной по имени ея основателя Визаса, выходца изъ греческаго малоазійскаго города Милета, подчиненнаго нѣкогда Персамъ.

ческая: пріиди въ покой свой, уготованный тебѣ отъ Господа, пріиди и воспріими должную тебѣ награду!

Вставъ отъ сна, святая Наталія разсказала свой сонъ находившимся при ней христіанамъ и просила ихъ помолиться о ней. Послѣ этого она уснула снова. Вѣрующіе чрезъ часъ пришли разбудить ее, но нашли ее уже скончавшеюся, ибо ея святая душа отошла въ вѣчный покой ко Господу. Такъ вскорѣ послѣ страданій святыхъ мучениковъ и святая Наталія окончила свой мученическій подвигъ, хотя и безъ пролитія крови. Много она спострадала святымъ мученикамъ, служила имъ въ темницѣ и смотрѣла на ихъ страданія, а также покинула ради цѣломудрія и домъ свой, и отечество и въ ликѣ мучениковъ предстала предъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ, Коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃ы́хъ, гла́съ д҃:

Мученицы твои̇, гдⷭ҇и, во страда́ніѧхъ свои́хъ вѣнцы̇ пріѧ́ша нетлѣ́нныѧ ѿ тебѐ бг҃а на́шегѡ: и҆мꙋ́ще бо крѣ́пость твою̇ мꙋчи́телей низложи́ша, сокрꙋши́ша и҆ де́монѡвъ немѡщны́ѧ де́рзѡсти. тѣ́хъ мл҃твами сп҃сѝ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Жены̇ бг҃омꙋ́дрыѧ бж҃е́ственнаѧ словеса̇, въ се́рдцѣ положи́въ а҆дрїа́не мч҃не хр҃то́въ, къ мꙋче́нїѧмъ ᲂу҆се́рднѡ ᲂу҆стреми́лсѧ є҆сѝ, съ сꙋпрꙋ́гою вѣне́цъ пріе́мъ.

Дрꙋ́гій конда́къ, гла́съ д҃:

Мученикъ возсїѧ̇ бж҃е́ственнаѧ па́мѧть, и҆ земны̑ѧ ѡ҆зарѝ всѧ̑ концы̇ свѣ́тлѡ, съ весе́лїемъ зовꙋ́щихъ: ты̇ є҆сѝ мꙋ́ченикѡвъ хр҃тѐ ра́дованїе.

ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ЧЕСТЬ СРѢТЕНІЯ

ВЛАДИМІРСКОЙ иконы БОЖІЕЙ МАТЕРИ

Въ княженіе благовѣрнаго Великаго князя Василія Дмитріевича[1]), при святѣйшемъ митрополитѣ Кипріанѣ[2]), случилось нашествіе на землю россійскую агарянскаго царя (завоевателя монгольскаго) Тамерлана; сей Тамерланъ, поднявшись съ востока съ великимъ воинствомъ, покорилъ много странъ и, наконецъ, приблизился къ предѣламъ страны Россійской. Подойдя къ границамъ области Рязанской, Тамерланъ взялъ городъ Елецъ, плѣнилъ князя Елецкаго и умертвилъ многихъ христіанъ, ибо былъ ненавистникомъ и грознымъ преслѣдователемъ христіанъ. Тамерланъ похвалялся опустошить всю землю Россійскую и искоренить вѣру христіанскую; сей опустошитель направилъ путь свой къ городу Москвѣ, намѣреваясь его разрушить.

Когда Великій Князь Василій Дмитріевичъ услышалъ объ этомъ, то собралъ своихъ воиновъ и направился къ городу Коломнѣ. Отправившись отсюда, онъ остановился на берегу рѣки Оки и ополчился здѣсь противъ непріятеля; Тамерланъ же простоялъ на одномъ мѣстѣ пятнадцать дней. Когда Великій Князь (и всѣ воины христіанскіе) узналъ о великой силѣ нечестиваго царя, пришедшаго въ Россію съ многочисленнымъ войскомъ, услышалъ также и о его зломъ намѣреніи, то вмѣстѣ съ воинами поднялъ къ Небу руки свои и помолился со слезами къ Господу и къ Пречистой Матери Божіей, прося объ избавленіи отъ того безбожнаго агарянина. Великій Князь призывалъ на помощь угодниковъ Божіихъ, святыхъ іерарховъ Петра и Алексія, преподобнаго Сергія и прочихъ россійскихъ чудотворцевъ.

Одновременно съ тѣмъ Великій Князь попросилъ отца своего духовнаго, преосвященнаго митрополита Кипріана, объявить народу постъ съ молитвою; Великій Князь просилъ также митрополита

---

1) *Василій (II-ой) Дмитріевичъ* княжилъ съ 1389 г. по 1425 г.

2) *Кипріанъ* управлялъ Московскою митрополіею съ 1380 г. по 1385 г.; затѣмъ вторично съ 1390 г. по 1406 г.

взять изъ города Владиміра чудотворную икону Матери Божіей и принести эту икону въ Москву для защиты престольнаго города россійскаго. Святитель Божій Кипріанъ и ранѣе помышлялъ принести въ Москву упомянутую честную икону Матери Божіей; когда же получилъ повелѣніе отъ князя, тогда со усердіемъ возблагодарилъ Бога за то, что Онъ вложилъ въ сердце Великаго князя ту же мысль; единомысліе съ Великимъ Княземъ Святѣйшій митрополитъ принялъ за знаменіе Божія благоволенія и соизволенія на то, чтобы чудотворная икона Богоматери была принесена въ Москву.

Въ скоромъ времени послѣ сего митрополитъ послалъ во Владиміръ нарочитыхъ мужей чина духовнаго, дабы взять тамъ честную икону Богоматери; собравъ весь чинъ духовный и множество народа, святѣйшій митрополитъ соборнѣ принесъ молебствіе о побѣдѣ надъ врагами и заповѣдалъ всѣмъ постъ съ молитвою, самъ же не отходилъ отъ церкви, совершая службы днемъ и ночью и молясь со слезами о Великомъ Князѣ, о воинахъ его и о всѣхъ православныхъ христіанахъ.

Когда честная икона, взятая въ городѣ Владимірѣ, приближалась къ городу Москвѣ въ пятнадцатый день мѣсяца августа, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, навстрѣчу ей вышелъ преосвященный митрополитъ съ прочимъ чиномъ духовнымъ и со множествомъ народа. Увидавъ ту святую икону, всѣ пали на землю и поклонились ей какъ Самой Пречистой Матери Божіей, пришедшей къ нимъ, и съ великою радостію приняли ее; взирая на сію икону, всѣ проливали слезы со умиленіемъ и молились Богоматери объ избавленіи отъ нашествія агарянъ.

Общая усердная молитва не была напрасною: въ тотъ же день, въ который честная икона Пресвятой Богородицы была принесена въ Москву, нечестивый царь агарянскій Тамерланъ пришелъ въ ужасъ, бывъ испуганъ страшнымъ видѣніемъ во снѣ, и побѣжалъ обратно со всѣмъ войскомъ своимъ, хотя никто его не преслѣдовалъ.

Видѣніе же было ему такое: онъ увидалъ предъ собою высокую гору, съ верха которой шли святители на него, неся въ рукахъ золотые жезлы и угрожая ему; надъ святителями сими Тамерланъ видѣлъ въ воздухѣ необычайный свѣтъ; видѣлъ онъ также и Царицу нѣкую, стоявшую среди тѣхъ святителей въ несказанной Славѣ, облеченную въ ризу багряную и сіявшую молніенос-

ными лучами ярче солнца. Кругомъ сей Царицы находилось безчисленное множество вооруженныхъ воиновъ, служившихъ Ей и какъ бы приготовившихся на войну. Руки Царицы были простерты къ Небу,—Она какъ бы молилась. Тамерлану казалось, что Царица сія угрожала ему, повелѣвая отойти отъ предѣловъ земли Россійской и какъ бы приказывая воинству Своему устремиться на него.

Отъ сего страшнаго видѣнія Тамерланъ пришелъ въ ужасъ; вставъ съ постели своей, онъ въ страхѣ закричалъ:

— Горе мнѣ, ибо я видѣлъ страшное зрѣлище!

И трепеталъ несчастный, сотрясаясь и стеная, и находился какъ бы въ изступленіи.

Спустя нѣкоторое время Тамерланъ пришелъ въ себя, позвалъ князей и военачальниковъ своихъ и разсказалъ имъ все, что видѣлъ, трясясь отъ страха.

Сіи же, выслушавъ разсказъ Тамерлана и увидавъ, что онъ трясся отъ страха, пришли также въ ужасъ и, недоумѣвая, спрашивали другъ друга:

— Что же будетъ теперь?

Нѣкоторые же говорили:

— Видѣнная Царица—есть Матерь Бога христіанскаго, Господа Іисуса Христа; несомнѣнно, Она намѣрена защитить христіанъ, ибо Она ихъ Помощница и Заступница.

Тамерланъ сказалъ:

— Если христіане имѣютъ такую Помощницу, то мы понапрасну вооружились на нихъ. Мы трудимся суетно; ибо если Она пошлетъ только одного изъ числа предстоящихъ Ей, то Она побѣдитъ насъ всѣхъ, такъ что мы не найдемъ и мѣста, куда могли бы убѣжать.

Такимъ образомъ тотъ нечестивый царь со всѣмъ своимъ воинствомъ агарянскимъ возвратился обратно, убѣжавъ со стыдомъ; ибо агарянамъ казалось, что многіе полки воиновъ изъ земли Россійской преслѣдовали ихъ; придя отъ сего въ страхъ и трепетъ, агаряне давили другъ друга, бросали оружіе свое и оставляли свою добычу, а также и все, взятое въ плѣнъ.

Такъ дарована была православнымъ христіанамъ побѣда надъ врагами безъ боя и пораженіе безъ пролитія крови, по молитвамъ Пресвятой Дѣвы Богородицы.

Сіе нашествіе Тамерлана вмѣстѣ съ агарянами и чудесное

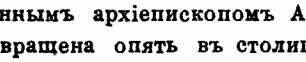
изгнаніе его изъ предѣловъ земли Россійской совершилось въ 6903-мъ году отъ сотворенія міра[1]); съ того времени въ царствующемъ городѣ Москвѣ былъ установленъ праздникъ въ честь срѣтенія иконы Пресвятой Дѣвы Богородицы, именуемой Владимірской, въ незабвенное и благодарственное воспоминаніе чудеснаго избавленія отъ агарянъ, дарованнаго по заступленію Матери Божіей. Да будетъ и отъ насъ возсылаться всегда Матери Божіей вмѣстѣ съ родившимся отъ Нея Христомъ Богомъ честь, слава и поклоненіе нынѣ и въ безконечные вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Днесь свѣтлѡ красꙋ́етсѧ сла́внѣйшїй гра́дъ москва̀, ꙗ҆́кѡ зарю̀ со́лнечнꙋю воспрїи́мши, вл҃чце, чꙋдотво́рнꙋю твою̀ і҆кѡ́нꙋ, къ не́йже ны́нѣ мы̀ притека́юще и҆ молѧ́щесѧ тебѣ̀ взыва́емъ си́це: ѿ пречꙋ́днаѧ вл҃чце бц҃е, моли́сѧ и҆з̾ тебѐ воплоще́нномꙋ хр҃тꙋ̀ бг҃ꙋ на́шемꙋ, да и҆зба́витъ гра́дъ се́й, и҆ всѧ̑ гра́ды и҆ страны̑ хр҃тїа̑нскїѧ невреди́мы ѿ всѣ́хъ навѣ́тъ вра́жїихъ, и҆ сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ, ꙗ҆́кѡ мл҃рдъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

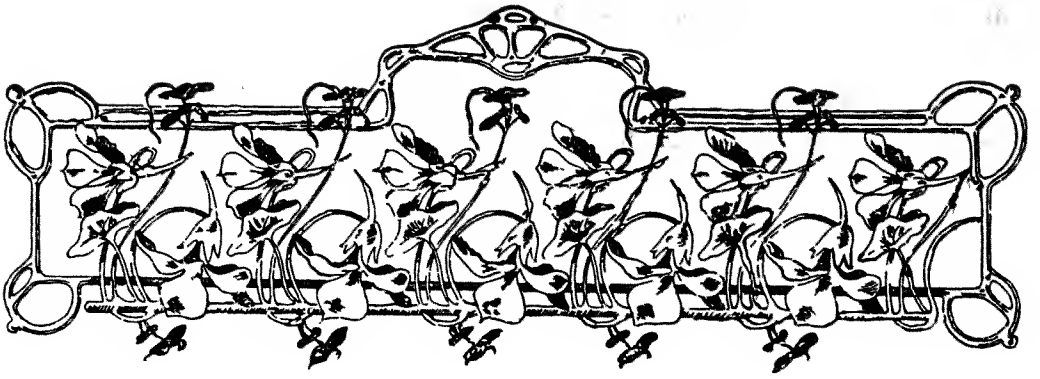
Избра́нной воево́дѣ побѣди́тельнаѧ ꙗ҆́кѡ и҆зба́вльшесѧ ѿ ѕлы́хъ прише́ствїемъ твоегѡ̀ чт҃на́гѡ ѡ҆́браза, вл҃чце бц҃е, свѣ́тлѡ сотворѧ́емъ пра́зднество срѣ́тенїѧ твоегѡ̀, и҆ ѻ҆бы́чнѡ зове́мъ ти̑: ра́дꙋйсѧ, невѣ́сто неневѣ́стнаѧ.



---

1) Въ 1395 г. отъ Р. Хр.

2) Черезъ 85 лѣтъ послѣ описаннаго событія было установлено второе празднованіе Владимірской иконѣ 23 іюня — въ благодарность за избавленіе отъ нашествія ордынскаго хана Ахмата въ 1480 году. «Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія,— говорили въ объясненіе сего чуда русскіе лѣтописцы.—Нѣтъ, не оружіе, не мудрость человѣческая, но Самъ Господь спасъ нынѣ Россію». Въ 1521 году опять двинулись на Россію Монголы подъ предводительствомъ Махметъ-Гирея. Заступленіемъ Богоматери и на сей разъ Москва была спасена отъ враговъ. Память этого событія совершается св. Церковію 21-го мая. Въ 1812 году, во время нашествія французовъ, чудотворная Владимірская икона вмѣстѣ съ иконами Иверскою и Смоленскою была увезена въ Муромъ 1-го сентября преосвященнымъ архіепископомъ Августиномъ и, по освобожденіи Москвы отъ враговъ, была возвращена опять въ столицу 20-го октября. Чудотворная Владимірская икона Богоматери находится нынѣ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (болѣе подробное повѣствованіе о сей иконѣ можно читать въ изданной Московской Синодальной Типографіей книгѣ: «*Слава Богоматери*», М. 1907 г., стр. 380—385).



День двадцать седьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПИМЕНА ВЕЛИКАГО

Преподобный Пименъ былъ родомъ египтянинъ [1]); вмѣстѣ съ своими двумя младшими братьями онъ ушелъ въ одинъ изъ общежительныхъ монастырей египетскихъ; здѣсь вмѣстѣ съ братьями онъ принялъ образъ иноческій [2]).

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого мать сихъ братьевъ, по чувству естественной любви матери къ дѣтямъ, отправилась къ нимъ, желая видѣть ихъ; однако не могла ихъ видѣть и потому встала около храма въ ожиданіи ихъ прихода въ храмъ на молитву. Когда они направлялись къ храму, мать подошла къ нимъ, но они побѣжали отъ нея назадъ и, войдя въ келлію, закрыли отъ нея двери; подойдя къ дверямъ, она начала стучать и призывать сыновей своихъ, стоя внѣ келліи и плача со умиленіемъ. Но иноки не только не открывали дверей келліи, но даже ничего не отвѣчали. Между тѣмъ въ то время, когда та женщина плакала долгое время, стоя у дверей келліи, авва Анувій, услышавъ обо всемъ, вошелъ иными дверями къ инокамъ и сказалъ Пимену:

---

1) *Преподобный Пименъ* родился около 340 года.

2) Иночество Пименъ принялъ около 355 года.

— Что же мы сдѣлаемъ съ этою старицею? Вотъ, она уже долгое время горько плачетъ, не отходя отсюда.

Тогда Пименъ, вставъ, подошелъ къ дверямъ и спросилъ:

— О чемъ ты плачешь, старица?

Она же, услышавъ его голосъ, но не видя его самого, такъ какъ двери были затворены, сказала:

— Я хочу видѣть васъ, дѣти мои! Не моими ли сосцами я питала васъ? Не я ли вырастила васъ? И вотъ, нынѣ я нахожусь уже въ преклонныхъ лѣтахъ; я весьма страдаю сердцемъ, слыша голосъ дѣтей своихъ, но не видя ихъ. Я весьма хочу видѣть васъ, дѣти мои, прежде, нежели умру.

Пименъ сказалъ:

— Гдѣ желаешь ты видѣть насъ: здѣсь или въ той, будущей жизни?

Она отвѣчала:

— Увижу ли я васъ тамъ, чада мои, если не буду видѣть здѣсь?

Пименъ отвѣчалъ:

— Если ты благодушно потерпишь и не увидишь насъ здѣсь, то мы надѣемся, что, по человѣколюбію Божію, ты непремѣнно увидишь насъ тамъ.

Внимая тому, что было сказано, она отвѣтила:

— Дѣйствительно, я предпочитаю видѣть васъ тамъ, нежели здѣсь.

Потомъ отошла съ великою надеждою, весьма радуясь, ибо желала видѣть дѣтей своихъ лучше въ будущей жизни, нежели въ жизни временной.

Блаженный Пименъ, проводя дни и годы въ трудахъ постническихъ и непрестанно пребывая въ молитвахъ, преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ иноческихъ и, при помощи Божіей, мужественно ополчился на невидимаго супостата; онъ умерщвлялъ свою плоть, воевавшую на духъ, истощалъ ее, какъ нѣкоего плѣнника, великими трудами и покорялъ ее на служеніе духу; такимъ образомъ, онъ восшелъ на вершину безстрастія и сталъ славнѣйшимъ изъ всѣхъ пустынныхъ отцевъ — какъ наиболѣе совершенный въ добродѣтеляхъ.

Спустя нѣкоторое время правитель страны той пожелалъ видѣть преподобнаго отца нашего Пимена и послалъ къ нему вѣстника съ просьбою дозволить ему придти къ преподобному. Старецъ же весьма опечалился, размышляя въ себѣ такъ:

«Если вельможи будутъ приходить ко мнѣ, дабы оказать мнѣ честь, то и изъ народа многіе будутъ приходить ко мнѣ и безпокоить меня; они помѣшаютъ моему безмолвію, и я лишусь благодати смиренія, которую я при помощи Божіей стяжалъ съ юности великими трудами; тогда я легко могу впасть въ гордость».

Прп҃бный Пі́менъ

Разсудивъ въ себѣ такъ, преподобный отказался видѣть князя и просилъ его черезъ того же вѣстника не приходить къ нему, такъ какъ,—сказалъ преподобный,—онъ не увидитъ его; напротивъ, отгонитъ его съ мѣста того.

Услыхавъ такой отвѣтъ, князь весьма опечалился и сказалъ:

— Это за грѣхи мои я не удостоился видѣть человѣка Божія.

Однако весьма желая видѣть какъ-нибудь святаго старца, придумалъ такую хитрость: взялъ, какъ бы за нѣкоторый проступокъ, сына сестры старца и заключилъ его въ темницу, надѣясь, что старецъ будетъ ходатайствовать предъ нимъ за своего племянника; такимъ путемъ думалъ онъ увидать святаго. Посему князь сказалъ своимъ слугамъ:

— Если придетъ авва Пименъ, то тотчасъ же выпущу юношу на свободу; а если не придетъ,—то не оставлю безъ наказанія провинившагося: ибо проступокъ его весьма великъ.

Когда мать юноши (сестра Пимена) услышала объ этомъ, то тотчасъ же отправилась въ пустыню къ брату; придя къ его отшельнической келліи, она начала стучать въ дверь, слезно моля его пойти къ князю и походатайствовать за ея сына, дабы онъ былъ освобожденъ.

Старецъ же не только не открылъ ей двери, но и ничего не отвѣтилъ.

Однако сестра долгое время продолжала со слезами упрашивать

старца, стуча въ дверь; но такъ какъ она не получила отвѣта, то начала съ укоризнами и гнѣвомъ говорить старцу:

— Немилосердый, безчувственный, жестокій, безбожный и звѣронравный! Неужели тебя не трогаютъ слезы мои? Вѣдь сынъ мой, который у меня только одинъ, находится въ смертной опасности!

Старецъ же послалъ ученика сказать ей:

— Иди отсюда: Пименъ не имѣетъ дѣтей, и потому онъ не печалится.

Сестра возвратилась съ горькимъ плачемъ, укоряя брата.

Когда князь услышалъ обо всемъ происшедшемъ, то сказалъ своимъ друзьямъ:

— Скажите старцу,—пусть напишетъ ко мнѣ письмо съ ходатайствомъ объ освобожденіи, и тогда я отпущу изъ темницы племянника его.

И многіе совѣтовали старцу написать письмо князю. Старецъ написалъ такъ:

«Прикажи властію своею хорошенько изслѣдовать преступленіе провинившагося юноши, и если будетъ найдено что-либо, достойное смерти, то пусть онъ умретъ, дабы временною казнію избѣгнуть мукъ вѣчныхъ; если же провинившійся не окажется достойнымъ смерти, то, наказавъ его, какъ требуетъ законъ, отпусти».

Когда князь прочиталъ такое посланіе старца, то удивился уму и добродѣтели мужа, понявъ, что то былъ истинный угодникъ Божій; князь отпустилъ юношу. Преподобный же Пименъ, избѣгая суетной славы и почестей людскихъ, ушелъ въ другое мѣсто и скитался по разнымъ странамъ долгое время. Потомъ поселился снова въ египетской пустынѣ и пребывалъ въ ней до старости, угождая Богу трудами постническими; и многихъ иноковъ отцемъ былъ сей святый Пименъ.

Поучая учениковъ своихъ смиренномудрію, такъ какъ и самъ былъ смиренномудръ, преподобный приводилъ ученикамъ въ образецъ сказаніе о нѣкоемъ старцѣ (быть можетъ, о себѣ самомъ), говоря такъ:

— Еще не такъ давно одинъ монахъ-египтянинъ жилъ близъ Царьграда на нѣкоемъ пустынномъ мѣстѣ, имѣя небольшую келлію. Случилось одинъ разъ проходить мѣстомъ тѣмъ благочестивому царю Ѳеодосію (Младшему[1]); услышавъ объ инокѣ, жившемъ тамъ,

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые разумѣютъ здѣсь императора Ѳеодосія Великаго, царствовавшаго съ 379 г. по 395 г.

царь оставилъ всѣхъ своихъ спутниковъ и, принявъ видъ одного изъ простыхъ воиновъ, направился къ дверямъ келліи старца. Когда царь постучалъ въ двери, инокъ открылъ келлію, но не узналъ въ пришедшемъ царя, а принялъ его за простого воина. Сотворивъ молитву, оба сѣли. Потомъ царь спросилъ:

— Какъ подвизаются отцы, обитающіе въ Египтѣ?

— Всѣ молятъ Бога о спасеніи вашемъ.

Осмотрѣвъ кругомъ всю келлію старца, царь не нашелъ въ ней ничего, кромѣ корзины, висѣвшей на стѣнѣ, а въ ней немного сухого хлѣба; потомъ сказалъ старцу:

— Отче! Благослови меня вкусить немного.

И тотчасъ старецъ налилъ воду въ сосудъ, насыпалъ соли и положилъ куски сухого хлѣба; и ѣли оба вмѣстѣ; затѣмъ старецъ принесъ кувшинъ съ водою и далъ пить царю. Послѣ трапезы царь спросилъ старца:

— Знаешь ли ты, кто я?

Онъ отвѣчалъ:

— Не знаю, господинъ, Богъ знаетъ тебя.

Тогда царь сказалъ ему:

— Я—царь Ѳеодосій.

И тотчасъ старецъ поклонился ему.

Потомъ царь сказалъ:

— Блаженны вы, иноки, такъ какъ вы свободны отъ заботъ суетнаго міра сего и проводите жизнь безмолвную, заботясь лишь о томъ, какъ получить жизнь небесную, вѣчную и блага небесныя. Воистину говорю тебѣ, что я, рожденный въ своемъ царствѣ и сейчасъ состоящій царемъ, никогда не вкушалъ съ такою сладостію хлѣба и не пилъ воды, какъ нынѣ вкусилъ и пилъ съ большимъ удовольствіемъ.

Старецъ же отвѣчалъ:

— Это потому, что мы, монахи, вкушаемъ пищу съ молитвою и благословеніемъ; по этой причинѣ и самая простая пища бываетъ вкусною. Въ вашихъ же домахъ приготовленіе кушаній совершается безъ молитвы, но со многими ссорами и разговорами праздными; по сей причинѣ ваша пища не получаетъ благословенія, которое могло бы усладить ее.

Воздавъ цѣлованіе старцу, царь отошелъ оттуда и съ тѣхъ поръ весьма почиталъ того монаха.

Между тѣмъ старецъ, боясь погибельнаго самопревозношенія

и гордости, дабы не потерять дара смиренія своего изъ-за почитанія людскаго и дабы не лишиться благодати Божіей, вставъ, бѣжалъ оттуда и потомъ опять пришелъ въ Египетъ.

Такое сказаніе повѣдалъ ученикамъ своимъ святый Пименъ, желая научить ихъ смиренію; этимъ сказаніемъ святый Пименъ хотѣлъ научить учениковъ своихъ уклоняться отъ суетныхъ похвалъ и почестей, которыя приносятъ инокамъ не пользу, а вредъ.

Святый Пименъ поучалъ учениковъ своихъ и прочимъ добродѣтелямъ; наставленія его были всегда дѣйственными, ибо онъ могъ всякаго научить пути спасительному; подобно тому, какъ жизнію своею онъ являлъ равноангельскій образецъ добродѣтели, такъ и слово его было всѣмъ на пользу. И приходили къ нему не только новоначальные, но и состарѣвшіеся въ подвигахъ иноческихъ и спрашивали его о томъ, что полезно для спасенія души; всѣ, приходившіе къ преподобному, получали отъ него богомудрые и богодухновенные отвѣты въ назиданіе душъ своихъ; отвѣты тѣ записывались нѣкіими въ Отеческія книги[1]). Нѣкоторые изъ этихъ отвѣтовъ припомнимъ здѣсь.

Нѣкто спросилъ авву Пимена, говоря такъ:

— Если я увижу брата моего, согрѣшившаго, долженъ ли я скрыть грѣхъ его?

Пименъ отвѣчалъ:

— Если мы скроемъ грѣхи братьевъ нашихъ, то и Богъ скроетъ грѣхи наши.

Нѣкоторый братъ сказалъ аввѣ Пимену:

— Отче! Я нахожусь въ смущеніи и думаю уйти отсюда.

Старецъ сказалъ:

— По какой причинѣ ты хочешь уйти отсюда?

Братъ отвѣчалъ:

— Я слышу дурныя рѣчи объ одномъ изъ числа здѣсь живущихъ братій и соблазняюсь.

Старецъ сказалъ:

— То, что ты слышалъ, неправда.

Братъ отвѣтилъ:

— Воистину, отче, то было правдой, потому что передавшій мнѣ о томъ заслуживаетъ всякаго вѣроятія.

Но старецъ сказалъ:

---

[1]) —т. е. Отечники, Патерики.

— Нѣтъ, передавшій тебѣ не заслуживаетъ вѣры, ибо если бы онъ заслуживалъ вѣры, то не передалъ бы тебѣ то. Но ты никогда не вѣрь тому, что говорятъ тебѣ, если самъ не видѣлъ того; ибо и Богъ, услышавъ вопль Содомскій, не удостовѣрился, пока не сошелъ Самъ, дабы видѣть все очами Своими[1]): «речѐ гдⷭ҇ь: во́пль содо́мскїй и҆ гомо́ррскїй оу҆мно́жисѧ ко мнѣ̀, и҆ грѣсѝ и҆́хъ велѝцы ѕѣлѡ̀. сошє́дъ оу҆́бо оу҆зрю̀, а҆́ще по во́плю и҆́хъ грѧдꙋ́щемꙋ ко мнѣ̀ соверша́ютсѧ»[2]).

Братъ сказалъ на это:

— И я, отче, своими собственными глазами видѣлъ, какъ братъ тотъ творилъ грѣхъ.

Услышавъ это, старецъ посмотрѣлъ на землю; потомъ, взявъ съ земли небольшой сучокъ, сказалъ брату:

— Что это?

Братъ отвѣчалъ:

— Это — сучокъ.

Потомъ старецъ посмотрѣлъ на верхъ постройки и, указавъ на бревно, на которомъ покоилась крыша зданія, спросилъ:

— А это что?

Братъ отвѣчалъ:

— Это — бревно.

И сказалъ старецъ брату:

— Запомни же въ сердцѣ своемъ, что грѣхи твои подобны сему бревну, грѣхъ же брата, о которомъ ты говоришь, подобенъ сему сучку; тогда ты никогда не будешь приходить въ смущеніе и соблазнъ.

Эти слова святаго Пимена слышалъ авва Сисой, бывшій тогда у него; весьма удивившись слышанному, онъ сказалъ святому Пимену:

— Какъ восхвалить тебя, авва Пименъ! Поистинѣ слова твои преисполнены благодати и славы, какъ нѣкій камень драгоцѣнный!

Тогда авва Пименъ сказалъ:

— Сказано: свидѣтельствуй лишь о томъ, что видѣли очи твои. Но я говорю вамъ, что если вы увидите что̀ и очами своими, не давайте тому вѣры.

И потомъ разсказалъ такой случай.

---

1) —выраженіе образное.

2) Кн. Бытіе, гл. 18, ст. 20—21.

— Нѣкій братъ былъ осмѣянъ бѣсомъ таковымъ призракомъ: онъ видѣлъ инаго брата, творившаго грѣхъ съ женщиною; братъ смутился въ мысляхъ и былъ обуреваемъ похотію. Подойдя, онъ толкнулъ ихъ ногою своею, сказавъ:

— Оставьте; для чего вы согрѣшаете?

Но оказалось, что то были снопы пшеницы, а не люди.

Посему,—заключилъ Пименъ,—говорю вамъ: не давайте вѣры и тому, что̀ видите очами своими.

Авва Анувій сказалъ святому Пимену:

— Но какой отвѣтъ ты далъ бы Богу, если бы ты видѣлъ грѣшника и не обличилъ бы его?

Пименъ сказалъ на это:

— Я сказалъ бы Богу такъ: Господи! Ты повелѣлъ: и҆змѝ пе́рвѣе бервно̀ и҆з̾ ѻ҆чесѐ твоегѡ̀, и҆ тогда̀ ѹ҆́зриши и҆з̾ѧ́ти сѹче́цъ и҆з̾ ѻ҆чесѐ бра́та твоегѡ̀[1]). Я исполнилъ повелѣніе Твое.

Потомъ нѣкій братъ спросилъ авву Пимена, сказавъ такъ:

— Отче! Я совершилъ тяжкій грѣхъ. Я хочу провести въ покаяніи три года. Но достаточно ли трехъ лѣтъ для покаянія?

Старецъ отвѣчалъ:

— Этого много.

Тогда братъ сказалъ:

— Итакъ, ты приказываешь каяться только одинъ годъ?

На это старецъ отвѣчалъ:

— И этого много.

Когда объ этомъ услышали другія братія, то сказали:

— Слѣдовательно каяться слѣдуетъ не болѣе сорока дней?

Но старецъ на это сказалъ:

— И этого много.

И потомъ прибавилъ:

— Я думаю, что если человѣкъ покается отъ всего сердца своего и положитъ твердое намѣреніе болѣе не возвращаться ко грѣху, то Богъ приметъ и трехдневное покаяніе его.

Иной братъ спросилъ авву Пимена, сказавъ такъ:

— Какъ до̀лжно жить человѣку?

Старецъ отвѣчалъ:

— Изъ примѣра Даніила[2]) мы видимъ, что его не могли

---

1) Еванг. отъ Матѳея, гл. 7, ст. 5.

2) *Даніилъ* — четвертый изъ числа *великихъ* Пророковъ (Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Даніилъ); происходилъ изъ царскаго рода и еще юношею былъ отведенъ въ Вавилонъ вмѣстѣ съ прочими плѣнными іудеями. Одаренный прекрасными душевными и тѣлесными

оклеветать ни въ чемъ, кромѣ того, что онъ служилъ Господу Богу своему.

Этими словами святый далъ понять, что человѣку дòлжно жить такъ, чтобы вся жизнь его была ничѣмъ инымъ, какъ только служеніемъ Господу Богу.

Другой инокъ спросилъ:

— Какимъ образомъ уберечься мнѣ отъ козней врага?

Отвѣчалъ отецъ:

— Когда котелъ, разжигаемый снизу, кипитъ, то ни муха, ни какое другое насѣкомое не можетъ коснуться его; когда же онъ остынетъ, то на него садятся и мухи, и насѣкомыя. Подобно сему и къ иноку, со усердіемъ подвизающемуся въ дѣлахъ добродѣтели, врагъ не смѣетъ приступить и увлечь его въ свои сѣти; къ человѣку же, проводящему жизнь въ безпечности и лѣности, врагъ приступаетъ съ легкостію и увлекаетъ ко грѣху какъ хочетъ.

Нѣкто спросилъ старца о томъ, какъ можно избавиться отъ навязывающихся уму злыхъ помысловъ. Старецъ отвѣчалъ на это:

— Случай этотъ подобенъ человѣку, имѣющему по лѣвую сторону отъ себя огонь, а по правую—сосудъ съ водою; если человѣкъ загорится отъ огня, то возьметъ воду изъ сосуда и загаситъ огонь. Огонь—это помыслы злые, которые врагъ нашего спасенія влагаетъ въ сердце человѣку какъ искру въ нѣкую храмину, дабы человѣкъ распалился пожеланіемъ грѣховнымъ; вода же—это молитвенное устремленіе человѣкомъ себя къ Богу.

Опять спросилъ старца Пимена авва Аммонъ о помыслахъ злыхъ, исходящихъ отъ сердца, и о суетныхъ пожеланіяхъ. И отвѣчалъ старецъ отъ святаго Писанія, сказавъ такъ:

— Какую славу можетъ получить топоръ безъ сѣкущаго имъ? И можетъ ли хвалиться пила, не имѣя работника? Такъ и ты: не посылай на помощь злымъ помысламъ своего соизволенія, и всѣ эти помыслы разсѣются.

качествами, онъ научился здѣсь языку и мудрости халдейской и вмѣстѣ съ тремя своими товарищами—Ананіею, Азаріею и Мисаиломъ былъ взятъ на службу при царскомъ дворѣ. Даніилъ истолковалъ царю Вавилонскому Навуходоносору его замѣчательные сны и самъ удостоился неоднократныхъ видѣній, въ которыхъ были ему открыты важнѣйшія священныя событія. При восшествіи на престолъ Дарія онъ былъ назначенъ однимъ изъ трехъ правителей имперіи и былъ чудеснымъ образомъ спасенъ отъ львовъ, въ ровъ къ которымъ онъ былъ брошенъ за свою привязанность къ отеческой вѣрѣ (Кн. Прор. Дан. гл. 6, ст. 10—24). Исторія его жизни и дѣятельности описана имъ самимъ въ священной книгѣ его имени.—Память его празднуется св. Церковію 17-го декабря.

Авва Іосифъ спросилъ авву Пимена о постѣ, сказавъ такъ:

— Какъ подобаетъ поститься?

Старецъ отвѣчалъ:

— Я каждодневно вкушаю немного пищи, не насыщаясь вполнѣ.

Авва Іосифъ спросилъ:

— А когда ты былъ юношей, то не постился ли ты по два дня?

Отвѣчалъ Пименъ:

— Поистинѣ постился — и не только по два дня, но и по три, и по цѣлой недѣлѣ; но святые отцы, испытавшіе то и другое, нашли, что лучше вкушать каждодневно, но понемногу; ибо это царскій путь (ко спасенію), болѣе легкій и удобный, дабы не превозносился умъ.

Игуменъ монастыря Великаго спросилъ авву Пимена, сказавъ такъ:

— Какимъ образомъ я могу стяжать умиленіе?

Старецъ отвѣчалъ:

— Развѣ можетъ быть умиленіе въ томъ сердцѣ, которое помышляетъ о сырахъ, сосудахъ съ масломъ и иныхъ житейскихъ дѣлахъ?

Иной спросилъ старца:

— Что лучше: говорить или молчать?

Старецъ отвѣчалъ:

— Кто говоритъ Бога ради, тотъ хорошо дѣлаетъ; также и тотъ, кто молчитъ Бога ради, хорошо поступаетъ.

Такіе мудрые отвѣты давалъ старецъ на вопросы; кромѣ того, въ Отечникахъ находятся многія мудрыя изреченія святаго Пимена. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Авва Пименъ говорилъ:

— Когда человѣкъ намѣревается строить домъ, то собираетъ многіе предметы, изъ которыхъ можно построить домъ; подобно сему и мы легко созиждемъ въ себѣ домъ духовный, если возьмемъ по небольшой частицѣ отъ каждой добродѣтели.

Сказалъ еще:

— Человѣку необходимо соблюдать три главныхъ правила: бояться Бога, часто молиться и творить добро ближнему.

Говорилъ также авва Пименъ:

— Нестяжаніе, терпѣніе и разсудительность—вотъ три основы

иноческаго житія; ибо написано: **а҆́ще бꙋ́дꙋтъ сі҆и҆ трі҆е̑ мꙋ́жи, ноѐ, и҆ данїи́лъ, и҆ і҆ѡ́въ, ті́и спасꙋ́тсѧ**[1]). Ной—образецъ нестяжательности, Іовъ—терпѣнія, Даніилъ же — разсудительности; если въ инокѣ окажутся сіи три добродѣтели, то Богъ, спасающій Его, возобитаетъ въ немъ.

Говорилъ еще старецъ:

— Если инокъ возненавидитъ два предмета, то можетъ быть свободнымъ отъ соблазновъ міра сего.

Братъ спросилъ старца:

— Какіе же это предметы?

На это старецъ отвѣтилъ:

— Покой плоти и тщеславіе.

Потомъ старецъ сказалъ:

— Въ Евангеліи написано: «имѣющій одежду, пусть продастъ ее и купитъ ножъ»[2]); это значитъ: имѣющій покой плоти своей, пусть оставитъ его и начнетъ проводить жизнь суровую, вступивъ на путь тѣсный.

Потомъ еще сказалъ:

— Когда Давидъ боролся со львомъ или медвѣдемъ, то умерщвлялъ звѣря, взявъ его за гортань[3]); подобно сему и мы съ Божіею помощію побѣдимъ льва—діавола и медвѣдя—плоть нашу, если наложимъ узду воздержанія на гортань и чрево наше.

Еще старецъ сказалъ:

— Если бы Навузарданъ—начальникъ надъ поварами царя вавилонскаго — не пришелъ въ Іерусалимъ, храмъ Господень не былъ бы сожженъ; подобно сему и въ насъ не воспалится огонь вожделѣнія грѣховнаго, а также и умъ нашъ, борющійся со врагомъ, никогда не потерпитъ пораженія,—если мы не будемъ преданы объядѣнію и нѣгѣ.

Говорилъ еще старецъ:

— Подобно тому, какъ пчелы бѣгутъ отъ дыма, позволяя людямъ пользоваться сладкими плодами ихъ работы, такъ покоемъ тѣла отгоняется отъ души нашей страхъ Господень, и она (душа) лишается всякаго добраго дѣла.

Затѣмъ еще сказалъ:

— Подобно тому, какъ всякій оруженосецъ царскій стоитъ

---

1) Кн. Прор. Іезек., гл. 14, ст 14.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 22, ст. 36.

3) 1 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 34 и 35.

близъ царя, будучи всегда готовымъ къ защитѣ его, такъ и душѣ нашей дòлжно быть всегда готовой на борьбу съ бѣсомъ блудодѣянія.

Однажды авва Пименъ услышалъ о братѣ нѣкоемъ, постившемся по шести дней и вкушавшему немного пищи только на седьмой день, но вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣвавшемся на брата своего. Авва Пименъ сказалъ о таковомъ:

— Научился поститься шесть дней, а отъ гнѣва не можетъ воздержаться и одинъ день.

Пресвитеръ одного монастыря, услыхавъ о нѣкіихъ братіяхъ, ходившихъ часто въ городъ, мывшихся въ банѣ, не прилежавшихъ къ спасенію своему,—разгнѣвался на нихъ и, придя въ монастырь, снялъ съ нихъ одѣяніе монашеское; но потомъ раскаялся, пошелъ къ аввѣ Пимену и разсказалъ ему о всемъ, что онъ сдѣлалъ съ тѣми братіями. Старецъ же сказалъ ему:

— Не имѣешь ли и ты въ себѣ чего-либо отъ ветхаго человѣка; или, быть можетъ, ты окончательно совлекся его?[1]).

Пресвитеръ, услышавъ отъ старца такія слова, умилился, призвалъ тѣхъ братій, которыхъ огорчилъ, раскаялся имъ и снова облекъ ихъ въ одѣяніе монашеское.

Однажды пришелъ къ аввѣ Пимену авва Исаакъ и, увидавъ, что онъ возливалъ на ноги свои небольшое количество воды, сказалъ ему:

— Какъ жестоко иные удручаютъ тѣло свое!

Старецъ же сказалъ ему:

— Мы не научены быть тѣлоубійцами.

И потомъ сказалъ:

— Бываетъ иногда, что человѣкъ кажется молчащимъ; но если сердце его осуждаетъ другихъ, то онъ говоритъ всегда. И есть такіе, которые съ утра до вечера говорятъ языкомъ, но въ то же время соблюдаютъ молчаніе (ибо не осуждающій ближняго—то же, что молчащій).

Авва Іосифъ разсказалъ, повѣствуя такъ:

— Когда однажды мы сидѣли у аввы Пимена, среди насъ былъ юный братъ Агаѳонъ; желая что-то сказать сему Агаѳону, старецъ (Пименъ) назвалъ его аввою, сказавъ такъ: авва Ага-

---

[1]) *Ветхій человѣкъ*,—человѣкъ, преданный грѣху, не знающій пути спасенія. Такое наименованіе святый Апостолъ Павелъ усвояетъ людямъ, еще не получившимъ новозавѣтной благодати (ср.: Посл. къ Ефес., гл. 4, ст. 22; Посл. къ Колос., гл. 3, ст. 9).

ѳонъ.—Но мы сказали старцу: этотъ братъ еще юнъ; почему ты называешь его аввою? Старецъ же отвѣчалъ: уста его молчаливыя заставляютъ меня называть его аввою.

Потомъ говорилъ еще авва Пименъ:

— Братъ, находящійся вмѣстѣ съ ближнимъ своимъ, долженъ уподобиться истукану каменному; будучи обижаемъ, онъ не долженъ гнѣваться; будучи хвалимъ, онъ не долженъ превозноситься.

Еще сказалъ:

— Зломъ никогда не побѣдить зла; если кто-либо причиняетъ тебѣ зло, то окажи таковому добро; тогда твоя добродѣтель преобѣдитъ его злобу.

Этой добродѣтели (какъ и другимъ добродѣтелямъ) преподобный Пименъ поучалъ и самымъ дѣломъ; ибо до его прибытія изъ скита въ Египетъ, въ Египтѣ жилъ нѣкій старецъ, почитаемый всѣми. Когда на то мѣсто пришелъ авва Пименъ, то многіе, оставивъ того старца, начали приходить къ Пимену; по сей причинѣ тотъ старецъ началъ гнѣваться на пришедшаго авву (Пимена), сталъ завидовать ему и говорить о немъ дурное. Когда авва Пименъ услыхалъ объ этомъ, то опечалился и сказалъ своимъ братіямъ:

— Что теперь дѣлать намъ, ибо люди эти повергли насъ въ скорбь, оставивъ столь святаго и добродѣтельнаго старца и прійдя къ намъ, незначащимъ ничего? Какимъ образомъ мы устранимъ гнѣвъ великаго отца того? Приготовимъ немного пищи, возьмемъ немного вина, пойдемъ къ старцу, вкусимъ съ нимъ; быть можетъ, такимъ образомъ мы умилостивимъ сердце его.

Взявъ немного пищи и вина, они отправились къ тому старцу и постучали въ двери келліи его. Ученикъ того старца, услышавъ стукъ, спросилъ:

— Кто это?

Ему отвѣтили:

— Скажи аввѣ твоему, что Пименъ съ братіею своею пришелъ, дабы принять отъ твоего аввы благословеніе.

Ученикъ пошелъ и разсказалъ объ этомъ старцу. Старецъ же, выслушавъ, сказалъ:

— Пойди и скажи имъ: идите отсюда, ибо у меня нѣтъ времени видѣть васъ.

Когда ученикъ сказалъ такъ пришедшимъ, то сіи послѣдніе отвѣтили ему:

— Мы не уйдемъ отсюда до тѣхъ поръ, пока не сподобимся поклониться старцу.

И стояли на зноѣ солнечномъ при дверяхъ келліи.

Видя смиреніе и терпѣніе пришедшихъ, старецъ умилился, открылъ имъ двери и принялъ ихъ съ лобзаніемъ; сѣвши, всѣ бесѣдовали съ любовію и вкусили принесеннаго. Потомъ старецъ тотъ сказалъ:

— Поистинѣ, не только справедливо то, что я слышалъ о васъ, но я вижу въ васъ добрыя дѣла во стократъ большія.

Съ того времени старецъ сталъ миролюбиво относиться къ аввѣ Пимену.

Такъ умѣлъ преподобный Пименъ устранять злобу враждующаго на него и давалъ примѣръ этого другимъ.

Преподобный Пименъ умѣлъ врачевать иныхъ и молчаніемъ своимъ, какъ словомъ.

Однажды пресвитеры страны той посѣтили монастырь, въ которомъ пребывалъ преподобный; авва Анувій, желая хотя нѣсколько угостить ихъ, вошелъ къ преподобному Пимену и сказалъ ему объ этомъ. Однако Пименъ не далъ отвѣта, но пребывалъ въ молчаніи долгое время; и отошелъ отъ него авва Анувій съ печалію.

Потомъ братія, бывшіе у него, спросили его (авву Пимена):

— Почему ты не далъ отвѣта аввѣ Анувію?

Старецъ же отвѣчалъ имъ:

— Я не имѣлъ для сего орудія (т. е. языка), ибо я мертвъ; мертвый же не говоритъ; посему не считайте меня пребывающимъ съ вами.

Такъ поступилъ старецъ для того, чтобы его не звали къ тѣмъ новопришедшимъ братіямъ на трапезу; ибо о немъ повѣствуютъ и сіе, что, когда братія призывали его вкусить вмѣстѣ съ ними пищу, онъ шелъ съ плачемъ, какъ бы нехотя; ибо не желалъ насыщать чрева своего, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ ослушаться братій, дабы не огорчить ихъ.

Нѣкій инокъ, услышавъ о добродѣтельномъ житіи преподобнаго Пимена, пришелъ къ нему изъ далекой страны, дабы видѣть его и поучиться отъ него. Старецъ принялъ инока съ честію; облобызавъ другъ друга, сѣли. Инокъ началъ бесѣдовать со старцемъ отъ Божественнаго Писанія—о вещахъ трудноуразумѣваемыхъ, о которыхъ говорится въ Писаніи, и о предметахъ небесныхъ. Отецъ

же Пименъ, отвернувъ лице свое, молчалъ и не давалъ никакого отвѣта пришельцу. Инокъ тотъ долгое время говорилъ отъ Писанія, но не получалъ отвѣта тотъ старца, ибо тотъ молчалъ; потомъ инокъ вышелъ изъ келліи съ печалію и сказалъ ученику старца:

— Понапрасну я предпринялъ столь великій и трудный путь; я пришелъ сюда ради него (аввы Пимена), но онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова.

Потомъ, войдя къ старцу, тотъ ученикъ сказалъ ему:

— Отче! Ради тебя пришелъ сей честный мужъ, славный среди иноковъ страны своей: почему же ты не сказалъ ему ничего?

Старецъ отвѣчалъ:

— Онъ отъ вышнихъ — и говоритъ о предметахъ небесныхъ, а я отъ нижнихъ — и могу говорить только о земномъ. Если бы братъ, пришедшій къ намъ, говорилъ о душевныхъ страстяхъ, о плотскихъ немощахъ, то я отвѣчалъ бы ему; а такъ какъ онъ говоритъ о предметахъ небесныхъ, то о нихъ я ничего не могу сказать.

Ученикъ, выйдя отъ старца, пошелъ къ тому иноку и сказалъ ему:

— Знай, отче, что старецъ неохотно бесѣдуетъ отъ Божественнаго Писанія, но если кто-либо начинаетъ говорить съ нимъ о страстяхъ душевныхъ, тогда старецъ отвѣчаетъ.

Умилившись, инокъ тотъ вошелъ къ старцу и спросилъ его:

— Авво! Что дѣлать мнѣ, ибо я во власти страстей?

Тогда, посмотрѣвъ на него съ радостнымъ лицемъ, старецъ сказалъ:

— Хорошо сдѣлалъ ты, что пришелъ; теперь я открою уста свои и наполню ихъ благими рѣчами.

И бесѣдовалъ съ нимъ достаточное время о томъ, какъ побѣждать восстающія на насъ похоти. Весьма насладившись богодухновенными словами старца, инокъ тотъ возблагодарилъ Бога за то, что Онъ сподобилъ его видѣть таковаго старца и слышать его бесѣду; и возвратился къ своимъ, радуясь, что получилъ великую пользу для души.

Потомъ иной инокъ, авва Исаакъ, пришелъ къ отцу Пимену и нашелъ его сидящимъ молча и какъ бы находящимся въ изступленіи. Подождавъ достаточное время, но не видя, чтобы старецъ пришелъ въ себя, инокъ тотъ сдѣлалъ земной поклонъ старцу, сказавъ:

— Скажи мнѣ, отче, гдѣ былъ ты умомъ своимъ?

Онъ же, бывъ вынужденъ на отвѣтъ усиленною просьбою, отвѣтилъ:

— Мой умъ былъ тамъ, гдѣ плакала Пречистая Дѣва Марія Богородица, стоя при Крестѣ; и я хотѣлъ бы такъ всегда плакать.

Таковый великій въ отцахъ, преподобный Пименъ, изучившій всякую добродѣтель, приносившій пользу всѣмъ какъ житіемъ, такъ и словомъ своимъ, имѣлъ столь великое смиреніе во умѣ своемъ, что часто со вздохомъ говорилъ:

— Я буду брошенъ на то мѣсто, куда будетъ брошенъ сатана!

Однако Господь вознесъ смиреннаго раба Своего въ мѣста, гдѣ пребываютъ святые Ангелы, въ селенія праведныхъ и преподобныхъ; Господь вселилъ его, послѣ земной, исполненной многихъ лѣтъ жизни, въ Обители Небесныя, гдѣ лѣта не кончаются[1]); тамъ всѣ святые, предстоя Престолу Славы Божіей, всегда славятъ Отца, и Сына, и Святаго Духа — Единаго Бога въ Троицѣ, Которому и отъ насъ, грѣшныхъ, возсылается слава нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ и҆:

Слезъ твои́хъ тече́ньми пꙋсты́ни безпло́дное воздѣ́лалъ є҆сѝ, и҆ и҆же и҆з̾ глꙋбины̀ воздыха́ньми во сто̀ трꙋдѡ́въ ᲂу҆плодоноси́лъ є҆сѝ, и҆ бы́лъ є҆сѝ свѣти́льникъ вселе́ннѣй, сїѧ́ѧ чꙋдесы̀, пі́мене ѻ҆́тче на́шъ, молѝ хр̃та̀ бг̃а сп̃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Свѣ́тлыхъ пѡ́двигъ твои́хъ, прп̃бне ѻ҆́тче, наста̀ дне́сь ст̃а́ѧ па́мѧть твоѧ̀, дꙋшы бл̃гочести́выхъ веселѧ́щи, пі́мене бг̃омꙋ́дре, ѻ҆́тче на́шъ прп̃бне.

---

[1]) *Преподобный Пименъ* скончался 110-ти лѣтъ отъ рожденія. Кончина его послѣдовала около 450 г.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНЫХЪ:

КУКШИ священномученика и ПИМЕНА постника

Не мѣсто многимъ словамъ тамъ, гдѣ дѣла представляютъ ясное свидѣтельство, какъ это можно сказать о сихъ блаженныхъ; ибо блаженный священномученикъ Кукша — одинъ изъ отцевъ святаго Кіево-Печерскаго монастыря — былъ всѣмъ извѣстенъ, такъ какъ крестилъ вятичей, помраченныхъ ранѣе невѣріемъ, и просвѣтилъ многихъ вѣрою. Сей святый Кукша сотворилъ много преславныхъ чудесъ,— изгонялъ бѣсовъ, низвелъ дождь съ неба, осушилъ озеро, сотворилъ много и другихъ удивительныхъ чудесъ. Наконецъ, послѣ многихъ мученій былъ усѣченъ невѣрными вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ.

Прп҃бнїи
кꙋ́кша и пі́менъ

Въ то же время въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ подвизался блаженный Пименъ-постникъ, угождая Богу; за свое великое пощеніе и труды онъ получилъ отъ Бога столь великій даръ, что прославился не только исцѣленіемъ больныхъ, но и предвидѣніемъ будущаго и совершающагося въ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ мѣстахъ. Сей святый Пименъ исцѣлялъ многихъ болящихъ, пророчествовалъ многое и предузналъ о своемъ отшествіи ко Господу за два года до

кончины. Святый Пименъ, прозрѣвъ усѣченіе блаженнаго Кукши, находившагося вдали отъ него, громогласно возгласилъ среди Великой церкви Кіево-Печерской:

— Братъ нашъ Кукша въ нынѣшній день умерщвленъ!

Сказавъ сіе, Пименъ преставился въ одинъ день съ святымъ Кукшею и ученикомъ его[1]).

Такимъ образомъ сіи трое вмѣстѣ получили тройственную радость, которую око не видѣло, ухо не слышало и которая не восходила на сердце человѣку[2]); сію радость приготовилъ Богъ, Единый въ Троицѣ, для всѣхъ, любящихъ Его: Ему возсылается слава, нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ЛИВЕРІЯ ИСПОВѢДНИКА,

папы Римскаго

Святый Ливерій вступилъ на престолъ епископскій послѣ папы Іулія[3]). Съ самаго начала своего правленія онъ былъ ревностнымъ поборникомъ Православія и постояннымъ защитникомъ святаго Аѳанасія Александрійскаго, боровшагося противъ аріанъ[4]). Императоръ Констанцій (склонившійся на сторону аріанъ) ни угрозами, ни ласками, ни черезъ своихъ приближенныхъ, ни самъ лично не могъ принудить святаго Ливерія къ осужденію святаго Аѳанасія, слѣдовательно, и Православія; за такую твердость въ Православіи Ливерій былъ отправленъ въ ссылку въ Берію—во Ѳракію. Но когда императоръ Констанцій былъ въ Римѣ[5]), народъ, уважавшій и любившій своего архипастыря, испросилъ у императора возвращеніе папы Ливерія въ Римъ. Однако прежде воз-

---

1) Кончина святаго Кукши священномученика и Пимена постника послѣдовала ок. 1113 г.

2) Ср.: 1 посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

3) *Іулій* занималъ папскій престолъ съ 337 г. по 352 г. *Ливерій* вступилъ на престолъ римскій 22-го мая 352 г.

4) Объ *аріанахъ* см. стр. 380-ую, прим. 1-ое.

5) *Императоръ Констанцій* царствовалъ съ 337 г. по 361 г.—Въ Римѣ онъ былъ въ 357 году, когда народъ и приступилъ къ нему съ просьбою о возвращеніи Ливерія изъ ссылки.

вращенія въ Римъ Ливерій былъ вызванъ на 3-ій Сирмійскій Соборъ (полуаріанскій), гдѣ принужденъ былъ подписаться подъ опредѣленіемъ сего Собора. Послѣ сего только получивъ позволеніе возвратиться въ Римъ, Ливерій возвратился туда[1]) послѣ двухлѣтней ссылки. Но потомъ Ливерій принесъ глубокое раскаяніе въ своемъ поступкѣ (выразившемся въ подписаніи опредѣленія 3-го Сирмійскаго полуаріанскаго Собора), по примѣру святаго Апостола Петра, который искреннимъ раскаяніемъ загладилъ свое отреченіе отъ Господа. Въ Римѣ Ливерій много потрудился на пользу Православія и, наконецъ, преставился ко Господу[2]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ОСІИ ИСПОВѢДНИКА,

епископа Кордубскаго

Сей преподобный, удалившись отъ мірскихъ удовольствій и украсивъ себя всякими добродѣтелями, поставленъ былъ на каѳедру епископа города Кордубы[3]). Ревнуя о православной вѣрѣ, онъ отправился на Первый Вселенскій Соборъ, чтобы обличить безуміе Арія и уничтожить его душевредную ересь. И когда всѣ собрались на этотъ Соборъ, то онъ своими обличеніями досаждалъ Арію и многимъ другимъ. Послѣ того, какъ православные епископы были удалены императоромъ Константиномъ[4]) со своихъ каѳедръ за то, что не принимали участія въ изгнаніи Аѳанасія Великаго[5]) и не стали причастными лжеученію Арія, то и онъ былъ сосланъ въ ссылку, гдѣ, перенесши множество страданій, скончался[6]).

---

1) Ливерій возвратился въ Римъ въ 358 г.

2) Кончина святаго Ливерія послѣдовала въ 366 г.

3) *Городъ Кордуба,* нынѣ *Кордова,* находился въ южной части Испаніи на правомъ берегу рѣки Бета, носящей въ настоящее время названіе Гвадалквивиръ.

4) Въ Прологѣ здѣсь допущена ошибка или опечатка. Православные епископы были удалены съ своихъ каѳедръ не императоромъ Константиномъ, а сыномъ его, аріаниномъ Констанціемъ.

5) Здѣсь разумѣется *святый Аѳанасій Великій,* архіепископъ Александрійскій, славный защитникъ православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ противъ лжеученія Арія.—Память его празднуется 2 мая и 18 января.

6) *Преподобный Осія* въ 355 году былъ сосланъ императоромъ Констанціемъ за защиту св. Аѳанасія въ Сирмій. Угрозами, темницею и насиліями онъ принужденъ былъ

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПИМЕНА (палестинскаго)

Святые отцы Софроній и Іоаннъ записали о семъ святомъ Пименѣ въ своей книгѣ[1]) такъ:

«Авва Агаѳоникъ, игуменъ Лавры преподобнаго отца нашего Саввы[2]), повѣдалъ намъ,—повѣствуютъ они,—слѣдующее:

— Я шелъ,—разсказывалъ авва Агаѳоникъ,—однажды въ пустыню Руву къ аввѣ Пимену, жившему въ пещерѣ и питавшемуся кореньями. Найдя его, я повѣдалъ ему о мысляхъ своихъ, и, такъ какъ былъ уже вечеръ, то онъ оставилъ меня одного на ночь въ пещерѣ, а самъ ушелъ въ другую пещеру. Въ эту ночь было очень холодно, и я очень страдалъ отъ стужи. Утромъ слѣдующаго дня старецъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ меня:

— Какъ провелъ ты эту ночь, сынъ мой?

Я, повѣствуетъ авва Агаѳоникъ, отвѣчалъ ему:

— Прости меня, отче! Всю эту ночь я очень страдалъ отъ холода.

Онъ же сказалъ мнѣ:

— Говорю тебѣ правду, сынъ мой,—я нисколько не пострадалъ отъ холода.

Услышавъ это (разсказываетъ Агаѳоникъ), я весьма удивился, такъ какъ старецъ былъ нагимъ; потомъ спросилъ его, сказавъ такъ:

— Яви любовь мнѣ, отче,—разскажи, почему ты не пострадалъ отъ холода, будучи нагимъ?

подписать аріанское исповѣданіе 2-го Сирмійскаго Собора 357 года и, возвращенный затѣмъ въ Кордову, скончался въ 359, а по Штадлеру — въ 358 году, но передъ смертію снова предалъ аріанство анаѳемѣ.

[1]) Разумѣется Лимонарь (или Лугъ Духовный), т. е. собраніе назидательныхъ разсказовъ о подвигахъ отшельниковъ (гл. 167).

[2]) Обитель св. Саввы основана преподобнымъ Саввою Освященнымъ въ VI в. Обитель эта замѣчательна какъ колыбель Іерусалимскаго устава, принятаго потомъ всѣми палестинскими монастырями. Іерусалимскій уставъ былъ также принятъ потомъ почти повсемѣстно и у насъ въ Россіи, съ XIV-го вѣка.

И отвѣчалъ мнѣ старецъ:

— Пришелъ левъ, легъ около меня и согрѣлъ тѣло мое; однако знай, сынъ мой, что я буду съѣденъ звѣрями.

Тогда я спросилъ его:

— По какой причинѣ ты, отче, будешь съѣденъ звѣрями?

На это старецъ отвѣтилъ мнѣ:

— Когда я жилъ въ мірѣ на родинѣ моей (оба они происходили изъ Галатіи[1]), то я былъ пастухомъ овецъ; однажды, когда я пасъ овецъ, мимо моего стада проходилъ нѣкоторый мужъ; мои псы напали на него и растерзали. Я могъ спасти его отъ псовъ, но не сдѣлалъ этого. И узналъ я, по откровенію Божію, что и я долженъ умереть такою же смертію,—именно буду растерзанъ звѣрями.

Объ этомъ разсказалъ преподобный Пименъ аввѣ Агаѳонику; и дѣйствительно случилось такъ, какъ сказалъ онъ; ибо спустя три года стало извѣстно, что пустынножитель Пименъ былъ съѣденъ звѣрями[2]). Душа же его святая сопричтена къ лику отцевъ преподобныхъ по милосердію Господа нашего Іисуса Христа, Коему возсылается слава вѣчно.

Въ тотъ же день **память преподобнаго Саввы**, въ Венефалѣхъ (мѣстность сія и время жизни преподобнаго Саввы неизвѣстны).

Въ тотъ же день **память святой мученицы Анѳисы**, за исповѣданіе имени Христова брошенной въ колодезь (время ея подвиговъ и мѣсто ея кончины неизвѣстны).

---

1) *Галатія*—малоазійская область.

2) Кончина святаго Пимена послѣдовала въ концѣ VI-го вѣка.

День двадцать восьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МОИСЕЯ МУРИНА

Въ странахъ египетскихъ проживалъ нѣкій разбойникъ, по имени Моисей, родомъ муринъ[1]), лицемъ мрачный; первоначально онъ былъ рабомъ нѣкоего славнаго господина, но по причинѣ убійства, совершеннаго имъ, былъ прогнанъ тѣмъ господиномъ и присоединился къ разбойникамъ. Сіи же послѣдніе, видя, что Моисей силенъ и обладаетъ суровымъ характеромъ, избрали его своимъ атаманомъ (вождемъ). Сіе повѣствуется о святомъ Моисеѣ ради того, чтобы было видно его исправленіе и чтобы было извѣстно, какимъ образомъ Моисей отъ такой дурной жизни пришелъ къ раскаянію и богоугожденію; ибо грѣхи святыхъ (ранѣе бывшіе) не утаиваются — ради прославленія милосердія Божія, которое отдѣляетъ честное отъ недостойнаго и изъ грѣшниковъ творитъ праведниковъ.

Совершая разбой, Моисей вмѣстѣ съ товарищами производилъ много хищеній, кровопролитій, творилъ много иныхъ мерзкихъ беззаконій и преступленій; своею жестокостію Моисей прославился среди всѣхъ, ибо всѣ боялись его. Изъ числа дѣлъ его разбойническихъ слѣдуетъ упомянуть о семъ:

---

[1]) —т. е. эѳіоплянинъ.

Моисей питалъ злобу на одного пастуха, пасшаго овецъ, за то, что сей пастухъ со своими псами (охранявшими стадо) воспрепятствовалъ нѣкогда Моисею совершить злодѣяніе; увидавъ однажды, что тотъ пастухъ пасетъ овецъ по ту сторону рѣки Нила, Моисей замыслилъ его убить. Рѣка Нилъ была переполнена водой (по случаю разлива); Моисей, связавши свою одежду, привязалъ ее къ головѣ, взялъ въ уста мечъ и отправился въ плаваніе по этой великой рѣкѣ. Упомянутый пастухъ, увидавъ Моисея еще издали, когда онъ переплывалъ рѣку, оставилъ овецъ и убѣжалъ съ того мѣста; Моисей же, переплывъ рѣку, но не найдя пастуха, умертвилъ четырехъ крупнѣйшихъ ягнятъ, потомъ связалъ веревкою сихъ ягнятъ и затѣмъ обратно переплылъ рѣку Нилъ, взявъ съ собою ягнятъ; очистивъ сихъ ягнятъ отъ шкуры, Моисей съѣлъ мясо ихъ (бывшее очень вкуснымъ), а шкуру продалъ и на вырученныя деньги выпилъ вина.

Долгое время Моисей проводилъ жизнь въ такихъ грѣховныхъ дѣлахъ; но однажды случайно онъ пришелъ въ сознаніе, ибо Богъ умилосердился надъ нимъ и призвалъ его къ покаянію, такъ какъ Преблагій и Человѣколюбивый Владыка не ищетъ погибели грѣшниковъ, но ожидаетъ ихъ обращенія ко спасенію. Сей грѣшникъ умилился сердцемъ, раскаялся въ своихъ злодѣяніяхъ, оставилъ разбой и своихъ товарищей, пошелъ въ пустынный монастырь и предалъ себя въ повиновеніе и послушаніе игумену и братіямъ, болѣе же всего — Самому Богу; Моисей пролилъ много слезъ, и днемъ и ночью каясь о содѣянныхъ ранѣе грѣхахъ своихъ; всѣ, поручаемыя ему работы и послушанія, онъ исполнялъ нелѣностно и былъ славнымъ инокомъ.

Спустя нѣкоторое время Моисей ушелъ въ отшельническую келлію; здѣсь онъ жилъ одинъ, помышляя о Богѣ и очищая теплымъ покаяніемъ свои беззаконія, совершенныя прежде.

Когда Моисей проводилъ такую покаянную жизнь, на него, находившагося въ келліи, напали четыре разбойника, не знавшіе, что то̀ былъ Моисей. Онъ же, будучи только одинъ, поборолъ ихъ, связалъ и, взявъ ихъ на плечи, какъ связки сноповъ, принесъ въ монастырь къ церкви, сказавъ братіямъ:

— Что посовѣтуете вы сдѣлать мнѣ съ ними? Я не долженъ никого обижать, но они пришли ко мнѣ, и я взялъ ихъ.

Отцы приказали ему развязать тѣхъ разбойниковъ и отпустить ихъ на свободу, сказавъ:

— Мы никого не должны убивать.

Разбойники же, понявъ, что тò былъ Моисей, ранѣе бывшій ихъ начальникомъ, удивились такой перемѣнѣ жизни его и прославили Бога, сами же умилились, пришли въ страхъ Божій и, покаявшись, стали славными иноками.

И не только эти четыре, но и другіе разбойники, услышавъ о своемъ вождѣ Моисеѣ (что онъ покаялся и сталъ инокомъ), также оставили разбой и всѣ грѣховныя дѣла и стали добродѣтельными иноками.

И такъ Моисей пребывалъ въ трудахъ покаянія. Первоначально его обуревали грѣховными помышленіями бѣсы блудодѣянія, разжигая похоть его и увлекая его къ прежней блудодѣйственной жизни, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ братіямъ, говоря такъ:

— Я претерпѣлъ столь великія непріятности, борясь съ вожделѣніями плотскими, что едва не нарушилъ обѣта иноческаго.

Отправившись къ аввѣ Исидору пресвитеру, въ скитъ, онъ повѣдалъ ему о своихъ страданіяхъ отъ похоти плотской. И сказалъ ему святый Исидоръ:

— Не смущайся, братъ! Ты еще новоначаленъ (т. е. только лишь началъ подвизаться), и потому бѣсы съ ожесточеніемъ нападаютъ на тебя, думая найти въ тебѣ прежній нравъ. Для отогнанія ихъ совѣтую тебѣ соблюдать повседневный постъ и воздержаніе и не насыщать вполнѣ чрева своего. Подобно тому какъ песъ, привыкшій грызть кости, выбрасываемыя мясоторговцемъ, не уходитъ до тѣхъ поръ, пока мѣсто торговли не закроется; но когда торговля прекращена и нѣтъ уже никого, кто могъ бы бросить псу что-либо для съѣдѣнія, тогда онъ, истомившись голодомъ, отходитъ отъ мѣста того,—такъ и бѣсъ блудодѣянія находится вблизи человѣка, питающагося до пресыщенія. Но если ты будешь постоянно соблюдать постъ и воздержаніе, умерщвляя члены свои земные и заграждая дверь пресыщенія пощеніемъ, не допуская войти въ себя пресыщенію, разжигающему грѣховныя вожделѣнія, тогда бѣсъ, какъ бы истомившись отъ голода, отойдетъ отъ тебя съ печалію.

Рабъ Божій Моисей, отправившись въ келлію свою, затворился въ ней и пробылъ въ повседневномъ пощеніи, вкушая очень немного хлѣба вечеромъ послѣ захода солнца; весьма много Моисей трудился въ рукодѣланіи, пятьдесятъ разъ въ теченіе дня вставалъ на молитву, совершая ее съ колѣнопреклоненіемъ.

Прп҃бный
мѡѵсе́й

Однако несмотря на то, что Моисей томилъ тѣло свое трудами и пощеніемъ, плотское вожделѣніе, влекущее ко грѣху, не исчезало въ немъ. Тогда онъ опять пошелъ къ аввѣ Исидору и сказалъ ему:

— Отче! Я не могу быть въ келліи моей, ибо меня обуреваютъ страсти плотскія.

Блаженный же Исидоръ, взявъ его, повелъ въ верхнее отдѣленіе своей келліи и сказалъ ему:

— Посмотри на западъ!

Моисей посмотрѣлъ и увидалъ множество страшныхъ демоновъ, суетившихся и приготовлявшихся къ борьбѣ.

Потомъ авва Исидоръ сказалъ:

— Теперь обратись къ востоку и посмотри.

Посмотрѣвъ на востокъ, Моисей увидѣлъ безчисленное множество святыхъ свѣтоносныхъ Ангеловъ, также приготовлявшихся къ борьбѣ.

И сказалъ святый Исидоръ Моисею:

— Тѣ, кто на западѣ, поднимаютъ брань на святыхъ Божіихъ, а тѣ, кто на востокѣ, посылаются отъ Господа на помощь благимъ подвижникамъ. Знай же, что помогающихъ намъ больше, нежели тѣхъ, кто возстаетъ на насъ.

Моисей, будучи укрѣпленъ такимъ видѣніемъ и словами старца, возвратился въ келлію свою и снова началъ упражняться въ обычномъ пощеніи и трудахъ молитвенныхъ.

Однако и послѣ этого брань не оставляла его; напротивъ, Моисей началъ страдать еще болѣе отъ врага, будучи разжигаемъ мечтаніями сонными. Посему, вставъ, онъ пошелъ къ иному святому старцу, весьма опытному, и сказалъ ему:

— Что дѣлать мнѣ, авво? Сонныя видѣнія помрачаютъ умъ мой, разжигая мою плоть, услаждая страсть и возбуждая меня къ первоначальному грѣховному образу жизни, смущая меня привидѣніями?

Старецъ отвѣчалъ ему:

— Ты потому страдаешь, перенося то мерзкое наважденіе, что не соблюдаешь ума своего отъ сладострастныхъ мечтаній. Сдѣлай же такъ, какъ я говорю тебѣ: посвяти себя бдѣнію, мало-помалу привыкни къ нему и молись съ бодростію; тогда ты освободишься отъ той брани.

Моисей принялъ такой добрый совѣтъ отъ опытнаго святаго наставника, возвратился въ келлію и началъ обучаться всенощному бдѣнію (т. е. бодрствованію молитвенному въ теченіе всей ночи): онъ стоялъ посреди келліи всю ночь и не преклонялъ колѣнъ въ молитвѣ, дабы не предаться сну, но стоялъ прямо, не смыкая очей своихъ.

Святый пробылъ въ такомъ подвигѣ шесть лѣтъ; но и такимъ способомъ онъ не могъ избавиться отъ плотского вожделѣнія, воюющаго на духъ; ибо Богъ попустилъ такъ для того, чтобы преподобный, бывъ искушенъ какъ золото въ горнилѣ, получилъ бы славный вѣнецъ съ прочими страдальцами.

Спустя нѣкоторое время мужественный инокъ измыслилъ новый тяжелый подвигъ: выходя ночью изъ келліи своей, онъ обходилъ отшельническія келліи старцевъ пустынныхъ и, взявъ водоносы, оказывавшіеся свободными при келліяхъ, приносилъ воду, причемъ старцы не знали объ этомъ (вода находилась въ отдаленіи отъ мѣста того). Нѣкоторые изъ старцевъ имѣли свои келліи за два поприща[1]) отъ воды, другіе за три, четыре и даже болѣе; были и такіе, которые совершенно не могли сами приносить себѣ воду за глубокою старостію; таковымъ Моисей каждую ночь наполнялъ водою сосуды. Таковой подвигъ святаго Моисея былъ ненавистенъ діаволу. По попущенію Божію, діаволъ причинилъ святому Моисею такую непріятность.

Однажды ночью блаженный тотъ трудолюбецъ наклонился въ колодезь съ сосудомъ нѣкоего старца, намѣреваясь почерпнуть воду; въ это время діаволъ ударилъ его съ большою силою нѣкоторымъ древомъ по спинѣ; старецъ упалъ безъ чувствъ и лежалъ какъ мертвый.

Утромъ слѣдующаго дня къ тому колодцу пришли монахи, дабы взять здѣсь воды, и увидѣли Моисея, лежавшаго полумертвымъ. Монахи пошли къ великому скитскому аввѣ Исидору и

---

[1]) *Поприще*—мѣра длины, равнявшаяся приблизительно 690 нашимъ саженямъ.

разсказали ему обо всемъ; онъ же, придя съ братіею, взялъ Моисея и принесъ къ храму. И былъ недуженъ Моисей, какъ разслабленный, и страдалъ такъ, что едва выздоровѣлъ черезъ годъ. Потомъ сказалъ ему авва Исидоръ:

— Братъ Моисей! Не увеличивай своей брани съ бѣсами сверхъ силъ, ибо и въ дерзновеніи необходимо хранить мѣру.

Непобѣдимый воинъ Христовъ Моисей отвѣчалъ на это:

— Я не окончу борьбы до тѣхъ поръ, пока мерзкія мечтанія сонныя не оставятъ меня.

Тогда авва Исидоръ сказалъ ему:

— Во Имя Господа нашего Іисуса Христа, вотъ уже нынѣ оставляютъ тебя эти вожделѣнія плотскія; теперь ты будешь въ мирѣ; приступи же съ дерзновеніемъ и причастись Божественныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Знай, что такая тяжелая брань плотская была попущена тебѣ ради того, чтобы ты не возгордился въ умѣ своемъ, будто бы ты своими пощеніями и подвигами преодолѣлъ страсти, и дабы ты, возгордившись, не погибъ.

Услышавъ эти слова, Моисей причастился Таинъ Божественныхъ, ушелъ въ келлію свою и подвизался уже въ мирѣ, будучи свободенъ отъ ранѣе бывшихъ обуреваній и проводя строгое постническое безмолвное житіе.

Спустя нѣкоторое время Моисей былъ спрошенъ о томъ: безпокоятъ ли его страсти? Моисей отвѣчалъ:

— Съ того времени, какъ служитель Христовъ Исидоръ помолился обо мнѣ, я уже не страдаю отъ плотскаго вожделѣнія.

Послѣ столь великихъ искушеній блаженный Моисей получилъ миръ (душевный), по милосердію Божію, и проводилъ съ того времени уже безъ искушеній плотскихъ жизнь свою; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ отъ Бога великую власть надъ бѣсами, такъ что презиралъ ихъ, какъ насѣкомыхъ; и исполнился святый благодати Духа Святаго, и былъ славенъ среди подвижниковъ.

Такъ какъ святый Моисей прославился своимъ добродѣтельнымъ житіемъ, то о немъ узналъ и князь (правитель) страны той; сей послѣдній отправился въ скитъ, желая видѣть авву Моисея. Старецъ былъ извѣщенъ о томъ, что князь намѣревался придти къ нему, дабы видѣть его (Моисея); но Моисей, выйдя изъ келліи, замыслилъ убѣжать въ болото и тростникъ; слуги же, бывшіе вмѣстѣ съ княземъ, встрѣтили его и спросили:

— Гдѣ находится келлія аввы Моисея?

Онъ сказалъ имъ:

— Что вамъ нужно отъ него? Старецъ тотъ неразуменъ, весьма лживъ и проводитъ жизнь грѣховную.

Они же, услышавъ эти слова, изумились и прошли мимо. И когда пришли къ храму, то князь сказалъ клирикамъ:

— Я слышалъ объ аввѣ Моисеѣ и пришелъ принять благословеніе отъ него; но насъ встрѣтилъ нѣкій монахъ, шедшій въ Египетъ, и когда мы спросили его о томъ, гдѣ живетъ авва Моисей, то онъ охулилъ Моисея, назвавъ его старцемъ неразумнымъ, лживымъ и проводящимъ грѣховную жизнь.

Услышавъ это, клирики весьма опечалились и спросили:

— Каковъ изъ себя былъ тотъ старецъ, который произнесъ сіи хуленія на святаго мужа?

Они отвѣтили:

— Это былъ старецъ высокій, мрачный лицемъ, въ худой одеждѣ.

Клирики сказали:

— Поистинѣ тотъ и былъ аввою Моисеемъ; но такъ какъ онъ не пожелалъ показать вамъ себя, не пожелалъ также и принимать почестей отъ васъ, то сказалъ вамъ о себѣ дурное, какъ бы о комъ другомъ.

Получивъ многую пользу (душевную), князь ушелъ, прославивъ Бога.

Такъ избѣгалъ преподобный Моисей славы и почестей людскихъ и чуждался бесѣды съ приходившими къ нему мірянами, хотя былъ гостепріименъ, ибо принималъ съ любовію всѣхъ, приходившихъ къ нему, странствующихъ братій, какъ о страннолюбіи его записано въ Отечникѣ.

Однажды всѣмъ отцамъ пустынножительнымъ было дано въ скиту такое повелѣніе:

— Поститесь всю недѣлю эту и учините Пасху.

Случайно нѣкоторыя странствующія братія пришли къ Моисею изъ Египта; старецъ приготовилъ для нихъ немного вареной пищи; но когда его сосѣди увидали дымъ, то сказали клирикамъ:

— Моисей нарушилъ повелѣніе и варитъ себѣ пищу.

Но клирики сказали:

— Обличимъ его тогда, когда онъ придетъ въ собраніе (ибо всѣ знали о постническихъ подвигахъ Моисея).

Когда наступила суббота, Моисей пришелъ въ храмъ къ пѣнію соборному; и сказали ему въ присутствіи всѣхъ клириковъ:

— Отче Моисей! Ты нарушилъ заповѣдь человѣческую, но исполнилъ заповѣдь Божію.

Повѣствуется также въ житіи преподобнаго Арсенія[1]).

Нѣкоторый братъ пришелъ издалека въ скитъ для того, чтобы видѣть преподобнаго Арсенія; будучи приведенъ къ Арсенію, братъ тотъ видѣлъ его, но не сподобился слышать словъ его, ибо старецъ (Арсеній) сидѣлъ молча, глядя на землю.

Послѣ того странствующій инокъ началъ упрашивать брата привести его къ Моисею, бывшему разбойникомъ до постриженія въ иночество. Братъ согласился исполнить его просьбу и повелъ его къ преподобному Моисею.

Когда они пришли къ Моисею, то сей послѣдній принялъ ихъ съ радостію, предложилъ имъ отдохнуть и подкрѣпиться пищею и, оказавъ имъ большую любовь, отпустилъ ихъ отъ себя.

Дорогою скитскій братъ сказалъ пришельцу:

— Вотъ, ты видалъ и отца Арсенія, и отца Моисея. Кто изъ нихъ лучше, по твоему мнѣнію?

Братъ отвѣчалъ на это:

— Лучшій изъ нихъ тотъ, кто принялъ насъ съ любовію.

Одинъ инокъ, узнавъ объ этомъ, сталъ молиться къ Богу, говоря такъ:

— Господи! Скажи мнѣ, кто изъ нихъ болѣе совершенъ и заслуживаетъ большей благодати Твоей: тотъ ли, кто скрывается отъ людей, ради Тебя, или тотъ, кто принимаетъ всѣхъ, также ради Тебя?

Этотъ инокъ въ отвѣтъ на молитву свою имѣлъ слѣдующее видѣніе: ему представились два корабля, плывшіе по какой-то очень большой рѣкѣ; въ одномъ кораблѣ находился преподобный Арсеній, и Духъ Божій управлялъ кораблемъ его, соблюдая его въ великой тишинѣ; въ другомъ былъ преподобный Моисей; кораблемъ же его управляли Ангелы Божіи, влагавшіе медъ въ уста Моисея.

Проведя долгое время въ трудахъ постническихъ, преподобный Моисей былъ сподобленъ сана пресвитерскаго, по нѣкоему откровенію Божію; и когда былъ произведенъ въ первую степень

[1]) Память преподобнаго Арсенія совершается 8-го мая (подъ симъ числомъ можно читать и повѣствованіе о житіи его).

священническую, то былъ облеченъ въ стихарь; при этомъ епископъ сказалъ ему:

— Вотъ, авва Моисей нынѣ весь бѣлъ.

Моисей же сказалъ епископу:

— Владыко! Что дѣлаетъ священникомъ: внѣшнее или внутреннее (т. е. какъ бы сказалъ такъ: одежда ли, покрывающая извнѣ человѣка, дѣлаетъ его достойнымъ священства, или внутреннія добродѣтели)?

Епископъ же, желая искусить Моисея, дабы увѣриться въ томъ, дѣйствительно ли онъ—рабъ Христовъ, имѣющій добродѣтели внутри души своей, сказалъ клирикамъ:

— Когда Моисей войдетъ въ алтарь, изгоните его; потомъ идите за нимъ и слушайте, что онъ будетъ говорить.

Клирики такъ и сдѣлали: изгнали Моисея изъ алтаря, сказавъ:

— Выйди вонъ, муринъ!

Онъ же, выйдя и ставъ въ отдѣльномъ мѣстѣ, началъ укорять себя, говоря:

— Хорошо поступили съ тобою, песъ, хорошо поступили съ тобою, мракообразный эѳіопъ; ибо ты недостоинъ. И какъ ты осмѣливаешься войти въ святое мѣсто? Ты не человѣкъ. Какъ же осмѣливаешься ты подходить къ людямъ и служителямъ Божіимъ?

Услышавъ эти слова святаго, клирики возвѣстили о нихъ епископу; тогда епископъ приказалъ снова позвать Моисея въ алтарь и хиротонисалъ его въ санъ пресвитера. Потомъ спросилъ его, сказавъ:

— Что думалъ ты, отче, тогда, когда, бывъ изгнанъ, ты былъ возвращенъ снова?

Моисей отвѣчалъ:

— Я сравнивалъ себя со псомъ, который, будучи изгнанъ, бѣжитъ, будучи же призываемъ обратно, возвращается быстро.

И сказалъ епископъ:

— Поистинѣ этотъ человѣкъ достоинъ божественной благодати; ибо Богъ даетъ благодать смиреннымъ.

Подобное же испытаніе было съ симъ отцемъ и ранѣе, когда онъ былъ еще новоначальнымъ; ибо когда братія были всѣ въ сборѣ въ скиту, отцы пожелали искусить смиреніе Моисея и начали уничижать его, говоря:

— Для чего этотъ эѳіопъ ходитъ посреди насъ?

Онъ же, слышавъ это, молчалъ.

Когда братія думали расходиться, то спросили его, сказавъ:

— Отецъ Моисей! Смутился ты или нѣтъ?

Онъ отвѣчалъ имъ словомъ Псалма:

— **Смѧто́хсѧ, и҆ не глаго́лахъ»**[1]) (т.-е. я переношу уничиженіе молча).

Принявъ на себя санъ пресвитера, преподобный Моисей подвизался еще пятнадцать лѣтъ, имѣя отъ рожденія семьдесятъ пять лѣтъ; собравъ кругомъ себя семьдесятъ пять учениковъ, онъ скончался мученически[2]) такимъ образомъ:

Однажды, находясь среди братій, онъ сказалъ:

— Вотъ, варвары придутъ въ скитъ, дабы посѣчь монаховъ; встаньте и бѣгите отсюда.

Братія же сказали ему:

— Почему же ты, отче, не бѣжишь отсюда?

Но онъ сказалъ имъ:

— Я уже много лѣтъ ожидаю того времени, когда на мнѣ исполнится слово Владыки моего, Господа Іисуса Христа, сказавшаго: **вси̑, прїе́мшїи но́жъ, ноже́мъ поги́бнꙋтъ**[3]).

На это братія сказали ему:

— И мы не побѣжимъ, но умремъ съ тобою!

Но онъ отвѣтилъ имъ:

— Я въ этомъ не нуждаюсь; пусть каждый поступаетъ такъ, какъ находитъ лучшимъ.

Тогда братія убѣжали съ мѣста того, и только семь иноковъ остались при преподобномъ. Спустя нѣкоторое время старецъ сказалъ имъ:

— Варвары уже близко!

Одинъ изъ упомянутыхъ семи иноковъ, испугавшись, убѣжалъ изъ келліи и скрылся въ нѣкоемъ мѣстѣ. Варвары, войдя въ келлію, умертвили святаго Моисея и находившихся съ нимъ шесть иноковъ. Спасшійся же отъ смерти инокъ, находясь въ потаенномъ мѣстѣ, видѣлъ Небо отверстымъ и семь пресвѣтлыхъ вѣнцевъ, нисходившихъ съ Неба.

Послѣ того, какъ варвары ушли, инокъ сей возвратился въ келлію и нашелъ Моисея и прочихъ иноковъ умерщвленными;

---

1) Псал. 76, ст. 5.

2) Кончина святаго Моисея Мурина послѣдовала около 400 года.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 52.

тѣла ихъ оказались лежавшими въ крови. Увидавъ сіе, инокъ тотъ началъ плакать; потомъ пришли остальныя братія и съ плачемъ похоронили умерщвленныхъ иноковъ.

Такъ окончилась жизнь преподобнаго отца нашего Моисея Мурина, изъ разбойниковъ сдѣлавшагося инокомъ и искреннимъ раскаяніемъ угодившаго Богу, такъ что ему, какъ мученику, отверзенъ былъ не только рай, но и самое Небо, и онъ былъ украшенъ вѣнцемъ славы. По молитвамъ его да наставитъ и насъ на истинный путь покаянія и да сподобитъ и насъ Царствія Небеснаго Человѣколюбный Владыка Христосъ, Богъ нашъ, Коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается честь и слава, нынѣ, всегда и въ безконечные вѣки. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ а҃:

Пꙋсты́нный жи́тель, и҆ въ тѣлесѝ а҆́гг҃лъ, и҆ чꙋдотво́рецъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ бг҃оно́се ѻ҆́тче на́шъ мѡѷсе́е: посто́мъ, бдѣ́нїемъ, мл҃твою, нб҃наѧ дарова̑нїѧ прїи́мъ, и҆сцѣлѧ́еши недꙋ́жныѧ, и҆ дꙋ́шы вѣ́рою притека́ющихъ тѝ. сла́ва да́вшемꙋ тебѣ̀ крѣ́пость: сла́ва вѣнча́вшемꙋ тѧ̀: сла́ва дѣ́йствꙋющемꙋ тобо́ю всѣ́мъ и҆сцѣле́нїѧ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Мꙋрїны заꙋши́въ, и҆ ли́ца де́мѡнѡвъ поплева́въ, мы́сленнѡ просїѧ́лъ є҆сѝ ꙗ҆́коже со́лнце свѣ́тло, свѣ́томъ житїѧ̀ твоегѡ̀ и҆ ᲂу҆че́нїемъ наставлѧ́ѧ дꙋ́шы на́шѧ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

САВВЫ КРЫПЕЦКАГО,

Псковскаго чудотворца

Преподобный отецъ нашъ Савва родился, получилъ воспитаніе и принялъ иночество въ чужихъ странахъ. Неизвѣстно, изъ какой онъ былъ страны[1]), извѣстно только, что родился онъ не

[1]) По мѣсяцеслову Вершинскаго, преп. Савва по происхожденію былъ сербъ.

въ Русской землѣ, а, какъ иностранецъ, пришелъ въ городъ Псковъ, въ монастырь Пресвятой Богородицы, называемый Снятогорскимъ[1]). Принятый игуменомъ, онъ доблестно подвизался въ иноческихъ подвигахъ и за свою добродѣтельную жизнь заслужилъ у всѣхъ похвалу и славу. Но не желая славы отъ людей, онъ перешелъ на рѣку Толву въ монастырь великаго Евфросина[2]). Преподобный Евфросинъ принялъ его и поручилъ ему исполнять обязанности монастырскаго слуги. Инокъ Савва исполнялъ эти обязанности ревностно и со смиреніемъ. Спустя немного времени, испросивъ благословеніе у великаго Евфросина, онъ ушелъ въ пустыню, находившуюся на разстояніи 15 поприщъ[3]) отъ Евфросинова монастыря, къ озеру, называемому Крыпецъ, и поселился тутъ на совершенно безлюдномъ мѣстѣ. Немало искушеній отъ бѣсовъ вынесъ здѣсь преподобный Савва. Вскорѣ онъ построилъ на мѣстѣ своихъ подвиговъ церковь во имя святаго Іоанна Богослова, устроилъ келліи и основалъ монастырь, послѣ чего къ нему собралось немалое число братіи. Слава о его добродѣтельной жизни быстро распространилась повсюду, и о немъ узналъ Псковскій князь Ярославъ Васильевичъ[4]). Князь питалъ къ преподобному великое уваженіе. Онъ дѣлалъ большія пожертвованія на устроеніе монастыря, подарилъ земли[5]) и озера на пропитаніе

Прп҃бный
са́вва

[1]) *Снятогорскій Богородичный монастырь* — одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Псковскаго края (упоминается въ 1265 году); находился въ мѣстности, называемой Снятной горой, на берегу рѣки Великой въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ Пскова.

[2]) Это былъ *Спасо-Великопустынскій монастырь* на рѣкѣ Толвѣ въ Псковской губерніи, въ 30 верстахъ отъ Пскова, основанный преп. Евфросиномъ около 1450 года. Память преп. Евфросина празднуется 15 мая. Подъ этимъ числомъ помѣщена и память его.

[3]) *Поприще* —мѣра разстоянія въ 690 саженей.

[4]) Это былъ управлявшій Псковомъ князь Ярославъ Васильевичъ Оболенскій.

[5]) Въ 1487 году князь Ярославъ Васильевичъ выдалъ грамоту на землю для обители

братіи и часто самъ посѣщалъ монастырь, чтобы принять благословеніе у преподобнаго. Въ одно время онъ пришелъ въ монастырь съ княгинею, своею супругою. Преподобный Савва съ великимъ почетомъ встрѣтилъ его, но княгинѣ войти въ монастырь не разрѣшилъ, а благословилъ ее за воротами монастыря и тамъ подалъ ей исцѣленіе, такъ какъ она была больна.

Преподобный Савва прожилъ много лѣтъ, и въ 1495 году 30 августа[1]) отошелъ ко Господу. Мощи его были обрѣтены въ 1554 году вслѣдствіе явленія преподобнаго священноиноку устроеннаго имъ монастыря Исаіи и до сего дня подаютъ многія исцѣленія съ вѣрою приходящимъ къ нимъ во славу Христа Бога, Которому да будетъ слава нынѣ, всегда и вѣчно.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ ПРАВЕДНОЙ

АННЫ

Святая и праведная Анна происходила изъ колѣна Асирова и была дочерью Фануилевою. Какъ показываетъ самое имя ея (Анна съ еврейскаго значитъ: *милостивая*) она была женщиною добродѣтельною. За свою благочестивую жизнь Анна была надѣлена даромъ пророческимъ. Достигши глубокой старости, она, по слову Евангелія, «не отходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь»[2]).

Святая Анна принадлежала къ числу тѣхъ благочестивыхъ іудеянокъ, которыя съ нетерпѣніемъ ожидали пришествія Мессіи — Спасителя на землю. Она удостоилась быть въ храмѣ тогда, когда сюда былъ принесенъ Младенецъ Христосъ Іосифомъ и Маріею, дабы совершить надъ Нимъ законный обрядъ. Въ это время Симеонъ Богопріимецъ взялъ Младенца Іисуса на руки и произнесъ свое дивное пророчество о Немъ, сказавъ такъ:

— Нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, Которое Ты уго-

---

и приказалъ построить чрезъ мхи и болота мостъ къ монастырю преп. Саввы въ 1400 саженей длины. Этотъ мостъ и донынѣ называется Ярославовымъ.

[1]) Здѣсь въ Прологѣ надо предполагать опечатку, такъ какъ во всѣхъ сказаніяхъ о преподобномъ Саввѣ днемъ кончины его указанъ 28-й день августа.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 37.

товалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израиля[1]).

Затѣмъ Симеонъ, обратившись къ Матери Господа, изрекъ Ей сіе пророчество:

— Се, лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израилѣ и въ предметъ пререканій (и Тебѣ Самой оружіе пройдетъ душу), да откроются помышленія многихъ сердецъ[2]).

Въ эти святыя торжественныя минуты была въ храмѣ святая праведная пророчица Анна. Ей въ это время было уже восемьдесятъ четыре года. Такимъ образомъ на закатѣ жизни своей она имѣла счастіе видѣть Младенца Іисуса. Теперь уже она могла умереть спокойно.

Выслушавъ пророчество Симеоново о Христѣ, она вмѣстѣ съ Симеономъ славила Господа и говорила о Немъ всѣмъ, ожидавшимъ избавленія въ Іерусалимѣ[3]).

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 29—32.

[2]) Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 34—35.

[3]) Память святой Анны совершается еще 3-го февраля (вмѣстѣ съ памятью святаго Симеона Богопріимца).

День двадцать девятый

СКАЗАНІЕ

ОБЪ УСѢКНОВЕНІИ ГЛАВЫ

СВЯТАГО ПРОРОКА, ПРЕДТЕЧИ и КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ

ІОАННА

Святому Іоанну, Предтечѣ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, подобало предварить смертію своею какъ рожденіе Господа, такъ и смерть Его; и, подобно тому, какъ на землѣ онъ проповѣдалъ о пришествіи Господа, сказавъ: грядетъ крѣпкій мене во слѣдъ мене[1]), такъ и находившимся въ аду душамъ праотцевъ святыхъ онъ долженъ былъ проповѣдать пришествіе Господа. Ибо Предтеча Іоаннъ долженъ былъ сказать здѣсь, что уже явился ожидаемый въ мірѣ Мессія. И подобно тому, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ пострадалъ за грѣхи людскіе, такъ и Предтеча Его предполучилъ страдальческую смерть по причинѣ беззаконія Иродова. Случилось же сіе такъ.

Иродъ, называемый Антипой, сынъ старѣйшаго Ирода, избившаго младенцевъ виѳлеемскихъ,—злая отрасль отъ злого корня, имѣвшій въ своей власти Галилею, первоначально женился на дочери Ареѳы, царя Аравійскаго; онъ прожилъ съ нею немало

---

1) Еванг. отъ Марка, гл. 1, ст. 7.

времени. Но потомъ, будучи плѣненъ красотою Иродіады, жены Филиппа, брата своего, сблизился съ нею, ибо она соизволяла похоти его. По требованію сей любодѣйцы онъ прогналъ отъ себя первую законную жену свою и женился на женѣ брата своего, противно Закону: ибо если бы и умеръ братъ его, онъ не могъ бы взять его жены, такъ какъ оставалась бы въ живыхъ дочь брата, рожденная отъ той жены; Законъ же повелѣвалъ брать жену умершаго брата (вдову) только тогда, когда умершій братъ не оставлялъ послѣ себя дѣтей[1]). Достовѣрно сообщаютъ, что Иродъ отнялъ жену у Филиппа, брата своего, еще тогда, когда онъ былъ живъ; такимъ образомъ онъ сотворилъ великое беззаконіе — какъ хищникъ, прелюбодѣй и кровосмѣситель.

Видя такое беззаконіе, учиненное Иродомъ, ревнитель Закона Божія, обличитель грѣховъ человѣческихъ и проповѣдникъ покаянія святый Іоаннъ Креститель не умолчалъ, но предъ лицемъ всѣхъ обличалъ Ирода какъ прелюбодѣя и грабителя, отнявшаго жену у брата своего, и говорилъ ему:

— Не дòлжно тебѣ имѣть жену Филиппа, брата твоего.

Иродъ же, не вынося обличенія, приказалъ заключить Іоанна въ темницу, обложивъ его оковами. Особенно гнѣвалась на святаго жена Ирода — Иродіада и весьма желала смерти его, но не могла его умертвить, ибо самъ Иродъ оберегалъ узника отъ убійственнаго намѣренія жены своей. Иродъ считалъ Іоанна мужемъ праведнымъ и святымъ; ранѣе онъ со сладостію слушалъ его и, внимая словамъ его, творилъ много добра; посему Иродъ

---

[1]) Древній, унаслѣдованный отъ предковъ, *обычай ужичества* у евреевъ состоялъ въ слѣдующемъ, по описанію книги Второзаконія: «Если братья живутъ вмѣстѣ и одинъ изъ нихъ умретъ, не имѣя у себя сына, то жена умершаго не должна выходить на сторону за человѣка чужаго, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жену и жить съ нею. И первенецъ, котораго она родитъ, останется съ именемъ брата его умершаго, чтобъ имя его не изгладилось въ Израилѣ. Если же онъ не захочетъ взять невѣстку свою, то невѣстка его пойдетъ къ воротамъ, къ старѣйшинамъ, и скажетъ: «Деверь мой отказывается возстановить имя брата своего въ Израилѣ, не хочетъ жениться на мнѣ»; тогда старѣйшины города его должны призвать его и уговаривать его; и если онъ станетъ и скажетъ: «Не хочу взять ее», тогда невѣстка его пусть пойдетъ къ нему въ глазахъ старѣйшинъ, и сниметъ сапогъ его съ ноги его, и плюнетъ въ лице его, и скажетъ: «Такъ поступаютъ съ человѣкомъ, который не созидаетъ дома брату своему (у Израиля)»; и нарекутъ ему имя въ Израилѣ: домъ разутаго» (Второз. гл. 25, ст. 5—10). Обычай ужичества, получившій у евреевъ начало ранѣе времени патріарха Іакова, существовалъ и у Моавитянъ; онъ былъ извѣстенъ также и другимъ восточнымъ народамъ, какъ, напримѣръ, Персамъ и др. Происхожденіе его объясняютъ различно; но скорѣе всего объясненія его слѣдуетъ искать въ сильномъ желаніи восточныхъ народовъ имѣть дѣтей съ цѣлію увѣковѣченія своего рода и своего имени въ потомствѣ.

боялся отдать Іоанна на смерть. Однако онъ боялся не столько Бога, сколько людей, какъ говоритъ Евангелистъ Матѳей: хотѧ̀ є҆го̀ оу҆би́ти, оу҆бо́ѧсѧ наро́да, занѐ ꙗ҆́кѡ прⷪ҇ро́ка є҆го̀ и҆мѣ́ѧхꙋ[1]); Иродъ боялся, какъ бы народъ не возсталъ на него и не поднялъ мятежа; по сей-то причинѣ онъ не осмѣливался предать явно на смерть Пророка и Крестителя Господня, всѣми любимаго и почитаемаго, но только томилъ его въ темничномъ заключеніи, желая заградить неумолкавшія уста своего обличителя.

Святый Іоаннъ въ темницѣ пробылъ долгое время. Его ученики собирались къ нему; Іоаннъ часто поучалъ ихъ добродѣтельной жизни, согласно Закону Божію, и возвѣщалъ имъ объ уже пришедшемъ въ міръ Мессіи, къ Коему онъ и посылалъ ихъ, какъ объ этомъ сказано и въ Евангеліи: і҆ѡа́ннъ же слы́шавъ во оу҆зи́лищи дѣла̀ хрⷭ҇тѡ́ва, посла̀ два̀ ѿ оу҆ченѝкъ свои́хъ вопроси́ти є҆го̀: ты́ ли є҆сѝ гра̑ды́й, и҆лѝ и҆но́го ча́емъ?[2]) Онъ посылалъ вопросить не потому, что самъ не зналъ; ибо какъ онъ могъ не знать Того, Кого самъ крестилъ и надъ Кѣмъ онъ видѣлъ Духа Святаго, сошедшаго съ Небесъ, относительно Котораго слышалъ и голосъ Отца, свидѣтельствовавшаго, и на Котораго, наконецъ, самъ указывалъ перстомъ, говоря:

— Се а҆́гнецъ бж҃і́й![3])

Іоаннъ посылалъ учениковъ своихъ вопросить Господа для того, чтобы ученики его своими очами увидѣли славныя чудеса, которыя творилъ Господь, и дабы окончательно убѣдились въ томъ, что Онъ (Іисусъ Христосъ) пришелъ спасти родъ человѣческій.

Спустя нѣкоторое время наступилъ день, въ который Иродъ имѣлъ обыкновеніе совершать празднованіе своего рожденія. Собравъ всѣхъ князей своихъ, воеводъ, старѣйшинъ и тетрарховъ[4]) Галилеи, Иродъ устроилъ для нихъ великое пиршество[5]). Во время этого пиршества дочь Иродіады плясала и своею пляскою весьма угодила Ироду и возлежавшимъ вмѣстѣ съ нимъ; по наученію своей жестокой матери она попросила у Ирода главу святаго Іоанна Крестителя и получила просимое, ибо Иродъ поклялся ей дать все, что̀ бы она ни попросила, хотя бы даже

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 5.
2) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 2 и 3.
3) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 36.
4) —правителей областей.
5) Еванг. отъ Марка, гл. 6, ст. 21.

Оу҆сѣкнове́ніе чⷭ҇тныѧ́ главы̀ ст҃а́гѡ
і҆ѡа́нна предте́чи

полцарства его. Окаянный не пожелалъ нарушить клятву свою, не пожелалъ огорчить мерзкую мать плясавицы, но забылъ о томъ страхѣ, въ силу котораго онъ не рѣшался до сихъ поръ умертвить Іоанна, забылъ также и о святой жизни его и, какъ упившійся виномъ, распалился намѣреніемъ пролить кровь неповинную. И тотчасъ онъ послалъ палача въ темницу, приказавъ усѣчь главу Іоанна и принести ее на блюдѣ.

Такимъ образомъ Предтеча Христовъ, за обличеніе беззаконнаго сожительства Ирода съ Иродіадою, былъ усѣченъ въ темницѣ, уже поздно ночью; ибо то мерзостное пиршество святымъ Евангелистомъ Маркомъ названо вечеріею: **вечерю** (говоритъ Евангелистъ) **творяше княземъ своимъ**[1]). Эта вечеря затянулась далеко за полночь, и когда всѣ уже сильно упились виномъ и достаточное время утѣшались пляскою упомянутой безстыдной дѣвицы, тогда-то и было учинено то неправедное убійство. И принесена была глава святаго Іоанна на блюдѣ посреди пиршества, причемъ кровь еще капала и (какъ сообщаютъ нѣкоторые) глава изрекала тѣ же обличительныя слова и послѣ усѣченія, сказавъ Ироду:

— Не дóлжно тебѣ имѣть жену Филиппа, брата твоего.

О, сколь великій страхъ объялъ тогда всѣхъ, возлежавшихъ и предстоявшихъ на вечери той, когда всѣ увидѣли человѣческую голову, какъ пищу, носимою на блюдѣ, источавшею кровь и, кромѣ того, движущею устами и изрекавшею слова; и сію главу плясавица взяла дерзкими руками своими и отнесла къ матери своей. Иродіада же, взявъ ее, проколола иглою языкъ, обличавшій беззаконія ея; посмѣявшись достаточное время, Иродіада не позволила похоронить главу Іоанна вмѣстѣ съ тѣломъ, ибо боялась, какъ бы Іоаннъ не воскресъ, если глава его будетъ присоединена къ тѣлу, и тогда не началъ бы снова обличать ее и Ирода. Тѣло святаго Предтечи ученики его въ ту же ночь взяли изъ темницы и похоронили въ Севастіи; главу же Крестителя Иродіада закопала въ землѣ, у себя во дворцѣ, на нѣкоемъ безчестномъ и потаенномъ мѣстѣ. Относительно того, какимъ образомъ оттуда была взята глава Крестителя, написано подъ двадцать четвертымъ числомъ февраля, когда празднуется Обрѣтеніе сей честнòй главы.

Послѣ умерщвленія святаго славнаго Предтечи и Крестителя Господня Іоанна окаянный Иродъ совершилъ и другое, не мень-

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 6, ст. 21.

шее злодѣяніе, ибо онъ посмѣялся надъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ во время вольнаго Его страданія за насъ, какъ о томъ повѣствуетъ святый Евангелистъ Лука: **оу҆кори́въ и҆́рѡдъ съ во́и свои́ми** Іисуса, **и҆ поруга́вся** надъ Нимъ, **ѡ҆бо́лкъ є҆го̀ въ ри́зꙋ свѣ́тлꙋ**, и **возврати̑ є҆го̀ къ пїла́тꙋ**[1]).

Однако мщеніе Божіе не замедлило совершиться надъ Пророкоубійцею и поругателемъ Христа: ибо, съ одной стороны, кровь Іоаннова вопіяла на Ирода къ Богу какъ нѣкогда кровь Авелева на Каина[2]); съ другой стороны, иныя беззаконія Ирода (особенно поругательство надъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ) навлекали на него праведную казнь Божію. И дѣйствительно, спустя непродолжительное время Иродъ лишился царства и жизни вмѣстѣ съ Иродіадой и плясавицей. Ибо Ареѳа, царь аравійскій, мстя за безчестіе и поруганіе надъ его дочерью, собралъ воиновъ и пошелъ съ ними на Ирода; точно такъ же и Иродъ, собравъ своихъ воиновъ, вышелъ на борьбу съ Ареѳой. Произошла жаркая схватка воиновъ съ той и другой стороны; воины Ареѳы побѣдили воиновъ Иродовыхъ. Иродъ понесъ сильное пораженіе; почти всѣ воины его были побиты, и самъ онъ спасся съ большимъ трудомъ. Послѣ этого Иродъ лишенъ былъ своей власти и всѣхъ своихъ богатствъ кесаремъ римскимъ и былъ посланъ на заточеніе съ прелюбодѣйцею и дочерью ея первоначально въ Ліонъ, городъ галльскій, потомъ былъ пересланъ оттуда въ Илерду, городъ испанскій, и здѣсь окончилъ жизнь свою въ лишеніяхъ и бѣдствіяхъ; но ранѣе своей смерти онъ видѣлъ смерть плясавицы, своей дочери, которая погибла такимъ образомъ.

Какъ то разъ зимою она пожелала перейти ради какой-то потребности рѣку по имени Сикорисъ; когда она шла, ледъ подломился подъ нею и она упала въ воду, погрузившись до шеи. По правосудію Божію, ледъ сдавилъ шею ея, такъ что она висѣла тѣломъ въ водѣ, имѣя голову надъ льдомъ; и подобно тому, какъ нѣкогда она плясала ногами по землѣ, такъ и на сей разъ она не доставала ногами до земли, но только производила въ водѣ безпомощныя движенія, какъ пляшущая, причемъ быстрое теченіе рѣки колебало ея; однако никто не могъ оказать ей помощи. И до того времени висѣла окаянная въ водѣ въ такомъ положеніи, пока острый ледъ не перерѣзалъ шеи ея. Мерзкій трупъ ея, за-

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 11.

[2]) Кн. Бытіе, гл. 4, ст. 1—16.

несенный водою подъ ледъ, не былъ найденъ, глава же ея была принесена къ Ироду и Иродіадѣ какъ нѣкогда глава Предтечева, но только была отсѣчена не мечомъ, а льдомъ. Такъ наказало правосудіе Божіе плясавицу, которая повинна была въ усѣченіи честно̀й главы святаго Іоанна.

Послѣ сего погибъ «съ шумомъ» и беззаконный убійца Иродъ съ мерзкою Иродіадою; ибо повѣствуютъ, что они были пожраны живыми землею.

Святый же Іоаннъ, какъ при жизни своей, такъ и послѣ кончины, былъ Предтечею Христу Господу. Ибо предваривъ сошествіе Господа въ адъ, онъ благовѣстилъ находившимся въ аду Бога, явившагося во плоти, и порадовалъ святыхъ праотцевъ. Съ ними онъ былъ изведенъ изъ ада послѣ разрушенія его по воскресеніи Христовомъ и сподобился многихъ вѣнцевъ въ Царствіи Небесномъ — какъ дѣвственникъ, какъ пустынножитель, какъ учитель и проповѣдникъ покаянія, какъ Пророкъ, какъ Предтеча и Креститель и какъ мученикъ. По молитвамъ его да наставитъ и насъ на путь истиннаго покаянія и да сподобитъ насъ Царствія Небеснаго Христосъ, милосердый Господь и Богъ нашъ, Коему возсылается слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ вѣчно. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ в҃:

Па́мѧть прв҃нагѡ съ похвала́ми: тебѣ́ же довлѣ́етъ свидѣ́тельство гд҃не, пр҃те́че, показа́лъ бо сѧ є҆сѝ воистиннꙋ и҆ пр҃ро́кѡвъ ч҃тнѣ́йшїй, ꙗ҆́кѡ и҆ въ стрꙋѧ́хъ крести́ти сподо́билсѧ є҆сѝ проповѣ́даннагѡ. тѣ́мже за и҆́стинꙋ пострада́въ ра́дꙋѧсѧ, бл҃говѣсти́лъ є҆сѝ и҆ сꙋ́щымъ во а҆́дѣ бг҃а ꙗ҆́вльшагосѧ пло́тїю, взе́млющаго грѣ́хъ мі́ра и҆ подаю́щаго на́мъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ є҃:

Пр҃те́чево сла́вное ᲂу҆сѣкнове́нїе, смотре́нїе бы́сть нѣ́кое бж҃е́ственное: да и҆ сꙋ́щымъ во а҆́дѣ сп҃сово проповѣ́сть прише́ствїе. да рыда́етъ ᲂу҆́бѡ и҆рѡді́а, беззако́нное ᲂу҆бі́йство и҆спроси́вши: не зако́нъ бо бж҃їй, ни живы́й вѣ́къ возлюбѝ, но притво́рный, привре́менный.

СЛОВО СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

НА ДЕНЬ УСѢКНОВЕНІЯ ГЛАВЫ

СВЯТАГО ПРЕДТЕЧИ ГОСПОДНЯ ІОАННА[1])

Снова Иродіада бѣснуется, снова смущается, снова пляшетъ, снова требуетъ у Ирода беззаконнаго усѣченія главы Іоанна Крестителя. Опять Іезавель[2]) умышляетъ восхитить виноградникъ Навуѳеевъ[3]) и умышляетъ изгнать въ горы святаго Илію[4]). И не только я одинъ прихожу отъ сего въ ужасъ, но думаю, что и вы всѣ[5]), слышавшіе голосъ Евангелія, изумитесь вмѣстѣ со мною дерзновенію Іоаннову, неразумію Иродову и звѣроподобному неистовствованію безбожныхъ женщинъ. Ибо что мы слышали? **И҆́рѡдъ посла́въ ꙗ҆́тъ і҆ѡа́нна, и҆ свѧза̀ є҆го̀ въ темни́цѣ**[6]). За что? **и҆рѡдїа́ды ра́ди, жены̀ фїлі́ппа бра́та своегѡ̀**[7]).

---

[1]) Въ этомъ словѣ святый Іоаннъ Златоустъ строго обличаетъ такъ называемыхъ *злыхъ женщинъ*, т. е. женщинъ, дошедшихъ въ жизни до крайней степени зла и преступленія. Особенно горячо возстаетъ святый Іоаннъ Златоустъ противъ тѣхъ женщинъ, по винѣ которыхъ пострадали праведные и благочестивые люди. Но, какъ замѣчаетъ и самъ Іоаннъ Златоустъ (въ семъ словѣ), кромѣ *злыхъ*, порочныхъ женщинъ, есть и добродѣтельныя женщины, которыхъ можно только восхвалять (что онъ и дѣлаетъ въ концѣ слова). Такимъ образомъ, святый Іоаннъ Златоустъ возстаетъ не противъ природы женской вообще, а противъ дурныхъ проявленій въ жизни этой природы.—Слово это отличается сильнымъ и образнымъ языкомъ. Всѣ сильныя, рѣзкія выраженія, допускаемыя здѣсь по отношенію къ женщинѣ, должны быть отнесены къ Иродіадѣ и ея дочери, совершившимъ дѣйствительно неслыханное преступленіе (умерщвленіе Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна).

[2]) *Іезавель*—жена израильскаго царя Ахава, отличавшаяся крайнимъ нечестіемъ и распутною жизнью. Слѣпо подчиняясь ея вліянію, Ахавъ превзошелъ нечестіемъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и предался самому постыдному идолопоклонству. Онъ построилъ въ Самаріи храмъ Ваалу, насадилъ священныя рощи, позволилъ Іезавели воздвигнуть алтари божествамъ Тирскимъ и Сидонскимъ (3 Кн. Царствъ, гл. **16**, ст. 31—33). Іезавель содержала четыреста ложныхъ пророковъ, которые питались отъ ея стола (3 Кн. Царствъ, гл. **18**, ст. 19).

[3]) *Навуѳей*—благочестивый израильтянинъ изъ Изрееля; онъ не захотѣлъ продать Ахаву своего виноградника, примыкавшаго къ двору царя; за это Навуѳей, по наущенію Іезавели, былъ публично оклеветанъ въ богохульствѣ и измѣнѣ и побитъ камнями (болѣе подробно о семъ можно читать въ 3-ей книгѣ Царствъ—гл. **21**-ая).

[4]) 3 Кн. Царствъ, гл. **21**, ст. 7. *Илія*—славнѣйшій изъ ветхозавѣтныхъ Пророковъ, грозный обличитель нечестія и идолопоклонства во времена нечестиваго царя Израильскаго Ахава и его жены Іезавели.—Память его празднуется св. Церковію 20-го іюля (подъ симъ числомъ можно читать и повѣствованіе о житіи его).

[5]) Проповѣдникъ обращается къ слушателямъ (слово говорилось въ храмѣ).

[6]) Еванг. отъ Марка, гл. **6**, ст. 17.

[7]) Тамъ же.

Кто въ достаточной мѣрѣ обличитъ безуміе Иродово, проявившееся по причинѣ его чрезмѣрной женоугодливости? Или кто опишетъ неслыханную дерзость злыхъ женщинъ? Кажется мнѣ, что въ поднебесной нѣтъ такого звѣря, который былъ бы подобенъ злой женѣ (нынѣ я говорю лишь о злой женщинѣ, а не о доброй и цѣломудренной, ибо знаю, что есть много женщинъ кроткихъ и благонравныхъ, о добродѣтельной жизни которыхъ будетъ упомянуто впослѣдствіи, къ пользѣ и для подражанія добродѣтельнымъ, дабы мы возлюбили то, что̀ добро и честно). Ни одинъ звѣрь въ мірѣ не похожъ на злую женщину. Что можетъ быть яростнѣе льва среди четвероногихъ? Ничто. Что можетъ быть опаснѣе змѣи изъ числа пресмыкающихся? Также ничто; однако левъ и змій питаютъ менѣе злобы, нежели женщина (злая), какъ подтверждаетъ мои слова и мудрѣйшій Соломонъ, говоря: **лꙋ́чше жи́ти со льво́мъ и҆ зміемъ, не́же жи́ти съ жено́ю лꙋка́вою и злоѧзы́чною**[1]). Пусть не подумаетъ никто, что Пророкъ изрекалъ сіе, посмѣяваясь (надъ женщиною):—самыя дѣла удостовѣряютъ съ точностію то же самое: Даніила во рву львы устыдились; праведнаго же Навуѳея умертвила Іезавель. Китъ сохранилъ невредимымъ Іону во чревѣ; Далида же, остригши и связавши Самсона, предала его иноплеменникамъ. Зміи, аспиды и гадюки убоялись Іоанна въ пустынѣ: Иродіада же усѣкла его на вечери. Вороны питали Илію на горѣ: Іезавель же устремлялась убить его послѣ того, какъ онъ благодѣйствовалъ, низведши дождь. Вотъ что она говорила ему:

— Если ты Илія, то я—Іезавель; пусть сотворятъ со мною боги (что хотятъ) и пусть увеличатъ возмездіе мнѣ, если завтра въ сей же часъ твоя душа не будетъ умерщвлена[2]).

И убоялся Илія, и ушелъ ради спасенія души своей, и скрылся въ пустынѣ, идя сорокъ дней, и началъ искать смерти себѣ, сказавъ:

— Господи Боже! Достаточно для меня (страданій сихъ): возьми отъ меня мою душу, ибо я нисколько не лучше отцевъ моихъ!

О горе! Пророкъ Илія испугался женщины; убоялся женщины тотъ, кто носилъ въ себѣ дождь вселенной надъ язычниками, кто свелъ съ неба огонь, кто молитвою воздвигъ мертваго. Да, дѣйствительно, убоялся. Ибо никакая злоба не можетъ быть сравнена

---

[1]) Притч., гл. 21, ст. 19; ср.: Кн. Премудр. Іисуса, сына Сирах., гл. 25, ст. 18.
[2]) Ср.: 3 Кн. Царствъ, гл. 19, ст. 2.

со злобою злой женщины. Мои слова подтверждаетъ и книга Премудрости, говоря: **нѣсть главы́ па́че змі́йны**[1]) и нѣтъ злобы болѣе злобы женской!

О зло діавольское и острѣйшее оружіе!

Издревле въ раю діаволъ уязвилъ Адама женщиною; женщиною кротчайшаго Давида склонилъ къ обманному убійству Уріи; женщиною склонилъ къ преступленію мудрѣйшаго Соломона; женщиною мужественнѣйшаго Самсона ослѣпилъ; по винѣ женщины умертвилъ сыновей священника Иліи; по винѣ женщины заключилъ въ оковахъ въ темницу благороднѣйшаго Іосифа; по винѣ женщины предалъ на усѣченіе Іоанна — свѣтильника всего міра.

Да что говорю я о людяхъ (вообще)? По винѣ женщины діаволъ и святыхъ отвлекалъ отъ добродѣтелей; онъ (діаволъ) женщиною всѣхъ посѣкаетъ, всѣхъ убиваетъ, всѣхъ порочитъ, всѣхъ уничижаетъ; ибо женщина безстыдная никого не щадитъ, священниковъ не чтитъ, левита не стыдится, пророка не стѣсняется. О зло, злѣйшее всякаго зла, женщина злая! Если она бѣдна, богатѣетъ злобою; если же имѣетъ богатство, способствующее ея лукавству, то это вдвойнѣ пагубно. Женщина—нетерпѣливое животное, неисцѣльный недугъ, неукротимый звѣрь. Я видѣлъ и аспидовъ неукротимыхъ укрощенными, и львовъ, и единороговъ и медвѣдей прирученными; женщина же злая и будучи обличаема гнѣвается, и будучи усовѣщеваема съ ласкою превозносится. Если мужъ ея облеченъ властію начальственною, то она и днемъ, и ночью развращаетъ его рѣчами, побуждая къ злодѣйству — какъ Иродіада Ирода; если же она имѣетъ бѣднаго мужа, то побуждаетъ его къ гнѣву и брани. Если она вдова, то самолично безчеститъ всѣхъ; ибо не обуздываетъ языка своего страхомъ Господнимъ, не взираетъ на будущій судъ, не уповаетъ на Бога, не хранитъ законовъ любви. Злой женщинѣ ничего не сто́итъ предать смерти своего мужа. Ибо жена праведнаго Іова совѣтовала ему отдать себя на смерть черезъ хуленіе (Бога), говоря:

— Скажи нѣкое слово ко Господу, и умри[2]).

О нравъ лукавый! О намѣреніе неблагочестное! Жена Іова не явила милосердія, видя своего мужа, страдавшаго утробою по причинѣ тяжелой болѣзни, подобно углю распространяющему искры,— видя все тѣло его покрытымъ язвами и снѣдаемымъ червями; не

---

[1]) Книга Премудр. Іисуса, сына Сирах., гл. 25, ст. 17.

[2]) Кн. Іова, гл. 2, ст. 9.

склонилась къ милосердію, видя его скорченнымъ, весьма болѣзненнымъ и крайне страдавшимъ, испускавшимъ сквозь болѣзненно отверстыя уста учащенныя дыханія. Не смягчилась сердцемъ, видя ходившаго нѣкогда въ царской порфирѣ, нынѣ лежащимъ на гноищѣ, обнаженнаго тѣломъ. Не вспомнила прежняго обычнаго нѣжнаго супружескаго отношенія, не вспомнила о томъ, сколь много славы и добра получила она отъ него ранѣе. Но что говоритъ она:

— Скажи нѣкое слово ко Господу, и умри.

О милость женщины! О средство къ врачеванію скорбей! О узаконеніе любви супружеской! Развѣ онъ (т. е. мужъ) когда-либо говорилъ тебѣ, бывшей въ болѣзни, такія слова? Не молитвами ли своими и дѣлами благими онъ излѣчивалъ тебя отъ болѣзней? Развѣ не достаточно было для него и сего временнаго наказанія, что ты испрашиваешь для него вѣчное мученіе черезъ хуленіе (Господа)? Или ты не знаешь, что всякій грѣхъ отпустится людямъ, хуленіе же,—грѣхъ противъ Духа Святаго,—не отпустится имъ ни въ сей жизни, ни въ будущей?[1])

Желаешь видѣть иную (женщину), подобную сей своимъ лукавствомъ? Посмотри на Далиду, которая, связавъ сильнаго Самсона, предала его иноплеменникамъ[2]); она предала иноплеменникамъ своего супруга, котораго любила, ласкала, которому говорила, что любила его больше, чѣмъ себя. Того, кого вчера любила, нынѣ обольщаетъ; кого вчера согрѣвала лобзаніемъ, нынѣ, обольщая, предаетъ смерти. Развѣ онъ былъ не красивъ? Кто былъ красивѣе его тогда, когда, нося на головѣ семь косъ[3]), онъ являлъ образъ седмосвѣтлой благодати? Развѣ онъ не былъ мужественъ? Но кто былъ мужественнѣе его тогда, когда онъ одинъ поборолъ въ пути страшнаго льва и одною лишь челюстію ослиною побилъ тысячу иноплеменниковъ? Но, можетъ быть, онъ не былъ добродѣтеленъ? Нѣтъ, онъ былъ добродѣтеленъ настолько, что, ощутивъ нѣкогда жажду, онъ помолился о водѣ (о ниспосланіи ему отъ Бога воды), и изъ держимой имъ въ рукахъ мертвой челюсти истекла вода, которою онъ утолилъ жажду. И вотъ такого прекраснаго, такого мужественнаго, такого добродѣтельнаго мужа собственная жена какъ врага связала и отдала въ руки непріятелей.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 31.
2) Кн. Суд., гл. 16, ст. 6.
3) Кн. Суд., гл. 16, ст. 13—14.

Но какимъ образомъ женщина возмогла побѣдить такого сильнаго? По причинѣ свойственной мужчинамъ доброты: ибо, лишивъ его ночью тайны его силы, она связала его нагаго крѣпкимъ вервіемъ. Посему мудрость (Божественная) повелѣваетъ тебѣ: **ѿ сожи́тельницы твоеѧ̀ храни́сѧ, є҆́же сказа́ти є҆́й что̀**[1]).

Какое животное, скажи мнѣ, могло помыслить таковое на сродный себѣ мужескій полъ? Какая змѣя намѣревается погубить своего сожителя? Какая львица отдастъ на заколеніе своего льва? Ты видишь, что справедливо изрекаетъ Книга Премудрости, говоря, что **нѣ́сть главы̀ па́че главы̀ змі́йны**[2]) и нѣтъ злобы болѣе злобы женской!

Скажу прямо: тотъ, кто имѣетъ злую жену, пусть знаетъ, что онъ имѣетъ возмездіе своимъ беззаконіямъ. Дабы слово сіе было не бездоказательнымъ, слушай Премудрость, изрекающую, что злая жена посылается беззаконному мужу за его дурныя дѣла[3]).

Доселѣ мы говорили о злой женщинѣ и здѣсь окончимъ сію рѣчь. Подобаетъ теперь воспомянуть и добрыхъ женщинъ, въ особенности ради тѣхъ, кто присутствуетъ здѣсь.

Почему же сіи женщины называются добрыми? Потому, что когда видятъ добродѣтели, угодныя Богу, творимыя иными, то радуются о нихъ, какъ о своихъ, и труды тѣхъ усвояютъ себѣ какъ награду за добродѣтель.

Добродѣтельною и нищелюбивою женщиною была соманитяныня, которая, испросивъ согласіе мужа, устроила для Елиссея мѣсто обитанія, дабы онъ могъ имѣть у нея отдыхъ[4]); она устроила для него постель, свѣтильникъ и трапезу; постель не была лишена одѣянія, но была снабжена приличнымъ Пророка убранствомъ; свѣтильникъ былъ не безъ свѣта, но съ елеемъ, горящимъ и свѣтящимъ; трапеза была не безъ хлѣба, но преисполнена пищи.

Точно такъ же кто скажетъ что дурное относительно той убогой вдовицы, которая принимала Пророка Илію? Она не имѣла многихъ пѣнязей, но явила богатство благорасположенія. У нея не было ни пшеницы, ни вина, ни иного чего изъ числа предметовъ земныхъ; у нея не было поля, засѣяннаго пшеницею, которое приносило бы ей хлѣбные злаки; виноградникъ не родилъ

---

1) Кн. Прор. Михея, гл. 7, ст. 5.

2) Книга Премудр. Іисуса, сына Сирахова, гл. 25, ст. 17.

3) Тамъ же, гл. 25, ст. 22—29 и др.

4) 4 Кн. Царствъ, гл. 4, ст. 9 и 10; ср. Еванг. отъ Лукн, гл. 4, ст. 25 и 26.

для нея сладостнаго гроздія; растенія не раждали для нея сладкихъ овощей. Какимъ же образомъ она могла принимать и питать Пророка? Хотя она не имѣла даже и пяди земли для обработки, не имѣла также виноградника и на локоть (т. е. площадью, или объемомъ), но всегда во время жатвы ходила по межѣ и, наклонившись къ землѣ, собирала колосья, падавшія изъ-подъ серповъ жнущихъ; такимъ образомъ она на каждый годъ запасала для себя необходимое количество пищи. Къ сей-то вдовицѣ пришелъ Илія во время голода, когда вся земля истаявала отъ бездождія, когда небо разгоралось, воздухъ раскалился, облака заключились; когда не было ни злака, ни цвѣтка, ни отпрыска растенія, ни дыханія влажнаго вѣтра, орошавшаго и поднимавшаго ростъ молодыхъ колосьевъ; когда рѣки изсохли, источники, питавшіе рѣки, исчезли отъ зноя, а море стало весьма соленымъ, ибо прѣсныя воды не попадали въ него по причинѣ того, что дождь и потоки изсякли. Тогда-то пришелъ Илія къ убогой вдовицѣ. Но вы знаете, какъ страдаетъ вдовица и во время хорошаго урожая. Однако Пророкъ оставилъ богатыхъ, имѣвшихъ обильные запасы хлѣба, и, сойдя съ горы, пришелъ къ сей вдовицѣ. Но почему Илія, низведшій съ Неба огонь своимъ словомъ, не низвелъ себѣ хлѣбовъ? Можетъ быть, потому, что не могъ? Нѣтъ, могъ, но не сдѣлалъ такъ. Почему же? Дабы не лишить плодовъ нищелюбія вдовицу и дабы увеличить благословеніемъ сосудъ съ мукою и небольшой запасъ масла. Ибо Пророкъ пришелъ не столько съ цѣлію напитаться, сколько съ цѣлію напитать убогую и сдѣлать явнымъ скрытую въ сердцѣ ея добродѣтель и благорасположеніе. Такъ творитъ Богъ: ибо, будучи въ состояніи питать всѣхъ рабовъ Своихъ, бывшихъ вмѣстѣ съ Нимъ въ мірѣ, Онъ требуетъ подаянія, дабы обнаружить благорасположенныя сердца дѣлами ихъ нищелюбія. И когда уже не бываетъ никого, кто могъ бы напитать ихъ (рабовъ Божіихъ), тогда Онъ питаетъ ихъ или птицами, какъ Илію на горѣ, или чужестраннымъ Пророкомъ, какъ Даніила во рву, или звѣремъ морскимъ, какъ Іону китомъ, или Самъ отъ Себя посылаетъ пищу, какъ отцамъ нашимъ въ пустынѣ; ибо, когда у нихъ не было ничего, что̀ бы они могли взять (себѣ для питанія), тогда Онъ ниспослалъ имъ съ неба манну и источилъ изъ камня воду. Но когда святые Его живутъ въ міру съ прочими людьми, то Богъ удерживаетъ десницу Свою, хотя и видитъ ихъ скорбными; оставляетъ ихъ, дабы вознаградить благо-

датію тѣхъ, кто пожелаетъ благотворить имъ; ибо черезъ сіе могли бы получить спасеніе многіе.

Итакъ, Илія пришелъ къ вдовицѣ, у которой не было ничего, кромѣ горсти муки, которой ей могло хватить развѣ только на одинъ обѣдъ для нея и для дѣтей ея.

Что же говоритъ ей Пророкъ?

— Принеси мнѣ немного воды въ сосудѣ, дабы я могъ напиться.

Когда она пошла за водой, то онъ сказалъ вслѣдъ ея:

— Принеси мнѣ также въ рукѣ твоей и хлѣба печенаго.

Она сказала о томъ, чего не имѣла, но то, что имѣла, не утаила, а объявила, сказавъ:

— Живъ Господь! Развѣ есть у меня гдѣ хлѣбъ въ потаенномъ мѣстѣ? У меня нѣтъ ничего, кромѣ горсти муки и небольшого количества масла въ сосудѣ.

Замѣчательно уже то, что, несмотря на такую скудость, она не утаила бывшаго у ней небольшого остатка пищи. Какъ много нынѣ таковыхъ, которые, имѣя много золота и серебра, не дѣлятся съ друзьями своими, когда тѣ просятъ у нихъ! Даже и тогда, когда ихъ упрашиваютъ съ любовію, они говорятъ, что не имѣютъ ничего, не желая давать; но если, послѣ долгихъ просьбъ, склонятся къ тому, чтобы дать кому-либо взаймы, тогда берутъ съ тѣхъ, кому даютъ, расписку болѣе прочную, чѣмъ желѣзо, связываютъ подписью руку принимающую, въ присутствіи свидѣтелей и поручителей. Но та вдовица по одному слову не отреклась отъ горсти муки.

Что̀ же сказалъ ей Пророкъ?

— Поспѣши и приготовь опрѣсноки, прежде всего, для меня, потомъ же для тебя и для дѣтей твоихъ.

Сіе слово пророческое было испытаніемъ — было испытаніемъ сердца, было испытаніемъ благорасположенія. Сердце блаженной вдовицы находилось какъ бы въ тискахъ, будучи въ недоумѣніи, что предпочесть: любовь ли къ своимъ дѣтямъ, или нищелюбіе къ Пророку? И предпочла вдовица лучше обидѣть себя и дѣтей своихъ, Пророка же принять, ибо знала, что **прїе́млѧй прⷪ҇ро́ка во и҆́мѧ прⷪ҇ро́че, мздꙋ̀ прⷪ҇ро́чꙋ прїи́метъ**[1]); и напоившій чашею студеной воды во имя ученика, не потеряетъ награды своей[2]).

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 41.

[2]) Тамъ же, ст. 42.

Но почему же Пророкъ сказалъ: «Поспѣши!»? Развѣ онъ былъ настолько голоденъ, что нуждался въ особенномъ усердіи вдовицы? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, но онъ таинственно знаменовалъ симъ, что благое дѣло должно творить съ усердіемъ и радостію, а не съ печалію и тоскою: **доброхо́тна бо да́телѧ лю́битъ бг҃ъ**[1]).

— Поспѣши и приготовь, прежде всего, для меня, потомъ же для тебя и для дѣтей твоихъ.

«Поспѣши»,—подобно тому, какъ Авраамъ, когда къ нему пришли Ангелы, поспѣшилъ къ воламъ и закололъ тельца, дабы принять Агнца[2]); также подобно тому, какъ Сарра поспѣшила къ опрѣснокамъ, дабы получить хлѣбъ, сокрытый въ Небесахъ.

Поспѣши и поступи такъ, какъ Авраамъ съ жертвами Богу; не тебѣ первой и потомъ мнѣ, какъ поступили: Каинъ, Офни и Финеесъ, сыновья священника Илія, которые уничижали Бога, взимая въ свою пользу начатки даровъ, приносимыхъ Богу.

Вдовица исполнила приказаніе Пророка съ усердіемъ.

Пророкъ же, принявъ хлѣбъ, хотя малый, но поданный съ великимъ усердіемъ, вкусилъ отъ него и наполнилъ благами домъ ея, ибо онъ сказалъ:

— Не оскудѣетъ горсть муки въ водоносѣ и масло въ сосудѣ до тѣхъ поръ, пока Господь не пошлетъ дождя на землю.

Но почему — до того времени (когда будетъ ниспосланъ дождь)?

Дабы таинственно показать, что Ветхій Законъ оканчивается тогда, когда явилась Новая благодать, какъ дождь съ неба.

И дѣйствительно случилось такъ, какъ сказалъ Пророкъ.

Видишь ли, какъ добрыя женщины получили плоды нищелюбія? Ибо благіе труды даютъ благіе плоды и неистлѣвающій корень цѣломудрія.

Вы, женщины, слышали о дѣлахъ злыхъ женщинъ и о добродѣтели благихъ; однихъ возлюбите, другихъ же сторонитесь; тѣмъ подражайте, другихъ же избѣгайте, дабы, слѣдуя пути благихъ (женщинъ), вы были бы сопричислены къ лику святыхъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему подобаетъ слава и держава вѣчно. Аминь.

1) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 9, ст. 7.

2) Кн. Бытіе, гл. 18, ст. 6.

День тридцатый

ПАМЯТЬ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ НАШИХЪ:

АЛЕКСАНДРА, ІОАННА и ПАВЛА,

патріарховъ Константинопольскихъ

Святый Александръ былъ архіереемъ (хорепископомъ[1]) при святѣйшемъ Митрофанѣ, первомъ Патріархѣ Константинопольскомъ[2]); сей Александръ былъ преукрашенъ всякими добродѣтелями. Когда былъ созванъ Первый Вселенскій Соборъ въ Никеѣ, то на Соборъ посланъ былъ какъ ревностный поборникъ благочестія Александръ, ибо Патріархъ Митрофанъ не могъ быть на Соборѣ по причинѣ своей старости, а также и по причинѣ недуговъ тѣлесныхъ. Занимая мѣсто патріарха на семъ Соборѣ (т. е. будучи его представителемъ и замѣстителемъ), Александръ ревностно защищалъ вѣру православную противъ злочестиваго Арія. Когда засѣданія Собора окончились и Александръ уже возвращался въ Константинополь, блаженному Митрофану явился Ангелъ Господень; сей Ангелъ возвѣстилъ Митрофану о близости

---

[1]) *Хорепископъ*—сельскій епископъ,—епископъ селеній, прилежащихъ городу.

[2]) *Митрофанъ* патріаршествовалъ съ 315 г. по 325 г.

его кончины и повелѣлъ назначить послѣ себя патріархомъ Александра. Ангелъ сказалъ Митрофану:

— Черезъ десять дней ты примешь вѣнецъ отъ Бога; престолъ же патріаршескій пусть приметъ послѣ тебя твой сослужитель Александръ.

Благочестивый царь Константинъ[1]) вмѣстѣ со многими отцами пришелъ къ Святѣйшему Патріарху Митрофану, лежавшему уже на одрѣ смерти. Когда Константинъ спросилъ его, кому бы онъ благословилъ передать престолъ патріаршескій послѣ его смерти, то святый Митрофанъ отвѣтилъ на это:

— Господь открылъ мнѣ, что послѣ меня престолъ приметъ сослужитель мой Александръ, поистинѣ достойный избранія и дара Духа Святаго.

Такъ и совершилось.

Послѣ того какъ Святѣйшій Патріархъ Митрофанъ отошелъ ко Господу, Патріархомъ Константинопольскимъ былъ поставленъ Александръ, который съ усердіемъ пасъ словесное стадо Христово[2]), отгоняя волковъ—еретиковъ и еллиновъ, ибо не только съ аріанами, но и съ философами еллинскими (Александру) пришлось вести великую борьбу.

Такъ, однажды нѣкоторые изъ числа еллинскихъ философовъ осмѣлились, подойдя къ царю, обличить его въ томъ, что онъ, отвергнувъ древнюю вѣру отцевъ, а также и законы римскіе и греческіе, принялъ нѣкую новую вѣру и новые законы, что̀ вело, какъ говорили сіи философы, не къ укрѣпленію, а къ разрушенію царства. Философы просили царя разрѣшить имъ вступить въ пренія о вѣрѣ съ епископомъ Александромъ. Царь разрѣшилъ эти пренія. Святитель Божій Александръ, хотя и не былъ обученъ еллинской философіи, однако, преисполненный Духа Святаго, не отказался отъ преній.

Когда философы собрались въ большомъ числѣ и изъявили желаніе всѣ одновременно вступить въ пренія съ христіанскимъ епископомъ, то святитель предложилъ имъ избрать изъ своей среды одного, болѣе мудраго и краснорѣчиваго философа, и поручить ему вести пренія; остальные же философы могли слушать пренія.

---

[1]) *Императоръ Константинъ Великій* управлялъ Востокомъ съ 324 г. по 337 г., Западомъ—съ 306 г. по 337 г.

[2]) *Александръ* патріаршествовалъ съ 325 г. по 340 г.

— Невозможно,— разсуждалъ святый Александръ,— одному человѣку переговорить васъ всѣхъ, кричащихъ и возглашающихъ.

Философы выбрали изъ своей среды одного, коего считали болѣе мудрымъ, и представили его святителю, а сами приготовились слушать со вниманіемъ. Начиная пренія, Святѣйшій Патріархъ Александръ сказалъ тому философу:

— Именемъ Господа моего Іисуса Христа повелѣваю тебѣ умолкнуть!

И тотчасъ у философа отнялся языкъ и онъ сталъ нѣмымъ, такъ что не могъ сказать ни одного слова.

Тогда все собраніе философовъ пришло въ страхъ и стыдъ, такъ что одни изъ нихъ бѣжали съ позоромъ, а другіе увѣровали во Христа. Философъ же, лишившійся дара слова, далъ знаками понять, что онъ признаетъ какъ свое заблужденіе, такъ и правоту вѣры христіанской; потомъ онъ припалъ къ ногамъ святителя; и тотчасъ освободился языкъ его отъ нѣмоты: онъ началъ во всеуслышаніе прославлять Господа нашего Іисуса Христа, послѣ чего былъ крещенъ вмѣстѣ съ прочими друзьями своими.

По сему случаю царь и всѣ вѣрующіе возрадовались, и прославляли всѣ Бога, даровавшаго столь чудесную силу угоднику Своему.

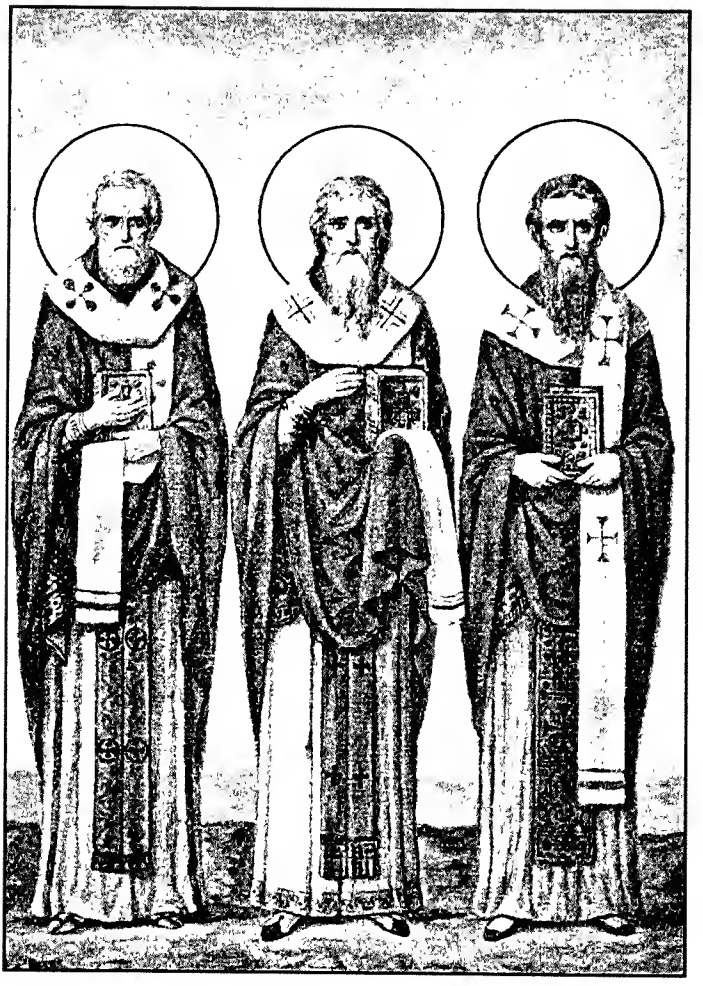
Сей святый Александръ потомъ умертвилъ своею молитвою и злочестиваго Арія.

Еретикъ Арій, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Перваго Вселенскаго Собора, былъ призванъ въ Константинополь; здѣсь онъ обольстилъ, по своему лукавству, благочестиваго царя Константина такъ. Константинъ спросилъ его: такъ ли онъ вѣруетъ, какъ заповѣдали вѣровать Святые отцы на Соборѣ Никейскомъ? Арій же, держа на груди у себя хартію съ написаніемъ своего зловѣрія, ударилъ себя рукою въ грудь и сказалъ:

— Я такъ вѣрую!

Такимъ образомъ сей еретикъ по-видимому выражалъ согласіе съ вѣрованіемъ, утвержденнымъ въ Никеѣ, но въ умѣ своемъ говорилъ, что вѣровалъ такъ, какъ написалъ своею рукою, каковая запись и находилась у него на груди. И клялся нечестивый передъ царемъ, говоря, что «вѣровалъ такъ».

Не подозрѣвая о такомъ лукавствѣ, царь повѣрилъ словамъ Арія и послалъ его къ Святѣйшему Патріарху Александру, по-



С҃ті и:

а҆леза́ндръ, і҆ѡа́ннъ и҆ па́ѵелъ

велѣвъ ему принять въ общеніе церковное Арія—какъ православнаго; при этомъ назначенъ былъ и воскресный день, въ который Арія должно было ввести въ храмъ для общенія съ вѣрными.

Однако святый Александръ отказывался принять въ общеніе Арія—какъ основателя ереси.

Между тѣмъ суббота проходила и наступало воскресенье. Въ ночь на воскресенье архіерей Божій повергся на молитву въ алтарѣ предъ Престоломъ. Со слезами молилъ онъ Бога взять душу его изъ тѣла, лишь бы не видѣть ему того дня, въ который Арій приступитъ къ общенію церковному и къ Причащенію Святыхъ Таинъ; или же, по милосердію къ Церкви Своей, истребитъ Арія изъ среды живыхъ.

Святый Александръ молился такъ всю ночь; наступило утро, и приближалось время Литургіи. Изъ палатъ царскихъ Арій вышелъ съ великою гордостію, направившись къ храму; онъ былъ окруженъ царскими сановниками, сочувствовавшими его ереси, и множествомъ оруженосцевъ.

Когда Арій подошелъ къ тому мѣсту, которое называлось *Торжищемъ Константиновымъ* (здѣсь стоялъ мраморный столпъ, имѣвшій на себѣ изваяніе царя), то его охватилъ великій страхъ отъ угрызавшей его совѣсти. По причинѣ страха Арій почувствовалъ необходимость въ удовлетвореніи потребности тѣлесной и началъ искать нѣкоего скрытаго мѣста. Неподалеку оттуда находилось общее народное мѣсто; войдя туда, Арій былъ неожиданно пораженъ лютою болѣзнію внутренностей, и разверзлась утроба у нечестиваго, какъ у Іуды[1]), такъ что всѣ внутренности вышли изъ него.

Такъ ужасно погибъ еретикъ.

Стоявшіе поблизости и ожидавшіе выхода Арія видя, что онъ долго не выходитъ, сами вошли къ нему, и нашли его мертвымъ, лежавшимъ въ гноѣ и въ крови. И тотчасъ по городу прошло извѣстіе о страшной неожиданной смерти еретика Арія; еретики были посрамлены, православные же весьма радовались, что Христосъ, Богъ Истинный, явилъ мщеніе Своему врагу и хулителю; наипаче же воздавалъ благодареніе Христу Богу Святѣйшій Патріархъ Александръ, благодаря Бога за то, что Онъ явилъ милосердіе Церкви Своей и спасъ ее отъ того лютаго волка.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 1.

Благочестивый царь Константинъ Великій, узнавъ о такой смерти Аріевой, еще болѣе укрѣпился въ благочестивой вѣрѣ и уже до самой кончины своей защищалъ догматы Собора Никейскаго.

Такую силу предъ Богомъ имѣла праведная молитва великаго архіерея Божія Александра. Подобно острому оружію, она умертвила врага Божія и доставила торжество Церкви Православной; о семъ впослѣдствіи упоминалъ святый Григорій Богословъ[1]) въ своемъ словѣ къ цареградцамъ, отзываясь съ одобреніемъ и похвалою объ Александрѣ, говоря такъ:

— Поистинѣ скажу вамъ: вы—ученики славнаго Александра, ревностнаго поборника и проповѣдника Святой Троицы, который и словомъ и дѣломъ вооружился противъ еретическаго заблужденія. Вы помните о его равноапостольной молитвѣ, которою онъ уничтожилъ начальника и руководителя еретиковъ на мѣстѣ, котораго былъ достоинъ нечестивѣйшій языкъ, дабы позоромъ воздать за позоръ и дабы безчестною смертію, посланною по заслугамъ, было бы обличено навѣки смертоносное зло еретичества, погубившаго много душъ.

Это слово говорилъ святый Григорій на похвалу святаго Александра и на посрамленіе нечестиваго Арія, почему и упомянулъ о смерти Аріевой, случившейся въ безчестномъ мѣстѣ по молитвамъ Александра; ибо, подобно тому какъ Арій оскорблялъ Сына Божія, хуля Его Божество, равносильное и соприсносущное Богу Отцу, такъ и самъ принялъ смерть безчестную; такимъ образомъ за оскорбленіе было отомщено оскорбленіемъ.

Святый Александръ пасъ Церковь Христову достаточное число лѣтъ, пока не достигъ глубокой старости. Когда онъ уже былъ при смерти, его словесныя овцы обступили одръ пастыря своего и спросили его:

— На кого оставляешь ты насъ, своихъ дѣтей, отче? Кого ты поставишь, вмѣсто себя, нашимъ пастыремъ; кто бы могъ, идя по стопамъ твоимъ, твердо управлять Церковію?

Александръ, указавъ на двухъ честныхъ мужей,—именно на Павла пресвитера и на Македонія діакона, сказалъ въ отвѣтъ:

---

[1]) Святый *Григорій Богословъ* (Назіанзинъ) былъ недолго (менѣе года) Патріархомъ Константинопольскимъ; онъ извѣстенъ своими возвышенными твореніями, за которыя и получилъ названіе «Богослова». Память его совершается св. Церковію 25-го января.

— Если вы желаете имѣть пастыря разумнаго и украшеннаго добродѣтелями, то выберите себѣ Павла; если же хотите имѣть пастыря только благовиднаго, сіяющаго внѣшнею красотою, то изберите Македонія.

Сказавъ сіе, Святѣйшій Патріархъ Александръ преставился ко Господу, имѣя отъ рожденія своего девяносто восемь лѣтъ. Послѣ него престолъ воспріялъ святый Павелъ, первый Патріархъ Константинопольскій съ симъ именемъ[1]) (память его чтится въ шестой день мѣсяца ноября).

Святый Іоаннъ, прозванный Каппадоксомъ, ибо онъ былъ родомъ изъ Каппадокіи, воспринялъ престолъ Константинопольскаго патріаршества послѣ неправовѣрнаго Тимоѳея[2]), въ концѣ царствованія еретика Анастасія[3]). Избранъ онъ былъ противъ своего желанія (ибо не хотѣлъ принимать сей высокій санъ), и былъ возведенъ на престолъ патріаршескій скорѣе народомъ правовѣрнымъ, нежели властію царскою. Іоаннъ не имѣлъ покоя отъ нечестиваго царя (Анастасія) до дня смерти его, будучи ненавидимъ имъ и преслѣдуемъ; ибо сей царь защищалъ ересь Севера, псевдопатріарха антіохійскаго[4]), противника Собора Святыхъ Отцевъ, бывшаго въ Халкидонѣ (IV-го Вселенскаго)[5]). Сей еретикъ Северъ, слѣдуя ученію Діоскора и Евтихія, отлученныхъ на томъ Соборѣ и преданныхъ анаѳемѣ, признавалъ лишь одно естество въ Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа: онъ утверждалъ, что Слово и плоть въ воплощеніи слились въ одно естество, и не признавалъ въ единомъ Лицѣ Христовомъ двухъ естествъ, какъ научили вѣровать Святые Отцы и какъ и нынѣ, богословствуя, Церковь воспѣваетъ: **є҆стествóмъ бг҃ъ сы́й, и҆ є҆стествóмъ бы́въ человѣ́къ на́съ ра́ди: не во двою̀ лицѹ̀ раздѣлѧ́емый, но во двою̀ є҆стествѹ̀ нескли́тнѡ познава́емый**[6]). Упомянутый суемудренный противникъ Православія ошибочно утверждалъ, что Божество Святой Троицы страдало на крестѣ вмѣстѣ съ человѣчествомъ Христовымъ; по сей причинѣ онъ прибавлялъ къ пѣнію Трисвятаго такія слова: «распныйся за ны, помилуй насъ».

---

[1]) *Павелъ (I-ый)* патріаршествовалъ съ 340 г.; въ скоромъ времени былъ изгнанъ и снова возвращенъ въ 347 г.; управлялъ патріаршимъ престоломъ до 350 г.

[2]) *Тимоѳей (I-ый)* патріаршествовалъ съ 511 г. по 518 г.

[3]) *Императоръ Анастасій (Дикоръ)* царствовалъ съ 491 г. по 518 г.

[4]) *Северъ* патріаршествовалъ съ 512 г. по 519 г.

[5]) —въ 451 г.

[6]) Догматикъ 6-го гласа.

Отъ сего окаяннаго Севера возникла ересь акефаловъ, то есть безглавныхъ, названныхъ такъ потому, что они не признавали власти епископовъ православныхъ надъ подчиненными имъ церквами, подобно тому какъ глава начальствуетъ надъ прочими членами; но каждый изъ нихъ считалъ себя начальникомъ и учителемъ, согласно собственному умствованію. Послѣ того, какъ неправовѣрные епископы и пресвитеры, защищавшіе сіе лжеученіе, умерли, среди тѣхъ еретиковъ не совершалось по обычному церковному чину ни Крещенія, ни Божественной Литургіи; причащались же они приготовленнымъ заранѣе и долго сохраняемымъ агнцемъ, собираясь во дни святой Пасхи и раздробляя агнецъ на маленькія частицы. Тогда каждый изъ сихъ еретиковъ избиралъ для себя вѣру, какую хотѣлъ; самовольно принявъ власть учительства, они учили и другихъ, проповѣдуя имъ свое лжеученіе. Посему отъ сихъ еретиковъ расплодилось весьма много ересей, противорѣчившихъ одна другой; объ этихъ еретикахъ упоминаетъ греческій церковный историкъ, Никифоръ Каллистъ, въ восемнадцатой книгѣ, въ главѣ сорокъ пятой, замѣчая такъ: «Къ числу таковыхъ еретиковъ принадлежалъ злочестивый царь Анастасій, который много повредилъ Церкви Божіей, изгоняя православныхъ архіереевъ съ ихъ престоловъ; сей царь пожелалъ изгнать и святаго Іоанна, Патріарха Константинопольскаго, но судъ Божій постигъ еретика, и жизнь его была пресѣчена смертію».

Не излишне было бы упомянуть здѣсь и о смерти сего нечестиваго царя, случившейся при такихъ обстоятельствахъ.

За нѣсколько дней до своей кончины сей царь видѣлъ во снѣ нѣкоего страшнаго мужа, подобно Судіи возсѣдавшаго со славою на высокомъ престолѣ, причемъ ему предстояли многіе. Сей Судія держалъ въ рукѣ Своей книгу; раскрывъ эту книгу, онъ нашелъ въ ней имя Анастасія и, показавъ сіе Анастасію царю, сказалъ:

— Я хотѣлъ дозволить тебѣ пожить бо́льшее время, но по причинѣ твоего нечестія Я изглажу изъ жизни твоей четырнадцать лѣтъ.

Сказавъ такъ, Судія изгладилъ написанное въ книгѣ; царь же, будучи объятъ страхомъ и трепетомъ, всталъ съ тревогою отъ сна, позвалъ одного изъ ближайшихъ совѣтниковъ своихъ, по имени Аманта, во всемъ согласнаго съ нимъ (а также согласнаго и съ его еретическимъ мудрствованіемъ), и пересказалъ ему съ пе-

чалію о томъ сонномъ видѣніи. Амантъ, выслушавъ царя и прійдя въ ужасъ отъ его разсказа, сказалъ:

— Въ эту ночь и я имѣлъ страшное видѣніе: мнѣ представилось, что я стоялъ близъ твоего лица царскаго, какъ бы слуга, но подошла большая свинья, схватила меня за верхнюю одежду и, бросивъ меня на землю, съѣла.

Пересказывая другъ другу о такихъ страшныхъ снахъ и приходя отъ сего въ ужасъ, они позвали нѣкоего волхва, по имени Прокла, и разсказали ему сны свои, дабы онъ истолковалъ ихъ. Онъ сказалъ имъ, что они оба скоро умрутъ.

И дѣйствительно, въ скоромъ времени во дворецъ царскій ударила молнія и убила царя. Такъ погибъ нечестивый злою смертію.

По кончинѣ царя Анастасія на престолъ царскій былъ избранъ Іустинъ[1]), мужъ благочестивый и праведный. Амантъ же и прочіе нечестивцы, споспѣшествовавшіе злымъ дѣламъ Анастасія и притѣснявшіе вѣрныхъ, были преданы, по суду праведному, смерти. Такимъ образомъ сбылись на Анастасіи и на Амантѣ ихъ сонныя видѣнія.

Послѣ погибели сихъ враговъ наступили миръ и спокойствіе въ Церкви Христовой и среди ея пастырей. Святѣйшій Патріархъ Іоаннъ вмѣстѣ съ новоизбраннымъ благочестивымъ царемъ Іустиномъ и со всѣмъ правовѣрнымъ народомъ возрадовались освобожденію Церкви Святой отъ ига мучителей и воспѣли въ храмѣ благодарственныя пѣнія. Въ скоромъ же времени послѣ сего они (царь и патріархъ) созвали ближайшихъ епископовъ (числомъ сорокъ) на Помѣстный Соборъ и предали анаѳемѣ Севера, лжепатріарха антіохійскаго, и всѣхъ единомышленниковъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ утвердили и восхвалили Четвертый Вселенскій Соборъ, бывшій въ Халкидонѣ.

Остальные дни жизни своей святый Іоаннъ прожилъ въ мирѣ церковномъ, со усердіемъ пася ввѣренное ему стадо и угождая Богу; пробывъ на престолѣ три года, Іоаннъ съ миромъ отошелъ ко Господу[2]).

Святый Павелъ, почитаемый нынѣ — четвертый Константинопольскій Патріархъ того же имени, — былъ родомъ изъ Кипра; пре-

---

[1]) *Іустинъ I-ый* царствовалъ съ 518 г. по 527 г.

[2]) *Іоаннъ* патріаршествовалъ съ 518 г. по 520 г.

столъ патріаршескій онъ воспринялъ послѣ Никиты[1]), еретика иконоборца[2]), въ царствованіе Льва[3]), сына Копронимова. О семъ святомъ Павлѣ упоминается въ жизнеописаніи святаго Тарасія[4]).

Павелъ былъ мужъ добродѣтельный и благочестивый, но слишкомъ слабовольный и боязливый, ибо, видя великія мученія за святыя иконы, которыя принимали многіе правовѣрные отъ нечестиваго царя, онъ утаивалъ благочестіе свое и вступалъ въ общеніе съ еретиками, хотя и не хотѣлъ того. По смерти того нечестиваго царя онъ хотѣлъ возстановить благочестивый обычай поклоненія святымъ иконамъ, но не могъ сего сдѣлать, ибо не имѣлъ себѣ помощника; между тѣмъ иконоборчество сильно укрѣпилось во всемъ городѣ, а также и въ окрестныхъ странахъ. По сей причинѣ Павелъ былъ весьма опечаленъ; видя, что на успѣхъ надѣяться трудно, онъ рѣшилъ оставить престолъ патріаршества своего, на коемъ онъ пробылъ не болѣе четырехъ лѣтъ; заболѣвъ, онъ тайно ушелъ изъ дома патріаршескаго въ монастырь святаго Флора, гдѣ принялъ на себя святую схиму.

Скоро всюду узнали о семъ, и всѣ были въ великомъ удивленіи.

Царица Ирина[5]) весьма опечалилась по сему случаю, узнавъ, что Патріархъ поступилъ такъ, никому ничего не сказавъ. Ирина пришла къ нему съ сыномъ, царемъ Константиномъ, и спросила его:

— Отче? Что ты сдѣлалъ и по какой причинѣ ты поступилъ такъ?

Павелъ же отвѣчалъ на это:

— Сей святый образъ схимническій побудила принять меня болѣзнь и ожиданіе близкой смерти, но болѣе всего побудили меня оставить престолъ патріаршескій церковныя смуты и раздоры; ибо Церковь страдаетъ, будучи возмущаема ересію иконоборческою; по причинѣ долгаго нечестиваго мудрствованія еретиковъ,

---

1) *Никита I-ый* патріаршествовалъ съ 766 г. по 780 г.

2) Иконоборческая ересь появилась въ VIII в. Иконоборцы неразумно смѣшивали иконопочитаніе съ идолопоклонствомъ. Самыми рьяными поборниками иконоборчества были императоры: Левъ III-ій Исаврянинъ (717 г.—741 г.) и Константинъ V-ый Копронимъ (741 г.—775 г.). Эта ересь была осуждена на VII-мъ Вселенскомъ Соборѣ, происходившемъ въ 787 г. въ городѣ Никеѣ.

3) *Левъ IV—ый (Хозаръ)* царствовалъ съ 775 г. по 780 г.

4) Память святаго Тарасія празднуется св. Церковію 25-го февраля.

5) *Императрица Ирина* царствовала съ 797 г. по 802 г.

Церковь получила сильную рану, и я, окаянный, трижды уже одобрялъ ту ересь рукою моею и моею подписью. Я не только не избѣжалъ сѣтей зловѣрія, но я погрязъ въ нихъ и языкомъ и рукою моею, о чемъ нынѣ весьма скорблю; но всего болѣе уязвляетъ и отягощаетъ мою душу то, что я вижу, какъ всѣ страны, подчиненныя вашей власти, храня твердо православное исповѣданіе вѣры, пребывая въ православномъ ученіи и веселясь, чуждаются Церкви нашей и гонятъ насъ какъ чуждыхъ овецъ отъ себя какъ стада Христова. По сей причинѣ я не желаю быть пастыремъ еретическому собранію и предпочитаю лучше быть во гробѣ, нежели подлежать анаѳемѣ отъ святой четверицы престоловъ апостольскихъ[1]). Но такъ какъ Богъ далъ въ руки ваши власть скипетра, дабы вы имѣли царское попеченіе о христіанскомъ стадѣ, разсѣянномъ по поднебесной, то обратите свое вниманіе на скорбь Матери вашей — Церкви и не допустите ей пребывать болѣе въ неутѣшной печали, но всячески позаботьтесь о томъ, чтобы она опять приняла прежнее свое благолѣпіе. Не дозволяйте болѣе мерзкой ереси, подобно нѣкоей свиньѣ, вышедшей съ поля, опустошать и разорять виноградъ Христовъ въ ваше благовѣрное царствованіе; не дозволяйте ереси осквернять виноградъ Христовъ нечестивымъ мудрствованіемъ. Вы имѣете искуснаго дѣлателя, который можетъ воздѣлать гроздъ истиннаго исповѣданія, выработавъ его въ божественномъ точилѣ Единой Церкви. Сей дѣлатель наполнитъ чашу премудрости и приготовитъ для народа благочестиваго питіе православнаго мудрованія.

Спросили его:

— Отче? О комъ ты говоришь это?

Онъ отвѣчалъ:

— Я говорю о Тарасіи[1]), первомъ совѣтникѣ вашемъ царскомъ; я знаю, что онъ достоинъ быть управителемъ Церкви, такъ какъ онъ можетъ жезломъ разума своего отогнать еретическое суесловіе и упасти разумно словесное стадо Христово, собравъ его за единой оградой правовѣрія.

Услыхавъ такія слова отъ Патріарха Павла, благочестивая царица Ирина и сынъ ея, царь Константинъ, отошли со скорбію.

---

[1]) Разумѣются патріаршескіе престолы: Константинопольскій, Римскій, Антіохійскій и Александрійскій.

[2]) *Тарасій* былъ Патріархомъ Константинопольскимъ (послѣ Павла IV) съ 784 г. по 806 г.

Павелъ же, обратившись къ нѣкоторымъ вельможамъ, оставшимся у него, сказалъ имъ:

— О, какъ бы хотѣлъ я не быть на томъ престолѣ въ то время, когда Церковь была въ смятеніи отъ еретиковъ, осужденныхъ вселенскими престолами. Если не будетъ созванъ Седьмой Вселенскій Соборъ и если не будетъ осуждена ересь иконоборческая, вы не будете спасены.

Вельможи сказали ему:

— Для чего же ты при поставленіи въ патріархи далъ письменное одобреніе иконоборчеству?

Отвѣчалъ Павелъ:

— Такъ какъ я далъ тогда подпись, то теперь я каюсь въ семъ и боюсь наказанія отъ Бога за то, что молчалъ тогда страха ради и не говорилъ вамъ истины. Нынѣ же я каюсь и говорю, что вы не можете надѣяться на спасеніе, если пребудете въ томъ еретическомъ мудрствованіи.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего Патріархъ почилъ съ миромъ[1]). Съ того времени граждане въ Константинополѣ начали свободно и безбоязненно бесѣдовать и препираться съ еретиками о святыхъ иконахъ, въ защиту которыхъ никто не дерзалъ со времени Льва Исавра[2]) открыть устъ своихъ.

Увѣдавъ все сіе о воспоминаемыхъ нынѣ трехъ святителяхъ: Александрѣ, Іоаннѣ и Павлѣ, прославимъ Единаго въ Троицѣ Бога—Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Кондакъ, гласъ й:

Хрⷭ҇товою любовію распалаеми славнїи, и ꙗ҆ремъ є҆гѡ҇ прїемшїи крⷭ҇тъ чтный, подражатели тогѡ҇ житїѧ ꙗ҆вистеся, и бж҃ественныѧ славы є҆гѡ҇ причастницы бысте, а҆леѯандре бг҃омꙋдре со і҆ѡ҇анномъ чꙋднымъ и҆ паѵломъ славнымъ: тѣмже прⷭ҇толꙋ є҆гѡ҇ предстоѧще, прилежнѡ молитеся за дꙋши нашѧ.

---

1) *Павелъ IV-ый* патріаршествовалъ съ 780 г. по 784 г.

2) *Левъ III-ій (Исавръ),* царствовавшій съ 717 г. по 741 г., былъ яростнымъ иконоборцемъ (см. стр. 281-ую, примѣч. 1-ое).

ЖИТІЕ

СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО[1])

Святый благовѣрный Великій Князь Александръ Ярославичъ родился въ 1219 году, 30 мая, въ городѣ Переяславлѣ[2]).

Отецъ Александра Ярославича, Великій Князь Ярославъ Всеволодовичъ, по отзывамъ его современниковъ, былъ кроткій, милостивый, благочестивый, всѣми любимый князь. Мать благовѣрнаго Александра, благовѣрная княгиня Ѳеодосія, своимъ благочестіемъ и подвижничествомъ еще при жизни своей пріобрѣла отъ современниковъ имя святой княгини[3]). Подъ надзоромъ благочестивыхъ,

---

[1]) Свѣдѣнія о жизни благовѣрнаго князя Александра Ярославича находятся въ древнихъ житіяхъ его и въ лѣтописяхъ. Въ Древней Руси составлено было пять житій благовѣрнаго князя, изъ которыхъ первое, краткое, написано было современникомъ Александра Ярославича, а послѣднее, самое подробное,—уже въ XVII вѣкѣ на основаніи древнѣйшихъ житій, послѣдовательно пополнявшихъ одно другое.

[2]) Теперь это маленькій городокъ Владимірской губерніи (на рѣкѣ Трубежѣ, при впаденіи ея въ Переяславское озеро), но въ то время онъ былъ главнымъ городомъ удѣльнаго княжества Переяславль-Залѣсскаго.

[3]) *Благовѣрная княгиня Ѳеодосія*, дочь знаменитаго русскаго князя Мстислава Мстиславича Удалого, скончалась въ 1244 году.

нѣжно любившихъ его родителей и проходили дѣтскіе годы жизни благовѣрнаго князя Александра.

По тогдашнему обычаю его рано начали учить, и такъ какъ при воспитаніи больше всего заботились тогда о развитіи въ душѣ ребенка страха Божія и благочестія, то и учили благовѣрнаго князя прежде всего священнымъ книгамъ—Евангелію, Псалтири—любимой въ Святой Руси священной книгѣ, въ мудрыхъ словахъ которой наши благочестивые князья искали и находили себѣ утѣшеніе въ самыя тяжелыя минуты своей жизни, когда ни отъ кого, кромѣ Господа, нельзя было ожидать ни помощи, ни утѣшенія.

Господь съ дѣтскихъ дней готовилъ въ благовѣрномъ князѣ Александрѣ свѣтильникъ, горящій вѣрою и добродѣтелями. По свидѣтельству древняго описателя жизни благовѣрнаго князя, никогда онъ не предавался дѣтскимъ забавамъ и развлеченіямъ. Любимымъ его занятіемъ было чтеніе Священныхъ книгъ, любимымъ отдыхомъ—пламенная молитва къ Господу, примѣръ которой онъ постоянно наблюдалъ въ лицѣ своей благочестивой матери. Пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній услаждалъ онъ свою душу, постомъ и воздержаніемъ укрѣплялъ и развивалъ свои тѣлесныя силы.

Наряду съ книжнымъ обученіемъ въ княжеской древнерусской семьѣ много вниманія обращалось и на воспитаніе физическое: на развитіе силы и ловкости, умѣнья владѣть мечомъ и копьемъ, ѣздить на конѣ и т. п., такъ какъ князь долженъ былъ быть опытнымъ не только въ подвигахъ духовныхъ, но и въ подвигахъ ратныхъ, долженъ быть не только воиномъ Христовымъ, но и воиномъ земнымъ, умѣть защитить Святую Церковь и силою слова, и, когда это требовалось, силою меча. И благовѣрный князь Александръ—непобѣдимый витязь, какъ называли его современники,—въ совершенствѣ усвоилъ эту сторону княжескаго воспитанія и для своихъ соратниковъ былъ не только руководителемъ, но и образцомъ ратной доблести.

Рано начинали подготовлять юныхъ князей и къ предстоявшей имъ правительственной дѣятельности. И здѣсь для благовѣрнаго Александра высокимъ примѣромъ и образцомъ для подражанія могъ служить его знаменитый отецъ, этотъ,—по отзыву современниковъ,—страдалецъ за Русскую землю, положившій душу свою за ввѣренную ему Богомъ въ управленіе страну.

Но недолго благовѣрному князю Александру пришлось жить подъ родительскимъ кровомъ и попеченіемъ; очень рано пришлось ему вступить на самостоятельный жизненный путь.

Ст҃ый кн҃зь
а҆леза́ндръ

Богатый въ то время Великій Новгородъ, владѣвшій почти всѣмъ теперешнимъ сѣверомъ Руси, «вольный» городъ, самъ предписывавшій себѣ законы и порядки, самъ выбиравшій себѣ князей и удалявшій ихъ,—предложилъ княжескій столъ отцу благовѣрнаго князя Александра Ярославу. Ярославъ Всеволодовичъ принялъ это предложеніе; но онъ не могъ примириться съ тѣмъ подчиненнымъ положеніемъ, въ какомъ находился князь у новгородцевъ. По примѣру нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, онъ стремился усилить значеніе княжеской власти въ Новгородѣ, устранить безпорядки въ жизни этого вольнаго города и этимъ скоро вызвалъ противъ себя недовольство новгородцевъ. Въ 1228 году, разгнѣвавшись на новгородцевъ за ихъ непокорность, Ярославъ Всеволодовичъ удалился въ свой Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ, на попеченіи довѣренныхъ своихъ бояръ, двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей — Ѳеодора и Александра. 5 іюня 1233 года совершенно неожиданно скончался старшій изъ княжичей, въ то время какъ шли приготовленія къ его свадьбѣ, и благовѣрный князь Александръ остался одинокимъ въ чужомъ для него городѣ.

Нелегко было его положеніе здѣсь. Съ одной стороны, свободолюбивые новгородцы хотѣли, чтобы молодой князь не выходилъ изъ подъ ихъ воли, послушно исполнялъ ихъ желанія, считался съ ихъ вольностями и обычаями. Съ другой стороны, твердый въ своихъ стремленіяхъ Ярославъ Всеволодовичъ требовалъ отъ сына идти тою же дорогою, какою шелъ онъ, заботиться о возвышеніи въ Новгородѣ княжеской власти, не считаясь съ вспыш-

ками недовольства этимъ новгородцевъ. Сколько отъ юнаго князя требовалось твердости воли, осторожности и въ то же время умѣнья обращаться съ людьми, снисходительно относиться къ ихъ взглядамъ и привычкамъ, чтобы, выполняя планъ отца, привлечь къ себѣ довѣріе и любовь новгородцевъ, не хотѣвшихъ поступиться чѣмъ-либо изъ своихъ вольностей! Онъ жилъ здѣсь какъ бы между двухъ огней, всегда насторожѣ, успѣшно обходя всѣ трудности. Имъ доволенъ былъ отецъ; его полюбили новгородцы, называли его «нашъ князь» и гордились тѣмъ, что у нихъ княжитъ Александръ, котораго каждая Русская область хотѣла бы видѣть своимъ княземъ.

И не однимъ умомъ, мудрымъ управленіемъ привлекалъ къ себѣ умы и сердца новгородцевъ благовѣрный князь Александръ. Привлекали ихъ къ святому князю и его рѣдкія душевныя качества, а также наряду съ духовною красотою необычайная красота тѣлесная, которая поражала всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ благовѣрнаго князя. О томъ неотразимомъ впечатлѣніи, которое производилъ благовѣрный князь Александръ своею внѣшностію, въ древнемъ его житіи сохранилось слѣдующее извѣстіе.

Въ Новгородъ прибылъ одинъ изъ нѣмецкихъ рыцарей, по имени Андріашъ. Пораженный дивною красотою благовѣрнаго князя Александра онъ, по возвращеніи на родину, въ слѣдующихъ словахъ передавалъ своимъ соотечественникамъ свои впечатлѣнія: «Я прошелъ многія страны, видѣлъ много людей, но ни среди царей, ни среди князей я не встрѣтилъ ни одного, который могъ бы сравняться съ княземъ Александромъ».

Такое же впечатлѣніе произвелъ величественный образъ благовѣрнаго князя Александра и на страшнаго завоевателя Руси—Батыя. Что же касается русскихъ людей, современниковъ святаго Александра, то они, описывая внѣшній видъ своего князя, подобно нѣмецкому рыцарю, не могли подыскать сравненій изъ современной жизни. По красотѣ они сравнивали благовѣрнаго князя съ патріархомъ Іосифомъ, котораго фараонъ поставилъ начальникомъ надъ всею Египетскою страною, по силѣ—съ ветхозавѣтнымъ судіею Самсономъ, по уму—съ царемъ Соломономъ, по мужеству и военнымъ доблестямъ — съ древнимъ римскимъ императоромъ Веспасіаномъ [1]).

---

[1]) *Императоръ Веспасіанъ* царствовалъ съ 70 г. по 79 г.

Когда благовѣрный князь говорилъ съ народомъ или отдавалъ приказанія своимъ воинамъ, то,—замѣчаетъ современникъ—описатель житія князя,—его голосъ звучалъ какъ труба.

Но еще больше привлекалъ къ себѣ благовѣрный князь своею духовною красотою, которая современникамъ его казалась такою же необычайною, какъ и красота тѣлесная. «Онъ былъ милостивъ паче мѣры»,—замѣтилъ лѣтописецъ.

Милосердіе представляло собою отличительную, наслѣдственную черту въ княжеской семьѣ благовѣрнаго князя Александра. Ею отличались его родители, Ярославъ и Ѳеодосія, ею стяжалъ себѣ общую любовь дядя благовѣрнаго Александра Великій Князь Владимірскій Юрій Всеволодовичъ, ее заповѣдалъ предокъ святаго Александра, Великій Князь Кіевскій Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій древнерусскій милостивецъ, привлекавшій къ себѣ всѣхъ своею щедростію и готовностію помочь каждому нуждавшемуся.

Событія новгородскія, при которыхъ проходила юность благовѣрнаго князя Александра, особенно должны были содѣйствовать развитію въ Святомъ князѣ этой унаслѣдованной имъ отъ предковъ черты. Богатый торговый Новгородъ, вслѣдствіе не вполнѣ благопріятныхъ почвенныхъ условій для земледѣлія, нерѣдко страдалъ отъ недорода и безхлѣбья. Въ такое время цѣна на хлѣбъ страшно поднималась, и бѣдному люду иной разъ угрожала голодная смерть. Подобное несчастіе и произошло въ первые годы жизни благовѣрнаго князя Александра въ Новгородѣ.

Въ 1230 году вслѣдствіе ранняго мороза въ Новгородской области погибли всѣ озимые посѣвы. Подвоза хлѣба не было, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Руси былъ недородъ хлѣба. Незначительную помощь новгородцы могли получить отъ западныхъ своихъ сосѣдей, нѣмецкихъ купцовъ, съ которыми Новгородъ велъ широкую торговлю. Но того, что могли доставить иностранные купцы, было слишкомъ мало. За недостаткомъ хлѣба начали ѣсть мохъ, липовую и сосновую кору, желуди, потомъ принялись за конину, собакъ и кошекъ; но и этой пищи нехватало. Множество непогребенныхъ труповъ людей, умершихъ отъ голода, валялось по улицамъ; некому было позаботиться о ихъ погребеніи, каждый жилъ подъ страхомъ такой же ужасной смерти. Голодъ, казалось, заглушалъ въ сердцахъ людей всѣ человѣческія чувства. Братъ брату, отецъ сыну, мать дочери отказывали въ кускѣ хлѣба.

Родители продавали дѣтей въ рабство, только бы добыть себѣ этотъ несчастный кусокъ. Наконецъ, обезумѣвъ отъ голода и отчаянія, начали ѣсть человѣческіе трупы, а нѣкоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живыхъ людей, убивали ихъ и поѣдали. Дороги и улицы опустѣли, каждый боялся выходить или выѣзжать изъ дома. Никакія казни не останавливали пойманныхъ и уличенныхъ; голодъ пересиливалъ страхъ наказанія и смерти. Всякій гражданскій порядокъ приходилъ въ разрушеніе: начались грабежи, поджоги жилищъ съ цѣлью отыскать какіе-нибудь запасы хлѣба; началась братоубійственная рѣзня. Благовѣрный князь Александръ, тогда почти еще ребенокъ, переживалъ вмѣстѣ съ новгородцами всѣ эти ужасы, и нужно представить, какъ они повліяли на его впечатлительную дѣтскую душу. Но это несчастіе не было единственнымъ. Не одинъ разъ повторялись, въ меньшей лишь степени, такія же бѣдствія и позднѣе; напоминая собою пережитое, они вселяли страхъ и за будущее.

Въ благовѣрномъ князѣ эти несчастія бѣднаго люда вызывали къ нему особую жалость. По свидѣтельству древняго жизнеописанія, Александръ Ярославичъ былъ истиннымъ другомъ всѣхъ нуждающихся и обездоленныхъ, отцемъ вдовицамъ и сиротамъ, питателемъ нищихъ и убогихъ. Памятуя Заповѣдь Спасителя: не собирать себѣ сокровищъ на землѣ, онъ щедро одѣлялъ нуждающихся, и изъ княжескаго дома никто не уходилъ неудовлетвореннымъ въ своей просьбѣ.

Наряду съ страшными бѣдствіями Божіяго наказанія благовѣрному князю Александру, живя въ Новгородѣ, приходилось много наблюдать и бѣдствій, происходившихъ отъ человѣческаго произвола и несправедливости.

Свободный городъ, такъ дорожившій своею вольностію, не всегда и не ко всѣмъ былъ одинаково справедливъ и заботливъ. Въ народныхъ собраніяхъ, на которыхъ рѣшались всѣ государственныя дѣла, нерѣдко подъ вліяніемъ богатыхъ людей проходили такія постановленія, которыя тяжело отзывались на судьбѣ людей бѣдныхъ и справедливо вызывали съ ихъ стороны ропотъ и недовольство. Обиженные не всегда могли найти защиту у людей, стоявшихъ у власти, такъ какъ обычно эта власть, приводившая въ исполненіе постановленія народныхъ собраній, принадлежала тѣмъ же богатымъ людямъ. И нерѣдко недовольство переходило въ открытое возмущеніе; враждующія стороны жестоко распра-

влялись съ тѣми, кто казался имъ главнымъ виновникомъ. На Волховскомъ мосту[1]) происходили ужасныя зрѣлища: живыхъ людей сбрасывали въ рѣку, и только голосъ новгородскаго святителя, призывавшій забыть вражду и злобу, очистить себя молитвою отъ братской крови, останавливалъ эту братоубійственную вражду. Новгородскій князь не могъ въ такихъ случаяхъ предпринять что-либо для успокоенія города, онъ вынужденъ былъ оставаться стороннимъ зрителемъ происходившихъ ужасовъ, такъ какъ его вмѣшательство вмѣсто успокоенія могло бы вызвать еще большее раздраженіе. По новгородскимъ взглядамъ, не дѣло князя вмѣшиваться во внутреннія новгородскія дѣла.

Бывали затѣмъ случаи, когда поводъ къ народнымъ волненіямъ подавали и сами князья и особенно ихъ бояре и дружинники, не всегда справедливо относившіеся къ мѣстному населенію. Много заботился благовѣрный князь Александръ о томъ, чтобы его подчиненные въ своихъ отношеніяхъ къ населенію не подавали никакихъ поводовъ къ недовольству или жалобамъ. Мудрые совѣты давалъ онъ своимъ дружинникамъ о томъ, какъ нужно имъ пользоваться своею властію.

— Отъ Бога,—говорилъ онъ,—получили мы власть надъ людьми Божіими и въ страшный день Суда Божія должны будемъ отдать отчетъ въ пользованіи этою властію. Оградивъ себя страхомъ Божіимъ, помня этотъ день всеобщаго воздаянія каждому по дѣламъ его, со всею справедливостію производите суды; не смотрите на лица и положенія тяжущихся, будьте одинаково внимательны какъ къ богатому, такъ и къ бѣдному. Наказывая виновныхъ, не будьте жестоки, соразмѣряйте милостію наказаніе. Ничего не дѣлайте подъ вліяніемъ гнѣва, раздраженія и зависти. Не забывайте нуждающихся, помогайте всѣмъ, творите «нещадную» милостыню, чтобы и себѣ заслужить милость Божію.

Несомнѣнно, что благовѣрный князь Александръ не ограничивался лишь подобными наставленіями, но, помня завѣтъ мудраго своего предка, Владиміра Мономаха, совѣтовавшаго князю во все вникать самому, не поручать дѣлать другимъ того, что самъ можешь и долженъ сдѣлать, внимательно слѣдилъ за дѣйствіями своихъ приближенныхъ. И благодаря этому почти никогда не на-

[1]) Новгородъ рѣкою Волховомъ раздѣляется на двѣ части: Софійскую, гдѣ находится главная святыня—храмъ Софіи, Премудрости Божіей, и Торговую, гдѣ былъ такъ называемый Ярославовъ дворъ.

рушались миръ и согласіе между княземъ и новгородцами, ни разу не высказано было со стороны послѣднихъ упрека князю или его дружинникамъ. «Князь нашъ безъ грѣха»,—вотъ отзывъ новгородцевъ о святомъ Александрѣ. Этотъ отзывъ они повторяли и въ такія минуты, когда, подъ вліяніемъ недоброжелателей, обычное согласіе готово было по-видимому рушиться, когда, забывая о заслугахъ князя, виновники раздора готовы были сказать обычныя въ такихъ случаяхъ слова: «Ты, князь, самъ по себѣ, а мы сами по себѣ», то есть больше намъ не нуженъ, иди, куда хочешь.

Но не съ одними трудными условіями новгородской жизни приходилось имѣть дѣло благовѣрному князю Александру. Въ годы его юности Господь ниспослалъ великое испытаніе и всей Русской землѣ. Еще въ 1223 году на Югѣ Россіи появился страшный завоеватель, никому до того времени не извѣстный—Татары. Южнорусскіе князья потерпѣли отъ татаръ страшное пораженіе на берегахъ рѣчки Калки[1]), отъ котораго, по словамъ современниковъ, на цѣлые 200 лѣтъ печальна стала Русская земля. Но побѣдитель, какъ бы удовольствовавшись этою побѣдою, не продолжалъ своего наступательнаго движенія, оставилъ на время Русь въ покоѣ. На сѣверо-востокѣ Руси не обратили должнаго вниманія на грядущую бѣду, не думали о томъ, что страшный врагъ можетъ появиться опять. Среди князей шли раздоры, которые еще болѣе ослабляли Русь. И вотъ, когда черезъ 14 лѣтъ послѣ Калкскаго погрома снова въ предѣлахъ Руси появились Татары, они не встрѣтили на своемъ опустошительномъ пути почти никакого отпора. Предводитель Татаръ Батый, переправившись съ своими ордами черезъ Каму и Волгу, опустошалъ одно за другимъ русскія княжества. Рязань, Москва и стольный градъ тогдашней сѣверо-восточной Руси Владиміръ представляли собою однѣ развалины. Великій Князь Юрій Всеволодовичъ попытался было остановить Татаръ, далъ имъ битву на рѣкѣ Сити[2]), но потерпѣлъ пораженіе и самъ погибъ въ этой несчастной битвѣ.

Разоривъ другіе встрѣтившіеся на ихъ пути города, Татары подвигались къ Новгороду. Но,—замѣчаетъ современникъ этихъ страшныхъ событій,—молитвами новгородскихъ святителей, князей и преподобныхъ Господь защитилъ Великій Новгородъ и новгородскаго князя: не дойдя 100 верстъ до Новгорода, Татары по-

---

1) *Рѣка Калка*—на югѣ Россіи, впадаетъ въ Азовское море.

2) *Рѣка Сить*—притокъ Мологи, въ Тверской и Ярославской губерніяхъ.

воротили на югъ, пошли разрушать матерь русскихъ городовъ— стольный градъ Кіевъ.

Со времени этого нашествія начался въ русской исторіи тяжелый періодъ, извѣстный подъ именемъ татарскаго ига. Великокняжескій престолъ занялъ отецъ благовѣрнаго князя Александра Ярославъ Всеволодовичъ. Пріѣхавъ во Владиміръ, столицу тогдашней Руси, онъ нашелъ здѣсь лишь развалины и трупы. Началась неутомимая дѣятельность князя: очищенъ былъ городъ отъ труповъ, возвращено и успокоено разбѣжавшееся населеніе, возстановленъ порядокъ. Но полнаго спокойствія не было, такъ какъ никто не зналъ, что предприметъ грозный завоеватель, чѣмъ закончитъ онъ свой разрушительный набѣгъ. Боялись всюду новаго нападенія хана на Русь и повторенія прежнихъ ужасовъ. Населеніе было такъ напугано, что, по словамъ современника, заслышавъ лишь одно слово: «татары», каждый бѣжалъ, куда придется, не зная, куда бѣжитъ.

Ярославъ Всеволодовичъ для успокоенія народа и для того, чтобы выяснить, какія отношенія будутъ у хана къ Россіи, поѣхалъ въ Орду просить милости у Батыя. Много трудовъ, огорченій и униженій пришлось пережить и испытать благовѣрному князю за это путешествіе, чтобы склонить на милость грознаго хана. Но Ярославъ Всеволодовичъ сумѣлъ расположить къ себѣ Батыя. Современникъ лѣтописецъ сообщаетъ даже, что въ Татарской Ордѣ съ честію приняли русскаго князя и, отпуская его на Русь, передали ему верховную власть надъ всѣми русскими князьями.

Русскіе люди могли теперь нѣсколько успокоиться отъ пережитыхъ ужасовъ и отъ тревожныхъ мыслей о будущемъ. Правда, Татары потребовали отъ русскихъ поголовной, очень тяжелой дани и безпрекословнаго исполненія всѣхъ ихъ требованій, но они не безпокоили ихъ своими набѣгами, жили вдали отъ нихъ [1]), оставили неприкосновенными порядокъ русской государственной жизни и, что особенно было важно, русскую вѣру, эту основу гражданскаго порядка Древней Руси и залогъ ея будущаго возрожденія— освобожденія отъ тяжелаго ига.

Проживая въ Новгородѣ, вдали отъ Татаръ, благовѣрный князь Александръ Ярославичъ не принималъ ближайшаго участія въ

---

[1]) Послѣ завоеванія Руси Татары заняли степи по рѣкамъ Волгѣ и Дону и здѣсь образовали свое татарское царство, извѣстное подъ именемъ *Золотой Орды*. Столицею Орды былъ Сарай, на нижнемъ теченіи р. Волги.

дѣятельности своего отца по возстановленію порядка въ Сѣверо-восточной Руси. Да объ этомъ и некогда было ему подумать. Одновременно съ тѣмъ, какъ Сѣверо-восточной Руси грозила гибель отъ Татаръ, сѣверо-западнымъ русскимъ городамъ—Великому Новгороду и Пскову угрожалъ не менѣе опасный врагъ—шведы, нѣмцы и литовцы.

Пользуясь разгромомъ Руси Татарами, невозможностію со стороны Великаго Князя подать помощь новгородцамъ и псковичамъ, они усилили свой натискъ на пограничные русскіе города и надѣялись безъ особыхъ усилій подчинить ихъ своей власти.

Страшная опасность угрожала русскому сѣверо-западу. Дѣло шло здѣсь не только о возможности утратить свою политическую самостоятельность, оказаться оторванными отъ Русской земли, но утратить и вѣру Православную. Западный врагъ дѣлалъ дерзкое покушеніе на эту вѣковую русскую святыню, которой не тронулъ даже языческій завоеватель. Уже давно со стороны папъ раздавался призывъ о необходимости бороться противъ «схизматиковъ»[1]), силою меча, потоками крови привести ихъ въ подчиненіе папѣ и Католической Церкви. Татарскій погромъ представлялся для этого, повидимому, очень благопріятнымъ временемъ, и неудивительно, если призывъ къ борьбѣ противъ Православія сталъ настойчивѣе раздаваться со стороны высшаго представителя Католической Церкви и внимательнѣе выслушивался нѣкоторыми изъ его духовныхъ чадъ. Но въ лицѣ благовѣрнаго князя Александра Ярославича Господь воздвигъ такого могущественнаго, непобѣдимаго защитника православной вѣры, противъ котораго ничего не могли сдѣлать католики.

Благовѣрный князь Александръ предвидѣлъ неизбѣжность борьбы и подготовлялся къ ней. Въ 1239 году онъ женился на дочери Полоцкаго князя Брячислава, одного изъ окраинныхъ русскихъ князей, которому еще больше, чѣмъ Новгороду, угрожали католики. Въ лицѣ своего тестя Александръ Ярославичъ пріобрѣлъ такимъ образомъ надежнаго, хотя и не сильнаго союзника. Вѣнчаніе князя происходило въ Торопцѣ[2]), брачные пиры—въ Торжкѣ

[1]) Т. е. раскольниковъ.—Такъ называли православныхъ латиняне за то, что русскіе не признавали власти папы и нововведенныхъ Римскою Церковію догматовъ.

[2]) Супруга благов. князя Александра Ярославича *Александра Брячиславовна* получила въ благословеніе чудотворную икону Божіей Матери. Эта икона, написанная, по преданію, св. Евангелистомъ Лукою, была прислана въ даръ Греческимъ императоромъ Мануиломъ благов. полоцкой княжнѣ преподобной Евфросиніи (скончав. 23 мая 1173 г.). Въ память

и Новгородѣ. И какъ только окончились брачныя торжества, благовѣрный князь Александръ тотчасъ принялся за важное дѣло—устройство укрѣпленій на границахъ новгородско-псковскихъ земель, откуда можно было прежде всего ожидать нападеній. На рѣкѣ Шелони былъ построенъ рядъ крѣпостей. Но непріятель не далъ закончить эти подготовительныя работы по укрѣпленію новгородско-псковскихъ границъ. Черезъ четыре года послѣ Батыева нашествія началась упорная борьба съ западнымъ врагомъ, не прекращавшаяся въ продолженіе почти всей жизни благовѣрнаго князя Александра Ярославича. Первыми начали борьбу шведы.

Въ то время на шведскомъ престолѣ былъ королемъ Эрихъ. Ближайшій родственникъ короля—Биргеръ, отважный рыцарь и полководецъ, прославившійся уже своими смѣлыми набѣгами на теперешнюю Финляндію и пограничныя съ нею новгородскія владѣнія, разсчитывалъ послѣ бездѣтнаго Эриха занять шведскій престолъ. Новыми побѣдами онъ хотѣлъ снискать себѣ народную любовь и, подстрекаемый папою, началъ войну противъ Руси. Съ большимъ отрядомъ войска, въ составъ котораго входили, кромѣ шведовъ, норвежцы и финны, сопровождаемый католическими епископами, Биргеръ въ 1240 году неожиданно для русскихъ появился на устьѣ рѣки Ижоры[1]) и послалъ въ Новгородъ дерзкій вызовъ благовѣрному князю Александру: «Я уже въ твоей землѣ, опустошаю ее и хочу взять въ плѣнъ и тебя. Если можешь мнѣ сопротивляться,—сопротивляйся». Биргеръ былъ убѣжденъ въ невозможности сопротивленія со стороны благовѣрнаго князя Александра и заранѣе уже торжествовалъ побѣду. И дѣйствительно, его нападеніе было неожиданнымъ для новгородцевъ, застало ихъ неподготовленными къ отпору. Жалостно было видѣть,—замѣчаетъ современникъ,—что Великій Князь Ярославъ не могъ узнать о бѣдѣ, угрожавшей его сыну, и вовремя помочь ему, и что Александръ Ярославичъ не могъ предупредить объ опасности отца. Новгородское войско не было собрано. У Александра Ярославича была лишь небольшая дружина, которую онъ наскоро пополнилъ новгородцами. Но онъ не испугался дерзкаго вызова

своего вѣнчанія въ Торопцѣ Александра Брячиславовна оставила здѣсь эту святыню, которая и понынѣ хранится въ Торопецкой соборной церкви и извѣстна подъ именемъ Корсунской иконы Божіей Матери. Деревянная церковь Святой Троицы, въ которой вѣнчался благов. князь Александръ, не сохранилась до настоящаго времени. На мѣстѣ ея находится теперь древняя каменная церковь во имя Святой Троицы.

[1]) *Рѣка Ижора*—притокъ р. Невы.

врага. Противъ него онъ искалъ защиты и помощи прежде всего у Бога. Въ новгородскомъ храмѣ святой Софіи, Премудрости Божіей, съ пламенною, слезною молитвою о помощи обратился благовѣрный князь къ Господу, прося Его разсудить его споръ съ гордымъ врагомъ, не предать достоянія Своего въ руки нечестивыхъ.

«Боже Праведный, Великій, Превѣчный и Всемогущій,—молитвенно взывалъ благовѣрный князь Александръ.—Ты сотворилъ небо и землю, установилъ предѣлы владѣній народамъ и повелѣлъ жить, не переступая въ чужія владѣнія. Малому стаду вѣрныхъ Твоихъ Ты далъ надежду, чтобы не бояться нападающихъ на нихъ. Призри и нынѣ, Прещедрый Владыко, услышь гордыя слова врага этого, похваляющагося разорить Святую Церковь Твою, истребить вѣру Православную, пролить неповинную кровь христіанскую. Разсуди мой споръ съ нимъ. Возстань на помощь и защити насъ, чтобы не смѣли сказать враги наши: «гдѣ ихъ Богъ?» На Тебя, Господи, уповаемъ и Тебѣ возсылаемъ славу нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Съ такою же пламенною молитвою обратился затѣмъ благовѣрный князь къ Заступницѣ рода христіанскаго, Побѣдительной Воеводѣ—Божіей Матери и къ святымъ покровителямъ вѣры Православной и небеснымъ предстателямъ и молитвенникамъ за Святую Русь—благовѣрнымъ князьямъ Владиміру, Борису и Глѣбу, а также новгородскимъ святителямъ и преподобнымъ.

По окончаніи молитвы благовѣрный князь принялъ благословеніе отъ новгородскаго владыки Серапіона, велѣлъ своимъ приближеннымъ одарить нищихъ и попросить у нихъ молитвъ, а самъ вышелъ къ своей дружинѣ, смущавшейся своею малочисленностію, чтобы подкрѣпить ее на предстоящій подвигъ. «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ»,—такими словами ободрилъ благовѣрный вождь своихъ сподвижниковъ. Затѣмъ съ этою горстію храбрецовъ онъ быстро направился навстрѣчу врагу, и здѣсь, на берегу рѣки Невы, въ знаменательный для Руси день блаженной памяти ея просвѣтителя, благовѣрнаго князя Владиміра (15 іюля) произошла знаменитая битва, за которую Александръ Ярославичъ получилъ названіе Невскаго.

Чтобы подкрѣпить защитниковъ Православной вѣры на предстоявшій имъ подвигъ, Господь даровалъ имъ чудесное предзнаменованіе.

Въ войскѣ благовѣрнаго Александра былъ одинъ ижорянинъ—Пелгусій, во Святомъ Крещеніи Филиппъ, которому Александръ Ярославичъ вручилъ ночную стражу—какъ опытному воину, хорошо знавшему мѣстность. Среди своихъ соплеменниковъ, державшихся язычества, христіанинъ Пелгусій отличался благочестивою жизнію; онъ проводилъ время въ молитвѣ, трудахъ и постныхъ подвигахъ; и Господь удостоилъ этого благочестиваго воина слѣдующаго чудеснаго видѣнія.

При восходѣ солнца Пелгусій услышалъ со стороны рѣки шумъ отъ приближающагося судна и, думая, что это врагъ, удвоилъ свою бдительность. Гребцы покрыты были какъ бы мглою, скрывавшею ихъ лица. Видны были только два витязя, стоявшіе въ лодкѣ. Свѣтлыя лица ихъ и одежды показались какъ бы знакомыми Пелгусію; и вдругъ онъ услышалъ голосъ, подтвердившій его предположеніе, разсѣявшій всѣ его сомнѣнія, радостію наполнившій его душу. Старшій изъ витязей, обращаясь къ младшему, сказалъ: «Братъ Глѣбъ, прикажи грести быстрѣе, поспѣшимъ на помощь сроднику нашему Александру Ярославичу». Это были преподобные страстотерпцы, благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ, которыхъ молитвенно призывалъ на помощь благовѣрный князь Александръ.

Пелгусій поспѣшилъ разсказать видѣнное князю. Ободренный этимъ чудеснымъ предзнаменованіемъ, Александръ Ярославичъ въ тотъ же день напалъ на врага. Шведы не ожидали нападенія, не думали, что противникъ такъ близко, не знали его числа и силы. Упорная битва продолжалась съ утра до вечера.

Одушевляемая своимъ вождемъ дружина благовѣрнаго князя оказала чудеса храбрости, приводила въ изумленіе враговъ. Самъ Александръ Ярославичъ былъ все время во главѣ сражающихся; онъ нанесъ рану въ лицо предводителю шведовъ. Одинъ изъ дружинниковъ подрубилъ шатеръ Биргера; другой, увлеченный битвою, взбѣжалъ на шведскій корабль, продолжая наносить своимъ мечомъ страшные удары растерявшимся отъ неожиданности и страха врагамъ. Разбитые на всѣхъ пунктахъ, потерявъ храбрѣйшихъ изъ своихъ товарищей, шведы, несмотря на численный свой перевѣсъ надъ русскимъ войскомъ, не посмѣли возобновить сраженія, остаться до утра на полѣ битвы. Наполнивъ двѣ ямы трупами павшихъ въ сраженіи, захвативъ съ собою на суда болѣе знатныхъ изъ убитыхъ, они въ ту же ночь поспѣшили удалиться отъ негостепріимныхъ для нихъ береговъ Невы. Уронъ со стороны русскихъ

былъ незначительный: убито было всего двадцать человѣкъ и въ томъ числѣ одинъ изъ шести наиболѣе отличившихся въ битвѣ воиновъ—Ратміръ.

Но не одною храбростію дружины и ея вождя была пріобрѣтена эта славная Невская побѣда. Господь, ободрившій русскихъ воиновъ чудеснымъ видѣніемъ до начала битвы, ниспослалъ Свою помощь и во время ея. На другой день участники битвы съ удивленіемъ увидѣли множество непріятельскихъ труповъ по другую сторону рѣки Ижоры, почти въ непроходимомъ мѣстѣ, куда не заходилъ ни одинъ изъ русскихъ воиновъ во время сраженія. Ангелы Божіи невидимо помогали горсти защитниковъ святой вѣры противъ враговъ, хулившихъ ее.

Принеся благодареніе Господу за Его чудесную помощь и за одержанную побѣду, съ великою славою возвратился благовѣрный князь Александръ въ Новгородъ, восторженно привѣтствуемый новгородцами.

Никогда не забывала святая Русь этого славнаго подвига святаго князя и его дружины, молитвенно вспоминала имена павшихъ въ битвѣ воиновъ и навсегда сохранила за благовѣрнымъ княземъ Александромъ наименованіе Невскаго. Долго помнили о своемъ пораженіи и враги. Но новгородцы, которые особенно должны бы были дорожить этимъ подвигомъ своего князя, повидимому, скоро о немъ забыли. Прошла опасность, и вскорѣ они разсорились съ княземъ. Александръ Ярославичъ оставилъ Новгородъ и ушелъ въ Переяславль. Скоро новгородцамъ пришлось раскаяться въ своемъ неблагодарномъ поступкѣ.

Услышавъ о неладахъ въ Новгородѣ и объ отъѣздѣ изъ города святаго Александра, Ливонскіе нѣмцы рѣшили воспользоваться этимъ и напали на Псковъ[1]). Взявъ пограничную псковскую крѣпость Изборскъ, нѣмцы подступили затѣмъ къ Пскову. Псковичи не могли выдержать осады, тѣмъ болѣе, что среди нихъ нашелся одинъ измѣнникъ, который тайно впустилъ нѣмцевъ въ городъ. Священный градъ святой Ольги сдѣлался теперь нѣмецкимъ вла-

---

[1]) Въ Ливоніи (теперешній Прибалтійскій край) нѣмцы появились во второй половинѣ XII в. Въ 1201 г. они построили здѣсь городъ Ригу—столицу Ливоніи, а въ слѣдующемъ году былъ основанъ особый духовно-рыцарскій (полумонашескій, полувоенный) Орденъ, поставившій себѣ цѣлію не только завоевывать Ливонскій край, но и силою оружія обращать мѣстное населеніе въ католичество. Въ 1237 г. Орденъ Меченосцевъ соединился съ другимъ такимъ же Орденомъ Тевтонскимъ, который передъ этимъ утвердилъ свое господство по нижнему теченію р. Вислы.

дѣніемъ. Были поставлены нѣмцами намѣстники въ городѣ; вслѣдъ за установленіемъ нѣмецкихъ порядковъ нужно было ожидать и перемѣны вѣры: нѣмцы рѣшили открыть въ Псковѣ католическую епископію.

Но опасность грозила не одному Пскову: нѣмцы шли и на Новгородъ. Захвативъ зимою новгородскую Водскую пятину[1]), они построили здѣсь крѣпость Копорье, взяли Тесовъ, въ тридцати верстахъ отъ Новгорода производили грабежи и убійства, забирали въ плѣнъ и отправляли плѣнниковъ въ Ливонію. Въ Новгородѣ на всѣхъ напалъ страхъ, прекратилась торговля, ждали осады города, но отсутствіе руководителя и вождя дѣлало то, что къ защитѣ города готовились очень плохо. Тогда новгородцы и вспомнили о своемъ знаменитомъ князѣ, раскаялись въ нанесенной ими святому Александру обидѣ и рѣшили во что бы то ни стало упросить его вернуться въ Новгородъ. Съ этою цѣлью во Владиміръ было отправлено новгородцами къ Великому Князю Ярославу Всеволодовичу посольство, чтобы онъ отпустилъ въ Новгородъ благовѣрнаго князя Александра.

Ярославъ отправилъ въ Новгородъ войско съ сыномъ своимъ Андреемъ. Но новгородцамъ нуженъ былъ не Андрей, а Александръ; они видѣли, что только онъ можетъ избавить ихъ отъ постигшей бѣды, и потому поспѣшили отправить къ Великому Князю новое посольство, во главѣ съ архіепископомъ, вторично просить на княженіе Александра Ярославича. Милостивый князь не вспомнилъ нанесенной ему новгородцами обиды, поспѣшилъ туда, гдѣ такъ нуждались въ немъ. Съ его пріѣздомъ въ Новгородѣ все измѣнилось: быстро и успѣшно подготовлялись къ борьбѣ съ подступавшимъ къ городу врагомъ, ко всѣмъ вернулась вѣра въ успѣхъ и воодушевленіе на новые подвиги съ своимъ героемъ—княземъ. Закончивъ приготовленія къ войнѣ, Александръ Ярославичъ съ новгородскими и низовскими полками направился освобождать Псковъ. Нѣмцы были изгнаны изъ Пскова, и псковичи радостно встрѣтили своего избавителя.

Но благовѣрный князь не ограничился лишь изгнаніемъ нѣмцевъ изъ Пскова. Нужно было упрочить покой на сѣверо-западѣ Руси, проучить врага и предупредить возможность съ его стороны новыхъ нападеній. Благовѣрный князь рѣшилъ наказать нѣмцевъ

[1]) Новгородскія земли раздѣлены были на пять частей, или пятинъ. *Водскую пятину* составляли земли, расположенныя около Ладожскаго озера.

за ихъ нападенія и грабежи наступательнымъ движеніемъ на ихъ же владѣнія.

Подкрѣпивъ себя молитвою въ храмѣ Святой Троицы, передъ ракою мощей благовѣрнаго своего сродника Псковскаго князя Всеволода Мстиславича, напутствуемый молитвами и благопожеланіями псковичей, Александръ Ярославичъ направился съ своими полками въ Ливонію. Нѣмцы не ожидали такого быстраго нападенія и не могли оказать сопротивленія: Ливонія была опустошена русскими войсками. На обратномъ пути изъ Ливоніи въ Псковъ благовѣрный князь остановился на берегу Чудскаго озера и здѣсь 5 апрѣля 1242 года произошла знаменитая битва съ нѣмецкими рыцарями, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Ледового побоища[1]).

Многочисленное войско рыцарей увѣрено было въ побѣдѣ. «Пойдемъ, возьмемъ въ плѣнъ русскаго князя Александра; славяне должны быть нашими рабами»,—хвастливо говорили рыцари. Но, надѣясь на помощь Божію и вѣря въ святость и правоту защищаемаго имъ дѣла, благовѣрный князь не убоялся этихъ хвастливыхъ словъ. Не смутила его и первая неудача въ столкновеніи съ рыцарями. Легкіе передовые отряды, посланные благовѣрнымъ княземъ слѣдить за движеніемъ непріятеля, наткнулись на главныя нѣмецкія силы и были разбиты. Часть ихъ попала въ плѣнъ, другая прибѣжала къ князю съ печальнымъ извѣстіемъ о постигшей неудачѣ. Тогда благовѣрный князь остановилъ свои войска на льду Чудскаго озера возлѣ урочища Вороньего камня на Узмени[2]) и здѣсь началъ готовиться къ рѣшительной битвѣ.

Число его воиновъ пополнилось свѣжими силами изъ новгородцевъ, но и теперь, по сравненію съ рыцарскимъ войскомъ, оно было слишкомъ мало. Зато эта малочисленность возмѣщалась воодушевленіемъ воиновъ, ихъ безбоязненною готовностію положить свои головы за правое дѣло и за любимаго князя. Вождю не нужно было подкрѣплять ратный духъ воиновъ: всѣ сознавали важность предстоящаго событія и самоотверженно шли на битву съ гордымъ врагомъ. «О дорогой и честный нашъ княже! Пришло время, мы всѣ положимъ за тебя свои головы»,—такіе воодушевленные возгласы неслись изъ рядовъ русскихъ воиновъ.

---

[1]) *Чудское озеро*—недалеко отъ Пскова. Другое названіе его Пейпусъ. Проливомъ, который называется Теплымъ озеромъ, оно соединяется съ Псковскимъ озеромъ. Длина Чудскаго озера 90 верстъ, ширина 47 в.; длина Псковскаго озера 50 в., ширина 20 в.

[2]) Урочище это расположено при поворотѣ изъ Чудскаго озера въ Псковское. Свое названіе оно получило отъ множества кружившихся тамъ воронъ.

Рыцари первые начали сраженіе. Закованные съ головы до ногъ въ желѣзныя латы, двинулись они на русское войско, чтобы раздавить его своею многочисленностію. Но здѣсь они встрѣтили такой мужественный отпоръ, что были поражены. Вмѣсто ожидаемаго разстройства или даже бѣгства врага, они съ ужасомъ увидѣли, какъ ряды русскихъ плотнѣе смыкались, образуя собою какъ бы живую стѣну. Рыцари были смущены и остановились. Тогда благовѣрный князь Александръ, замѣтивъ смущеніе врага, искусно совершилъ съ частью своихъ полковъ обходное движеніе и напалъ съ той стороны, откуда рыцари совершенно не ожидали нападенія. Произошла ужасная сѣча. Страшный шумъ отъ ударовъ мечей по щитамъ и шлемамъ, отъ треска ломавшихся копій, стоны сраженныхъ и утопавшихъ не давали возможности вождямъ руководить сраженіемъ, отдавать приказанія войску. Правильнаго боя не было. Чувствуя свое пораженіе, рыцари напрягали всѣ свои силы, чтобы только пробиться черезъ окружавшіе ихъ кольцомъ русскіе полки и избѣжать плѣна. Но и это не удалось. Ледъ на озерѣ покрылся кровію и во многихъ мѣстахъ не выдерживалъ, проваливался, увлекая за собою и бойцовъ, и ихъ оружіе. До поздняго вечера продолжалась битва. Потери рыцарей были громадны. Оставшіеся въ живыхъ искали спасенія въ бѣгствѣ, но русскіе настигали ихъ и убивали. На протяженіи семи верстъ озеро покрылось трупами. Много рыцарей было взято въ плѣнъ, еще болѣе погибло, и отъ недавно столь грознаго и многочисленнаго ополченія не осталось почти ничего.

Торжественно возвращались въ Псковъ побѣдители во главѣ съ своимъ вождемъ. Близъ коня благовѣрнаго князя шло пятьдесятъ знатнѣйшихъ рыцарей, позади русскаго войска множество простыхъ плѣнныхъ. Радостно встрѣтили псковичи своего избавителя.

«Господь, пособившій кроткому Давиду побѣдить иноплеменниковъ, помогъ и благовѣрному князю нашему освободить градъ Псковъ отъ иноязычниковъ и иноплеменниковъ»,—всюду раздавался этотъ радостный возгласъ.

Всюду были общая радость и ликованіе; всѣ сознавали, какъ важна была эта побѣда, какую услугу оказалъ благовѣрный князь окраинному русскому городу, для котораго не по силамъ было защищать свою самостоятельность отъ нападеній многочисленныхъ враговъ. Никогда псковичи не должны были забыть этого подвига

святаго князя Александра Ярославича. «О невѣгласы псковичи! Если забудете Великаго Князя Александра Ярославича или отступите отъ него или отъ дѣтей его и отъ рода его, то уподобитесь евреямъ, которыхъ Господь освободилъ изъ рабства Египетскаго, питалъ въ пустынѣ крастелями, а они Его забыли», — говоритъ современникъ лѣтописецъ, заканчивая описаніе этой славной побѣды. Этими словами онъ какъ бы хочетъ предостеречь псковичей отъ поступка ихъ старшихъ братьевъ—новгородцевъ, которые такъ скоро забыли о Невской побѣдѣ и обнаружили не только свою неблагодарность, но и неумѣнье понять и оцѣнить подвигъ своего знаменитаго князя.

Торжественно отпраздновавъ освобожденіе Пскова, благовѣрный князь Александръ Ярославичъ со своими полками поспѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ его встрѣтили съ не меньшимъ восторгомъ и радостію, какъ и въ Псковѣ.

Долго помнили въ обоихъ русскихъ окраинныхъ городахъ о славной побѣдѣ на Чудскомъ озерѣ и еще въ концѣ XVI вѣка не переставали молитвенно вспоминать имена воиновъ, павшихъ въ этой битвѣ. Далеко разнеслась слава побѣдителя. На берегахъ Варяжскаго [1]), Чернаго и Каспійскаго морей, въ Римѣ и въ далекой Азіи,—замѣчаетъ современникъ-біографъ благовѣрнаго князя,—передавали о славныхъ побѣдахъ Александра Ярославича.

Въ то время, какъ на Руси торжественно праздновали побѣду, въ Ливоніи вѣсть о разгромѣ рыцарскаго ополченія быстро разнеслась и навела на всѣхъ ужасъ. Нѣмцы со дня на день ожидали, что благовѣрный князь Александръ не замедлитъ съ своими полками явиться къ столицѣ Ливоніи—Ригѣ, и не надѣялись своими силами отразить нападеніе русскаго князя, защитить свою новую столицу. Магистръ (начальникъ) Нѣмецкаго Ордена поспѣшилъ отправить посольство къ датскому королю и просилъ у него помощи противъ Новгородскаго князя.

Но благовѣрный князь Александръ вовсе не думалъ и не хотѣлъ завоеваній. Окончивъ свое славное дѣло, освободивъ Новгородъ и Псковъ отъ угрожавшей имъ бѣды, онъ уѣхалъ въ свой Переяславль. Тогда нѣмцы, услыхавъ объ отъѣздѣ изъ Новгорода князя, поспѣшили прислать туда своихъ пословъ и просили о заключеніи мира и о размѣнѣ плѣнниками. Они отказывались отъ

---

1) Въ древности такъ называлось *Балтійское море*.

всѣхъ своихъ завоеваній, готовы были уступить новгородцамъ часть своихъ пограничныхъ къ Новгородской землѣ владѣній, только бы склонить новгородцевъ къ миру; и миръ былъ заключенъ «на всей новгородской волѣ», то есть на тѣхъ условіяхъ, которыя предложили сами новгородцы.

Такъ закончилась борьба со шведами и нѣмцами.

Для русскихъ Невская и Чудская побѣды имѣли огромное значеніе. Теперь не страшна была угроза иноземцевъ завладѣть окраинными русскими городами, подчинить ихъ своей власти и принудить русскихъ людей перемѣнить на католичество Святую Православную вѣру. Самъ Богъ разсудилъ вѣковой споръ, оградилъ наше отечество отъ козней латинянъ, указалъ предѣлъ распространенію нѣмецкаго владычества, мощною рукою Своего угодника благовѣрнаго князя Александра грозно предостерегъ не вторгаться въ чужіе предѣлы и не посягать на русскую святыню—Православную вѣру. Великую услугу оказалъ Святой Руси ея защитникъ, благовѣрный, непобѣдимый, — какъ назвали его современники,— князь Александръ Ярославичъ, и никогда Святая Русь не забывала и не забудетъ этого великаго земнаго подвига его.

Два сильныхъ западныхъ врага были побѣждены и не казались уже столь грозными, какъ это было раньше. Но появился новый, правда не столь опасный, зато болѣе свирѣпый врагъ—литовцы, отъ опустошительныхъ набѣговъ которыхъ страдали юго-западныя границы Новгородскихъ и Псковскихъ владѣній.

По восточному побережью Балтійскаго моря, на равнинѣ между устьями рѣкъ Вислы и Западной Двины, уже нѣсколько вѣковъ жило близкое намъ и по происхожденію и по языку литовское племя. Бѣдное и неразвитое умственно оно на первыхъ порахъ столкновеній своихъ съ славянами должно было признать ихъ превосходство, подчинилось окраиннымъ русскимъ князьямъ и платило имъ дань. Литовцы въ это время были раздѣлены на отдѣльныя племена, враждовавшія нерѣдко одно съ другимъ и не имѣвшія государственнаго устройства и порядка. Но въ началѣ XIII вѣка подъ вліяніемъ постоянныхъ нападеній рыцарей Нѣмецкаго Ордена разрозненныя дотолѣ литовскія племена начали объединяться. Среди литовцевъ появились воинственные князья, пріобрѣтавшіе все большую власть и вліяніе въ странѣ. Литовскіе князья сначала боролись въ союзѣ съ русскими князьями противъ общаго ихъ врага— нѣмцевъ, но затѣмъ стали нападать и на своихъ союзниковъ. Не-

большими отрядами на своихъ выносливыхъ и быстрыхъ коняхъ они дѣлали набѣги на русскія пограничныя волости, производили опустошенія и убійства. Населеніе окраинныхъ новгородскихъ и псковскихъ городовъ и селъ жило подъ постояннымъ страхомъ неожиданныхъ литовскихъ нападеній, а такъ какъ новгородцы и псковичи, занятые, преимущественно, борьбою съ нѣмцами и шведами, держали у себя главнымъ образомъ тяжеловооруженное войско и очень мало легкаго, подвижнаго войска—стрѣлковъ, то и не могли оборонять пограничныя съ Литвою владѣнія. Защитникомъ и здѣсь явился благовѣрный князь Александръ.

Лѣтомъ въ достопамятный годъ Ледового побоища получены были въ Новгородѣ извѣстія о хищническихъ набѣгахъ литовцевъ, и тогда же благовѣрный князь началъ съ ними борьбу. За одинъ походъ ему удалось разсѣять до семи непріятельскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно другъ отъ друга въ разныхъ мѣстностяхъ. Много предводителей литовскихъ отрядовъ было избито полками благовѣрнаго князя или взято въ плѣнъ. Теперь литовцы начали,—какъ говоритъ современникъ этихъ событій—лѣтописецъ,—бояться имени князя Александра, но не хотѣли прекратить своихъ хищническихъ набѣговъ.

Въ 1245 году они опустошили окрестности Торжка и Бѣжецка и съ захваченною добычею и плѣнниками собирались уже возвратиться на родину. Но подъ стѣнами Торопца были настигнуты соединенными силами Новоторжцевъ, Тверичей и Дмитровцевъ и, потерпѣвъ пораженіе въ открытомъ полѣ, засѣли въ Торопцѣ. Тогда на защиту древняго Торопца, удѣла князя Мстислава Мстиславича Удалого, поспѣшилъ благовѣрный князь Александръ съ своею небольшою дружиною и новгородцами. Въ первый же день осады Торопецъ былъ взятъ войсками благовѣрнаго князя. Литовцы бросились бѣжать изъ города, но были настигнуты дружиною Александра Ярославича и дорого расплатились за свои набѣги. Восемь предводителей ихъ пало въ битвѣ, оставшіеся въ живыхъ, побросавъ награбленную добычу, спаслись бѣгствомъ.

Но благовѣрный князь Александръ не ограничился этою побѣдою. Чтобы проучить дерзкаго врага и обезопасить русскія границы отъ дальнѣйшихъ литовскихъ набѣговъ и опустошеній, онъ, несмотря на нежеланіе новгородцевъ сопровождать его въ дальнѣйшій походъ, съ одною своею маленькою дружиною погнался за врагами. Возлѣ озера Жизца онъ настигъ бѣглецовъ и истребилъ

ихъ всѣхъ до послѣдняго человѣка. Затѣмъ направился въ Витебскъ, гдѣ княжилъ тесть его Брячиславъ, и послѣ непродолжительнаго отдыха снова двинулся на литовцевъ, уже въ ихъ владѣнія, разбилъ новое ихъ ополченіе близъ Усвята и навелъ такой страхъ на враговъ, что они долгое время не осмѣливались нападать на русскія владѣнія.

Такъ доблестно охранялъ свой сѣверо-западный удѣлъ благовѣрный князь Александръ Ярославичъ. Своею необыкновенною храбростію и воинскими дарованіями онъ сумѣлъ даже въ такое тяжелое для Древней Руси время, какъ первые годы татарскаго ига[1]), не только защитить древнерусскія сѣверо-западныя области, но и совершенно обезопасить ихъ и въ то же время доказать западному врагу, что и сраженная Татарами Русь въ состояніи защитить свою самостоятельность и свою вѣру.

Не въ одной только Новгородско-Псковской землѣ радовались побѣдамъ благовѣрнаго князя. Вѣсть о нихъ разносилась по всей тогдашней Руси, ободряла русскихъ людей въ годину тяжелыхъ испытаній, взоры всѣхъ останавливались на князѣ-героѣ, вселявшемъ надежду на лучшее будущее. Сѣверо-восточная Русь, томившаяся подъ властію Татаръ, не менѣе Новгорода хотѣла видѣть у себя на великокняжескомъ престолѣ благовѣрнаго князя Александра и способна была лучше новгородцевъ оцѣнить его дѣятельность.

Событія 1246 года прекратили на время дѣятельность благовѣрнаго князя Александра на сѣверо-западѣ Руси, отозвали его на сѣверо-востокъ. Въ этомъ году мученически скончался въ Ордѣ отецъ благовѣрнаго князя Александра Великій Князь Владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ[2]). По древнерусскому порядку право на великокняжескій престолъ принадлежало брату покойнаго князя— Святославу Всеволодовичу. Но теперь верховная власть и право раздавать княжескіе столы принадлежали уже Татарамъ, и, чтобы получить утвержденіе хана, Святославъ долженъ былъ лично побывать въ Ордѣ. Въ томъ же году направились въ Орду на поклонъ хану и племянники Святослава — Андрей и Александръ Ярославичи.

---

[1]) Въ это время Сѣверо-восточная Русь почти не могла оказать поддержки и помощи въ борьбѣ Александра Ярославича съ такими сильными врагами, какъ Шведы, Нѣмцы и Литовцы.

[2]) Ярославъ Всеволодовичъ былъ оговоренъ передъ ханомъ какими-то недоброжелателями князя. Татары его отравили.

Слухъ о храбромъ новгородскомъ князѣ и о его знаменитыхъ побѣдахъ достигъ и до хана. Батый хотѣлъ видѣть благовѣрнаго князя, о которомъ такъ много говорили, и потребовалъ отъ него немедленно явиться въ Орду.

— Мнѣ Богъ покорилъ многіе народы, ужели ты одинъ не хочешь покориться? Если хочешь сберечь свою землю, приходи ко мнѣ на поклонъ, — велѣлъ передать Александру Ярославичу Батый.

Нельзя было ослушаться этого приказанія грознаго властелина, и благовѣрный князь поспѣшилъ отправиться въ далекій путь.

Неизвѣстно было, что его тамъ ждало. Его отца приняли тамъ съ честію, но этотъ почетный пріемъ былъ купленъ цѣною цѣлаго ряда униженій и оскорбленій. Князей заставляли проходить черезъ очистительные огни, кланяться кусту, тѣнямъ умершихъ хановъ и т. п. Не всѣ изъ русскихъ князей соглашались исполнить эти унизительныя для христіанина требованія и за свою непокорность платились жизнію. Примѣръ русскаго князя-мученика Михаила Ярославича Черниговскаго несомнѣнно хорошо былъ извѣстенъ благовѣрному князю Александру. Но въ то же время примѣръ его отца показывалъ, что и послушаніе, исполненіе всѣхъ ханскихъ требованій не всегда спасали. Ярослава Всеволодовича, съ почетомъ принятаго въ первый пріѣздъ его въ Орду, Татары отравили, когда онъ пріѣхалъ во второй разъ. И благовѣрный князь Александръ рѣшилъ отказаться исполнить языческіе обряды, хотя бы этотъ отказъ стоилъ ему жизни. Мужественный защитникъ Православной вѣры, измлада избранный Господомъ сосудъ благочестія, могъ ли онъ поступить иначе?!

Напутствованный Святыми Дарами и благословеніемъ архіепископа направился онъ изъ Новгорода въ Орду.

Когда благовѣрный князь прибылъ въ Орду и когда, передъ представленіемъ хану, ему велѣли исполнить обычные у Татаръ обряды, онъ отказался исполнить это приказаніе. «Я христіанинъ,— сказалъ онъ,—и мнѣ не подобаетъ кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу — Богу Единому, въ Троицѣ славимому, создавшему небо, землю и все, что въ нихъ». Спокойный, твердый отвѣтъ святаго князя поразилъ придворныхъ хана; но еще болѣе они были удивлены, когда Батый, услышавъ о нежеланіи Александра Ярославича исполнить татарскіе обряды, вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ распоряженія: «смерть ослуш-

нику», приказалъ не принуждать болѣе святаго и поскорѣе привести его къ нему.

— Царь,—обратился къ хану благовѣрный князь, преклоняясь передъ нимъ,—я кланяюсь тебѣ, потому что Богъ почтилъ тебя царствомъ, но твари я не стану кланяться. Я служу Единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь.

Батый долго любовался прекраснымъ, мужественнымъ лицомъ Александра Ярославича и, наконецъ, обратившись къ окружавшимъ его придворнымъ, сказалъ: «Правду мнѣ говорили о немъ: нѣтъ князя, ему равнаго». Также почетно былъ принятъ благовѣрный князь и ханшею.

Батый не былъ самостоятельнымъ властелиномъ, онъ считался лишь намѣстникомъ великаго хана, жившаго въ Кара-Корумѣ, въ горной окраинѣ азіатской пустыни Гоби, расположенной за Байкаломъ. Поклонившись ближайшему своему властелину—Ордынскому хану, русскіе князья должны были отправиться и на поклонъ къ верховному владыкѣ монголовъ, въ отдаленную его столицу. Этотъ далекій, крайне трудный путь долженъ былъ, по приказанію Батыя, совершить и благовѣрный князь Александръ Ярославичъ [1]).

Онъ былъ милостиво принятъ повелителемъ Азіи и нѣкоторое время прожилъ въ столицѣ монголовъ, внимательно изучая характеръ этихъ властителей Руси. Только уже въ 1250 г. Александръ Ярославичъ и его братъ Андрей вернулись на Русь. Ханъ далъ Андрею великокняжескій престолъ, а за Александромъ Ярославичемъ оставилъ Кіевъ и Новгородъ. Но Кіевъ, матерь русскихъ городовъ, древнѣйшая столица Руси, послѣ татарскаго разгрома представлялъ собою однѣ развалины. Населеніе Кіевской области разбѣжалось отъ Татаръ частію на юго-западъ, въ теперешнюю Галицію, частію на сѣверо-востокъ, во Владимірскую Русь. Александру Ярославичу здѣсь нечего было дѣлать, и потому, пробывъ

---

[1]) О трудности этого путешествія можно судить по описаніямъ среднеазіатскихъ пустынь у современныхъ путешественниковъ. «Мрачное, тяжелое впечатлѣніе наводятъ на душу путника необозримыя пространства степей, лишенныя всякой растительности. Животныя бѣгутъ изъ этихъ страшныхъ пустынь. Даже ящерицы и насѣкомыя встрѣчаются рѣдко. Подъ ногами то и дѣло попадаются кости погибшихъ лошадей, муловъ и верблюдовъ. Почва раскаляется отъ невыносимой жары, солнце немилосердно жжетъ отъ восхода до заката. Вѣтерокъ не колышетъ воздуха, не даетъ хотя бы минутной прохлады. Лишь изрѣдка промчится горячій вихрь, который гонитъ передъ собой крутящіеся столбы соляной пыли. Во время бури эта соляная пыль засыпаетъ путниковъ и слѣпитъ имъ глаза».

нѣсколько времени во Владимірѣ, онъ вернулся въ Великій Новгородъ.

Съ радостію встрѣтили его новгородцы. Но радость эта вскорѣ омрачена была печалью и тревогою: благовѣрный князь, утомленный тяжелымъ путешествіемъ и тѣмъ, что̀ пришлось ему пережить въ Ордѣ, опасно занемогъ. Съ тревожнымъ участіемъ слѣдили новгородцы за ходомъ болѣзни своего князя, съ утра до вечера храмы были переполнены народомъ, горячо молившимся о выздоровленіи благовѣрнаго князя. И Господь не отвергъ народной молитвы: благовѣрный князь оправился отъ тяжелаго недуга.

Новгородцы наслаждались теперь миромъ. Ихъ западные сосѣди, помня знаменитыя побѣды Александра Ярославича, не смѣли повторять своихъ нападеній, и только норвежцы изрѣдка дѣлали набѣги на пограничныя новгородскія владѣнія. Благовѣрный князь хотѣлъ обезопасить свой удѣлъ и отъ норвежскихъ нападеній, онъ хотѣлъ привлечь норвежцевъ къ союзу съ новгородцами. Съ этою цѣлію къ норвежскому королю Гакону было отправлено посольство, которому одновременно съ этимъ было поручено предложить королю вступить въ родственныя связи съ Александромъ Ярославичемъ—отдать свою дочь Христину замужъ за сына Александра—Василія.

Предположенный бракъ не состоялся, но главная цѣль посольства была достигнута: норвежскій король въ свою очередь прислалъ въ Новгородъ пословъ для заключенія договора съ новгородцами, и съ этого времени норвежскіе набѣги прекратились. Вскорѣ послѣ заключенія этого договора Александръ Ярославичъ навсегда уже оставилъ новгородскій княжескій столъ.

Андрей Ярославичъ, получившій великое княженіе, не имѣлъ ни той осторожности, ни правительственной мудрости, которыми отличался его старшій братъ. Онъ мало занимался управленіемъ, бо́льшую часть времени проводилъ въ разнаго рода развлеченіяхъ, окружилъ себя неопытными совѣтниками и не сумѣлъ ужиться съ Татарами. Въ Ордѣ смотрѣли на него какъ на непокорнаго князя, и преемникъ Батыя Сартакъ рѣшилъ наказать русскаго князя. Онъ отправилъ противъ него свои полчища подъ начальствомъ Неврюя. Андрей Ярославичъ, какъ только заслышалъ о приближеніи Татаръ, бѣжалъ изъ Владиміра сначала въ Новгородъ, а затѣмъ, когда новгородцы отказались его принять, въ Швецію[1]).

[1]) Впослѣдствіи благ. кн. Александръ примирилъ кн. Андрея съ ханомъ. Андрей возвратился на родину и получилъ въ управленіе Суздаль.

За неосторожныя дѣйствія Великаго Князя приходилось расплачиваться населенію. На защиту его и явился благовѣрный князь Александръ.

Чтобы избавить родину отъ татарскаго опустошенія, Александръ Ярославичъ направился въ Орду и не только успѣлъ укротить гнѣвъ хана и такимъ образомъ остановить начавшееся на Руси кровопролитіе, но и получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе. Съ этого времени и начинается подвижническое служеніе благовѣрнаго князя родинѣ, всѣ свои силы посвятившаго на то, чтобы облегчить тяжесть татарскаго ига.

Александръ Ярославичъ не щадилъ средствъ своей княжеской казны на выкупъ плѣнныхъ, которыхъ массами уводили Татары въ Орду. Заботился онъ и о томъ, чтобы остававшіеся въ плѣну не лишены были главнаго утѣшенія въ своемъ горѣ—молитвы и Богослуженія. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ онъ выхлопоталъ у хана разрѣшеніе на устройство въ столицѣ Орды—Сараѣ русской епархіи.

Но не одни плѣнники нуждались въ заботахъ благовѣрнаго князя. Послѣ Неврюева нашествія Сѣверо-восточная Русь снова была опустошена, и благовѣрный князь Александръ спѣшилъ возстановить разрушенные храмы, собрать разбѣжавшихся людей, помочь имъ устроиться на разоренныхъ пепелищахъ. Какъ отецъ,—замѣчаетъ современникъ святаго князя,—заботился онъ о народѣ; и благодаря этимъ заботамъ въ великомъ княжествѣ мало-помалу устанавливались спокойствіе и порядокъ. Благовѣрный князь хотѣлъ не только успокоить населеніе, но и облегчить его тяжелое положеніе, ослабить, сколько возможно, самое иго татарское.

Не измѣнивъ русскаго государственнаго строя, сохранивъ неприкосновенными святую вѣру и церковное устройство, Татары обложили за это Русь тяжелою данью. Они брали все лучшее и цѣнное и въ своихъ требованіяхъ не соображались съ тѣмъ, въ состояніи ли ихъ данники платить налоги въ томъ размѣрѣ, въ какомъ отъ нихъ требовали. Татары брали поголовную дань, не различая богатыхъ и бѣдныхъ; несостоятельныхъ данниковъ они безъ всякой жалости забирали въ Орду и обращали въ рабство.

Въ 1257 году, съ цѣлію точнѣе опредѣлить доходы, какіе можно получать съ Руси, Татары прислали своихъ чиновниковъ исчислить всѣхъ русскихъ людей. Великій князь хорошо понималъ, что какъ бы ни была тяжела эта мѣра, необходимо под-

чиниться, чтобы не вызвать сопротивленіемъ еще худшаго со стороны Татаръ. Но не всѣ такъ думали.

По настоянію князя во Владиміро-Суздальской Руси исчисленіе произошло спокойно, и Александръ поспѣшилъ въ Орду, чтобы склонить на милость хана, довольнаго послушаніемъ русскихъ людей и ихъ князя. Но въ Ордѣ рѣшено было подвести подъ число и Великій Новгородъ, гдѣ особенно сильно была развита ненависть къ поработителямъ Руси. Зная о такомъ возбужденіи новгородцевъ, Великій Князь съ тяжелою, озабоченною думою возвращался на родину. И его опасенія оправдались.

Какъ только въ Новгородѣ услышали о готовящейся переписи, въ народѣ началось броженіе, начали устраивать вѣчевыя собранія и постановили скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться ханскому требованію. Новгородцы не хотѣли согласиться на перечисленіе и потому, что Новгородъ не былъ завоеванъ Татарами, и многимъ казалось, что уже поэтому Татары не имѣютъ права распоряжаться надъ областію Святой Софіи такъ, какъ хотятъ. «Умремъ за Святую Софію и за домы ангельскіе (св. обители)»,— раздавались клики на улицахъ города, и горожане готовились къ возстанію.

Александръ Ярославичъ, чтобы предотвратить отъ Новгорода страшную татарскую месть, поспѣшилъ сюда. Онъ надѣялся, что новгородцы послушаютъ его благоразумнаго совѣта. Но еще до пріѣзда князя въ городѣ начались несогласія: въ то время, какъ чернь хотѣла бороться противъ Татаръ, богатые люди предпочитали уплатить требуемую дань, чтобы не раздражать и Татаръ, и Великаго Князя. Александръ Ярославичъ воспользовался этимъ и своею твердостію успѣлъ склонить новгородцевъ на перепись. Однако появленіе татарскихъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя происходили во время переписи не только отъ Татаръ, но и отъ зажиточныхъ новгородцевъ, снова возбудили движеніе въ Новгородѣ. Сторону волновавшихся принялъ на этотъ разъ и Новгородскій князь Василій Александровичъ, но, боясь отца, онъ убѣжалъ въ Псковъ.

Благовѣрный князь Александръ приказалъ схватить непокорнаго сына и, лишивъ его новгородскаго княженія, отправилъ въ Суздальскую Русь. Были строго наказаны и зачинщики мятежа, а такъ какъ и послѣ этихъ строгихъ мѣръ новгородцы не хотѣли успокоиться и согласиться на ханскія требованія, то благовѣрный

князь Александръ вмѣстѣ съ Татарами немедленно оставилъ Новгородъ, предоставляя самимъ новгородцамъ считаться съ гнѣвомъ хана. Отъѣздъ великаго князя подѣйствовалъ сильнѣе всякихъ убѣжденій: новгородцы смирились, приняли ханскихъ чиновниковъ, и такимъ образомъ разгромъ Новгорода Татарами былъ предупрежденъ.

Но прошло съ небольшимъ два года, и снова на Руси начались волненія противъ татарскихъ сборщиковъ дани, угрожавшія перейти въ открытый мятежъ и охватить почти всѣ города Сѣверо-восточной Руси. Поводомъ къ этимъ волненіямъ послужили слѣдующія обстоятельства.

Новый ханъ—Берке в виду злоупотребленій, какія допускались сборщиками дани, утайки собранной ими суммы, передалъ ея сборъ на откупъ хивинскимъ купцамъ, или бессерменамъ. Послѣдніе, естественно, въ цѣляхъ наживы собирали гораздо больше той суммы, какую они уплатили хану, и допускали, по сравненію съ прежними татарскими сборщиками, еще бо́льшія притѣсненія населенія. Народъ не вынесъ этихъ притѣсненій, и въ различныхъ мѣстностяхъ началось возмущеніе. Но возмущеніе это дошло до крайности, когда среди сборщиковъ появился одинъ монахъ-отступникъ отъ Православной вѣры, по имени Зосима, который не только притѣснялъ своихъ соплеменниковъ, но и дерзко оскорблялъ Православную вѣру. Народъ не могъ перенести этихъ оскорбленій, и въ Ярославлѣ убили ненавистнаго отступника, а вслѣдъ за этимъ начался мятежъ и въ другихъ русскихъ городахъ Ростовскаго и Суздальскаго княжествъ; прогоняли татарскихъ сборщиковъ, избивали особенно ненавистныхъ изъ нихъ. Распространились слухи, что самъ Великій Князь Александръ разослалъ по городамъ грамоты «бить татаръ» и готовится стать во главѣ народнаго движенія.

Расправа съ ханскими сборщиками должна была вызвать страшное возмездіе со стороны Татаръ. Снова нужно было Великому Князю поспѣшить въ Орду, предотвратить отъ Руси грядущую бѣду. Тяжелый подвигъ предстоялъ благовѣрному князю. Но въ эту минуту ужасныхъ нестроеній въ Сѣверо-восточной Руси неблагополучно было и на сѣверо-западѣ, въ Новгородско-Псковскихъ предѣлахъ.

Послѣ Невской битвы и Ледового побоища западные враги не осмѣливались нападать на Русь. Убѣдившись въ невозможности побѣдить невскаго героя, они рѣшили испробовать другое средство, чтобы подчинить его себѣ.

Въ 1248 г. папа Иннокентій IV отправилъ къ Александру Ярославичу посольство во главѣ съ двумя учеными кардиналами— Галдомъ и Гемонтомъ. Въ грамотѣ, которую должны были передать русскому князю послы, папа писалъ: «Мы слышали о тебѣ какъ о князѣ дивномъ и честномъ, и что земля твоя велика, и мы послали къ тебѣ двухъ нашихъ кардиналовъ, чтобы ты послушалъ ихъ ученія». Выражая притворную скорбь, что великая земля русскаго князя не находится въ подчиненіи Римской Церкви, папа убѣждалъ Александра Ярославича подчиниться его власти и позаботиться о приведеніи къ латинской вѣрѣ своего народа. Убѣждая, что только въ латинской церкви можно найти спасеніе и истинную вѣру, папа указывалъ и на тѣ земныя выгоды, которыя доставитъ князю его подчиненіе папской власти. Въ то же время онъ старался предупредить, что это подчиненіе нисколько не унизитъ русскаго князя, тѣмъ болѣе, добавлялъ папа, что «мы будемъ считать тебя наилучшимъ между католическими государями и всегда съ особеннымъ усердіемъ будемъ стараться объ увеличеніи твоей славы». Наконецъ, зная, какъ дорога для благовѣрнаго князя память объ его отцѣ, папа завѣдомо ложно сообщалъ въ своей грамотѣ, будто бы еще Ярославъ Всеволодовичъ выражалъ искреннее желаніе подчинить Русскую Церковь папѣ и что только преждевременная смерть Ярослава помѣшала ему исполнить это намѣреніе.

Но всѣ эти ухищренія папы не имѣли никакого успѣха. На длинное посланіе Иннокентія Александръ Ярославичъ далъ очень краткій и въ то же время сильный по своей убѣдительности отвѣтъ:

«То, что совершилось отъ созданія міра и до потопа, и отъ потопа до раздѣленія языковъ и до Авраама, отъ Авраама до исхода израильтянъ изъ Египта и до перехода Чермнаго моря и до смерти Давида царя, отъ начала царствованія Соломона и до Римскаго императора Августа, при которомъ родился Спаситель міра Христосъ, и до страсти, воскресенія и вознесенія Господа и до Перваго Вселенскаго Собора и прочихъ седми Вселенскихъ Соборовъ— все это мы хорошо знаемъ, а въ вашемъ ученіи не нуждаемся и не примемъ его».

Папы не остались въ долгу: они стали поднимать противъ непокорнаго русскаго князя Шведовъ и рыцарей; но и эти новые походы были безуспѣшны.

Въ 1256 году Шведы сдѣлали попытку снова завладѣть фин-

скимъ побережьемъ, и въ союзѣ съ датчанами и емью[1]) начали строить крѣпость на рѣкѣ Наровѣ. Тогда новгородцы отправили къ Великому Князю пословъ съ просьбою о помощи, разослали и по своей волости собирать войско, и непріятель, испугавшись этихъ приготовленій, поспѣшилъ уйти за море. Зимою пріѣхалъ въ Новгородъ благовѣрный князь и вмѣстѣ съ новгородцами и своими полками пошелъ на емь, въ Финляндію, чтобы устрашить финновъ и предупредить возможность дальнѣйшихъ нападеній на новгородскія окраины. Путь по незнакомой странѣ былъ чрезвычайно трудный: за мятелями войско не видѣло ни дня, ни ночи; но, несмотря на трудности, походъ былъ очень удачный: русскіе опустошили землю еми, и непріятель не смѣлъ и подумать о сопротивленіи.

Въ 1262 году начались враждебныя столкновенія съ нѣмцами. Великій Князь готовился къ походу на нѣмцевъ, но мятежъ противъ Татаръ побудилъ его поспѣшить въ Орду. Русское войско подъ начальствомъ брата Великаго Князя, Ярослава, и сына его князя Димитрія Александровича и на этотъ разъ одержало рядъ блестящихъ побѣдъ: былъ взятъ городъ Юрьевъ, древній русскій городъ, строеніе Великаго Князя Ярослава Мудраго, и съ большою добычею и множествомъ плѣнниковъ войско вернулось въ Новгородъ.

Между тѣмъ благовѣрный Великій Князь Александръ благополучно доѣхалъ до Орды, и Господь помогъ ему умилостивить раздраженнаго хана. Послѣдній не только простилъ русскихъ за избіеніе татарскихъ сборщиковъ, но, по ходатайству святаго князя Александра, далъ имъ и новую милость—освободилъ отъ тяжелой обязанности нести военную службу въ татарскихъ полкахъ[2]).

Благовѣрный князь спѣшилъ возвратиться на родину съ радостною вѣстію. Но этой радостной вѣсти не удалось услышать русскимъ людямъ изъ устъ самого князя. Это былъ уже послѣдній подвигъ благовѣрнаго князя. Утомленный трудностію пути и тревогами, какія пришлось ему испытать, благовѣрный князь Александръ Ярославичъ на обратномъ пути изъ Орды въ Городцѣ[3]) опасно занемогъ. Предчувствуя блаженную свою кончину, онъ со-

---

[1]) *Емь*—финское племя.

[2]) Въ это время готовился походъ въ глубь Азіи, въ которомъ должны были принять участіе всѣ подчиненные хану народы.

[3]) *Городецъ на Волгѣ*—село Нижегородской губерніи.

звалъ своихъ спутниковъ и обратился къ нимъ съ послѣднею прощальною бесѣдою, которая у всѣхъ вызвала горькія слезы при мысли о предстоящей утратѣ. Затѣмъ благовѣрный князь призвалъ къ себѣ игумена и принялъ иноческое постриженіе, замѣнивъ свое княжеское имя иноческимъ—Алексій. Принявъ Св. Таины и простившись съ окружавшими его иноками, благовѣрный князь-инокъ тихо отошелъ въ вѣчныя обители, предалъ свою чистую душу Господу, Которому такъ пламенно послужилъ въ земной своей жизни. Это было 14 ноября 1263 г. Онъ скончался во цвѣтѣ лѣтъ, не имѣя еще 45 лѣтъ отъ роду. Неодолимый въ битвахъ, изнемогъ онъ подъ бременемъ великокняжескаго вѣнца, который въ то тяжелое для Руси время былъ поистинѣ вѣнцемъ терновымъ, требовалъ постояннаго напряженія силъ и взамѣнъ этого доставлялъ Великому Князю лишь огорченія и тревоги.

Во Владимірѣ скоро узнали о блаженной кончинѣ Великаго Князя — раньше, чѣмъ пришли изъ Городца нарочитые вѣстники. Господь чудесно открылъ это тогдашнему Владимірскому святителю, митрополиту всея Россіи Кириллу.

Когда Владыка, окруженный духовенствомъ, возносилъ пламенныя молитвы о Святой Руси и о ея Великомъ Князѣ, онъ удостоился слѣдующаго чудеснаго видѣнія: онъ видѣлъ, какъ Ангелы Божіи возносили на Небо блаженную душу благовѣрнаго князя Александра. Пораженный этимъ видѣніемъ святитель безмолвствовалъ, а затѣмъ, выйдя на амвонъ, сообщилъ молящимся горестную вѣсть: «Братія, знайте, что уже зашло солнце земли Русской». Когда народъ въ недоумѣніи выслушалъ эти слова, святитель, помолчавъ немного, разъяснилъ смыслъ произнесенныхъ имъ словъ: «Нынѣ преставился благовѣрный Великій Князь Александръ Ярославичъ». Ужасъ охватилъ всѣхъ отъ этой скорбной вѣсти. Храмъ огласился воплями скорби и отчаянія; «погибаемъ»—въ одинъ голосъ повторяли молившіеся. Какую глубокую скорбь вызвала кончина благовѣрнаго князя, можно судить по тѣмъ словамъ современника святаго князя, которыми онъ начинаетъ описаніе его кончины.

«Горе тебѣ, бѣдный человѣкъ! Какъ ты можешь описать кончину своего господина?! Какъ зѣницы твои не выпадутъ изъ глазъ вмѣстѣ со слезами?! Какъ сердце не разорвется отъ горькой печали?! Отца человѣкъ можетъ забыть, но добраго господина не можетъ; если бы можно было, съ нимъ легъ бы и въ гробъ».

Такое же чувство испытывали и всѣ очевидцы этого горестнаго событія. Какъ только во Владимірѣ услышали о приближеніи къ городу тѣла благовѣрнаго князя, всѣ устремились навстрѣчу. Митрополитъ Кириллъ вмѣстѣ съ духовенствомъ встрѣтилъ тѣло почившаго князя въ Боголюбовѣ. Безчисленное множество народа—богатые и бѣдные, взрослые и дѣти—заняло всѣ окрестности. И какъ только показался гробъ, всѣ неудержимо ринулись навстрѣчу, каждый стремился облобызать раку, въ которой находилось тѣло благовѣрнаго князя. Плачъ народа покрывалъ все: не слышно было голоса духовенства и пѣвчихъ; по словамъ современника, казалось, что отъ стоновъ и крика могла потрястись земля.

23-го ноября въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ митрополитомъ и священнымъ чиномъ торжественно, въ присутствіи массы народа, былъ совершенъ чинъ погребенія. Господь ниспослалъ утѣшеніе оплакивавшимъ кончину благовѣрнаго князя. Во время совершенія погребальнаго чина произошло слѣдующее чудо.

Когда экономъ митрополита Кирилла Севастіанъ приблизился ко гробу и хотѣлъ разнять руку усопшаго, чтобы митрополитъ могъ вложить въ нее «прощальную грамоту» (разрѣшительную молитву), то благовѣрный князь, какъ бы живой, самъ простеръ свою руку, принялъ свитокъ и затѣмъ снова сложилъ свои руки крестообразно на груди. Благоговѣйный ужасъ объялъ всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣ удивлялись и прославляли Господа, показавшаго такое чудесное знаменіе. Благоговѣйно взявъ раку съ тѣломъ благовѣрнаго князя, погребли его въ монастырскомъ храмѣ Рождества Пресвятой Богородицы.

О происшедшемъ при погребеніи чудѣ, по распоряженію митрополита Кирилла, было сообщено всѣмъ, и такимъ образомъ по всей благочестивой Руси, оплакивавшей своего князя-хранителя, положившаго жизнь за Святую Русь, вмѣстѣ съ горестною вѣстію о его преждевременной кончинѣ распространилась и утѣшительная вѣсть,—что въ лицѣ благовѣрнаго князя Александра Русь пріобрѣла новаго молитвенника и заступника предъ Престоломъ Всевышняго. Сколько утѣшенія внесла эта вѣсть въ скорбныя души русскихъ людей, тревожно взиравшихъ на ближайшее будущее!

Вся жизнь благовѣрнаго князя Александра Ярославича была посвящена служенію своему отечеству. Своею безпримѣрною храб-

ростію и воинскими доблестями онъ сохранилъ свой сѣверо-западный удѣлъ отъ постоянныхъ притязаній на него западныхъ католическихъ народовъ; силою меча и мудростію охранилъ онъ Православную Церковь и отъ нападеній латинянъ, и отъ происковъ римскихъ папъ; осторожностію и мудрою правительственною дѣятельностію облегчилъ онъ татарское тяжелое иго, далъ возможность русскимъ людямъ спокойнѣе его переносить, поддержалъ въ нихъ вѣру въ могущество Руси, вселилъ надежду на лучшія времена; самихъ поработителей заставилъ съ уваженіемъ относиться къ покоренной странѣ и ея князю. Это великое служеніе благовѣрнаго князя прекрасно опредѣлилъ его современникъ-біографъ слѣдующими словами: «Онъ много потрудился за землю Русскую, и за Новгородъ, и за Псковъ и за все великое княженіе животъ (жизнь) свой отдавая и за Православную вѣру».

Но и послѣ своей кончины благовѣрный князь Александръ Ярославичъ не прекратилъ своего великаго служенія Русской землѣ; всегда онъ являлся предстателемъ и скорымъ помощникомъ въ самыя трудныя минуты въ жизни нашего отечества.

Двѣсти съ лишкомъ лѣтъ послѣ кончины благовѣрнаго князя сносила наша родина тяжелое татарское иго. Много она испытала отъ татаръ бѣдъ и угрозъ, пока подъ мудрымъ правленіемъ потомковъ благовѣрнаго князя Александра князей московскихъ[1]) окрѣпла, вступила въ борьбу со своими поработителями и не только свергла ихъ иго, но и подчинила своей власти когда-то грозныя татарскія царства. Черезъ 120 лѣтъ послѣ кончины благовѣрнаго князя Александра при Московскомъ Великомъ Князѣ Димитріи Ивановичѣ Донскомъ въ первый разъ русскіе одержали побѣду надъ Татарами на берегахъ рѣки Дона[2]). Очень дорого русскимъ стоила эта побѣда, но она была и драгоцѣнна для нихъ, такъ какъ подняла народный духъ и вселила увѣренность, что время господства Татаръ проходитъ. И въ эту важную историческую минуту на помощь Святой Руси явился ея небесный покровитель—благовѣрный князь Александръ Ярославичъ. Вотъ что передается въ древнемъ житіи благовѣрнаго князя о чудесной помощи, оказанной имъ своему сроднику, Великому Князю Димитрію Ивановичу.

---

1) Родоначальникомъ князей московскихъ былъ младшій сынъ св. Александра Невскаго Даніилъ Александровичъ.

2) *Великій Князь Московскій Димитрій Ивановичъ Донской* княжилъ съ 1363 г. по 1389 г. Знаменитая Донская битва съ Татарами, за которую Великій Князь и получилъ названіе Донского, произошла въ 1380 г. 8 сентября.

Въ обители Пресвятой Богородицы во Владимірѣ, гдѣ почивали мощи благовѣрнаго князя, одинъ богобоязненный инокъ, проводившій благочестивую подвижническую жизнь, ночью въ притворѣ церковномъ со слезами молился Господу объ избавленіи Руси отъ полчищъ предводителя Татаръ Мамая. Онъ призывалъ въ своей молитвѣ на помощь Великому Князю Димитрію благовѣрнаго князя Александра. И во время своей молитвы онъ увидѣлъ, что передъ гробомъ благовѣрнаго князя сами собою загорѣлись свѣчи, затѣмъ изъ алтаря вышли два благолѣпныхъ старца и, приблизившись къ гробницѣ святаго, сказали: «Встань, поспѣши на помощь сроднику своему благовѣрному князю Димитрію Іоанновичу». И святый князь Александръ тотчасъ всталъ и сдѣлался невидимъ. Пораженный этимъ чудомъ инокъ безмолвствовалъ, и только послѣ того, какъ было узнано, что какъ разъ въ это время произошла славная Донская побѣда, онъ сообщилъ о своемъ видѣніи Владимірскому святителю. По распоряженію Владыки тогда же были освидѣтельствованы мощи благовѣрнаго князя, которыя и были найдены нетлѣнными. Масса недужныхъ обращалась съ молитвою къ новоявленному угоднику Божію, и при ракѣ его святыхъ мощей происходило множество исцѣленій.

Знаменитая Донская побѣда, эта одна изъ самыхъ радостныхъ минутъ въ жизни нашихъ предковъ въ тяжелую эпоху татарскаго ига, не освободила еще Руси отъ чужеземной власти. Орда была ослаблена, но и Русь была еще не настолько сильна, чтобы отстоять свою независимость. Татарское владычество продолжалось, только оно уже утратило свой прежній характеръ. И сами Татары увидѣли, что московскіе князья создали изъ разрозненныхъ прежде русскихъ княжествъ сильное единое государство, которое не преминетъ воспользоваться своею силою, а также и тѣми раздорами и раздѣленіями, которыя происходили тогда среди Татаръ и ослабили ихъ прежнее могущество. Прошло сто лѣтъ послѣ Донской побѣды, и правнукъ Димитрія Ивановича Донского Великій Князь Іоаннъ III безъ битвы сумѣлъ уничтожить татарское иго, освободить Русь отъ двухвѣковой власти азіатовъ. Теперь окончательно уже измѣнились прежнія отношенія между Русскими и Татарами. Русь—въ княженіе благовѣрнаго князя Александра Невскаго—послушная данница татарскаго хана теперь начинаетъ свое наступательное движеніе противъ Татаръ и постепенно подчиняетъ ихъ своей власти. Когда-то грозныя татарскія царства одно за другимъ

входятъ въ составъ нашего государства, и лишь въ народной памяти сохраняются обрывки воспоминаній о господствѣ покоренныхъ инородцевъ надъ Русью. Въ этой продолжительной и упорной борьбѣ съ Татарами наше отечество по-прежнему не было оставлено помощію и покровомъ его небеснаго защитника, благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Въ 1552 году, отправляясь въ походъ на завоеваніе Казанскаго царства, царь Іоаннъ Васильевичъ молился во Владимірѣ передъ ракою мощей благовѣрнаго князя Александра, призывая его на помощь. Какъ бы въ залогъ своей помощи благовѣрный князь проявилъ слѣдующее чудо.

Вмѣстѣ съ царемъ молились и его бояре, а въ томъ числѣ и будущій описатель чудесъ благовѣрнаго князя. Когда онъ вмѣстѣ съ другими прикладывался къ мощамъ святаго, то вложилъ въ скважину (отверстіе) раки три перста своей больной руки. Ему показалось, что онъ омочилъ ихъ въ какую-то благовонную мастику, и когда онъ вынулъ руку, то отъ прежней болѣзни не осталось и слѣда. Всѣ присутствовавшіе при этомъ чудесномъ исцѣленіи благоговѣйно прославили благовѣрнаго князя Александра, сподобившагося отъ Господа дара исцѣленій, и съ надеждою на его помощь направились въ дальнѣйшій путь.

Благополучно окончился Казанскій походъ. Татарское царство, расположенное вблизи Москвы и цѣлое столѣтіе безпокоившее своими набѣгами пограничныя русскія области, покорилось московскому царю. На мѣстѣ и рядомъ съ татарскими мечетями появились святыя церкви, началась проповѣдь Святаго Евангелія въ этомъ магометанскомъ краѣ, и предки наши спокойно могли уже смотрѣть впередъ. Вслѣдъ за Казанью было присоединено и другое татарское царство—Астрахань, и царица русскихъ рѣкъ Волга, съ ея богатствами, на всемъ ея протяженіи сдѣлалась теперь русскою рѣкою. Успѣшно начали распространять русскіе свою власть на Далекомъ Востокѣ, въ Сибири, постепенно подвигаясь къ берегамъ Великаго океана. Но на югѣ, въ Крыму, остался еще сильный врагъ—крымскіе Татары, съ которыми долго пришлось вести борьбу Русскому государству[1]). Союзникъ московскаго государя, до присоединенія къ Москвѣ Казани и Астрахани, Крымскій ханъ теперь, видя усиленіе Руси, началъ съ нею борьбу, тѣмъ болѣе для насъ

[1]) Крымское царство было завоевано уже при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1783 г.

опасную, что его поддерживалъ верховный защитникъ ислама— султанъ турецкій. И во время этой борьбы не переставалъ изливать свою помощь небесный покровитель Руси благовѣрный князь Александръ Ярославичъ.

Въ 1571 году, во время нападенія на Москву крымскаго хана Девлетъ Гирея, во Владимірѣ старецъ Рождественскаго монастыря Антоній, молитвенникъ и постникъ, во время своей молитвы предъ иконою Богоматери объ отвращеніи отъ родины страшнаго ханскаго нашествія удостоился слѣдующаго чудеснаго видѣнія. Въ то время, какъ онъ скорбѣлъ о постигшихъ родину бѣдствіяхъ, онъ вдругъ увидѣлъ двухъ юношей въ свѣтлыхъ одеждахъ, съ быстротою молніи на бѣлыхъ коняхъ приближавшихся къ обители. Сойдя съ коней, они оставили ихъ у монастырскихъ вратъ, а сами вошли въ церковь (это были благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ). Старецъ Антоній послѣдовалъ за ними. Какъ только благовѣрные князья вошли въ храмъ, открылись Царскія Врата и зажглись свѣчи. Подойдя къ ракѣ благовѣрнаго князя Александра, святые Борисъ и Глѣбъ обратились къ нему со слѣдующими словами: «Встань, братъ нашъ, Великій Князь Александръ, поспѣшимъ на помощь сроднику нашему благовѣрному царю Іоанну Васильевичу». Благовѣрный Александръ тотчасъ всталъ и вмѣстѣ съ ними вышелъ изъ храма къ монастырскимъ воротамъ. Здѣсь стояли приготовленные къ брани три бѣлыхъ коня, на которыхъ и сѣли благовѣрные князья. Отправляясь въ путь, они сказали: «Пойдемъ въ соборный храмъ Пречистыя Богородицы и позовемъ съ собою сродниковъ нашихъ, благовѣрныхъ князей Андрея[1]), Всеволода[2]), Георгія[3]) и Ярослава[4]).

Старецъ послѣдовалъ за ними. И здѣсь, какъ и въ монастырскомъ храмѣ, при входѣ святыхъ князей открылись Царскія Врата, благовѣрные князья встали изъ своихъ гробницъ и черезъ стѣну градскую чудесно по воздуху направились къ Ростову съ слѣдующими словами: «Пойдемъ въ Ростовъ къ царевичу Петру[5]), пусть

[1]) *Андрей Юрьевичъ* — Великій Князь Владимірскій съ 1169 г. по 1174 г.

[2]) *Всеволодъ III,* Великій Князь Владимірскій съ 1176 г. по 1212 г.

[3]) *Георгій,* или *Юрій, Всеволодовичъ,* дядя бл. кн. Александра, Великій Князь Владимірскій съ 1219 г. по 1238 г.

[4]) Ярославъ Всеволодовичъ, отецъ благ. кн. Александра, Великій Князь Владимірскій съ 1238 г. по 1246 г.

[5]) *Св. Петръ,* царевичъ Ордынскій, племянникъ хана Берке, тронутый рѣчами Ростовскаго епископа Кирилла, бывшаго въ Ордѣ, тайно отъ родныхъ уѣхалъ въ Ростовъ и крестился. Онъ скончался въ 1290 г., принявъ передъ кончиною иноческое постриженіе. Память его празднуется 29 іюня.

и онъ поможетъ намъ». Съ помощію этихъ небесныхъ воиновъ и была одержана побѣда надъ Крымскимъ ханомъ.

Такъ хранилъ свое отечество отъ Татаръ благовѣрный князь Александръ Ярославичъ, вся земная жизнь котораго была посвящена той же заботѣ—охраненію святой Руси отъ грознаго завоевателя.

Небесный заступникъ Русскаго государства, отличавшійся при жизни своей великимъ милосердіемъ, помогавшій каждому обездоленному и страждущему, благовѣрный князь Александръ и послѣ своей кончины не преставалъ изливать свои милости всѣмъ нуждавшимся и молитвенно обращавшимся къ нему за помощію. При ракѣ святыхъ его мощей болящіе получали исцѣленіе, скорбящіе и озлобленные—благодатное утѣшеніе и помощь. Не всѣ эти чудотворенія были записаны, но и та незначительная ихъ часть, которая была описана древними біографами святаго князя, ясно показываетъ, какой обильный источникъ исцѣленій и чудесъ истекалъ отъ святыхъ мощей благовѣрнаго князя Александра, какой драгоцѣнный сосудъ милости Божіей пріобрѣла Святая Русь въ своемъ небесномъ покровителѣ и вождѣ. Неоднократно еще до установленія празднованія святому Александру иноки Рождественской обители сподоблялись видѣть небесныя знаменія, предуказывавшія святость, богоугодность благовѣрнаго князя; не одинъ разъ и они, и обитель, и городъ Владиміръ получали небесную помощь отъ святаго князя.

Въ 1491 году во Владимірѣ произошелъ страшный пожаръ, во время котораго сгорѣлъ и храмъ, гдѣ покоились мощи благовѣрнаго князя Александра. Во время этого пожара молящіеся увидѣли благовѣрнаго князя какъ бы на конѣ поднимающимся на воздухъ къ небу. И послѣ пожара оказалось, что, несмотря на то, что вся внутренность храма обгорѣла, мощи благовѣрнаго князя остались неповрежденными огнемъ.

Въ 1541 году послѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы, послѣ окончанія Вечерни, передъ ракою мощей благовѣрнаго князя Александра загорѣлись сами собою свѣчи, и многіе изъ братіи и изъ молящихся съ удивленіемъ наблюдали это. Пономарь монастырскій по простотѣ своей не усмотрѣлъ здѣсь чего-либо необычнаго, подошелъ и затушилъ свѣчи. Затѣмъ доложили о случившемся настоятелю, архимандриту Евфросину, и когда онъ подошелъ къ гробницѣ и ощупалъ одну изъ свѣчей, то замѣтилъ,

что отъ нея распространяется особая какая-то теплота. Это чудо всѣ поняли какъ особенное знаменіе святости благовѣрнаго князя Александра.

Монахъ Рождественскаго монастыря старецъ Давидъ сильно и долго болѣлъ. Лежа на своей постели и проливая слезы, онъ молился благовѣрному князю Александру объ исцѣленіи. Вскорѣ онъ почувствовалъ облегченіе и усугубилъ свою молитву. По окончаніи молитвы онъ получилъ полное исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Монахъ того же монастыря, по фамиліи Красовцевъ, долгое время былъ въ разслабленіи. Его поднесли къ ракѣ мощей благовѣрнаго князя Александра, и когда онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на нее, испуская теплыя слезы и припоминая свои грѣхи, онъ почувствовалъ, что въ его разслабленные члены вернулась сила, и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ.

Монастырскій человѣкъ Терентій былъ подверженъ бѣснованію. Когда его подвели къ ракѣ мощей благовѣрнаго князя и помолились о немъ, онъ тотчасъ сдѣлался кроткимъ и началъ молитвенно благодарить Бога и Его угодника за исцѣленіе.

Еще больше записано древними біографами исцѣленій, которыя совершились надъ мірскими людьми различныхъ состояній и возрастовъ.

Одинъ сынъ боярскій, Семенъ Забѣлинъ, проживавшій въ Псковѣ, былъ настолько боленъ, что не владѣлъ ни руками, ни ногами и совершенно не могъ ни ѣсть, ни пить. Имѣя глубокую вѣру къ благовѣрному князю Александру,—о которомъ въ древнемъ Псковѣ всегда сохранялось благоговѣйное воспоминаніе,—онъ сталъ просить домашнихъ свезти его во Владиміръ помолиться передъ ракою мощей благовѣрнаго князя, и здѣсь, во время молитвы, получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни.

Другой сынъ боярскій, Головкинъ, былъ пораженъ такою же болѣзнію, не надѣялся на выздоровленіе и только и думалъ о смерти. Почти все свое имущество онъ роздалъ врачамъ, но отъ леченія не получилъ никакой помощи и пользы. И вотъ, по предстательству благовѣрнаго князя Александра при ракѣ его святыхъ мощей онъ получилъ отъ Господа то, чего не могло ему дать врачебное искусство: полное исцѣленіе отъ своей неизлѣчимой болѣзни.

Изъ одного села Владимірскаго уѣзда принесена была раз-

слабленная женщина и положена на ступеняхъ близъ святыхъ мощей благовѣрнаго князя. Во время горячей молитвы къ угоднику Божіему объ исцѣленіи она вдругъ почувствовала, какъ святый князь, чудесно явившись къ ней, взялъ ее за руку и воздвигнулъ отъ одра болѣзни.

У Владимірскаго дворянина Максима Никитина былъ сынъ, отрокъ Іоаннъ—нѣмой и разслабленный. Родители съ вѣрою къ благовѣрному князю принесли своего несчастнаго сына въ Рождественскую обитель, и здѣсь онъ получилъ исцѣленіе.

Многіе по предстательству благовѣрнаго князя Александра получили исцѣленіе отъ слѣпоты. Такъ, одинъ слѣпецъ изъ города Владиміра Давидъ Іосифовъ въ храмѣ во время чтенія Евангелія вдругъ увидѣлъ свѣтъ. Взволнованный до глубины души блеснувшею надеждою на исцѣленіе, онъ усугубилъ свою молитву къ угоднику Божіему и попросилъ подвести себя къ ракѣ святыхъ его мощей. Когда здѣсь, у святыхъ мощей, его окропили Святою водою, онъ совершенно прозрѣлъ.

Изъ села Краснаго Владимірской губерніи привезена была женщина, утратившая зрѣніе, и у раки святыхъ мощей благовѣрнаго князя получила полное исцѣленіе, какъ будто никогда и не болѣла.

Неоднократно изливалась милость отъ чудотворныхъ мощей благовѣрнаго князя и на страдавшихъ ужасною болѣзнію бѣснованія. Вотъ, нѣкоторые случаи изъ числа записанныхъ древними біографами.

Изъ села Стараго былъ привезенъ въ монастырь бѣсноватый, который своимъ страшнымъ видомъ наводилъ на всѣхъ ужасъ: произносилъ ужасныя слова, какъ звѣрь бросался на людей. Его привезли въ монастырь связаннаго, и во время молебна онъ получилъ исцѣленіе.

Другой бѣсноватый не узнавалъ даже и близкихъ родныхъ, рвалъ на себѣ волосы, кусалъ себѣ языкъ; его тѣло было покрыто язвами отъ побоевъ, которые самъ же онъ наносилъ себѣ. И по предстательству благовѣрнаго князя Александра онъ сподобился получить полное исцѣленіе отъ своей ужасной болѣзни.

Въ монастырской деревнѣ Угрюмовой, Владимірскаго уѣзда, крестьянинъ Аѳанасій Никитинъ подвергся припадкамъ умоизступленія, такъ что не узнавалъ окружающихъ, отказывался принимать пищу, совершенно лишился сна. Внезапно въ минуту

просвѣтлѣнія онъ началъ просить домашнихъ, чтобы они отвели его въ Рождественскую обитель къ мощамъ благовѣрнаго князя Александра. Родные исполнили его желаніе, и вотъ, на пути въ обитель больной почувствовалъ себя здоровымъ и, придя въ обитель, въ сердечномъ умиленіи разсказывалъ всѣмъ, какъ явился ему святый князь Александръ и какъ самъ онъ указалъ ему искать исцѣленія у раки святыхъ его мощей.

Столько милостей удостоились получить по вѣрѣ къ благовѣрному князю болящіе и озлобленные душею! И никогда не угасала въ нашихъ предкахъ память о благодѣяніяхъ угодника Божія и его земныхъ подвигахъ на славу отечества нашего. Жизнь благовѣрнаго князя Александра Ярославича тотчасъ же послѣ его кончины сдѣлалась предметомъ назидательныхъ описаній. Вслѣдъ за житіемъ, написаннымъ современникомъ благовѣрнаго князя, появились другія, болѣе подробныя житія, которыя составлялись въ разныхъ мѣстахъ Русской земли и особенно тамъ, гдѣ жилъ и благодѣтельствовалъ святый князь: во Владимірѣ и въ Новгородско-Псковской области. Старались сохранить въ назиданіе потомкамъ всѣ черты изъ жизни и дѣятельности страдальца за Русскую землю, этой свѣтлой звѣзды, озарившей путь жизни нашихъ предковъ въ самую мрачную, тяжелую пору татарскаго ига. Одновременно съ біографами и древнерусскіе лѣтописцы вносили въ свои труды разсказы о жизни благовѣрнаго князя, и благодаря этому ни объ одномъ изъ князей сѣверо-восточной Руси не дошло до насъ столько свѣдѣній и разсказовъ, какъ о благовѣрномъ князѣ Александрѣ.

Тотчасъ же почти послѣ блаженной кончины святаго князя началось и церковное его прославленіе. Уже самое чудо, происшедшее при его погребеніи, ясно свидѣтельствовало всѣмъ о его святости, богоугодности; объ этомъ же свидѣтельствовали и другія чудеса, изливавшіяся непрестанно, какъ изъ неизсякаемаго источника, отъ раки святыхъ его мощей. Въ 1547 году по желанію царя Іоанна Васильевича въ Москвѣ происходилъ Церковный Соборъ подъ предсѣдательствомъ знаменитаго митрополита Всероссійскаго Макарія, на которомъ установлено было всероссійское празднованіе русскимъ святымъ, почитавшимся до того времени мѣстно. На этомъ Соборѣ былъ установленъ и всероссійскій праздникъ въ честь благовѣрнаго князя Александра Невскаго, и, по распоряженію митрополита, составлена была служба (на 23 ноября,

на день преставленія блг. князя), и новое, болѣе пространное житіе. Въ началѣ XVII вѣка въ Москвѣ имѣлся и храмъ въ честь благовѣрнаго князя Александра.

Въ 1724 году былъ установленъ и новый праздникъ—30 августа, по случаю перенесенія мощей благовѣрнаго князя изъ Владиміра въ С.-Петербургъ.

На берегахъ Невы спустя около 500 лѣтъ послѣ кончины святаго Александра Императоромъ Петромъ I-мъ были одержаны новыя блестящія побѣды надъ старымъ врагомъ Россіи—Шведами. Здѣсь въ 1703 году было положено начало новой столицѣ Русскаго государства, а въ 1717 году и новой русской святынѣ—Александро-Невской лаврѣ. Императоръ Петръ I желалъ, чтобы изъ Владиміра перенесены были въ С.-Петербургъ мощи благовѣрнаго князя, и какъ только Россія почувствовала себя прочною въ новозавоеванномъ краѣ, было сдѣлано распоряженіе о перенесеніи мощей. Императоръ самъ составилъ подробный указъ о томъ, какъ совершить это перенесеніе, и самъ внимательно слѣдилъ за устройствомъ новыхъ обители и храма, гдѣ должны были быть положены святыя мощи благовѣрнаго князя Александра. Но войны со Шведами и Турками замедлили исполненіе этого распоряженія и только уже въ 1723 году приступлено было къ его исполненію.

Торжественно проводилъ Владиміръ свою достопамятную святыню, около пяти вѣковъ составлявшую драгоцѣнное украшеніе этого древняго града. Съ 10 на 11 августа во всѣхъ храмахъ было совершено всенощное бдѣніе, а наутро—Божественная Литургія. Духовенство города и окрестныхъ монастырей, при многочисленномъ стеченіи народа, отправилось въ Рождественскій монастырь, и послѣ молебствія рака со святыми мощами на рукахъ священнослужителей была вынесена изъ храма и проведена за городъ. 17 августа мощи благовѣрнаго князя были съ еще бо́льшею торжественностью встрѣчены въ Москвѣ, а затѣмъ церковная процессія направилась черезъ Тверь и Новгородъ въ С.-Петербургъ. Перенесеніе мощей благовѣрнаго князя Александра представляло собою общерусское торжество. Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ совершались Богослуженія, толпы народа на всемъ пути сопровождали святыню. Въ С.-Петербургъ предполагалось внести святыя мощи 30 августа,—въ день, въ который праздновался недавно передъ этимъ заключенный со Шведами Ништадтскій миръ. Но дальность пути не дала возможности осуществить точно этотъ

планъ, и только уже 1 октября святыя мощи прибыли въ Шлиссельбургъ. По распоряженію императора онѣ были поставлены въ тамошней соборной церкви Благовѣщенія, и перенесеніе ихъ въ С.-Петербургъ было отложено на 30 августа слѣдующаго (1724) года.

Встрѣча святыни въ С.-Петербургѣ отличалась особенною торжественностію. Императоръ со свитою прибылъ на галерѣ къ устью рѣки Ижоры. Благоговѣйно поставивъ святыя мощи на галеру, Государь приказалъ своимъ вельможамъ взяться за весла, а самъ, стоя у кормы, управлялъ рулемъ. Въ Петербургѣ была устроена особая пристань, гдѣ и остановилась галера со святыми мощами. Въ сопровожденіи духовенства и народа знатнѣйшіе вельможи несли раку святыхъ мощей. Колокольный звонъ и пушечная пальба увеличивали торжественность. Мощи были поставлены въ церкви, посвященной благовѣрному князю. На другой день въ Александро-Невской обители продолжалось торжество: Государь раздавалъ присутствовавшимъ планъ предположенныхъ въ монастырѣ построекъ, и тогда же было установлено навсегда праздновать перенесеніе мощей 30 августа.

Такъ исполнилось завѣтное желаніе царя. Ему не удалось закончить начертанный имъ планъ устройства новой обители: черезъ полгода послѣ этого торжества Петръ скончался. Но преемники Петра докончили начатое имъ. Его дочь, Императрица Елизавета Петровна, устроила великолѣпную серебряную раку, въ которой почиваютъ и нынѣ святыя мощи. Императрица Екатерина II на мѣстѣ стараго собора повелѣла построить новый, и 30 августа 1790 года произошло освященіе новаго храма и перенесеніе въ него мощей благовѣрнаго князя.

И нынѣ благовѣрный князь Александръ Ярославичъ хранитъ Богомъ врученный ему удѣлъ—Отечество наше. И нынѣ близокъ и скоропослушливъ онъ всѣмъ, съ вѣрою призывающимъ святое его имя, изливаетъ свою милость и предстательствуетъ предъ Престоломъ Вседержителя Бога—Ему же, прославляющему святыя Своя, честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ бл҃гочести́вагѡ ко́рене пречⷭ҇тна́ѧ ѻ҆́трасль бы́лъ є҆сѝ, бл҃же́нне а҆леѯа́ндре: ꙗ҆ви́ бо тѧ̀ хрⷭ҇то́съ ꙗ҆́кѡ нѣ́кое бж҃е́ственное сокро́вище рѡссі́йстѣй землѝ, но́ваго чꙋдотво́рца, пресла́вна и҆ бг҃опрїѧ́тна. и҆ дне́сь соше́дшесѧ въ па́мѧть твою̀ вѣ́рою и҆ любо́вїю, во ѱалмѣ́хъ и҆ пѣ́нїихъ ра́дꙋющесѧ сла́вимъ гдⷭ҇а, да́вшаго тебѣ̀ бл҃года́ть и҆сцѣле́нїй: є҆го́же молѝ сп҃стѝ гра́дъ се́й, и҆ держа́вѣ сро́дникъ твои́хъ бг҃оꙋго́днѣй бы́ти, и҆ сыновѡ́мъ рѡссі́йскимъ сп҃стѝсѧ.

Дрꙋгі́й тропа́рь, гла́съ д҃:

Позна́й свою̀ бра́тїю, рѡссі́йскїй і҆ѡ́сифе, не въ є҆гѵ́птѣ, но на нб҃сѝ ца́рствꙋющїй, бл҃говѣ́рный кн҃же а҆леѯа́ндре, и҆ прїимѝ моле́нїѧ и҆́хъ, ᲂу҆множа́ѧ жи́та лю́демъ плодоно́сїемъ землѝ твоеѧ̀, гра́ды влады́чествїѧ твоегѡ̀ ѡ҆гражда́ѧ моле́нїемъ, и҆ родꙋ христі́анскомꙋ на сопроти́вныѧ спобо́рствꙋѧ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ ѕвѣ́здꙋ тѧ̀ пресвѣ́тлꙋю почита́емъ, ѿ восто́ка возсі́ѧвшꙋю, и҆ на за́падъ прише́дшꙋю: всю́ бо страну̀ сі́ю чꙋдесы̀ и҆ добро́тою ѡ҆богаща́еши, и҆ просвѣща́еши вѣ́рою чтꙋ́щыѧ па́мѧть твою̀, а҆леѯа́ндре бл҃же́нне. сегѡ̀ ра́ди дне́сь пра́зднꙋемъ твоѐ ᲂу҆спе́нїе, лю́дїе твои̇̀ сꙋ́щїи: молѝ сп҃стѝ ѻ҆те́чество твоѐ, и҆ держа́вꙋ православна́гѡ, и҆ всѧ̑ притека́ющыѧ къ ра́цѣ моще́й твои́хъ, и҆ вѣ́рнѡ вопїю́щыѧ тѝ: ра́дꙋйсѧ, гра́дꙋ на́шемꙋ ᲂу҆твержде́нїе.

Дрꙋгі́й конда́къ:

Ꙗ҆́коже сро́дники твои̇̀, бори́съ и҆ гле́бъ, ꙗ҆ви́шасѧ тебѣ̀ съ нб҃сѐ въ по́мощь подвиза́ющемꙋсѧ на ве́йлгера свѣ́йскаго и҆ во́евъ є҆гѡ̀: та́кѡ и҆ ты̀ ны́нѣ, бл҃же́нне а҆леѯа́ндре, прїидѝ въ помо́щь твои́мъ сро́дникѡмъ и҆ поборѝ борю́щыѧ ны̀.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АЛЕКСАНДРА СВИРСКАГО

Блаженный Александръ родился[1]) во владѣніяхъ Великаго Новгорода[2]), въ Обонежской области[3]), которая была расположена по рѣкѣ Ояти[4]) въ селѣ, называвшемся Мандера и находившемся противъ Островскаго монастыря Пресвятой Богородицы, честнаго Ея Введенія[5]). Онъ родился отъ отца по имени Стефана и матери именемъ Василиссы по нѣкоему явленію Божественной силы[6]) и былъ освященъ Святымъ Крещеніемъ. Когда наступило время обучать его грамотѣ, то онъ отданъ былъ родителями для изученія Божественныхъ Писаній. Но въ то время, когда товарищи его по ученію успѣшно проходили науку, онъ медленно усвоялъ ее. Это было по особому усмотрѣнію Божію, чтобы онъ получилъ разумѣніе отъ Бога, а не отъ людей, что̀ потомъ и случилось. Однажды онъ пришелъ въ церковь и, павъ предъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, со слезами сталъ молиться о томъ, чтобы дано было ему разумѣніе къ изученію Божественныхъ Писаній. И на его молитву немедленно же послѣдовалъ отвѣтъ: онъ услышалъ Голосъ, который сказалъ ему:

---

1) *Преподобный Александръ* родился въ 1448 году 15 мая.

2) Территорія Великаго Новгорода занимала обширный уголъ Сѣверо-западной Руси, доходя на сѣверѣ до Бѣлаго моря и переходя на востокѣ за Уральскій хребетъ. Она охватывала нынѣшнія губерніи: Новгородскую, С.-Петербургскую, часть Олонецкой, Архангельскую, Пермскую, часть Вятской, Вологодскую, часть Ярославской, часть Тверской и Псковскую и до начала XVIII вѣка дѣлилась на 5 частей, или пятинъ.

3) Здѣсь разумѣется *Обонежье,* или *Обонежская пятина,* самая обширная изъ всѣхъ новгородскихъ пятинъ. Она тянулась на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Новгорода, съ одной стороны, между рѣкою Волховомъ и Ладожскимъ озеромъ, а съ другой—между озеромъ Ильменемъ и рѣками Мстою и Мдою. Такъ какъ она обнимала Онежское озеро со всѣхъ сторонъ, то отсюда и получила свое названіе.

4) *Рѣка Оять* составляетъ лѣвый притокъ рѣки Свири и находится въ нынѣшней Олонецкой губерніи.

5) *Введенскій Богородичный монастырь* находился на рѣкѣ Ояти. Въ 1581 году его совершенно выжгли «нѣмецкіе люди», такъ что 6 человѣкъ братіи жили за монастыремъ въ пустоши, на острову.

6) У родителей преподобнаго Александра преждевременно прекратилось рожденіе дѣтей, и они молились Богу о возвращеніи имъ способности чадорожденія, послѣ чего и родился у нихъ сынъ Амосъ, впослѣдствіи преподобный Александръ.

— Встань, не бойся. Ты получишь то, о чемъ просилъ.

Обрадованный отрокъ всталъ и пришелъ къ отцу своему. Отецъ и мать замѣтили его душевную радость и предугадали, что она происходила отъ проявленія къ нему милости Божіей, и, думая такъ, благодарили за это Бога. Блаженный же отрокъ съ этого времени сталъ оказывать быстрые успѣхи въ ученіи, при чемъ внимательно слушалъ чтеніе Божественныхъ книгъ и во всемъ повиновался своимъ родителямъ. Въ то же время онъ соблюдалъ такой строгій постъ, что только разъ въ день употреблялъ въ пищу одинъ хлѣбъ и то въ мѣру, по ночамъ же спалъ очень мало. Родители отрока приходили отъ этого въ изумленіе, и мать, увѣщавая его, однажды сказала ему:

— Сынъ мой! Зачѣмъ ты такъ изнуряешь себя? Принимай пищу вмѣстѣ съ нами и спи, какъ и мы.

Но отрокъ отвѣтилъ на это матери:

— Для чего ты, мать моя, говоришь мнѣ это, отклоняя меня отъ пріятнаго мнѣ воздержанія? Вѣдь въ Писаніи сказано, что пища и питіе не приблизятъ насъ къ Богу[1]). Оставь меня поступать такъ, какъ я началъ.

Удивляясь такому мудрому отвѣту сына и особенно видя, что къ такому подвигу у него есть искреннее желаніе, мать сказала ему:

— Какъ хочешь поступать, сынъ мой, такъ и поступай.

Но дивный отрокъ чувствовалъ болѣе влеченія къ подвигамъ, нежели къ видимымъ благамъ; обиліе имущества считалъ тѣнію и на все, что есть человѣческаго на землѣ, смотрѣлъ, какъ на суетное и ничтожное.

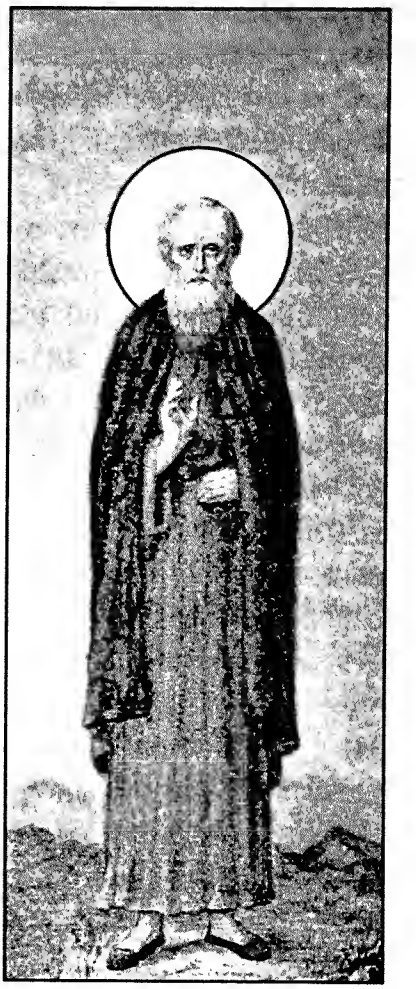
Когда онъ достигъ совершеннаго возраста, то родители хотѣли было сочетать его законнымъ бракомъ, но боголюбивый юноша уклонялся отъ этого. Онъ всегда желалъ и думалъ о томъ, чтобы уйти изъ міра и достичь того, чего желалъ. Взявъ благословеніе у отца своего какъ бы для того, чтобы итти въ находившееся неподалеку селеніе, онъ ушелъ изъ родного дома и, наставляемый Богомъ или, лучше сказать, имѣя своимъ спутникомъ Ангела, пришелъ въ монастырь святаго Спаса, Боголѣпнаго Его Преображенія, что на Валаамѣ[2]). Онъ упросилъ настоятеля этого монастыря постричь его въ иночество. Въ это время ему было отъ роду

---

[1]) Это выраженіе взято изъ 8 ст. 8 гл. 1-го Посланія къ Коринѳянамъ.

[2]) *Валаамъ*—островъ на Ладожскомъ озерѣ вблизи сѣверныхъ береговъ его, извѣстный нынѣ знаменитымъ на сѣверѣ Россіи по благоустройству монастыремъ своимъ.

26 лѣтъ. Поступивъ въ монастырь, онъ съ такимъ усердіемъ предавался подвигамъ добродѣтельной жизни, что всѣ стали говорить о немъ. Тяготясь такою извѣстностію, онъ испросилъ у тамошняго настоятеля благословеніе и, не взявъ съ собою ничего, кромѣ необходимой одежды, ночью ушелъ изъ монастыря. Онъ пришелъ на то мѣсто, гдѣ сперва хотѣлъ было поселиться на жительство, когда ушелъ отъ своихъ родителей. Мѣсто это находилось на берегу озера[1]) на разстояніи четырехъ поприщъ отъ рѣки Свири. Здѣсь преподобный построилъ себѣ небольшую келлію, которою и пользовался для кратковременнаго отдыха отъ своихъ подвиговъ.



Прп҃бный
а҆леза́ндръ

Однажды онъ обходилъ окрестныя мѣстности, ища такой, гдѣ бы онъ могъ устроить себѣ жилище, и увидѣлъ красивое мѣсто, освѣщенное нѣкіимъ божественнымъ свѣтомъ, на которомъ и донынѣ стоитъ монастырь. Когда онъ находился здѣсь и случилось ему однажды выйти изъ своей келліи къ озеру, чтобы почерпнуть воды, то послышался съ Неба Голосъ, который назвалъ его по имени и сказалъ ему:

— Такъ какъ ты былъ исполнителемъ Моихъ Заповѣдей, то за это Я соберу къ тебѣ безчисленное множество людей, ты же не отвергай ихъ, но пріими съ простертыми руками и будь имъ наставникомъ ко спасенію.

Услышавъ эти слова, преподобный палъ ницъ на землю и вознесъ Богу благодарственное моленіе, послѣ чего, почерпнувши воды, возвратился въ свою келлію.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего къ преподобному пришелъ родной братъ его, по имени Іоаннъ, который разыскивалъ

[1]) Это озеро носило названіе *Рощнѣскаго*.

его. Увидѣвъ брата, преподобный обрадовался ему, и они оба стали трудиться, чтобы сдѣлать себѣ болѣе просторное жилище, такъ какъ хотѣли жить вмѣстѣ. Но вскорѣ братъ преподобнаго скончался, и Александръ, воспѣвъ надъ нимъ погребальныя пѣснопѣнія, похоронилъ его. Послѣ этого преподобный снова отдался строгому постничеству, и число братіи умножалось. Они, пребывая въ безмолвіи, жили отдѣльно одинъ отъ другого и подражали преподобному каждый по мѣрѣ силъ своихъ.

Такъ проводилъ жизнь свою преподобный и достигъ того, что молитвою своею прогонялъ бѣсовъ и имѣлъ своими собесѣдниками Ангеловъ. Однажды онъ удостоился видѣть Самого Бога, явившагося ему въ трехъ Лицахъ, и бесѣдовать съ Нимъ о томъ, какъ создать церковь, построить монастырь и собрать братію. Когда затѣмъ онъ молился о томъ, гдѣ поставить церковь, то Ангелъ Господень указалъ ему мѣсто для нея. Братія принудили его принять священство, и спустя нѣсколько времени онъ построилъ церковь во имя Святой Троицы и освятилъ ее, послѣ чего число братій стало еще болѣе увеличиваться.

Хотя преподобный и принялъ игуменство надъ братіею, но не измѣнилъ своего правила и, будучи игуменомъ, подавалъ всѣмъ примѣръ смиренія, помня слова Господа, сказавшаго: **а҆́ще кто̀ хо́щетъ въ ва́съ старѣ́й бы́ти, да бꙋ́детъ** всѣхъ меньшій и **всѣ́мъ слꙋга̀** [1]). Посему преподобный и смирялъ себя, стараясь быть меньше всѣхъ, и всѣмъ служилъ. Онъ всѣмъ давалъ собою примѣръ и трудился, раньше всѣхъ выходя на работу. Всегда онъ дѣлалъ все самъ своими руками: ходилъ въ поварню, мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбы, иногда носилъ изъ озера и воду, рубилъ дрова и носилъ ихъ въ монастырь. Иногда онъ приходилъ въ мельницу, гдѣ иноки мололи рожь, и въ то время, когда они еще спали, бралъ приготовленную для размола рожь и, измоловъ назначенную для каждаго инока часть, ставилъ измолотое на своемъ мѣстѣ, а потомъ уходилъ въ свою келлію. Въ церковь онъ приходилъ прежде всѣхъ и послѣ всѣхъ выходилъ. Никто никогда не видѣлъ его лежащимъ даже на рогожѣ или возливающимъ на тѣло свое воду. Одеждою ему служилъ сдѣланный изъ грубой ткани подрясникъ, настолько сильно истертый, что на немъ нашито было множество заплатъ. Многіе неразумные люди издѣвались надъ нимъ и поносили его, но онъ такія поношенія принималъ отъ нихъ съ радостію.

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 9, ст. 35; см. гл. 10, ст. 43.

По прошествіи нѣкотораго времени по изволенію Божію преподобный построилъ каменную церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы[1]), расширилъ монастырь, по четыремъ сторонамъ велѣлъ построить келліи, а посрединѣ выстроилъ большую церковь съ трапезою и устроилъ все прочее, что было полезно для нуждъ братіи.

Такъ богоугодно провелъ жизнь свою преподобный и до конца дней своихъ продолжалъ свои подвиги, за что и получилъ отъ Бога даръ чудотворенія еще при жизни своей. Наконецъ, чувствуя, что наступаетъ время его отшествія къ Богу, онъ призвалъ къ себѣ братію и сказалъ имъ:

— Братія! Вотъ уже приближается конецъ житія моего, и я ухожу изъ этой жизни. Вручаю васъ Богу. Да сохранитъ Онъ васъ и утвердитъ въ любви Своей.

Сказавъ эти слова, преподобный поучалъ братію хранить между собою любовь, быть снисходительными другъ къ другу и упражняться въ другихъ добродѣтеляхъ. Въ заключеніе онъ завѣщалъ имъ, чтобы и послѣ его смерти никто изъ нихъ не держалъ у себя никакихъ опьяняющихъ напитковъ. Когда же наступилъ часъ, въ который душа преподобнаго должна была отойти къ Богу, онъ воздѣлъ къ Небу руки свои и сотворилъ молитву, закончивъ ее словами:

— Господи! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой.

Такъ, съ молитвою на устахъ преподобный предалъ честную душу свою Господу. Это произошло въ 1533 году въ 30 день мѣсяца августа. Всѣхъ лѣтъ жизни его было 85. Честное тѣло его съ почестями было погребено у церкви Боголѣпнаго Преображенія съ правой стороны у алтаря. Оно подаетъ многія исцѣленія приходящимъ съ вѣрою къ святому гробу преподобнаго[2]).

---

[1]) Храмъ этотъ былъ освященъ въ 1526 году по благословенію архіепископа Макарія.

[2]) Преподобнаго Александра чтили какъ святаго съ 1547 года и тогда же ему составлена была служба, а въ 1559 году въ Москвѣ былъ устроенъ придѣлъ въ честь его. Мощи его были открыты 17 апрѣля 1641 года, и въ 1643 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ устроилъ для нихъ серебряную раку, въ которой онѣ покоятся и теперь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Ѡ ю҆́ности бг҃омꙋ́дре, жела́нїемъ дх҃о́внымъ въ пꙋсты́ню всели́вся, є҆ди́нагѡ хр҃та̀ возжела́лъ є҆сѝ ᲂу҆се́рднѡ стопа́мъ въ слѣ́дъ ходи́ти. тѣ́мже и҆ а҆́гг҃льстїи чи́ни зря́ще тѧ̀ ᲂу҆диви́шася, ка́кѡ съ пло́тїю къ неви́димымъ ко́знемъ подвиза́вся премꙋ́дре, побѣди́лъ є҆сѝ полкѝ страсте́й воздержа́нїемъ, и҆ ꙗ҆ви́лся є҆сѝ равноа́гг҃ленъ на землѝ, а҆леѯа́ндре прп҃бне. молѝ хр҃та̀ бг҃а, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

А҆́кѡ многосвѣ́тлаѧ ѕвѣзда̀ дне́сь въ страна́хъ рѡссі́йскихъ возсїѧ́лъ є҆сѝ ѻ҆́тче, всели́вся въ пꙋсты́ню хр҃тѡ́вымъ стопа́мъ послѣ́довати ᲂу҆се́рднѡ возжелѣ́лъ є҆сѝ, и҆ тогѡ̀ ст҃о́е и҆́го на ра́мо твоѐ взе́мъ ч҃тный кр҃тъ, ᲂу҆мертви́лъ є҆сѝ трꙋды̀ пѡ́двигъ твои́хъ тѣле́снаѧ взыгра̑нїѧ[1]). тѣ́мже вопїе́мъ тѝ: сп҃сѝ ста́до твоѐ, є҆́же собра́лъ є҆сѝ мꙋ́дре, да зове́мъ тѝ: ра́дꙋйся, прп҃бне а҆леѯа́ндре, ѻ҆́тче на́шъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ХРИСТОФОРА

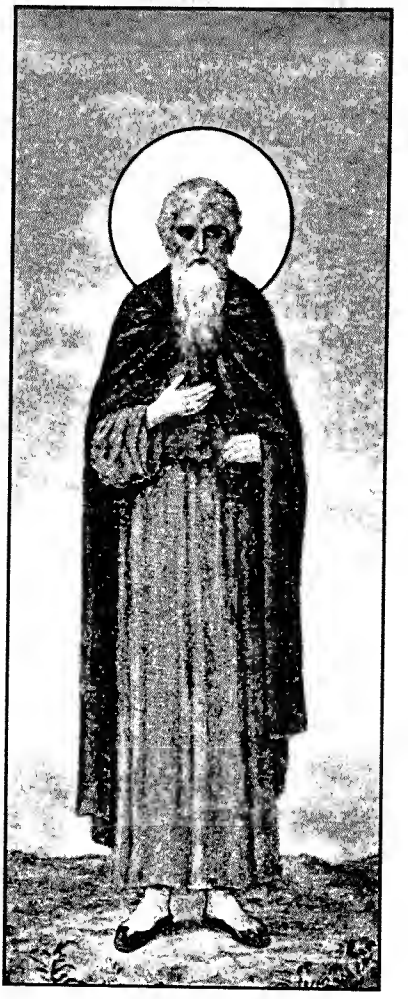
О семъ преподобномъ Христофорѣ Іоаннъ и Софроній, написатели книги, именуемой Лимонарь, повѣствуютъ такъ:

«Когда мы были въ Александріи, то пришли къ аввѣ Ѳеодулу, находящемуся въ обители святой Софіи, что въ Фаранѣ; старецъ повѣдалъ намъ, сказавъ:

— Я постригся въ иночество въ киновіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія; эта киновія находится въ пустыне Святаго Христова Града Іерусалима; тамъ встрѣтилъ я большого ростомъ старца, по имени Христофора, родомъ римлянина. Однажды я поклонился ему, сказавъ:

— Яви мнѣ любовь, отче, разскажи мнѣ, каковы были подвиги твои отъ дней юности?

[1]) Тѣле́снаѧ взыгра̑нїѧ, т. е. тѣлесныя страсти.



Прп҃бный
ХРІСТОФО́РЪ

Послѣ того какъ я много упрашивалъ его, старецъ понялъ, что я просилъ его о томъ ради пользы (душевной); тогда онъ повѣдалъ мнѣ о себѣ, сказавъ такъ:

— Когда я отрекся отъ міра, чадо, то питалъ великую любовь и усердіе къ подвигу иноческому: днемъ я упражнялся въ служеніи Богу, вечеромъ же, уже поздно, я уходилъ въ пещеру, въ которой ранѣе имѣли обыкновеніе молиться преподобный Ѳеодосій и прочіе Святые Отцы. Входя въ пещеру, я творилъ сто поклоновъ и на каждой степени падалъ ницъ предъ Богомъ; всѣхъ же степеней восемнадцать. Войдя внутрь пещеры, я проводилъ время въ молитвѣ до тѣхъ поръ, пока не ударяли въ било, созывая на утреннее пѣніе; только тогда я выходилъ изъ пещеры и направлялся къ церкви.

Въ такомъ подвигѣ я пробылъ одиннадцать лѣтъ, никогда не измѣняя сего правила, подвизаясь съ великимъ пощеніемъ и храненіемъ помысловъ, трудясь тѣломъ во всѣхъ, поручаемыхъ мнѣ, службахъ и испытывая большое лишеніе, по причинѣ нестяжательности моей.

Однажды ночью, когда я пришелъ къ пещерѣ, я началъ творить обычныя мои колѣнопреклоненныя моленія на степеняхъ; дойдя до послѣдней степени, я остановился — неожиданно я оказался въ восторженномъ состояніи: я увидѣлъ, что вся пещера была наполнена лампадами, изъ коихъ одни горѣли, другія же не горѣли. Видѣлъ я также двухъ мужей свѣтообразныхъ, ходившихъ въ бѣлыхъ ризахъ и возжигавшихъ лампады, и спросилъ ихъ:

— Для чего вы поставили здѣсь сіи лампады, такъ что я не могу войти сюда и помолиться?

Они отвѣчали мнѣ:

— Это лампады отцевъ, служащихъ Богу.

Тогда я снова спросилъ ихъ:

— Почему же одни изъ лампадъ горятъ, а другія нѣтъ?

Они отвѣтили мнѣ:

— Служащіе Господу со усердіемъ зажгли лампады свои, а лѣнивые не зажгли лампадъ.

Потомъ сказалъ имъ:

— Окажите мнѣ любовь, скажите мнѣ: моя лампада горитъ или нѣтъ?

Они отвѣтили мнѣ:

— Трудись и молись, и тогда мы зажжемъ ее.

Но я сказалъ:

— Я всегда молюсь и не дѣлаю ничего инаго до сего времени.

Послѣ сихъ словъ я пришелъ въ себя и не видѣлъ уже никого больше. Потомъ я сказалъ себѣ:

— О Христофоръ! Ты долженъ понести еще бо́льшіе труды, дабы зажечь лампаду свою!

Утромъ слѣдующаго дня я вышелъ изъ монастыря и отправился на Синайскую гору, ничего не взявъ съ собою, кромѣ одежды, въ которую я былъ облеченъ. Послѣ того какъ я пробылъ на горѣ Синайской пятьдесятъ лѣтъ, потрудившись во многихъ подвигахъ, низшелъ ко мнѣ Голосъ, говорившій:

— Христофоръ! Иди въ монастырь твой, въ которомъ ты подвизался ранѣе, дабы почить тамъ вмѣстѣ съ отцами твоими.

Повѣдавъ сіе о себѣ, преподобный Христофоръ послѣ сего пожилъ немного времени и предалъ святую душу свою въ руки Божіи».

Потомъ тотъ же авва Ѳеодулъ повѣдалъ намъ (повѣствуютъ Іоаннъ и Софроній) о томъ же отцѣ Христофорѣ, что въ другое время, прежде кончины своей, преподобный Христофоръ повѣдалъ сіе:

«Однажды днемъ я вышелъ (повѣдалъ онъ) изъ монастыря моего и пошелъ во Святый Градъ Іерусалимъ, дабы поклониться и облобызать Животворящій Крестъ Господень. И когда я былъ тамъ, поклонился и уже выходилъ, то увидѣлъ нѣкоего брата, стоявшаго при вратахъ, среди двора церковнаго,—ни входящаго, ни выходящаго. Я видѣлъ также и двухъ вороновъ, безстрашно летавшихъ предъ лицемъ его и не позволявшихъ ему войти. Я понялъ, что тѣ вороны были демонами. Тогда я сказалъ стоявшему:

— Скажи мнѣ, братъ, по какой причинѣ ты стоишь посреди воротъ и не входишь?

Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Прости меня, отче, я одержимъ помыслами; одинъ помыслъ говоритъ мнѣ: иди и поклонись Честному Кресту и облобызай его; другой же помыслъ говоритъ: нѣтъ, не ходи, но иди сначала и исполни свое дѣло; въ другое время ты придешь и поклонишься.

Я же, слышавъ это (говоритъ святый Христофоръ), взялъ брата за руку и ввелъ въ храмъ, и тотчасъ исчезли тѣ вороны; я предложилъ ему поклониться Честному Кресту и Святому Гробу Господню и потомъ отпустилъ его съ миромъ.

Это повѣдалъ мнѣ (говоритъ Θеодулъ), преподобный Христофоръ, такъ какъ видѣлъ, что я много упражнялся въ дѣлахъ монастырскихъ, но мало прилежалъ къ молитвѣ,—дабы я зналъ, что прежде всего слѣдуетъ исполнять служеніе духовное, а потомъ уже работу, необходимую для тѣлесныхъ потребностей».

Увѣдавъ о семъ, блаженные отцы Іоаннъ и Софроній написали сіе на пользу читающимъ и слушающимъ, во славу Христа, Бога нашего[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ФАНТИНА

Сей преподобный родился въ Калабріи[2]) и былъ сыномъ Георгія и Вріены. Съ юныхъ лѣтъ своихъ онъ посвятилъ себя на служеніе Богу. Отданный въ одинъ монастырь[3]) и принявъ иноческое постриженіе, онъ упражнялъ себя во всякаго рода добродѣтеляхъ и сталъ настолько искуснымъ исполнителемъ Заповѣдей Божіихъ, что удостоился великихъ Божественныхъ откровеній. Скитаясь по пустынямъ и горамъ, онъ по двадцати дней пребывалъ безъ пищи и четыре года провелъ въ совершенной наготѣ.

---

1) *Преподобный Христофоръ* подвизался въ VI-мъ вѣкѣ.

2) *Калабрія,* древняя римская область, находилась въ южной части Апенинскаго полуострова.

3) Въ одномъ Прологѣ сказано, что преподобный Фантинъ поступилъ въ монастырь 8 лѣтъ.

Угнетаемый многими бѣдствіями отъ Сарацинъ[1]), онъ терпѣливо переносилъ ихъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ, а потомъ, взявъ учениковъ своихъ Виталія и Никифора, отправился съ ними въ Пелопоннесъ[2]). Часто онъ приходилъ въ Коринѳъ[3]) и для многихъ былъ помощникомъ въ дѣлѣ спасенія. Ходилъ онъ и въ Аѳины[4]), гдѣ помолился въ храмѣ Богородицы, послѣ чего отправился въ Солунь[5]) и былъ тамъ свидѣтелемъ чудесъ отъ мощей великомученика Димитрія[6]). Онъ прожилъ здѣсь восемь лѣтъ въ обычномъ воздержаніи, соблюдая принятое правило, и въ глубокой старости окончилъ жизнь свою[7]).

Въ тотъ же день **обрѣтеніе мощей святаго благовѣрнаго князя Даніила** Александровича Московскаго, въ 1652 году. Мощи его почиваютъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ (память преставленія святаго благовѣрнаго князя Даніила совершается 4-го марта).

---

1) *Сарацины* — собственно жители Аравіи. Первоначально этимъ именемъ называлось кочующее въ Аравіи разбойническое племя, а потомъ христіанскіе писатели перенесли это названіе на всѣхъ арабовъ и мусульманъ вообще. Африканскіе Сарацины напали на Сицилію и Калабрію около 828 года.

2) *Пелопоннесомъ* въ древности называлась южная часть Балканскаго полуострова. По мѣсяцеслову императора Василія, преподобный Фантинъ отправился изъ Калабріи въ Ѳессалію и, посѣтивъ Аѳины (и, вѣроятно, Коринѳъ), довольно продолжительное время проживалъ въ главномъ городѣ ея Лариссѣ у гроба святаго Ахиллія, память котораго празднуется 15 мая.

3) *Коринѳъ* — знаменитый городъ въ древней Греціи. Онъ находился въ древней Арголидѣ близъ береговъ Коринѳскаго залива.

4) *Городъ Аѳины* — столица древней Греціи, находился въ Аттикѣ, близъ береговъ Средиземнаго моря.

5) *Солунь* — городъ въ Македоніи. Онъ былъ расположенъ на самомъ берегу Эгейскаго моря.

6) Память святаго великомученика Димитрія Солунскаго празднуется 26 октября.

7) Преподобный Фантинъ скончался въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка.

День тридцать первый

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

КИПРІАНА,

епископа Карѳагенскаго

Святый Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви III-го вѣка. Ему пришлось жить и дѣйствовать въ такую годину, когда Церковь Христова обуревалась какъ гоненіями извнѣ — отъ язычниковъ, такъ и смутами внутренними — отъ еретиковъ и расколоучителей. Святый Кипріанъ явилъ собою образецъ какъ мужественнаго архипастыря, пострадавшаго за Имя Христово, положившаго душу свою за своихъ пасомыхъ, такъ и разумнаго устроителя внутренней жизни Церкви. Онъ оставилъ многочисленныя сочиненія, въ которыхъ касается разнообразныхъ богословскихъ вопросовъ и въ которыхъ рѣшаетъ почти всѣ недоумѣнія, возникавшія въ его время, относительно внутренняго благоустроенія жизни Церкви. Посему жизнь его и исторія его страданій представляются особенно поучительными.

Кипріанъ родился въ началѣ III-го вѣка [1]). Родители его были язычниками и принадлежали къ числу знатныхъ и благородныхъ

[1]) Кипріанъ родился, какъ полагаютъ, около 200 г.

гражданъ города Карѳагена. Первоначальное имя его было Ѳасцій Кипріанъ. Въ юности Кипріанъ получилъ хорошее свѣтское образованіе. Весьма большіе успѣхи оказалъ Кипріанъ въ краснорѣчіи, почему былъ избранъ учителемъ риторики въ карѳагенскомъ училищѣ; по сей же причинѣ многіе избирали его своимъ ходатаемъ по веденію судебныхъ дѣлъ (адвокатомъ). Можно предполагать, что Кипріанъ по наслѣдству получилъ значительное состояніе; кромѣ того, выгоды адвокатской должности доставляли ему обильныя средства къ широкой жизни, почему вначалѣ, будучи язычникомъ, Кипріанъ проводилъ жизнь грѣховную. Слѣдствіемъ сего было то, что Кипріанъ, какъ самъ замѣчаетъ, «покорствуя страстямъ (своимъ), невольно благопріятствовалъ своему собственному несчастію, какъ будто оно отъ природы было его удѣломъ» [1]).

Такую грѣховную жизнь проводилъ Кипріанъ до тѣхъ поръ, пока благодати Божіей не благоугодно было осѣнить его душу и призвать его ко спасенію. Полагаютъ, что Кипріанъ оставался язычникомъ до своей полной возмужалости, по всей вѣроятности, до сорокашестилѣтняго возраста [2]).

Въ началѣ III-го вѣка въ Карѳагенѣ было уже много христіанъ. Кипріанъ зналъ объ этомъ; онъ не могъ не заинтересоваться возвышеннымъ ученіемъ христіанскимъ, ибо отъ природы былъ надѣленъ любознательнымъ и благороднымъ умомъ. Еще до обращенія своего въ христіанство Кипріанъ познакомился съ нѣкоторыми сочиненіями Тертулліана [3]) и это натолкнуло его на путь истины.

Еще будучи язычникомъ, Кипріанъ началъ чувствовать отвращеніе отъ языческой жизни. Онъ сознавалъ пагубность и грѣховность гладіаторскихъ зрѣлищъ, гдѣ убійство однихъ доставляло удовольствіе другимъ; Кипріанъ питалъ отвращеніе и къ языческимъ трагедіямъ и комедіямъ, которыя предавали памяти людей минувшія злодѣянія и развращали людей. Еще, будучи язычникомъ, онъ съ прискорбіемъ смотрѣлъ на несправедливости и притѣсненія со стороны судей, на обманы и ссоры между частными лицами; еще будучи язычникомъ, онъ сознавалъ, что знатность, честь и богатство, которыя кажутся многимъ такъ заманчивыми и обольстительными, на самомъ дѣлѣ наполняютъ душу только пустыми

---

[1]) «Письмо къ Донату», гл. 4.

[2]) Временемъ обращенія Кипріана въ христіанство считаютъ обыкновенно 246-ой годъ.

[3]) Кипріанъ былъ знакомъ съ «Апологіей» Тертулліана.

и мучительными опасеніями и тревогами. Все это привело Кипріана къ убѣжденію, что въ язычествѣ спастись нельзя, что языческая религія не можетъ дать человѣку мира душевнаго и не можетъ заслуживать ни малѣйшаго вниманія сравнительно съ религіею христіанскою.

Сщенномчнкъ Кѵпріанъ

Но сознаніе глубины и повсемѣстности нравственнаго развращенія останавливало на время обращеніе Кипріана въ христіанство. Онъ часто задумывался о своемъ нравственномъ паденіи, о необходимости исправиться и начать новую жизнь въ христіанствѣ, но въ то же время страшился первоначально высокихъ требованій христіанства; онъ почиталъ весьма труднымъ то духовное возрожденіе, какое даруется въ христіанствѣ, ибо уже много лѣтъ онъ провелъ въ язычествѣ. Свои сомнѣнія и недоумѣнія по этому поводу онъ краснорѣчиво выражаетъ въ «Письмѣ къ Донату». Кипріанъ говоритъ здѣсь:

«Возможно ли отложить все то, чѣмъ былъ кто-либо ранѣе, и при томъ же сложеніи тѣла сдѣлаться другимъ человѣкомъ по уму и по сердцу?.. Возможно ли совлечься того, что, родившись отъ грубой матеріи, вмѣстѣ съ нею отвердѣло или отъ долговременной привычки укоренилось вмѣстѣ съ лѣтами... Научится ли когда бережливости тотъ, кто привыкъ къ великолѣпнымъ пиршествамъ и изысканнымъ снѣдямъ? Надѣнетъ ли когда-нибудь обыкновенное и простое платье тотъ, на комъ всегда были драгоцѣнныя, украшенныя золотомъ одѣянія? Нѣтъ,—разсуждалъ Кипріанъ,—сынъ роскоши, привыкшій къ почестямъ, никогда не рѣшится быть частнымъ и незнатнымъ человѣкомъ. Всегда сопровождаемый своими слугами, окружаемый въ знакъ почести многочисленною толпою раболѣпствующаго предъ нимъ народа, онъ считаетъ наказаніемъ, когда бываетъ одинъ.

Бывъ плѣнникомъ безпрестанныхъ забавъ, онъ обыкновенно предается винопитію, надмѣвается гордостію, воспламеняется гнѣвомъ, помышляетъ о хищеніи, поддается жестокости, увлекается похотѣніемъ. Такъ часто разсуждалъ я самъ съ собою,—пишетъ Кипріанъ,—ибо и самъ былъ подверженъ многимъ заблужденіямъ»[1]).

Въ состояніи такой нравственной борьбы и нерѣшительности Кипріанъ не могъ не почувствовать необходимости въ посторонней помощи и совѣтѣ; и Кипріанъ обратился для разрѣшенія своихъ сомнѣній къ одному карѳагенскому пресвитеру, по имени Цецилію. Цецилій успѣлъ убѣдить Кипріана въ крайней нелѣпости языческаго многобожія и въ томъ, что самыя злыя наклонности человѣка могутъ измѣниться по дѣйствію всесильной благодати Божіей. Такимъ образомъ Кипріанъ принялъ твердое намѣреніе стать христіаниномъ.

По существовавшему въ древней Церкви обычаю Кипріанъ до Крещенія долженъ былъ нѣкоторое время провести въ состояніи такъ называемаго оглашенія[2]). Неизвѣстно, сколько времени Кипріанъ провелъ въ состояніи оглашенія; можно предполагать, что оно было непродолжительно.

Рѣшивъ стать христіаниномъ, Кипріанъ на самомъ дѣлѣ доказалъ искренность своего рѣшенія перемѣною въ самомъ образѣ своей жизни. Еще въ состояніи оглашенія Кипріанъ продалъ всѣ имѣнія свои и вырученныя деньги роздалъ нищимъ, не оставивъ ничего для себя. Послѣ сего пресвитеру Цецилію, наблюдавшему за духовною жизнію Кипріана, уже нельзя было сомнѣваться въ искренности обращенія своего ученика. Вскорѣ за симъ, конечно, должно было послѣдовать и Крещеніе Кипріана.

Живое чувство духовнаго преобразованія, дарованнаго въ Таинствѣ Крещенія, сильно подѣйствовало на Кипріана. Вотъ какъ описываетъ онъ въ письмѣ къ другу своему Донату спасительныя дѣйствія Таинства Крещенія:

«Когда животворныя воды Крещенія омыли пятна прежней моей жизни и въ очищенное и оправданное сердце пролился небесный свѣтъ; когда, принявъ Духа Небеснаго, содѣлался я новымъ человѣкомъ,—тогда чудеснымъ образомъ я совершенно увѣрился въ томъ, о чемъ ранѣе сомнѣвался: тайны начали открываться, мракъ—исчезать; то, что прежде казалось труднымъ, содѣ-

[1]) «Письмо къ Донату», гл. 3 и 4.

[2]) *Оглашеніе* —т. е. изустное наставленіе въ истинахъ вѣры христіанской.

лалось удобнымъ, невозможное стало возможнымъ... Въ принятіи небесныхъ даровъ нѣтъ мѣры. Лишь бы только жаждало и было отверсто сердце наше, мы столько имѣемъ вѣры, способной къ принятію благодати. Она даруетъ способность уничтожать ядотворную силу грѣха трезвенною чистотою, непорочною мыслію, чистымъ словомъ, непритворною добродѣтелію; она очищаетъ скверны развращенныхъ сердецъ, возвращая имъ здравіе; она даетъ силу примирять враговъ, успокаивать безпокойныхъ и грозными заклинаніями понуждать къ признанію нечистыхъ духовъ, вселяющихся въ человѣка. Образъ благодатнаго дѣйствія надъ тѣми, въ коихъ живутъ злые духи, невидимъ,— непримѣтны удары, коими она поражаетъ послѣднихъ, но казнь видима и разительна. Такъ вселившійся въ насъ духъ благодати начинаетъ являть свою могущественную силу, и хотя мы тѣла своего съ членами еще не перемѣнили на другое, наше око не затмѣвается уже мракомъ вѣка сего. Какое могущество, какая сила Духа! Кто очистился и пребываетъ чистымъ, тотъ не только самъ себя сохраняетъ отъ мірскихъ соблазновъ, не только не уловляется никакою сѣтію нападающаго на него врага, но и укрѣпляется въ своихъ силахъ до того, что надъ всѣмъ воинствомъ противника господствуетъ какъ повелитель» [1]).

Такъ благодать Божія вскорѣ послѣ Крещенія Кипріана ознаменовалась въ немъ внутреннимъ духовнымъ возрожденіемъ. Хотя онъ измѣнилъ уже, какъ это было упомянуто выше, образъ жизни своей еще до Крещенія, находясь въ состояніи оглашенія, но, по собственному признанію его, вѣра его получила полную твердость и воля совершенную свою силу и крѣпость уже въ Крещеніи. Онъ крестился, вѣроятно, въ праздникъ Пасхи или Пятидесятницы [2]).

Послѣ Крещенія Кипріанъ началъ проводить жизнь строгодобродѣтельную. Онъ являлъ собою всѣмъ примѣръ нестяжательности, ибо, сострадая нищимъ и бѣднымъ, онъ благотворилъ имъ, раздавая все, что имѣлъ. Главнѣйшими занятіями святаго Кипріана послѣ Крещенія были молитва и чтеніе Священнаго Писанія.

Оказывая дѣла милости и благотворя всѣмъ нуждающимся, Кипріанъ не могъ не питать особенной любви и благодарности

---

1) «Письмо къ Донату», гл. 4 и 5.

2) Сіи дни въ древней Церкви, по своей торжественности, считались особенно удобными для Крещенія обращающихся язычниковъ.

къ наставнику своему, пресвитеру Цецилію, открывшему ему тайны вѣры христіанской и способствовавшему обращенію его въ христіанство. И пресвитеръ Цецилій, видя въ Кипріанѣ столько преданности и расположенія къ себѣ, предъ смертію своею, кромѣ него, не нашелъ никого иного, кому могъ бы съ бо́льшею увѣренностью и надеждою поручить попеченіе и заботы надъ оставшимся семействомъ своимъ.

По обращеніи въ христіанство, Кипріанъ жилъ въ одномъ домѣ съ Цециліемъ, ибо отдалъ всѣ имѣнія свои бѣднымъ; при этомъ и тотъ, и другой—и Кипріанъ, и Цецилій проводили жизнь строгодобродѣтельную.

Спустя годъ или немного болѣе по Крещеніи Кипріанъ рукоположенъ былъ въ санъ пресвитера церкви карѳагенской.

Въ санѣ пресвитера святый Кипріанъ еще съ бо́льшимъ усердіемъ началъ подвизаться во благочестіи. По свидѣтельству діакона Понтія[1]), Кипріанъ въ санѣ пресвитера сдѣлалъ многое по подражанію древнимъ праведникамъ и самъ сталъ достойнымъ подражанія.

Въ скоромъ времени послѣ сего умеръ епископъ Карѳагенскій Донатъ. На освободившуюся епископскую каѳедру всѣмъ народомъ единогласно былъ избранъ святый Кипріанъ. Такимъ образомъ, въ санѣ пресвитера Кипріанъ пробылъ не болѣе года.

Кипріанъ первоначально отказывался отъ такой чести, считая себя недостойнымъ принять столь высокое служеніе. Онъ говорилъ, что были пресвитеры, старѣйшіе его возрастомъ и болѣе достойные его. Но народъ, любившій своего добраго пастыря, настоятельно требовалъ поставленія въ санъ епископа святаго Кипріана. Когда наступило время, назначенное для рукоположенія, христіане окружили домъ, въ которомъ былъ Кипріанъ, и не хотѣли оставлять занятыхъ ими входовъ и выходовъ до тѣхъ поръ, пока Кипріанъ не согласился идти съ христіанами въ храмъ. При всемъ своемъ высокомъ смиреніи Кипріанъ долженъ былъ уступить любви братій, пришелъ въ храмъ и, къ радости всѣхъ, былъ рукоположенъ во епископа.

Такимъ образомъ святый Кипріанъ былъ поставленъ, подобно свѣтильнику, на свѣщникъ, дабы свѣтить міру своими добродѣтелями[2]).

---

[1]) Діаконъ Понтій оставилъ жизнеописаніе святаго Кипріана.

[2]) Въ санъ епископа Кипріанъ былъ рукоположенъ, вѣроятно, въ концѣ 248 г.

Въ санѣ епископа Кипріанъ обратилъ свое вниманіе прежде всего на благоустроеніе церковное. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время было немало христіанъ, которые только именовали себя христіанами, а въ дѣйствительности проводили жизнь, недостойную истиннаго христіанина. Такъ какъ гоненія отъ язычниковъ на христіанъ прекратились уже давно, и Церковь наслаждалась почти сорокалѣтнимъ миромъ, то нѣкоторые христіане легкомысленно дозволяли себѣ отступленія отъ строгихъ христіанскихъ обычаевъ. Вотъ какъ самъ Кипріанъ описываетъ нравственные недостатки его времени:

«Каждый заботился объ умноженіи собственности. Въ іереяхъ не было ожидаемаго по ихъ обѣту благочестія, въ служителяхъ (клирикахъ) не было чистой вѣры, въ дѣлахъ—милосердія, въ нравахъ—благоустройства[1]). Многіе христіане не хранили твердо истинъ вѣры Христовой и отступали отъ Христа. Допускались часто безразсудныя клятвы, презрѣніе и непослушаніе предстоятелямъ, злословіе и взаимная вражда» [2]).

Ввиду всего этого святому Кипріану въ санѣ епископа пришлось весьма много потрудиться на пользу внутренняго благоустроенія Церкви.

Въ скоромъ же времени по поставленіи въ санъ епископа святый Кипріанъ приступилъ къ искорененію вкравшихся въ жизнь христіанъ безпорядковъ.

Кипріанъ обратилъ свое вниманіе прежде всего на клиръ, на самихъ пастырей Церкви, которые являлись руководителями народа. Кипріанъ не допускалъ никого даже къ низшимъ степенямъ служенія въ клирѣ безъ предварительнаго тщательнаго изслѣдованія о способностяхъ и поведеніи каждаго: онъ требовалъ извѣстной подготовки отъ лицъ, желавшихъ выступить на служеніе Церкви; самое испытаніе въ знаніи христіанскаго ученія Кипріанъ производилъ въ присутствіи пресвитеровъ, какъ это извѣстно относительно Оптана, коего Кипріанъ въ началѣ своего епископства назначилъ учителемъ оглашенныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кипріанъ заботился и объ исправленіи нравовъ и среди христіанъ. Діаконъ Понтій въ такихъ словахъ говоритъ о епископскомъ служеніи святаго Кипріана:

«Какое у него было благочестіе! Какая бдительность! Какое

---

1) «Книга о падшихъ», гл. 6.

2) Тамъ же.

милосердіе! Какая строгость! Столько святости и благодати изливалось изъ устъ его, что онъ приводилъ въ изумленіе всѣхъ, видѣвшихъ его».

Наружнымъ видомъ своимъ святый Кипріанъ былъ честенъ, лицемъ благообразенъ; ибо таившаяся внутри души его святыня отображалась и на лицѣ его. Какъ мудрость, по слову Екклесіаста, такъ и святость украшаетъ ликъ человѣка[1]); въ семъ же человѣкѣ Божіемъ — святомъ Кипріанѣ — было и то, и другое: онъ былъ и мудръ, и святъ. Одежды носилъ онъ ни слишкомъ богатыя, ни слишкомъ убогія, ибо святый избѣгалъ гордости и превозношенія, но не желалъ подвергать безчестію и санъ архіерейскій. Характеръ его былъ весьма сдержанъ: онъ былъ ни слишкомъ суровъ, ни слишкомъ мягокъ и кротокъ сверхъ мѣры; гдѣ нужно было наказать, тамъ онъ, хотя и милостиво, являлъ гнѣвъ свой, почему былъ всѣми уважаемъ и почитаемъ. Кромѣ сего, святый Кипріанъ являлъ великое милосердіе и состраданіе ко всѣмъ обиженнымъ и бѣдствующимъ; онъ былъ помощникомъ сиротамъ, странникамъ, нищимъ и больнымъ.

Въ своихъ архипастырскихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ святый Кипріанъ проявилъ столько разсудительности и мудрости, что его совѣта искали и предстоятели другихъ Церквей.

Такъ, напримѣръ, Рогаціанъ, епископъ Новскій, просилъ совѣта у святаго Кипріана по поводу оскорбленія, причиненнаго ему нѣкіимъ діакономъ. Кипріанъ отвѣчалъ:

— Если діаконъ и впредь будетъ ослушиваться тебя и оскорблять тебя, ты можешь, по праву своей власти, или лишить его сана, или отлучить отъ общенія; однако,—прибавлялъ онъ,—мы болѣе желаемъ, чтобы ты прикрывалъ обиды и оскорбленія кроткимъ терпѣніемъ, нежели наказывалъ священною властію.

Другой епископъ, Евкратій, спрашивалъ Кипріана:

— Дòлжно ли допускать до общенія церковнаго лицедѣя, который и послѣ того, какъ сдѣлался христіаниномъ, обучалъ молодыхъ людей тому искусству, какимъ занимался въ язычествѣ?

Кипріанъ отвѣчалъ на это:

— Бѣдность не можетъ извинить сего лицедѣя (нынѣ христіанина); онъ можетъ содержаться церковными приношеніями, если только пожелаетъ довольствоваться содержаніемъ болѣе умѣреннымъ, но безъ грѣха. Посему убѣди его довольствоваться

[1]) Кн. Екклез., гл. 8, ст. 1.

церковнымъ содержаніемъ: если же у васъ церковныя приношенія недостаточны для пропитанія трудящихся, то пусть онъ придетъ къ намъ и отъ насъ получитъ необходимое для питанія и одѣянія.

Много и другихъ совѣтовъ давалъ святый Кипріанъ всѣмъ, вопрошавшимъ его, ибо не желалъ утаивать своей мудрости и разумѣнія, но старался быть полезнымъ всѣмъ.

По изволенію Божію, святый Кипріанъ провелъ немного лѣтъ въ мирномъ управленіи своей епархіей. Въ скоромъ времени по занятіи Кипріаномъ епископскаго престола надъ Церковью, подобно бурѣ, разразилось гоненіе Декія[1]). Вскорѣ же послѣ вступленія на престолъ сей нечестивый императоръ издалъ указъ, по которому всѣ христіане принуждались къ принятію языческой религіи и къ принесенію жертвъ богамъ.

Задолго еще до начала сего гоненія Кипріанъ былъ извѣщенъ отъ Господа видѣніемъ о семъ бѣдствіи, именно: Кипріанъ видѣлъ старца, по правую сторону коего сидѣлъ юноша, исполненный нѣкотораго смущенія, негодованія и печали, а по лѣвую кто-то держалъ сѣть и угрожалъ захватить ею стоящій кругомъ народъ. Кипріанъ удивился этому видѣнію. Оно было объяснено ему въ томъ смыслѣ, что сидящій по правую сторону печалится и скорбитъ о томъ, что христіане не соблюдаютъ Его Заповѣдей, а находившійся по лѣвую сторону радуется тому, что открывается случай и дается дозволеніе излить на народъ ярость свою. Святый Кипріанъ понялъ, что лицами, представившимися ему въ видѣніи, были: Богъ Отецъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и исконный врагъ міра—діаволъ.

Этимъ гоненіемъ христіане были подвергнуты испытанію, какъ золото въ огнѣ, дабы тѣмъ ярче и сильнѣе былъ явленъ всюду блескъ добродѣтелей христіанскихъ.

Когда въ Карѳагенъ прибылъ указъ императора, язычники хотѣли подвергнуть мученію прежде всего Кипріана. Его, какъ болѣе извѣстнаго своими добродѣтелями и своимъ вліяніемъ на христіанъ, язычники намѣревались ранѣе всего предать мученіямъ, дабы тѣмъ устрашить остальныхъ христіанъ. Но такъ какъ время подвиговъ святаго Кипріана еще не наступило, то онъ рѣшилъ удалиться на время изъ Карѳагена, дабы своими увѣщаніями и наставленіями изъ неизвѣстнаго язычникамъ мѣста поддерживать

[1]) *Императоръ Декій* царствовалъ съ 249 г. по 251 г.

вѣру христіанъ и побуждать ихъ твердо исповѣдывать Имя Христово. Рѣшивъ удалиться на время изъ Карѳагена, Кипріанъ написалъ своимъ пресвитерамъ и діаконамъ, а также и предстоятелямъ Церкви Римской, посланіе. Въ этомъ посланіи Кипріанъ сообщалъ, что онъ удаляется изъ Карѳагена для того, чтобы его присутствіе не усилило еще болѣе ярости гоненія, что, хотя и отсутствуя отъ своей паствы тѣлесно, онъ присутствуетъ съ нею въ Господѣ, что онъ написалъ тринадцать посланій для утѣшенія сильныхъ, ободренія слабыхъ, для устраненія разнаго рода нестроеній въ церковной внутренней жизни и для успокоенія душъ колеблющихся.

Кипріанъ такъ объяснялъ свой поступокъ:

— Первая степень побѣды состоитъ въ томъ, чтобы исповѣдовать Господа послѣ взятія руками язычниковъ. Вторая степень славы состоитъ въ томъ, чтобы благоразумнымъ удаленіемъ спасти себя для Господа. Одна есть—всенародное исповѣданіе, другая—частное. Одна побѣждаетъ гражданскаго судію, другая—благопріятнѣе Богу какъ Судіи, ибо поддерживаетъ чистую совѣсть въ непорочности сердца. Въ одномъ случаѣ обнаруживается болѣе живая твердость, въ другомъ—болѣе увѣренная осторожность. Одинъ, когда приближается часъ его, оказывается уже созрѣвшимъ для смерти, для другаго, быть можетъ, она отсрочена,—для того, напримѣръ, который, оставивъ свое наслѣдіе, удалился по той именно причинѣ, чтобы ему не отпасть, но несомнѣнно исповѣдывалъ бы себя христіаниномъ, если бы и онъ былъ также взятъ (язычниками).

Безъ сомнѣнія, своимъ временнымъ удаленіемъ Кипріанъ оказалъ Церкви болѣе высокую услугу, чѣмъ могъ бы оказать ее сразу же принятымъ мученичествомъ.

Предъ удаленіемъ своимъ святый Кипріанъ раздѣлилъ церковныя деньги, бывшія доселѣ въ его завѣдываніи, между всѣми клириками, оставшимися въ Карѳагенѣ, для болѣе удобнаго вспомоществованія неимущимъ и бѣднымъ. Клиръ, съ своей стороны, охотно сообщалъ своему епископу всѣ свѣдѣнія о состояніи его паствы и повиновался ему такъ же, какъ и въ его личномъ присутствіи. По справедливости можно сказать, что онъ одинъ только и былъ способенъ управлять Карѳагенскою Церковію въ такое тяжелое время.

Его жизнеописатель, діаконъ Понтій, замѣчаетъ:

«Представимъ себѣ, что онъ (Кипріанъ) тогда (т. е. тогда, когда бы не скрылся изъ Карѳагена) удостоился мученической кончины... кто бы научилъ падшихъ покаянію, еретиковъ—истинѣ, расколоучителей—единству, чадъ Божіихъ—сохраненію мира и молитвѣ?»

Святый Кипріанъ находился, такимъ образомъ, въ постоянномъ сношеніи съ своею паствою и посылалъ неоднократныя письма и сообщенія пресвитерамъ, діаконамъ, мученикамъ и исповѣдникамъ. Первымъ онъ говорилъ, что прибудетъ къ нимъ, какъ только Богъ покажетъ ему, что такова Его воля. Онъ просилъ ихъ имѣть попеченіе о вдовахъ, больныхъ, странникахъ и о всѣхъ неимущихъ. Хотя онъ и оставилъ для этой цѣли нѣкоторую сумму денегъ, но, опасаясь, что, быть можетъ, она уже вся истрачена, онъ отправилъ своего слугу Нарика съ новымъ денежнымъ приношеніемъ. Болѣе всего заботился Кипріанъ о томъ, чтобы христіане не пали духомъ среди бури огорченій. Съ не меньшею задушевностью писалъ святый Кипріанъ также исповѣдникамъ и мученикамъ. Онъ укрѣплялъ ихъ мужество, превозносилъ ихъ вѣрность; увѣщевалъ всѣхъ христіанъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы дòлжныя почести оказывались тѣламъ мучениковъ послѣ ихъ смерти и чтобы имъ доставлялось всевозможное облегченіе во время ихъ страданій.

О святыхъ исповѣдникахъ Кипріанъ отзывался съ великою похвалою. Онъ побуждалъ своихъ клириковъ заботиться о томъ, чтобы, какъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка въ славѣ исповѣдниковъ, такъ не было бы ни въ чемъ недостатка и въ помощи имъ, и просилъ, чтобы его извѣщали о дняхъ ихъ смерти, дабы онъ могъ приносить въ ихъ воспоминаніе возношенія и жертвы.

Въ первое время послѣ удаленія святаго Кипріана изъ Карѳагена ярость язычниковъ, преслѣдовавшихъ христіанъ, нѣсколько ослабѣла. Но спустя нѣкоторое время она усилилась еще болѣе. Для принужденія христіанъ къ отреченію отъ исповѣдаемой ими вѣры были придуманы язычниками различныя жестокія пытки и мученія. Исповѣдниковъ Имени Христова и поражали бичами, и били прутьями, и раздирали желѣзными орудіями, и жгли на огнѣ. Темницы переполнились христіанами; одни изъ заключенныхъ въ скоромъ же времени получали вѣнцы побѣдные; другіе были близки къ тому, чтобы получить сіи вѣнцы, ибо были воодушевлены тѣмъ же мужествомъ и съ тою же ревностію стремились на подвигъ брани. Но были и такіе христіане, которые не выно-

сили мученій и приносили жертвы, или курили ладанъ идоламъ, или за деньги покупали у градоначальниковъ записки, въ которыхъ означалось, что они приносили жертвы идоламъ и отреклись отъ Христа, хотя этого не было на самомъ дѣлѣ. Нѣкоторые даже добровольно безъ всякаго требованія приносили жертвы богамъ языческимъ. Другихъ языческіе судіи, съ наступленіемъ ночи, отпускали домой и не понуждали къ жертвоприношенію, но они сами просили дозволенія принести жертвы въ вечернее время, не отлагая ихъ до другаго дня. Много было и такихъ, которые склоняли друзей своихъ къ отреченію отъ вѣры христіанской, какое совершали сами.

Горько и тяжело было святому Кипріану слышать о паденіи слабыхъ членовъ своей паствы! Паденіе ихъ онъ называлъ отторженіемъ части собственнаго сердца. Впослѣдствіи писалъ онъ по сему поводу:

«Скорблю, скорблю, братія, съ вами, и болѣзнь моя не облегчается моею сохранностію и моимъ собственнымъ здравіемъ; какъ пастырь, я уязвленъ ударомъ, нанесеннымъ моему стаду. Съ каждымъ изъ васъ соединено мое сердце, съ каждымъ я болѣю и умираю! Ударами жестокаго врага поражено и мое тѣло! И мою душу прошло оружіе! Мое сердце, удаленное и свободное отъ гоненія, не осталось въ покоѣ; любовь поразила меня, когда поражены мои братья» [1]).

Около этого времени случилось еще одно обстоятельство, причинившее немало огорченій святому Кипріану.

Необходимо замѣтить, что въ древности въ Церкви Карѳагенской, какъ и въ другихъ церквахъ, среди исповѣдниковъ было въ обычаѣ давать отпавшимъ особаго рода ходатайственныя записки, или «письма мира», по которымъ согрѣшившіе были скорѣе допускаемы въ общеніе съ вѣрными. И теперь многіе изъ отпавшихъ отъ Христа возлагали большую надежду на ходатайство исповѣдниковъ и мучениковъ. Но при этомъ многіе исповѣдники, по излишней снисходительности къ падшимъ, не обращали вниманія на свойство ихъ покаянія и давали эти ходатайственныя записки («письма мира») безъ надлежащаго разсмотрѣнія и осторожности. Только немногіе исповѣдники просили епископа даровать миръ нѣкоторымъ падшимъ по окончаніи гоненія — по воз-

---

[1]) «Книга о падшихъ», гл. 4.

вращеніи самого епископа и по тщательномъ изслѣдованіи нравственнаго состоянія падшихъ. Такая снисходительность къ падшимъ оказывалась въ то время, когда гоненіе еще свирѣпствовало въ Карѳагенѣ; слѣдовательно, эта снисходительность могла ослабить твердость въ вѣрѣ и прочихъ христіанъ, еще не подвергшихся гоненію.

Когда святый Кипріанъ узналъ обо всемъ этомъ, то отправилъ въ Карѳагенъ три письма — къ клиру, исповѣдникамъ и народу; и такъ какъ главными нарушителями древняго церковнаго благочинія оказались пресвитеры, то Кипріанъ во всѣхъ этихъ письмахъ обличалъ ихъ болѣе всего; всѣхъ вообще — и клиръ, и народъ — Кипріанъ убѣждалъ ожидать Соборнаго разсужденія о принятіи падшихъ въ Церковь, а самый Соборъ обѣщалъ созвать по окончаніи гоненія и по возвращеніи своемъ въ Карѳагенъ. Исповѣдниковъ Кипріанъ просилъ обращать особенное вниманіе на дѣла и заслуги, на родъ и качества грѣхопаденія каждаго, изъ числа тѣхъ, за кого они будутъ предлагать свое ходатайство.

Но всѣ эти письма святаго Кипріана не имѣли полнаго успѣха. Правда, пресвитеры, послушные своему пастырю, перестали допускать падшихъ къ общенію въ Церкви наравнѣ съ вѣрными и увѣщевали ихъ прежде всего загладить свой грѣхъ искреннимъ покаяніемъ; но нѣкоторые изъ падшихъ и послѣ сего не пожелали принести покаянія, не хотѣли ожидать рѣшенія своего дѣла до окончанія гоненія, а требовали себѣ немедленно разрѣшенія грѣховъ.

Однако, святый Кипріанъ не ослабилъ своихъ требованій и послѣ извѣстія о таковомъ непослушаніи со стороны нѣкоторыхъ падшихъ христіанъ.

Охраняя съ такою твердостію благочиніе церковное, святый Кипріанъ изъ мѣста своего удаленія открылъ еще переписку съ сосѣдственными епископами для того, чтобы ихъ согласіемъ еще болѣе подтвердить свое требованіе покаянія отъ падшихъ. Въ отвѣтъ на его письма епископы сообщали, что они вполнѣ одобряли его требованія и писали ему, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ему отступать отъ своего постановленія до Собора, имѣющаго быть по окончаніи гоненія.

Въ то время какъ сосѣдніе епископы открыто подтвердили и одобрили требованія святаго Кипріана относительно падшихъ, исповѣдники объявили свое несогласіе съ нимъ. Одинъ изъ нихъ,

Лукіанъ, отъ имени всѣхъ написалъ къ Кипріану письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Кипріана, что всѣ исповѣдники даровали миръ падшимъ; этотъ же Лукіанъ написалъ подобное письмо и римскому исповѣднику Целерину.

Ободренные такимъ покровительствомъ исповѣдниковъ, падшіе въ нѣсколькихъ городахъ Африканской провинціи произвели возмущеніе противъ предстоятелей и съ угрозами требовали у нихъ себѣ мира, уже дарованнаго, какъ увѣряли они, исповѣдниками и мучениками. Въ самомъ Карѳагенѣ безпокойные міряне послѣ сего съ большою дерзостію начали требовать себѣ примиренія съ Церковію.

Между тѣмъ, святый Кипріанъ увѣщевалъ клиръ и народъ поступать такъ, какъ ему было предписано ранѣе.

Ввиду сего болѣе благонамѣренные изъ падшихъ совершенно смирились и обѣщали полное послушаніе епископу. Въ скоромъ времени послѣ сего нѣкоторые изъ нихъ уже писали святому Кипріану, что они сознаютъ свое грѣхопаденіе, совершаютъ предписанное церковными правилами покаяніе, не желаютъ поспѣшнаго и неблаговременнаго примиренія съ вѣрными, но ожидаютъ возвращенія своего епископа, говоря, что самое примиреніе въ его присутствіи будетъ для нихъ пріятнѣе.

Въ скоромъ времени послѣ сего Кипріану было открыто въ видѣніи, что скоро возстановится миръ въ Церкви, что только для нѣкоторыхъ еще, на непродолжительное время, продлится гоненіе и что по мѣрѣ усердія въ молитвѣ можетъ послѣдовать ускореніе мира.

И дѣйствительно, видѣніе святаго Кипріана стало оправдываться самыми событіями. Гоненіе на христіанъ въ Карѳагенѣ хотя еще продолжалось, но ослабѣвало; язычники начали дозволять исповѣдникамъ Имени Христова пользоваться все большею и большею свободою. Заключенные въ темницахъ выходили на свободу, а сосланные на заточеніе возвращались въ отечество.

Однако гоненіе еще не окончилось. Еще много заботъ и безпокойствъ предстояло славному архипастырю, святому Кипріану.

За время отсутствія Кипріана въ Карѳагенѣ явилась потребность въ пресвитерахъ и клирикахъ. Кипріанъ избралъ себѣ какъ бы четырехъ намѣстниковъ, которымъ и поручилъ тщательно распознавать лѣта, состояніе и заслуги тѣхъ лицъ, которые имѣли быть произведены Кипріаномъ въ ту или другую іерархическую

степень. Намѣстниками сими были избраны два епископа ближайшихъ къ Карѳагену епархій — Калдоній и Геркуланъ, затѣмъ Рогаціанъ, карѳагенскій пресвитеръ и исповѣдникъ, и клирикъ Нумидикъ.

Упомянутые лица тотчасъ же приступили къ исполненію требованій своего епископа. Но исполняя порученное имъ дѣло, они встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны тѣхъ лицъ, которымъ не нравилась столь законная и необходимая попечительность Кипріана о выборѣ достойныхъ служителей Церкви. Такимъ человѣкомъ явился нѣкто Фелициссимъ, мірянинъ, и пресвитеръ Новатъ; къ нимъ присоединились еще четыре пресвитера, опасавшіеся справедливаго суда Кипріана надъ собою. Они, и особенно пресвитеръ Новатъ, побудили Фелициссима открыть возстаніе противъ своего епископа.

Когда все это стало извѣстно Кипріану, онъ произнесъ отлученіе на Фелициссима и угрожалъ подвергнуть такому же наказанію и всѣхъ его сообщниковъ, а самое письмо, которое Кипріанъ писалъ по сему случаю, онъ повелѣлъ прочитать народу и переслать въ Карѳагенъ къ клиру. Пока оказалось только шесть ярыхъ приверженцевъ Фелициссима, которые тогда же были отлучены отъ Церкви; но такъ какъ нашлись новые сторонники Фелициссима, то возмущеніе, произведенное имъ, еще не было устранено.

Кипріанъ намѣревался возвратиться въ Карѳагенъ къ празднику Пасхи, но ввиду того, что возмущеніе Фелициссима и его сторонниковъ еще не окончилось, онъ, не желая увеличивать смятенія своимъ появленіемъ, рѣшилъ провести праздникъ Пасхи на мѣстѣ своего удаленія; а чтобы въ отсутствіе его враги не пріобрѣли еще бо́льшаго успѣха, онъ письменно увѣщевалъ свою паству не довѣрять пагубнымъ словамъ возмутителей.

Глубоко страдалъ святый Кипріанъ въ это время за свою паству. Его скорбь выразилась въ письмѣ, написанномъ по сему случаю:

«Какъ я мучусь теперь, — писалъ онъ карѳагенскимъ христіанамъ,—что не могу самъ придти къ вамъ и лично увѣщевать каждаго изъ васъ, по ученію Господа и Его Евангелія. Мало было для меня уже двухгодичнаго изгнанія и горькаго разлученія съ вами; мало было скорби и печали, которая постоянно мучила меня безъ васъ; мало было слезъ, днемъ и ночью проливаемыхъ

о томъ, что пастырю, котораго вы избрали съ такою любовію и горячностію, нельзя лично привѣтствовать васъ ни быть въ вашихъ объятіяхъ. Для истаевающаго отъ печали сердца нашего наступила еще бо́льшая скорбь. При такомъ безпокойствѣ и нуждѣ я самъ не могу въ скорости придти къ вамъ... Но за то отсюда убѣждаю и прошу васъ, любезныя братія: не довѣряйте пагубнымъ рѣчамъ, не внимайте легковѣрно обманчивымъ словамъ, не избирайте вмѣсто свѣта—тьму, вмѣсто дня—ночь, вмѣсто пищи—гладъ, вмѣсто питія—жажду, вмѣсто лѣкарства—ядъ, вмѣсто здоровья—смерть... Не принесутъ намъ мира тѣ, которые сами не имѣютъ мира... Никто да не отклонитъ васъ отъ путей Господнихъ. Пусть погибаютъ одни тѣ, которые захотѣли своей погибели; пусть остаются внѣ Церкви одни тѣ, которые отдѣлились отъ Церкви; пусть одни тѣ не будутъ съ епископами, которые возмутились противъ епископовъ... Прошу васъ: отдѣлитесь отъ таковыхъ, послушайтесь моихъ совѣтовъ. Я каждодневно изливаю за васъ постоянныя молитвы предъ Господомъ; я желаю возсоединить васъ съ Церковію; я только прошу у Бога прежде мира Матери (Церкви), а потомъ уже ея чадамъ. Соедините съ моими молитвами и моленіями ваши молитвы, съ моимъ плачемъ—ваши слезы» [1]).

Увѣщевая такъ трогательно тѣхъ, которые могли понять въ его словахъ голосъ отеческой любви, святый Кипріанъ угрожалъ наказаніемъ — отлученіемъ отъ Церкви — тѣмъ, которые не захотѣли бы повиноваться ему.

Письмо это, конечно, удержало благонамѣренныхъ на сторонѣ епископа.

Вскорѣ послѣ сего, когда Новатъ при посредствѣ своихъ сообщниковъ безъ согласія и вѣдома святаго Кипріана произвелъ Фелициссима въ діакона, Кипріанъ написалъ еще два письма къ клиру и народу о семъ незаконномъ посвященіи. Это были послѣднія письма изъ мѣста его удаленія. Возмущенію Фелициссима былъ положенъ конецъ уже на Соборѣ, происходившемъ, по возвращеніи Кипріана, въ Карѳагенѣ [2]).

Вскорѣ же послѣ возвращенія въ Карѳагенъ Кипріанъ предсѣдательствовалъ на семъ Соборѣ, который подвергъ разсмотрѣнію

---

[1]) Письмо 40-ое.

[2]) Соборъ этотъ происходилъ въ 251 г.

два вопроса: о расколѣ Фелициссима и о допущеніи падшихъ къ общенію съ вѣрными.

Отцы Собора послѣ многихъ и долгихъ разсужденій единодушно постановили, что падшимъ не дòлжно отказывать въ общеніи съ Церковію, чтобы они не отчаялись въ милосердіи Божіемъ и не стали жить по-язычески, но что и не дòлжно преждевременно допускать ихъ къ общенію,—что соединенію ихъ съ Церковію должны предшествовать продолжительное покаяніе, молитва Богу, соединенная со слезами, и изслѣдованіе нравственнаго состоянія каждаго изъ нихъ. При этомъ по различію падшихъ были назначены и различныя степени покаянія. Фелициссимъ же и его единомышленники, какъ возмутившіеся противъ власти епископа, были отлучены отъ Церкви.

Однако враги Кипріана не успокоились. Пресвитеръ Новатъ вскорѣ отправился въ Римъ и здѣсь, измѣнивъ Фелициссиму, присоединился къ партіи Новаціана[1]), вслѣдствіе чего произвелъ многія смуты какъ въ Римской, такъ и въ Карѳагенской Церквахъ. Фелициссимъ же вмѣстѣ со своими единомышленниками черезъ годъ произвелъ новое возмущеніе противъ святителя Божія Кипріана.

Новаціанъ началъ распространять въ Римѣ лжеученіе, утверждая, что падшихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ принимать въ общеніе, хотя бы они и приносили покаяніе; вмѣстѣ съ тѣмъ Новаціанъ сдѣлалъ попытку предвосхитить честь епископства у законноизбраннаго въ епископы пресвитера римскаго Корнилія. Благодаря содѣйствію Новата, прибывшаго въ Римъ, Новаціану удалось побудить трехъ италійскихъ епископовъ къ совершенію надъ нимъ рукоположенія во епископа.

Святый Кипріанъ съ истинно христіанскою мудростію старался пресѣчь въ самомъ корнѣ всѣ церковные раздоры и волненія. Кипріанъ извѣстилъ окружнымъ посланіемъ африканскихъ епископовъ о законномъ поставленіи во епископы Корнилія и о незаконныхъ дѣйствіяхъ Новаціана. Святитель Божій не переставалъ внушать всѣмъ ту истину, что тамъ, гдѣ законно избранъ и рукоположенъ одинъ епископъ, нельзя поставлять другого епископа, и убѣждалъ возмутителей мира церковнаго оставить гибельный

---

[1]) *Новаціанъ*—пресвитеръ римскій, онъ писалъ ранѣе Кипріану отъ имени всего римскаго клира по дѣлу о принятіи въ Церковь падшихъ.

раздоръ и споры и возвратиться въ лоно единой истинной Церкви Вселенской. Для предохраненія же вѣрующихъ отъ соблазна расколоучителей Новаціана и Фелициссима святый Кипріанъ написалъ книгу «О единствѣ Церкви».

Испытанія Кипріана этимъ еще не окончились. Нашлись люди, которые продолжали сѣять въ Церкви плевелы раздора и возмущенія. Такъ, нѣкій еретикъ Приватъ, присоединившись къ партіи Фелициссима, добился незаконнаго поставленія во епископа Карѳагенскаго Фортуната. Однако послѣ увѣщаній Кипріана сторонники Фортуната начали оставлять его и возвратились къ миру церковному.

Дабы окончательно устранить всѣ раздоры и несогласія, порождаемые врагами мира церковнаго, святитель Божій Кипріанъ рѣшилъ созвать Помѣстный Соборъ въ Карѳагенѣ. Такихъ Соборовъ въ Карѳагенѣ было нѣсколько. На семъ Соборѣ были рѣшены многіе вопросы, касавшіеся внутренней церковной жизни, какъ, напримѣръ, о принятіи падшихъ, о крещеніи еретиковъ и т. под. Мало-помалу возмущеніе, произведенное въ жизни церковной непокорными членами Церкви, утихало, и въ Церкви водворялись миръ и тишина.

Господу благоугодно было посѣтить святаго Кипріана еще новымъ испытаніемъ: на смѣну бѣдствій отъ гоненія со стороны язычниковъ появилось бѣдствіе стихійное: моровая язва.

Неожиданно разразившееся бѣдствіе было одинаково тяжело какъ для христіанъ, такъ и для язычниковъ. Моровая язва безъ перерыва значительное время свирѣпствовала въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ и почти въ каждомъ семействѣ.

Общее бѣдствіе вызвало Кипріана на самую самоотверженную и благородную дѣятельность. Въ то время какъ язычники только еще болѣе укрѣплялись въ своемъ себялюбіи, въ то время какъ они, по-видимому, всецѣло предались страху, который заставлялъ ихъ покидать самыхъ дорогихъ своихъ родственниковъ и оставлять мертвыхъ непохороненными на улицахъ, христіане, руководимые Кипріаномъ, оставались непоколебимыми. Самъ Кипріанъ не ограничился увѣщаніями, а своимъ личнымъ примѣромъ подавалъ образецъ для подражанія всѣмъ христіанамъ.

Язва сопровождалась своими обычными страшными спутниками—засухой и голодомъ; кромѣ того, по границамъ Римской имперіи бродили орды варваровъ-нумидійцевъ и дѣлали нашествія,

во время которыхъ они уводили много плѣнныхъ; христіане карѳагенскіе, руководимые святымъ Кипріаномъ, жертвовали деньги на выкупъ хотя бы нѣкоторыхъ изъ числа этихъ плѣнниковъ.

Такимъ образомъ во время страшнаго бѣдствія общественнаго Кипріанъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы всячески облегчить участь страждущихъ.

Несмотря на это, среди язычниковъ находились люди, которые осмѣливались утверждать, что язва, какъ и прочія бѣдствія общественныя, была послана богами языческими за непоклоненіе имъ христіанъ. Такіе слухи распространялъ особенно нѣкто Димитріанъ, одинъ изъ судей карѳагенскихъ. Вслѣдъ за нимъ и другіе язычники повторяли эту клевету на христіанъ.

Святый Кипріанъ опровергъ это заблужденіе, написавъ особое сочиненіе по сему поводу. «Бѣдствія міра,—писалъ онъ Димитріану и всѣмъ тѣмъ, кто раздѣлялъ его мысли,—имѣютъ свою причину въ развращеніи людей; эти бѣдствія предсказаны Пророками—какъ наказанія за пороки, которыя особенно распространены среди язычниковъ и которыя сами по себѣ всегда разрушаютъ благосостояніе народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ. Языческіе боги,—разсуждалъ Кипріанъ,—не могутъ сами защищать себя, и тѣмъ явно доказываютъ свою зависимость отъ христіанъ, когда изгоняются изъ людей христіанами[1]); мы,—христіане,—разсуждалъ святый Кипріанъ,—хотя также подвергаемся внѣшнимъ бѣдствіямъ, но при безропотномъ перенесеніи ихъ и надеждѣ на будущую жизнь мы не страдаемъ отъ несчастій.»

Между тѣмъ приближалось время страданій святаго Кипріана. На престолъ вступилъ императоръ Валеріанъ[2]), который воздвигъ жестокое гоненіе на христіанъ.

Вѣсть о новомъ гоненіи на христіанъ скоро достигла и до Церкви Африканской и, какъ обыкновенно, сколько устрашала малодушныхъ, столько же воспламеняла къ мужественному терпѣнію твердыхъ въ вѣрѣ.—«О чемъ лучше и болѣе намъ дòлжно заботиться, какъ не о томъ, чтобы непрестанными увѣщаніями приготовить ввѣренный намъ народъ противъ стрѣлъ діавола»,—писалъ тогда святый Кипріанъ Фортунату, епископу Туккаборскому. Но, кромѣ устныхъ и письменныхъ увѣщаній, святый Кипріанъ

---

1) Разумѣется изгнаніе бѣсовъ, поселявшихся въ людей.

2) *Императоръ Валеріанъ* царствовалъ съ 253 г. по 259 г.

и самимъ дѣломъ подалъ примѣръ небоязненнаго исповѣданія своей вѣры предъ язычниками.

Послѣ того какъ было объявлено гоненіе на христіанъ, проконсулъ карѳагенскій Аспазій Патернъ получилъ указъ императора, который предписывалъ принуждать христіанъ къ поклоненію идоламъ; при этомъ епископы христіанскіе подлежали изгнанію, а христіанскія собранія запрещались. Проконсулъ намѣревался прежде всего принудить къ отреченію отъ вѣры христіанской святаго Кипріана, а посему прежде всего призвалъ его къ допросу.

Когда Кипріанъ пришелъ, проконсулъ спросилъ его:

— Императоръ приказалъ мнѣ принудить всѣхъ христіанъ поклониться идоламъ: что ты скажешь относительно этого?

Святый Кипріанъ отвѣчалъ:

— Я—христіанинъ и епископъ христіанскій; я не знаю иныхъ боговъ, кромѣ Единаго Истиннаго Бога, сотворившаго небо, и землю, и море, и все, что находится въ нихъ; сему Богу мы, христіане, служимъ днемъ и нощію.

Проконсулъ сказалъ:

— Такъ ты будешь упорствовать въ своемъ рѣшеніи?

Кипріанъ отвѣтилъ на это:

— Благое рѣшеніе, вѣдомое Господу, должно оставаться неизмѣннымъ.

Проконсулъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ ты, согласно приказанію императора, долженъ отправиться на заточеніе.

Кипріанъ отвѣтилъ проконсулу:

— Я охотно пойду на заточеніе.

Послѣ сего проконсулъ спросилъ еще Кипріана:

— Я имѣю приказаніе отъ императора не только относительно епископовъ, но и относительно іереевъ: посему, скажи мнѣ, какіе іереи находятся въ семъ городѣ?

На это Кипріанъ отвѣчалъ:

— Вашими законами запрещены доношенія (доносы); посему я не могу открыть и объявить тебѣ іереевъ; но если будешь искать ихъ, то, конечно, найдешь въ городѣ.

Проконсулъ сказалъ еще:

— Мнѣ поручено еще смотрѣть, чтобы у христіанъ нигдѣ не было своихъ собраній и чтобы они нигдѣ не отправляли своихъ служеній.

Святый Кипріанъ отвѣтилъ проконсулу:

— Поступай, какъ тебѣ приказано.

Въ скоромъ времени послѣ сего святый Кипріанъ былъ отправленъ въ ссылку въ Курубисъ[1]). Діаконъ Понтій, описавшій жизнь святаго Кипріана, добровольно сопровождалъ его къ мѣсту заточенія.

Въ первый же день по прибытіи сюда святый Кипріанъ имѣлъ ночью видѣніе, предзнаменовавшее его мученическую кончину. О семъ видѣніи Кипріанъ разсказалъ діакону Понтію, повѣдавъ слѣдующее:

— Едва лишь я слегка задремалъ, я увидѣлъ нѣкоего юношу, некрасиваго и неблагообразнаго, который ввелъ меня въ преторію на судъ; мнѣ казалось, что я долженъ былъ предстать суду игемонову. Игемонъ, посмотрѣвъ на меня, ничего мнѣ не сказалъ, но тотчасъ написалъ что-то. Я не зналъ, что онъ написалъ; но я увидѣлъ иного юношу, благообразнаго лицемъ, стоявшаго сзади игемона; сей юноша смотрѣлъ, какъ писалъ игемонъ, и читалъ про себя написанное игемономъ. Прочитавъ написанное, юноша тотъ знакомъ руки далъ мнѣ понять, что тамъ былъ написанъ относительно меня судъ смертный, ибо мнѣ надлежало быть усѣченнымъ мечомъ. Съ своей стороны и я знакомъ руки далъ понять юношѣ, что я понялъ то, что онъ объяснялъ мнѣ; при этомъ я началъ со усердіемъ просить судію того дать мнѣ еще одинъ день жизни, чтобы я могъ устроить всѣ свои дѣла. Въ то время какъ я просилъ объ этомъ судію, сей послѣдній, ничего не отвѣчая мнѣ, но какъ бы въ отвѣтъ на мою просьбу началъ что-то писать. Юноша, стоявшій сзади судіи, слѣдя за тѣмъ, что писалъ судія, знакомъ руки объяснилъ мнѣ, что моя жизнь будетъ продолжена еще на одинъ день. Я очень обрадовался этому; однако находился въ великомъ страхѣ и смущеніи.

Это видѣніе святый Кипріанъ истолковывалъ относительно себя въ томъ смыслѣ, что ему было предопредѣлено Богомъ умереть отъ усѣченія мечомъ за исповѣданіе Имени Христова. Одинъ день жизни, дарованный ему согласно сему видѣнію, Кипріанъ истолковалъ какъ одинъ годъ. И, дѣйствительно, онъ скончался мученически за исповѣданіе Имени Христова, будучи усѣченъ мечомъ, спустя годъ послѣ того видѣнія.

---

[1]) *Курубисъ* отстоялъ въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Карѳагена.

Находясь въ изгнаніи, святый Кипріанъ все время проводилъ въ богомысліи, пріуготовляясь къ смерти. Въ заточеніи Кипріанъ написалъ много богомудрыхъ твореній; всѣхъ, кто приходилъ къ нему для душеспасительной бесѣды, онъ поучалъ, прося всѣхъ быть твердыми въ вѣрѣ, не страшиться угрозъ мучителей и страданій за исповѣданіе Имени Христова; онъ увѣщевалъ христіанъ не привязываться къ временнымъ и скоропреходящимъ утѣхамъ жизни сей, но искать жизни вѣчной.

Пребывая въ изгнаніи, святый Кипріанъ терпѣливо переносилъ всѣ лишенія ради Имени Христова, вмѣняя заточеніе въ родное отечество свое. Ибо для христіанина, возложившаго все упованіе свое на Бога, отечество и родной домъ является странствованіемъ, согласно сказанному: **пресѣ́льникъ а҆́зъ є҆́смь ѹ҆ тебѐ и҆ пришле́цъ, ꙗ҆́коже всѝ ѻ҆тцы̀ мои̇**[1]); съ другой стороны, для такого христіанина отечествомъ является и мѣсто изгнанія, и странствованія, ибо на всякомъ мѣстѣ онъ видитъ присутствующаго близъ себя Бога, согласно сказанному: **предзрѣ́хъ гдⷭ҇а** моего **предо мно́ю вы́нꙋ**[2]).

Прошелъ еще годъ, и на мѣсто упомянутаго выше Аспазія Патерна проконсуломъ назначенъ былъ Галерій Максимъ. Въ это время императоръ Валеріанъ издалъ еще болѣе жестокій указъ о преслѣдованіи христіанъ, именно: Валеріанъ требовалъ, чтобы всѣ христіанскіе епископы, пресвитеры и вообще всѣ руководители христіанъ были лишены своихъ должностей и имущества, а въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія въ христіанствѣ должны быть преданы смерти.

Повелѣніе императора стало извѣстнымъ въ Африкѣ тогда, когда проконсулъ Галерій Максимъ отлучился въ мѣстечко Утику, куда было сослано изъ разныхъ мѣстъ множество христіанъ. Проконсулъ хотѣлъ здѣсь же начать преслѣдованіе христіанъ и сюда приказалъ своимъ воинамъ привести святаго Кипріана.

Всегда готовый съ полнымъ спокойствіемъ и безстрашіемъ принять мученическую кончину, святый Кипріанъ считалъ, однако, приличнымъ и полезнымъ совершить подвигъ мученичества среди своей паствы. Разсуждая такъ и вмѣстѣ слѣдуя совѣту друзей своихъ, которые увѣдомили его объ отправленіи за нимъ стражи, Кипріанъ скрылся на время въ одно неизвѣстное мѣсто,—но только

1) Псал. 38, ст. 13.
2) Псал. 15, ст. 8.

до возвращенія проконсула въ Карѳагенъ. А дабы это временное уклоненіе не подвергалось нареканію, Кипріанъ написалъ къ клиру и народу письмо, въ которомъ объяснялъ причину своего удаленія; въ этомъ же письмѣ Кипріанъ въ послѣдній разъ преподалъ наставленія клиру и паствѣ.

Едва лишь проконсулъ Галерій Максимъ прибылъ въ Карѳагенъ, сейчасъ же Кипріанъ вышелъ изъ мѣста своего уединенія. Вскорѣ послѣ сего проконсулъ послалъ двухъ честныхъ мужей, приказавъ имъ взять Кипріана. Кипріанъ мужественно исшелъ на мученическій подвигъ и отправился вмѣстѣ съ упомянутыми двумя мужами въ колесницѣ къ проконсулу. Но такъ какъ, по приказанію проконсула, судъ надъ святителемъ Божіимъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, то Кипріанъ отведенъ былъ на ночь въ домъ одного изъ тѣхъ мужей, которые были посланы проконсуломъ для взятія Кипріана. Здѣсь святитель провелъ послѣднюю ночь, причемъ, по состраданію и довѣрію къ нему, онъ былъ оставленъ почти безъ стражи.

Между тѣмъ по городу распространился слухъ, что епископъ Кипріанъ возвращенъ изъ заточенія для того, чтобы воспріять смерть мученическую; и тотчасъ устремились христіане къ тому дому, въ которомъ пребывалъ Кипріанъ, желая видѣть въ послѣдній разъ своего пастыря и учителя. При этомъ христіане явили по отношенію къ святому Кипріану еще болѣе любви и преданности, нежели какъ это было при избраніи его въ епископы. Они не хотѣли разстаться со своимъ любимымъ архипастыремъ до самой кончины его, и потому всю ночь провели безъ сна предъ дверями его дома. Поступили же такъ христіане не потому, чтобы хотѣли освободить святаго Кипріана изъ рукъ и власти язычниковъ, но для того, чтобы сподобиться отъ него, какъ отца своего духовнаго, послѣдняго благословенія.

Утромъ слѣдующаго дня Кипріанъ былъ выведенъ изъ того дома и представленъ проконсулу для допроса.

Проконсулъ спросилъ Кипріана:

— Ты ли Кипріанъ?

Кипріанъ отвѣтилъ:

— Да, это я.

Проконсулъ сказалъ затѣмъ:

— Это ты въ качествѣ епископа стоишь во главѣ тѣхъ безумныхъ людей, которые именуютъ себя христіанами?

Кипріанъ отвѣтилъ:

— Да, я епископъ людей Христовыхъ.

Проконсулъ продолжилъ допросъ, сказавъ:

— Благочестивѣйшіе и славные императоры повелѣваютъ тебѣ принести жертву богамъ.

На это Кипріанъ отвѣтилъ:

— Ни въ какомъ случаѣ я не сдѣлаю сего.

Проконсулъ сказалъ:

— Поразмысли хорошенько и избери то, что̀ ты находишь болѣе полезнымъ для себя.

На это святитель Божій отвѣтилъ:

— Поступай такъ, какъ тебѣ предписано. Что же касается меня, то въ столь ясномъ для меня дѣлѣ я не вижу необходимости въ размышленіи.

Послѣ сего проконсулъ посовѣтовался съ прочими судіями, бывшими при допросѣ, и, упрекнувъ Кипріана за непочитаніе идоловъ, произнесъ рѣшительный приговоръ объ усѣкновеніи его мечомъ, сказавъ такъ:

— Кипріанъ, епископъ христіанскій, долженъ быть усѣченъ мечомъ.

Святитель же Христовъ, услышавъ такой приговоръ себѣ, возрадовался и сказалъ во всеуслышаніе:

— Благодареніе Господу!

Народъ, видѣвшій все происходившее, обратившись къ проконсулу, началъ взывать:

— И мы хотимъ умереть съ нимъ!

И было великое смятеніе въ народѣ.

Между тѣмъ Кипріанъ былъ отведенъ на мѣсто казни. Сюда же послѣдовали за святителемъ Божіимъ и христіане, проливавшіе слезы при видѣ пастыря, ведомаго на смерть.

Придя къ назначенному мѣсту, святитель Божій снялъ съ себя верхнюю одежду, преклонилъ колѣна и началъ молиться Богу. Помолившись достаточное время, священномученикъ Христовъ преподалъ всѣмъ миръ и благословеніе и приказалъ своимъ друзьямъ дать палачу двадцать пять златницъ, совершая и при смерти благодѣяніе; затѣмъ завязалъ себѣ убрусомъ (полотенцемъ) глаза, а руки отдалъ связать стоявшимъ подлѣ него пресвитеру и иподіакону. Между тѣмъ нѣкоторые изъ христіанъ постилали предъ святителемъ платки и убрусы, дабы воспринять на нихъ

кровь священномученика Христова—какъ нѣкое драгоцѣнное сокровище. Наконецъ, святитель Божій преклонилъ главу свою и былъ усѣченъ мечомъ.

Такъ окончилъ жизнь свою святитель Божій, пострадавъ во славу Христа, Бога нашего[1]).

Честное тѣло святителя Христова было перенесено ночью со свѣчами и приличнымъ пѣніемъ на частное кладбище нѣкоего прокуратора Макровія Кандидіана и здѣсь предано погребенію. Впослѣдствіи, при королѣ Карлѣ Великомъ, мощи священномученика Кипріана были перенесены во Францію въ городъ Арль, а при королѣ Карлѣ Лысомъ—въ городъ Компьень, въ монастырь святаго Корнелія.

Нечестивые же мучители не остались безъ наказанія; въ скоромъ времени ихъ постигъ справедливый судъ Божій.

Спустя нѣсколько дней послѣ мученической кончины святаго Кипріана, по суду Божію, изъятъ былъ изъ числа живыхъ проконсулъ Галерій Максимъ. Императоръ же Валерій, преслѣдовавшій съ жестокостію христіанъ, потерпѣлъ жестокое пораженіе въ войнѣ съ Персами и погибъ въ темницѣ, будучи захваченъ врагами.

Святый Кипріанъ оставилъ послѣ себя весьма много сочиненій, въ которыхъ онъ раскрывалъ какъ вѣроучительныя, такъ и нравоучительныя истины. Большая часть ихъ состоитъ изъ писемъ (всего Кипріаномъ написано около 80 писемъ); кромѣ того, Кипріанъ написалъ много отдѣльныхъ трактатовъ, или сочиненій. Предметами сочиненій его были: пастырь Церкви и дѣвственники; страждущіе и падшіе; язычники и іудеи; еретики и расколоучители. Для пастырей Церкви Кипріаномъ написана «Книга о ревности и зависти»,—плодъ истинно апостольскаго духа,—съ постановленіями о томъ, какъ надобно поступать для мира и пользы Церкви. Для дѣвственниковъ—«Книга о поведеніи дѣвственницъ». Любовь къ страждущимъ побудила святаго Кипріана написать три замѣчательныя сочиненія: «О высотѣ терпѣнія», «О милосердіи» и «О смертности». «Книга о падшихъ» содержитъ въ себѣ назидательныя разсужденія о покаяніи. Къ числу защитительныхъ сочиненій святаго Кипріана, въ которыхъ онъ отстаивалъ христіанство противъ нападковъ язычниковъ, принадлежатъ:

---

[1]) Кончина *святаго Кипріана* послѣдовала въ 258 г.

«Книга къ Димитріану» и «О тщетѣ идоловъ».—«Три книги свидѣтельствъ противъ іудеевъ» заключаютъ въ себѣ родъ краткаго начертанія вѣры и дѣятельности христіанской и обличеніе упорствовавшихъ іудеевъ. Въ обличеніе ересей и расколовъ Кипріаномъ написана «Книга о единствѣ Церкви» и «Книга къ Донату о Крещеніи». Въ сочиненіи «Къ Фортунату—объ увѣщаніи къ мученичеству» Кипріанъ призываетъ всѣхъ вообще христіанъ къ твердости духа при перенесеніи гоненій. Святый Кипріанъ оставилъ много и иныхъ славныхъ писаній. По замѣчанію блаженнаго Іеронима[1]), писанія Кипріана были извѣстнѣе самаго солнца; изъ его твореній Отцы Ефесскаго и Халкидонскаго Вселенскихъ Соборовъ[2]) приводили свидѣтельства для защищенія вѣры христіанской отъ нападковъ еретиковъ и для обличенія ихъ неправомыслія.

Болѣе обстоятельно и подробно въ твореніяхъ святаго Кипріана выражено ученіе о Церкви. Въ краткихъ словахъ разсужденія святаго Кипріана по этому вопросу состояли въ слѣдующемъ:

Церковь есть Господомъ Іисусомъ Христомъ основанное и Апостолами устроенное и утвержденное общество людей, представляющее какъ по своей внутренней, такъ и внѣшней сторонѣ—единое цѣлое, возглавленное Единою главою—Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Какъ внутреннее единство Церкви обусловливается единствомъ вѣры и любви, такъ внѣшнее ея единство обусловливается іерархіею (и въ ней преимущественно властію епископа) и Таинствами церковными. Внѣ этой единой истинной и спасительной Церкви, по разсужденію святаго Кипріана, нѣтъ и не можетъ быть спасенія; только эта единая Церковь и есть Церковь истинно Апостольская и, слѣдовательно, непогрѣшимая. «Мы слѣдуемъ,—разсуждаетъ святый Кипріанъ,—тому, что приняли отъ Апостоловъ, а они предали намъ Церковь только одну. Одна только Церковь, получившая благодать жизни, и живетъ во вѣки и животворитъ народъ Божій»[3]).—Въ этой именно Единой Истинной Церкви, получившей благодать жизни, сосредоточены всѣ божественныя блага, и въ ней только одной возможно спасеніе. «Что Церковь единственна,—разсуждаетъ святый Кипріанъ,—это возвѣщаетъ и Духъ Святый въ Пѣсни Пѣсней, говоря отъ

---

1) О *блаженномъ Іеронимѣ* см. на стр. 381-ой, примѣч. 1-ое.

2) Въ Ефесѣ происходилъ III-ій Вселенскій Соборъ; въ Халкидонѣ—IV-ый.

3) Письма 71 и 73.

Лица Іисуса Христа: **є҆ди́на є҆́сть голꙋби́ца моѧ̀, соверше́ннаѧ моѧ̀, є҆ди́на є҆́сть ма́тери свое́й, и҆збра́нна є҆́сть роди́вшей ю҆̀**[1]); и о ней же опять говоритъ: **вертогра́дъ заключе́нъ, сестра̀ моѧ̀, невѣ́ста, и҆сто́чникъ запечатлѣ́нъ, кла́дѧзь воды̀ жи́вы**[2]). А если невѣста Христова, которая есть Церковь, есть «вертоградъ заключенный»,—то заключеннаго нельзя открывать чужимъ и стороннимъ. Если она «источникъ запечатлѣнъ», то ни пить изъ него, ни запечатлѣваться имъ не можетъ тотъ, кто, находясь внѣ, не имѣетъ доступа къ источнику. Если Церковь есть единственный кладязь воды живой, то находящійся внѣ Церкви не можетъ освящаться и оживляться тою водою, употребленіе и питіе которой даруется находящимся внутри Церкви. Господь громко зоветъ, чтобы всякій жаждущій шелъ и пилъ отъ источника воды живой, истекшаго отъ Него. Куда же долженъ идти жаждущій? Къ еретикамъ ли, у коихъ вовсе нѣтъ ни источника, ни рѣки животворящей воды, или же къ Церкви, которая одна и, по слову Господа, основана на одномъ, пріявшемъ и ключи ея? Она одна хранитъ и обладаетъ всею властію своего Жениха и Господа. Истинная, спасительная и святая вода Церкви не можетъ ни испортиться, ни оскверниться, такъ какъ и сама Церковь нерастлѣнна, чиста и цѣломудренна»[3]).

Въ Церкви Христовой заключена вся полнота жизни и спасенія. Какъ во время потопа спасеніе было возможно только въ ковчегѣ Ноя, или, при разрушеніи Іерихона, только въ домѣ Раави[4]); такъ равно и Церковь есть единственное мѣсто спасенія людей. «Домъ Божій одинъ,—разсуждаетъ святый Кипріанъ,—и никто не можетъ гдѣ-либо спастись, какъ только въ Церкви. Пусть и не воображаютъ, что можно наслѣдовать жизнь и спасеніе, не повинуясь епископамъ и священникамъ»[5]).

Находящіеся внѣ Церкви, отдѣляющіеся отъ ея единства и общенія съ нею, не имѣютъ истинной жизни.—«Явно,—замѣчаетъ святый Кипріанъ,—что между мертвецами считаются тѣ, кои не суть въ Церкви Христовой, и что не можетъ оживотворить другого тотъ, кто самъ не живетъ»[6]).

---

1) Кн. Песни Песней, гл. 6, ст. 8.
2) Кн. Песни Песней, гл. 4, ст. 12 и 15.
3) Письмо 73.
4) Книга Іисуса Нав., гл. 2.
5) Письмо 62.
6) Письмо 71.

Но одна вѣра, безъ любви, не можетъ быть вполнѣ крѣпкимъ и прочнымъ связующимъ звеномъ всѣхъ членовъ Церкви.—«Мало того,—разсуждаетъ святый Кипріанъ,—чтобы получить что-нибудь; больше значитъ—умѣть сохранить полученное. Самая вѣра и спасительное возрожденіе животворны не потому, что мы ихъ получили, а, главнымъ образомъ, потому, что мы ихъ сохранили»[1]). Только искренняя живая и дѣятельная вѣра, соединенная съ любовію, даетъ человѣку право вступить въ живой союзъ какъ со Христомъ, такъ и со всѣмъ христіанскимъ братствомъ: гдѣ нѣтъ тóй или другой, тамъ нѣтъ и жизни со Христомъ, тамъ нѣтъ, слѣдовательно, и спасенія.

Любовь составляетъ, по разсужденію святаго Кипріана, основу всѣхъ добродѣтелей. «Любовь,—разсуждаетъ святый Кипріанъ,—есть союзъ братства, основаніе мира, крѣпость и утвержденіе единства;... она предшествуетъ благотворенію и мученичеству, она вѣчно пребудетъ вмѣстѣ съ нами у Бога въ Царствѣ Небесномъ»[2]).

Много и другихъ душеспасительныхъ истинъ раскрываетъ святый Кипріанъ въ своихъ сочиненіяхъ во славу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ГЕННАДІЯ,

Патріарха Константинопольскаго

Святый Геннадій воспринялъ престолъ Константинопольскаго патріаршества послѣ святаго Анатолія[3]) въ царствованіе императора Льва Великаго[4]). О богоугодной жизни его свидѣтельствуется въ книгѣ, называемой «Лимонарь»; въ сей книгѣ преподобные отцы Софроній и Іоаннъ повѣствуютъ такъ.

---

1) Письмо 6.

2) «О добродѣтели терпѣнія», гл. 15.

3) *Анатолій* патріаршествовалъ съ 449 г. по 458 г.

4) *Левъ (I-ый) Великій* царствовалъ съ 457 г. по 474 г.

— Пришли мы,—говорятъ они,— въ киновію[1]), называвшуюся Салама, отстоявшую отъ Александріи на девять поприщъ, и нашли тамъ двухъ старцевъ, бывшихъ прежде пресвитерами Церкви Константинопольской. Сіи пресвитеры повѣдали намъ о блаженномъ Геннадіи, Патріархѣ Константинопольскомъ, что онъ былъ весьма кротокъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную и отличался воздержаніемъ. Говорили о немъ и то, что многіе причиняли ему великія непріятности изъ-за одного клирика, весьма много согрѣшавшаго, по имени Харисимъ. Сей клирикъ служилъ при храмѣ святаго мученика Елевѳерія, и о немъ говорили, что онъ не только проводитъ жизнь въ лѣности, нерадѣніи и нечистотѣ грѣховной, но ходитъ на разбой и занимается волшебствомъ. Призвавъ сего клирика, Патріархъ началъ увѣщевать его, отечески исправляя его духомъ кротости, но видя, что онъ оставался неисправимымъ, повелѣлъ слегка наказать его. Когда же тотъ продолжалъ быть неисправимымъ и наказаніе не дѣйствовало на него, Патріархъ послалъ одного изъ слугъ своихъ въ храмъ мученика, при коемъ находился Харисимъ,—умолять мученика, чтобы онъ самъ исправилъ бы или отсѣкъ отъ Церкви преданнаго грѣхамъ клирика своего храма. Посланный, прійдя въ храмъ, сталъ предъ алтаремъ и, простерши руку ко гробу мученика, сказалъ:

Ст҃ый
ГЕННА́ДІЙ

— Святый мученикъ Елевѳерій! Патріархъ Геннадій возвѣщаетъ тебѣ черезъ меня грѣшнаго, что клирикъ Харисимъ, служащій

---

[1]) *Киновіями* (отъ греч. κοινος—общій и βιος—жизнь) называются общежительные монастыри, въ которыхъ братія содержатся за счетъ монастыря и взамѣнъ того предлагаютъ свой трудъ на общую пользу монастыря.

въ твоемъ храмѣ, совершаетъ многія беззаконія и творитъ соблазны; посему ты или исправь его, или отсѣки его отъ Церкви».

Послѣ сего на другое утро Харисимъ былъ найденъ мертвымъ.

Отсюда можно видѣть, сколь угоденъ былъ Богу и святымъ Его блаженный Геннадій, ибо слово его, обращенное къ святому мученику черезъ посланнаго, было въ скоромъ же времени услышано и исполнено на дѣлѣ.

При семъ святомъ Геннадіи былъ построенъ въ Константинополѣ храмъ въ честь святаго Іоанна, Предтечи Господня, нѣкоторымъ сенаторомъ, по имени Студіемъ, пришедшимъ изъ древняго Рима; былъ устроенъ также и монастырь, названный Студійскимъ (по имени сенатора Студія); въ семъ монастырѣ былъ учрежденъ чинъ неусыпающихъ.

При Патріархѣ Геннадіи экономомъ церковнымъ былъ преподобный Маркіанъ. Сей Маркіанъ, снявъ съ себя послѣднюю одежду, отдалъ ее нищему; и видѣли сего преподобнаго Маркіана имѣющимъ царскую порфиру подъ фелонью, какъ о томъ повѣствуется въ житіи его[1]). При семъ же Патріархѣ подвизался и святый столпникъ Даніилъ[2]), коего онъ рукоположилъ во пресвитера.

Во дни святаго Патріарха Геннадія въ Константинополѣ совершилось такое чудо.

Одинъ иконописецъ осмѣлился написать образъ Христа Спасителя — по подобію языческаго бога Зевса[3]); и тотчасъ иконописца постигло наказаніе Божіе; ибо рука его, осмѣлившаяся изобразить въ такомъ видѣ Господа, изсохла. Онъ же, ощутивъ на себѣ столь скорое мщеніе Божіе, поспѣшилъ къ Святѣйшему Патріарху Геннадію и принесъ ему покаяніе, исповѣдуя предъ всѣми съ плачемъ грѣхъ свой. Святѣйшій Патріархъ помолился о немъ ко Господу и исцѣлилъ руку его, такъ что она стала здоровою, какъ и прежде.

Святый Патріархъ Геннадій имѣлъ обыкновеніе не поставлять въ пресвитеры (желающаго) до тѣхъ поръ, пока онъ не выучитъ наизусть всю Псалтирь; ибо сей великій архіерей Божій ревностно заботился о строгомъ соблюденіи чина церковнаго; онъ сознавалъ, что сей чинъ только тогда могъ быть исполненъ тща-

---

1) Память его совершается св. Церковію 10-го января.

2) Память его совершается 11-го декабря.

3) *Зевсъ* считался у древнихъ грековъ верховнымъ богомъ и родоначальникомъ прочихъ боговъ (и людей).

тельно, когда всѣ священники и клирики будутъ научены книжному разумѣнію и возмогутъ понимать разумно Писаніе Божественное. Ибо пресвитеръ, не обученный книгамъ, не могъ бы учить иныхъ: не могъ исправлять и наставлять на путь спасенія, не зная самъ спасительнаго пути. На таковомъ сбываются слова Христовы: **ѐда̀ мо́жетъ слѣпе́цъ слѣпца̀ води́ти; не ѻ҆́ба ли въ ꙗ҆́мꙋ впадꙋ́тъ**[1]).

Святый Геннадій созвалъ въ Константинополѣ Помѣстный Соборъ отчасти для искорененія ереси Евтихіевой, отчасти для благоустроенія церковнаго; на семъ Соборѣ была запрещена симонія (мздоимство), распространившаяся среди архіереевъ.

Святый Геннадій охранялъ ввѣренное ему словесное стадо тринадцать лѣтъ; онъ преставился ко Господу въ царствованіе того же Льва Великаго[2]).

Незадолго до дня кончины своей, когда святый Геннадій молился ночью въ храмѣ, ему явилось нѣкое страшилище демонское: святый Геннадій отогналъ сіе страшилище знаменіемъ Честнаго Креста; діаволъ, убоявшись знаменія Креста, бѣжалъ, причемъ сказалъ:

— Я ухожу отсюда совершенно и не буду причинять здѣсь никому зла до тѣхъ поръ, пока ты живъ; но послѣ смерти твоей приду опять и буду всяческими способами смущать Церковь, увлекая въ погибель многихъ.

Святый Геннадій, проливая непрестанныя слезы до дня смерти своей, молился ко Господу, дабы Онъ сохранилъ Церковь Свою, такъ чтобы она была неодолѣна вратами адовыми. И подобно тому, какъ при жизни своей онъ былъ усерднымъ ходатаемъ ко Господу о Святой Церкви, такъ и по преставленіи своемъ возсылаетъ о Церкви свои непрестанныя моленія, предстоя вмѣстѣ съ прочими святыми іерархами Главѣ Церкви — Христу, Владыкѣ нашему, Коему вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ возсылается слава вѣчно.

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 6. ст. 39.

[2]) *Святый Геннадій патриаршествовалъ* съ 458 г. по 471 г. Святому Геннадію приписывается нѣсколько богословскихъ сочиненій. Геннадій мессалійскій замѣчаетъ о святомъ Геннадіи: «Мужъ краснорѣчивый, остраго ума, такъ былъ обогащенъ чтеніемъ древнихъ, что до слова объяснилъ пророка Даніила, сочинилъ и много бесѣдъ».—Всѣ эти сочиненія нынѣ неизвѣстны; до насъ дошло только окружное посланіе его противъ симоніи, утвержденное на Соборѣ 459 года.

ПОЛОЖЕНІЕ ЧЕСТНАГО ПОЯСА

ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Честный поясъ Пречистой Матери Божіей, по принесеніи въ Константинополь, былъ положенъ въ золотомъ ковчегѣ за царскою печатію въ храмѣ, построенномъ благочестивымъ царемъ Ѳеодосіемъ Младшимъ; сей храмъ былъ созданъ во имя Пресвятой Богородицы на мѣстѣ, называвшемся Халкопратіей, что значитъ: «Мѣдный торгъ».

Спустя много лѣтъ послѣ сего, въ царствованіе Льва Мудраго, случилось, что супруга его Зоя была мучима духомъ нечистымъ; по сей причинѣ царь и его родственники были весьма опечалены; и начали всѣ возсылать ко Господу усердныя моленія о страдавшей царицѣ.

Послѣ сего царицѣ Зоѣ было видѣніе Божественное, знаменовавшее, что она получитъ исцѣленіе, если на нее будетъ возложенъ поясъ Пресвятой Богородицы.

О семъ видѣніи царица разсказала своему мужу, царю Льву. Тотчасъ царь упросилъ Патріарха открыть поясъ Пресвятой Богородицы: была снята печать, и открытъ ковчегъ; и оказался честный поясъ Пресвятой Богоматери цѣлостнымъ, нисколько не поврежденнымъ отъ времени; всѣ облобызали его съ благоговѣніемъ. И какъ только Патріархъ распростеръ его надъ царицей, тотчасъ она освободилась отъ мученія демонскаго и получила совершенное исцѣленіе отъ недуга своего.

Тогда всѣ съ радостію прославили Христа Бога и Пречистую Матерь Его и, воспѣвъ благодарственныя хвалебныя пѣнія, опять положили честный поясъ въ тотъ же золотой ковчегъ, запечатали его царскою печатію и установили празднованіе въ честь Преблагословенной Дѣвы Богородицы, въ воспоминаніе чуда, бывшаго отъ Ея честнаго пояса, по благодати, милосердію и человѣколюбію родившагося отъ Нея Христа, Бога нашего.

Тропáрь, глáсъ и҃:

Бцⷣе приснодв҃о, человѣ́кѡвъ покрóве, ри́зꙋ и҆ пóѧсъ пречⷭ҇тагѡ твоегѡ̀ тѣлесѐ, держáвное грáдꙋ твоемꙋ̀ ѡ҆бложéнїе даровáла є҆сѝ, безсѣ́менным ржⷭ҇твóмъ твои́мъ нетлѣ́нна пребывáющи, ѡ҆ тебѣ́ бо и҆ є҆стествѡ̀ ѡ҆бновлѧ́етсѧ и҆ врéмѧ. тѣ́мже мóлимъ тѧ̀, ми́ръ градꙋ̀ твоемꙋ̀ даровáти и҆ дꙋшáмъ нáшымъ вéлїю млⷭ҇ть.

Кондáкъ, глáсъ в҃:

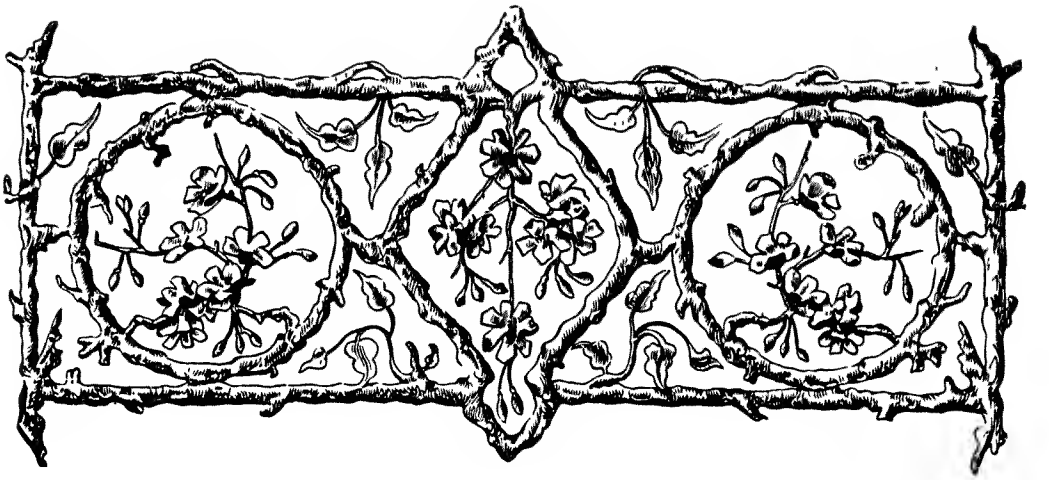
Бг҃опрїѧ́тное твоѐ чрéво, бцⷣе, ѡ҆бѐмшїй пóѧсъ твóй чⷭ҇тны́й, держáва грáдꙋ твоемꙋ̀ неѡбори́ма, и҆ сокрóвище є҆́сть бл҃ги́хъ неѡскꙋ́дно, є҆ди́на рóждшаѧ приснод҃во.

И҆́нъ кондáкъ, глáсъ д҃:

Чⷭ҇тнáгѡ пóѧса твоегѡ̀ положéнїе прáзднꙋетъ днéсь твóй, препѣ́таѧ, хрáмъ, и҆ прилéжнѡ взывáетъ тѝ: рáдꙋйсѧ, дв҃о, хрⷭ҇тїáнъ похвалѡ̀.

Тогда всѣ съ радостію поклонились Христу Богу и Пречистой Матери Его и, облобызавъ благоговѣйно святыню, паки положили честный поясъ въ тотъ же золотой ковчегъ, запечатали его царскою печатью и установили празднованіе въ честь Пресвятой Дѣвы Богородицы, въ воспоминаніе чуда, бывшаго отъ Ея честнаго пояса, по благодати, щедротамъ и человѣколюбію родившагося отъ Нея Христа, Бога нашего.

ПРИЛОЖЕНІЯ



ВОСПОМИНАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА

(Совершается Православною Церковію 9 сентября)

Аріанскія волненія[1]) привели Церковь къ волненіямъ несторіанскимъ — къ спорамъ о лицѣ Богочеловѣка, разрѣшеннымъ Церковію на Третьемъ Вселенскомъ Соборѣ.

Аріане въ подтвержденіе своихъ еретическихъ воззрѣній ссылались на тѣ изреченія Священнаго Писанія Новаго Завѣта, которыя указываютъ на уничижительное состояніе Господа нашего Іисуса Христа во дни Его спасительнаго мессіанскаго служенія роду человѣческому: въ этихъ изреченіяхъ аріане видѣли доказательство справедливости своего богохульнаго утвержденія, что Сынъ Божій ниже Отца, подчиненъ Ему. Защитники православнаго ученія указывали еретикамъ, что изреченія Священнаго Писанія объ уничижительномъ состояніи Господа Іисуса нужно относить не къ Божественной, а исключительно къ человѣческой природѣ Христа Спасителя. Однако, этотъ, справедливый по существу, отвѣтъ не исключалъ возможности такого недоумѣннаго вопроса:

---

[1]) См.: Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четьихъ-Миней святаго Димитрія Ростовскаго, книга 9-ая, мѣсяцъ май. Воспоминаніе Перваго и Второго Вселенскихъ соборовъ.

— Если Христосъ одно говорилъ и совершалъ какъ Богъ, а другое какъ человѣкъ, то не должно ли отсюда заключать, что естества во Христѣ были раздѣлены,—что въ единомъ Лицѣ Его дѣйствовали двѣ сущности и двѣ раздѣльныя воли? —Разъясненіе, что Божеская и человѣческая природы во Христѣ Спасителѣ не разъединены, но находятся въ соединеніи, вызывало новое недоумѣніе: если Христосъ есть Богочеловѣкъ, т. е. полный Богъ и полный человѣкъ, то какъ же понимать тѣ мѣста Святаго Евангелія, въ которыхъ Самъ Господь говорилъ о Себѣ уничижительно? Блаженный Ѳеодоритъ, приводя изреченіе Спасителя, что Онъ не знаетъ о днѣ и часѣ Своего Второго Пришествія—**ѡ҆ дни́ же то́мъ и҆ часѣ̀ никто́же вѣ́сть, ни а҆́гг҃ли нб҃нїи, то́кмѡ ѻ҆ц҃ъ мо́й є҆ди́нъ**[1]), сопровождаетъ это изреченіе слѣдующимъ вопросомъ, показывающимъ необходимость полнаго выясненія ученія объ отношеніяхъ двухъ естествъ во Христѣ, которое бы устраняло всякія возраженія и недоумѣнія: «Почему Слово носитъ имя премудрости, какъ скоро подвержено немощи невѣдѣнія?»—спрашиваетъ блаженный отецъ.

Такъ аріанство привело къ новымъ недоумѣніямъ о Лицѣ Іисуса Христа, которыя и вызвали несторіанскіе споры. Правда, для рѣшенія ихъ многое заключалось въ писаніяхъ Святыхъ Отцевъ Церкви IV вѣка, и ими бы можно вполнѣ удовлетвориться. Но кичливый умъ не хотѣлъ смириться предъ великой тайной воплощенія Сына Божія: не безъ основанія утверждаютъ, что едва ли бы въ Церкви возникли новыя волненія, если бы на поприщѣ церковно-исторической жизни не появился Несторій.

Родина Несторія—сирійскій городъ Кесарія Германикійская на рѣкѣ Евфратѣ; годъ рожденія и родители его неизвѣстны. Святый Кириллъ Александрійскій свидѣтельствуетъ только, что Несторій «вышелъ изъ грязи, и происхожденіе его было постыдно». Нѣсколько лѣтъ своей молодости онъ провелъ въ одномъ монастырѣ близъ Антіохіи и затѣмъ, уже по принятіи священства, выдвинулся какъ хорошій проповѣдникъ. Историки Церкви, Сократъ и Маркеллъ, современники Несторія, отмѣчаютъ краснорѣчіе послѣдняго, причемъ первый говоритъ о немъ какъ человѣкѣ талантливомъ, но малообразованномъ. Жизнь Несторій велъ строго-монашескую и въ то же время, какъ свидѣтельствуетъ Сократъ, былъ «тщеславенъ, вспыльчивъ и легкомысленъ». Безъ сомнѣнія

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 36.

Несторій былъ человѣкъ гордый и самолюбивый, не желавшій ни предъ чѣмъ и ни предъ кѣмъ преклоняться. Эта гордость и стремленіе къ извѣстности, по обвиненію нѣкоторыхъ, и заставляли Несторія прибѣгать къ показной святости въ жизни и высокопарному слогу въ проповѣди. Въ 428 году какъ человѣкъ съ выдающимся ораторскимъ талантомъ Несторій былъ избранъ императоромъ Ѳеодосіемъ II (408—450 г.г.) въ Константинопольскіе патріархи. Несторій при вступленіи на каѳедру проявилъ крайнюю нетерпимость, говоря во всенародномъ обращеніи къ императору: «Дай мнѣ, о царь! вселенную, очищенную отъ ересей, а я дамъ тебѣ Небесное Царствіе; поборай мнѣ противъ еретиковъ, а я буду поборать тебѣ противъ Персовъ»[1]). Въ начальные годы патріаршества Несторія благодаря именно ему поднято было жестокое гоненіе на различныхъ сектантовъ, доселѣ пользовавшихся въ Константинополѣ нѣкоторой терпимостью: ихъ заключали въ тюрьмы, подвергали изгнанію, отнятію имуществъ, закрывали и разрушали ихъ молитвенные дома. Изъ Константинополя это преслѣдованіе всякихъ ересей и расколовъ распространилось и по другимъ частямъ имперіи, приводя, по мѣстамъ, къ кровавымъ столкновеніямъ. Но ревностный гонитель ересей неожиданно для своей паствы самъ оказался еретикомъ.

Впрочемъ, не нужно думать, что Несторій былъ въ полномъ смыслѣ слова родоначальникомъ еретическаго ученія, связаннаго съ его именемъ. Сѣмена ереси встрѣчаются на нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше времени Несторія—въ сочиненіяхъ его учителя Ѳеодора Мопсуестскаго и учителя самого Ѳеодора Діодора Тарсійскаго. Несторію, такимъ образомъ, принадлежитъ лишь дальнѣйшее развитіе ученія и, благодаря высотѣ его положенія, смѣлость и рѣшительность въ распространеніи и защитѣ еретическаго мудрованія. Первое выступленіе Несторія какъ проповѣдника и защитника несторіанской ереси историкъ Сократъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «При Несторіи былъ пресвитеръ Анастасій, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Антіохіи; Несторій весьма уважалъ его и въ дѣлахъ пользовался его совѣтами. Однажды, уча въ церкви, этотъ Анастасій сказалъ: никто не долженъ называть Марію Богородицею, ибо Марія была человѣкъ, а отъ человѣка Богу родиться невозможно. Въ церкви произошло смятеніе. Несторій началъ защи-

[1]) Съ Персами тогда была война у Византіи.

щать Анастасія: ему не хотѣлось, чтобы человѣкъ, имъ уважаемый, былъ обличенъ въ нечестивомъ ученіи. Отчасти для защиты Анастасія, отчасти (и несомнѣнно главнымъ образомъ) для распространенія своихъ мыслей, Несторій сталъ часто проповѣдывать въ церкви о томъ же предметѣ, открыто заявляя, что Пресвятую Дѣву Марію не слѣдуетъ называть Богородицей, такъ какъ Она родила не Бога, а только человѣка, съ которымъ, помимо Нея, соединилось Слово Божіе, превѣчно рожденное отъ Отца; человѣкъ Іисусъ, рожденный отъ Маріи, былъ только обителью Божества и орудіемъ нашего спасенія; этотъ человѣкъ, чрезъ наитіе Святаго Духа, сталъ Христомъ, т. е. помазанникомъ, и Слово Божіе пребывало съ нимъ въ особомъ нравственномъ или относительномъ соединеніи»,—точнѣе: «въ соприкосновеніи» только, а не въ соединеніи по естеству, какъ учитъ Православная Церковь. Обращаясь къ разъясненію страданій и смерти Богочеловѣка,—какъ страдалъ Христосъ Спаситель и какъ Онъ умеръ,—Несторій пояснялъ: «Можно сказать,—умеръ Сынъ Божій въ несобственномъ смыслѣ, ибо только человѣкъ Іисусъ умеръ и возсталъ; страданія Богочеловѣка возможны были только потому, что во Христѣ Божество было въ раздѣленіи съ человѣчествомъ». Что касается евангельскихъ и апостольскихъ изреченій, гдѣ о Христѣ говорится «то въ смыслѣ уничижительномъ, то въ смыслѣ неизреченнаго превосходства, то Несторій, утверждая раздѣльность естествъ во Христѣ, училъ, что одни изъ этихъ изреченій нужно относить ко Христу какъ исключительно къ человѣку, другія — какъ исключительно къ Богу».

Заявленіе патріарха, что пресвятую Дѣву должно называть не *Богородицею*, а *человѣкородицею*, вызвало въ Константинополѣ всеобщее негодованіе, потому что употребленіе слова Богородица освящено было богослужебнымъ и отеческимъ преданіемъ[1]), и, кромѣ того, Богоматерь была признаваема за особую покровительницу города. Видя это, Несторій предложилъ новое наименованіе Дѣвы Маріи—*Христородица*, а потомъ соглашался на принятіе и церковнаго наименованія съ оговорками въ смыслѣ своего еретическаго заблужденія. Но уже понято было, что въ данномъ случаѣ дѣло шло не о словахъ, а о неизмѣримо болѣе важномъ:

---

[1]) Свидѣтельства объ употребленіи наименованія Богородица съ раннихъ поръ встрѣчаются въ Церкви Александрійской (у Оригена, еп. Александра и св. Аѳанасія Великаго), въ Кесаріи Каппадокійской (у св. Василія Великаго), въ Кесаріи Палестинской (у Евсевія Кесарійскаго) и въ самомъ Константинополѣ (у св. Григорія Богослова).

объ основномъ догматѣ христіанства — догматѣ воплощенія Сына Божія. Противъ еретичествующаго патріарха выступили съ открытыми обличеніями: Проклъ, пресвитеръ Константинопольскій, впослѣдствіи епископъ Кизическій, а затѣмъ Патріархъ Константинополя, и адвокатъ Евсевій, впослѣдствіи епископъ Дорилейскій. Несторій назначилъ Проклу проповѣдь въ день Благовѣщенія. Проклъ, воспользовавшись этимъ, началъ проповѣдовать, имѣя, конечно, въ виду Несторія, хотя и не называя его по имени, что пресвятую Дѣву должно именовать Богородицею. Самое заглавіе проповѣди говорило объ этомъ, какъ видно изъ слѣдующаго: «О вочеловѣченіи Господа нашего Іисуса Христа, о томъ, что святая Дѣва Марія есть Богородица, что Родившійся отъ Нея есть Еммануилъ, Который есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ неслитно и непреложно». Евсевій же прервалъ однажды проповѣдь еретичествующаго Несторія въ каѳедральномъ соборѣ такимъ громкимъ восклицаніемъ: «Ложь и богохульство! Воистину одно и то же Слово Божіе и рождено Отцемъ въ вѣчности, и воплотилось во времени отъ Дѣвы для нашего спасенія». Затѣмъ на воротахъ Константинополя усмотрѣнъ былъ прибитый къ нимъ свитокъ — предполагаютъ, что авторъ его тотъ же Евсевій,—гдѣ Несторій обвинялся въ возобновленіи уже осужденной въ III вѣкѣ ереси Павла Самосатскаго; свитокъ заключалъ обвиненіе словами: «анаѳема отдѣляющему Сына Божія отъ Сына Маріи!»

Пользуясь покровительствомъ императора, Несторій началъ жестоко преслѣдовать тѣхъ противниковъ его еретическаго ученія, какихъ онъ находилъ среди константинопольскаго клира и монастырей. Но дѣло Несторія, привлекшее къ себѣ столь сильное вниманіе и возбудившее въ столицѣ столько горячихъ толковъ, естественно, получило огласку и за стѣнами Константинополя. «Изъ какого бы города,—пишетъ святый Кириллъ Александрійскій,—изъ какой бы веси не приходилъ кто, каждый спрашиваетъ: что это за говоръ всеобщій, что за новое ученіе распространяется по церквамъ?» Съ подобнымъ вопросомъ пришли къ самому Александрійскому Патріарху (412—444 г.г.) святому Кириллу нѣкоторые монахи изъ египетскихъ скитовъ: «Правду ли говорятъ,—спрашивали они святителя,—что нашлись гдѣ-то учители, которые проповѣдуютъ, что Пресвятую Дѣву нельзя называть Богородицей?» Узнавъ, такимъ образомъ, отъ иноковъ, что въ монастыряхъ его епархіи обращаются еретическія проповѣди Несторія, святый Кириллъ выступилъ

на защиту православнаго ученія. Какъ выдающійся богословъ своего времени, какъ человѣкъ рѣшительный и твердый и, наконецъ, какъ епископъ одной изъ важнѣйшихъ каѳедръ Восточной Церкви святый Кириллъ занималъ первенствующее положеніе въ борьбѣ православныхъ съ несторіанствомъ. Свою борьбу съ Несторіемъ святый Кириллъ открылъ посланіемъ «Къ отшельникамъ», т. е. египетскимъ монахамъ. Въ этомъ посланіи, не называя Несторія по имени, святый Кириллъ осуждаетъ ученіе послѣдняго, доказывая путемъ богословскихъ умозрѣній, основанныхъ на ученіи Священнаго Писанія, преданія апостольскаго и святоотеческаго и ученія Никейскаго символа, что Іисусъ Христосъ былъ Истинный Богъ и истинный человѣкъ: «Изъ двухъ естествъ — Божества и человѣчества — единъ Еммануилъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ, единъ Истинный Сынъ Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, не человѣкъ, обоготворенный, подобный тѣмъ, кои благодатію содѣлываются причастниками божественнаго естества, но Истинный Богъ, Который ради нашего спасенія явился въ человѣческомъ образѣ». Если же Господь Іисусъ Христосъ есть Истинный Богъ и истинный Человѣкъ, то пресвятая Дѣва Марія, какъ родившая Богочеловѣка, есть воистину Богородица. Вмѣстѣ съ этимъ святый Кириллъ обратился съ особымъ разсужденіемъ о православной вѣрѣ къ императору Ѳеодосію и съ подобнымъ же, но болѣе обширнымъ, разсужденіемъ къ императрицѣ Евдокіи и сестрѣ императора Пульхеріи.

Узнавъ о дѣйствіяхъ святаго Кирилла и будучи освѣдомленъ, что посланіе «Къ отшельникамъ» получило значительное распространеніе внѣ египетскихъ скитовъ и дошло даже до Константинополя, Несторій пришелъ въ безпокойство и сталъ негодовать на святаго Кирилла Александрійскаго. Тогда сторонники Несторія написали два посланія: одно противъ посланія «Къ отшельникамъ», а другое подъ заглавіемъ: «Противъ тѣхъ, кои въ ученіи о соединеніи естествъ во Христѣ или уничижаютъ Божество Единороднаго, или обоготворяютъ человѣчество». Объ этомъ сдѣлалось извѣстно святому Кириллу чрезъ *достопочтенныхъ* и заслуживающихъ довѣрія мужей. Чтобы выяснить дѣло и не основываться на однихъ недоразумѣніяхъ, святый Кириллъ рѣшилъ обратиться съ посланіемъ къ Несторію. Здѣсь онъ указываетъ причины появленія его посланія «Къ отшельникамъ». Оно было дѣломъ необходимости: смущеніе въ вѣрѣ отъ поученій Несторія, недовольство ими, выражаемое приходившими къ Кириллу отъ всѣхъ Церквей

Восточныхъ и, наконецъ, запросъ папы Целестина съ епископами изъ Рима, куда проникли слухи о новомъ ученіи,—все это заставило Кирилла прервать молчаніе. «Вмѣсто того, чтобы поносить меня,—совѣтуетъ въ заключеніе святый Кириллъ Несторію,—лучше бы тебѣ исправить свои слова, дабы прекратить соблазнъ во Вселенской Церкви. Повѣрь, что лучшимъ средствомъ въ этомъ случаѣ будетъ сказать соблазнившимся слово, назвать святую Дѣву Богородицею, дабы мы и всѣ другіе могли въ мирѣ и единеніи совершать общественное Богослуженіе.» Въ отвѣтъ на это Посланіе святаго Кирилла Несторій для объясненія между нимъ и Патріархомъ Александрійскимъ избираетъ пресвитера Лампона; послѣдняго онъ отправилъ съ письмомъ отъ своего лица; заключительныя строки письма гласили: «Опытъ покажетъ, какой будетъ плодъ для насъ отъ настойчивости благоговѣйнѣйшаго пресвитера Лампона». Такимъ *плодомъ* было второе Посланіе[1]) святаго Кирилла Несторію, представляющее собою возвышенное богословствованіе о догматѣ воплощенія Слова Божія. Трогательно заключеніе Посланія: «пишу къ тебѣ эти слова,—говоритъ святый Кириллъ Несторію,—побуждаемый любовію во Христѣ и какъ брату совѣтую тебѣ и умоляю предъ Богомъ и святыми Ангелами Его одинаково съ нами мыслить и учить, дабы сохранился миръ церковный и чтобы союзъ единомыслія и любви пребылъ неразрывнымъ между священниками Божіими. Привѣтствуй братію, находящихся при тебѣ; тебя привѣтствуютъ братія, находящіяся со мною». Несторій отвѣтилъ и на второе Посланіе святаго Кирилла особымъ Посланіемъ, въ которомъ, вмѣсто сознанія своихъ заблужденій и готовности исправить ихъ, наоборотъ, отстаиваетъ свое лжеученіе и даже въ словахъ, полныхъ гордости и насмѣшки, укоряетъ и призываетъ къ исправленію самого святаго Кирилла.

Видя всю безполезность сношеній съ Несторіемъ, святый Кириллъ рѣшаетъ обратиться за содѣйствіемъ въ Римъ къ папѣ (422—432 г.г.) Целестину; хотя онъ раньше и находился въ разрывѣ съ Римскимъ епископомъ[2]), но теперь, ввиду надвигавшагося общецерковнаго бѣдствія, примиряется. Въ Посланіи къ папѣ Целестину святый Кириллъ обрисовываетъ истинное положеніе дѣлъ въ Восточной Церкви, созданное Несторіемъ, и отсюда объясняетъ и свое

---

[1]) Такъ называемый «томъ» св. Кирилла.

[2]) Изъ-за своего дяди и предшественника по каѳедрѣ Ѳеофила, отлученнаго папой Иннокентіемъ I,—несправедливо по мнѣнію св. Кирилла,—отъ Церкви.

обращеніе къ папѣ и свои дѣйствія по отношенію къ Несторію. «Признаюсь,—пишетъ святый Кириллъ,—я Соборною грамотою хотѣлъ довести до его (Несторія) свѣдѣнія, что мы не можемъ входить въ общеніе съ тѣмъ, кто такъ говоритъ и мыслитъ; но прежде чѣмъ рѣшиться на такой разрывъ сношеній, я заблагоразсудилъ напередъ сдѣлать сношеніе съ твоимъ благочестіемъ: благоволи письменно изложить свое мнѣніе о томъ, дòлжно ли намъ еще имѣть общеніе съ нимъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ объ еретичествѣ Несторія святый Кириллъ посылаетъ папѣ бесѣды, говоренныя Несторіемъ въ церкви, сдѣлавъ предварительно ихъ переводъ.

Папа Целестинъ осудилъ Несторія на Помѣстномъ Римскомъ Соборѣ 430 года, и отвѣтъ его святому Кириллу былъ въ высшей степени благопріятенъ для послѣдняго. Папа огорчился «нечистымъ» ученіемъ Несторія и находитъ для себя утѣшеніе въ благочестіи Кирилла. Становясь на почву христіанскаго терпѣнія, папа по отношенію къ Несторію считаетъ за лучшее такое рѣшеніе: сначала дòлжно подать Несторію голосъ предостереженія и только послѣ этого, въ случаѣ его упорства, «нужно отсѣчь больной членъ, отъ котораго страдаетъ не онъ одинъ, а поѣдается все тѣло Церкви». Папа уполномочиваетъ святаго Кирилла объявить Несторію отъ своего имени и отъ имени его, папы, чтобы Несторій, подъ страхомъ низложенія и отлученія, въ десятидневный срокъ отрекся отъ своего заблужденія и обратился къ вѣрѣ, содержимой Римомъ, Александріей и всей Вселенской Церковью.

Между тѣмъ Несторій, воспользовавшись однимъ недоумѣннымъ случаемъ каноническаго характера, обратился къ папѣ Целестину тоже съ Посланіемъ. Объяснивъ поводъ, вынудившій его обратиться къ Римскому епископу, Несторій переходитъ къ объясненію догматическихъ волненій, возникшихъ въ Восточной Церкви; здѣсь онъ недобросовѣстнымъ образомъ излагаетъ ученіе святаго Кирилла о воплощеніи Слова Божія, приписывая Александрійскому епископу чуждыя ему мысли; опровергая Кирилла, Несторій излагаетъ свое ученіе. Не получая отвѣта отъ папы, Несторій обращается къ нему со вторымъ, подобнымъ первому, Посланіемъ. Наконецъ пришелъ отвѣтъ отъ папы, въ которомъ послѣдній, призывая Несторія къ исправленію въ его нечестіи, объявляетъ ему, что доказательствомъ такого исправленія должно служить возсоединеніе съ Церковью всѣхъ, отлученныхъ Несторіемъ за несогласіе съ нимъ.

Для изъявленія раскаянія Несторію, какъ и ранѣе въ посланіи святому Кириллу, папа назначаетъ десятидневный срокъ. Въ то же время Целестинъ обратился съ обширнымъ посланіемъ къ клиру и народу Константинопольскому и съ менѣе обширными посланіями: къ Ювеналію, епископу Іерусалимскому, Флавіану Филиппійскому, Руфу Өессалоникійскому и Іоанну Антіохійскому, воспитывавшемуся съ Несторіемъ въ одномъ монастырѣ близъ Антіохіи; въ этихъ посланіяхъ папа обличалъ заблужденіе Несторія, сообщая о томъ осужденіи, какое предстоитъ послѣднему въ случаѣ его упорства. И святый Кириллъ также писалъ нѣкоторымъ восточнымъ епископамъ, излагая сущность спора между нимъ и Несторіемъ. Отъ престарѣлаго Акакія Берійскаго, Іоанна Антіохійскаго и другихъ онъ получилъ отвѣты: въ нихъ не одобрялось развиваемое Несторіемъ ученіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилась просьба не доводить дѣло до открытаго разрыва.

Послѣ соглашенія съ Римомъ святый Кириллъ препроводилъ полученное отъ папы посланіе къ Несторію съ посланіемъ отъ имени Александрійскаго Собора, въ которомъ отъ Несторія требовалось письменное съ клятвою отреченіе отъ его заблужденія. Посланіе это заканчивалось знаменитыми въ исторіи несторіанства анаөематизмами, числомъ двѣнадцать, излагающими спорные пункты между святымъ Кирилломъ и Несторіемъ по вопросу о воплощеніи Сына Божія[1]). Патріархъ Антіохійскій Іоаннъ, другъ

---

[1]) *Анаөематизмы* эти слѣдующіе: 1) Кто не исповѣдуетъ Еммануила Истиннымъ Богомъ и посему Святую Дѣву Богородицею, такъ какъ Она по плоти родила Слово, сущее отъ Бога, ставшее плотію, да будетъ анаөема. 2) Кто не исповѣдуетъ, что Слово, сущее отъ Бога Отца, соединилось съ плотію ѵпостасно и что посему Христосъ единъ съ Своею плотію, т. е. одинъ и тотъ же есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, анаөема. 3) Кто во единомъ Христѣ, послѣ соединенія естествъ, раздѣляетъ лица, соединяя ихъ только союзомъ достоинства, т. е. въ волѣ или силѣ, а не союзомъ, состоящимъ въ единеніи естествъ, анаөема. 4) Кто изреченія евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, употребляемыя святыми о Христѣ или Имъ самимъ о Себѣ, относитъ раздѣльно къ двумъ лицамъ (ѵпостасямъ) и одни изъ нихъ прилагаетъ къ человѣку, котораго представляетъ отличнымъ отъ Слова Божія, а другія, какъ богоприличныя, къ одному только Слову Бога Отца, анаөема. 5) Кто дерзаетъ называть Христа человѣкомъ Богоноснымъ, а не Богомъ Истиннымъ какъ Сына единаго со Отцемъ по естеству, такъ какъ Слово стало плотію и приблизилось къ намъ, воспріявъ нашу плоть и кровь (Евр. 2, 14), анаөема. 6) Кто дерзаетъ говорить, что Слово Бога Отца есть Богъ или Владыка Христа, а не исповѣдуетъ Его же Самого Богомъ и вмѣстѣ человѣкомъ, такъ какъ, по писаніямъ (Іоан. 1, 14), Слово стало плотію, анаөема. 7) Кто говоритъ, что Іисусъ какъ человѣкъ былъ орудіемъ дѣйствій Бога Слова и окруженъ славою Единороднаго какъ существующій отдѣльно отъ Него, анаөема. 8) Кто дерзаетъ говорить, что воспринятому Богомъ человѣку должно поклоняться съ Богомъ Словомъ, должно Его прославлять вмѣстѣ съ Нимъ и вмѣстѣ называть Богомъ, какъ одного въ другомъ, а не чтитъ Еммануила единымъ поклоненіемъ и не

Несторія, совѣтовалъ послѣднему подчиниться и принять слово *Богородица*. Несторій торжественно заявилъ, что онъ готовъ признать наименованіе Богородица, поскольку рожденный отъ Дѣвы человѣкъ Іисусъ соединенъ былъ съ Богомъ Словомъ. Но противъ анаѳематизмовъ святаго Кирилла онъ возсталъ со всею рѣшительностью; въ особомъ сочиненіи Несторій по пунктамъ, тоже въ числѣ двѣнадцати, представилъ свои опроверженія анаѳематизмовъ; здѣсь, по недостатку богословскихъ познаній, Несторій высказалъ явно еретическія мнѣнія, что оттолкнуло отъ него и нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ.

Во время этого обмѣна посланіями святаго Кирилла Александрійскаго, Несторія и папы Целестина между собою несторіанскія волненія глубоко взволновали вѣрующихъ, которые раздѣлились на двѣ стороны: одна держалась ученія, признаннаго затѣмъ на Третьемъ Вселенскомъ Соборѣ православнымъ, другая же стояла за несторіанскую ересь. Къ первымъ принадлежали тѣ помѣстныя церкви, члены коихъ въ IV вѣкѣ являлись поборниками Никейскаго символа. Во дни ожесточенныхъ аріанскихъ волненій главнымъ противникомъ этой ереси была Александрійская Церковь, руководимая своимъ архіепископомъ святымъ Аѳанасіемъ. И теперь, при несторіанскихъ спорахъ, главнымъ защитникомъ Православія, какъ видимъ, былъ святый Кириллъ, Патріархъ Александрійскій. Отцы Египетской Церкви заявляли на Третьемъ Вселенскомъ Соборѣ: «Отъ епископовъ Египетскихъ требовать отчета въ православной вѣрѣ излишнее дѣло. Ибо всякому очевидно, что мы слѣдуемъ вѣрѣ святѣйшаго Кирилла». Такихъ

возсылаетъ Ему единаго славословія, такъ какъ Слово стало плотію, анаѳема. 9) Кто говоритъ, что единый Господь Іисусъ Христосъ прославленъ Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ бы чуждою силою и отъ Него получилъ силу побѣждать нечистыхъ духовъ и совершать въ людяхъ божественныя знаменія, а не почитаетъ Его собственнымъ Его Духомъ, чрезъ Котораго Онъ совершилъ чудеса, анаѳема. 10) Кто говоритъ, что Первосвященникомъ и Ходатаемъ нашимъ былъ не Самъ Богъ Слово, когда сталъ плотію и подобнымъ намъ человѣкомъ, а какъ бы другой нѣкто, отличный отъ Него, человѣкъ, происшедшій отъ жены, или кто говоритъ, что Онъ принесъ Себя въ приношеніе и за Самого Себя, а не за насъ только однихъ, такъ какъ не зная грѣха Онъ не имѣлъ нужды въ приношеніи за Себя, анаѳема. 11) Кто не исповѣдуетъ плоть Господа Животворящею и собственно принадлежащею Самому Слову Бога Отца, но принадлежащею какъ бы другому кому, отличному отъ Него и соединенному съ Нимъ по достоинству, т. е. пріобрѣтшему только Божественное въ себѣ обитаніе, и не исповѣдуетъ плоть Его Животворящею, такъ какъ Она стала собственною Слову, могущему все оживотворить, анаѳема. 12) Кто не исповѣдуетъ Бога Слова пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ первороднымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть Жизнь и Животворящій какъ Богъ, анаѳема.

отцовъ, примыкавшихъ къ святому Кириллу, было на Третьемъ Вселенскомъ Соборѣ пятьдесятъ. Церковь Римская и теперь, какъ ранѣе во времена аріанскихъ волненій, присоединяется къ Церкви Александрійской. То же самое дòлжно сказать о Ѳессалоникѣ, Македоніи, Иллирикѣ и Іерусалимѣ. Наконецъ, во дни аріанства ревностными защитниками Православія были монахи; и во время несторіанскихъ движеній монахи, начиная съ Константинополя, повсюду, держась Православія, относятся къ несторіанству какъ къ ненавистному и богохульному ученію. Относительно же сторонниковъ Несторія замѣчается подобное же явленіе: за него боролись тѣ же страны и Церкви, которыя боролись за аріанство. Антіохія Сирійская, гнѣздо аріанства, была тѣмъ же самымъ и по отношенію къ несторіанству. Всѣ вожди несторіанскаго движенія вышли отсюда. Іоаннъ, архіепископъ Антіохійскій, объявляя себя другомъ Несторія и поименовывая, при этомъ, наиболѣе видныхъ епископовъ своего округа, замѣчаетъ о нихъ, что они тоже относятся къ Несторію «съ любовію» и считаютъ его дѣло «своимъ собственнымъ дѣломъ». Ранѣе изъ Константинополя «раскидывались тенета для уловленія приверженцевъ (аріанскому) нечестію». Несторій изъ Константинополя тоже съ успѣхомъ пріобрѣталъ себѣ сторонниковъ, и здѣсь онъ пользовался со стороны нѣкоторыхъ такою любовію, что даже послѣ его изгнанія, послѣдовавшаго за соборнымъ осужденіемъ, народъ, по кончинѣ его преемника по каѳедрѣ Константинопольской Максиміана, восклицалъ: «Да будетъ Несторій снова епископомъ въ столицѣ!» Сторону Несторія держатъ епископы Ираклійскій, многіе Сирійскіе, Азійскіе и Понтійскіе; вообще, можно сказать, что Азія склонилась къ несторіанской ереси, какъ ранѣе склонилась къ аріанской.

Отмѣченное различіе православныхъ и несторіанъ въ воззрѣніяхъ на догматъ воплощенія или, точнѣе, на соединеніе естествъ во Христѣ Іисусѣ коренилось въ различномъ рѣшеніи ими основного вопроса объ отношеніи вѣры къ знанію. Защитники Православнаго ученія противъ несторіанъ примыкаютъ здѣсь къ воззрѣніямъ святаго Аѳанасія Александрійскаго, святаго Василія Великаго и святаго Григорія Богослова — въ изслѣдованіи вопросовъ вѣры разуму долженъ быть положенъ предѣлъ, ибо вѣра выше разума.

— Зачѣмъ, — спрашиваетъ святый Кириллъ, — мнѣ заботливо изслѣдовать Писаніе, а не мудрствовать въ простотѣ сердца согласно съ нимъ?

Касаясь святѣйшей и величайшей тайны нашего спасенія—тайны воплощенія Слова Божія, тотъ же святый отецъ замѣчаетъ: «Пріими благоволеніе Отца, даровавшаго намъ собственнаго Сына. Не изслѣдуй, прошу, этого дѣла. Оно не поддается разуму языческой мудрости и обыкновенному пониманію—чуждо того и другого». «Какая необходимость предлагать всѣмъ эти вопросы (о воплощеніи), столь утонченные и сокровенные? Не больше ли бы пользы принесли мы людямъ изъясненіемъ нравственнаго ученія, когда мы еще неспособны съ надлежащею вѣрностію проникать въ догматическое ученіе?» Подобныхъ мыслей держался и папа Целестинъ. Въ изысканіяхъ о вѣрѣ папа призываетъ къ чрезвычайной осторожности: «Надобно болѣе бояться и не высокомудрствовать, углубляясь въ изысканія; не дòлжно, какъ сказано, изслѣдовать предметовъ высшихъ себя». Относительно же истины воплощенія Слова Божія папа запрещаетъ какія бы то ни было изслѣдованія разума: «Пусть,—говоритъ онъ,—устранится вопросъ о рожденіи (Христа), который всякій истинно вѣрующій долженъ рѣшить въ простотѣ сердца, ибо кто осмѣлится испытать Бога?!» Другой видный защитникъ Православія и приверженецъ святаго Кирилла—Ѳеодотъ, епископъ Анкирскій, призываетъ разумъ къ молчанію при видѣ истины воплощенія Христова: «Не спрашивай меня,—поучаетъ онъ,—объ образѣ чудесъ Божіихъ, ибо скажу тебѣ: чудеса показываютъ только, что совершилось, а знать образъ совершенія я предоставляю Богу. Не задавай вопроса: какимъ образомъ Богъ пребываетъ Богомъ и дѣлается человѣкомъ? Вѣрь чуду и не испытывай умомъ совершившагося». Не такихъ воззрѣній, но совершенно обратныхъ, держались несторіане: они усиливались постигнуть величіе Божіе способомъ человѣческаго изслѣдованія.

Видя себя осужденнымъ Римомъ и Александріей, Несторій единственнымъ выходомъ изъ своего затруднительнаго положенія считалъ созваніе Вселенскаго Собора для разсмотрѣнія спорнаго вопроса. Того же желали и нѣкоторые изъ защитниковъ Православія. Поэтому въ ноябрѣ 430 года императоръ Ѳеодосій II отъ себя и отъ имени западнаго императора издалъ повелѣніе о созывѣ Собора въ Ефесѣ—какъ городѣ, гдѣ Божія Матерь въ послѣдніе годы Своей жизни имѣла мѣстопребываніе. Временемъ открытія Собора назначалась ближайшая Пятидесятница. Каждый изъ митрополитовъ долженъ былъ взять съ собою на пред-

стоящій Соборъ такое число епископовъ, какое находилъ необходимымъ, сообразуясь съ нуждами митрополіи, чтобы на мѣстѣ оставалось необходимое число епископовъ для исполненія архипастырскихъ обязанностей. Наблюденіе за «благоприличіемъ» или ходомъ дѣлъ на Соборѣ, безъ права вмѣшательства въ изслѣдованія членовъ Собора о догматахъ, указомъ императорскимъ поручено было придворному сановнику Кандидіану.

Съ совершенно противоположными воззрѣніями и намѣреніями съѣхались въ Ефесъ епископы еретичествующіе и епископы православные. Несторій и его единомышленники созывъ Собора поняли какъ позволеніе произвести «новый пересмотръ церковнаго ученія»; святый же Кириллъ и его сторонники, напротивъ, понимали, что вопросъ о воплощеніи Сына Божія—дѣло вѣры, а не разума. Несторій прибылъ въ Ефесъ вскорѣ послѣ Пасхи (19 апрѣля) съ 16 епископами и со своимъ другомъ вельможею Иринеемъ. Святый Кириллъ Александрійскій явился на соборъ съ 50 епископами, множествомъ мірянъ и монаховъ, имѣя, при этомъ, полномочія отъ папы Целестина. Около 40 епископовъ было у Мемнона, митрополита Ефесскаго. Отъ Африканской Церкви не было ни одного представителя вслѣдствіе нашествія вандаловъ; лишь Капріолъ, епископъ Карѳагенскій, написалъ посланіе, прося Отцовъ Собора не вводить никакого новшества. Папа Целестинъ въ качествѣ представителей и своихъ, и «всего собора западнаго» отправилъ на Соборъ въ Ефесъ двухъ епископовъ и одного пресвитера съ наказомъ имъ руководиться сужденіемъ Кирилла Александрійскаго. Представители папы, однако, не поспѣли къ началу Собора. Тѣмъ не менѣе собралось около 200 епископовъ. Кандидіанъ, слѣдуя данной ему императоромъ инструкціи, распорядился, чтобы всѣ монахи и пришлые міряне оставили Ефесъ и чтобы ни одинъ епископъ не покидалъ города ни въ коемъ случаѣ, пока не окончатся засѣданія Собора. Между тѣмъ другъ Несторія Іоаннъ Антіохійскій съ епископами своего округа все еще не являлся вслѣдствіе затрудненія созвать епископовъ, не могшихъ выѣхать раньше окончанія пасхальной недѣли, отчасти вслѣдствіе смятенія въ его городѣ, вызваннаго недостаткомъ провизіи и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ по причинѣ дождей. Такъ прошло шестнадцать дней за срокъ, назначенный императорскимъ указомъ для открытія Собора. Святый Кириллъ, принявшій предсѣдательство на Соборѣ, рѣшилъ открыть послѣдній, не дожидаясь

Іоанна Антіохійскаго. Святый Кириллъ такъ дѣйствовалъ изъ ревности о славѣ Богоматери, въ исполненіе точнаго требованія императорскаго указа разсмотрѣть дѣло безъ всякаго промедленія и послѣ извѣщенія двухъ сирійскихъ епископовъ, посланныхъ впередъ Іоанномъ: «Господинъ епископъ Іоаннъ,—доложили они,—повелѣлъ сказать вашему благочестію—дѣлайте свое дѣло». Несторія и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ три раза чрезъ особую депутацію, состоявшую изъ епископовъ, приглашали на Соборъ: первый разъ, предъ самымъ открытіемъ Собора, а второй и третій—послѣ открытія. Первая депутація получила отъ Несторія двусмысленный отвѣтъ: «Посмотрю и, если мнѣ нужно будетъ придти, приду»; вторая и третья депутаціи не были даже допущены до Несторія.

22 іюня 431 года подъ предсѣдательствомъ Александрійскаго Патріарха Кирилла въ главномъ храмѣ Ефеса открылся Соборъ не менѣе 160-ти епископовъ, главнымъ образомъ изъ Александріи, Египта, Іерусалима, Палестины и Иллирика; 68 епископовъ, сторонниковъ Несторія, заявили протестъ противъ открытія Собора до прибытія Іоанна Антіохійскаго; этотъ протестъ поддерживалъ и чиновникъ императора Кандидіанъ. Но когда онъ явился на Соборъ, то отцы попросили его, по прочтеніи имъ царскаго указа о правахъ и обязанностяхъ Собора, удалиться. При разрѣшеніи вопросовъ, поднятыхъ несторіанствомъ, Отцы Собора за руководственное начало взяли ученіе Символа Никейскаго, который не разъ прочитывался на Соборѣ, причемъ отцы Собора нарочито постановили хранить Никейскій Символъ въ совершенной цѣлости: «Святый Соборъ опредѣлилъ,—читаемъ въ дѣяніяхъ III Вселенскаго Собора,—не позволять никому произносить, писать или слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной Святыми Отцами, сошедшимися въ Никеѣ». Съ прочтенія Никейскаго Символа и открылось первое засѣданіе Отцовъ III Вселенскаго Собора; за нимъ слѣдовало чтеніе второго посланія святаго Кирилла къ Несторію, встрѣченное Отцами Собора высокими знаками одобренія за его согласіе съ Никейскимъ Символомъ. Прочитано было письмо Несторія въ отвѣтъ святому Кириллу, при чемъ отцы произнесли анаѳему какъ автору письма, такъ и его ученію. Среди другихъ, читанныхъ на первомъ засѣданіи Собора, документовъ оглашено было и третье посланіе святаго Кирилла Несторію, содержащее такъ называемые *анаѳематизмы*; оно тоже съ одобреніемъ было принято Соборомъ.

Затѣмъ, по предложенію святаго Кирилла, постановлено было разспросить нѣкоторыхъ епископовъ и объ устныхъ бесѣдахъ Несторія; сообщенія епископовъ, которымъ пришлось имѣть разговоръ съ Несторіемъ въ Ефесѣ, не оставляли сомнѣнія, что Несторій богохульно мыслилъ о божественномъ достоинствѣ Искупителя. Для болѣе тщательнаго выясненія православнаго ученія о соединеніи естествъ во Христѣ Спасителѣ читанъ былъ особый сводъ изреченій изъ сочиненій, чтимыхъ всею Церковію отцевъ: святаго Петра, епископа Александрійскаго, святаго Аѳанасія Великаго, Юлія, папы Римскаго, святаго Феликса, папы Римскаго, Ѳеофила, епископа Александрійскаго, святаго Кипріана Карѳагенскаго, Амвросія, епископа Медіоланскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Григорія Нисскаго, Аттика, епископа Константинопольскаго, Амфилохія, епископа Иконійскаго.

Потомъ Отцы Собора нашли нужнымъ съ этими извлеченіями изъ сочиненій отцовъ сопоставить извлеченія изъ сочиненій Несторія; послѣднія вызвали всеобщее неодобреніе.

Рѣшивъ спорный вопросъ о соединеніи естествъ во Христѣ въ томъ смыслѣ, что «два естества—божеское и человѣческое—соединены во Христѣ нераздѣльно и несліянно», отцы III Вселенскаго Собора въ томъ же первомъ засѣданіи рѣшили и вопросъ о низложеніи Несторія. Отцы Собора составили слѣдующій приговоръ: «Такъ какъ нечестивѣйшій Несторій сверхъ прочаго не захотѣлъ повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ отъ насъ святѣйшихъ и благочестивѣйшихъ епископовъ, то мы вынужденными нашлись изслѣдовать нечестивое его ученіе. Открывши же частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ сочиненій, частію изъ бесѣдъ, которыя онъ недавно имѣлъ въ сей митрополіи (т. е. Ефесѣ) и которыя подтверждены свидѣтелями, что онъ и мыслитъ и проповѣдуетъ нечестиво, мы вынуждены были, на основаніи каноновъ и посланія святѣйшаго отца и сослужителя нашего Целестина, епископа Римскаго, произнести противъ него, хотя не безъ горькихъ слезъ, слѣдующее опредѣленіе: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на Котораго онъ изрыгаетъ хулы, устами сего Святѣйшаго Собора опредѣляетъ: лишить его епископскаго сана и отлучить отъ общенія церковнаго». Приговоръ соборный на другой день объявленъ былъ Несторію въ такой формѣ: «Святый Соборъ, собранный благодатіею Божіею, по повелѣнію благочестивѣйшихъ и христолюбивѣйшихъ нашихъ

императоровъ, въ митрополіи Ефесѣ, Несторію, новому Іудѣ. Знай, что ты, за нечестивыя твои проповѣди и противленіе канонамъ, въ 22 день текущаго мѣсяца іюня, на основаніи церковныхъ правилъ, низложенъ Святымъ Соборомъ и лишенъ церковной степени». Этотъ приговоръ подписали болѣе 200 епископовъ [1]).

По осужденіи Несторія Соборъ увѣдомилъ объ этомъ Константинополь особымъ посланіемъ, адресованнымъ Константинопольскимъ клирикамъ и экономамъ Константинопольской церкви: составлено и послано было отъ лица Собора и донесеніе императору, гдѣ, съ изложеніемъ хода соборныхъ занятій, находилась просьба, чтобы императоръ повелѣлъ истребить въ Церкви все ученіе Несторіево, книги его,—гдѣ онѣ найдутся,—сжечь, и всѣмъ, кто осмѣлился бы послѣдовать ученію Несторія, пригрозить гнѣвомъ императорскаго величія. Вслѣдъ за этимъ посланіемъ къ императору поступило донесеніе отъ Несторія, гдѣ содержатся обвиненія на Соборъ святаго Кирилла и гдѣ Несторій оправдываетъ свое отношеніе къ порицаемому имъ Собору. Между тѣмъ 27 іюня прибылъ въ Ефесъ Іоаннъ Антіохійскій съ 14 восточными епископами. Отъ православныхъ епископовъ Іоанну была послана навстрѣчу особая депутація для склоненія его на сторону уже состоявшагося рѣшенія Собора, но Іоаннъ депутаціи не принялъ. На другой день по прибытіи Іоаннъ составилъ свой Соборъ, на которомъ присутствовало не болѣе 43-хъ епископовъ. Соборъ этотъ, извѣстный подъ печальнымъ наименованіемъ *Отступническаго*, низложилъ Кирилла Александрійскаго и Мемнона, епископа Ефесскаго,—какъ «зараженныхъ неизлѣчимою болѣзнію»; прочихъ же епископовъ, единомысленныхъ Кириллу, отлучилъ лишь отъ общенія, пока они въ знакъ раскаянія не произнесутъ осужденія на «еретическіе» анаѳематизмы Кирилла Александрійскаго. Объ опредѣленіи своего Собора Іоаннъ и его сочлены отправили донесенія императору, императрицамъ, клиру, народу и сенату Константинопольскому. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ Іоаннъ доказываетъ правоту своихъ дѣйствій и обвиняетъ Кирилла. Узнавъ о дѣяніяхъ Іоанна, Кириллъ и Мемнонъ снова приглашаютъ собратій епископовъ на Соборъ—для обвиненія Іоанна въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ Іоаннъ

---

[1]) Хотя число епископовъ Собора простиралось только до 160, но дѣло въ томъ, что многіе изъ присутствовавшихъ на Соборѣ имѣли полномочіе подписываться за другихъ отсутствующихъ.

не пригласилъ на свой Соборъ обвиненныхъ послѣднимъ епископовъ. На Соборъ прибыли 10 іюля и замедлившіе въ пути легаты Римскаго папы. Ознакомившись съ дѣятельностью Собора подъ предсѣдательствомъ святаго Кирилла, они встали на сторону православныхъ. Соборъ трижды приглашалъ Іоанна Антіохійскаго на свои засѣданія, чтобы онъ доказалъ справедливость его обвиненій на Кирилла, но Іоаннъ отказался, почему Соборъ Вселенскій рѣшилъ отсѣчь Іоанна и его сторонниковъ отъ церковнаго общенія и дать знать объ этомъ императорамъ. Такъ въ Ефесѣ образовались двѣ враждебныхъ стороны епископовъ, угрожавшія одна другой и отлучавшія другъ друга. Чтобы выяснить истинное положеніе дѣла предъ императоромъ, которому оно было представлено Кандидіаномъ, державшимъ сторону еретичествующихъ, въ неблагопріятномъ для православныхъ свѣтѣ, православные епископы послали императору просьбу: отозвать Кандидіана и позволить пятерымъ изъ нихъ лично явиться ко двору. Къ этому письму присоединены были дѣянія Собора, просмотрѣнныя святымъ Кирилломъ. Но Кандидіанъ закрылъ всѣ пути къ Константинополю, чтобы посланіе не дошло по назначенію. Тогда Отцы Собора вручили нищему посланіе епископамъ и монахамъ Константинополя съ изображеніемъ хода соборныхъ дѣлъ и стѣсненій, претерпѣваемыхъ православными въ Ефесѣ. Нищій пронесъ письмо въ Константинополь въ палкѣ. По полученіи посланія въ столицѣ началось сильное возбужденіе, главнымъ образомъ въ монастыряхъ: обитатели послѣднихъ съ пѣніемъ антифоновъ отправились ко дворцу императора. Среди иноковъ самымъ выдающимся былъ преподобный Далматъ. Въ теченіе сорока восьми лѣтъ онъ пребывалъ безвыходно въ затворѣ, не покидая его даже тогда, когда самъ императоръ просилъ его участвовать въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ по случаю землетрясенія. Божественный голосъ свыше повелѣлъ теперь преподобному покинуть затворъ. Преподобный Далматъ и другіе были допущены къ императору. Великій подвижникъ показалъ ему посланіе изъ Ефеса, изложилъ жалобы православныхъ и спросилъ: лучше ли присоединяться къ одному нечестивцу, чѣмъ къ множеству епископовъ, разсѣянныхъ по вселенной и представленныхъ своими собратьями въ Ефесѣ? «Соучастники Несторія,—говорилъ преподобный,—во множествѣ приходятъ (въ Константинополь) и уходятъ невозбранно, а православные епископы въ стѣсненіи». Тронутый Ѳеодосій далъ обѣ-

щаніе вызвать въ Константинополь довѣренныхъ отъ Собора. Императоръ дѣйствительно вскорѣ сдержалъ свое обѣщаніе, и епископы, посланные отъ православной стороны, выяснили императору и вообще въ Константинополѣ создавшееся въ Ефесѣ положеніе, такъ что дѣло приближалось къ окончательному рѣшенію въ пользу Православія и святаго Кирилла. Но въ это время прибылъ въ Константинополь сильный связями при дворѣ сторонникъ и другъ Несторія и Іоанна вельможа Ириней. Онъ добился пересмотра дѣла. И въ результатѣ святый Кириллъ и его собратья епископы были обвинены какъ дѣлавшіе все «самовластно и противозаконно, и потому (они) подлежатъ отлученію отъ Церкви и другимъ наказаніямъ». Уже приготовлена была бумага для подписи императору, и лишь прибытіе домашняго секретаря Кирилла Іоанна, сумѣвшаго возстановить поруганную правду, разрушило козни Иринея настолько, что мнѣнія сановниковъ, пересматривавшихъ дѣло, раздѣлились. Императоръ, очевидно потерявшійся среди этихъ взаимныхъ обвиненій и донесеній, рѣшилъ для умиротворенія спорящихъ низложить Несторія, святаго Кирилла и Мемнона. Съ такимъ указомъ онъ и посылаетъ въ Ефесъ комита Іоанна, назначеннаго на мѣсто Кандидіана, съ порученіемъ, кромѣ того, сдѣлать то, что онъ признаетъ полезнымъ относительно вѣры. Іоаннъ ничего не могъ сдѣлать въ Ефесѣ по причинѣ царившаго тамъ величайшаго смятенія; взаимное ожесточеніе сторонъ было такъ сильно, что Іоаннъ не добился примиренія. Онъ заключилъ подъ стражу святаго Кирилла, Мемнона и Несторія и донесъ императору о безуспѣшности своей миссіи. Наконецъ императоръ, склоняясь къ общимъ просьбамъ, устроилъ въ Халкидонѣ совѣщаніе изъ 16 епископовъ, прибывшихъ сюда изъ Ефеса, по 8 отъ соперничавшихъ сторонъ. На совѣщаніи этомъ, веденномъ въ присутствіи императора, открылась возможность Отцамъ православнаго Собора доказать истинность постановленій послѣдняго и свою правоту. Благодаря этому еще до роспуска совѣщанія въ Ефесѣ было получено предписаніе освободить съ возстановленіемъ въ прежнихъ правахъ святаго Кирилла и Мемнона; Несторій же «увольнялся въ мѣсто своего прежняго пребыванія, то есть въ Антіохію, откуда прибылъ на престолъ Константинопольскій». По прошествіи нѣкотораго времени епископы, засѣдавшіе въ Халкидонѣ, переведены были въ Константинополь; православнымъ епископамъ, затѣмъ, повелѣно было избрать преемника

Несторію: былъ избранъ и рукоположенъ Максиміанъ, инокъ отшельническаго и нечестолюбиваго характера. Относительно же Несторія былъ изданъ слѣдующій декретъ къ Исидору Преторіаниту, префекту и консулу:

«Хотя извѣстно, что мы занимаемся дѣлами общественными, однако же къ неменьшей заботливости съ нашей стороны относится утвержденіе каѳолической вѣры; охраненіемъ вѣры мы надѣемся служить благу общественному. Посему, когда Несторій, бывшій пастырь Каѳолической Церкви, а теперь измѣнникъ вѣрѣ, вдался въ такое страшное злочестіе, необходимо, чтобы онъ подвергся и суду нашей свѣтлости и получилъ наказаніе, достойное его поведенія, за то, что отверженіемъ законовъ досточтимой Церкви сдѣлался виновникомъ ужасной ереси. И какъ онъ повредилъ вѣру тѣхъ, которыхъ склонилъ къ участію въ измѣнѣ, то и долженъ принять на себя вину чужой измѣны. Посему ты, по своей власти и съ свойственнымъ тебѣ правомъ, да повелишь упомянутаго Несторія, за оказанное имъ нечестіе, подвергнуть всегдашнему изгнанію въ Петру[1]), а все имѣніе его передать Константинопольской Церкви для умноженія сокровищъ того священнѣйшаго мѣста, Таинства котораго онъ нарушилъ. Ибо, такимъ образомъ, въ душахъ людей сохранится благолѣпіе къ святѣйшей вѣрѣ и, при утвержденіи благочестія, процвѣтетъ благоденствіе нашей имперіи».

Прочимъ епископамъ повелѣно было возвратиться въ свои страны и города. Святый Кириллъ возвратился въ Александрію 30 октября и принятъ былъ паствою съ величайшимъ восторгомъ и честію. Несторій же изъ Петры черезъ нѣкоторое время перемѣщенъ былъ въ отдаленный Египетскій оазисъ Ибисъ; здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ кочевниками; отпущенный ими, онъ вскорѣ умеръ въ совершенной безвѣстности отъ старости и изнуренія. На послѣдователей Несторія было воздвигнуто жестокое гоненіе; уцѣлѣвшіе отъ него бѣжали въ Персію, гдѣ въ теченіе долгаго времени пользовались особымъ покровительствомъ государства.

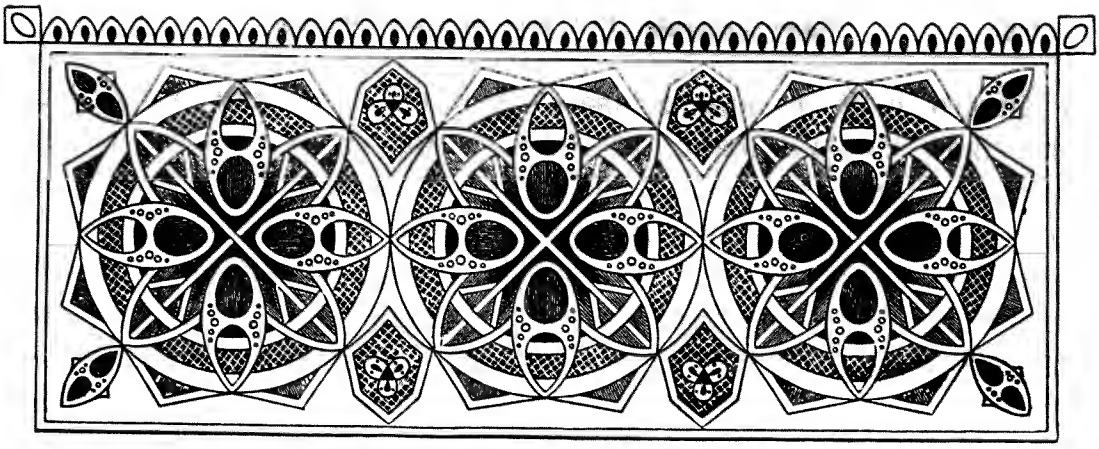
Такъ разрѣшились къ торжеству Православія бурныя пренія, поднятыя Несторіемъ и взволновавшія весь христіанскій міръ. Но, къ великому сожалѣнію, это торжество не было внутреннимъ примиреніемъ враждующихъ сторонъ. Епископы, съ Іоанномъ

---

[1]) —городъ въ Аравіи.

Антіохійскимъ во главѣ, отбывъ изъ Ефеса, составили на пути, въ Тарсѣ, а потомъ и въ Антіохіи, Соборъ, на которомъ рѣшено было протестовать противъ низложенія Несторія; при чемъ было подтверждено состоявшееся въ Ефесѣ опредѣленіе о низложеніи святаго Кирилла. Только непремѣнная воля императора, чтобы «споры были прекращены и водворился миръ Господень», остановила раздоры; конецъ же враждѣ положила впослѣдствіи дѣятельность того же святаго Кирилла[1]), этого великаго борца за правую вѣру и мудраго ревнителя церковнаго мира.

[1]) —объ этой дѣятельности св. Кирилла см. въ слѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ воспоминанію IV Вселенскаго Собора.



ВОСПОМИНАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА

(Совершается Православною Церковію 16-го іюля)

Вселенскій Соборъ Ефесскій не положилъ конца распрямъ о Лицѣ Богочеловѣка, не примирилъ несторіанствующихъ и православныхъ. Но вскорѣ, однако жъ, въ тридцатыхъ годахъ V-го вѣка, это примиреніе достигается посредствомъ *уніи*, т. е. единенія, почти прекратившаго, было, раздѣленіе церковное.

Императоръ Ѳеодосій Младшій, видя, что Соборъ Ефесскій не достигъ умиротворенія церковнаго, тотчасъ, послѣ Собора, обратился къ Іоанну Антіохійскому съ требованіемъ войти въ общеніе со святымъ Кирилломъ Александрійскимъ. Вначалѣ Іоаннъ и его приверженцы хотѣли возстановить этотъ миръ несправедливою цѣною — цѣною требованія, чтобы святый Кириллъ отказался отъ всѣхъ своихъ сочиненій, гдѣ имъ раскрывалось ученіе о Лицѣ Богочеловѣка: такой отказъ былъ бы равносиленъ отрицанію догматической дѣятельности только что закончившагося Ефесскаго Вселенскаго Собора. Святый Кириллъ, конечно, не согласился на это и, наоборотъ, обратился къ Антіохійскимъ епископамъ съ кроткимъ и справедливымъ предложеніемъ отказаться отъ еретическихъ (несторіанскихъ) мыслей, присоединиться къ рѣшенію Ефесскаго Вселенскаго Собора о низложеніи Несторія и признать законнымъ пастыремъ архіепископа Константинопольскаго Максиміана, из-

браннаго на мѣсто низложеннаго Несторія Ефесскимъ Соборомъ изъ лицъ, единомысленныхъ святому Кириллу. Въ отвѣтъ на это святому Кириллу, по его собственнымъ словамъ, «вручено было письмо отъ Іоанна, заключающее въ себѣ не то, что слѣдовало, написанное не какъ должно было — въ тонѣ насмѣшки, а не соглашенія. Ибо,—говоритъ святый Кириллъ,—вмѣсто того, чтобы успокоить меня въ печали, причиненной событіями предшествующими и ихъ (т. е. Антіохійскихъ епископовъ) собственными поступками въ Ефесѣ, они сочли благовременнымъ излить на меня свой гнѣвъ, порожденный какъ бы ревностію ихъ къ святымъ догматамъ». Но стремясь къ миру церковному, святый Кириллъ не переставалъ прилагать усилій къ его достиженію. И Господь благословилъ труды великаго архипастыря; плодомъ ихъ было то, что Іоаннъ Антіохійскій отъ всѣхъ епископовъ Антіохійскаго округа прислалъ святому Кириллу исповѣданіе вѣры, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: «Мы,—писали Антіохійскіе епископы,—исповѣдуемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ единородный Сынъ Божій есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, состоящій изъ разумной души и тѣла, что Онъ рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣднее время ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы по человѣчеству; что Онъ единосущенъ Отцу по Божеству и единосущенъ намъ по человѣчеству, ибо въ Немъ совершенное соединеніе двухъ естествъ. Почему мы и исповѣдуемъ одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основаніи такого несліяннаго соединенія мы исповѣдуемъ Пресвятую Дѣву Богородицею, потому что Богъ-Слово воплотился и вочеловѣчился и въ самомъ зачатіи соединилъ съ Собою храмъ, отъ Нея воспринятый. Извѣстно, что богословы одни изъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій о Господѣ признаютъ общими — какъ принадлежащія одному лицу, другія же, по причинѣ различія двухъ естествъ, принимаютъ раздѣльно, и тѣ изъ нихъ, которыя приличны Богу, относятъ къ Божественности Христа, уничижительныя же — къ Его человѣчеству»[1]). Въ концѣ посланія находилось анаѳематствованіе Несторія и его ученія съ заявленіемъ о принятіи въ общеніе Максиміана. Это исповѣданіе

[1]) Объясняя послѣднія слова посланія Антіохійскихъ епископовъ, святый Кириллъ замѣчаетъ: этимъ они «утверждаютъ не то, что одни наименованія приличествуютъ Слову Бога Отца какъ Сыну, Самому по Себѣ взятому отдѣльно, а другія — Ему рожденному отъ жены такъ, какъ другому Сыну опять отличному, но то, что одни приличны Его Божеству, другія — человѣчеству».

Іоанна и единомысленныхъ съ нимъ епископовъ святый Кириллъ Александрійскій принялъ какъ даръ съ Неба и призналъ его вполнѣ православнымъ. Миръ церковный началъ водворяться, и стали затихать распри, какъ видно изъ слѣдующихъ выраженій посланія Іоанна Антіохійскаго въ 437 году: «Всѣ епископы Востока (т. е. Антіохійскаго округа), какъ и епископы всего прочаго міра, осудили Несторія и согласились на его низложеніе. Мы сдѣлали и объявили, что надлежало, вотъ уже четыре года. Всѣ епископы приморскіе согласились и подписались. Епископы второй Финикіи, киликійцы сдѣлали это прошлымъ годомъ; арабы—чрезъ своего епископа Антіоха; страны Месопотамскія, Озраены, Евфрата и вторая Сирія одобрили все то, что мы сдѣлали. Мы уже давно получили (благопріятный) отвѣтъ со стороны исаврійцевъ; всѣ епископы первой Сиріи подписались съ нами».

Однако, при крайнемъ напряженіи церковной жизни около вопросовъ, поднятыхъ несторіанствомъ, унія не могла не встрѣтить осужденія со стороны нѣкоторыхъ недовольныхъ ею и въ Александріи, и въ Антіохіи. Особенно опасны были для церковнаго мира тѣ противники соглашенія церковнаго между Александріей и Антіохіей, которые вышли изъ рядовъ почитателей святаго Кирилла. Это были предтечи вскорѣ появившейся монофизитской ереси. Они почитали измѣной Православію общеніе св. Кирилла съ Іоанномъ Антіохійскимъ и видѣли ересь въ ученіи святаго Кирилла о двухъ естествахъ во Христѣ. Святый Кириллъ все сдѣлалъ съ своей стороны, чтобы «заставить замолкнуть враговъ изъ числа своихъ прежнихъ друзей». Онъ, примѣняясь къ ихъ воззрѣніямъ, не уставалъ изъяснять, что ученіемъ о двухъ естествахъ во Христѣ не исключается ученіе объ ихъ соединеніи. Но упорные въ своемъ заблужденіи бывшіе друзья святаго Кирилла не внимали его разъясненіямъ и увѣщаніямъ, и великій іерархъ сошелъ въ могилу, не имѣя увѣренности, что состоявшаяся къ его великой радости унія будетъ прочна.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе возрастало число сторонниковъ и защитниковъ уніи, что еще сильнѣе озлобляло враговъ ея, вышедшихъ изъ рядовъ бывшихъ почитателей святаго Кирилла. Несмотря на свою многочисленность, они вели себя сдержанно, пока былъ живъ святый Кириллъ, пользовавшійся высокимъ уваженіемъ въ Церкви. Но съ его смертью положеніе дѣлъ измѣнилось. Враги уніи изъ Александрійцевъ начали открыто и усиленно

дѣйствовать противъ нея во имя Православія, а въ дѣйствительности—во имя своего еретическаго ученія, извѣстнаго въ исторіи Церкви подъ именемъ монофизитства[1]). Главнымъ представителемъ монофизитской ереси былъ Евтихій—архимандритъ одного монастыря въ Константинополѣ. Во дни III Вселенскаго Собора Евтихій показалъ себя ревностнымъ сторонникомъ святаго Кирилла Александрійскаго въ его борьбѣ съ ересью Несторія: «когда Несторій противился истинѣ, Евтихій сталъ за истину». Такая дѣятельность Евтихія заслужила ему уваженіе святаго Кирилла: послѣ III Вселенскаго Собора святый Кириллъ прислалъ Евтихію экземпляръ описанія дѣятельности только что закончившагося Собора. Но Евтихій, какъ и всѣ Александрійцы, противившіеся уніи, почиталъ святаго Кирилла только какъ борца за Православіе противъ Несторія; дѣятельность же святаго отца во время и послѣ уніи онъ считалъ ошибкой, если не измѣной Православію. Евтихій, поэтому, не признавалъ сочиненій, написанныхъ знаменитымъ Александрійскимъ архіепископомъ въ цѣляхъ подготовленія уніи и для защиты ея. Въ этихъ сочиненіяхъ развивалась и усиленно утверждалась мысль о двухъ естествахъ въ Лицѣ Господа Іисуса Христа, что совершенно противорѣчило еретическимъ монофизитскимъ воззрѣніямъ Евтихія, который училъ: «Послѣ воплощенія Бога Слова я поклоняюсь одному естеству—естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчившагося»; «исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество». Нужно замѣтить, что эти изреченія встрѣчаются у святаго Кирилла Александрійскаго, который самъ заимствовалъ ихъ изъ писаній святаго Аѳанасія Александрійскаго; такимъ образомъ, они не являются изобрѣтеніемъ Евтихія, но взяты имъ изъ сочиненій святаго Кирилла безъ связи съ его прочими воззрѣніями и потому носятъ еретическій характеръ, какого не имѣютъ на своемъ мѣстѣ. Однако, то обстоятельство, что приведенныя изреченія встрѣчались въ сочиненіяхъ святаго Кирилла, придавало видъ истинности еретическому ученію монофизитовъ и привлекало къ нему многихъ послѣдователей изъ числа недальновидныхъ христіанъ.

---

[1]) Еретики *монофизиты*, или, въ переводѣ съ греческаго, *единоестественники*, назывались такъ потому, что учили объ *одной* Божественной природѣ во Христѣ Іисусѣ,—о полномъ сліяніи въ Немъ Божественной и человѣческой природы съ поглощеніемъ послѣдней первою.

Дѣло объ Евтихіи поднялъ извѣстный борьбою съ Несторіемъ Евсевій, епископъ Дорилейскій [1]). На одномъ изъ Соборовъ епископскихъ, столь частыхъ въ древнее время, и на этотъ разъ собравшемся въ Константинополѣ въ 448 году, Евсевій сдѣлалъ заявленіе, что Евтихій, архимандритъ извѣстнѣйшаго монастыря въ Константинополѣ, еретически, несогласно съ преданіемъ апостольскимъ и ученіемъ Никейскаго Символа мыслитъ объ Искупителѣ и таинствѣ искупленія. Въ особой запискѣ, поданной съ этимъ заявленіемъ Флавіану, архіепископу Константинопольскому, и Собору епископовъ, Евсевій писалъ между прочимъ: «Я просилъ Евтихія, пресвитера и архимандрита, чтобы онъ не предавался такому пораженію чувствъ, опьяненію мышленія и изступленію ума, что даже забываетъ страхъ Божій, дерзаетъ называть еретиками тѣхъ отцевъ, которые считаются въ числѣ святыхъ; но онъ, имѣя невоздержныя уста и необузданный языкъ, не перестаетъ отрицать благочестивые догматы Православія. Умоляю и прошу вашу святость, не оставьте безъ вниманія моей просьбы, но прикажите Евтихію, пресвитеру и архимандриту, явиться на святый вашъ соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я обвиняю его. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носитъ имя православнаго и совершенно чуждъ православной вѣры». Не желая придавать огласки дѣлу и не считая въ то же время возможнымъ оставить заявленіе Евсевія безъ вниманія, Флавіанъ, предсѣдатель Собора, предложилъ Евсевію объясниться съ Евтихіемъ келейно. Но оказывается, Евсевій не разъ и не два ходилъ къ Евтихію для увѣщанія—и безполезно; «теперь же,—рѣшительно заявилъ Евсевій,—невозможно, чтобы я послѣ того, какъ часто ходилъ и не могъ убѣдить его, опять отправился къ нему и услышалъ хульныя слова». Видя непреклонность Евсевія, Соборъ нашелъ себя вынужденнымъ отправить къ Евтихію депутацію изъ пресвитера Іоанна и діакона Андрея; депутація обязана была представить Евтихію записку Евсевія Дорилейскаго и пригласить архимандрита на Соборъ для объясненія. Возвратившись отъ Евтихія, депутація заявила Собору слѣдующее: «Ходили мы къ нему въ монастырь, прочли ему обвинительную записку, вручили ему копію съ нея, объявили ему обвинителя и возвѣстили, что его вызываютъ оправдываться передъ вашею святостію. Онъ идти и оправдываться совершенно отказался,

---

[1]) См. стр. 623. *Дорилея* — городъ Фригіи.

говоря, что у него опредѣлено и какъ бы закономъ положено отъ начала никогда и никуда не отлучаться отъ своего братства, а жить въ монастырѣ, нѣкоторымъ образомъ — какъ во гробѣ. Онъ просилъ насъ извѣстить вашей святости, что будто бы боголюбезнѣйшій епископъ Евсевій, бывшій издавна врагомъ ему, по ненависти и непріязни возвелъ на него это обвиненіе. Онъ утверждалъ, что готовъ согласиться съ изложеніемъ Святыхъ Отцевъ, составлявшихъ Соборъ въ Никеѣ и Ефесѣ, и обѣщалъ подписать ихъ толкованія. Послѣ воплощенія Бога Слова, т. е. рожденія Господа нашего Іисуса Христа, онъ поклоняется одному естеству— естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчившагося. Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ѵпостасно, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ святыхъ отцевъ, и ежели случится ему у кого-либо вычитать что-нибудь подобное, онъ не приметъ этого, потому что Божественное Писаніе превосходнѣе ученія Отцевъ. Онъ исповѣдалъ, что Родившійся отъ Дѣвы Маріи есть совершенный Богъ и совершенный Человѣкъ, не имѣющій плоти, единосущной намъ». «Выслушанныхъ показаній,—сказалъ Евсевій послѣ доклада депутаціи,—достаточно для уясненія того, какое нечестивое мнѣніе, противное изложеніямъ Святыхъ Отцевъ, имѣетъ Евтихій. Я прошу вызвать Евтихія сюда снова». Рѣшено было отправить къ Евтихію вторую депутацію, въ которую вошли два пресвитера—Мамма и Ѳеофилъ; депутатамъ вручена была вызывная грамота, призывавшая Евтихія явиться на Соборъ «безъ всякаго отлагательства». Изъ доклада Собору этой второй депутаціи видно, что Евтихій два раза отказывалъ депутатамъ въ пріемѣ подъ предлогомъ болѣзни, и лишь благодаря своей настойчивости депутація добилась нужнаго свиданія. «Вошедши (къ Евтихію),—говорили депутаты,—мы подали ему писанную бумагу; онъ велѣлъ читать ее при насъ и послѣ того, какъ она была прочитана, сказалъ: я положилъ за правило— не выходить изъ монастыря, кромѣ смертной нужды; Святой Соборъ и боголюбезнѣйшій епископъ видятъ, что я старъ и хилъ; пусть архіепископъ и Соборъ дѣлаютъ со мною, что хотятъ; я прошу только одного—никого не безпокоить здѣсь въ другой разъ, потому что у меня постановлено не выходить изъ монастыря». Выслушавъ это заявленіе, Соборъ опредѣлилъ: «нужно въ третій разъ убѣждать Евтихія, чтобы онъ пришелъ на этотъ Святой Соборъ; если онъ не исполнитъ этого, то самъ себя обвинитъ». Третья

депутація состояла изъ пресвитеровъ и хранителей сосудовъ—Мемнона и Епифанія и діакона Германа. Съ этими лицами Евтихію снова отправлена была вызывная грамота, въ которой говорилось: «Ты знаешь, что опредѣлено святыми канонами противъ непослушныхъ и не хотящихъ явиться для оправданія, когда бываетъ къ нимъ уже третій вызовъ. Поспѣши придти въ слѣдующій день утромъ, т. е. въ четвертый день недѣли, въ семнадцатый день мѣсяца ноября». Наканунѣ этого дня къ Отцамъ Собора явилась депутація отъ Евтихія въ лицѣ архимандрита Авраамія и трехъ діаконовъ. Архимандритъ доложилъ Собору о нездоровьи Евтихія и вызывался, было, дать нѣкоторыя объясненія за болящаго. Архіепископъ Флавіанъ обѣщалъ ожидать выздоровленія Евтихія, а предложеніе архимандрита отклонилъ. 17 ноября третья депутація, возвратившаяся отъ Евтихія, передала Отцамъ Собора такую просьбу послѣдняго: «Прошу умолить господина архіепископа и Святой Соборъ, чтобы они дали мнѣ отсрочку на эту недѣлю, а на слѣдующей недѣлѣ, если будетъ угодно Богу, я приду и буду оправдываться предъ господиномъ и Святымъ Соборомъ». Просьба была принята во вниманіе,—архіепископъ Флавіанъ отъ лица Собора рѣшилъ: «мы даруемъ (Евтихію) испрашиваемую имъ отсрочку. Если же, вопреки собственному обѣщанію, Евтихій не явится во второй день слѣдующей недѣли (22 ноября), то окончательно будетъ лишенъ и пресвитерскаго сана, и начальства надъ монастыремъ».

Наступило 22 ноября. Члены Собора собрались въ судебной палатѣ епископіи. Евтихій явился на Соборъ съ множествомъ воиновъ, монаховъ и служителей префекта преторіи; кромѣ того, Евтихія сопровождалъ силенціарій [1]) Магнусъ, посланный императоромъ для представленія Собору такого опредѣленія: «Мы заботимся о мирѣ святыхъ церквей и православной вѣры и желаемъ охранять вѣру, истинно и по вдохновенію Божію изложенную нашими Святыми Отцами въ числѣ 318 въ Никеѣ и бывшими въ Ефесѣ при осужденіи Несторія. Мы желаемъ этого, дабы не вторгся соблазнъ въ упомянутое Православіе. А такъ какъ знатнѣйшаго патриція Флоренція мы знаемъ за вѣрнаго и испытаннаго въ Православіи, то мы желаемъ, чтобы онъ присутствовалъ въ засѣданіи Собора, такъ какъ рѣчь идетъ о вѣрѣ». «Господина Флоренція,—сказалъ архіепископъ Флавіанъ по прочтеніи императорскаго де-

---

[1]) Придворный чинъ.

крета,—мы всѣ знаемъ за вѣрнаго и испытаннаго въ Православіи и желаемъ, чтобы онъ присутствовалъ». По прибытіи Флоренція на Соборъ открылось разбирательство дѣла Евтихія. Въ засѣданіи, посвященномъ Евтихію, Константинопольскій Соборъ 448 года свое рѣшеніе по вопросу о соединеніи во Христѣ Іисусѣ двухъ естествъ основываетъ, главнымъ образомъ, на Посланіи святаго Кирилла Александрійскаго «къ восточнымъ», гдѣ излагается ходъ уніи, утверждается исповѣданіе вѣры Іоанна Антіохійскаго и,—что особенно важно было для Собора,—рѣшительно опровергается лжеумствованіе монофизитовъ: «да заградятся,—говоритъ посланіе,—уста тѣмъ, кто проповѣдуетъ или тождество, или сліяніе, или смѣшеніе Сына Божія съ плотію». Изъ другихъ сочиненій святаго Кирилла Соборъ руководствовался еще однимъ Посланіемъ его къ Несторію, въ которомъ съ полною ясностію исповѣдывалось ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Обращаясь къ суду надъ Евтихіемъ, Соборъ старался, главнымъ образомъ, выяснить, согласенъ ли Евтихій съ отмѣченнымъ выше Посланіемъ святаго Кирилла и съ содержащимися въ немъ словами исповѣданія Іоанна Антіохійскаго. Діаконъ, читавшій на Соборѣ Посланіе святаго Кирилла «къ восточнымъ», безпрепятственно дошелъ до слѣдующихъ словъ: «мы исповѣдуемъ, что Господь Іисусъ Христосъ Единородный Сынъ Божій есть совершенный Богъ и совершенный Человѣкъ, состоящій изъ разумной души и тѣла; что Онъ рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣднее время ради насъ и ради нашего спасенія — отъ Дѣвы Маріи по человѣчеству; что Онъ единосущенъ Отцу по Божеству и единосущенъ намъ по человѣчеству; ибо въ Немъ совершилось единеніе двухъ естествъ. Почему мы и исповѣдуемъ одного Христа, одного Сына, одного Господа; на основаніи такого не слитнаго соединенія мы исповѣдуемъ Пресвятую Дѣву Богородицею, потому что Богъ Слово воплотился и вочеловѣчился и въ самомъ зачатіи соединилъ съ Собою храмъ, отъ Нея воспринятый». На этомъ мѣстѣ чтеніе посланія прервано было возгласомъ Евсевія Дорилейскаго: «Евтихій не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ, но вопреки этому мудрствовалъ и училъ». Это восклицаніе вызвало на разсужденіе съ Евтихіемъ сначала префекта Флоренція, а потомъ архіепископа Флавіана и Евсевія Дорилейскаго. Разсужденія привели въ концѣ концовъ къ такому заявленію Евтихія: «исповѣдую, что Господь нашъ состоялъ изъ двухъ естествъ прежде

соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество». Не оставалось никакого сомнѣнія въ еретичествѣ Евтихія. Чтобы предотвратить тяжкія послѣдствія еретичества Евтихія для Церкви, Отцы Собора предложили ему анаѳематствовать все, противное читаннымъ на Соборѣ догматамъ. Но Евтихій съ тономъ ожесточенія отвергъ это предложеніе. Тогда Отцы Собора, вставши, возгласили: «анаѳема Евтихію». Затѣмъ, послѣ совѣщанія сдѣлано было такое заявленіе относительно Евтихія, подписанное архіепископомъ Флавіаномъ, 31 епископомъ и 23 архимандритами: «Изъ всего —и изъ бывшихъ уже дѣяній, и изъ теперешняго собственнаго сознанія Евтихіева—открывается, что онъ страждетъ заблужденіемъ Валентина и Аполлинарія[1]). Не устыдившись нашего убѣжденія, онъ не захотѣлъ согласиться съ истинными догматами; посему, воздыхая и оплакивая совершенную его погибель, мы о Господѣ Іисусѣ Христѣ, Котораго онъ злословитъ, опредѣлили отчуждить его отъ всякой священнической службы, общенія съ нами и начальства надъ монастыремъ. Пусть всѣ тѣ, которые послѣ этого будутъ разговаривать или сходиться съ нимъ, знаютъ, что и сами они будутъ повинны епитиміи отлученія—какъ не уклонившіеся отъ бесѣдъ съ нимъ».

Соборъ Константинопольскій 448 года не положилъ, однако, конца раздорамъ: его не признала Церковь Александрійская, или Египетская, бывшая средоточіемъ враговъ уніи, и Церковь Іерусалимская, издавна, со дней I Вселенскаго Собора шедшая рука объ руку съ Церковью Александрійской въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ догматики; Церковь Римская въ лицѣ папы Льва Великаго отнеслась вначалѣ не совсѣмъ одобрительно къ Константинопольскому Собору—по малой освѣдомленности въ подробностяхъ преній, происходившихъ на отдаленномъ Востокѣ. Соборъ Константинопольскій приняла Церковь Константинопольская и тѣ Церкви Малой Азіи и Сиріи, которыя ранѣе сочувственно относились къ уніи. Неудивительно, поэтому, что когда Соборъ Константинопольскій не встрѣтилъ нужнаго сочувствія въ высшей свѣтской власти, для Церкви Православной наступили тяжкія времена: друзья уніи, защитники правой вѣры, почитаются врагами Право-

---

[1]) Валентинъ училъ, что тѣло Христа создано было Творцемъ изъ эѳирной матеріи неба. Аполлинарій училъ, что Господь Іисусъ Христосъ не былъ полный, всецѣлый человѣкъ, такъ какъ Онъ не обладалъ разумною душою, которую въ Немъ замѣняло Божество.

славія, и монофизиты усиливаются настолько же, насколько аріане въ печальные дни императора Констанція.

При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, постановленія Константинопольскаго Собора не сломили ожесточеннаго упорства Евтихія,—онъ рѣшилъ, опираясь на сочувственное отношеніе къ нему Двора, вступить въ борьбу съ Соборомъ и своимъ архіепископомъ: онъ подалъ императору Θеодосію прошеніе, въ которомъ просилъ пересмотра его дѣла на новомъ Соборѣ. Въ то же время Евтихій отправилъ въ Римъ къ святому папѣ (440—461 г.г.) Льву Великому жалобу, что у нихъ на Востокѣ, т. е. въ Константинополѣ, «стараніемъ нѣкоторыхъ людей несторіанская ересь вновь воскресаетъ»; этимъ Евтихій хотѣлъ сказать папѣ, что на Соборѣ Константинопольскомъ его, Евтихія, осудили, будто бы, какъ защитника и почитателя святаго Кирилла, посвятившаго себя, какъ видѣли, борьбѣ съ несторіанствомъ. Въ отвѣтномъ посланіи Евтихію папа Левъ одобряетъ его благочестивую ревность, ссылаясь, при этомъ, на малую освѣдомленность въ дѣлѣ: «какъ только разузнаемъ полнѣе,—пишетъ святый папа,—о тѣхъ, нечестіемъ которыхъ это сдѣлалось, сочтемъ за необходимое, при помощи Божіей, позаботиться о томъ, какъ бы исторгнуть съ корнемъ нечестивую заразу, давно уже осужденную». Съ просьбой о выясненіи дѣла святый Левъ обратился къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому: «Пусть твое братство,—предлагаетъ въ письмѣ папа Флавіану,—извѣститъ насъ подробнѣйшимъ донесеніемъ о томъ, какая возникла у васъ новизна противъ древней вѣры». Флавіанъ не замедлилъ съ отвѣтомъ. Онъ выяснилъ папѣ сущность лжеученія Евтихія, сообщилъ о проискахъ послѣдняго послѣ осужденія его Константинопольскимъ Соборомъ и просилъ папу укрѣпить вѣру «благочестивѣйшаго императора». Вскорѣ Флавіанъ отправилъ папѣ второе посланіе съ болѣе подробнымъ изложеніемъ еретическаго ученія Евтихія.

Отвѣтомъ на него и было знаменитое въ исторіи Церкви «Окружное, или Соборное посланіе святѣйшаго Льва, архіепископа города Рима, писанное къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому (противъ ереси Евтихія)»

«Возлюбленному брату Флавіану Левъ епископъ.

Прочитавъ посланіе твоей любви, такъ запоздавшее къ нашему удивленію, и разсмотрѣвъ порядокъ епископскихъ дѣяній, наконецъ, мы узнали, какой случился у васъ соблазнъ и возстаніе

противъ чистоты вѣры, и то, что прежде казалось тайною, нынѣ сдѣлалось для насъ явнымъ. Такимъ образомъ, Евтихій, удостоенный, было, имени архимандрита и сана пресвитерскаго, оказался весьма безразсуднымъ и столь великимъ невѣждою, что и къ нему могутъ быть отнесены слова пророка: *не хочетъ онъ вразумиться, чтобы дѣлать добро, на ложѣ своемъ замышляетъ беззаконіе* (Псал. XXXV, 4. 5). А что беззаконнѣе, какъ нечестиво умствовать о вѣрѣ и не слѣдовать мудрѣйшимъ и опытнѣйшимъ? Но сему-то безумію подвергаются тѣ, которые, встрѣтивъ въ чемъ-либо неясномъ затрудненіе къ познанію истины, прибѣгаютъ не къ пророческимъ изреченіямъ, не къ писаніямъ апостольскимъ, и не евангельскому авторитету, а къ самимъ себѣ, и, такимъ образомъ, не захотѣвъ быть учениками Истины, становятся учителями заблужденія. Ибо какіе могъ пріобрѣсти успѣхи въ знаніи Священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта тотъ, кто не уразумѣлъ первыхъ словъ самого Сѵмвола, и что по всей вселенной исповѣдуется устами всѣхъ возрожденныхъ, того еще не понимаетъ сердцемъ этотъ старикъ. Поэтому, не зная того, что дòлжно думать о воплощеніи Бога Слова и не желая потрудиться на широкомъ поприщѣ Священныхъ Писаній, чтобы сподобиться свѣта вѣдѣнія, онъ долженъ бы былъ принять внимательнымъ слухомъ по крайней мѣрѣ то всеобщее и единогласное исповѣданіе, которое исповѣдуютъ всѣ вѣрующіе: «вѣруемъ въ Бога Отца Вседержителя и въ Іисуса Христа, Единороднаго Сына Его, Господа нашего, родившагося отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы.»

«Этими тремя изреченіями ниспровергаются ухищренія всѣхъ почти еретиковъ. Ибо когда вѣруемъ, что Богъ есть и Вседержитель, и вѣчный Отецъ, то этимъ уже доказывается, что Сынъ совѣченъ Ему и ничѣмъ не разнствуетъ отъ Отца, потому что рожденъ отъ Бога Богъ, отъ Вседержителя Вседержитель, отъ Вѣчнаго Совѣчный, а не позднѣйшій по времени, не низшій по власти, не разнственный по славѣ, не отдѣльный по существу. Онъ же вѣчнаго Отца вѣчный Единородный родился отъ Святаго Духа и Маріи Дѣвы. Это временное рожденіе ничего не убавило у того божественнаго и вѣчнаго рожденія и ничего къ нему не прибавило, но всецѣло предало себя на спасеніе заблудшаго человѣка, чтобы и смерть побѣдить, и силою своею сокрушить діавола, имущаго державу смерти (Посл. къ Евр. II, 14). Ибо мы не могли бы побѣдить виновника грѣха и смерти, если бы нашего естества не

воспринялъ и не усвоилъ Тотъ, Котораго ни грѣхъ не могъ уязвить, ни смерть удержать въ своей власти. Онъ зачался отъ Духа Святаго во чревѣ Матери Дѣвы, Которая какъ зачала Его, пребывъ Дѣвою, такъ и родила, сохранивъ дѣвство.»

«Но если онъ не могъ почерпнуть точнаго понятія изъ этого чистѣйшаго источника христіанской вѣры (т. е. изъ Сѵмвола), потому что онъ собственнымъ ослѣпленіемъ затемнилъ для себя блескъ очевидной истины, то обратился бы къ ученію евангельскому, гдѣ Матѳей говоритъ: *родословіе Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова* (Еванг. отъ Матѳ. I, 1); поискалъ бы наставленія также въ проповѣди апостольской и, читая въ Посланіи къ Римлянамъ: *Павелъ, рабъ Іисуса Христа, призванный апостолъ, избранный къ благовѣстію Божію, которое Богъ прежде обѣщалъ чрезъ пророковъ Своихъ въ писаніяхъ святыхъ о Сынѣ Своемъ, Который родился отъ сѣмени Давидова по плоти* (Посл. къ Рим. I, 1—3), съ благочестивою любознательностію приступилъ бы къ книгамъ пророческимъ и нашелъ бы обѣтованіе Божіе, данное Аврааму: *и благословятся въ сѣмени твоемъ всѣ народы* (Кн. Быт. XXII, 17). А чтобы не недоумѣвать о свойствѣ сего сѣмени, пусть послѣдовалъ бы Апостолу, который сказалъ: *но Аврааму даны были обѣтованія и сѣмени его. Не сказано: «и потомкамъ», какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ: «и сѣмени твоему», которое есть Христосъ* (Посл. къ Гал. III, 16). Пусть также внялъ бы внутреннимъ слухомъ своимъ пророчеству Исаіи, который говорилъ: *се, Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему: Еммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ* (Кн. Прор. Исаіи VII, 14; Еванг. отъ Матѳ. I, 23); прочиталъ бы съ вѣрою и сіи слова того же Пророка: *Младенецъ родился намъ—Сынъ данъ намъ; владычество на раменахъ Его, и нарекутъ имя Ему: Чудный, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь міра* (Кн. Прор. Исаіи IX, 6). Тогда не сталъ бы говорить пустословія, будто Слово стало плотію такъ, что Христосъ, рожденный изъ дѣвической утробы, имѣлъ образъ человѣка, а не имѣлъ истиннаго тѣла (такого же, какъ и тѣло) Матери. Не потому ли, можетъ быть, онъ признаетъ Господа нашего Іисуса Христа не имѣющимъ нашего естества, что Ангелъ, посланный къ благословенной Маріи, говорилъ: *Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ Тя; посему и рождаемое (отъ Тебя) Святое наречется Сынъ Божій* (Еванг. отъ Лук. I, 35), т. е. такъ какъ зачатіе Дѣвы было дѣйствіе Божественное, то и плоть Зачатаго не была отъ естества Зачавшей? Но

это рожденіе исключительно удивительное и удивительно исключительное должно быть понимаемо не такъ, чтобы необыкновенностью рожденія уничтожилось свойство рода.»

«Плодотворность Дѣвѣ дарована Духомъ Святымъ, а истинное тѣло заимствовано отъ Ея тѣла. И когда, такимъ образомъ, Премудрость созидала Себѣ домъ, *Слово стало плотію и обитало съ нами* (Еванг. отъ Іоан. I, 14), т. е. въ той плоти, которую Оно заимствовало отъ человѣка и которую одушевило духомъ жизни разумной.»

«Такимъ образомъ, при сохраненіи свойствъ того и другого естества и при сочетаніи ихъ въ одно лицо воспринято величіемъ уничиженіе, могуществомъ немощь, вѣчностію смертность. Для уплаты долга естества нашего безстрастное естество соединилось со страстною природою, дабы одинъ и тотъ же *Посредникъ между Богомъ и человѣками Человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Посл. къ Тим. II, 5) и могъ умереть по одному (естеству), и не могъ умереть по другому, какъ того и требовало свойство нашего врачеванія. Посему Истинный Богъ родился въ подлинномъ и совершенномъ естествѣ истиннаго Человѣка: всецѣлъ въ Своемъ, всецѣлъ въ нашемъ. Нашимъ же называемъ то, что Творецъ положилъ въ насъ вначалѣ и что Онъ восхотѣлъ возвратить намъ.»

«Ибо въ Спасителѣ не было и слѣда того, что принесъ въ человѣка искуситель и что прельщенный человѣкъ допустилъ (въ себя).»

«И хотя Онъ сдѣлался причастнымъ человѣческихъ немощей, но отсюда не слѣдуетъ, что сдѣлался участникомъ и нашихъ грѣховъ. Онъ воспріялъ образъ раба безъ скверны грѣха, возвеличивая человѣческое и не уменьшая Божественнаго, потому что то истощаніе, по которому невидимый содѣлался видимымъ и по которому Творецъ и Владыка всѣхъ тварей восхотѣлъ быть однимъ изъ человѣковъ, было снизхожденіемъ Его милосердія, а не недостаткомъ могущества. Посему Тотъ, Который, пребывая въ образѣ Божіемъ, сотворилъ человѣка, Онъ же самый содѣлался Человѣкомъ, принявъ образъ раба. Оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба. Какъ образъ Божій не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не умаляетъ образа Божія. А такъ какъ діаволъ хвалился тѣмъ, что прельщенный его коварствомъ человѣкъ лишился божественныхъ даровъ и, обнажившись отъ блага безсмертія, подпалъ строгому приговору смерти, а онъ (діаволъ) въ своемъ бѣдственномъ положеніи нашелъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что имѣлъ участника своей измѣны, что будто и Богъ,

по требованію Своего правосудія, перемѣнилъ Свое опредѣленіе о человѣкѣ, котораго сотворилъ для такой чести,—то открылась нужда въ домостроительствѣ тайнаго совѣта для того, чтобы и неизмѣняемый Богъ, Котораго воля не можетъ лишиться свойственной ей благости, исполнилъ, посредствомъ сокровеннѣйшаго Таинства, первое о насъ опредѣленіе Своей любви, и человѣкъ, впавшій въ грѣхъ по коварству злобы діавольской, не погибъ вопреки Божественному намѣренію. Итакъ, Сынъ Божій, низойдя съ Небеснаго Престола, приходитъ въ сіи дольнія (страны) міра и, не разлучаясь отъ славы Отца, раждается новымъ способомъ, новымъ рожденіемъ. Новымъ способомъ, потому что Невидимый въ собственномъ (естествѣ) сталъ видимымъ въ нашемъ, Непостижимый благоволилъ содѣлаться постижимымъ, Предвѣчный началъ быть во времени, Господь Вселенной воспріялъ образъ раба, сокрывъ безмѣрность Своего величія, безстрастный Богъ не возгнушался сдѣлаться человѣкомъ, могущимъ страдать, и безсмертный—подвергнуться закону смерти. Новымъ же рожденіемъ рожденъ Онъ, потому что непорочное дѣвство не познало похоти и, между тѣмъ, доставило вещество плоти. Итакъ, Господь принялъ отъ Матери естество, но не грѣхъ.»

«А изъ того, что рожденіе это чудно, не слѣдуетъ, что естество Господа нашего Іисуса Христа, рожденнаго изъ утробы Дѣвы, отлично (отъ нашего). Ибо Тотъ, Который есть Истинный Богъ, есть вмѣстѣ и истинный человѣкъ. И если уничиженіе человѣка и величіе Божества взаимно соединились, то въ этомъ единствѣ нѣтъ никакого превращенія. Ибо какъ Богъ не измѣняется чрезъ милосердіе, такъ человѣкъ не уничтожается чрезъ прославленіе. Каждое изъ двухъ естествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему свойственно: Слово дѣлаетъ свойственное Слову, а плоть исполняетъ свойственное плоти. Одно изъ нихъ сіяетъ чудесами, другое подлежитъ страданію. И какъ Слово не отпало отъ равенства въ славѣ съ Отцемъ, такъ и плоть не утратила естества нашего рода. Ибо одинъ и тотъ же (объ этомъ часто нужно говорить) есть истинно Сынъ Божій и истинно Сынъ Человѣческій: есть Богъ, потому что *въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ было Слово* (Еванг. отъ Іоан. I, 1); есть человѣкъ, потому что *Слово стало плотію и обитало съ нами* (Еванг. отъ Іоан. I, 14); Богъ, потому что *вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть* (Еванг. отъ Іоан. I, 3); человѣкъ, потому что рожденъ отъ жены, былъ подъ закономъ (Посл. къ Гал. IV, 4). Рожденіе плоти есть

обнаруженіе человѣческаго естества; а что Дѣва раждаетъ, это есть знаменіе Божественной силы. Младенчество Отрочати свидѣтельствуется бѣдными пеленами; величіе же Всевышняго возвѣщается пѣніемъ Ангеловъ. Новорожденному человѣческому (сыну) подобенъ Тотъ, Котораго Иродъ нечестивый хочетъ умертвить; но Господь вселенной есть Тотъ, Которому раболѣпно поклониться съ радостію идутъ волхвы. Когда Онъ пришелъ принять Крещеніе отъ Предтечи Своего Іоанна, тогда, дабы не утаилось, что подъ покровомъ плоти скрывается Божество, съ Неба возгремѣлъ Гласъ Отца: *Сей есть Сынъ Мой Возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе* (Еванг. отъ Матѳ. III, 17). Далѣе, Его какъ человѣка искушаетъ діавольское коварство, и Ему же какъ Богу служатъ Чины ангельскіе. Алкать, жаждать, утруждаться и спать, очевидно, свойственно человѣку, но пять тысячъ человѣкъ насытить пятью хлѣбами, но женѣ самарянской дать воду живую, отъ которой піющій не будетъ уже болѣе жаждать, но не мокрыми ногами ходить по поверхности моря и утишеніемъ бури укрощать возмущеніе волнъ, безъ сомнѣнія, есть дѣло Божественное. Какъ не одного и того же естества дѣло—и плакать изъ состраданія по умершемъ другѣ, и его же, по удаленіи камня отъ четверодневной могилы, воскрешать къ жизни силою одного слова; или висѣть на древѣ и въ то же время превратить день въ ночь и поколебать всѣ стихіи; или быть пригвожденнымъ (ко кресту) и въ то же время отверзать вѣрѣ разбойника двери рая (о многомъ умалчиваемъ); такъ не одному и тому же естеству свойственно говорить: *Я и Отецъ одно* (Еванг. отъ Іоан. X, 30), и—*Отецъ Мой болѣе Меня* (Еванг. отъ Іоан. XIV, 28). Ибо хотя въ Господѣ Іисусѣ одно лице—Бога и человѣка, однако, иное то, откуда происходитъ общее того и другаго уничиженіе, и иное то, откуда проистекаетъ общее ихъ прославленіе.»

«Отъ нашего (въ Немъ естества) у Него есть меньшее Отца человѣчество, а отъ Отца у Него есть равное съ Отцемъ Божество. По причинѣ этого-то единства лица, которое дòлжно разумѣть по отношенію къ тому и другому естеству, и о Сынѣ Человѣческомъ читаемъ, что Онъ сшелъ съ Неба, тогда какъ Сынъ Божій воспріялъ плоть отъ Дѣвы, отъ Которой родился; и, обратно, о Сынѣ Божіемъ говорится, что Онъ распятъ и погребенъ, тогда какъ Онъ потерпѣлъ сіе не Божествомъ, по которому Единородный совѣченъ и единосущенъ Отцу, а немощнымъ человѣческимъ есте-

ствомъ. Отсюда всѣ мы и въ Сѵмволѣ (вѣры) исповѣдуемъ Единороднаго Сына Божія распятымъ и погребеннымъ сообразно съ сими словами Апостола: *ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы* (I Посл. къ Кор. II, 8). А когда самъ Господь нашъ и Спаситель, научая Своихъ учениковъ вѣрѣ посредствомъ вопросовъ, спросилъ: *за кого люди почитаютъ Меня, Сына Человѣческаго?* и когда на ихъ отвѣтъ, что различные различно объ этомъ думаютъ, Онъ сказалъ: а вы за кого почитаете Меня? Меня, т. е. Сына Человѣческаго, Котораго вы видите въ образѣ раба и въ истинномъ тѣлѣ, за кого вы Меня считаете?—тогда блаженный Петръ, по вдохновенію свыше и на пользу отъ своего исповѣданія всѣмъ народамъ отвѣчалъ: *Ты — Христосъ, Сынъ Бога Живаго* (Еванг. отъ Матѳ. XVI, 13—16). И достойно названъ блаженнымъ отъ Господа, и отъ сего первообразнаго Камня стяжалъ твердость и силы, и имени своего тотъ, который по откровенію Отца исповѣдалъ одного и того же и Сыномъ Божіимъ, и Христомъ; потому что одно изъ сихъ (наименованій), взятое отдѣльно отъ другого, не служило во спасеніе, напротивъ, одинаково было опасно исповѣдать Господа Іисуса Христа только Богомъ, а не вмѣстѣ и человѣкомъ, или признавать Его простымъ человѣкомъ, а не вмѣстѣ и Богомъ!»

«По воскресеніи же Господа, которое, конечно, есть воскресеніе истиннаго тѣла, такъ какъ не иной кто воскресъ, а Тотъ же, Кто былъ распятъ и умеръ, что̀ иное дѣлалось въ продолженіе сорокадневнаго Его пребыванія (на землѣ), какъ не то, чтобы чистота вѣры нашей была свободна отъ всякаго мрака? Такъ, Онъ то бесѣдовалъ съ учениками Своими, обращался и ѣлъ съ ними, а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ безпокоило сомнѣніе, допустилъ осязать Себя тщательнымъ и нарочитымъ осязаніемъ, то входилъ къ ученикамъ Своимъ, тогда какъ двери были заперты, давалъ имъ Духа Святаго дуновеніемъ Своимъ и, даровавъ имъ свѣтъ разумѣнія, открывалъ тайны Священныхъ Писаній, то опять показывалъ рану въ боку Своемъ, язвы отъ гвоздей и всѣ знаки недавняго страданія, говоря: *посмотрите на руки Мои и ноги Мои, это Я—Самъ: осяжите Мя и разсмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня* (Еванг. отъ Лук. XXIV, 39). И все это для того, чтобы убѣдить, что въ Немъ свойства Божественнаго и человѣческаго естества пребываютъ нераздѣльно, и чтобы, такимъ образомъ, мы знали, что (въ Немъ) Слово не то же, что плоть, и исповѣдовали

единаго Сына Божія и Словомъ, и плотію (вмѣстѣ). Сего-то таинства вѣры должно считать вовсе чуждымъ этого Евтихія, который въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ не признаетъ нашего естества ни въ уничиженіи смерти, ни въ славѣ воскресенія.»

«И не ужаснулся онъ суда блаженнаго Апостола и Евангелиста Іоанна, который сказалъ: *всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога, и всякій духъ, который раздѣляетъ Іисуса, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста* (Сравн.: 1 Посл. Іоан. IV, 2, 3). А что значитъ раздѣлять Іисуса, какъ не отдѣлять отъ Него человѣческое естество и безстыдными вымыслами упразднять таинство вѣры, которымъ однимъ мы спасены? Слѣпотствуя же въ отношеніи къ природѣ тѣла Христова, онъ по необходимости съ такою же слѣпотою будетъ безумствовать о ней въ состояніи страданія Его. Ибо если онъ не считаетъ креста Господня за призракъ и не сомнѣвается, что страданіе, воспріятое за спасеніе міра, было истинное (страданіе), то онъ долженъ признать и плоть Того, смерти Котораго онъ вѣруетъ. Пусть не говоритъ онъ, что не нашего тѣла былъ Тотъ человѣкъ, Котораго самъ признаетъ страдавшимъ, ибо отрицаніе истинной плоти есть отрицаніе и страданія плоти. Итакъ, если онъ пріемлетъ христіанскую вѣру и не отвращаетъ своего слуха отъ проповѣди евангельской, то пусть разсудитъ, какое естество, пронзенное гвоздями, висѣло на древѣ крестномъ; пусть размыслитъ, когда воинъ копіемъ отверзъ бокъ Распятаго, откуда тогда истекла кровь и вода для омовенія Церкви Божіей банею и напоенія чашею.»

«Пусть послушаетъ и блаженнаго Петра, который проповѣдуетъ, что освященіе Духомъ бываетъ чрезъ окропленіе кровію Христовою (1 Посл. Петр. I, 2). Пусть не мимоходомъ прочтетъ слова того же Апостола: *зная, что не тлѣннымъ серебромъ или золотомъ искуплены вы отъ суетной жизни, преданной вамъ отъ отцовъ, но драгоцѣнною кровію Христа — какъ непорочнаго и чистаго агнца* (1 Посл. Петр. I, 18—19). Пусть не противится и свидѣтельству блаженнаго Апостола Іоанна, который говоритъ: *и кровь Іисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Посл. Іоан. I, 7), и въ другомъ мѣстѣ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша. Кто побѣждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій? Сей есть Іисусъ Христосъ, пришедшій водою и кровію... не водою только, но водою и кровію. И Духъ свидѣтельствуетъ о Немъ (о Христѣ)... И три свидѣтельствуютъ...*

духъ, вода и кровь и сіи три объ одномъ (1 Посл. Іоан. V, 4—6, 8), то есть духъ освященія, кровь искупленія и вода крещенія. Сіи три составляютъ одно и пребываютъ нераздѣльными; ни одно изъ нихъ не отдѣляется отъ своего единства, такъ какъ Каѳолическая Церковь живетъ и преуспѣваетъ тою именно вѣрою, чтобы во Христѣ Іисусѣ не исповѣдовать ни человѣчества безъ истиннаго Божества, ни Божества безъ истиннаго человѣчества.

Евтихій, отвѣчая на пункты вашего допроса, говорилъ: «исповѣдую, что Господь нашъ прежде соединенія былъ изъ двухъ естествъ, по соединеніи же исповѣдую одно естество». Удивляюсь, что столь безразсудное и столь нечестивое исповѣданіе его не было порицаемо никакою укоризною со стороны судившихъ (его) и что эти слишкомъ безумныя и слишкомъ хульныя слова оставлены безъ вниманія, какъ бы не было выслушано ничего оскорбительнаго! Тогда какъ столько же нечестиво говорить, что Единородный Сынъ Божій былъ двухъ естествъ до воплощенія, сколько нелѣпо утверждать, что въ Немъ одно естество послѣ того, какъ Слово плоть бысть. Чтобы Евтихій не сталъ считать мнѣнія своего или вѣрнымъ, или сноснымъ на томъ основаніи, что оно не было опровергнуто ни однимъ вашимъ голосомъ, то убѣждаемъ тщаніе любви твоей, возлюбленный братъ, очистить невѣжественнаго человѣка и отъ этого пятна на его сознаніи, если, по дѣйствію милосердія Божія, дѣло его приметъ добрый оборотъ, ибо онъ хорошо началъ было отступать отъ своего убѣжденія (какъ видно изъ хода соборныхъ дѣяній), когда по вашему требованію обѣщался признавать то, чего прежде не признавалъ, и успокоиться на той вѣрѣ, которой прежде былъ чуждъ. Но когда онъ не захотѣлъ изъявить согласія предать анаѳемѣ (свой) нечестивый догматъ, то ваше братство изъ этого заключило, что онъ остается въ своемъ нечестіи и заслуживаетъ приговора осужденія. Впрочемъ, если онъ искренно и нелицемѣрно кается и сознаетъ, хотя бы и поздно, какъ справедливо подвиглась противъ него власть епископская или если онъ, для полнаго оправданія, осудитъ всѣ свои худыя мысли и устно, и собственноручною подписью, то милосердіе къ исправившемуся, какъ бы оно ни было велико, не будетъ предосудительно. Ибо Господь нашъ, истинный и добрый Пастырь, душу Свою положившій за Своихъ овецъ и пришедшій спасти души человѣческія, а не погубить, хочетъ, чтобы мы были подражателями Его человѣколюбія, т. е.

чтобы согрѣшающихъ обуздывала правда, а обратившихся не отталкивало милосердіе.»

«Тогда, собственно, съ полнымъ успѣхомъ защищается истинная вѣра, когда ложное мнѣніе осуждается самими послѣдователями своими.»

«Уповаемъ на содѣйствіе помощи Божіей, что заблудившій, осудивъ неправоту своего образа мыслей, спасется.»

«Богъ да сохранитъ тебя въ здравіи, возлюбленный братъ!»

Посланіе заканчивалось заявленіемъ папы: «для вѣрнаго и безпристрастнаго изслѣдованія всего дѣла мы отправили (на предстоящій Соборъ) вмѣсто себя братій нашихъ—епископа Юліана и пресвитера Рената и еще сына моего діакона Иларія. Къ нимъ присоединили мы нотарія нашего Дульцитія, котораго вѣра много разъ испытана нами».

Изъ этого заявленія папы видно, что ходатайство Евтихія предъ императорской властью о созваніи новаго Собора было уважено. Дѣйствительно, пользуясь покровительствомъ недруга архіепископа Флавіана, всемогущаго министра Хрисафія, руководившаго волею слабаго и безхарактернаго императора Ѳеодосія, Евтихій добился, что черезъ четыре мѣсяца послѣ его осужденія императоромъ объявлено было созваніе новаго общецерковнаго собора для изслѣдованія неодинаковыхъ догматическихъ воззрѣній на Лицо Богочеловѣка и образъ соединенія въ Немъ двухъ естествъ и для пересмотра опредѣленій Константинопольскаго Собора по дѣлу Евтихія. Предполагалось, что вновь созываемый Соборъ будетъ Вселенскимъ, какъ и соборъ 431 года: на него созывались представители—іерархи отъ всѣхъ главнѣйшихъ Церквей времени. Но не таковъ былъ судъ Промысла Божія: въ исторіи этотъ Соборъ пріобрѣлъ наименованіе не IV Вселенскаго, а «разбойничьяго» собора[1])—за его дѣятельность, направленную не къ торжеству Православія, но еретическаго мудрованія. Уже одно то обстоятельство, что Соборъ созывался по желанію Евтихія и его приверженцевъ, мало предвѣщало хорошаго для Православія и его защитниковъ. Посему-то видные поборники истины православной, какъ, напримѣръ, Флавіанъ, архіепископъ Константинопольскій, и папа Левъ, несочув-

[1]) Такъ въ первый разъ Соборъ названъ былъ современнымъ ему папою Львомъ Великимъ, явившимся истиннымъ оплотомъ Православія въ это трудное и тяжелое для Восточной Церкви время. Папа Левъ скончался 461 года 10 ноября. Память его Православною Церковью совершается 18 февраля.

ственно относились къ созыву новаго Собора, предугадывая, какія смуты и безпорядки онъ внесетъ въ Церковь. Основаніе для подобныхъ опасеній находилось въ распоряженіяхъ высшей свѣтской власти, предшествовавшихъ открытію Собора. Такъ, указомъ императора устранялся отъ присутствія на предстоящемъ Соборѣ проницательный врагъ монофизитства блаженный Ѳеодоритъ, имѣвшій горькія недоразумѣнія и пререканія со святымъ Кирилломъ,— и устранялся, конечно, не какъ противникъ святаго Кирилла, а какъ возможный и сильный противникъ Евтихія [1]); наоборотъ, на Соборъ нарочитымъ указомъ съ правомъ голоса призывался архимандритъ Варсума изъ Сиріи, хотя по канонамъ членами Собора могли быть только епископы. Такое исключеніе для Варсумы дѣлалось потому, что онъ, какъ говорилъ указъ, «ведетъ борьбу противъ нѣкоторыхъ восточныхъ епископовъ, зараженныхъ нечестіемъ Несторія», т.е. вѣрнѣе, противъ православныхъ епископовъ, которыхъ монофизиты называли несторіанами за то, что, вопреки Евтихію, они учили о двухъ естествахъ во Христѣ и по воплощеніи. Указомъ же императора предсѣдательство на Соборѣ поручено было Діоскору, архіепископу Александрійскому, примкнувшему къ сторонникамъ Евтихія и находившемуся въ связяхъ съ Хрисафіемъ [2]). Елпидію, члену императорскаго совѣта, и Евлогію, трибуну и нотарію преторіи, особой инструкціей повелѣно было императоромъ, чтобы они слѣдили, «что будетъ сдѣлано святымъ Со-

---

[1]) Въ высочайшемъ посланіи, адресованномъ Діоскору, архіепископу Александрійскому, читаемъ: «Ѳеодориту Кирскому мы повелѣваемъ не прежде придти на Соборъ, какъ когда угодно будетъ всему Собору, чтобы и онъ присутствовалъ на немъ. Если же возникнетъ какое-либо разногласіе касательно его, то мы повелѣваемъ собраться Собору безъ него и рѣшить то, что повелѣно». По-видимому, это устраненіе Ѳеодорита съ Собора было условнымъ, но, въ сущности, ввиду преобладанія на Соборѣ сторонниковъ Евтихія, оно было окончательнымъ.

[2]) Исторія ничего не знаетъ о воспитаніи и образованіи Діоскора: ей извѣстна только его дѣятельность—какъ человѣка, проникнутаго враждою къ истинѣ, ревностію къ заблужденію и ненавистью къ имени святаго Кирилла за его дѣятельность въ созданіи и защитѣ уніи. По своимъ догматическимъ воззрѣніямъ Діоскоръ былъ чистымъ монофизитомъ и еще до Константинопольскаго Собора находился въ сношеніяхъ съ монофизитами всѣхъ странъ, которые и дѣйствовали подъ его руководствомъ во главѣ съ Евтихіемъ. Когда поднялось дѣло Евтихія послѣ Константинопольскаго Собора, Діоскоръ, естественно, всталъ на его сторону. Къ этому его побуждала и борьба за іерархическое первенство. Епископы Константинополя, вслѣдствіе близости къ императору, пріобрѣли первенство чести между всѣми епископами Востока и исключительное вліяніе на дѣла церковныя. Александрійская Церковь, какъ болѣе древняя и притомъ апостольскаго происхожденія, могла почитать себя имѣющею больше правъ на это первенство. Дѣло Евтихія открывало Діоскору удобный случай явиться судьею Константинопольскаго Патріарха и, слѣдовательно, первенствовать надъ нимъ.

боромъ въ Ефесѣ и не допускали ни въ какомъ случаѣ никакого безпорядка. Если же усмотрите, что кто-нибудь начинаетъ возмущеніе или безпорядки (на Соборѣ) въ оскорбленіе святой вѣры, таковаго отдавать подъ стражу... Тѣ, кто прежде судилъ архимандрита Евтихія, должны присутствовать и молчать на Соборѣ, не имѣя званія судей, но ожидать общаго мнѣнія всѣхъ прочихъ Отцевъ, потому что нынѣ осуждается то, что опредѣлено было прежде самими ими». Т. е. у архіепископа Флавіана съ его сторонниками отнималось даже право говорить въ свою защиту подъ страхомъ за нарушеніе императорской воли попасть подъ стражу. Инструкція заканчивалась указаніемъ на то, что Елпидію съ Евлогіемъ давалась въ распоряженіе воинская сила, а черезъ нихъ она поступала на служеніе монофизитствующимъ, преобладавшимъ на Соборѣ.

Эти предсоборныя распоряженія императора заключились его посланіемъ къ самому Собору. Посланіе такъ объясняло причины созыва Собора и указывало такую общую цѣль его дѣятельности: «Такъ какъ боголюбезный епископъ Флавіанъ захотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о святой вѣрѣ противъ почтеннѣйшаго архимандрита Евтихія и, созвавши совѣтъ, началъ что-то дѣлать, то мы, относясь нѣсколько разъ къ этому боголюбезнѣйшему епископу, желали воспрепятствовать возбужденному безпорядку, будучи достаточно убѣждены въ Православной вѣрѣ, преданной намъ Святыми Отцами, бывшими въ Никеѣ, и утвержденной святымъ Соборомъ, бывшимъ въ Ефесѣ. Но хотя мы и многократно убѣждали этого благочестивѣйшаго епископа оставить такое изслѣдованіе, чтобы это не сдѣлалось причиною безпорядковъ во всей вселенной, однако же онъ не успокоился. Разсудивши, что не безопасно безъ вашего святаго Собора и безъ предстоятелей Святыхъ Церквей произвести такое изслѣдованіе о вѣрѣ, мы сочли необходимымъ собраться вашей святости, чтобы вы исторгли весь діавольскій корень изъ Святыхъ Церквей и извергли ревнующихъ о богохульствѣ нечестиваго Несторія или благопріятствующихъ ему и неприкосновенность Православной вѣры сдѣлали бы прочною и непоколебимою, потому что вся наша надежда и крѣпость нашей имперіи зависятъ отъ Православной вѣры въ Бога и отъ вашихъ святыхъ молитвъ».

При столь неблагопріятныхъ условіяхъ для защитниковъ православной истины Соборъ открылся въ Ефесѣ 8 августа 449 года; засѣданія его происходили въ храмѣ Пресвятой Дѣвы Маріи, какъ

и засѣданія III Вселенскаго Собора. Число Отцовъ Собора колебалось между 122 и 130. Изъ дѣяній Собора, предшествовавшихъ появленію на немъ Евтихія, нельзя не отмѣтить, что на Соборѣ не было допущено прочтеніе посланія Льва Великаго, очевидно, какъ неблагопріятнаго для Евтихія и Діоскора,—какъ направленнаго противъ ихъ еретическаго ученія.

Когда, по предложенію Елпидія, на Соборъ былъ позванъ Евтихій, то ему предложили изложить предъ Соборомъ «полезныя для него оправданія». Свое объясненіе Евтихій началъ словами, показывавшими, что въ Отцахъ Собора онъ видѣлъ своихъ единомысленниковъ: «я поручилъ себя,—сказалъ Евтихій,—Отцу, Сыну и Святому Духу, и васъ имѣю свидѣтелями своей вѣры, за которую я подвизался вмѣстѣ съ вами». Затѣмъ онъ подалъ Отцамъ Собора двѣ письменныя статьи, содержащія его исповѣданіе вѣры. Здѣсь Евтихій, прежде всего, жаловался на «навѣты» противъ него Константинопольскаго Собора за то, что онъ «не согласился мудрствовать противъ той вѣры, которая изложена Святыми Отцами въ Никеѣ». Далѣе, не высказывая прямо Своего ученія о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, Евтихій приводитъ полностію Никейскій Сѵмволъ и добавляетъ, что онъ твердо держитъ постановленія Никейскаго и Ефесскаго Соборовъ и проклинаетъ всѣхъ еретиковъ, начиная съ Симона волхва. За такимъ исповѣданіемъ слѣдовалъ рядъ жалобъ Евтихія на архіепископа Флавіана и Константинопольскій Соборъ,—что (будто бы) Евсевій Дорилейскій, обвиняя его на Соборѣ въ ереси, не указалъ послѣдней прямо и опредѣленно, — что Соборъ, знавшій объ обѣтѣ Евтихія не выходить изъ монастыря и тѣмъ не менѣе вызывавшій его для судебнаго разбирательства, хотѣлъ только осудить его какъ человѣка непослушнаго Церкви, въ разсчетѣ, что онъ не придетъ на Соборъ,—что на самомъ Соборѣ, когда онъ вопреки ожиданію явился, ему не дали возможности говорить въ свое оправданіе, но «вдругъ,—клеветалъ Евтихій,—прочитано было осужденіе противъ меня, составленное заранѣе»,—что самыя дѣянія Константинопольскаго собора (будто бы) впослѣдствіи были передѣланы ко вреду для него, Евтихія. «Итакъ, прошу теперь,—заканчиваетъ Евтихій свое исповѣданіе, или, вѣрнѣе, клеветническія обвиненія Собора Константинопольскаго и его предсѣдателя,—обсудить возведенную на меня клевету и неправду и происшедшее отъ этой причины безпокойство во всѣхъ Церквахъ и возникшій отсюда для многихъ соблазнъ,

предать виновниковъ всего этого церковнымъ наказаніямъ и вырвать всякій корень хуленія и нечестія.»

Архіепископъ Флавіанъ, обвиняемый Евтихіемъ, потребовалъ, было, чтобы на Соборъ вызванъ былъ Евсевій Дорилейскій для представленія обвинительныхъ пунктовъ на Евтихія. Но Елпидій, чиновникъ императора, не дозволилъ этого, заявивъ о повелѣніи императора, чтобы судьи Евтихія (на Константинопольскомъ Соборѣ) стали въ ряду подсудимыхъ и не имѣли права голоса. Вмѣсто исполненія просьбы Флавіана онъ повелѣлъ, чтобы прочтены были и подвергнуты обсужденію дѣянія Собора Константинопольскаго 448 года.

При чтеніи этихъ дѣяній съ полною очевидностью обнаружилось еретичество (монофизитство) предсѣдателя сборища Діоскора и бо́льшей части составлявшихъ его епископовъ. Когда чтеніе привело къ вопросу, заданному Евсевіемъ Евтихію на Константинопольскомъ Соборѣ,—«исповѣдуешь ли ты два естества послѣ воплощенія?» то многіе изъ членовъ сборища закричали: «возьмите, зажгите Евсевія (Дорилейскаго), пусть онъ живой горитъ, пусть онъ обратится въ двухъ; какъ раздѣлилъ онъ Христа, пусть онъ самъ раздѣлится». Видя благопріятный для себя оборотъ дѣла, Діоскоръ обратился къ епископамъ съ вопросомъ: «Терпимо ли для васъ это выраженіе, гдѣ говорится о двухъ естествахъ послѣ воплощенія?» «Анаѳема тому, кто говоритъ это!»—воскликнулъ Соборъ. Такъ провозглашена была за истину ересь монофизитская на незаконномъ соборищѣ, а Православіе было попрано. Конечно, Евтихій—какъ главный поборникъ монофизитской ереси—былъ затѣмъ объявленъ православнымъ и возстановленъ въ достоинствѣ архимандрита и санѣ пресвитера.

Теперь пришелъ чередъ суда надъ Флавіаномъ, архіепископомъ Константинопольскимъ. По заранѣе составленному плану какъ разъ въ это время на Соборъ явилось нѣсколько монаховъ изъ монастыря Евтихія съ челобитной, содержавшей самыя несправедливыя жалобы на архіепископа. «Флавіанъ,—говорила челобитная, прочитанная на Соборѣ по приказанію Діоскора,—осыпалъ клеветами и хулами нашего пастыря Евтихія и подъ видомъ благочестія нашелъ несправедливый предлогъ къ его осужденію, намъ же приказалъ избѣгать своего пастыря и не говорить съ нимъ, а монастырское имущество подъ предлогомъ помощи бѣднымъ велѣлъ беречь для самого себя, ибо онъ торговалъ имъ; святый алтарь,

который водрузилъ Евтихій за шесть мѣсяцевъ до умышленнаго извѣта на него, стоитъ безъ божественнаго жертвоприношенія... Мы же сами были связаны несправедливымъ его осужденіемъ. Поэтому,— заканчивалась челобитная,—умоляемъ вашъ Святый Соборъ сжалиться надъ нами, потерпѣвшими такое несправедливое наказаніе, возвратить намъ церковное общеніе, несправедливо отнятое, и ему, совершившему это (т. е. Флавіану), воздать возмездіе за то, что онъ несправедливо судилъ». Изъ трехъ сотъ монаховъ Евтихіева монастыря челобитную подписало только 35, такъ что дѣло здѣсь, безъ сомнѣнія, не совсѣмъ чисто. Монахи были приняты Соборомъ въ церковное общеніе, а челобитная ихъ создала Діоскору удобную почву для дальнѣйшихъ козней противъ неповиннаго Константинопольскаго архіепископа. Діоскоръ приказалъ прочесть опредѣленія III Вселенскаго Собора и затѣмъ спросилъ: «Думаю, всѣмъ нравится Никейское опредѣленіе вѣры, которое Соборъ Ефесскій утвердилъ и опредѣлилъ содержать его одно? Мы знаемъ, что Отцы этого Собора постановили: если кто вопреки этому будетъ говорить, или мудрствовать, или вводить новое, тотъ подвергается осужденію. Что вы думаете объ этомъ? Можемъ ли мы изслѣдовать или вводить новое вопреки этому? Если кто-либо изслѣдовалъ свыше того, что сказано, опредѣлено и одобрено, не будетъ ли онъ по всей справедливости подлежать осужденію Отцевъ? Пусть каждый скажетъ, того ли онъ мнѣнія?»[1]) Соборъ далъ утвердительный отвѣтъ большинствомъ голосовъ. Тогда Діоскоръ, поднявшись со своего мѣста, въ слѣдующихъ словахъ внесъ предложеніе о примѣненіи Ефесскаго правила къ Флавіану и Евсевію Дорилейскому: «Флавіанъ, бывшій епископъ Церкви Константинопольской, и Евсевій Дорилейскій, какъ ясно видитъ это Святой и Вселенскій Соборъ, оказываются почти все отвращающими и перестраивающими, и подали поводъ къ соблазну и смятенію Святымъ Церквамъ и всѣмъ православнымъ народамъ. Ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ, нѣкогда соборно опредѣленнымъ нашими Святыми Отцами; поэтому и мы, утверждаясь на опредѣленіяхъ Отцевъ, присуждаемъ упомянутыхъ Флавіана и Евсевія къ лишенію всякаго священническаго и епископскаго достоинства». Мнѣніе Діоскора было единодушно принято монофизитами и под-

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, что Правило III Вселенскаго Собора, запрещающее измѣненіе Сѵмвола, Діоскоръ, въ цѣляхъ примѣненія его къ Флавіану, неправильно истолковываетъ какъ запрещеніе всякаго богословствованія.

писано всѣми членами Собора. Флавіанъ съ Евсевіемъ были лишены церковнаго достоинства. Впослѣдствіи Флавіанъ былъ изгнанъ и въ изгнаніи окончилъ свою жизнь. Евсевій Дорилейскій послѣ Собора претерпѣлъ столько бѣдъ, что позднѣе называлъ Діоскора своимъ убійцей. Діаконъ Иларій, легатъ папы, «едва убѣжалъ» съ Собора и лишь окольными путями добрался до Рима. Блаженный Ѳеодоритъ, не присутствовавшій на Соборѣ, былъ лишенъ сана и заточенъ въ монастырь. Ива, митрополитъ Едессы, былъ анаѳематствованъ.

Такъ монофизитская ересь восторжествовала надъ истиною Православія и восторжествовала, какъ открылось позднѣе на истинномъ Соборѣ Вселенскомъ Четвертомъ, путемъ неправды и насилія. Мрачная туча еретичества нависла почти надъ всѣмъ Востокомъ. Но Господь не замедлилъ придти на помощь Своей Церкви чрезъ Своего достойнаго служителя святаго Льва Великаго. Получивъ извѣстія отъ діакона Иларія и отъ архіепископа Флавіана о дѣяніяхъ «разбойничьяго» Собора, Левъ Великій обратился съ посланіемъ къ императору Ѳеодосію и къ сестрѣ его Пульхеріи, гдѣ, отмѣчая незаконныя дѣйствія только что закончившагося Собора, указывалъ на необходимость созванія новаго Вселенскаго Собора, «который бы всѣ возникшія несправедливости такъ порѣшилъ или укротилъ, чтобы болѣе не оставалось какого-нибудь сомнѣнія въ вѣрѣ или раздѣленія въ любви». Святый Левъ обратился также съ двумя Посланіями, одно за другимъ, къ клиру и народу Константинопольскому. «Кто мыслитъ по-монофизитски,—внушалъ въ своихъ Посланіяхъ ревностный ратоборецъ Православія,—того увлекаетъ въ сообщество съ собою Арій, развращенію котораго много благопріятствуетъ это нечестіе, отрицающее естество человѣческое въ Богѣ Словѣ... Кто не признаетъ человѣческаго естества, воспринятаго Единороднымъ Сыномъ Божіимъ во чревѣ Дщери Давидовой, тотъ отлучаетъ себя отъ всякаго таинства вѣры христіанской и, не зная Жениха (Христа), не разумѣя и Невѣсты (Церкви), не можетъ быть участникомъ въ братскомъ пиршествѣ (спасеніи). Плоть Христа есть покровъ Слова, которымъ облекается всякій, кто исповѣдуетъ сіе Слово. А кто стыдится Его и отвергаетъ какъ бы недостойное (плоть Его), тотъ не можетъ получить отъ Него никакого украшенія, и хотя бы такой приступилъ къ царскому торжеству и присоединился нагло къ священной вечери, впрочемъ, какъ безчестный собесѣдникъ (онъ) не можетъ

утаиться отъ разборчивости Царя, но, какъ засвидѣтельствовалъ Самъ Господь, будетъ взятъ и, связанный по рукамъ и ногамъ, отошлется въ кромѣшную тьму, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ (Еванг. отъ Мѳ. 22, 13). Поэтому, кто не исповѣдуетъ во Христѣ человѣческаго тѣла, тотъ самъ призналъ себя недостойнымъ таинства воплощенія и не можетъ имѣть участія въ этомъ таинствѣ». «Не думайте, возлюбленные,—обращался святый папа со словами ободренія къ Восточнымъ Церквамъ,—будто надъ Святою Церковію или теперь не достаетъ, или не будетъ впредь Божественнаго Промысла. Чистота вѣры тогда-то и сіяетъ, когда отдѣляется отъ нея примѣсь заблужденій. Провидѣніе всегда являетъ своимъ необходимую помощь». И всемогущій Глава Церкви не замедлилъ явить оправданіе такой вѣры въ Его промыслительную дѣятельность: покровитель монофизитовъ императоръ Ѳеодосій вскорѣ скончался; его мѣсто занялъ въ августѣ 450 года, по избранію войска и сената, глубоко преданный Православію[1]) полководецъ Маркіанъ, вступившій, затѣмъ, вскорѣ въ супружество съ извѣстною своею ревностію къ Православію сестрою Ѳеодосія Пульхеріею[2]). Дѣла церковныя приняли новый благопріятный для православныхъ оборотъ. Мысль Льва Великаго о созваніи новаго Собора Вселенскаго пришла въ осуществленіе. Соборъ былъ назначенъ въ Никеѣ[3]), а затѣмъ, для удобства наблюденія за ходомъ его дѣлъ для императора, онъ перенесенъ былъ въ Халкидонъ, отдѣлявшійся отъ Константинополя только проливомъ Босфорскимъ. Здѣсь Соборъ открылся 8 октября въ великолѣпномъ и обширномъ храмѣ святой мученицы Евфиміи. Число Отцовъ Собора было очень велико, отъ 600 до 630—столько не бывало ни на одномъ изъ бывшихъ до него Соборовъ. Наибо-

---

1) Свое Православіе Маркіанъ выразилъ главнымъ образомъ созваніемъ IV Вселенскаго Собора; онъ заявилъ его и тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ, когда распорядился, чтобы останки умершаго въ изгнаніи архіепископа Флавіана были перенесены и торжественно положены въ константинопольскомъ храмѣ Святыхъ Апостоловъ, гдѣ погребались епископы Царьграда. Затѣмъ Маркіанъ приказалъ возвратить изъ ссылки на ихъ каѳедры епископовъ, изгнанныхъ вслѣдствіе осужденія на «разбойничьемъ» Соборѣ.

2) Отцы IV Вселенскаго Собора свидѣтельствуютъ о Пульхеріи, что она «всю жизнь проводитъ въ молитвѣ» и что у нея «бесѣда въ Псалмахъ».

3) Указъ объ этомъ былъ изданъ 1 сентября 451 г. и гласилъ: «Всѣмъ занятіямъ должны быть предпочитаемы божественныя дѣла. А такъ какъ возбуждены нѣкоторыя недоумѣнія касательно нашей православной вѣры, то намъ благоугодно, чтобы составился святой Соборъ въ Никеѣ, дабы при общемъ согласіи всѣхъ, по точномъ изслѣдованіи истины и по устраненіи всякаго пристрастія, которымъ уже злоупотребляли нѣкоторые и возмущали православное благочестіе, яснѣе открылась истинная вѣра и уже не могло быть никакого сомнѣнія и разногласія. Если не воспрепятствуютъ военные походы, мы сами лично будемъ присутствовать на досточтимомъ Соборѣ».

лѣе видными членами его были: Анатолій—архіепископъ Константинопольскій, Максимъ—архіепископъ Антіохійскій, Ювеналій—архіепископъ Іерусалимскій, Ѳалласій—епископъ Каппадокійскій и легаты папы: епископы Пасхазинъ и Луценцій и пресвитеръ Бонифацій; присутствовало также множество сановниковъ военныхъ и гражданскихъ, не принимавшихъ, впрочемъ, участія въ дѣяніяхъ Собора при разсмотрѣніи дѣлъ чисто церковныхъ, напр., въ случаѣ суда надъ епископомъ.

Дѣятельность IV Вселенскаго Собора въ Халкидонѣ состояла 1) въ судѣ надъ «разбойничьимъ» соборомъ 449 года и главою этого собора Діоскоромъ Александрійскимъ и 2) раскрытіи истиннаго вѣроученія о соединеніи двухъ естествъ въ лицѣ Богочеловѣка.

I. На первомъ же засѣданіи Собора, происходившемъ 8 октября, по настоянію папскихъ легатовъ Діоскоръ Александрійскій, занимавшій мѣсто наряду съ прочими отцами, долженъ былъ выйти изъ ряда епископовъ и сѣсть посрединѣ какъ подсудимый, лишившійся права подавать голосъ. Тогда выступилъ на средину въ качествѣ истца Евсевій Дорилейскій, много претерпѣвшій на Соборѣ «разбойничьемъ.» «Я оскорбленъ Діоскоромъ,—заявилъ Евсевій,—оскорблена вѣра, онъ умертвилъ епископа Флавіана и несправедливо осудилъ его вмѣстѣ со мною; повелите принять мое прошеніе.» Въ этомъ прошеніи Діоскоръ обвинялся, главнымъ образомъ, въ томъ, что «собравши буйную толпу народа и пріобрѣтши себѣ могущество деньгами, оскорбилъ вѣру православныхъ, сколько могъ, и утвердилъ нечестіе монаха Евтихія». «Такъ какъ,—писалъ Евсевій,—посягательство его (т. е. Діоскора) на вѣру и на насъ (т. е. самого Евсевія и Флавіана) велико, то просимъ, чтобы повелѣно было Діоскору защищаться противъ того, въ чемъ мы его обвиняемъ». Начался пересмотръ дѣяній Константинопольскаго Собора 448 г. и Ефесскаго «разбойничьяго» Собора. Чтеніе дѣяній послѣдняго Собора было прервано, когда оглашался уже извѣстный намъ императорскій указъ, разрѣшавшій Ѳеодориту Кирскому присутствіе на Соборѣ условно,—если того пожелаетъ самый Соборъ. При этомъ упоминаніи о Ѳеодоритѣ Кирскомъ потребовали, чтобы этотъ ревностный защитникъ Православія противъ монофизитства былъ допущенъ на соборныя засѣданія. Появленіе Ѳеодорита вызвало цѣлую бурю среди отцевъ: одни, сторонники Діоскора, кричали, чтобы удалили Ѳеодорита; другіе, защитники Православія, требовали удаленія Діоскора. Восклицанія, которыми обмѣнивались обѣ

стороны между собою, произвели немалый шумъ и смятеніе, которые удалось утишить лишь сановникамъ и сенаторамъ, обратившимся съ такой просьбой къ виновникамъ смуты: «Ради Бога! лучше не препятствуйте слушать, позвольте прочитать все по порядку». Когда дошли до указа императора, назначавшаго Діоскора предсѣдателемъ Собора, и когда послѣдній пытался, было, сложить съ себя часть отвѣтственности за незакономѣрныя дѣйствія на епископовъ Ювеналія, Ѳалласія, на весь Соборъ и императора, то епископы Антіохійскаго округа заявили: «На осужденіе епископа Флавіана и епископа Евсевія на Соборѣ Ефесскомъ никто изъ православныхъ епископовъ не былъ согласенъ: сдѣлано было насиліе — съ побоями мы подписали нужную бумагу, на которой послѣ и написано осужденіе упомянутыхъ епископовъ. Намъ угрожало осужденіе, намъ угрожала ссылка; воины стояли съ палками и мечами, и мы были приведены ими въ страхъ: гдѣ палки и мечи, какой тутъ Соборъ. Воины низложили Флавіана и Евсевія болѣе, чѣмъ мы, а что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ страха». Это общее заявленіе о насиліяхъ и устрашеніяхъ, производимыхъ Діоскоромъ, подтвердили съ уясненіемъ болѣе частныхъ и поистинѣ вопіющихъ по нарушенію справедливости подробностей: Стефанъ — епископъ Ефесскій, Ѳеодоръ — епископъ Клавдіопольскій, Василій — епископъ Селевкіи Исаврійской. По заявленію многихъ обнаружилось также, что знаменитое Посланіе папы Льва «умышленно было удержано (отъ чтенія) Діоскоромъ», хотя онъ «семь разъ клялся предъ всѣми, что велитъ его прочитать». Къ концу чтенія дѣяній Собора Ефесскаго, раскрывавшаго все новыя и новыя злоупотребленія Діоскора, освѣтившаго всю преступность его дѣйствій, епископы, принимавшіе участіе въ Ефесскомъ Соборѣ и въ той или иной степени повинные въ его незаконныхъ дѣяніяхъ, глубоко раскаялись въ своемъ грѣхѣ и много разъ восклицали предъ лицемъ Собора: «всѣ мы просимъ прощенія». Лишь Діоскоръ съ нѣсколькими Египетскими епископами продолжалъ упорствовать въ еретичествѣ и даже открыто, предъ лицемъ Собора, заявилъ свои еретическія монофизитскія воззрѣнія.

Убѣдившись въ злоупотребленіяхъ «разбойничьяго» Собора, Отцы IV Вселенскаго Собора произнесли свой приговоръ надъ нимъ, но такъ, что большинство составлявшихъ его лицъ, ввиду ихъ искренняго раскаянія, не было лишено епископскаго сана. Приговоръ былъ встрѣченъ Отцами Собора съ восторженными кликами.

Вопросъ о Діоскорѣ, по причинѣ ожесточеннаго пребыванія послѣдняго въ ереси, разсматривался особо на засѣданіи 13 октября. На этомъ засѣданіи Евсевій Дорилейскій вошелъ въ Соборъ съ просьбой подвергнуть Діоскора наказаніямъ за его нарушавшее справедливость отношеніе къ нему, Евсевію, къ архіепископу Флавіану и «къ благочестію и священнымъ канонамъ», чтобы въ продолженіе остальной жизни (Діоскоръ) «служилъ примѣромъ для вразумленія тѣхъ, которые бы вздумали поступать подобно ему». Вмѣстѣ съ этимъ на Діоскора подано было множество жалобъ клириками и однимъ міряниномъ Александрійской Церкви—жалобъ, обвинявшихъ ея предстоятеля Діоскора въ гоненіяхъ на родственниковъ и близкихъ святаго Кирилла и въ присвоеніи церковнаго имущества. Всѣ эти прошенія были приняты Соборомъ, который и рѣшилъ пригласить Діоскора для личныхъ объясненій. Но, несмотря на троекратное приглашеніе, Діоскоръ, подъ разными предлогами, отказывался явиться на Соборъ; послѣдній, поэтому, постановилъ свой приговоръ объ немъ заочно. «Соборъ узналъ,—обратился легатъ папы Пасхазій къ Отцамъ Собора,—что епископъ Діоскоръ, вызванный три раза къ отвѣту своимъ обвинителемъ, сознавая себя виновнымъ, презрѣлъ приказаніе Собора придти сюда. Пусть Святые Отцы объявятъ своими устами, чего достоинъ презирающій такимъ образомъ волю Собора!» Соборъ отвѣтствовалъ: «Осужденія, положеннаго канонами противъ непокорливыхъ». Діоскоръ былъ низложенъ, и приговоръ Собора утвержденъ императоромъ; затѣмъ Діоскоръ былъ сосланъ на жительство въ городъ Гангры [1]).

2. Обсужденіе Отцами Собора вопроса о соединеніи во Христѣ Іисусѣ двухъ естествъ открылось заявленіемъ Собору предложенія о составленіи новаго вѣроопредѣленія, устраняющаго лжеученіе монофизитовъ и примиряющаго всѣхъ: «Дòлжно изслѣдовать, разсуждать и стараться о томъ,—говорило предложеніе,—чтобы утвердить истинную вѣру, ради которой по преимуществу и составился Соборъ; желательно было бы, чтобы ученіе о предметахъ вѣры было правильное и всякое сомнѣніе было устранено согласнымъ изложеніемъ и ученіемъ всѣхъ святыхъ Отцевъ (Собора); потщитесь безъ страха, безъ угодливости и вражды изложить вѣру въ чистотѣ — такъ, чтобы и тѣ, кои мудрствуютъ неодинаково со всѣми,

---

[1]) Въ Пафлагоніи. Здѣсь Діоскоръ умеръ въ 454 году. Вопросъ о еретикѣ Евтихіи Отцами Собора не разсматривался; извѣстно, однако, что Евтихій по окончаніи Собора былъ подвергнутъ ссылкѣ.

снова приведены были познаніемъ истины къ единомыслію». При обмѣнѣ мнѣній по поводу этого предложенія, послѣ нѣкоторыхъ, довольно продолжительныхъ разногласій Соборъ пришелъ къ единодушному рѣшенію прочесть нѣкоторыя творенія Соборовъ и Отцевъ Церкви, гдѣ съ особенною ясностію выражалась истина Православія. Прежде всего прочитанъ былъ Сѵмволъ Никейскій, законченный при кликахъ Отцовъ Собора: «Это — вѣра православныхъ! Ею всѣ вѣруемъ, въ ней мы крестились, въ ней крестимъ. Всѣ такъ вѣруемъ!» Нашелъ единодушное признаніе, по его прочтеніи, и Сѵмволъ Константинопольскій 381 года, церковный авторитетъ котораго до сихъ поръ еще не былъ прочно установленъ. Всѣ епископы Собора, выслушавъ Константинопольскій Сѵмволъ, восклицали: «Это—вѣра всѣхъ! это—вѣра православныхъ!» Вслѣдъ за чтеніемъ Сѵмволовъ Соборъ приступилъ къ чтенію Святоотеческихъ Писаній, въ которыхъ находилось ясное и опредѣленное ученіе о цѣлости и полнотѣ во Христѣ Іисусѣ двухъ естествъ, причемъ указаніе на единеніе ихъ отмѣчалось не съ такою силою, какъ указаніе на различіе. Сначала прочитаны были сочиненія святаго Кирилла Александрійскаго, читанныя ранѣе на Константинопольскомъ соборѣ 448 года: Посланіе святаго Кирилла къ Несторію и знаменитое Посланіе святаго отца, написанное по совершеніи уніи. Чтеніе этихъ произведеній святаго Кирилла было покрыто радостными кликами: «Такъ вѣруемъ! какъ Кириллъ, такъ вѣруемъ!» За этими сочиненіями святаго Кирилла Александрійскаго прочитано было окружное Посланіе святаго Льва Великаго; чтеніе послѣдняго Посланія сопровождалось пререканіями, такъ какъ нѣкоторые епископы, бывшіе ранѣе на сторонѣ Діоскора, находили Посланіе по мѣстамъ сомнительнымъ относительно Православія; посему Соборъ былъ вынужденъ разъяснять истинный смыслъ подозрительныхъ мѣстъ Посланія чрезъ сличеніе ихъ съ авторитетными для сомнѣвающихся сочиненіями святаго Кирилла. Сомнѣвающіеся, однако, не удовлетворились этимъ и потребовали, чтобы Отцы, принимающіе Посланіе святаго Льва Великаго, анаѳематствовали раздѣляющихъ во Христѣ два естества въ смыслѣ несторіанскомъ, и только послѣ этого они приняли Посланіе. Затѣмъ слѣдовали отрывки изъ отеческихъ твореній, въ которыхъ, какъ и въ Посланіи Льва Великаго, съ особенною выразительностію отмѣчалось ученіе о полнотѣ двухъ естествъ во Христѣ. Такъ читались изъ сочиненій Иларія Пуатьерскаго († 366): «Видишь ли, что Христосъ

Богомъ и человѣкомъ исповѣдуется такъ, что смерть приписывается человѣку, Богу—воскрешеніе плоти. Естество Бога познай въ силѣ воскресенія, домостроительство человѣка уразумѣй въ смерти. Однако помни, что единый Христосъ Іисусъ есть то и другое»; изъ сочиненій святаго Григорія Богослова: «Произошелъ отъ Дѣвы Богъ съ воспріятіемъ (естества человѣческаго), единъ изъ двухъ между собою противоположныхъ—плоти и Духа, изъ которыхъ одно возведено въ Божеское достоинство, а другое дало благодать обоженія»; «правда, Онъ посланъ, но какъ человѣкъ, ибо въ Немъ было сугубое естество; почему Онъ утомлялся и алкалъ, и жаждалъ, и подвизался, и плакалъ по закону человѣческаго тѣла». Среди отрывковъ изъ сочиненій святаго Амвросія Медіоланскаго, между прочими, читано было: «Удержимъ различіе Божества и плоти. Въ томъ и другомъ говоритъ Сынъ Божій, потому что въ Немъ то и другое естество. Хотя говоритъ одинъ и тотъ же, но не всегда одинаковымъ образомъ. Примѣчай въ Немъ то славу Бога, то страданія человѣка. Какъ Богъ—Онъ говоритъ о Божественномъ, потому что Онъ есть Слово (Божіе); какъ Человѣкъ—говоритъ о человѣческомъ, потому что говоритъ въ этомъ (человѣческомъ) естествѣ». Изъ сочиненій святаго Іоанна Златоуста избрано было для чтенія слѣдующее мѣсто: «Итакъ, Онъ принесъ начатки нашего естества Отцу: Отецъ столь былъ ущедренъ даромъ, какъ по великому достоинству Принесшаго, такъ и по чистотѣ Принесеннаго, что принялъ его (даръ) собственными руками, содѣлалъ участникомъ Своего Престола, и даже болѣе того—положилъ его одесную Себя». Въ заключеніе Соборомъ читаны были отрывки изъ сочиненій святаго Кирилла «о вочеловѣченіи» и между ними такія изреченія святаго отца: «Онъ (т. е. Христосъ) явился на землѣ, не оставляя того, чѣмъ былъ, но воспріявъ наше человѣчество, совершенное въ своемъ смыслѣ»; «обитающее понимается обыкновенно какъ иной въ иномъ, т. е. Божеское естество въ человѣчествѣ, не потерпѣвшее смѣшенія или сліянія какого и превращенія въ то, чѣмъ прежде не было. Ибо то, о чемъ говорится какъ обитающемъ въ другомъ, не стало тѣмъ же, въ чемъ обитаетъ, напротивъ считается инымъ въ иномъ».

Наконецъ Соборъ приступилъ къ составленію вѣроопредѣленія, чтобы провозгласить православное ученіе о Богочеловѣкѣ. При этомъ «было много споровъ, преній, высказано много недовольства, недовѣрія; но все это не помѣшало Собору имѣть самый

вожделѣнный конецъ: провозгласить чистѣйшее ученіе о Богочеловѣкѣ. Споры и раздоры были какъ бы горниломъ, въ которомъ испытывалось достоинство Истины. Послѣ этого испытанія Истина должна была возсіять во всемъ своемъ блескѣ, стать Истиною, непрекаемою во всѣ времена. Кратковременная распря положила конецъ столѣтнему спору, который имѣлъ мѣсто въ Церкви до сего времени, и предотвратила споры въ Церкви на будущее время». Какъ только открылось пятое засѣданіе, такъ въ слухъ Отцовъ Собора прочитано было вѣроопредѣленіе, очевидно составленное не въ присутствіи всего Собора и не на его офиціальныхъ засѣданіяхъ. Чтеніе этого вѣроопредѣленія вызвало горячія и продолжительныя пренія между Отцами Собора; Іоаннъ, епископъ Германикійскій, первый возвысилъ голосъ протеста, сказавъ по прочтеніи вѣроопредѣленія: «Не хорошо составлено вѣроопредѣленіе и должно быть исправлено». Тогда Патріархъ Анатолій предложилъ вопросъ Отцамъ Собора: «Нравится ли вамъ опредѣленіе?» Большинство епископовъ воскликнуло: «Опредѣленіе нравится всѣмъ. Это—вѣра отцевъ. Мудрствующій противно этому—еретикъ. Если кто мудрствуетъ иначе, да будетъ анаѳема. Несторіанъ вонъ». Но римскіе и нѣкоторые восточные епископы не были довольны вѣроопредѣленіемъ, такъ какъ оно не съ тою осязательною ясностію, какая была желательна имъ, излагало ученіе о полнотѣ двухъ естествъ во Христѣ Іисусѣ. Видя разногласіе и желая его уничтожить, Патріархъ Анатолій замѣтилъ, что наканунѣ «всѣмъ нравилось опредѣленіе вѣры». Епископы, принимавшіе опредѣленіе, опять воскликнули: «Опредѣленіе всѣмъ нравится, иначе не вѣруемъ. Анаѳема вѣрующему иначе. Вѣра пусть не терпитъ обмана. Святая Дѣва пусть пишется Богородицею; такъ въ Сѵмволѣ прибавить». Этимъ требованіемъ прибавленія слова *Богородица* епископы, очевидно, хотѣли указать на нераздѣльное единеніе естествъ во Христѣ. Легаты съ своей стороны опять заявили: «Если не соглашаются съ Посланіемъ папы Льва, то прикажите дать намъ грамоты на возвращеніе, и этимъ Соборъ окончится». Очевидно, легаты находили мало соотвѣтствія между составленнымъ вѣроопредѣленіемъ и Посланіемъ папы Льва, которое рѣшительно и опредѣленно выражало мысль о двухъ совершенныхъ природахъ во Христѣ. Видя, что пренія между епископами затягивались и не замѣчалось благопріятнаго исхода, въ нихъ вступаютъ императорскіе сановники, присутствовавшіе на засѣданіяхъ. Ставъ на сторону протестующихъ, сановники предложили пере-

смотрѣть вѣроопредѣленіе чрезъ особо на то уполномоченныхъ отъ Собора епископовъ по шести и по три отъ важнѣйшихъ округовъ подъ предсѣдательствомъ Анатолія, въ присутствіи легатовъ и въ особомъ урочномъ мѣстѣ. Но это предложеніе было съ криками отвергнуто тѣми епископами, которые принимали вѣроопредѣленіе. Тогда императорскіе чиновники обратились съ увѣщаніемъ къ епископамъ, не желавшимъ пересмотра; убѣждая Отцовъ Собора изъять изъ вѣроопредѣленія выраженіе «изъ двухъ естествъ» какъ употребляемое осужденнымъ еретикомъ Діоскоромъ, а вмѣсто него внести изреченіе «два естества», за которое пострадалъ мужъ православія Флавіанъ и которое, за его точность, употреблялось и Львомъ, и Халкидонскимъ Соборомъ. «Вѣдь,—говорили они,—вы всѣ приняли посланіе Льва?» и послѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ замѣтили: «Итакъ, заключающееся въ немъ внести въ опредѣленіе». Но и убѣжденія сановниковъ не могли заставить Отцовъ, желавшихъ оставить вѣроопредѣленіе безъ измѣненія, отказаться отъ этого желанія. Объ этомъ доложено было императору Маркіану. Послѣдній обратился къ Собору съ такимъ именнымъ указомъ: пусть вѣроопредѣленіе будетъ пересмотрѣно или тѣмъ путемъ, какой указывали сановники, или же чрезъ первенствующихъ митрополитовъ на самомъ Соборѣ. Въ случаѣ же несогласія на это предложеніе Соборъ объявлялся закрытымъ. Но и строгое рѣшеніе императора осталось безъ воздѣйствія на епископовъ, не хотѣвшихъ пересмотра; они говорили: «Или пусть имѣетъ силу опредѣленіе, или мы уйдемъ». Такимъ образомъ дѣло еще болѣе осложнялось. Но что казалось едва достижимымъ для человѣческихъ силъ, то, по благодати Святаго Духа, осуществилось самымъ простымъ образомъ. Императорскіе чиновники снова повторили свои слова, уже сказанныя, было, Собору, «и единодушіе самое полное, вожделѣнное, самое священное водворилось на Соборѣ». «Діоскоръ,—сказали сановники,—говорилъ: «изъ двухъ» естествъ (т. е. Христосъ слагается) принимаю, но «два» естества (т. е. несліянныя) не принимаю. А святый Левъ говоритъ, что во Христѣ два естества соединены неслитно, неизмѣнно и нераздѣльно въ одномъ Единородномъ Сынѣ, Спасителѣ нашемъ. Итакъ: кому слѣдуете, Льву или Діоскору?» «Какъ Левъ вѣруемъ! Противорѣчащіе — евтихіанисты! Левъ изложилъ православно!» — единодушно воскликнули Отцы Собора. Воспользовавшись этимъ единодушіемъ, сановники предложили внести въ вѣроопредѣленіе мысль Льва

Великаго, что во Христѣ два естества соединены неслитно, неизмѣнно и неразлучно. Это предложеніе было принято безъ возраженій. Тотчасъ, по прошенію всѣхъ, избрана была комиссія изъ епископовъ—предстоятелей важнѣйшихъ округовъ, которые на короткое время и удаляются съ Собора для произведенія измѣненій въ вѣроопредѣленіи. По возвращеніи членовъ комиссіи было прочитано вѣроопредѣленіе Халкидонскаго Собора, покрытое единодушными кликами восторга.

Этотъ замѣчательный въ исторіи христіанства документъ состоитъ изъ обширнаго введенія и краткаго вѣроопредѣленія. Во введеніи указываются тѣ догматическія произведенія христіанской Церкви, которыя необходимо признавать каждому вѣрующему, желающему по истинѣ, а не по имени только, носить имя православнаго. Здѣсь отмѣченъ былъ Сѵмволъ Никейскій, а за нимъ Константинопольскій II-го Вселенскаго Собора, причемъ о послѣднемъ Сѵмволѣ вѣроопредѣленіе говоритъ съ особенною похвалою и уваженіемъ. Такъ «Сѵмволъ Константинопольскій послѣ продолжительнаго бурнаго плаванія среди споровъ и разногласій о немъ, наконецъ, благодаря Халкидонскому Собору вступаетъ въ тихую пристань». Вѣроопредѣленіемъ утверждались постановленія III-го Вселенскаго Собора, о которомъ все еще ходили споры—Вселенскій онъ или нѣтъ. Засимъ вѣроопредѣленіе отличаетъ слѣдующія святоотеческія писанія, имѣвшія важное значеніе для рѣшенія вопроса о Лицѣ Богочеловѣка: Посланіе святаго Кирилла Александрійскаго къ Несторію, читанное на Константинопольскомъ Соборѣ 448 года, и его же Посланіе «Къ восточнымъ», писанное по совершеніи уніи. Такимъ образомъ, святые мужи, стоявшіе за унію, «недаромъ пострадали отъ Собора «разбойничьяго»—ихъ кровь вопіяла къ небу, и Духъ Святый устами Отцевъ Халкидонскаго Собора благословилъ ихъ дѣло, увѣнчалъ ихъ труды». Послѣ сочиненій святаго Кирилла вѣроопредѣленіе съ самою высокою похвалою относится къ окружному Посланію святаго Льва Великаго.

За этимъ введеніемъ идетъ слѣдующее опредѣленіе о вѣрѣ IV-го Вселенскаго Собора въ Халкидонѣ:

«Послѣдуя Святымъ Отцамъ, всѣ согласно научаемъ исповѣдовать одного и того же Сына, Господа нашего Іисуса Христа, совершеннаго въ Божествѣ, совершеннаго въ человѣчествѣ, истинно Бога, истинно Человѣка, того же изъ разумной души и тѣла, единосущнаго Отцу по Божеству и того же единосущнаго намъ по чело-

вѣчеству, во всемъ подобнаго намъ, кромѣ грѣха, рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣдніи дни ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы Богородицы по человѣчеству, одного и того же Христа, Сына Господа Единороднаго въ двухъ естествахъ неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго, такъ что соединеніемъ нисколько не нарушается различіе двухъ естествъ, тѣмъ болѣе сохраняется свойство каждаго естества и соединяется въ одно Лице, въ одну ѵпостась—не въ два Лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но одного и того же Сына, Единороднаго Бога Слова, Господа Іисуса Христа—какъ въ древности пророки (учили) о Немъ и какъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ научилъ насъ и какъ предалъ намъ Символъ Отцевъ».

Отцы Собора свое единодушное согласіе съ Сѵмволомъ выражали кликами: «Это—вѣра отцевъ! архіепископы пусть подпишутъ тотчасъ; хорошо опредѣленное пусть не подвергается отсрочкѣ. Съ этою вѣрою всѣ мы согласны. Всѣ такъ мудрствуемъ!»

Объ установленіи вѣроопредѣленія Отцы Собора довели до свѣдѣнія императора особымъ донесеніемъ, имѣвшимъ такой видъ:

«Посланіе Халкидонскаго Собора къ императорамъ—Валентиніану и Маркіану.

Благочестивѣйшимъ, благовѣрнѣйшимъ и христіаннѣйшимъ императорамъ, побѣдителямъ и тріумфаторамъ, Валентиніану и Маркіану святый и великій Соборъ, по благодати Божіей и по повелѣнію вашего благочестія собравшійся въ городѣ Халкидонѣ (для сильныхъ болѣзней нужны и сильное лѣкарство, и мудрый врачъ). Поэтому-то Господь всѣхъ приставилъ ваше благочестіе къ страданіямъ вселенной какъ наилучшаго врача, чтобы вы исцѣлили ихъ приличными лекарствами. И вы, христіаннѣйшіе, принявши Божественное опредѣленіе, предъ всѣми другими приложили приличную заботливость о Церкви, предписывая первосвященникамъ врачевство согласія. Ибо, собравъ насъ отовсюду, вы употребили всѣ средства, чтобы уничтожить случившееся разногласіе и укрѣпить ученіе отеческой вѣры. А мы, размышляя и отыскивая причину бури, поднявшейся во вселенной, нашли, что виновникъ этого дѣла—Діоскоръ, бывшій епископъ Александрійскій. Во-первыхъ, потому, что онъ запретилъ прочитать почтеннѣйшимъ епископамъ, собравшимся въ Ефесѣ, Посланіе святѣйшаго архіепископа древняго Рима Льва, отправленное къ святой памяти Флавіану,

бывшему епископу города Константинополя, и это послѣ своихъ обѣщаній и многихъ клятвъ, какъ мы узнали, присутствуя (тамъ). Во-вторыхъ, потому, что онъ Евтихію, страждущему нечестіемъ Манихея и законно низверженному, возвратилъ какъ священство, такъ и начальство надъ монахами незаконно, прежде Соборнаго опредѣленія, и притомъ тогда, какъ святѣйшій и блаженнѣйшій архіепископъ великаго Рима Левъ въ томъ же Посланіи опредѣлилъ дòлжное (ему) и осудилъ преступное нечестіе Евтихія, который говорилъ: «Исповѣдую Господа нашего Іисуса Христа прежде соединенія двухъ естествъ, а послѣ соединенія—одно естество». Далѣе потому, что онъ причинилъ оскорбленія боголюбезнѣйшему епископу Евсевію. Еще и потому, что онъ собственною властію принялъ въ общеніе нѣкоторыхъ, осужденныхъ различными Соборами, тогда какъ святыя правила предписываютъ, что лишенныхъ общенія одними не должны принимать въ общеніе другіе. И между тѣмъ, онъ могъ бы получить прощеніе въ такихъ и столькихъ проступкахъ, если бы чрезъ надлежащее раскаяніе искалъ врачевства у сего Вселенскаго Собора. Но такъ какъ онъ, сверхъ другихъ своихъ непотребствъ, ратовалъ противъ самого Апостольскаго Престола и старался составить грамоту отлученія противъ святѣйшаго и блаженнѣйшаго папы Льва, высокомѣрно упорствовалъ въ прежнихъ проступкахъ и оказался дерзкимъ противъ настоящаго святаго Вселенскаго Собора, потому что не захотѣлъ отвѣтить на сдѣланныя противъ него обвиненія, совершенно презирая ихъ, а также, будучи вызванъ въ первый, второй и третій разъ согласно святымъ правиламъ, презрѣлъ это и не явился,—то справедливо Вселенскимъ Соборомъ лишенъ священства и приговоренъ къ отчужденію отъ епископскаго достоинства, чтобы для другихъ, покушающихся дѣлать подобное, явить примѣръ порядка и строгости, ибо и божественные законы повелѣваютъ, говоря: **ѝзмѝте зла́го ѿ ва́съ самѣ́хъ** (1 Посл. къ Кор. V, 13). Что можетъ быть хуже погрѣшающаго въ такихъ дѣлахъ, такъ попирающаго божественные каноны, наполняющаго волненіемъ и бурею всю вселенную, расточающаго членовъ Церкви и вооружающаго ихъ взаимно другъ противъ друга? Подлинно, всякій, видя, что членъ тѣла подвергся неизлечимой болѣзни и можетъ заразить все тѣло, найдетъ врача, который бы употребилъ желѣзо и отсѣкъ больную часть, чтобы сохранить здоровыми другія части тѣла. О чемъ истинно доносимъ вашей благочестивой власти, чтобы вы разсмотрѣли и его преступность, и чи-

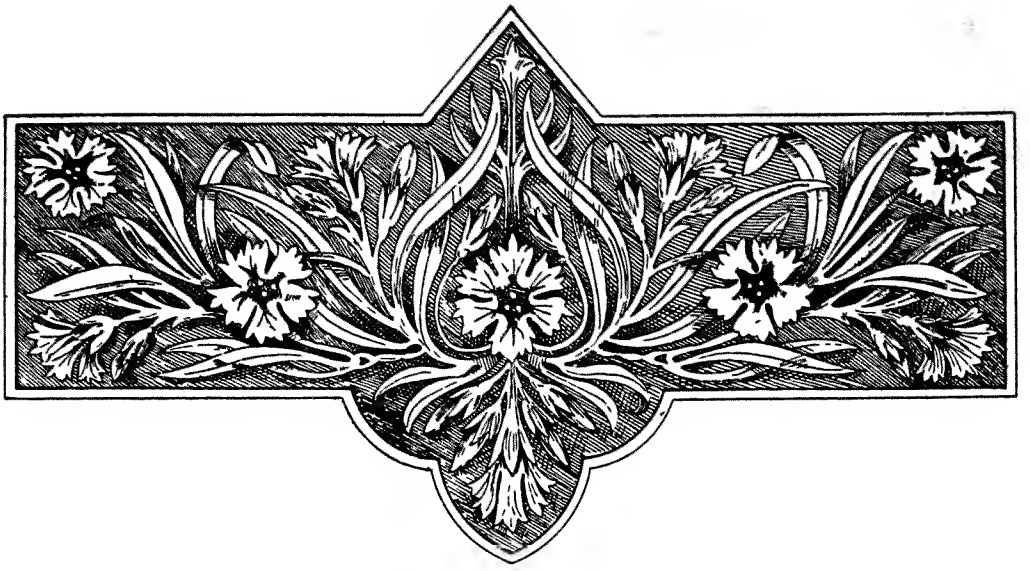
стоту справедливаго приговора, произнесеннаго надъ нимъ какъ бы предъ Лицемъ Божіимъ. Мы увѣрены, что и вы, благочестивѣйшіе и христіаннѣйшіе императоры, согласитесь съ нами; мы знаемъ, какой страхъ внушаетъ злымъ ваша почтенная власть и какую заботливость вы оказываете о церковномъ мирѣ, будучи научены опытомъ. А чтобы ваша христіаннѣйшая власть знала яснѣе, что опредѣлено вѣрно и согласно со святыми правилами и волею Божіею, мы присовокупили къ сему донесенію и самые состоявшіеся документы дѣяній съ подписью всѣхъ насъ».

Вѣроопредѣленіе установлено и прочитано было на Соборѣ въ воскресенье 22 октября 451 года. На слѣдующемъ, шестомъ засѣданіи, 25 октября происходило торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія, совершенное въ присутствіи императора Маркіана, императрицы Пульхеріи и многочисленнаго собранія придворныхъ чиновъ. Императоръ открылъ это радостное засѣданіе рѣчью къ Отцамъ Собора, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Въ недавнее время открылись нѣкоторые—одни по жадности къ деньгамъ, а другіе по худымъ пристрастіямъ—мудрствующіе разное и излагающіе предъ толпою ученія, полныя вредныхъ заблужденій. Желая уврачевать зло, мы собрали святый вашъ Соборъ въ увѣренности, что отъ вашихъ трудовъ по путешествію будетъ величайшій успѣхъ въ дѣлѣ утвержденія Богопочитанія, такъ что отнимется тьма, лежащая на умахъ заблуждающихся людей. Итакъ, пусть обнаружится истина, заключающаяся въ вашихъ изложеніяхъ. Мы же, чтобы придать твердость дѣяніямъ соборнымъ, а не для показанія силы, рѣшились присутствовать на Соборѣ, взявши во образецъ блаженной памяти Константина». За рѣчью императора, покрытой радостными кликами Отцовъ Собора, послѣдовало чтеніе вѣроопредѣленія, за которымъ государь спросилъ Отцевъ: «Пусть скажетъ Святой Соборъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе?» «Всѣ такъ вѣруемъ,—послышалось въ отвѣтъ,—всѣ такъ мудрствуемъ. Маркіану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду, многая лѣта; вы—миръ вселенной; вы—свѣтила Православія: Господи, сохрани свѣтила вселенной; Пульхерія—новая Елена, ты явила ревность Елены; Несторію, Евтихію и Діоскору анаѳема, Троица извергла троихъ!»

Послѣ такого торжественнаго утвержденія вѣроопредѣленія IV-го Вселенскаго Собора императоръ Маркіанъ издаетъ рядъ ука-

зовъ, направленныхъ къ пресѣченію ереси и упроченію православнаго ученія[1]). Но подобныя указы безсильны были прекратить волненія въ Церкви, продолжавшіяся въ разныхъ мѣстахъ ея и послѣ Халкидонскаго Собора. Задачу окончательного умиренія Церкви, взволнованной спорами о двухъ естествахъ во Христѣ, беретъ на себя слѣдующій — V Вселенскій Соборъ.

[1]) Первый такой указъ изданъ императоромъ 7 февраля 452 года. «Тотъ нечестивъ,— говорится въ указѣ,—кто послѣ того, какъ истина утверждена, чрезъ споры и разсужденія отыскиваетъ новую истину. На будущее пусть никакой клирикъ или человѣкъ какого-либо другого званія не осмѣливается публично собирать толпы народа и разсуждать о вѣрѣ. Подобный поступокъ есть оскорбленіе для Собора: обсуждать снова, что уже опредѣлено Соборомъ, значитъ не довѣрять ему. Не минуетъ наказаніе презирающихъ этотъ законъ: если клирикъ осмѣлится всенародно препираться о вѣрѣ, да исключится изъ списка клириковъ; если военный, да лишится достоинства, а люди простого сословія да изгонятся изъ столицы. Въ послѣдующихъ указахъ императоромъ отмѣняются всѣ узаконенія Ѳеодосія Младшаго, направленныя противъ Православія и его защитниковъ: Флавіана Константинопольскаго, Евсевія Дорилейскаго и Ѳеодорита Кирскаго. Замѣчателенъ указъ 28 іюня 452 года, которымъ евтихіанамъ, или монофизитамъ, запрещалось: 1) имѣть особыхъ духовныхъ лицъ, 2) дѣлать отдѣльныя церковныя собранія и строить монастыри; 3) у евтихіанъ отнималось право дѣлать духовныя завѣщанія и получать по тѣковымъ; 4) они не имѣли права находиться на военной службѣ.



ВОСПОМИНАНІЕ

ПЯТАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА

(Совершается Православною Церковью 25 Іюля)

Торжество Православія надъ монофизитскою ересью на Халкидонскомъ Четвертомъ Вселенскомъ Соборѣ не было окончательнымъ: еретики-монофизиты продолжали существовать въ Восточной Церкви. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея вѣроопредѣленія Халкидонскаго Собора были встрѣчены безпорядками и открытыми возмущеніями; главное ядро возмущавшихся составляли монахи-простецы, вѣрившіе искренне нелѣпымъ внушеніямъ сторонниковъ ереси, что Халкидонскій Соборъ измѣнилъ древней вѣрѣ и ввелъ какую-то новую. Возмущенія, поднятыя подобными внушеніями, доходили до низверженія и даже убійства еретиками православныхъ епископовъ и священниковъ, причемъ для подавленія такихъ возстаній иногда требовалось вмѣшательство вооруженной силы. Такими мѣстами была Палестина, Египетъ въ особенности, Сирія со столичнымъ городомъ Антіохіей во главѣ и даже Константинополь. Въ цѣляхъ умиротворенія Церкви нѣкоторые императоры, преемники Маркіана, издавали указы, которыми, однако, достигали обратныхъ результатовъ, еще болѣе разжигая недовольство. Императоръ Василискъ (476—477 г.) издалъ окружную грамоту (энцикліонъ), гдѣ анаѳематствовался IV Вселенскій Соборъ и его дѣя-

нія: «Что̀,—читаемъ здѣсь,—нарушило единеніе святыхъ Божіихъ Церквей и миръ всего міра, какъ то сочиненіе Льва (папы) и все постановленное въ Халкидонѣ для опредѣленія вѣры,—въ каждой церкви, гдѣ будетъ найдено, повелѣвается всюду находящимся епископамъ предавать анаѳемѣ и огню». Императоръ Зенонъ (477—491 гг.) издаетъ грамоту единенія (энотиконъ), гдѣ говоритъ двусмысленно о Халкидонскомъ Соборѣ; императоръ Анастасій (491—518 гг.) хотѣлъ ввести въ Константинополѣ монофизитское добавленіе къ трисвятому «распныйся за ны»[1]). Подобные указы императоровъ содѣйствовали все бо́льшему и бо́льшему распространенію на Востокѣ монофизитства.

Эти монофизитскія волненія, раздиравшія Церковь и послѣ Халкидонскаго Собора, осложняло и усиливало еще слѣдующее обстоятельство.

Въ исторіи появленія и развитія ереси Несторія значительное участіе принадлежало тремъ лицамъ, скончавшимся въ V вѣкѣ: Ѳеодору, епископу Мопсуестскому, Ѳеодориту, епископу Кирскому, и Ивѣ, епископу Едесскому. Ѳеодоръ Мопсуестскій былъ однимъ изъ учителей Несторія; Ѳеодоритъ писалъ рѣзкія анаѳематизмы противъ ученія святаго Кирилла Александрійскаго; подъ именемъ же Ивы ходило Посланіе къ нѣкоему Марію Персу, въ которомъ содержались непочтительные отзывы о III Вселенскомъ Соборѣ, будто бы несправедливо осудившемъ Несторія, и находились выраженія, оскорбительныя для святаго Кирилла. Несмотря на участіе помянутыхъ лицъ въ борьбѣ съ Православіемъ за ересь Несторія, они не были осуждены ни на III Вселенскомъ Соборѣ, осудившемъ Несторія, ни на Халкидонскомъ IV Вселенскомъ, хотя послѣдній Соборъ имѣлъ случай касаться дѣятельности Ѳеодорита и Ивы, которымъ на этомъ Соборѣ возвращены были епископскія каѳедры, а о Ѳеодорѣ Мопсуестскомъ Соборъ даже имѣлъ поводъ выразить до нѣкоторой степени и свое сужденіе, коснувшись его сочиненій. Такое отношеніе со стороны православныхъ къ Ѳеодору Мопсуестскому, Ѳеодориту Кирскому и Ивѣ Едесскому открывало возможность монофизитамъ укорять Церковь въ скрытой привер-

---

[1]) Добавленіе это введено было въ Антіохіи монофизитомъ Петромъ Фуллономъ, самовольно провозгласившимъ себя архіепископомъ Антіохійскимъ: онъ училъ, что Сынъ Божій страдалъ за насъ по Божеству, а не по человѣчеству, а поэтому, вслѣдствіе единосущія Лицъ Св. Троицы, съ Сыномъ страдали Богъ Отецъ и Духъ Святый. Это именно и означало отмѣченное добавленіе къ трисвятому въ видѣ словъ: «распныйся за ны».

женности къ несторіанству. По свидѣтельству одного современника «еретики (монофизиты) поносили священниковъ Церкви какъ послѣдователей Несторія». Съ другой стороны, и несторіане, которыхъ все еще было немало на Востокѣ, извлекали выгоды изъ того обстоятельства, что помянутые сторонники несторіанства не были осуждены Православною Церковію. Дѣло въ томъ, что сочиненія Несторія были изъяты изъ публичнаго обращенія императорскими указами; тогда для распространенія своей ереси несторіане и прибѣгли къ распространенію тѣхъ сочиненій Θеодора, Θеодорита и Ивы, въ которыхъ проводились несторіанскія воззрѣнія. На восьмомъ засѣданіи V Вселенскаго Собора прямо засвидѣтельствовано: «Послѣдователи Несторія старались навязать Церкви Божіей свое нечестіе чрезъ нечестиваго Θеодора, который былъ епископомъ Мопсуеста, чрезъ его нечестивыя сочиненія и, кромѣ этого, посредствомъ того, что написалъ нечестиво Θеодоритъ, и посредствомъ злостнаго посланія, которое, говорятъ, написалъ Ива Марію Персу».

Для Церкви, такимъ образомъ, было необходимо произвести осужденіе на Θеодора, Θеодорита и Иву, поскольку они являлись писателями и дѣятелями, враждебными Православію и дружественными Несторію. Черезъ это у монофизитовъ отнимался поводъ для нападокъ на Православную Церковь, а у несторіанъ—возможность къ распространенію еретическихъ (несторіанскихъ) воззрѣній. Императоръ Юстиніанъ, принимавшій самое близкое участіе въ дѣлахъ Церкви и горѣвшій желаніемъ примирить многочисленныхъ монофизитовъ имперіи съ православными и тѣмъ достигнуть на единеніи религіозномъ единенія государственнаго, и принялъ на себя заботу устранить церковное раздѣленіе. По совѣту имѣвшаго на него вліяніе Θеодора Аскиды, архіепископа Кесаріи Каппадокійской, императоръ около 544 г. издалъ указъ, въ которомъ подвергались анаθемѣ: Θеодоръ Мопсуестскій со всѣми его сочиненіями и ученіемъ; Θеодоритъ Кирскій — за сочиненія, направленныя противъ святаго Кирилла Александрійскаго и III-го Вселенскаго Собора, и Ива Едесскій — за посланіе къ Марію Персу, въ которомъ усматривалось тяготѣніе къ несторіанству. Указъ императора не дошелъ до насъ; сохранились только отрывки изъ него у писателей, современныхъ его изданію. Императоръ надѣялся, что указъ будетъ принятъ всѣми представителями церковной власти и, такимъ образомъ, получитъ общецерковное значеніе. Но слу-

чилось обратное. Указъ вызвалъ новыя великія смятенія въ Церкви, извѣстныя подъ именемъ «спора о трехъ главахъ»[1]). Спорящія стороны, та и другая, имѣли подъ собою почву, такъ какъ въ жизни и дѣятельности Ѳеодора, Ѳеодорита и Ивы въ отношеніи къ Церкви находились основанія и для ихъ защиты, и для ихъ осужденія. Естественно, что съ первымъ требованіемъ о подписаніи указа императоръ обратился къ Минѣ, Патріарху Константинопольскому. Мина пришелъ въ раздумье: какъ бы своею подписью указа, призывающаго къ осужденію того, чего не осуждалъ Халкидонскій Четвертый Вселенскій Соборъ, не нанести укоризну послѣднему. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго колебанія Патріархъ Константинопольскій подписалъ указъ, но съ оговоркой, что если папа Римскій откажется это сдѣлать, то и его подпись должна считаться недѣйствительной. Остальные восточные Патріархи — Зоилъ Александрійскій, Ефремъ Антіохійскій и Петръ Іерусалимскій — тоже не безъ колебаній подписали указъ, понуждаемые къ этому отчасти чувствомъ приличія и отчасти страхомъ наказанія за сопротивленіе. За Патріархами подписали и прочіе восточные епископы.

Совершенно иное отношеніе указъ встрѣтилъ на Западѣ, епископы котораго менѣе боялись императора и потому въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ были болѣе независимы. Западные епископы поднялись на открытую борьбу съ указомъ императора. Прежде всего императору пришлось натолкнуться на это сопротивленіе Западной Церкви въ самомъ Константинополѣ. Повѣренный (апокрисіарій) папы въ Константинополѣ Стефанъ, узнавъ о подписи Патріархомъ Миною указа, прервалъ съ нимъ общеніе и другихъ призывалъ къ тому же. Декій, епископъ Медіоланскій, находившійся въ Константинополѣ при обнародованіи указа, тоже заявилъ открытый протестъ. Съ особенною рѣшительностію и какъ одинъ человѣкъ возстали епископы африканскіе, выразившіе свое неодобреніе указу даже особымъ посланіемъ къ императору, составленнымъ отъ лица ихъ епископомъ Понтіаномъ. «Всѣ тѣ сочиненія, о которыхъ началась рѣчь,—писали Юстиніану африканскіе епископы чрезъ Понтіана,—намъ мало извѣстны. Когда они дойдутъ до насъ и когда, прочтя ихъ, мы усмотримъ, что

---

[1]) Въ началѣ подъ главами разумѣлись тѣ главы или параграфы, на которые дѣлился указъ Юстиніана; соотвѣтственно числу анаѳематствуемыхъ лицъ и главъ въ немъ было три. Но вскорѣ первоначальный смыслъ выраженія *три главы* потерялся, и главами стали звать самыя лица Ѳеодора, Ѳеодорита и Ивы.

они противны правой вѣрѣ, то мы осудимъ ихъ, но не самихъ авторовъ, уже умершихъ. Ежели бы они живы были доселѣ и не захотѣли осудить своихъ погрѣшностей, то только въ такомъ случаѣ они сами могли бы подлежать справедливому осужденію. Къ чему послужитъ осужденіе наше, ежели они не могутъ исправиться въ своихъ заблужденіяхъ? Мы боимся, чтобы осужденіе ихъ не послужило въ пользу монофизитовъ. Зачѣмъ намъ безпокоить умершихъ? Они теперь предъ Лицемъ Судіи Истиннаго, выше Котораго нѣтъ другаго судіи». Когда указъ дошелъ до Рима, то папа Вигилій черезъ двухъ своихъ діаконовъ — Пелагія и Анатолія — пожелалъ прежде всего навести справку, какъ судятъ объ указѣ африканскіе епископы. На запросъ Римской Церкви отвѣчалъ ученый карѳагенскій діаконъ Фульгенцій Феррандъ особымъ посланіемъ въ Римъ, которое послужило для Рима руководствомъ въ его отношеніи къ указу Юстиніана. Въ своемъ посланіи Фульгенцій Феррандъ развиваетъ слѣдующія основныя положенія: 1) согласіе съ указомъ Юстиніана равносильно съ пренебреженіемъ къ значенію Халкидонскаго IV Вселенскаго Собора [1]); 2) умершихъ осуждать не слѣдуетъ; 3) [2]) своимъ указомъ императоръ насилуетъ совѣсть членовъ Церкви. [3]) Папа отклонилъ отъ себя подписаніе

---

1) «Не должно отметать судъ, пресмѣнять сужденія древнихъ Отцевъ, которые собирались въ Халкидонѣ. Не долженъ Соборъ, относительно котораго не было никакого сомнѣнія столь много лѣтъ, вдругъ терять свое уваженіе; опредѣленія его не могутъ оставаться твердыми, если затронутъ хоть одну часть его и почтутъ достойною порицанія. Все, что утверждено на этомъ Соборѣ, должно имѣть постоянно твердость. Если кто захочетъ поколебать одно въ Соборѣ, тотъ колеблетъ всѣ его опредѣленія. Если въ опредѣленіяхъ вѣры этого Собора какъ бы нѣкая вода сладкая истекла изъ устъ прежнихъ епископовъ, то какимъ образомъ возможно, чтобы изъ тѣхъ же самыхъ устъ по дѣлу Ивы епископа истекла не вода сладкая, а горчайшая желчи? Напрасно намъ стали бы говорить: Отцы Халкидонскіе въ вѣрѣ были хороши, но худо сдѣлали, что приняли посланіе Ивы. Если одна часть соборной дѣятельности не одобряется кѣмъ-либо, грозитъ опасность, что будутъ не одобрять и весь Соборъ. Апостолъ сказалъ: *малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (1 Посл. къ Кор., 5, 6). Поэтому, если въ цѣлой массѣ опредѣленій святоотеческихъ откроется хотя небольшая доля кислой смѣси, всю массу нужно будетъ признать вредною.»

2) «Что пользы вести борьбу съ уже умершими или производить смуты въ Церкви изъ-за таковыхъ. Если человѣкъ, будучи еще въ живыхъ, обвиненъ и осужденъ и прежде чѣмъ успѣлъ заслужить разрѣшеніе, взятъ отъ міра сего, то относительно такого человѣка не можетъ быть сдѣлано разрѣшеніе никѣмъ. Если же кто обвинялся въ чемъ-либо и потомъ получилъ разрѣшеніе и въ мирѣ съ Церковью отошелъ къ Богу, такого судъ человѣческій не можетъ уже осуждать.»

3) «Никто не можетъ навязывать своего мнѣнія другимъ, иначе мыслящимъ. Конечно, каждый можетъ въ видахъ утвержденія вѣры излагать письменно, что онъ думаетъ, но, однако же, не съ тѣмъ, чтобы написанное имъ заставлять принимать другихъ. Сколь много святые и достославные учители трудились въ проповѣдованіи слова, которыхъ самъ Господь чрезъ Духа мудрости и вѣдѣнія призвалъ къ наученію вѣрующихъ и къ борьбѣ

указа. Враждебно встрѣченъ былъ указъ и въ другихъ мѣстахъ Запада, и въ Элладѣ, и Иллирикѣ.

Видя противодѣйствіе Запада, императоръ рѣшилъ склонить на свою сторону папу Римскаго какъ патріарха Запада. Въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго воздѣйствія на тогдашняго папу Вигилія императоръ вызвалъ его въ 547 г. въ Константинополь; Вигилію былъ поводъ отправиться въ Византію и по дѣламъ политическимъ— по причинѣ нашествія на Римъ Готовъ. Но и по прибытіи въ Константинополь папа вначалѣ не измѣнялъ своего отношенія къ указу; онъ даже отлучилъ Патріарха Мину отъ церковнаго общенія на четыре мѣсяца за его согласіе на осужденіе «трехъ главъ». Мина отвѣтилъ тѣмъ же Вигилію. Однако затѣмъ, частію вслѣдствіе твердаго отпора со стороны Константинопольскаго Патріарха, частію вслѣдствіе бо́льшаго ознакомленія съ дѣломъ на мѣстѣ его возникновенія, частію по слабохарактерности уступая вліянію двора и имѣя въ виду согласіе всѣхъ восточныхъ епископовъ на осужденіе «трехъ главъ», папа Вигилій измѣнилъ свое рѣшеніе: онъ согласился съ осужденіемъ «трехъ главъ» и обнародовалъ въ этомъ смыслѣ особый документъ, извѣстный подъ названіемъ Iudicatum, гдѣ выражалъ свое согласіе съ рѣшеніемъ императора и Церкви Восточной, осуждая Ѳеодора за его ученіе и сочиненія, Ѳеодорита — за нѣкоторыя сочиненія, написанныя противъ Православія, и Иву — за посланіе къ Марію Персу. Но согласіе папы Вигилія, какъ показало дальнѣйшее, вовсе не означало согласія на осужденіе «трехъ главъ» западнаго духовенства. Оно вступило въ борьбу со своимъ Патріархомъ какъ отступникомъ отъ вѣры. Эту борьбу съ папою начали два діакона изъ его же свиты въ Константинополѣ: родной племянникъ папы Рустикъ и Севастіанъ. Осуждая святаго Кирилла Александрійскаго, вѣроятно, за его стремленіе подвергнуть анаѳемѣ сочиненія Ѳеодора Мопсуестскаго, Рустикъ

съ еретиками,—но и они никогда не требовали подписи подъ своими книгами. Апостолъ говорилъ: *пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ* (1 Посл. къ Кор., 14, 29). Но онъ нигдѣ не говоритъ: пусть подписываются или пусть вынуждаются къ подписи. Онъ повелѣваетъ прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковѣрію не впасть въ заблужденіе. Никто не принуждается сказанное кѣмъ-либо принимать наравнѣ съ изреченіями Св. Писанія, но предоставляется разсужденію каждаго, что онъ приметъ, что отвергнетъ. Уже потому одному нѣтъ необходимости въ подпискѣ сказаннаго кѣмъ-либо, что этимъ отнимается возможность впослѣдствіи мыслить иначе, хотя бы послѣ истина и открылась во всемъ свѣтѣ. Благочестивый изслѣдователь отыскиваетъ истину, но не спѣшитъ, чтобы отысканное имъ тотчасъ было принято другими, а еще самъ готовъ согласиться съ тѣми, кто лучше мыслитъ по данному вопросу.»

и Севастіанъ, напротивъ, горячо защищали послѣднія, объявляя, при этомъ, что папа сдѣлался противникомъ Халкидонскаго Собора; они разсылали письма, въ которыхъ доказывалась неправильность осужденія «трехъ главъ». Эти письма въ иныхъ мѣстахъ вызывали столь сильныя разногласія, что спорящіе доходили до кровопролитія. Рустикъ и Севастіанъ обратились съ прошеніемъ даже къ самому императору, гдѣ доказывали, что папа Левъ, современникъ Халкидонскаго Собора, былъ защитникомъ сочиненій Θеодора Мопсуестскаго. За свою дѣятельность Рустикъ и Севастіанъ вмѣстѣ съ другими участниками ихъ «заговора и скопа» лишены были принадлежащаго имъ церковнаго достоинства. Но это не остановило сопротивленія папѣ. Вмѣстѣ съ распространеніемъ на Западѣ слуховъ о поведеніи Вигилія все болѣе и болѣе возрастала церковная смута. Иллирійскіе епископы собрали въ 549 г. Соборъ, который обратился съ посланіемъ къ Юстиніану, доказывая несправедливость осужденія «трехъ главъ»; этотъ же Соборъ осудилъ епископа Бенената, который порицалъ «три главы». Африканскіе епископы на Соборѣ 550 года отлучили папу Вигилія отъ церковнаго общенія, пока онъ не принесетъ покаянія за свое согласіе осудить «три главы»; Соборъ обращался къ императору съ посланіемъ съ защитою послѣднихъ. Не говоря уже о другихъ мѣстахъ Запада, даже въ отдаленной Галліи началось возмущеніе противъ Вигилія. Среди многочисленныхъ борцовъ съ указомъ императора безспорно выдающееся мѣсто принадлежитъ епископу Герміанскому (въ Африкѣ) Факунду. Онъ издалъ обширное сочиненіе подъ заглавіемъ «Въ защиту трехъ главъ», гдѣ на основаніи историческихъ данныхъ, приведенія изъ сочиненій осуждаемыхъ мѣстъ, говорящихъ за ихъ Православіе, на основаніи установленія понятія *еретикъ* и доказательствъ невозможности примѣнять судъ къ умершимъ строитъ свою апологію. Въ защиту Θеодора Мопсуестскаго Факундъ писалъ: «Θеодоръ умеръ въ мирѣ съ Церковію; онъ былъ хвалимъ мужами достоуважаемыми; цѣлый Соборъ епископовъ Антіохійскихъ писалъ въ его защиту. О немъ не произнесъ осужденія Соборъ Халкидонскій, когда читалось на томъ Соборѣ посланіе Ивы, гдѣ Θеодоръ украшается похвалами. Изыскивая основанія къ порицанію Θеодора, ссылаются на Кирилла, который порицалъ Θеодора; но ежели руководиться такими образцами, то мы встрѣтимся со многими примѣрами, гдѣ одни изъ Отцевъ неуважительно отзываются о другихъ; но, главное, какъ мы будемъ

слѣдовать Кириллу въ осужденіи Θеодора, когда это будетъ нападеніемъ на Соборъ Халкидонскій, на которомъ не осужденъ Θеодоръ? Напрасно хотятъ осудить Θеодора какъ еретика, принимая во вниманіе его заблужденія: еретикъ не тотъ, кто заблуждается, а тотъ, кто, будучи уличенъ въ неправославіи, остается упорнымъ; какъ осуждать Θеодора какъ еретика, когда онъ умеръ! Кто явится обвинителемъ противъ Θеодора? Можетъ ли обвинитель доказать, что все, приписываемое Θеодору, дѣйствительно принадлежитъ ему? На судѣ людскомъ каждый можетъ отрекаться, что онъ не дѣлалъ того, въ чемъ его обвиняютъ, или какъ-нибудь объяснить дѣло къ своей выгодѣ, или, наконецъ, отказаться отъ заблужденій, въ какихъ обвиняется; но Θеодоръ не можетъ воспользоваться всѣми этими выгодами для подсудимаго, находящагося въ живыхъ. Христосъ Спаситель заповѣдалъ,—**а҆́ще свѧ́жете на землѝ, бꙋ́дꙋтъ свѧ́зана на нб҃сѝ: а҆́ще разрѣ́шитѐ на землѝ, бꙋ́дꙋтъ разрѣше́на на нб҃сѝ** (Еванг. отъ Мѳ. 18, 18): этимъ дается знать, что какъ не дòлжно по смерти разрѣшать тѣхъ, кои связаны были на земли, такъ не дòлжно и связывать по смерти тѣхъ, кои не были связаны на земли. Наконецъ, у Θеодора есть въ сочиненіяхъ много мыслей правильныхъ, общихъ съ знаменитыми Отцами Церкви, поэтому осуждать Θеодора—значить осуждать и Святыхъ Отцевъ, писавшихъ въ томъ же духѣ, какъ Θеодоръ». Въ защиту Ивы Факундъ писалъ: «Осуждать письмо Ивы—значитъ нападать на Халкидонскій Соборъ; авторитетъ сего Собора защищаетъ самъ императоръ Юстиніанъ; но какимъ образомъ письмо Ивы можетъ быть осуждено какъ нечестивое и несторіанское, когда сего не сдѣлалъ этотъ Соборъ? Письмо Ивы не все нечестиво и безбожно; въ немъ содержится исповѣданіе двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, а сего нельзя назвать ни нечестіемъ ни безбожіемъ. Ива худо отзывается о святомъ Кириллѣ, писалъ противъ Кирилловыхъ анаθематизмовъ? Но ежели мы станемъ обращать вниманіе на подобныя стороны дѣла, то придемъ къ необходимости осудить и нѣкоторыхъ другихъ досточтимыхъ мужей, кои также неодобрительно отзывались о святомъ Кириллѣ». Въ защиту Θеодорита Факундъ говоритъ очень немного: оправданіе его онъ основываетъ на дѣяніяхъ Халкидонскаго Собора и на отношеніи Отцевъ этого Собора къ Θеодориту.

Въ противовѣсъ стремленіямъ Западной Церкви, находившей все новыя и новыя основанія къ оправданію «трехъ главъ», императоръ Юстиніанъ отыскиваетъ факты въ доказательство совер-

шенной законности осужденія «трехъ главъ». Въ Мопсуестѣ, гдѣ находилась каѳедра Ѳеодора, въ маѣ 550 г. императоръ созываетъ Помѣстный Соборъ для изслѣдованія и рѣшенія вопроса — было ли имя Ѳеодора здѣсь занесено въ церковные диптихи?[1]) Соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна, митрополита изъ города Аназарва, состоялъ изъ 8 епископовъ съ участіемъ пресвитеровъ, діаконовъ, иподіаконовъ, чтецовъ Мопсуестской Церкви и представителей свѣтской власти. Множество свидѣтелей, изъ пожилыхъ людей свѣтскихъ и духовныхъ, призвано было для отвѣта на вопросъ: помнятъ ли они, чтобы имя Ѳеодора читалось въ церковныхъ диптихахъ, и не извѣстно ли имъ, когда оно исключено оттуда? Показанія свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторымъ было 70—80 лѣтъ, сводились къ слѣдующему: «не знаемъ и не слыхали, чтобы Ѳеодоръ, бывшій нѣкогда епископомъ этого города, былъ провозглашенъ въ церковныхъ диптихахъ. Но слышали, что святый Кириллъ, бывшій епископъ великаго города Александріи, помѣщенъ вмѣсто Ѳеодора въ диптихахъ и даже доселѣ онъ провозглашается съ другими епископами. Не знаемъ и не слыхали, чтобы въ нашемъ городѣ былъ епископъ по имени Кириллъ; а тотъ епископъ Ѳеодоръ, который читался въ диптихахъ, умеръ три года тому назадъ». Принесены были на Соборъ древнѣйшія диптихи, писанные на пергаменѣ и уже не употреблявшіеся за Богослуженіемъ; оказалось, что въ нихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ по порядку слѣдованія во времени должно быть имя Ѳеодора, помѣщено имя Кирилла. Результатъ изысканій Собора былъ изложенъ предсѣдателемъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Ясно показано, что прежній Ѳеодоръ,

---

[1]) *Диптихи* — помянники, или поминанья. Наименованіе ихъ заимствовано изъ христіанской древности и указываетъ вообще на тѣ предметы, которые складываются вдвое, (δύς—дважды, πτύσσω—складываю); собственно диптихами назывались двѣ, соединенныя вмѣстѣ, дощечки, покрытыя съ внутренней стороны воскомъ, на которомъ и дѣлались записи заостреннымъ прутомъ—стилемъ; съ наружной стороны дощечки покрывались различнаго рода рисунками. Церковь, принявъ диптихи въ Богослуженіе, замѣнила наружныя украшенія свѣтскаго характера священными изображеніями.—Полагаютъ, что диптихи появились при Богослуженіи въ Церкви уже во времена Апостоловъ; въ IV вѣкѣ они уже находятся во всеобщемъ употребленіи. Диптихи имѣли нѣсколько видовъ: 1) крещальные, въ кои заносились сподобившіеся Св. Крещенія; 2) диптихи живыхъ, въ коихъ записывались имена принадлежащихъ къ извѣстной церкви; 3) диптихи святыхъ и 4) диптихи умершихъ. Въ послѣдняго рода диптихи записывались, прежде всего, мѣстные епископы и епископы иныхъ епархій, отличавшіеся святостью жизни; затѣмъ вносились священники и міряне. Поминовеніе по диптихамъ при совершеніи Евхаристіи почиталось особою честью; поэтому изъ диптиха всегда исключались имена тѣхъ лицъ, относительно которыхъ обнаруживались грѣхи или заблужденія, доселѣ бывшія неизвѣстными.

который былъ епископомъ въ семъ городѣ, въ древнія времена не былъ провозглашаемъ при Божественномъ Таинствѣ и исключенъ былъ изъ священныхъ диптиховъ, и вмѣсто его имени вписанъ былъ святой памяти Кириллъ», о чемъ и сообщено было императору и папѣ.

Съ тою же цѣлью — обнаружить неосновательность защиты «трехъ главъ» — императоръ, вѣроятно въ 551 г., издалъ указъ, гдѣ съ большою тщательностію опровергаются возраженія, какія дѣлались противъ осужденія «трехъ главъ». Этотъ указъ раздѣляется на три части. *Первая* содержитъ богословствованіе о Святой Троицѣ и соединеніи во Христѣ Іисусѣ двухъ естествъ съ опроверженіемъ тѣхъ доказательствъ, какія приводили въ защиту монофизитства сами еретики. *Вторая* часть содержитъ анаѳематства на различныя заблужденія и еретиковъ Церкви древней и современной: произноситъ анаѳему на Ѳеодора Мопсуестскаго, на нѣкоторыя сочиненія Ѳеодорита и на письмо Ивы къ Марію Персу. *Третья* часть опровергаетъ возраженія, приводимыя защитниками трехъ главъ противъ ихъ осужденія указомъ императора. Такъ, въ защиту Ѳеодора Мопсуетскаго противники указа говорили: *а)* если въ сочиненіи Ѳеодора и замѣчаются заблужденія, то отсюда только тотъ правильный выводъ, что ихъ и нужно анаѳематствовать, а никакъ не *лице* сочинителя. Юстиніанъ въ отвѣтъ на это возраженіе приводитъ текстъ Священнаго Писанія, что ра́внѣ ненави̂дима сꙋ́ть бг҃ꙋ и̂ нече́ствꙋѧй, и̂ нече́стїе є̂гѡ̀[1]). *б)* Въ устраненіе возраженія, что нельзя анаѳематствовать Ѳеодора какъ уже умершаго, Юстиніанъ указываетъ, что подобное анаѳематствованіе совершалось въ Церкви какъ въ древности, такъ и въ болѣе близкое время. Это видно изъ дѣяній Святыхъ Соборовъ, напримѣръ Никейскаго, безыменно анаѳематствовавшаго всѣхъ послѣдователей Арія; видно изъ словъ блаженнаго Августина, который говоритъ о себѣ, что онъ, въ случаѣ нужды, «подвергъ бы» одного епископа (Цециліана), если бы доказано его еретичество, «анаѳемѣ и послѣ его смерти». Затѣмъ, если нельзя осуждать еретиковъ по смерти, то, съ другой стороны, нельзя и оправдывать послѣ смерти невинно осужденныхъ, тогда какъ церковь послѣ смерти именно оправдала Іоанна Златоуста и Флавіана, архіепископовъ Константинопольскихъ. *в)* Что же касается указанія, что не слѣдуетъ анаѳематствовать Ѳеодора

---

1) Кн. Прем. Солом., 14, 9.

какъ умершаго въ общеніи съ Церковью, то, по мысли указа, въ общеніи съ Церковью находятся лишь лица, до конца своей жизни соблюдающіе содержимое ею ученіе благочестія; Θеодоръ же постоянно пребывалъ въ нечестіи, поэтому и умеръ внѣ общенія съ Церковью. При этомъ приводится какъ доказательство уже извѣстное рѣшеніе Помѣстного Собора въ Мопсуестсѣ. *г)* Указаніе защитниковъ Θеодора на добрые отзывы о немъ чтимыхъ Церковію лицъ, напримѣръ, святаго Кирилла Александрійскаго, Іоанна Антіохійскаго съ Соборомъ, въ доказательство невозможности осужденія Мопсуестскаго епископа тоже не оставлено Юстиніаномъ безъ разсмотрѣнія. Соглашаясь, что святый Кириллъ говорилъ нѣчто за Θеодора, Юстиніанъ замѣчаетъ, что гораздо болѣе святымъ отцемъ сказано противъ Θеодора. Похвала же Іоанна Антіохійскаго и Собора Антіохійскихъ епископовъ произнесена ими во дни вражды съ Кирилломъ, когда они были сторонниками Несторія. Притомъ Церковь знаетъ примѣры, что похвала даже Святыхъ Отцевъ нѣкоторымъ еретикамъ не освободила послѣднихъ отъ осужденія и анаθемы послѣ того, какъ обнаружено было ихъ нечестіе. Обращаясь къ разсмотрѣнію доказательствъ незаконности осужденія посланія Ивы, императоръ останавливается прежде всего на указаніи, 1) что посланіе Ивы принято святымъ Халкидонскимъ Соборомъ. Но это указаніе отвергается на слѣдующемъ основаніи: по прочтеніи посланія Соборъ прямо и рѣшительно потребовалъ отъ Ивы анаθематствованія Несторія и его ученія, на защиту которыхъ и направлено было посланіе, т. е. принятіе Соборомъ посланія и осужденіе Несторія—двѣ вещи, исключающія другъ друга взаимно. 2) Не избавляетъ посланіе отъ осужденія и нахожденіе въ немъ православныхъ выраженій: въ Христѣ два естества, одна сила (власть), одно Лице. Но вѣдь, указываетъ императоръ, и Несторій училъ о двухъ естествахъ и при этомъ осужденъ: нужно не только исповѣдовать во Христѣ два естества, но и признавать ихъ ипостасное соединеніе, чего и не дѣлаетъ Ива въ своемъ посланіи, полномъ несторіанскихъ мыслей. Наконецъ, защитники «трехъ главъ» говорили, что порицать посланіе Ивы нельзя и потому еще, что оно внесено въ соборные записи. Но, замѣчаетъ императоръ, изъ сочиненій Несторія и Евтихія многое приведено въ соборныхъ дѣяніяхъ; значитъ, и ихъ нужно оправдать. Кто же не знаетъ, что многое изъ еретическаго лжеученія приводится въ соборныхъ записяхъ, но, конечно, не для того, чтобы показать

правильность ученія еретиковъ, а какъ разъ для обратной цѣли,— обличить ихъ мудрствованія, противныя Православію.

Однако, несмотря на всѣ усилія императора Западная Церковь не переставала противиться осужденію «трехъ главъ». Эта стойкость отразилась и на папѣ Вигиліи, который началъ колебаться въ своемъ рѣшеніи анаѳематствовать «три главы». Видя такое положеніе вещей, императоръ для окончательнаго рѣшенія вопроса созываетъ Пятый Вселенскій Соборъ.

Пятый Вселенскій Соборъ открылся въ Константинополѣ и имѣлъ восемь засѣданій. Онъ начался 5 мая 553 года. На первыхъ засѣданіяхъ Собора было 150 епископовъ, а при закрытіи его число ихъ доходило до 164. На Соборѣ предсѣдательствовалъ Евтихій, Патріархъ Константинопольскій. Среди членовъ Собора болѣе выдающимися были: Аполлинарій, Патріархъ Александрійскій; Домнъ, Патріархъ Антіохійскій; за Патріарха Іерусалимскаго представительствовали три палестинскихъ епископа. Въ числѣ Отцовъ Собора западныхъ епископовъ было очень немного (отъ 6 до 8), и всѣ они были изъ Африки. Папа Вигилій все еще жилъ въ Константинополѣ, и императоръ желалъ видѣть его на Соборѣ. Соборъ отправилъ къ папѣ посольство съ предложеніемъ явиться на Соборъ. Приглашать папу отправились три Патріарха (Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій) и 17 епископовъ. Возвратившись отъ папы, депутація повѣдала членамъ Собора, собравшимся въ епископіи: «Прибывъ къ Святѣйшему папѣ, мы стали просить, чтобы, согласно перепискѣ, бывшей между нами и имъ, его блаженство пожаловалъ на Соборъ и вмѣстѣ съ нами разсудилъ о «трехъ главахъ», объявивъ, при этомъ, его блаженству, что благочестивѣйшій нашъ императоръ прислалъ намъ грамоту и проситъ дать отвѣтъ относительно «трехъ главъ». Хотя онъ сказалъ, что по слабости тѣлесной не можетъ выполнить этого требованія, однако же обѣщалъ на слѣдующій день объявить, какого онъ мнѣнія о такомъ Соборѣ». Собраніе епископовъ разошлось по домамъ. Вторичное посольство къ папѣ изъ нѣсколькихъ епископовъ и свѣтскихъ чиновниковъ какъ депутатовъ отъ лица императора тоже получило отказъ, но на этотъ разъ свое нежеланіе идти на Соборъ папа не оправдывалъ болѣзнью, а прямо заявилъ, что на Соборѣ очень мало западныхъ епископовъ по сравненію съ числомъ восточныхъ. Папа обѣщалъ, впрочемъ, письменно высказаться по вопросу объ осужденіи «трехъ главъ». Третье посоль-

ство, по обычаю отправленное къ папѣ, тоже ничего не достигло: папа отказался присутствовать на Соборѣ, и посланные объявили ему, что Соборъ вынужденъ будетъ открыться безъ него. Нѣкоторые изъ западныхъ епископовъ, прилучившихся въ Константинополѣ, ссылаясь на отказъ папы, тоже отказались идти на Соборъ. Истинная же причина подобныхъ отказовъ заключалась въ томъ, что папа опять возвратился къ мысли, что не слѣдуетъ производить осужденія «трехъ главъ»[1]); зная же, что восточные епископы держатся противоположнаго взгляда, папа счелъ за лучшее вовсе не являться на Соборъ.

Императоръ обратился къ Отцамъ Собора съ указомъ, прочитаннымъ при открытіи соборныхъ засѣданій. Въ этомъ указѣ намѣчался порядокъ разсмотрѣнія спорнаго вопроса о «трехъ главахъ»: «Просимъ васъ,—писалъ императоръ,—разсмотрѣть то, что написано какъ въ другихъ сочиненіяхъ (*Ѳеодора Мопсуестскаго*), такъ и въ его символѣ; просимъ также разсмотрѣть и то, что объ немъ и его хуленіяхъ написали Святые Отцы и обнародовали наши предшественники, равно и то, что написали о немъ писатели церковной исторіи. Просимъ васъ поразсудить и о мнѣніи тѣхъ, которые утверждаютъ, будто не слѣдуетъ анаѳематствовать еретиковъ по смерти, и просимъ держаться въ этомъ случаѣ ученія Святыхъ Отцевъ, которые и по смерти анаѳематствовали умершихъ въ своемъ нечестіи. Просимъ васъ обратить вниманіе на то, что нечестиво написано *Ѳеодоритомъ* противъ правой вѣры и противъ Ефесскаго Собора, противъ памяти Кирилла и противъ его 12 главъ и что тотъ же Ѳеодоритъ написалъ въ защиту Ѳеодора и Несторія и ихъ хуленій противъ памяти Кирилла. Просимъ также сдѣлать изслѣдованіе и о нечестивомъ посланіи, которое написалъ *Ива* къ Марію Персу. И такъ какъ нѣкоторые дерзаютъ утверждать, что посланіе это, содержащее нечестіе, принято и святымъ Халкидонскимъ Соборомъ, то просимъ васъ сличить то, что сказано этимъ Святымъ Соборомъ въ опредѣленіяхъ его, изложенныхъ въ защиту вѣры, и то, что содержится въ нечестивомъ посланіи, чтобы всесторонне доказать справедливое, а нечестивое осудить».

Взявъ въ руководство распорядка своей дѣятельности указъ императора, Отцы Собора прежде всего занялись вопросомъ о Ѳеодорѣ Мопсуетскомъ. Изъ сочиненій послѣдняго на Соборѣ извле-

[1]) Во дни Собора папа обратился къ императору съ особымъ сочиненіемъ Constitutum, гдѣ онъ высказывается противъ осужденія «трехъ главъ».

чено и прочитано было очень много мѣстъ, причемъ обнаружилось, что Θеодоръ, въ сущности, повторялъ ученіе Несторія, осужденное Третьимъ Вселенскимъ Соборомъ. Неправославныя мнѣнія Θеодора, открытыя и изобличенныя Соборомъ и названныя имъ «сокровищами нечестія», сосредоточивались, главнымъ образомъ, на ученіи о двухъ естествахъ во Христѣ и образѣ ихъ соединенія и заключались въ слѣдующемъ: 1) отъ Пресвятой Дѣвы Маріи родился не Богъ, а человѣкъ[1]); 2) Богъ-Слово не рождался отъ Дѣвы Маріи, а лишь присутствовалъ въ человѣкѣ Іисусѣ при Его рожденіи и во время остальной Его жизни[2]); 3) изъ такого воззрѣнія Θеодоръ, естественно, приходилъ къ составлявшему сущность несторіанства ученію о раздѣленіи естествъ въ Богочеловѣкѣ: по его утвержденію, во Христѣ Іисусѣ существовали какъ бы два лица—Божеское и человѣческое, не соединяясь одно съ другимъ[3]); 4) при этомъ Θеодоръ, вопреки ученію Православной Церкви, не полагалъ никакого различія между человѣкомъ—Христомъ и всякимъ другимъ человѣкомъ; онъ считалъ свойственной человѣку Іисусу борьбу со страстями и похотями, такъ что, по мысли Θеодора, «только чрезъ свое воскресеніе Христосъ какъ человѣкъ сдѣлался неизмѣняемымъ, т. е. неудобопреклоннымъ ко злу. Почему до воскресенія мертвыхъ онъ укорялъ Петра за то, что тотъ соблазняетъ Его своими словами[4]). Чрезъ воскресеніе же Христосъ сдѣлался совершенно непорочнымъ». Если же Христосъ какъ человѣкъ не обладалъ нравственнымъ совершенствомъ, то,—училъ Θеодоръ,—5) онъ нуждался въ руководствѣ Духа Святаго и въ содѣйствіи Бога-Слова въ достиженіи непорочности[5]). При-

---

1) «Мы не должны думать,—говорилъ Θеодоръ,—что отъ Дѣвы родился Богъ. Не Богъ-Слово родился отъ Дѣвы Маріи, родился же отъ Маріи тотъ, кто отъ сѣмени Давидова» (т. е. человѣкъ).

2) «Тотчасъ при самомъ зачатіи въ человѣкѣ Іисусѣ началъ быть Богъ-Слово, ибо присутствовалъ въ немъ не только во время вознесенія на Небо, но и при воскресеніи изъ мертвыхъ, именно какъ воскрешающій Его. И не при воскресеніи только, но и при пригвожденіи ко кресту и при Крещеніи, и послѣ Крещенія, а равно и до Крещенія при выполненіи имъ постановленій Закона и при обвитіи пеленами во время рожденія; находился въ немъ Богъ-Слово также, когда онъ (человѣкъ Іисусъ) находился во чревѣ Матери съ перваго момента его зачатія.»

3) «Нужно полагать различіе между храмомъ (человѣкомъ-Христомъ) и тѣмъ, кто вселился въ храмъ (Богомъ-Словомъ),—между тѣмъ, кто освобожденъ отъ узъ смерти, и тѣмъ, кто освободилъ,—между тѣмъ, кто въ страданіяхъ сталъ совершеннымъ, и тѣмъ, кто сдѣлалъ совершеннымъ,—между тѣмъ, кто *малымъ чимъ умаленъ отъ ангелъ* и тѣмъ, кто умалилъ,—между тѣмъ, кто увѣнчанъ славой и честію, и тѣмъ, кто увѣнчалъ,—между тѣмъ, кому дѣла рукъ Божіихъ покорены, и тѣмъ, кто покорилъ (Пс. 8, 5—8).

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 23.

5) Выраженіе,—говорилъ Θеодоръ,—*возведенъ бысть Духомъ* (Еванг. отъ Мѳ., 4, 1) обов-

знавая, что отъ Пресвятой Дѣвы Маріи родился не Богочеловѣкъ, а человѣкъ Христосъ, Θеодоръ почиталъ возможнымъ только въ относительномъ, а не буквальномъ смыслѣ именовать Дѣву Марію Богородицею: «когда спросятъ, — разсуждалъ Θеодоръ, — мать человѣка или матерь Бога Марія? — мы должны отвѣчать: и то, и другое, первое — по естеству, второе — относительно. Она матерь человѣка, потому что человѣкъ былъ во чревѣ Ея; но Она Матерь Бога, потому что Богъ былъ въ рожденномъ человѣкѣ, но Онъ былъ въ немъ по благоизволенію».

Кромѣ того, Соборомъ въ сочиненіяхъ Θеодора Мопсуестскаго были открыты хотя и не столь важныя, но все же значительныя заблужденія, изъ коихъ нѣкоторыя граничили съ ересью, а именно: его хульные отзывы о включенныхъ въ священный канонъ книги Іова и книги Пѣснь Пѣсней, его отрицаніе за многими ветхозавѣтными пророчествами, относящимися къ Мессіи, мессіанскаго значенія и, наконецъ, его мнѣніе, что наименованіе *христіане* однородно съ наименованіемъ другихъ людей «слѣдующихъ, по его выраженію, какой-либо сектѣ».

Это чтеніе отрывковъ изъ сочиненій Θеодора Соборъ по временамъ прерывалъ такими или подобными восклицаніями: «это мы уже осудили, это уже предали анаθемѣ, анаθема Θеодору Мопсуестскому и его сочиненіямъ; они чужды Церкви, они чужды православнымъ, они чужды Отцамъ, они полныя нечестія, они возстаютъ на Священное Писаніе, анаθема Θеодору: онъ опозорилъ Евангеліе, онъ поругался надъ домостроительствомъ нашего спасенія».

Затѣмъ на Соборѣ были читаны, съ тою же цѣлію, сужденія о виновности Θеодора въ еретическихъ заблужденіяхъ, посланія и сочиненія святаго Кирилла Александрійскаго противъ Θеодора, сочиненія Прокла Константинопольскаго, Равулы Едесскаго и другія, служившія выраженіемъ голоса церкви о Θеодорѣ. Когда, на основаніи этихъ документальныхъ данныхъ, выяснился еретическій образъ мыслей Θеодора, Соборъ все еще не спѣшилъ съ его осужденіемъ: Отцы Собора, прежде чѣмъ изнести свой окончательный приговоръ, считаютъ себя обязанными разобрать тѣ возраженія, какія дѣлались въ защиту Θеодора противниками осужденія «трехъ

начаетъ, что Христосъ какъ человѣкъ былъ руководимъ Духомъ, Имъ былъ направляемъ къ должному; Имъ былъ научаемъ тому, чему слѣдовало». «Богъ-Слово много возлюбилъ его (человѣка Іисуса); пребывая въ немъ, Богъ-Слово даровавъ ему безсмертную жизнь и, сдѣлавъ его невреднымъ, безсмертнымъ и неизмѣннымъ, возвелъ на Небо».

главъ». Такъ, защитники Θеодора отрицали возможность его осужденія на томъ основаніи, что въ одномъ изъ посланій святый Кириллъ Александрійскій называетъ Θеодора «добрымъ Θеодоромъ». Но чтеніе посланія показало Отцамъ Собора, что святый Кириллъ, называя Θеодора «добрымъ» за его борьбу съ аріанствомъ и труды по истолкованію Священнаго Писанія, въ томъ же посланіи порицаетъ того же Θеодора за неправильныя мысли о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ. Притомъ Отцы Собора пояснили, что хорошій отзывъ уважаемаго Церковію лица о другомъ, оказавшемся еретикомъ, не избавляетъ послѣдняго отъ осужденія: одобрительный отзывъ святаго Василія Великаго объ Аполлинаріи не избавилъ Аполлинарія отъ осужденія за еретичество. Папа Левъ, одобрявшій въ своемъ посланіи Евтихія, впослѣдствіи анаθематствовалъ его какъ еретика. Кромѣ того, снисходительный отзывъ о заблуждающемся лицѣ дѣлается иногда въ цѣляхъ достиженія церковнаго мира. Святый Кириллъ отзывался кротко о Θеодорѣ единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы не усилить вражду несторіанъ къ Церкви. Далѣе, защитники Θеодора говорили, что его нельзя осуждать, такъ какъ онъ уже умеръ. Соборъ доказываетъ неосновательность подобнаго сужденія, ссылаясь въ подтвержденіе своего взгляда на примѣры, показывавшіе, что не безвременно осужденіе еретика и послѣ его смерти. Здѣсь Соборъ останавливается, главнымъ образомъ, на свидѣтельствахъ святаго Кирилла Александрійскаго и блаженнаго Августина. Святый Кириллъ писалъ: «И такъ дòлжно осуждать тѣхъ, которые повинны въ дурныхъ поступкахъ, въ живыхъ ли они находятся, или нѣтъ». «Если когда-либо это было доказано намъ,—говоритъ блаженный Августинъ объ епископѣ Цециліанѣ Карθагенскомъ, котораго выставляли передъ нимъ какъ нарушителя церковнаго мира,—мы сами анаθематствовали бы его послѣ смерти». Третье возраженіе защитниковъ Θеодора, указывавшихъ на то, что послѣдній умеръ въ мирѣ съ Церковью и потому не можетъ быть осужденъ, Отцы Собора устранили, считая умершими въ мирѣ съ Церковью лишь христіанъ, соблюдшихъ догматы вѣры до конца жизни. При этомъ перечитаны были на Соборѣ дѣянія Мопсуестскаго Помѣстнаго Собора, обнаружившаго, что въ Мопсуестѣ имя Θеодора съ давнихъ лѣтъ было вычеркнуто изъ церковныхъ диптиховъ.

Окончивъ сужденіе о Θеодорѣ Мопсуестскомъ и отложивъ осужденіе его до времени разсмотрѣнія дѣла всѣхъ «трехъ главъ»,

Соборъ, согласно пожеланію императорскаго указа, приступилъ къ разсмотрѣнію сочиненій Ѳеодорита Кирскаго, написанныхъ для содѣйствія несторіанству въ борьбѣ съ Православіемъ. Соборъ призналъ заслуживающими особаго порицанія слѣдующія сочиненія Ѳеодорита: 1) разборъ двѣнадцати анаѳематизмовъ Кирилла, въ которомъ несторіанскія воззрѣнія Ѳеодорита нашли открытое выраженіе, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста: «Богъ—Слово не родился отъ Дѣвы естествомъ, зачавшись и образовавшись, и съ того времени получивши начало существованія, но Образовавшій себѣ храмъ въ дѣвической утробѣ былъ вмѣстѣ съ образованнымъ и рожденнымъ. Поэтому и святую Дѣву называемъ Богородицей не потому, что Она родила Бога по естеству, но потому, что Она родила человѣка, соединеннаго съ Богомъ, Который образовалъ его»; 2) нѣкоторыя посланія, гдѣ Ѳеодоритъ поносилъ незаслуженными укоризнами защитника правой вѣры святаго Кирилла Александрійскаго. Въ числѣ ихъ прочитано было на Соборѣ и то посланіе Ѳеодорита, которое имъ написано было вслѣдъ за смертью святаго Кирилла: посланіе это полно насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ почившимъ великимъ святителемъ[1]); 3) посланіе Ѳеодорита къ Андрею, епископу Самосатскому, полное ужасныхъ хуленій на III Вселенскій Соборъ,—православные епископы Собора представляются въ немъ злодѣями, державшіеся же несторіанской ереси—какъ страдальцы за невинную вѣру[2]); 4) Посланіе Ѳеодорита къ Несторію послѣ III Вселенскаго Собора, изъ котораго видно, что Ѳеодоритъ оставался другомъ и

---

[1]) «Наконецъ поздно и насилу умеръ злой человѣкъ,—говорилось въ Посланіи.—Ибо добрые и благодѣтельные люди переселяются туда прежде времени, а злые живутъ долго. А его несчастнаго (Кирилла) Правитель нашихъ душъ не оставилъ подобно другимъ болѣе наслаждаться тѣмъ, что кажется увеселительнымъ, но, зная злобу сего мужа ежедневно возраставшую и вредившую тѣлу Церкви, отрѣзалъ какъ бы какую-нибудь язву и отъялъ поношеніе отъ сыновъ Израиля. Отшествіе его обрадовало оставшихся въ живыхъ, но опечалило, быть можетъ, умершихъ. Надобно позаботиться приказать обществу иосильщиковъ умершихъ положить какой-нибудь величайшій и тяжелѣйшій камень на гробницу, чтобы онъ опять сюда не пришелъ и снова не сталъ доказывать нетвердыя мнѣнія. Я радуюсь и услаждаюсь, видя общество церковное освобожденнымъ отъ такого рода заразы. Богъ видитъ и не презрѣлъ: Онъ положилъ узду на его уста и удила на его губы и возвратилъ въ землю, изъ которой онъ взятъ.»

[2]) «Опять,—пишетъ, между прочимъ, Ѳеодоритъ изъ Ефеса, гдѣ въ то время засѣдалъ III Вселенскій Соборъ,—безумствуетъ Египетъ (т. е. св. Кириллъ) противъ Бога, воюетъ съ Моисеемъ и Аарономъ и слугами его (т. е. съ Несторіемъ и его сторонниками), и весьма большая часть Израиля соглашается съ противниками. Здравомыслящихъ же (т. е. раздѣляющихъ еретичество Несторія), которые подъемлютъ добровольно трудъ за благочестіе, чрезвычайно мало. Поругано достопочтенное благочестіе.»

преданнымъ ученикомъ Несторія и послѣ анаѳематствованія его Вселенскою Церковію, какъ обнаруживается это изъ самаго заглавія Посланія: «Господину моему, достопочтеннѣйшему и благочестивѣйшему и святѣйшему отцу, епископу Несторію». Выслушаны были Соборомъ и писанія Ѳеодорита въ защиту Ѳеодора Мопсуестскаго. Свое сужденіе о Ѳеодоритѣ какъ авторѣ неправославныхъ сочиненій и объ отношеніи къ нему IV Вселенскаго Собора въ Халкидонѣ Отцы V Собора Вселенскаго кратко выразили такъ: «Имѣя въ виду то, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ, дòлжно удивляться проницательности святаго Халкидонскаго Собора, ибо, зная его богохульства, онъ прежде довольно часто употреблялъ противъ него многія воззванія, а послѣ иначе не принялъ бы его, ежели бы онъ напередъ не анаѳематствовалъ Несторія и его богохульства, въ защиту которыхъ прежде писалъ».

По разсмотрѣніи сочиненій Ѳеодорита, несогласныхъ съ ученіемъ правой вѣры, Соборъ началъ разсмотрѣніе дѣла «третьей главы»— Ивы Едесскаго съ его Посланіемъ къ Марію Персу. Здѣсь Отцамъ Собора, собственно, предстояло рѣшить вопросъ: можно ли признавать справедливымъ утвержденіе нѣкоторыхъ, что Посланіе Ивы принято IV Вселенскимъ Соборомъ въ Халкидонѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Отцы прежде всего выясняютъ, какъ поступлено было на Халкидонскомъ Соборѣ съ самимъ Ивою? При этомъ нѣкоторые епископы въ своихъ рѣчахъ развивали ту мысль, что оправданіе Ивы на Халкидонскомъ Соборѣ не простиралось на его Посланіе: на Соборѣ Ива заявлялъ, что онъ неповиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, и этимъ самымъ отказывался отъ своего Посланія,— самъ не признавалъ его мыслей истиною. Правда, нѣкоторые Отцы Халкидонскаго Собора,—какъ поставляли это на видъ противники осужденія «трехъ главъ»,—говорили, что Ива невиновенъ и Посланіе его православно. На это Отцы V Вселенскаго Собора возражали въ томъ смыслѣ, что такъ смотрѣло меньшинство изъ Отцовъ IV Вселенскаго Собора, большинство же видѣло въ Ивѣ раскаявшагося человѣка, а на Соборѣ и дòлжно руководиться мнѣніемъ не отдѣльныхъ лицъ, а всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большинства. Для совершеннаго и окончательнаго удостовѣренія, что посланіе Ивы не было принято Халкидонскимъ Соборомъ, Отцы сличили посланіе къ Марію Персу съ его вѣроопредѣленіемъ; изъ этого сличенія съ непререкаемою ясностію открылось, что мнѣнія Посланія отвергались Отцами Халкидонскаго Собора. Тогда

единодушно Посланіе Ивы было объявлено еретическимъ: «Всѣ мы,—воскликнули Отцы V Вселенскаго Собора,—осуждаемъ Посланіе; всѣ мы анаѳематствуемъ оное; Посланіе чуждо Собору, Посланіе противно опредѣленіямъ, все Посланіе еретическое, все богохульное. Кто его не анаѳематствуетъ, тотъ еретикъ. Кто принимаетъ Посланіе, тотъ отвергаетъ святыхъ Халкидонскихъ Отцевъ».

«Осуждаемъ и анаѳематствуемъ вмѣстѣ со всѣми другими еретиками и Ѳеодора, который былъ епископомъ въ Мопсуестѣ, и его нечестивыя сочиненія, и то, что нечестиво написалъ Ѳеодоритъ противъ правой вѣры, противъ 12 главъ святаго Кирилла и противъ Ефесскаго Собора и что написано имъ въ защиту Несторія. Кромѣ того, анаѳематствуемъ и нечестивое Посланіе, которое написалъ Ива къ Марію, отвергающее, что Богъ-Слово, воплотившись отъ святой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, сдѣлался человѣкомъ, и порицающее святую память Кирилла, учившаго православно,—какъ еретика и какъ писавшаго подобно Аполлинарію, и обвиняющее Ефесскій Соборъ въ томъ, что имъ низложенъ Несторій безъ суда и слѣдствія, и защищающее Ѳеодора и Несторія и ихъ нечестивыя ученія и сочиненія. Итакъ, анаѳематствуемъ вышеупомянутыя «три главы», то есть нечестиваго *Ѳеодора* съ его непотребными *сочиненіями*, и то, что нечестиво *написалъ* Ѳеодоритъ, и нечестивое *Посланіе*, которое приписывается Ивѣ, и ихъ защитниковъ, и тѣхъ, которые писали или пишутъ въ защиту ихъ, или дерзаютъ называть ихъ православными, или вообще, защищая ихъ, стараются защитить ихъ нечестіе именемъ Святыхъ Отцевъ и святаго Халкидонскаго Собора.»

Такимъ образомъ, Соборъ осудилъ лице и сочиненія Ѳеодора Мопсуестскаго, Ѳеодорита же и Иву не осудилъ, а анаѳематствовалъ только нѣкоторыя сочиненія перваго и Посланіе второго.

Затѣмъ, «возжигая свѣтъ знанія изъ божественнаго Писанія и ученія Святыхъ Отцевъ», Отцы Собора, кромѣ помянутаго вѣроопредѣленія, сочли необходимымъ изложить вкратцѣ по пунктамъ проповѣданіе Истины и осужденіе еретиковъ съ ихъ ученіемъ. Всѣхъ такихъ пунктовъ 14. Въ первыхъ 11 излагается сущность вѣроученія, направленнаго противъ ересей, осужденныхъ на предшествовавшихъ Вселенскихъ Соборахъ; остальные пункты—12, 13 и 14 слѣдующимъ образомъ излагаютъ болѣе подробныя постановленія относительно Ѳеодора Мопсуестскаго, Ѳеодорита и Ивы: 12) «Если кто защищаетъ нечестиваго Ѳеодора Мопсуестскаго, го-

ворившаго, что иной есть Богъ-Слово и иной Христосъ, Который былъ обуреваемъ страстями душевными и вожделѣніями плотскими и отдалялся отъ болѣе дурного мало-помалу и, такимъ образомъ, преуспѣвая въ дѣлахъ, улучшился и путемъ жизни сталъ непороченъ, Который крестился какъ простой человѣкъ—во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа и чрезъ Крещеніе получилъ благодать Святаго Духа, и удостоился усыновленія, и по подобію царскаго изображенія принимаетъ поклоненіе въ лицѣ Бога-Слова и послѣ воскресенія сдѣлался неизмѣняемымъ въ помышленіяхъ и совершенно безгрѣшнымъ, и еще говорившаго, что соединеніе Бога-Слова со Христомъ совершилось такое же, о какомъ говоритъ Апостолъ относительно мужа и жены: бꙋ́дета два̀ въ пло́ть є҆ди́нꙋ (Посл. къ Ефес. V, 31), и сверхъ другихъ безчисленныхъ богохульствъ дерзнувшаго сказать, что когда Господь по воскресеніи дунулъ на учениковъ и сказалъ: пріими́те дх҃ъ ст҃ъ (Еванг. отъ Іоан. XX, 22), то не далъ имъ Святаго Духа, а дунулъ только образно; говорившаго также, что и исповѣданіе Ѳомы по осязаніи рукъ и ребръ Господа послѣ воскресенія: гдⷭ҇ь мо́й и҆ бг҃ъ мо́й (Еванг. отъ Іоан. XX, 28) сказано Ѳомой не о Христѣ, но что, пораженный необычайностію воскресенія, Ѳома прославилъ Бога, возбудившаго Христа, и что еще хуже, въ своемъ будто бы толкованіи на «Дѣянія Апостольскія», сопоставлявшаго Христа съ Платономъ, Манихеемъ, Епикуромъ и Маркіономъ и говорившаго, что какъ каждый изъ нихъ, изобрѣтши собственное ученіе, далъ ученикамъ своимъ названія платониковъ, манихеевъ, епикурейцевъ и маркіонитовъ, подобнымъ же образомъ, когда Христосъ изобрѣлъ ученіе, отъ Него стали называться христіане,—итакъ, если кто защищаетъ вышесказаннаго нечестиваго Ѳеодора и нечестивыя его сочиненія, въ которыхъ онъ излилъ какъ вышесказанныя, такъ и другія неисчислимыя богохульства противъ великаго Бога и Спасителя Іисуса нашего Христа, а не анаѳематствуетъ его и нечестивыя его сочиненія, и всѣхъ, которые поддерживаютъ или защищаютъ его и говорятъ, что онъ изложилъ православно, и которые писали въ защиту его и мудрствуютъ или когда-нибудь мудрствовали подобно ему и до смерти остались въ такомъ нечестіи,—тотъ да будетъ анаѳема.» 13) «Если кто защищаетъ нечестивыя сочиненія Ѳеодорита, которыя онъ написалъ противъ истинной вѣры и противъ Перваго Ефесскаго Святого Собора, и святаго Кирилла, и двѣнадцати его главъ, и все, что написалъ онъ въ защиту нечестивыхъ Ѳеодора и Несторія и

въ защиту другихъ, которые мудрствовали одинаково съ вышесказанными Ѳеодоромъ и Несторіемъ, защищая ихъ и ихъ нечестіе и по причинѣ этого называя нечестивыми учителей Церкви, которые исповѣдуютъ ипостасное соединеніе Бога Слова (съ плотію), а не анаѳематствуютъ упомянутыя нечестивыя сочиненія и тѣхъ, которые мудрствовали и мудрствуютъ подобно имъ, и всѣхъ, которые писали противъ правой вѣры и святаго Кирилла и двѣнадцати его главъ и умерли въ такомъ нечестіи, — тотъ да будетъ анаѳема.» 14) «Если кто защищаетъ Посланіе, которое, говорятъ, написалъ Ива къ Марію Персу еретику, которое отвергаетъ, что Богъ-Слово, воплотившись отъ Святой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, сдѣлался человѣкомъ, а говоритъ, что отъ Нея родился человѣкъ, котораго называемъ храмомъ, такъ что иной есть Богъ-Слово и иной человѣкъ, и клевещетъ на святаго Кирилла, проповѣдавшаго правую вѣру христіанскую, будто онъ еретикъ и писалъ подобно нечестивому Аполлинарію, и кто обвиняетъ Первый Ефесскій Святой Соборъ, будто онъ безъ суда и слѣдствія осудилъ Несторія, и кто двѣнадцать главъ святаго Кирилла называетъ (какъ то же нечестивое Посланіе) нечестивыми и противными правой вѣрѣ, и кто защищаетъ Ѳеодора и Несторія и нечестивыя ихъ ученія и сочиненія, итакъ, если кто защищаетъ упомянутое нечестивое Посланіе, а не анаѳематствуетъ его и защитниковъ его и тѣхъ, которые говорятъ, что оно правое или часть его, и тѣхъ, которые писали или пишутъ въ защиту его или нечестія, въ немъ содержащагося, и дерзаютъ защищать его или заключающееся въ немъ нечестіе именемъ Святыхъ Отцевъ или святаго Халкидонскаго Собора и въ этомъ пребываютъ до смерти, — тотъ да будетъ анаѳема.»

Вмѣстѣ съ дѣломъ о «трехъ главахъ» Отцы Собора разсматривали вопросъ о заблужденіяхъ Оригена, знаменитаго по своимъ дарованіямъ церковнаго учителя III-го вѣка. Это было сдѣлано во исполненіе желанія императора, выраженнаго имъ въ обширнѣйшемъ посланіи къ Минѣ, Патріарху Константинопольскому. Въ этомъ посланіи между прочимъ находится такой перечень еретическихъ заблужденій Оригена, требовавшихъ, по мнѣнію императора, осужденія: 1) Кто говоритъ или думаетъ, что души человѣческія предсуществовали, что онѣ были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою божественнаго созерцанія, а затѣмъ обратились къ худшему и чрезъ это охладѣли въ любви къ Богу,

отчего и называются душами и въ наказаніе посланы въ тѣла,— тотъ да будетъ анаѳема. 2) Кто говоритъ или думаетъ, что душа Господа прежде существовала и соединялась съ Богомъ-Словомъ прежде воплощенія и рожденія Его отъ Дѣвы,— да будетъ анаѳема. 3) Кто говоритъ или думаетъ, что сначала во чревѣ Святой Дѣвы образовалось тѣло Господа нашего Іисуса Христа и затѣмъ съ нимъ соединились Богъ-Слово и душа, существовавшаго уже прежде,— да будетъ анаѳема. 4) Кто говоритъ или думаетъ, что Слово Божіе уподоблялось всѣмъ небеснымъ чинамъ, было для Херувимовъ Херувимомъ, для Серафимовъ Серафимомъ и уподоблялось всѣмъ вообще высшимъ силамъ,— да будетъ анаѳема. 5) Кто говоритъ или думаетъ, что тѣла человѣческія въ воскресеніи возстанутъ шарообразными, и не исповѣдуетъ, что мы возстанемъ въ правильномъ видѣ,— да будетъ анаѳема. 6) Кто говоритъ, что небо, солнце, луна, звѣзды, воды, которыя выше небесъ, суть существа одушевленныя и нѣкоторыя разумно вещественныя силы,— да будетъ анаѳема. 7) Кто говоритъ или думаетъ, что Господь Христосъ распнется въ будущемъ вѣкѣ за демоновъ, какъ и за людей,— да будетъ анаѳема. 8) Кто говоритъ или думаетъ, что могущество Бога ограничено или что Онъ создалъ столько, сколько могъ обнять,— да будетъ анаѳема. 9) Кто говоритъ или думаетъ, что наказаніе демоновъ и нечестивыхъ людей временно и что послѣ нѣкотораго времени оно будетъ имѣть конецъ или что будетъ послѣ возстановленіе демоновъ и нечестивыхъ людей,— да будетъ анаѳема. 10) Анаѳема и Оригену, прозванному адамантовымъ, изложившему это, вмѣстѣ съ его нечестивымъ, непотребнымъ и преступнымъ ученіемъ, и всякому, кто держится этихъ мыслей, или защищаетъ ихъ, или какимъ-нибудь образомъ когда-либо осмѣлится повторять ихъ. Посланіе заключается слѣдующимъ требованіемъ: «Желая удалить всякій соблазнъ изъ Святѣйшей Церкви такъ, чтобы въ ней не оставалось никакого порока, и послѣдуя Божественному Писанію и писаніямъ Святыхъ Отцевъ, отвергшихъ какъ самого Оригена, такъ и его зловредное и нечестивое ученіе и праведно подвергшихъ его и его ученіе анаѳемѣ, мы посылаемъ къ твоему блаженству это наше Посланіе, которымъ убѣдительно просимъ тебя собрать всѣхъ находящихся въ семъ царствующемъ городѣ святѣйшихъ епископовъ и боголюбезнѣйшихъ игуменовъ здѣшнихъ честныхъ монастырей и устроить такъ, чтобы всѣ рѣшительно анаѳематствовали упоминаемаго выше нечестиваго и бого-

борнаго Оригена, прозваннаго адамантовымъ, бывшаго пресвитеромъ святѣйшей Церкви Александрійской, и его зловредное и нечестивое ученіе и всѣ приведенныя ниже главы, а также просимъ тебя копіи съ того, что будетъ сдѣлано твоимъ блаженствомъ по этому поводу, послать ко всѣмъ святѣйшимъ епископамъ и игуменамъ честныхъ монастырей съ тѣмъ, чтобы и они собственною подписью анаѳематствовали Оригена и зловредное его ученіе со всѣми, какіе обнаружатся, еретиками».

Неизвѣстно, какимъ образомъ происходилъ на Соборѣ разборъ и судъ надъ лжеученіемъ Оригена. Знаемъ только изъ 1 правила VI Вселенскаго Собора, что Отцы V Вселенскаго Собора «Ѳеодора Мопсуестскаго и Оригена, и Дидима, и Евагрія, возобновившихъ еллинскія басни, соборно предали проклятію и отринули».

Въ Восточной Церкви, еще до Собора склонившейся на осужденіе «трехъ главъ,» V Вселенскій Соборъ не встрѣтилъ себѣ противодѣйствія. Не то видимъ въ Церкви Западной, которая и до и во время V Вселенскаго Собора противилась осужденію «трехъ главъ». Лишь спустя полстолѣтіе, при дѣятельной поддержкѣ самихъ Римскихъ папъ, Соборъ 553 года въ Константинополѣ былъ признанъ на Западѣ наравнѣ съ четырьмя предшествующими ему Вселенскими Соборами.

ВОСПОМИНАНІЕ

ШЕСТАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА

(Совершается Православною Церковію 23 января)

Монофизитство, осужденное Церковію на IV Вселенскомъ Соборѣ въ Халкидонѣ въ 451 году, продолжало, однако, существовать, имѣя многочисленныхъ послѣдователей, въ VI и VII вѣкахъ. Въ послѣднемъ вѣкѣ ересь монофизитская порождаетъ свойственную ей ересь монофелитскую, состоявшую въ утвержденіи, что во Христѣ одна воля и одно дѣйствіе — Божеское: человѣческая же воля и человѣческое дѣйствіе отрицались монофелитами въ Богочеловѣкѣ. Такое утвержденіе со стороны монофизитовъ было вполнѣ естественнымъ дѣломъ: ученіе монофизитовъ объ одной природѣ — Божественной — во Христѣ и отрицаніе въ Немъ природы человѣческой съ необходимостью приводило къ признанію во Христѣ одной лишь воли Божественной съ отверженіемъ существованія у Него и воли человѣческой. Современникъ VI Вселенскаго Собора папа Агаѳонъ прямо свидѣтельствуетъ: «Тѣ, кои сливаютъ таинство святаго воплощенія, уже тѣмъ самымъ, что исповѣдуютъ единое естество (монофизитство) во Христѣ, составившееся изъ Божескаго и человѣческаго, стремятся признать въ Немъ, какъ единомъ, единую волю и единое личное дѣйствіе». Кромѣ монофизитовъ, къ монофелитству склонились и тѣ изъ православныхъ, кои, основываясь на ученіи Церкви о единствѣ Лица Богочеловѣка и забывая ученіе же Церкви о двойствѣ природъ во Христѣ, приходили къ такому заключенію: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ и по воплощеніи пребываетъ въ двухъ совершенныхъ

естествахъ неслитно и нераздѣльно въ одномъ Лицѣ и одной ѵпостаси; особенности того и другаго естества стеклись въ одно лицо, въ одну ѵпостась; поэтому мы исповѣдуемъ Христа въ новомъ образѣ безъ тѣлесныхъ хотѣній и человѣческихъ помысловъ, исповѣдуемъ въ Немъ одно ѵпостасное хотѣніе и дѣйствіе». Но такое утвержденіе и было монофелитской ересью, а не православнымъ ученіемъ, которое признаетъ во Христѣ двѣ природы — Божескую и человѣческую—какъ природы полныя и всецѣлыя, слѣдовательно съ волями Божественной и человѣческой.

Монофелитство своимъ широкимъ распространеніемъ обязано императору Ираклію. Видя, что милліоны его подданныхъ исповѣдуютъ монофизитство и потому находятся во враждѣ съ православными, императоръ, желавшій упрочить единство имперіи на единеніи религіозномъ, хотѣлъ примирить православныхъ и монофизитовъ. Достигнуть этого онъ думалъ чрезъ монофелитское ученіе, которое несомнѣнно должно было явиться пріемлемымъ, какъ ему казалось, и для монофизитовъ, учившихъ объ одной природѣ Божественной во Христѣ, и для православныхъ; для послѣднихъ потому именно, что дорогая Православію истина о двойствѣ природъ во Христѣ, по-видимому, не устранялась монофелитскимъ ученіемъ. Находясь по военнымъ дѣламъ съ 622 года въ Арменіи и Колхидѣ, гнѣздѣ монофизитства, императоръ велъ бесѣды съ видными представителями этого еретическаго ученія о томъ, не присоединятся ли монофизиты къ Православной Церкви подъ условіемъ провозглашенія послѣднею сродного монофизитству ученія объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ. Представители монофизитства, изъ коихъ императоръ особенно близко сошелся съ митрополитомъ Колхидскимъ Киромъ, по-видимому, обнадежили Ираклія, одобрили его планъ. Императоръ обратился съ запросомъ къ Константинопольскому Патріарху Сергію, безъ сомнѣнія еще ранѣе посвященному императоромъ въ его намѣренія. Сергій отвѣчалъ Ираклію въ томъ смыслѣ, что ученіе объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ болѣе согласно съ преданіемъ Церкви, чѣмъ ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ.

Унію, или объединеніе, монофизитовъ съ православными на почвѣ признанія тѣми и другими монофелитскаго ученія рѣшено было начать съ Египта, гдѣ въ то время на 300 000 православныхъ приходилось 5—6 000 000 монофизитовъ. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь, при осуществленіи цѣлей императора, былъ Киръ,

возведенный теперь, конечно стараніями Ираклія и Сергія, изъ митрополитовъ Колхиды въ Патріархи Александріи. Подъ надзоромъ Ираклія и Сергія[1]), Киръ, какъ человѣкъ ловкій, повелъ дѣло очень умѣло. Въ Александріи къ уніи примкнули тысячи монофизитовъ: клирики, сановники и военачальники города вмѣстѣ съ народомъ въ знакъ своего присоединенія къ Церкви приняли причастіе изъ рукъ Патріарха Кира. За Александріей почти весь Египетъ, Ѳиваида и Ливія «подали руку примиренія православнымъ». «Такимъ образомъ,—писалъ Киръ Сергію,—составился праздникъ, какъ написано, праздникъ во учащающихъ до рогъ олтаревыхъ (Пс. 117, 27), а если сказать правдивѣе, то не до рогъ олтаревыхъ, но до самыхъ облаковъ и за облаками — до небесныхъ чиновъ, радующихся о мирѣ Церквей и обращающихся къ нему.» Но эта «радость» возсоединенія монофизитовъ съ Православною Церковію достигалась ужасною цѣною — цѣною измѣны Православію. Въ исповѣданіи вѣры, изданномъ Киромъ въ Египтѣ для привлеченія монофизитовъ къ Православію, прямо провозглашалось монофелитское ученіе, продолжавшее собою монофизитскую ересь: «одинъ и тотъ же Христосъ и Сынъ,—читаемъ мы здѣсь,—производилъ, что прилично Богу и человѣку, *однимъ* богомужнымъ *дѣйствіемъ*». Православные поняли это и назвали унію «водяною» — какъ непрочную затѣю монофелитовъ. Стремленіе привить сознанію православныхъ христіанъ ученіе объ одной волѣ и объ одномъ дѣйствіи во Христѣ вызвало въ Церкви, по словамъ Патріарха Сергія, сильныя «пренія» и «любопренія». Чтобы прекратить эти споры, опасныя для уніи, Патріархъ Сергій писалъ Киру Александрійскому, что «не должно никому позволять проповѣдовать объ одномъ или двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ Богѣ». Подобный совѣтъ Сергій давалъ и императору Ираклію. Въ цѣляхъ усиленія монофелитовъ

---

[1]) Сергій отправилъ Киру посланіе съ такимъ разсужденіемъ, развивавшимъ монофелитское ученіе: «слѣдовать ученію о двухъ воляхъ значило бы предположить во Христѣ двѣ противоположныя одна другой воли: волю Бога-Слова, желающаго совершить спасительное страданіе, и волю естества человѣческаго, противящагося волѣ Божественной. И, такимъ образомъ, вводить двухъ желающихъ противоположнаго одно другому, что нечестиво. Невозможно, чтобы въ одномъ лицѣ находились вмѣстѣ двѣ противоположныя одна другой воли. Ученіе Святыхъ Отцевъ ясно внушаетъ, что одушевленная плоть Господа никогда не дѣлала своего естественнаго движенія сама по себѣ и по собственному стремленію вопреки мановенію соединеннаго съ нею Бога-Слова, но дѣлала движеніе когда, какое и сколько хотѣлъ самъ Богъ-Слово. Говоря яснѣе: какъ наше тѣло управляется разумною душею, такъ и во Христѣ человѣческая Его природа руководилась всегда и во всемъ Божествомъ Слова, была Богодвижима».

Сергій вступилъ въ сношенія съ папой Гоноріемъ: Сергій представлялъ папѣ дѣйствія Кира въ Египтѣ дѣломъ необходимости, жаловался на поднимающихъ споры по вопросу о воляхъ во Христѣ и прямо высказывалъ, что ученіе объ одной волѣ и одномъ дѣйствіи во Христѣ предпочтительнѣе ученія о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ въ Немъ. Гонорій, не бывшій искуснымъ богословомъ, запутался въ еретическихъ сѣтяхъ, разставленныхъ ему Сергіемъ. Въ отвѣтномъ посланіи Сергію папа соглашается, что не должно мудрствовать о вопросѣ, еще не разъясненномъ Соборами, и признаетъ монофелитство за истинное ученіе: «мы исповѣдуемъ,—говоритъ онъ,—въ Господѣ Іисусѣ одну волю».

Однако, несмотря на то, что монофелитство все болѣе и болѣе усиливалось, волненія, порожденныя имъ, не только не угасали, а еще сильнѣе разгорались, грозя разрушить съ такимъ трудомъ и искусствомъ налаженную, было, унію. Чтобы утишить волненія, императоръ Ираклій въ 638 году издалъ слѣдующій, извѣстный подъ именемъ «изложенія» (эктесисъ) указъ: «Мы совершенно не позволяемъ, чтобы кто-нибудь утверждалъ и училъ объ одномъ и двухъ дѣйствіяхъ вочеловѣчившагося Господа. Ибо хотя выраженіе: *одно дѣйствіе* употребляется нѣкоторыми Отцами, однако жъ, для слуха *нѣкоторыхъ* лицъ оно чуждо и безпокоитъ ихъ: таковымъ кажется, что оно употребляется для того, чтобы подорвать ученіе о двухъ природахъ во Христѣ, которыя соединены въ Немъ ѵпостасно. Что же касается до выраженія: два дѣйствія,—оно соблазняетъ *многихъ*, ни у кого изъ Отцевъ не встрѣчается; оно ведетъ къ допущенію ученія о двухъ, одна другой противодѣйствующихъ, воляхъ во Христѣ, какъ будто бы Слово Божіе, имѣя въ виду наше спасеніе, хотѣло претерпѣть страданіе за насъ, а Его человѣчество противодѣйствовало этому намѣренію Его; но это нечестиво и чуждо христіанскому ученію; самъ нечестивый Несторій, хотя и вводилъ въ ученіе о Христѣ ученіе о двухъ сынахъ, но онъ не дерзалъ утверждать двухъ воль въ Немъ. *Мы должны признавать одну волю Господа нашего Іисуса Христа*, Истиннаго Бога; ни въ какое время Его плоть не противодѣйствовала Слову Божію, упостасно соединенному съ нею». Но этотъ указъ Ираклія вмѣсто примиренія давалъ поводъ къ новымъ раздорамъ: призывая къ прекращенію споровъ объ одной и двухъ воляхъ во Христѣ, указъ въ то же время признавалъ ученіе объ одной волѣ за истинное. Поэтому все царствованіе Ираклія на-

полнено было распрями между монофелитами и православными, не хотѣвшими исполнять незаконную волю императора. Преемникъ Ираклія Констансъ II тоже думалъ утишить бурю церковную изданіемъ указа, извѣстнаго подъ наименованіемъ «Образца» (типоса): «Такъ какъ мы привыкли,—гласилъ указъ,—употреблять всякое стараніе о томъ, что служитъ благосостоянію нашего христіанскаго государства, и въ особенности о томъ, что касается непреложнаго христіанскаго ученія, то мы, узнавши, что нашъ народъ пришелъ въ великое движеніе, что одни въ вочеловѣчившемся Богѣ признаютъ одну волю, другіе двѣ воли, объявляемъ: пусть никто съ настоящаго времени не позволяетъ себѣ вступать въ споры съ другими объ одной волѣ и объ одномъ дѣйствіи и двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ — никто не долженъ возбранять и обвинять тѣхъ, кои признаютъ одну волю и одно дѣйствіе, ни тѣхъ, кои признаютъ двѣ воли и два дѣйствія. Кто настоящія повелѣнія преступитъ, тотъ прежде всего будетъ подлежать Страшнаму Суду Бога; но онъ также не избѣгнетъ наказаній, опредѣленныхъ для презрителей императорскихъ законовъ. Если презрителемъ будетъ клирикъ или епископъ, таковой будетъ отставленъ отъ должности; если монахъ,—отлученъ отъ Церкви и изгнанъ изъ монастыря; если гражданскій чиновникъ и офицеръ,— будутъ лишены своего достоинства; если частный человѣкъ изъ привилегированнаго сословія,— будетъ наказанъ отнятіемъ имущества; если же изъ низшихъ сословій, — то, по тѣлесномъ наказаніи, будетъ сосланъ въ вѣчную ссылку». Много бѣдствій причинилъ указъ православнымъ членамъ Церкви, благодаря ему, за исповѣданіе правой вѣры, поплатившимся даже жизнію.

При подобныхъ обстоятельствахъ, столь благопріятствующихъ развитію монофелитства, послѣднее пустило глубокіе корни на Востокѣ. Въ Церкви Константинопольской, руководительницѣ всѣхъ другихъ Церквей Востока, видимъ, начиная съ Сергія, цѣлый рядъ другихъ патріарховъ монофелитовъ: Пирра, Павла, Петра. Такъ, по свидѣтельству современника, «іерархи сдѣлались ересіархами и вмѣсто мира возвѣщали народу распрю, сѣяли на церковной нивѣ вмѣсто пшеницы плевелы; вино (истина) смѣшалось съ водою (монофелитскою ересью), и поили ближняго мутною смѣсью; волкъ принимался за ягненка, ягненокъ за волка, ложь считалась истиною и истина ложью; нечестіе пожирало благочестіе. Перепутались всѣ дѣла Церкви».

Въ эту тяжкую годину для Православной Церкви Господь воздвигъ въ ней святыхъ мужей, пылавшихъ ревностію по истинѣ и громко, несмотря на прещенія и мученія, вопіявшихъ въ защиту поруганной правды,—то были святый Софроній, Патріархъ Іерусалимскій, святый Максимъ Исповѣдникъ и святый папа Мартинъ.

Святый Софроній первый выступилъ на защиту Православія въ борьбѣ съ монофелитствомъ. Онъ началъ ее, еще будучи простымъ палестинскимъ монахомъ. Святый Софроній находился въ Египтѣ въ то самое время, когда Киръ, Патріархъ Александрійскій, обнародовалъ вышеупомянутую грамоту единенія, гдѣ открыто провозглашалось монофелитское лжеученіе. Въ святомъ Софроніи Киръ встрѣтилъ ревностнаго противника своимъ начинаніямъ. Святый Софроній явился къ Киру и палъ предъ нимъ на колѣна, умоляя не возвѣщать въ церкви ученія объ одномъ дѣйствіи во Христѣ. Напрасно Киръ убѣждалъ святаго Софронія встать на сторону монофелитовъ, доказывая ему, главнымъ образомъ, что при вопросѣ о спасеніи тысячъ вѣрующихъ не должно спорить изъ-за выраженій. Святый Софроній остался непреклоннымъ и, видя въ то же время, что Киръ твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи, онъ отправился въ Константинополь, разсчитывая въ Сергіи Патріархѣ найти союзника въ борьбѣ съ Киромъ, и, конечно, ошибся въ своихъ разсчетахъ. За свою ревность по вѣрѣ правой святый Софроній былъ избранъ на патріаршую каѳедру Іерусалима (около 634 года). Окружное Посланіе, которое, по обычаю, святый Софроній разослалъ другимъ патріархамъ съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на каѳедру, онъ началъ съ указанія на опасность, грозящую Церкви отъ монофелитства: «Отцы! Отцы! Всеблаженнѣйшіе! Вижу поднявшуюся волну и за волною слѣдующую опасность». Это обширное Посланіе, направленное противъ монофелитовъ, написано въ духѣ кротости, обличающей безъ указанія лицъ, и съ замѣчательною силою и ясностію излагаетъ православное ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ: «Называя Христа состоящимъ изъ Божества и человѣчества, мы проповѣдуемъ, что Онъ—и Богъ, и Человѣкъ—состоитъ изъ двухъ естествъ, и двойственъ по отношенію къ естествамъ, и естественно совершаетъ то, что свойственно тому и другому существу въ силу присущаго тому и другому существеннаго качества и естественной особенности. Какъ Богъ совершалъ Онъ Божественное, какъ человѣкъ—человѣческое». Захватъ Іерусалима магометанами нарушилъ связь

Іерусалимской Церкви съ Востокомъ и лишилъ святаго Софронія возможности дѣйствовать на защиту православной истины. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ святый Софроній рѣшилъ призвать къ борьбѣ съ монофелитствомъ Римъ. Онъ поручилъ исполнить это Дорійскому епископу Стефану. Отправляя Стефана со столь важнымъ для Церкви порученіемъ въ Римъ, святый Софроній привелъ его на Голгоѳу и здѣсь, на мѣстѣ крестныхъ страданій Христа Спасителя, заповѣдалъ Стефану слѣдующее: «Помни, что ты дашь отвѣтъ Распятому на этомъ самомъ мѣстѣ, когда Онъ придетъ во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ, если вознерадишь и пренебрежешь опасностію, въ которой находится Его святая вѣра. Соверши то, чего я не могу сдѣлать самъ по причинѣ нашествія Сарацинъ, обойди въ случаѣ нужды всю Вселенную, потщись преодолѣть всѣ препятствія, чтобы достигнуть Рима; открой тамъ предъ мужами благочестивыми по сущей правдѣ все, что дѣлается въ нашихъ странахъ, и не переставай умолять, пока они не возстанутъ на пораженіе враговъ вѣры и совершенно не отвергнутъ нововведеннаго ученія». Стефанъ отправился въ Римъ, гдѣ призывалъ Римскій Соборъ къ защитѣ попираемой монофелитствомъ истины. Святый Софроній почилъ около 640 года.

Со смертью святаго Софронія великій подвигъ служенія Православію сосредоточился на Востокѣ въ рукахъ святаго Максима Исповѣдника, претерпѣвшаго мученіе за исповѣданіе двухъ воль во Христѣ Іисусѣ. Святый Максимъ занималъ при дворѣ Ираклія высокопочетную должность государственнаго секретаря; императоръ очень цѣнилъ таланты и познанія святаго Максима. Постригшись впослѣдствіи, святый Максимъ сдѣлался игуменомъ одного изъ константинопольскихъ монастырей; съ появленіемъ монофелитства святый Максимъ покинулъ Константинополь, гдѣ царь и патріархъ покровительствовали лжеученію; онъ жилъ частію въ Африкѣ, частію въ Римѣ, отдавая всего себя на борьбу съ монофелитствомъ. Особенно замѣчательна дѣятельность святаго Максима на защиту Православія въ Африкѣ; здѣсь, по словамъ его жизнеописателя, «онъ утверждалъ въ вѣрѣ (самихъ епископовъ), наставлялъ и вразумлялъ, потому что хотя они превышали его саномъ, но мудростію были гораздо ниже его». Здѣсь же въ Африкѣ произошли въ 645 году знаменитыя публичныя пренія святаго Максима съ Пирромъ, бывшимъ Патріархомъ Константинопольскимъ, защитникомъ монофелитства; святый Максимъ одержалъ

рѣшительную и блистательную побѣду надъ монофелитствомъ въ лицѣ Пирра, что сильно содѣйствовало утвержденію Православія въ Африкѣ.

Святый Максимъ подвизался за истину не одинъ—одновременно и частію даже совмѣстно съ нимъ дѣйствовалъ святый папа Мартинъ. Будучи ранѣе папскимъ повѣреннымъ въ Константинополѣ, святый Мартинъ на мѣстѣ зарожденія монофелитства ознакомился подробно съ сущностью ереси и съ дѣйствіями монофелитовъ. Не удивительно, что, сдѣлавшись папой, онъ явился дѣятельнымъ борцомъ съ ересью. Въ 648 году святый Мартинъ въ Латеранѣ, въ Римѣ, созываетъ многочисленный Соборъ, издавшій 20 правилъ противъ монофелитовъ, утвердившій ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, осудившій патріарховъ Константинопольскихъ монофелитовъ, начиная съ Сергія, и два императорскихъ указа—«Изложеніе» и «Образецъ». Въ это время въ Римъ прибылъ Олимпій, новый экзархъ Равеннскій, управлявшій Италіею отъ имени восточнаго императора. Олимпій имѣлъ приказаніе императора побудить всѣхъ къ принятію «Образца», папу же, въ случаѣ сопротивленія, велѣно было арестовать. Но Олимпій, самъ поднявшій въ Италіи возмущеніе на императора, конечно, не исполнилъ порученія послѣдняго. Въ 653 году вступилъ въ Римъ съ множествомъ войска новый экзархъ—Ѳеодоръ Калліопа. Святый Мартинъ былъ боленъ и, предчувствуя недобрый конецъ, укрылся въ Константиновскомъ храмѣ Спасителя. Узнавъ отъ клириковъ, по приказанію папы встрѣтившихъ экзарха при вступленіи въ городъ, что папа боленъ, Калліопа объявилъ о своемъ желаніи наутро въ воскресенье привѣтствовать его. Множество христіанъ собралось къ воскресному Богослуженію въ храмъ, гдѣ находился болящій папа; Калліопа, разсчитывавшій силою захватить папу, побоялся народа и потому отложилъ свое посѣщеніе подъ предлогомъ усталости съ дороги. Въ понедѣльникъ Калліопа съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ храмъ, предварительно обыскавши его и убѣдившись, что въ немъ нѣтъ оружія и камней, собранныхъ папою, какъ, было, донесли экзарху. «Громъ оружія раздался на мѣстѣ молитвы». Калліопа объявилъ папѣ приказъ императора, по которому святый Мартинъ долженъ быть арестованъ и отправленъ въ Константинополь, и каѳедра его становилась праздною. Изъ храма святаго Мартина перевели во дворецъ подъ стражу. Этотъ переводъ папы въ заключеніе совершался при

громкихъ безбоязненныхъ возгласахъ клириковъ: «анаѳема тому, кто думаетъ, что папа измѣнилъ или намѣренъ измѣнить вѣрѣ; анаѳема тому, кто не пребудетъ въ правой вѣрѣ, даже если за это пришлось бы принять смерть». Смятеніе было столь сильно, что Калліопа для его усмиренія оказался вынужденнымъ объявить, что на Востокѣ содержится та же самая вѣра, какъ и въ Римѣ. Многіе изъ клириковъ, привязанные любовію къ святому Мартину, восклицали: «Съ нимъ мы пойдемъ, съ нимъ мы умремъ», выражая этимъ желаніе повсюду сопровождать папу. Калліопа сначала обѣщалъ, что съ папою будетъ дозволено отправиться каждому желающему. А затѣмъ онъ тайно вывелъ святаго Мартина изъ Рима и посадилъ на корабль, на которомъ больной папа вынужденъ былъ терпѣть большую нужду: съ нимъ находилось всего лишь нѣсколько служителей. Къ тому же путешествіе до Константинополя было крайне продолжительно и связано съ большими стѣсненіями для папы. Цѣлый годъ онъ прожилъ въ одной гостинницѣ на островѣ Наксосѣ, и за все это время, да и то въ видѣ особенной милости, ему дозволили только три раза совершить омовеніе. Римскіе клирики, пріѣзжавшіе къ папѣ сюда и привозившіе необходимое для страдальца, со стыдомъ и безчестьемъ отгонялись стражею, которая забирала себѣ приносимое святому Мартину. Въ сентябрѣ 654 года папа былъ привезенъ въ Константинополь. Съ насмѣшками и оскорбленіями онъ былъ переправленъ въ городскую тюрьму, гдѣ находился въ заключеніи среди самыхъ тяжелыхъ условій 93 дня: его болѣзнь для излеченія требовала частыхъ омовеній, а ему въ первые 47 дней заключенія не давали даже и холодной воды, не говоря уже о теплой. На 93-ій день заключенія святаго Мартина потребовали на судъ, куда и принесли его, ввиду крайней тѣлесной слабости, на носилкахъ; однако судьи потребовали, чтобы онъ давалъ показанія стоя, и открыли допросъ вопросомъ: «Жалкій человѣкъ, какое зло тебѣ сдѣлалъ императоръ?» Папа молчалъ. Тогда приведены были лжесвидѣтели, несправедливо обвинявшіе неповиннаго папу въ участіи въ заговорѣ экзарха Олимпія противъ императора. Когда святый Мартинъ, не желая губить души лжесвидѣтелей, которыхъ намѣревались привести къ присягѣ, началъ свое объясненіе словами: «Въ то время, какъ составленъ былъ «Образецъ» и посланъ отъ императора въ Римъ», то судьи прервали его: «Ничего не говори о вѣрѣ, мы сами — христіане и православные». На это папа заявилъ: «Дѣлайте со мною, что хотите, и чѣмъ скорѣе,

тѣмъ лучше; знаетъ Богъ, что не можете болѣе облагодѣтельствовать меня, какъ если отсѣчете мою голову мечомъ». О происходившемъ на судѣ было доложено императору, который повелѣлъ: совлечь со святаго Мартина первосвященническія одежды и предать его казни. Съ папы публично сняли принадлежности первосвященническаго достоинства и, при этомъ, разодрали ему даже нижнюю одежду, такъ что онъ оказался полуобнаженнымъ; затѣмъ на шею ему одѣли желѣзныя кандалы и въ такомъ видѣ въ предшествіи воина съ обнаженнымъ мечомъ его провели по улицамъ Константинополя въ тюрьму. Здѣсь отъ сильной стужи святый Мартинъ едва не умиралъ. Господь не судилъ ему скончаться отъ мечного посѣченія. Во дни суда надъ святымъ Мартиномъ Патріархъ Константинопольскій Пирръ лежалъ на смертномъ одрѣ; императоръ Констанъ пришелъ его навѣстить и передалъ, что папу рѣшено казнить. Умирающій Пирръ просилъ даровать жизнь святому Мартину, хотя для послѣдняго смерть, по его собственному сознанію, была несравненно желательнѣе. Послѣ 85 дневнаго пребыванія во второй тюрьмѣ папу отправили въ ссылку въ Херсонесъ въ Крыму, куда онъ прибылъ въ маѣ мѣсяцѣ. Здѣсь, среди варваровъ, святый Мартинъ терпѣлъ ужасную нужду, не имѣя даже хлѣба. Къ этимъ физическимъ страданіямъ присоединялись душевныя, вслѣдствіе оставленности друзьями и родственниками изъ Рима, очевидно, опасавшимися сношеній съ ссыльнымъ папою изъ рабскаго страха предъ императоромъ: «Я удивлялся и удивляюсь,—пишетъ папа въ одномъ письмѣ своимъ друзьямъ въ Константинополь,—безучастію моихъ друзей и родственниковъ: они совершенно забыли о моемъ несчастіи; кажется, не хотятъ даже знать, существую еще я на свѣтѣ или нѣтъ. Хотя Церковь Римская и не имѣетъ денегъ, но она богата, по благости Божіей, хлѣбомъ, виномъ и всѣмъ, нужнымъ для жизни». «Я надѣюсь,—писалъ также папа въ одномъ письмѣ,—на милосердіе Божіе, что жизненный путь мой скоро достигнетъ цѣли, отъ Бога предназначенной». Надежда святаго Мартина исполнилась: въ сентябрѣ 655 года онъ почилъ въ Господѣ.

Съ папою Мартиномъ взятъ былъ въ Римѣ и святый Максимъ Исповѣдникъ, подвергшійся, какъ и святый Мартинъ, страданіямъ за вѣру. Какъ только корабль, на которомъ находился святый Максимъ, вошелъ (въ сентябрѣ 654 года) въ пристань константинопольскую, тотчасъ явился отрядъ воиновъ съ оружіемъ: съ

грубымъ издѣвательствомъ повлекли воины святаго Максима, босого и полуодѣтаго, въ мрачную темницу. Отсюда его не разъ вызывали на судъ, но судьи, несмотря на всѣ свои хитросплетенныя ухищренія, не могли склонить къ монофелитству святаго Максима: «Дѣлайте со мной, что хотите,—заявилъ онъ,—кто, какъ я, почитаетъ Бога, тотъ не боится обидъ и неправды отъ людей». Тогда рѣшено было достигнуть хотя только внѣшняго видимаго соглашенія монофелитовъ со святымъ Максимомъ. Ему предложено было подписать слѣдующее исповѣданіе вѣры, которое вмѣстѣ съ монофелитскимъ ученіемъ содержало въ себѣ и ученіе православное: «Исповѣдуемъ во Христѣ двѣ воли и два дѣйствія—по причинѣ различія естествъ и одну волю и одно дѣйствіе—по причинѣ соединенія ихъ». Святый Максимъ отвергъ это исповѣданіе, за что и былъ сосланъ въ глубь Ѳракіи. Отсюда, черезъ нѣкоторое время, его снова приводятъ въ Константинополь и помѣщаютъ въ одномъ монастырѣ. На другой день къ нему являются два патриція—Епифаній и Троилъ—и епископъ Ѳеодосій. Троилъ заявилъ святому Максиму, что они пришли къ нему для передачи воли императора: «Скажи намъ прежде, исполнишь ли ты волю императора, или нѣтъ?»,—спросилъ Троилъ. Святый Максимъ обѣщалъ, подъ клятвою, исполнить все, что «государь повелитъ касательно дѣлъ міра сего». Тогда патрицій Епифаній сказалъ: «Вотъ что государь приказалъ объявить тебѣ: такъ какъ весь Западъ и на Востокѣ тѣ, которые увлечены въ соблазнъ, взирая на тебя, производятъ смуты и смятенія и не хотятъ въ дѣлахъ вѣры имѣть съ нами общенія, то да вразумитъ тебя Господь принять изданный нами «Образецъ» и вступить съ нами въ общеніе. Тогда мы лично пойдемъ тебѣ навстрѣчу, открыто предъ всѣми будемъ привѣтствовать тебя, подадимъ тебѣ нашу руку, съ честію и славою введемъ тебя въ великую церковь (Софійскую), поставимъ на нашемъ императорскомъ мѣстѣ, вмѣстѣ выслушаемъ Литургію и пріобщимся Тѣла и Крови Христовой, потомъ провозгласимъ тебя нашимъ отцемъ, и будетъ радость не только въ этомъ городѣ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо увѣрены, что когда ты вступишь въ общеніе съ нами, то присоединятся къ намъ всѣ, которые ради тебя и подъ твоимъ руководствомъ отпали отъ общенія». Святый Максимъ отвѣчалъ: «Поистинѣ, меня всѣ силы небесныя не убѣдятъ сдѣлать то, что вы предлагаете, ибо какой отвѣтъ дамъ, я не говорю, Богу, но моей совѣсти, если изъ пустой славы и мнѣнія людскаго отвергну

спасительную вѣру?» Послѣ этого отвѣта святаго Максима патриціи въ ярости набросились на него: они бросили мужественнаго исповѣдника на полъ, терзали его руками, топтали ногами и оплевали всего. Остановленные въ своемъ безчеловѣчіи епископомъ Ѳеодосіемъ, патриціи перешли къ ругательствамъ и злословію св. Максима, хвалясь при этомъ своимъ Православіемъ. Такъ ничѣмъ кончились ихъ переговоры со святымъ Максимомъ, который опять былъ отправленъ въ прежнюю ссылку. Долго томился здѣсь Исповѣдникъ въ заключеніи. Но этого мало было для ненасытной злобы мучителей: святый Максимъ былъ снова привезенъ въ Константинополь и отвезенъ въ преторію. Здѣсь его били воловьими жилами, отрѣзали ему до корня языкъ, отсѣкли правую руку и, изувѣченнаго такимъ образомъ, провели по всѣмъ кварталамъ Константинополя. Послѣ этого святый Максимъ былъ сосланъ въ Колхиду, гдѣ и окончилъ свою страдальческую жизнь.

Въ продолженіе почти полувѣка происходила въ Церкви борьба монофелитства съ Православіемъ, но единенія церковнаго не достигалось; лишь, по отзыву современника, «всѣ дѣла Церкви перепутались». Оставалось для умиротворенія Церкви, покинувъ несвойственный ей путь насилія и мучительства отъ свѣтской власти, обратиться къ самой Церкви, что и сдѣлалъ преемникъ Констанса императоръ Константинъ Погонатъ, рѣшившій призвать «глаза Церкви—іереевъ къ разсмотрѣнію истины».

Мысль о необходимости созванія Вселенскаго Собора для рѣшенія вопроса о монофелитствѣ созрѣла у императора Константина Погоната главнымъ образомъ подъ вліяніемъ внушеній со стороны Патріарха Константинопольскаго Ѳеодора. Стараніемъ императора Соборъ открылся въ 680 году. Среди Отцевъ Собора наиболѣе видными по занимаемому ими положенію въ Церкви или представительству на Соборѣ были: Георгій—Патріархъ Константинопольскій, Макарій—Патріархъ Антіохійскій, пресвитеръ Петръ—представитель Патріарха Александрійскаго и пресвитеръ Ѳеодоръ—представитель Патріарха Іерусалимскаго. Императоръ, по обычаю, обратился и къ папѣ Римскому Домну съ требованіемъ прислать на предстоящій Соборъ представителей папскаго престола: «Просимъ,—писалъ императоръ,—прислать благопотребныхъ и способныхъ мужей, имѣющихъ познаніе во всякомъ богодухновенномъ Писаніи и обладающихъ безупречнымъ знаніемъ догматовъ, мужей, которые бы принесли съ собою нужныя книги». Посланіе

императора не застало Домна въ живыхъ: его получилъ преемникъ послѣдняго папа Агаѳонъ. Отправляя своихъ представителей на Соборъ, папа писалъ въ Константинополь, что онъ не можетъ прислать, какъ желалъ того императоръ, людей ученыхъ, такъ какъ, по обстоятельствамъ времени, наука не могла процвѣтать въ Римѣ[1]); въ своихъ представителяхъ, коими были пресвитеры Ѳеодоръ и Георгій и діаконъ Іоаннъ, папа отмѣчаетъ, главнымъ образомъ, глубокую вѣру. Всѣхъ епископовъ и ихъ замѣстителей, присутствовавшихъ на Соборѣ, къ концу его насчитывалось до 153[2]); на первыхъ засѣданіяхъ и десяти послѣдующихъ присутствовалъ самъ императоръ съ 13 сановниками — патриціями и консулами. Соборъ продолжался почти годъ[3]).

Дѣятельность Собора сосредоточивалась, въ сущности, на двухъ главныхъ вопросахъ: 1) тщательномъ изслѣдованіи лжеученія монофелитовъ и 2) изложеніи православнаго ученія, направленнаго противъ ереси монофелитской.

Засѣданія Собора открылись заявленіемъ легатовъ папы: «Около 46 лѣтъ тому назадъ бывшіе въ различное время предстоятелями сего царствующаго града Сергій, Павелъ, Пирръ и Петръ, также Киръ, бывшій нѣкогда предстоятелемъ Александрійскимъ, и Ѳеодоръ, бывшій епископомъ города Фаранъ, и нѣкоторые другіе, послѣдовавшіе имъ, ввели нѣкоторыя новыя выраженія, противныя православной вѣрѣ, и произвели смуты во Вселенской Церкви, исповѣдуя и уча, что въ домостроительствѣ воплощенія Единаго отъ Святыя Троицы Господа нашего Іисуса Христа одна воля, одно дѣйствіе; и много разъ вѣрноподданный вамъ нашъ апостольскій престолъ отвергалъ это ученіе, потомъ умолялъ и доселѣ

---

1) «Можно ли у людей,—спрашиваетъ папа,—живущихъ среди народа (бѣднаго) и трудами рукъ своихъ съ большими усиліями снискивающихъ себѣ насущный хлѣбъ, искать полнаго знанія Писаній? Мы сохраняемъ законно составленныя опредѣленія святыхъ нашихъ предшественниковъ и св. Соборовъ,—сохраняемъ въ простотѣ сердца и безъ всякой двусмысленности Что же касается свѣтскаго краснорѣчія, то не думаемъ, чтобы въ наше время можно было найти кого-либо, могущаго похвалиться высокими познаніями, потому что въ нашихъ странахъ постоянно свирѣпствуетъ возстаніе различныхъ народовъ, которые то борются между собою, то бѣгутъ врозь и грабятъ. Мірскаго краснорѣчія нѣтъ у людей неученыхъ.»

2) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при опредѣленіи числа членовъ Собора принято считать сверхъ бывшихъ самолично въ Константинополѣ еще 125 именъ епископовъ, подписавшихся подъ Соборнымъ Посланіемъ въ Константинополь папы Агаѳона и занимавшихъ каѳедры вблизи Римской Церкви.

3) Засѣданія Собора въ 680 году происходили: 7, 10, 13, 15 ноября; 7 декабря; въ 681 году: 12—13 февраля, 7, 8, 18, 20, 22, 28 марта, 5 и 26 апрѣля, 9 августа, 11 и 16 сентября.

нисколько не успѣлъ отвратить ихъ отъ такого злославнаго мнѣнія. Потому мы просимъ боговѣнчанное ваше могущество: пусть представители святѣйшей Константинопольской Церкви скажутъ, откуда явилось это нововведеніе?» Отвѣтъ легатамъ папы императоръ поручилъ Макарію, Патріарху Антіохійскому, который выступаетъ на Соборѣ какъ горячій приверженецъ монофелитства; Макарію, по крайней мѣрѣ въ началѣ Собора, безспорно сочувствуетъ Патріархъ Константинопольскій Георгій. Исполняя повелѣніе императора, Макарій отвѣчалъ легатамъ папы не только отъ своего лица, но и отъ лица Церкви Антіохійской и Константинопольской: «Мы не дѣлали никакихъ нововведеній въ ученіи, но какъ приняли отъ Вселенскихъ Соборовъ и святыхъ уважаемыхъ Отцовъ, также отъ предстоятелей сего Святаго Града Сергія, Павла, Пирра и Петра, также отъ Гонорія, бывшаго папы древняго Рима, и Кира, бывшаго папы Александрійскаго, то есть о волѣ и дѣйствіи, такъ и увѣровали, вѣруемъ и проповѣдуемъ и готовы отстаивать это». Императоръ потребовалъ отъ Макарія доказательства истинности раздѣляемаго Макаріемъ монофелитскаго ученія «изъ святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и святыхъ уважаемыхъ Отцевъ». Поэтому на Соборѣ начато было чтеніе дѣяній III и IV Вселенскихъ Соборовъ, рѣшавшихъ вопросъ о двухъ естествахъ въ лицѣ Богочеловѣка. Когда пресвитеръ Стефанъ, ученикъ Патріарха Макарія, сталъ читать изъ дѣяній Ефесскаго Собора увѣщательное слово святаго Кирилла Александрійскаго къ императору Ѳеодосію и дошелъ до словъ: «Непоколебимое утвержденіе нашего царства есть Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; чрезъ Него цари царствуютъ и сильные творятъ правду,—ибо Его воля всемогуща», то Макарій, оттѣняя послѣднее выраженіе, воскликнулъ: «Вотъ, государь, я доказалъ, что во Христѣ одна воля». Соборъ чрезъ папскихъ легатовъ и нѣкоторыхъ епископовъ отвергъ такое неправильное истолкованіе выраженія святаго Кирилла: «Макарій преувеличенно и неосновательно полагаетъ на основаніи прочитаннаго сейчасъ текста, что въ двухъ естествахъ Іисуса Христа, въ Божествѣ и Человѣчествѣ, одна воля. Святый Кириллъ, писавъ эти слова, имѣлъ въ виду лишь Божественное естество Христа, которое у него общее со Отцемъ и Святымъ Духомъ, а потому всемогущее. Говоря о Божественномъ естествѣ Іисуса Христа, Кириллъ назвалъ и волю, принадлежащую этому естеству, всемогущею. Здѣсь нѣтъ рѣчи о томъ, одна или двѣ воли во Христѣ».

Затѣмъ безпрепятственно дочитаны были дѣянія Собора Ефесскаго, и этимъ закончилось первое засѣданіе. На второмъ засѣданіи, происходившемъ, какъ и первое, въ присутствіи императора, были читаны дѣянія IV Вселенскаго Собора, причемъ снова возникаютъ пренія между Отцами Собора и Макаріемъ, Патріархомъ Антіохійскимъ. Когда среди дѣяній Халкидонскаго Собора читалось Посланіе папы Льва Великаго, легаты папы остановили вниманіе Отцевъ на слѣдующихъ словахъ Посланія: «То и другое естество во взаимномъ общеніи обнаруживаютъ дѣйствія, свойственныя ихъ природѣ. Слово дѣйствуетъ такъ, какъ свойственно Слову, плоть такъ, какъ свойственно плоти; одно изъ нихъ блистаетъ чудесами, другое подвергается уничиженіямъ». «Святый Четвертый Соборъ,— замѣтили легаты по поводу приведенныхъ словъ Посланія,—внесъ это Посланіе какъ утвержденіе Православія и осужденіе всякой ереси. Что благоволятъ сказать на это почтеннѣйшій Макарій и единомысленные съ нимъ боголюбезные мужи?» «Я,—отвѣчалъ Макарій, не скрывая своего еретичества,—не исповѣдую двухъ дѣйствій и не думаю, чтобы святый Левъ въ этихъ словахъ говорилъ о двухъ дѣйствіяхъ». «Ты полагаешь,—задалъ вопросъ императоръ,—что онъ исповѣдовалъ одно дѣйствіе?» «Я не говорю о числѣ,—возразилъ Макарій,—послѣдуя святому Діонисію, называю Его (т. е. Христа) дѣйствіе богомужнымъ». «Какъ же ты понимаешь богомужное дѣйствіе?»—допытывался императоръ. «Я не считаю нужнымъ отвѣчать»,—уклонился отъ разъясненія Макарій.

На слѣдующемъ засѣданіи читаны были дѣянія V Вселенскаго Собора. Здѣсь Отцами Собора была установлена подложность документовъ, которыми, какъ документами первостепенной важности, монофелиты пользовались въ качествѣ доказательства правоты своего ученія. Такими документами, заключавшими въ себѣ монофелитскія мысли, были: Посланіе Патріарха Константинопольскаго Мины къ папѣ Вигилію подъ заглавіемъ: «Слово Мины къ Вигилію о томъ, что во Христѣ *одна воля*» и двѣ статьи папы Вигилія, адресованныя императору Юстиніану и его супругѣ Ѳеодорѣ. Въ этихъ статьяхъ, между прочимъ, говорилось: «Анаѳемствуемъ и Ѳеодора, бывшаго епископа Мопсуестскаго, какъ всегда чуждаго Церкви, за то, что онъ не исповѣдуетъ, что воплотившійся Богъ Слово, т. е. Христосъ имѣетъ одно естество, одно Лице и одно дѣйствіе». Подложность Посланія Патріарха Мины была раскрыта Отцами Собора на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Патріархъ

Мина умеръ за шесть лѣтъ до V Вселенскаго Собора, во дни котораго Константинопольскимъ Патріархомъ былъ Евтихій; 2) Посланіе Мины помѣщалось на первыхъ трехъ листахъ соборныхъ дѣяній, а эти листы по почерку не были похожи на остальныя листы рукописи, и при томъ на нихъ отсутствовала нумерація, которая начинается съ четвертаго листа, коимъ и полагалось начало подлиннымъ актамъ V Вселенскаго Собора; отсюда вполнѣ справедливо заключеніе, что первыя, ненумерованныя и отличныя по почерку, три листа внесены въ дѣянія позднѣе, а неодновременно съ перепискою подлинныхъ актовъ; 3) въ библіотекѣ Патріарха Константинопольскаго находился реестръ Посланій Мины, въ которомъ не значилось Посланія Мины къ Вигилію. Подобное же замѣчено было Отцами Собора и по отношенію къ Посланіямъ папы Вигилія Юстиніану и Ѳеодорѣ. Статьи Вигилія находились въ 7 дѣяніи V Вселенскаго Собора, представлявшемъ собою особый томъ съ особымъ счетомъ страницъ. 15 листъ этого тома былъ вырванъ, какъ открылъ осмотръ, и замѣненъ новымъ со статьей Вигилія; листъ этотъ не имѣлъ и должной нумераціи. Какимъ же путемъ произошелъ подлогъ?

Отцы Собора путемъ тщательнаго изслѣдованія открыли ту печальную истину, что подложная вставка въ подлинныя дѣянія V Вселенскаго Собора своимъ происхожденіемъ обязана Макарію, Патріарху Антіохійскому. Членъ Собора епископъ Селевкійскій заявилъ, что ранѣе имъ былъ полученъ отъ одного военачальника — Филиппа экземпляръ дѣяній V Вселенскаго Собора, въ которомъ оказались поддѣльныя статьи папы Вигилія. Изъ объясненія по этому поводу съ военачальникомъ Филиппомъ епископъ узналъ, что полученный имъ отъ Филиппа экземпляръ дѣяній находился въ рукахъ пресвитера Стефана, ученика Макарія. Въ почеркѣ же, которымъ были сдѣланы поддѣлки, епископъ узналъ хорошо извѣстный ему почеркъ монаха Георгія, тоже ученика Макарія. Въ подтвержденіе своего заявленія епископъ представилъ Собору и самый экземпляръ дѣяній съ поддѣлками. Указанный епископомъ Селевкійскимъ монахъ Георгій былъ призванъ на Соборъ; здѣсь, по требованію Отцевъ, онъ открылъ, что поддѣльныя вставки въ дѣянія V Вселенскаго Собора обязаны своимъ происхожденіемъ, насколько ему, Георгію, извѣстно, Макарію и Стефану: когда между Константинопольскимъ Патріархомъ Ѳеодоромъ и Макаріемъ возникъ споръ о воляхъ во Христѣ, то Макарій началъ переписку

статей Вигилія, будто бы найденныхъ имъ въ патріаршей библіотекѣ; эти статьи Макарій и Стефанъ и вставляли потомъ во всѣ списки V Вселенскаго Собора, если только копія имъ попадала въ руки. Изъ ихъ рукъ, между прочимъ, вышелъ и экземпляръ дѣяній, черезъ военачальника Филиппа перешедшій къ помянутому Селевкійскому епископу. Вмѣстѣ съ этимъ Георгій признался, что и самъ онъ по приказанію Патріарха Макарія занимался поддѣлкой статей Вигилія. Одинъ клирикъ показалъ еще, что помянутые подлоги были сдѣланы и въ одномъ латинскомъ экземплярѣ дѣяній V Вселенскаго Собора. Послѣ этихъ показаній, уничтожающихъ всякое сомнѣніе въ виновности Патріарха Макарія съ учениками, Соборъ провозгласилъ анаѳему: 1) на поддѣлывателей дѣяній и 2) на самыя поддѣлки.

Закончившееся чтеніе дѣяній III и IV Вселенскихъ Соборовъ выяснило, что въ этихъ дѣяніяхъ, какъ и слѣдовало того ожидать, нѣтъ ученія объ *одной* волѣ и *одномъ* дѣйствіи въ Лицѣ Господа нашего Іисуса Христа. Когда на это было указано Патріарху Макарію и его единомышленникамъ, защищавшимъ монофелитскую ересь, то послѣдніе попросили у императора и Собора отсрочки для представленія свидѣтельствъ изъ писаній Святыхъ Отцевъ, будто бы развивающихъ монофелитское ученіе. Императоръ далъ отсрочку до слѣдующаго засѣданія. Въ то же время Константинопольскій Патріархъ Георгій и члены подчиненнаго ему Синода просили императора ознакомить Соборъ съ тѣми Посланіями, которыя были адресованы Собору,—«какъ отъ самого папы, такъ и отъ его Собора». Императоръ далъ обѣщаніе исполнить и эту просьбу въ слѣдующемъ, четвертомъ засѣданіи. Это засѣданіе, дѣйствительно, и было посвящено всецѣло чтенію Посланія папы Агаѳона и другого Посланія, присланнаго одновременно съ первымъ отъ Римскаго Собора, состоявшагося изъ 125 епископовъ, подчиненныхъ папѣ.

Посланіе папы Агаѳона представляетъ собою замѣчательнѣйшее богословское произведеніе VII вѣка. Онъ съ особенною силою и ясностію развиваетъ православное ученіе о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ; поэтому оно оказало преимущественное вліяніе на Отцевъ VI Вселенскаго Собора при составленіи ими православнаго исповѣданія вѣры относительно спорнаго вопроса о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ Іисусѣ. Въ «дѣяніяхъ» Собора прямо говорится, что Отцы его Посланіе папы Агаѳона приняли «съ распростертыми объятіями» — какъ «объ-

яснившее тайну богословія». Посланіе было написано на латинскомъ языкѣ; поэтому для Отцовъ Собора, не знакомыхъ съ этимъ языкомъ, оно было переведено на греческій секретаремъ и совѣтникомъ императора Діогеномъ. Главныя мысли этого выдающагося по своему значенію творенія заключались въ слѣдующемъ.

За вступленіемъ о поводахъ, побудившихъ папу составить Посланіе, и о причинахъ, вызвавшихъ замедленіе въ прибытіи на Соборъ делегатовъ, папа послѣ краткаго изложенія ученія о Святой и Нераздѣльной Троицѣ переходитъ къ предмету, составлявшему главное содержаніе Посланія,—къ ученію о Богѣ-Словѣ. «Слѣдуя евангельскому преданію,—пишетъ папа,—мы утверждаемъ: въ единомъ и томъ же Господѣ Спасителѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ все двоякое, то есть исповѣдуемъ въ Немъ два естества—Божеское и человѣческое; исповѣдуемъ также, что каждое изъ Его естествъ имѣетъ естественныя свойства: Божеское имѣетъ всѣ Божескія свойства, человѣческое—всѣ человѣческія, кромѣ грѣха. Исповѣдуя два естества, два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ Единомъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, мы не учимъ, что они противны и враждебны другъ другу, не учимъ, что они раздѣлены какъ бы на два лица или ѵпостаси, а говоримъ, что одинъ и тотъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣетъ въ Себѣ какъ два естества, такъ и два естественныя хотѣнія и дѣйствія, то есть Божеское и человѣческое, что Божеское хотѣніе и дѣйствіе Онъ имѣетъ отъ вѣчности общія съ Единосущнымъ Ему Отцемъ, человѣческое же принято отъ насъ вмѣстѣ съ нашимъ естествомъ во времени». «Дабы смыслъ этого истиннаго исповѣданія,—продолжаетъ папа, приводя основанія, на коихъ оно зиждется,—открылся умамъ вашего благочестія изъ богодухновеннаго ученія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, Самъ же Господь въ Своихъ святыхъ Евангеліяхъ открываетъ въ Себѣ то человѣческія, то Божественныя свойства, то тѣ и другія вмѣстѣ и тѣмъ научаетъ вѣрныхъ своихъ вѣровать, что Онъ есть Истинный Богъ и истинный человѣкъ». Приведши, затѣмъ, слова Спасителя: «*Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*», папа сопровождаетъ ихъ слѣдующимъ толкованіемъ изъ Посланія святаго Амвросія къ Граціану: «Воля, которую Онъ назвалъ Своею, есть моя, потому что Онъ воспріялъ скорбь мою какъ человѣкъ и говорилъ какъ человѣкъ и потому сказалъ: *не яко же Азъ хощу, но якоже Ты*. Та скорбь, которую Онъ принялъ моимъ, способнымъ къ страданію

естествомъ, есть моя скорбь». Далѣе папа приводитъ свидѣтельства изъ твореній святаго Аѳанасія Великаго, блаженнаго Августина, святаго Амвросія Медіоланскаго, святаго Григорія Богослова; изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что, по ученію помянутыхъ отцевъ, каждое изъ естествъ во Христѣ имѣетъ свое собственное, свойственное ему хотѣніе, то есть—или Божеское, или человѣческое. И по причинѣ ипостаснаго соединенія естествъ и то, и другое хотѣнія должны быть признаваемы принадлежащими одному и тому же Господу нашему Іисусу Христу. Для вящшаго подтвержденія этой истины папа буквально приводитъ опредѣленіе Халкидонскаго Собора, а за нимъ и свидѣтельство изъ Пятаго Вселенскаго Собора. Свидѣтельства этихъ Вселенскихъ Соборовъ, говоря строго, утверждали, собственно, ту лишь истину, что въ соединеніи естествъ во Христѣ Іисусѣ не уничтожалось ихъ различіе. Но, основываясь на этой истинѣ, папа разсуждаетъ такимъ образомъ: «Если никоимъ образомъ не уничтожилось различіе естествъ Господа нашего Іисуса Христа, то необходимо, чтобы мы сохраняли это различіе во всѣхъ свойствахъ. Ибо тотъ, кто училъ никоимъ образомъ не уничтожать различія, тѣмъ самымъ показалъ, что различіе это дóлжно сохранять во всѣхъ отношеніяхъ. Но если еретики и ихъ послѣдователи признаютъ одно хотѣніе и одно дѣйствіе, то какое же въ нихъ можетъ быть признано различіе? Когда утверждаютъ, что въ Немъ одна воля, то утверждающіе это должны признать ее или Божескою, или человѣческою, или составленною изъ той и другой, смѣшанною и слитною, или же признать, что Христосъ имѣетъ одно хотѣніе и одно дѣйствіе какъ проистекающія изъ одного составного естества? Во всякомъ случаѣ, здѣсь уничтожается естественное различіе, которое послѣ чуднаго соединенія Святые Соборы утвердили и повелѣли намъ сохранять». За симъ слѣдуютъ новыя свидѣтельства изъ писаній святыхъ Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Иларія, Аѳанасія Великаго, Діонисія Ареопагита, Амвросія, папы Льва Великаго.—Обращаясь къ розысканію источника, изъ котораго беретъ начало лжеученіе монофелитовъ, папа находитъ такой источникъ въ сочиненіяхъ еретиковъ: Аполлинарія[1]), Севера[2]),

[1]) Папа приводитъ слѣдующія слова Аполлинарія: «Единый Христосъ возбуждался къ дѣятельности только божественною волею, вслѣдствіе чего мы и признаемъ одно въ немъ дѣйствіе, проистекающее и въ чудесахъ, и въ страданіяхъ изъ одного Его составнаго естества. Ибо Онъ есть и исповѣдуется воплотившимся Богомъ».

[2]) Северъ, между прочимъ, говорилъ: «поелику одинъ есть Дѣйствующій, то одно и дѣйствіе Его и одно дѣятельное движеніе».

Несторія[1]), Θеодосія Александрійскаго[2]). Переходя къ ближайшему времени, папа пишетъ: «Посмотримъ, по какимъ образцамъ составилось содержаніе новаго ученія и на чей авторитетъ оно опирается. Киръ Александрійскій въ седьмой главѣ своихъ опредѣленій говоритъ: «Одинъ и тотъ же Христосъ и одинъ Сынъ совершаетъ, по свидѣтельству святаго Діонисія, однимъ богомужнымъ дѣйствіемъ и Божественныя, и человѣческія дѣйствія». Θеодоръ, бывшій епископъ Фаранскій, въ посланіи къ Сергію, епископу Арсинойскому, говоритъ: «Такъ какъ Спаситель есть единъ и тотъ же, то и дѣйствіе у Него, какъ цѣлаго, есть единое». Сергій Константинопольскій въ посланіи къ Киру Александрійскому говоритъ: «Вы сказали, что одинъ и тотъ же Христосъ совершаетъ Божескія и человѣческія дѣйствія однимъ дѣйствіемъ и изложили это благочестиво». Въ Изложеніи (ἐκθέσεις) своемъ и въ другихъ сочиненіяхъ онъ также утверждаетъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ имѣетъ одно хотѣніе и всякое Божественное и вмѣстѣ человѣческое дѣйствіе. Пиръ въ догматической книгѣ и въ подписи «изложенія» исповѣдуетъ одно хотѣніе во Христѣ. Павелъ, преемникъ Пирра, въ посланіи къ папѣ Θеодору (предшественнику Агаθона) исповѣдуетъ, что Христосъ имѣетъ одно хотѣніе; преемникъ его Петръ въ посланіи къ папѣ Виталіану исповѣдуетъ, что онъ признаетъ и одно и два хотѣнія, и одно и два дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія». «Кто же,—восклицаетъ папа по поводу этого еретичества Константинопольскихъ Патріарховъ,—не повергнется въ печаль и не будетъ съ трепетомъ взирать на такія угрожающія человѣческой жизни сѣти и съ внутреннимъ воплемъ не обратится къ источнику милосердія Богу съ молитвою объ избавленіи отъ ковъ врага, всюду уготованныхъ для совращенія человѣческаго ума, при видѣ того, какъ люди, почитающіе себя достойными славы за свои великія познанія, впали въ сѣти еретическаго заблужденія и притомъ являются непостоянными и колеблющимися въ самомъ заблужденіи (колебаніе разумѣется то, что нѣкоторые

[1]) Въ сочиненіи Несторія «Превосходное наставленіе» находилось такое мѣсто: «Мы сохраняемъ естества неслитными, соединенными только волею, а не по естеству, и дѣйствительно, мы видимъ, что по равенству достоинства они обнаружили одно хотѣніе, дѣйствіе и господство».

[2]) Θеодосій Александрійскій въ книгѣ къ Θеодорѣ Августѣ пишетъ: «Осталось признать, что того и другого естества дѣйствіе одно—обожествленное; одна и та же есть у одного Господа нашего Іисуса Христа свойственная Богу премудрость, всевѣдѣніе и знаніе и по Божеству, и по человѣчеству, потому что мы признаемъ одно, достойное Бога дѣйствіе».

изъ лжеучителей выражались и такъ, и иначе, то одну волю исповѣдуютъ, то двѣ, то одно дѣйствіе, то два). Итакъ, пусть ваше отъ Бога поставленное величество внимательно разсмотритъ окомъ внутренняго разсужденія, кому изъ этихъ учителей долженъ слѣдовать христіанскій народъ, котораго изъ нихъ ученіе принять, когда они всѣхъ и другъ друга взаимно предаютъ осужденію».

Посланіе папа заключаетъ такими словами: «Мы увѣрены, что не осталось ничего темнаго и двусмысленнаго, что могло бы препятствовать вразумленію тѣхъ, которые послѣдовали изобрѣтателямъ новаго ученія. Ибо и поставлена предъ очами сладость духовнаго разумѣнія, какою дышатъ реченія Отцевъ, и выставляется на видъ отвратительный смрадъ еретическій, заслуживающій презрѣнія всѣхъ вѣрныхъ. Такъ какъ изобрѣтатели новаго ученія оказались послѣдователями еретиковъ, а не Святыхъ Отцевъ, то и это поставлено на видъ. Такъ какъ по внушенію Божію предъ очами вашего благочестія возсіяла истина и обнаружилась ложь, то остается, чтобы благочестивыми милостями вашего благовѣнчаннаго милосердія не была лишена свѣта своего Истина, получивъ побѣдный вѣнецъ, а новое заблужденіе, его изобрѣтатели и послѣдователи подверглись достойному своей гордыни наказанію. Итакъ, если предстоятель Константинопольской Церкви согласится вмѣстѣ съ нами содержать и проповѣдовать сіе неповрежденное апостольское правило вѣры, то великій будетъ миръ для любящихъ Имя Божіе; если же (отъ чего да сохранитъ Богъ) онъ лучше захочетъ охранитъ недавно введенную другими новизну, то пусть подумаетъ, какой удовлетворительный отвѣтъ дастъ онъ за такое пренебреженіе на божественномъ судѣ Христа. Я умоляю, благочестивѣйшій и милосерднѣйшій Августъ, и вмѣстѣ съ моею малостью умоляетъ всякая христіанская душа, чтобы вы даровали безнаказанное слово и свободное право всякому желающему говорить и защищать свою вѣру, дабы всѣ единодушно во все продолженіе своей жизни прославляли за такое неизреченное благо ваше императорское величество и единодушно изливали непрестанныя мольбы Христу Господу о цѣлости и возвеличеніи вашей мужественнѣйшей власти. Верховная благодать да сохранитъ власть благочестивѣйшихъ государей и преклонитъ предъ нею боги всѣхъ народовъ». За этимъ Посланіемъ папы Агаѳона было прочитано приложенное къ нему Посланіе Собора епископовъ въ Римѣ, въ сущности повторявшее Посланіе Римскаго первосвященника.

Вслѣдъ за этимъ чтеніемъ Посланій изъ Рима императоръ напомнилъ Макарію Антіохійскому, чтобы послѣдній, согласно обѣщанію, представилъ Собору свидѣтельства Святыхъ Отцевъ о единой волѣ въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Макарій и его единомышленники къ слѣдующему засѣданію Собора представили два свитка подъ заглавіемъ: «Свидѣтельства Святыхъ Отцевъ, учащія объ *одной* волѣ Господа нашего Іисуса Христа, которая есть также воля Отца и Св. Духа». Два засѣданія посвящены были на чтеніе этихъ свитковъ. Третье, слѣдующее засѣданіе заключалось въ ознакомленіи Отцевъ Собора, путемъ чтенія, съ третьимъ свиткомъ, еще представленнымъ Макаріемъ и носившимъ такое заглавіе: «Дальнѣйшія свидѣтельства о волѣ». Когда было окончено чтеніе и этого третьяго свитка, Макарію Антіохійскому предложили сказать еще что-либо въ добавленіе. Но Макарій отвѣтилъ: «Мы считаемъ, государь, достаточными уже представленныя нами свидѣтельства святыхъ и уважаемыхъ Отцевъ и не желаемъ представлять ничего другого».

Тогда легаты папы выступили съ опроверженіемъ доказательствъ Макарія Антіохійскаго и его сторонниковъ. Легаты начали съ такого заявленія: «Боголюбезный Макарій и сторонники его: Стефанъ, ученикъ Макарія, Петръ, епископъ Никомидійскій, и Соломонъ, епископъ Кланейскій, нисколько не доказали одного хотѣнія и одного дѣйствія въ домостроительствѣ Господа нашего Іисуса Христа. Но они исказили и самыя эти свидѣтельства, представленныя вашему благочестію и святому Собору. Они выдали за свидѣтельства объ одномъ хотѣніи въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа тѣ, которыя относятся къ ученію объ одной волѣ Троицы, а тѣ свидѣтельства, которыя идутъ къ дѣлу и относятся дѣйствительно къ домостроительству воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, они исказили въ смыслѣ и выраженіяхъ. Посему мы просимъ ваше благочестивѣйшее мужество, чтобы были принесены изъ почтенной патріархіи сего царствующаго града подлинные тексты представленныхъ ими отеческихъ свидѣтельствъ и сличены съ свитками, которые представлены ими, и мы покажемъ, какое въ этихъ текстахъ сдѣлано ими искаженіе. Имѣя же съ собою свитокъ, содержащій многочисленныя свидѣтельства святыхъ и уважаемыхъ отцевъ, ясно показывающія, что въ домостроительствѣ Господа нашего Іисуса Христа два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія, несліянно и не-

раздѣльно, (имѣя) также и еретическія свидѣтельства, говорящія объ одномъ хотѣніи и одномъ дѣйствіи и благопріятствующія ученію Макарія, боголюбезнаго архіепископа Антіохійскаго и находящихся съ нимъ, объ одномъ хотѣніи и одномъ дѣйствіи, мы просимъ, чтобы все это прочтено было предъ вашимъ благочестіемъ».

На слѣдующемъ засѣданіи легаты и представители свидѣтельства (изъ писаній Отцевъ Церкви), «которыя яснѣе свѣта показываютъ два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ спасенія Господа нашего Іисуса Христа». Послѣ оглашенія на Соборѣ этихъ свидѣтельствъ легаты папы заявили: «Мы нашли бы и могли бы представить много и другихъ свидѣтельствъ; но чтобы не утомить вашъ богонаставляемый слухъ, мы почитаемъ достаточнымъ для доказательства истины и приведенныхъ свидѣтельствъ». «Просимъ,—обратились затѣмъ легаты къ императору,—богоутвержденное могущество ваше спросить Георгія, архіепископа Константинопольскаго, и подчиненный ему Соборъ, также и Макарія, архіепископа Антіохійскаго, и подчиненныхъ ему епископовъ, согласны ли они съ содержаніемъ двухъ прочитанныхъ Посланій, т. е. съ содержаніемъ Посланія святѣйшаго Агаѳона, папы апостольскаго престола древняго Рима, и съ содержаніемъ Посланія подчиненнаго ему Собора?» Въ отвѣтъ на это Георгій и Макарій съ единомышленниками просили о выдачѣ копій съ Посланій, чтобы сличить «находящіяся въ нихъ свидѣтельства святыхъ и уважаемыхъ Отцевъ съ книгами патріархіи (Константинопольской), обѣщаясь въ то же время дать отвѣтъ «въ слѣдующемъ засѣданіи». Въ этомъ слѣдующемъ засѣданіи Георгій, Патріархъ Константинопольскій, на вопросъ Отцевъ Собора объ отношеніи его къ Посланію папы Агаѳона и Собора его епископовъ, отвѣчалъ такимъ образомъ: «Видя всю силу Посланій, присланныхъ какъ отъ святѣйшаго Агаѳона, такъ и отъ его Собора, и справившись съ книгами святыхъ и уважаемыхъ Отцевъ, находящимися въ досточтимой моей патріархіи, я нашелъ всѣ свидѣтельства, находящіяся въ помянутыхъ Посланіяхъ, согласными и ни въ чемъ не разнящимися отъ книгъ святыхъ и уважаемыхъ Отцевъ, посему соглашаюсь съ этими Посланіями, такъ исповѣдую и вѣрую». Подобное же заявленіе было сдѣлано и со стороны епископовъ, подвѣдомыхъ Патріарху Георгію.

Но когда спросили Патріарха Макарія объ его исповѣданіи относительно хотѣній и дѣйствій въ Христѣ, то Макарій, не оби-

нуясь, заявилъ: «Я говорю, что не два хотѣнія или два дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, но одно хотѣніе и богомужское дѣйствіе». Соборъ потребовалъ, чтобы Макарій свое еретическое ученіе подтвердилъ доказательствами. Макарій сослался на свой свитокъ, поданный ранѣе императору. Соборъ повелѣлъ прочесть этотъ довольно обширный свитокъ, заключавшій въ себѣ «исповѣданіе» еретичествующаго патріарха. Сущность этого исповѣданія видна изъ содержанія находящейся подъ нимъ подписи: «Макарій, милостію Божіею епископъ Ѳеопольскій[1]), диктовавшій всю вышеприведенную основу Православія согласно изложенію пяти святыхъ и Вселенскихъ Соборовъ и поимянно упомянутыхъ мною святыхъ уважаемыхъ Отцевъ, изъяснившихъ по мѣрѣ силъ своихъ, что въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ Богѣ нашемъ одно хотѣніе и что Онъ являлъ намъ Свое богомужное дѣйствіе, убѣжденный внутренно и исповѣдавшій, что нечестиво говорить, будто въ одномъ и томъ же Христѣ Богѣ нашемъ два хотѣнія». Когда прочтено было «исповѣданіе», то императоръ и Соборъ предложили:

— Пусть боголюбезнѣйшій Макарій объяснитъ, исповѣдуетъ ли онъ два естественныя хотѣнія и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Христа Бога нашего?

— Я не скажу,—отвѣчалъ Макарій,—что два естественныя хотѣнія или два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа, хоть бы меня разрубили на мелкія части и бросили въ море.

Соборъ приступилъ къ тщательной провѣркѣ свидѣтельствъ, заключающихся въ представленныхъ Макаріемъ Собору сочиненіяхъ, при чемъ открылось, что свидѣтельства изъ писаній Отцевъ Макарій, въ цѣляхъ хотя бы и недобросовѣстной защиты своего ересеученія, приводилъ или въ неполномъ, или искаженномъ видѣ. Въ видахъ сохраненія полнаго безпристрастія при сужденіи о еретичествѣ Патріарха Макарія Соборомъ были подвергнуты разсмотрѣнію и другія его сочиненія, которыя также оказались исполненными лжеученія. Поэтому сочиненія были осуждены. Во все время обсужденія сочиненій Патріарха Макарія и содержащихся въ нихъ еретическихъ мнѣній Отцы Собора неоднократно обращались къ нему съ увѣщаніями исповѣдовать во Христѣ Іисусѣ два есте-

---

1) *Ѳеополь* было синонимическимъ словомъ Антіохіи.

ственныя хотѣнія и дѣйствія, но Патріархъ Макарій, по выраженію «дѣяній» Собора, «шею натянулъ, какъ желѣзный нервъ, лицо сдѣлалъ мѣднымъ, уши заградилъ отъ слушанія, сердце сдѣлалъ упорнымъ въ непослушаніи закону». Видя такое упорство еретичествующаго патріарха, Соборъ сначала лишилъ его омофора, а потомъ произнесъ такое осужденіе:

«Божественное правило отнюдь не дозволяетъ сидѣть на учительскомъ престолѣ Макарію, состарѣвшемуся въ догматахъ нечестія и не только наполнившему подпольнымъ извращеніемъ весь христолюбивый народъ и поддѣлавшему свидѣтельства святыхъ и славныхъ Отцевъ, но и возмутившему посредствомъ своихъ писемъ и посланныхъ людей всѣхъ отъ востока солнца до запада и справедливо и законно лишенному святительскаго облаченія».

Низложенный патріархъ преданъ былъ анаѳемѣ, причемъ Отцы Собора положили просить императора объ изгнаніи его изъ Константинополя. На мѣсто Макарія на патріаршій престолъ Антіохіи избранъ былъ Ѳеофанъ, который, затѣмъ, въ качествѣ Патріарха Антіохійскаго, принималъ участіе въ дальнѣйшихъ дѣяніяхъ Собора.

Въ лицѣ Патріарха Макарія Отцами Собора былъ осужденъ главный защитникъ и опора монофелитской ереси. Но къ концу соборной дѣятельности Отцамъ пришлось имѣть дѣло и съ менѣе видными сторонниками ереси, которые добровольно приходили на Соборъ для защиты своего лжеученія. Изъ этихъ преній Отцевъ Собора съ отдѣльными монофелитами заслуживаютъ упоминанія пренія съ монахомъ Полихроніемъ.

Въ концѣ одного изъ послѣднихъ засѣданій Собора епископъ Прусіадскій Дометій доложилъ Собору, что какой-то монахъ-пресвитеръ Полихроній, раздѣляющій еретическія воззрѣнія Патріарха Макарія, съ успѣхомъ разсѣваетъ сѣмена пагубной ереси среди простыхъ, малосвѣдущихъ въ вопросахъ вѣры людей. «Не угодно ли вашей святости,—предложилъ епископъ,—чтобы Полихроній прибылъ къ вамъ и далъ показаніе относительно своей вѣры». Соборъ опредѣлилъ отложить разсмотрѣніе дѣла Полихронія до слѣдующаго засѣданія. Когда на этомъ слѣдующемъ засѣданіи Полихронія, допущеннаго въ залу занятій Собора, спросили, какъ онъ исповѣдуетъ таинство воплощенія Сына Божія, то получили такой странный отвѣтъ: «Я дамъ исповѣданіе своей вѣры на гробѣ мертвеца съ призываніемъ Сына Божія, чтобы Онъ воскресилъ его; если же мертвецъ не встанетъ, то вотъ Соборъ и императоръ,—

пусть будетъ со мною, что имъ угодно». Соборъ выразилъ желаніе знать, какое именно исповѣданіе вѣры намѣренъ Полихроній положить на мертвеца, чтобы воскресить послѣдняго. Полихроній на это отвѣтилъ: «Я положу мое исповѣданіе поверхъ мертвеца, и тогда вы прочтете». Но Соборъ потребовалъ, чтобы хартія, содержавшая исповѣданіе вѣры Полихронія, была распечатана и прочтена, а потомъ уже положена на мертвеца. Въ хартіи оказалось написаннымъ слѣдующее: «Я, Полихроній, привѣтствую и поклоняюсь кротчайшему и боговѣнчанному императору Константину— такъ, какъ бы я былъ въ его присутствіи. И видѣлъ я множество мужей въ бѣлыхъ одеждахъ и въ срединѣ мужа, о доблести котораго я не могу разсказать, который говорилъ мнѣ: поспѣшай, скажи императору Константину, чтобы онъ не выдумывалъ новой вѣры и не принималъ. И когда я шелъ изъ Иракліи въ Хризополь и остановился подъ палящимъ солнцемъ, видѣлъ я мужа страшнаго и очень блистающаго. Онъ сталъ противъ меня, говоря: кто не исповѣдуетъ одной воли и богомужнаго дѣйствія, тотъ не христіанинъ. Я сказалъ: это опредѣлилъ и премудрый императоръ Константинъ—одну волю и богомужное дѣйствіе; онъ сказалъ: очень хорошо и богоугодно». Когда хартія была прочтена, Отцы Собора предложили Полихронію два вопроса: имъ ли написана эта хартія, и ее ли именно желаетъ Полихроній положить на мертвеца, чтобы его воскресить? И на тотъ, и на другой вопросы Полихроній отвѣчалъ въ утвердительномъ смыслѣ. Соборъ разрѣшилъ послѣ этого Полихронію исполнить его намѣреніе. И вотъ, на большой площади города, недалеко отъ дворца, въ присутствіи Собора, сановниковъ и множества народа Полихроній положилъ на одного мертвеца, котораго несли въ могилу, свою хартію. Нѣсколько часовъ лежала хартія на мертвецѣ, но послѣдній не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни, такъ что въ концѣ концовъ Полихроній принужденъ былъ сознаться: «Я не могу воскресить мертвеца». Народъ поднялъ крикъ: «Анаѳема новому Симону, анаѳема Полихронію, обольстителю народа». Когда волненіе утихло, Отцы Собора и сановники снова собрались въ залѣ засѣданія. Всѣ предполагали, что неудача, постигшая Полихронія, расположитъ его къ раскаянію. Въ надеждѣ на послѣднее Полихронію снова повторили вопросъ: исповѣдуетъ ли онъ двѣ естественныя воли и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ воплощенія Сына Божія? Къ удивленію всѣхъ отъ упрямаго еретика послышался прежній отвѣтъ: «Какъ говорится

въ хартіи, которую я подалъ и положилъ на мертвеца, такъ я вѣрую въ одну волю и богомужное дѣйствіе и другого ничего не говорю». «Кто написалъ хартію, которую ты подалъ?»—снова спросилъ Соборъ. «Я, собственною рукою»,—опять подтвердилъ Полихроній. Видя упорство нераскаяннаго еретика, Соборъ постановилъ о немъ слѣдующее: «Послѣ того, какъ пресвитеръ и монахъ Полихроній дожилъ въ своемъ зломысліи до старости, а нынѣ, несмотря на наши увѣщанія относительно того, какъ онъ мудрствуетъ о вочеловѣченіи Господа нашего Іисуса Христа, дерзнулъ искушать Святаго Духа и составилъ богохульную хартію, не устыдился сказать, что, положивъ эту хартію на мертвеца, онъ воскреситъ ею изъ мертвыхъ, мы уже предали его въ душѣ анаѳемѣ, о которой говоритъ святый Апостолъ Павелъ. Но для удостовѣренія христолюбивыхъ народовъ, изъ которыхъ очень многихъ обольщали въ прежнее время и онъ, и его единомысленники, мы дозволяли, чтобы совершилась всенародно его несбыточная затѣя и безумное и дерзкое предположеніе. И вотъ, послѣ того, какъ принесенъ былъ на средину найденный имъ мертвецъ, въ присутствіи нашемъ и славнѣйшихъ сановниковъ, и множества христолюбиваго народа онъ положилъ на мертвеца свое нечестивое сочиненіе, какъ предполагалъ, и очень долгое время, сколько хотѣлъ, стоялъ у этого мертвеца и нашептывалъ про себя, что думалъ, пока не сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать,—постановляемъ, чтобы онъ какъ соблазнитель и обольститель народа и явный еретикъ лишенъ былъ всякаго священнаго чина и священнослуженія: еретику Полихронію и мудрствующимъ заодно съ нимъ—анаѳема; Макарію, Стефану и Полихронію—анаѳема; Троица низложила сихъ трехъ».

Въ личныхъ бесѣдахъ съ еретиками-монофелитами и разборомъ ихъ сочиненій Соборъ опровергъ всѣ доводы, которыми монофелиты хотѣли защитить свое лжеученіе. Теперь, послѣ обличенія монофелитской ереси, Отцы Собора провозглашаютъ истину Православія по столь долго волновавшему Церковь вопросу о соединеніи во Христѣ Іисусѣ двухъ естествъ, Божескаго и человѣческаго.

Указавъ на поводъ, которымъ оно вызвано, опредѣленіе вѣры VI Вселенскаго Собора утверждаетъ, затѣмъ, авторитетъ предшествовавшихъ Вселенскихъ Соборовъ и приводитъ Сѵмволы вѣры Соборовъ Никейскаго и Константинопольскаго. «Конечно,—говоритъ вслѣдъ за этимъ вѣроопредѣленіе VI Вселенскаго Собора,—для совершеннаго познанія и утвержденія православной вѣры

достаточно сего благочестиваго и православнаго символа божественной благодати. Но какъ искони не бездѣйствовалъ изобрѣтатель зла, нашедшій себѣ помощника во змiѣ и чрезъ него привнесшій въ человѣческую природу смертоносный ядъ, такъ и нынѣ, нашедши пригодные для собственнаго своего желанія органы, именно: Ѳеодора—бывшаго епископа Фаранскаго, Сергія, Пирра, Павла и Петра—бывшихъ предстоятелей сего царствующаго града, и еще Гонорія, бывшаго папу древняго міра, Кира, епископствовавшаго въ Александріи, Макарія, бывшаго въ недавнее время предстоятелемъ Антіохіи, и Стефана, ученика сего послѣдняго, онъ не замедлилъ возбудить чрезъ нихъ соблазнъ заблужденія, въ новыхъ словахъ посѣявъ въ православномъ народѣ ересь одной воли и одного дѣйствія въ двухъ естествахъ Единаго отъ Святыя Троицы Христа, Истиннаго Бога нашего, (ересь) старающуюся посредствомъ какой-то коварной выдумки уничтожить полноту вочеловѣченія того же Самаго Единаго Господа Іисуса Христа Бога нашего, безславно вводящую въ немъ плоть безъ воли и дѣятельности». Основываясь, далѣе, главнымъ образомъ на Посланіи папы Агаѳона, также на вѣроопредѣленіи V Вселенскаго Собора, Окружномъ Посланіи Софронія, Патріарха Іерусалимскаго, и Посланіи папы Льва Великаго, VI Вселенскій Соборъ такъ выражаетъ православное ученіе о воляхъ и дѣйствіяхъ во Христѣ:

«Проповѣдуемъ согласно ученію Святыхъ Отцевъ, что въ Немъ (Христѣ) два естественныхъ хотѣнія или воли нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно, неслитно и двѣ естественныя воли не противоположныя, какъ говорили нечестивые еретики, да не будетъ, но человѣческая Его воля уступаетъ, не противорѣчитъ или противоборствуетъ, а подчиняется Его Божественной и Всемогущей волѣ. Утверждаемъ, что въ одномъ и томъ же Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Истинномъ Богѣ нашемъ, два естественныя дѣйствія нераздѣльно, неизмѣнно, неразлучно, неслитно. Мы признаемъ двѣ естественныя воли и дѣйствія (во Христѣ), согласно сочетавшіяся между собою для спасенія рода человѣческаго».

Провозглашеніе и утвержденіе этого соборнаго вѣроопредѣленія совершилось 16 сентября 681 года въ торжественномъ засѣданіи Собора. На этомъ засѣданіи присутствовалъ и императоръ Константинъ. Когда императоръ предложилъ Отцамъ Собора: «Пусть святый и Вселенскій Соборъ скажетъ, по согласію ли всѣхъ епископовъ

провозглашено вѣроопредѣленіе», то въ отвѣтъ послышались единодушныя восклицанія Отцевъ: «Всѣ такъ вѣруемъ, всѣ такъ думаемъ, всѣ мы подписали по согласію и сочувствію, всѣ вѣруемъ православно! Проповѣдывавшимъ, проповѣдующимъ и имѣющимъ проповѣдовать одну волю и одно дѣйствіе въ воплотившемся Христѣ Богѣ, анаѳема!» Императоръ обратился къ Отцамъ Собора съ привѣтственной рѣчью, выражая, между прочимъ, свою увѣренность, что вѣроопредѣленіе Собора соотвѣтствуетъ истинѣ: «мы не избѣгнемъ,—говорилъ императоръ,—съ вами суда на Страшномъ судилищѣ Божіемъ, когда Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, если вы знаете, что есть какой-нибудь пропускъ въ вѣроизложеніи или если что-нибудь въ немъ недоговорено». Соборъ отвѣтилъ императору рѣчью, въ которой выказывалась радость по поводу ниспроверженія ереси и утвержденія православной истины. «Римъ—старецъ,—говорила рѣчь,—простеръ тебѣ (императору) богоначертанное исповѣданіе, хартія превратила въ отношеніи догматовъ вечеръ въ день, чернила издавали свѣтъ, чрезъ (папу) Агаѳона говорилъ Петръ (Апостолъ) и вмѣстѣ съ царствующимъ Вседержителемъ постановлялъ ты—самодержецъ, ты—богопоставляемый. Симоны (еретики), замѣтные по перью отступленія, упали съ высоты полета, и памятникомъ сего служитъ низложеніе, и вѣра встаетъ и согласіе народовъ возстановляется въ собственную красоту. *Воздвижеся солнце и луна ста въ чинѣ своемъ* (Аввак. 3, 11). Воздвижеся солнце къ свѣту—это значитъ: вашъ умъ поднялся къ солнцу правды, чисто узрѣлъ чистѣйшаго и принесъ намъ оттуда умиротвореніе. И луна ста въ чинѣ своемъ—это значитъ: Церковь и невѣста Христова одѣвается въ свое благолѣпіе и украшается благочестіемъ и, вполнѣ возстановивъ чистоту Православія, блистаетъ міру прочнымъ спокойствіемъ».

Копіи съ дѣяній Собора, по его опредѣленію, были доставлены Патріархамъ Римскому, Константинопольскому, Александрійскому, Антіохійскому и Іерусалимскому. Римскому папѣ, кромѣ того, отъ Собора было препровождено особое Посланіе, въ которомъ Востокъ съ радостью извѣстилъ Западную Церковь о торжествѣ вѣры. «Гдѣ произведшіе соблазнъ сокрушенной ереси?—спрашиваетъ, между прочимъ, Посланіе и отвѣчаетъ:—Сняты покровы съ лицъ, обличены поддѣлки обольстителей. Волкъ (Макарій) снялъ съ себя кожу и торжественно выступаетъ нагимъ волкомъ. Истина торжествуетъ, ложь ниспровергнута. Сѣятель плевельныхъ догматовъ отлученъ.

Пшеница, христолюбивый народъ, собрана въ одну житницу Церкви Христовой. Свѣтъ Православія взошелъ, тьма скрылась изъ глазъ. Кончилось время траура, печаль превратилась въ веселіе, скорбь—въ радость. Посему и мы, сорадуясь Церквамъ Божіимъ, принявшимъ благодать мира, взываемъ по-апостольски: радуйтеся, радуйтеся, и паки реку — радуйтеся (Посл. къ Филипп. 4, 4).

Императоръ Константинъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы вѣроопредѣленіе VI Вселенскаго Собора распространилось и утвердилось въ имперіи. Сохранился указъ его, который былъ прибитъ въ притворѣ Софійской церкви въ Константинополѣ для обнародованія. Указъ этотъ содержитъ въ себѣ исторію Собора и его постановленій и оканчивается такимъ опредѣленіемъ: «Кто любитъ Бога и желаетъ будущаго спасенія, тотъ пусть держится этой православной вѣры. Если же кто не окажетъ ревностной любви къ Богу и презритъ настоящее наше благочестивое объявленіе, тотъ, если онъ епископъ, или клирикъ, или одѣтъ въ монашеское одѣяніе, подвергается изверженію; если же состоитъ въ чинѣ должностныхъ людей, будетъ наказанъ конфискаціею имущества и лишеніемъ пояса (знакъ воинскаго достоинства); если же находится въ состояніи частнаго человѣка, будетъ осужденъ на изгнаніе изъ столицы и вообще изъ всякаго города, и сверхъ всего этого не избѣжитъ и наказанія отъ страшнаго и праведнаго суда».

О томъ глубокомъ, благоговѣйномъ уваженіи, какимъ пользовались «Дѣянія» VI Вселенскаго Собора на Востокѣ, можно судить по слѣдующему событію изъ царствованія преемника Константина Погоната—Юстиніана II.

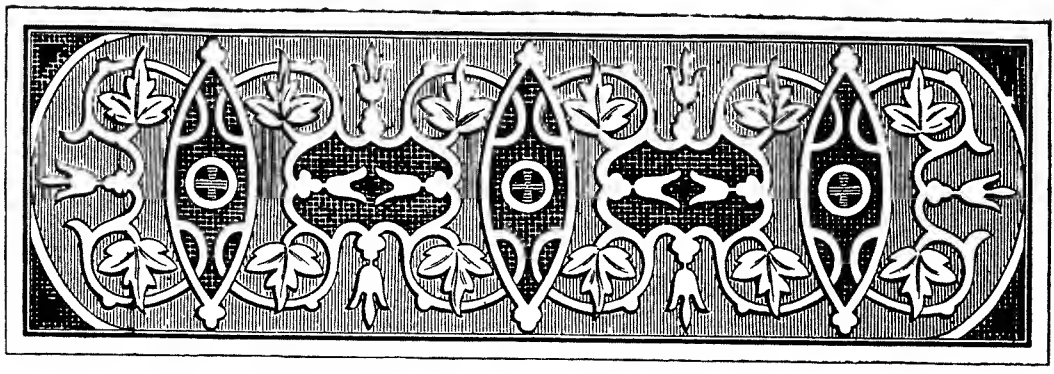
Подлинный экземпляръ актовъ VI Вселенскаго Собора попалъ какимъ-то образомъ въ руки какихъ-то сенаторовъ. Объ этомъ узналъ императоръ. Находя, что столь великая драгоцѣнность, какъ подлинные акты Соборовъ, должна храниться въ царскихъ рукахъ, императоръ созвалъ Соборъ изъ патріарховъ, апокрисіарія[1]) римскаго папы, изъ митрополитовъ и епископовъ,—вообще всѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ, находившихся въ Константинополѣ; приглашены были также на Соборъ: сенатъ, представители народа, почетная императорская стража и военачальники различныхъ областей. Въ этомъ торжественномъ собраніи «Дѣянія» собора были взяты у сенаторовъ и прочтены на Соборѣ, а послѣ

[1]) Т. е. уполномоченнаго.

этого запечатаны и переданы въ руки императора во избѣжаніе порчи или подмѣны. При этомъ императоръ говорилъ: «Эти бумаги мы всегда будемъ сохранять неприкосновенными и неизмѣнными, доколѣ положено Богомъ пребывать въ насъ нашему духу».

Къ дѣятельности VI Вселенскаго Собора самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ дѣятельность Пятошестаго, или Трулльскаго собора. Опредѣленія его Восточною Церковію почитаются наравнѣ съ опредѣленіями Вселенскихъ Соборовъ. Соборъ этотъ носитъ названіе Пятошестого потому, что на немъ были составлены правила относительно положенія Церкви и христіанской жизни, каковыхъ правилъ не было составлено на V и VI Вселенскихъ Соборахъ, и поэтому они являются дополненіемъ къ ихъ догматической дѣятельности. Соборъ былъ созванъ въ 691 или 692 г. въ царствованіе императора Юстиніана II. Засѣданія его происходили въ императорскомъ дворцѣ въ Константинополѣ—въ залѣ, носившей имя Труллы,—отсюда и второе наименованіе Собора Трулльскимъ. Предсѣдательствовалъ на Соборѣ Патріархъ Константинопольскій Павелъ; кромѣ него, на Соборѣ присутствовали Патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій; представителемъ Римскаго папы былъ митрополитъ Гортинскій (съ острова Крита) Василій, имѣвшій полномочіе отъ всей Римской Церкви. Всѣхъ отцевъ, скрѣпившихъ «Дѣянія» Собора подписями, было 213. Въ «привѣтственномъ словѣ» императору Отцы Собора такъ выясняютъ причины его созванія: «Народъ, раздираемый и истощаемый страданіями, происходящими отъ безчинія, мало-помалу отторгся отъ божественнаго стада, блуждаетъ въ невѣдѣніи и забвеніи успѣховъ въ добродѣтели, говоря по-апостольски: *Сына Божія попираютъ, не почитаютъ за святыню кровь Завѣта и Духа благодати оскорбляютъ*» (Посл. къ Евр. 10, 29); въ зрѣлую пшеницу истины замѣшались кой-какіе остатки языческой и іудейской незрѣлости». Поэтому Соборъ долженъ былъ «обсудить всѣ средства къ обращенію народа на путь спасенія», чтобы «по подобію пастыря Христа, розыскать заблудшую овцу по горамъ, возвратить въ домъ Его и убѣдить сохранять Заповѣди и божественныя повелѣнія». Чтобы «отвратить народъ отъ худого и порочнаго поведенія и обратить къ лучшей жизни», Соборъ составилъ цѣлый рядъ правилъ (числомъ 102), упорядочивающихъ 1) отправленіе Богослуженія, 2) жизнь клира, 3) монаховъ и 4) мірянъ.

Правила Трулльскаго Собора не признаются Западною Церковію, потому что нѣкоторыя опредѣленія этого Собора направлены противъ обычаевъ и ученія Римской Церкви. Напримѣръ: Соборъ принимаетъ въ руководство Церкви 85 ап. правилъ, а Западная Церковь принимала только 50 (пр. 2); 13 пр. обличаетъ римское ученіе объ обязательномъ безбрачіи священниковъ; 55 пр. осуждаетъ посты въ субботу, введенные Римскою Церковью; 82 пр. запрещаетъ употреблять въ храмахъ изображеніе Христа въ видѣ агнца, что было распространено на Западѣ.



День первый

СКАЗАНІЕ
О
КРЕЩЕНИИ
Киевской Руси

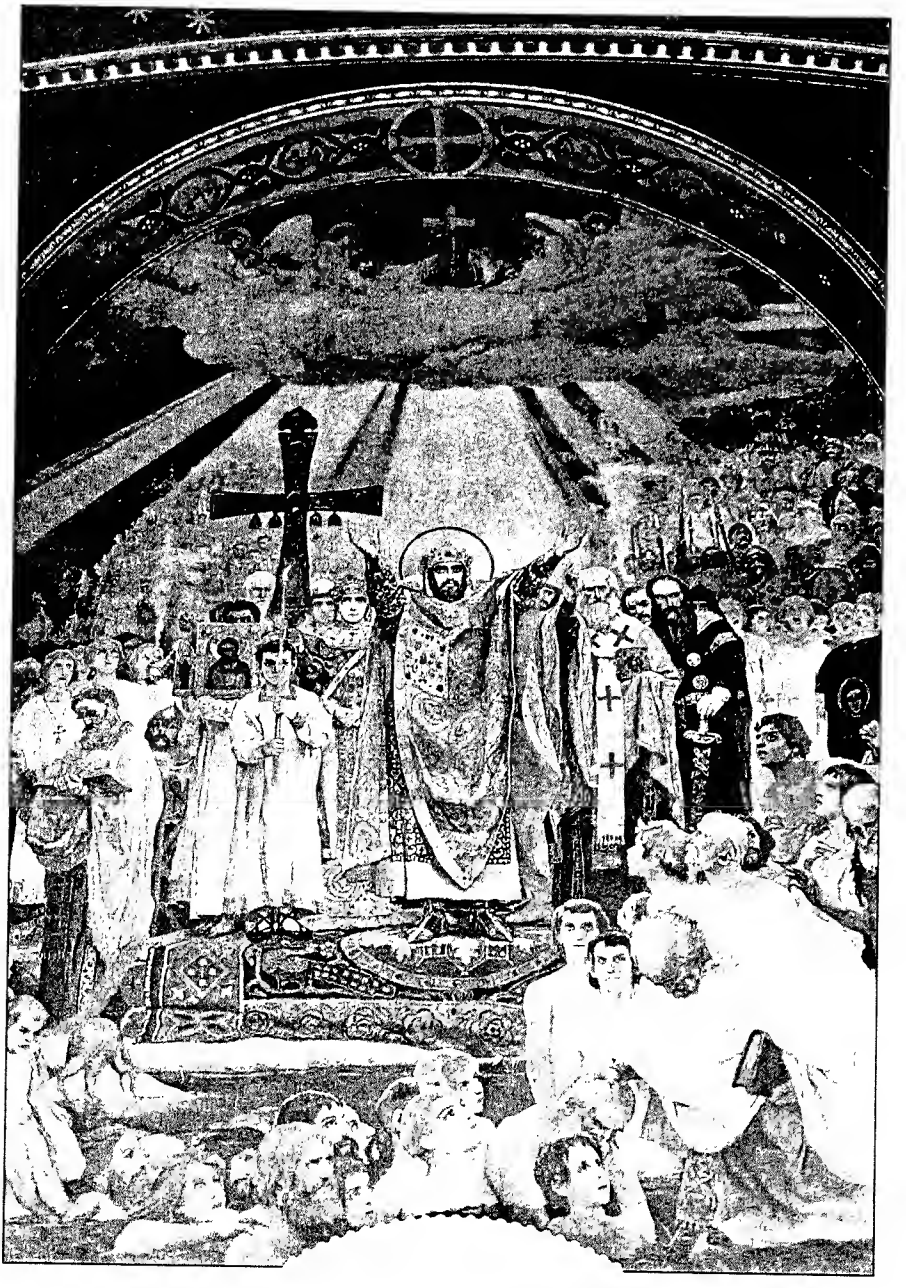
Принятие веры Христовой являлось важным моментом в жизни почти всех народов Европы. Константин Великий в Римской империи, Хлодвиг у франков, Святой Стефан у венгров и другие стали в памяти народов основоположниками их государственной жизни. Так и в жизни нашего народа его Крещению и имени князя Владимира естественным является отвести столь же почетное место.

Вглядываясь в историю народов, вышедших из пределов Северного Причерноморья, православный наблюдатель повсюду находит несомненные следы промыслительного Божия попечения о них. События здесь происходят почти всегда вопреки «объективным закономерностям», свидетельствуя о том, что определяют историю не земные, привычные и, казалось бы, незыблемые законы, а мановения Божии, сокрушающие «чин естества» и недалекий человеческий расчет.

Чудо сопровождает нашу землю сквозь века. Ряд последовательно совершающихся событий, приведших сквозь почти целое тысячелетие к подвигу Крещения Киевской Руси, освящено великим действием Промысла Божия. Обыкновенно насчитывают до пяти эпох в великом деле просвещения Киевской Руси Евангелием — *до пяти Крещений.* Первою эпохою признается проповедь святого Апостола Андрея в странах наших; второю — проповедь славянских апостолов Кирилла и Мефодия в Болгарии и Моравии и в особенности важнейший труд их — перевод Священного Писания и богослужебных книг на славянский язык; третьею — Креще-

---

Память Крещения Киевской Руси празднуется св. Церковью 1/14 августа.



Крещение киевлян в водах Днепра

ние первых князей Киевских Аскольда и Дира; четвертою — Крещение Великой княгини Ольги; пятью и окончательною — Крещение Великого князя Владиміра.

Этому простому и естественному делению последуем и мы.

Древнее сказание о проповеди у нас святого Апостола Андрея повествует о том, что, когда Андрей, согласно жребия, учил в Синопе, он узнал, что недалеко устье Днепра, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так,— пишет преподобный Нестор Летописец,— что он пришел и стал под горами на берегу. И сказал бывшим с ним ученикам: "Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей". И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород.

Вот весть о *первой* у нас проповеди — и проповеди *апостольской.* На одной из высот киевских, там, где, по преданию, Первозванный ученик Христов водрузил Святой Крест в знамение будущего просвещения нашего народа Евангелием, где в начале XIII в. сооружена церковь во имя Воздвижения Честнóго Креста как живое свидетельство верования в это священное предание,— с 1744 г. до настоящих дней красуется великолепный храм, посвященный имени самого Первозванного из Апостолов, которому первому суждено было позвать в Царство благодати Христовой землю Киевской Руси.

К сожалению, положенные святым Апостолом Андреем в землях киевских и новгородских какие-либо начатки христианства существовали очень недолго. Грубость народа, недостаток в подготовленных пастырях и учителях, гонения от язычников, постоянные смуты и нестроения были причиною того, что Святая вера, как и у некоторых других народов, просвещенных самими Апостолами, на целые века подавлена была у нас совершенно.

Отдельно следует остановиться на дохристианском состоянии нашего Отечества.

Корнями своими славянское язычество уходит в седую древность. В его основании (как и всякой религии) лежит некоторая духовная реальность. И хотя мы лишены возможности непосредственного видения духовных источников, но все же можем судить о них, памятуя слова Господа: «**По плодам их узнаете их**». Плоды язычества с его безнравственностью и жестокостью не оставляют сомнений в разрушительной богоборческой сущности того начала, которое стремится к воплощению через многочисленные языческие культы. И славянское язычество не было исключением.

Основание языческого мировоззрения покоится на утверждении, что добро и зло есть два самостоятельных, равнозначных, совечных начала

бытия. Эта поистине диавольская выдумка отрицает всемогущество Божие, Его благость и милосердие, лишает человека нравственных опор. Ведь если добро и зло равноправны и равно естественны для человека, то чего же стесняться, что зло действует в нас? Мерилом дел и поступков человеческих в таком случае не может быть нравственный идеал, воплощенный в Заповедях Божиих и церковном Предании. Человек сам по себе есть мера всего, и «естественные» человеческие порывы и склонности не подлежат «лицемерному» осуждению. В этом случае грехи и страсти обретают «законные» права на существование, а зло становится достойным почитания не менее добра. И религиозные формы этого почитания — неотъемлемая часть любого языческого культа. Проще сказать, в основании язычества лежит более или менее откровенный сатанизм, неизбежно проявляющий себя жестокостью и безнравственностью.

Единственной религией мира, со всей полнотой свидетельствующей об абсолютности добра, блага и любви, является христианство. Таинственно и непостижимо, но явственно и ощутимо действует в Церкви Вечный Всемогущий Всеблагий Бог — Вседержитель мира и Спаситель рода человеческого, свидетельствуя человеку «пред лицем его» о Себе: **«Знай, что Господь, Бог твой, есть Бог, Бог верный, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный»**[1]).

Чтобы понять, какой благодатный переворот произвело в наших предках приобщение к Православию, стоит кратко описать их дохристианские обычаи. Древние славяне рассматривали мір как арену борьбы между добрым Белбогом и злым Чернобогом. И тот, и другой требовали соответствующих жертв. Мнимая самостоятельность злого начала служила оправданием его неизбежности, рождая культовые формы славянского сатанизма, обретшие позднее свое законченное воплощение в почитании Перуна — верховного божества языческого пантеона дохристианской Руси.

Летописи VI века, рассказывая о столкновении славян с Византией, самым мрачным образом изображают их жестокость. В середине X века, незадолго перед Крещением, руссы в войне с империей, высадив десант на северном побережье Малой Азии, отличились таким зверством, какое было непривычным даже в те суровые времена. Пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа. Жгли монастыри и церкви, оставляя после себя горы трупов и груды дымящихся развалин.

Вопреки всем обстоятельствам сверхъестественный Промысл Божий изъял нашу землю из тьмы язычества. Ведь находясь на перекрестке дорог, там, где переплетались и сталкивались интересы мусульманского Юга, православного Востока, латинского Запада и хищного иудейского Хазарского каганата, Киевская Русь должна была бы ради спасения сво-

---

[1]) Кн. Второзак., гл. 7, ст. 9; Кн. Исход, гл. 34, ст. 6.

ей целостности хранить и свою религиозную самобытность. Казалось, ей предназначена судьба языческой империи. Любые уступки соседям должны были бы привести к неминуемому разделу Киевской Руси на «зоны влияния» мусульманства, иудаизма и христианства с последующей утерей государственного, религиозного и национального единства. История южных славян подтверждает это — когда-то единый народ разделился на православных сербов, католиков-хорватов и даже славянских мусульман, ожесточенно враждующих ныне между собой [1]).

Но наши праотцы сделали иной выбор: Промыслу Божию было угодно, чтобы при самом основании государства Киевская Русь как только были положены и первые основы христианства на нашей земле,— именно в это время был сделан перевод библейских и богослужебных книг на славянский язык. Это было великое благо для всех славян. Ибо когда в других странах мира, где вера Христова была проповедуема на чужом для народа языке, ее святые истины могли быть доступны в полной мере только людям ученым,— для славян сии неоценимые сокровища с первого раза соделались общим достоянием. Люди грамотные читали сами Слово Божие и книги церковные, а не умевшие читать с благоговением внимали тому, что было читаемо другими, и поучались или спешили в отверстые храмы и там в священных песнях, чтениях и молитвах изучали высочайшие догматы христианского богословия.

Преподобный Нестор Летописец повествует об этом: «Моравские князья Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и объяснил святые книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Солуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Солунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина (в монашестве Кирилл.— *Ред.*)». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал им царь: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь, и послал их в Славянскую землю

---

[1]) В IX веке под влияние Рима попали хорваты; в битве с войсками султана Мурада I в 1389 году на Косовом поле лишились своей независимости сербы; последовавшее в XV веке включение Сербии в состав Османской империи послужило отправной точкой формирования славянской мусульманской общины. А ведь когда-то было одно племя с общим языком, традициями и нравами!

к Ростиславу, Святополку и Коцелу. Когда же братья эти пришли,— начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что услышали они о величии Божием на своем языке. Затем перевели Псалтирь и Октоих и другие книги. Некие же люди стали хулить славянские книги и говорили, что-де «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа Римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав так: «Да исполнится слово Писания: «**Пусть восхвалят Бога все народы**», и другое: «**Пусть все народы восхвалят величие Божие, поскольку Дух Святой дал им говорить**».

Евангельской проповеди, предлагаемой им на иноземном языке, славяне не понимали и потому, естественно, не соглашались ее принять; а если и принимали,— не могли надлежащим образом усвоить и, нося имя христиан, оставались, как и прежде, почти язычниками в своих верованиях и обрядах. Так проходили века за веками, и так прошли бы, без сомнения, новые века, если бы сами славяне, руководимые своим здравым смыслом, не испросили себе, наконец, у Византии учителей, которые возвестили им Евангелие понятною для них речью. Вот с этих пор все изменилось. Получивши перевод Библии и богослужебных книг на родном языке, славяне начали понимать Святую веру, увидели все превосходство ее божественных истин перед своими грубыми суевериями и повсюду встречали ее с готовностью и любовью. В одежде славянского слова она казалась всем чем-то своим и нечуждым, была принимаема с радостию и делалась необходимой стихиею славянской жизни.

Этот перевод имел самое сильное влияние на пробуждение духа народного в славянах и уяснение их народного самосознания. Здесь в первый раз услышали они звуки родного слова и речи стройной, облагороженной, возвышенной и в первый раз начали понимать, как богат, величествен и прекрасен язык их предков, в первый раз заглянули, так сказать, лицом к лицу в собственную душу и увидели все величие и крепость ее природных сил, для выражения которых служит такое могущественное слово. Вот, главным образом, почему везде, куда только ни проникал перевод солунских братьев, славяне встречали его с восторгом как что-то особенно родное и близкое их сердцу, как что-то такое, в чем впервые узрели они самих себя в самом лучшем виде. И уже тогда в южных пределах Русской земли святой Кирилл, просветитель славян, крестил двести семейств, у которых увидел Евангелие и Псалтирь своего же перевода.

Этот перевод послужил важнейшею эпохою в истории образования славянского народа, подготовил постижение христианства нашим народом.

Так стало возможным *первое* Крещение наших праотцев — руссов. Современники того события пишут: “В царствование греческого императора Михаила III, в то время, когда император отправился с войском

против агарян (мусульман.— *Ред.*), у стен Константинополя явились на двухстах ладиях новые враги империи — скифский народ руссы (Киевские князья Аскольд и Дир со своей дружиной.— *Ред.*) С необычайною жестокостию опустошили они всю окрестную страну, ограбили соседственные острова и обители, убивали всех до одного пленников и привели в трепет жителей столицы. Получивши столь горестную весть от Цареградского епарха, император бросил войско и поспешил к осажденным. С трудом пробился он сквозь неприятельские суда в свою столицу и здесь первым долгом счел для себя прибегнуть с молитвою к Богу. Целую ночь молился Михаил вместе с патриархом Фотием и безчисленным множеством народа в знаменитой Влахернской церкви, где хранилась тогда чудотворная риза Богоматери. Наутро при пении священных гимнов изнесена была эта чудодейственная риза на берег моря, и едва только она коснулась поверхности воды, вдруг море, дотоле тихое и спокойное, покрылось величайшею бурею; суда безбожных руссов были рассеяны ветром, опрокинуты или разбиты о берег; весьма малое число избежало погибели" (*Никита Пафлагонянин*).

"Испытавши таким образом гнев Божий, по молитвам управлявшего в то время Церковию Фотия, руссы возвратились в отечество и спустя немного прислали послов в Константинополь просить себе Крещения. Их желание было исполнено — к ним послан был епископ" (*патриарх Фотий, Георгий Кедрин*).

"Когда этот епископ прибыл в столицу руссов,— царь руссов поспешил собрать вече. Тут присутствовало великое множество простого народа, а председательствовал сам царь со своими вельможами и сенаторами, которые по долгой привычке к язычеству более других были к нему привержены. Начали рассуждать о вере своей и христианской; пригласили архипастыря и спросили его, чему он намерен учить их. Епископ разверз Евангелие и стал благовествовать пред ними о Спасителе и Его чудесах, упоминая вместе о многоразличных знамениях, совершенных Богом в Ветхом Завете. Руссы, слушая благовестника, сказали ему: "Если и мы не увидим чего-либо подобного, особенно подобного тому, что, по словам твоим, случилось с тремя отроками в пещи, мы не хотим верить". Не поколебался служитель Божий, но, вспомнивши слова Христовы: «Аще чесо просите во Имя Мое, Аз сотворю; веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит»[1]),— разумеется, в том случае, когда это просится не для тщеславия, а для спасения душ,— смело отвечал язычникам: "Хотя и не должно искушать Господа, однако, если вы искренно решились обратиться к Нему, просите, чего желаете, и Он все исполнит по вашей вере, как мы ни ничтожны пред Его величием".

Они просили, чтобы повергнута была в огонь, нарочито разведенный, самая книга Евангелия, давая обет непременно обратиться к хрис-

[1]) Еванг[illegible] гл. 14. ст. 14, 12.

тианскому Богу, если она останется в огне невредимою. Тогда епископ, возведши очи и руки свои горѐ, воззвал велегласно: "Господи, Иисусе Христе, Боже наш! Прослави и ныне святое Имя Твое пред очию сего народа",— и вверг священную книгу Завета в пылающий костер. Прошло несколько часов, огонь потребил весь материал, и на пепелище оказалось Евангелие совершенно целое и неповрежденное, сохранились даже ленты, которыми оно было застегнуто. Видя это, варвары, пораженные величием чуда, немедленно начали креститься" (*Константин Багрянородный, Георгий Кедрин и др.*). Это и было *первое, Аскольдово* Крещение Киевской Руси.

В 866 году в своей окружной грамоте, разосланной восточным епископам, Патриарх Фотий писал: «Россы, славные жестокостью, победители народов соседних, в гордости дерзнувшие воевать с Римской империей, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас епископа и священника, имея живое усердие к христианскому Богослужению». В это время Киевская Русь уже числилась 60-м архиепископством среди епархий Константинопольского Патриархата.

Вот в немногих словах все, что сохранили нам греческие писатели о первом обращении наших предков к христианству.

Казалось бы, Крещение Руси состоялось. Но, увы! — оно не оставило заметного следа в русской истории. Следствием его стало лишь появление христиан в княжеской дружине, никак не повлиявшее на распространение христианства в народе.

Аскольд и Дир после принятия ими Святой веры жили еще и управляли Киевом около пятнадцати лет. В такой период под их покровительством христианство могло довольно утвердиться и распространиться не только в Киеве, но и в окрестностях Киева трудами епископа и пастыря, которых приняли киевские руссы от Патриарха.

Но по смерти Аскольда и Дира, которые скончались (в 882 г.), может быть, как мученики за Святую веру, в Киеве воцарился язычник Олег. И уже в 911 г. при договоре Олега с греками в числе послов русских не видно ни одного христианина, и как сам Олег, так и мужи его для подтверждения условий договора клянутся оружием своим и языческими богами — Перуном и Велесом. Но отсюда не следует, будто и между всеми подданными Олега не было уже христиан. Веру Христову, проповедующую смирение и самоотвержение, у нас, как и везде, приняли вначале преимущественно жители мирные, и в царствование князя-язычника по простому благоразумию они могли содержать ее в тишине и даже сокровенно.

И все же Православие было живо в Киевской Руси. Об этом свидетельствует сохранившийся текст договора 944 года Киевского князя Игоря с греками, который включен летописцем в "Повесть временных лет".

Мирный договор с Константинополем должен был утверждаться обеими религиозными общинами Киева. «Русь крещеная», то есть христиане, приводилась к присяге в соборном храме Илии Пророка. «Русь некрещеная», язычники, клялась на оружии в святилище Перуна. Название храма Илии Пророка соборным заставляет допустить, что в Киеве были тогда и другие церкви, между которыми церковь святого Илии считалась главною, или соборною,— предположение, которое, кажется, достаточно подтверждается следующим: Дитмар, современник святого Владимира, свидетельствует, что в его время существовало в Киеве более четырехсот храмов. Когда же успели они возникнуть в таком изумительном количестве? Ужели в продолжение каких-нибудь десяти или пятнадцати лет со времени обращения Владимира? Естественнее думать, что они возникли мало-помалу еще со времен Аскольда и Дира или, по крайней мере, Игоря.

При всем том, Церковь Христова все еще оставалась у нас как бы в тени и почти незаметною; язычество, по-видимому, покрывало всю Киевскую Русь и почиталось религиею господствующею, потому что сам Великий Князь был язычник. Надлежало еще святой вере взойти на великокняжеский престол, стать на этой высокой свещнице, чтобы соделаться видимою от всех и окончательно разогнать мрак идолопоклонства.

И вот супруга того же самого Великого Князя — Игоря, при котором христианство достигло у нас такой значительной степени, решается сама принять Святую веру, посаждает ее с собою на престоле и если не утверждает ее окончательно в нашем отечестве, зато, по выражению летописца, является в собственном смысле, *аки денница пред солнцем, аки заря пред светом* [1]).

Событие принятия Ольгою христианства изъясняется так же просто, как просто предполагается внутреннее обращение к нему ее мужа Игоря. В дружине князя было весьма много христиан-варягов, пришедших из Константинополя. Как женщина весьма умная Ольга должна была обратить внимание на этих варягов новой веры. Известно, что Великая Княгиня Ольга была женщина не просто с большим умом, но с умом государственным. Она понимала, что насущным становится коренное преобразование духовной жизни Руси. «Особенно заботясь о духовном, она старалась в чистоте и целомудрии пребывать и тело свое неоскверненным сохранять. Ибо прикоснулось к сердцу ее слово спасения, и благодать Утешителя очи ее внутренние отверзать начала, приводя ее к истинному богоразумию, которого блаженная Ольга возжаждала и о котором привыкла размышлять, ибо она была мудрее всех людей. Премудростью уразумела она, что все люди ее земли, не зная о существовании Бога, напрасное усердие к бездушным идолам имея, неразумно кумирам, не являющимся богами, жертвы приносили. Прельщенные диаволом, они

[1]) Лет. по Лаврент. списку. С. 38.

диаволу угодное и творили»,— так сказано об этом в Житии святой Ольги из «Степенной книги». Киевская Русь становилась великой державой. Лишь два европейских государства могли в те годы соперничать с нею в значении и мощи: на востоке Европы — древняя Византийская империя, на западе — королевство саксов, на глазах Ольги ставшее Священной Римской империей германской нации. Опыт обеих империй, *обязанных своим возвышением христианским религиозным основам жизни,* показывал ясно, что путь к будущему величию Руси лежит не только через военные, но прежде всего и преимущественно через духовные завоевания и достижения. Уладив по смерти Игоря внутренние дела, замирив и покорив недругов, летом 946 года (по мнению других историков, в 957 году) Великая Княгиня отправляется с большим флотом в Царьград. Это было мирное «хождение», сочетавшее задачи религиозного паломничества и дипломатической миссии, но политические соображения требовали, чтобы оно стало одновременно демонстрацией военного могущества Киевской Руси на Черном море, напомнило гордым ромеям (грекам.—*Ред.*) о победоносных походах Аскольда и Олега, прибившего в 907 году свой щит «на врата Царьграда».

Результат был достигнут. Появление русского флота на Босфоре создавало необходимые предпосылки для развития дружеского русско-византийского диалога. В свою очередь, южная столица поразила суровую дочь Севера разнообразием красок, великолепием архитектуры, смешением языков и народов мира. Княгиня присутствовала за Богослужением в лучших храмах Константинополя, сорок Литургий отслушала в соборе Святой Софии.

Это была практически катехизация — то, что в Древней Руси называлось *оглашение*. Сердце Ольги открылось Православию, Таинство Крещения совершил над нею Патриарх Константинопольский Феофилакт, а восприемником был сам император Константин Багрянородный. Ей было наречено в Крещении имя Елена — в честь святой равноапостольной царицы Елены. В назидательном слове, сказанном по совершении обряда, Патриарх сказал: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих». «Она же, — говорит Нестор Летописец, — склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись Патриарху, промолвила: «Молитвами твоими, Владыко, да сохранена буду от сетей вражеских».

Ольга, став христианкой, ревностно предавалась подвигам христианского благочестия среди язычников и делам церковного строительства: «Требища бесовская сокруши и нача жити во Христе Иисусе».

Она воздвигает храмы: Святителя Николая на Аскольдовой могиле и Святой Софии — Премудрости Божией в Киеве, Благовещения Пресвя-

той Богородицы — в Витебске, Святой Живоначальной Троицы — во Пскове, над рекой Великой, на месте, указанном ей, по свидетельству летописца, свыше, «лучом Трисиятельного Божества».

Не напрасно Ольга получила в Крещении имя святой равноапостольной Елены, обретшей Честно́е Древо Креста Христова в Иерусалиме. Главной святыней созданного ее стараниями Софийского храма стал Святой Крест, принесенный новой Еленой из Царьграда, полученный ею в благословение от Константинопольского Патриарха. Крест, по преданию, содержал частицу Животворящего Древа, на нем была надпись: «Обновися Русская земля Святым Крестом, его же прияла Ольга, благоверная княгиня».

Но среди бояр и дружинников в Киеве нашлось немало людей, которые, по библейскому слову, «возненавидели Премудрость», как и святую княгиню Ольгу, строившую ей храмы. Ревнители языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подрастающего Святослава, решительно отклонявшего уговоры матери принять христианство и даже гневавшегося на нее за это. Нужно было спешить с задуманным делом Крещения Руси. Коварство Византии, не пожелавшей дать Руси христианство и восстановить существовавшую при Аскольде Православную Митрополию в Киеве, было на руку язычникам.

Оказалось, что за прошедшие два года, как и предвидела Ольга, в Киеве совершился окончательный переворот в пользу сторонников язычества, и, не став ни православной, ни латинской, Киевская Русь вообще раздумала принимать христианство.

Это заставило Ольгу смириться с происшедшим и полностью уйти в дела личного благочестия, предоставив бразды правления язычнику Святославу. В «Степенной книге» сообщается об этом: «Пошла она в прославленный город Киев и там жила, много добра во Имя Божие делая, всякими добрыми делами освящаясь, милостынею обогащаясь: нагих одевая, алчущих питая, жаждущих напояя, странствующим давая приют со всем необходимым. Нищих, вдов, сирот, больных она очень жалела и всем необходимым снабжала, кому что нужно, то и делала тихо, с любовью, от чистого сердца. Тихого дателя любит Господь, как было сказано. Хотя тогда еще она для язычников все эти благодеяния совершала, но она считала, что дает в долг богатому Заимодавцу, Самому Богу, и надеялась она сторицею от Него получить и здесь, и в будущем веке».

С ней по-прежнему считались, к ее государственной мудрости неизменно обращались во всех трудных случаях. Когда Святослав отлучался из Киева,— а он большую часть времени проводил в походах и войнах,— управление государством вновь вручалось княгине-матери. Но вопрос о Крещении Руси был временно снят с повестки дня, что, конечно, огорчало святую Ольгу.

Она с глубоким христианским смирением исповедала веру о своем народе: «Воля Божия да будет! Аще восхощет Бог помиловати роду сего Земли Русския, да возложит на сердце им обратитися к Богу, якоже и мене Бог сие дарова».

Последние годы, среди торжества язычества, ей, когда-то гордой, крестившейся от Патриарха в столице Православия, приходилось тайно держать при себе священника, чтобы не вызвать новой вспышки антихристианского фанатизма. Но перед смертью, вновь обретя прежнюю твердость и решимость, она запретила совершать над ней языческие тризны и завещала похоронить себя по православному обряду.

«Степенная книга» так передает завет блаженной Ольги сыну — Великому Князю Святославу перед преставлением: «Я, сын мой, прежде уже горячо умоляла тебя, чтобы ты со мной вместе верил в Единого Истинного Бога, и Он даровал бы тебе к земному царству и Небесное. Ты же пренебрег моим советом и отверг мои слова, не захотел постичь Истину и даже разгневался на меня; обольщаемый, погружался ты в смрадное и скверное кумирослужение, из-за слепоты неверия спотыкаясь, в глубину всякой нечистоты низвергаясь, следуя коварному губительству лукавого диавола. Ты не сделал Бога помощником себе, но возложил упование на тленное людское множество, которое скоро истощается... А со мной поступи так: после моей смерти не делайте ничего по вашему языческому обычаю, пусть мой священник погребет грешное тело мое по обычаю христиан, засыпав вровень с землей. Кургана же пусть не дерзнет никто надо мною сыпать, ни тризны творить, но пошли золота в Царьград к Патриарху, пусть он совершит моление к Богу о моей душе и нищих милостыней оделит. Не вздумай иначе поступить, исполни мой завет. Уже приближается время моей кончины, и я уйду к желанному Христу, в Которого верую». Когда Святослав услышал слова матери своей, слезами наполнились глаза его, и хотя он не уверовал во Христа, но по сыновней любви обещал ей все сотворить с ней, как она просила.

Через три дня наступила ее последняя болезнь. Тогда она особенно благодарила Бога и Пречистую Богородицу, которая всегда была ей помощницей, а также всех святых она в молитве на помощь призывала. И вот настал час, когда от телесного союза захотела душа ее отделиться и к вышнему переселиться чертогу, к которому уже давно стремилась. И сподобилась она причаститься животворящих Таин Тела и Крови Христа, Бога нашего, и с благодарением и молитвой на устах, радуясь, предать святую свою душу в руки Божии, перейти в обители вечные и удостоиться Небесного чертога.»

Эта святая и блаженная Великая Княгиня Ольга, нареченная во Святом Крещении Еленой, провела свою жизнь праведно и богоугодно и за это получила стократное воздаяние от Бога — даваемое праведным Царство Небесное и нетленное блаженство. Честные мощи после смерти ее были в земле около тридцати лет и обретены целы и нетленны. От них

происходило много чудес и исцелений приходящим с верой и благодатью Христовой.

Имя святой Ольги — первое великое имя нашей истории. Именно святой Ольгой начинается наша христианская цивилизация, именно ею начинается наша национальность и наша народная слава. Она — праматерь нашего Православия.

Крещение Ольги было прямым предвестием свершившегося через треть века Крещения всей огромной страны в ее целом при Владимире Святославиче.

После правления Великой Княгини Ольги настало собственное правление Святослава. Отец его Игорь был внутренним христианином, мать стала открытою христианкою, но сын в этом отношении вышел ни в отца ни в мать. Святослав был в ряду русских князей первый Великий Князь несомненно славянский по происхождению и последний варяг по духу — варяжский рыцарь в самом полном смысле этого слова. Нисколько не думая о государстве и совершенно бросив его на произвол судьбы, он мечтал только о том, чтобы сравняться в воинской славе со своими норманнскими предками. Стремление к славе предков естественно должно было тесным образом связывать его и с их религией. Из язычника по рождению Святослав должен был стать горячим язычником по убеждению и по принципу.

Таким образом, Святослав был человек, не имевший ни малейшей охоты и наклонности покровительствовать христианству, хотя и не был явным гонителем его. Поэтому Православие в земле Русской со временем стало угасать и оказалось столь слабым, что не смогло просветить окрестную языческую тьму.

Более того, русское язычество крепло. В 945 году по Рождеству Христову на Киевский престол взошел молодой Святослав. Вдохновляемый жрецами во славу древних богов, он провел ряд блестящих походов, освободивших Русскую землю от остатков влияния Хазарского каганата, заложив тем самым прочное основание русской государственности.

Хазарский каганат встал на пути молодой русской державы в IX веке, когда еврейская община Хазарии добилась господствующего политического и экономического положения в стране. Оставаясь чуждыми коренному населению, иудеи с помощью наемных мусульманских войск сумели подавить всякое сопротивление и сделать Хазарию опорным пунктом своего экономического могущества. Политика каганата осуществлялась в интересах торговой еврейской диаспоры, извлекавшей огромные прибыли из работорговли и Великого шелкового пути, пролегавшего через земли Хазарии.

Начавшийся в VIII веке развал арабского халифата открыл торговые пути с Запада на Восток, и этим не замедлили воспользоваться иудейские дельцы, видевшие в финансовом могуществе первый шаг на пути

создания вожделенного всемирного еврейского государства, о котором учили талмудисты-раввины. Купцы получили название *рахдониты*, что в переводе с персидского означает *знающие дороги*. Основу этого торгового клана составили выходцы из Вавилонской общины, покинувшие Иран после того, как халиф Абд ал-Мелик в конце VII века предпринял ряд мер, направленных на ограничение вмешательства иудеев в дела страны. К ним в VII веке присоединились евреи из Византии, и это объединение завершило создание мощной международной торговой организации, оказывавшей в своих религиозно-национальных интересах сильнейшее влияние на всю мировую политику.

Императоры династии Каролингов на Западе получали средства для финансового обезпечения своих планов от иудеев-рахдонитов. Мусульманские властители Испании воевали с христианами на еврейские деньги. Евреи освоили не только восточный путь, по которому шелк обменивался на золото, но и северный — из Ирана на Каму, по которому меха обменивались на серебро. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей, что придавало ей особое значение в системе хозяйственных связей иудейской общины.

Славянские земли в IX—X веках стали для иудейских купцов источником «живого товара». Русские рабы и рабыни во множестве отправлялись в страны исламского мира, где юноши высоко ценились за здоровье и силу, а девушки — за красоту. Но главная цель славянской политики Хазарского каганата была иной. Собственно, этих целей было две. Ближайшей являлось всемерное политическое и военное ослабление русского государства, его превращение в младшего партнера и данника, чьи войска можно было бы с успехом использовать против ненавистной для них Православной Византии. Конечной же целью было разрушение Киевского славянского княжества с последующим включением его земель в состав каганата или создание еще одного иудаизированного, подобно Хазарии, государства на торговом пути «из варяг в греки». Такой исход сделал бы евреев финансовыми и торговыми владетелями всего евроазиатского пространства — от границ Китая до Пиренейского полуострова.

Итак, в X веке иудейская диаспора стояла на пороге невиданного взлета. Казалось, *избранный народ* через тысячу лет после сокрушительного военного поражения, нанесенного ему легионерами Рима, и не менее сокрушительной духовной катастрофы, вызванной страшным преступлением Богоубийства, осуществит все же свою вековую мечту о мировом господстве. Дело было за малым — уничтожить нарождавшуюся молодую и неопытную Киевсую Русь.

К середине X века Киевский князь стал вассалом иудейского царя Хазарии. Произошло это после карательного похода «досточтимого Песаха» — еврейского полководца, который во главе наемной армии отбросил руссов от берегов Азовского моря, опустошил страну и осадил Киев.

Около 940 года от Киевского князя отпало Днепровское Левобережье, земли угличей и тиверцев в низовьях Днестра и Дуная попали в руки печенегов, кривичи создали свое независимое Полоцкое княжество. Под мощным воздействием хазарских евреев Киевская Русь разваливалась на глазах, превращаясь в вассала иудейского каганата, вынужденного не только платить ему дань, но и воевать за его интересы, совершенно чуждые славянам. «Тогда стали руссы подчинены власти хазар», — гордо сообщает современный еврейский автор.

Еще в самом начале IX века власть в Хазарском каганате захватил некий влиятельный иудей Обадия. Он превратил хана из династии Ашина в марионетку и сделал талмудический иудаизм государственной религией Хазарии. С тех пор ее политика преследовала цели, проистекавшие из мессианских чаяний раввинов и их неутолимой ненависти к христианству. Первой заботой хазарских иудеев традиционно стала забота о богатстве. Через тысячу лет после того, как еврейство отвергло Спасителя, иудеи-рахдониты продолжали свято верить, что путь к господству над миром (якобы обещанному им Самим Богом) один — золото.

Богатство давало возможность подкупать союзников и нанимать воинов. Все это — торговое имущество, купленные союзники и воины-наемники — было брошено к достижению заветной цели: уничтожению или ослаблению ненавистного для них оплота Вселенского Православия — Византийской империи.

В 939 году по Рождеству Христову войну против Византии развязал хазарский царь Иосиф, который начал с того, что «низверг множество необрезанных», то есть попросту перебил христиан, живущих внутри Хазарии. Затем хазарское войско вторглось в Крым, взяло там три города, «избив мужчин и женщин», и осадило Херсонес, где нашли себе убежище уцелевшие христиане. Составной частью кампании стал поход на русские земли, закончившийся подчинением Киевского князя Игоря. Он обещал «платить дань кровью», то есть в войне Хазарии с Византией выставить свою дружину против империи на стороне каганата. Этим, возможно, и объясняются два его похода на Царьград, последовавшие один за другим в 941 и 944 годах.

Подчинение Хазарии сыграло роковую роль и в жизни самого Игоря. Общепризнанно, что он был убит древлянами при сборе дани. Но остается открытым вопрос — для кого собирал он эту дань? Что заставило князя увеличить ее до размеров, вызвавших восстание древлян? Ответ прост: надо было платить Хазарии.

Итак, когда Святослав сел на Киевском столе, перспективы Русской державы казались весьма мрачными. Она потеряла внутреннее единство и внешнюю независимость, происками Хазарии оказалась втянутой в войну с Византией, совершенно не нужную и чуждую русским интересам. На Западе процесс объединения Германии под скипетром саксон-

ской династии делал ее источником мощной военной и духовной агрессии, что тут же испытали на себе славяне Эльбы, Поморья и Вислы. Священная Римская империя германской нации, основанная Карлом Великим еще в 800 году, становилась в Восточной Европе реальной силой, заявлявшей свои права не только на земли, но и на души славян.

Святослав почти всю свою жизнь провел в походах. Война с Хазарией за освобождение от вассальной зависимости началась почти сразу после смерти князя Игоря в 945 году. В 50-х годах X века она шла, то вспыхивая, то затухая, с переменным успехом.

В 964 году Святослав совершил свой первый поход — на север, на Оку — в земли вятичей, освободив их от власти хазар и подчинив Киеву. Воспользовавшись победой, князь с помощью вятичей там же, на Оке, срубил для дружины ладьи и весной следующего, 965 года спустился речным путем по Волге к Итилю — главному городу иудейской Хазарии. «И бывши брани, одоле Святослав козаром, и град их... взя», — свидетельствует летописец. Эта победа решила судьбу войны и определила распад Хазарии.

Еврейская община разбежалась, исчез центр сложной торговой, политической и военной системы, вдохновлявшейся религиозными интересами иудеев. Гибель талмудистов Итиля освободила как самих хазар, так и все окрестные народы, входившие в сферу влияния каганата. На обратном пути Святослав завладел крепостью Саркел (Белая Вежа) — столицей Хазарии на Дону,— и благополучно вернулся домой, в Киев, не встречая особого сопротивления, ибо местное население вовсе не собиралось воевать за чуждые ему интересы разбежавшихся иудеев.

Итак, Хазарский каганат прекратил свое существование. Крушение опорного пункта еврейских интересов на Востоке немедленно повлекло за собой цепь следствий — религиозных, экономических, политических и этнических. Утратили поддержку те, кто опирался на помощь агрессивного талмудического иудаизма. Во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонию национальным князьям и феодалам; в Китае отдельные солдатские антикочевнические мятежи переросли в агрессивность и национальную исключительность новорожденной династии Сун; халифат в Багдаде ослабел и потерял контроль даже над Египтом, не говоря уже о «прочей Африке» и Аравии; дезорганизация разъедала Саманидский эмират. Удар, нанесенный Святославом в низовьях Волги, откликнулся гулким эхом по всему миру.

Годом позже Святослав подчинил волжско-камских болгар и мордовские племена, повторно разгромив остатки хазарского войска. Выйдя к Северному Кавказу, князь осадил и взял крепость Семендер, победил племена аланов, ясов и касогов — союзников каганата, тревоживших набегами юго-восточные рубежи Киевской Руси. Выйдя к Азовскому

морю, он основал в районе Кубани крепость Тмутаракань, ставшую впоследствии столицей русского Тмутараканского княжества.

В результате этих восточных походов страна воспряла. Совершилось объединение восточнославянских племен в единое государство, Киевская Русь установила контроль за торговыми путями по Волге и Дону, обезопасила свои южные границы и заявила о себе как об одном из сильнейших государств Европы.

Это стало возможным потому, что в это тревожное время у кормила Русской земли оказались два человека, чья деятельность и определила неудачный исход всемирного еврейского предприятия. Это были: язычник — князь Святослав и его мать — христианка княгиня Ольга.

«О дорогое мое дитя! — говорила Святославу блаженная Ольга.— Нет иного Бога ни на небесах наверху, ни на земле внизу, кроме Того, Которого познала я,— Создателя всея твари Христа, Сына Божия... Послушай меня, сынок, прими веру истинную и крестись, и спасен будешь». Однако речи эти, как свидетельствует летописец, подобны были попыткам сеять на воде — князь оставался холоден и непреклонен. «Если бы я хотел креститься,— отвечал он матери,— никто бы мне не последовал и никто бы из моих вельмож не согласился этого сделать. Если один я Закон христианской веры приму, тогда мои бояре и прочие сановники вместо повиновения мне будут смеяться надо мной... И что мне будет самодержство, если из-за чужого Закона все меня оставят и я буду никому не нужен».

Благодатный церковный опыт Ольги оказался недоступен ее строптивому сыну. Плакала мать, скорбя, в молитве изливая Богу свою печаль, прося вразумления, милости и защиты. «Премилостивый Господи, Боже мой Иисус Христос, — взывала княгиня,— прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя: приклони ухо Твое ко мне и услыши молитву мою... Помощник ми буди и не остави мене, Боже Спасителю мой, яко отец мой и мати моя оставили мя, и супруга я лишилась. От него единственного сына прижила, и тот непокорлив и неверен... Я, Господи, на милость Твою уповаю, и на множество щедрот Твоих надежду души моей возлагаю, и к Тебе, прибегая, молюсь: научи меня творити волю Твою и спаси меня от рода лукавого, от множества язычников. И хоть они ушли от Твоей благодати, но Ты, Владыко, человеколюбия ради не пренебреги ими, но посети и вразуми, приведи их к познанию Себя... пусть они, просвещенные Тобою, когда-нибудь прославят Имя Твое пресвятое — Отца, и Сына, и Святаго Духа из рода в род и во веки. Аминь».

Бог внял материнской мольбе. Дело обернулось так, что ревностный язычник и непримиримый враг христианства Святослав, как никто другой, способствовал разрушению самого главного внешнего препятствия на пути Православия в Киевской Руси. Суровый и жестокий воин, он свои-

ми дерзкими походами уничтожил Хазарию и укрепил русское государство, расчистив, таким образом, путь к служению, благодатное призвание на которое последовало тремя десятилетиями позже — в Таинстве Святого Крещения. Мать Святослава — святая равноапостольная княгиня Ольга — не дала угаснуть в народе слабой искре христианства, которая вспыхнула ярким светом на Святой Руси в результате чудесного обращения ее внука — князя Владиміра.

Святослав сохранил единство Руси, защитив ее от внешних врагов, угрожавших молодому государству с юго-востока. Ольга удержала нарождающееся русское христианство от растлевающего еретического влияния латинства, грозившего ему с северо-западного направления. Святослав спас государственное тело Руси. Ольга не дала смутить ее неискушенную юную душу. Такое сочетание, вопреки всякому человеческому предвидению, готовило Киевскую Русь к христианскому прозрению, хотя временами казалось, что новое государство умрет, едва успев родиться.

Но неутомимый князь не думал о мире. Война была его жизнью, его ремеслом. Святослав двинул свою дружину в земли Византии.

Плацдармом для этого похода должны были стать болгарские земли, завоеванные Святославом в 968 году. Весной этого года воины князя приплыли в устье Дуная и разбили не ожидавших нападения болгар. Осенью руссы опять разбили болгарское войско у Доростола. Святослав думал даже вообще перенести столицу своей державы из Киева в Переяславец, говоря: «Там середина земли моей, туда стекаются все блага: из греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды; из Чехии и из Венгрии — серебро и кони; из Руси же — меха и воск, мед и рабы». Но князя ожидало жестокое разочарование. Его победоносный меч, не знавший поражений в войне с иудейским каганатом, не принес ему славы в боях с православными воинами Византии.

Император Иоанн Цимисхий, опытный дипломат и искусный воин, разбил гордого русса. Весной 971 года войска Цимисхия взяли Переяславец и осадили дружину Святослава в Доростоле. Голод и болезни заставили князя заключить мир в обмен на обещание императора безпрепятственно выпустить на родину остатки дружины. Осенью 971 года руссы покинули Болгарию. В ярости князь поклялся уничтожить в своей стране единоверцев ненавистного Цимисхия. Он послал гонца в Киев с приказом сжечь все христианские церкви и обещал по возвращении «изгубить» всех христиан.

Искать защиты было не у кого — святая княгиня Ольга почила в 969 году. Казалось, христианству на Руси пришел конец, и лишь неожиданная (читай: *промыслительная*) смерть Святослава в стычке с печенегами на пути в Киев избавила киевлян от ужасов расправы. Летописец так повествует о кончине князя: «В год 972-й, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь Печенежский, и

убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него». Так безславно закончил свою жизнь князь, всей своей деятельностью способствовавший, вопреки собственному желанию, уничтожению препятствий на пути Православия в Киевской Руси.

Накануне Крещения Киевской Руси и образования единой Киевской державы славянское язычество достигло наивысшей точки своего развития. В течение IX — X веков, при Игоре, Святославе и Владимире, кровавый культ Перуна стал государственной религией Киевской Руси. Язычество крепло и развивалось.

Внешне все выглядело таким образом, будто Киевская Русь сохранилась как государство ценой отказа от заимствования религиозных взглядов соседей. Так, видно, думал сам Святослав, так считали и его преемники на Киевском столе — Ярополк и Владимір. Но иначе судил Господь, готовивший в удел Киевской Руси служение хранительницы и защитницы Православия.

После смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег — у древлян, а Владимір — в Новгороде. Олег вскоре умер, и его владения отошли Ярополку. Изгнанный братом Владимір бежал к варягам, через два года вернулся в Новгород с варяжской дружиной, взял город, занятый было наместниками Ярополка, и объявил, что будет вести войну за великое княжение. После этого будущий благоверный святой князь, а в ту пору ярый язычник, двинулся к Киеву, осадил его, склонил киевского воеводу к измене, выманил к себе брата Ярополка и убил.

Когда, таким образом, к 980 году Владимір с помощью варяжской дружины и злодейского братоубийства овладел Киевским государством, казалось, настали последние минуты для христианской веры на Руси. Тот его поход на Киев преследовал не только военно-политические цели — завоевание великокняжеского престола; это был религиозный поход русско-варяжского язычества против нарождавшегося киевского христианства.

Существенно, что Владимір становится киевским властителем на волне языческой реакции. Известно, что в IX и X столетии особенно деятельное участие в государственной, экономической и военной жизни Руси принимали варяги. На варяжскую дружину опирались в своих начинаниях все вожди и устроители ранней русской государственности. Как и славяне, среди которых они жили, многие из заморских пришельцев под влиянием христианства принимали Крещение — будь то западного, будь то греческого обряда. Киевская Русь занимала срединное место между языческой Скандинавией и православной Византией. Не удивительно поэтому, что господствующими на Великом пути «из варяг в греки», а значит, и в духовной жизни Киева, оказывались попеременно то животворные токи христианской культуры, шедшие с юга (при Аскольде в 860 — 882 годах, при Игоре и святой Ольге в 940 — 950 годах), то губительные вихри язычества, налетавшие с севера, от Варяжского

моря (при Вещем Олеге, убившем Аскольда в 882 году, при восстании древлян, убивших Игоря в 945 году, при князе Святославе, отказавшемся принять Крещение, несмотря на настояния его матери Ольги).

Будущий креститель Руси также начинал свой путь убежденным язычником. Поэтому, «сев на столе отца своего в Киеве», он «изъявил отменное усердие к богам языческим». Отвоевав в 981 году Червенские города (Перемышль и другие), ранее захваченные Польшей, совершив успешные походы против вятичей (981—982 гг.), ятвягов (983 г.), радимичей (984 г.) и камских болгар (985 г.), князь возжелал воздать почести благосклонным «богам», покровительствовавшим его дружине в деле объединения страны. «И постави кумиры на холме вне двора теремного,— говорит летописец,— Перуна деревяна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Макошь. И приносил им жертвы, называя их богами. И привождали сынов своих и дщерей, и служили бесам, и оскверняли землю требами своими».

Земля осквернялась не только животной жертвенной кровью. "Боги" требовали и человеческих жертв. Мало сего: в печатном житии Владиміра повествуется, что он повелел в это время приводить на поклонение идолам самих христиан и тех, которые не покорялись его воле, предавал смерти. Посему некоторые из верующих были вынуждены скрывать свою веру, другие бежали из Киева, третьи будто бы даже снова обращались к языческому нечестию. Другой, более частный случай, показывающий горестное состояние у нас христианства в первые годы царствования Владиміра, описан в летописи преподобного Нестора. Одержавши победу над ятвягами, Великий Князь захотел возблагодарить богов своих кровию человеческою. По совету бояр и старцев приказал он бросить жребий для узнания жертвы, и жребий пал на прекрасного юношу— Иоанна, сына одного варяга, прибывшего в Киев из Греции и исповедовавшего вместе с сыном христианскую веру. Напрасно отец уговаривал присланных к нему с этою роковою вестью, что боги языческие суть не боги, а бездушные истуканы, создание рук человеческих и что один есть Истинный Бог — Творец неба и земли. Это только раздражило послов, которые, немедленно удалившись, рассказали все другим, отчего произошло всеобщее смятение. Народ ворвался во двор христианина с оружием в руках, разметал ограду и настоятельно требовал у него выдать жертву, обреченную богам. Отец стоял тогда с сыном в сенях своего дома и отвечал: "Если боги ваши суть точно боги, то пусть они пошлют одного из среды своей, чтобы взять сына моего, а вы чего требуете?..".

Разъяренная толпа умертвила Феодора и Иоанна в собственном доме. Последняя из кровавых языческих жертв в Киеве стала первой христианской жертвой — сораспятием Христу.

Путь "из варяг в греки" становился для Киевской Руси путем из язычества в Православие, из тьмы к свету. На месте гибели варягов

Владимір воздвигнет впоследствии первую созданную им церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Это были первые на Руси мученики, коих память, под именами варягов-мучеников Феодора и Иоанна, Церковь чтит и доныне 12 июня (ст. ст.).

Дивны дела твои, Господи! Камня и бронзы не щадит время, а нижний сруб деревянного дома варягов-мучеников, сожженного тысячу лет назад, сохранился до наших дней; он был обнаружен в 1908 году, во время раскопок в Киеве, у алтаря Десятинной церкви. (Она получила название Десятинной, так как благочестивый князь давал на ее содержание десятую часть своих доходов.)

Но чем глубже и непритворнее казалась приверженность Владиміра к древней вере отцов, чем ощутительнее была его нерасположенность к христианам, тем разительнейшею представляется вскоре последовавшая в нем совершенная перемена.

Шесть лет понадобилось двадцатилетнему князю-язычнику для полного изменения ориентации — не только своей лично, но и всей огромной Державы, всего будущего, на века,— направления развития русской мысли и культуры. Такова была чрезвычайная сила внутреннего перерождения человека под действием благодати Божией!

Личное обращение Владиміра к Богу как бы прообразует изменения, ожидавшие по Крещению и соборную душу народа. Обращение — всегда тайна. Невидимо, неуловимо, неощутимо касается Господь человеческой души, сокрушая узы греховного ослепления. Никто, даже сам прозревший, не в силах понять и рассказать, как наступило прозрение. Всемогущий Бог, милосердствуя о своем погибшем творении, властно действует в человеке, врачуя и вразумляя, воссоздавая Свой оскверненный образ столь же непостижимым действием, как и самое действие создания его. Лишь очень приблизительно может проследить за обращением внешний наблюдатель.

Во время приверженности язычеству буйная натура князя безоглядно отдавалась порывам самых разрушительных страстей. Публичное насилие над пленной княжной Рогнедой, предательское убийство брата Ярополка, участие в человеческих жертвоприношениях, необузданная похоть, для удовлетворения которой Владимір содержал многих наложниц,— вот далеко не полный перечень, позволяющий судить о его характере.

Но где умножается грех, там,— по слову Апостола, — преизобилует благодать. «И прийде на него посещение Вышнего, призре на него Всемилостивое око Благого Бога, и воссияла мысль в сердце его, да разумеет суету идольского прельщения, да взыщет Единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое».

Потому и разительна перемена, произведенная в князе Крещением. Преподобный Нестор Летописец указывает, что еще до обращения ему

было какое-то видение, не уточняя и не раскрывая, какое именно. Внутренняя духовная причина перемен, происшедших с Владиміром, осталась тайной его души, скрытой от любопытных взоров потомков.

Надо полагать, что уже с 983 года Владимир задумал переменить веру. Едва ли для него могло являться вопросом, на какую другую веру сменить язычество. Воспоминания детства, всеобщее почитание памяти княгини Ольги, христиане среди княжеской дружины и в населении Киева — все это должно было говорить о христианстве, и притом христианстве восточном.

И все же, прежде чем принять это решение, Владимір захотел узнать все о современных ему вероисповеданиях. Лучше всего рассказывает об этом преподобный Нестор Литописец: «*В год 6494 (986 г.)*. Пришли болгары магометанской веры, говоря:

«Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обре́зание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то будет так и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимір же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обре́зание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть».

Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы посланные папой, — и обратились к Владиміру: — Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц, и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево». Владимір же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; если кто пьет или ест, то все это во славу Божию,— как сказал Учитель наш Павел». Сказал же Владимір немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого».

Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в Того, Кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за Закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимір:

«Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и Закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владиміру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, ибо уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день погибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимір плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал Апостолов, взяв хлеб: «Сие есть Тело Мое, ломимое за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть Кровь моя Нового Завета. Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимір: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в Того, Кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в Того; их же самих Пророки предсказывали, что родится Бог, а другие,— что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на Небеса. Они же одних Пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их и когда сошел Он на землю, был Он распят и, воскреснув, поднялся на Небеса. Ожидал Бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где пребывают и ныне». Владимір спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю». Владимір же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так:

«В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь (видимое небо) посреди воды. В тот же день разделились воды — половина их взошла на твердь, а половина пошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день — солнце, луну, звезды, и украсил Бог небо. Увидел все это первый из ангелов — старейшина Чина ангельского, и подумал: «Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен Богу, и поставлю престол свой на облаках северных». И тотчас же был свергнут с Небес, и вслед за ним пали те, кто находился под его началом — десятый ангельский Чин. Было имя врагу Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись пер-

воначальной славы своей, назвался противником Богу. Затем, в пятый день, сотворил Бог киты, рыбы, гады и птицы пернатые. В шестой день сотворил Бог зверей, скотов, гадов земных; создал и человека. В седьмой же день, то есть в субботу, почил Бог от дел своих. И насадил Бог рай на востоке в Эдеме, и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева — познания добра и зла — не есть. И был Адам в раю, видел Бога и славил его вместе с Ангелами. И навел Бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял Бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и ввел ее в рай к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей, она будет называться женою». И нарек Адам имена скотам и птицам, зверям и гадам, и дал имена даже самим Ангелам. И подчинил Бог Адаму звери и скоты, и обладал он всеми, и все его слушали. Диавол же, увидев, как почтил Бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?» И сказала жена змию: «Сказал Бог: не ешьте, если же съедите, то смертью умрете». И сказал жене змий: «Смертию не умрете; ибо знает Бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как Бог, познав добро и зло». И увидела жена, что дерево съедобное, и взяла плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоих, и поняли они, что наги, и сшили себе препоясание из листвы смоковницы. И сказал Бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни твоей жизни». И изгнал Господь Бог Адама из рая. И поселился он против рая, плачась и возделывая землю, и порадовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата — отпадение от ангельского жития.

Родил Адам Каина и Авеля; Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву Богу плоды земные, и не принял Бог даров его. Авель же принес первенца — ягненка, и принял Бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И послушал его Авель, и когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не знал, как это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». Он взял камень и убил Авеля. И сказал Бог Каину: «Где брат твой?» Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?» И сказал Бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стонать и трястись до конца жизни своей».

Адам и Ева плакали, а диавол радовался, говоря: «Кого Бог почтил, а я того заставил отпасть от Бога и, вот, ныне плач ему наделал». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением Божиим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму, и положил в нее умершего, и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем.

Когда Адаму было двести тридцать лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, и всякой нечистоты, и убийства, и зависти, и жили люди как скоты.

Только Ной один был праведен в роде этом. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал Бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал Господь Бог Ною: «Построй ковчег в длину триста локтей, в ширину восемьдесят, а в вышину тридцать»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною Господь: «Войди в него ты, и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов». И ввел Ной кого приказал ему Бог. Навел Бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на едином языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». Начали строить, и был старейшина их Нимрод. И сказал Бог: «Вот, умножились люди и замыслы их суетные». И сошел Бог, и разделил речь их на семьдесят и два языка. Язык же Адама не был отнят у Евера; этот один из всех остался непричастен к их безумному делу и сказал так: «Если бы Бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы то словом своим — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменился его язык; от него пошли евреи.

Итак, разделились люди на семьдесят один язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению диавола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали Истинного Бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до разделения народов 529 лет. Затем диавол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторые — золотых и серебряных; и кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля.

Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей, некоторых ставил прежним царям, других — храбрым людям, и волхвам, и женам-прелюбодейкам. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать Истину, посмотрел на небо, и увидел звезды и небо, и сказал: «Воистину тот Бог, Который создал небо и землю, а отец мой обманывает людей». И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего», и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот Бог,

Кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это и чтя идолов, захотел вынести их, но Аарон тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Изыди из дома отца твоего и пойди в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские».

И сделал Авраам так, как заповедал ему Бог. И взял Авраам племянника своего Лота; этот Лот был ему и шурин, и племянник, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона — Сарру. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал Бог Аврааму: «Потомству твоему дам землю эту». И поклонился Авраам Богу, Аврааму же было семьдесят пять лет, когда вышел он из Харрана. Сарра же была неплодной, болела безчадием. И сказала Сарра Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сарра Агарь, и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом; Аврааму же было восемьдесят шесть лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сарра, и родила сына, и назвала его Исаак. И приказал Бог Аврааму совершить обре́зание отрока, и обре́зали его на восьмой день. Возлюбил Бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, и, назвав своим народом, отделил его от других племен. И возмужал Исаак, — а Авраам жил сто семьдесят пять лет, и умер, и был погребен. Когда же Исааку было шестьдесят лет, родил он двух сыновей: Исава и Иакова. Исав же был лжив, а Иаков — праведен.

Этот Иаков работал у своего дяди семь лет, добиваясь руки его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван — дядя, сказав так: «Возьми старшую». И дал ему Лию, старшую, а ради другой, сказал ему, работать еще семь лет. Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левию, Иуду, Иссахара, Завулона, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Неффалима, Гада и Асира. И от них пошли евреи. Иаков же отправился, когда ему было сто тридцать лет, в Египет, вместе со всем родом своим, числом шестьдесят пять душ. Прожил он в Египте семнадцать лет и умер, а потомство его находилось в рабстве четыреста лет. По прошествии же этих усилий евреи и умножились, а египтяне держали их в рабстве.

В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетскому царю: «Родился ребенок у евреев, который погубит Египет». И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских сыновей умерщвлять. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и отнесла, и поставила его в тростнике у берега реки. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, назвала Моисеем и вскормила. Был же тот мальчик красив, и когда исполнилось ему четыре года, привела

его дочь фараона к своему отцу. Фараон, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей, хватаясь как-то за шею царя, сронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв, увидев это, сказал царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубит он сам весь Египет». Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей возмужал и стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, обижавшего еврея, бежал из Египта и пришел в землю Мадиамскую, и когда шел через пустыню, узнал от Архангела Гавриила о бытии всего міра, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смешении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд, и о числе их, и о мере земли, и всякую премудрость. Затем явился Моисею Бог в горящем терновом кусте и сказал ему: «Видел я горе людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их из-под власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: «Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они требу Богу». Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил Бог на него десять казней: во-первых, окровавленные реки; во-вторых, жаб; в-третьих, мошек; в-четвертых, песьих мух; в-пятых, мор скота; в-шестых, нарывы; в-седьмых, град; в-восьмых, саранчу; в-девятых, трехсуточную тьму; в-десятых, мор на людей. Потому напустил Бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских.

Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: «Поскорей уходите!» Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их Господь через пустыни к Красному морю, и шел впереди них огненный столп ночью, а днем — облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними, и прижал их к морю. Когда же увидели это евреи, возопили к Моисею: «Зачем повел нас на смерть?» И воззвал Моисей к Богу, и сказал Господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море посуху. И когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его.

И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на Бога, и показал им Господь дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода. Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал Господь Моисею: «Слышал ропот сынов Израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им Закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к Богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей, как Богу. И иссек Моисей

три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал Господь Моисею: «Ударь жезлом в камень». И ответил Моисей: «А что, если не испустит он воду?» И разгневался Господь на Моисея, что не возвеличил Господа, и не вошел он в Землю Обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамскую и показал Землю Обетованную. И умер Моисей на той горе. И принял власть Иисус Навин; этот пришел в Землю Обетованную, избил хананейское племя и вселил на место их сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда; а иных судей было четырнадцать, при них забыли евреи Бога, выведшего их из Египта, и стали служить бесам. И разгневался Бог, и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начинали они каяться,— миловал их Бог; а когда избавлял их,— снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илия-жрец, а затем — Пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: «Поставь нам царя». И разгневался Господь на Израиля, и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться Закону Господню; и избрал Господь Давида и поставил его царем Израилю, и угодил Давид Богу. Давиду этому обещал Бог, что родится Бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении Божием, говоря: «Из чрева прежде утренней звезды родил Тебя». Так он пророчествовал сорок лет и умер. А вслед за ним пророчествовал сын его Соломон, который создал храм Богу и назвал его Святая Святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал сорок лет и умер.

После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство надвое: в Иерусалиме — одно, а в Самарии — другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона, сотворил он два золотых тельца и поставил — одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: «Вот боги твои, Израиль». И поклонялись люди, а Бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать Бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря — Арею; и забыли Бога отцов своих. И стал Бог посылать к ним Пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и служении кумирам. Они же, обличаемые, стали избивать Пророков. Бог разгневался на Израиля и сказал: «Отвергну от себя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну беззакония их». И стал посылать Пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов».

Первым стал пророчествовать Осия: «Положу конец царству дома Израилева... Сокрушу лук Израилев... Уже не буду более миловать дома Израилева, но, отметая, отвергнусь их»,— говорит Господь. «И будут скитальцами между народами». Иеремия же сказал: «Хотя бы предстали передо мной Самуил и Моисей... не помилую их.» И еще сказал тот же Иеремия: «Так говорит Господь: «Вот, я поклялся Именем Моим великим, что не будет Имя Мое произносимо устами евреев». Иезекииль же сказал: «Так говорит Господь Адонаи...: «Рассею вас, и весь

остаток ваш развею по всем ветрам... За то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими; я же отрину тебя... и не помилую тебя». Малахия же сказал: «Так говорит Господь: «Уже нет Моего благоволения к вам... Ибо от востока и до запада прославится Имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам Имени Моему и жертву чистую, так как велико будет Имя Мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов». Исаия же великий сказал: «Так говорит Господь: «Простру руку Свою на тебя, сгною и рассею тебя, и вновь не соберу тебя». И еще сказал тот же Пророк: «Возненавидел я праздники и новомесячия ваши, и суббот ваших не принимаю». Амос же Пророк сказал: «Слушайте слово Господне: «Я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более». Малахия же сказал: «Так говорит Господь: «Пошлю на вас проклятие и прокляну ваше благословение... разрушу его и не будет с вами». И много пророчествовали Пророки об отвержении их.

Тем же Пророкам повелел Бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исаия, так говоря: «От Меня произойдет Закон, и суд Мой поставлю во свет для народов. Правда Моя близка и восходит... и на мышцу Мою надеются народы». Иеремия же сказал: «Так говорит Господь: «Заключу с домом Иудиным новый завет... Давая им законы в разумение их, и на сердцах их напишу, и буду им Богом, а они будут Моим народом». Исаия же сказал: «Прежнее миновало, а новое возвещу,— прежде возвещания, оно было показано вам. Пойте Богу новую песнь». «Рабам Моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле». «Дом Мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же Пророк Исаия говорит: «Обнажит Господь святую мышцу Свою перед глазами всех народов,— и все концы земли увидят спасение Бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним Сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении Бога, раньше других Давид: «Сказал Господь Господу моему: «Сядь одесную меня, доколе положу врагов Твоих к подножию ног Твоих». И еще: «Сказал мне Господь: «Ты — Сын Мой; Я ныне родил Тебя». Исайя же сказал: «Ни посол, ни вестник, но Сам Бог, придя, спасет нас». И еще: «Младенец родится нам, владычество на плечах Его, и нарекут имя Ему великого совета Ангел... Велика власть Его, и миру Его нет предела». И еще: «Вот, Дева во чреве зачнет, и нарекут имя Ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем — дом Ефрафа, разве ты не велик между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою во Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных. Посему Он оставит их до времени, доколе не родит имеющая родить; тогда возвратятся оставшиеся

братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку Своему Иакову... После того Он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек Он: кто узнает, что Он Бог? ибо умирает, как человек». Захария же сказал: «Не послушали Сына Моего, а я не услышу их, говорит Господь». И Осия сказал: «Так говорит Господь: плоть Моя от них».

Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исаия: «Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника». И еще сказал тот же Пророк: «Так говорит Господь: «...Я не воспротивляюсь, не возражаю. Хребет Мой отдал Я для нанесения ран, а щеки Мои — на заушение, и лица Моего не отвернул от поругания и оплевания». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу Его и отторгнем от земли жизнь Его». Моисей же сказал о распятии его: «Увидите жизнь вашу, висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мятутся народы». Исаия же сказал: «Как овца, веден был Он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен Бог, распростерший руки Свои и спасший Иерусалим».

И о воскресении сказал Давид: «Восстань, Боже: суди землю, ибо Ты наследуешь все народы». И еще: «Как бы от сна воспрянул Господь». И еще: «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его». И еще: «Воскресни, Господи Бог мой, да вознесется рука Твоя». Исаия же сказал: «Сошедши в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И Ты ради Крови Завета Твоего освободил узников Своих изо рва, в котором нет воды».

И много пророчествовали о Нем, что и сбылось все».

Спросил же Владимір: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?» Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился Бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали Пророков, а цари их преступали Законы, преданы были они на расхищение, и выведены в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там семьдесят лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до иноплеменника Ирода, ставшего над ними властвовать.

В правление этого последнего, в год 5500, послан был Архангел Гавриил в Назарет, к Деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная. Господь с Тобою!» И от слов этих понесла Она в утробе Слово Божие, и родила Сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». Услышав об этом, Ирод-царь смутился, и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?» Они же ответили ему: «В Вифлееме еврейском». Ирод же, услышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и

истребили младенцев. А Мария, испугавшись, спрятала младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу Ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и мать его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было Ему тридцать лет, начал Он творить чудеса и проповедовать Царство Небесное. И избрал двенадцать, и назвал их учениками своими, и стал творить великие чудеса — воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым — и иные многие великие чудеса, которые прежние Пророки предсказали о Нем: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился Он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же Он крестился, отверзлись Небеса, и Дух сошел под видом голубиным, и Голос сказал: «Вот, Сын Мой возлюбленный, к Нему же Мое благоволение». И посылал Он учеников Своих проповедовать Царствие Небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает Сыну Человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть.

Когда же учил Он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти, и искали убить Его, и, захватив Его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели Его без вины, захотел Его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь Этого, то не будешь другом цезарю». Пилат и приказал, чтобы Его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место и тут распяли Его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли Его с креста, положили Его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики Его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился Он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Пробыл Он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им идти к горе Елеонской. И тут явился им, и благословил их, и сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование Отца Моего». И сказав это, вознесся на Небо. Они же поклонились ему. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в храме. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на Апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимір же спросил: «Зачем родился Он от жены, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил ему: «Вот зачем! Вначале род человеческий женою согрешил: диавол прельстил Адама Евою, и отпал тот от рая. Так и Бог отомстил диаволу: через жену была перво-

начальная победа диавола, так как через жену первоначально был изгнан Адам из рая; через жену же воплотился Бог и приказал войти в рай верным. А на дереве он был распят потому, что от дерева вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; Бог же на дереве принял страдания, чтобы деревом был побежден диавол, и деревом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою: потому-то и сказал Бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей, — водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетских злодеяний, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: «Дух Божий носился поверх вод», потому и ныне крестятся водою и Духом. Первое прообразование тоже было водою, когда Гедеон дал прообраз следующим способом: однажды пришел к нему Ангел, веля ему идти к Мадиам, он же, испытуя, обратился к Богу; положив руно на гумне, сказал: «Если будет по всей земле роса, а руно сухо...» И было так. Это же прообразовало, что все иные страны были прежде без росы, а евреи — руно, после же на других странах стала роса, которая есть Святое Крещение, а евреи остались без росы. И Пророки предрекли, что обновление будет через воду.

Когда Апостолы учили во всем міре веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил же Бог и день единый, в который, сойдя с Небес, будут судить живых и мертвых и воздастся каждому по делам его: праведникам — Царство Небесное, красота неизреченная, веселие без конца и безсмертие вечное; грешникам же — мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, философ показал Владиміру занавес, на котором написано было судилище Господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево — грешников, идущих на мучение. Владимір же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владиміру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимір многие дары и отпустил его с честию великою.

В год 6495 (987 г.). Созвал Владимір бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот, приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала міра, о бытии всего міра. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать. Рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если

же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? Что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит Богу».

И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимір: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и в тот же день сотворил им честь великую. На следующий же день послал к Патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они Славу Бога нашего». Услышав об этом, Патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние диаконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою.

Между тем, по воле Божией, сами внешние события вели князя к ближайшему соприкосновению с православной верой и Церковью.

Византийскую империю сотрясали удары мятежных полководцев Варды Склира и Варды Фоки, каждый из которых уже примеривал царскую корону. В трудных условиях императоры, братья-соправители Василий Болгаробойца и Константин, обратились за помощью к Владиміру.

События развивались быстро. В августе 987 года Варда Фока провозгласил себя императором и двинулся на Константинополь, осенью того же года послы императора Василия были в Киеве. «И истощились богатства его (Василия), и побудила его нужда вступить в переписку с царем Руссов. Они были его врагами, но он просил у них помощи, — пишет о событиях 980-х годов арабский хронист Яхъя Антиохийский. — И царь Руссов согласился на это и просил свойства с ним».

В награду за военную помощь Владимір просил руки сестры императоров Анны, что было для византийцев неслыханной дерзостью. Принцессы крови никогда не выходили замуж за «варварских» государей, даже христиан. В свое время руки той же Анны домогался для своего

сына император Оттон Великий, и ему было отказано. Но сейчас Константинополь вынужден был согласиться.

Был заключен договор, согласно которому Владимір должен был послать в помощь императорам шесть тысяч варягов, принять Святое Крещение и при этом условии получить руку царевны. Так в борьбе человеческих устремлений воля Божия определила судьбу языческой Руси. Владимір направляет в Византию военную подмогу. С помощью русских мятеж был быстро подавлен, империя спасена, а Варда Фока убит. Но греки, обрадованные неожиданным избавлением, не торопились выполнить свою часть уговора.

Возмущенный их лукавством, Владимір «вборзе собра воя своя» и двинул «на Корсунь, град греческий», древний Херсонес. Пал «неприступный» оплот византийского господства на Черном море, один из жизненно важных узлов экономических и торговых связей империи. Удар был настолько чувствителен, что эхо его отозвалось по всем византийским пределам.

Решающий довод снова был за Владиміром. Его послы, воеводы Олег и Ждьберн, прибыли в Царьград за царевной. Восемь дней ушло на сборы рыдающей Анны, которую братья утешали, подчеркивая значительность предстоящего ей подвига: способствовать «просвещению Русского государства и земли их, сделать их навсегда друзьями Ромейской державы». В Тавриде ее ждал Владимір, к титулам которого прибавился новый, еще более блестящий,— цесарь (царь, император). Он с того времени чеканит монеты по византийским образцам и изображается на них со знаками императорской власти: в царской одежде, на голове — венец, в правой руке — скипетр с крестом.

Владимір трижды собирался принять Крещение. Первый раз, выслушав проповедников, каждый из которых склонял его в свою веру, как уже говорилось, князь решил отправить посольство в мусульманские и христианские страны, дабы на месте выяснить, какая вера лучше.

И когда вернулись они, созвал князь Владимір бояр своих и старцев и сказал им: «Вот, пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», — и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Недобр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом,— знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый

человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был Закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимір: «Где примем Крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И князь наконец решился: «Отвещав же,— Володимер рече,— идем, Крещенье примем». Но эта внешняя решимость, не подкрепленная живым церковным опытом, оказалась недолговечной — он так и остался язычником.

Второй раз Владимір собрался креститься, когда на требование отдать ему в жены Анну императоры ответили так: «Не пристало христианам отдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царство Небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя».

«Услышав это, — говорит летописец, — сказал Владимір посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал Закон ваш и люба мне вера ваша и Богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи».

Но и в этот раз князю не суждено было принять Святое Крещение. Видно, Богу было не угодно, чтобы просвещение Руси имело в своем основании брачные расчеты. Владимір затеял с императорами спор, что должно состояться в первую очередь — крещение или приезд невесты. Время шло, а уступать никто не хотел.

Тогда князь осадил Корсунь. Взять хорошо укрепленный город было почти невозможно, но... «некий муж — корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимір же, услышав об этом, посмотрел на Небо и сказал: «Если сбудется, — крещусь!» И тотчас повелел копать наперерез трубам, и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались»,— свидетельствует летопись.

Лишившись Корсуни, Василий и Константин вынуждены были выполнить свое обещание и отправили наконец сестру Анну, с пресвитерами и сановниками, к Владиміру. С царевной прибыл посвященный святым Патриархом Николаем II Хризовергом на Русскую кафедру митрополит Михаил Сирин — со свитой, клиром, мощами и другими святынями.

Ожидавший в Корсуни прибытия невесты Владимір внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Преподобный Нестор Летописец так повествует об этом: «По Божественному Промыслу, разболелся в то время Владимір глазами и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что делать. И послала к нему царевна сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимір

сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине Велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же Корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владиміра. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимір. Владимір же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: «Теперь узнал я Истинного Бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви Святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг».

Когда же Владиміра крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли» — и до конца этот Символ Веры. И еще: «Верую во единого Бога Отца нерожденного и во единого Сына рожденного, в единый Дух Святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности: ибо разделяется Бог нераздельно и соединяется без смешения. Отец, Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын и прежде всех времен, Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же Пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменны их свойства... Не три бога, но один Бог, так как Божество едино в Трех Лицах. Желанием же Отца и Духа спасти Свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как Божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился Бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимым девство Матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский — и на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле устрашился, по своей воле умер — умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, — воскрес в собственном теле, не зная тления, взошел на Небеса, и сел справа от Отца, и придет вновь со славою судити живых и мертвых; как вознесся со Своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и едино крещение водою и духом, приступаю к пречистым Таинам, верую воистину в Тело и Кровь... принимаю цер-

ковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному древу и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую и в семь Соборов Святых Отцов, из которых первый был в Никее трехсот восемнадцати Отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй Собор в Константинополе ста пятидесяти Святых Отцов, проклявших духоборца Македония и проповедовавших Единосущную Троицу. Третий же Собор в Ефесе, двухсот Святых Отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали Святую Богородицу. Четвертый Собор в Халкидоне шестисот тридцати Святых Отцов против Евтихия и Диоскора, которых и прокляли Святые Отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным Человеком. Пятый Собор в Царьграде ста шестидесяти пяти Святых Отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли Святые Отцы. Шестой Собор в Царьграде ста семидесяти Святых Отцов против Сергия и Кура, проклятых Святыми Отцами. Седьмой Собор в Никее трехсот пятидесяти Святых Отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам.

Не принимай же учения от латинян, — учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но стоя кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами,— так что, ложась, целуют его, а встав — попирают. Этому не учили Апостолы: Апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука-Евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. Как говорит Василий: «Чествование иконы переходит на ее первообраз». Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо, — изначала сотворил Бог небо, также и землю. Так говорят: «Отче наш, иже еси на Небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же лобзаете и оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех Соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На Первый Собор в Никее против Ария папа Римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров — от Александрии Афанасий, а от Царьграда Патриарх Митрофан послали от себя епископов; и так исправляли веру. На Второй же Собор — от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На Третьем же Соборе — папа Римский Келестин, Кирилл Александрийский, Патриарх Иерусалимский Ювеналий. На Четвертом же Соборе — папа Римский Лев, Патриарх Константинопольский Анатолий, Ювеналий Иерусалимский. На Пятом Соборе — папа Римский Вигилий, Патриарх Константинопольский Евтихий, Патриарх Александрийский Аполлинарий, Патриарх Антиохийский Домнин. На Шестом Соборе — от Рима Агафон, Георгий из Константинополя, Феофан Антиохийский, от Александрии монах Петр. На Седьмом Соборе — от Рима Адриан, Тарасий из Константинополя, Политиан

Александрийский, Феодорит Антиохийский, Илия Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого последнего Собора Петр Гугнивый вошел с другими в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола Иерусалимского, Александрийского, Константинопольского и Антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат; и следует остерегаться их учения. Прощают же они и грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

В древнем Херсонесе, где каждый камень еще помнил святого Андрея Первозванного и солунских братьев Кирилла и Мефодия, свершилось венчание Владиміра и Анны Багрянородной, как бы напомнив и подтвердив исконное единство христианского благовестия у греков и славян, на Руси и в Византии.

После всего этого Владимір взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами Святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуни на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне.

Корсунь, «вено царицы», был возвращен Византии. Великий Князь отправился с супругой в обратный путь к Киеву. Впереди великокняжеского поезда с молебнами и песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи. Казалось, сама Вселенская Церковь двинулась в просторы Русской земли, и Киевская Русь открывалась навстречу Христу и Его Церкви.

В 988 году князь Владимір возвратился в Киев совсем не таким, каким он покинул город, отправляясь в поход. Совершенно изменилась его нравственная жизнь. Он распустил свои гаремы; Рогнеде, своей первой жене, послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Замечателен ответ Рогнеды: «Я — природная княжна,— велела она передать Владиміру.— Ужели тебе одному дорого Царствие Небесное? И я хочу быть невестой Христовою». С именем Анастасии княжна постриглась и кончила свои дни смиренной монахиней в одной из обителей. Так крещение Владиміра отозвалось благодатной переменой и среди людей, его окружавших.

Русь уже знала властителей-христиан. Бабка князя — Святая Равноапостольная Ольга долгие годы правила страной: сперва по малолетству сына, потом ввиду его постоянных военных отлучек. Ее личная приверженность Православию, однако, никак не сказалась на народе в целом. Естественно было ожидать такого же поведения и от князя Владиміра, тем более что государство, которым он правил, созданию которого отдал столько сил, имело язычество в своей основе как связующее и объединя-

ющее государственное начало. Покуситься на него — значило наверняка разрушить Киевскую державу, отдав ее во власть религиозных смут и племенных противоречий.

Однако святой князь руководствовался не политическим расчетом, но благодатным внушением Божиим. Вернувшись в Киев, он велел опрокинуть идолов — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,— чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они Святого Крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимір к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор.

Затем послал Владимір по всему городу с повелением жителям собраться на берегу Днепра, подкрепив призыв всем весом своей княжеской власти: «Если кто не придет — богатый или бедный, нищий или раб, — будет мне враг!»

Наступило незабываемое и единственное в русской истории утро Крещения киевлян в водах Днепра. Священное желание князя было исполнено безпрекословно: «В одно время вся земля наша восславила Христа со Отцем и Святым Духом».

И... вместо неминуемого, казалось бы, всеобщего мятежа произошло всеобщее Крещение, которое Святой Владимір предварил своей горячей молитвой. «Боже, сотворивший небо и землю,— молился прозревший князь, — призри на новые люди сии и даждь им, Господи, познать Тебя, Истинного Бога, как уже познали страны христианские, утверди веру в них правую и несовратимую, а мне помоги, Господи, на супротивного врага, дабы, надеясь на Тебя, победил бы я его козни».

Вошли в воду и стояли там одни по шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, священники же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ.

В год Крещения Руси Владиміру исполнилось 25 лет. Со всем пылом юности отдался он осуществлению Христовых заповедей. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте имения ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где

моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на Небе, где моль не истребляет их и воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и взаймы дает»; слышал он и слова Соломона: «Благотворящий бедному дает взаймы Богу». Слыша все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно: питье, и пищу, и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «немощные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое.

Одно время князь даже отказался карать преступников, восклицая: «Боюсь греха!» Лишь вмешательство духовенства, напомнившего ему слова Апостола об обязанностях властителя и его ответственности, заставило святого Владиміра изменить свое решение.

Вопреки всему Киевская Русь не разрушилась и не потонула в пучине усобиц. Православие распространялось неимоверно быстро. Уже при жизни святого Владиміра в Киеве были возведены сотни церквей. На севере: в Новгороде, Ростове, Мурмане — язычество держалось дольше и крепче, но и там, после исторически непродолжительного периода двоеверия, Православие безоговорочно восторжествовало...

Всюду по Руси, от древних городов до дальних погостов, повелел Владимір ниспровергнуть языческие требища, иссечь истуканов, а на месте их рубить по холмам церкви, освящать престолы для Безкровной Жертвы. Храмы вырастали по лицу земли — на возвышенных местах, у излучин рек, на старинном пути «из варяг в греки» — словно путеводные знаки, маяки народной святости.

Прославляя храмостроительные труды Великого Князя Владиміра, автор «Слова о Законе и Благодати», святитель Иларион, митрополит Киевский, восклицал: «Капища разрушаются, и церкви поставляются, идолы сокрушаются и иконы святых являются, бесы убегают, крест грады освящает».

С первых веков христианства ведет начало обычай воздвигать храмы на развалинах языческих капищ или на крови святых мучеников. Следуя этому правилу, святой Владимір поставил храм во имя Василия Великого на холме, где находился когда-то жертвенник Перуна, и заложил каменный храм Успения Пресвятой Богородицы (Десятинный) на месте гибели святых варягов-мучеников Феодора и Иоанна. Великолепный храм, призванный стать местом служения митрополита Киевского и всея Руси, первопрестольным храмом Русской Церкви, строился шесть лет (989-995 гг.), был богато украшен мозаиками и фресковой живописью, крестами, иконами и священными сосудами, привезенными из Корсуня. День освящения храма, 12 мая (в некото-

рых рукописях — 11 мая), Владимір велел внести в месяцесловы для ежегодного празднования.

Событие было соотнесено с существовавшим уже праздником 11 мая, связывавшим новый храм двойной преемственностью. Под этим числом отмечается в святцах «обновление Царьграда» — посвящение святым императором Константином новой столицы Римской империи, Константинополя, Пресвятой Богородице (в 330 году). В тот же день, при княгине Ольге, в 952 году был освящен в Киеве первый, деревянный еще, храм Софии — Премудрости Божией. Князь Владимір, освятив кафедральный собор 11 мая, посвящал тем самым, вслед за равноапостольным Константином, стольный град земли Русской, Киев, Владычице Небесной.

Тогда же князем пожалована была Церкви десятина, почему и храм, ставший центром общерусского сбора церковной десятины, нарекли Десятинным. Древнейший текст уставной грамоты, или церковного Устава, святого князя Владиміра гласил: «Се, даю церкви сей Святыя Богородицы десятину из всего своего княжения, и тако же и по всей земле Русской от всего княжья суда десятую векшу, из торга — десятую неделю, а из домов на всякое лето — десятое всякого стада и всякого жита, Чудной Матери Божией и Чудному Спасу. Если кто отменит это,— да будет проклят».

Летопись сохранила молитву святого Владимира, с которой он обратился к Вседержителю при освящении Десятинного храма: «**Господи Боже, призри с Небесе и виждь, и посети винограда Своего, яже насадила десница Твоя. И сверши новые люди сии, им же обратил еси сердце и разум — познать Тебя, Бога Истинного. И призри на церковь Твою сию, юже создал недостойный раб Твой во имя Рождшей Тя Матери, Приснодевы Богородицы. Аще кто помолится в церкви сей, то услыши молитву его молитв ради Пречистой Богородицы**».

С Десятинною церковью и епископом Анастасом некоторые историки связывали начало русского летописания. При ней были составлены «Житие святой Ольги» и «Сказание о варягах-мучениках» в их первоначальном виде, а также «Слово о том, како крестися Владимір, возмя Корсунь». Там же возникла ранняя, греческая редакция «Жития святых мучеников Бориса и Глеба».

Киевскую митрополичью кафедру при святом Владиміре занимали последовательно митрополиты святой Михаил (в 991 году), митрополит Феофилакт, переведенный в Киев с кафедры Севастии Армянской (991—997 гг.), митрополит Леонтий (997—1008 гг.), митрополит Иоанн (1008—1037 гг.). Их трудами были открыты первые епархии Русской Церкви: Новгородская (первым ее предстоятелем был Святитель Иоаким Корсунянин, составитель Иоакимовской летописи), Владимиро-Волынская (открыта 11 мая 992 года), Черниговская, Переяславская, Белгородская, Ростовская. «Сице же по всем грады и по селам воздвизахуся церкви и

монастыри, и умножахуся священницы, и вера православная цветяше и сияше яко солнце».

Для утверждения веры в новопросвещенном народе нужны были ученые люди и школы для их подготовки. Поэтому Владимір со святым митрополитом Михаилом «начаша от лучших отцов и матерей взимати младые дети и давати в училище учитися грамоте». Такое же училище устроил святитель Иоаким Корсунянин в Новгороде, были они и в других городах. «И бысть множество училищ книжных, и бысть от сих множество любомудрых философов», несших в народ Слово Божие.

И тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божиему устроению и по милости своей помиловал их Бог, как сказал Пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас Святым Крещением и обновлением духа, по Божиему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее Крещением Святым.

Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: «Радость бывает на Небе и об одном покаявшемся грешнике». В купели Крещения Киевской Руси не один и не два, но безчисленное множество приступили к Богу, просвещенные Святым Крещением. Как сказал Пророк: «Окроплю вас водою чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой Пророк сказал: «Кто Бог, как ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? Ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо Апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившись в Иисуса Христа, в смерть его крестились; и так мы погреблись с ним Крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою отца, так и нам ходить в обновленной жизни». И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через него получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить Богу, радуясь Ему. Ибо сказал Давид: «Служите Господу со страхом и радуйтесь ему с трепетом». Мы же воскликнем к Господу Богу нашему: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их!.. Сеть расторгнулась, и мы избавились от обмана диавольского. «И исчезла память их с шумом, но Господь пребывает вовек!»

Князь твердой рукой сдерживал на рубежах врагов, строил города, крепости. Им построена первая в русской истории «засечная черта» — линия оборонительных пунктов против кочевников. «Нача ставити Володимер грады по Десне, по Выстри, по Трубежу, по Суле, по Стугне. И населил их новгородцами, смольнянами, чудью и вятичами. И воевал с

печенегами и одолевал их». Действенным оружием часто была мирная христианская проповедь среди степных язычников. В Никоновской летописи под 990 годом записано: «Того же лета приидоша из болгар к Володимеру в Киев четыре князя и просветишася Божественным Крещением». В следующем году «прииде печенегский князь Кочуг и прият греческую веру, и крестися во Отца, и Сына, и Святого Духа, и служаше Владимеру чистым сердцем». Под влиянием святого князя крестились и некоторые видные иноземцы, например, живший несколько лет в Киеве норвежский конунг (король) Олаф Трюггвасон и другие. В далекой Исландии поэты-скальды называли в эти годы Бога «хранителем греков и русских».

Средством христианской проповеди были и знаменитые пиры Владиміра: по воскресеньям и большим церковным праздникам после Литургии выставлялись для киевлян обильные праздничные столы, славословили хоры, «калики перехожие» пели былины и духовные стихи. Например, 12 мая 995 года по поводу освящения Десятинной церкви князь «сотвори пирование светло», «раздавая имения много убогим, и нищим, и странникам, и по церквам и по монастырям. Больным же и нищим доставлял по улицам великие кади и бочки меду, и хлеб, и мясо, и рыбу, и сыр, желая, чтобы все приходили и ели, славя Бога".

Дивный в судьбах своих Промысл определил, чтобы этот самый великий государь, который, по-видимому, хотел быть восстановителем упадавшего на Руси язычества, нанес ему последний удар и чтобы, пленившись святою верою сам, он окончательно утвердил ее и во всех пределах своих обширных владений. Исполнились пламенные молитвы равноапостольной Ольги: Господь помиловал ее род и все Великое княжество — Киевскую Русь и достойнейший внук ее, в сердце которого еще в детстве старалась она насадить семена благочестия, достигши лет зрелых, сделался не только истинным христианином, но даже равноапостолом и просветителем Руси.

Трудно переоценить глубину духовного переворота, совершившегося благодаря Владиміру в русском народе, во всей его жизни, во всем міровоззрении. В чистых водах Крещения, как в «бане нового бытия», осуществилось таинственное преображение русской духовной стихии, духовное рождение народа, призванного Богом к невиданным еще в истории подвигам христианского служения человечеству. В конце X века в купель Святого Крещения вошли племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели — единый народ. Ибо угодно было Господу явить здесь чудо Крещения, положившего начало тысячелетнему служению соборного и державного православного народа тогда, когда это казалось невозможным и невыполнимым. «Тогда начал мрак идольский от нас отходить, и заря Православия явилась, и Солнце

Евангельское землю нашу осияло»,— говорит митрополит Иларион в знаменитом «Слове о Законе и Благодати».

В память священного события, обновления Руси водою и Духом, установился в Русской Церкви обычай ежегодного Крестного хода «на воду» 1 августа, соединившийся впоследствии с празднеством Присхождения Честны́х Древ Животворящего Креста Господня, общим с Греческой Церковью, и русским церковным празднеством Всемилостивому Спасу и Пресвятой Богородице. В этом соединении праздников нашло точное выражение русское богословское сознание, для которого неразрывны Крещение и Крест.

«Никтоже, возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствие Божие»[1]), свидетельствует Святое Евангелие. В 988 году по Рождеству Христову народ наш возложил руки свои на рало церковного послушания, которое он упорно и терпеливо, «не зря вспять», доныне несет под покровом Пречистой Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии молитвами преподобных и богоносных отец наших и всех святых.

Тропарь, глас а҃:

Спаси́, Го́споди, лю́ди Твоя́ и благослови́ достоя́ніе Твое́, побѣ́ды правосла́вным христіа́номъ на сопроти́вныя да́руя и Твое́ сохраня́я крестóмъ Твои́мъ жи́тельство.

Молитва
іеросхимонаха Парѳенія Кіевскаго

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, не попусти, чтобы суетность, самолюбіе, чувственность, нерадѣніе, гнѣвъ господствовали надо мною и похищали меня у любви Твоей... О Господи, Создателю мой, все Упованіе мое! Не остави меня безъ удѣла въ блаженной вѣчности; соделай, да и я послѣдую святому примѣру Твоему, буду покоренъ властямъ, надо мною поставленнымъ; даруй мнѣ сію чистоту духа, сію простоту сердца, которыя дѣлаютъ насъ достойными любви Твоей.

Къ Тебѣ, о Боже мой, возношу душу и сердце мое: не попусти погибнуть созданію Твоему, но избавь меня отъ единственного и величайшаго зла: грѣха. Содѣлай, Господи, да переношу съ такимъ же терпѣніемъ безпокойства и скорби душевныя, съ какою радостію пріемлю удовольствія сердечныя. Если Ты хочешь, Господи! — можешь очистить и освятить меня. Се предаю себя Твоей благости, прося истребить изъ меня все противное Тебе и присоединить къ сонму избранныхъ Твоихъ.

---

[1]) Еванг. от Луки, гл. 9, ст. 62.

Господи! Отыми отъ меня праздность духа, погубляющую время; суетность мыслей, мѣшающую Твоему присутствію и развлекающую вниманіе мое въ молитвѣ; если же, молясь, я уклоняюсь отъ Тебя моими помыслами, то помоги мнѣ, дабы сіе развлеченіе было не произвольно, и, отвращая умъ, да не отвращу сердце отъ Тебя.

Исповѣдую Тебѣ, Господу Богу моему, всѣ грѣхи моего беззаконія, нынѣ и прежде содѣланные предъ Тобою: отпусти мнѣ ихъ ради Имени Твоего Святаго и спаси душу мою, которую Ты искупилъ драгоценною Кровію Твоею. Вручаю себя милосердію Твоему, предаюсь въ волю Твою, твори со мною по благости Твоей, а не по злобѣ и беззаконію моему. Научи меня, Господи, располагать дѣла свои такъ, чтобы они споспѣшествовали къ прославленію Имени Твоего Святаго.

Умилосердись, Господи, о всѣхъ христіанахъ, услыши желаніе всѣхъ вопіющихъ къ Тебѣ, избави отъ всякаго зла, спаси рабовъ Твоихъ *(имена)* пошли имъ отраду, утѣшеніе въ скорбяхъ и милость твою святую. Господи! молю Тебя особенно о тѣхъ, которые меня чѣмъ-либо обидѣли и опечалили или какое-либо зло сдѣлали: не наказывай ихъ меня ради грѣшнаго, но пролей на нихъ благость Твою...

Господи, молю Тебя о всѣхъ, которыхъ я, грешный, опечалилъ, обиделъ или соблазнилъ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. Господи Боже! отпусти намъ наши взаимныя оскорбленія; изжени, Господи, изъ сердцъ нашихъ всякое негодованіе, подозрѣніе, гнѣвъ, памятозлобіе, ссоры и все то, что можетъ препятствовать любви и уменьшать братолюбіе.

Помилуй, Господи, тѣхъ, которые поручили мнѣ, грѣшному, недостойному, молиться о нихъ! — Помилуй, Господи, всякаго просящаго Твоей помощи. Господи! сотвори сей день днемъ милосердія Твоего, подай каждому по прошенію его; буди постыремъ заблудшихъ, вождемъ и свѣтомъ невѣдущихъ, наставникомъ немудрыхъ, отцомъ сирыхъ, помощникомъ угнетенныхъ, врачемъ больныхъ, утѣшителемъ умирающихъ, и приведи насъ всѣхъ къ желанному концу — къ Тебѣ, Пристанищу нашему и блаженному Упокоенію. Аминь.

День девятый

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ ПРЕПОДОБНОГО ЛАВРЕНТИЯ ЧЕРНИГОВСКОГО

Наша земля издавна, начиная с Антония и Феодосия Печерских, славится великими подвижниками благочестия.

Вот и в наш XX век, век великих успехов науки и техники (но, к сожалению, не веры и благочестия), явился старец — отец Лаврентий, всеми любимый и почитаемый.

Схиархимандрит Лаврентий, в миру Лука Евсеевич Проскура, родился в 1868 году в с. Карильском близ Коропа Черниговской области.

Родители его, Евсевий и Христина, были простые крестьяне. В семье было 7 детей (5 мальчиков). Лука был одним из младших. Детство было тяжелым, нужно было с ранних лет приучаться ко всякой домашней работе.

А тут еще не повезло со здоровьем. Будучи еще малышом, шутливо надел на голову решето и, бегая по двору, зацепился; отступая детскими ножками назад, упал на поросенка так сильно, что получил увечье на всю жизнь (стал хромым).

Мать часто болела, не поднималась с постели. Отец умер, и мальчику приходилось исполнять и мужскую, и женскую работу.

Память преподобного Лаврентия, старца Черниговского празднуется так же св. Церковью 29 декабря (ст. ст.)/11 января (н. ст.)

Он пас лошадей, ухаживал за коровой, топил печь, пек хлеб, убирал в избе, белил, мазал и даже стирал, выучился портняжничать. В общем, был очень способный мальчик, трудолюбивый, послушный.

Особенное было призвание к музыке и пению. Он рано научился играть на скрипке. И бывало, утром приведет лошадей из ночного и до завтрака проиграет в клуне свои любимые мелодии, изливая в них свою детскую душу.

Учился Лука в сельской школе хорошо, превосходил успехами своих сверстников. Учитель поручал ему обучать младших товарищей по школе. И он охотно исполнял это поручение.

В то время учащихся приучали петь в церкви. И тут маленький Лука чувствовал себя в своей стихии. Он быстро все усвоил — как пение, так и весь строй церковного Богослужения, прекрасно разбирался в Уставе службы и в 12 лет с помощью священника разучивал песнопения со своим маленьким ученическим хором, где были как мальчики, так и девочки. А в 14 лет уже стал самостоятельным регентом.

Еще с ранней юности Батюшка почувствовал влечение к монашеской богоугодной жизни. Это заметили его товарищи и следовали его примеру. Почти все девочки потом ушли в монастырь (м. Ардалеона, м. Евгения), а некоторые из мальчиков (юноши) даже достигли Афона.

Сам Батюшка часто навещал близнаходящийся мужской монастырь Рыхлы, который влек его своим пустынническим образом жизни. Находился он в 19 *км* от с. Карильское. Но Батюшка должен был уступить материнской любви. А когда в глубокой старости умерла мать, Батюшка недолго оставался дома: через полгода, отказавшись от своей части наследства, попросил старшего брата Варфоломея отвезти его в монастырь Рыхлы, и лет 23 был зачислен в монастырь на послушание регентом монастырского хора и уставщиком.

Весть о способном регенте распространилась далеко за пределы монастыря. Узнали о нем и в Черниговском мужском Троицком монастыре. И года через три Владыка Антоний дает письменный запрос о немедленном переводе Батюшки в Черниговский мужской Троицкий монастырь в качестве главного регента.

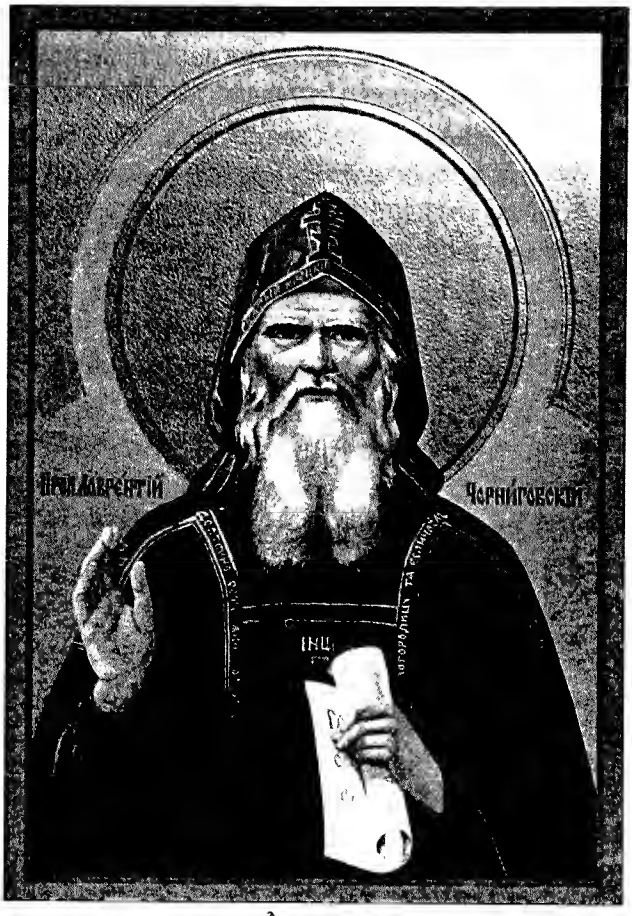
Владыка Антоний прозрел в лице инока Луки великого в будущем молитвенника. Когда он делал на него запрос в монастырь Рыхлы и Лука долго не приезжал, то братия и настоятель заревновали: «Все Луку, да Луку, будто и людей больше нет...» А Владыка Антоний возразил им: «Э, то такой Лука, что все будут спрашивать у него». Что, конечно, и сбылось в свое время.

Не хотелось Батюшке оставлять молитвенное пустынное место, которое пришлось ему по душе. Со слезами скорби уснул он и видит во сне на паперти лик Царицы Небесной Троицкой, Которая его благословляет. Вздрогнул от страха и утром немедленно отправился в путь. А когда Батюшка, прибыв в Чернигов, зашел в церковь, то узнал тот Лик Царицы Небесной, что видел во сне и Которая его благословила.

В Троицком монастыре постригли его в мантию и дали имя Лаврентий, в 1895 году рукоположили в иеромонаха, а потом он стал игуменом.

Еще с юности навы́к Батюшка Иисусовой молитве непрестанной и поучал других. Три раза он ездил на Афон и был в Иерусалиме на поклонении Святым местам.

Наружность Батюшки отца Лаврентия была приятна, во всем облике светилась благодать. Лицо всегда было светлое и радостное, исполненное любви ко всем. Волосы у него поседели рано и были белы как снег, глаза голубые. Роста был среднего. Ходил всегда с палочкой.



Прп҃бный
ЛАВРЕ́НТІЙ

Племянница Батюшкина (Евфросиния) рассказывала, что до 1933 года Батюшка раза два был в своем селе Карильском, где была у них своя церковь, в которой Батюшка служил. Бывало, в праздник Батюшка приходил домой весь мокрый, переодеваясь, приговаривал: «Вам трудно на земле работать, а на́м трудно молиться за всех. Мы тоже добре потеем».

Батюшка не забывал своих родственников: племяннице Евфросинии подарил золотой крестик, платок, а племяннику Петру — свою ручную швейную машинку. Когда у брата Варфоломея «забрали» корову, Батюшка дал денег на другую корову. Свою часть наследства он отдал младшему брату Демьяну.

Когда Батюшка приезжал в село, то наставлял своих внучек нравственности: чтобы «не гуляли с солдатами, замуж выходили венчаны и чтоб соблюдали постные дни».

Пришло время революции и Гражданской войны. Удержать нельзя ничего... Опытных певчих отправили на приходы, а кто сам ушел... Хор начал слабеть. Батюшка стал присматриваться к приходской молодежи; деревенских девочек привлекал к пению. Применял свой духовный опыт, свою духовную прозорливость, чем был одарен еще с юности.

И вот, какая девочка более склонна к монашеству, он помолится за нее, пригласит, расположит, привьет любовь к пению, молитве. И так стало пополняться стадо «молодыми овцами». Давал им тайно подрясники, четки, обучал пению, чтению, устраивал на работу. И был — как чадолюбивый отец. Весть о добром и прозорливом Батюшке разносилась все шире и дальше.

И это время прошло... Настала пора гонений на Святую Церковь. Всем монастырским предложили уйти и храмы закрыли «на ремонт» (1930 г.).Батюшка временно проживал «под горой» у одной благочестивой вдовы Елены. Там, в старом домике, Батюшка занимал небольшую комнатку и предавался посту и усиленной молитве — как за своих многочисленных рассеянных чад, так и за весь мір. И эти тайные чада только ночью могли постучаться в окно Батюшки. Но он не всех принимал, а по своей прозорливости уже знал наперед, кто к нему должен прийти и что ему нужно.

И так ему дано было предвидеть, что, когда закрывали церковь, он говорил: «Храните книги, они нужны будут. Еще будут и монастыри, и архиереи, и все нужно будет». Перед войной он предсказывал бедствия народа. Молился и плакал, что много крови прольется.

Когда началась война 1941 года, Батюшка своими усилиями собрал своих монашествующих чад и устроил женский Троицкий монастырь, где раньше был мужской; а потом и Домницкий. В Троицком было вначале человек 70 сестер, а в Домницком — человек 35.

Собрал певчих, со временем разделил на два хора. Сам был главным регентом, разучивал новые песнопения: очень духовные и милозвучные. Батюшкин хор славился далеко за пределами Чернигова.

У Батюшки была сильная любовь ко всякому делу. Во время ремонта во всем корпусе, когда делали перегородки, стелили пол, крыли крышу, Батюшка везде участвовал: давал указания и печникам, и мастерам. Когда мастера жаловались, что плохие доски, Батюшка отвечал: «Ладно, лет на 20 хватит, а потом что Бог даст».

Приходилось работать штукатурам и в холодное время года, когда замерзали материал и вода. Однажды дело не ладилось, пригласили одного старика на помощь. Он говорит, что здесь сила нужна. А Батюшка подошел с любовью, перекрестил, и материал стал мягкий, и дело пошло, как следует. Это все по молитвам великого старца Лаврентия.

Много пришлось потрудиться сестрам при отстройке Большого храма, а также и келий. Приходилось носить воду на гору из колодца, топором рубить глину, носить на плечах; одной лошадкой не справлялись. И после больших и тяжелых трудов в 1942 году на Пасху впервые начали службу в Большом храме. И Батюшка перешел в монастырскую келию.

Сколько радости, сколько восторга!

В хозяйственных делах монастыря Батюшка любил делать свои благодатные указания: где что посадить, что посеять, и строго следил за всем своим хозяйским глазом.

Батюшка отец Лаврентий славился как исповедатель. К нему всегда стояла толпа верующих-исповедников, а к другим духовникам поменьше. Многих своих чад он своей прозорливостью предупреждал и от всяких неприятных случаев.

Когда в 1942 году приехал Владыка Симон из Западной Украины, Батюшка сказал: «Эге, это наш!..» И когда приехал Владыка Иаков (1947 г.), тоже Батюшка одобрил, сказал, что при этом Владыке процветет духовная жизнь Чернигова, что и сбылось.

Еще перед войной 1941 года Батюшка прямо сказал: «За то, что все делается не по закону, да в праздники, то все стрясется и сгорит. А потом откроются монастыри, и люди будут каяться и молиться, и Господь по Своей милости даст немного времени, чтобы пополнить число отпавших Ангелов». Батюшка часто любил это слезно повторять.

Батюшка имел свои испытания. Бывало, что по зависти сатанинской к нему грубо относились. Но он все кротко и терпеливо переносил и с любовию молился за обидчиков, и этим победил лукавого, а в глазах верующих и своих чад он становился еще более духовным, великим и любимым.

Около старца в монастыре жили 12 сестер, две обслуживали его. Трапеза у них была общая, там они и молились вместе. А когда Батюшка не ходил в церковь (по слабости здоровья), то все вычитывали в келии. Он непрестанно занимался Иисусовой молитвой и обучал сестер. Указывал, как надо молиться: «Ум нужно непрестанно вправлять в молитву, а то он ходит, где попало».

Хором управлял Батюшка искусно. Делал он две спевки в неделю. Хористки были все его ученицы, только два «баса» были вольнонаемные мужчины. Он с Афона привез много вещей для пения: «Достойно есть» — очень умилительное, «Милость мира» и др.

В Чернигов приезжал Патриарх Алексий. Весь хор ходил в кафедральный Спасо-Преображенский собор и там под руководством Батюшки пели. Патриарх был в восторге от хора и говорил: «Подобное редко где услышишь».

Киевский митрополит Иоанн приглашал хор в Киев, куда и ездили, и тоже имели успех.

Во время войны хотели открыть и Елецкий мужской монастырь, но было мало братии. Батюшка торопился скорее занять Троицкий, говорил, что так указала Матерь Божия.

У Батюшки во дворе монастыря была устроена летняя беседка, где он проводил часы своего досуга, беседовал со своими чадами во время «вечернего чая», а также принимал жаждущих спасения.

Батюшка предсказал свою кончину, еще когда переходил в монастырь, за 8 лет. Сказал: «Ну, здесь кто поживет 8, а кто больше». И когда Батюшка умер, то вспоминали эти слова. За полгода также сказал: «От этого дня я проживу ровно полгода», что тоже исполнилось. И еще ска-

зал: «1950 год свое покажет, а в 1952 году увидите». И действительно, в 1950 году Батюшка умер, а в 1952 году Домницкий монастырь закрыли «на ремонт», и сестры перешли в Троицкий.

Утром, когда зажигался в какой келии свет, Батюшка своим прозорливым умом видел, где молятся, а где занимаются житейской суетой. Однажды Батюшка шел в церковь и сказал сопровождавшей его монахине, чтобы заглянула в келию, которая находилась рядом с церковью, и посмотрела, чем занимаются ее насельницы. Они в это время занимались своими делами, а в церковь никто и не думал идти.

Батюшка очень возмутился и сказал: «Так монастырь долго не протянет», — что и сбылось. Батюшка говорил, что для монаха нужна молитва как воздух, иначе он уподобляется «черной головешке», которая издает только смрад. Еще говорил: «Счастливы те, которые записаны в Книге Жизни». А на вопрос сестер, кто же записан в ней, ответил: «У кого влечение к церкви, тот записан».

У Батюшки был дар непрестанной Иисусовой молитвы. «Бывало, мою коридор, — вспоминала одна монахиня, — а он мимо проходил да и говорит: «Эге, работай, и чтоб была Иисусова молитва», или куда идешь, то он тоже напоминал про молитву».

Батюшка говорил: «Если нужно тебе уйти с Литургии, то уходи после «Отче наш». А если уже вышли с Причастием Тела и Крови, то стой со страхом и молись на месте, потому что здесь присутствует Сам Господь со Архангелами и Ангелами. И если можешь, то пролей хоть малую слезу о своем недостоинстве. А Ангел твой Хранитель будет рад за тебя. Если кто тебя спросит о чем-либо, ответь ему, но очень кратко. А сама стой, как свеча, в храме».

По Батюшкиным молитвам и благословению Владыка Борис привез из Ленинграда мощи черниговского святителя Феодосия. «Я, — сказал Батюшка, — буду молиться и встречать вас». Так и произошло. Мощи были в целости доставлены и с честью положены в кафедральном соборе. И было устроено большое торжество, Батюшка пел «Христос воскресе».

Батюшка всех любил, всех уважал, готов был каждому помочь. Это чувствовали все, окружающие его. За ним ходили толпами люди, чтобы что-то сказать, о чем-то спросить. Он иногда устраивал обеды в ожидании простого народа, и сам прислуживал им. Много рассказывал интересного, ближе народ был к нему со всеми нуждами и скорбями.

Батюшка говорил, что в последнее время кто призовет Имя Божие — спасется. Особенно девственники восполнят число падших Ангелов.

Еще говорил, что Господь такой милостивый, что и истинных евреев, которые живут по Заповеди Моисея, в последние дни помилует и вселит их на третье Небо. Батюшка призывал всех своих чад к миру и любви. Он говорил: «Если которая сестра «горячая», вспыльчива характером и не может сдержаться в слове, то, прежде чем подымать скандал, сними с себя пояс, подрясник, положи четки и тогда уже начинай доказывать свою

правоту. Если так будете поступать, никогда не будете ругаться». «Если кто в течение дня не сдержал себя в мире и любви к ближнему и поссорился с кем-либо, и имеет на кого неприятное чувство, — до заката солнца должен обязательно примириться, то есть попросить прощения».

У Батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром сердечной молитвы, прозорливости и даром исцелений. Благодарная человеческая память сохранила много чудесных рассказов о дивном стаце. Вот некоторые из них — малая толика живых, безхитростных воспоминаний.

Рассказывала одна монахиня Е. Однажды во время войны многие сестры стояли около бани у окна и смотрели вниз на луг. А Батюшка шел мимо, да как закричит: «Убегайте, а то сейчас снаряд прилетит». Так и было. Только отскочили, и сразу же ударил снаряд.

Приезжал митрополит Иоанн в гости к Батюшке. Побеседовали, попили чайку, и митрополит собирается ехать домой и спрашивает благословения у Батюшки. А Батюшка предлагает ему *завтра* уехать. А митрополит настаивает на своем. И уезжает. Прошло немного времени, и Батюшка говорит, чтобы шли встречать митрополита. Ему говорят: «Батюшка, митрополит уехал давно домой». А он: «Я говорю, идите, открывайте ворота». Они вышли, а митрополит смущенно стоит под воротами, говорит: «Дорогу размыло, и нет проезда до завтра». Митрополит удивился прозорливости Батюшки.

Ремонтировали церковь, нужен был материал, а его негде было достать. Батюшка говорит экономке: «Беги на базар скорее». Она побежала, смотрит по сторонам молча. Вдруг подходит из села председатель. Спросил, чего стоит, она объяснила печаль свою. Он предложил садиться в машину, и они приехали на вокзал, нагрузили извести полную машину. Она заплатила и привезла в монастырь. Батюшка вышел, поблагодарил его, и все прославили Бога. Поблагодарили и Батюшку за святые молитвы.

Во время войны, при оккупации, на монастырской земле была посеяна рожь. Землю забрали и разделили на участки и вот не дают жать. Пошли жаловаться в контору, там и слушать не хотели, выгнали со стыдом. Экономка в слезах пришла домой и пошла поделиться своей бедой к Батюшке. Батюшка наутро благословил опять идти туда же. Сестра, уповая на молитвы Батюшки, пошла к тем же начальникам. Только Батюшка приказал дорогой ни с кем не разговаривать. Она шла молча, зашла в контору, обратилась, а они все такие обходительные, сговорчивые и дали разрешение жать рожь. Она пришла довольная и Батюшке рассказывает, как они переменились. А Батюшка улыбнулся, да и говорит: «Э, вот когда человек злой, то в нем бес, а когда помолишься, то он отскочит, и человек становится добрым».

Рассказывает далее М. М. «Когда умирал отец, я просила его, чтобы он, по молитвам отца Лаврентия, приснился мне. Однажды приснился: «Благодарю за булочки. Лучшего ничего и не надо, они помогают мне. Я знаю, что ты в долгах, но без булочек я погибну», —сказал мне покойный отец во сне. Я пошла и рассказала Батюшке. Батюшка сказал, что это не булочки, а просфоры, которые подаются на проскомидию. Ими омываются грехи человека.

После сорока дней приснился опять. Я спрашиваю: «Ты мертв?» Он отвечает: «Я и мертвый и живой». Я спрашиваю: «Где твое место? Куда ты определен?» Он отвечает: «Я еще никуда не определен».

Пошла к Батюшке, рассказала сон, а он и говорит, что отец еще не прошел мытарства. Бывает, проходят за три дня, 20 дней, 40 дней, год, два и 40 лет, смотря какие грехи. Где на каком мытарстве задержат, то много надо подавать милостыни и просфор на проскомидию. А 40 лет проходят мытарства те, за которых некому молиться и кто имеет большие грехи.

Одна Домницкая монахиня рассказывала: «Когда жила я в миру, была супружная, имела мужа и дочь. Брак был законный (венчаны). Но супруг был самый скверный мужчина: выпивал, дрался, горя набралась с ним. И вот однажды приехала в Чернигов и зашла к Батюшке. Рассказываю свое горе и вся обливаюсь слезами,— что никто не может помочь, потому что законный брак и нужно терпеть. Это я знаю хорошо, но уже не хватает терпения. А Батюшка посмотрел на меня с сожалением, да и говорит: «Бросай да убегай в монастырь. Лучше пусть один погибнет, а две спасетесь. Нежели вы все трое погибнете». Я так и сделала».

И она была примерной келейницей у матушки игумении Домницкой, а потом кухаркой у митрополита Гурия, а перед смертью приняла схиму[1]). А дочь умерла девицей верующей. Так исполнилось Батюшкино предсказание.

Однажды пришла женщина к Батюшке за благословением, чтобы поехать к сыну. Батюшка приказал посадить ее за стол обедать. Женщина рвется из-за стола, потому что опаздывает. А Батюшка сказал, что торопиться не нужно. Пусть даже не поедет. И она не поехала в тот день. А потом узнали, что было крушение поезда. И все прославили Господа и верного Его раба Лаврентия. А Батюшка только сказал: «То Ангел Хранитель известил».

Любил Батюшка кормить птичек. Вынесет зернышек, налетит стая воробьев и хватают, дерутся. Батюшка прикажет им разлететься и прилетать по два-три, они так и делали. А когда выносили из келии гроб с

---

[1]) *Схима* — великий ангельский образ, монашеский чин, налагающий самые строгие правила.

телом Батюшки, то такое умилительное зрелище было: все птички стайкой летали над гробом и жалобно чирикали, провожая в последний путь своего кормильца.

Рассказывала одна боголюбивая сестра М.: «Однажды я пришла к Батюшке, чтобы помянуть своего отца в 40 дней. Сестры охотно пропустили в келию Батюшки, так как у него никого не было. Я по своей неопытности без молитвы приоткрыла дверь келии. А Батюшка слезно молился, и лицо его сияло неземной благодатью. Я очень испугалась и поняла, что я не вовремя пришла, и хотела закрыть дверь и убежать. Батюшка подозвал к себе и спросил: «Ты поминать отца пришла? Ах, эти батьки́. Попробуй теперь их отмолить — мне, да и тебе еще хватит». Благословил меня, и я поспешно ушла, поняв, что отец еще не на своем месте.

Однажды привели к Батюшке девочку точень быструю и поведением своим не совсем отличную (драчунью). Все подошли к Батюшке, а она стояла в стороне и только исподлобья посматривала на него. Батюшка посмотрел на нее с любовью, ее подвели к старцу. Батюшка обнял ее, прижал ее головку к своей старческой, полной любви к людям груди, дал ей просфору и сказал: «Походишь, походишь, да будешь наша». Что и сбылось. Она потом вступила в монастырь и была примерной инокиней, очень способной на все дела, а особенно искусна в иконной живописи. Так вот Батюшка прозрел будущее этой инокини А.

Во время войны, при оккупации, в монастыре нечего было есть, и Батюшка благословил поехать в село,чтобы раздобыть кое-что. По дороге было страшно ехать, потому что все забирали. А мы везли целую подводу продуктов. Сильно боялись, но довезли все благополучно. Когда привезли, то рассказали Батюшке о своем страхе во время пути. А Батюшка и говорит: «Раз я благословил и помолился, то бояться нечего». Такие сильные молитвы были у этого старца.

И. М. рассказывала о себе: «Был пост 1943 г. Мне сильно хотелось исповедаться у Батюшки, отца Лаврентия. Исповедь была в келии вечером. Народа было очень много — и монашествующих, и мірян. Я стояла в длинном хвосте, в самом конце. Стояла, сокрушалась, не жалея горючих слез, все перемыслила, во всем желала исправиться, сделаться лучшей. И вот время истекло, Батюшка закончил исповедь, и оказалось, что все поисповедовались, а только я одна осталась...

Я была в большом недоумении и скорби. Мной овладел дух уныния. Помолившись, я легла в постель. И вот, когда уснула, вижу сон.

Пришла я в церковь и вижу, что Батюшка исповедует. Но на дороге стоит матушка-схимница, высокая, строгая, и спрашивает меня, что мне нужно? Я ответила ей, что хочу исповедоваться у Батюшки, отца Лаврен-

тия. Она ответила: «Исповедоваться все равно у кого, лишь бы чистосердечно. Но если ты сильно желаешь у Батюшки, то я пропущу только тебя одну. Но ты должна поправить лампадку около свт. Николая». Я исполнила, и она пропустила меня к Батюшке. Я подошла к нему. Он исповедовал сидя. Я нагнулась над Евангелием и вижу хартию в виде грифельной доски, которая вся была записана моими грехами. Я стала рассказывать свои грехи, и когда грех говорила, он сразу же исчезал. И к концу исповеди все записанное исчезло. Мне стало легко и радостно. И я хотела поискать маму, чтобы и она исповедалась, чтобы и ей так же было хорошо, но Батюшка сказал: «Нет, ты последняя». И я проснулась...

Утром рано я ушла в церковь с радостным чувством, будто совесть моя очищена от всего скверного. Опять я пробираюсь к Батюшке и стою в числе последних. И когда подошла, то говорю, что хочу исповедаться, я еще первый раз. Он говорит: «Как первый? Я же тебя исповедовал хорошо за твою скорбь». Я ему открываю свои грехи, а он и слушать не хочет, а говорит, что разрешил от грехов и простил все. «Сложи только руки на разрешительную молитву». И еще сказал: «Лучше ты старайся, чтоб замуж не выходить, да иди скорее причащайся».

Тогда я поняла, что Господь по Своему милосердию принял мою искреннюю исповедь во сне через верного Своего служителя Батюшку Лаврентия. И я от всей души поблагодарила Господа за Его милость ко всякому кающемуся грешнику.

Я потом спрашивала Батюшку о сне, так он сказал, что так бывает, если человек чистосердечно кается.»

«В войну мы жили в коридоре полуразвалившегося дома, но и оттуда нас прогнали, потому что стали ремонтировать дом. Мы остались совсем без крова, под открытым небом. Пошла я за помощью к Батюшке. Со слезами рассказала ему наше семейное горе — что некуда деваться «бедному Ивану». Батюшка выслушал внимательно да и говорит: «Ну, что с вами делать? У вас же и денег ни копейки? Да вот переходите да стройтесь под горой, где пещеры». И показал рукой, словно здесь рядом. «Пусть отец хоть из фанеры собьет хибарочку, а ты поедь в Прилуки да привези хоть макухи» (а там работала моя двоюродная сестра).

Я так и сделала. Приехала обратно на третий день, а семейство уже переехало, и временно соорудили декоративный домик. А капитально строиться не с чего было. Пожаловались Батюшке. Он говорит, чтобы я спросила на работе, чтобы кто вместо дров выписал крупные отходы (чурбанчики). Я многих спрашивала, никто не может. Батюшка говорит, еще спроси. Я спросила, и одна мне пообещала, и я привезла материал, хоть скудный. Начали домик в закидку, потом поштукатурили, сделали печку, кое-как потолочек почти глиняный, а сверху толем покрыли, а крышу уже потом. Так по благословению старца отца Лаврен-

тия я и поныне проживаю с мамой в том же домике. И уютно мне, и тепло, и молитвенно, даже просторно.»

Рассказывала М. П.: «Заболели зубы у меня так сильно, что нельзя было терпеть. Уже несколько дней боль не унималась ни днем, ни ночью. Я такая была недоверчивая по своей природе. Не верила ни себе, ни людям. Думаю себе: «Разве он врач? Кто там мне поможет?» Но меня заставили сходить. Я согласилась. Но приказали, чтобы молчала, ни слова не говорила.

Захожу я после молитвы в келию. Там шла оживленная беседа. При моем появлении все замолчали. Я поклонилась, села молча в углу келии и руками обеими держала зубы. Голову опустила и не помню, как задремала, потому что от боли без сна выбилась из сил. Батюшка помолчал, а потом говорит: «Спросите, болят зубы?» Меня толкнули. Я очнулась и от радости оскалила зубы. Спрашивают сестры: «Ну, как зубы?» А Батюшка говорит: «Да не болят, потому что показала зубы». А потом укоризненно сказал: «Раб Божий тот, кто Господу служит. И чем усерднее он служит, тем Господь его и больше слушает. Вот и этот «недоверок» пришел за помощью. Но это я ей на память».

Я упала в ноги и просила прощения за свое малодушие и безверие.»

Один мужчина пришел к Батюшке за благословением ехать в какой-то город. Батюшка задержал его разговором. И тот был недоволен, что опоздал поехать. А потом узнали, что его поезд попал под откос. И он пришел и поблагодарил Батюшку, который спас его от смерти.

«Когда-то в молодости, — *рассказывала монахиня Р.*, — я была богатой красивой девушкой и пошла к Батюшке за благословением выйти замуж.

Батюшка выслушал, да и говорит: «Кони выдохнут, сады высохнут, а монастырь пребывает вовек. Пока не выходи».

В скором времени началась война, и все опрокинулось вверх дном. Жениха забрали на войну, а я пожелала идти в монастырь.

И сбылось Батюшкино предсказание. Она жила в монастыре и была хорошей певчей-монахиней.

Батюшка никогда не оставался на венчание. А однажды остался, молился и сказал, что была эта пара настоящих девственников. Видел, как Дух Святой переходил от одной к другому.

Одна монахиня рассказывала, что, когда она была еще инокиней в монастыре, у нее обнаружен был зоб, очень тяжелый, внутренний. Врач сказал: «Ничего нельзя сделать, и более трех лет не проживешь». Я расстроилась, плакала и обратилась к Батюшке со своим горем. «Не

скорби, по-ихнему не будет», — сказал старец и положил свою благословляющую руку мне на горло (на зоб), и произнес молитву, слова которой я уже забыла. И сказал: «Сколько времени нарастал, столько времени будет и уменьшаться». И еще по Батюшкиным молитвам я увидела во сне святителя Феодосия, который тоже благословил меня и произнес такие же слова, какие произнес Батюшка, и помазал горло маслом.

И действительно, зоб начал постепенно уменьшаться и за три года совсем исчез, и я стала здоровой и прославила свят. Феодосия, и поблагодарила нашего великого старца отца Лаврентия за его благодатную помощь. Сейчас мне 62 года и я пою в хоре.»

Рассказ М. Е.: «Был случай в монастыре. Нечаянно упала я с чердака и травмировала себе ногу. Вся чашечка в колене была раздроблена. Врач сказал, что нога сгибаться не будет. Буду ходить только на костылях.

По молитвам Батюшки, достали «дорогой мази». Батюшка помолился, и нога стала заживать. А что будет сгибаться, никто не надеялся. Батюшка успокаивал: «Будешь бегать». И действительно — чудо. Нога поправилась совершенно, стала нормальная — только по святым молитвам великого нашего старца отца Лаврентия.»

Плохой муж был у одной женщины: пил, изменял и бил ее. На ее жалобы Батюшка увещевал ее, чтобы потерпела и не уходила от него. В скором времени его взяли «на переселение» (в тюрьму). Со слезами пришла она к Батюшке за благословением, чтоб посетить мужа. У Батюшки было закрыто, ответили, что Батюшка принять не может. Долго она стояла и слезно молилась. Вдруг Батюшка говорит сестре: «Пойди и открой, там женщина плачет». Ее пустили, и Батюшка ее с радостью принял, дал ей просфору и сказал: «Поедь к нему, тебе дадут свидание, и ты ему расскажи, что все это за грехи наши». И она побыла у него, как могла вразумила его. Батюшка ей предсказал, что он вернется и будет жить чисто, что и сбылось. Отбыв срок, он вернулся, сделался другим человеком, верующим. И сейчас они живут и благодарят Бога за святые Батюшкины молитвы.

Рассказывала сестра И.: «Однажды я получила от своих родственников посылку, раскрыли, а это оказалось для Батюшки, отца Лаврентия — мука. Мы сильно голодали. Мама предложила взять горсть муки, чтоб сварить жидких галушек. Голод превысил боязнь греха, и я согласилась.

Потом я понесла посылку Батюшке. Он поблагодарил и сказал: «Мука издалека, но к Царствию Небесному они близки». А я в душе волнуюсь за тайный грех, что взяла горсть муки. Он засуетился, дал хлеба и говорит: «Я знаю, что вы бедные. Но не бойся, не будет греха. Я даю хлеб, чтоб он никогда не выбывал». И дал еще кусок туалетного мыла. А

я как зарыдаю, да говорю: «Батюшка, простите». «Да я давно простил. Теперь не будете голодать». И так по молитвам его святым да по милости Божией все дело наладилось и по сей день.»

«Я хотела выйти замуж и пошла к Батюшке за благословением. Батюшка сказал: «Самой лучше, а если выйти, то такие условия, вот я расскажу: в посты с мужем «не жить», среда, пятница — тоже, воскресные дни, праздники большие и малые. От Христова Воскресения до проводов Пятидесятницы «не жить». Когда его и «жить»? — Рожать детей столько, сколько будет. Чистой ходить в церковь. Повиноваться мужу во всем, в страхе Божием воспитывать детей. Если все это выполнишь, то выходи, я благословляю. А нет, то лучше живи одна». Я ответила: «Помолитесь, Батюшка, и благословите жить мне одной, с Богом». И так по его святым молитвам я и поныне живу и благодарю старца за его назидание.»

Батюшка неоднократно повторял, что в ад идут души, как люди из церкви в праздник, а в рай — как люди из церкви в будний день.

Батюшка часто сидел и плакал, что жалко людей, которые погибают. «Сколько набито в пекле, как сельди в бочке», — говорил он.

Его сестры утешали, он отвечал сквозь слезы: «Вы не видите, а если бы видели, то как жалко».

Рассказывала И. М.: Пошла к Батюшке, да и говорю, что ходит «босая» и у нее многие берут благословение. Когда я подошла, то она что-то про себя ворчала. И у меня душа не лежит к ней. А Батюшка сказал: «О ней в моей келии и говорить нельзя. Нужно быть осторожным. Идет такое время, что таких «праведников» будет полно. Их нужно избегать. Читай молитву Иисусову, да и «Богородичных» не забывай».

Рассказывала одна тайная монахиня. «Отправили меня на Донбасс. Я пришла к Батюшке за благословением. Он мне сказал: «Едь, поездишь туда да сюда и приедешь обратно. Будет неплохо». Эти слова исполнились. Я поездила да и назад вернулась. По его святым молитвам.

Когда Батюшка умер, то меня не было здесь. Я очень скорбела, что ничего у него не спросила о своей жизни. После сильных слез и уныния приснился мне Батюшка (вскоре после смерти его). Будто иду я к нему за благословением и несу гостинец. Попала я в великолепный сад необыкновенной красоты. Пение такое умилительное, что я и сейчас в восторге. Вижу, домик стоит. Я поняла, что это Батюшкина келия, и я пошла к нему. И тут я увидела Батюшку, который благословил меня, а потом взял мою голову и туго крестообразно прижал к груди. Я подума-

ла, что это потому, что я грешная, так он так туго взял за голову. Потом я Батюшке помогла выйти из келии, около которой было две дороги: одна широкая, ровная, другая узкая, каменистая, неровная. Я хотела вести Батюшку по широкой дороге, чтоб удобней идти. Но он свернул направо, на узкую дорогу и сказал: «Вот, иди по узкой дорожке. Это тебе благословение». И я проснулась.

Так я теперь и живу. Сложились обстоятельства так, что я попала к духовному сыну Батюшки отцу Никифору. И он меня направил на этот узкий путь. И я молюсь, чтобы дойти этой дорогой до конца.»

Рассказ одной еврейки: Накануне войны три еврейские девочки решили посетить «дедушку», о котором они много слыхали интересного: «Он много говорит наперед, и бывает весело на душе».

Они взяли гостинец: по пол-литровой банке меду, две из них — по сдобному калачу с маком, а третья — яблоки.

Попасть в это время к Батюшке было трудно. Так он, на их счастье, в это время выглянул на улицу, и они встретились. А перед этим одна из них, у которой были яблоки, смутилась, что они «дедушке» несут большой гостинец,— куда он будет его девать, и стала есть яблоки и угощать подруг, но те отказались. Так, мол, нечестно делать. И Батюшка («дедушка») двоих обнял и сказал: «Какие хорошие девочки, что пришли проведать «дедушку». За вашу любовь и искреннюю милость Господь в тяжелом обстоятельстве спасет вас от смерти. А ты (третья) упадешь и уже не вернешься».

И они ушли, двум было хорошо на душе и по сей день осталось что-то незабываемое. А третья ничего не ощутила. В скором времени грянула война. Они вспомнили «дедушку». Все эвакуировались. Попали под бомбежку. Тех девочек вместе с другими засыпало землей. Этих двух спасли, а третья умерла со многими. Так исполнились предсказания старца.

И когда умер Батюшка, одна из этих бывших девочек, уже женщина, обращаясь к своей сотруднице на работе, говорила: «Какое горе Чернигову, потому что умер такой дорогой человек — арх. Лаврентий», и поведала о своей встрече с ним в детстве. Рассказывала, что она вышла замуж за русского, почитает русские праздники и восхищается жизнью и делами этого дивного старца. Поражена его прозорливостью: что он даже вышел тогда им навстречу, иначе бы они его не увидели.

Батюшка очень уважал Домницкую матушку игумению, сестрам ее говорил, что есть им у кого поучиться: у нее идет молитва Иисусова непрестанно, и приговаривал: «Она чаек пьет, а молитва в сердце бьет». И призывал учиться у нее и спрашивать, потому что не все время будет с ними. «Можете не всегда ко мне обращаться. Если будете в унынии, то обращайтесь к ней. Она сама была борима. И ее молитва сильная», — говорил Батюшка отец Лаврентий сестрам.

Однажды монахиня М. пришла к Батюшке, чтоб он благословил ее запечатать сестру, которая пострадала от немцев. Все село было сожжено, и много людей погибло, по-видимому, и сестра. А Батюшка спросил: «Помогала ли она тебе?» — «Да, помогала, давала хлеб и молоко», — ответила монахиня М.

«Тогда она ни в огне не сгорит, ни в воде не утонет», — сказал Батюшка. Монахиня опять за свое,— чтоб благословил запечатать.

«Иди, тебе сказано. Не мешай мне работать»,— еще раз повторил старец и занялся своим делом.

Она не поверила словам Батюшки, пошла к другому священнику, и тот ей благословил. И она исполнила свое намерение (запечатала). Назавтра в монастырь приходит проведать ее сестра — жива-невредима.

Батюшка очень огорчался, что спрашивать идут, а делают по-своему.

Одна женщина пришла к Батюшке за благословением поехать по какому-то делу. Батюшка не благословил. Ей очень хотелось выполнить свое намерение, и она поехала. В дороге случилась большая беда, и она чуть не погибла. Потом пришла к Батюшке, плачет и просит прощения. А Батюшка сказал: «Это тебе за непослушание. Идешь за благословением, а делаешь — по-своему».

Одна девушка пришла к Батюшке за благословением идти в монастырь. Но старец сказал: «Нет, твой путь в міру жить и чад растить. Не все спасутся в монастыре и не все погибнут в міру. Живи благочестиво, и Матерь Божия поможет спастись». Так все и сбылось. Вышла замуж. Муж рано умер. Осталась вдовой. Жить старается благочестиво.

Рассказывала одна женщина: «Назначили на отправку в Германию (во время фашистской оккупации). Забрали на сборочный пункт. Мать с отцом в селе. Я стою и молюсь Божией Матери, чтобы молитва отца Лаврентия помогла мне. Вдруг подходит полицейский, который охраняет, и говорит мне: «Что ты такая скучная, заплаканная? Мне очень жаль тебя. Я уйду за угол, а ты по трубе спустись и беги. Я тебя не буду видеть».

Не успел он еще за угол зайти, спустилась одна впереди меня (она слыхала наш разговор), а за ней и я. Подошел другой полицейский, и я у него под рукой прошла. И пошла прямо к Батюшке. Документы мои остались там. Говорю Батюшке: «Теперь могут всю семью расстрелять, что делать?» Он говорит: «Не бойся, иди прямо в село, живи, пока не получишь повестку. Если получишь повестку, то говори, что пошла к маме взять кое-что на дорогу и попрощаться, а эшелон уже ушел. И ничего не будет ни тебе, ни им. Не волнуйся».

Так и случилось. Дождалась повестки и приехала к ним. Они спросили: «Почему убежала?» Я говорю: «Нет, я не убежала, а пошла с

мамой попрощаться». Они накричали и прогнали меня. И ничего мне не было по святым молитвам Батюшки.

Одна женщина пришла к Батюшке с жалобой на свою болезнь. И спрашивает, когда уж душа очистится, чтоб болезнь оставила ее. А Батюшка сказал, что болезни бывают разные, что есть болезни за прародительские грехи. И эти болезни освобождают их от уз.

Батюшка сильно плакал, когда кающиеся открывали свои смертные грехи, такие, как «детоубийство во чреве матери». Он говорил, что той матери нужно много слезно молиться, чтоб Господь простил этот страшный грех. Он говорил, что этого греха нужно бояться больше, чем огня. «Сохрани Бог делать этот грех», — строго говорил старец Лаврентий.

Рассказывала матушка благочинная: сообщили из дому в монастырь, что отец тяжело болен и чтобы немедленно приехала. «Я пошла к Батюшке за благословением, да и хочется мне знать, долго ли он проживет. А Батюшка назвал только цифру 9, а дальше я ничего не поняла и уехала. Отца я застала уже совсем слабым. Он прожил всего 9 минут и скончался. Я удивилась прозорливости старца.»

Рассказывала духовное чадо Батюшки, она же и хористка: «Во время войны, когда была малолеткой, при оккупации в день праздника Георгия Победоносца во время Акафиста Батюшка пальцем подозвал меня к себе, дал просфору и благословил немедленно бежать домой. Я еще в нерешительности думала, что делать, а он строго настоял на своем: «Беги домой».

Прихожу домой, открываю дверь. Дома никого нет. Вдруг стучатся три человека, спрашивают, кто здесь живет, какой состав семьи. Нас было трое детей, отец и мать. Они постояли, подумали. Один из них махнул рукой и сказал: «А, ладно, пошли дальше!» И ушли.

А вечером мы узнали, что ходили и забирали коров, и почти у всех соседей забрали, а нашу сохранил Господь, по молитвам великого старца, который прозрел и подал руку бедному семейству.»

«В монастыре я была на послушании огородницы. Послали меня к архиерею, где назначили зарплату 300 р. (т.е. 30 р.). Я спросила у Батюшки, как мне быть. Старец Лаврентий не благословил брать деньги, а сказал: «Тебе Господь пошлет. А если будешь работать за деньги, то награды не будет. И если в церкви поют за деньги, тоже ничего не приобретают для души».

Я так и поступила, как говорил старец, и Господь никогда меня не оставляет», — рассказывала о себе сестра А.

Батюшка часто повторял: «Жалко неопытных священников, потому что у них времени нехватает вычитывать все. Записки на проскомидии не читают, а в будущей жизни будут за спиной носить. Если бы были опытны, то непрочитанные записки аккуратно сложили бы в столбики, да со страхом перекрестили, да сказали бы: «Помяни, Господи, всех здесь написанных и не прочитанных по немощи человеческого естества», и они бы не отвечали по Человеколюбивому Богу нашему. А они неопытны, частицы вынут, а записки везде валяются по окнам, а за это будут нести ответ», — так говорил добрый старец и обливался горькими слезами.

Когда началась Великая Отечественная война и открылись монастыри, у меня явилось сильное желание посвятить свою жизнь Богу. Я просила мать, чтобы она дала согласие уйти мне из родного дома в монастырь.

Мать колебалась, так как была слаба здоровьем, и решила обратиться к старцу Лаврентию: как он скажет, так и будет. Батюшка одобрил мое намерение и сказал матери: «Вот и правильно она делает, что решается на эту жизнь, только она еще молода, пусть годик поживет дома, а тогда придет». А мать говорит: «Их у меня две, а кто же мне помогать будет?» — «А вот она и будет помогать. Будет и молиться, и доставлять тебе все, и садить, и убирать», — сказал Батюшка.

Мать успокоилась и дала свое благословение идти мне в монастырь. И действительно, сбылись слова старца Лаврентия. Я из монастыря всегда приезжала матери на помощь, так как мать игумения сочувствовала бедственному положению моей матери.

Матушке игумении А. нужно было поехать в Киев. Она пришла за благословением к Батюшке. Но он не благословил, сказал: «Не нужно ехать», — и повторил трижды. Матушка настояла на своем, без благословения поцеловала руку старца и уехала.

Когда стали подъезжать к Киеву, м. игумении стало ломать все кости. Приехав на квартиру, она пять дней пролежала в тяжелом состоянии в постели и еле жива вернулась домой. Каялась в своем самочинстве и рассказывала всем сестрам для назидания, чтобы ничего не делали без благословения старца.

Рассказывала матушка П.: «Однажды начальник вызвал меня к себе и спросил, пою ли я. Я ответила, что пою и светское, и церковное (так Батюшка учил нас говорить). Меня Бог одарил голосом. «А ты пой только наше, светское», — сказал начальник. Я ничего не ответила ему, а когда рассказала Батюшке, то он благословил немедленно выезжать куда угодно. «Ты слабая здоровьем, «переселения» не перенесешь. А скоро откроются монастыри, нужны будут певчие. Ты будешь нужным человеком. Будешь солисткой. Немедленно нужно выезжать», — строго увещевал старец.

Мне очень не хотелось уходить от старца. И я, слезно упав в ноги, попросила благословения и святых молитв, пошла странствовать, в душе храня великие слова старца. И действительно, прошло немного времени, началось страшное время войны. Открылись церкви, монастыри. И все те слова, которые говорил Батюшка, исполнились на мне, грешной. Я пела в хоре, была солисткой и сейчас пою в хоре, чем зарабатываю себе кусок насущного хлеба».

«Во время войны, когда Чернигов был подвергнут сильному разрушению, Батюшка временно проживал в селе Синявка, — *рассказывала монахиня П.*— На другой день по приезде благословил нас двоих в Чернигов проведать дом, походить вокруг храма, чтобы Господь сохранил, потому что нам он нужен будет, и чтобы наши воины не погибли, чтобы больше их сохранилось. Мы пытались отказаться — было очень страшно. Но Батюшка настоял и ободрил — ничего не бояться и идти той дорогой, которую указал, и той же возвращаться в тот самый день.

Для нас это все было почти невозможным, но мы, надеясь на милость Божию и на Батюшкины молитвы святые, пошли в путь и с успехом вернулись. Батюшка был очень рад нашему послушанию и сказал, что теперь все останется в целости: и двор, и дом, и церковь. И действительно,— все сохранилось, и нигде бомба не упала, где обитал Батюшка. Все село от старого до малого бежали за благословением к старцу, и воины, и раненые. Батюшка сам подходил к раненым, крестил их раны, исцелял и ободрял их своими прозорливыми словами: что они не погибнут, что вернутся с победой домой. Что враг будет недолго, потому что он злой. И молился утром и вечером со слезами, с поднятыми вверх руками за нашу родную землю.

И так сбылось все. Многие воины писали письма и благодарили «дедушку» за хорошие пожелания, что они действительно остались живы по предсказанию старца, и многие из них возвращались домой глубоко верующими людьми.»

Батюшка часто повторял, что идет злой враг, он будет села сжигать, женщин с малыми детьми в огонь бросать, и сильно плакал. «Это идет наш бич. Но он будет недолго: года два с половиной, — говорил Батюшка. — Потом люди в воскресенье не будут работать, и церкви будут, и монастыри. Молитесь за нашу Святую Русь. Она как роза цвела. А иностранцы ввели содомские грехи, чревоубийственные, венерические болезни, чем осквернили ее и оскорбили», — так говорил старец, болезнуя о прошлых и грядущих событиях.

«Я приболела и не могу выйти на работу, чтоб начислить зарплату», — сказала Батюшке одна благочестивая женщина Ю. (она работала бухгалтером). «А ты к врачам обращайся и лечись травами. Врач, если верующий, то он как Апостол. А к шептухам не ходи, это бесовское дело. Из-за них отнимается благодать. Они к молитвам да прибавят еще

слово «свое». Вот если в бочку меда да влить ложку керосина, то и не будешь есть. И с такими не дружи, — продолжал Батюшка, — которые неверующие. Если поставишь бочку с керосином и сам походишь около нее, то пропитаешься его запахом. Так, если будешь дружить с неверующими, то согрешишь. Господь сказал: «Со избранным избран бꙋдеши». Держись верующих людей, то будет легче», — так увещевал Батюшка своих чад.

Одна верующая женщина рассказывала о себе: «Во время войны была я в больнице с ребенком. Когда немец стал отступать, то и мы разбежались, кто куда. Я стояла на вокзале, прижав к груди ребенка, и плакала. Немец кричал: «Weg, weg!» Я не знала, к кому обратиться за помощью. Из людей никого не было знакомого, а к Богу — я была неверующая.

Вдруг ко мне подошла знакомая монахиня П. Она из нашего села. Я рассказала ей свое горе. Она сострадательно отнеслась ко мне и посоветовала обратиться к старцу Лаврентию. Я согласилась и последовала за ней в монастырь с ребенком на руках.

Батюшка как увидел нас, то воскликнул: «Кого ты принесла ко мне, да это Ангел, его место на Небе!»

Потом накормил нас. Девочке моей дал большую просфору. А меня спросил: «Ты будешь приезжать ко мне?» Я ответила, что не знаю. «Будешь, будешь», — уверенно ответил старец. Дал мне в сопровождение мою знакомую монахиню и отправил домой в село, указав, какой дорогой нужно идти и что нужно отвечать, если спросят. И мы благополучно добрались до своего села. Мать, как увидела меня, то воскликнула: «Христос Воскресе!» Я рассказала ей, что побывала у старца, отца Лаврентия. Мать моя была верующая и очень чтила Батюшку. Тогда она радостно сказала: «Значит, ты будешь верующей!» О девочке я рассказала, как Батюшка Ангелом назвал. Мать, помолчав, печально заметила: «Наша девочка, наверное, умрет, потому что Батюшка ничего не говорит напрасно». И действительно, дочь моя года через три умерла. Муж был убит на фронте.

Я стала верующей и часто приезжала к Батюшке.

Был такой случай: однажды я по делу приехала к Батюшке, а он говорит: «Если ты будешь выходить замуж, то смотри повенчайся». А мне находились хорошие люди. «Но лучше было бы, если бы ты не выходила замуж, потому что ты и так уже блудница, потому что жила невенчанной. А если не выйдешь и будешь жить в чистоте, ходить в церковь, молиться, то через 18 лет будешь причислена к *девам*. Останется только небольшой шрам на душе. Так вот смотри, как хочешь».

Я упала в ноги старцу и слезно произнесла: «Помолитесь, Батюшка, чтобы мне устоять и не выходить замуж». «Если у тебя есть желание не выходить замуж, то и не выйдешь», — сказал Батюшка. И по милости

Божией да по святым молитвам старца я осталась одна. Читаю свое правило, и день и ночь благодарю Господа за Его милость».

«Батюшка, благословите не есть сала», — просила одна женщина. «Как говорится: сало можно есть, а людей нельзя», — ответил старец. Через некоторое время она опять за обедом повторила свою просьбу. Батюшка повторил тот же ответ. Сестры потом узнали, что она очень плохо жила со своей снохой, очень тихой, терпеливой и богобоязненной женщиной.

«Заходила я к Батюшке, да и решила спросить его о своей младшей дочери: «Батюшка, что мне делать со своей дочерью? Она у меня самая младшая, но какая-то такая, как мне не хотелось бы. Плачу я о ней день и ночь, чтоб Господь вразумил ее хоть немного, потому что она у меня совсем неразумная. В церковь мало ходит и то, когда умолишь со слезами. А это еще в каком-то художественном кружке готовят для выступления инсценировку «Беседа Евы с Богом». Я как послушала ее репетицию, то совсем занемогла от скорби, что все это ни на что не похоже. Только бесу служат да и все. Лучше бы мне ее похоронить, чем видеть такое кощунство», — так со слезами изливала я свою душу старцу, отцу Лаврентию. А Батюшка внимательно слушал мои слова, опустив голову. А потом поднял голову, улыбнулся, да и говорит: «А ты не плачь так горько. Твоя плохая дочь будет лучше всех твоих детей. Она будет еще молитвенница за весь ваш род и за всех православных христиан. Она обратится к Богу и будет монахиней, как и ты. И тебя досмотрит, и с честью похоронит, и будет молиться, и из-за нее и другие будут молиться за тебя. А то дело, что они затеяли, разрушится и не будет доведено до конца. Ты молись, и я буду молиться», — сказал Батюшка и благословил меня большим крестом, от чего у меня родилась надежда на будущее.

И действительно, по Батюшкиным молитвам дело начало идти по-другому. В скором времени сильно заболела моя дочь, забрали в больницу. Признали тиф. Выдержала карантин, стала немного поправляться, повторно заболела тифом, чуть было Богу душу не отдала. И уже когда поправилась и вернулась домой, то я ее не узнала. Она изменилась телесно, а главное — стала хорошеть духовно. Моя старость нашла отраду, наблюдая, как моя дочь стала ходить в церковь, молиться дома, читать душеспасительные книги и вести совершенно иную жизнь. Я прославила Бога и великого старца — отца Лаврентия».

Одна глубоковерующая женщина Е. рассказывала: «Во время Отечественной войны получила я извещение, что сын погиб. Я как верующая мать решила «запечатать». Но мне приснился сон, что будто сын мне прекословит в чем-то и говорит: «Не нужно, мама». Я со своим сомнением пришла к Батюшке отцу Лаврентию спросить, что делать.

Батюшка сказал, что печатать не нужно. «Ты должна еще получить от него известие. А если второй раз будет извещение, тогда и запечатаешь», —так успокоил меня старец.

Его слова исполнились. Через некоторое время сын прислал письмо, что был ранен, а теперь опять посылают в бой, и не знает, вернется ли. Он не вернулся, а там и сложил свою голову. Пришло второе извещение, как и предсказал старец. Я со слезами опять пришла к Батюшке. Он благословил печатать. При выходе я встретила двух женщин, которые спешили к старцу. Я, полюбопытствовав, остановилась и услышала голос Батюшки: «Какой я вам ворожбит? Я не ворожбит, я ничего не знаю. Иди доедай свои пампушки со свежей сметаной, а ко мне не обращайся». — «Да я хочу знать за своего мужа», — сказала женщина. — «Я ничего не знаю», — строго ответил Батюшка и закрыл дверь. Я потом узнала, что одна из этих женщин была совершенно неверующая и шла действительно как к «ворожбиту», так его и называла. Напекла пампушек, взяла сметаны, да по дороге их поела, приговаривая: «Что он там знает, сама поем». А Батюшка все прозрел и не принял ее».

Инокиня М. вспоминала: «Однажды мне выпала честь вести Батюшку под руку в церковь. А он такой слабый, идет да спотыкается. Я изо всех сил держу его. Стало мне жаль нашего Батюшку, да и думаю себе: «Была бы у меня такая мощь, взяла бы я дорогого Батюшку и отнесла на хоры, и посадила бы за пульт, пусть бы управлял своим хором». Только я так подумала, а старец в ответ мне: «Эге, если бы была сила. Да силы нет. Спаси тебя Господь, что так подумала». Так старец Лаврентий прозрел мои мысли.

Подошла я однажды к Батюшке, — продолжает сестра М., — спросить о своем брате. Дело было во время Великой Отечественной войны. Он был взят на фронт. Долго не было никакого известия о нем. Кто-то пришел из товарищей и сказал, что он находится в плену у немцев в г. Габсбурге. Но тот город был сильно потом разрушен, и много людей погибло... И мы, потеряв всякую надежду на жизнь брата, решили обратиться к старцу. Я со слезами объяснила ему свое горе. Батюшка надел епитрахиль, помолился, пристально посмотрел вперед, вроде всматриваясь во что-то, да и говорит: «Ты права, что все разбито, ничего не осталось. Американцы всех забрали в плен. Но брат твой живой».

Позже мы действительно узнали, что он жив, и все так произошло, как говорил великий старец отец Лаврентий».

«В монастырь я ушла совсем еще молоденькой девушкой, лет восемнадцати, — *вспоминает о себе воспитанница о. Лаврентия монахиня М.*, — была очень ревностной, решила своим даром голоса послужить Богу. В один из праздничных дней подозвал меня Батюшка к себе, да и говорит: «Вот внимательно послушай, что я скажу тебе. Жизнь человека бывает

такая, как взять кусок веревочки и завязать на ней три узла отдельно один от другого, то есть — поделить на три части. Первая — это пылкая юность, когда человек живет с Богом и только Ему служит. Вторая — это средние года, когда у человека бывает такой напор от врага (по попущению Божию), что он отказывается от Бога,— не словом, а делами,— и живет, как неверующий. Третий — преклонный возраст, когда человек приходит в себя, чистосердечно раскаивается и опять живет с сильной ревностью к Богу, как в юности». Я умилилась от этого рассказа, заплакала, но своего не избежала. Все это исполнилось с моей мятежной душой. Я часто со слезами вспоминала слова великого старца.»

«Была я у отца Лаврентия по какому-то делу, а он спросил о моем здоровье. Я поблагодарила да и говорю, что все хорошо, — *рассказывала монахиня А.* «А мне твое здоровье не нравится, — возразил Батюшка, — ведь ты больная». Я опять утвердительно ответила, что все в порядке.

Прошло время, и я почувствовала колотье под лопаткой. Пошла с жалобой к Батюшке. Он сказал: «У тебя легкие больные. Пей сок бураковый».

Я стала применять его лекарство, но организм никак не принимал его: позыв на рвоту не давал мне проглотить и глоток сока. Я со своим лекарством пришла к Батюшке и жалуюсь, что не могу пить. Старец надел епитрахиль, помолился, перекрестил сосуд с лекарством, выпил сам половину, а остальное подал мне. Я как поднесла ко рту, так у меня опять позыв на рвоту. Батюшка сказал оставить это лекарство. Назначил другое: алоэ с маслом и медом перетопить и по столовой ложке принимать три раза в день.

Я натопила целую банку лекарства, но принимать опять не могла. Со слезами пришла опять к Батюшке просить помощи. Он надел епитрахиль, помолился и ложку себе, а ложку мне и ласково приговаривал: «Не нужно рвать, не нужно».

И понемногу я стала глотать, и со временем привыкла и употребила все лекарство, и сама поправилась и живу до сего дня, не жалуюсь на легкие. Так мне помог этот великий старец своей любовью да святыми молитвами», — закончила свой рассказ монахиня А.

Рассказывала монахиня А. о своем прошлом: «Были тяжелые годы Великой Отечественной войны. Мне было 15 лет. Люди, как овцы, искали пастырей: ходили в Чернигов на богомолье в Троицкий женский монастырь, основателем которого был всем известный старец отец Лаврентий; у него и находили все утешение в эту трудную годину жизни.

Я была совершенно духовно заброшенная девочка, очень быстрая и большая проказница. Но в меня закралась искра любопытства — сходить в Чернигов в монастырь и присмотреться к жизни насельниц его.

И когда люди верующие собрались идти, решила и я следовать за ними пешком 45-километровую дорогу. Прибыв в Троицкий монастырь,

мы поместились по келиям знакомых матушек. Насладив душу прекрасным пением и молитвой (в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Феодосия), мои паломницы, которых было человек 20, благоговейно собрались уходить домой, побывав не раз у Батюшки на утешительной беседе и, конечно, на исповеди. Я была лишена всего этого, а только молча наблюдала, как они сговаривались идти за напутственным благословением к старцу, а меня оставляли сзади незамеченной. Это меня огорчило, но я держала себя, как могла. Одна матушка — Аполлинария имя ее (упокой, Господи, душу ее) — заметила мое смущение и пригласила следовать за ней. Мы подходили последними. Когда я подошла за благословением, Батюшка положил свою руку мне на голову, поцеловал меня в голову и ласково произнес: «Вот умница, что пришла! Походишь и будешь наша». Благословил меня большой просфорой, а всех крестиками.

На меня напал какой-то неведомый мне доселе трепет. С этого момента я начала как бы духовно формироваться. Начала ходить в церковь, петь на клиросе. Меня тянуло в Чернигов, где я устроилась со временем на работу. Жила в монастыре и руководилась Батюшкой.

Заболел мой брат от испуга пожара и так сильно, что лежал на одре. Мать послала меня к Батюшке отцу Лаврентию за благословением обратиться к «шептухе». Она, дескать, молится, читает молитвы и помогает.

Я пришла к нему и рассказала о своем горе и что мать предлагает делать. А Батюшка говорит: «Она-то молится, да как говорится, одно словцо вбросит и пропадает вся ее молитва. Вот как возьми бочку меду да смешай с ложкой дегтя, то есть и не будешь».

«А что же делать с братом?» — спросила я. «А ты пойди помолись святителю Феодосию, Черниговскому чудотворцу, он и поправится», — сказал отец Лаврентий. — «Батюшка, ведь я не умею молиться», — возразила я. — «А ты скажи: «Отче святителю Феодосие, исцели моего брата. Как его звать?» — «Николай», — сказала я. Он назвал это имя и благословил меня.

На другой день в семь часов утра я поспешила к гробнице святителя Феодосия и сделала так, как научил меня старец. Когда я вернулась домой, то мать мне рассказала, что ровно в семь часов утра проснулся брат и попросил есть. С того дня он стал поправляться. По молитвам старца Лаврентия болезнь его оставила», — так закончила этот рассказ инокиня А.

«Был такой обычай у нас в монастыре, — рассказывала инокиня А. дальше. — Именинницы в день своего Ангела причащались Святых Таин, потом брали просфору и шли к Батюшке. Он отламывал маленький кусочек и поздравлял с днем Ангела. Часто оставлял именинниц разделить трапезу. И вот один раз мне пришлось быть на такой трапезе. Нас было человек 12. Батюшка кушал из маленького черепяного

горшочка круглой деревянной ложкой. Это была его собственность. Вдруг Батюшка поднимает голову и говорит, обращаясь к матушке келейнице П., она подавала на стол: «Пойди посмотри, там кто-то пришел, пусть зайдет сюда».

Матушка П. посмотрела, увидела женщину, которая стояла и сильно плакала и просила пропустить к Батюшке. Но матушка П., жалея старца, сказала: «Когда Батюшка покушает, тогда пройдете. Он Вас сейчас не примет». Но женщина продолжала плакать. А Батюшке матушка П. сказала: «Обедайте, Батюшка, там никого нет».

Отец Лаврентий взял еще несколько ложек похлебки из горшочка, повернул голову и опять говорит: «Там, как говорится, кто-то пришел, позови ее». — «Да нет там никого, обедайте спокойно», — настаивала на своем матушка П. Батюшка взял еще ложку, потом расстроенно положил ложку на стол и громко произнес: «Я тебе сказал, что там стоит женщина и плачет, пойди приведи ее». И сам приподнялся с места, как бы встречая плачущую.

Перед нами появилась женщина средних лет, которая сильно плакала. По-видимому, великое горе привело ее сюда. Батюшка повел ее в свою келию, побеседовал и минут через десять женщина вышла совершенно другой, с улыбкой радостно поклонилась и ушла.

А Батюшка сел за стол да и говорит матушке П.: «Если бы ты видела, что плачет человек, как бы ты могла кушать?»

Вот такой был великий старец отец Лаврентий, что все мог видеть. Я была этому свидетель в день моего Ангела Симеона Богоприимца и пророчицы Анны.»

Батюшка часто плакал — и во время молитвы, и во время пения. Не раз слезно повторял такие слова: «Здесь, на этом свете, Господь даровал каждому человеку свободу. Он может слушать пение, наслаждаясь им, хвалить Господа устами и сердцем. А в будущей жизни будет не так. Только тот будет слушать и наслаждаться, кого Господь сподобит, потому что многие за свою грешную и нерадивую жизнь лишатся этого навеки».

Когда рукополагали во священники, Батюшка обливался слезами. Однажды сестры спросили его, почему он так плачет. Батюшка ответил, что многие и многие из этих священников погибнут из-за своей небрежности и нерадивой жизни духовной. Они не будут думать о своем спасении, а тем более — о спасении других.

Но священника отца Димитрия, который был в то время настоятелем Троицкого храма, он одобрял за его искренние проповеди, наставления и правильные исповеди и говорил, что за свое усердие он не будет отвечать перед Богом за своих чад. И Господь его спасет. Отец Димитрий потом был рукоположен во архиепископа и до конца своей жизни был большим ревнителем благочестия.

«Во время моей жизни в монастыре пришла мне в голову греховная мысль: «Как Бог узнает грехи всего человечества? Ведь умерло неисчислимое количество людей, и сейчас умирает, и будет умирать? Как же сможет Господь определить каждого, кто чем грешен?»

И вот однажды я вижу такой сон, — *рассказывает о себе инокиня А.* — Иду я по улице незнакомого мне города и захожу в большое здание. Внутри здания — большая церковь, вроде собора. Прямо передо мной — алтарь. Царские Врата раскрыты. В алтаре яркий свет — белый, посреди Престол — тоже светлый, как бы хрустальный. На правую сторону посмотрела я и увидела длинный как бы зал, похожий на трапезную.

Вдруг в этом зале появились трое, то есть душу ведут два Ангела в виде иподиаконов. Мне будто кто-то говорит: «Смотри, это ведут праведную душу». Душа эта казалась мне девочкой лет 15-16. Она была светлая, как бы прозрачная, на голове платочек беленький, в руках зажженная свеча. Подойдя к алтарю, иподиаконы остановились, девочка поклонилась, и вошли все они в Царские Врата. Мне кто-то говорит: «Эту душу повели в рай». Они повернули на правую сторону, и мне не стало их видно. Потом я поворачиваю голову и смотрю в тот самый зал. Вижу, опять идут трое. Два иподиакона, а посредине девочка, но вся черная, и по ней как бы написаны тонкие полоски, молниеобразные. Мне кто-то говорит: «Это ведут грешную душу». Ее доводят до алтаря и вводят в ворота рая и поворачивают направо.

Я смутилась, что и грешную душу повели туда же, и мне захотелось пойти вслед и посмотреть, какой рай. Прижавшись к стене за спиной иподиаконов, я забежала на правую сторону, но увидела только стволы деревьев, которые были, как хрусталь, белого цвета.

Потом я остановилась и, подняв голову, посмотрела через плечо одного из этих юношей, и увидела большой обрыв, который закрывался небольшими дверцами. Мне кто-то говорит, что там ад. Вдруг меня заметили эти юноши и строго запретили: «А ты чего здесь?» — «Я хочу посмотреть», —сказала я робко. — «Тебе нельзя смотреть. Уходи сейчас отсюда!» —строго сказали мне юноши.

Я только повернулась уходить, как услышала неистовый крик грешницы: «Ай-ай-ай!», который сразу стих. Я в испуге выбежала на прежнее место в церковь, повернулась и увидела Божию Матерь, Которая выходила с левой стороны алтаря. На правой руке Она держала Богомладенца. Матерь Божия видна была мне сбоку, а Богомладенец сзади. Одежда была на Ней вся золотая. А алтарный свет был белокристальный. И было сильное отражение золотой одежды на белом кристалле. От сияния всей этой славы я упала на колени и молитвенно произнесла: «Пресвятая Богородица, спаси меня!» И проснулась в большом страхе.

Наутро я побежала к Батюшке и рассказала свой сон. «Это тебе Господь открыл, — сказал старец, — чтобы ты никогда не думала, что Господь будет разбираться, кто, когда и чем грешил. Каждый человек

добрыми делами и молитвою очищает себя и становится светлым, как эта душа, которую ты видела праведною. А грехи человека делают его черным: так загрязняют его, что он делается как смола черным. И не нужно допрашивать, чем он согрешил: на нем все будет видно, и он сам себя осудит. От дел своих оправдаешься и от дел своих осудишься». Так разъяснил мне старец это сновидение.»

«Приснился мне сон, — *рассказывала духовная дочь отца Лаврентия сестра А.*, — где-то я нахожусь вроде как не на земле и слышу необыкновенно красивое пение «Приидите, поклонимся» и «Господи, помилуй». И так мне было приятно и радостно на душе! Я проснулась да и размышляю, чтобы не от врага это было.

Утром побежала к Батюшке. А он радостно меня встретил, да и говорит: «Вот и хорошо, что ты пришла. Давай запишем, что ты там слыхала?» Я испугалась от неожиданности да думаю: может, это прелесть бесовская. А Батюшка свое твердит: «Девчата, давайте скорей ноты писать будем. Ну пой, пой, как ты слышала?» А я все забыла, ничего не могла воспроизвести из слышанного во сне. Батюшка поднял глаза кверху и начал молиться, чтобы мне Господь помог. И я стала припоминать и пропела, и Батюшка записал. А сестры спросили, зачем? Он ответил: «Еще будут церкви и монастыри. И у нас будет монастырь, и будем петь». И действительно, все это исполнилось, и я потом слыхала в исполнении Батюшкиного хора это песнопение, которое я, грешная, по молитвам старца слышала во сне.»

«Мне вспомнился случай из жизни, который для меня очень важный, он говорит о высокой жизни старца отца Лаврентия, которого я чту как великого прозорливца.

В кафедральном Преображенском соборе была торжественная служба в честь праздника свят. Феодосия, где участвовал монашеский хор Троицкого монастыря во главе с регентом отцом Лаврентием.

Я готовилась причаститься Святых Таин. С трудом пробралась в конце Литургии к старцу о. Лаврентию, чтобы поисповедоваться. «Ты инокиня?» — спросил Батюшка. — «Нет, я мірянка», — тихо ответила я. При разрешительной молитве он назвал монахиней и сказал то имя, которое я ношу теперь как тайная монахиня.»

«К Батюшке отцу Лаврентию я ходила часто и получала духовное удовлетворение, а спросить о чем-либо не умела. Мне казалось, что Батюшка всегда будет с нами и всегда нам будет хорошо. И вдруг Батюшки не стало. На душе у меня была непроглядная тьма, стало томить такое уныние, что я погибала от скорби: как спастись? Во сне я вижу Батюшку. Упала ему в ноги и слезно спрашиваю: «Батюшка, я погибаю! Как мне избавиться от томления душевного?»

«Исповедь и Причащение — в этом спасение. Вот видишь три дороги? А ты иди средней (прямой) и спасешься», — сказал мне строго старец.

Я проснулась с большим облегчением. И поныне я в душе ношу это утешительное слово старца Лаврентия», — *рассказывала о себе боголюбивая сестра А.*

«После смерти Батюшки, — *рассказывает монахиня Е.,* — в одну из родительских суббот, отстояв заупокойную Литургию, я решила пойти на базар, опустив заупокойную службу. Вернувшись, я легла отдохнуть. Вижу во сне Батюшку, который идет один. Я подбежала с радостью за благословением. А он спрашивает: «А где ты была? Я смотрел, смотрел и никого не видел. Все разбрелись, кто куда. Ты по базару лазила. Теперь иди зови всех на обед». Я пошла звать и проснулась. Мне стало стыдно за себя и за других, что мы своей житейской суетой оскорбляем память старца. И я мысленно каялась и пообещалась больше никогда не нарушать церковного устава своим отсутствием.»

«Я готовился быть священником и пришел за благословением к Батюшке — отцу Лаврентию. Он помолился и благословил открыть Евангелие и прочесть. Я раскрыл и прочел Евангелиста Матфея — как юноша спросил Господа, как ему спастись, а Господь ответил: возлюби Господа всем сердцем твоим, всею душою твоею и ближнего твоего, как самого себя. И Батюшка остановил меня и сказал: «Вот таким должен быть священник, и будет хорошо».

Я свято храню в душе эти слова великого старца», — *так рассказывал о себе священник П-р.*

«Пошла я к Батюшке за благословением, чтобы поехать срочно к сыну. Батюшка резко сказал, что сегодня ехать нельзя. Я настаивала, потому что так договорились. И я прямо умоляла Батюшку. «Мое не поможет, — строго ответил старец, — поедешь завтра, один выход». Я неохотно согласилась и послушалась Батюшку, отложив поездку до завтра. Потом узнала, что в тот день была авария. И я по молитвам старца осталась жива. По приезде я пошла поблагодарить Батюшку за его любовь к грешным людям». *Так рассказала о себе С. М.*

«Во время Великой Отечественной войны я был малолетним мальчиком и шел по улице с матерью. А чужой мальчик голодный украл хлеб у немца и бежал рядом, а немец за нами. Мальчик испугался и спрятался за юбку моей матери. Немец стал стрелять и убил мальчика и мою мать. Я с перепугу забрался на забор и остался жив, но без матери. На свое попечение взяла меня тетя, которая была глубоковерующая женщина. Она водила меня по церквам. Однажды привела меня к отцу Лаврентию. Он благословил меня, погладил по голове и ласково произ-

нес: «Это монах пришел. Когда будешь в Киеве, то молись. Будешь ты круглым сиротой, но Господь тебя не оставит».

И действительно, в скором времени убили отца, и я остался сиротой.

Мне нравилось ходить в церковь. Стал подрастать и пришел к Батюшке, который меня благословил ехать в Киев со словами: «Едь в Киев, там будешь при трапезной и будешь понемногу обучаться пению».

Послушался я Батюшку и поехал, как он мне сказал, и прожил там до 16 лет. А потом нужен был паспорт. Для этого нужны были справки из дому. Я поехал домой в село, а они и слушать не захотели о справках, а оставляли меня жить и работать в колхозе.

Я пришел за советом к Батюшке. Он благословил еще немного пожить в Киеве. Пожил я с полгода, опять отправляют меня домой за справками. Я приезжал домой, но безуспешно, и решился остаться в колхозе. Пошел к Батюшке, его вели из церкви. Я поклонился старцу и рассказал ему свое решение остаться в селе, работать в колхозе. «Ты уже монах. Тебе нельзя здесь. Ты спеши, он тебе справочку напишет, ему вечером делать нечего будет», — сказал отец Лаврентий. «Батюшка, я только оттуда», — возразил я. «Ну едь, я помолюсь, и он даст», — сказал старец.

Я пошел наутро, а председатель ласково мне ответил, что он вчера вечером решил написать, так как делать было нечего. «Бери справку да езжай куда хочешь», — сказал он, подавая мне справку. Я со справкой пришел к Батюшке благодарить за молитвы. «Ну вот, едь в Киев, там тебе дадут срочный паспорт. Да еще будешь и священником», — сказал мне Батюшка Лаврентий и благословил великим крестом.

Когда я приехал в Киев со справками, то в милиции стали уговаривать меня оставить этот путь жизни, а поступить к ним на работу, и заинтересовались, что заставило меня идти в монастырь. Я им рассказал трагические моменты из моей жизни, что привело меня к истинной вере в Бога, и они не стали прекословить мне и дали мне срочный паспорт.

По молитвам старца Лаврентия я потом был рукоположен во священники. И теперь я всегда молюсь и благодарю Бога, что Он послал мне в жизни такого великого путеводителя — старца отца Лаврентия». (Иер. А-й.)

Один мужчина из с. Карильского был пономарем в церкви, а потом изъявил желание быть священником. Пришел к Батюшке отцу Лаврентию за благословением. А Батюшка взялся за голову, да и говорит: «Уж ад полон таких». И тот ушел ни с чем.

Началась война Великая Отечественная 1941 г. Пришел к Батюшке один верующий мужчина К-ма за благословением идти на фронт, так

как на днях должен получить повестку. «С Богом всюду хорошо, — сказал старец. — Когда получишь повестку, то зайди ко мне».

Я так и сделал, — рассказывал К-ма.— Получил повестку, пошел к Батюшке, чтобы взять благословение. Батюшка был болен в тот день. Доложили обо мне. Ввиду срочного дела, как исключение, разрешил Батюшка войти к нему. Когда я вошел, Батюшка совсем больной поднялся с постели, благословил меня, надел епитрахиль, помолился и говорит: «Будь всегда с Богом, и с тобой будет Ангел Хранитель, который крылами будет покрывать тебя от пуль со всех сторон. А ты не сомневайся и ничего не бойся. Старайся в плен не попасть к врагу, потому что гибнут там. И всюду будь первым в деле помощи ближнему. Если что будут возражать товарищи, скажи, что так велело начальство. И главное — не бойся. Тебя ничто не возьмет». Так увещевал меня на прощанье старец, благословил большим крестом и просфорой, отпустил на брань с врагом.

Я был в большом недоумении от слов старца, надеялся только на его святые молитвы да на Божью милость и на Его Всемогущую силу ко мне, немощному и грешному. И когда нас послали в бой, тогда я ощутил на себе величайшую чудодейственную силу. Вокруг обстрел, пули, как дождь, а я ползу смело, таскаю раненых на пункт, помогаю товарищам с великодушной любовию, и меня ничто не брало. Прошел всю войну и не получил ни одного ранения, даже ни одной царапины. Может, кто из читающих усомнится, то можете спросить меня, я еще жив... Потом, по окончании войны, вернулся домой и сразу же пошел к Батюшке, упал ему в ноги, слезно благодарил за святые молитвы и рассказал старцу о дивных делах, какие я испытал, будучи немощным человеком, на себе. «Верить нужно и не сомневаться, — сказал старец, — то увидишь и почувствуешь еще большее: то, что на Небе, и то, что во аде».

После войны Батюшка благословил ходить мне на клирос. Я немного походил, а потом начал охладевать... Стал реже встречать Батюшку. Пришла мне мысль жениться, но это я скрывал; а в тайне хранил, чтоб никто, дескать, не помешал... Две сестры мои были в монастыре. Но я им не признался. Сказал старшей сестре, которая жила в доме. Она также вовремя не сказала Батюшке. И я обошел старца, женился по своей воле. Об этом услыхал Батюшка, велел прийти к нему. Я смущенно переступил порог келии старца, а он и говорит: «Ай-я-яй! Ну ладно, живи! А когда заболеет, тогда жить не будешь с ней. Все равно будешь монахом».

И началась моя мучительная, томительная, 70 раз седмерицею неудачная семейная жизнь. Совсем недолго прожил я со здоровой женой (лет 5), а потом она стала душевно больной женщиной, совершенно не пригодной к семейной жизни. И мне самому нужно было все делать, да еще и с ней возиться лет 30. А когда заболела, то в помещении сделался такой страшный шум, что не знал, куда деваться. Но уже год, как она

умерла. А я остался теперь один завершать свой жизненный путь. Все человек несет за свое преслушание...»

У Батюшки было любвеобильное сердце. Он говорил: «Как можно давать епитимии? Ведь и так все в скорби. Нужно всех любить, жалеть, прощать и молиться. Я никому не давал епитимий».

«Когда мы были еще юными девицами и Батюшка приехал в наше село Синявки, — *рассказывала монахиня В.*, — мы втроем пришли к Батюшке взять благословение и послушать его великой беседы. Он ласково принял нас, внимательно посмотрел, да и говорит: «Ты, Юля, гулять не ходи, тебе это не нужно, ты будешь монахиня. А ты, Ганя, выйдешь замуж. А есть такие, что и туда и сюда. А потом как «вскочат в прирву», то едва выйдут с Божией помощью».

Это предсказание сбылось на каждой из нас. Одна из нас стала монахиней, жила в монастыре. Другая вышла замуж и в законе прожила свою супружескую жизнь. А третья — мудрила, хотела и в монастырь, и замуж (за двумя зайцами). Вышла замуж по расчету, за богатого. А когда пришло время, то осталась и без мужа, и без крова с малыми детьми. И она часто со слезами вспоминала прозорливые слова старца и сожалела, что связалась с мірской суетой, которая тянет душу вниз, но по молитвам Батюшки она духовно крепится.»

Батюшка при беседе говорил, что будет война, а одна сестра говорит: «Хорошо, что война, потому что к числу мучеников будут причислены...» А Батюшка возразил, что не все, а только верующие, а неверующие пойдут в ад. А сестра говорит: «Так это и погибнуть можно». А Батюшка сказал, что слабых Господь заберет, а другие очистятся болезнями. Будут такие, что на войне омоют грехи своей кровью и причтутся к числу мучеников. А самых сильных Господь оставит для встречи с Ним.

Батюшка часто любил беседовать со своими любимыми чадами о последнем времени: как нужно быть бдительным. «Вот сейчас голосуем, то левой рукой брось — это ничего, да еще и не за одного во всем міре. А если будут голосовать за одного — это уже *он самый* и голосовать нельзя». Еще говорил: «Такая будет война, что никто нигде не останется, разве только в ущелье».

И говорил, что будут драться и останутся два или три государства и скажут: изберем себе одного царя на всю вселенную.

И в последнее время будут истинные христиане ссылаться, а старые и немощные пусть хоть за колеса хватаются и бегут за ними.

Батюшка часто повторял беседы об антихристе. Такие говорил слова: «Будет время, когда будут ходить подписывать за одного царя на земле. И будут строго переписывать людей. Зайдут в дом: а там муж, жена и дети. И вот жена станет уговаривать своего супруга: «Давай,

супруг, подпишемся. Ведь у нас дети, тогда же ничего не купишь для них». А муж скажет: «Дорогая супруга, ты как хочешь, а я готов умереть, но за антихриста подписывать не буду». Такая трогательная картина будущего», — заключил старец.

«Приходит время, — рассказывал отец Лаврентий, — когда и недействующие храмы (закрытые) будут ремонтировать, оборудовать не только снаружи, но и внутри. Купола будут золотить как храмов, так и колоколен. А когда закончат уже все, наступит время, когда воцарится антихрист. Молитесь, чтоб Господь продолжил нам еще это время для укрепления, потому что страшное ожидает нас время. И видите, как все коварно готовится? Все храмы будут в величайшем благолепии, как никогда, а ходить в те храмы нельзя будет. Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великолепном храме с участием духовенства и Патриарха.

Будет свободный въезд и выезд в Иерусалим для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано для того, чтоб прельстить.

Антихрист будет происходить от блудной девы — еврейки двенадцатого колена «блудодеяния». Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет 12-ти, гуляя с матерью по саду, встретится с сатаною, который, выйдя из самой бездны, войдет в него. Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: «Не бойся, я буду помогать тебе». И из этого отрока созреет в образе человеческом антихрист. При его короновании, когда будет читаться Символ веры, он не даст его правильно прочесть, где будут слова за *Иисуса Христа* как *Сына Божия,* он отречется от этого, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет, что это антихрист, и за это будет умерщвлен.

При короновании антихрист будет в перчатках. И когда будет их снимать, чтоб перекреститься, то Патриарх заметит, что у него на пальцах не ногти, а *когти,* и это послужит к большему уверению, что это антихрист.

Сойдут с неба Пророки Енох и Илия, которые также будут всем людям разъяснять и восклицать: «Это антихрист, не верьте ему».

И он умертвит их, но они воскреснут и вознесутся на Небо.

Антихрист будет сильно обучен всем сатанинским хитростям, и он будет делать знамения ложные.

Его будет слышать и видеть весь мір.

Он *своих людей* будет *штамповать* печатями. Будет ненавидеть христиан. Начнется уже последнее гонение на христианскую душу, которая откажется от *печати сатаны.*

Сразу гонение начнется на Иерусалимской земле, а потом по всем местам земного шара прольется последняя кровь за Имя нашего Искупителя Иисуса Христа. Из вас, чада мои, многие доживут до этого страш-

ного времени. *Печати* будут такие, что сразу видно будет, принял ее человек или нет.

Ничего нельзя будет ни купить, ни продать христианину. Но не унывайте. Господь Своих чад не оставит... Бояться не нужно!..

Церкви будут, но ходить христианину православному в них нельзя будет, так как там не будет приноситься Безкровная Жертва Иисуса Христа, а там будет все *сатанинское* сборище...

И вот за это беззаконие земля перестанет родить, от бездождия вся потрескается, даст такие *щели, что человек может упасть.*

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей. Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по Закону Моисея, не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, а признают Христа и будут царствовать со Христом.

А весь слабый народ пойдет за сатаной, и когда земля не даст урожая, люди придут к нему с просьбой дать хлеба, а он ответит: «Земля не родит хлеба. Я ничего не могу сделать».

Воды также не будет, все реки и озера высохнут. Это бедствие будет длиться *три с половиной* года. Но ради избранных Своих Господь сократит те дни. В те дни еще будут сильные борцы, столпы Православия, которые будут под сильным воздействием сердечной Иисусовой молитвы. И Господь будет покрывать их Своей всемогущей благодатью, и они не будут видеть тех ложных знамений, которые будут приготовлены для всех людей.

Еще раз повторяю, что ходить в те храмы нельзя будет, благодати в них не будет».

Одна сестра, слушая эту беседу, спросила: «Как быть? Не хотелось бы дожить до этого времени». «А ты молодая, можешь дожить», — сказал старец. «А как страшно!» — воскликнула сестра. «А вот ты и выбирай одно из двух — или земное, или небесное».

«Будет война, — продолжал Батюшка, — и где она пройдет, там людей не будет. А перед этим Господь слабым людям пошлет небольшие болезни, и они умрут. А при антихристе смерти не будет».

И война третья Всемірная уже будет не для покаяния, а для истребления. Сестра спросила: «Так это все погибнут?» «Нет, если верующие и омоются кровью, то причтутся к числу мучеников, а если неверующие, то пойдут во ад», — ответил Батюшка. И пока не восполнится число отпавших Ангелов, Господь не придет судить.

Но в последнее время Господь и живых, записанных в книгу Жизни, причислит к числу Ангелов недостающего счета, отпавших.

«Ремонты храмов будут продолжаться до самого пришествия антихриста и везде будет благолепие небывалое, — говорил Батюшка. — А

вы для нашей церкви в ремонте будьте умеренны, в ее наружном виде. Больше молитесь, ходите в церковь, пока есть возможность, особенно на Литургию, на которой приносится Безкровная Жертва за грехи всего міра. Почаще исповедуйтесь и причащайтесь Тела и Крови Христовой, и вас Господь укрепит».

Господь милостивый. Он тех евреев, которые откажутся принять печать антихриста, а воскликнут, что это обман, а не наш «мессия», — спасет.

Батюшка беседовал с одним иеродиаконом (Георгием) о последнем времени, горько обливался слезами, говоря: «Много духовенства погибнет при антихристе». Отец Георгий говорит: «Как же мне бы не погибнуть, ведь я же диакон?» Батюшка сказал: «Не знаю». Отец диакон стал плакать, упав в ноги Батюшке, и просил помолиться за него, чтоб ему избежать ада. Батюшка встал, помолился, да и говорит: «Ладно. Вот так бывает, заболел, умер и в Царство Небесное вошел».

И это предсказание исполнилось. Мы знали этого диакона по Киевской Лавре. Он был очень добродетельный и певчий монах, вдруг заболел на голову и в скором времени умер.

Батюшка часто сокрушался и слезно молился или что-либо рассказывал со слезами. Сестры успокаивали его, на что он возразил: «Да как же не плакать, когда бездна полна людских душ».

Осенью 1949 года отец Лаврентий чувствовал себя слабо. В церкви он старался быть всегда и не раз говорил, что кто стремится идти в церковь, чтоб приобрести благодать, а кто — чтоб не потерять.

Последнее время его подвозили к церкви на лошади. Перед праздником святителя Николая он чувствовал себя плохо. Послал сестру к Владыке Иакову, чтоб благословил идти в церковь. Владыка по любви к нему не благословил и на ответ сестры, пришедшей от Владыки, Батюшка ответил: «Если кто думает будущего года дождаться, то пусть не идет». Быстро собрался, и его отвезли в церковь. Но это уже было последнее Всенощное бдение. На песнопении «Ныне отпущаеши» Батюшка сильно плакал, плакали и все его певчие, которые так тепло были согреты его ангельской любовью. С поздней Литургии домой в келию его уже принесли на руках. И с постели Батюшка больше не поднимался.

Хлеба он не кушал уже с полгода, а питался только овощами. Еще перед праздником свят. Николая сестры просили Батюшку быть снисходительным к своему здоровью. Он шутливо сказал: «До Николая солнце в гору (вверх) и дело пойдет «в гору».» А когда на свят. Николая принесли его в келию, то произнес своим украинским наречием: «А теперь до Крещения или поправимся, или отправимся».

Во время болезни Батюшку приобщали каждый день Святыми Таинами, а в самый день кончины на Крещенье принес из алтаря игумен отец Антоний Святые Дары в Чаше.

Благословил Батюшка читать монахиню благодарственную молитву. Дело было уже вечером. В церковь пришли сестры и сказали, что отцу

Лаврентию совсем плохо. Все бросились бежать к Батюшке, чтобы получить последнее благословение и проститься со своим любимым отцом.

Одна сестра (насельница при Батюшке) рассказывала, что часа в три ночи слыхала прямо наяву необыкновенное пение многочисленного хора. Она прибежала в ту келию, где лежало тело почившего, а там все было спокойно, тихо мерцали свечи при негромком чтении Евангелия священником Д. Она испуганно рассказала, что слышала пение. Он удивился и сказал, что душу покойного встречают на Небе Ангелы.

На третий день утром, слезно совершив последнюю панихиду в келии, духовенство при сопровождении всего клира и вообще народа со многими слезами внесло гроб на руках в малый, теплый храм, который далеко не мог вместить такого количества народа. Гроб стоял посередине храма на возвышенном месте пять дней. Служились вечером парастасы, утром — заупокойные Литургии и торжественные панихиды при многочисленном стечении народа. Ярко горели свечи вокруг дубового гроба, который Батюшка приготовил себе еще при жизни, задолго до смерти. Лицо почившего было закрыто воздухом, как делается по чину. Видны были только руки, которые не застывали, как у умершего, а оставались мягкими, как у спящего, и к которым прикладывалось много народа — тысячи. Кто — молча, со слезами, а кто — с воплем и рыданием.

Можно ли изобразить душевное состояние сестер обители, их настоятельницы игумении Антонии? Они прощались с тем, кто был им ближе отца родного. Он принял их в обитель, большинство жило в бедности и суровой обстановке. Батюшка их пригрел, во всем помогал, учил их, руководил ими, питал телесно и духовно.

В день отпевания заупокойную Литургию с многочисленным духовенством города и приходов служил епископ Иаков, который был почти постельно больной. В конце Литургии, по благословению Владыки, красноречивый проповедник иерей Д. вдохновенно произнес надгробную речь, которая несколько раз прерывалась громким плачем присутствующих в храме. Сквозь слезы говорил и сам проповедник.

После Литургии началось отпевание, весьма умилительное и трогательное. Участвовал Владыка Иаков и много священников и диаконов. Вокруг гроба стояли певчие и все сестры с настоятельницей игуменией Антонией, а также молящиеся с зажженными свечами. Заполнена была не только церковь, но и двор большой, и даже улицы. «Со святыми Упокой» было коленопреклоненно пропето всеми присутствующими при отпевании вместе с хором.

После отпевания и трогательного прощания часов в пять вечера гроб открытый с почившим телом Батюшки руками священников и епископа был торжественно перенесен в нижнюю церковь — усыпальницу. Трудно передать скорбь его духовных чад при виде этого выноса. Все они плакали навзрыд. Многие даже теряли сознание. Плакали несшие гроб, плакали и все, стоявшие на пути печального шествия, сопровождавшегося колокольным звоном.

Гроб с телом поставлен был посередине храма-усыпальницы на 40 дней. И такое было стечение народа, все сестры окружили гроб, склонили на него свои бедные головы и подняли такой рев, что преосвященный Владыка Иаков взялся за голову и еле живой мог выбраться оттуда, так как сердце заходилось от жалости.

Гроб стоял 20 дней открытым, а остальные 20 дней был закрыт крышкой гроба.

Ежедневно служились панихиды при многочисленном стечении народа. После 40 дней гроб был торжественно опущен в искусно вымурованную гробницу и заложен большой серой плитой.

Это было 20 февраля 1950 года.

Мы верим и надеемся, что Господь принял ангельскую душу Батюшки — отца Лаврентия в светлые обители Свои и что многие чада и православные христиане имеют в нем молитвенника и предстателя у Престола Господня.

Тропарь, глас й:

Днесь светло красуетсѧ град Чернигов, и торжествует обитель Пресвѧтыѧ Троицы, се бо в ней молитвою и постом пребывѧѧ, иночествующим и верным людѧм велий наставник и скорый помощник, и избранник пречудный Царицы Небесныѧ ѧвилсѧ еси, сиѧѧ ѧко звезда лучезарнаѧ в стране Российстей, преподобне отче наш Лаврентие, моли Человеколюбца Бога спасти душы нашѧ.

Кондак, глас д:

Возсиѧл еси, ѧко светильник лучезарный, услыша глас Царицы Небесныѧ, и последовав невозвратно зову ѥѧ. Пришед в обитель Пресвѧтыѧ Троицы, идеже Владычицы Богородицы чудотворнаѧ икона, целомудренно собрав стадо словесных овец. Не забуди и нас, последовавших ти, и да избавит Господь геенны вечныѧ, совершающих свѧтую памѧть твою, преподобне отче наш Лаврентие.

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.
Аврамій преподобный.	21	364
Аврамій Смоленскій	21	364
Агапій мученикъ	19	331
Агапій мученикъ.	21	362
Агаѳоникъ * мученикъ	22	376
Адріанъ * мученикъ	26	441
Акиндинъ мученикъ	22	376
Александръ * Команскій	12	194
Александръ мученикъ	1	27
Александръ* (Невскій), князь.	30	531
Александръ,* Патріархъ Константинопольскій	30	518
Александръ * Свирскій	30	579
Алипій * Печерскій	17	293
Андрей Стратилатъ,* мученикъ	19	319
Аникита * мученикъ	12	190
Анна праведная	28	500
Антоній мученикъ	9	143
Антоній римлянинъ	3	49
Анѳиса мученица	27	487
Анѳуса преподобная	22	378
Аркадій преподобный	14	235
Арсеній Комельскій	24	424
Астерій * мученикъ	7	121
Аттъ мученикъ	1	27
Аѳанасій священномученикъ	22	378
Василій блаженный	2	41
Василій* блаж. (Московскій).	2	38
Василій* препод. (Печерск.).	11	160
Васса * мученица	21	362
Геннадій,* Патріархъ Константинопольскій	31	610
Георгій Лимнеотъ	24	424
Георгій, Патріархъ Константинопольскій	18	318
Григорій препод. (Печерск.).	8	135
Григорій Синаитъ	8	132
Далматъ * преподобный	3	42
Діомидъ мученикъ	16	283
Дометій* преподобномученикъ	7	119
Евдокія преподобномученица	4	66
Евклей мученикъ	1	27
Евлалія * мученица	22	365
Евплъ * мученикъ	11	185
Евсигній* мученикъ	5	82
Евтихіанъ мученикъ	17	303
Евтихій * преподобный	23	397
Евтихій * священномученикъ	24	420
Елеазаръ * священникъ	1	12
Елевѳерій мученикъ	4	66
Елевѳерій мученикъ	8	132
Емиліанъ * исповѣдникъ	8	134
Емиліанъ * священномуч.	18	307
Ермъ мученикъ	18	318
Зотикъ мученикъ	22	376
Ипполитъ * мученикъ	13	199
Ириней * священномученикъ	23	379
Исаакій преподобный	3	42
Іоаннъ, Патріархъ Константинопольскій	18	318
Іоаннъ,* Патріархъ Константинопольскій	30	518
Іовъ Ущельскій	6	106
Іуліанія мученица	17	306
Іуліанъ * мученикъ	9	144
Каллиникъ, * Патріархъ Константинопольскій	23	391
Кантидіанъ мученикъ	5	88
Кантидій мученикъ	5	88
Капитонъ мученикъ	12	198
Катунъ мученикъ	1	27
Киндей мученикъ	1	27
Кипріанъ, * епископъ Карѳагенскій	31	583
Кипріанъ мученикъ	17	303
Киріакъ мученикъ	1	27
Косма * преподобный	3	46
Кукша * священномученикъ	27	483

* Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Лаврентій* архидіаконъ. . . .	10	147
Лаврентій юродив. (Калужск.)	10	159
Лаврентій* Черниговскій . . .	9	777
Лавръ* мученикъ.	18	314
Левкій мученикъ	17	306
Леонидъ мученикъ.	8	132
Леонтій (Леонтинъ) мучен.	1	27
Ливерій исповѣдникъ	27	484
Луппъ* мученикъ	23	396
Маккавеи,* братья, мученикв.	1	12
Маринъ* мученикъ.	7	121
Маркеллъ мученикъ	14	235
Маркіанъ* мученикъ	9	144
Матѳій* Апостолъ	9	136
Мемнонъ мученикъ	20	352
Мина,* Патріархъ Константин. .	25	439
Миней (Минеонъ) мучен . .	1	27
Минсиѳей мученикъ	1	27
Миронъ* епископъ	8	133
Миронъ* мученикъ	17	304
Михей* Пророкъ	14	229
Моисей* Муринъ.	28	488
Наталія* мученица	26	441
Неофитъ святый.	22	378
Нонна святая.	5	88
Оръ* преподобный.	7	115
Осія исповѣдникъ	27	485
Павелъ мученикъ.	17	306
Павелъ,* Патріархъ Констант. .	30	518
Памфилъ мученикъ	12	198
Патроклъ* мученикъ	17	285
Пименъ* Великій	27	467
Пименъ* многоболѣзненный. .	7	107
Пименъ Палестинскій	27	486
Пименъ* Печерскій	27	483
Пистъ мученикъ	21	362

Имена святыхъ	дни	стр.
Поліенъ мученикъ.	18	318
Понтій* мученикъ	5	67
Псой преподобный	9	146
Савва* Крыпецкій	28	498
Савва преподобный	27	487
Самуилъ* Пророкъ	20	332
Севиріанъ мученикъ.	22	376
Севиръ мученикъ.	20	352
Серапіонъ мученикъ	18	318
Сивелъ мученикъ.	5	88
Сикстъ* папа Римскій	10	147
Сира* мученица	24	402
Соломонія* мученица	1	12
Сосанна* мученица.	11	172
Стефанъ священномученикъ .	2	41
Стратонъ мученикъ	17	303
Татіонъ мученикъ.	24	423
Тимоѳей мученикъ	19	331
Титъ* апостолъ (изъ 70-ти). . .	25	425
Тихонъ, епископъ Воронежск.	13	202
Фавій* священномученикъ . . .	5	84
Фавстъ* преподобный	3	42
Фантинъ преподобный	30	581
Филиппъ мученикъ.	17	303
Флорентій* преподобный . .	23	397
Флоръ* мученикъ	18	314
Фотій* мученикъ	12	190
Харисимъ святый	22	378
Херимонъ преподобный. . . .	16	284
Христофоръ* преподобный	30	578
Ѳаддей* апостолъ (изъ 70-ти) .	21	353
Ѳекла мученица	19	331
Ѳеогній мученикъ.	21	362
Ѳеодоръ* Печерскій.	11	160
Ѳеопрепій мученикъ	22	376
Ѳирсъ мученикъ.	17	306

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ:

	дни	стр.
Воспоминаніе III-го Вселенскаго Собора	Прилож.	619
Воспоминаніе IV-го Вселенскаго Собора	„	639
Воспоминаніе V-го Вселенскаго Собора	„	677
Воспоминаніе VI-го Вселенскаго Собора	„	700
Обрѣтеніе мощей блаж. Максима, юродиваго Московскаго . .	13	202
Обрѣтеніе мощей св. благ. кн. **Даніила** Московскаго	30	582
Память свв. исповѣдниковъ, пострадавшихъ въ Едессѣ	25	434

дни стр.

Память свв. семи отроковъ ефесскихъ * 4 50
Перенесеніе изъ Едессы въ Конотантинополь **Нерукотвореннаго Образа Господня** * 16 271
Перенесеніе мощей преп. Максима Исповѣдника 13 202
Перенесеніе мощей преп. Ѳеодосія Печерскаго 14 220
Перенесеніе мощей св. ап. Варѳоломея 25 431
Перенесеніе мощей св. первомуч. **Стефана** 2 29
Перенесеніе мощей св. Петра, митр. Кіевскаго 24 424
Положеніе пояса Пресв. Богородицы 31 614
Празднество въ честь Владимірской иконы Божіей Матери . . . 26 463
Празднество въ честь Грузинской иконы Божіей Матери* 22 371
Празднество въ честь Донской иконы Божіей Матери* 19 328
Празднованіе Пресв. Богородицѣ **въ честь явленія Толгской** иконы Божіей Матери* 8 126
Происхожденіе Честнаго Креста Господня * 1 5
Синаксарь на Преображеніе Господне * 6 89
Сказаніе объ Успеніи Пресв. Богородицы * 15 236
Сказаніе объ усѣкноненіи главы Іоанна Крестителя* . . 29 502
Сказаніе о Крещеніи Кіевской Руси* . . . . . прил. 732
Сказаніе о созданіи церкви честнáго Успенія Пресвятой Богородицы 14 203
Слово на Преображеніе Господне 6 95
Слово преп. Іоанна Дамаскина о поклоненіи свв. иконамъ 16 280
Слово св. Іоанна Златоуста на день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи 29 510

Редактирование, корректура
и составление дополнений
к новому изданию «Житій святыхъ» —
В. Осьмак

Подп. в печ. 16.01.2004. Формат 70 x 108 1/16. Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 71,4. Усл. кр.-отт. 71,96. Уч.-изд. л. 48,02.
Дополнительный тираж 5000 экз. Изд. № 24-067.
Издательство УАННП «Феникс». 01033, Киев-33, ул. Саксаганского 2, оф. 3. Тел. 235-50-55.
Свидетельство ДК №271 от 07.12.2000 г.